Министерство культуры Омской области
Омский государственный историко-краеведческий музей
Омское отделение Союза краеведов России

Антология
омского краеведения

Под редакцией
доктора исторических наук
П.П. Вибе

I
том

Избранные труды А.Ф. Палашенкова

Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГИК
музей

Омск
2013

УДК 908 (571.13)
ББК 63.3 (2Рос-4Омс)
А 72

Антология омского краеведения / М-во культуры Ом. обл.; Ом. гос. ист.-краев. музей; Ом. отд. СКР; гл. ред. П.П. Вибе. Омск, 2013.

Т. 1. Палашенков А.Ф. Избранные труды / А.Ф. Палашенков; авт.-сост.: П.П. Вибе, Е.М. Бежан, О.В. Блинова. Омск: Омскбланкиздат, 742 с.: ил.

Печатается по решению Ученого совета Омского государственного историко-краеведческого музея (протокол № 2 от 26.11.2013 г.)

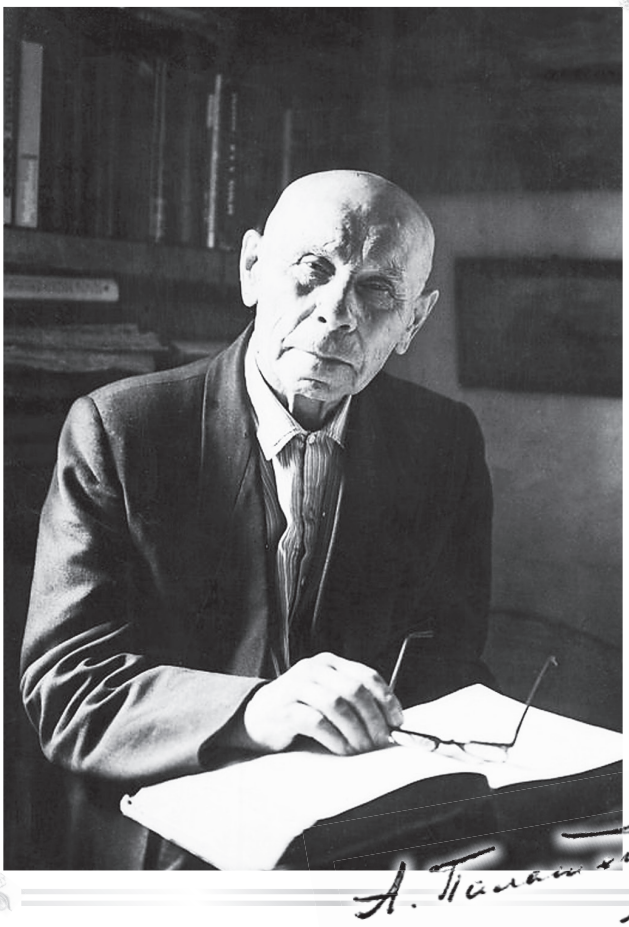
Главный редактор:	П.П. Вибе	доктор исторических наук
Ответственный секретарь:	Е.М. Бежан	кандидат исторических наук
Составители:	П.П. Вибе	доктор исторических наук
	Е.М. Бежан	кандидат исторических наук
	О.В. Блинова	кандидат исторических наук
Рецензенты:	В.Г. Рыженко	доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
	А.В. Ремизов	кандидат исторических наук, директор Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина
Макет оформления, верстка, дизайн обложки:	М.В. Стрельникова	

Первый том «Антологии омского краеведения» включает в себя избранные труды основоположника современного краеведения в Омском Прииртышье Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971). Сборник состоит из трех основных блоков: научно-исследовательских статей о жизненном и творческом пути А.Ф. Палашенкова, текстов работ краеведа и приложений. Во втором блоке представлены как опубликованные, так и ранее не публиковавшиеся произведения, к каждому из которых даны подробные примечания и комментарии, снабженные библиографической ссылкой.

Издание ориентировано на широкий круг читателей: историков, краеведов, специалистов музейного, архивного и библиотечного дела, учащихся школ, средних и высших учебных заведений, а также всех интересующихся историей Омского региона.

ISBN 978-5-8042-0332-1

© ОГИК музей, 2013
© П.П. Вибе. Редакция, 2013
© М.В. Стрельникова. Дизайн, оформление, 2013



Андрей Федорович
Палашенков
(1886 – 1971)

Содержание

Вибе П.П. Антология омского краеведения ... 9
От составителей первого тома ... 11

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ ПАЛАШЕНКОВ

Вибе П.П. Роль и место А.Ф. Палашенкова в истории омского краеведения и сохранении культурного наследия Сибири ... 16
Иванов М.В. Следственное дело А.Ф. Палашенкова ... 30
Ремизов А.В. Подвижник краеведения ... 44

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ А.Ф. ПАЛАШЕНКОВА

Раздел I **Памятники истории и культуры Сибири**

Книга «Памятники и памятные места Омска и Омской области» ... 92
Рабочие материалы «Дом-музей М.И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске» ... 222
Докладная записка о состоянии Тобольского кремля в Президиум Исполнительного комитета Омского областного Совета депутатов трудящихся ... 226
Рабочие материалы «Архитектурные и исторические памятники в Омске, Тобольске и Тюмени» ... 245
Докладная записка о состоянии памятников старины и революции в Тобольске в Президиум Исполнительного комитета Омского областного Совета депутатов трудящихся ... 260
Рукопись статьи «Там, где жила пушкинская Татьяна. Дом декабриста М.А. Фонвизина в Тобольске» ... 284
Рукопись статьи «Исторические памятники г. Тобольска» ... 297
Рукопись статьи «О состоянии и охране памятников Омской области» ... 304
Брошюра «Омский областной краеведческий музей: об учете памятников старины и революции в Омской области» ... 314
Докладная записка о состоянии омских кладбищ в Исполком Омского городского Совета депутатов трудящихся ... 318
Заметка в газете «Омская правда» «Бережно хранить памятники истории» ... 322
Статья в журнале «Сибирские огни» «299 лет в сибирской ссылке (к истории колокола Спасо-Преображенского собора в Угличе)» ... 325
Заметка в сборнике научных трудов «Известия Омского отдела Географического общества СССР» «Сибиряки – участники войны 1812 г.» ... 327
Брошюра «По местам Ф.М. Достоевского в Омске» ... 330
Черновик письма А.Ф. Палашенкова в редакцию «Литературной газеты» ... 350

Раздел II **Основание Омска и освоение Сибири**

Брошюра «Основание Омска» ... 354
Статья в сборнике научных трудов «Известия Омского отдела Географического общества СССР» «Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг.» ... 359
Рукопись статьи «Первые русские в Сибири» ... 365
Статья в сборнике научных трудов «Известия Омского отдела Географического общества СССР» «Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта» ... 367
Рукопись брошюры «На волнах и берегах Иртыша» ... 384

Раздел III Омский краеведческий музей и его коллекции

Описание икон Березовского собора, вывезенных в 1939 г. в Омский областной музей 408
Описание мансийского храма 421
Брошюра «Собирайте материалы о Великой Отечественной войне Советского народа» 425
Заметка в газете «Омская правда» «В залах музея» 427
Дневник директора Омского областного музея Андрея Федоровича Палашенкова (1946–1947) 429
Дневник директора Омского областного музея Андрея Федоровича Палашенкова (1948–1949) 437
Заметка в газете «Омская правда» «Интересная находка» 456
Заметка в газете «Омская правда» «Архивы ученых в музее» 456
Заметка в газете «Омская правда» «Историческая находка» 457
Рукопись статьи «Старейшая научная библиотека Омска» (в соавторстве с Н.М. Столповской) 458
Акт передачи дел А.Ф. Палашенковым новому директору Омского областного краеведческого музея М.И. Агееву 463

Раздел IV Путевые заметки и очерки

Рукопись статьи «Березов» 470
Рукопись статьи «Заметки о Березове» 473
Заметка в газете «Омская правда» «Березов (Из прошлого нашей области)» 474
Статья в сборнике научных трудов «Известия Омского отдела Географического общества СССР» «Ляпинская крепость» 477
Статья в сборнике научных трудов «Известия Омского отдела Географического общества СССР» «Поездки по Омской области в 1957–1962 годах» (в соавторстве с С.Р. Лаптевым) 483
Статья в сборнике научных трудов «Известия Омского отдела Географического общества СССР» «От Омска до центра Тянь-Шанской горной системы (примечательные места)» 493

Раздел V Рецензии и отзывы на работы омских историков и краеведов

Рецензия на рукопись М.Е. Бударина «Пушкин и декабристы» 512
Замечания к рукописи М.Е. Бударина «Декабристы в Западной Сибири» 513
Рецензия на книгу М.К. Юрасовой «Очерки истории Омска» 516
Отзыв о рукописи Долбешкина-Кириллова «Омские большевики колчаковского подполья 1918–1919 гг.» 519

Раздел VI Автобиографические материалы

Письмо А.Ф. Палашенкова смоленскому краеведу С.М. Яковлеву 524
Автобиография 532

ПРИЛОЖЕНИЯ

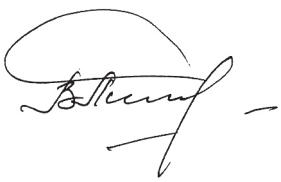
Перечень музейных предметов, связанных с биографией А.Ф. Палашенкова, в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея 534
Список публикаций А.Ф. Палашенкова 592

Комментарии и примечания 599
Именной указатель 723
Список архивов и энциклопедий 739
Список аббревиатур 739
Список сокращений 741

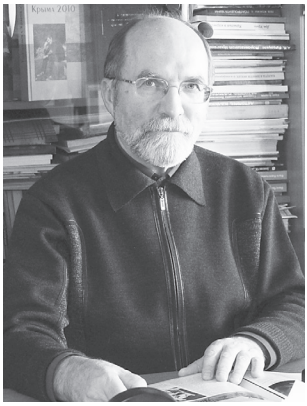
Возвращение литературного наследия краеведов – важная и благородная задача наших современников. Без освоения этого богатства немыслимо формирование патриотического сознания граждан как одного из важнейших факторов единения нации. Многое из сделанного краеведами предыдущих десятилетий необходимо творчески переосмыслить для успешного формирования региональной культурной политики сегодня. Наконец, наш нравственный долг – увековечить память о тех подвижниках, которые видели свое призвание в изучении прошлого родного края, установлении связи времен.

В условиях регионализации общественной жизни в России роль краеведческой литературы, аккумулирующей важнейшую информацию о ресурсах развития территории, особенно возросла. При этом определяющее значение для стимулирования исследований в области краеведения имет поддержка со стороны государства. Министерство культуры Омской области не остается в стороне от подобных проектов, оказывая всестороннее содействие научным коллективам. Надеюсь, что работа над подготовкой серии «Антология омского краеведения» будет продолжена, а сам проект станет золотой страницей краеведческого фонда нашего региона.

Инициатива Омского государственного историко-краеведческого музея и Омского отделения Союза краеведов России по переизданию работ выдающихся краеведов Прииртышья наряду с введением в широкий оборот ранее не изданных трудов заслуживает всяческого поощрения и может стать стимулом для продолжения этого направления деятельности научными учреждениями и местными краеведческими обществами по всей стране. Убежден, что представленный читателю первый том серии «Антология омского краеведения», вышедший в год 135-летия музея, не только станет заметным явлением в отечественной археографии, но и позволит широко представить историко-культурную уникальность и туристский потенциал Омской области.



В.П. Лапухин,
Министр культуры Омской области



Уважение к наследию прошлого, к памяти земляков, изучавших, сохранявших и пропагандировавших его, – показатель уровня культуры в регионе, зрелости и силы краеведческого движения. Выпуск первого тома «Антологии омского краеведения» очередной раз доказывает, что на омской земле давно и успешно изучаются и история края, и творческое наследие местных классиков-краеведов. Именно в Омске прошли в 2011–2012 гг. международные научные конференции: в ознаменование 125-летия А.Ф. Палашенкова и первые Ядринцевские чтения.

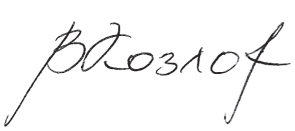
Важно то, что первый том задуманной многотомной антологии посвящен творческому наследию выдающегося отечественного краеведа и музейного деятеля, основоположника советского исторического краеведения в Омском Прииртышье А.Ф. Палашенкова (1886–1971). Он жил и работал в самые тяжелые для краеведения и культурного наследия десятилетия. Публикация его избранных трудов показывает, как много может сделать один человек, влюбленный в свой край, принявший на себя миссию спасения памятников. Похвально, что составители включили в том самые разнообразные работы классика-краеведа: опубликованные книги, брошюры, статьи, а также неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах: письма, путевые заметки, рукописи статей, направленные властям докладные записки о необходимости сохранять памятники. Это позволит лучше раскрыть всестороннюю деятельность подвижника омского краеведения.

Напечатанные в первом томе антологии материалы наглядно показывают масштаб фигуры А.Ф. Палашенкова, глубину его научного творчества, значимость его трудов для Омского края. Помещенные в начале книги обширные статьи современных исследователей биографии А.Ф. Палашенкова (П.П. Вибе, А.В. Ремизова, М.В. Иванова) помогают понять читателю вклад классика краеведения в региональную историю, культуру, показать драматические обстоятельства его жизни.

Хорошо продуманная структура тома, включение в антологию самых разнообразных материалов наследия А.Ф. Палашенкова, огромная археографическая работа, проделанная коллективом составителей, делают труд оригинальным. Ныне в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Оренбурге и других российских городах издаются сборники трудов классиков краеведения, однако проект многотомной омской антологии выглядит наиболее предпочтительным с точки зрения его фундаментальности и основательности подхода. Думается, причины этого кроются не только в давних славных традициях омского краеведения, но и в современности. Автор идеи и научный руководитель антологии доктор исторических наук П.П. Вибе известен краеведческому сообществу еще с 1980-х – начала 1990-х гг. как один из самых деятельных сибирских краеведов. Именно при нем Омский государственный историко-краеведческий музей стал одним из центров современного краеведения Сибири. Благодаря энергии сотрудников этого музея в Омске была установлена мемориальная доска А.Ф. Палашенкову, открыто Омское отделение Союза краеведов России. Не случайно, что именно в Омске в мае 2013 г., в связи с юбилеем музея, прошла вторая часть Седьмых всероссийских краеведческих чтений.

Важно и то, что власти Омска и Омской области понимают значение краеведения как большого государственного дела. Выражаем надежду, что эта инициатива омских краеведов будет и в дальнейшем ими поддержана, а читатели вскоре увидят новые тома антологии.

От имени Союза краеведов России поздравляем краеведов Омска и всех омичей с выходом первого тома уникальной антологии, желаем успешного продолжения проекта. Тома антологии будут лучшим памятником омским классикам краеведения.



В.Ф. Козлов, председатель Союза краеведов России, заведующий кафедрой региональной истории и краеведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, профессор

Антология омского краеведения

Идея создания «Антологии омского краеведения» зародилась на рубеже 1980 – 1990-х годов. В то время российское краеведение на фоне деструктивных процессов, происходивших в стране, переживало очередной этап своего возрождения. После долгого перерыва состоялись всесоюзные научно-практические краеведческие конференции в Полтаве (1987) и Пензе (1989). В апреле 1990 г. в Челябинске был проведен Учредительный съезд Союза краеведов России, в работе которого приняли участие более 200 представителей из 75 регионов России, включая и Омскую область.

Всплеск интереса к истории края наблюдался и в Омске. Во многом это было связано с подготовкой к 275-летнему юбилею города, а также подготовкой «Свода памятников истории и культуры». В 1988 г. при Омском отделении Советского фонда культуры был создан Совет краеведения, призванный координировать краеведческую работу в регионе. Местная периодическая печать наполнилась многочисленными краеведческими публикациями, появились краеведческие альманахи «Иртыш» и «Омская старина», возобновилось издание «Известий Омского государственного историко-краеведческого музея», регулярными стали научно-практические конференции, посвященные вопросам краеведения и сохранению историко-культурного наследия.

Работая в те годы над «Омским историко-краеведческим словарем», автор этих строк пришел к твердому убеждению, что необходимо выявлять и представлять современному читателю, интересующемуся вопросами краеведения, научно подготовленные к публикации труды наших предшественников, а также рассеянные по газетам, журналам, сборникам, а порой и просто неопубликованные работы современных краеведов. Оптимальным представлялось издание серии краеведческих книг, посвященных как отдельным авторам, так и наиболее интересным и актуальным проблемам омского краеведения. Реализация такого проекта была бы достойным ответом на вызовы времени и способствовала бы удовлетворению увеличившихся потребностей активной части омичей в получении правдивой, достоверной, лишенной политической ангажированности информации по истории нашего края. Но наши неоднократные предложения по подготовке подобной серии краеведческих книг в то время так и остались без внимания. Взамен омичи получили печально известный «Иртышский вертоград» – поверхностно, хаотично и непрофессионально подобранный сборник материалов, составленный почему-то заезжим столичным писателем, продемонстрировавшим незнание омской истории, краеведческой литературы и требований, предъявляемых при подготовке подобного рода публикаций.

В то же время серьезную моральную поддержку своей идее мы нашли в программных публикациях и выступлениях патриарха российского краеведения С.О. Шмидта. В своей известной статье «Краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено» (Памятники Отечества. 1989. №1), а затем и в речи на Учредительном съезде Союза краеведов России С.О. Шмидт призывал к проведению «инвентаризации краеведческих знаний», необходимости обращения к истории краеведения как существенной сфере истории культуры и науки. «Очевидна необходимость написания трудов по истории краеведения, – писал С.О. Шмидт в упомянутой выше статье. – Это – и долг памяти перед подвижниками краеведения или, как они его называли сами, родиноведения». При этом он призывал не ограничиваться выявлением и изучением лишь опубликованных трудов, но и работать с архивами краеведов, в которых осталось немало неизданного. «На местах справедливо было бы подготовить книжечки об известных краеведах», – таков был основной вывод известного российского историка.

Следует отметить, что в Омской области уже есть положительный опыт переиздания известных трудов по истории края и публикации не изданных ранее работ омских краеведов. Так, Исторический архив Омской области преуспел в популяризации творчества

Г.Е. Катанаева. Сначала в 1996 г. была переиздана его работа «Историческая справка о том, когда и как построен город Омск». Затем, в 2005 г., была издана рукопись Г.Е. Катанаева «Князь Матвей Петрович Гагарин», а совсем недавно – сборник «Очерки былого», в который включены воспоминания автора об Омске и другие краеведческие материалы. Омский государственный историко-краеведческий музей в 2000 г. переиздал в книге «Старый Омск» первое систематическое изложение 150-летней истории города – «Историческую хронику Омска» И.Я. Словцова. На страницах «Известий Омского государственного историко-краеведческого музея» регулярно публикуются материалы из личных фондов краеведов. Однако назвать эту работу масштабной и систематической пока нельзя.

Вместе с тем интерес к трудам омских краеведов XIX – XX вв. в последнее время не только не ослабевал, а наоборот нарастал. Известно, что их книги пользуются большой популярностью в библиотеках Омска и области среди учащихся средних и высших учебных заведений. И это несмотря на то, что некоторая информация в них устарела и требует уточнений с учетом современного состояния развития краеведения.

В этих условиях мы вновь вернулись к идее подготовки многотомного издания «Антология омского краеведения», получив в 2011–2012 гг. поддержку научного сообщества на Всероссийских научно-практических конференциях «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященной 125-летию со дня рождения А.Ф. Палашенкова, и «Первых Ядринцевских чтениях», а затем и руководства Министерства культуры Омской области. В 2013 г. проект «Антология омского краеведения» финансируется за счет субсидий из областного бюджета.

Цель проекта «Антология омского краеведения» – показать научную и культурную значимость наследия известных омских краеведов, как опубликованного, так и хранящегося в музейных и архивных фондах, частных коллекциях. Проект имеет комплексный характер, включающий в себя подготовку исследовательских материалов о жизни и творчестве краеведов, выявление и подготовку к публикации их трудов, создание тематических музейных выставок, приуроченных к презентации очередного тома антологии.

Актуальность проекта заключается в предоставлении исследователям и общественности возможности ознакомиться с неизвестными и малоизвестными документами и материалами, а также в популяризации истории отечественного краеведения, деятельности его выдающихся представителей. Проект выполняется совместно Омским государственным историко-краеведческим музеем и Омским отделением Союза краеведов России.

В первый том «Антологии омского краеведения» единодушно было решено включить избранные труды А.Ф. Палашенкова – основоположника современного исторического краеведения в Омском Прииртышье. Дальнейшее же содержание томов составителям еще предстоит определить. Но наиболее вероятными в ближайшей перспективе могут стать тома, посвященные творчеству профессора архитектуры В.И. Кочедамова, писателя-краеведа И.Ф. Петрова, историка, профессора М.Е. Бударина. Из тематических сборников интересными представляются тома, посвященные изучению объектов историко-культурного наследия и истории населенных пунктов на территории Омской области, историческим персоналиям. Совершенно необходимо один из томов посвятить творчеству сельских краеведов.

Бесспорно, что краеведческое движение в российской провинции на современном этапе является ресурсом консолидации гражданского общества, мощным фактором формирования патриотизма у молодого поколения. В этой связи обращение к трудам известных омских краеведов представляется задачей государственной важности, а ее острота становится все более очевидной в преддверии 300-летия Омска.

П.П. Вибе,
доктор исторических наук,
директор Омского государственного историко-краеведческого музея,
председатель Омского отделения Союза краеведов России,
автор идеи и научный руководитель проекта «Антология омского краеведения»

От составителей первого тома

Представленный читателю сборник включает в себя избранные труды выдающегося историка, лидера омского краеведческого движения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971). Его произведения со временем не только не утратили свою ценность, но и стали основой исследований многих ученых. Труды А.Ф. Палашенкова служат образцом классических краеведческих работ, построенных на скрупулезном изучении источников. Они привлекают внимание увлекательной формой изложения, необычайно облегчающей чтение и искусно маскирующей ту огромную предварительную работу, которая была проделана автором.

На первый взгляд, А.Ф. Палашенков принадлежит к числу краеведов, чье литературное наследие хорошо известно читателю. Так, многолетний труд исследователя по выявлению и изучению памятников истории и культуры Омска и Омской области нашел отражение в многочисленных публикациях 1940–1960-х гг., в числе которых одна брошюра «Историко-революционные места и памятники в г. Омске» (1945) и три книги («Историко-революционные памятники Омска», 1951 под псевдонимом «А.Ф. Смоленский»; «Памятные места Омска», 1956; «Памятники и памятные места Омска и Омской области», 1967). Вместе с тем большинство опубликованных работ к настоящему времени стали библиографической редкостью: многие из них труднодоступны, рассеяны по многочисленным тематически разнообразным, малотиражным изданиям.

Несмотря на то, что перечень публикаций А.Ф. Палашенкова, включающий более ста работ, достаточно велик, тем не менее, еще немало материалов его научно-исследовательской и общественной деятельности ожидает встречи с читателем. Из года в год сохраняется интерес и к неопубликованным материалам. Как известно, одним из самых востребованных личных фондов в Историческом архиве Омской области является фонд А.Ф. Палашенкова. То же относится и к работам краеведа, хранящимся в коллекции личного происхождения ОГИК музея.

На сегодняшний день коллекция документов А.Ф. Палашенкова в ОГИК музее насчитывает 1243 единицы хранения и охватывает период с 1910 по 1971 гг., т.е. включает и смоленский, и омский этапы исследовательской деятельности краеведа. Как известно, незадолго до смерти А.Ф. Палашенков разделил свои рукописные материалы, передав одну их часть в Государственный архив Омской области, а вторую – в Омский краеведческий музей. В музее работа по учету, систематизации и научному описанию этого значительного комплекса источников, продолжавшего пополняться в последующие годы, была начата в 1996 г. и впоследствии продолжена.

Необходимость переиздания опубликованных трудов А.Ф. Палашенкова и издания ранее не публиковавшихся была неоднократно отмечена научным и культурным сообществом региона. Наконец, в 2013 г. подготовка сборника в рамках проекта «Антология омского краеведения» была включена Министерством культуры Омской области в государственное задание для Омского государственного историко-краеведческого музея.

Однако простое репринтное воспроизведение текстов не решило бы основную проблему, с которой неизбежно пришлось бы столкнуться новому поколению читателей, – наличие устаревшей за полвека информации о состоянии того или иного объекта культурного наследия. Необходимость адаптации книги для современного читателя была очевидна: за прошедшее время изменились названия улиц, многие памятники исчезли. Кроме того, некоторые факты, так же как и биографии исторических личностей предшествующих эпох, бесспорно, нуждались в пояснениях и дополнениях. Наконец, новая политико-идеологическая обстановка в стране позволила переосмыслить события прошлых эпох. В этой связи составителями были даны краткие, но достаточно емкие примечания к малоизвестным массовому читателю фактам, а также исторические комментарии к произведениям в целом. В конце каждого примечания приводится ссылка на источник информации: как правило, это словари или энциклопедии последних лет,

подготовленные квалифицированными историками – признанными специалистами в своей сфере. В этом смысле вся приведенная в примечаниях информация может быть легко верифицирована.

Подготовленное издание ориентировано на широкий круг читателей: историков, краеведов, специалистов музейного, архивного и библиотечного дела, учащихся школ, средних и высших учебных заведений, а также всех интересующихся историей омского региона.

Структура первого тома «Антологии омского краеведения» состоит из трех основных блоков: научно-исследовательских статей о жизненном и творческом пути А.Ф. Палашенкова, текстов работ краеведа и приложений.

Первый блок открывает статья доктора исторических наук, директора Омского государственного историко-краеведческого музея П.П. Вибе, посвященная основному направлению деятельности Андрея Федоровича, – сохранению историко-культурного наследия региона, прежде всего недвижимых памятников. Именно эта тема нашла наибольшее отражение в публикациях А.Ф. Палашенкова. Следующая статья кандидата исторических наук, доцента Смоленского государственного института искусств М.В. Иванова, основанная на материалах недавно рассекреченного следственного дела А.Ф. Палашенкова в архиве УФСБ РФ по Смоленской области, впервые проливает свет на причины ареста краеведа, из-за которого ему пришлось навсегда оставить родные места. Последняя в блоке публикация кандидата исторических наук, директора Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина А.В. Ремизова носит обобщающий характер, подробно раскрывая все этапы насыщенной биографии исследователя.

Второй блок «Избранные труды Андрея Федоровича Палашенкова» состоит из шести разделов, выделенных по тематическому и номинальному (видовой принадлежности документа) признакам: «Памятники истории и культуры Сибири», «Основание Омска и освоение Сибири», «Омский краеведческий музей и его коллекции», «Путевые заметки и очерки», «Рецензии и отзывы на работы омских историков и краеведов», «Автобиографические материалы». Внутри разделов работы расположены в хронологическом порядке, за исключением первого раздела, который начинается с книги «Памятники и памятные места Омска и Омской области», охватывающей историю региона со времени основания Омской крепости до середины XX столетия. Исследование включает в себя разнородную информацию: сведения по истории зданий и мемориальных комплексов, биографии исторических личностей. Этот труд стал последней крупной работой автора. Его приоритетное размещение позволит читателю оценить масштаб научной и общественной деятельности А.Ф. Палашенкова.

Вошедшие во второй блок произведения подразделяются на следующие виды: опубликованные (книги; брошюры; статьи в сборниках научных трудов, журналах; заметки в сборниках научных трудов, газетах) и неопубликованные (рукописи брошюр, статей; докладные записки в представительные органы власти; рабочие материалы; описания музейных экспонатов; дневники; письма; черновики писем; рецензии и отзывы на работы омских историков и краеведов).

Третий блок «Приложения» включает вспомогательные материалы, которые могут быть полезны будущим исследователям: перечень музейных предметов, связанных с жизнью и деятельностью А.Ф. Палашенкова, в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея и список публикаций краеведа.

Принцип отбора произведений прежде всего был обусловлен тематикой сборника, обозначившей территориальные рамки и определившей целевую читательскую аудиторию. Так, в данный том не были включены немногочисленные работы смоленского периода, но при этом в нем широко представлены труды по истории Березова, Тобольска, Тюмени, Ялуторовска, поскольку с 1934 по 1944 гг., в период активной экспедиционной деятельности А.Ф. Палашенкова, Омская область занимала огромную часть Западно-Сибирской равнины, простираясь от степей Казахстана на юге до Карского моря на севере, включая практически всю территорию современной Тюменской области. За пределами сборника

остались работы по археологии, палеонтологии, фольклористике, которые могут являться предметом отдельной самостоятельной публикации, рассчитанной на более узкую, специальную читательскую аудиторию. Из материалов, имеющих отношение к личной жизни краеведа, представлены только те из них, в которых нашла отражение исследовательская деятельность А.Ф. Палашенкова. Особенности литературного наследия А.Ф. Палашенкова также оказали влияние на отбор работ.

Во-первых, творческая лаборатория автора представлена не только крупными произведениями, но и небольшими статьями, заметками, позднее вошедшими в состав базовых работ. Во избежание излишних повторов были отобраны статьи, не являющиеся фрагментами основательных трудов.

Во-вторых, сохранилось несколько редакций одних и тех же рукописей (например, Докладная записка о состоянии Тобольского кремля в Президиум Исполнительного комитета Омского областного Совета депутатов трудящихся, рукопись статьи «Там, где жила пушкинская Татьяна. Дом декабриста М.А. Фонвизина в Тобольске» и др.). В подобных случаях нами приводится заключительный вариант произведения, отличающийся полным представлением источниковой базы и бóльшей аргументированностью выводов. При наличии опубликованного текста осуществлялось его переиздание, а не издание его рукописных версий.

В-третьих, А.Ф. Палашенков оставил после себя не только цельные, законченные работы, но и множество черновых записей, по которым можно проследить трудоемкий процесс обработки информации, ознакомления с первоисточниками, отбора и обобщения фактов. Вместе с тем архивные папки, помимо оригинального текста, содержат в том числе и значительные по объему выписки из произведений других авторов. Атрибутировать работы в таких случаях удается по целому ряду косвенных признаков: стилю изложения, сопоставлению времени написания рукописи с фактами из биографии и т.д. Так, в одном из дел Исторического архива Омской области содержится детальное описание дома декабриста М.И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске. Подписи под данным материалом нет. Тем не менее, известно, что Андрей Федорович находился в Ялуторовске весной 1938 г. Педантичность, с которой были проведены точные измерения различных частей дома (до десятых долей сантиметра), – черта, характерная для А.Ф. Палашенкова, – с высокой степенью вероятности указывает на его авторство.

В данном издании использован научно-критический прием передачи текста (в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации), стилистические и языковые особенности подлинника сохранены.

Все документы второго раздела прошли археографическую обработку в соответствии с действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Тексты работ даны по правилам современной археографии. Орфографические и пунктуационные ошибки, исправления устранены без оговорки. Авторское подчеркивание текста сохранено. Подстрочные примечания, сделанные автором и составителями, оговорены.

Комментарии и примечания составителей, снабженные ссылками на печатный источник, размещены в конце книги в порядке расположения работ.

Для облегчения пользования материалом составлен именной указатель лиц, упоминаемых в сборнике, список сокращений и аббревиатур.

Издание снабжено обширным иллюстративным материалом. К сожалению, неудовлетворительное качество фотоизображений в книгах А.Ф. Палашенкова не позволило их воспроизвести при переиздании. В этой связи нами был осуществлен самостоятельный подбор фотографий. Часть из них хронологически соответствует описываемым в сборнике событиям, другая – относится к более позднему периоду и позволяет оценить динамику состояния некоторых объектов. Авторство А.Ф. Палашенкова целенаправленно указано в подписях к фотоизображениям: эта информация сама по себе является не менее ценным свидетельством подвижнической работы исследователя, чем текст рукописи.

Активную помощь в работе над первым томом оказали члены Омского отделения Союза краеведов России.

Коллектив составителей выражает благодарность экспертам, оказавшим содействие в подготовке сборника: начальнику Управления по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия Министерства культуры Омской области О.А. Свиридовскому и советнику Управления Е.Э. Беляевой; председателю Омского отделения Союза российских писателей, заслуженному работнику культуры РФ А.Э. Лейферу, лично знавшему А.Ф. Палашенкова; директору Омского филиала Российского фонда культуры, руководителю Центра краеведческой информации Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина А.П. Сорокину, заведующей информационно-библиографическим отделом ОГОНБ им. А.С. Пушкина О.П. Леонович, главным библиографам ОГОНБ им. А.С. Пушкина Е.Н. Турицыной и Е.И. Катковой, а также краеведу А.М. Лосунову, подготовившему комментарии к письму А.Ф. Палашенкова смоленскому краеведу С.М. Яковлеву и часть комментариев к рукописям по Тобольску.

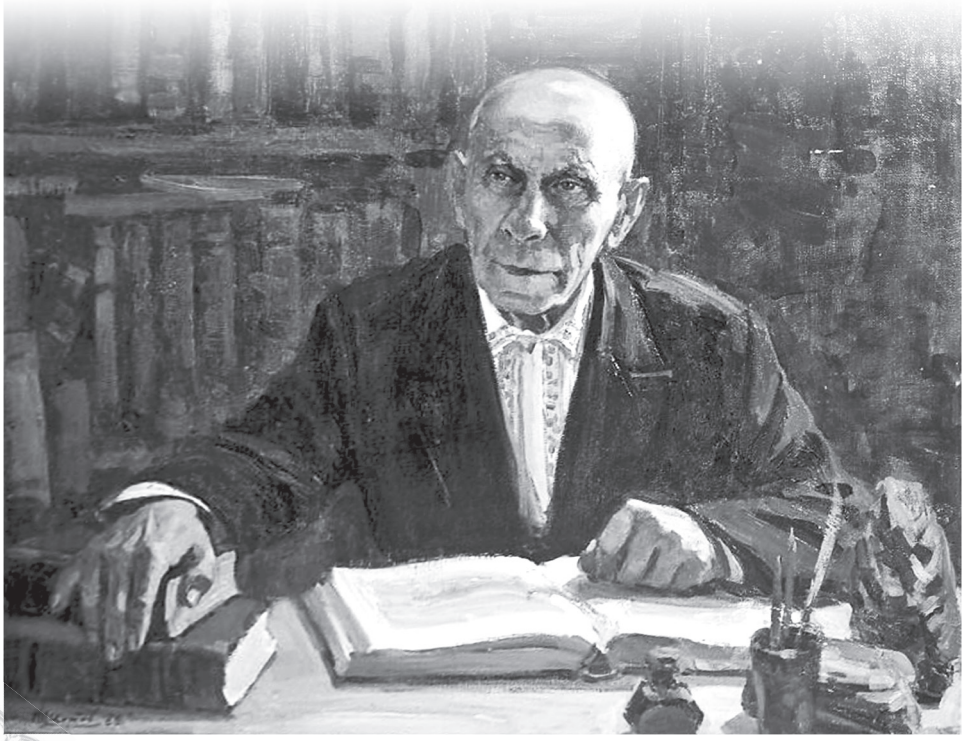
Особая благодарность – Историческому архиву Омской области и лично его директору О.Д. Пугачевой, а также начальнику отдела использования и публикации документов архива Л.И. Огородниковой за профессиональную солидарность, предоставленные рукописи и фотокопии из фонда А.Ф. Палашенкова.

Значительно обогатили сборник редкие фотоматериалы, предоставленные заведующей Народным музеем революционной, боевой и трудовой славы омских железнодорожников Западно-Сибирского центра научно-технической информации и библиотек Западно-Сибирской железной дороги – филиала ОАО «РЖД» И.В. Паршаковой, директором Марьяновского районного краеведческого музея Л.И. Буяковой, директором Историко-краеведческого музея Тюкалинского муниципального района В.В. Чукреевой, директором Межпоселенческого музея истории Седельниковского района Л.Н. Якубенко, директором Межпоселенческого историко-краеведческого музея Калачинского района Л.М. Терещенко, директором Колосовского историко-краеведческого музея И.В. Коробкиной, директором Историко-культурного музея-заповедника «Московско-Сибирский тракт» Е.П. Зензиным, директором Тевризского историко-краеведческого музея имени К.П. Кошукова М.В. Кистер, краеведом А.М. Лосуновым. По заданию составителей современные виды Омска были подготовлены омским фотографом В.Ф. Кудринским.

Отдельная признательность – рецензентам сборника за ценные замечания и высококвалифицированную оценку рукописи данного тома: доктору исторических наук, профессору кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, заслуженному работнику Высшей школы РФ, члену Совета Союза краеведов России В.Г. Рыженко и кандидату исторических наук, директору Омской государственной областной научной библиотеки имени А.С. Пушкина, заслуженному деятелю культуры Омской области А.В. Ремизову.

Надеемся, что подготовленное издание окажется полезным не только узкому кругу специалистов, обращающихся к произведениям А.Ф. Палашенкова и каждый раз открывающих для себя новые исследовательские горизонты, но и начинающим краеведам, а также всем тем, кому небезразлична судьба малой родины.

Андрей Федорович Палашенков



П.П. Вибе

доктор исторических наук

Роль и место А.Ф. Палашенкова в истории омского краеведения и сохранении культурного наследия Сибири

Принято считать, что краеведение как социокультурный феномен зародилось в середине XIX в. и к началу XX в. оформилось «как сложная, многоуровневая система, включающая в себя различные социальные организации, ориентированные как на научную, просветительную, образовательную деятельность, так и на разнообразные формы социокультурной коммуникации и социального взаимодействия»[1].

Соглашаясь в целом с этим тезисом, отметим, однако, что начало накоплению достоверных научных сведений о Сибирском крае началось еще в XVIII в. На протяжении столетия правительство направляло за Урал целый ряд экспедиций. Многие из них следовали через Омскую крепость, бывшую в то время лучшей в Западной Сибири. Так, Г.Ф. Миллер в 1733 – 1743 гг. обследовал 20 архивов сибирских городов и острогов, собрал ценнейший материал, ряд уникальных рукописей. Результатом этой работы стал фундаментальный труд «История Сибири», широко используемый современными исследователями[2]. Омск посещали экспедиции И.-Г. Гмелина, П.-С. Палласа, И.-П. Фалька и И.-Г. Георги[3]. В материалах всех этих экспедиций есть описания Омска и других населенных пунктов Омской области. В середине XIX в. значительный вклад в развитие омского краеведения внесли преподаватели Сибирского кадетского корпуса П.А. Золотов, А.И. Сулоцкий и И.Я. Словцов.

Сдвиг в изучении Сибири, в т.ч. и Омского Прииртышья, произошел в 70-х гг. XIX в. С этого времени можно говорить о складывании системы краеведческих исследований. В Омске в 1868 – 1878 гг. существовало Общество исследователей Западной Сибири, созданное при непосредственном участии И.Я. Словцова, П.А. Золотова, Н.А. Абрамова, А.И. Сулоцкого и других, но не имевшее каких-либо серьезных научных достижений[4]. Тем

[1] Размустова Т.О. Музеи и эволюция российского краеведения // Экология культуры: инф. бюл. Архангельск, 2004. № 3. С. 45.

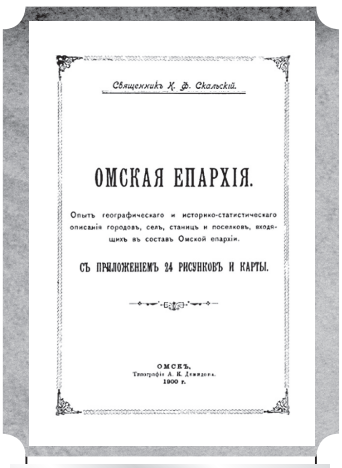
[2] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I – II. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1937, 1941.

[3] См. об этом подробнее: Палашенков А.Ф. Омск в описаниях путешественников, ученых, писателей XVIII и XIX веков // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1966. Вып. 8 (15). С. 71 – 95.

[4] См. об этом подробнее: Вибе П.П. Общество исследователей Западной Сибири // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 160; Сорокин А.П. Программа деятельности общества исследователей Западной Сибири в городе Омске (1868–1876) // Проблемы

не менее своим существованием оно подготовило почву для создания в Омске в 1877 г. Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества (ЗСОИРГО). Огромную роль в этом сыграли генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, известный публицист, идеолог сибирского областничества Н.М. Ядринцев, известный путешественник, географ М.В. Певцов. Первым председателем ЗСОИРГО был избран генерал И.Ф. Бабков. В конце XIX – начале XX вв. ЗСОИРГО являлся центром научной и культурной жизни в Омске. Заметный след в омском краеведении оставили такие члены ЗСОИРГО, как Г.Е. Катанаев, А.Н. Седельников, А.Е. Новоселов, М.М. Сиязов, Ф.Н. Усов и другие. В 1878 г. при ЗСОИРГО был основан музей, являющийся до наших дней центром краеведческих исследований в Омском Прииртышье[1]. Популяризации краеведческих знаний способствовало и начало издания в Омске с 1871 г. первого печатного органа – «Акмолинских областных ведомостей», в неофициальной части которых часто публиковались материалы по истории края (П.А. Золотова и других). В 1877 г. в Омске была проведена однодневная перепись населения, материалы которой, обработанные И.Я. Словцовым, были опубликованы в 1880 г. в 2-х томах. Предваряющая этот труд «Историческая хроника Омска», написанная И.Я. Словцовым на основе широкого круга опубликованных и архивных источников, представляет собой первое систематическое изложение истории Омска за более чем 150-летний период[2].

И.Я. Словцов, преподаватель Сибирской военной гимназии, краевед, составитель первой исторической хроники Омска


Священникъ К. Ф. Скальскій.

ОМСКАЯ ЕПАРХІЯ.

Опытъ географическаго и историко-статистическаго описанія городовъ, селъ, станицъ и поселковъ, входящихъ въ составъ Омской епархіи.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 24 РИСУНКОВЪ И КАРТЫ.

ОМСКЪ.
Типографія А. К. Деккерта.
1900 г.

К.Ф. Скальский. Омская епархия. 1900 г.

Новый толчок развитию краеведения был дан в конце XIX – начале XX вв. в связи с массовым крестьянским переселением в Сибирь и строительством Транссибирской магистрали. Многочисленные обследования того времени были направлены на изучение населения Сибири, хозяйственное положение отдельных его категорий. Изучались природно-климатические условия и колонизационные возможности края. Не ослабевал интерес к Сибири и за ее пределами. В 1908 г. в Санкт-Петербурге при активном участии сибирской группы депутатов Государственной думы было создано «Общество изучения Сибири и улуч-

культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские методы и практики: материалы IX Всерос. науч. симпозиума / отв. ред. Д.А. Алисов. Омск, 2012. С. 46 – 51.

[1] См. об этом подробнее: Семенов В.Ф. Очерк 50-летней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного Русского географического общества. Омск, 1927; Вибе П.П. Краеведческий музей как ресурсная база формирования инфраструктуры историко-культурного пространства региона: анализ исторического опыта Омского государственного историко-краеведческого музея // Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13-17 мая 2013 г.). М.: Краеведение, 2013. С. 558 – 570.

[2] Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г.: ч. 1 – 2 / обраб. И.Я. Словцовым. Омск: тип. Акмолин. обл. правление, 1880.

1916 г.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА

ОМСКОЙ ЕПАРХІИ.

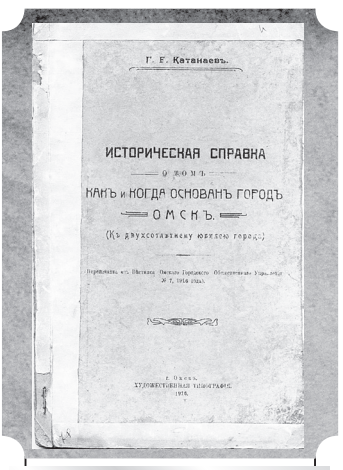
Составилъ, по порученію 7-го Епархіальнаго Съѣзда, священникъ села Новоселья, Тюкалинскаго уѣзда, Іоаннъ Голошубинъ.

И.С. Голошубин. Справочная книга Омской епархии. 1914 г.

шения ее быта», в которое вошли представители либеральной интеллигенции столицы и студенчества из сибирских землячеств. Один из наиболее значительных итогов деятельности общества – привлечение к систематической исследовательской работе студентов-сибиряков. Отделения «Общества изучения Сибири» существовали во многих сибирских городах, в том числе и в Омске, где они действовали в непосредственном контакте с ЗСОИРГО[1]. В начале XX в. в Омске продолжали развиваться традиции церковного краеведения, заложенные в свое время А.И. Сулоцким. В результате появились труды К.Ф. Скальского и И. Голошубина, являющиеся до настоящего времени ценнейшим источником для омских краеведов[2]. Заметным событием в 1916 г. стало празднование 200-летнего юбилея Омска. И хотя торжества в связи с неудачами русской армии на фронтах I мировой войны были отменены, подготовка к празднику повысила интерес к истории края. Летом 1916 г. вышла в свет работа Г.Е. Катанаева «О том, как и когда основан Омск», в которой автор пытался обосновать приводимую им дату основания Омска[3].

Краеведение в Сибири не замерло даже в период гражданской войны. В январе 1919 г. в Томске по инициативе профессоров Б.П. Вейнберга, В.В. Сапожникова, М.А. Усова и при личной поддержке Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака был создан Институт исследования Сибири, который «ставил своей целью научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического его развития»[4].

Первое десятилетие советской власти характеризовалось необычайным размахом краеведческого движения. Не был исключением в этом отношении и Сибирский край. В 1922 г. восстановил свою деятельность ЗСОРГО. Западно-Сибирский областной музей стал самостоятельным учреждением и был передан в ведение Губернского отдела народного образования. В 1925 г. под председательством А.С. Сливко было образовано Омское общество краеведения и проведена 1-я Окружная краеведческая конференция. Деятельность Омского общества краеведения была направлена преимущественно в область краеведческой методики и экскурсионного дела. Вскоре возник и ряд районных краеведческих организаций (например, Саргатское районное общество краеведения). В декабре 1926 г. в Новосибирске был созван 1-й Сибирский краевой на-


Г. Е. Катанаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

О ТОМЪ

КАКЪ и КОГДА ОСНОВАНЪ ГОРОДЪ

ОМСКЪ.

(Къ двухсотлѣтнему юбилею города.)

Г.Е Катанаев. О том, как и когда основан город Омск. 1916 г.

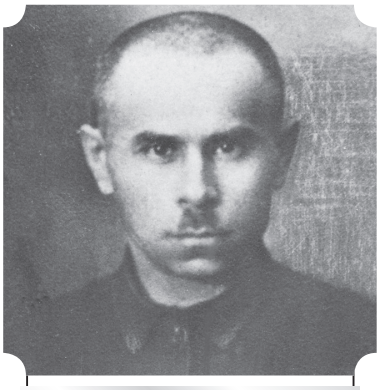
[1] См. об этом подробнее: Вибе П.П. Общество изучения Сибири и улучшения ее быта // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1997. С. 196 – 199.

[2] Скальский К.Ф. Омская епархия. Опыт географического и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии. Омск, 1900; Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск: Тип. «Иртыш», 1914.

[3] Катанаев Г. О том, как и когда основан город Омск (к 200-летнему юбилею города) // Вестник Омского городского общественного управления. 1916. № 7.

[4] Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1931. Т. 2. Стб. 280 – 281.

учно-исследовательский съезд, заложивший основы к объединению краеведческих сил Сибири. Новосибирскому краеведческому обществу, получившему название «Общество изучения Сибири и ее производительных сил», съездом были поручены функции сибирской ассоциации краеведческих и научно-исследовательских организаций. В Омске, как и в некоторых других крупных городах Сибири, было создано бюро Общества, призванное координировать и планировать работу. Общество изучения Сибири и ее производительных сил в 1927 – 1930 гг. издавало информационный бюллетень, на страницах которого отражалась текущая работа краеведческой и научно-исследовательской организации по изучению Сибирского края. В 1931 г. Омское общество краеведения, отдел Географического общества и Омское бюро Общества изучения Сибири были реорганизованы в Омское районное бюро, а в 1935 г. – в Омское областное бюро краеведения. Деятельными участниками омских краеведческих организаций в 1920 – 1930-х гг. были А.Н. Седельников (старший), Г.П. Белозеров, С.Р. Лаптев, П.Л. Драверт, К.П. Горшенин, А.Д. Кизюрин и др.



А.Ф. Палашенков. 1927 г.

Вместе с тем следует отметить, что со второй половины 1920-х гг. начинает меняться государственная культурная политика в отношении краеведения, усиливается стремление к политической идеологизации краеведческого движения. Демократические принципы его построения, а также стремление краеведов к выявлению региональной специфики шли в разрез с официальной идеологической доктриной, нацеленной на унификацию социокультурных процессов. Началась травля краеведов в прессе, их обвиняли в организации заговоров, вредительстве, появлялись предложения ликвидировать краеведение вообще. По времени это совпало с активизацией антирелигиозного движения, массовым закрытием, а затем и разрушением церквей и монастырей. Краеведы, видевшие в них памятники истории и культуры и стремившиеся сохранить культурное наследие, стали обвиняться в антисоветской деятельности и подвергаться репрессиям еще задолго до печально известных массовых репрессий.

В августе 1937 г. в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» Омское бюро краеведения было ликвидировано. В апреле 1938 г. Наркомпрос РСФСР направил на места письмо-указание «О постановке и организации краеведческой работы», которым функции научных и методических центров краеведения закреплялись за региональными музеями. С этого времени краеведческая работа как массовое общественное движение пошло на убыль и сосредоточилось в нашем регионе в основном вокруг Омского краеведческого музея.

Именно в этот непростой для российского краеведения период волею судеб в Омске оказался известный уже в то время смоленский краевед Андрей Федорович Палашенков. Этому предшествовало обвинение его в членстве в фашистской «Российской националистической партии», в результате чего А.Ф. Палашенков был решением судебной тройки Западной области от 25 марта 1934 г. приговорен к трем годам исправительных лагерей. Как сам позднее вспоминал А.Ф. Палашенков: «Работа по охране памятников и довела меня до Сибири»[1]. Отбыв наказание в Карлаге, он после недолгой работы в Тюменском музее был направлен в Омский областной краеведческий музей, где с 1936 г. по 1957 г. прошел путь от научного сотрудника до директора. Анализируя жизненный путь А.Ф. Палашенкова, можно с уверенностью признать, что его краеведческая деятельность была действительно феноменальной. Постараемся подтвердить это конкретными примерами. Как известно, Большая Советская энциклопедия определяла понятие «фе-

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 273. Л. 9.

номен» как необычное явление, редкий факт. Синонимами слова «феномен» в русском языке являются слова: исключение, диво, чудо, невидаль. Что же такого необычного и исключительного было в деятельности, казалось бы, простого и скромного краеведа А.Ф. Палашенкова, каким его запомнили многие современники?

Во-первых, впечатляет широта диапазона его краеведческих интересов и знаний: археология, этнография, история, природоведение, палеонтология, фольклор, охрана памятников истории и культуры, музейное дело. Причем по всем этим направлениям краеведческой деятельности он добился заметных результатов. А.Ф. Палашенковым были подготовлены материалы к археологическим и палеонтологическим картам Омска и Омской области, описаны многочисленные памятники истории и культуры, собраны биографические сведения к словарю Прииртышья. Благодаря усилиям А.Ф. Палашенкова на Смоленщине в начале 1920-х гг. были открыты мемориальные музеи М.И. Глинки и Н.М. Пржевальского, а в Омской области в начале 1950-х гг. – музей сибирского садовода П.С. Комиссарова и музей Марьяновских боев.

Во-вторых, мало кому из краеведов удается продуктивно работать на столь масштабных территориях, которые исследовал А.Ф. Палашенков. На начальном этапе – это Приднепровье, Смоленская губерния и Западная область. Работая в омском музее, А.Ф. Палашенков исследовал огромную в то время территорию Омской области, включая Салехард, Березов, Тобольск, Тару, а также территорию Северного Казахстана.

В-третьих, поражает то обстоятельство, что А.Ф. Палашенков, приехав в Омск и приступив к изучению истории Омского Прииртышья в возрасте 50 лет, уже через непродолжительное время стал признанным знатоком истории края. Сам по себе этот факт уже феноменален. Кроме того, если учесть, что до А.Ф. Палашенкова об истории Омска были написаны и опубликованы еще до революции, в 1880 г. и 1916 г., всего лишь две заслуживающие внимания и упоминавшиеся выше работы И.Я. Словцова и Г.Е. Катанаева, у нас есть все основания считать А.Ф. Палашенкова основоположником современного исторического краеведения в Омском Прииртышье. Не случайно он стал первым лауреатом премии имени М.В. Певцова (1967 г.), учрежденной Омским отделом Географического общества, в том числе и за исторические исследования.

В-четвертых, следует отметить научно-практическую направленность краеведческой деятельности А.Ф. Палашенкова. Он не был кабинетным краеведом, как многие другие, главным результатом деятельности которых были газетные или журнальные публикации, в редких случаях – книги. А.Ф. Палашенков тоже опубликовал большое количество заметок, статей и книг. Но помимо этого, в результате его деятельности пополнялись коллекции областного краеведческого музея и создавались его филиалы; выявлялись новые и сохранялись уже известные памятники истории и культуры; по крупицам собирался уникальный краеведческий материал, который, благодаря самому А.Ф. Палашенкову, был систематизирован и сохранился в фондах ОГИК музея и ГИАОО по сей день. Эти материалы очень популярны как у начинающих, так и у опытных омских краеведов.

Особенно много внимания в своей краеведческой деятельности А.Ф. Палашенков уделял как раз вопросам практического сохранения культурного наследия Сибири. В 1937 – 1940 гг. он провел учет, фотофиксацию и паспортизацию историко-революционных памятников на территории Омской области от Казахстана до Салехарда. В эти же годы им были обследованы кремль, могилы декабристов и другие памятники Тобольска, входившего тогда в состав Омской области. В 1938 г. А.Ф. Палашенков спас от уничтожения в Таре несколько тысяч старинных книг и вывез их в Омск. Под руководством А.Ф. Палашенкова в 1938 – 1939 гг. были осуществлены археологические экспедиции к месту, где когда-то находился г. Искер – столица последнего сибирского хана Кучума, и по таежным рекам Северная Сосьва и Ляпин. В результате были исследованы уже известные и открыты новые археологические памятники, в Омск привезен уникальный памятник духовной культуры – мансийское капище. Из разрушенного Воскресенского собора в Березове в 1939 г. А.Ф. Палашенков вывез в Омский краеведческий музей более двух десятков икон, церковную утварь, облачения священников. Тогда же, благодаря его

усилиям, в музей попали две иконы из разрушенной церкви на Казачьем кладбище в Омске.

А.Ф. Палашенков. 1953 г.

В тяжелое для страны послевоенное время краевед продолжал выступать в защиту памятников. 6 июня 1942 г. А.Ф. Палашенков получил в облисполкоме документ, по которому всем организациям и отдельным лицам вменялось оказывать ему всяческое содействие в деле обследования исторических, археологических и архитектурных памятников. В 1943 г. Омский областной краеведческий музей издал за подписью тогдашнего директора С.П. Русяйкиной и заведующего отделом истории А.Ф. Палашенкова брошюру «Об учете памятников старины и революции в Омской области», в которой содержалась подробная инструкция по выявлению и описанию объектов культурного наследия. «Роль учителя, в особенности историка, – говорилось в ней, – заинтересовать, пробудить интерес к вещественным документам прошлого у учащихся, организовать их на дело учета и регистрации памятников»[1]. В том же 1943 г. А.Ф. Палашенков становится директором музея. Используя местную периодическую печать, краевед пытался постоянно привлекать внимание партийных и государственных органов, общественности к проблемам сохранения культурного наследия. В своих выступлениях он отмечал, что разрушенные немецкими солдатами фабрики, заводы, мосты могут быть восстановлены еще в лучшем виде, чем были. Но разрушенный и уничтоженный памятник – потеря невозвратимая. Своими активными действиями А.Ф. Палашенков по сути дела предвосхитил постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры», принятое в 1948 г. и подписанное лично И.В. Сталиным. Это постановление стало официальным разрешением на проведение культурно-исторических исследований. А.Ф. Палашенков с новой энергией берется за изучение и охрану памятников истории и культуры.

В 1953 г. в Омском горисполкоме готовилось решение о сносе Тарских ворот. А.Ф. Палашенкову через Управление музеев Министерства культуры РСФСР удалось спасти ворота, но ненадолго. В феврале 1959 г. Тарские крепостные ворота все же были уничтожены[2].

В 1955 г. А.Ф. Палашенков обратился с просьбой в Исполком областного Совета депутатов трудящихся признать участок старого Московско-Сибирского тракта историческим памятником. Им же было подготовлено серьезное обоснование: по этому тракту в Сибирь последовали представители всех поколений русских революционеров. Из-за бюрократических препонов разрешение этого вопроса затянулось на три года. Юридическая часть облисполкома никак не могла понять, «как же это дорогу можно признать памятником»[3].

В конце 1950 – начале 1960-х гг. А.Ф. Палашенков совершил целый ряд поездок по области, в результате которых были выявлены многочисленные памятники и памятные места, связанные с историей революционного и партизанского движения. Многие из них позднее были взяты на государственную охрану.

В 1966 г. состоялась Омская городская конференция по организации добровольного общества охраны памятников. Краевед-пенсионер А.Ф. Палашенков на нее приглашен

---

[1] Омский краеведческий музей: об учете памятников старины и революции в Омской области / сост.: С.П. Русяйкина, А.Ф. Палашенков. Кормиловка [Ом. обл.]: Тип. изд-ва газ. «Большевист. слово», 1943. С. 4.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

[3] Там же. Д. 5. Л. 4.

не был, хотя изданная им книга о памятниках Омска была в то время единственной в своем роде. На областную же конференцию его все-таки пригласили. И это понятно, ибо он обладал обширными материалами о памятниках области, к тому времени еще не опубликованными[1]. Достаточно сказать, что А.Ф. Палашенковым были составлены три карты области, показывавших распространение историко-революционных и археологических памятников, а также палеонтологических находок. Первая из них долгое время экспонировалась в зале истории советского периода областного краеведческого музея.

На областной конференции добровольного общества охраны памятников А.Ф. Палашенков говорил о необходимости установки мемориальных досок на зданиях – памятниках истории. Отдельно он остановился на трагической судьбе Никольского собора, построенного по проекту В.П. Стасова. «Все и всюду созданные по его проектам здания, – отмечал А.Ф. Палашенков, – находятся на союзной государственной охране. И только мы сорвали кровлю с четко очерченного купола Стасовского творения, разрушили на стройной легкой колокольне верхние яруса с красивым шпилевым завершением, сломали торжественный западный вход и т.д. Но этого оказалось нам мало. 3 – 4 года назад к восточной части с южной и северной сторон, вместо мемориальной доски с именем великого зодчего, пристроили 2 кирпичных уборных. И смотрят с большим укором на нас обесславленные стены казачьего собора»[2]. То, что Казачий Никольский собор не был уничтожен окончательно и в наше время является одним из замечательных памятников Омска, бесспорно, заслуга А.Ф. Палашенкова.

В 1950 – 1960-х гг. А.Ф. Палашенковым были изданы три книги о памятниках истории Омска и области, которые явились могучим средством их популяризации. Первая из книг вышла еще в 1951 г. под псевдонимом «А.Ф. Смоленский» и была посвящена историко-революционным памятникам. Во второй книге (1956 г.) были представлены памятники и памятные места Омска, а в третьей (1967 г.) – Омска и области[3]. До настоящего времени, несмотря на некоторые неточности, эти книги представляют огромный интерес. Многие памятники до наших дней не дошли, и узнать о них мы можем лишь по книгам А.Ф. Палашенкова.

Успенский (Софийский) собор в Тобольске. 1938 г. Фото А.Ф. Палашенкова

Какова же судьба движимых и недвижимых памятников Сибири, к спасению которых немало усилий приложил А.Ф. Палашенков? Остановимся лишь на некоторых.

Наиболее значительным из них, бесспорно, является Тобольский кремль – жемчужина Сибири, в прошлом – резиденция тобольских митрополитов и символ русского государства и православия в Сибири. А.Ф. Палашенков стоял у истоков работ по спасению Тобольского кремля и других памятников истории и архитектуры Тобольска. Результатом его изыскательских работ в Тобольске, начатых в 1938 г., стало

[1] Там же. Д. 14. Л. 1.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 18. Л. 31.

[3] Смоленский А.Ф. Историко-революционные памятники Омска. Омск: Ом. обл. кн. изд-во, 1951; Палашенков А.Ф. Памятные места Омска. Омск: Ом. обл. кн. изд-во, 1956; Он же. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск: Зап. Сиб. кн. изд-во, 1967.

представление Омского облисполкома в СНК РСФСР, который 11 июля 1939 г. признал Тобольский кремль и ряд других объектов культурного наследия города памятниками государственного значения. Но и после этого А.Ф. Палашенков продолжал изучать памятники старейшего сибирского города и бороться за их спасение. В декабре 1942 г. им была подготовлена подробная докладная записка Омскому облисполкому, в которой краевед не только описал памятники Тобольска, но и предложил перечень конкретных ремонтно-реставрационных мероприятий. Но лишь в 1952 г., после выявления прогрессирующего разрушения кладки Тобольского кремля, был составлен проект реставрационных работ. В 1961 г. Тобольский музей получил статус историко-архитектурного музея-заповедника. Ему на баланс были переданы все памятники кремля и города. Реставрационные работы в Тобольском кремле начались только в 1970-х гг. Через пятнадцать лет были восстановлены стены и башни кремля, утраченное позакомарное покрытие Софийского собора и фасад Гостиного двора, укреплен фундамент Рентереи. Тобольский кремль вновь обрел ансамблевое звучание.

Успенский (Софийский) собор в Тобольске. Современный вид

Казачий Никольский собор в Омске хотели снести в 1960-е гг., но благодаря выступлениям А.Ф. Палашенкова, протестам омской интеллигенции этого не произошло. С 1966 г. собор находился в запустении. В конце 1970 – начале 1980-х гг. были проведены реставрационные работы. С 1983 г. в соборе находился органный зал. В 1989 г. Казачий Никольский был передан Омской епархии. В настоящее время он является украшением и одним из символов Омска.

Кинотеатр «Победа» в здании Никольского казачьего собора. 1940-е гг.

Никольский казачий собор. Современный вид

Тарские ворота, снесенные в 1959 г. несмотря на все усилия А.Ф. Палашенкова, были восстановлены в 1991 г. по проекту М.М. Хахаева, О.В. Лесниченко, И.Л. Коновалова.

Снос Тарских ворот Омской крепости. 17 февраля 1959 г.

Тарские ворота Омской крепости. Современный вид

В сборе средств на восстановление ворот приняли участие многие омичи. В настоящее время Тарские ворота также являются одним из символов Омска.

Участки Московско-Сибирского тракта в Большереченском, Большеуковском, Крутинском и Нижне-Омском районах Омской области были все-таки признаны памятниками истории, чего добивался А.Ф. Палашенков, и взяты на государственную охрану. В Большеуковском районе усилиями краеведа Е.П. Зензина создан и успешно работает Музей Московско-Сибирского тракта.

Вывезенные А.Ф. Палашенковым из полуразрушенного и заброшенного Воскресенского собора Березова и в буквальном смысле спасенные им иконы и церковные облачения, ткани, утварь (через некоторое время храм был взорван) в силу идеологических и экономических обстоятельств более полувека хранились в Омском краеведческом музее без реставрации и экспонирования. И только в начале 1990-х гг. начался процесс восстановления этой уникальной коллекции, подлинное историко-культурное значение которой не смог до конца оценить даже сам А.Ф. Палашенков. Примечательно, что при описании икон в 1939 г. он сделал заключение, что крупномасштабная икона «Успение Богоматери» не имеет «художественного достоинства». Причиной тому могла быть плачевная сохранность икон. Однако после реставрации березовская коллекция стала одной из самых ценных и значимых в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея. В последние годы интерес к ней растет. В 2010 – 2012 гг. предметы этой коллекции экспонировались в Тюмени, Березове, Салехарде, Томске, Ханты-Мансийске, Москве. В 2013 г. благотворительным фондом В. Потанина была издана брошюра о коллекции Березовских икон в рамках проекта «Музейный гид» и представлена на международном фестивале «Интермузей».

Мансийское капище, привезенное А.Ф. Палашенковым в конце 1930-х гг., впервые было представлено в экспозиции Омского государственного историко-краеведческого музея лишь по прошествии более шести десятилетий и, очевидно, по достоинству еще не оценено этнографами и музейными специалистами. Вполне возможно, что аналогов ему нет в других музейных собраниях.

Историк омского краеведения А.В. Ремизов справедливо отмечал в своей монографии, «что годы работы на омской земле замечательного краеведа-энтузиаста […] были ничем иным, как особым, «палашенковским» периодом в истории омского краеведения»[1]. Начиная с работ А.Ф. Палашенкова, публикации по истории Омского Прииртышья становятся все более частыми и глубокими по содержанию. В 1947 г. возобновил свою работу

[1] Ремизов А.В. Омское краеведение 1930 – 1960-х годов: очерк истории. Ч. II. Омск: ОмГУ, 1998. С. 64.

Омский отдел Географического общества. Основным направлением его деятельности стали научные исследования в области географических наук. Вместе с тем усилиями отдельных его членов (М.Е. Бударин, Н.В. Горбань, А.Д. Колесников, С.Р. Лаптев, С.А. Огурцов, А.Ф. Палашенков, М.С. Рабинович, В.М. Самосудов, П.Т. Сигутов, Д.Н. Фиалков и др.) в 1950 – 1970-х гг. велась и историко-краеведческая работа. Результаты их исследований регулярно публиковались на страницах «Известий» Омского отдела Географического общества. Так, например, в 1960 г. в этом издании были опубликованы две важные работы А.Ф. Палашенкова «Материалы к археологической карте Омска» и «Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг.», которые вот уж более полувека активно используются омскими краеведами в своей работе[1].

После смерти А.Ф. Палашенкова краеведение в Омском Прииртышье осиротело, но не остановилось в своем развитии. В 1976 – 1978 гг. были изданы подготовленные сотрудниками ОГПИ А.К. Касьяном, И.Н. Новиковым, И.В. Захаровой и Н.А. Сергеевой учебные пособия для учащихся школ, что способствовало развитию школьного краеведения[2]. В 1980-е годы силами омских архивистов была подготовлена «Хрестоматия по истории Омской области»[3]. Большую и важную работу выполняли сотрудники Омской областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина, издавая библиографические указатели «Литература об Омской области»[4].

На рубеже 1980 – 1990-х годов интерес к краеведению в Омском Прииртышье, как, впрочем, и в целом в стране, необычайно возрос. Краеведение в нашем крае стало поистине массовым. И в этой связи важно отметить, что большинство омских краеведов свои первые шаги делали, опираясь на книги А.Ф. Палашенкова и его личный фонд № 2200 в Историческом архиве Омской области.

В конце 1980-х гг. активно включились в научно-исследовательскую историко-краеведческую работу ученые ОГПИ и ОмГУ. Во многом это было связано с начавшейся в Омской области паспортизацией памятников археологии, истории и архитектуры. В начале 1990 г. была создана историко-краеведческая лаборатория ОГПИ, основными направлениями работы которой являлись: выявление и изучение памятников истории и архитектуры, изучение истории населенных пунктов

Воскресенский собор. Березов. Фотография А.Ф. Палашенкова. 1939 г.

[1] Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Омск, 1960. Вып. 3 (10). С. 3 – 22; Он же. Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг. // Там же. С. 25 – 30.

[2] Захарова И.В., Сергеева Н.А., Новиков И.Н. История Омской области с древнейших времен до конца XIX в. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Касьян А.К., Новиков И.Н. История Омской области с начала XX века до наших дней. Омск: Зап. Сиб. кн. изд-во, 1978.

[3] Наш край: хрестоматия по истории Омской области. Ч. I. 1917 – июнь 1941 / сост. Н.Г. Линчевская, Л.И. Огородникова, В.Б. Шепелева. Омск, 1985; Ч. II. 1941 – 1970 / сост.: М.К. Гурьевич, Н.Г. Линчевская, В.Б. Шепелева. Омск, 1983.

[4] Литература об Омской области: библиогр. указ. Омск: [б. и.]. 1962 – 1992.

Омской области, написание учебных пособий по истории края. В 1994 г. в московском издательстве «Отечество» был издан подготовленный сотрудниками лаборатории «Омский историко-краеведческий словарь»[1]. Это одно из первых в России региональных справочных краеведческих изданий уже два десятилетия является настольной книгой для многих краеведов. В 1990-е гг. при ОмГУ были созданы научно-исследовательские группы, занимающиеся историей Омска (руководитель А.П. Толочко) и историей культуры Омска (руководитель В.Г. Рыженко). В результате появились двухтомное фундаментальное исследование «Очерки истории города Омска» и ряд других важных для развития омского краеведения работ[2].

Особенно следует остановиться на научно-исследовательской краеведческой работе Омского государственного историко-краеведческого (ОГИК) музея, активизировавшейся в 1990-е годы. С ее результатами можно познакомиться на страницах музейных «Известий», альманаха «Омский краевед», других изданий и многочисленных интернет-проектов. Широкой популярностью пользуются подготовленные сотрудниками музея три издания книги «1000 знаменательных событий из истории Омска», ставшей лауреатом II Красноярских музейных биеннале в 1997 г., и «Старый Омск», в которой был переиздан труд И.Я. Словцова «Историческая хроника Омска»[3]. В 2005 г. в музее подготовлено и издано учебное пособие «Прошлое Омского Прииртышья», ставшее в 2007 г. в Твери лауреатом Первого Всероссийского конкурса краеведческой литературы «Наше культурное наследие»[4].

С 1988 г. на базе ОГИК музея действовал Совет краеведения при Омском отделении Советского фонда культуры, призванный координировать краеведческую работу в области. В 2008 г. по инициативе отделения и ОГИК музея в Омске прошел Первый областной слет омских краеведов. В нем приняли участие сотрудники научных учреждений, преподаватели вузов, работники районных краеведческих музеев, краеведы-любители. Работа была организована в форме пленарного заседания и круглых столов на темы: «Историческое и литературное краеведение», «Краеведение и музейное дело», «Естественнонаучное и экологическое краеведение». Были выработаны рекомендации для дальнейшего развития общественного краеведческого движения в Омской области, практические меры по поддержке краеведческих исследований, изданию краеведческой литературы, популяризации краеведческих знаний.

В конце января 2012 г. в стенах ОГИК музея состоялось организационное собрание, в ходе которого было принято решение о создании Омского отделения Союза краеведов России (СКР). Ранее с такой инициативой выступил председатель СКР В.Ф. Козлов. На собрании, объединившем более двадцати омских краеведов разных научных направлений – исторического, археологического, природоведческого, обсуждались современное состояние краеведения в регионе, преимущества консолидации и перспективы дальнейшего развития создаваемой организации. Уже в первый год своего существования Омское отделение СКР организовало встречу с представителями общественного краеведческого движения, на которой презентовало краеведческий альманах «Омский краевед № 5» (отныне он издается ОГИК музеем при участии Омского отделения СКР); приняло участие в VI Всероссийских краеведческих чте-

---

[1] Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество. 1994.

[2] Очерки истории города Омска / под ред. А.П. Толочко. Т. 1 – 2. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997, 2005; Омск. «Город на границе государства Российского...»: ист. мозаика / Н.И. Лебедева, В.Г. Рыженко. СПб.: Звезда Петербурга, 2001; Из XVIII века – в век XXI: История Омска: ист.-краевед. альбом / Н.А. Миненко, В.Г. Рыженко. СПб.: Русь. Санкт-Петербург, 2006 и др.

[3] 1000 знаменательных событий из истории Омска. 1716–1996 / сост. и науч. ред. П.П. Вибе Омск: ОГИК музей, 1996; Старый Омск: ил. хроника событий / сост. и науч. ред. П.П. Вибе. Омск: ЛЕО, 2000.

[4] Матвеев А.В., Трофимов Ю.В., Авербух С.Д. Прошлое Омского Прииртышья / под ред. П.П. Вибе, С.С. Тихонова. Омск: ОГИК музей. Изд-во ОмГПУ, 2008.

ниях; наладило работу краеведческого лектория; совместно с ОГИК музеем организовало осенью 2012 г. Всероссийскую научно-практическую конференцию «Первые Ядринцевские чтения», пришедшую на смену Музейно-краеведческим чтениям, ежегодно проводившимся в музее; в декабре 2012 г. приняло участие в мероприятии, посвященном 100-летию со дня рождения известного историка архитектуры, автора книги «Омск. Как рос и строился город» В.И. Кочедамова. В апреле 2013 г. члены Омского отделения СКР приняли участие в форуме «Актуальная культура», который был организован Департаментом культуры г. Омска с целью обсуждения перспектив подготовки к 300-летию Омска, а в мае 2013 г. – в VII Всероссийских краеведческих чтениях в Москве и Омске и I Московско-Крымских краеведческих чтениях в Гурзуфе. 18 июня 2013 г. Омское отделение СКР совместно с Омским отделением Российского общества интеллектуальной истории по инициативе профессора В.Г. Рыженко организовало в Омском государственном историко-краеведческом музее вечер-встречу «Жизнь, удивительная по длительности и творческому наполнению...», посвященный памяти почетного председателя СКР Сигурда Оттовича Шмидта. Весной-летом 2013 г. в ОГИК музее работала выставка «Легенды омского краеведения», на которой были представлены материалы личных коллекций писателя, краеведа И.Ф. Петрова, профессоров В.И. Кочедамова, М.Е. Бударина, А.Д. Колесникова.

За последние двадцать лет ОГИК музей многое сделал для сохранения памяти о выдающемся российском краеведе, директоре Омского краеведческого музея в 1943 – 1957 гг. А.Ф. Палашенкове и популяризации его наследия. В 1993 г. было возобновлено издание «Известий» музея. Вышедший в том году сборник был посвящен памяти А.Ф. Палашенкова[1]. Спустя несколько лет был систематизирован,

Открытие мемориальной доски А.Ф. Палашенкову на здании ОГИК музея. 2011 г. Слева направо: П.П. Вибе, директор ОГИК музея, А.Э. Лейфер, председатель Омского отделения Союза российских писателей, А.В. Ремизов, заместитель министра культуры Омской области, В.Ф. Козлов, председатель Союза краеведов России

[1] Известия Омского государственного историко–краеведческого музея / сост., науч. ред. П.П. Вибе. Омск: ОГИК музей, 1993. № 2.

Памятная медаль «За вклад в развитие омского краеведения и сотрудничество с Омским государственным историко-краеведческим музеем», приуроченная к 125-летию со дня рождения А.Ф. Палашенкова

описан и взят на учет архив краеведа, хранившийся долгие годы в музее без должного к себе внимания[1].

С 1996 г. ежегодно ОГИК музей организует и проводит ставшую очень популярной областную молодежную научную краеведческую конференцию «Омское Прииртышье: природа, история, культура». Участниками этой конференции, а их число порой достигает 100 человек, могут стать учащиеся старших классов и студенты 1–2 курсов омских вузов. К руководству секциями приглашаются профессора и доценты омских университетов, научные сотрудники ОГИК музея. Авторы наиболее интересных докладов становятся лауреатами премии имени Андрея Федоровича Палашенкова и награждаются памятными медалями с его портретом и комплектами краеведческой литературы.

В октябре 2011 г. в ОГИК музее проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященная 125-летию со дня рождения А.Ф. Палашенкова. Соорганизатором конференции выступил Союз краеведов России. Наряду с многочисленными гостями из российских городов, ближнего и дальнего зарубежья в конференции активное участие приняли и омские краеведы. Двадцать человек из них были награждены учрежденной ОГИК музеем памятной медалью «За вклад в развитие омского краеведения и сотрудничество с Омским государственным историко-краеведческим музеем». В дни работы конференции в ОГИК музее начала свою работу юбилейная выставка «Подвижник краеведения», на которой впервые монографически был представлен жизненный путь и многогранная деятельность А.Ф. Палашенкова, а на здании ОГИК музея в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска, посвященная выдающемуся краеведу. Готовясь к юбилею А.Ф. Палашенкова, сотрудники музея привели в порядок его могилу на Восточном кладбище и в последний день работы конференции возложили к ней цветы. В том же году сотрудниками музея П.П. Вибе и Е.М. Бежан была начата работа по подготовке первого тома «Антологии омского краеведения», в который вошли опубликованные и неизвестные ранее широкому кругу краеведов труды А.Ф. Палашенкова.

[1] Розвезева А.И. Архив А.Ф. Палашенкова в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. П.П. Вибе, Т.М. Назарцева. Омск: ОГИК музей, 1998. № 6. С. 133 – 142.

В 2013 г. выставка «Березовские древности» из коллекций Омского государственного историко-краеведческого музея открылась в Московском государственном объединенном художественном, историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике на территории Коломенского. Примечательно, что большой раздел этой выставки был посвящен подвижнической деятельности А.Ф. Палашенкова.

В настоящее время близится к завершению работа над музейным каталогом, в который будут включены документы, фотографии, предметы, хранящиеся в ОГИК музее и характеризующие научную и экспедиционную деятельность краеведа. Благодаря всему этому имя А.Ф. Палашенкова в последние годы заслуженно приобрело поистине всероссийскую известность.

Митрополит на покое Омский и Тарский Феодосий на выставке «Подвижник краеведения» в Омском государственном историко-краеведческом музее. Ноябрь 2011 г.

Для омских краеведов труды А.Ф. Палашенкова всегда являлись своеобразным катализатором в их исследованиях, а его деятельность – примером для подражания. Результаты этой многолетней совместной краеведческой работы недавно были представлены в «Энциклопедии Омской области» и «Энциклопедии города Омска»[1].

[1] Энциклопедия города Омска: в 3 т. / под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новоселовой, С.Г. Сизова. Омск: Издат. дом «ЛЕО», 2009; Энциклопедия Омской области: в 2 т. / гл. ред. В.Н. Русаков. Омск: Ом. книж. изд-во, 2010.

М.В. Иванов

кандидат исторических наук

Следственное дело А.Ф. Палашенкова

В Омске внимательно изучают оставленное А.Ф. Палашенковым – педагогом, этнографом, мезейным деятелем – богатое краеведческое наследие. В октябре 2011 г. в Омском государственном историко-краеведческом музее проходила Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 125-летию со дня рождения А.Ф. Палашенкова, «Краеведение как феномен провинциальной культуры». Персонально Андрею Федоровичу посвящено несколько книг[1] и множество статей, вышедших в городе на Иртыше. Наконец, в Омске есть даже улица, названная именем Палашенкова.

В Смоленске об А.Ф. Палашенкове написано немного: статьи А.Я. Трофимова и А.В. Тихоновой в «Крае Смоленском»[2], публикации Д.И. Будаева, И.Н. Беляева и автора этих строк в справочной литературе[3].

А между тем, для смолян имя А.Ф. Палашенкова должно быть не менее, если не более, дорого, чем для омичей. Ведь когда Андрей Федорович трудился в Смоленском государственном областном музее, он имел самое непосредственное отношение ко всему позитивному, что в середине 1920-х гг. еще происходило под эгидой этого учреждения, будь то организация масштабной палеоэтнологической экспедиции, создание отделения «Смоленская деревня» или участие в крупнейших научных форумах. Он же, как мог, пытался нивелировать тот негатив, который буквально навалился на музей с конца 1920-х гг. (имеется в виду директивное превращение музея в агитпроп). Став инспектором по охране памятников старины Западной области и ученым секретарем Западного областного бюро краеведения, Палашенков реально спас основные объекты монументального

[1] См., например: Бродский И. Рыцарь сибирской культуры: страницы биографии историка и краеведа А.Ф. Палашенкова. Омск, 1998; Лейфер А. «На добрый вспомин...». К портрету А.Ф. Палашенкова. Омск, 2005; Лейфер А.Э. Спасение шедевра. Письма реставратора П.Д. Барановского к А.Ф. Палашенкову. Омск, 2006.

[2] Трофимов А. Особое мнение // Край Смоленский. 1995. № 11 – 12. С. 27 – 34; Тихонова А. «Смоленск бесконечно дорог мне...»: об Андрее Федоровиче Палашенкове // Край Смоленский. 2006. № 1 – 2. С. 51 – 62.

[3] Будаев Д.И. Палашенков Андрей Федорович // Смоленская область: энциклопедия. Смоленск, 2001. Т. 1. С. 186; Беляев И.Н. Палашенков Андрей Федорович // Подвижники земли Смоленской: биобиблиогр. справ. об исследователях родного края. Смоленск, 2003. С. 313 – 315; Иванов М.В. Палашенков Андрей Федорович // Коллекционеры и музейные деятели Смоленского края (XIX – первая треть XX в.): биобиблиогр. слов. Смоленск, 2011. С. 62 – 66.

Директор Смоленского историко-культурного музея А.Ф. Палашенков (во втором ряду второй слева) с коллегами. Смоленск. Май 1929 г.

искусства и архитектуры Смоленска от запланированного сноса. И если бы тогда не его активная позиция, чрезвычайно, кстати, опасная для собственной жизни, то наш областной центр напоминал бы, да простится этот натурализм, голое колено. Казалось бы, после такого в Смоленске имя А.Ф. Палашенкова навечно должно стоять в одном ряду с именами С.П. Писарева, И.Ф. Барщевского, В.И. Грачева, М.К. Тенишевой. Но не тут-то было.

В суете подготовки ко всякого рода эпохальным датам нынче в городе на Днепре начисто забыли о человеке, благодаря самоотверженности которого мы, сегодняшние, и имеем возможность лицезреть редчайшую резьбу и плиты чугунного пола Успенского собора, памятники М.И. Глинке и М.И. Кутузову, монументы героям Отечественной войны 1812 года и защитникам Смоленска от французских войск. Да и крепостную стену именно Палашенков отваживался брать под защиту, пытаясь противодействовать еще большему ее разрушению[1]. Иными словами, почти все теперешние смоленские бренды своим чудесным спасением от вандализма смоленской власти образца начала 1930-х гг. обязаны одному и тому же человеку – Андрею Федоровичу Палашенкову. И по логике – именно ему должно возвести памятник, именно его имя раз и навсегда необходимо увековечить в городской топонимике. Еще и по той причине, что его непреклонная позиция в отношении смоленской старины впоследствии очень крепко вышла ему боком. О том, как это случилось – наш дальнейший рассказ.

Уже давно было известно, что в 1933 г. Андрея Федоровича арестовали, около полугода вели по его «делу» следствие и в итоге приговорили к лишению свободы. Однако что же конкретно инкриминировалось Палашенкову, кому еще вместе с ним пришлось испить эту чашу несправедливости и беззакония и как, собственно, шло «следствие» – ответы на эти, да и другие вопросы нам удалось получить относительно недавно, после истечения 75-летнего срока хранения следственного дела А.Ф. Палашенкова в архиве УФСБ РФ по Смоленской области[2] и ставшего в связи с этим возможным доступа к нему.

---

[1] См.: Иванов М.В. Указ. соч. С. 62 – 66.

[2] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с.

А.Ф. Палашенков (второй справа) с группой экскурсантов на Смоленской крепостной стене. Весна 1930 г.

Сейчас можно констатировать, что А.Ф. Палашенков и целый ряд других лиц стали жертвой пресловутой теории, будто бы по мере строительства социализма грядет и обострение классовой борьбы. Теория эта время от времени требовала новых подтверждений, поисками которых и занимались сотрудники ОГПУ[1]. Одним из таких подтверждений в первой половине 1930-х гг. стала фабрикация дела так называемой *«Российской национальной партии», «взгляды участников которой якобы были фашистскими, а цели – антисоветскими и даже террористическими»*[2]. По этому делу было немало арестовано и осуждено представителей московской интеллигенции, в том числе и ученых. Чтобы придать выдуманной организации масштабность, сотрудники ОГПУ постарались инспирировать и представительство в ней интеллигенции нестоличной. Отметим, что о деле «Российской национальной партии» уже есть ряд публикаций, в некоторых из них упомянуто имя А.Ф. Палашенкова (в частности, в статье И.Л. Кызласовой, в которой, судя по всему, также использовалось следственное дело Андрея Федоровича из архива УФСБ РФ по Смоленской области)[3].

На наш взгляд, формальным началом «дела А.Ф. Палашенкова» стали показания профессора Вениамина Михайловича Архангельского[4], данные им сотрудникам ОГПУ 5 сентября 1933 г. Мы не знаем, в каком статусе пребывал тогда Архангельский, был ли он арестован или лишь вызван для дачи показаний, надиктовывал их под угрозой физического воздействия или свободно, но, так или иначе, именно он первым поведал смоленским чекистам *«о существовании в Зап[адной] области контрреволюционной фашистской организации, ведущей работу против Соввласти под лозунгом «Возрождение Русского и Украинского национализма»»*. Он же описал «политическую платформу»

---

[1] Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.

[2] См.: Иванова Л.В. Трагические судьбы членов общества изучения русской усадьбы // Русская усадьба: сб. О-ва изучения рус. усадьбы. Вып. 2 (18). М., 1996. С. 323.

[3] См.: Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; Кызласова И.Л. ОИРУ после ОИРУ 1930 – 1933 годы // Русская усадьба: сб. О-ва изучения рус. усадьбы. Вып. 9 (25). М., 2003. С. 595 – 608.

[4] О В.М. Архангельском см.: Ашнин Ф., Алпатов В. Дело профессора Архангельского // Годы. 2003. № 3 (23). С. 51 – 63.

этой организации, насчитывавшую пять совершенно фантастических пунктов, назвал десять ее членов, включая А.Ф. Палашенкова и себя самого, а также еще с десяток лиц, проживавших как в Смоленске, так и в других городах страны, якобы к ней причастных. Сообщил он и такую пикантную деталь, безусловно, для чекистов явившуюся находкой (если только они сами ему ее не подсказали), будто бы *«в одной из музейных комнат в Смоленске под видом музейных ценностей хранится боевое оружие»*[1].

6 и 7 сентября 1933 г. Вениамин Михайлович дал дополнительные показания, где, в частности, отметил особую роль Палашенкова в деятельности организации, заключавшуюся в том, что последний *«...благодаря своему служебному положению, разъезжает очень много по области, создавая ячейки областного бюро краеведения, где сталкивается непосредственно с крестьянством, выполняя таким образом связующую роль между низами и руководящей группой организации. Возвращаясь из поездок по области, Палашенков информировал меня о росте недовольства советской властью крестьянства, указывая, что единственным выходом является война, и говорил, что подтверждение этой точки зрения он находит в настроениях деревни, которая ждет интервенции»*[2].

Не хочется думать об Архангельском плохо. Почему-то кажется, что всю информацию, изложенную им на бумаге чекистам, они же сами ему и подбросили, поскольку, вероятно, крепко держали его «на крючке». И можно лишь предполагать, что заставило Вениамина Михайловича, в прошлом неоднократно имевшего конфликты с властью, пойти на сделку с ОГПУ. Если учесть, что первый раз его, студента Московского университета, арестовали еще в 1899 г. за участие в студенческих волнениях, а уже в советское время только на протяжении 1919 – 1920 гг. он арестовывался трижды, да еще и имел проблемы с ОГПУ в 1927 – 1928 гг.[3], кое-что становится на свои места. Тем не менее на основании показаний Архангельского уже с 7 сентября 1933 г. в городах Западной области начались обыски в местах проживания указанных Вениамином Михайловичем лиц и их аресты (постановления об этом датированы на день раньше – 6 сентября). Правда, из тех, кого оговорил Архангельский, свободы лишили тогда не всех. Например, в отношении Вячеслава Александровича Бочкарева[4] власти, несмотря на якобы изобличение его в антисоветской деятельности, ограничились проведением обыска *«по месту жительства»*[5] (впрочем, со своей судьбой Бочкареву разминуться не удастся: он будет арестован в 1939 г. и, получив 10 лет лишения свободы, очевидно, сгинет где-то в лагере[6]).

А.Ф. Палашенков. Москва. 1933 г.

Всего по «делу А.Ф. Палашенкова» подверглись аресту шесть человек: в Смоленске – Николай Никитич Редков, сам Андрей Федорович Палашенков (оба – 7 сентября) и Нина Ивановна Щепановская (10 сентября); в Дорогобуже – Николай Иванович Савин

[1] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с. Л. 95 – 99.

[2] Там же. Л. 102, 103.

[3] См.: Ашнин Ф., Алпатов В. Дело профессора Архангельского... С. 51 – 53.

[4] Бочкарев В.А. историк, краевед, организатор архивного дела.

[5] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с. Л. 1.

[6] Книга памяти жертв политических репрессий: смоленский мартиролог. Т. 2 (А – Г). Смоленск, 2003. С. 267.

УТВЕРЖДАЮ:
ЗАМ ПП ОГПУ ЗАПОБЛАСТИ
/ НЕЛЬКЕ/
"7" сентября 1933 г.

1

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е.

1933 года, сентября 6-го дня - гор. С м о л е н с к.

Я, врид начальника 4-го отделения СПО ПП ОГПУ Западной области Н. АФАНАСЬЕВ рассмотрев материалы в отношении гр. ПАЛАШЕНКОВА Андрея Федоровича, проживающего в г. Смоленске, Соборная гора, дом музея, работающего в качестве ученого секретаря областного бюро краеведения и принимая во внимание, что данными, имеющимися в деле гр. ПАЛАШЕНКОВ Андрей Федорович в достаточной степени изобличается в контрреволюционной деятельности и участии в контрреволюционной организации

П О С Т А Н О В И Л:

Гр. ПАЛАШЕНКОВА Андрея Федоровича подвергнуть аресту и обыску.

Настоящее постановление согласовать с Прокурором при ПП ОГПУ Запобласти.

Врид Нач 4-го отделения СПО ПП ОГПУ З/О /АФАНАСЬЕВ/

"СОГЛАСЕН" НАЧАЛЬНИК СПО ПП ОГПУ ЗАПОБЛАСТИ / САВВИН /

Постановление об аресте А.Ф. Палашенкова. Смоленск. 6 сентября 1933 г.

(по одним данным 7, а по другим – 9 сентября); в Трубчевске – Павел Николаевич Гоголев (27 сентября); в Ельне – Александр Алексеевич Чеплевский (27 сентября)[1]. Все они в той или иной степени в разное время были связаны с музейно-краеведческой деятельностью (отметим, что Архангельский, преподававший в Смоленском университете, был хорошо знаком с целым рядом сотрудников Смоленского государственного областного музея, а в 1925 г. его собственная кандидатура даже рассматривалась на замещение вакантной должности директора этого учреждения[2]). Наряду с теми, кого арестовали, в показаниях Архангельского упоминались также А.К. Героцкий, А.Н. Вьюнов, Б.М. Зубакин, К.А. Умнов, В.А. Меландер, [Л.Ф.] Шевелев, Б.Г. Крыжановский, И.С. Соколов-Микитов, Д.И. Абрамович, [??] Оландер, В.В. Станчинский, Г.Л. Граве, В.П. Лапчинский[3] и некоторые другие деятели культуры и науки, которых непосредственно тогда органы, по-видимому, не тронули.

Арестованные обвинялись по двум пунктам печально известной 58-й статьи – пункту 10 – *«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания» и пункту 11 – «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений [упоминаемая в УК РСФСР глава называется «Преступления государственные» –* **М.И.***], а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой». Мера наказания, положенная по указанным пунктам, в зависимости от обстоятельств варьировалась от лишения свободы «на срок не ниже шести месяцев» и до расстрела или объявления «врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства […] и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества»*[4].

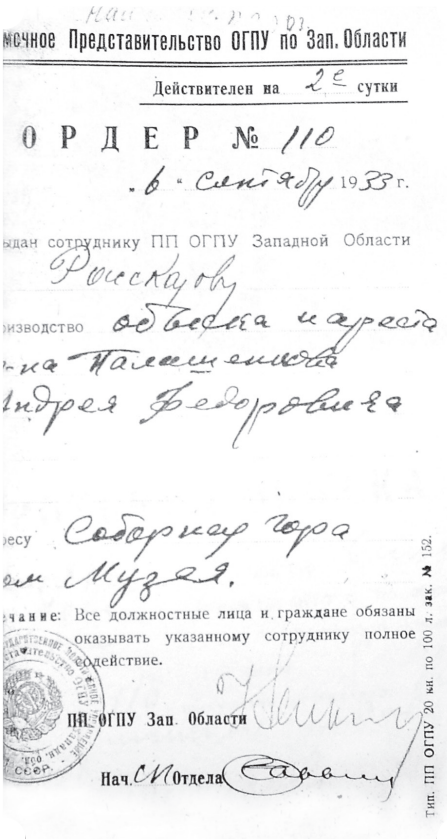
Конкретно же всем арестованным на основе показаний Архангельского вменялось участие в организации, ставившей своей целью *«реставрацию дореволюционного строя в России с сохранением основ православия, самодержавия, народности»*. Эта организация якобы нелегально была связана *«с Ленинградом, Москвой, Харьковом*

[1] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с. Л. 4, 7, 11, 12, 20, 24, 26, 28, 33, 45, 54. Редков Н.Н., педагог, общественный деятель, историк, краевед, на момент ареста статистик в облпромкассе; Щепановская Н.И., научный сотрудник историко-культурного отдела Смоленского областного музея; Савин Н.И., этнограф, археолог, до рубежа 1920 – 1930-х гг. директор Дорогобужского музея местного края; Гоголев П.Н., до сентября 1933 г. заведующий Трубчевским музеем местного края; Чеплевский А.А., педагог, коллекционер, заведующий Ельнинским музеем местного края.

[2] См.: Иванов М.В. Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX вв.). Смоленск, 2005. С. 193.

[3] Героцкий Александр Касперович, в 1918 г. являлся уполномоченным художественно-археологического подотдела отдела народного образования Западной области по Сычевскому уезду; Вьюнов Александр Николаевич, с 1925 г. научный сотрудник Смоленского областного государственного музея, в 1937 г. арестован и по приговору тройки УНКВД расстрелян; Зубакин Борис Михайлович, поэт-импровизатор, арестован и расстрелян в феврале 1938 г.; Умнов Константин Александрович, расстрелян в 1938 г.; Меландер Владимир Алексеевич, биолог, музейный деятель, педагог; Шевелев Л.Ф., студент педагогического института по литературно-лингвистическому отделению, в 1936 г. убит при загадочных обстоятельствах; Крыжановский Б.Г., заведующий Украинским отделом Русского музея в Ленинграде; Соколов-Микитов Иван Сергеевич, крупный отечественный прозаик, публицист, мемуарист; Абрамович Дмитрий Иванович, видный ученый, историк русского языка и литературы, неоднократно подвергался репрессиям; Оландер, с мая по ноябрь 1931 г. был директором Западного областного государственного музея; Станчинский Владимир Владимирович, крупный ученый, биолог, профессор, репрессирован в 1941 г., умер в вологодской тюрьме в 1942 г.; Граве Григорий Леонидович, ученый-биолог, педагог, музейный деятель; Лапчинский Владимир Прохорович, историк, организатор музейного и архивного дела.

[4] Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 37, 38, 42, 43.


мочное Представительство ОГПУ по Зап. Области

Действителен на 2е сутки

ОРДЕР № 110

«6» сентября 1933 г.

ыдан сотруднику ПП ОГПУ Западной Области

Роискарову

изводство обыска и ареста

-на Палашенкова

Андрея Федоровича

есу Соборная гора

ом Музея.

чание: Все должностные лица и граждане обязаны оказывать указанному сотруднику полное содействие.

ПП ОГПУ Зап. Области

Нач. СМ Отдела

Тип. ПП ОГПУ 20 кн. по 100 л. зак. № 152.

Ордер на арест А.Ф. Палашенкова. 6 сентября 1933 г.

и Киевом». Как отмечал Вениамин Михайлович, «по своему составу организация состоит из научных работников в области краеведения, археологии, этнографии, истории религии, работников искусства, писателей, историков; руководство же организации исходило из кругов[,] непосредственно работающих и связанных с Всесоюзной Академией Наук в гор[оде] Ленинграде». По словам Архангельского, *«отдельные члены организации в Смоленске на протяжении 1932 – 1933 года устраивали нелегальные сборища, на которых Бочкарев делал доклады по вопросам, вытекающим из политической платформы организации. Таких сборищ было три»*[1].

Отметим, что Вениамин Михайлович, не сказав, что названные им «сборища» происходили как раз на его собственной квартире, тем не менее указал, что *«Палашенков на этих сборищах не бывал, отказываясь от их посещения»*. Архангельский объяснял это осторожностью Андрея Федоровича, осуществлявшего связь *«организации с др[угими] пунктами, в частности с Ленинградом и Москвой»*. В то же время, по словам Вениамина Михайловича, Палашенков был хорошо осведомлен *«о характере сборищ»*[2].

Следствие тянулось более шести месяцев, и не все арестанты оказались подходящими для фабрикации «дела» фигурами. 11 ноября 1933 г. в отношении трех из шести обвиняемых – Н.И. Савина, Н.Н. Редкова и Н.И. Щепановской было принято постановление о прекращении их дела и немедленном освобождении всех из-под стражи. Столь счастливый вердикт последовал в связи с констатацией, что *«в материалах следствия отсутствует состав инкриминируемого – Савину, Редкову и Щепановской – преступления и что не имеется достаточно оснований для привлечения их к ответственности»*. На документе, однако, стояла начертанная карандашом виза: *«Исполнить, кроме Савина»*. Мы не знаем, что послужило причиной приостановки выхода Николая Ивановича на волю, который все же последовал, но не ранее, чем еще через три недели, 3 декабря 1933 г.[3] Кстати, в отношении арестованного Н.Н. Редкова уже на третий с момента взятия его под стражу день, 10 сентября 1933 г., было принято решение: *«Дальнейшее дознание за отсутствием достаточных материалов прекратить, личность [Редкова Н.Н.] из-под стражи освободить»*[4]. Тем не менее, несмотря на это, Николаю Никитичу, очевидно, пришлось оставаться под арестом еще в течение двух месяцев (чуть позже мы объясним, почему).

С тех, кого выпустили, были взяты так называемые подписки о неразглашении. Приведем здесь текст одного такого документа, который вынуждена была составить и подписать Н.И. Щепановская:

---

[1] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с. Л. 95, 98.
[2] Там же. Л. 99.
[3] Там же. Л. 77, 78, 80.
[4] Там же. Л. 10.

«Подписка

Я, нижеподписавшаяся Щепановская Нина Ивановна, даю настоящую подписку П.П.[1] ГПУ по Зап[адной] обл[асти] в том[,] что я под страхом строжайшей ответственности обязуюсь никому о том[,] даже и близким родственникам не рассказывать ничего по существу вопросов, связанных с моим арестом. За нарушение предупреждения об ответственности (неразб.)[очевидно, буду отвечать] перед коллегией ГПУ

К сему Щепановская 13/XI. 33»

3 декабря 1933 г. аналогичный документ в отношении себя пришлось оставить и Н.И. Савину. К слову сказать, ни Щепановская, ни Савин виновными себя не признали и до конца отрицали свое членство в какой-либо организации[2].

Другим обвиняемым «повезло» намного меньше. В особенности А.Ф. Палашенкову, чью роль в деятельности «организации», как уже отмечалось, Архангельский выделил особо. Можно предположить, что к нему с самого начала применялись более жесткие методы дознания, нежели к тем же Редкову, Савину или Щепановской. Поскольку уже 10 сентября 1933 г. он дал просто убийственные показания как против себя, так и против ряда своих знакомых. И в этом смысле то, что рассказал следователям Палашенков, мало чем отличается от показаний Архангельского. Приведем показания Андрея Федоровича дословно:

«Признаю себя виновным в том, что до дня моего ареста я являлся членом контрреволюционной национал-фашистской организации на территории Западной области, в которую в г[ороде] Смоленске входили: Архангельский Веньямин Михайлович – б[ывший] доцент Пединститута, уволенный за контрреволюционные выступления, о чем в свое время сообщалось в прессе, Абрамович Дмитрий Иванович, Героцкий Александр Касперович, Бочкарев Вячеслав Александрович, я, Палашенков Андрей Федорович, Хозеров Иван Макарович; в гор[оде] Дорогобуже Савин Николай Иванович и другие. Подробные показания о деятельности и составе организации дам дополнительно.

Записаное с моих слов верно и мне прочитано, в чем и росписуюсь.

А. Палашенков 1933 г. 10/IX

Допросили: оперуполномоченный СПО[3] ОГПУ Альтман, Горбунов»[4].

Обещание дать дополнительные показания Палашенкову пришлось выполнить в тот же день 10 сентября. И вот о чем он еще поведал следствию:

«В дополнение к моим предыдущим показаниям сообщаю следствию, что кроме перечисленных мною лиц в организацию входили: Редков Николай Никитьевич – крайний монархист и бывший редактор епархиальных ведомостей.

К названному мною в предыдущих показаниях Савину приезжал летом 1932 года проживающий в Гатчино Соколов-Микитов и проживающий в Москве артист театра им. Станиславского – Румянцев. С обоими я виделся у Савина. С Румянцевым я также встречался в Москве, а Соколов-Микитов в начале 1933 года был у меня в Смоленске.

Названные мною в предыдущем показании члены организации собирались нелегально на квартире члена организации Архангельского, у которого, как мне сообщил Архангельский, обсуждали доклады на антисоветские темы.

Организация ставила своей конечной целью – свержение Советской власти. Более подробные показания о составе организации и деятельности дам дополнительно.

Писал собственноручно.

А. Палашенков

Допросили: Каган, Финкельберг»[5].

---

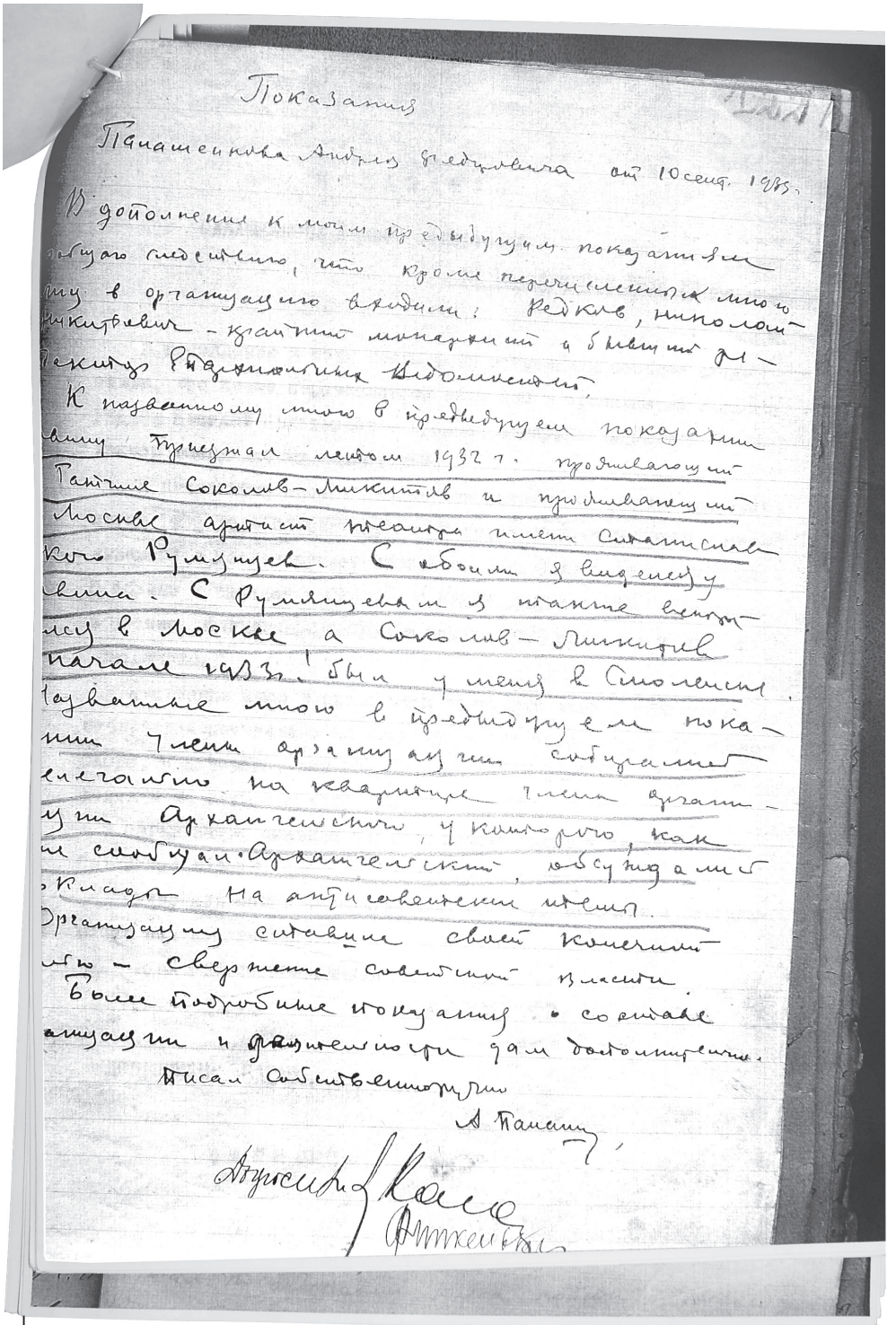
[1] Полномочный представитель.

[2] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с. Л. 80, 81, 119 об., 125 об.

[3] Секретно-политический отдел.

[4] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с. Л. 121.

[5] Там же. Л. 123.



Показания

Палашенкова Андрея Федоровича от 10 сент. 1933 г.

В дополнение к моим предыдущим показаниям
общаю следствию, что кроме перечисленных мною
ниц в организацию входили: Редков, Николай
Никитович — крайний монархист и бывший ре-
ректор Епархиальных Ведомостей.
К названному мною в предыдущем показании
вину приезжал летом 1932 г. проживающий
Тайчине Соколов-Микитов и проживающий
Москве артист театра имени Станислав-
кого Румянцев. С обоими я виделся у
вина. С Румянцевым я также встре-
лся в Москве, а Соколов-Микитов
начале 1933 г. был у меня в Смоленске.
Названные мною в предыдущем пока-
нии члены организации собирались
елегально на квартире члена органи-
ции Архангельского, у которого, как
не сообщал Архангельский, обсуждались
оклады на антисоветские темы.
Организация ставила своей конечной
лью — свержение советской власти.
Более подробные показания о составе
анизации и деятельности дам дополнительно.
Писал собственноручно
А. Палашенко

Показания А.Ф. Палашенкова. 10 сентября 1933 г.

Рискнем предположить, что именно эти вторичные показания А.Ф. Палашенкова в отношении Н.Н. Редкова продлили Николаю Никитичу пребывание под стражей еще на два месяца. Правда, мы уже высказывали предположение, что свои показания Андрей Федорович давал под пытками, которые, по-видимому, стали к нему применяться вскоре же после ареста. На наш взгляд, это подтверждает один из документов дела, написанный собственноручно Андреем Федоровичем карандашом на листке оберточной бумаги:

«ГПУ, СПО следователю Афанасьеву
арестованного Палашенкова
Заявление

В силу тяжелого психического состояния и большой нервной расшатанности, я в данных ранее показаниях признал себя участником контрреволюционных организаций.

Настоящим заявляю, что никогда ни в каких контрреволюционных организациях я не состоял и никаких поручений названных организаций не принимал и не проводил. Всегда был добросовестным работником и честным гражданином Республики.

Арестованный Палашенков
14/XI – 1933 г.»[1].

Вероятно, следствию требовались дополнительные, причем, весьма авторитетные свидетельства, уличающие Палашенкова как связного между смоленским отделением «организации» и центром, которые подкрепили бы в этом смысле не только показания Архангельского, но и показания самого Андрея Федоровича. И вот в конце сентября в материалах дела всплывает новое имя некоего Александра Андреевича Устинова, жителя Москвы, который 30 сентября 1933 г. дает показания, также заслуживающие воспроизведения целиком:

«Признаю себя виновным в том, что я являюсь членом контрреволюционной национал-фашистской организации[,] ведущей борьбу с советской властью под лозунгом возрождения русского национализма и ставящей конечной целью реставрацию дореволюционного строя в России.

Программно-тактические установки организации сводились к следующему:

1. Возрождение русского национализма.

2. Борьба с марксизмом и материализмом.

3. Отвоевание роли интеллигенции в государственной и политической жизни страны.

4. Расширение сферы деятельности организации и вовлечение в эту деятельность новых кадров интеллигенции.

Организация на основе общности интересов борьбы с советской властью об'единяет русские националистические контр-революционные элементы потерявшие свое благополучие в связи с установлением советской власти.

Мне лично известны следующие члены организации:

1) Граф Шереметьев Сергей Дмитриевич, крупнейший помещик, б[ывший] заведующий музеем в Остафьево (Московской области) в своем собственном имении, сотрудник кооператива «Всекохудожник».

2) Арсеньев [В.С.] – помещик, крупный царский чиновник (кажется губернатор).

3) Бахрушин Юрий Александрович, лет 35-ти, сын помещика, из купцов, имевших много имений под Москвой, работает пом[ощником] режиссера в театре им[ени] Станиславского.

4) Адольф Викентий Андреевич, 33 лет, сын владельца гимназии, преподаватель техникума в Москве.

5) Шмаров Юрий Борисович, дворянин, происходит из семьи крупного судебного чиновника, юрист, б[ывший] работник Московского уголовного розыска[,] в 1933 году ОГПУ выслан в Севкрай.

6) Денике Борис Петрович, 45-ти лет, профессор, в театральном музее, специалист по восточному искусству.

[1] Там же. Л. 141.

7) Новицкий Георгий Андреевич, 45 лет, сын врача, сотрудник Исторического музея.

8) Лобанов Виктор Михайлович, журналист «Веч[ерней] Москвы», националист.

9) Григорьев Александр Васильевич, сын торговца, работник областного бюро краеведения. Один из создателей организации, инициатор организации нелегальных сборищ и лекций для участников организации, автор ряда антимарксистских установок, которые активно проводил в жизнь.

10) Смирнова Елена Ивановна, жила два года в Италии, работает в кооперативе «Всекохудожник» в Библиотеке, ярая националистка, органически не терпит марксизм, враждебно относится к советской власти, активный член к-р организации, участница ряда нелегальных сборищ.

11) Тюрк Густав Адольфович, детский врач амбулатории, фашист, связан с братом, проживающим в Германии, в его квартире устраивались нелегальные сборы организации.

12) Ильин Михаил Андреевич, 30-ти лет, искусствовед, работает в Третьяковской галерее, преподаватель строительного техникума, создал в 1933 году антисоветскую группу в техникуме.

13) Горнмаген Юлия Юльевна, дворянка, ярая сторонница национального возрождения России, участница нелегальных собраний организации.

14) Танцова Евгения Викторовна, 35 лет, дворянка, дочь помещика, работает чертежницей в одной из кремлевских строительных организаций, националистка, участвовала на нелегальных собраниях организации.

Нелегальные собрания участников организации на протяжении 1930 – 1933 г. устраивались на квартирах у меня – Устинова, членов организации Григорьева, Смирновой и Львовой, на которых обсуждались практические вопросы к-р деятельности организации, вытекающие из программно-политических установок организации.

В 1931 году в Москве мною был завербован в организацию Палашенков Андрей Федорович – инспектор музея гор[ода] Смоленска, которому я поручил заняться контр-революционной деятельностью в Западной области в соответствии с установками к-р организации. Тогда же я поставил перед Палашенковым задачу изучения политических настроений крестьянства и различных слоев интеллигенции.

После этого с Палашенковым я переписывался, виделся с ним в мае 1933 года в м[естечке] Старица, Западной области и в августе месяце в Смоленске.

Из связей организации с периферией, мне известен [П.М.] Дульский – музейный работник и преподаватель гор[ода] Казани, поддерживавший связь с членом организации Григорьевым.

О практической деятельности организации и ее членов дам дополнительные показания.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

Устинов Александр Андреевич

Допросил: Уполномоч[енный] 2 отд[еления] СПО ОГПУ.

(Финкельберг)

верно:»[1].

В упомянутой вначале нашего сообщения статье И.Л. Кызласовой отмечается, что якобы именно Палашенков во время допроса 22 сентября 1933 г. и назвал имя Устинова[2], а через восемь дней уже Александр Андреевич дал вышеприведенные показания, видимо, окончательно предрешившие судьбу Андрея Федоровича. Подчеркнем, что москвич

[1] Там же. Л. 143 – 146. Отметим, что А.А. Устинов намеренно или случайно ошибся, упомянув первым в списке членов «организации» графа Сергея Дмитриевича Шереметьева, крупного коллекционера и действительно владельца Остафьева, поскольку тот умер еще в 1918 г. Возможно, таким образом Устинов пытался спасти сына графа Сергея Дмитриевича Павла Сергеевича Шереметьева, организовавшего и возглавлявшего музей-усадьбу Остафьево и состоявшего в Обществе изучения русской усадьбы.

[2] Кызласова И.Л. Указ. соч. С. 597.

Памятник М.И. Кутузову, спасенный А.Ф. Палашенковым. Смоленск. Современный вид

А.А. Устинов (1882 – 1937) также был нашим земляком, поскольку являлся уроженцем Смоленска (получил в нем образование, трудился в земстве, а с февраля 1917 г. даже являлся членом Смоленской Городской управы) и лишь после 1917 г. связал свою жизнь с Москвой. С 1918 г. он служил в столичном Народном банке, а с 1921 г. работал в Управлении Госбанка. Кроме того, в 1920-е гг. Александр Андреевич был ученым секретарем такой авторитетной научной организации, как комиссия «Старая Москва»; активное участие он принимал и в деятельности Общества изучения русской усадьбы (далее ОИРУ), где с 1926 г. возглавлял Картографическую комиссию. Поскольку его мать проживала в Смоленске, то Устинов нередко приезжал к ней. Во время посещения им Смоленска в 1931 г. и состоялось его знакомство с Палашенковым[1].

Все те, кого, за исключением А.Ф. Палашенкова и С.Д. Шереметьева, Устинов назвал в своих показаниях, были членами ОИРУ. Почти все, кроме П.М. Дульского, являлись москвичами. Многие из них оказались серьезными учеными (например, Б.П. Денике, Г.А. Новицкий, М.А. Ильин), и практически все были репрессированы по делу «Российской национальной партии». При этом лишь единицы, и среди них – Григорьев, Тюрк и Танцова – имели мужество не признать своей вины. Некоторые же – Г.А. Тюрк, А.В. Григорьев, тот же А.А. Устинов, были приговорены к расстрелу, замененному тогда десятью годами лагерей, но позже, в 1937 г., их все-таки расстреляли[2]. Отметим, что нашего земляка, выдающегося архитектора-реставратора П.Д. Барановского осенью 1933 г. также арестовали и отправили в ссылку в связи с делом «Российской национальной партии».

Нам неизвестно, где был арестован А.А. Устинов – в Москве или Смоленске, и где находился во время следствия. Однако 14 марта 1934 г. между ним и Палашенковым

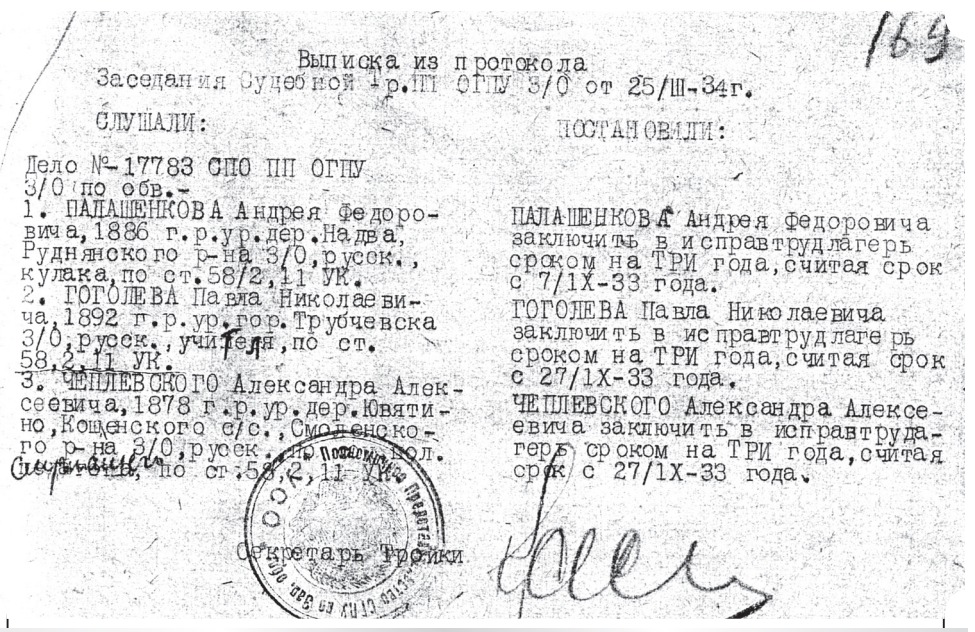
[1] Там же. С. 604; Иванова Л.В. Указ. соч. С. 326.

[2] Кызласова И.Л. Указ. соч. С. 604. См. также: Меленевская М.Ю. Воспоминания семьдесят лет спустя // Русская усадьба: сб. О-ва изучения рус. усадьбы. М.; Рыбинск, 1994. Вып. 1 (17). С. 11 – 18; Злочевский Г.Д. Общество изучения русской усадьбы (1922 – 1930). М., 2002.

провели очную ставку, в ходе которой Александр Андреевич показал, что в 1931 г. именно он завербовал Андрея Федоровича и стал давать ему задания. В свою очередь, Палашенков подтвердил случай знакомства с Устиновым, но опроверг факты своей вербовки, получения заданий и ведения контрреволюционных разговоров. Вероятно, после этого с Андреем Федоровичем снова «поработали», да так, что уже 16 марта того же года он дал показания, в которых бесповоротно признал свое членство в организации, а также сообщил, будто последняя состояла из бывших членов ранее действовавшего в Москве, а к тому времени закрытого ОИРУ[1].

Напомним, что как раз в те дни вся страна, затаив дыхание, следила за развертыванием операции по спасению челюскинцев. В Смоленске же к своему финалу полным ходом шла другая «операция». Поскольку «следствию» для инспирирования разветвленности организации одного Палашенкова в Западной области, очевидно, было мало, оно не оставляло попыток «привязать» к нему его арестованных коллег – А.А. Чеплевского и П.Н. Гоголева, продолжавших упорствовать в непризнании вины (не исключено, впрочем, что их допрашивали не столь рьяно)[2]. 21 марта 1934 г. состоялась очная ставка между Палашенковым и Чеплевским, во время которой Андрей Федорович заявил, что Александр Алексеевич в совместных с ним беседах проявлял контрреволюционные взгляды. Последний это утверждение категорически отрицал. В тот же день была проведена еще одна очная ставка с участием Палашенкова, на этот раз с Гоголевым, из которой выяснилось, что ее участники познакомились в 1930 г. в Москве на I музейном съезде[3].

Так как ничего существенного две последние очные ставки не дали, очевидно, решено было довольствоваться тем, что есть. Тогда же (21 марта 1934 г.) арестованным объявили, что следствие по их делу завершено[4]. В обвинительном заключении окончательно были сформулированы пункты 58-й статьи, по которой все трое и обвинялись[5].



Выписка из протокола
Заседания Судебной Тройки ПП ОГПУ З/О от 25/Ш-34г.

СЛУШАЛИ:

Дело №-17783 СПО ПП ОГПУ З/О по обв.-
1. ПАЛАШЕНКОВА Андрея Федоровича, 1886 г.р. ур.дер.Надва, Руднянского р-на З/О, русск., кулака, по ст.58/2,11 УК.
2. ГОГОЛЕВА Павла Николаевича, 1892 г.р. ур.гор.Трубчевска З/О, русск., учителя, по ст. 58,2,11 УК.
3. ЧЕПЛЕВСКОГО Александра Алексеевича, 1878 г.р. ур.дер.Ювятино, Кощенского с/с., Смоленского р-на З/О, русск., [illegible] по ст.58,2,11 УК.

Секретарь Тройки

ПОСТАНОВИЛИ:

ПАЛАШЕНКОВА Андрея Федоровича заключить в исправтрудлагерь сроком на ТРИ года, считая срок с 7/1Х-33 года.
ГОГОЛЕВА Павла Николаевича заключить в исправтрудлагерь сроком на ТРИ года, считая срок с 27/1Х-33 года.
ЧЕПЛЕВСКОГО Александра Алексеевича заключить в исправтрудлагерь сроком на ТРИ года, считая срок с 27/1Х-33 года.

Выписка из протокола заседания Судебной Тройки ОГПУ. 25 марта 1934 г.

[1] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с. Л. 150 – 152, 154 – 157.
[2] Там же. Л. 138, 140 об.
[3] Там же. Л. 161, 161 об., 162, 162 об.
[4] Там же. Л. 138 об., 163.
[5] Там же. Л. 164 – 168.

11-й пункт остался без изменений, а вот 10-й пункт переквалифицировали на более страшный и абсурдный, особенно в применении к этим людям, 2-й (*«Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры»*[1]).

25 марта 1934 г. состоялось заседание судебной тройки ПП ОГПУ Западной области, приговорившей обвиняемых – А.Ф. Палашенкова, А.А. Чеплевского и П.Н. Гоголева – к заключению в ИТЛ[2] сроком на 3 года. Правда, 7 июля 1934 г. та же судебная тройка ПП ОГПУ во изменение прежнего постановления приняла решение об условно-досрочном освобождении Чеплевского[3], дальнейшая судьба которого нам неизвестна. Что касается Палашенкова и Гоголева, то первый из них отбывал наказание в Караганде и в 1936 г. был досрочно освобожден; судьба же второго так же остается неизвестной. Лишь в период «перестройки» в один и тот же день (31 марта 1989 г.) все трое были реабилитированы прокуратурой Смоленской области[4]. Добавим, что В.М. Архангельский по этому «делу» к ответственности не привлекался, хотя позже репрессий не избежал: в ночь на 17 декабря 1937 г. его арестовали, а 21 июня 1938 г. по обвинению в совершении преступлений по статье 58 пункт 10 («контрреволюционная пропаганда») Особым совещанием он был приговорен к 8 годам ИТЛ[5].

Подводя итог, отметим, что сам А.Ф. Палашенков всегда считал, что его арест и последующая «посадка» выпали ему как месть со стороны власти за защиту смоленских памятников, и никакая выдуманная партия здесь, естественно, ни при чем (на это ему не раз намекали во время следствия). Просто судьба Андрея Федоровича весьма наглядно подтвердила зловещее утверждение: «Был бы человек, а статья на него всегда найдется», не потерявшее, впрочем, своей актуальности и в наши времена.

---

[1] Уголовный кодекс РСФСР. М., 1950. С. 37, 38.

[2] Исправительно-трудовой лагерь.

[3] Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Д. 20394-с. Л. 169, 182.

[4] Книга памяти жертв политических репрессий: смоленский мартиролог. Т. 2 (А – Г). Смоленск, 2003. С. 479; Т. 5 (П – С). Смоленск, 2005. С. 30; Т. 6 (Т – Я). Смоленск, 2007. С. 263.

[5] См.: Ашнин Ф., Алпатов В. Дело профессора Архангельского... С. 58 – 60.

А.В. Ремизов

кандидат исторических наук

Подвижник краеведения

Андрей Федорович Палашенков[1] родился 17 октября 1886 г. в селе Надва Катынской волости Смоленского уезда Смоленской губернии в крестьянской семье. Его отец, Федор Наумович, до 1861 г. был крепостным помещика Вонлярского. «Родители и деды, – писал краевед в одной из автобиографий, – помещичьи крестьяне, крепостные. Отцу шел 17-й год, когда была прочитана воля. Детство проходило в те годы, когда на Смоленщине крепко еще чувствовался помещик, когда деревня носила старый дедовский уклад как в хозяйственной жизни, так и в быту...».

Сама Надва, стоявшая на «каменной» дороге примерно в 30 верстах к западу от Смоленска, по выражению Палашенкова, «вошла в историю»: в начале августа 1812 г. там произошло соединение 1-й и 2-й русских армий, в селе, в доме священника, останавливался маршал Ней. Отец и бабушка будущего краеведа любили вспоминать «дела минувших дней», рассказывали о тех же французах (один из прадедов Палашенкова был у них в плену, «заехал» с французами «далеко за Ригу»), о крепостной жизни, помещиках, старостах, войтах. Дядя, ветеран русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., делился воспоминаниями о дунайских походах[2]. Столь тесная, почти осязаемая связь родных мест с историей Отечества, участие в ярких ее событиях близких людей, естественно, произвели сильное впечатление на ребенка и непосредственным образом повлияли на формирование его склонности к изучению родной старины.

С раннего детства соприкасался А.Ф. Палашенков и с богатствами русского фольклора. «Село, – писал он, – являлось хранителем легенд, преданий, сказок, песен. Древний обряд, обычай сопровождал все стороны жизни крестьянина – от колыбели до могилы». Мать краеведа, Агафья Гавриловна, его сестры Улита и Евдокия слыли хорошими песенницами (старшая сестра больше знала старинных песен, а пела лучше младшая, Евдокия, позднее Палашенков запишет от сестер около сотни песен), в доме их нередко устраивались посиделки, звучали песни, «старик Артем Иванович Гапеенков [...] говорил сказки». Все это также «способствовало пробуждению интереса к истории, фольклору»[3].

Образование А.Ф. Палашенкова началось в школе при Богородицерождественской церкви родного села и продолжилось в двухклассном министерском училище. Последнее было расположено в 10 верстах от Надвы, «на земле двух сестер-помещиц [...] Старшая из сестер [...] являлась попечительницей училища. Она интересовалась и хорошо знала

[1] Судя по целому ряду документов, в паспортных данных краеведа значилась фамилия Палашенко. Архив Куйбышевского районного отдела социальной защиты населения. Д. 1912.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 57; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

[3] Там же. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 57 – 58; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 19 – 19 об.; Д. 13. Л. 2 об. – 3.

музыку и пение. При училище был организован хороший хор». Создание в дворянских усадьбах хоровых и музыкальных коллективов, состоявших из крестьянских ребятишек, было, очевидно, достаточно распространенной культурной инициативой рубежа веков, по крайней мере, на Смоленщине. Известно, что княгиня М.К. Тенишева примерно в те же годы организовала балалаечный оркестр из двадцати учеников сельскохозяйственной школы в своем знаменитом имении Талашкино[1].

Вскоре, благодаря своему голосу, юноша стал ведущим солистом и ему часто приходилось бывать в «живописно расположенной помещичьей вотчине с прекрасным дворцом, с лакеями в ливреях, поварами в белых колпаках и многочисленным штатом горничных [...] На усадьбе были расположены ступенчатые пруды с озелененными островами на них, благоустроенные теплицы, сады, громадный дубовый парк с дорожками, клумбами, беседками, большими гранитными вазами [...] Перед детским взором вставали картины крепостной России, дополняемые рассказами старых служащих помещичьего гнезда»[2]. Таким образом Палашенков получил возможность приобщиться к старой дворянской культуре, носителями которой были, в частности, эти сестры-помещицы, владевшие семью тысячами десятин земли внучки «русского графа Монте-Кристо» А.А. Вонлярского, известного своими фантастическими приключениями. На всю жизнь сохранил краевед воспоминания о построенном в готическом стиле флигеле с витражами, о храме, расписанном К.П. Брюлловым и М.О. Микешиным, о внутреннем убранстве усадебного дворца (живопись, скульптура, старинная бронза, собрание редких книг)[3].

Способный и подающий надежды ученик после окончания училища был оставлен при нем для подготовки к дальнейшему обучению. В 1904 г. Палашенков поступил в Алферовскую учительскую семинарию, выпустившись из которой в 1907 г., учительствовал в земских школах Смоленской (1907 – 1909 гг.) и Киевской (1909 – 1913 гг.)

А.Ф. Палашенков с учащимися Таращинского городского училища. Киев. 1912 г.

[1] Журавлева Л.С. Талашкино. М., 1989. С. 101 – 103.

[2] Лосунов А.М. А.Ф. Палашенков: начало пути // Историческая наука в Омском государственном педагогическом институте. Омск, 1992. С. 31; ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 166 – 166 об.

[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

губерний. Есть сведения, что первым местом его работы была земская школа в деревне Челновой, одна из лучших в Дорогобужском уезде. Попечителем этого учебного заведения был тамошний помещик, председатель Дорогобужской уездной земской управы А.М. Тухачевский (дядя советского маршала), а инспектором народных училищ – историк, этнограф, лингвист, фольклорист и краевед В.Н. Добровольский (1856 – 1920). Между известным ученым и начинающим учителем сразу же установились не только дружеские отношения, но и тесное сотрудничество. Добровольский увлек Палашенкова своей страстью к собиранию образцов устного народного творчества[1].

Ничего удивительного в этом не было, если учесть отмеченную уже предрасположенность Палашенкова к такого рода занятиям и горячую, почти фанатичную увлеченность самого Добровольского. Со слов А.Ф. Палашенкова, записанных И.С. Коровкиным, известен такой случай: «Экзамены в сельской школе. Окна открыты настежь. Торжественная обстановка. Цветы. Вдруг Владимир Николаевич выпрыгивает в окно: он услышал, как баба у колодца, ругая сына-мальчонку, сказала какое-то незнакомое слово. В.Н. бежит за бабой, она – от него. Испуганно кричит. Забежала в свою ограду, заперлась на засов. Добровольский стучится, она не пускает. Сбежались люди, еле уговорили ее открыть и разъяснить новое для В.Н. слово»[2].

Так получилось, что именно в качестве фольклориста начал Палашенков свою научно-краеведческую деятельность. Как отмечал С.Р. Лаптев в докладе, сделанном по случаю 80-летия А.Ф. Палашенкова, собиранию фольклора молодой краевед «посвящал все свое свободное время. [Прошел] по деревням и селам Приднепровья пешком, с заплечным мешком […] буквально исколесил этот громадный край и побывал почти в каждой деревне. Им было собрано свыше 10 тысяч бытовых, обрядовых и исторических песен, песен-частушек, духовных стихов, апокрифов, сказок, причитаний, легенд, сказаний, заклинаний, примет...». О записанном Палашенковым и его женой Анной Михайловной, также учительницей, большом числе (свыше 11 тыс.) народных песен упоминает в своих дневниках и И.С. Коровкин[3].

Что же касается педагогической работы краеведа, то определенный интерес вызывает тот факт, что Палашенков не только был прогрессивно мыслящим учителем, но и чуть ли не занимался революционной деятельностью. А.Э. Лейфер в своем очерке «Фонд Палашенкова» цитирует письмо, полученное Андреем Федоровичем от ленинградского профессора Ф.И. Быдина. «Вы учили нас год или два […], – вспоминал бывший учащийся Челновской школы. – Очень уважали и любили Вас мои родители, братья и сестры [...] Вы учили нас петь революционные песни [...] Вы, или кто другой, давали революционные брошюры, листки...» Сам Палашенков в ответном послании, похоже, не отрицал сказанного: «Славные революционно настроенные учительницы Быковской школы [...] предупредили меня, что мне нужно расстаться с Челновой. И вот я на Киевщине [...] заведующим министерским 2-классным училищем. Организовал хороший хор, воскресную школу, народную библиотеку...»[4].

Возможно, отъезд в Малороссию действительно был вынужденным, однако, как докладывал в 1966 г. С.Р. Лаптев, мечта побывать на Украине возникла у краеведа еще в юношеские годы. «Здесь, как и на Смоленщине, хорошо сохранился старый дедовский уклад», можно было наряду с мелодичными девичьими песнями услышать старых бандуристов, «надтреснутыми голосами» рассказывавших о борьбе с турками и татарами, о Запорожской Сечи и Богдане Хмельницком. Все это пробудило интерес Палашенкова к историческому прошлому Украины, он немало по ней попутешествовал, иногда в компании других учителей и своих учеников[5]. В ходе этих и иных краеведческих поездок

[1] Там же. Л. 4; ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.
[2] ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 2. Д. 12. Л. 5 – 6.
[3] Там же. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 5; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 57 об.; Д. 11. Л. 19.
[4] Лейфер А. Фонд Палашенкова // Судьбы, связанные с Омском. Омск, 1983. Кн. 3. С. 222 – 223.
[5] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 5 – 6.

(в верховья Днепра, на Западную Двину и Волгу) А.Ф. Палашенков интересовался не только фольклором, но и этнографией, археологией.

В 1913 г. краевед поступил вольнослушателем (стать действительным студентом ему мешал образовательный ценз) в Московский археологический институт, филиал которого находился в Смоленске, и перевелся в связи с этим в Смоленскую гимназию на должность учителя приготовительного класса и помощника классного наставника. Перед этим Палашенкову пришлось выдержать экзамен на уездного учителя, поскольку полученное им в учительской семинарии образование не давало права преподавать в городских учебных заведениях. Учебу в институте он совмещал не только с преподавательской деятельностью, но и с работой в Смоленской ученой архивной комиссии, членом которой наряду с М.К. Тенишевой, С.Д. Шереметьевым, Н.А. Хомяковым и др. состоял с 1914 г.[1]

В мае 1917 г. Палашенковым был получен документ об окончании археографического отделения института, свидетельствовавший об отличных успехах вольнослушателя в изучении почти всех учебных дисциплин и защите кандидатской диссертации (т.е. дипломного сочинения) по теме «Песни-частушки Смоленской губ.» (интересно, что поначалу краевед-фольклорист весьма негативно относился к частушкам, видя в них «деградацию песенного слова»). А.Ф. Палашенкову было присвоено звание ученого-археографа и произошло его зачисление в действительные члены института.

Вскоре краевед, уже как действительный студент, продолжил обучение на археологическом отделении того же Смоленского филиала Московского археологического института и летом 1922 г. получил свидетельство об окончании его полного курса. По всем 33 изучавшимся предметам, среди которых, кроме русской истории, истории русского и зарубежного искусства, истории литературы и языка, значились русская историография, славяно-русская и греческая палеография, история русской архитектуры и скульптуры, история византийского искусства, история эстетических учений, египтология, первобытная и христианская археология, этнография, музееведение, геология, нумизматика и эпиграфика, немецкий, французский и латинский языки, история местного края и т.д., выпускник имел только отличные оценки и получил все права, предоставлявшиеся окончившим российские госуниверситеты. Одновременно Палашенковым был прослушан курс словесно-исторического отделения Института народного хозяйства[2].

Проработав некоторое время после закрытия гимназии в советских школах Смоленска и Орловско-Витебской ж.д., Андрей Федорович оставил педагогическое поприще и целиком ушел в музейно-краеведческую деятельность. По имеющимся данным, уже в 1921 г. он являлся экспертом Главнауки по отбору предметов музейного значения и участвовал тем самым в известном изъятии церковных ценностей в связи с голодом в Поволжье, а в 1922 г. был хранителем Музея искусства и древностей при Смоленском ГубОНО (бывший музей «Русская старина», созданный кн. М.К. Тенишевой в 1905 г. и в 1911 г. переданный ею в дар Смоленскому филиалу Московского археологического института).

Видимо, как раз тогда состоялось его знакомство с М.М. Пришвиным. Как рассказывал сам А.Ф. Палашенков И.С. Коровкину, Пришвин, агроном по специальности, был тогда («в первые годы советской власти») без работы и «директору музея в Смоленске» Палашенкову удалось устроить его на несколько месяцев смотрителем находившегося в ведении музея безнадзорного имения помещика Барышникова[3]. Среди известных деятелей культуры у краеведа было еще несколько друзей и добрых знакомых – те же М.В. Исаковский, М.И. Погодин, И.С. Соколов-Микитов. Был знаком А.Ф. Палашенков и со знаменитым путешественником П.К. Козловым, гостившим у него в Смоленске[4].

В 1923 г. Палашенков был организатором этнографического отдела Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве, а начиная с 1925 г. являлся сперва библиоте-

[1] Там же. Л. 6; Д. 1. Л. 15; Лосунов А.М. Указ. соч. С. 31 – 32.
[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 37, 38.
[3] Там же. Л. 10, 25 об.; Д. 11. Л. 10.
[4] ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 57 об., 70 об.; Д. 11. Л. 12 об. – 14.

карем, а затем научным сотрудником Смоленского музея, заведовал местными историко-археологическим музеем, мемориальным музеем композитора М.И. Глинки, музеем революции. Если в историко-археологическом музее им была проведена реорганизация на основе новых принципов музейного строительства, то создание двух последних из названных музеев, а также мемориального музея Н.М. Пржевальского вообще было его личной заслугой. В 1927 г. распоряжением Главнауки Наркомпроса А.Ф. Палашенков был назначен директором и председателем Ученого совета Областного музея, объединявшего все музеи Смоленщины. Уйдя в 1928 г. с административной работы (по состоянию здоровья), краевед возглавил один из отделов музея, а затем стал инспектором и уполномоченным по охране памятников Западной области.

Нельзя не сказать и о его общественной деятельности. А.Ф. Палашенков был заседателем народного суда (1922 г.), состоял членом правления и казначеем Общества гуманитарных наук при Смоленском университете (1926 – 1927 гг.), членом бюро Смоленской секции научных работников (1927 – 1928 гг.), «культуполномоченным» Областного дома работников просвещения (1930 – 1933 гг.; в 1931 г. в этом качестве руководил бригадой по проведению весенней кампании и получил благодарность за «энергичную и плодотворную работу»). В 1931 г. он был членом только что созданного Западного ОБК, где руководил исторической и библиографической секциями, с 1932 г. являлся ученым секретарем этого бюро краеведения.

В 1930 – 1933 гг. А.Ф. Палашенков провел большую работу по регистрации археологических и историко-революционных памятников Западного края. К концу смоленского периода деятельности ученого-краеведа в его активе было около десятка научных публикаций (исторический очерк Смоленска, статьи и заметки об отдельных памятниках и проблемах их охраны, сборники фольклорных произведений) и несколько подготовленных к печати рукописей по истории, археологии и этнографии Смоленщины. Кроме того, на протяжении ряда лет А.Ф. Палашенков собирал самые разнообразные материалы для краеведческого словаря Западной области[1].

Вся эта весьма продуктивная работа была прервана 7 сентября 1933 г. арестом увлеченного краеведа. А.Ф. Палашенков был обвинен в шовинизме и 25 марта 1934 г. приговорен Тройкой УНКВД по Западной области к трем годам лишения свободы. Много лет спустя в одном из писем он пояснил, в чем состоял его «шовинизм»: «Работа по охране памятников и довела меня до Сибири. Спасая от разрушения Смоленскую стену, Большой Успенский собор, памятники 1812 г. и Кутузову, я приобрел много недругов»[2]. Надо заметить, что репрессиям краевед подвергался и ранее. А.М. Лосунов установил, что в 1918 г. «Палашенков был арестован ЧОНом и препровожден в Губчека, где его продержали несколько дней» за то, что он слишком упорно настаивал на передаче Смоленскому музею бывшего архиерейского дома, а в 1919 г. он был взят в заложники по случаю проходивших в округе антисоветских крестьянских волнений, более месяца провел в тюремном застенке и лишь чудом избежал расстрела...

Через несколько дней после вынесения приговора группа заключенных, в которой находился Палашенков, была отправлена на строительство канала Москва-Волга. Однако в Вязьме находившиеся среди заключенных интеллигенты были сняты с поезда, возвращены в Смоленск и после кратковременного содержания в городской тюрьме этапированы в КАРЛАГ[3]. Обстоятельства сложились так, что любовь к истории, пристрастие к музейному делу, приведшие А.Ф. Палашенкова в лагерь, помогли ему и выбраться оттуда. В марте 1935 г. начальник Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД Линин издал приказ за N 84, которым предписывалось «для успешного и четкого выполнения приказа [...] об организации общелагерного музея, ставящего целью выявление результатов работы лагеря по переделке природы и перековке человека […],

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 11, 12, 15, 17, 18; Д. 11. Л. 10.

[2] Там же. Д. 1. Л. 65 об.; Лейфер А. Фонд Палашенкова... С. 224.

[3] Лосунов А.М. Указ. соч. С. 32, 33; ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.

временно для подготовки музея организовать под руководством заведующего музеем з/к Палашенкова А.Ф. проведение работ по оформлению музейной экспонатуры».

В помощь «заведующему», дотоле бывшему лагерным метеорологом, были выделены снятые с других объектов (учебный комбинат, мелиогруппа, поливное опытное поле и т.д.) еще 6 заключенных: художники Р.Г. Флеминг и П.И. Нерадовский (в прошлом придворный художник последнего императора, он написал тогда портрет А.Ф. Палашенкова, к сожалению, сгоревший), фотограф Р.И. Пауль, а также И.Г. Спасский, П.С. Каменский и Е.М. Сыров. Всем предприятиям и учреждениям КАРЛАГа предписывалось «оказывать всемерное содействие в успешном осуществлении организации общелагерного музея». Приказ начальника лагерного управления действительно был выполнен «успешно и четко», и 27 марта 1936 г. за ударную работу по созданию музея А.Ф. Палашенков был досрочно освобожден[1].

Тюремные камеры и лагерные бараки отняли у краеведа не только несколько лет жизни, при обыске существенно пострадал его архив, были утрачены многочисленные рукописные материалы, документы об образовании и т.д. После освобождения Палашенков обращался с просьбой об их возвращении в «УГБ УНКВД» по Западной области и получил в ответ лишь извещение, что «просимых документов не оказалось». Вернее, извещение это получили тюменские чекисты, их начальник на бумагу наложил свою резолюцию: «Вызовите. Объявите». Вызывать просителя работники «компетентных органов» все же не стали (видимо, из-за своей тогда уже слишком большой занятости) и переслали уведомление заведующему гормузеем с тем, чтобы тот довел его до сведения Палашенкова[2].

Как видим, новым местом жительства недавнего заключенного был определен город Тюмень Омской области, где он 15 апреля 1936 г. был принят оформителем в местный музей, а спустя несколько месяцев, в ноябре, «по договоренности» направлен для работы

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

№ записи	Дата: Год	Месяц	Число	Сведения о приеме на работе и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2				3	4
				Общий стаж до поступления в	работы по найму Омский Обл. Краев. музей	Подтвержден документами стаж 26 л. 7 м.
				Омский Обл. Краеведческий Музей.		
1	1936	XI	14	Принят на должность научного работника.		Приказ № 103 от 21/XI. 1936 г.
2	1937	VII	1	Переведен на должность Заведующего Историко-Археологическим Отделом.		Приказ № 30 от 28/VII. 1937 г.
3	1939	II	14	Переведен на должность научного работника-археолога с оставлением за ним прежней з/платы.		Приказ № 19 от 15/II. 1939 г.
				Директор музея Бурдышев		

Омский Областной Музей РСФСР г. Омск

2 3

Трудовая книжка А.Ф. Палашенкова

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 16, 19 об; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.
[2] Там же. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 – 23.

в Омский областной краеведческий музей[1], в котором в 1936 – 1943 гг. занимал должность научного работника, заведующего историко-археологическим отделом, старшего научного работника-археолога, а затем в течение полутора десятилетий был директором.

Заметим, что А.Ф. Палашенков на всем протяжении сибирского периода своей жизни не порывал связей со ставшей теперь очень далекой родиной, хотя и считал, что Смоленск его «крепко обидел»[2]. В Смоленске остались его родные братья и сестры, его книги и бумаги, перевезти которые в Омск он либо не мог, либо не хотел, надеясь, может быть, на скорое возвращение в родные места. Архив и «шеститысячная» библиотека краеведа погибли в самом начале войны, уничтоженные огнем бомбежек и артобстрелов. Основная часть книг сгорела вместе с домом старшего брата, Никиты Федоровича, другая – вместе с домом отца, где жили сестры Палашенкова (это была уже вторая библиотека, которой краеведу пришлось лишиться, еще в 1919 г. его книги были отчасти «забраны», отчасти же просто разворованы)[3].

По свидетельству И.С. Коровкина, дома у А.Ф. Палашенкова висели рядом две карты – Смоленской и Омской областей[4]. Интересно, что в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. краевед часть своих работ подписывал псевдонимом «Смоленский»[5]. Наконец, Палашенков никогда не упускал возможности погостить в родных краях, интересовался смоленскими делами, в т.ч. и краеведческими. Его бывшие земляки так же помнили своего старейшего краеведа, в смоленских газетах были опубликованы материалы к его 70- и 85-летнему юбилеям...[6]

Андрей Федорович приехал в Омск уже не молодым, 50-летним, но очень быстро стал и затем оставался до конца жизни омским «краеведом № 1», безусловным лидером местного краеведческого движения. Особый интерес представляют, на наш взгляд, первые годы его пребывания на омской земле. Он сразу же продемонстрировал такую неуемную энергию в изучении нового для себя края, в особенности, в изучении его исторического прошлого, такую краеведческую ненасытность, такой энтузиазм в поиске новых краеведческих знаний, какие мало кому были свойственны тогда, как, впрочем, и до него и после. В архиве краеведа сохранилась автобиография, написанная им в 1946 г. Вот что сам он рассказал о начале омского периода своей деятельности:

«С переходом на работу в Сибирь занялся изучением Омской области. Зимой 1936 – 1937 гг. проработал и напечатал программы по учету археологических, историко-революционных и архитектурных памятников, ознакомился с состоянием дома декабриста Муравьева-Апостола в Ялуторовске, составил проект реставрации этого дома (впоследствии дома-музея. – **А.Р.**)[7]. В 1938 г. предпринял экспедицию за Полярный круг. Обследовал на реке Полуй древнюю (IV – VIII вв.) стоянку, раскопки которой дали богатый археологический материал. В Салехарде изучен в археологическом отношении береговой

---

[1] Там же. Л. 16, 24.

[2] Лейфер А. Фонд Палашенкова ... С. 224.

[3] ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 56 об.; Д. 15. Л. 12; Ф. 2200. Оп. 2. Д. 191. Л. 16.

[4] ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 14. Л. 60 об.

[5] И.Е. Бродский, ссылаясь на М.К. Юрасову, бывшего редактора Омского книжного издательства, сообщил нам, что в те годы не рекомендовалось печатать труды лиц, когда-либо подвергавшихся репрессиям, по крайней мере нельзя было указывать подлинные имена таких авторов. Палашенкова якобы вызвали в издательство и предложили обзавестись псевдонимом. Он воспринял это совершенно спокойно и стал именоваться А.Ф. Смоленским. Скорее всего это своеобразная легенда. Просмотр работ краеведа, опубликованных в то время, показал, что в основном они подписаны отнюдь не псевдонимом. Выяснилось также, что свое вымышленное имя А.Ф. Палашенков нередко употреблял в тех случаях, когда в одном и том же номере газеты печатал сразу несколько своих материалов. Этот прием и по сей день широко используется в журналистской практике.

[6] Шубенко В. Старейший краевед страны // Рабочий путь (Смоленская обл.). 1957. 22 июня; Владимиров В. Верность отчему краю // Смена (Смоленская обл.). 1971. Март.

[7] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

мыс – территория Обдорской крепости. Произведено описание и фотографирование мыса Ваули [...], связанного с именем национального ненецкого героя [...] В Надымском районе собран этнографический материал, характеризующий быт ненцев. В том же 1938 году произведены раскопки на Искере (территория столицы б[ывшего] татарского Сибирского царства), сделаны обмеры и разрезы, сняты планы[1].

Митинг в Березове. Снимок сделан участниками экспедиции на Обский север. 25 июня 1938 г.

В 1939 г. предпринята экспедиция по рекам Северная Сосьва и Ляпин. Обследована территория б[ывшей] Ляпинской крепости, где обнаружены остатки крепостного тына, фундаменты башен и других строений. По рекам Сосьве и Ляпину открыты городища, стоянки древних поселенцев[...], собран вещественный материал[...], произведены обмеры, чертежи и фото. В Березове определено место погребения Марии Меншиковой, дочери сподвижника Петра, умершей в 1729 г. Обнаружены и вывезены в музей шелковые и др. ткани XVIII и XIX веков, в т.ч. фелонь, пожертвованная находившимися в березовской ссылке княжнами Долгоруковыми, выделена и вывезена в музей коллекция икон древнего письма (были найдены в груде церковного хлама. – **А.Р.**), в т.ч. икона, известная в литературе под именем «Знамя Ермака». Составлено описание березовского некрополя.

В 1940 году продолжал обследование (начато в 1938 г.) Тобольского кремля и других исторических, историко-революционных и архитектурных памятников старейшего из русских городов в Сибири. С 1937 по 1940 гг. провел учет, описание и фотографирование всего наличия историко-революционных памятников на всей территории Омской области [...] – от Казахстана и кончая Ямальским полуостровом. За упомянутые работы занесен на Доску Почета со следующей характеристикой:

«Палашенков Андрей Федорович – старший научный работник. Трудовой стаж 34 года. Провел большую работу по изучению кремля в г. Тобольске, в результате чего по представлению Исполкома Омского областного совета депутатов трудящихся СНК РСФСР признал кремль [...] историческим памятником государственного значения, подлежащим государственной охране. Руководил составлением и оформлением технических смет и титульного списка на ремонтно-реставрационные работы по этому памятнику, закончив оформление всего материала ко дню открытия XVIII конференции ВКП(б). Провел работу по учету и фиксации историко-революционных памятников на территории г. Омска и Омской области. Учетный список памятников утвержден Исполкомом [...] Активно участвует в общественной работе музея»[2].

Рассказывая об участии в пополнении музейных фондов, А.Ф. Палашенков не упомянул о своей роли в спасении книг т.н. «словцовской библиотеки», подаренных

[1] В раскопках А.Ф. Палашенкову помогали художник Д.С. Суслов и тобольские школьники. Там же. Л. 11.

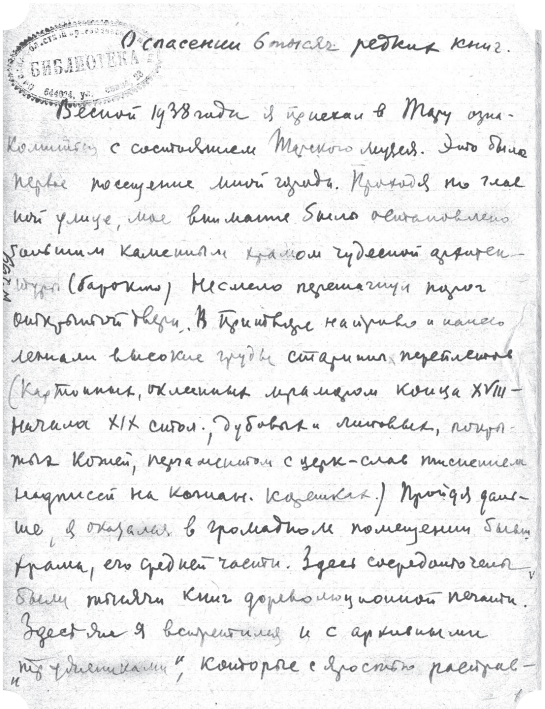
[2] Жук А. Еще раз о «знамени Ермака» // Омская правда. 1994. 16 сент.; ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 27 об. – 28 об.

в свое время П.А. Словцовым одному из учебных заведений г. Тары. Позже краевед написал короткие воспоминания об этом эпизоде (хранятся в рукописном фонде библиотеки Омского государственного историко-краеведческого музея), опубликованные И.Е. Бродским в 1994 г. Поскольку отраженные в них факты во всех отношениях характерны, позволим себе еще одну пространную цитату из написанного Андреем Федоровичем:

«Весной 1938 г. я приехал в Тару ознакомиться с состоянием Тарского музея. Это было первое посещение мной города. Когда я проходил по главной улице, мое внимание было остановлено большим каменным храмом чудесной архитектуры [...] Несмело перешагнул порог открытой двери. В притворе направо и налево лежали высокие груды старинных переплетов (картонных[...], конца XVIII – начала XIX вв., дубовых и липовых, покрытых кожей, пергаментом, с церк[овно] – слав[янским] тиснением надписей [...]). Пройдя дальше, я оказался в громадном помещении бывшего храма [...] Здесь сосредоточены были тысячи книг дореволюционной печати.

Здесь же я встретился с архивными «тружениками», которые с яростью расправлялись со «старым барахлом» (так они называли обесславленные книжные сокровища). Архивные работники вырывали текстовую часть книг из переплетов, и в этом, как я убедился, преуспели немало. Текстовая часть книг шла в утиль на поддержание тепла в сырых стенах бывшего храма. Переплеты оставались для приведения в должное состояние и вид здания Тарского архива.

Я обратился с просьбой к зав. архивом о передаче книг Омскому музею. Получил решительный отказ: «Нам приказано сдать все в утиль!!!». Не было у меня надежды, что и др. власти Тары встанут на мою сторону. Пошел на телеграф и без минутного промедления послал телеграмму в Омск. Просил председателя испол(кома) обл(астного) Совета т. Евстигнеева дать указание о передаче книг [...] Через несколько часов я получил разрешение на вывоз книг в Омск. Началась беготня по закупке ящиков, мешков, рогож, веревок, шпагата и т.п. Когда обзавелся упаковочным материалом, началась укладка книг, зашивка, перевозка и заколачивание ящиков. Дней пять работал. Три четверти обреченных на уничтожение книг упаковал и отправил на пароходную пристань (240 пудов).


О спасении бывших редких книг.

Весной 1938 года я приехал в Тару ознакомиться с состоянием Тарского музея. Это было первое посещение мной города. Когда я проходил по главной улице, мое внимание было остановлено большим каменным храмом чудесной архитектуры (барокко) Несмело перешагнул порог открытой двери. В притворе направо и налево лежали высокие груды старинных переплетов (картонных, окованных храмовом конца XVIII – начала XIX стол., дубовых и липовых, покрытых кожей, пергаментом с церк-слав тиснением надписей на корешках. кодексах.) Пройдя дальше, я оказался в громадном помещении бывшего храма, его средней части. Здесь сосредоточены были тысячи книг дореволюционной печати. Здесь-то я встретился и с архивными "тружениками", которые с яростью расправ-

Рукопись воспоминаний о спасении редких книг из Тары. 1938 г.

Оставалось тысячи две книг. Тара запротестовала. Не позволила продолжать мне упаковку: «Нам тоже нужны книги». Я торопился с погрузкой на пароход: погода была ненастная, груз же лежал на открытом дебаркадере. Полагал по доставке груза в музей, заручившись отношениями, отправиться в Тару за оставшимися там книгами [...] Книжный груз был перевезен в библиотеку музея. Я […], довольный обогащением библиотеки ценнейшим поступлением, пришел к директору музея А.П. Петровской […], просил ее посмотреть книги. Пришла и с нескрываемой брезгливостью взяла в руки одну, другую [...], десятую книгу. Потом, глядя на меня с сожалением, сказала: «Жалко мне Вас, А.Ф., что так много затратили сил на доставку этого старого барахла. Тут нет и одной полезной книги...».

Конечно, при таком взгляде директора я не мог просить командировку в Тару [...] Только через два года [...] мне [...] сказали, что никаких старых книг в городе не сохранилось. Все уничтожено. Так гибнут ценности»[1].

Н.М. Столповская, бывшая в те годы музейным библиотекарем, рассказывала нам, что Андрей Федорович даже получил взыскание за свои столь решительные и, главное, не санкционированные музейным начальством действия по спасению несколько тысяч старинных книг. Впрочем, ему было не привыкать страдать за излишнее (как видим, даже с точки зрения директора краеведческого музея) свое радение по сбережению родной старины.

Можно несколько дополнить автобиографию краеведа, касаясь его северных экспедиций, в частности, Ямало-Ненецкой. Она началась 16 июля 1938 г., когда историк-археолог А.Ф. Палашенков, художник Д.С. Суслов со своей супругой Р.И. Жуковой и 6-летним сыном и географ, бывший секретарь Омского ОБК, Г.П. Белозеров взошли на палубу стоявшего у омского причала парохода «Карл Либкнехт». 24 июля они достигли Салехарда, две недели проводили исследования в его окрестностях, затем на какое-то время выезжали в Ныдинский район. Около двух недель ушло и на возвращение из Салехарда в Омск, куда участники экспедиции прибыли 10 сентября.

В ходе поездки Палашенков, как и подобает всякому путешественнику, вел подробный дневник («Путешествие на Обской Север в 1938 году. Полевые наброски старшего научного работника Омского областного музея...»[2]). Из этих записей, дополнив их выдержками из литературных источников и проиллюстрировав фотографиями, он составил после возвращения из экспедиции нечто вроде отчета о ней. Из последнего можно узнать, что при знакомстве со стоянкой на Полуе краевед-археолог собирал подъемный материал и закладывал шурфы, кто-то передал ему найденный на том месте каменный фаллос, а работники аэропорта сообщили, что вообще довольно часто находят старинные предметы. В поисках ненецкого жертвенного места, где, по слухам, все еще приносились жертвы во славу полулегендарного самоедского Робин Гуда – Ваули Пиетомина (промышлял грабежами богатых оленеводов, помогал беднякам, выступал против русских властей и готовил нападение на Обдорск в 1841 г.), путешественники, «пробираясь [...] по тундре, встретили целый ряд небольших, но, видимо, глубоких озер – ям, по берегам которых много голубики и «северной царицы ягод» – морошки. Краеведы обследовали старое ненецкое кладбище, вскрыли один хальмер, в других разрушенных временем гробницах собрали кольца, бубенчики и бляхи, затем изучали хантыйское становище, производили небольшие раскопки.

Палашенков подробно описал памятники на новом кладбище («орлам» 232-го полка 26-й дивизии, «сложившим головы на далеком Севере за идею коммунизма» в июне 1921 г., матросу и грузчику Карской экспедиции, погибших «на фронте борьбы за хозяйственное возрождение Советского Союза»), а также экспозицию местного музея[3]. Несколько страниц дневника-отчета занимает почти художественное описание тундровой природы и вообще местной экзотики: «Проносятся стайки диких уток. Их много бывает под вечер и, в особенности, когда надвинутся тучи и подуют холодные ветры [...]

Взад и вперед по реке снуют суда, начиная от маленькой [...] лодки-калданки и кончая быстроходными катерами и различными буксирами. Реже раздаются басящие гудки больших пассажирских пароходов, вносящих большое оживление в полярный город. К приходу их в свободные от работы часы и, в особенности, в выходные дни к пристани Сале-Хард собирается много городского люда и выходящие из парохода пассажиры проходят через шумную толпу любопытствующих. Часто раздается треск пропеллера воздухоплавательной машины, проносящейся над городом...»[4].

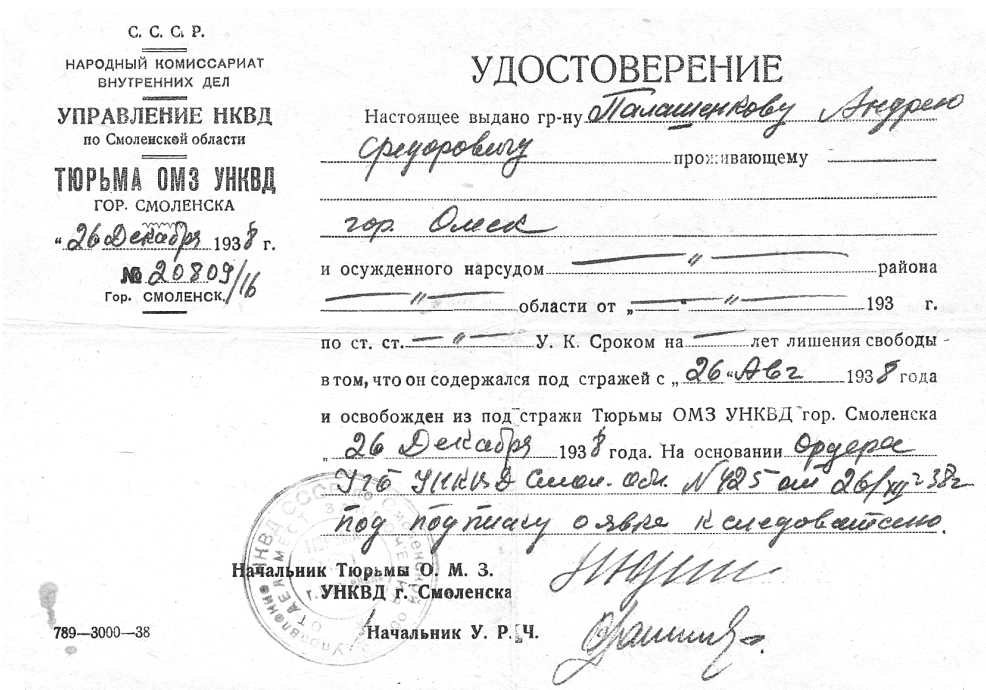
В Ныде А.Ф. Палашенков знакомился с бытом и хозяйством ненцев (чумы, стада оленей), покупал для музея предметы их обихода (25 шт. на 100 руб.). Есть в его записях

[1] Бродский И. Спасение книг // Омский вестник. 1994. 20 мая.
[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об. – 2.
[3] Там же. Д. 19. Л. 5 – 14, 16 – 24.
[4] Там же. Л. 29.

и любопытные данные об остяцких князьках, например, об Иване Матвееве Тайшине, которому в середине прошлого столетия были высочайше пожалованы серебряный кортик, золотая медаль на анненской ленте, малиновый бархатный кафтан с парчовым полукафтаньем и бархатной шапкой, а также кубок и грамота за усердие и в знак признания его княжеской власти над обдорскими хантами[1].

Итогом Ямало-Ненецкой экспедиции были не только ценные археологические, этнографические и исторические сведения о самых северных территориях тогдашней Омской области, но и дружба А.Ф. Палашенкова с Д.С. Сусловым, которая продолжалась долгие годы, несмотря на то, что Суслов, став к тому времени секретарем Союза художников СССР, переехал в Москву. В 1966 г. тогда уже вдова Суслова написала Палашенкову: «... Нет меры восхищению и преклонению перед Вашей увлеченностью своим любимым интересным делом, которому Вы служите с завидным трудолюбием [...] Многим Вы послужили примером, многих смогли увлечь [...] Одним из них был Ваш друг Дмитрий Степанович. Ваше отзывчивое доброе сердце умеет откликаться на горе и радость. Спасибо Вашему сердцу»[2].

Имеются данные, что вскоре по возвращении из Ямало-Ненецкой экспедиции краевед вновь был арестован. А.В. Жук в одной из своих работ сообщает, что «...время от времени Палашенкову напоминали, кто он такой. К примеру, 26 августа 1938 г. [...] Андрей Федорович был арестован [...] и отпущен лишь в начале 1939 г.[3] В конце лета (августе – сентябре) этого года состоялась еще одна большая комплексная экспедиция Палашенкова – Ляпин-Сосьвинская – в Березовский район Остяко-Вогульского национального округа



С. С. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ НКВД по Смоленской области
ТЮРЬМА ОМЗ УНКВД ГОР. СМОЛЕНСКА
"26" Декабря 1938 г.
№ 20809/16
Гор. СМОЛЕНСК.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее выдано гр-ну Палашенкову Андрею Федоровичу проживающему гор. Омск

и осужденного нарсудом — " — района — " — области от " — " — 193 г.

по ст. ст. — — У. К. Сроком на — лет лишения свободы

в том, что он содержался под стражей с "26" Авг 1938 года

и освобожден из под стражи Тюрьмы ОМЗ УНКВД гор. Смоленска

"26" Декабря 1938 года. На основании Ордера

УГБ УНКВД по Смол. обл. № 925 от 26/XII-38 г.

под подписку о явке к следователю.

Начальник Тюрьмы О. М. З. УНКВД г. Смоленска

Начальник У. Р. [illegible] Ч.

789—3000—38

Удостоверение, выданное А.Ф. Палашенкову, о содержании под стражей в тюрьме ОМЗ УНКВД г. Смоленска. 1938 г.

[1] Там же. Л. 50.

[2] Там же. Д. 10. Л. 7, 14.

[3] Жук А.В. Исследование Ляпинской крепости А.Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография. Омск, 1995. Ч. 2. С. 70.

Омской области. В ней кроме него участвовали научные работники музея геоботаник Н.А. Князев и бывший редактор «Молодого большевика» Д.П. Сальников. Перед тремя музейцами была поставлена задача обследовать округ «в естественно-историческом, историко-археологическом, а также хозяйственно-экономическом и культурно-бытовом отношениях за последние 22 года»[1].

Достигнув Березова, участники экспедиции обследовали территорию старого города, уже частично смытого рекой. Палашенков записал: «... Всюду встречаются человеческие кости и черепные коробки [...] Каждый удар лопаты выносит на свет остатки людей». При раскопках берегового склона краевед нашел древний нож, им были также открыты подземные части стоявших когда-то здесь деревянных укреплений. От Березова путешественники прошли более 600 км на лодке, дойдя по рекам до восточных предгорий Северного Урала[2].

Во время этого похода была тщательно обследована территория Ляпинской крепости. А.В. Жук находит не случайным повышенный интерес А.Ф. Палашенкова к этому памятнику, т.к. тот «и по специальности и по призванию [...] был археологом историко-архитектурного направления»[3]. Правда, настроение краеведа изрядно испортилось, когда он узнал, что этот «памятник исключительной ценности» был уничтожен пожаром еще в 1920 г. Тем не менее, крепость, вернее, следы от нее, были в течение двух недель детально обследованы Палашенковым. По остаткам крепостного тына он смог определить план древней крепости, наличие тех или иных крепостных построек, стен, башен, ворот и т.д. «Устали порядком, – записал исследователь в своем дневнике. – Пришлось много копать. Были моменты, когда сомневался, что удастся определить детально план крепости. Сомнения рассеяны. Сделано много»[4].

Действительно, и в ходе этих раскопок и вообще в этой экспедиции Палашенковым было сделано немало. Кое о чем он рассказал в цитировавшейся выше автобиографии, это, конечно, далеко не все. Так, в архиве краеведа имеется описание и фотографии мансийского храма, в частности, семи вырезанных из дерева идолов. Машинописный текст датирован 1939 – 1940 гг., а материалы собирались как раз в ходе Ляпин-Сосьвинской экспедиции. Вероятно, из этой поездки привез Андрей Федорович и хранящиеся в его личном архивном фонде 15 фотографий жертв «кулацко-шаманского восстания в Березовом районе в 1934 г.»[5]

Если к тому, что было сказано выше, добавить, что А.Ф. Палашенков, бывший тогда единственным в Омске археологом-профессионалом, читал курс археологии в местном пединституте (в 1939 г., позже, с 1946 г., читал там же аналогичный факультативный курс), собирал материалы о «февральском перевороте и Октябрьской революции в Омске», об Ишимском восстании 1921 г., записывал бытовавшие в Прииртышье частушки и т.д.[6], что в омских газетах появились его публикации о прошлом Омска и Березова, о Тобольском кремле и кучумовой столице Искере, о походе Ермака и о сыске разинцев в Западной Сибири[7], и не забывать, что все это делал человек, ставший омичом, сибиряком совсем недавно, станет понятно, почему мы назвали его энергию неуемной, а краеведческий энтузиазм в какой-то мере беспрецедентным.

---

[1] Он же. Исследование Ляпинской крепости... С. 69.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 3; Д. 11. Л. 12.

[3] Жук А.В. Исследование Ляпинской крепости... С. 69.

[4] Там же. С. 81.

[5] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 176, 155.

[6] Там же. Д. 1. Л. 27 об., 93; Д. 75, 88, 356.

[7] Палашенков А., Сальников Д. Из прошлого Омской области. Основание Омска // Ленинские внучата. 1939. 27 июня; Они же. Бывшая столица татарского Сибирского ханства // Молодой большевик. 1939. 22 июня; Палашенков А. Гора Кучум // Серп и молот (г. Ишим). 1937. 3 авг.; Он же. Поход Ермака // Молодой большевик. 1941. 30 марта; Он же. О сыске разинцев в Западной Сибири // Омская правда. 1941. 3 апр.; Он же. Основание г. Омска // Молодой большевик. 1941. 22 апр.; Он же. Из прошлого нашей области: г. Березов // Омская правда. 1941. 18 мая; Он же. Историк Сибири П.А. Словцов // Там же. 19 июня; Он же. Тобольск и его кремль // Молодой большевик. 1941. 19 июля.

Нетрудно заметить, что в течение первых лет жизни А.Ф. Палашенкова в Омске достаточно четко обозначился круг его краеведческих пристрастий: учет, изучение и охрана археологических, историко-культурных, историко-революционных памятников и палеонтологических объектов, создание собственного краеведческого архива и постоянное пополнение его материалами об историческом прошлом населенных пунктов, а также и археологическими, этнографическими, фольклорными и общегеографическими, наконец, популяризация краеведческих знаний. Естественно, в этот круг входили активная экспедиционная работа и живое участие в музейном строительстве.

По словам Н.М. Столповской, отношение к Палашенкову со стороны дирекции музея было, мягко говоря, настороженным. А.П. Петровская не забывала, что имеет дело с хотя и освобожденным, но все же «врагом народа», и чуть ли не запрещала прибывшему из Тюмени художнику П.А. Росомахину иметь с опасным краеведом добрососедские отношения (оба обитали при музее). Тем не менее Палашенкова ценили как крупного музейного специалиста. Та же Петровская в 1939 г. писала начальнику музейно-краеведческого отдела НКП РСФСР: «14 февраля с.г. вернулся (надо полагать, из тюрьмы. – **А.Р.**) и приступил к работе археолог Палашенков А.Ф. [...] Высшее образование, большой практический стаж музейной работы тов. Палашенкова требуют соответствующей оплаты труда для закрепления его у нас. Наша ставка [...] 400 рублей для него, безусловно, мала, тем более, что он работает без совместительства и все свое время, зачастую выходя из нормы, отдает музею и охране памятников [...] Мы возбуждали ходатайство перед Наркоматом об установлении ему персональной ставки 700 рублей, и я прошу этот вопрос разрешить возможно быстрей».

Чем это все закончилось, неизвестно, но сам краевед явно оправдал заботу руководства: уже в 1940 г. им был «организован исторический отдел Омского музея», в марте 1941 г. он составил ответ на запрос журнала «Историк-марксист о музее и его историческом отделе»[1]. Да и вообще многое было собрано, изучено, выяснено, о многом написано. Среди рукописного наследия краеведа выделяется хранящийся и поныне в Омском историко-краеведческом музее фундаментальный четырехтомный труд «Реставрация памятников города Тобольска», подготовленный А.Ф. Палашенковым при содействии техников Омской областной проектной конторы И.П. Каширова и Ф.П. Серова в 1940 – 1941 гг. Этот труд, богато иллюстрированный фотографиями, акварельными рисунками и чертежами, немалая часть которых была выполнена самим автором, А.В. Жук считает «вершиной предвоенных исследований Андрея Федоровича»[2].

Основные направления краеведческой деятельности А.Ф. Палашенкова, обозначавшиеся в первые годы его пребывания в Омске, оставались неизменными и в дальнейшем. Что же касается объема работ и продуктивности занятий краеведа, они постоянно и неуклонно возрастали. Так, наверное, еще более напряженными и насыщенными, нежели предыдущие, были для Палашенкова годы Великой Отечественной войны. В своей рабочей тетради за 1941 г. он записал, что уже 22 июля в музее была открыта выставка о войне. Эта выставка и экспозиция отдела природы функционировали в течение всех военных лет, за это время их посетили более 300 тыс. человек.

Резко сократилось финансирование, музей испытывал большие трудности с отоплением и электроосвещением. На его площадях разместились учреждения Военведа, весь второй этаж музейного здания занял эвакуированный из Москвы 2-й медицинский институт. Все это делало особенно острым дефицит площадей, а между тем нужно было где-то разместить вывезенные в Омск фонды ГИМа, Воронежского и Вологодского музеев и даже Сигтунские ворота – древнюю Новгородскую реликвию. А.Ф. Палашенкову, директору музея с сентября 1943 г., естественно, приходилось участвовать в решении всех этих проблем самым непосредственным образом. Судя по всему, это у него получалось – не случайно те же москвичи, спустя много лет, в 1966 г., писали, что помнят большую помощь Палашенкова их музею в трудные годы Отечественной войны.

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 77 – 77 об., 28 об.; Д. 18. Л. 27 – 29.

[2] Жук А.В. Исследование Ляпинской крепости... С. 70.

При всем том сотрудники областного музея всячески старались пополнять собственные фонды. В 1943 г. А.Ф. Палашенков совместно с С. Русяйкиной опубликовал брошюру «Собирайте материалы о Великой Отечественной войне». «Омский областной краеведческий музей, – говорилось в ней, – обращается ко всем трудящимся области с просьбой оказать всемерное содействие в сборе материалов, отражающих невиданную в истории человечества борьбу советского народа за Родину, за свободу». И материалы поступали в музей: трофеи, взятые на Ленинградском фронте, личные вещи генерала Гуртьева, фотографии, письма фронтовиков. Многие из них использовались для устройства передвижных выставок, которые музей рассылал по районам области[1].

6 июня 1942 г. Палашенков получил в облисполкоме документ, подтверждавший то, что ему поручалось обследование историко-революционных, архитектурных и археологических памятников на территории Омской области. Всем организациям, учреждениям и отдельным лицам предписывалось оказывать ему всевозможное содействие. В том же году краеведом была составлена и опубликована программа «Об учете памятников старины и революции в Омской области», а в 1944 г. увидели свет его брошюра «Основание Омска» и фольклорный сборник «Песни советской девушки в дни Великой Отечественной войны».

За годы войны Андрей Федорович дважды командировался в Тобольск для изучения вопросов охраны и реставрации тамошних памятников. В ходе одной из этих поездок ему удалось спасти от сноса домик знаменитого тоболяка П.П. Ершова. Но «... помимо памятников прошлого […], – писал он в одной из своих статей, – наше исключительно знаменательное время, время Великой Отечественной войны, время величайшего напряжения сил народных [...], обогащает исторический памятниковый арсенал новыми и новыми объектами. Каждый день борьбы покрывает немеркнущей славой доблестных защитников Родины, каждый день рождает героев на фронте и в тылу, каждый день наша Советская земля покрывается новыми и новыми объектами величия, славы и гордости, обогащается новыми памятниками […], беречь и охранять которые наша обязанность, наш долг»[2].

Святые ворота Тобольского кремля. 1938 г. Фото А.Ф. Палашенкова

[1] Лейфер А. В сороковые грозные годы // Омская правда. 1978. 16 апр.; ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 14; Д. 18. Л. 11-12; Д. 10. Л. 22.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 82.

Приходилось Палашенкову заниматься и делами, прямо скажем, далекими от исторического краеведения. К примеру, в ноябре 1942 г. исполком Горсовета направил его в Кормиловский район «для оказания помощи райпотребсоюзу по усилению заготовок картофеля по госпоставкам для горпищеторга». Нелегко было краеведу решать продовольственную проблему и в личном ее аспекте. В архиве А.Ф. Палашенкова сохранилось его заявление о «прикреплении» к столовой № 30 и «закрытому распределителю», обслуживавшему научных работников (май 1942 г.). «В марте месяце, – писал он, – мне отказано было в пользовании столовой […], как не имеющему ученой степени […] К столовой и распределителю прикреплен ряд лиц, которые в отношении образования […], научного стажа и работы не выше моего. Ввиду исключительно тяжелого положения прошу комиссию не отказать [...] Я один, иждивенцев нет»[1].

Тяготы и трудности военного времени, так же как и самоотверженность, доблесть в их преодолении, в выполнении своего профессионального и гражданского долга действительно были исключительными, так что медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», полученная краеведом в 1947 г., была для него более чем заслуженной наградой[2].

Впрочем, тех же трудностей, проблем, как производственных, так и бытовых, хватало и в послевоенные годы. К примеру, в 1946 г. А.Ф. Палашенков, директор краеведческого музея, стал еще и исполняющим обязанности директора Музея изобразительных искусств. Тогда же решением облисполкома «Об организации Научно-технического совета при Областном отделе животноводства» он был введен в состав Секции кормов этого Совета. С конца 1945 г. краевед состоял в научно-методическом совете при Областном лекционном бюро (вместе с «ученым профессором т. Дравертом»), приглашался («явка строго обязательна») на совещания, проводившиеся Уполномоченным по Омской области Управления промысловой кооперации и т.д. и т.п.[3]

Случались и неприятности. Сохранился один любопытный документ – заявление Палашенкова в городскую прокуратуру. Директор музея сообщал, что к нему в музейном дворике подошел какой-то человек в военной форме, с орденом Красной звезды, представился братом одной из сотрудниц музея и потребовал немедленно освободить ее от работы. «Хватает меня за руку, – писал Андрей Федорович, – и в гневе заявляет: «Я заставлю Вас!.. Я узнаю, где и когда Вы ходите!.. Убью! Найду способ!..» Я заметил, что угроз не боюсь. А вот (ему), орденоносцу, стыдно действовать такими методами...»[4]. Заметим, в свою очередь, что подобные угрозы способны кого угодно вывести из равновесия, а если вспомнить, каким был размах уголовщины в том же 1946 г., обращение в прокуратуру лишним не покажется.

Приходилось Палашенкову писать в ту же прокуратуру и «объяснительные», оправдываться самому. Началось с того, что П.К. Бадаева, незаконная супруга покойного П.Л. Драверта, обратилась в редакцию «Омской правды» и предъявила музею, а точнее, его директору ряд претензий в том, что он не выполнил Постановление облисполкома от 14 декабря 1945 г., принятое в связи со смертью Петра Людовиковича. Палашенков ответил, что «профессор Драверт похоронен музеем. Никто другой [...] не израсходовал ни одного рубля [...] Музеем выплачено единовременное пособие т. Бадаевой в сумме 3000 руб. […] Не могу придумать, в какой части решение исполкома [...] музеем не выполнено. Тов. Бадаева как-то высказала недовольство, что музей [...] не устроил обеденный стол с вином. Да, поминок музей не устроил и не собирается устраивать. Памятник не поставлен на могиле [...], мемориальная доска не установлена [...] Банная улица не переименована в улицу им. Драверта – так ведь это все в компетенции горисполкома...»[5].

[1] Там же. Л. 81 – 81 об., 83.
[2] Там же. Л. 65 об., 88 – 90, 189.
[3] Там же. Л. 91, 92, 98, 99, 103.
[4] Там же. Л. 95.
[5] Там же. Л. 97а – 97а об.

Прошло чуть более года, и в ноябре 1947 г. Палашенкову пришлось объясняться перед помощником городского прокурора. На этот раз Бадаева обвинила его в разбазаривании имущества, завещанного Дравертом музею. Андрей Федорович сам принимал это имущество на квартире Бадаевой. «К моему приходу, – писал он в объяснительной записке, – часть завещанного (папки, свертки и др.) лежала на полу и на столе. П.К. Бадаева указала на полки с книгами, затем стала вынимать из письменного стола и сундуков [...] свертки и коробки [...] Вынутое складывалось на пол [...] В числе выделенного (Бадаевой. – **А.Р.**) для музея была и небольшая (изящной работы) шкатулочка, ключ от которой находился у П.К. Бадаевой. Бадаева принесла ключ, открыла шкатулочку. Там были монеты, причем несколько монет было завернуто в бумагу [...] Ключ Бадаева оставила у себя [...]

Через 2, приблизительно, недели происходила приемка музеем завещанного. Такой большой перерыв вызван был занятостью Бадаевой [...] Отложенные для музея папки с рукописями, газетными и журнальными вырезками, свертки с фотографиями, альбомы с книжными знаками, коробки с марками, коробка с монетами, две шкатулки с минералогическими коллекциями, коробка с золотой медалью, веер, компасы, молоток – все было уложено в ящики [...] Когда укладка была закончена, я [...] написал акт. Акт был прочитан и подписан Бадаевой и работниками музея [...] Я затрудняюсь сказать, куда исчезла шкатулка с монетами и как могли попасть в КОГИЗ книги из библиотеки П.Л. Драверта. Могу только сказать, что из стен музея ничего не пропало. То, что принято, было и есть налицо и в сохранности»[1].

Тяжбы, подобные этой, имели место и позже. Так, в первой половине 1950-х гг. Палашенков безуспешно пытался отстоять от посягательств ряд музейных помещений. История этого конфликта такова: в 1953 г. директор Музея изобразительных искусств А.М. Гольденблюм с помощью Управления культуры заполучил «под хранилище картин» один из экспозиционных залов краеведческого музея. За счет этой площади, однако, была расширена квартира Гольденблюма, заявившего, что «он не мог использовать переданную ему [...] комнату под хранилище, так как она якобы сырая». Впрочем, вопрос с хранилищем все-таки решился через пару лет. Было занято еще одно помещение краеведческого музея, в котором уже довольно долго квартировал Омский отдел Географического общества.

В докладной записке на имя председателя облисполкома М.Е. Демиденко краеведы (А.Д. Кизюрин, А.Ф. Палашенков, С.Р. Лаптев, С.А. Огурцов и М.М. Садырин) писали, что «в этой комнате протекала вся жизнь Отдела, проходили заседания, камеральная обработка экспедиционных материалов...». 15 июля 1955 г. «По распоряжению начальника областного Управления культуры т. Манторовой О.П. имущество Отдела было выкинуто из комнаты, причем не сочли нужным поставить в известность председателя Отдела». «Решив административным путем вопрос о выселении Отдела […], – говорилось в заключительной части этого послания, – т. Манторова, казалось бы, по долгу службы заинтересованная в развертывании краеведческой работы, [...] по сути дела поставила вопрос о ликвидации ее»[2].

Краеведы-отдельцы обратились также в Президиум Географического общества СССР, а тот, в свою очередь, в Совет министров РСФСР. Кончилось тем, что О.П. Манторова получила из Минкультуры указание обеспечить условия, необходимые для работы Омского отдела ВГО. В письме А.Д. Кизюрину от 16 января 1956 г. она сообщила, что вернуть отнятое помещение «в настоящее время не представляется возможным», зато Управление культуры «обязало директора краеведческого музея тов. Палашенкова беспрепятственно предоставлять для Отдела [...] любые помещения музея», причем выполнение этих указаний [...] будет проверено»[3].

[1] Там же. Оп. 2. Д. 612. Л. 7 – 8 об.
[2] ГИАОО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 83. Л. 5, 6.
[3] Там же. Л. 10.

Воистину трагикомический финал: директор Музея изобразительных искусств прирастил к своей квартире лишнюю комнату, сам музей получил хранилище для полотен, Омский отдел пережил известный стресс, а Палашенков, ведший упорную борьбу за торжество справедливости как заместитель председателя и член совета Отдела, в другой своей ипостаси – директора краеведческого музея – лишился еще одного, уже третьего по счету, помещения. Строгие указания Манторовой и обещание столь же строгого контроля за их выполнением способны создать впечатление, что именно он, Палашенков, являлся виновником злоключений омских географов.

Однако отмеченные выше трудности и неприятности, безусловно, омрачавшие настроение А.Ф. Палашенкова, осложнявшие его жизнь, никоим образом не влияли на его краеведческую активность, всегда остававшуюся необычайно высокой. Доказательств тому предостаточно. Взять хотя бы деятельность краеведа в области музейного строительства, его старания по увеличению музейной сети в Омском Прииртышье. Музеи в саду П.С. Комиссарова и на станции Марьяновка вряд ли начали бы свое существование в конце 1940 – 1950-х гг., не прояви А.Ф. Палашенков творческую инициативу, способности организатора и беспримерный энтузиазм краеведа-музейщика.

Как указывал он в одной из своих автобиографий, вопрос о превращении комиссаровского сада, первого сада в Западной Сибири, в парко-ботанический заповедник был поставлен им еще в 1945 г. Решением облисполкома от 5 октября 1945 г. сад был объявлен заповедником, научное наблюдение за которым было возложено на областной музей. «В результате проявленной заботы о саде (находился до обращения в заповеднике на краю полной гибели), в настоящее время (1954 г. – **А.Р.**) сад-заповедник является одним из интересных уголков природы Прииртышья, привлекающим в летнее время тысячи посетителей».

1 февраля 1948 г. на могиле выдающегося сибирского садовода, расположенной на территории заповедника, музеем был установлен памятник, а «в октябре 1950 г. при заповеднике (был) открыт (на правах филиала областного музея) Комиссаровский мемориальный музей. Дом под музей (был) построен по типу дома, в котором жил П.С. Комиссаров»[1]. Приготовительные хлопоты и само открытие музея в саду Комиссарова подробно описаны в «Музейной летописи» (запись от 17 октября 1950 г.):

«С 8 числа начали готовиться к открытию музея в парко-ботаническом заповеднике. А.Ф. Палашенков в течение недели 2 раза выезжал туда [...] Мы (сотрудники краеведческого музея. – **А.Р.**) выехали из Омска [...] Нас ждали, и Андрей Федорович встретил нас у сада [...] Большой портрет т. Сталина обвит гирляндой осенних листьев, около портрета поставлены букеты из разноцветных веток деревьев [...] Н.М. Столповская начала золотить надписи на памятнике Комиссарову, а (другая сотрудница) [...] – писать надписи и этикетки для музея и выставки. Андрей Федорович совещался с председателем колхоза Лавриком о порядке проведения собрания и научной конференции [...]

Наконец все было готово, перед домиком поставили стол, накрытый красным сукном, стулья для почетных гостей и скамейки. Стали подъезжать на машинах и подводах колхозники соседних колхозов, учителя с учениками [...] Пришла машина из СИБНИИСХОЗа, в ней приехали [...] профессор Ренард, М.М. Садырин, дочь Комиссарова Мария Павловна, ее приятельница и С.Р. Лаптев [...] Приехал на «Москвиче» Каргаполов со своей женой [...] Выступил А.Ф. Палашенков, рассказал историю сада. (С приветствиями выступили М.М. Садырин, М.С. Каргаполов и К.Г. Ренард. – **А.Р.**) [...] После собрания гостям было предложено осмотреть выставку и музей [...] На машинах прибыли в колхоз, где в школе уже было все приготовлено для научной конференции [...] После конференции колхозом был устроен для гостей обед. Очень шумный и веселый [...]

А.Ф. Палашенков пять лет работал и хлопотал над тем, чтобы создать там музей. Самый домик и все экспонаты собирались им буквально по крупице. Сколько раз пришлось ему выезжать в сад. Сам принимал участие в постройке, и вот теперь, после стольких

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

усилий, музей открыт». Запись, сделанная днем позже, сообщает, что Андрей Федорович, фактически только что вернувшийся в город, «снова уехал в Комиссаровский сад для подготовки музея и домика к зиме...»[1].

Спустя несколько лет, в январе 1954 г., Палашенков выступил с докладом о работе Омского областного краеведческого музея на аппаратном совещании, проводившемся в кабинете начальника Отдела культуры облисполкома О.П. Манторовой. Бухгалтер-ревизор упрекнул докладчика в том, что однажды тот ездил в Комиссаровский сад на такси, причем все было подано так, что директор музея с одной из сотрудниц «взяли такси и поехали отдыхать». Поездка на такси действительно имела место, т.к. не удалось достать билетов на автобус. Что же касается достаточно пошлых попыток придать ей какое-то двусмысленное содержание, то они были встречены решительной отповедью присутствовавшего на совещании А.Д. Колесникова.

Музейный «летописец» записал: «А.Д. Колесников [...] высказал свое возмущение (в довольно резкой форме) репликой ревизора [...] А.Д. подчеркнул, что ревизор должен выбирать свои выражения и говорить более тактично». Для нас весьма интересен и показателен один аргумент, приведенный Колесниковым в защиту уважаемого им краеведа. Александр Дмитриевич «резко сказал, что А.Ф. Палашенков в 1946 г. не раз ходил пешком в Комиссаровский сад (а это 35 км! – **А.Р.**) и носил на себе экспонаты для музея, а ревизор упрекнул (его), что на этот раз он поехал на такси»[2].

Завершая разговор о заповеднике и музее, открытых по инициативе Палашенкова на территории бывшего сада П.С. Комиссарова, отметим, что краевед вообще проявлял немалый интерес к истории сибирского садоводства. В его материалах есть данные о Локтиновском саде, заложенном в 1937 г. М.К. Кучинским, выходце из Черниговской губернии, переселившимся в Сибирь в начале века. После смерти садовода в 1941 г. «сад стал хиреть», это продолжалось до тех пор, пока в 1948 г. за дело не взялся сын покойного энтузиаста. Собрал краевед и сведения о выдающемся омском садоводе, цветоводе и огороднике И.А. Яцкине (1859 – 1929), в саду которого росли карагачи и каштаны, а дома, в комнатах, цвели яблони и располагалась целая коллекция пальм («особенно своей красотой поражала финиковая пальма, занимавшая площадь в 9 кв. м»)[3]. Среди печатных работ А.Ф. Палашенкова есть брошюры, статьи и заметки о «творческом подвиге» П.С. Комиссарова и старейшей в Омске яблоне П.Б. Яшерова[4].

В «Музейной летописи» есть записи, рассказывающие и о стараниях краеведа по созданию музея в Марьяновке. Указано, например, что А.Ф. Палашенков 5 января 1951 г. «выехал в Марьяновку по поводу организации там мемориального музея памяти марьяновских боев», позднее им был «... заключен договор на изготовление самана колхозом для постройки музея...», 8 февраля 1953 г. Палашенков «... ходил в Ленинск на трубный завод, где уже изготовлено [было] для Марьяновского музея оборудование», а 31 мая того же года провел в музее собрание оставшихся в живых участников этих боев («организовали историко-краеведческий кружок при [...] музее с целью изучения революционного прошлого края и решили [...] обслуживать Марьяновский музей [...], дежурить и проводить экскурсии»), в августе того же года искал материалы о марьяновских событиях в областном архиве, а в сентябре с музейным столяром и двумя сотрудницами ездил в Марьяновку оформлять экспозицию. «К вечеру остались неразвешанными [...] две крупные картины и несколько портретов...» и Палашенкову пришлось заночевать в музейном зале[5].

---

[1] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 56 – 62.

[2] Там же. Д. 250. Л. 3 – 4.

[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 32. Л. 24 об.; Д. 130. Л. 10.

[4] Палашенков А. Комиссаровский сад // Омская правда. 1945. 23 мая; Он же. Первый сибирский садовод // Советский воин. 1948. 23 мая; Он же. Павел Саввич Комиссаров. Омск, 1948; Палашенков А.Ф., Бударин М.Е. Творческий подвиг Комиссарова // Сад и огород. 1948. №6. С. 43 – 44; П[алашенков] А. Старейшая яблоня в Омске // Известия Омского отдела... Вып. 2(9). С. 142.

[5] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 83; Д. 240. Л. 68 об., 89 об.; Д. 246. Л. 11, 23 об.

С.Р. Лаптев в докладе на торжественном собрании Омского отдела Географического общества, состоявшемся по случаю 80-летнего юбилея А.Ф. Палашенкова, отмечал, что в этом музее «были сосредоточены документальные материалы, оружие, портреты участников боев, картины (Д.И. Логачева и Н.Д. Хломенка. – **А.Р.**), воспроизводящие эпизоды [...] боя. Для музея было построено специальное помещение, и он находился под наблюдением и научным руководством Омского областного музея». Об открытии музея в Марьяновке Палашенков написал заметку, опубликованную в октябре 1953 г. в газете «Омский железнодорожник». Боям с белочехами под Марьяновкой, музею и памятнику на братской могиле красногвардейцев уделено внимание и в известной книге краеведа «Памятники и памятные места Омска и Омской области»[1].

Интересно, что памятникам и памятным местам революции и гражданской войны А.Ф. Палашенков посвятил 139 страниц этой своей книги, т.е. почти 60 % ее объема. Кроме того, ранее, еще в 1945 г., им была опубликована брошюра «Историко-революционные места и памятники в г. Омске», а в 1951 г. увидел свет уже более внушительный труд краеведа «А.Ф. Смоленского» «Историко-революционные памятники Омска». На протяжении 1940 – 1950-х гг. в омских газетах довольно постоянно печатались статьи и заметки краеведа на историко-революционные темы (от первых маевок в Омске до освобождения Прииртышья от колчаковцев)[2].

Существует мнение, что очевидное внимание, с завидным постоянством уделявшееся А.Ф. Палашенковым событиям времен революции и гражданской войны, связанным с ними памятникам и иным объектам, было недостаточно искренним, в известном смысле конъюнктурным. Так, А.В. Жук в одной из статей пишет, что «к 7 ноября 1937 г. Андрей Федорович создает выставку, посвященную 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции [...] и тем покупает право делать науку на казенный счет, а также печататься в местной прессе – это была единственная для А.Ф. Палашенкова возможность публиковать хотя бы в такой форме результаты своих изысканий». И еще: путешествуя в 1939 г. по Ляпину и Сосьве, «Андрей Федорович собирал также в качестве «прикрытия» материал по истории гражданской войны»[3].

Вряд ли дела обстояли именно так. Изучение документов личного архивного фонда А.Ф. Палашенкова убедило нас в том, что его интерес к историко-революционному прошлому края отнюдь не являлся своеобразным средством социально-политической мимикрии. Думается, что следы событий, происходивших в Прииртышье в ходе крупнейшего в российской и мировой истории социального конфликта, просто не могли не интересовать историка и краеведа Палашенкова. Другое дело, был ли он до конца искренним в своих оценках, в своем пиетете к победившим в этой ужасной братоубийственной мясорубке, равно как и в неприязни к потерпевшим поражение. Мы не знаем и вряд ли узнаем когда-либо, как на самом деле относился краевед к белым офицерам или участникам «кулацко-эсеровских» и «кулацко-шаманских» восстаний и, напротив, к подпольщикам, красным партизанам, чекистам, коммунарам и воинствующим безбожникам. Одно бесспорно, сами события революционной эпохи и то, что о них напоминало, всегда вызывали у А.Ф. Палашенкова живой и неподдельный интерес.

Только этим интересом можно объяснить наличие в краеведческом архиве Палашенкова огромного количества материалов о революционных событиях в Омских

---

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 11. Л. 13; Палашенков А., Кузема Г. Открытие музея в Марьяновке // Омский железнодорожник. 1953. 13 окт.; Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места... Омск, 1967. С. 159 – 162.

[2] Он же. По куйбышевским местам // Омская правда. 1949. 28 авг.; Он же. Подпольные типографии // Там же. 16 сент.; Он же. Памяти восстания 22 декабря 1918 г. // Там же. 1 нояб.; Он же. 32 года назад // Молодой большевик. 1951. 14 нояб; Он же. Первые шаги революционного движения в г. Омске // Там же. 19 дек.; Он же. 1905 год в Омске // Там же. 1952. 21 марта; Он же. Борьба за власть Советов в Омске // Там же. 1952. 6 мая; Он же. К 35-летию освобождения Омска от Колчака // Молодой сталинец. 1954. 14 нояб.; Он же. Куйбышевские места в Омске // Там же. 1955. 26 янв. и т.д.

[3] Жук А.В. Исследование Ляпинской крепости... С. 68, 70.

железнодорожных мастерских в 1905 г., о «февральском перевороте и Октябрьской революции» в Омске, о партизанском движении в Большеуковском и Седельниковском районах, об «освобождении Омска от Колчака», о первом председателе Черлакского ревкома Мельникове, об убитых кулаками учительнице Разгуляевой из Мартюшево и председателе колхоза Рубине из Владимировки. Огромен и собранный краеведом комплекс сведений об историко-революционных памятниках, различных их описаний (например, памятников на могилах погибших в годы гражданской войны в Тевризе, расстрелянных крестьян в Сергиевке и Рыжковой, партизан в Муромцево и Атирке, «преданных Советской власти людей» близ Старо-Южного кладбища г. Омска и т.д.)[1].

Еще в 1939 г. краевед скомпоновал машинописный двухтомник «Материалы по историко-революционным местам и памятникам г. Омска и Омской области»[2]. Впоследствии в результате многочисленных краеведческих поездок А.Ф. Палашенкова по Прииртышью эти материалы существенно пополнились. О том, как это происходило, можно узнать из полевых дневников его постоянного спутника С.Р. Лаптева. В июле 1957 г. после прибытия в Васисс краеведы познакомились с тамошним предрайисполкома т. Азаровым.

Он «оказался красным партизаном времен колчаковщины, а поэтому А.Ф. скоро нашел с ним общий язык [...] [Азаров] рассказал о местных памятниках и некоторых эпизодах партизанского движения, в частности, об учительнице Разгуляевой, убитой кулаками [...] А.Ф. ознакомил его с порядком постановки памятника [...] установки мемориальных надписей и т.д.». С.И. Азаров, между прочим, сообщил А.Ф. Палашенкову любопытные данные о судьбе убийцы Разгуляевой Панова. В отличие от отца, старшего брата и еще пятерых пособников убийства, расстрелянных по приговору суда, несовершеннолетний Панов был наказан 10 годами тюремного заключения. Отбыв положенный срок, он получил образование и стал инженером одного из омских заводов[3]. Наверное, бывало и такое.

В мае следующего 1958 г. краеведы совершили поездку к устью Камышловки и на подсобное хозяйство сельхозинститута. «Аллея выходит к небольшому домику, в котором находится контора и квартира зав. хозяйством Анатолия Павловича, хорошего знакомого А.Ф., – записал Лаптев. – Анатолий Павлович – старый большевик, ветеран гражданской войны [...] Мы скоро очутились за столом и самоваром [...] А.Ф. выяснял целый ряд накопившихся у него вопросов по прошлому революционной борьбы в Омске». Впрочем, нередко Палашенкову, наоборот, приходилось делиться с местным начальством своими сведениями. В июле 1962 г. Лаптев записал: «Называевск [...] Утром предприняли посещение местных властей и интересовались местными революционными памятниками. Как это бывало и раньше, местные руководители оказались невеждами и нам (вернее А.Ф.) пришлось указать на то, что должны были бы знать местные партийцы»[4]. Палашенков не только «указывал» местному руководству памятники и памятные места, но и добивался приведения их в надлежащий вид. Так произошло, например, в Больших Уках, где краеведом были обследованы могилы председателя исполкома Еланского сельсовета А.П. Шутова и комсомолки П. Садовниковой, погибших в ходе коллективизации[5].

Вот еще один отрывок из лаптевских записей, на этот раз об однодневной поездке в Марьяновку 23 июня 1964 г.: «Было известно, что в Марьяновке установлен новый памятник. А.Ф. получил приглашение участвовать в его открытии, но у нас была запланирована другая поездка, и поэтому его выезд тогда не состоялся [...] Теперь мы ехали без всяких приглашений, т.е. по собственной инициативе [...] Памятник очень подробно обмерил и описал А.Ф. и согласился со мной, что он действительно хорош»[6].

---

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 68 – 76, 80 – 85, 89, 90, 129; Палашенков А.Ф., Лаптев С.Р. Поездки по Омской области... С. 188, 192, 195 – 198.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 118, 119.

[3] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 55. Л. 8; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 30. Л. 74.

[4] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 56. Л. 2 об.; Д. 57. Л. 68 об.

[5] Зензин Е. «Край света – край географии» // Омский вестник. 1995. 1 нояб.

[6] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 57. Л. 89 – 89 об.

Сам Андрей Федорович считал, что «значение историко-революционных памятников огромно», поскольку они «обогащают и углубляют наши познания в области истории [...] и воспитывают высокие качества человека-гражданина...»[1]. По словам Лаптева, Палашенковым в Омске и области «был произведен детальный учет памятников погибшим за установление Советской власти в Сибири», 150 из них вошли в утвержденный облисполкомом реестр и были взяты на государственную охрану. В Омске «при ближайшем участии Андрея Федоровича [...] на памятниках революции установлены мемориальные доски, где их не было, и заменены старые»[2].

Среди хороших знакомых А.Ф. Палашенкова были старые омские революционеры (И.Г. Залепин, А.И. Гришин, А.П. Страхов, А.З. Судакова, Н.Г. Бурчанинов и др.). Они поздравляли его с юбилеями, их он просил оповестить в случае своей смерти. Наконец, не стоит забывать, что премия им. М.В. Певцова за 1968 г. была присуждена Омским отделом Географического общества «археологу и историографу» Палашенкову в том числе и «за исследования в области [...] истории революционного движения в Западной Сибири»[3].

Как видим, вопросы изучения местных историко-революционных сюжетов, увековечения памяти о событиях революции и гражданской войны в крае занимали А.Ф. Палашенкова на протяжении всей его краеведческой деятельности на омской земле, в том числе и тогда, когда «прикрываться» ими престарелому краеведу не было никакой нужды (другие времена, отсутствие каких бы то ни было служебных обязанностей). Вот почему утверждение об использовании Андреем Федоровичем историко-революционного краеведения как некоего прикрытия кажется нам ошибочным.

Вернемся, однако, к участию краеведа в омском музейном строительстве. Немало сделал Палашенков и для создания в Омске литературного музея. Еще в январе 1946 г. он писал: «В настоящее время [...] работаю по составлению тематико-экспозиционного плана и по сбору материалов для Западно-Сибирского историко-литературного музея, организация которого намечена в доме старейшего сибирского писателя Антона Сорокина»[4]. Андрей Федорович вообще не был чужд литературному краеведению и особенно приблизился к нему через изучение омского и семипалатинского периодов жизни Ф.М. Достоевского.

Посетив Семипалатинск по пути в Киргизию в 1962 г., краевед осмотрел дом, в котором жил Достоевский. Этот дом как раз ремонтировали и, как записал со слов А.Ф. Палашенкова И.С. Коровкин, «сломали все уличное украшение […], оторвали ставни и все это выбросили в мусорную кучу». «Зачем же вы это выбросили?» – спросил Палашенков у ломавшего дом казаха и получил ответ: «А мы лучше сделаем». Оставалось лишь взять себе одну ставню (привез ее в Омск и хранил у себя дома) и посетовать: «Они не чувствуют аромат этого [...] Надо их приучить тонко воспринимать...»[5].

Результатом пристального внимания краеведа к тем уголкам Омска, которые напоминали о пребывании здесь Достоевского, сбора материалов об этих памятных местах стали брошюра А.Ф. Палашенкова «По местам Ф.М. Достоевского в Омске», увидевшая свет в 1965 г., а также несколько небольших публикаций конца 1960-х гг.[6] Бандероль с несколькими экземплярами своей книжки краевед послал внуку великого писателя ленинградскому инженеру А.Ф. Достоевскому. Последний разослал палашенковские

---

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

[2] Там же. Д. 11. Л. 13, 14.

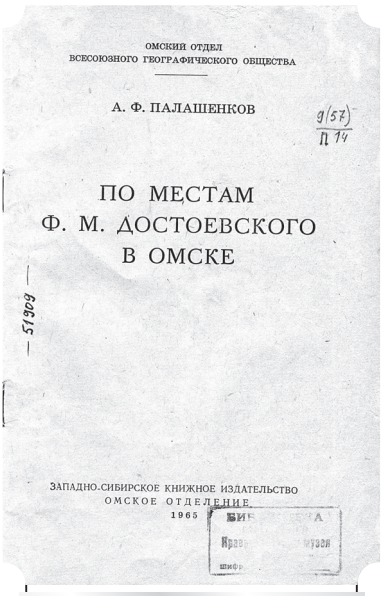
[3] Там же. Д. 9. Л. 42; Д. 2, Л. 5; Д. 6. Л. 1.

[4] Там же. Д. 1. Л. 29.

[5] ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 14. Л. 58 об. – 59.

[6] Палашенков А.Ф. По местам Ф.М. Достоевского в Омске. Омск, 1965; Он же. Пребывание Ф.М. Достоевского в омской ссылке. К 120-летию со дня приезда Ф.М. Достоевского в Омск // Календарь юбилейных и памятных дат 1970 г. Новосиб., Ом., Том. обл.. Новосибирск, 1969. С. 31 – 33; Он же. В Омском остроге. К 150-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского // Молодой сибиряк. 1970. 17 окт.

брошюры в различные научные учреждения страны, в Гарвардский и Корнелльский университеты США, в канадский Мак-Гиллский университет, а также своим знакомым в Англию, Францию и Югославию[1]. В 1968 г. А.Ф. Достоевский посетил Омск. «Его трехдневное пребывание в Омске, – вспоминала К.А. Зубарева, – было насыщенным. Трогательной была встреча с известным омским краеведом и литератором А.Ф. Палашенковым, отдавшим много энергии делу создания будущего литературного музея им. Ф.М. Достоевского в Омске [...] Навсегда запомнились их длительные беседы, одна из которых состоялась в доме [...] Палашенкова, в его библиотеке. Сюда на чаепитие за самоваром были приглашены учителя, художники, просто любители русской словесности»[2].


ОМСКИЙ ОТДЕЛ
ВСЕСОЮЗНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

А. Ф. ПАЛАШЕНКОВ

ПО МЕСТАМ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
В ОМСКЕ

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1965

Брошюра «По местам Ф.М. Достоевского в Омске». 1965 г.

Но не только печатным словом пытался Палашенков увековечить память о Достоевском в Омске. Еще в годы работы директором музея он заказал на машиностроительном заводе чугунную доску. Она была отлита по макету скульптора Словакова. «Эту доску, – писал С.Р. Лаптев в январе 1966 г., – предполагалось поместить на стене Тарских ворот [...] Однако этого сделать не удалось, т.к. ворота были снесены [...] Увы, дирекция (новая. – **А.Р.**) музея не нашла лучшего ей применения, как бросить ее текстом вниз сначала под порог дверей, а затем около садовой скамьи с тем, чтобы посетители могли обтирать приставшую грязь и ставить на нее свои ноги»[3].

Материалы об этой доске составляют одно из дел палашенковского архивного фонда. Среди них – черновой вариант статьи, посланной краеведом в редакцию «Литературной газеты» (1966 г.). Речь шла о печальной судьбе ряда омских исторических и архитектурных памятников и, в частности, говорилось, что «доска в память пребывания в Омске Ф.М. Достоевского [...] лежит в земле во дворе музея». Имеется в деле и фотография: люди сидят на скамейке, поставив ноги на чугунную плиту. Рукой А.Ф. Палашенкова сделана надпись: «... Брошенная под ноги посетителей музея мемориальная доска [...] пролежала по воле директора М.И. Агеева десять лет...»[4].

Обвинения краеведа в адрес своего преемника на директорском посту не остались без последствий. 18 октября 1966 г. «Литературная газета» напечатала что-то вроде опровержения, озаглавленного Агеевым «Кто же пренебрег памятью?». На этот раз обвинялся Палашенков: он-де, будучи заказчиком доски, все 10 лет молчал о ней, не поставив в известность ни областное Управление культуры, ни новое руководство музея. Старые товарищи Андрея Федоровича С.Р. Лаптев и М.П. Михельсон, в свою очередь, вступились за него и обратились в редакцию «ЛГ», Музей Ф.М. Достоевского в Москве, Министерство культуры РСФСР и в Союз художников СССР.

В письме Достоевскому-внуку Лаптев сообщал: «Каждый неосведомленный читатель [...] сделает вывод, что во всем виноват А.Ф. Палашенков!! Конечно, мы принимаем все меры к реабилитации А.Ф. […] Эта заметка угнетающе подействовала на А.Ф. и вызвала у него очень тяжелые переживания [...] Увековечение памяти пребывания Ф.М. Достоевского в Омске было постоянной мечтой и желанием А.Ф., и в результате вместо благодарности плевок в лицо!!!». Впрочем, подобные неприятности хотя и уг-

[1] Лейфер А. Фонд Палашенкова... С. 241.
[2] Зубарева К. Узел судеб // Вечерний Омск. 1991. 11 окт.
[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.
[4] Там же. Д. 16 Л. 2, 8.

нетали Палашенкова, не могли отвратить его от забот об исторической памяти. Та же мемориальная доска в 1969 г. «по распоряжению секретаря обкома партии т. Елизаветина» все-таки была установлена на Тобольских воротах[1].

Не оставлял краевед и хлопот по открытию в Омске музея Достоевского. В письме заведующей аналогичным музеем в Семипалатинске З.Г. Фурцевой А.В. Палашенков писал: «Жалею, что состояние здоровья не позволило продвинуть вопрос об организации в Омске музея Ф.М. Достоевского. В крепости сохранился каменный дом коменданта […], в котором бывал Ф.М. Достоевский. Я вот на него претендую [...] Очень хотелось бы увековечить в Омске великого писателя»[2]. Последнюю запись в своем дневнике краевед сделал 9 сентября 1970 г.: «В 13 ч. 30 м. пошел в горисполком. Там нас (ходатаев по организации музея Достоевского) принял председатель Алексей Ив. Бухтияров. Обещал всяческое содействие, если получит благословение от обкома партии»[3]. Факт, что старый и безнадежно больной человек, которому оставалось жить чуть более полугода, нашел-таки силы похлопотать напоследок о создании нового музея, говорит сам за себя...

Годом раньше, в августе 1969 г., во время поездки в Баян-Аул, у Палашенкова возникла идея организации в Омске еще одного музея. В этой поездке кроме него участвовали Н.А. Плотников, Д.Н. Фиалков, В.С. Мезенцев и еще несколько человек. «Во время беседы в автобусе, – записал Андрей Федорович в полевом дневнике, – я поднял вопрос о сосредоточении в Сквере географов хороших экземпляров по минералогии, организовать музей под открытым небом. Для выставки подобрать крупные экземпляры в 1 – 1,5 м. Для сбора их организовать ряд поездок в Боровое, Баян-Аул и др. пункты»[4].

Как видим, А.Ф. Палашенков, несмотря на свою бесспорную историко-культурную краеведческую ориентацию, проявлял определенный интерес и к естественно-научному краеведению. Еще в 1936 г. он записывал рассказы жителей Омской области о падениях метеоритов, в 1939 г. составил описание местных рек (Туй, Аркарка, Ишим, Шиш, Ошa, Уй, Шайтанка, Каштанка), позже собирал общие и морфометрические данные о р. Камышловке и Камышловских озерах, интересовался Крутинскими озерами и озером Драверта[5].

В бумагах краеведа можно найти интересное описание пыльной бури, которую ему довелось наблюдать в ходе совместной с С.Р. Лаптевым поездки на юг области в 1957 г. «...Уже слышно дыхание надвигающейся бури […], – записал Палашенков. – Вдруг сразу вокруг засвистело и загудело. С дороги подняло всю пыль. Стало темно; глаза нельзя открыть – сразу же засыпаются пылью. Трудно дышать. Все живое попряталось. По воздуху неслись солома, куски фанеры, обрывки бумаги, какой-то мусор...». Эта «черная буря», исключительное по интенсивности явление, оказывала, как отмечали краеведы в одной из своих статей, «разрушительное действие на почвенный покров»[6].

О некоторой причастности А.Ф. Палашенкова к геологическим изысканиям свидетельствуют, например, докладная записка краеведа председателю Облплана «по вопросу о положении с добычей полезных ископаемых на территории области и их использованием» (1950 г.) или собранные им материалы о кормиловских трепеловидных суглинках. Есть сведения пусть и о скромном, но все же имевшем место интересе краеведа к растительному и животному миру Прииртышья: в 1958 г. он осматривал барсучьи норы на правом берегу Камышловки, годом раньше на северном берегу Селеты-Денгиз наблюдал «усиленную генерацию какого-то вида (мух), к сожалению, оставшегося неопределенным». Тогда

---

[1] Там же. Л. 2 – 6 об., 11 – 12 об.

[2] Лейфер А. Фонд Палашенкова... С. 238.

[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 2. Л. 59 об.

[4] Там же. Д. 53. Л. 12.

[5] Там же. Д. 30, 32, 59, 111, 112.

[6] Там же. Д. 22. Л. 7; Палашенков А.Ф., Лаптев С.Р. Поездки по Омской области в 1957 – 1956 гг. // Известия Омского отделения Географического общества Союза СССР. Омск, 1963 г. Вып. 5(12). С. 189.

же, находясь в районе оз. Теке, он записал: «Мы с С[ергеем)] Р[омановичем] увлеклись сбором прибрежной растительности в виде мелкого кустарника»[1].

В конце февраля 1970 г. Н.А. Плотников пригласил Андрея Федоровича в ботанический кабинет сельхозинститута. Палашенков тогда записал: «Буду здоров – пойду. Всегда приятно встретиться с друзьями и послушать доброе слово. Вместе с Н.А. просмотрели фотоснимки нашей летней поездки в Саргатский, Большереченский и Муромцевский районы. Сделали надписи...». Краевед не только тесно контактировал с омскими ботаниками, был в курсе их исследований, но и интересовался историей ботанической науки в Омске, например, творчеством М.М. Сиязова, В.Ф. Семенова и др. Выше уже говорилось о его внимании к истории омского садоводства. Интересно, что в 1951 г. А.Ф. Палашенков был награжден Куйбышевским райисполкомом г. Омска почетной грамотой «за участие в организации районной выставки по садоводству и цветоводству»[2].

И все же из естественно-научных дисциплин наибольшим вниманием краеведа пользовалась палеонтология. Палеонтологические материалы составляют 12 единиц хранения его личного архивного фонда. Вот названия некоторых этих дел: «Материалы об ископаемых позвоночных на территории г. Омска», «Материалы об ископаемых позвоночных на территории Омской и Тюменской областей», «Описание находок остатков ископаемых позвоночных на территории Омской области (Тарский район, в пойме Иртыша и Оми, в окрестностях Омска)», «Описание находок остатков китов на территории Ямало-Ненецкого национального округа». Большинство материалов датированы 1937 – 1942 гг., есть и более поздние[3].

За первое десятилетие своего пребывания в Сибири краевед учел до 300 пунктов, где были сделаны палеонтологические находки (главным образом, остатков представителей четвертичной фауны), а к 1954 г. им было учтено уже до 500 палеонтологических объектов. Целью этого учета, сбора сведений о находках было составление палеонтологических карт. Видимо, в начале 1940-х гг. А.Ф. Палашенковым была составлена неопубликованная «Карта мест находок остатков кита на Крайнем Севере Омской области», что же касается материалов к палеонтологическим картам г. Омска и Омского Прииртышья, то они были напечатаны в «Известиях Омского отдела...» в 1956 и 1957 гг.[4]

Действительный член Географического общества, кандидат биологических наук В.В. Левицкий написал в 1957 г. отзыв на работу краеведа «Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории Омской области». «Работа [...] имеет не только краеведческий характер, но представляет ценный вклад в палеонтологическую науку вообще, – говорилось в нем. – В этой работе представлен богатейший фактический материал, собиравшийся автором в течение ряда десятков лет. Автор выполнил трудоемкую и кропотливую работу». Не обошлось, правда, и без замечаний. Автор отзыва справедливо недоумевал, почему в работу включены данные о находках костей рыб, что явно не соответствует ее названию[5].

Интересно, что в этих палашенковских материалах к палеонтологическим картам неоднократно упоминаются многие известные омские краеведы (П.Л. Драверт, М.И. Крот, М.Д. Спиридонов, И.Н. Шухов, С.Р. Лаптев, А.В. Ваганов, В.С. Аношин и др.) как авторы находок или сообщений о них. П.Л. Драверт и И.Н. Шухов часто помогали составителю в определении видовой принадлежности найденных костных остатков. Известно также, что через киевского геолога Г.К. Голдина А.Ф. Палашенков поддерживал научные контакты с палеонтологом чл.-корр. И.Г. Пидопличко, который занимался

---

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 18. Л. 19; Д. 22. Л. 61 – 69, 97; Д. 32. Л. 70 об.

[2] Там же. Д. 2. Л. 14 об. – 15; Д. 5. Л. 2.; Оп. 2. Д. 1786.

[3] Там же. Оп. 1. Д. 252 – 263.

[4] Там же. Д. 1. Л. 29, 35 об.; Палашенков А.Ф. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории г. Омска: материалы к палеонтолог. карте г. Омска // Известия Омского отдела... Вып. 1(8). С. 75 – 82; Он же. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории Омской области: материалы к палеонтолог. карте Омской области // Там же. Вып. 2(9). С. 101 – 124.

[5] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 71, 72.

определением фрагментов костей, присылавшихся ему из Омска. Заметим, что автором многих палеонтологических находок был и сам Палашенков. И.С. Коровкин, посетивший Андрея Федоровича в 1964 г., увидел во дворе его дома, у сарая, сложенные кости ископаемых животных. Ребра и позвонки мамонта, кости быка, найденные Палашенковым летом 1960 г., были отданы Коровкину для школьного музея в Большемогильном[1].

Думается, что палеонтология увлекала Палашенкова как сама по себе, так и известным своим пересечением с археологией. Не случайно в предисловии к «Вопроснику по регистрации мест находок костей ископаемых позвоночных животных», опубликованному краеведом в 1949 г., достаточно много «археологических» рассуждений, например, о палеолите, который в Омской области тогда еще не был найден, хотя давно был известен по соседству. В самом вопроснике есть вопросы о находках вместе с костями древних орудий, следов огня и искусственной обработки на самих костях и т.д.[2]

Археологическая деятельность А.Ф. Палашенкова уже не раз затрагивалась нами выше. Сведения о ней, оценки роли краеведа в изучении древнейшей истории края присутствуют и в работах почти всех современных омских археологов[3]. Нет необходимости поэтому подробно рассказывать о занятиях Палашенкова краеведческой археологией. Остановимся лишь на масштабности и результативности этих занятий, подчеркивая особенный энтузиазм, с которым он им предавался.

Выше говорилось об археологических изысканиях Андрея Федоровича, предпринятых им в ходе двух северных экспедиций 1938 – 1939 гг. Поиск и регистрация археологических памятников Омской области оставались в числе приоритетных направлений работы краеведа и в годы его директорства в областном музее. Известно, к примеру, что в 1952 г. он осматривал курганы на въезде в Черлак и курганные группы в направлении Татарки, а годом раньше, как свидетельствует «Музейная летопись», в том же Черлакском районе им была открыта стоянка «Сопка» и «оттуда [...] привезены глиняные черепки, кремневые пластинки, кости...», а также обследованы «богатырские курганы» Дробышевского и «курганчики» Ульяновского районов[4].

Если уже в 1946 г. он располагал материалами о более чем двух тысячах местных археологических памятников, а в 1954 г. – более чем о полутора тысячах (уменьшение, надо полагать, объясняется существенным сокращением территории Омской области в связи с выделением Тюменской)[5], то с выходом на пенсию и началом регулярной и необычайно активной экспедиционной работы это и без того немалое число стало быстро увеличиваться. Весьма «урожайным» в плане обследования уже известных и обнаружения новых археологических памятников был самый первый год совместных с С.Р. Лаптевым, Н.А. Плотниковым и другими краеведами поездок на грузовой автомашине Омского отдела.

---

[1] Там же. Д. 274; Ф. 1405. Оп. 1. Д. 15. Л. 11 – 11 об.

[2] Палашенков А.Ф. Вопросник по регистрации мест находок костей ископаемых позвоночных животных. Омск, 1949. С. 3, 4.

[3] Матющенко В.И. О возрождении археологии в Омске // Историческая наука в Омском педагогическом институте... С. 59; Он же. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992. С. 124; Он же. Сибирская археология в 1940 – 1950-е годы. Омск, 1994. С. 25; Коников Б.А. Омские стоянка и могильник – уникальные памятники по предыстории города Омска. Омск, 1992. С. 4; Он же. Таежное Прииртышье в X – XIII вв. н.э. Омск, 1993. С. 10 – 12, 16; Он же. Вклад В.Н. Чернецова в изучение древностей Омского Прииртышья // Вопросы истории и литературы. Омск, 1995. С. 19; Петров А.И., Столповская Н.М. Археологическая деятельность А.Ф. Палашенкова // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 78 – 84; Петров А. Нашли ... микрорайон // Вечерний Омск. 1981. 23 сент.; Шугаева Н. Свидетели далекого прошлого // Омская правда. 1988. 14 авг.; Жук А.В. Е.И. Малахов как археолог // Таре 400 лет ... Ч. 2... С. 21 – 22; Мельников Б.В., Сафаров М.Ю. Охрана и использование археологических памятников Омской области // Там же. С. 97 – 99; Данченко Е.М. Потчевашское городище на Ишиме // Памятники истории и культуры Омской области... Омск, 1993. С. 84 и т.д.

[4] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 29. Л. 2, 4; Ф. 1076. Оп 1. Д. 240. Л. 2 – 2 об.

[5] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 53.

Судя по полевым дневникам и экспедиционным отчетам А.Ф. Палашенкова в этом 1957 г. было осуществлено несколько поездок, в частности, по обоим берегам Иртыша к югу от Омска. «Этот участок Иртыша, – писал краевед, – представляет [...] особый интерес для решения вопроса о первобытной колонизации Среднего Прииртышья, уводящей нас в глубокую древность. На правобережье Иртыша в пределах Омской области от Омска до Татарки имеется большое количество курганов, тянущихся полосой вдоль реки. Нет никакого сомнения в том, что эта полоса продолжается и дальше на юг, в пределах территории Казахстана [...] О некоторых имеются литературные сведения, но большинство из них впервые изучены [...] Проводилось сплошное обследование всех встречавшихся курганов, для уже известных уточнялись их размеры, местонахождение и т.д., для вновь обнаруженных собирались все необходимые сведения для регистрации [...]

На левобережье Иртыша другая картина [...] Здесь почти что нет одиночных или небольших курганов [...] Зато здесь довольно часты могильники – небольшие скопления нескольких десятков небольших курганов [...] Все это свидетельствует о большой заселенности Среднего Прииртышья в прошлом...» Далее Палашенков ставит перед самим собой задачу «восстановить действительную картину первобытного заселения края»[1].

В 1957 г. краевед обследовал курганные группы у деревень Богдановка и Исаковка Горьковского района, «городище Драверта» в окрестностях Лежанки, городище на поросшей старым лесом Линевой сопке, расположенной на берегу Шиша в 1,5 – 2 км от с. Новоягодное Знаменского района, и многие другие памятники. В Русской Поляне ему передали каменный наконечник стрелы и другие находки, оставленные специально для него.

В Степанихе Тюкалинского района «... производились поиски большого городища. Сейчас на месте городища большой огород и [...] пришлось выдержать атаку хозяина огорода», который выпроваживал Палашенкова из своих владений, но «к общему удовольствию дело кончилось благополучно». Не всегда удавалось сразу обнаружить интересовавшие краеведа объекты. «Ни одного курганчика, ни одного привлекающего внимания исторического объекта не встретил глаз...», – записал он на первых страницах дневника поездки по берегам Оми, но, в конце концов, желанные курганы все же были найдены[2].

Данные о поездках 1957 г. имеются и в записях С.Р. Лаптева, который уделял внимание не столько памятникам, которые искал А.Ф. Палашенков, сколько тому, как, с каким упорством и целеустремленностью он это делал. «Для А.Ф. благоприятное время (июнь. – **А.Р.**) для регистрации и поиска курганов, которые хорошо заметны [...] Каждое подозрительное возвышение, каждый бугор А.Ф. не пропускает и обязательно его обследует, – читаем у Лаптева. – [...] Работа довольно тяжелая, когда приходится идти по целине, по парам или посевам, иногда на 0,5 – 1 км в сторону от дороги. А.Ф. делает это с удивительной добросовестностью». Вот один пример: «... Далеко, за километр, маячил силуэт [...] большого кургана [...] Чтобы дойти до него, нужно преодолеть большое поле, занятое черным паром, А.Ф. все же направился к нему [...] Это путешествие было для А.Ф. не из легких, но уж такова его натура, да и ходок он прекрасный».

Во время одной из остановок на маршруте «Омск – Боровое» (август 1957 г.) Палашенков «детально обследовал всю окружающую территорию и насчитал 53 погребения в большинстве настолько разрушенных, что только его опытный взгляд археолога мог их обнаружить, и, вместе с тем, выразил сомнение, что все эти захоронения – могильники – относятся к андроновской эпохе. Во всяком случае, по его словам, (этот) памятник седой древности является очень ценным для науки»[3].

Не менее насыщенными археологическими поисками и находками были для Палашенкова и поездки следующих лет. В уже не раз называвшейся совместной с Лаптевым статье-отчете о шести годах краеведческих путешествий приводится количество архе-

[1] Там же. Д. 22. Л. 1 – 2.
[2] Там же. Д. 30. Л. 11, 41, 52, 82 об.; Д. 22. Л. 49; Д. 32. Л. 24 об., 84.
[3] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 54. Л. 63 об., 71 об. – 72, 84 об.

А.Ф. Палашенков во время экспедиционной поездки в Муромцевский район Омской области. 1966 г.

ологических памятников, обнаруженных на том или ином маршруте в 1957 – 1962 гг. Так, по левому берегу Иртыша на отрезке от города Тары до с. Усть-Ишим было зарегистрировано 175 курганов, 7 городищ и 5 древних селищ. Много памятников было обнаружено краеведами и по берегам Тары.

«Прибрежье р. Тары, – писали они, – заселено с древних времен. По ее берегам и притокам находится большое количество памятников древней культуры. Выявлены курганные могильники хорошей сохранности возле д. Окуневой и усадьбы Бергамацкой лесной дачи, а также небольшие курганные группы и одиночные курганы в других местах. Открыты городища на левом берегу р. Бергамак [...] и вблизи д. Тамочная на левой стороне р. Нижняя Тунгуска. Оба городища хорошей сохранности. Открыты стоянка и селище у д. Окунево, селища у д. Кордон […], а также на левой стороне р. Тары, против Низовского льнозавода [...] На последнем селище собран большой материал в виде орнаментированных фрагментов глиняных сосудов. На городищах были заложены шурфы, давшие древние находки»[1].

Что касается окуневских памятников, дополнительную информацию об их регистрации можно почерпнуть из одной публикации А.И. Петрова. «В 1962 году в Омский областной краеведческий музей, – говорится в ней, – от А.Ф. Окунева, жителя села Окунево Муромцевского района, пришло письмо, в котором он сообщал об интересных находках, сделанных им в окрестностях деревни. В то же лето на место выехал Андрей Федорович Палашенков – известный краевед, собиратель древностей и составитель археологической карты края. Он и зарегистрировал здесь несколько археологических памятников»[2].

Сообщения местных жителей о каких-то необычайных с их точки зрения объектах краевед никогда не оставлял без внимания. В ходе одной из поездок на север области, в которой кроме Андрея Федоровича участвовали С.Р. Лаптев с супругой и энтомолог А.Ф. Зубков (август 1962 г.), он «предпринял поиски кургана, на который ему указали местные жители». «... Вообще-то курганов, как это ни странно, мы встретили очень мало, – записал Лаптев. – Да и у местных жителей о них довольно смутные представления [...] Бывало так, что жители говорят: «Да, да, есть такие. А когда приезжаешь на место, то видишь, что это обыкновенные останцы». В лаптевском дневнике одной из поездок 1964 г. зафиксировано: «...Вся группа по предложению А.Ф. выехала в деревню Тамочную, где, по словам А.Ф., были загадочные курганы», на которых сохранились городища. Оказалось, это два громадных останца...».

В том же 1964 г. А.Ф. Палашенков, С.Р. Лаптев, Н.А. Плотников и др. (всего 14 человек) предприняли еще одну поездку в районы, лежащие к северу от Омска. «Одной из целей поездки было ознакомление с обнажением на берегу Иртыша […], а также с новыми местами находок окаменелых рыб около Карташево [...] А.Ф. предполагал ознакомиться с некоторыми городищами […], о которых ему сообщил В.И. Мороз и поискать новые»[3].

Интересно, что еще в 1949 г., как сообщалось в музейной «Летописи», «учеником 19 школы Морозом Вовой (была) обнаружена древняя стоянка на правом берегу р. Оми

[1] Палашенков А.Ф., Лаптев С.Р. Поездки по Омской области... С. 191, 196.

[2] Петров А. Нашли ... микрорайон...

[3] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 57. Л. 57 – 57 об., 86, 95.

[...] А.Ф. Палашенков обследовал стоянку, (были) найдены кости и керамика», а месяц спустя, «когда в музей приехала экспедиция Института материальной культуры, А.Ф. Палашенков, В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская «выезжали на вновь найденную стоянку на р. Оми, в Чернолучье и Большекулачье. Производили раскопки курганов Большого Лога и курганов на Ермаковой горе». В 1950 г. учеником 6-го класса 20-й омской школы Борисом Драчковым на спуске одной из улиц были найдены орнаментированные «... черепки глиняных сосудов [...] и позвонок мелкого животного [...] Палашенковым был произведен осмотр места находок...»[1].

Ряд любопытных сведений о работах А.Ф. Палашенкова по изучению археологии Прииртышья можно обнаружить и в документах личного архивного фонда И.С. Коровкина. Так, в коровкинском дневнике значится, что в 1961 г. в Саргатском, Колосовском, Тарском, Седельниковском районах Палашенков и Лаптев «нашли много курганов, стоянок [...] В Васисском районе обнаружены остяцкие могилы», а в 1962 г. «... ученые побывали в Муромцевском районе […], обнаружили около 200 курганов, кладбище в лесу тысячелетней давности, стоянки. «А леса – то какие там! – говорит А. Ф-ч. – Едешь, будто в торжественные храмы въезжаешь...» А. Ф-ч просматривает мои записи песен, восхищается песнями Нат. Ив. Сафроновой, переписывает две из них (где упоминается «каменна стрела»)»[2].

Краевед-фольклорист Н.Ф. Черноков в письме И.С. Коровкину рассказывал о том, как А.Ф. Палашенков гостил у него в Красноярке в сентябре 1963 г.: «Ходили с ним на старые жилища (в первый день). Во второй день он один ходил туда же. Принес полные карманы черепков и костей и тетрадь с записями и чертежами». Собранные таким образом материалы Палашенков обрабатывал дома, в своем летнем «кабинете». Посетив краеведа в июле 1964 г., Коровкин записал: А[ндрей] Федорович показал мне «избушку на курьих ножках», кот[орую] он построил [...] Восемь лет собирал для нее подходящий строительный материал – дрова. В избушке одно окошечко, стены голые (в этом и прелесть [...]), скамейка, табуретка. На чердаке, на березовых вениках А. Федорович любит отдыхать («Спишь, а над тобою дождь барабанит»). В избушке он разбирал археологич[ескую] коллекцию»[3].

Собранные в течение многих лет материалы, сведения о памятниках древней истории краевед использовал для составления археологических карт Прииртышья. Как указывал А.Ф. Палашенков в одной из написанных им автобиографий, в 1953 г. им была составлена археологическая карта Омской области. Как писала «Омская правда», «этот труд является результатом 15-летнего изучения памятников древности, обнаруженных на территории области [...] Археологическая карта будет экспонироваться в областном краеведческом музее» (еще в 1950 г. краевед планировал заказать графическое исполнение карт археологических и историко-революционных памятников супруге омского художника В.Р. Волкова)[4].

Кроме самих карт Палашенковым были подготовлены к печати «Материалы к археологической карте Омска». Известна одобрительная рецензия («автором выполнена довольно трудоемкая работа по установлению тех точек на территории города, где открыты археологические находки») на эту рукопись, опубликованную в «Известиях Омского отдела...» в 1960 г. Что же касается «Материалов к археологической карте Омской области», то, по мнению С.Р. Лаптева, «ценность этого труда особенно повышается тем, что в него вошли сведения о памятниках, ныне не существующих, уничтоженных в последние годы (1957 – 1966 гг.), которых около 600 (преимущественно курганы)»[5].

---

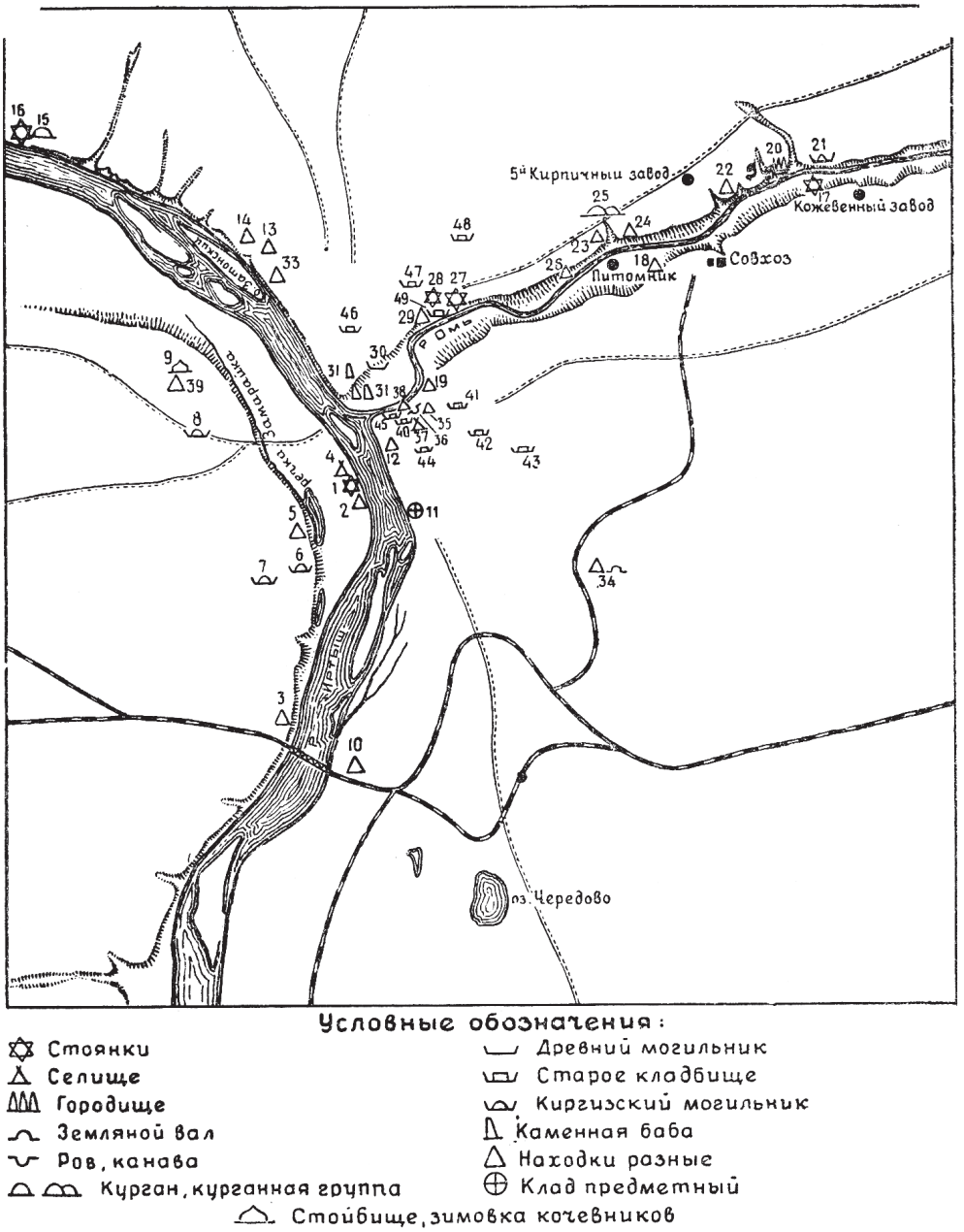
[1] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 1, 42.

[2] ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 12, 15 – 15 об.

[3] Там же. Д. 86. Л. 3; Д. 14. Л. 59 об.

[4] ГИАОО. Ф. 2200. Оп 1. Д. 1. Л. 53, 174; Ф. 1076. Оп. 1. Д. 224. Л. 76.

[5] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. 73 – 74; Д. 11. Л. 11; Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела... Вып. 3(10). С. 3 – 23.



Археологическая карта Омска, составленная А.Ф. Палашенковым в 1940 – 1950-е гг.

Эта работа А.Ф. Палашенкова не была опубликована при жизни автора. В личном архивном фонде краеведа содержатся рукописи «Описание памятных мест древней истории народов Среднего Прииртышья и Приомья» (1968 г.) и «Описание памятников древней истории Среднего Прииртышья» (1968 – 1969 гг.), множество отдельных описаний и паспортов памятников, а также их порайонные описания (схемы, планы, заметки), т.е. как раз то, что является материалами к областной археологической карте. Подобные материалы

хранятся и в научной библиотеке Омского государственного историко-краеведческого музея. Среди них рукопись А.Ф. Палашенкова «Памятники древней истории Среднего Прииртышья» (1969 г.). Издание этой работы под заголовком «Материалы к археологической карте Омской области» стараниями ученых Омского госуниверситета, и в первую очередь профессора В.И. Матющенко, было начато в 1979 г.[1] Более тридцати лет назад А.И. Петров и Н.М. Столповская отмечали, что «в настоящее время работа А.Ф. Палашенкова, безусловно, является наиболее полной сводкой археологических памятников в Омской области»[2]. Данная оценка, на наш взгляд, и по сей день остается справедливой.

Краевед не только искал и регистрировал археологические памятники, но и боролся с их повсеместным уничтожением в результате хозяйственной деятельности. Известно, что в 1962 г. он послал академику Б.А. Рыбакову, директору Института археологии АН СССР, докладную записку «О состоянии и охране памятников», а в 1966 г. сообщил омской общественности, что на территории области уничтожено свыше 60% курганов. Кроме того, Палашенков старался по возможности популяризировать знания о древнейшем прошлом края и, тем самым, обратить внимание земляков на необходимость охраны археологических памятников. В 1940 – 1960-х гг. им были написаны брошюра «Забытые курганы» (издана Омским отделом ВГО и разослана по школам области) и довольно много статей, напечатанных в омских газетах[3].

Когда речь шла о раскопках Палашенкова на месте Ляпинской крепости в 1939 г., уже подчеркивался его особый интерес к археологическим памятникам позднего средневековья и нового времени, в частности, к памятникам стратификационного искусства минувших эпох. Надо сказать, что эта склонность прослеживается и на протяжении всей последующей деятельности краеведа-археолога. В архиве Палашенкова сохранились материалы экспедиций по изучению оборонительных сооружений Иртышской и Горькой линий в пределах Омской области (сведения о находках и памятниках, схемы, карты), а также физико-географическое описание Ишимской линии (1958 г.)[4].

В отчете об одной из его поездок читаем: «В начале 18-го столетия Ишимская линия состояла из ряда форпостов и редутов [...] В 1752 – 1755 гг. была построена новая укрепленная линия, получившая название Горькой или Пресногорьковской. Она проходила от урочища Звериная Голова до Омской крепости и состояла из трех дистанций [...] Укрепления Тарской дистанции расположены на территории теперешней Омской области вдоль Камышловской долины [...] Вполне естественно возник вопрос о поисках сохранившихся остатков этих укреплений. С этой целью в 1957 – 1958 гг. [...] работал в московском Военно-историческом архиве, где нашел планы укреплений […], скопировал их, а летом 1958 г. уже были организованы поиски [...] на месте [...] Иртышский редут не был найден [...] Мельничный редут найден...»[5].

---

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 221 – 251; Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 85 – 95; Он же. То же // Археология Прииртышья. Омск, 1980. С. 100 – 146; Он же. То же // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 124 – 147; Он же. То же // Источники по истории Западной Сибири: история и археология. Омск, 1987. С. 116 – 126; Он же. То же // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 154 – 160; Он же. То же // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 156 – 181.

[2] Петров А.И., Столповская Н.М. Указ. соч. С. 84.

[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 14. Л. 30; Палашенков А.Ф., Лаптев С.Р. Поездки по Омской области... С. 198; Палашенков А.Ф. Забытые курганы. Омск, 1961; Он же. 3000 лет назад на месте Омска // Омская правда. 1945. 2 сент; Он же. В глубь веков Приомья // Там же. 1949. 3 сент.; Он же. Древнейшие страницы истории Сибири // Молодой большевик. 1951. 7 марта; Он же. Древнейшие страницы истории Среднего Прииртышья // Омская правда. 1952. 17 янв.; Он же. Откуда мы узнаем о далеком прошлом // Молодой большевик. 1952. 21 мая; Он же. На месте Омска тысячу лет назад // Там же. 1953. 31 мая; Он же. В глубь веков // Омская правда. 1966. 12 янв.

[4] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 34, 35.

[5] Там же. Д. 22. Л. 31 – 32.

С.Р. Лаптев так рассказал об этом открытии в своем дневнике: «(В Мельничном. – **А.Р.**), выехав на площадь, мы сразу же установили старые валы бывшего здесь Мельничного форпоста [...] Вылезаем, делаем все наблюдения [...] А.Ф. делает все обмеры, записывает в книжку. Я фотографирую и зарисовываю. Зарисовки дают иногда более лучшие результаты, чем фото [...] А.Ф. все это расшифровывает, отмечая, где были пороховой погреб, где землянки гарнизона [...] Все это предположительно, но у А.Ф. наметанный глаз видеть в небольшом бугре или ямке историю прошлого»[1].

Удалось выяснить также, что в 1952 г. Палашенков искал остатки Черлакского форпоста. В дневнике поездки «по дорогам Черлакского района» (кроме Андрея Федоровича, в ней принимали участие А.И. Галкин и два ученика омской школы № 1) краеведом записано: «От курганов отправились на берег Иртыша. По бичевнику пошли вверх [...] Долго задержались на ознакомлении со старым селищем, культурный слой которого тянется [...] от заготзерно [...] к старому затону [...] В культурном слое много щепяных остатков, обломков кирпича, кусков бересты [...] войлока и грубой шерстяной ткани. Встречаются засыпанные мусором бывшие жилища, от которых сохранились сгнившие деревянные стены, пол. Можно заключить, что здесь в течение длительного периода жили люди. Возможно, именно здесь находился Черлакский форпост [...] Место для форпоста наиболее подходящее...»[2].

Много лет спустя, в 1969 г., во время поездки с Н.А. Плотниковым, лаборанткой и двумя студентками сельхозинститута на р. Нюхаловку А.Ф. Палашенков искал еще один старинный редут. «Остановились для закуски и сбора ботаники в леску против Саргатки. Давно меня манила Увальная Бития, где в 18 веке был редут. К сожалению, удалось просмотреть лишь только нижний конец села, где ничего не обнаружено. Нужно будет приехать специально сюда», – записал краевед, которому доходил уже 83-й (!) год. В связи с этим последним обстоятельством хочется привести еще одну выдержку из походного дневника старого полевика, отражающую специфику экспедиционного быта:

«11 июня, среда [...] Торопимся скорей устроиться с ночлегом. Поехали к ближайшей роще, где и остановились. Заготовили дров. Девушки принесли воды [...] На ужин приготовили картоф. суп с мясными консервами [...] После ужина меня попросили что-нибудь рассказать [...] Рассказал о Лермонтове, Пушкине, их эпохе, окружении [...] Лег около двух часов [...] Дул сильный ветер. Было холодно, и я не уснул ни на минутку [...] 13 июня, пятница. Встал далеко до восхода солнца. Поправил потухший огонь. Всю ночь дул ветер. Дождь под утро перестал. Небо значительно прояснилось. Сижу на своем ящике и пишу эти строчки. Товарищи спят»[3].

Интерес А.Ф. Палашенкова к военно-историческим сюжетам проявился и в том, что в 1961 г. (поездка на север области в направлении с. Седельниково) он и С.Р. Лаптев «сделали остановку на речке Ибейке, где по сведениям А.Ф. была большая битва калмыков с русскими». Смоленская газета «Смена» сообщала, что «неугомонный по своей натуре» краевед уже в начале 1970-х гг. «побывал в Павлодарской области. Привела его сюда заинтересованность остатками лагеря экспедиции Бухольца». Правда, С.Р. Лаптев еще в 1966 г. докладывал, что Палашенковым «в пятидесяти километрах от Павлодара [...] у села Ямышева произведен поиск территории военного лагеря основателя Омской крепости И.Д. Бухольца [...] После тщательных поисков ему удалось обнаружить на речке Преснухе около 50 землянок – жилищ участников похода и наблюдательный пункт...»[4].

Естественно, интересовала краеведа и сама Омская крепость, вернее, обе – старая и новая – крепости на берегах Оми. Палашенков собирал сведения об их строительстве (в т.ч. и об основателях обеих крепостей – И.Д. Бухольце и И.И. Шпрингере), снимал копии со старинных схем и планов. Этими материалами пополнялся краеведческий архив

---

[1] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. Д. 56. Л. 2 об.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 29. Л. 2 – 3.

[3] Там же. Д. 53. Л. 1 – 2 об., 5.

[4] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 57. Л. 33 об.; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 173; Д. 11. Л. 14.

А.Ф. Палашенков во время осмотра территории бывшей Ямышевской крепости, основанной отрядом подполковника И.Д. Бухольца в 1715 г. 1966 г.

Андрея Федоровича, некоторые из них легли в основу публикаций краеведа[1]. Значительное место старой и новой Омским крепостям отведено и в книге А.Ф. Палашенкова «Памятники и памятные места Омска и Омской области».

Рассказывая о некоторых сооружениях, краевед с сожалением констатировал: «Из бывших четырех ворот [...] сохранились одни – Тобольские. Омские разобраны в конце 1936 г., несколько раньше их разобраны Иртышские, а в феврале 1959 г. – снесены Тарские...»[2]. О печальной судьбе Иртышских и Омских крепостных ворот Палашенков писал еще раньше в своих неопубликованных заметках «О состоянии и охране памятников Омской области»: «В двадцатых и тридцатых годах т.с. разобрано трое (о том, что Тобольские уцелели, он еще не знал. – **А.Р.**) крепостных ворот, конца XVIII века. Для какой цели совершена разборка, сказать трудно. Места, освобожденные от ворот, и до сих пор остаются свободными. Видимо, нужен был горкомхозовским техникам кирпич...».

Тогда, в середине 1940-х гг., Тарские ворота еще стояли и считались Палашенковым единственно сохранившимися. Кстати, внимание краеведа к себе они привлекли еще раньше. Известно, что еще до войны по ходатайству краеведческого музея Горсовет решил создать в небольшом помещении, имевшемся в Тарских воротах, музей Омской крепости. На его организацию даже были выделены соответствующие кредиты, однако начавшаяся война заставила временно отложить осуществление этого проекта[3]. Создать этот музей А.Ф. Палашенкову не удалось, как не удалось спасти от разрушения и сами Тарские ворота, впрочем, справедливости ради следует заметить, что они прекратили бы свое существование еще раньше, если бы «ревностный поборник охраны исторических памятников» не пытался их отстоять в 1953 и 1955 гг.

Интересную информацию на этот счет можно получить со страниц «Летописи» областного краеведческого музея. В записи от 22 августа 1953 г. значится: «Приходил художник В.Р. Волков, принес известие, что Тарские ворота [...] по постановлению горисполкома будут сносить. По этому же вопросу звонил из обкома партии [...] Жу-

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 61 – 63; Палашенков А.Ф. Старая Омская крепость // Молодой сталинец. 1953. 8 июля; Он же. Крепость на Оми // Омская правда. 1954. 11 июля; Он же. Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг. // Известия Омского отдела... Вып. 3(10). С. 25 – 29.

[2] Он же. Памятники и памятные места... Омск, 1967. С. 20.

[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 13. Л. 14; Д. 14. Л. 17.

равлев. А.Ф. Палашенков послал телеграмму в Министерство культуры о сносе ворот». Через две недели краевед получил ответ из Управления музеев Минкультуры РСФСР: его заверяли, что «Тарские крепостные ворота снесены не будут...».

Запись от 27 сентября 1955 г. свидетельствует, что те, кому памятник архитектуры конца позапрошлого столетия почему-то мешал, на этом не успокоились: «А.Ф. Палашенков сегодня пошел в обком партии, а потом к председателю горисполкома т. Рождественскому по поводу Тарских ворот Омской крепости – их хотят сносить и уже сорвана крыша...»[1]. Члены Омского отдела Географического общества обратились в Верховный Совет, в редакции центральных газет, а старый большевик И.Г. Залепин сообщил о вандализме омских властей в ЦК КПСС.

Надо полагать, снос ворот был тогда остановлен. А «17 февраля 1959 г., – как писал С.Р. Лаптев, – случилось нечто анекдотическое. В городе Омске исчезли Тарские ворота, и многие жители с недоумением спрашивали друг друга о внезапном исчезновении ворот [...] Ворота находились на государственном учете как историко-архитектурный памятник […], но [...] это оказалось неубедительным для одного руководящего товарища, и по его распоряжению ворота были разобраны в одну ночь и даже попытки фотографов снять этот процесс оказались безуспешными». Подробности о гибели Тарских ворот можно найти и в записях А.Ф. Палашенкова: «На утренней заре 17 февраля 1959 г. началась поспешная разборка [...] крепостных ворот [...] Работа проводилась в ударном темпе, была выделена большая группа рабочих и несколько десятков автомашин [...] На другой день на месте ворот было чисто, убрано до пылинки»[2].

Тобольские же ворота, долгие годы находившиеся на территории, принадлежавшей военному ведомству, как уже говорилось, уцелели. В 1960 г. Омский отдел вел переговоры с городскими властями об их охране и реставрации, а в 1964 г. Географы обратились с письмом к министру обороны маршалу Р.Я. Малиновскому. Ходатайство краеведов было удовлетворено, и доступ к воротам был открыт[3]. А.Ф. Палашенков во всех этих делах принимал самое активное участие.

Постоянно беспокоило краеведа и состояние других памятников омской старины. Еще в 1940-е гг., говоря о снесенных крепостной кордегардии и обелисках городской заставы, обезображенных Никольском («единственном в своем роде») и Воскресенском («подкупавшем пышностью своих форм и тщательностью работы») соборах, Палашенков подчеркивал, что «разрушенный и уничтоженный памятник – потеря невознаградимая, неискупимая никакими материальными ценностями», что «содержать и видеть памятник в обезображенном состоянии» – преступление, наконец, что «все это обязывает нас к самому внимательному и бережному отношению к памятникам».

«Вопрос охраны памятников, – писал он, – должен встать во весь свой рост перед городскими и районными организациями – партийными и советскими, перед советской интеллигенцией, перед всеми крепко любящими свою родину людьми. Но мало сохранить памятник. Нужно призвать его к жизни, к служению. Без этого он остается мертвым инвентарем, немым свидетелем. Нужно, чтобы памятник будил воспоминания о минувшем, в живых и ярких образах, недоступных часто самому талантливому описанию, воскрешал ушедшее [...], снимал отделяющую нас от событий и лиц пелену времени, разрывал годы, десятилетия, века и приобщал к прошлому во всей непосредственности и правде»[4]. Замечательные слова, однако к ним мало кто прислушивался.

В январе 1959 г. на заседании секции музейного Совета Палашенковым был поднят вопрос о том, что «в Омске и области беспощадно уничтожаются археологические

---

[1] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 246. Л. 15 об. – 16, 17 об.; Д. 250. Л. 10; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 14. Л. 17; Д. 16. Л. 1.

[3] Ремизов А.В., Бродский И.Е. Омский отдел Географического общества в первые десятилетия после второго рождения (1947 – середина 1960-х гг.) // 280 лет Омску: история и современность. Тезисы докл. и сообщ. науч. конф. / под ред. А.П. Толочко. Омск, 1996. С. 154.

[4] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 13. Л. 14, 16, 17.

и исторические памятники», а в 1966 г. он написал в «Литературную газету» о том, как Омск заранее начал «готовиться» к своему 250-летию. В 1958 г. была начата разборка Воскресенского военного собора и вскоре омичи «окончательно распрощались» с этим «очагом дурмана». К Никольскому казачьему собору были пристроены уборные («видимо, хотели показать православным, как надо расправляться с невежеством»).

«Вообще-то в отношении антирелигиозной пропаганды у омичей есть чему поучиться, – заметил А.Ф. Палашенков. – В свое время пол большого зала краеведческого музея был сплошь застлан иконами, ликами кверху. В результате такого мероприятия погибла хранившаяся в Омском кадетском корпусе [...] суворовская икона, принадлежавшая отцу великого полководца, а также ряд интересных икон [...] Военного собора, на которых были изображены архангелы с типом лица сибирских казаков и в казачьих папахах»[1]. Касательно храмовых построек и их внутреннего убранства есть сведения, что в конце 1940-х гг. краевед пытался спасти здание Всехсвятской церкви на Казачьем кладбище, просил передать его под городской музей. Позже, когда эту церковь все же стали ломать, он принес из нее в музей две иконы, которые успел спасти[2].

В начале юбилейного 1966 г. в Омске проходили конференции по организации городского и областного добровольных обществ охраны памятников истории и культуры. Судя по «впечатлениям очевидца» С.Р. Лаптева, который, «не занимаясь специально вопросами охраны всех памятников прошлого», все же имел к ним отношение будучи секретарем исторической комиссии Омского отдела Географического общества, о городской конференции Отдел узнал уже после ее проведения. Причем А.Ф. Палашенков, председатель исторической комиссии Отдела, посвятивший не один десяток лет поискам, регистрации и изучению памятников прошлого, написавший о них единственную в своем роде книгу, «также не знал о проведении конференции (проще говоря, его не пригласили на эту конференцию!!)»[3].

Об областной конференции отдельцы знали заранее. Тот же Лаптев собирался выступить на ней с докладом, сказать, в частности, что «благодаря ряду допущенных ошибок, недостаточной осведомленности и компетенции некоторых руководящих работников город Омск подошел к своему юбилею «оголенным», не имея ни одного значительного памятника Омской крепости...»[4]. Выступление это не состоялось, более того, само проникновение в зал стоило не имевшему пригласительного билета краеведу немалых трудов. Что же касалось А.Ф. Палашенкова, на этот раз он был приглашен, причем в качестве докладчика. В докладе краеведа говорилось о том, что Омск за последние 8 лет лишился шести памятников революции, а в ближайшие 10 – 20 лет лишится еще около двух десятков домов-памятников, что «мы небогаты памятниками архитектуры», об «архитектурных покойниках», т.е. уничтоженных, погибших памятниках.

«Остановлюсь на одном, с большой трагической судьбой, архитектурном памятнике, – говорил, в частности, А.Ф. Палашенков. – Имею в виду Казачий Никольский Собор в Городском саду, являвшийся самым лучшим архитектурным памятником нашего города, нужно было гордиться и радоваться его наличием здесь, у нас [...] Всюду созданные по [...] проектам (В.П. Стасова. – **А.Р.**) здания находятся на союзной государственной охране. И только мы сорвали кровлю с четко очерченного купола стасовского творения, разрушили на стройной, легкой колокольне верхние ярусы с красивым шпилевидным завершением, сломали торжественный западный вход и т.д. Но этого показалось мало нам [...] – с южной и северной сторон вместо мемориальной доски с именем великого зодчего [...] пристроили две кирпичных уборных. И смотрят с большим укором на нас обесславленные стены Казачьего собора»[5].

---

[1] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 292. Л. 9 об. – 10; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

[2] Лебедева Н. Всехсвятская церковь // Вестник культуры. Омск. 1993. №4; Максимов Е. Иконы возвращены церкви // Омская правда. 1991. 3 авг.

[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп 1. Д. 14. Л. 1.

[4] Там же. Л. 16.

[5] Там же. Л. 1 – 1 об., 23, 29, 30.

Интерьер Никольского казачьего собора. Омск. 1920-е гг.

Деятельность Палашенкова по охране памятников истории и культуры тесно переплеталась с его сформировавшимся еще в смоленские годы увлечением краеведческой некрополистикой. В свое время краевед был самым крупным, если не единственным, знатоком и исследователем омских кладбищ. Бессчетное количество раз прошел он по их аллеям и рядам, собрав ценнейшие сведения о многих, теперь уже исчезнувших кладбищах и отдельных захоронениях[1]. В личном фонде Палашенкова хранятся составленные им описания могил Военного, Институтского, Еврейского, Восточного, Северного, Ленинского, Казачьего, Бутырского и Шепелевского кладбищ[2]. В архивных делах можно обнаружить описания и фотографии отдельных захоронений, схемы интересных надгробий, тексты эпитафий, биографические сведения о многих похороненных на том или ином кладбище выдающихся омичах. Встречаются и записи личных впечатлений краеведа, не лишенные порой лиризма и художественности.

Так, посетив Военное кладбище, Андрей Федорович записал: «Прошло свыше двух десятков лет. Почернели могильные столбички, могилы поросли пахучей мятой, горят маленькими солнцами одуванчики. Молодые клены оплели своими корнями солдатские гробы, а раскинувшиеся над могилами их ветви мягко шумят своей листвой ... Стайки скворцов быстро пролетают, поднявшись над кленами. До кладбища, заселенного бессмертной славой, долетают заводские гудки [...] Солнце льет тепло, свет на землю»[3].

Собранные А.Ф. Палашенковым сведения о старых омских кладбищах (иноверческом (немецком), двух еврейских, Казачьем, Бутырском, Шепелевском и др.) составили целый раздел его «Материалов к археологической карте Омска». Особое внимание уделил краевед захоронениям основателя правобережной Омской крепости И.И. Шпрингера, знаменитого русского металлурга П.П. Аносова, близкого знакомого А.С. Пушкина Н.М. Коншина. Генерал-поручик и кавалер фон Шпрингер был похоронен на юго-западной окраине иноверческого (правильнее было бы называть это кладбище инославным, поскольку оно, не будучи православным, являлось, тем не менее, христианским, а не иудейским или мусульманским) кладбища, «метрах в десяти на восток от построенного в 40-х годах круглого кирпичного помещения, занимаемого ныне цветочным магазином»[4].

---

[1] Ремизов А. Обитатели социального дна // Омская правда. 1994. 13 мая и т.д.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 126 – 131.

[3] Там же. Д. 126. Л. 1.

[4] Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска... С. 20.

Из воспоминаний М.Е. Бударина узнаем, что «как-то году в 1946 или 1947» А.Ф. Палашенков подвел его «к одноэтажному круглому кирпичному помещению рядом с музеем на площади Ленина. Спросил:

– Вы знаете, что это за здание, заколоченное сейчас?

– Конечно! Главный в центре Омска общественный туалет.

– А знаете, на чьей могиле он был поставлен еще до войны?

– Нет.

– На могиле строителя новой Омской крепости генерал-поручика инженерной службы Ивана Ивановича Шпрингера. Я написал городскому и областному начальству пять докладных, чтобы покончить с этим позором. В этом ватер-клозете надо поместить цветочный магазин»[1].

Тексты докладных записок директора музея Палашенкова, направленных им во второй половине 1940-х гг. в исполком Омского горсовета, составили одно из дел его архивного фонда. Краевед не только сообщал о «месте погребения строителя новой Омской крепости» и других разрушенных, заброшенных и затерявшихся могилах, но и констатировал плачевное состояние захоронений героев революции и гражданской войны. Кстати сказать, неухоженность захоронений выдающихся земляков Палашенков объяснял разбросанностью их по разным кладбищам и предлагал в связи с этим «организовать отдельное, относительно небольшое по территории кладбище», которое «должно быть огорожено и обеспечено охраной, [...] озеленено, засажено цветами [...] Оно должно быть не менее благоустроено, чем самый лучший городской сад. Только в этом случае, по мнению краеведа, «долг перед умершими славными сынами Родины будет выполнен»[2].

Материалы об уже исчезнувших и продолжавших существовать омских кладбищах скорее всего собирались А.Ф. Палашенковым с целью создания обширного свода-справочника «Омский некрополь». Пометки, сделанные рукой краеведа на некоторых рукописях, свидетельствуют об этом прямо, а то, что сведения о примечательных захоронениях, как правило, дополнялись краткими жизнеописаниями погребенных, – косвенно. Интересно, что среди отмеченных Палашенковым погребений немало могил известных омских ученых, краеведов и библиофилов: В.И. Квятковского, М.М. Сиязова, А.Н. Седельникова (Казачье кладбище), С.Я. Знаменского, М.Д. Спиридонова, В.В. Барышевцева (Шепелевское кладбище), В.Н. Хитрово, К.Е. Мурашкинского, И.Н. Шухова, М.М. Садырина, М.С. Каргаполова (Северное кладбище), В.Ф. Семенова и П.Л. Драверта (Восточное кладбище). Два последних захоронения в 1963 г. были перенесены с упраздненного Казачьего кладбища, надо полагать, не без непосредственного и живого участия А.Ф. Палашенкова[3].

Интерес краеведа к некрополистике проявлялся и в ходе его поездок по Омской области. Известно, к примеру, что в 1957 г. он обследовал современное кладбище на берегу Шиша близ д. Имшегал и отметил своеобразие тамошних надмогильных крестов, а также составил описания ряда сельских кладбищ, расположенных по берегам Оми. В 1969 г. А.Ф. Палашенков осмотрел старое татарское кладбище в окрестностях Увальной Битии, а Н.А. Плотников по его просьбе запечатлел этот памятник на фотопленке[4]. Впрочем, отнюдь не богатые захоронениями знаменитостей и примечательными надгробиями деревенские кладбища привлекали внимание не столько краеведа-некрополиста, сколько краеведа-этнографа Палашенкова.

То, что этнографические изыскания не были чужды Андрею Федоровичу, уже неоднократно показывалось выше. Добавим, что в 1951 г. он участвовал в работе совещания

---

[1] Бударин М. Русские интеллигенты // Омский вестник. 1992. 4 марта.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 17. Л. 2 об.

[3] Там же. Д. 127. Л. 6, 7.

[4] Там же. Д. 30. Л. 76 об.; Д. 32. Л. 24 об.; Д. 53. Л. 2 об.

(«съезда этнографов»), проводившегося в Москве Институтом этнографии АН СССР[1]. На это совещание Палашенков был приглашен, скорее всего, «по должности», как директор областного краеведческого музея, однако вопросы этнографии Прииртышья занимали его независимо от должностных обязанностей. Так, в конце 1950 – начале 1960-х гг., не будучи уже музейным работником, краевед собирал «материалы по эстонским селам», расположенным вдоль Оми, или, путешествуя по Таре, вел «этнографические наблюдения (русские и татарские поселения, татарские кладбища-мазараки, сохранившиеся старые дома, украшения на жилищах и постройках, наличники, цветы на окнах, новые постройки, народное празднество-сабантуй)». Интерес краеведа к произведениям русского народного декоративно-прикладного искусства отмечен в дневниковых записях И.С. Коровкина[2].

Надо сказать, что современные омские краеведы зачастую не сходятся во мнениях относительно того, кем же был А.Ф. Палашенков, следует ли называть его археологом или, допустим, этнографом, фольклористом, историком... Споры эти кажутся нам в известной мере надуманными, хотя, действительно, порой трудно определить, кем был Палашенков, изучавший форпосты и редуты, археологом или военным историком, и чем он занимался, когда обследовал старые кладбища, той же археологией, некрополистикой, этнографией, историей населенных пунктов или охраной исторического и культурного наследия.

Совершенно очевидно то, что Андрей Федорович прежде всего был краеведом – необычайно талантливым, увлеченным и преданным своему делу до самоотречения. Занимаясь изучением края вообще, он, если можно так выразиться, специализировался на историческом и историко-культурном краеведении. Материалы обширнейшего краеведческого архива Палашенкова – наглядное тому подтверждение, поскольку они представляют собой огромный массив сведений именно об историческом прошлом края: о прошлом населенных пунктов и связывающих их дорог, о выдающихся людях, живших в давнем и недавнем прошлом, о различных объектах, напоминающих об этом прошлом.

Эти собранные краеведом-историком материалы, безусловно, заслуживают того, чтобы охарактеризовать их содержание несколько подробнее. Нам уже доводилось писать о содержавшихся в личном архивном фонде А.Ф. Палашенкова сведениях по истории населенных пунктов Прииртышья и частично публиковать их[3]. Сейчас отметим лишь необычайное разнообразие данных, попавших в копилку краеведа. Так, в его записях об историческом прошлом Тары и Тюкалинска встречаются данные о Екатерининском винокуренном заводе и бежавшем из Екатериновки в [...] Париж каторжнике Руфиме Пиотровском, о водворенном в Тару на поселение псевдо-декабристе и большом оригинале князе Друцком-Горском, о золотопромышленнике Я.А. Немчинове и построенном им в Таре сиротском приюте – «немчиновском доме», о легендарном происхождении названия Тюкалинской слободы и столь же легендарном противодействии тюкалинских купцов проведению через их город железной дороги «Омск – Ишим», о тюкалинских ярмарках, развлечениях местных торговых магнатов и т.д.[4] Из палашенковских записок, озаглавленных «Описание исторических событий в Омске периода 1773 – 1958 гг.» и «Хронологический перечень событий по г. Омску, 1838 – 1896 гг.», можно узнать об ураганах, наводнениях и пожарах в старом Омске, о посещении его знаменитыми и малоизвестными путешественниками, о строительстве церквей и мечетей, открытии учебных заведений и библиотек, о прениях в Городской думе по вопросам устройства в Омске конно-железной дороги, трамвая и электрического освещения, о местных бан-

[1] Там же. Д. 116; Ф. 1076. Оп 1. Д. 224. Л. 84.

[2] Палашенков А.Ф., Лаптев С.Р. Поездки по Омской области... С. 195, 196; ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

[3] Ремизов А.В. Прошлое Омского края...; Он же. Былое братолюбие //Омский вестник. 1993. 30 нояб.; Он же. «От огня возрождалось». Старый Омск: ураганы, пожары и страховой бизнес // Коммерческие вести. 1993. 7 июля.

[4] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 91, 92, 95, 97.

ках, магазинах, богадельнях, пароходах, кинотеатрах, газетах и многом другом, вплоть до наблюдения омичами в марте 1894 г. неопознанного летающего объекта. Основную массу сведений о событиях прошлого краевед почерпнул из подшивок «Степного края», «Омского Вестника», «Восточного обозрения», «Омских епархиальных ведомостей», «Акмолинских областных ведомостей» и других периодических изданий[1].

Выписки из старой сибирской периодики А.Ф. Палашенков дополнил записями о событиях 1940 – 1950-х гг., свидетелем которых он был сам или о которых слышал от других. В этой своеобразной исторической хронике нашлось место борьбе с «вейсманистами» в Омском сельхозинституте, посадке карагачей на ул. Ленина в 1949 г., первым омским троллейбусам, неизвестному самоубийце, повесившемуся на растяжке телевизионной вышки и ажиотажу, охватившему город в конце января 1958 г. в связи со слухами о грядущем повышении цен на сахар[2].

Надо заметить, что те же цены краевед отнюдь не считал малозначительными подробностями городской жизни и скрупулезно их фиксировал. В музейную «Летопись» были в свое время включены (переписаны) такие записи А.Ф. Палашенкова, как «Базарные цены в г. Омске на 1 января 1945 г.» (указаны цены на более чем 50 наименований продуктов и товаров – от стакана сушеной земляники до «коровы крупного размера с большим выменем»), «Из прошлого» (те же базарные цены по состоянию на 30 – 31 декабря 1947 г.), а также интереснейшие впечатления краеведа о том, как проходила в Омске в конце 1947 г. денежная реформа[3].

Последняя запись настолько колоритна в отношении истории повседневности, что трудно удержаться, чтобы не процитировать хотя бы несколько фраз. 30 ноября, по свидетельству Палашенкова, «весь город пришел в нервное состояние. У кого были на руках деньги, торопились [...] купить что-нибудь на них. Все магазины сразу переполнились покупателями. Покупали все, что попадало на глаза. Стоявшие многие месяцы в Универмаге пианино сразу, в несколько часов, были разобраны. Один полковник захватил два пианино. Одна женщина приобрела восемь кроватей. Брали посуду, обувь, материал, все – нарасхват. В один день магазины и лавки опустели [...] В сберкассах – толпа, через которую нельзя пробиться. Сначала стали брать вклады. Затем [...] одни брали […], другие вносили. Про одну старушку говорили, что имевшиеся 20 тыс. [...] она несколько раз брала с книжки и несколько раз вносила в сберкассу. Полная растерянность...». А когда 14 декабря было объявлено об обмене денег и отмене карточной системы, «началось полное смятение в городе [...] Все магазины, исключая хлебные, стали на переучет. Лица, имевшие на руках деньги и терявшие их […], бегали как угорелые»[4].

Записи, подобные этой, основанные на личных впечатлениях и наблюдениях, нередко встречаются и на страницах дневников многочисленных путешествий краеведа. Сам Палашенков в своеобразном предисловии к материалам о поездке по маршруту «Омск – Пржевальск», предпринятой вместе с Н.А. Плотниковым и др. в 1962 г., заметил: «В свою записную тетрадь я вносил то, что останавливало взор на пути нашего следования: исторические и археологические памятники, географические и этнографические объекты, места, связанные с пребыванием славных наших соотечественников, и т.д. Как и все путевые записи, они не лишены личных лирических отступлений»[5].

Посетив в 1957 г. Тюкалинск, краевед подметил своеобразие этого города и записал: «Самое лучшее знакомство с Тюкалинском можно получить, если ехать со стороны Крутинки. Прежде чем подъехать к чайной, этому сердцу каждого более или менее крупного населенного пункта, приходится проехать по всем главным улицам [...] Сомнений нет, это город, но город прошлого [...] Все каменные солидные дома, в которых сейчас

[1] Там же. Д. 56, 137.
[2] Там же. Д. 56. Л. 34, 36, 41.
[3] ГИАОО. Ф. 1076. Оп. 1. Д. 233. Л. 6 – 13.
[4] Там же. Л. 8 – 9.
[5] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

разместились клубы, кино, библиотеки, сельмаги [...] и другие районные и городские организации, – это старые купеческие дома. Дом пионеров размещается в церкви [...] В самом центре […], на главной площади, живым укором настоящему стоят массивные и мрачные на вид купеческие амбары с широченными коваными [...] дверями и тяжелыми засовами, занятые сейчас под склады и магазины советской торговли. Если спросить местного жителя, что построено в Тюкалинске при Советской власти, то он укажет на дом райкома партии, школу и еще два – три дома...»[1].

Вот как описал краевед одну из посещенных им в том же году сельских чайных (Борисовский совхоз): «Все эти чайные и столовые в районах области похожи одна на другую. Эта тоже не является исключением. В ней на стене висит копия известной картины Шишкина, изображающей играющих медведей в сосновом бору. Картины такого содержания нам приходилось встречать почти в каждой столовой. Очевидно, по мысли пищевиков, такое содержание картин способствует пищеварению!» Встречаются в его дневниковых записях и «лирические отступления». Называевск, 1962 г.: «Сижу в кабине машины у Дома культуры. На скамейках сидят девушки в разнаряженных платьях и юноши с чубами [...] Приятно смотреть на милых влюбленных. Ждут открытия танцев. Радио заиграло вальсы, и все хорошие, с оттенками минорности»[2].

Возвращаясь к собранным А.Ф. Палашенковым материалам по истории Омского Прииртышья и, в особенности, самого Омска, необходимо указать на наличие в архиве краеведа весьма любопытных данных о прошлом омских учебных заведений (гимназии, учительская семинария, вузы), о выставке 1911 г., об омской периодической печати (в т.ч. черновик совместной с Н.М. Столповской статьи, которая должна была предварять составленный авторами для «Известий» Омского отдела библиографический указатель омской периодики 1871 – 1916 гг.). Обращает на себя внимание и составленный Палашенковым в 1953 г. список «Выдающиеся и знаменитые люди, которые жили в г. Омске или посетили его»[3].

Очень интересны и включенные краеведом в свое собрание впечатления неизвестного бытописателя об Омске 1919 г. Яркие зарисовки обыденности колчаковской столицы: блеск Любинского проспекта, заполненного нарядной публикой, дамами в великолепных туалетах и джентльменами в «безукоризненных панамах», военными и чиновниками во френчах и форменных фуражках разных стран и ведомств, и улицы окраин, «затопленные черной грязью», заваленные лошадиными черепами и дохлыми крысами, с угрюмыми и замкнутыми прохожими – рабочими и оборванными солдатами; плачевное состояние магазинной торговли («во всем городе нельзя было найти пары сносных штиблет») и, напротив, процветание «толчка» с продавцами кораллов и лотерейных билетов, шарманщиками, трактирными гармонистами, а также какими-то брюнетами и прочими субъектами («всюду поблескивали их бойкие жадные глаза, скалились крепкие зубы, [...] все они хотели есть, есть даром и хорошо, все любили весело пожить и, в то же время, ничего не делать»); бурная ночная жизнь города с «хриплым лаем граммофонов» в притонах и харчевнях и нежными, изысканными мелодиями садов и дорогих ресторанов.

«Рестораны были средоточием всей жизни и деятельности Омска. В них билось сердце сибирского действа, к которому и стекались вся грязь и все нечистоты, – писал современник [...] – В пьяном шуме и крике, в сладострастных звуках тустепов и танго тонули и бесследно исчезали слова Колчака о спасении родины, правах народа, [...] слова, из-за которых на фронте лилась в это время кровь. Ресторанная публика [...] состояла, главным образом, из буржуа и военных. Но омские кутежи носили особый специфический привкус. Так пить могли только в этом городе и лишь в это [...] время. Половина присутствующих были кокаинисты, морфинисты и эфироманы»[4].

---

[1] Там же. Д. 22. Л. 41.
[2] Там же. Л. 71; Д. 43. Л. 35.
[3] Там же. Д. 58, 86, 87.
[4] Там же. Д. 79. Л. 1 – 5.

Данные такого рода представляются не только неординарными, исключительными (вряд ли нечто подобное можно обнаружить в источниках официального происхождения), но и показывают интерес А.Ф. Палашенкова к жизни края во всем ее многообразии. Изучение его творческого наследия лишний раз убеждает в особенном внимании краеведа к исторической повседневности, без знания которой, на наш взгляд, невозможно составить достаточно цельное и близкое к истинному представление о минувшем. Как правило, такая «бытовая» информация об историческом прошлом отложилась именно в записках краеведов, их архивах, коллекциях, и, в первую очередь, это относится к уникальному собранию Палашенкова.

Особое место в краеведческом архиве Андрея Федоровича занимают самые разнообразные сведения о «путях-дорогах» Прииртышья. В свое время знаток Урала В.П. Бирюков утверждал, что «краеведам «по штату положено» знать дороги своего края – с ними неразрывно связана жизнь коренного населения, его история»[1]. Надо сказать, что Палашенков такими знаниями, безусловно, обладал.

В записях краеведа есть данные о проследовавшем по Семипалатинскому тракту в 1757 г. «самосекретнейшем азианине» – последнем правителе Джунгарии Амурсане, о траурном поезде с останками членов экипажа американской яхты «Жаннетта», затонувшей близ устья Лены в 1881 г., о происшествии на Сыропятском тракте, в конечном итоге стоившем жизни томскому гражданскому губернатору генерал-майору П.П. Аносову, о проезжавших в разное время сибирскими дорогами М.М. Сперанском, русских и иностранных путешественниках А. Гумбольдте, П. Палласе, А. Бреме и О. Финше, Дж. Кеннане, Н.М. Пржевальском, М.В. Певцове, П.П. Семенове, Г.Н. Потанине, В.А. Обручеве, писателях А.П. Чехове и В.Г. Короленко[2].

Вряд ли подобное перечисление сюжетов и фактов способно дать сколько-нибудь полное представление о всем богатстве собранных Палашенковым сведений о Сыропятском, Тюкалинском, Семипалатинском, Петропавловском и других трактах и дорогах Омского края. Некоторые подробности, например, об оживленной дискуссии крутинских крестьян, выяснявших в связи с приездом Кеннана, кто, русские или американцы, более умны, отважны и искусны в полярном мореходстве, или, скажем, о «воровской дороге», потайной тропе омских конокрадов, заинтересовавшийся читатель сможет узнать из наших публикаций, в основу которых были положены палашенковские материалы[3].

Надо заметить, что особое внимание А.Ф. Палашенков уделял изучению истории Московско-Сибирского тракта. В архиве краеведа сохранились сделанные им выписки из различных источников, газетные вырезки, коллекция фотографий[4]. Материалы о старинном тракте пополнялись и в ходе непосредственного знакомства с отдельными его участками. Так, в августе 1958 г. С.Р. Лаптев записал в походном дневнике: «Едем [...] по прекрасному старому тракту [...] А.Ф. часто вылезает и измеряет, записывает размеры тракта. Этот тракт знаменит как «кандальный» и на нем сохранились валы, по которым шли конвоиры, сопровождая ссыльных каторжников»[5].

Интересно, что краевед не только изучал этот тракт, но и боролся за признание одного из его участков историческим памятником. «Только в немногих местах тракт сохранил еще свой первоначальный вид, – писал Палашенков в июне 1955 г. в докладной записке на имя начальника областного Управления культуры О.П. Манторовой. – Но не далеко то время, когда [...] от старой «владимирки» останутся одни воспоминания [...] Сохранить в неприкосновенном виде на том или ином протяжении тракт – это сохранить один из значимых памятников истории Сибири». Был найден и обследован

---

[1] Бирюков В.П. Уральская копилка. Свердловск, 1969. С. 58.

[2] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 105 – 107, 182, 183.

[3] Ремизов А.В. Дороги родного Прииртышья. Из краеведческой копилки А.Ф Палашенкова // Омский вестник. 1994. 30 марта; Он же. Пути-дороги Омской земли...

[4] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 27, 181, 364.

[5] ГИАОО. Ф. 2118. Оп. 1. Д. 56. Л. 22 – 22 об.

и подходящий участок тракта длиной 18 км с сохранившимися в первозданном виде полотном, канавами, боковыми насыпями и даже настилом из толстых лиственничных бревен, датируемым XVIII столетием.

Судя по некоторым данным, предложение Палашенкова встретило должное понимание не сразу. Ему пришлось обращаться к директору ГИМа проф. Смирнову с просьбой высказать свое мнение насчет объявления участка тракта заповедным («непонятно историческое значение [...] тракта, по которому прошли лучшие борцы революции, только юридической части облисполкома: «Как же это дорогу можно признать памятником???»). Тем не менее в 1957 г. участок тракта, расположенный к востоку от с. Копьево (до границы Омской и Новосибирской областей), был-таки объявлен историческим заповедником, на нем были установлены соответствующие указатели, запрещена распашка и застройка, а присмотр за заповедными километрами старинной дороги вменялся в обязанность директору Копьевского совхоза. Тогда же, в 1957 г., в своеобразном отчете о поездке «в тарские урманы» Палашенковым было отмечено: «Участок Знаменское – Тара [...], кусочек старого Сибирского тракта, кое-где сохранился профиль [...] Следовало бы взять на особый учет как исторический памятник. Пока что ограничились благими пожеланиями о необходимости этого мероприятия...»[1].

Что же касается проследовавших в свое время Сибирским трактом «лучших борцов революции», то краевед особое значение придавал тому факту, что по территории Омской области проезжал А.Н. Радищев, причем дважды, в 1791 г., направляясь в Илимскую ссылку, и в 1797 г., возвращаясь обратно. 20 сентября 1952 г. А.Ф. Палашенков получил от большереченского краеведа В.С. Аношина телеграмму, извещавшую его, что мемориальная доска в с. Артын готова. На следующий день в большереченской районной газете «Колхозный путь» была напечатана заметка того же Аношина «Мемориальная доска А.Н. Радищеву в Артыне». «В целях увековечения памяти великого писателя, – сообщалось в заметке, – [...] по Сибирскому тракту, по которому следовал А.Н. Радищев, проехала областная комиссия во главе с директором Омского краеведческого музея А.Ф. Палашенковым»[2].

Торжественная установка в Артыне мемориальной доски была приурочена к 150-летию со дня смерти великого ссыльного. В связи с этой датой в омских газетах были опубликованы написанные Палашенковым юбилейные материалы о Радищеве, хотя публикации краеведа на радищевскую тему появлялись в местной прессе и ранее[3]. Мемориальная доска в уже называвшемся с. Копьево Большереченского района была установлена позже, нежели в Артыне, летом 1955 г. А.Ф. Палашенков принимал участие в торжествах по случаю ее открытия, выступил перед копьевцами с докладом о жизни и деятельности писателя-вольнодумца[4]. Судя по всему, эта поездка в Копьево, участие в мемориальных мероприятиях и вдохновили его на хлопоты по признанию заповедным копьевского участка старого Сибирского тракта.

Многолетняя деятельность краеведа по изучению истории «кандальной» дороги нашла свое воплощение как в открытых по его инициативе памятниках, так и в его работах, например, в значительной и по объему, и по содержанию статье «Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта», опубликованной в «Известиях» Омского отдела ВГО в 1968 г. Завершая разговор о палашенковских материалах по истории «путей-дорог», отметим, что краевед интересовался не только старыми трактами. В его архиве имеются сведения о строительстве Транссибирской маль-

---

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 15. Л. 2, 2 об., 4, 5.

[2] Там же. Д. 22. Л. 26.

[3] Там же. Д. 64. Л. 2, 68.

[4] Палашенков А., Анисимова Л. По радищевским местам в Сибири // Омская правда. 1952. 24 сент.; Палашенков А. Радищев в Сибири // Молодой большевик. 1952. 24 сент.; Он же. Радищев в Прииртышье // Омская правда. 1949. 3 сент.; Он же. Там, где проезжал Радищев // Молодой большевик. 1951. 4 сент.

ной магистрали, а также о водных путях Прииртышья и, в частности, о пароходных линиях Обь-Иртышского бассейна[1].

Естественно, изучая далекое и близкое прошлое омских дорог, А.Ф. Палашенков никогда не оставался равнодушным к истории стоящих или стоявших на этих путях сел и деревень. В его краеведческом архиве немало такого рода материалов: о заселении земель по р.Оше, о селах Ново-Московка, Троицкое, Любомировка, различных колхозах, МТС и т.д. Большой интерес проявлял краевед и к вопросам местной топонимики, особенно применительно к истории населенных пунктов, а в случае с селами Большемогильным и Маломогильным – еще и к своим археологическим изысканиям. Д.Н. Фиалков писал в 1963 г., что старейший член Географического общества А.Ф. Палашенков неоднократно предпринимал поездки по родной области «с целью обследования исторических памятников, сбора археологической коллекции и коллекции древних строительных материалов», а также сведений о происхождении названий географических объектов и населенных пунктов Прииртышья[2].

В самом начале настоящей статьи отмечалось, что прибывавшие на омскую землю «иногородние» краеведы продолжали здесь свои прежние занятия, но уже применительно к тому краю, который стал их второй родиной. Краеведческая деятельность А.Ф. Палашенкова, бесспорно, – самое яркое тому подтверждение. Практически все его дела и начинания на омской земле, интересы и увлечения имели, скажем так, «иноземное» происхождение, смоленские корни. Взять, к примеру, то же изучение городских некрополей. Еще в 1923 г. краеведом была опубликована работа «Архитектура, скульптура и литература Смоленского некрополя»[3].

Легко просматриваются подобные параллели и в отношении таких видов деятельности краеведа, как выявление и регистрация археологических и историко-революционных памятников с составлением соответствующих карт, изучение исторического прошлого населенных пунктов и «путей-дорог»[4], интерес к этнографии и топонимике края, к местным фольклорным богатствам, упорная борьба за сохранение культурного наследия – памятников архитектуры, произведений искусства[5], архивов[6] и книжных

---

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

[2] Палашенков А.Ф. Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта // Известия Омского отдела... Вып. 9(16). С. 156 – 177; Ф. 2200. Оп. 1. Д. 109, 110, 137, 179.

[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 101, 343-350, 371; Фиалков Д.Н. За тесную связь с жизнью... С. 8.

[4] Работа А.Ф. Палашенкова «Древние пути-дороги Смоленской земли» увидела свет в Смоленске в 1933 г.

[5] Интересно, что в 1949 г. А.Ф. Палашенкову как уполномоченному Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром при Омском областном отделе по делам искусств было поручено выявить и взять на учет художественные ценности – произведения искусства, принадлежавшие «православной церкви на Тарской улице». Там же. Л. 114.

[6] Краевед в 1950-х гг. состоял членом научного совета Архивного отдела УМВД по Омской области (там же. Л. 39). Известно, что А.Ф. Палашенков ратовал за сохранение личных архивов краеведов – своих современников. Так, в письме И.С. Коровкину от 14 октября 1951 г. он писал: «Поступлению материалов от Вас будем рады. Сейчас принимаем архив профессора В.Н. Хитрово [...] Наша задача – сохранить все до строчки», а 3 месяца спустя сообщал своему корреспонденту, что «в краеведческом музее [...] хранится ряд архивов отдельных лиц. Сейчас поступили записи преподавателя называевской школы Славинского» (по нашим сведениям Я.А. Славинский еще в довоенные годы составил рукописный «Сборник историко-революционных материалов Называевского района Омской области», хранящийся в архиве Называевского историко-краеведческого музея. – **А.Р.**). Оставив работу в музее, А.Ф. Палашенков, видимо, перестал считать, что именно там целесообразно сосредотачивать сборы краеведов. Е.Н. Евсеев рассказывал нам, что встречался в ГАОО с С.Р. Лаптевым – тот приходил в архив сдавать свои бумаги («Андрей Федорович его присылал»). Е.Н. Евсеев вместе с А. Поварницыным в 1970 г. приняли и доставили на такси в ГАОО и часть бумаг самого Палашенкова, обратившегося в архив с соответствующей просьбой. Принято тогда было немного, по словам Евсеева, дел тридцать, поскольку Андрей Федорович плохо себя чувствовал. Основная же часть палашенковского фонда поступила на государственное хранение уже после смерти краеведа.

раритетов, хлопоты по устройству музейных экспозиций и открытию новых музеев... Всем этим А.Ф. Палашенков занимался в Смоленске и продолжал заниматься в Омске.

Уже упоминалось, что вплоть до своего ареста в 1933 г. краевед работал над составлением словаря Западного края. Интересно, что, оказавшись в Прииртышье, он какое-то время продолжал эту работу, о чем постоянно упоминал в своих первых сибирских автобиографиях. Так, в ноябре 1936 г. Палашенков писал: «В настоящее время меня занимают вопросы музейного оформления и изготовления моделей из дерева. Продолжаю также работу по составлению словаря Западной области». Вот подобные строки из других автобиографических текстов: «В настоящее время прорабатываю и подбираю материалы к составлению карт (археологической и палеонтологической) Омской области, а также продолжаю начатую более 10 лет тому назад работу по составлению словаря Западного края»; «В настоящее время прорабатываю подробный план организации музея фольклора, а также продолжаю [...] работу по составлению словаря Западного края»[1].

Вряд ли эти словарно-энциклопедические работы были достаточно продуктивными, чтобы удовлетворить краеведа. Часть его рукописных материалов, как уже отмечалось, бесследно исчезла после произведенного смоленским следователем Рассказовым обыска, остальные остались на теперь уже слишком далекой родной Смоленщине. Зато на каждом шагу встречался дотоле неведомый и потому особенно интересный сибирский материал. Стоит ли удивляться тому, что Палашенков достаточно скоро переключился на сбор сведений для краеведческого словаря Омской области. Часть сведений собиралась, что называется, попутно, в ходе отмеченных выше разнообразных занятий и работ, некоторые обретались в результате специальных целенаправленных поисков.

В автобиографии, датированной январем 1954 г., Андрей Федорович написал, что работает «по составлению Омского областного словаря и подбору материалов для путеводителя «Литературный Омск», а через пару лет, уже в другой автобиографии, рассказал об этой работе более подробно: «В течение 20 лет собираю материалы к словарю Омской области: о людях нашего края (ученых, писателях, путешественниках, деятелях искусства, борцах революции, общественных деятелях, новаторах, героях и энтузиастах труда, патриотах края и др.), о городах, селах, совхозах, реках, озерах, растительности, животном мире, явлениях природы, археологии, палеонтологии, исторических и историко-революционных событиях и местах, обычаях и обрядах, а также материалы по местному лексикону. Не проходит ни одного дня, в который не пополнялись бы материалы к словарю той или иной заметкой, газетной вырезкой, иллюстрацией и т.п. Словарь-летопись обогащается изо дня в день»[2].

Как видно, среди собранных Палашенковым материалов для краеведческого словаря персоналии – сведения о жителях края или же его «гостях», и выдающихся, и не очень, – занимали особое место. Краеведа интересовали в этом плане не только видные деятели минувшего, судьбы которых были так или иначе связаны с Омским Прииртышьем, Сибирью, но и его современники, и, как он сам выразился, «не только знаменитости, но и более скромные в достижениях на том или ином поприще». И.С. Коровкин в свое время зафиксировал, что А.Ф. Палашенков «в особую папку собрал (наклеил) материал из «Омск(ой) пр(авды)» о смерти Ел(ены) Владимировны Калугиной», организатора Омского русского народного хора: извещение о ее кончине, некролог и целиком всю газету. При этом Андрей Федорович говорил: «У нас многие не понимают, зачем это [...] А это делать нужно. Ведь как сейчас интересны для нас газеты, извещавшие о смерти Пушкина!»[3].

Впрочем, коллеги, друзья по увлечению краеведением Палашенкова понимали. 26 мая 1957 г. на праздновании 50-летия научно-просветительской деятельности краеведа ему был вручен подарок – множество обложек для собранных им материалов с типографским текстом на каждой: «А.Ф. Палашенков. Материалы к энциклопедии Сибирского

[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 26, 34.
[2] Там же. Л. 54, 63.
[3] ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 55 об.

А.Ф. Палашенков с краеведом И.С. Коровкиным. 1950 – 1960-е гг.

Прииртышья». На папках указывалось также, что преподносятся они «к 50-летию научной и общественной деятельности старейшего археографа и краеведа г. Омска и Омской области» от коллектива «Омгорсправки».

Служащий этого учреждения и друг юбиляра К.И. Иоффе сказал тогда: «Андрей Федорович называет накопленный им материал архивом. Но я бы этим казенным словом не пользовался. Это ценнейший […], систематизированный научный фонд, сокровищница по истории Омска, это энциклопедия города и края. Почти все, что имеет то или иное отношение к Омску, начиная с основателя города полковника Бухгольца и кончая новоселами 1957 г., отражено в фондах А.Ф.

Из пучины документальных журнальных и газетных и фото-материалов А.Ф. в течение свыше 20 лет извлекает и систематизирует, подготовляет и включает в научный оборот сообщения о людях и событиях нашего края [...] Перечислить имена и события, охваченные А.Ф., нам не придется [...] Для этого не хватит не только регламента, но и целого трудодня [...] В фонде А.Ф. около 3000, если можно так выразиться, научных деталей. Андреем Федоровичем выполнен труд, который делает его имя неразрывно связанным с историей Омска и края. При оценке трудов А.Ф. невольно вспоминаются слова [...] автора толкового словаря В. Даля. Он сравнил труд свой с трудом подносчика кирпича. А.Ф. отдал труд целой жизни, чтобы делать, формовать кирпичи для будущего здания истории Сибири...»[1].

Спустя почти десятилетие, когда 25 декабря 1966 г. отмечался 80-летний юбилей А.Ф. Палашенкова, похожие слова произнес его старый друг и соратник С.Р. Лаптев: «Архив Андрея Федоровича – это исключительное богатство, над которым придется поработать не только Андрею Ф. при его жизни, но останется достаточно для его учеников, последователей и потомков. Достаточно сказать, что собранный им материал для местной энциклопедии содержит свыше тысячи названий, из них каждое посвящено какой-либо одной теме и оформлено в специальную папку. В этой папке не одна, иногда десятки и больше записей, относящихся к этой теме, взятых из разных источников, какие пришлось встретить Андрею Федоровичу на его длинном пути ученого. Андрей

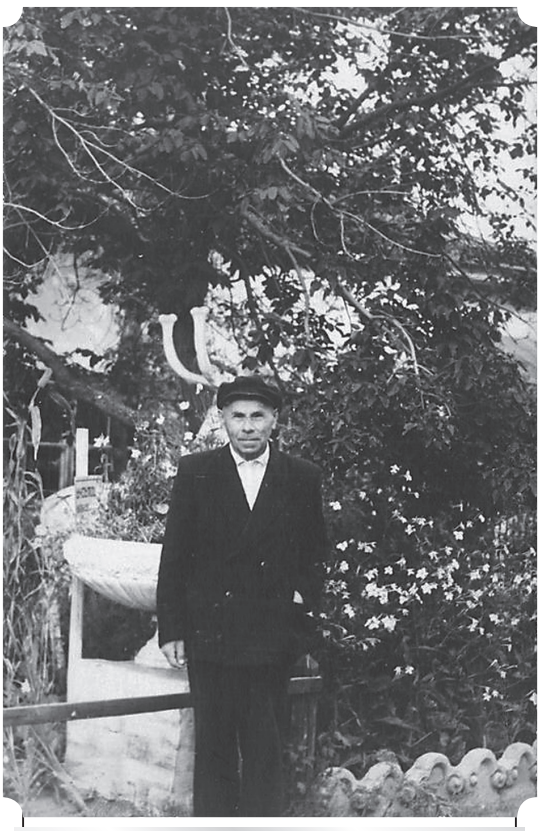
[1] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.

Федорович собрал большой биографический материал [...] Биографический «словник» насчитывает свыше 2,5 тысяч имен»[1].

Естественно, и сам Палашенков понимал, что собранное им сослужит добрую службу «ученикам, последователям и потомкам», а потому всегда беспокоился о сохранности своих материалов. Тем более что у него уже имелся некоторый печальный опыт. Выше мы приводили данные о гибели нескольких палашенковских библиотек на Смоленщине. Досадные утраты случались и в Омске. Известно, например, что одна семья, эвакуированная в город во время Великой Отечественной войны и поселенная в доме, где квартировал краевед, причем как раз в той комнате, где находились его библиотека и архив, зимой украдкой топила печь его бумагами и книгами[2].

Тревога краеведа за дальнейшую судьбу архива усиливалась в те периоды, когда значительно ухудшалось состояние его здоровья. Пожалуй, первое такое серьезное ухудшение случилось с началом 1956 г. Тогда А.Ф. Палашенков указал в своем дневнике адреса родных и близких, кого следовало бы уведомить о его возможной кончине, изложил просьбу похоронить его на Восточном кладбище, с краю, причем могилу сделать круглую, «курганной формы», а также записал:

«С грустной думой вступил я в 1956 год. Никогда раньше передо мной не стоял вопрос: дождусь ли следующего Нового года. Сейчас же этот вопрос неотвязчиво стоит. Молчу. Никому не говорю о своем состоянии, о здоровье. Следовало бы обратиться в раковую больницу, но там сразу предложат резать. Жду сам не знаю чего. А болезнь, видимо, прогрессирует [...] М[ожет] б[ыть], в наступившем 1956 году придется расстаться с жизнью. Возраст большой, семидесятый год идет. Умирать когда-то нужно [...]



А.Ф. Палашенков во дворе Омского областного краеведческого музея. Август 1955 г.

Скорблю, что не завершил работу по сбору материалов для Омского областного словаря, не привел в должное состояние собранное. Боюсь, что после смерти разлетятся с любовью и трудом подобранные листочки в разные стороны. Хотелось бы, чтобы моя мечта о сборе материалов для областного словаря не умерла с моей могилой. Скорблю, что не пришлось отдать все свои силы изучению края, радушно принявшего меня, ошельмованного. Омск, Прииртышье – вторая моя Родина, [но] где бы я не умирал, последний мой привет тебе, мой край Родной (Смоленский. – **А.Р.**)!»[3].

Эта скорбь тогда, в 1956 г., к счастью, оказалась преждевременной – в запасе у краеведа оставалось еще полтора десятилетия жизни и плодотворной работы. Заметим, кстати, что он не только тревожился по поводу сбе-

[1] Там же. Д. 11. Л. 18.
[2] ГИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.
[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 2. Л. 1– 4.

режения накопленных им знаний о крае, но и желал, чтобы сама его идея областного краеведческого словаря нашла своих продолжателей. М.Е. Бударин, в одной из своих публикаций привел такие слова Андрея Федоровича: «Жаль будет, если после моей смерти никто не продолжит эту летопись». Они прозвучали в ходе одной из последних встреч краеведов, незадолго до кончины Палашенкова[1].

В последние годы жизни судьба материалов для областного словаря как и вообще всего его собрания особенно волновали подвижника омского краеведения. Это отчетливо прослеживается по его переписке конца 1960-х гг. Так, в августе 1970 г. в одном из писем З.Г. Фурцевой он писал о себе и своем архиве: «...Этот гражданин очень любит получать письма от друзей, хранит в отдельных папках и ни одного письма не уничтожил. Какая судьба постигнет все это мое достояние – трудно сказать. А ведь за каждой страничкой живая душа, дыхание времени, боль и радость сердца. С каким бы интересом читали мы письма своих дедов, прадедов».

В другом его письме тому же адресату говорилось: «Я скупой. За 30 лет работы в Омске накопил много нужного и ненужного [...] И теперь, когда недалеко время уходить в вечность, хотелось бы хоть мало-мальски разобрать это свое единственное богатство. В последние 2 месяца (письмо датировано 17 декабря 1969 г. – **А.Р.**) занимаюсь отборкой в Госархив. Свыше 50 папок подобрал [...] Самый большой материал – это персоналии, люди»[2].

Озабоченностью будущим «единственного богатства» пронизаны и палашенковские дневниковые записи последних лет. 3 января 1969 г. краевед записал: «Всю ночь болела голова. Минутами набегали мрачные мысли. Все может случиться. К этому «хозяйство» мое (архив, книги, коллекции и т.п.) не готово»[3]. Особенно показательны в этом плане строки из дневника А.Ф. Палашенкова за 1970 г.:

«25 февраля.

...После чая приступил к обычным своим занятиям – разборке архива. Хочется привести свои накопления в такой порядок, чтобы люди могли пользоваться [...] Занимался разборкой материала на букву «М». Удалось окончить разборку только в 9 часов вечера. Мучает меня вопрос, много ли удастся мне сделать по приведению в порядок материалов. Тороплюсь […]

12 марта.

Весь день занимался уборкой в библиотеке. Навел некоторый порядок, но, конечно, далеко от хорошего. Папку за папкой беру в руки. Сколько было затрачено сил для того, чтобы собрать все это […] Одно желание, чтобы материал не пропал, чтобы после моей смерти служил людям.

17 марта.

[…] В палату пришел лечащий врач […] Мило поговорили […]

– Доктор, лечите, мне нужно завершить одну свою работу.

– А сколько Вам нужно времени для окончания?

– Года два…»[4].

А.Ф. Палашенков умер в больнице 30 апреля 1971 г. Похороны состоялись 5 мая. Свое последнее пристанище краевед обрел на Восточном кладбище г. Омска (теперь оно именуется Старо-Восточным), невдалеке от могилы П.Л. Драверта...

Думается, всего сказанного выше об Андрее Федоровиче Палашенкове вполне достаточно, чтобы представить, какого масштаба была эта фигура, и по достоинству оценить вклад, внесенный этим талантливым и пытливым исследователем, поборником знания и культуры, ревностным хранителем исторической памяти в развитие омского краеведения. Подчеркнем лишь, что годы работы на омской земле замечательного крае-

[1] Бударин М. Русские интеллигенты...

[2] Лейфер А. Фонд Палашенкова... С. 244, 249.

[3] ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об.

[4] Там же. Д. 2. Л. 12 – 21 об., 26 – 28, 34, 37, 40, 44 – 46 об., 48, 53, 56 – 59 об.

веда-энтузиаста, по нашему мнению, были ничем иным, как особым, «палашенковским» периодом в истории омского краеведения.

Завершить же разговор о деятельности А.Ф. Палашенкова хотелось бы оценками, данными ей и самому краеведу его современниками, людьми, близко и потому хорошо его знавшими. Писатель И.С. Соколов-Микитов называл его «подвижником земли русской», удивлялся его «глубокой преданности любимому делу, родной земле и старине». Автор известной книги по истории омского градостроительства профессор В.И. Кочедамов считал его «замечательным сибирским исследователем и хорошим человеком», «вечно молодым пионером науки», а И. Голубецкий, бывший в шестидесятые годы главным архитектором области, знал его не только как ученого и краеведа, но и как «человека большой души и необыкновенной скромности», показывавшего «замечательный пример доброты и деловитости в работе, особой чуткости и внимательного отношения к людям»[1].

Приведем также некоторые отзывы об А.Ф. Палашенкове его друзей-краеведов. Д.И. Логачев писал, что у него остался «теплый благородный отпечаток», оставленный этим «подлинно любящим свою Родину и ее историю» тружеником, «преданнейшим науке, бескорыстнейшим, культурным человеком», «настоящим советским ученым-энтузиастом», «единственным в своем роде крупнейшим специалистом по истории Западной Сибири». Смоленский краевед С.М. Яковлев передавал А.Ф. Палашенкову «земной поклон [...] за подвижническое служение Родине, спасение священных реликвий народа для восходящих поколений». А И.С. Коровкин имел все основания для того, чтобы утверждать: «Много, много прекрасных дел сделал этот замечательный ученый, большой души человек, и память о нем будет всегда храниться среди благодарных сибиряков»[2].

[1] Там же. Д. 9. Л. 13; Д. 10. Л. 5, 24 а, 32.

[2] Там же. Д. 297. Л. 37, 43; Д. 10. Л. 33; Ф. 1405. Оп. 2. Д. 12. Л. 18.

Избранные труды Андрея Федоровича Палашенкова

I

РАЗДЕЛ

Памятники истории и культуры Сибири

Памятники и памятные места Омска и Омской области[1]

Вместо предисловия

Омск, как известно, еще в дореволюционное время в течение многих десятилетий был политическим и культурным центром не только Западной Сибири, но и Севера и Востока Казахстана. Естественно, что в нашем городе немало мест, связанных с жизнью писателей, поэтов, художников, ученых – людей, имена которых широко известны в нашей стране.

История Омска тесно связана с развитием революционного движения в Сибири, начиная от первых марксистских кружков среди железнодорожных рабочих до создания большевистской партийной организации.

Трудовой Омск всегда живо откликался на революционные события и был одним из немногих городов, которые посылали в Государственную думу депутатов – членов РСДРП.

В годы гражданской войны международная реакция хотела превратить Омск в свою крепость против первого в мире пролетарского государства. Пролетариат Омска и его авангард – большевистская парторганизация – понесли большие жертвы в борьбе с интервентами и их ставленником Колчаком. Омичи свято хранят память о революционных событиях, происходивших в нашем городе.

О прошлом здесь говорят сохранившиеся памятники – немые свидетели ушедших дней. На многих зданиях города лежит «событий печать».

Памятники и памятные места – это живая история города. У таких памятников перед нами оживают картины омского революционного подполья в тяжелые годы реакции, дни открытой борьбы с самодержавием и интервенцией.

Каждый рассказ о памятнике революции не может не вызывать восхищения теми, чья светлая жизнь, беззаветная борьба за счастье народа прокладывали путь к коммунизму.

Ежегодно тысячи трудящихся, особенно молодежь, пионеры и школьники совершают экскурсии по историческим местам нашего города и области. С волнением подходят они к местам, где шли битвы за власть Советов, где отдали свои жизни многие сыны и дочери нашего народа в борьбе за свободу и счастье.

Историко-революционные памятники имеются во всех районах города Омска и области. Этим памятникам и посвящена настоящая книга.

Молодежь должна знать историко-революционные памятники родного края. Они воскрешают ушедшее и приобщают нас к великому прошлому во всей непосредственности и правде, обогащают и углубляют познания по истории борьбы и побед трудящихся и вместе с тем воспитывают высокие качества человека-гражданина, беззаветную любовь к Родине, героизм.

СТАРАЯ ОМСКАЯ КРЕПОСТЬ

Там, где ныне расположен Омск, 250 лет тому назад было пустынно и дико. У самых вод рек Иртыша и Оми густой стеной стояли тальниковые заросли; выше по берегам росли коренастые с корявыми и толстыми стволами старые, похожие на столетние дубы, ивы. Дальше во все стороны шли обширные равнинные пространства, на которых виднелись островки березовых колков, в ложбинах же, где было побольше влаги, росли осины и кусты черемухи.

Безжизненно и пусто здесь было зимой. Все – и реки и степи – покрывалось снежной пеленой, на которой от колка к колку виднелись лишь тропы непуганого зверя. Угрюмо стояли оголенные рощи.

Оживлялось Приомье с наступлением весны и летом. Одетые в зелень рощи и кустарники заселялись птицей, прилетавшей сюда на гнездование. Стаи уток носились над плесами рек. Изредка проносились на своих быстроногих конях кочевники, выискивая добычу. Да временами слышался плеск весел калмыцких людей, державших перевоз через Иртыш на омском устье.

Проходили годы, десятилетия, века...

В мае 1714 г. царь Петр I дал указ подполковнику Ивану Дмитриевичу Бухольцу[2] снарядить в Тобольске военную экспедицию и идти по Иртышу для поисков песочного золота.

Через год экспедиция снарядилась и на 60 судах (33 дощаника и 27 весельных лодок) отплыла из Тобольска вверх по Иртышу. В составе экспедиции находились 2862 драгуна и, кроме того, 70 мастеровых.

На суда были погружены 40 пушек, 15 мортир разного размера, 13851 ядро, 5179 гранат, 852 пудовых бомбы, дробь, порох, бердыши, алебарды, пики, штыки, копья и ружья, а также амуниция и продовольствие. В Таре Бухольц получил полторы тысячи лошадей под драгун. Драгуны ехали по берегам Иртыша, неся разведывательную службу.

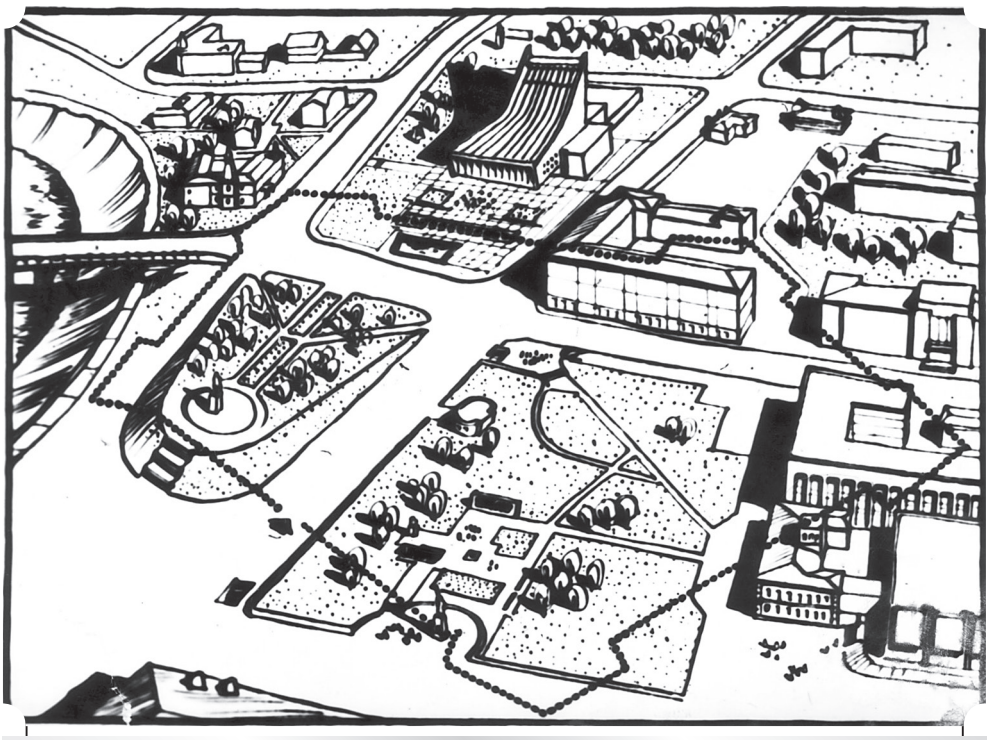
В начале сентября 1715 г. экспедиция миновала устье Оми, а 1 октября была у соленого Ямышевского озера, южнее устья Оми на 450 километров. Здесь на берегу правого притока Иртыша речке Преснухе, невдалеке от ее устья, экспедиция расположилась на зимовье*, с таким расчетом, чтобы весной продолжать продвижение на юг. Однако враждебное отношение к экспедиции со стороны местного джунгарского хана заставило Бухольца весной (28 апреля 1716 г.) покинуть Преснуху и направиться в обратный путь, понеся большой урон в людях, снаряжении и продовольствии.

Доплыв до устья Оми, Бухольц остановил свой отряд. Отсюда он послал гонцов к тобольскому губернатору князю Матвею Гагарину[3] за указанием, что предпринимать далее. Гагарин вскоре прислал ответ. Он предписывал Бухольцу в устье реки Оми заложить крепость и прислал в дополнение к отряду 1300 человек регулярного войска.

---

* В нижнем течении речки Преснухи, против верхней части Старого Ямышева, до настоящего времени сохранились следы временных землянок лагеря Бухольца. Землянки расположены на древней пойме Иртыша по левую сторону Преснухи – между Преснухой и старицей, на полосе в 200-300 м шириной. Местность сухая, поросшая кустами шиповника, боярышника, мелкой осиной и тополем. Над плесом речки и старицы территория бывшего лагеря поднимается на 1,5-2 м. Сохранилось, по нашему подсчету, около 50-ти землянок, преимущественно квадратной формы со сторонами в 4-6 м, глубиной до 2-х м. Землянки осыпались и поросли бурьяном. В их расположении замечаются ряды, сохранились следы входа. С западной стороны землянок находится останец в 150 м длиной, 50 м шириной, 4-6 м высотой. Останец являлся хорошим сторожевым пунктом: он господствует над окружающей его местностью.

Караван из прибывших 33 дощаников и 27 двенадцативесельных лодок был введен Бухольцем в устье Преснухи. В настоящее время живое русло Преснухи не доходит до Иртыша метров двухсот: устье ее занесено песком. Истоком Преснухи служило озеро Пресное (расположено в 3-х км вниз по Иртышу от известного соленого Ямышевского озера). В настоящее время только в весеннее половодье Преснуха соединяется с озером Пресным. В остальное время русло речки на протяжении около километра от озера остается сухим.



Контур Первой Омской крепости и его привязка к современной застройке. Автор М.М. Хахаев

Постройка крепости на этом месте намечалась и раньше. Еще в 1628 г. воеводы города Тары посылали в Москву челобитную, в которой просили разрешения построить острог вверх по Иртышу у устья реки Оми.

Тарские воеводы писали, что «место хорошо и угоже и лесу де близко много... и только де на Омском устье острог поставить и из того острога оберегать наши ясачные волости и ясачных людей мочно»[4].

Различные неблагоприятные обстоятельства долго мешали обоснованию русских на Оми, но мысль о сооружении здесь укрепления не умирала. В конце XVII века С.У. Ремезов в «Чертежной книге Сибири» там, где начерчено было устье реки Оми, сделал надпись: «Пристоит вновь быть городу, край самой степи калмыцкая»[5].

Постройкой крепости имелось ввиду приостановить нападение степных кочевников на порубежные владения России на юге Западной Сибири и способствовать продвижению и освоению русскими людьми верхнего Прииртышья.

Высадившийся в устье Оми, на ее южном берегу, отряд Бухольца для защиты и охраны военного снаряжения и хозяйственного имущества построил два небольших, обнесенных частоколом, редута: трехугольный на стрелке (где ныне новый речной вокзал) и четырехугольный (примерно против въезда на бывший железный мост[6]).

Вместе с тем приступлено было и к сооружению собственно крепости. Руководил строительством участник экспедиции Бухольца шведский военнопленный артиллерии инженер Каландер.

Крепость была заложена на левом берегу Оми в углу верхней террасы в 500 метрах от Иртыша[7]. Живое русло реки в этом месте вплотную подходило к обрывистому берегу террасы, которая поднимается здесь над плесом Оми метров на 8-10*.

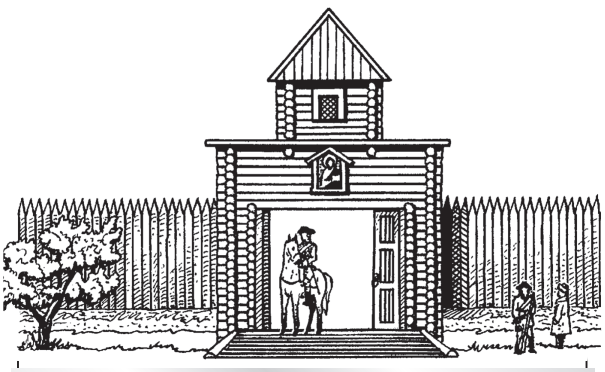
* Теперь на месте бывшей крепости расположены: областная библиотека им. А.С. Пушкина, речное училище, большой пятиэтажный дом, что на углу ул. Почтовой и проспекта Маркса и др.

Крепость, как показано на первом известном плане Омской крепости де Гранжа[8] 1722 г.*, в плане имела пятиугольник[9] и занимала поверхность с приметным склоном к Иртышу, площадью около 6 гектаров**.

Оборонительные сооружения крепости, судя по планам 40-х годов XVIII века, состояли из сухого рва, который охватывал крепость с четырех сторон (пятая сторона проходила у крутого берега Оми, который сам по себе представлял естественную защиту). Глубина рва была равна 3 метрам, ширина – 4 метрам. За рвом шел земляной вал высотой в 1 метр. По гребню вала проходил палисад в 3,5 метра высотой из врытых в землю березовых бревен с заостренным верхом.

По углам крепости были сооружены бастионы для обстрела куртин (пространства между бастионами). По данным «плана Омской крепости, сочиненном в 1755 г. с прожектом», наиболее хорошо был оснащен самый большой юго-западный бастион. Здесь были поставлены три батареи (деревянные срубные сооружения для орудий), в то время, как в восточном бастионе – две, в южном и выходивших на Омь полубастионах – по одной. С внешней стороны крепости шли ряды рогаток и надолб.

«В крепость вели въездные ворота: первые из посада со стороны Иртыша назывались Спасскими (также воротами на Иртыш. – **А.П.**). Они не имели башни и завершались только небольшой смотровой надстройкой; вторые – в юго-восточной куртине – Знаменские, вели к дороге «через Барабу в Томск», на них была установлена артиллерийская батарея. Эти ворота, как и все остальные, представляли в плане квадратную башню, примерно 5×5 метров и возвышались срубом на 8 метров, причем верхняя часть была шире основного сруба. Все сооружение было перекрыто высокой четырехгранной усеченной пирамидой тесовой кровли, завершавшейся смотровым фонариком, в свою очередь, также перекрытым высокой пирамидальной кровлей. Общая высота Знаменской башни достигала 14,5 метра... Сторона крепости, обращенная к Оми, не имела рва. Сюда выходили Никольские ворота. Из них был выезд на берег, а вдоль него нужно было проехать еще через Шестаковы ворота, устроенные в примыкавшей к Оми восточной куртине и выходившие на Барабинскую дорогу». (В.И. Кочедамов. Омск. Как рос и строился город. Омск, 1960 г., стр. 6 – 7).



Спасские ворота Первой Омской крепости. Историческая реконструкция В.И. Кочедамова

Застройка крепости носила беспорядочный характер. Улиц, в нашем понимании этого слова, не было. Только в немногих местах усматривалась линия в расположении построек.

В центре крепости на площади находилась церковь, которая, как и ряд других казенных зданий – гауптвахта, канцелярия, дворы

* «Новый проект, какой должна быть крепость города на Оми». (ЦГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 1062).

** Сибирский летописец, тобольский ямщик Иван Черепанов, в «Летописи Сибирской» об Омской крепости пишет: «Князь Гагарин, получа известия от полковника Бухольца, не токмо представление его за благо принял, но и послал к нему для дополнения полков 1300 рекрутов в трех партиях и так немедленно крепость при реке Оми строить начали. Артиллерии поручик Каландер имел опять смотрение над строением. Избрал место на южном берегу реки Оми около 50 сажень от ее устья. Ниской земляной вал в фигуре правильного пятиугольника, обнесен палисадом с пятью таких же больверков на углах и со рвом около которого поставлены были рогатки. Сие крепостное строение еще до зимы приведено в полное состояние и назвали его по ее положению Омской крепостью...».

командующего офицера и управительский, также казармы, были построены в самом начале сооружения крепости.

Церковь была сооружена во имя Сергия Радонежского – главного святого Московской Руси, в день памяти которого (25 сентября ст. ст.) скорей всего была освящена крепость. Признанием преподобного Сергия патроном крепости подчеркивалась неразрывность, единство нового оплота далекой окраины с центром Русского государства – Москвой. В 1755 г. церковь была опоясана оградой, на углу которой стояла восьмигранная колокольня.

Сергиевская башня Первой Омской крепости. Историческая реконструкция В.И. Кочедамова

Вокруг площади размещались Омская и управительская канцелярия, комендантский дом, офицерские дома, дальше в беспорядке были расположены обывательские дворы. В направлении Спасских ворот (Иртышских) находилась гауптвахта, возле нее амбар, где хранились казенные припасы; у восточной стороны крепости стояли казармы и госпиталь, у южного бастиона – пороховые погреба и артиллерийский цейхгауз. С внешней стороны крепости находились: с западной стороны у земляного вала, южнее Спасских (Иртышских) ворот, провиантские амбары: у моста через Омь – драгунские казармы, по соседству с ним на форштадте – кабак.

С внешней стороны юго-западного бастиона через линию укреплений, которая прикрывала форштадт с юга, шла дорога на Железинскую крепость[10] (примерно, где ныне расположен Дом Союзов). Здесь стояла Сергиевская башня, на которой находилась батарея. Невдалеке от крепости, по правую сторону Железинской дороги, был посольский дом («Дом для приезду азиатских народов»[11]).

На берегу Оми вверх по реке против восточной линии крепости находилась баня*.

С постройкой крепости началось заселение лугового пространства между крепостью и Иртышом. Здесь сложилась так называемая Луговская слобода (впоследствии Ильинский форштадт[12]), примерно по теперешней Профессиональной улице[13]. С южной стороны слобода прикрывалась рвом и палисадом с шестью батареями. Связь слободы с лежащими за ее чертой местностями осуществлялась через Сергиевские ворота, которые находились у юго-западного бастиона.

По правую сторону Оми, против Луговской слободы и несколько ниже по реке, возникла Омская слобода. Заселена она была переселенцами и пришлыми крестьянами, а также разночинцами. Кроме того, на правой стороне Оми были расквартированы три роты драгун и резервная команда. Защита Омской слободы состояла из вала, палисада и надолб с тремя батареями.

Замыкалась слобода прямой защитной линией, которая проходила от моста на Оми до места, где в настоящее время расположена анатомическая клиника медицинского института[14].

Для связи Луговской слободы с Омской через Омь был построен наплавной мост.

---

* В 1725 г. в крепости находилось 992 человека населения, в 1745 г. – 1096 человек, а в 1770 г., как пишет академик Фальк, в старой крепости было две деревянных церкви, 139 деревянных домов, 1186 душ обоего пола, кроме милиции, крепостных служителей и колодников.

Построенная на берегу Оми крепость занимала господствующее положение над окружающей ее местностью. С ее насыпных валов и дозорных башен далеко были видны степные просторы.

Омская крепость сыграла большую роль в продвижении русских вглубь степей, в освоении новых земель на юге, в распространении русской культуры.

Теперь от старой левобережной Омской крепости не сохранилось никаких сооружений, и мало кому известно, что зачался Омск именно здесь, на этой пяди берега Оми[15]. Только когда проводятся земляные работы время от времени на поверхности выброшенной земли покажется то обломок старого кирпича с плотно приставшим к нему известковым раствором, то обугливший кусок дерева со следами топорного стеса, то некогда пропитанный дегтем фрагмент кожаной обуви.

Теперь на месте старой Омской крепости прошли широкие, одетые в асфальт улицы с газонами и клумбами, с каменными многоэтажными домами по сторонам, с беспрерывным потоком троллейбусов, трамваев, автобусов и других автомашин. С раннего утра до поздней ночи здесь ныне людно и красиво.

И.Д. БУХОЛЬЦ

К 250-летнему юбилею Омска одной из улиц города присвоено имя Бухольца. Этим наименованием улицы увековечивается память зачинателя Омска, полковника Ивана Дмитриевича Бухольца, родившегося в 1671 г. Против этой улицы (может быть несколько ниже или выше по Иртышу) в мае 1716 г. И.Д. Бухольц, сойдя с дощаника причалившей здесь экспедиции, впервые ступил на девственный берег реки. Нетронутая от веков древняя пойма лежала перед ним. За ней в недальнем расстоянии (метрах около 500) поднималось взгорье террасы.

Здесь, в устье Оми, Бухольц остановился, чтобы осуществить давнее намерение Руси о постройке в этом месте крепости.

Восемь месяцев был он у строительства крепости на берегу Оми, и только когда строительство было окончено, подполковник Бухольц 22 декабря 1716 г., передав команду над Омским гарнизоном И.Л. Вельяминову-Зернову, выехал в Тобольск, оттуда по указу царя отправился в Петербург (прибыл в столицу 2 февраля 1717 г.) для дачи объяснений о постигшей неудаче возглавляемой им экспедиции «для поисков песочного золота».

Портрет И.Д. Бухольца. Историческая реконструкция В. Резниченко

Расследованием в действиях И.Д. Бухольца не было найдено ничего преступного. И тем не менее после следствия он оказался не у дел.

Вспомнили о нем лишь в 1724 г.

«По указу его императорского величества, – извещала Тобольская губернская канцелярия Туринского комиссара Казимирова, – велено отправить на юго-восточную границу подполковника Бухольца и с ним гарнизонных регулярных полков – конных тысячу, пехотных тысячу человек, в том числе и тех, которые в Туринских заводах у генерала майора Генника, оставя у него 200 человек».

Направление Бухольца на восток вызывалось государственной необходимостью.

На востоке И.Д. Бухольц сыграл крупную роль в удачном заключении Буринского договора с Китаем в 1727 г.[16] Ко времени прибытия русского посла Рагузинского (14 июня 1727 г.) на реку Буру там не только были сосредоточены русские войска (в том числе и Тобольский гарнизонный полк), но и, главное, была укреплена граница. Искушенный в строительстве оборонительных сооружений, основатель Омска И.Д. Бухольц в короткое время построил здесь ряд крепостей и форпостов, возвел палисады и другие заграждения в пограничных опорных пунктах. Эта укрепленная линия была признана границей.

В последние годы своей деятельности И.Д. Бухольц был командиром Якутского пехотного полка и комендантом г. Селенгинска, где он пользовался большой популярностью. Когда в 1733 г. умер иркутский вице-губернатор Сытин, иркутянами решено было передать правление его пятилетнему сыну, а за его малолетством определить к нему советником и опекуном полковника Бухольца, для чего и вызвать последнего из Селенгинска... (В.П. Сукачев. Иркутск. Печатана в Москве в типо-литографии Кушнерева в 1891 г., стр. 5 – 6)[17]. Переезд Бухольца в Иркутск не состоялся, он оставался комендантом Селенгинска до 1740 г. В 1741 г. И.Д. Бухольц умер в возрасте 70 лет.

АРТИЛЛЕРИИ ПОРУЧИК КАЛАНДЕР

Омская крепость строилась под руководством инженер-поручика Каландера. Каландер швед, участник военного похода шведского короля Карла XII в Россию. В 1709 г. в бою под Полтавой, где шведы были разгромлены, Каландер, как и тысячи других шведских солдат и офицеров, попал в плен. В 1715 г. он был включен в состав экспедиции И.Д. Бухольца, направлявшейся в Эркенд (на Аму-Дарью) для поисков песочного золота.

«А поручику артиллерии Каландеру и канонерам и пушкарям, которые присланы из полевой артиллерии, тем всем быть при нем, господине подполковнике», – говорилось в указе князя Гагарина.

Когда экспедиция Бухольца дошла до Ямышевских озер, где решено было зимовать, на Каландера было возложено строительство здесь – на высоком правом берегу Иртыша, против устья речки Преснухи, – крепости.

Во время постигшей тяжелой неудачи экспедиции Бухольца на Преснухе, когда из 2932 участников экспедиции уцелело 700 человек, судьба пощадила Каландера. Он с другими оставшимися в живых вернулся к устью Оми и здесь, когда от Гагарина пришло разрешение на постройку крепости, на него было возложено руководство строительством. «И так немедленно крепость при реке Оми строить начали. Артиллерии поручик Каландер имел опять смотрение над строением. Избрали место на южном берегу реки Оми...»[18].

Каландер знал крепости своей родины и западных стран, где в фортификации того времени преобладала система известного французского инженера и математика Вобана: пятиугольная форма, создававшая более удобные условия для обстрела куртин с угловых бастионов. Эту пятиугольную форму Каландер и положил в основу Омской крепости.

К осени 1716 г. сооружение крепости в основном было окончено, и Бухольц выехал в Тобольск, «...и по отъезде его (Бухольца) тот артиллерии поручик оставлен был в крепости с 46 бомбардирами и с 46 канонерами при майоре Вельяминове-Зернове для завершения работ по крепости».

Как долго оставался при строительстве Омской крепости Каландер и когда он покинул Омск неизвестно. Известно лишь, что в 1718 г. его не было в живых: он утонул в Иртыше. Где именно, когда и при каких обстоятельствах погиб строитель Омской крепости неизвестно. В представленных в январе 1719 г. Матвеем Гагариным в Сенат сведениях с сожалением отмечено: «...А который поручик Каландер был, по воле божии утонул, едучи к Тобольску, и в таких людях есть скудость».

НОВАЯ ОМСКАЯ КРЕПОСТЬ

Построенная на левом берегу Оми в 1716 г., крепость к середине XVIII века сильно обветшала.

В описи «О состоянии Омской крепости в 1755 году» говорится: «Вокруг всей оной крепости палисад пришел в ветхость... по большей части погнил, во многих местах отвалился... Около оной же крепости ров землею осыпался, рогатки и надолбы весьма ветхи и погнили, а во многих местах повалились...»[1].

Крепость являлась узловым пунктом смыкавшихся здесь Иртышской и Пресногорьковской оборонительных линий.

В Омске сходились пути от Оренбурга, Тобольска и Ямышева; здесь же с начала 60-х годов XVIII столетия находилось и главное командование Сибирской оборонительной линии[2].

В крепости была сосредоточена основная масса ссыльных.

Учитывая все это, командир Сибирского корпуса Шпрингер признал необходимым приступить к постройке новой Омской крепости[3] на правом берегу Оми, в углу, образуемом слиянием Оми с Иртышом. Старая крепость признавалась неудовлетворительной в том отношении, что она во время ледохода и ледостава (когда наплавной мост на Оми снимался) оставалась отрезанной от тыла.

Главным автором проекта новой Омской крепости был, как полагает В.И. Кочедамов, инженер Малм[4]. Им и генералом Шпрингером 28 февраля 1765 г. подписан чертеж крепости. Вместе с проектом было направлено в Петербург «мнение», где объяснялась целесообразность строительства новой крепости и способы ее сооружения.

В мае 1767 г. проект новой Омской крепости был утвержден, а через год весной 1768 г. приступили к ее строительству на строгих стратегических и научных обоснованиях.

На строительстве крепости основной рабочей силой были арестанты и казаки. Работы производились сначала под руководством инженера Малма, а затем под руководством инженера Шестинского.

Сооружение крепости требовало большого количества строительных материалов – леса, кирпича и др. Заготовка леса производилась в Долонском и Семипалатинском сосновых борах, откуда он сплавлялся вниз по Иртышу, а также заготавливался лес и в Карасукском бору, сплавлялся по Тартасу и Оми. Кирпичи вырабатывались в кирпичных сараях, построенных на левом берегу Иртыша. Для обжига кирпича использовался тростник с ближайших озер. На кровлю домов широко применялся дёрн.

Крепость занимала площадь в 30 гектаров, имела четыре бастиона (Подгорный, Степной, Тарский и Форштадтский) и три полубастиона (Омский, Ильинский, Иртышский). Охватывавший крепость земляной вал имел 3,5 метра в высоту, со стороны Иртыша он возвышался на 12 метров над плесом реки. С внешней полевой стороны вал был обведен широким сухим рвом в 2,4 метра глубиной. В крепость вели четверо деревянных ворот: Омские – со стороны Омской слободы, Тарские – с северной стороны, Тобольские и Иртышские – со стороны Иртыша. Против Омских и Тарских ворот через ров были сделаны подъемные мосты. Реки Омь и Иртыш служили большой естественной защитой крепости с западной и южной сторон.

В 1791 – 1794 гг. вместо деревянных крепостных ворот сооружены кирпичные.

Территория крепости была расчленена прямыми перпендикулярно пересекающимися улицами. Эта распланировка частично сохранилась до настоящего времени.

Посетивший Омск в 1771 г. известный путешественник академик Паллас[5] оставил описание крепости:

«Сия, новая, весьма выгодное положение имеющая, Омская крепость укреплена весьма прекрасным образом, по новым воинской архитектуры правилам. Она представляет многоугольник о пяти бастионах, которые к реке Иртышу сходятся, и из крепкого, дерном выложенного вала и широкого, сухого рва, но на одной стороне не совсем еще была оная отделана. В оной уже выстроены прекрасный генеральский дом

на каменном фундаменте; подле оного провиантская канцелярия, гауптвахта, пред которою выставлены артиллерийские снаряды, протопопский дом и различные изрядными офицерскими домами и казармами застроенные улицы. Строится же еще прекрасная каменная церковь, по выстроении коей церковь соборная в старой крепости сломается, дом для городской школы, в коей воспитываться будут драгунские и казацкие дети: и сие есть одно из достохвальных новых заведений: дом для приезжающих почетных иностранцев и дом комендатский; оба проходят по сторонам генеральского дома; дом для протестантского сибирской дивизии священника и прочие офицерскими домами и казармами застраиваемые улицы, кои план крепости дополняют. На реке Иртыше, внутри крепости, в особом ретраншементе, лежат хлебные амбары... На главном месте крепости выкопаны изрядные колодцы»[6].

Побывавший в 70-х годах XVIII в. в Омске академик Фальк отмечает, что в крепости «...несколько пушек, 4 драгунских эскадрона, 1 гарнизонный батальон и артиллерийская команда. В крепости живут только солдаты в казармах...

В Омске кроме ссылочных находится еще 800 или 1000 человек преступников из России, по большей части с вырванными ноздрями. Преступники самые важные содержатся в крепостном остроге, а не столь важные в городе и отличаются пришитым на спине красным лоскутом. При хорошем надзоре полиции живут они спокойно, в противном случае по жестоком наказании отсылаются в острог, где они должны работать в мастерских, построенных общественным иждивени[ем], а те, которые не знают никакого ремесла должны обводить крепость по линии, вместо деревянных стен, валами и рвами...». (М. Фальк. Записки путешествия. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. Спб., 1824).

В 1805 г. Омская крепость считалась одной из лучших в Сибири. Боевой состав ее в 1805 г. состоял из 3463 солдат, при 92 обер-офицерах.

П. Золотов[7] в описании Омска, относящемся к 1826 г., дает ему следующую характеристику:

«Крепость, окруженная широкой эспланадой, выглядывала чем-то вроде уединенного монастыря, и казавшаяся замкнутость ее осязательно поддерживалась тем, что ее башни (ворота) на ночь были постоянно запираемы на замок, по линии рогаток, шедших по гласису, опускались тяжелые шлагбаумы. Правда, и тогда между строениями было немало каменных, но простота их казенной архитектуры, а тем более вид, преимущественно низменных или от ветхости вросших в землю деревянных домов, не представлял ничего приятного для глаз»[8].

И.И. ШПРИНГЕР

Шпрингер Иван Иванович – командир Сибирского корпуса. Прибыл в Омск и принял командование корпусом от Веймарна в 1764 г. При отправлении в Сибирь ему была вручена инструкция, подписанная Екатериной II. Инструкция оканчивалась словами: «Мы уповаем впрочем, что по рабской своей должности, порученное вам дело исправлять и о пользе интересов наших труды ваши прилагать и радость вы не приминете, за что и милостью нашей оставлены не будете»[9].

Лично осмотрев в 1764 г. укрепления южной границы, И.И. Шпрингер признал, что в Омской крепости «должно навсегда находиться главному теми местами командиру», т. е. здесь должен находиться командир корпуса со значительным гарнизоном. (До этого командир Сибирского корпуса находился в Тобольске).

С первого года своей службы в Сибири И.И. Шпрингер приступил к проектированию новой крепости на правом берегу. Крупный военный специалист Шпрингер сосредоточил в Омской крепости большой коллектив военных инженеров, которые, наряду с новой Омской крепостью, проектировали крепости и редуты Колывано-Вознесенской линии, а также производили перепланировку Иртышской и Горькой линий.

Составитель биографии И.И. Шпрингера П. Золотов пишет: «Читая журнал, веденный Шпрингером при осмотре тогдашней нашей границы (имела 2125 верст протяжения.

– **А. П.**), мы невольно убеждаемся, что первую по ней поездку свою он совершил не только как начальник, но как и ученый путешественник»[10].

Занятый постоянными инженерными и другими работами по устройству крепостей и редутов по линии, И.И. Шпрингер часы досуга проводил между молодыми офицерами, поощрял чтение и занятия искусством. Причем, для «полирования» молодых людей был учрежден при чертежной оперный дом, где «чинили представления разных трагедий и комедий».

Шпрингер являлся самой крупной (после основателя Омска И.Д. Бухольца) фигурой в истории Омска XVIII века.

Умер И.И. Шпрингер в 1771 г. в Омске.

ВОРОТА ОМСКОЙ КРЕПОСТИ

Из бывших четырех ворот Омской крепости сохранились одни – Тобольские. Омские разобраны в конце 1936 г., несколько раньше их разобраны Иртышские, а в феврале 1959 г. – снесены Тарские[11], по архитектуре к которым были близки Омские и Иртышские ворота[12].

Тарские ворота Второй Омской крепости. Фотография начала XX в.

Тарские ворота находились на северной крепостной линии, против нынешней ул. Спартака[13] (бывш. ул. Глазенапа).

Через эти ворота из крепости проходил выезд на Тарский тракт. Ворота были сложены из кирпича. Снаружи они имели вид четырехугольной башни со ступенчатыми наверху по фасадным сторонам щитами. Кровля двускатная, с едва приметным скатом. По сторонам арочного проема парные пилястры с небольшими карнизами. Над арочным проемом с наружной и внутренней сторон ворот надпись на сланцевой плите: «Тарския, 1792». В верхней надарочной части было помещение из двух комнат с щелевидным, в виде бойницы, оконным проемом и дверью с западной стороны, куда вела наружная лестница. Боковые стороны ворот имели небольшие, в виде столбов в 2,5 метра высотой, контрофорсы.

В плане ворота представляли четырехугольник, длина которого 7,8 метра, ширина – 6,3 метра. Высота арочного проема 4 метра, ширина – 3,4 метра.

23 января 1850 г. (ст. ст.) в третьем часу пополудни через Тарские ворота вбежали две впряженные в кибитки тройки. В них ехали, закованные в железо, петрашевцы – писатель Ф.М. Достоевский[14] и поэт С.Ф. Дуров[15]. Сразу же от ворот тройки повернули налево – к Омскому каторжному острогу.

Тобольские ворота Второй Омской крепости. Фотография начала XX в.

Тобольские ворота находятся на западной стороне бывшей крепости. Ворота кирпичные, четырехугольные (9,75×8 метра), построены в 1792 г. За 170 с лишним лет ворота сильно обветшали: разрушилась кирпичная кладка верхних рядов, осыпались карнизы, на стенах отпучины и следы выветривания. Разобраны поддерживавшие боковые стороны ворот парные контрофорсы. Вместо них по обе стороны ворот, во всю их длину, вплотную к ним были пристроены кирпичные кладовые.

Через Тобольские ворота много раз проходил закованный в кандалы Ф.М. Достоевский для работы на берегу Иртыша. Через эти же ворота с берега Иртыша он носил кирпичи на постройку казармы в крепости.

ВОЕННЫЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ СОБОР

Против сада Дома офицеров (быв. Плац-парад) в линию с гауптвахтой (теперь Облвоенкомат) находился Военный Воскресенский собор[16]. Это первое кирпичное сооружение в Омске 1771 – 1775 гг.

Трехъярусная соборная колокольня с восьмигранным шатром и куполом доминировали над окружающей местностью. Толщина стен собора 1,65 метра.

Строил собор известный сибирский летописец, тобольский ямщик Иван Черепанов. Собор вошел на страницы бессмертного произведения Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома».

ГАУПТВАХТА

Это старейшее здание гражданской архитектуры в Омске[17]. Заложено оно в 1781 г., т. е. через 13 лет после закладки крепости на правом берегу Оми. В XVIII веке гауптвахта была одним из самых больших и нарядных каменных зданий в Омске. Здание двухэтажное, с железной кровлей. На фасадной стороне по краям небольшие выступы, в середине небольшой фронтон. Нижний этаж отделан рустовкой. Стены второго этажа гладкие, если не считать 4-х пилястр в центральной части и надоконных украшений. Раньше наверху здания находилась четырехгранная со срезанными углами вышка с часами и колоколом. Каланча завершалась куполоподобным покрытием и шпилем.

В 1938 г. каланча разобрана, еще раньше разобран крытый подъезд. В общем же здание сохранилось хорошо.

А. Крячков в Сибирской энциклопедии (1 том, стр. 151) пишет: «Омская гауптвахта с окружающими ее зданиями и крепостными воротами подкупает богатством художественной фантазии, своеобразной пышностью форм и тщательностью работы»[18].

Верхний этаж был отведен под гарнизонную школу, в которой учились солдатские, драгунские и казачьи дети грамоте, арифметике и военному делу – «солдатской экзекуции». Позднее гарнизонная школа была преобразована в военно-сиротское отделение с классом топографов и съемщиков. В ней воспитывалось около 400 детей.

Здание гауптвахты на территории Второй Омской крепости. Угол ул. Спартаковской (бывш. Глазенапа) и ул. Партизанской (бывш. Шпрингеровская). Фотография конца XIX в. Ныне здание Военного комиссариата Омской области

В 1789 г. при военно-сиротском отделении было открыто училище азиатских языков. Училище готовило толмачей (переводчиков) для сношения с азиатскими странами. Оно комплектовалась из детей казаков, солдат и чиновников, служивших в пограничном штате.

Кроме русской грамоты и основ математики, в школе преподавались языки: турецкий, арабский и персидский. В состав школы входили 3 учителя и 25 учеников. И на все расходы по содержанию ее выделялось 243 рубля 24 копейки в год[19].

В нижнем этаже здания находились комендантское правление и крепостной караул.

КОМЕНДАНТСКИЙ ДОМ

На углу улиц Достоевского[20] и Победы (бывш. Инженерная)[21] стоит невысокий каменный одноэтажный дом, построенный в 1799 г. В доме жили коменданты[22] Омской крепости.

В середине XIX столетия комендантом крепости был де Граве[23] – «человек весьма порядочный», по отзывам современников, он покровительствовал отбывавшим в омском остроге каторгу писателю Ф.М. Достоевскому и поэту С.Ф. Дурову. В целях облегчения их положения, де Граве «являлся к князю (генерал-губернатору П.Д. Горчакову. – **А.П.**) со спросом, как поступать со вновь присланными арестантами, можно ли чем-нибудь отличить их от других, делать им кой-какие снисхождения». (Из письма А. Сулоцкого Н.Д. Фонвизиной от 11 февраля 1850 г.).

По сообщению П.К. Мартьянова, за лежание днем на тюремных нарах плац-майор Кривцов[24] приказал высечь больного Достоевского розгами. Для экзекуции в кордегардии были приготовлены розги. Но дежурный (высланный в Омск гардемарин) поспешно прибежал в дом коменданта и доложил ему о готовящейся экзекуции. Де Граве немедленно приехал в острог и приостановил приготовления к наказанию, а плац-майору сделал публичный выговор и строго приказал, чтобы больных арестантов отнюдь не подвергать экзекуциям.

В июне 1859 г. при возвращении из Семипалатинска в Россию де Граве принимал у себя в доме Ф.М. Достоевского. «В Омске я пробыл трое или четверо суток, – писал Достоевский, – был у старых знакомых и начальников, как-то де Граве и проч.»[25] Ф.М. Достоевский был знаком с женой коменданта. В письме к сестре первой своей жены он сообщал, что по вопросу определения пасынка Паши Исаева в Омский кадетский корпус он писал и к жене генерал-майора де Граве, «моей доброй знакомой, женщине благородной и умной...»[26].

В семье де Граве Ф.М. Достоевского, как вспоминает он, «принимали как равного».

ГЕНЕРАЛИТЕТСКИЙ ДОМ

На углу улиц Достоевского и Партизанской (бывш. Шпрингеровская)[27] расположен каменный дом с примыкающим к нему большим деревянным флигелем[28]. Дом одноэтажный, под железной кровлей, фасадом выходит на ул. Достоевского, построен в 1796 г. Флигель своим ампирным фронтоном и двумя широкими окнами выходит на ул. Партизанскую. Срублен в чашку, обшит толстым, почерневшим от времени тесом. Кровля железная, построен в 1823 г. У западной стены флигеля живописно раскинула свою вершину старая, много видевшая на своем веку, сосна. На старых планах дом именуется генералитетским. В середине XIX века, до постройки генерал-губернаторского дворца (ныне областной музей), дом с флигелем занимал генерал-губернатор.

Многие известные путешественники и ученые бывали в свое время в этом доме.

В середине августа 1829 г. здесь был знаменитый естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт[29].

Весной 1841 г. в генералитетском доме состоялась встреча натуралиста – путешественника Г.С. Карелина (1801 – 1872)* с генерал-губернатором П.Д. Горчаковым**. Путешественник просил у Горчакова разрешения посетить Семиречье. Разрешение было получено, и Г.С. Карелин вместе с И.П. Кирилловым совершил поход, во время которого ими собраны богатые минералогические, ботанические и зоологические коллекции. В конце 1841 г. Карелин сообщил в Омск о результатах путешествия.

---

* Г. С. Карелин по окончании кадетского корпуса служил в канцелярии Аракчеева, за карикатуру на него был разжалован и выслан в Оренбург.

** Петр Дмитриевич Горчаков с 1836 по 1851 г. – генерал-губернатор Западной Сибири и командующий Отдельным Сибирским корпусом. При нем в 1838 – 1839 гг. из Тобольска в Омск были переведены Главный штаб корпуса и Главное управление Западной Сибири. Перевод сыграл положительную роль в развитии Омска.

Здание генералитетского дома на территории Второй Омской крепости. Угол ул. Достоевского и ул. Партизанской (бывш. Шпрингеровская). Фотография 1950-х гг. До настоящего времени не сохранилось

В генералитетском доме во время исполнения обязанностей генерал-губернатора жил великий русский металлург П.П. Аносов. В этом же доме 13 мая 1851 г. он и умер.

2 июня 1856 г. (ст. ст.) в генералитетском доме представлялся генерал-губернатору Г.Х. Госфорду* прибывший накануне в Омск молодой русский географ Петр Петрович Семенов[30] (впоследствии Семенов-Тяньшанский). От переговоров с Госфордом[31] зависела возможность осуществления заветного намерения Петра Петровича проникнуть вглубь неведомого Тянь-Шаня, имя которого в то время даже едва ли кому-либо было известно в Омске.

При представлении генерал-губернатору П.П. Семенов из предосторожности не сказал о главной цели своего путешествия в Тянь-Шань. Путешественник выразил глубокое удовлетворение Географического общества деятельностью Госфорда на юго-восточной окраине, в особенности по освоению Заилийского и Семиреченского краев, и сообщил ему, что Общество поручило ему изучить как природу, так и результаты освоения этого края.

П.П. Семенов подал Госфорду записку, в которой горячо защищал интересы казахского народа. В беседе с генерал-губернатором он советовал установить такие отношения, которые способствовали бы улучшению жизни казахов.

Расставаясь с Госфордом, П.П. Семенов просил его командировать поручика Чокана Валиханова, переодетого в национальный казахский костюм, в Кашгар, чтобы собрать сведения о гибели путешественника Адольфа Шлагинтвейна**, спасти все, что уцелело из собранных им материалов, дневников и т. д., а затем по возвращении Валиханова, дать

* После П.Д. Горчакова генерал-губернатором Западной Сибири и командующим Отдельным Сибирским корпусом был назначен Густав Христианович Госфорд (1794 – 1874). В течение 10-летнего управления Западной Сибирью (с 1851 по 1861 г.) он провел ряд административных реформ. Почти незаметно для петербургских властей в эти годы был присоединен громадный Заилийский край. В 1854 г. основано укрепление Верное (Алма-Ата), в 1855 г.– станица Лепсинская и ряд других станиц и поселений. Вся Причуйская страна и горная котловина озера Иссык-Куль были сняты на плане офицерами корпуса сибирских топографов с большим старанием и отличным знанием дела. Г.Х. Госфорд был членом Вольного экономического и Географического обществ.

** Шлагинтвейн Адольф (1829 – 1857) – немецкий ученый, географ, естествоиспытатель, путешественник. В 1854 – 1857 гг. провел исследования в Индии и Центральной Азии, собрал обширный материал по географии и этнографии, дал описание своего путешествия. Был публично казнен 26 августа 1857 г. в Кашгаре ходжой Валихан-тюре. Отсеченная его голова была поставлена на башню, сооруженную из человеческих голов.

ему возможность, оставаясь на службе при генерал-губернаторе, приехать в Петербург для разработки уже собранных им больших этнографических и исторических материалов о Киргизской степи. Одновременно П.П. Семенов просил Госфорда об освобождении сотника Г.Н. Потанина от окончания обязательных лет военной службы с целью дать ему возможность получить высшее образование в Петербурге.

В конце зимы 1857 г. П.П. Семенов из Барнаула, где он производил обработку собранных материалов, приехал в Омск для переговоров о дальнейшем своем путешествии и научном исследовании в Заилийском крае. Госфорд и на этот раз обещал путешественнику полное свое содействие, но просил его в своих экскурсиях не переходить реку Чу.

Последняя встреча путешественника с Госфордом состоялась при возвращении Петра Петровича из экспедиции, в конце октября 1857 г. Во время этой беседы обсуждался вопрос о присоединенном Заилийском крае.

Во время своих путешествий П.П. Семенов-Тяньшанский, помимо исследования природы обширного края, глубоко интересовался жизнью казахского народа и его культурой. При посещении аулов он не раз принимал участие в разборе старых семейных и территориальных споров, выступал в качестве защитника обиженной стороны.

Близко стоял к генералитетскому дому первый казахский просветитель Чокан Валиханов[32] (1835 – 1865). По окончании в 1853 г. Омского кадетского корпуса он был оставлен при Госфорде, а через год стал его адъютантом*. С этого времени начинается кипучая деятельность Валиханова. Он участвует в поездке Госфорда по Центральному Казахстану, Семиречью и Тарбагатаю. Это путешествие (в 1854 – 1855 гг.) положило начало глубокому изучению Валихановым истории казахского народа и его быта.

Из Омска в 1856 г. Чокан Валиханов принял участие в крупной военно-ученой экспедиции, организованной под начальством полковника М.М. Хоментовского[33]. Находясь два месяца среди дикокаменных киргизов, Валиханов собрал большой материал по их языку, записал много преданий. Во время путешествия он совершил поездку по берегам Иссык-Куля и восхождение на вершины Тянь-Шаня. В ряде маршрутов Ч. Валиханов ездил вместе с П.П. Семеновым-Тяньшанским.

Под влиянием П.П. Семенова-Тяньшанского Валиханов уехал в Петербург, где слушал лекции в университете.

Большой научный подвиг совершил Чокан Валиханов в предпринятом им в 1858 – 1859 гг. путешествии в Кашгар.

В то время Кашгария представляла собой «белое пятно» на карте Азии. Это был неизведанный край, сведения о котором проникали лишь из уст купцов.

Вышедший из Семипалатинска, большой купеческий караван 28 июня 1858 г. остановился у аула в 30 километрах от г. Кайала. Здесь к каравану присоединился статный молодой человек в одежде азиатского купца. Караван-баши встретил его приветливо, отдал в управление отдельную часть и походную юрту, а спутникам представил молодого человека в качестве своего родственника Алимбая. Никто не подозревал, что под видом азиатского купца ехал офицер русской армии – Чокан Валиханов.

Началось кашгарское путешествие. Большие лишения и трудности встречались на пути следования каравана: узкие обрывистые ущелья, опасные подъемы и спуски, снежные бураны в горах, набеги разбойников.

27 сентября караван подошел к небольшой крепости, обнесенной глинобитной стеной с башнями. После осмотра и опроса пограничными властями караван был пропущен в Кашгар. Чокан Валиханов и караван-баши были торжественно приняты кокандским аксакалом (чиновником), взявшим их под свое покровительство.

На всем пути и в самом Кашгаре Ч. Валиханов производил записи о всем, что видел, описывал подробно рельеф, климат, флору, фауну. Встречи с купцами разных стран позволили собрать сведения по истории, этнографии, статистике, торговле соседних

---

* Жил в это время Чокан Валиханов на Мокринском форштадте в небольшом деревянном домике.

народов. С помощью новых знакомых Ч. Валиханову удалось приобрести ряд уникальных восточных рукописей, составить нумизматическую коллекцию, коллекцию горных пород, гербарий и т.д.

Во время экспедиции Валиханов сделал большое количество карандашных зарисовок, воспроизводящих жизнь и типы людей Восточного Туркестана.

11 марта Чокан Валиханов покинул Кашгар. 12 апреля он прибыл в Верный (ныне Алма-Ата). Пробыв здесь около полутора месяцев, он вернулся в Омск.

Результаты кашгарской экспедиции Валиханова были весьма плодотворны. Они вызвали огромный интерес в правительственных сферах и среди ученых. О путешествии в Кашгар Валихановым написана капитальная работа[34].

Чокан Валиханов прибыл в Петербург осенью 1859 г. Здесь он был принят как отважный путешественник. Весной 1861 г. тяжелая болезнь заставила его оставить северную столицу. Он отправился в родную степь. Восстановить свое здоровье Чокан Валиханов не смог. В апреле 1865 г. он скончался.

ВОЕННЫЙ ШТАБ

В крепости на углу улиц Победы (бывш. Инженерная) и Таубе (бывш. Штабная)[35] сквозь зелень листвы молодых кленов виднеются белые стены каменного одноэтажного, широко расположившегося здания. Толстая кладка стен, членящей их поверхность пилястрами, узкие ступенчатые карнизы и тяжелое обрамление оконных проемов свидетельствуют о давности возведения здания. Здесь помещался военный штаб.

Здание Омского военно-окружного штаба на территории Второй Омской крепости. Фотография 1880-х гг. До настоящего времени не сохранилось

В начале XX столетия, в целях расширения площади штаба, к старому сооружению по улице Штабной (ныне Таубе) был пристроен двухэтажный кирпичный дом[36].

Ряд событий и лиц связан с этим старинным зданием.

С 1839 по 1842 г. в штабе работал ссыльный декабрист Николай Александрович Чижов, родившийся в 1800 (или 1799) г.

С 1821 г. Н.А. Чижов в чине мичмана на бриге «Новая Земля» принял участие в одной из первых русских арктических экспедиций, возглавляемой Ф.П. Литке, на Новую Землю. Это плавание было описано Чижовым в очерке «О новой земле», опубликованном в журнале «Сын отечества», № 4, 1823 г.

За принадлежность к Северному тайному обществу Н.А. Чижов был осужден на 25-летнюю высылку в Сибирь. Шесть с лишним лет он находился в Олекминске, а затем переведен в Иркутск рядовым 14-го линейного батальона. В конце 1833 г. (или в начале 1834 г.) был направлен в Тобольск – в 1-й линейный Сибирский батальон. Ссылка и солдатчина не убили в Чижове поэта. По мотивам якутского фольклора им написаны

баллады «Нуча», «Воздушная дева» и др. Сибирским колоритом насыщено стихотворение Н.А. Чижова «Сибирские цветы». Не проклятие ниспосылает он стране изгнания, своей любовью дарит он ее.

Не стану из краев далеких
Сбирать растенья в садик мой,
С полей отзичны, с гор высоких
Сберу цветы страны родной.

С долин Даурии гористой
Возьму роскошный Анемон*,
Статис блестящий и душистый
И снежной белизны Пион.

Сберу Фиалки полевые,
Эмблему скромной красоты,
И колокольчики простые,
И гордой Лилии цветы.

С вершин высокого Алтая
Переселятся в садик мой
Спирей и Астра голубая,
Нарцисс с завистливой красой.

Возьму душистых Роз махровых
С Саянских каменистых гор,
И Сараны цветов багровых –
Камчатки сумрачный убор.

Пускай приют мой небогатый,
В замену счастия даров,
Рукою Флоры тароватой
Украсит роскошью цветов!

В Тобольске Н.А. Чижов близко сошелся с автором сказки «Конек-Горбунок» П.П. Ершовым[37]. Затем судьба забросила его на берега Оми, в Омск (1839 г.). Здесь в толстых приземистых каменных стенах штаба Сибирского корпуса в должности помощника начальника продовольственного отдела с чином прапорщика, оторванный от друзей и воли, он медленно угасал.

12 июня 1842 г. Н.А. Чижов получил четырехмесячный отпуск, а через 6 месяцев уволен от службы. Уехал в Россию и умер в 1848 г., оставаясь под секретным надзором до конца своей жизни.

Здание штаба пробуждает в памяти также и имя композитора и талантливого дирижера Волицкого.

Константций Волицкий (1805 – 1863) – участник польского восстания 1833 г., приговоренный к высылке в Сибирь, в августе 1834 г. прибыл в Тобольск. Здесь Волицкий близко сошелся, с находившимся тогда в Тобольской ссылке декабристом Н.А. Чижовым и П.П. Ершовым, а также с сосланным сюда композитором (автором «Соловья», «Вечерком румяну зорю», «Иртыша») А.А. Алябьевым[38], организовавшим здесь военный «оркестр до замечательной степени совершенства».

* Все упомянутые здесь цветы взяты из сибирской флоры.

С переездом в 1839 г. корпусного штаба в Омск сюда переехал и оркестр. В 1872 г. писатель С.В. Максимов[39] в книге «Сибирь и каторга» (ч. 3-я, Спб., стр. 34) пишет: «Поляк Волицкий, бывший офицер польской армии, образовавший себя в парижской академии музыки в превосходного учителя и дирижера, в значительной степени поддержал в омском оркестре алябьевскую славу, так что до сих пор дух этих талантливых людей не перестает жить в омском казачьем оркестре».

В третьей четверти XIX столетия в числе служащих корпусного штаба состоял полковник генерального штаба К.М. Померанцев, который, как пишет И.Ф. Бобков, обладал большим рисовальным талантом (одновременно он был и преподавателем рисования в кадетском корпусе). Померанцев оставил после себя два произведения кисти.

«Праздник рождества в Мертвом доме». Картина написана масляными красками на холсте в 1862 г. Находится в музее Ф.М. Достоевского в Москве. И «Омск в 1854 году». Это первое по времени из дошедших до наших дней изображение города (экспонируется в Омском краеведческом музее в зале «Старый Омск)».

Долгие годы служил в штабе Иван Федорович Бобков[40] – один из просвещенных офицеров второй половины XIX века. В воспоминаниях современников, И.Ф. Бобков характеризуется как видный исследователь Сибири. В 1863 г. по его проекту была организована Зайсанская экспедиция, установившая возможность прямого сообщения Зайсанского края с нашим краем и пароходства по Черному Иртышу. И.Ф. Бобковым были организованы и успешно проведены топографические работы в районе бывшего Сибирского корпуса, под его руководством составлена рельефная карта Семиреченской области. Названные работы получили высокую оценку. Им основан город Зайсан.

С 1860 г. И.Ф. Бобков состоял действительным членом Русского Географического общества, а с 1877 г. был первым председателем Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества (ныне Омский Отдел ГО СССР)[41]. Ряд больших экспедиций и выездов осуществлен Отделом в бытность его председателем И.Ф. Бобкова.

Выйдя в 1890 г. в отставку, И.Ф. Бобков поселился в Феодосии, где стал писать воспоминания о своей службе в Сибири. Воспоминания в неоконченном виде (несмотря на свой большой объем – 575 страниц) напечатаны в Санкт-Петербурге в 1912 г. и являются ценной книгой о Западной Сибири.

Умер Иван Федорович Бобков в Феодосии 21 октября 1905 г. (ст. ст.).

Летом 1964 г. на стене позднейшей стройки двухэтажного здания бывшего штаба установлена мемориальная доска. На доске золотом надпись:

В этом здании в 1917–1918 гг.
находились Омский военно-окружной
комитет и штаб округа,
возглавляемый одним из организаторов
Красной Армии Сибири
АЛЕКСАНДРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ
ТАУБЕ
(1864–1919 гг.)

А.А. Таубе родился 9 августа 1864 г. в старинной дворянской семье. По окончании академии генерального штаба служил в штабах различных военных округов. Участвовал в русско-японской войне. В 1914 г. Таубе во главе пехотной дивизии выступил на фронт. В 1915 гг. получил тяжелую контузию, был на излечении в госпитале. По выходе из госпиталя в начале 1916 г. в чине генерал-лейтенанта А.А. Таубе вступил в должность начальника штаба Омского военного округа.

С первых дней революции А.А. Таубе стал на ее сторону. В апреле 1917 г. он поддержал предложение омских большевиков о передаче управления войсками военно-окружному комитету и на местах – гарнизонным комитетам, что дало возмож-

ность революционным силам взять солдатские массы из-под влияния враждебного революции командования.

После Октябрьской революции А.А. Таубе вместе с руководителями омских большевиков усиленно работает над укреплением отрядов Красной гвардии, проводит в жизнь мероприятия, связанные с демобилизацией старой армии.

С февраля 1918 г. Таубе целиком отдается работе по созданию боеспособной Красной Армии. Уже в марте – апреле 1918 г. из Омска на борьбу с Семеновым[43] и Дутовым уходят первые красноармейские части, сформированные при активном участии А.А. Таубе.

26 февраля 1918 г. на II съезде Советов Сибири Таубе был избран кандидатом ЦИК Совета (Центросибири), вскоре был отозван из Омска в Иркутск и назначен начальником штаба всех вооруженных сил Сибири. Основное внимание Сибвоенкомат уделял формированию надежных регулярных частей Красной Армии.

В связи с высадкой 5 апреля 1918 г. во Владивостоке японского десанта, А.А. Таубе спешно разрабатывает план обороны Сибири от интервентов. Под его руководством проводится подготовка красных офицеров, формируются и отправляются подразделения на фронты в Забайкалье против Семенова и на запад – против Гайды[44].

В конце августа 1918 г. А.А. Таубе получил задание от руководителя сибирских большевиков Н.Н. Яковлева пробраться через белогвардейский фронт в Москву, для доклада В.И. Ленину о положении в Сибири. В Бодайбо он был схвачен и посажен в Иркутскую тюрьму. А в январе 1919 г. А.А. Таубе был зверски замучен.

В увековечение его памяти улица Штабная переименована в улицу имени Таубе.

С помещением военного штаба связано подавление юнкерского мятежа в Омске.

…Около 5 часов вечера 1 ноября 1917 г. город был взбудоражен неожиданным арестом временно исполняющего обязанности командующего войсками Омского военного округа прапорщика Половникова юнкерами местной школы прапорщиков.

Восстанием руководили лидер местных кадетов Жардецкий[45] и казачий полковник Березовский[46]. Во главе восставших был эсер Немчинов.

«Положение наше, – рассказывает один из участников подавления мятежа, – было критическое... Товарищ Лобков* в течение полутора суток не спал и поднял на ноги почти всех железнодорожников, товарищ Максимов – городских рабочих всех заводов.

Рабочие двинулись со всех концов города. Не прошло и двух часов, как юнкера были окружены тесным кольцом.

Меньшевики, эсеры и кадеты перепугались, что юнкерам не порвать стального рабочего кольца. Тогда они выступили посредниками между юнкерами и нами... Юнкера сложили оружие».

ВОЕННОЕ СОБРАНИЕ (ДОМ ОФИЦЕРОВ)

В крепости на ул. Партизанской – здание бывш. Военного собрания, построенное в 1861 г.[47] Здание кирпичное, двухэтажное с мезонином. В его архитектуре – слабый

---

* Лобков Залман Иудович. Родился в 1898 г. в Тобольске в купеческой семье. С 1917 г. Лобков был вожаком омских большевиков. Его любили рабочие. Особенно большую работу он вел среди железнодорожных рабочих. Был организатором Красной гвардии в Омске. Он всего себя отдавал революционной работе. После принятого решения об отступлении из Омска, он вместе с другими партийными и советскими работниками отступает на Тюмень, потом на Урал, где входит в состав областного комитета РКП (б). После восстания омских рабочих 22 декабря 1918 г. Лобков с паспортом на имя студента Голубева переходит линию фронта и включается в работу Урало-Сибирского Комитета РКП(б) в г. Челябинске. 25 марта 1919 г. Челябинская партийная организация была выдана провокатором белогвардейской контрразведке. 28 марта Лобков, Соня Кривая, Гаршберг и другие были арестованы. Арестованные подверглись жестокому избиению, пыткам. Потом их перевезли г. Уфу и там в ночь на 18 мая все были расстреляны. Имя З.И. Лобкова в Омске присвоено дому культуры железнодорожников и проходящей вблизи него улице.

отзвук классицизма. На доме, при входе, мемориальная мраморная доска с барельефным изображением Н.Н. Яковлева и надписью:

Н.Н. ЯКОВЛЕВ
1886–1918
член РСДРП с 1905 года.
Под его председательством
в декабре 1917 года
в этом здании проходил
III Западно-Сибирский
областной съезд Советов,
провозгласивший Советскую власть
в Западной Сибири

2 (15) декабря 1917 г. в доме Военного собрания открылся III Западно-Сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд продолжался по 10 декабря. На съезд прибыли представители от 30 городских Советов Западной Сибири. Из 113 делегатов 74 были большевиками. Председателем съезда был избран Н.Н. Яковлев*.

Съезд провозгласил установление Советской власти на территории Западной Сибири. В приветственной телеграмме в Петроград Центральному Исполнительному Комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов говорилось:

Здание Военного собрания на территории Второй Омской крепости. Ул. Партизанская (бывш. Шпрингеровская). Фотография начала XX в. Ныне здание Областного дома ветеранов труда

«III Западно-Сибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов признал единственную власть Советскую в центре и на местах.

Приветствуем Центральный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рабоче-крестьянское правительство – Совет Народных Комиссаров. Со своей стороны Западно-Сибирские Советы готовы во всякое время поддержать Совет Народных Комиссаров всеми имеющимися в нашем распоряжении силами и средствами против всяких контрреволюционных посягательств».

В резолюции съезда от 10 (23) декабря было записано:

* Яковлев Николай Николаевич родился в Москве в 1886 г. В 1905 г. поступил в университет и с этого же времени включился в революционную работу. Из 32 лет своей жизни – 13 лет он отдал большевистской партии. Аресты, тюрьмы, ссылки, побеги не сломили его кипучей энергии, его революционной воли. Н.Н. Яковлев первый председатель Сибирского ЦИКа Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; один из организаторов Красной гвардии в Западной Сибири. По захвате Дальневосточного края белогвардейцами, он с группой старых товарищей решил добраться до Сретенска и оттуда по рекам, тайгой до Иртыша, и уйти в Россию. Около полутора тысяч километров отряд прошел тайгой. В районе Олекминска у отряда вышли запасы продовольствия. Было решено перезимовать в тайге, а затем вернуться на Восток. В кооперативе удалось получить продукты, но слух о приходе «комиссаров» разнесся и дошел до ушей карательного белогвардейского отряда. Началась облава. И когда участники похода спали, их окружили каратели. Завязалось сражение, во время которого никто из отряда не остался в живых. Под шум тайги холодные комья земли прикрыли погибших. Здесь их останки пролежали до лета 1920 г. В настоящее время братская могила Н.Н. Яковлева и его боевых товарищей находится в Олекминске.

«Все делегаты немедленно приступают к организации Советской власти на местах по всей Западной Сибири, согласуя свои действия с указаниями областного Комитета, работающего в полном контакте и строгом подчинении Центральному Исполнительному Комитету Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совету Народных Комиссаров».

В стенах же Военного собрания 23 декабря 1918 г. проходил колчаковский военно-полевой суд над участниками восстания 22 декабря.

Наряду с восставшими рабочими здесь перед судом предстали также и «учредиловцы», много способствовавшие захвату власти интервентами и белогвардейцами.

ПЛАЦ-ПАРАД

В крепости, между улицами Достоевского и Таубе (бывш. Штабная), Партизанской (бывш. Шпрингеровская) и ул. Победы (бывш. Инженерная) находится сад Дома офицеров[48], с расположенными вокруг него старыми каменными домами. До 70-х годов прошлого столетия территория эта являлась открытой площадью, обнесенной деревянными перилами, и называлась «Плац-парад». В будни здесь производились воинские упражнения, в торжественные дни – парады. Здесь же подготовлялись и отсюда отправлялись на службу в гарнизоны Средней Азии воинские части.

Ко времени отправления отрядов в крепость стекалась масса горожан. Тысячи глаз смотрели на стройные ряды казачьих конников, под звуки духового военного оркестра, покидавших Омск. Впереди тысячи километров степного пути под палящими лучами солнца. А за ними напряженная служба в затерявшихся среди диких пространств форпостах, тревоги и стычки.

ЭСПЛАНАДА

За северными валами и рвами Омской крепости сто с лишним лет тому назад находилось открытое поле, площадь[49].

Только с конца 30-х годов прошлого столетия началась застройка этой площади*. До застройки площадь служила полигоном и местом для военных смотров, обучения и наказания солдат, а также для экзекуции каторжников.

Здесь на этой площади, за «дерзкие речи» был публично казнен колодник Василий Морозов, сосланный за убийство помещика в Сибирь. Морозов в марте 1774 г. был арестован в Омске.

Обвиняли его в том, что он будто бы возбуждал неповиновение среди омских колодников рассказами о том, что у дворян скоро холопов отберут, что соль будет стоить по 20 копеек, а вино рубль ведро. «Может быть так и здесь, в Омске будет, если доживем, – говорил Морозов, намекая на пугачевское восстание».

В Омске «чинил безумные разглашения» также беглый ялуторовский крестьянин, бывший атаман из пугачевских отрядов Петр Хрипунов[50]. Его присудили к вечному заключению в Тобольскую каменную темницу.

Восстание Пугачева сильно встревожило правительственные круги. Властям на местах предлагалось «прилежнейшим образом секретно разведывать, во всех ли городах и селениях спокойно и не кроется ли иногда в простом народе какова сумнительства и колеблемости».

Тобольский губернатор Чичерин[51] в ноябре 1774 г. даже прислал в Омск командующему Сибирской укрепленной линией Деколонгу[52] портрет Пугачева для сличения и опознавания личности возмутителя.

На этой же площади была произведена экзекуция над заговорщиками-поляками.

* В настоящее время здесь расположены: институт физической культуры, здания облисполкома, стадион, 19 средняя школа, драмтеатр, автодорожный институт, площадь Дзержинского, дворец и сад пионеров, кинотеатр им. Маяковского и др.

За участие в польском восстании 1830 г. большое число поляков отбывало наказание в Омске и линейных частях Иртышской линии. Грубое и оскорбительное обращение фельдфебелей с поляками, беспрестанное наряжение их в караулы и на работу, не отдание надлежащей воинской чести умершим в войсках полякам – все это порождало недовольство у ссыльных, которое впоследствии вылилось в заговор.

«Было предположено находящимися в Омске заговорщиками в ночь на 25 июля 1833 г.,– доносил генерал-губернатор Вельяминов военному министру и министру внутренних дел, – зажечь суконную фабрику линейного Сибирского казачьего войска, кинуться к острогу, выпустить оттуда всех арестованных, отнять у караула оружие, броситься в казарму, колоть спящих солдат, у пушек казачьей артиллерии заклепать затравки. (Дмитриев-Мамонов – «Декабристы в Западной Сибири», М., 1895, стр. 113). В случае неудачи положено было бежать всем с оружием через Киргизскую степь в Ташкент, где предполагалось встретить много католиков, и в Бухару. Оттуда, если бы потребовала необходимость, направиться в Индию.

В Омске и его окрестностях собралось поляков тысяч до двух. Накануне дня восстания командование получило сведения о заговоре.

Начались аресты и следствие, продолжавшееся свыше двух лет.

Приговором суда было определено: главных виновников заговора Сироцинского* и Шокальского, а также четверых других наказать каждого семью тысячами палок и навечно послать на тяжелые работы в Нерчинские рудники. Остальных присудили к трем, двум и одной тысяче палок и ссылке на работы или сдаче в солдаты.

День, назначенный для экзекуции – 7 марта 1837 г.– был морозный: на площади за городом (на эспланаде за крепостью. – **А.П.**), засыпанной снегом, поставлены были два тысячных батальона солдат, вооруженных палками такой толщины, чтобы три могли войти в дуло ружья. Батальоны выровнялись, вытянувшись, вопреки уставу, в широко расставленные шеренги, солдаты должны были стоять вольно в тесных рядах; ударяя, они обязаны были недалеко отбивать локоть от бока и не выставлять своих ног из рядов. Первым повели Шокальского с обнаженной по пояс спиной, с привязанными к прикладу ружья руками, за которые держались два унтер-офицера. Находившийся при экзекуции доктор заступился за собрата и, идя сзади его, шептал солдатам бить легче, иметь сострадание: бессилен и хвор, – не выдержит. Когда после 5 тысяч палок Шокальский упал, доктор настоял на том, чтобы прекратили наказание и отправили больного в лазарет. Последним водили Сироцинского. Подходя к рядам, крепительных капель он не принял, когда услышал приказ начинать, стал говорить нараспев покаянный псалом. Слабый, исхудалый в заточении Сироцинский наказания не выдержал; не выдержали и другие его товарищи. Отдохнувший в лазарете Шокальский отходил потом последнии тысячи и на другой же день увезен был в рудники Нерчинские». (С.В. Максимов. «Сибирь и каторга», Спб., 1891, стр. 65).

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Через сибирскую ссылку и каторгу прошли все три поколения русских революционных борцов, начиная от А.Н. Радищева.

После того, как царское правительство подавило восстание декабристов, более ста участников этого восстания были высланы в Сибирь на каторгу и поселение.

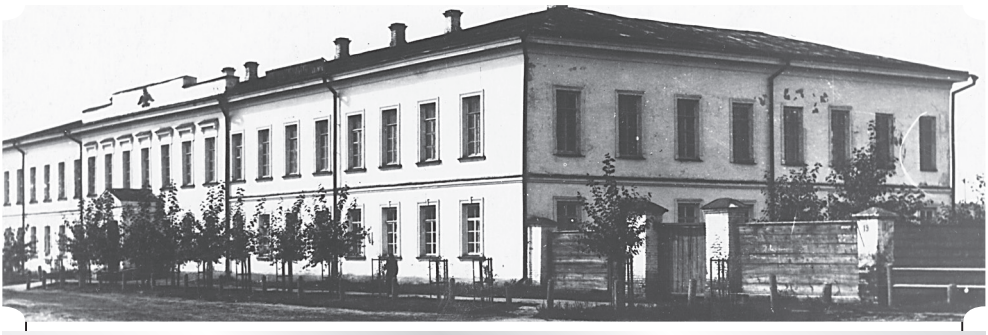
Каторжные работы декабристы отбывали в Восточной Сибири. После отбытия их часть осужденных была водворена на поднадзорное жительство в Западной Сибири.

---

* Ксендз Сироцинский из Овруча за участие в польском восстании был лишен капелланского звания, стал простым казаком. Когда в Омске образовалось казачье училище и понадобился учитель, – вспомнили, что Сироцинский был профессором и наблюдателем за школами. Ему дали место, а с ним и некоторую свободу. Пользуясь свободой, он сдружился с ссыльным доктором Шокальским, с которым впоследствии и составил план заговора.

В Кургане, Тобольске, Ялуторовске, Омске находились на поселении участники декабрьского восстания.

Памятником пребывания декабристов в Омске является большой каменный, строгой казарменной архитектуры, дом на углу улиц Интернациональной и Красного пути. Дом построен в 1833 – 1836 гг. по проекту архитектора Татаринова. До недавнего времени он был в двух этажах. В 1839 г. в доме было размещено Главное Управление Западной Сибири и Пограничное Управление сибирских киргизов[53]. В числе служащих этих учреждений состояли и бывшие в Омске на поселении декабристы.



Здание Главного управления Западной Сибири и Акмолинского областного правления. Омск. Угол ул. Интернациональной и ул. Красный Путь (бывш. территория эспланады). Фотография конца XIX в. Ныне корпус воинской части

19 ноября 1826 г. в Омск прибыл назначенный на поселение магистр этико-политических наук Степан Михайлович Семенов[54], приговоренный к ссылке в Западную Сибирь за принадлежность к Северному тайному обществу, где он был секретарем. Тотчас же по прибытии он был определен в штат канцелярии Омского областного управления. Но вскоре генерал-губернатор Капцевич[55] дал указание о переводе с 1 февраля 1827 г. «государственного преступника» на службу в Усть-Каменогорск. В конце 1827 г. по отъезду Капцевича из Сибири, С.М. Семенов вновь был переведен в Омск и определен в канцелярию общего областного управления. Вскоре офицер омского гарнизона Жуковский послал шефу жандармов Бенкендорфу в Петербург донос, в котором сообщал, что «государственный преступник» Семенов успел даже снискать общую благосклонность... подобрав шайку областных чиновников и несколько месяцев действует с большой самостоятельностью». (А. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. Спб., 1885, стр. 47–48).

В ответ на запрос Бенкендорфа о Семенове Вельяминов ответил, что до нос вызван ссорой и что Семенов давно выслан начальником области в Усть-Каменогорск.

В 1829 г. по поручению управляющего областью генерала Сент-Лорана Семенов сопровождал по Омской области путешественника-натуралиста Александра Гумбольдта. Это поручение, а также особое благосклонное внимание, какое оказывал начальник области Семенову было признано совершенно не соответствующим тому положению, какое должны занимать сосланные в Сибирь, а потому по «высочайшему повелению», объявленному генерал-губернатору Западной Сибири графом Бенкендорфом, приказано было: «Употребить Семенова, по усмотрению генерал-губернатора Западной Сибири, на службу в отдаленном месте без права выезда». Во исполнение такого повеления Семенов был отправлен на жительство в Туринск и только в 1831 г. вернулся в Омск. Умер С.М. Семенов г. Тобольске 10 июня 1852 г. Похоронен на Завальном кладбище.

В качестве канцелярского служителя Пограничного Управления сибирских казаков состоял отбывший многолетнюю каторгу Николай Васильевич Басаргин[56] – член Южного общества. Осужден Верховным уголовным судом в каторжные работы на 15 лет.

В Омск Басаргин прибыл 14 мая 1846 г. (до этого он находился на поселении в Кургане) и был назначен в штат канцелярии пограничного начальника сибирских киргизов генерал-майора Вишневского.

Полтора с лишним года пробыл на службе в Омске Н.В. Басаргин. На него «не возлагалось никаких, как пишет Дмитриев-Мамонов, особенных поручений, кроме канцелярских несложных обязанностей».

В Омске, состоя канцелярским служителем, Басаргин женился на старшей сестре Д.И. Менделеева Ольге Ивановне (по первому мужу Медведева).

В начале 1848 г. он по личному ходатайству был переведен на службу в Ялуторовск, где и оставался канцелярским служителем до возвращения в 1856 г. в Россию. Умер в Москве в 1861 г.

В оставленных «Записках» Н.В. Басаргин говорит о высоком патриотизме русского народа: «12-й год и последняя война с англо-французами ясно доказывают, на какие пожертвования готов русский народ, как мало он думает о своем достоянии, о своей жизни, когда дело идет об Отечестве. Дайте ему только хороших, честных вожатых, покажите, что вы имеете в виду его благо, его пользу и тогда ведите его куда угодно: он заплатит вам за каждое сделанное для него добро неограниченною преданностью, самым бескорыстным усердием». (Записки Н.В. Басаргина. М., 1872, стр. 48).

10 августа 1826 г. в Омск были доставлены под надзором фельдъегеря участники декабрьского восстания подпоручик Коновницын[57], подпоручик Фок[58] и поручик Цебриков[59], лишенные чинов и дворянства, зачисленные солдатами Иртышской линии. Вскоре они были переведены на Кавказ в действующую армию.

С 15 сентября 1854 г. в здании Главного Управления Западной Сибири в Пограничном управлении Сибирских киргизов состоял советником отец Чокана Валиханова – полковник Чингис Валиев. Чингис Валиев являлся большим знатоком быта, обычаев, экономической и политической жизни казахов того времени. Чингис был культурным и образованным человеком, ценителем науки, литературы и искусства. Он не мало способствовал приобщению казахов к передовой русской культуре; оказывал энергичное содействие ученым, приезжавшим в Северный Казахстан для проведения научно-исследовательской работы. По просьбе научных учреждений и отдельных ученых Чингис собирал материалы казахского фольклора и этнографии. Его хорошо знали в Москве и Петербурге.

В 1865 г. Чингису Валиеву было предъявлено политическое обвинение, находившееся в прямой связи с распространением в Омском кадетском корпусе прокламации «К патриотам Сибири».

Одновременно с Чингисом в Главном Управлении Западной Сибири некоторое время работал и его сын Чокан Валиханов.

В Областном Управлении Сибирских киргизов служил петрашевец поэт Сергей Федорович Дуров.

Сохранились любопытные воспоминания о Дурове, записанные со слов караульных Омского острога: «С.Ф. Дуров и под двухцветной курткой с тузом на спине казался барином. Высокого роста, статный и красивый, он держал голову высоко, его большие черные, навыкате глаза смотрели ласково и уста как бы улыбались всякому. Шапку он носил с заломом на затылке и имел вид весельчака даже в минуты тяжелых невзгод. С каждым арестантом он обходился ласково, и арестанты любили его… Говорил он со всеми охотно, даже вступал в споры и мог увлекать своим живым и горячим словом слушателя. В нем чувствовалась правдивая, искренне убежденная и энергичная натура, которую не смогло сломить несчастье». (П. Мартьянов. В переломе века. Исторический вестник, 1895 г., т. 62).

Из острога Дуров вышел, пишет Достоевский, «полуразрушенный, седой, без ног, с одышкой». (Собрание соч., т. 3, М., 1956, стр. 491).

Тем не менее после каторги его отправили в солдаты и если бы не заступничество Я.И. Ростовцева, приходившегося родственником Дурову, там бы в казарме он и погиб.

С.Ф. Дуров, искалеченный тюрьмой и солдатчиной, был уволен с военной службы по болезни 22 марта 1855 г., определен канцелярским служащим 4-го разряда в Областное управление сибирских киргизов с оставлением под строжайшим надзором.

Жил в это время С.Ф. Дуров «на Мокром», – расположенном в треугольнике между берегом реки Оми, взгорьем и площадью. Здесь в 1856 г. Дуров познакомился с Чоканом Валихановым. В декабре того же года Валиханов писал Ф.М. Достоевскому: «Дуров что-то нездоров. Здесь ему живется не так хорошо с чиновническими крючками». Достоевский ответил Валиханову из Семипалатинска: «Поклонитесь от меня Дурову и пожелайте от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренне предан ему». (Достоевский. Письма, т. I, 1928, стр. 200).

В 1857 г. Чокан Валиханов познакомил Дурова с Г.Н. Потаниным[60]. Много лет спустя, в 1904 г., Потанин вспомнил о встрече с С.Ф. Дуровым: «Ни один человек так сильно не действовал на меня прежде. Передо мной был человек более 45 лет, разрушенный болезнями, наполовину труп: только глаза блестели живым огнем. Более всего он произвел на меня впечатление своей верой в будущее России и в прогресс человечества...»[61] (Г.Н. Потанин. Биографические сведения о Ч. Валиханове. «Записки Рус. Географ. Об-ва», 1904, т. 29).

Указом от 17 апреля 1857 г. С.Ф. Дурову было разрешено вернуться в Россию. Уехал он в Одессу, из Одессы переехал в Полтаву к своему другу – петрашевцу А.Н. Пальму (1822 – 1855), у которого и жил до кончины.

Продолжительное время состоял советником Главного управления Западной Сибири Яков Семенович Капустин. Жена его – Екатерина Ивановна – родная сестра Д.И. Менделеева.

Близость к высшему чиновничьему кругу не мешала дому Капустиных (по ул. Артиллерийской, теперь проспект Маркса) быть единением интеллигенции. Дом Капустиных был своего рода клубом передовых людей Омска. Здесь можно было просмотреть газету, познакомиться со свежим номером «Сына Отечества». «Тут можно было встретить художника, литератора, ученого, путешественника, заехавшего в Омск по дороге в Центральную Азию, или поэта, очутившегося здесь в качестве «невольного странника», – вспоминает Потанин. («Русское богатство», 1896, № 8, стр. 77).

Частыми гостями Капустиных были молодой офицер Чокан Валиханов, поэт-петрашевец С.Ф. Дуров. «Познакомился через него (Валиханова – **А.П.**) с хорошим семейством – с Капустиными, пишет Достоевский. – Они теперь в Томске, люди простодушные и благородные, с хорошим сердцем. На случай, если приведется быть в Томске... непременно познакомьтесь и обо мне им напомните. Мы познакомились хорошо, люди без всяких претензий». (Из письма А.И. Гейбовичу от 23 октября 1859 г.).

Умер Я.С. Капустин в 1859 г. в Томске в должности управляющего казенной палатой. Екатерина Ивановна в 1867 г. из Томска переехала в Петербург к брату Дмитрию Ивановичу Менделееву.

ОСТРОВ ПЛЕННИКОВ

На планах Омска второй половины XVIII века нынешний Затонский остров именовался «Островом пленников»[62]. В XVIII веке остров являлся главным торжищем пленников, которых привозили сюда калмыки и казахи. От Елизаветинского маяка[63], где происходил торг, открывалась широкая степь, манившая невольников. Естественных преград здесь не было. Не исключалась возможность бежать. Совсем в ином положении оказывались невольники, завезенные на остров, окруженный широкими плесами Иртыша. Здесь о побеге не могло быть и мысли.

Покупать пленных сначала дозволялось только купцам с тем расчетом, чтобы покупщики «азиатцев» вывозили их в Россию. Но затем это право приобрели и сибирские офицеры. Сибирский губернатор Мятлев в 1756 г. ходатайствовал перед правительством о разрешении выменивать пленных и обращать их в христианство.

В 1808 г. лицам свободного состояния было позволено покупать казахских детей при условии, что по достижении 25-летнего возраста они будут отпускаться на волю.

В 1825 г. было запрещено покупать казахов, калмыков и других «азиатов», но учитывая то обстоятельство, что женщин в Западной Сибири было мало, разрешалось выменивать у кочевников детей женского пола.

Но и русские люди попадали в плен к кочевникам. Многие из них в неволе умирали, но часть выкупалась на ассигнуемые на этот предмет правительством деньги. Так, в 1826 г. Оренбургская пограничная комиссия располагала 21 000 рублей для выкупа русских пленных, которые продавались в Хиве.

На Затонском острове, среди густых зарослей тальника, 1 мая 1902 г. проводилась одна из первых рабочих маевок в Омске.

Затонский остров (бывший «Остров пленников») ныне в летнее время является излюбленным местом отдыха омичей.

КАЗАЧИЙ НИКОЛЬСКИЙ СОБОР

Никольский казачий собор. Омск. Конец XIX в.

Одним из интересных в архитектурном отношении сооружений второй четверти XIX столетия в Омске является здание бывшего казачьего Никольского собора. Автором его был выдающийся русский архитектор В.П. Стасов[64] (1769 – 1848). Начало постройки относится к 1833 г., окончена в 1840 г.[65] Собор построен в классическом стиле с тремя четырехколонными порталами и строгими фронтонами. Двухъярусная колокольня имела шпилевидное завершение. Несмотря на значительные переделки здания, тем не менее оно и ныне показывает гениальность русского зодчего[66].

12 апреля 1883 г. в этот собор было перенесено так называемое знамя Ермака. До этого времени оно хранилось в г. Березове. Знамя Ермака представляло квадратное полотнище размером 1,7 метра на 1,7 метра. На правой стороне его изображение Михаила архангела, на левой – Дмитрия Солунского. Хранилось знамя в специальной витрине, выносилось на воинские парады казаков.

В феврале 1918 г. знамя Ермака было похищено отрядом атамана Анненкова.

ТАМОЖЕННАЯ ЗАСТАВА

Находившаяся до 1857 г. на левом берегу Иртыша Омская таможенная застава была переведена на правый берег и устроена за старыми интендантскими корпусами. (Пять корпусов сохранились поныне, идут вряд от улицы Потанина по левую сторону проспекта Маркса[67]). В настоящее время на месте заставы (против дома № 20) проходит проспект Карла Маркса. Здесь была южная граница Омска, отсюда шел тракт на Семипалатинск.

Застава состояла из сооруженных по сторонам дороги двух кирпичных четырехгранных высоких столбов, увенчанных государственными гербами. При выезде из города по правую сторону заставы находилась деревянная облицованная кирпичом казарма – таможенная. Здание таможенной разобрано в 1948 г.

ДОМ № 3 ПО УЛИЦЕ ЯДРИНЦЕВА[68]

Одной из самых коротких улиц в Омске является улица им. Ядринцева. Улица проходит между улицами 10-летия Октября и Лермонтова на протяжении одного квартала. (Почти против самой улицы Ядринцева находится библиотека им. А.С. Пушкина)[69].

Раньше ул. Ядринцева называлась Полицейской[70]. Это название улица получила от находившегося здесь полицейского управления.

При посещении Омска в 1885 г. американский путешественник Георг Кеннан писал: «Омск есть город с 30-тысячным населением, в котором самое большое здание – кадетский корпус, самое живописное – полиция».

Здания Городской думы (ныне Омский городской Совет) и Полицейского управления (до настоящего времени не сохранилось). Омск. Ул. Ядринцева. Фотография конца XIX в.

В 1832 г. для Омска учреждается полицейское управление «со штатом города средней величины». Для полиции был построен большой деревянный двухэтажный дом на каменном цокольном этаже. Дом завершался каланчой в виде трехъярусной, ступенчатой башни с двумя балконами (полицейское управление соединялось с пожарной частью).

При взгляде на дом, в памяти восстает давно минувшее.

Волна общественного пробуждения 60-х годов докатилась до Сибири. В ряде городов образовались кружки, в которых говорили о политике, читали литературные новинки, а иногда и подпольные листовки.

Обнаруженная у воспитанника Омского кадетского корпуса Усова прокламация послужила поводом к обыскам и арестам в Омске, Томске, Иркутске. Были выявлены революционные кружки, во главе которых стоял Григорий Николаевич Потанин, служивший в то время в Томском губернском совете по крестьянским и «инородческим» делам.

Вскоре арестованных Потанина, Ядринцева[71] и Колосова привезли в Омск, посадили в городской острог. Всего по делу привлекалось 60 человек. Это было в 1865 г. Арестованные находились в Омской тюрьме три года, пока был получен судебный приговор из Московского отделения Сената.

Потанин, как главный «злоумышленник», был сначала приговорен к 15 годам каторги, но потом наказание было сокращено до 5 лет. Остальные 18 человек были присуждены к ссылке с лишением прав.

Перед отправлением на каторгу, над Г.Н. Потаниным была совершена «гражданская казнь».

Чтобы подобное зрелище не привлекло большого скопления народа у эшафота во время совершения казни, генерал-губернатор приказал провести обряд на рассвете 15 мая 1868 г.

«В день обряда*, – рассказывал Потанин, – меня подняли (в тюрьме – **А.П.**) с постели в 4 часа и доставили в полицейское управление, которое находилось там же, где оно и теперь, т.е. в Новой Слободке, недалеко от церкви святого Ильи. Здесь меня посадили на высокую колесницу, повесили мне на грудь доску с надписью. Эшафот

* Сообщение Г.Н. Потанина относится к 1914 г. В «Новой Слободке», т. е. в Ново-Слободском форштадте, в который входила Полицейская улица (теперь Ядринцева) с полицейским управлением, ныне дом № 3.

был устроен на левом берегу Оми*, между мостом и устьем реки, т. е. при выходе на тогдашнюю базарную площадь[72]. Переезд от полицейского управления до эшафота был короткий и никакой толпы за колесницей не образовалось. Меня возвели на эшафот, палач примотал мне руки к столбу; дело он это исполнял вяло, неискусно; руки его дрожали и он был смущен... Затем чиновник прочитал конфирмацию. Так как время было раннее, то вокруг эшафота моря голов не образовалось, публика стояла только в три ряда. Я не заметил ни одного интеллигентного лица, ни одной дамской шляпки. Продержав меня у столба несколько минут, отвязали и на той же колеснице отвезли в полицейское управление. Здесь я нашел своих товарищей, которые были собраны, чтобы выслушать часть конфирмации, относящуюся до них». («Омская правда», 15 ноября 1964 г.).

«Вечером того же дня, – пишет В.А. Обручев[73], – Григорий Николаевич был отправлен в Свеаборг под конвоем жандармов, а его друзья пошли в ссылку по этапу. Этот день они провели вместе. Перед сумерками Григория Николаевича вызвали в кордегардию, где в комнате караульного офицера кузнец заклепал кандалы на его ногах. Сына этого кузнеца Потанин, живя в Омске, обучал грамоте, и кузнец был смущен, увидев «преступника». Потом пришел чиновник с листом бумаги и начал описывать приметы Потанина: «глаза карие, волосы русые, нос обыкновенный». В качестве особой приметы чиновник с радостью записал: «на носу шрам», и Григорий Николаевич почувствовал, что чиновник считает его мошенником.

У ворот тюремного замка уже стояла повозка, запряженная тройкой лошадей». (В.А. Обручев. Путешествие Потанина. «Молодая гвардия», 1953, стр. 53).

ГОСТИНИЦА «МОСКВА»[74]

На углу проспекта Маркса и ул. Чкалова – большой одноэтажный деревянный, на каменном фундаменте дом № 9.

Дом срублен из толстых хвойных бревен в чашку, снаружи обшит тесом. Построен в виде буквы «Г» (глаголем»), с выходящими во двор ампирными фронтонами. Главный фасад его выходит на проспект Маркса. Тринадцать больших окон с филенчатыми ставнями размещены по этой стороне дома. Несмотря на давность сооружения, дом достаточно крепок и стены его не изменили первоначального своего положения. Дом построен одновременно с каменной мечетью в 1829 г.

Сооружение этих зданий производилось под наблюдением инженер-прапорщиков Новоселова, Елисеева и Телятьева за счет казны и на пожертвования.

Дом предназначался для остановки приезжающих в Омск казахских султанов и «прочих почетных азиатцев», назывался Посольским домом.

26 сентября 1854 г. в Посольском доме останавливались прибывшие в Омск представители прииссыккульских киргизов, с ходатайством о принятии их в Российское подданство. Русское правительство дало на это согласие.

После того, как между приехавшими посланцами и генерал-губернатором Госфордом было достигнуто соглашение об условиях принятия в подданство, представители киргизов стали российскими подданными.

В Посольском доме останавливалась также депутация киргизов Центрального Тянь-Шаня, прибывшая в октябре 1863 г.

В начале 1863 г. киргизы Центрального Тянь-Шаня обратились с просьбой о принятии их в состав России. 21 мая министр иностранных дел Горчаков телеграфировал в Омск о разрешении принять киргизских депутатов «для принесения присяги на подданство».

Вскоре депутация прибыла в Омск и была принята генерал-губернатором.

А 13 октября 1863 г. в присутствии военных и гражданских чинов штаба и канцелярии

---

* На месте нынешней площади, что против речного вокзала.

Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а также некоторых казахских султанов, в торжественной обстановке, посланцы киргизов дали присягу на верность России.

Установилась тесная связь киргизов с русским народом. Кокандское же ханство утратило свое влияние над присоединившимися к России киргизами. («Омская правда», 2 сентября 1964 г.).

Позже в Посольском доме помещалась гостиница «Москва» – лучшая из гостиниц в старое время в Омске.

ПАМЯТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ

ДОМ РЕСПУБЛИКИ

На том месте, где сейчас стоит здание областного краеведческого музея, до 1823 г. было каменное помещение Посольского дома. Дом этот предназначался для приезжавших в Омск азиатских посланцев.

Когда весной 1813 г. было решено открыть Войсковое казачье училище, здание Посольского дома власти отвели под это учебное заведение. Но в 1823 г. Посольский дом был уничтожен пожаром, и с этого времени до 1857 г. место пустовало.

17 января 1853 г. последовало «высочайшее соизволение» на постройку в городе Омске генерал-губернаторского дворца. Согласно утвержденной смете, сумма на постройку исчислялась в размере 53 081 рубля 54 $^{3}/_{4}$ копейки. Отпуск денег на дворец предусматривался из особо указанного источника: сбора с русского и, главным образом, с казахского населения Западной Сибири и Степного края.

Дворец генерал-губернаторов Западной Сибири и Степного края. Омск. Начало XX в. Ныне один из корпусов Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля

На кромке береговой террасы Оми, на месте Посольского дома, между Ильинской церковью и казачьим Никольским собором, началось строительство здания. В 1861 г. постройка была закончена. И на венчавшей дворцовую башню мачте был поднят трехцветный флаг Российской империи.

Охватившие дворец с правой и левой сторон невысокие каменные корпуса с симметрично расположенными по фасаду здания тяжелыми воротами делали его похожим на барскую усадьбу крепостной России. В корпусах размещались конюшни, каретные сараи, прачечные, квартиры «челяди», а в устроенных под ними подвалах хранилась

разная снедь. С балкона дворцовой башни во всей полноте открывался Омск, с большими пустырями и площадями, с березовыми рощами и кустарниками, с широкими, по плану расположенными улицами.

После перенесения в Омск резиденции генерал-губернатора город Омск пользовался одинаково с двумя столицами – Петербургом и Москвой и городами наместничеств – Варшавой и Тифлисом – правом флага и салюта в высокоторжественные дни. Подобная привилегия не была представлена другим генерал-губернаторским резиденциям. Таким образом, Омск был как бы на положении центра наместничества.

Здесь бывал великий русский путешественник Н.М. Пржевальский[1], его сподвижники – Роборовский[2] и Козлов[3], путешественник Поляков[4], путешественник итальянец Сомье, астроном Шмидт, путешественник и автор известной книги «Жизнь животных» Брем[5], французские ученые – виконт де Нювервиль и барон де Бай, лейтенанты Гербер и Шютце, сопровождавшие останки капитана яхты «Жанетта» де Лонга и его девяти сподвижников, погибших в устье реки Лены.

Наши знаменитые земляки: Усов[6], Ядринцев, Потанин, Словцов[7], Сулоцкий[8], Чокан Валиханов, Голубев[9], Катанаев[10] и другие неоднократно посещали это здание.

Наступил февраль 1917 г.

Нервно настроены были обитатели дворца в последние дни месяца. В то время как город питался только слухами о происшедших в Петрограде событиях, дворец имел подробные сведения обо всем.

В час дня 2 марта «Омский вестник» в дополнительном выпуске известил население города о происходивших в стране событиях. Не медля ни часа, заместитель городского головы Галкин отправился во дворец с тем, чтобы согласовать там действия: собравшиеся у Городской думы (теперь библиотека имени А.С. Пушкина) трудящиеся требовали объяснений происходившего. Генерал-губернатор Сухомлинов[11] (брат бывшего военного царского министра) заявил о своем «безусловном признании и верности новому, Временному правительству». Он понимал, что буржуазное правительство не внесет больших социальных преобразований и потому считал преждевременным слагать с себя обязанности хозяина края. Генерал-губернатор просил Галкина передать просьбу населению и общественным организациям, чтобы те не устраивали никаких демонстраций.

В городе в различных местах возникали митинги, организовывались демонстрации.

4 марта, рано утром, во дворец вошли представители рабочих и, во исполнение решения Совета рабочих депутатов, арестовали Сухомлинова – последнего генерал-губернатора Степного края, а в 3 часа дня, во время торжественного шествия войск местного гарнизона, с башни дворца был сброшен трехцветный флаг, возвышавшийся над ним почти в течение шестидесяти лет.

На башенной мачте заколыхался красный флаг – символ борьбы и победы трудящихся.

Дворец генерал-губернатора переименовывается в «Дом Республики».

5 марта в Доме Республики разместились новые хозяева, созданный 2 марта из местного чиновничества и городской думы Коалиционный комитет – в нижний этаж и Совет рабочих и военных депутатов (Совдеп) – в верхний. Коалиционный комитет являлся официальным представителем Временного правительства, однако, поддержкой широких народных масс он не пользовался. Фактическим распорядительным органом, за которым шли трудящиеся, был Совет рабочих и военных депутатов.

Все основные мероприятия проводились Совдепом. Коалиционный комитет только фиксировал события, не вынося ни одного важного решения без согласования с Советом.

В июне 1917 г. у Дома Республики состоялся большой митинг. На фасаде здания на красном полотнище был лозунг: «Да здравствует демократическая республика».

С балкона здания население города приветствовали члены Совдепа.

В августе у Дома Республики была проведена пятнадцатитысячная демонстрация омских рабочих и солдат. Демонстрация прошла под большевистским лозунгом – всемерной поддержки Советов и сплочения революционных сил пролетариата.

18 – 20 ноября (ст. ст.) 1917 г. прошли перевыборы Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. Большинство голосов получили большевики. Председателем Совета 30 ноября был избран В.М. Косарев*. Вся полнота власти перешла к Советам. Коалиционный комитет был ликвидирован.

Западная половина нижнего этажа Дома Республики стала резиденцией Совета рабочих и солдатских депутатов; в восточной части – расположилась Чрезвычайная Комиссия, на втором этаже – отдел народного образования, возглавляемый бывшим секретарем Всесибирского областного комитета партии большевиков К.М. Молотовым; в остальных комнатах верхнего этажа разместились редакции: газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» и журнала «Пролетарий».

22 ноября здесь были получены и оглашены первые декреты Совета Народных Комиссаров, подписанные Владимиром Ильичем Лениным.

В мае 1918 г. в Омск пришло сообщение о приближении эшелонов с белочехами, поднявшими контрреволюционный мятеж. Представители интервентов Гайда и Массарик[12] явились в Дом Республики в Омский Совдеп с требованием пропустить эшелоны на восток.

«Я хорошо помню, – пишет А.Н. Дианов**, – последнее заседание Военно-окружного Комитета под председательством В.М. Косарева, на котором присутствовали представители от чехословацкого командования во главе с Гайдой и Массариком. Несмотря на настойчивое требование Гайды разрешить свободное продвижение чехословацких эшелонов через Омск, ему было отказано в этом. Чешские офицеры встали и быстро вышли из кабинета. Мы, участники совещания, не успели и переглянуться, как вновь приоткрылась дверь и показались две головы – Гайды и Массарика, не сказав ни слова, они с шумом захлопнули дверь и ушли. Все мы – члены комитета поняли тогда, что нам брошен вызов». («Омская правда», 25 мая 1958 г.).

25 мая на станции Марьяновка произошел бой омских красногвардейцев с белочехами. 26 мая Совет рабочих и солдатских депутатов вынес решение об объявлении г. Омска и его окрестностей на военном положении: вся полнота власти в городе и окрестностях перешла к Военно-революционному штабу в составе: В.М. Косарева[13], А.А. Карлова***, З.И. Лобкова, А.Н. Дианова и В.Д. Тверитина****.

---

* Осенью 1917 г. Омский губернский комитет партии обратился в Томск с просьбой помочь ему людьми. В Омск был направлен В.М. Косарев, который вскоре возглавил Омский совет. Большую работу Косарев провел по подготовке и проведению III Западно-Сибирского съезда Советов (с 2 по 10 декабря 1917 г.), утвердившему Советскую власть на территории Западной Сибири. После вступления белочехов в Омск В.М. Косарев работал членом Уральского областного комитета партии. В конце 1919 г. был назначен членом Сибревкома и Сиббюро ЦК РКП(б). В 1921 – 1922 гг. – председатель Новониколаевского губисполкома. В 1923 – 1928 гг. – член Центральной Контрольной комиссии и президиума Центральной Контрольной комиссии, позднее работал в других партийных и советских органах. В.М. Косарев – автор статей «Воспоминания о Нарымской ссылке» («Сибирские огни, 1922), «Партийная школа на Капри» (там же, 1922) и др.

** Александр Николаевич Дианов родился в 1887 г. Член КПСС с 1905 г. Во время первой русской революции принимал участие в забастовках и распространении нелегальной литературы среди рабочих Верх-Исетского завода. В 1914 г. мобилизован в армию, служил в оружейных мастерских 26-го Сибирского запасного полка в г. Омске, где проводил среди солдат революционную работу. В 1917 г. член Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, член Военно-окружного комитета и комиссар окружного артиллерийского управления Сибири. Работал на ответственных административных должностях. С 1955 г. – персональный пенсионер, с 10 августа 1966 г. – Почетный гражданин города Омска.

*** Александр Андреевич Карлов родился в 1885 г. Член КПСС с 1905 г. Работал на железной дороге, вел большевистскую пропаганду среди рабочих Ачинска, Боготола и Омска. Принимал активное участие в Февральской и Октябрьской революциях, был избран секретарем Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918 г. был на Восточном и Северном фронтах политработником. В 1919 г. находился в тылу Колчака на нелегальной партийной работе. С 1920 г. – на ответственной хозяйственной работе на железнодорожном и водном транспорте. В 1956 г. за революционную работу награжден орденом Ленина. Умер в 1963 г. в Ростове-на-Дону.

**** Тверитин Вениамин – выходец из буржуазной семьи. Режим купеческого быта не задавил чуткую

7 июня 1918 г. в одиннадцать утра, в Доме Республики состоялось последнее заседание Военно-революционного штаба. После информации командиров красногвардейских частей было принято решение – временно отступить из Омска, а затем, сконцентрировав силы, наступать с запада...[14]

В город вступили белочехи.

В Доме Республики водворилась эсеро-меньшевистская Директория во главе с Ивановым-Риновым[15], генерал-майором Менде и лидером кадетской партии Жардецким. Дом Республики был переименован в «Дом свободы»[16].

Вскоре Директория уступила место Временному Сибирскому правительству Вологодского [17]. На башне здания был водружен флаг из белого и зеленого кусков материала. После провозглашения 18 ноября 1918 г. Колчака[18] «Верховным правителем России» здесь расположилось колчаковское правительство – Совет министров.

С первых дней захвата белогвардейцами и интервентами Омска бывшая генерал-губернаторская усадьба стала местом заключения красногвардейцев, рабочих, всех тех, кого заподозревали в «неблагонадежности».

14 ноября 1919 г. в Омск вошли полки Красной Армии, навсегда освободившие город от насилия и гнета, восстановившие в нем Советскую власть.

После освобождения города от колчаковцев в бывшем генерал-губернаторском дворце временно остановился штаб 5-й Армии во главе с М.Н. Тухачевским[19]. Здесь в зале бывшего дворца М.Н. Тухачевский допрашивал пленных – полковников, генералов. На пленных ошеломляющее впечатление произвела молодость командующего Красной Армией.

«Комендант города военный комиссар артиллерии 27-й дивизии Бюлер, – пишет в воспоминаниях один из участников освобождения Омска В.Н. Краснопольский[20],– доложил о том, что взят в плен начальник колчаковских артскладов.

Тухачевский затребовал генерала к себе. Генерала доставили.

Римский-Корсаков, войдя в комнату, увидел троих: один солидный, лысый, полный, другой тоже солидный, бородка с проседью, а сбоку примостился совсем еще молодой человек (Тухачевскому тогда было всего лишь 26 лет), одет простенько – валенки, ватная телогрейка.

Генерал насторожился – где же здесь командир? Всем корпусом подался к тому, что казался ему посолидней и потолще.

– Вы генерал Римский-Корсаков? – спрашивает этот самый солидный человек.

– Так точно.

– В каком положении склады? – перебивает молодой человек. Генерал только бровью повел, дескать, мальчишка в разговор лезет, и снова к тому, кто посолидней.

– Вас командарм спрашивает, – подсказывают генералу. Тот не понимает.

– Да вот же командарм...

Римский-Корсаков оторопел:

– Вы командарм? Да сколько же вам лет?

– Да, я командарм. А что поделаешь, если генералы к Колчаку ушли. Вот и пробиваемся поручиками, фельдфебелями, унтер-офицерами, кузнецами, слесарями...».

душу юноши, а бросил ее в бурлящий поток революционной жизни. В 1915 г. Тверитин вступил в подпольную социал-демократическую организацию. Идея социалистической революции заполнила все его существование. Он был бесконечно горд победой Октябрьской революции. Приехав в Омск, Тверитин стал редактором «Омских известий». Вскоре его выбрали областным комиссаром Акмолинской области и Степного края. Был товарищем председателя Западно-Сибирского Совета. После первого Марьяновского боя Тверитин вместе с Лобковым в Исиль-Куле вел переговоры с чехословацкими офицерами, французской и американской миссиями о перемирии и освобождении захваченных в плен Шлихтера и Усиевича.

При эвакуации Омска, 7 июня, он вместе с тов. Ильмером погрузил на пароход 270 миллионов рублей денег и уехал на одном из последних пароходов из Омска на Тюмень. Тверитин уехал в Екатеринбург. Там он остался для организации подпольной работы в период временного захвата города контрреволюцией. 30 июля 1918 г. был арестован и расстрелян белогвардейцами.

Здесь же 16 ноября произошла встреча, перешедшая потом в дружбу, командующего 5-й Армией М. Н. Тухачевского с крупным ученым-астрономом, большевиком П.К. Штернбергом[21] – членом Реввоенсовета 2-й армии. Профессору-астроному было приятно, что герой гражданской войны, командующий армией любил и ценил литературу, что в его лице он встретил образованного, талантливого военачальника, убежденного большевика.

Павел Карлович Штернберг скончался от воспаления легких 31 января 1920 г. Тухачевский горевал о нем, вспоминая беседы, которые они вели в Омске (Л. Никулин. Тухачевский. М., 1964, стр. 90).

18 апреля 1923 г. постановлением губисполкома дворец со всеми надворными постройками был передан Омскому краеведческому музею[22].

С первых дней Великой Отечественной войны, в связи с эвакуацией в Омск ряда учреждений и организаций из Европейской части страны, музей вынужден был освободить полностью главное здание. Верхний этаж его занял Второй Московский государственный медицинский институт, факультетской хирургической клиникой которого заведовал известный профессор Б.С. Вейсброд[23]. В левом крыле нижнего этажа сосредоточены были эвакуированные ценности музеев: Государственного исторического музея из Москвы, часть коллекций Новгородского и Вологодского областных музеев и фонды Воронежского музея искусств.

Из Новгорода в Омск в августе 1941 г. были также эвакуированы известные памятники древнего искусства – Корсунские и Сигтунские ворота. Для хранения их во дворе музея, у стены левого выступа главного здания, был сооружен специальный навес.

Ворвавшись в 1941 г. в Новгород, гитлеровцы упорно искали Сигтунские ворота, вывезенные, как трофей, в 1262 г. из Дерпта в Новгород после разгрома ливонских рыцарей новгородцами под водительством сына Александра Невского князя Дмитрия Александровича. Немцы не предполагали, что ворота размером 3,9 × 2,2 метра, весом 1,1 тонны эвакуированы.

«В застенках гестапо пытали местных жителей, рассчитывая выведать у них тайну местонахождения ворот. Напрасно! Предателей не нашлось. К тому же ворота в то время были уже далеко на востоке, под охраной Омского музея. Теперь они, равно как и Корсунские ворота, на прежнем своем месте – в Новгородской Софии. (Д. Владимирский. «Уральский следопыт», № 2, 1961 г.).

БЫВШИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

На ул. Ленина (бывшая Республики)[24], против Центрального городского сада, высится большое каменное здание[25]. В дореволюционное время все это здание занимал Омский кадетский корпус, который по началу назывался Войсковым казачьим училищем, с 1826 по 1846 г. именовался училищем Сибирского линейного казачьего войска, с 1846 по 1864 г. – Сибирским кадетским корпусом, с 1864 по 1882 г. – Сибирской

Здание Сибирского кадетского корпуса. Омск. 1880-е гг. Ныне Омский кадетский корпус

военной гимназией, с 1882 по 1907 г. – Сибирским кадетским корпусом и с 1907 г. до установления Советской власти – Омским кадетским корпусом.

В настоящее время в здании помещается Омское высшее общевойсковое командное Краснознаменное училище им. М.В. Фрунзе[26].

В 40-х годах XIX столетия Омский кадетский корпус считался лучшим учебным заведением в Сибири. В это время передовые идеи Белинского и Герцена проникли в стены кадетского корпуса. Проводниками их были преподаватели: Н.Ф. Костылецкий (1818 – 1869 гг.), родился в Урлютюпе в семье мелкого скототорговца, литератор и ориенталист, читавший в корпусе в 1840 – 1865 гг. русскую литературу. Он разделял передовые идеи своего времени, был большим поклонником Белинского и в курсе словесности руководствовался его статьями. До конца жизни Н.Ф. Костылецкий был стойким борцом против крепостничества, пропагандистом освободительных идей, за что в конце концов, был уволен из корпуса; умер он в большой нужде. Н.Ф. Костылецкий в совершенстве знал тюркские, арабский, персидский и казахский языки.

Преподаватель истории ссыльный Гонсевский[27] читал историю общественных движений, подробно излагал своим ученикам историю французской революции. Его лекции имели большое воспитательное значение для учащихся.

Преподавал здесь также литератор В.П. Лободовский[28], друг молодости Н.Г. Чернышевского и последователь его идей. В.П. Лободовский говорил, что Сибирский кадетский корпус был одним «из первых рассадников военного и общего знания». Преподаватель Александр Сулоцкий известен как исследователь сибирской старины, автор ряда исторических работ.

С 1875 г., в течение 12 лет, в корпусе преподавал географию известный русский путешественник, исследователь М.В. Певцов[29]. Преподаватель естественной истории И.Я. Словцов занимался исследованием Сибири. Им были предприняты экспедиции в Кокчетавский уезд (1878 г.), в окрестности г. Тюмени (1883 г.) и в Пелымский край (1889 г.). И.Я. Словцов совершил поездки на Тянь-Шань, по Аму-Дарье, по Голодной степи, в Нерчинский край, на Алтай и Северный Урал. Он составил учебное руководство по географии, по которому обучалось несколько поколений. И.Я. Словцов основал Тюменский музей, для которого собирал коллекции в течение 35 лет.

С 1847 по 1853 г. в Омском кадетском корпусе учился первый казахский ориенталист, талантливый исследователь и бесстрашный путешественник Чокан Валиханов. Товарищем Чокана Валиханова по корпусу был известный русский путешественник, географ, этнограф и историк Григорий Николаевич Потанин.

Г.Н. Потанин исследовал малоизвестные земли Внутренней Азии. В очерках Северо-Западной Монголии он подробно описал природу и экономику края. Потанин изучал жизнь, быт и нравы урянхайцев, хакасцев, широнголов, дунган, он обработал ценные архивные материалы и собрал большие этнографические коллекции.

Пржевальский, Певцов и Потанин положили начало глубокому научному изучению Внутренней Азии.

В Омском кадетском корпусе получил образование Н.Ф. Анненский[30], друг и соредактор Н.К. Михайловского по «Русскому богатству», крупнейший статистик и видный публицист. В своей автобиографии Анненский пишет:

«Годы моей корпусной жизни имели решительное влияние на общий склад моего развития. В нем я научился думать, читать, интересоваться общественными вопросами...».

Видный публицист и первый редактор газеты «Сибирь» В.И. Вагин[31] также вышел из стен Омского кадетского корпуса.

Из других выпускников корпуса, впоследствии причастных к сибирской публицистике, нужно отметить А.П. Нестерова[32] – издателя газеты «Сибирь», И.Н. Усова – редактора омской газеты «Степной край», В.А. Ошуркова – редактора «Восточного обозрения» (после Н.М. Ядринцева), Н.А. Золотова – поэта, печатавшегося в журнале «Иллюстрация» 40-х годов.

Ряд питомцев корпуса известен в качестве топографов. Многие из них были участниками экспедиции Бутовского. Географическая наука им обязана составлением первой общей десятиверстной карты Западной Сибири, и теперь еще не утратившей своего

значения. Инфантьев, Бородин, Кокоулин, Крутиков, Боярский[33], Ваганов – вот далеко не полный перечень их имен.

Немалый вклад в изучение Западной Сибири внесли воспитанники корпуса Г.Е. Катанаев и И.Н. Шухов[34].

Омский кадетский корпус принимал в своих стенах знаменитых ученых. В середине августа 1829 г. Войсковое казачье училище и находящуюся здесь Азиатскую школу посетил естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт. В апреле 1876 г. здесь побывал известный натуралист Брем.

В 1912 г. Сибирский кадетский корпус по первому разряду окончил младший брат В.В. Куйбышева – Николай Владимирович[35], ставший впоследствии крупным военачальником Красной Армии.

Революционная деятельность старшего брата оказала решающее влияние на мировоззрение молодого офицера, поэтому он сразу перешел на сторону революции, в 1918 г. вступил в ряды партии большевиков.

За героизм, проявленный в боях за Советскую власть, Н.В. Куйбышев был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Красного Знамени Азербайджанской республики и Грузинской республики.

По окончании гражданской войны (1922 г.) он назначается комендантом и комиссаром крепости Кронштадт, затем занимает должность начальника и комиссара курсов «Выстрел» Туркестанского фронта, командира и комиссара 3-го стрелкового корпуса, помощника командующего войсками Московского военного округа и командующего войсками Сибирского округа.

С отличием в 1898 г. окончил корпус прославленный генерал Герой Советского Союза Д.М. Карбышев.

Навсегда сохранится память о воспитаннике Омского кадетского корпуса, пламенном борце за социализм, соратнике великого Ленина Валериане Владимировиче Куйбышеве.

Многие из питомцев Омского военного училища им. М.В. Фрунзе прославили себя в боях за социалистическую Родину.

Генерал-лейтенант Александр Федорович Казанкин окончил училище в 1925 г., в Красной армии с 1919 г. Участник Великой Отечественной войны. После фронта – командующий воздушно-десантной армией, затем начальник управления боевой подготовки воздушно-десантных войск. Умер в 1955 г.

Генерал-лейтенант запаса Николай Михайлович Корсаков окончил училище в 1922 г. С 1922 по 1930 г. был командиром роты и батальона в 57-й Московской стрелковой дивизии. После окончания академии Генерального штаба участвовал в Великой Отечественной войне. Награжден многими орденами и медалями.

Генерал-майор Василий Николаевич Федотов окончил училище в 1938 г. В должности командира роты участвовал в боях с белофиннами. В годы Великой Отечественной войны – начальник штаба полка, а затем командир его. Награжден многими орденами и медалями. Осенью 1943 г. за успешное форсирование р. Днепра Федотов был награжден орденом Красного Знамени.

Полковник запаса Гавриил Васильевич Бердников – выпускник Омского училища. За мужество, личную храбрость и умелое командование в боях в годы Великой Отечественной войны удостоен звания Героя Советского Союза и награжден орденами и медалями.

Гвардии майор запаса Григорий Петрович Ионин выпускник училища 1939 г. За героический подвиг при форсировании р. Днепра в сентябре 1943 г. удостоен звания Героя Советского Союза. Сейчас Григорий Петрович работает преподавателем в высшем учебном заведении.

Григорий Иванович Чернов окончил училище в сентябре 1924 г. В Великой Отечественной войне участвовал в боях под Москвой, в Белоруссии и Восточной Пруссии. Дважды ранен в бою.

За мужество и героизм удостоен звания Героя Советского Союза. Ныне Г.И. Чернов – генерал-майор в отставке.

Гвардии старший лейтенант Юрий Владимирович Тварковский окончил училище в ноябре 1941 г. Сразу был назначен в действующую армию. За смелое форсирование Днепра на подручных средствах, захват и удержание плацдарма, в сентябре 1943 г., командир роты Ю.В. Тварковский удостоен звания Героя Советского Союза. 7 декабря 1943 г. командир батальона 77-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитан Тварковский пал смертью храбрых в бою у с. Нареж Житомирской области.

Званий Героев Советского Союза удостоены также выпускники училища разных лет: Павел Кузьмич Волченко[36], Виктор Михайлович Важенин[37], Петр Родионович Саенко[38], Григорий Григорьевич Светецкий[39], Николай Александрович Бенеш[40] и многие другие.

Капитан Дорофей Тимофеевич Левченко в 1934 г. окончил Омское училище с отличием. В июле 1938 г. рота под командованием капитана Левченко первой пришла на помощь одиннадцати героям-пограничникам, оборонявшим высоту «Безымянную» у озера Хасан. В жестоких боях рота отразила атаки превосходящих сил японцев и отбросила их за границу. Будучи ранен, капитан Левченко оставался в строю и личным примером увлекал подчиненных в контратаки.

За мужество и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза и вручена медаль «Золотая Звезда» за номером 9. Пал смертью храбрых в первые дни Великой Отечественной войны.

Капитан Иван Романович Лазарев окончил училище в 1935 г. В боях у озера Хасан командовал артиллерийской батареей. 31 июля 1938 г. огнем батареи южнее оз. Хасан уничтожил три противотанковые пушки и два пулемета. Своей батареей он отразил атаки превосходящих сил противника и обеспечил успешное продвижение нашей пехоты до государственной границы. Капитану Лазареву – первому артиллеристу Советской Армии – было присвоено звание Героя Советского Союза.

На здании училища мемориальная доска, на ней надпись:

Здесь работал
с 1936 года по 1942 год
Герой Советского Союза
генерал-майор
ГУРТЬЕВ
ЛЕОНТИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Л.Н. Гуртьев участник гражданской войны. С марта 1942 г. – командир дивизии, состоявшей исключительно из сибиряков. Дивизия под его командованием проявила массовый героизм и храбрость в период Сталинградской битвы.

В память об этой героической обороне на месте сражения установлена бронзовая плита.

308-я стрелковая дивизия генерал-майора Л.Н. Гуртьева вела бой за Орел и одной из первых ворвалась в город. Здесь, на подступах к Орлу у дер. Ямская гора, проводя 3 августа 1943 г. подготовку к штурму, Л.Н. Гуртьев был смертельно ранен. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В городском саду в г. Орле Л.Н. Гуртьеву сооружен памятник. Здесь же и его могила.

Омское училище им. М.В. Фрунзе свято хранит память о своих славных земляках.

ПО КУЙБЫШЕВСКИМ МЕСТАМ

В кадетском корпусе

Валериан Владимирович Куйбышев родился в Омске 25 мая (6 июня) 1888 г. Отец его был офицером, мать – народная учительница. Восьмимесячным ребенком его увезли в Кокчетав, куда отец был переведен по службе. В 1898 г. десятилетнего Валериана Куйбышева снова привезли в Омск и определили в кадетский корпус.

На фасаде здания училища имени М.В. Фрунзе установлена мраморная доска с надписью:

Здесь учился
1898 – 1905 гг.
ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ
КУЙБЫШЕВ

Вспоминая тихий Кокчетав, небольшой, окруженный со всех сторон березами и черемухой деревянный дом, свое раннее детство, Валериан Владимирович из стен корпуса, по-детски нежно, писал матери:

Откуда, ласточки, вы быстро так летите?
Быть может, вы покинули край родины моей?
Ну что она? Ну что же вы молчите?
Скажите же вы мне хоть что-нибудь о ней.
Быть может, вы в долине той летали,
Где хижина стоит на берегу реки,
Где дни мои так быстро протекали,
Где годы детства милого прошли?

Сестра В.В. Куйбышева – Елена Владимировна Куйбышева – в книге «Валериан Владимирович Куйбышев» (Омгиз, 1939 г.) пишет:

«В кадетском корпусе воспитывались почти исключительно дети военных. Мальчики из нашей семьи все учились там же.

Кадеты в большинстве своем, как и их отцы, были за царя, готовились служить ему и поэтому называли себя монархистами.

Воля среди кадетов не мог найти себе товарищей и был одинок. Уже в старших классах он был связан с революционной организацией».

Куйбышев посещал квартиру старшей сестры Надежды Владимировны, которая по окончании гимназии готовилась в университет. В квартире сестры собиралась революционно настроенная молодежь. Здесь читали рефераты, запрещенную литературу, спорили.

В это же время Валериан Куйбышев стал посещать рабочие собрания, массовки. «Его, как пишет Е.В. Куйбышева, полюбила рабочая молодежь, его с нетерпением ждали в своих скучных серых казармах солдаты».

«Я с нетерпением ждал отпуска, чтобы пойти на рабочее собрание или в казармы, – рассказывал Валериан. – Меня так тянуло к ним, что я не представлял себе большого удовольствия, как беседовать с ними. Я так сжился с этой аудиторией, что просто не мыслил себе иначе проводить время. Я шел туда, как на большой праздник».

Шестнадцати лет (в 1904 г.) Валериан Куйбышев вступил в Омскую организацию РСДРП и с первых же дней своей работы в партии примкнул к большевикам.

Об этой поре жизни Валериана Владимировича Куйбышева вспоминает один из членов омской организации.

«Высокий, стройный, широкий в плечах, совершенно еще мальчик по своему возрасту – 16 лет, он тем не менее производил обаятельное впечатление на всех товарищей-кружковцев. Он являлся на занятия в кружок в своей кадетской шинели, при тесаке и в больших сапогах, которыми отчаянно громыхал. Его появление вызывало шутки, смех, которые Куйбышев удачно парировал, заразительно смеялся и заражал своим смехом окружающих. Он сразу завоевал среди товарищей авторитет и внимание, как серьезный юноша с твердой и непреклонной волей и усиленно занимающийся изучением теории Маркса-Энгельса.

Уже тогда Валериан Владимирович поражал всех своими организаторскими способностями, а также способностью быстро схватывать и разбираться в вопросах теории и тактики партийной работы». (Из жизни В.В. Куйбышева. Изд. Политкаторжан, 1936 г.).

В 1905 г. Куйбышев закончил кадетский корпус и поступил в военно-медицинскую академию в Петербурге.

Улица Куйбышева, дом № 101

По улице Куйбышева (до революции эта улица называлась Скаковой) есть небольшой деревянный с железной четырехскатной кровлей домик[41]. Значится он под № 101. На фасаде мемориальная доска:

В этом доме в 1906 г. жил
В. В. КУЙБЫШЕВ.
20 ноября 1906 г.
здесь проходила
городская подпольная конференция
РСДРП

Небольшое трехступенчатое крылечко с улицы ведет в тесовый коридор. В одной из комнат этого домика поселился Валериан Владимирович Куйбышев, приехавший в начале 1906 г. из Петербурга после исключения (за участие в «студенческих беспорядках») из Военно-медицинской академии и перешедший на нелегальное положение. Здесь по его инициативе был организован политический клуб учащихся, содержавшийся на средства Омского комитета. Помещение это являлось также и конспиративной квартирой.

Дом, в котором жил В.В. Куйбышев. Омск. Фотография 1950-х гг. До настоящего времени не сохранился

Сразу же по приезде в Омск, Куйбышев установил связь с подпольным комитетом РСДРП и вскоре стал его членом. Валериан Владимирович руководил пропагандистской работой комитета, организовал подпольную типографию, в которой печатались прокламации и листовки, распространявшиеся в городе на заводах и фабриках.

Непримиримую борьбу вел Куйбышев с омскими меньшевиками, он разоблачал их оппортунистическую, соглашательскую политику. В результате деятельности Куйбышева и других революционеров в Омске создалась крепкая большевистская группа, завоевавшая большой авторитет среди рабочих.

Валериан Владимирович был одним из организаторов Омской городской партийной конференции, созванной для обсуждения вопросов, связанных с подготовкой к V съезду РСДРП. Конференция состоялась 20 ноября 1906 г. Руководили конференцией В.Л. Шанцер (по паспорту «портной Абрамович»*), К.А. Попов и В.В. Куйбышев.

Конференция проходила в доме, где жил в то время В.В. Куйбышев. Присутствовало на ней 38 человек, среди которых было только 4 меньшевика.

Конференцию не удалось довести до конца. Во время обсуждения текста резолюции, предложенного Валерианом Владимировичем, в дом ворвались полицейские и казаки; все участники конференции были арестованы. Их вывели на улицу и под охраной полиции отвели в участок.

---

* Шанцер Виргилий Леонович – «Марат» (1867 – 1911) – профессиональный революционер, видный большевик, секретарь МК большевиков в 1905 г. В 1908 г. эмигрировал за границу. Был членом ЦК РСДРП. Умер в Москве 24 января 1911 г.

Из заключения прокурорского надзора военного окружного суда видно, что после ареста участников конференции в руки жандармов и полиции попали документы:

«1. Отпечатанный на пишущей машинке, при помощи множительного аппарата, один экземпляр проектов резолюций, предлагаемых бюро Сибирского Союза для предстоящего Сибирского съезда, составленных на основании резолюций социал-демократических организаций. В начале помещен девиз партии: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а в конце дата: 7 ноября 1906 г. и число изданных экземпляров – 100. Резолюция проектирована по пяти вопросам: а) о текущем моменте и задачах социал-демократии, б) об отношении к новой Думе, в) о блоках и соглашениях с буржуазными партиями, г) о беспартийном рабочем съезде и д) о партизанских выступлениях...» Кроме того, найдено:

«25 экземпляров различных воззваний Омского комитета Российской с.-д. рабочей партии, изданных разновременно в течение 1906 г., отпечатанных на продолговатых листах белой бумаги, а одно под заглавием «18 апреля (1 мая) 1906 г.» даже на красной. Вверху каждого воззвания находятся слова – «Сибирский союз с.-д. рабочей партии», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в конце же обозначено место и время печатания и количество изданных экземпляров. Воззвания эти (прокламации) в большинстве случаев призывают к восстанию для ниспровержения существующего в России образа правления и учреждения демократической республики.

Два экземпляра отчетов по кассе Омского комитета социал-демократической рабочей партии...

Семнадцать неразрезанных экз. № 2 газеты «Социал-демократ», издаваемой в Петербурге Центральным Комитетом РСДРП, напечатанных в типографии этого комитета.

Разрезанный экземпляр газеты № 4 «Пролетарий» от 19 октября 1906 г. Орган С.-Петербургского окружного комитета РСДРП.

Один экземпляр № 1 газеты «Вперед» от 10 сентября 1906 г., печатанный в Варшаве в Вольно-социал-демократической типографии». («Материалы к биографии В.В. Куйбышева». Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г.).

Обыск в помещении производился в отсутствии участников конференции, не подвергались личному обыску и арестованные (этими нарушениями правил ареста воспользовались подсудимые при своей защите. – **А.П.**).

Дом № 3 по улице Ядринцева

В подвальном помещении этого дома в ночь с 20 на 21 ноября 1906 г. находились под арестом 38 участников Омской городской конференции РСДРП. Среди них были В.Л. Шанцер, В.В. Куйбышев, К.А. Попов. Арестованные были заключены под стражу в одной из подвальных камер с выходящим на улицу окном (второе от калитки).

Участник конференции А.П. Молодов пишет в своих воспоминаниях:

«Всех 38 человек поместили в маленькой темной и душной камере.

– Выбить окно, – предложил тов. Попов.

Тов. Куйбышев, ближе всех находившийся к окну, ногой выбил окно.

Холодный воздух освежил нас. Дышать стало легче.

Нюра Судакова своим чистым контральто начала «Сижу за решеткой в темнице сырой».

«Вскормленный на воле орел молодой», – подхватило несколько человек.

Через несколько часов (после трехчасового пребывания. – **А.П.**) нас, под усиленным конвоем, перевели в здание гражданской тюрьмы». («Омская правда», 27 января 1935 г.).

ТЮРЕМНЫЙ ЗАМОК
(ул. Орджоникидзе, бывшая Тобольская)

В ночь с 20 на 21 ноября (ст. ст.) 1906 г. порог Омской тюрьмы[42] переступил девятнадцатилетний Валериан Владимирович Куйбышев.

Вместе с ним были заключены в тюрьму и другие участники городской партийной конференции. Все, за исключением женщин, были помещены в верхнем этаже в общей камере.

«В тюрьме, – пишет Е.В. Куйбышева, – Валериан был выбран политическим старостой. Он вел переговоры с тюремной администрацией. Во время возникавших конфликтов он обнаруживал твердость и огромный такт, ему всегда удавалось защитить интересы товарищей.

Из тюрьмы Валериан поддерживал связь с оставшимися на воле товарищами. Ему приносили хлеб, в котором были вложены записки. Он писал на воротнике и рукавах своих рубашек инструкции друзьям, и приходившим к нему на свидание отдавал рубашку как бы для стирки».

В тюрьме Валериан Владимирович продолжал вести революционную работу, через доверенных лиц руководить подпольной организацией.

«Наша связь с омской организацией была настолько тесна, что однажды в камере для ожиданий было устроено заседание обоих составов Омского комитета: прежнего – арестованного и вновь избранного», – писал Куйбышев в своих воспоминаниях. (Материалы к биографии В.В. Куйбышева. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г.).

ЗДАНИЕ БЫВШЕГО ВОЕННОГО ОКРУЖНОГО СУДА

Здание военно-окружного суда. Омск. Ул. Спартаковская (бывш. Глазенапа). Вид на Тарские крепостные ворота и Успенский собор. 1910 г. Ныне один из корпусов Омской государственной медицинской академии

На Спартаковской улице (бывш. ул. Глазенапа) находится двухэтажное каменное здание строгой архитектуры. Постройка его относится ко второй половине XIX столетия. Это бывший военный окружной суд (теперь в этом здании помещается стоматологическая поликлиника мединститута)[43].

7 марта 1907 г. здесь состоялось заседание военного окружного суда «по делу 38».

В книге «Эпизоды из моей жизни» (изд. «Молодая гвардия», 1938 г.) В.В. Куйбышев писал:

«Но вот наступают последние дни перед судом. Окончательно выясняется, что нас будет судить военно-окружной суд. Обвиняться будем по 126 ст. уголовного уложения.

Нам грозит максимум восемь лет каторги, минимум – ссылка на поселение.

Нас ведут в суд. Входим в зал... Кругом военные...

– Суд идет! – провозгласил судебный пристав.

Входят пять человек. Все военные. Председатель – генерал, седой, обрюзгший, с виду добродушный, всю жизнь проведший в судебных органах. Прокурор – бравый полковник, с академическим и университетским значками.

Напоминаю, что абсолютно никаких показаний следственным властям дано не было. Суд мог оперировать исключительно показаниями «свидетелей» – полицейских и казаков, нас арестовавших или обыскивавших.

Начинается допрос свидетелей. Первым вызывается руководитель нашего ареста – исправник. Этот лихой полицейский влетает в зал, козыряет суду, звенит шпорами и бойко отвечает на вопросы председателя. Так как нет защиты, то председатель обращается к обвиняемым:

– Не будет ли с вашей стороны вопросов?[44]

Поднимается Попов и задает следующий вопрос:

– Скажите, пожалуйста, господин исправник, на каком основании вы нас арестовали, тогда как мы находились в черте города, иными словами, мы были подвластны или жандармской власти или полицмейстеру города Омска?

Исправник пришел в негодование, что-то зарычал и делал какие-то жесты, показывающие, что он не хочет отвечать на такой дерзкий вопрос обвиняемого.

Тогда председательствующий говорит ему:

– Нет, будьте добры отвечать на вопрос подсудимого.

Вся спесь с исправника немедленно слетела. Он начинает что-то лепетать. Из этого лепета можно было разобрать только одно: что они с Иваном Ивановичем, полицмейстером города Омска, большие приятели, что иной раз он помогает Ивану Ивановичу, иной раз Иван Иванович оказывает услуги ему.

Скамья подсудимых хохочет. Но хохот этот еще больше усиливается, когда мы слышим окрик председательствующего:

– Ну, знаете, дружба дружбой, а служба службой.

Мне сейчас, по прошествии 25 лет, очень трудно вспомнить все подробности суда, но было очень много моментов, которые все больше и больше ставили полицию в смешное и жалкое положение...».

Особенно талантливую речь на суде произнес Шанцер. В.В. Куйбышев потом вспоминал об этом выступлении:

«...зал оглашается такой речью, какую, я думаю, едва ли слышал когда-либо омский суд: это была не оправдательная речь, это была речь обвинителя против полиции, против ее методов работы, против самодержавия.

...Приговор был короткий: «Признать всех обвиняемых (обвиняемые перечисляются все снова по алфавиту) по 126 статье Уголовного уложения оправданными за неимением доказательств. Признать всех обвиняемых виновными по 124 статье Уголовного уложения и приговорить каждого к одному месяцу крепости».

Мы вернулись в камеру. Может быть, это было продиктовано молодостью (мне еще не было 19 лет), но я был страшно огорчен этим приговором: или воля или каторга, а то вдруг один месяц тюрьмы.

Так кончился суд и мой первый арест». (В.В. Куйбышев. Эпизоды из моей жизни)[45].

ДОМА № 36 И 29 ПО УЛ. ДЕКАБРИСТОВ

На улице Декабристов (раньше Варламовская)[46] до настоящего времени сохранился небольшой деревянный домик № 36. В этом домике жил близкий родственник В.В. Куйбышева.

В 1912 г. В.В. Куйбышев по окончании Нарымской ссылки приехал в Омск. После свидания с бабушкой он отправился к родственнику, в дом № 36.

«Уходя от бабушки, – пишет В.В. Куйбышев, – я сказал, что иду к Александру Николаевичу. Прихожу. Тот страшно обрадовался старому приятелю: мы с ним работали шесть лет в Сибири. Он вздул самовар, приготовил разной закуски. Мы сидим, пьем чай и поругиваемся[47]. Вдруг в квартиру влетает девушка... Ящина Люба – дочь содержателя Омской почтовой станции. Она бросилась ко мне и говорит: – Как я рада, что нашла Вас здесь, как я рада!»[48]

Люба Ящина – сопроцессница В.В. Куйбышева по делу 38-ми – случайно подслушала телефонный разговор полицейского, сообщавшего в жандармское управление, что в Омск приехал Куйбышев и его можно взять.

Задерживаться не приходилось. Ящина предложила В.В. Куйбышеву пойти на ее квартиру. Нужно было пройти по той же Варламовской улице всего несколько десятков метров, и В.В. Куйбышев сидел за столом гостеприимной хозяйки, на втором этаже почтовой станции. (В настоящее время дом этот занимает сапоговаляльная фабрика)[49].

«Ящина вскипятила чай, – вспоминает В.В. Куйбышев, – поставила шипящий самовар на стол, очень хорошо его накрыла, – поставила на стол варенье, какие-то вкусные пирожные и печенье. Я сижу, пью чай, ем пирожное и доволен, что освободился от какого-то, совершенно для меня непонятного ареста. Шумим, смеемся. От поры до времени я прохаживаюсь по комнате. Случайно я взглянул в окно и вижу: идет жандарм, направляясь к крыльцу этого дома...»[50]. В.В. Куйбышев торопливо спустился вниз и спрятался в саду. В 12 часов ночи, когда, казалось, все успокоилось, Валериан Владимирович перелез через забор на соседнюю усадьбу, а затем вышел на пустынную Степную улицу. Через несколько минут он был арестован и препровожден в омскую тюрьму. За неподчинение тюремщикам В.В. Куйбышев был избит до полусмерти. А через пять дней его отправили в томскую тюрьму. (В.В. Куйбышев. Эпизоды из моей жизни).

На вопрос анкеты «Когда и каким преследованиям подвергался за политическую деятельность» – Куйбышев отвечал:

«Арестовывался восемь раз (в Омске, Томске, Петрограде, Самаре), начиная с 1906 года по 1916 год. Три раза судился. Был в четырех ссылках (Каинск, Томской губ., Нарым, Иркутская губ., Туруханск)».

Ни тюрьмы, ни ссылки не сломили мужественной воли Валериана Владимировича.

В стихотворении «Море жизни», написанном в ссылке в Сибири и ставшем излюбленной песней ссыльных, Куйбышев призывает:

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает,
Всплески здесь и там,
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.
Радость жизни, радость битвы
Пусть умчит унынья след.
Прочь же робкие молитвы!
Им в сердце места нет.

ВОКЗАЛ СТАНЦИИ ОМСК

Омский вокзал построен в середине 90-х годов прошлого столетия. В 1958 г. здание вокзала значительно расширено и со стороны привокзальной площади видоизменено. Что касается его архитектуры со стороны перрона,– она в основном сохранила свой первоначальный вид[51].

Вокзал ст. Омск пробуждает воспоминания о первой рабочей стачке в Омске.

16 июня 1895 г. группа рабочих (19 человек), занятых на постройке вокзала, предъявила требование о повышении расценок и отмене системы бесконечных штрафов

Вокзал станции «Омск» Сибирской железной дороги. Начало XX в. В ходе последующей реконструкции внешний вид здания претерпел серьезные изменения

и обсчетов. Хозяйственный агент железной дороги Морозов отклонил это требование рабочих и задержал их паспорта. Рабочие подали на Морозова в суд. Городской судья признал требование рабочих о выдаче паспортов законным. Товарищ же прокурора Бурменский опротестовал постановление суда и направил дело на пересмотр в Акмолинский областной суд (г. Омск в это время являлся административным центром Акмолинской области). Одновременно железнодорожное жандармское управление подняло дело о привлечении рабочих к уголовной ответственности за стачку, которая по царским законам считалась преступлением, подлежащим наказанию.

В ответ на это 100 рабочих объявили забастовку, требуя повышения расценок, и Морозов вынужден был удовлетворить требование строителей. Областной суд же признал, что Морозов имел право не возвращать рабочим их паспортов. Суд рассмотрел также и дело о стачке рабочих. Из девяти привлеченных судом к ответу, трое рабочих были приговорены к тюремному заключению на один месяц и шестеро – к тюремному заключению на три недели. Адвокат Милонов, ведущий дело рабочих, был признан виновным в подстрекательстве к забастовке, его суд приговорил к тюремному заключению на 5 недель.

Так расправился царский суд с участниками первой стачки в Омске, с рабочими-строителями вокзала станции Омск.

Сообщение о суде над участниками стачки в Омске было напечатано в газете «Русские ведомости», а в свою очередь газетная заметка была использована в брошюре «Рабочие союзы, или как взяться за ум», изданной в марте 1896 г. «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» в Женеве в типографии «Союза русских социал-демократов». (М.В. Наумов. Из истории Омской организации РСДРП. Омск, 1963 г., стр. 11–13).

С продвижением Сибирской железной дороги далее на восток, слабее и слабее стал слышаться кандальный звон на старой Владимирке – Московско-Сибирском тракте. Отправка неугодных царскому правительству лиц на каторгу и ссылку по железной дороге обходилась для казны дешевле, нежели трактовым порядком. Тысячи борцов революции в прицепных арестантских, товарных и пассажирских вагонах следовали на восток через равнинные прииртышские просторы, через Омск.

Обеспокоенное ростом революционного движения среди рабочих царское правительство в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. произвело арест руководства Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», организованного В.И. Лениным. После четырнадцатимесячного заключения в Петербургской тюрьме В.И. Ленин был отправлен в сибирскую ссылку, в село Шушенское Красноярского края.

1 марта 1897 г. пассажирский поезд, в вагоне второго класса которого ехал Владимир Ильич в ссылку, прошел через станцию Омск.

Через три года, 29 января 1900 г. В.И. Ленин и Н.К. Крупская покинули место ссылки село Шушенское.

2 февраля В.И. Ленин, Н.К. Крупская и присоединившийся к ним в Минусинске Василий Васильевич Старков выехали из Ачинска. Утром 4 февраля они были в Омске. Здесь возвращающихся из ссылки встречала жена В.В. Старкова – А.М. Старкова, которая ранее мужа закончила срок ссылки, переехала в Омск и работала на станции фельдшерицей. Полтора часа стоял поезд в Омске. За это время о многом сообщила А.Е. Старкова покидающим Сибирь: третий звонок, крепкие рукопожатия. И поезд медленно тронулся, увозя Ленина в Россию. («Омская правда», 1965 г., 31 января).

В июне 1906 г. по железной дороге под усиленной охраной жандармов через ст. Омск проследовала на каторгу группа женщин-революционерок.

К приходу поезда на вокзале собрались рабочие, учащиеся, служащие, горожане, всего свыше четырех тысяч человек. Поезд с революционерками рабочие железнодорожных мастерских и депо задержали с 11 до 15 часов.

8 августа 1906 г. во время стоянки на ст. Омск поезда с политическими сюда пришли с красными флагами артисты, гастролировавшего в то время в Омске театра. Подойдя к вагону с арестованными, артисты приветствовали их пением революционных песен. У одной из артисток жандармами был отобран красный флаг. В результате

демонстрации труппе были запрещены спектакли в городах по всей линии Сибирской железной дороги.

ГЛАВНЫЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ МАСТЕРСКИЕ[52]

Прокладка железной дороги способствовала приезду в Сибирь большого количества рабочих. Многие из них имели опыт революционной борьбы, связь с революционными организациями России. Это сказалось на росте революционного самосознания трудящихся Сибири.

Одним из революционных очагов в Омске были Главные железнодорожные мастерские. В мрачных кирпичных корпусах мастерских проходили рабочие митинги и собрания.

В 1898 г. кузнец мастерских Е.А. Грозный организовал первый в Омске социал-демократический рабочий кружок*. В марте 1899 г. рабочие железнодорожных мастерских решили провести забастовку, чтобы добиться улучшения условий труда. Был избран стачечный комитет, штаб которого находился в кузнечном цехе. Забастовка началась организованно. После третьего гудка в кузнечный цех направились рабочие из других цехов. Е.А. Грозный выступил с речью, в которой обрисовал положение рабочих мастерских:

«Администрация видит, в каких условиях мы работаем... Начальство не хочет принять мер к облегчению нашей жизни, подобру этого оно никогда не сделает. Все правители против нас. Мы должны выступить сами. Не будем выходить на работу до тех пор, пока не удовлетворят наши требования!»**. От имени рабочих Грозный предъявил требования начальнику мастерских инженеру Красногорскому. Красногорский ответил, что он назначит комиссию для проверки требований и предложил забастовщикам приступить к работе. Рабочие решили к работе не приступать и разошлись по домам, за исключением «стачколомов».

На другой день рабочие все явились в цех, но к работе не приступили. Они узнали, что Е.А. Грозный арестован. На состоявшемся митинге были избраны три делегата – Торопов, Бобров и Усольцев, которые немедленно отправились к начальнику мастерских с требованием освободить Грозного и удовлетворить претензии рабочих. Красногорский явился в цех и заявил, что он уже вел переговоры с жандармским управлением и что Грозный будет освобожден.

Вскоре в цехе появился Е.А. Грозный. Он сообщил о том, что по приказу жандармского управления в 24 часа должен покинуть Омск.

Несмотря на высылку руководителя стачки, администрация вынуждена была пойти на уступки. На другой день в цех привезли хороший уголь, были вставлены разбитые стекла, установлена вентиляция.

Победа была на стороне рабочих.

В забастовке 1899 г. участвовала сравнительно небольшая группа рабочих железнодорожных мастерских, но вместе с тем она показала, что омские трудящиеся уже способны к организованному выступлению, к борьбе за улучшение своего положения.

На всем протяжении борьбы трудящихся Омска с самодержавием и капитализмом рабочие омских железнодорожных мастерских шли в первых рядах. В исторической хронике мастерских можно перечислить ряд революционных событий – забастовок, сходок, рабочих маевок, митингов, демонстраций, создание нелегальных кружков и т.д.

Кратко остановимся на некоторых из этих событий.

---

* Евгений Александрович Грозный был выслан в Омск из Перми за принадлежность к революционной организации. Из Омска он переехал в Новониколаевск (Новосибирск), а затем в Петербург. Е.А. Грозный был «человек большого темперамента, яркой индивидуальности. Было в нем, пишет писатель С. Кожевников, что-то от землепроходца Хабарова и революционера Халтурина. Он был страстен и неугомонен». (Город на Оби. «Сибирские огни». 1944. № 4, стр. 103).

** С. Веремей. Первые шаги рабочего движения в Омске. Омск, 1951 г.

В начале 1902 г. в мастерских был создан марксистский кружок. Организатор его рабочий И.С. Якутов*. Он был организатором и руководителем стачки железнодорожников в ноябре 1902 г., получившей название «билетной». Поводом к забастовке был приказ начальника Сибирской железной дороги от 9 сентября 1902 г. об отмене бесплатных проездных билетов низшим служащим и рабочим. Волнение началось по всей дороге. Рабочие омских мастерских предъявили администрации требования: отменить приказ относительно отмены бесплатных проездных билетов, повысить расценки на сдельные работы, отменить штрафы и улучшить санитарные условия в цехах.

Был создан стачечный комитет. Стачечный комитет выпустил напечатанную на гектографе листовку, в которой призывал рабочих и служащих стойко отстаивать свои требования.

8 ноября после гудка рабочие собрались в сборочном цехе. Явился начальник мастерских, которому делегаты предъявили требования и заявили, что до тех пор не приступят к работе, пока не будут удовлетворены их требования. Начальник мастерских ответил отказом, что отменить приказ о лишении рабочих бесплатных билетов может только управляющий дороги. Началась забастовка, известная под именем «билетной». К рабочим мастерских присоединилось депо. Было приостановлено железнодорожное движение.

Власти послали на подавление забастовки две казачьи сотни, которые встретили отпор со стороны рабочих. Это было первое столкновение омских рабочих с казаками.

Стойкость рабочих вынудила управление дороги восстановить право рабочих на пользование бесплатными проездными билетами. Таким образом, главное требование рабочих было удовлетворено. Забастовка прекратилась.

В ответ на кровавую расправу царского правительства с рабочими Петербурга 9 января 1905 г. в железнодорожных мастерских под руководством большевиков состоялся многолюдный митинг протеста. В 1905 г. здесь проходили забастовки в феврале, апреле, 1 мая, 17 августа. Забастовки сыграли большую роль в сплочении революционных сил.

Железнодорожники вели революционную агитацию среди солдат 10-го полка, расквартированного в г. Омске. В результате солдаты этого полка потребовали, как докладывал штаб-ротмистр полка фон-Вальер, «различных свобод».

13 октября 1905 г. сибирские железнодорожники, в том числе и рабочие омских железнодорожных мастерских и всего узла примкнули к Всероссийской политической стачке. В омских мастерских были организованы вооруженные рабочие дружины.

В связи с опубликованием манифеста 17 октября 1905 г., здесь 19 октября, под руководством большевиков проведен многолюдный митинг. В своих выступлениях участники митинга говорили о том, что они не верят царскому манифесту, и будут продолжать борьбу с самодержавием.

7 декабря 1905 г. – в день объявления в Москве политической забастовки – в помещении железнодорожных мастерских проходил митинг, в котором приняли участие около двух тысяч рабочих и служащих. Была зачитана телеграмма московских железнодорожников с призывом примкнуть к стачечному движению. Омские железнодорожники единодушно поддержали призыв москвичей.

---

* Якутов Иван Степанович (1868 – 1907) начал свою революционную деятельность в конце 90-х годов. Он принимал активное участие в первом марксистском кружке в Уфе. Знавшая его Н.К. Крупская, характеризует И.С. Якутова, как большого конспиратора, ненавидевшего хвастовство, большие слова. В 1901 г. Якутов из уфимских мастерских был переброшен в Омск в железнодорожные мастерские. После забастовки был арестован, а 9 февраля 1903 г. уволен с работы. Из Омска переехал в Иркутск, где вошел в состав Иркутского комитета РСДРП. Здесь он 15 августа 1905 г. был арестован и осенью отправлен в Уфу. По выходе из тюрьмы был председателем стачечного комитета рабочих уфимских железнодорожных мастерских и организатором боевой дружины, оказавшей вооруженное сопротивление 9 декабря 1905 г. войскам, разгонявшим митинг. После этого он скрылся. В декабре 1906 г. Якутов был арестован в Харькове и 21 ноября 1907 г. казнен в Уфе по приговору военно-полевого суда. Н.К. Крупская в своих воспоминаниях пишет о казни И.С. Якутова: «Он умирал на тюремном дворе, а вся тюрьма пела – во всех камерах пели и клялись, что никогда не забудут его смерти, не простят ее». (Н.К. Крупская. Воспоминания о В.И. Ленине, М., 1957, стр. 39).

Около трех недель продолжалась забастовка рабочих депо, службы движения и мастерских, начавшаяся в феврале 1907 г. Железнодорожники предъявили администрации требования о повышении заработной платы и возвращения на предприятия уволенных ранее участников стачки. Забастовка завершилась победой рабочих.

В конце апреля 1912 г. в Омск дошли вести о ленском расстреле. В ответ на кровавую расправу над рабочими Ленских приисков 5 мая началась забастовка в железнодорожных мастерских.

Июльские события 1917 г., расстрел рабочей демонстрации в Петрограде войсками Временного правительства, репрессии, обрушившиеся на большевистскую партию, вызвали большое негодование омских рабочих.

В железнодорожных мастерских, равно как и на других предприятиях города, состоялось многолюдное собрание. Участники собрания выразили протест против действий Временного правительства.

При получении известий о контрреволюционном выступлении Корнилова прошли митинги, на которых большевики призывали к вооруженной борьбе. Рабочие Омска начали создавать вооруженные отряды. Самый многочисленный отряд Красной гвардии создали железнодорожники.

В конце мая 1918 г. для борьбы с наступавшими на Омск белочехами в железнодорожных мастерских ремонтировалось оружие, оборудовался бронепоезд. В последние дни боев под Марьяновкой (4 – 6 июня) почти все рабочие железнодорожных мастерских встали под ружье.

17 октября в 12 часов дня 1918 г., выполняя поручение стачечного комитета, кочегар тов. Прохоров призывным гудком дал сигнал к началу забастовки. Во всех цехах мастерских и депо работа остановилась. Через проходные ворота пошли толпы рабочих. Началась забастовка омских железнодорожников. Стачечный комитет предъявил начальнику дороги требование: восстановить закон Советской власти о восьмичасовом рабочем дне; повысить зарплату, передать профсоюзам право увольнения и назначения рабочих; возвратить на транспорт всех железнодорожников, уволенных за поддержку Советской власти, освободить из тюрьмы рабочих, красногвардейцев и деятелей Советской власти.

К железнодорожникам присоединились (забастовали) рабочие других городских предприятий.

В ночь на 19 октября на ст. Омск появился карательный отряд атамана Красильникова, известного своей жестокой расправой с населением. Утром Красильников прошел по всем цехам мастерских и нашел на работе только 50 – 60 человек. После этого все пристанционные рабочие поселки были оцеплены войсками и милицией. Начались аресты рабочих. Захваченных сгоняли на площадь перед вокзалом. Здесь, размахивая плетью, Красильников прочитал свое грозное обращение к рабочим.

Затем Красильников направился во двор железнодорожных мастерских, где также требовал от рабочих прекращения забастовки, угрожая жестокой расправой за неповиновение. «А как я буду расправляться, разрешите это вам, господа, показать», – объявил он. И тут же к стене были поставлены арестованные накануне пятеро железнодорожников и на глазах у всех расстреляны. Жертвой белогвардейского террора стали Ленченко, Шевченко, Петров, Пьянзов и Рассохин. («В огне революции и гражданской войны». Омск, 1959 г. стр. 111 – 113).

Забастовка была подавлена, но не был сломлен революционный дух рабочих, их вера в победу.

МЕСТА РАБОЧИХ МАЕВОК И СОБРАНИЙ

День международного пролетарского праздника Первое мая омские рабочие стали отмечать с начала 1900-х годов.

В предмайские дни 1901 г. на базарной площади Атаманского хутора[53] были разбросаны воззвания, призывающие рабочих принять участие в демонстрации.

В 1902 г. рабочая маевка проводилась среди густых зарослей тальника на Затонском острове. Участники приезжали туда на лодках.

Другая массовая маевка проводилась рабочими в 1902 г. в лесках за Атаманским хутором. По воспоминаниям участника маевки С.П. Молотовникова знаем, что на маевку собрались рабочие железнодорожных мастерских, депо, чугунолитейного завода, учащиеся технического училища.

В том же 1902 г. маевка проводилась и на территории Загородной рощи (теперь Парк культуры и отдыха)[54]. Участник этой маевки кадровый омский рабочий Климентьев рассказывал: «Вспоминается ранний утренний час 1 мая 1902 г. Я жил тогда на Атаманском хуторе. Еще не прогудел гудок главных железнодорожных мастерских, как за мной зашел товарищ по техническому училищу Александр Сидоров и сказал, что в лесу будет рабочая маевка. Карпов, наш товарищ, сообщил пароль для прохода на маевку и посоветовал взять с собой кошелку с продуктами, как будто идем на пикник. Достали кошелку, купили хлеба, колбасы, пару бутылок пива и пошли по полотну железной дороги. Дошли до дачи начальника участка, свернули налево, углубились в лес. Рабочий железнодорожных мастерских подошел к нам, спросил пароль. Сидоров ответил, и мы двинулись дальше. Среди кустарников мы увидели сидящего в кругу железнодорожников плечистого, рослого Сашу Карпова. Он вел беседу. Увидев нас, он поднялся и провел меня и Сидорова в круг рабочих. Карпов продолжил прерванную беседу. Он говорил о необходимости свержения царского самодержавия, о том, что рабочие должны сплотиться в борьбе с эксплуататорами, о Ленине. В это время рабочий патруль предупредил, что идут жандармы. Тотчас же беседа прекратилась, и начался веселый пикник. Опорожнили корзины: появилось вино, пиво, закуска. Гармонист затянул «Разлуку», затренькала балалайка, затянули песню «Бродяга», а некоторые вполголоса запели «По пыльной дороге телега несется...».

Подъехавший жандарм, выпучив глаза, прокричал: «Разойдись!» Но мы продолжали петь, жандарм исчез, а вместо него появилось трое всадников. Размахивая плетями они врезались в круг рабочих. Так мы «отпраздновали 1 мая 1902 г».

В 1903 г. железнодорожные рабочие организовали маевку на территории железнодорожных мастерских в товарном вагоне.

15 августа 1903 г. рабочая сходка проходила на берегу Иртыша, около железнодорожного моста[55].

В мае 1903 г. Омский комитет РСДРП провел рабочую сходку на левом берегу Иртыша.

Железнодорожный мост через Иртыш. Омск. 1896 г. До настоящего времени сохранилось несколько пролетов старого моста, ныне не используемых

В 1904 г. маевка была организована в районе Чертова озера, расположенного у южной окраины города, в 6 километрах от станции Омск. (Накануне, 29–30 апреля, по городу были разбросаны прокламации). На маевку шли с корзинками, удочками, гармониками, как бы на прогулку, на берег Иртыша. Встречал патруль из рабочих, который указывал, куда идти дальше. Был поднят красный флаг. Выступил оратор. Затем участники маевки спели несколько революционных песен. В этой маевке принимал участие В.В. Куйбышев.

В 1905 г. в Загородной роще на маевку собралось около 100 железнодорожников. Был поднят красный флаг. Зазвучали революционные речи. В самый разгар митинга

в рощу ворвалась казачья сотня и нагайками разогнала участников маевки. Многие из присутствующих были арестованы.

Первомайский митинг омских рабочих в 1907 г. проводился за Казачьим кладбищем[56]. На небольшой, окруженной кустарником, полянке собрались рабочие и учащаяся молодежь.

Были выставлены дозорные. «В речах ораторов кипела ненависть к самодержавию и капиталистическому строю»,– вспоминает один из участников этого митинга.

В тех же местах, где проводились маевки и сходки в летнее время проходили и кружковые занятия, на которых изучалась марксистская литература, читалась «Искра». В зимнее время участники кружков собирались на квартирах рабочих и учащихся.

Так в дореволюционное время, несмотря на репрессии со стороны полиции и жандармов, рабочие Омска отмечали международный праздник трудящихся – Первое мая.

Теперь неузнаваемо изменился облик тех мест, где проводились маевки и митинги. Там, где были глухие пустыри, выросли многоэтажные дома, спланированы новые улицы, разбиты парки и скверы. Но воспоминания об этих первых маевках и сходках – предвестниках великой революционной бури – свято хранит память народная.

Впервые трудящиеся Омска отмечали Первое мая свободно в 1918 г.

Коллективы предприятий правобережных районов Омска с красными знаменами и пением революционных песен направились сначала на площадь (где ныне трамвайный парк № 2), где встретились с железнодорожниками, а затем все вместе прошли по ул. Республики, перешли железный мост и направились к площади, что перед Первым Домом Советов.

Газета «Известия» Омского Совета отмечала, что ни в одном крупном сибирском городе празднование 1 Мая не носило такого интернационального характера, как в Омске.

Вместе с рабочими омских предприятий в демонстрации приняли участие беженцы из западных губерний страны и представители иностранного пролетариата – военнопленные солдаты. Более двадцати тысяч бывших солдат из числа венгров, австрийцев, немцев и других национальностей на этой демонстрации прошли под красными знаменами по улицам Омска. Во главе колонны интернационалистов – боевых соратников трудящихся революционной России – шел замечательный венгерский коммунист Карой Лигети.

«Вся лавина манифестирующих, – писали «Известия», – говорила более чем на 100 языках: русском, турецком, курдском, армянском, польском, немецком, венгерском, румынском, итальянском и других». Но несмотря на это, все демонстранты пели гимн – «Интернационал».

«Да здравствует Советская власть!», «Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!», «Мир хижинам – война дворцам!», «Да здравствует всемирная революция!» – с такими лозунгами проходили колонны демонстрантов.

На площади была сооружена трибуна: увешанный пулеметными лентами броневик, а на нем в солдатских шинелях – председатель Совета товарищ Косарев, товарищи Лобков, Звездов, Хотеенков, а также Яковлев, который проездом из Иркутска остановился на праздник в Омске. Товарищ Яковлев произнес пламенную речь на митинге. Он призывал трудящихся к сплоченности и борьбе за власть Советов.

Первомайскую демонстрацию в 1918 г. куломзинские (кировские) рабочие проводили отдельно от общегородской (препятствием служил вскрывшийся Иртыш). Демонстрация проходила под лозунгом борьбы за власть Советов и закончилась многолюдным митингом на площади, которая в настоящее время носит название площади Восстания. На митинге с речами выступали Севостьянов, Суровцев, Ильин, Маликов и др. Выступавшие призывали крепить ряды Красной гвардии и стойко бороться за завоевания Октября. («В огне революции и гражданской войны», стр. 89).

ЛЮБИНСКИЙ ПРОСПЕКТ И УЛИЦА ПОЧТОВАЯ

На правом берегу Оми, между нынешними улицами имени Ленина и Партизанской, в 1851 г. была произведена посадка деревьев, проложены и усыпаны песком дорожки,

установлены скамейки. На территории старого Подгорного форштадта возникла Любина роща (названа «Любиной» по имени умершей жены генерал-губернатора Госфорда). Любина роща и расположенная в соседстве с ней на берегу Оми, между ул. Партизанской и рекой, роща Марьина являлись местом отдыха и гуляния омичей.

От бывшего деревянного Ильинского моста (на месте нынешнего моста через Омь против улицы Ленина) по Любиной роще к взгорью (где теперь лестница у Главунивермага[57]) шла к городскому базару (площадь имени Дзержинского) дорога. Вдоль ее восточной стороны еще в 80-х годах XIX столетия был построен ряд каменных домов с магазинами в нижних этажах. Возник так называемый Чернавинский проспект[58] (назван так по имени городского головы Чернавина[59]). Впрочем, в обиходе проспект чаще назывался Любинским (по Любиной роще).

В 1898 г. на Чернавинском проспекте была проложена первая мостовая в Омске. За отсутствием камня она была сделана из кирпича железняка и гальки. Кирпичом выкладывались квадратные ячейки, которые затем заполнялись галькой.

С проведением через Омск железной дороги резко повысился темп экономического развития города. Сюда устремились взоры московских и иностранных предпринимателей.

«В 1903 году в Омск спешно приехал представитель группы московских фабрикантов мануфактуры и добился согласия городских руководителей уступить ему место по западной стороне Чернавинского проспекта (ныне улица имени В.И. Ленина). В мае 1903 г. состоялось отмежевание значительного участка рощи, а к концу года здесь выросли кирпичные стены длинного торгового корпуса – Московских рядов[60] (архитектор О.В. Деми[61]). В ближайшие годы была застроена вся западная сторона проспекта. 25 июля 1905 года состоялось последнее гулянье в оставшемся клочке Любиной рощи». (В.И. Кочедамов. Омск. Как рос и строился город. 1960, стр. 43).

Там, где проходили аллеи рощи – выросли двух- и трехэтажные каменные здания с толстыми стенами, с большими зеркальными стеклами и железными шторами в оконных проемах.

В новых помещениях обосновались торговые предприятия московских купцов Саввы Морозова, компании Овсянникова и братьев Ганшиных[62] и других. Выросли конторы и склады европейского пошиба. На золоченых вывесках рядом с русскими текстами появились и тексты иностранные.

На первом из дошедших до нас изображений города, исполненном в 1854 г. Померанцевым, на Любинском проспекте под нависшими ветвями деревьев – покачнувшийся в сторону фонарный столб. Две одноконные подводы тянут на левобережную сторону Оми хворост. Посередине дороги – две дамы и два военных всадника. Таково было «оживление» сто лет тому назад на главной улице Омска.

В хронологии событий Любинского проспекта особенно памятен день – 19 октября 1905 г.

К исходу шестого часа в этот день на проспекте стали скапливаться люди. Вслух и вполголоса на все лады обсуждались «дарованные царем свободы» (манифест 17 октября). Настроение у всех было возбужденное. Появились казацкие патрули. Люди, стоявшие на тротуарах, в адрес казаков высказывали негодование. Поначалу казаки сдерживали себя. Количество манифестантов быстро росло. Это были рабочие, служащие, учащиеся учительской семинарии, гимназий, технического училища. Заалели флаги.

С Любинского проспекта по железному мосту манифестанты двинулись к генерал-губернаторскому дворцу (теперь краеведческий музей), а оттуда на Почтовую площадь[63] (ныне здесь здание Управления Иртышского пароходства).

Манифестанты выделили делегацию, которая потребовала от начальника почтовой конторы освободить служащих от работы для участия в манифестации. Начальник отклонил требование. Поднялся негодующий крик. Манифестанты двинулись к дверям почтовой конторы[64] (теперь клуб им. Подбельского). Послышался звон разбитого стекла. В тот момент, когда манифестанты вышли на Почтовую улицу, они были встречены отрядом вооруженных казаков, которые с нагайками и шашками набросились на толпу.

Почтовая площадь. Справа здание почтово-телеграфной конторы. Омск. Начало XX в. Здание до настоящего времени не сохранилось

Несмотря на полицейский террор, эта манифестация стала прелюдией к ряду последующих революционных выступлений в Омске.

Слух о расправе казаков с демонстрантами на Почтовой улице быстро распространился по городу. Дошла эта весть и до железнодорожников, которые в это время были на митинге в Главных мастерских. Тут же принято было решение отправиться на демонстрацию. Железнодорожники двинулись в город. Улицы Атаманского хутора, Московская (в настоящее время проспект Маркса) заалели красными флагами и знаменами с лозунгами «Долой самодержавие». Раздавались мелодии революционных песен: «Отречемся от старого мира», «Вихри враждебные веют над нами», «По пыльной дороге телега несется» и др.

По пути следования в колонны железнодорожников влились рабочие мельзавода Ковалева, пивоваренного завода Мариупольского и др.

Железнодорожники на Дворцовой улице (ныне им. В.И. Ленина) слились с участниками городской демонстрации. В шествии участвовало около пяти тысяч человек. Это была первая массовая политическая демонстрация в Омске.

С 1924 г. центральная улица города – бывший Любинский проспект носит имя вождя революции В.И. Ленина.

КАЗАЧИЙ САД

В бывшем Казачьем саду (теперь Центральный городской сад[65]) в октябре 1905 г. проходили митинги, привлекавшие широкие массы горожан.

Вот как описывает один из этих митингов газета «Степной край» от 25 октября 1905 г.:

«Стояло прекрасное холодное утро, когда горожане стали стекаться на митинг. Полиция отсутствовала, было много солдат без ружей. Как потом выяснилось, ружья были сложены во дворе кадетского корпуса.

Митинг начался в 10 с половиной часов. Собралось несколько тысяч публики самого разнообразного состава. Первыми явились на митинг железнодорожные рабочие. Они пришли с красными знаменами и пением «Марсельезы». Масса публики столпилась у Никольской церкви. Куча дров в углу ограды была трибуной. От имени рабочих выступил молодой рабочий. Он нападал на умеренные партии, призывая граждан не верить либералам и настаивал на невозможности сближения с ними».

Отчет об этом митинге заканчивался словами: «Пройдет лет 10 – 20 и, кто знает, может быть на площади, где впервые состоялся народный митинг, будет красоваться памятник о нем».

Митинги здесь зимой 1905 г. проходили очень часто. Их посещало большое число трудящихся.

ПОДПОЛЬНЫЕ ТИПОГРАФИИ

Вблизи Иртыша, на улице 8 марта[66] (бывшая Станичная) стоял деревянный одноэтажный дом № 31, с тесовой четырехскатной кровлей и небольшим крылечком.

В этом доме в 1905 г. была конспиративная квартира Омской организации РСДРП. Тут же помещалась и подпольная партийная типография, созданная в декабре 1905 г.

Рабочие Главных железнодорожных мастерских изготовили для подпольной типографии специальную раму и вал, рассчитанные на полулистовой формат прокламации. Затем был раздобыт шрифт, и типография начала работать, печатая в день по 2 – 3 тысячи листовок, распространявшихся среди населения.

В настоящее время на месте, где находилась типография, высится большой кирпичный пятиэтажный дом (угловой у Иртыша). На стене дома по улице Масленникова установлена доска с надписью:

На этом месте
в частном доме в 1905 году
размещалась конспиративная
квартира Омской подпольной
организации РСДРП
и подпольная типография.

Другая подпольная типография Омской организации РСДРП, деятельность которой относится к 1906 – 1907 гг., находилась на бывш. Артиллерийской улице (теперь проспект Маркса), в доме № 56. В типографии печатались прокламации и листовки.

На месте типографии теперь возведен каменный пятиэтажный дом № 12. На стене дома по проспекту Маркса – мемориальная доска, на ней надпись:

На этом месте
в 1906 – 1907 гг.
размещалась типография
Омского подпольного комитета
РСДРП.

8-я Ленинская улица, дом № 21[67]. В годы первой революции в этом доме на гектографе печатались революционные листовки. Гектограф был изготовлен учеником железнодорожного технического училища А.А. Карловым и рабочим железнодорожных мастерских Батовым.

Улица Серова, дом № 125. Дом принадлежал машинисту Калмыкову. В ночь на 9 марта 1907 г. у крыльца дома был убит жандармами проживавший здесь рабочий паровой мельницы Ковалева Иван Парфенович Старков. В январе он был арестован за активное участие в избрании выборщика при выборах в думу от социал-демократов и распространение листовок. В связи с убийством Старкова Омский комитет РСДРП выпустил специальную листовку «Памяти товарища Старкова».

Улица Свердлова, дом № 20. В доме жил большевик Трофим Моисеевич Разбежкин. В досоветское время и в период белогвардейщины в доме находилась конспиративная квартира и хранилось оружие.

В Куйбышевском поселке (бывший Порт-Артур) по улице Свердлова, дом № 11, в годы первой империалистической войны была сапожная мастерская, в которой работали пленные австрийцы. Здесь же находилась большевистская конспиративная квартира и убежище для скрывавшихся от жандармов и полиции революционеров.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ ИРТЫШ

Одним из достопримечательных сооружений дореволюционного Омска был железнодорожный мост через Иртыш. Построен он по проекту выдающегося русского инженера-строителя Николая Аполлоновича Белелюбского (1845 – 1922).

Заслуга Н.А. Белелюбского заключается в том, что он явился создателем русской системы железнодорожного мостостроения и первый в мире применил для постройки мостов не сварочное (обычно немецкое), а литое русское железо.

Начиная с 1870 г., в России не было построено ни одного моста, в проектировании или экспертизе которого не принимал бы участия Н.А. Белелюбский. В Сибири с его участием были построены мосты через Тобол, Ишим, Обь, Селенгу и другие реки.

Сооружение моста было закончено в марте 1896 г.

Первый поезд из Омска в Челябинск прошел через Иртышский мост 19 марта 1896 г.

Спустя 23 года, во время бегства колчаковцев из Омска, в ноябре 1919 г. мост через Иртыш был взорван.

Взрыв повредил один пролет с восточной стороны, соприкасающийся с насыпью. Взорванная ферма весом 75 000 пудов восточным концом упиралась в реку. Западный конец силой взрыва тоже был сдвинут, но удержался подушкой на опоре.

На другой же день после освобождения Омска (15 ноября) дорожно-мостовой роте было поручено срочно проложить временный рельсовый путь через Иртыш по льду. Несмотря на сильные морозы и бураны, все работы по прокладке временного пути красноармейцы закончили в течение 7 дней, а через 5 месяцев – 15 апреля 1920 г. железнодорожный мост, под руководством инженера И.Д. Гордиенко, был полностью восстановлен[68].

С железнодорожным мостом через Иртыш у омских большевиков связано такое воспоминание.

20 декабря 1905 г. «высочайше повелено» направить командира XII армейского корпуса Меллер-Закомельского[69] в Москву и далее на Самаро-Златоустовскую и Сибирскую железные дороги для восстановления на них «законного порядка».

Железнодорожные рабочие, узнав о движении Меллер-Закомельского, сделали попытку взорвать его поезд. Под насыпь около моста через Иртыш, там где поезд, сойдя с моста, развивает при подходе к станции Омск большую скорость, был заложен фугас.

Насыпь здесь высокая, и взрыв должен был сбросить весь поезд под откос.

Фугас в виде четвертной бутылки был заполнен сильным взрывчатым веществом. Провода от него проведены были в овраг, со стороны поселка Порт-Артур, невдалеке от одного из крайних домишек.

К сожалению, взрыв не удался – прозевала связь, и поезд проскочил на станцию неожиданно.

Фугас пролежал под насыпью более года и лишь весной 1907 г. железнодорожные рабочие, исправляя путь, наткнулись на него.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Здание драматического театра в Омске было построено по образцу столичных театров. Закладка его состоялась 8 июля 1901 г. Постройка продолжалась более четырех лет[70]. Руководил строительством инженер Хворинов[71]. Летом 1905 г. театр был построен. 24 сентября 1905 г. состоялось открытие театра. На сцене был поставлен «Ревизор».

В бурный 1905 г. Омский театр являлся не только зрелищным предприятием, но и очагом революционной агитации.

20 октября 1905 г. в театре состоялось многолюдное собрание горожан. В Петербург был послан протест по поводу избиения 19 октября на Почтовой улице[72] манифестантов.

15 января 1906 г. в театре среди присутствующих была распространена в большом количестве прокламация «Ко всем», выпущенная Омским комитетом РСДРП. Распространялись в театре прокламации также 15 мая 1906 г.

Здесь был обнаружен текст листовки, составленной В.И. Лениным,– «Три конституции или три порядка государственного устройства».

14 марта 1907 г. начальником жандармского управления предписывалось полицмейстеру: «В городском театре в момент опускания занавеса с верхнего яруса разбрасываются в громадном количестве прокламации Омского комитета РСДРП. Необходимо

срочно обнаружить виновных и принять самые решительные, самые активные меры для устранения беспорядков в театре».

Неоднократно бывали случаи пения революционных песен на галерке театра. Театр «будил умы» своими постановками. В особенности большое впечатление оставляла у зрителей пьеса А.М. Горького «На дне».

Вечером 4 марта 1917 г. в театре, при большом скоплении городского населения, происходило первое заседание объединенного Совета рабочих и военных депутатов.

...Здание театра напоминает и о мрачных днях колчаковщины.

23 августа 1919 г., по ордеру коменданта города, театр был занят под постой колчаковской бригады. Стены храма искусства огласились дикими песнями, ругательствами. Но это была предсмертная агония белогвардейцев. Через два с половиной месяца город был освобожден.

Здание Омского городского театра. Начало 1920-х гг. Ныне Омский государственный академический театр драмы

В 1920 г., 22 ноября в 6 часов вечера, в помещении театра состоялось торжественное заседание пленума Омского городского Совета, на котором присутствовал прибывший в Омск с агитпоездом «Октябрьская революция» председатель Центрального Исполнительного Комитета Михаил Иванович Калинин.

На сцене Омского театра выступали известные артисты: В.Ф. Комиссаржевская – в 1909 г., К. Варламов и П. Орленев – в 1910 г.; в 20-е годы – оперные артисты Кочергин[73] (бас) и Боначич[74] (лирический тенор). Писатель Г.Ф. Дружинин вспоминает, что когда Боначич исполнял роль Германа в «Пиковой даме», то подлинные слезы лились у него из глаз. В годы Великой Отечественной войны на сцене театра играли артисты театра им. Е.Б. Вахтангова: Р.Н. Симонов, А.А. Абрикосов, Ц.Л. Мансурова и др. Театр им. Вахтангова приехал в Омск в октябре 1941 г. Большой известностью пользовался, выросший на сцене Омского театра, народный артист РСФСР Петр Сергеевич Некрасов[75].

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА

1 (14) марта 1917 г. в Омске были получены первые телеграфные сообщения о низвержении самодержавия.

На следующий день в городе был создан Совет рабочих депутатов. Первое заседание Совета проходило 3 марта 1917 г. в доме № 27 по ул. Лермонтова[76], в помещении Омского отделения Московского сельскохозяйственного общества, где работал руководитель омских большевиков З.И. Лобков.

В двенадцатом часу ночи Совет рабочих депутатов вынес решение: арестовать представителей старой преступной власти и заменить ее представителями первой демократической власти.

На фасаде дома установлена мемориальная доска с надписью:

В этом доме
3 марта 1917 года проходило
первое заседание Омского
Совета рабочих депутатов.

БЫВШАЯ ГОСТИНИЦА «ЕВРОПА»

На ул. Ленина – большой трехэтажный старой кирпичной кладки дом № 22. В доме в дореволюционное время помещалась первоклассная гостиница «Европа»[77]. Но не комфортабельные комнаты гостиницы, не ее зеркала и дорогие ковры сохранились в памяти о доме. Дом – свидетель славных подвигов борцов революции.

В 1917 г. в подвальном помещении здания, с выходящими во двор окнами, разместился Омский городской комитет партии большевиков, здесь наверху жил и один из руководителей омских большевиков Залман Лобков.

Почти круглые сутки не прекращалась работа в комитете. Тут проводились совещания, выпускались листовки, газеты. Члены комитета сами писали статьи, сами выпускали газеты, подписывали на них адреса для отправки, созывали рабочих, разъясняли им политику большевистской партии, давали задания. Члены горкома Петр Хотеенков и Стива Доронина даже переселились сюда. Днем они работали, писали за столами, а ночью спали на тех же столах, на голых досках, накрываясь своими пальто. Часто у членов комитета не было денег, чтобы пойти в столовую пообедать.

«Всякий член партии, – пишет современница, – когда бы он ни зашел в комитет, всегда мог видеть ее (Стиву Доронину. – **А.П.**) – худенькую, скромно одетую в ученический передник, то склоненную над кипами книг и газет, то пишущую что-либо, то беседующую с товарищами из провинции, то сидящую в укромном уголке на собрании или конференции. Тяжелая бессменная работа скверно отразилась на ее здоровье. Однажды я застала ее плачущую над алым платком в крови, лившейся из горла. Это – как я вырвала у нее признание – было с ней уже не первый раз, но она никому об этом не говорила. Несмотря на свой испуг (она была почти уверена в трагическом исходе своей болезни), она и не подумала лечиться и все также, не щадя своего будущего ребенка, продолжала работать в партийном комитете ежедневно, без праздников, с девяти утра до часу ночи». (Памятник борцам пролетарской революции (1917 – 1921 гг.). Издание 3-е, 1925 г.).

В городской комитет шли рабочие, солдаты, крестьяне-бедняки, батраки из пригородных сел. Тут горячо обсуждались важнейшие вопросы текущего политического момента, выносились решения.

По инициативе членов горкома в Омске были созданы первые красногвардейские отряды.

Горком партии стал во главе отрядов, ликвидировавших контрреволюционное юнкерское восстание в Омске и ряд других контрреволюционных выступлений и заговоров.

Когда в Омск пришло известие о контрреволюционном выступлении чехословацкого корпуса, городская партийная организация превратилась в боевой штаб. Под руководством членов горкома в городе проводились многолюдные митинги, собрания рабочих; коммунисты призывали трудящихся организовать вооруженный отпор врагам революции, грудью стать на защиту советской власти.

Доронина Степанида Петровна. Родилась в с. Демьянском Тобольской губернии. Родители ее крестьяне среднего достатка. Стива (так обычно называли Степаниду Петровну) окончила учительскую семинарию, два года учительствовала.

На Степаниду Петровну очень большое влияние имели ссыльные, которые находились в Демьянском. Они разбудили в ней жажду знаний, желание трудиться для своего народа. Она оставляет родные места и уезжает в Москву, где встретила радушный прием со стороны товарищей, сблизилась с революционерами. Осенью 1916 г. Доронина начала учиться в университете Шанявского.

Доронина выполняла партийные поручения, часто весьма опасные. Вскоре она была арестована и получила предписание выехать в Саратов. Однако в Саратов не поехала, а поселилась вместе с мужем Петром Хотеенковым в Богородском.

Летом 1917 г. Стива и Хотеенков поехали в Демьянское, а вскоре переехали в Омск, где оба включились в партийную работу. В середине мая 1918 г. Стива Доронина и Хотеенков уехали снова в Демьянское. Вскоре по приезде Хотеенков был арестован

карательным отрядом. Доронина осталась с родителями. Она тяжело переживала разгул белогвардейцев и личное горе.

После смерти дочери Стива была сильно угнетена. Ей казалось все равно – оставаться дома или скрываться. Ее беспокоила только судьба скрывавшегося отца, которого она очень любила и уважала. Отступавший от Тобольска штаб белогвардейцев арестовал Стиву как заложницу за скрывшихся. На допросе она держала себя гордо и дерзко. Ее увезли. Верстах в 150 от Демьянска С.П. Доронину закололи штыками и тут же зарыли в песок на берегу Иртыша. Весной во время половодья труп вымыло водой совершенно сохранившимся и родные опознали ее.

Хотеенков Петр (Осип). Активный подпольный работник, соратник и друг Лобкова. Родился в глухой деревне Смоленской губернии. Лишившись родителей, он с 12-ти лет ушел в уездный город, где обучился малярно-кровельному мастерству. Затем переехал в Москву, чтобы работать и учиться. Поступил в народный университет имени Шанявского и с этого времени включился в подпольную революционную работу.

Осенью 1916 г. Петр Хотеенков был арестован, посажен в тюрьму, но вскоре бежал из нее. Жил нелегально в г. Богородском Московской губернии. В февральские дни 1917 г. Хотеенков участвовал в свержении старой власти. Рабочие любили и ценили Хотеенкова и всюду посылали его своим представителем.

В конце июня 1917 г. он приехал в Сибирь – на родину жены. Здесь в августе его мобилизовали в солдаты и направили в Омск, где он и его жена нашли приют у руководителя омских большевиков З.И. Лобкова. Хотеенков и Стива Доронина от непомерной работы заболели и уехали на родину Дорониной в с. Демьянское. Там, в связи с совершившимся переворотом, Хотеенков был арестован и отправлен в Тобольск, а затем в Омск. В концентрационном лагере в Омске Хотеенков пробыл недолго, совершил удачный побег. Около года ему удалось проработать в подполье на Южном Урале и в Западной Сибири. В мае 1919 г. Петр Хотеенков был схвачен белогвардейцами и расстрелян в г. Златоусте.

Доронин Федор Петрович. В Омске чтят память мужественного борца за власть Советов Федора Петровича Доронина (брат Стивы Дорониной). О Доронине в Омске напоминают каменные стены здания бывшей мужской фельдшерской школы (на углу улиц Ленина и Тарской)[78], где Федор Петрович учился и которую в 1908 г. окончил.

Ф.П. Доронин родился в 1888 г. в Демьянском, Тобольской губернии. По окончании фельдшерской школы, он короткое время работал фельдшером. За связь с ссыльными был уволен. В 1914 г. Федор Петрович был взят на военную службу и отправлен на фронт. Но и в солдатской шинели фельдшер Доронин продолжал разъяснять солдатам о происходящих в России событиях. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Ф.П. Доронин вернулся в родное Демьянское. Там он вместе с другими демобилизованными провел в конце января 1918 г. съезд трудового крестьянства северной части Тобольского уезда. В конце мая 1918 г. Тобольск, а затем и весь север были захвачены белогвардейскими отрядами.

28 августа 1918 г. в Демьянском был арестован Ф.П. Доронин. До лета 1919 г. он томился в Тобольской каторжной тюрьме, а 10 июля был отправлен в Иркутск, в Александровский централ, оттуда его перевели в тюрьму Троицкосавска. Здесь 31 декабря 1919 г. Ф.П. Доронин был зарублен казаками, ворвавшимися в тюрьму для поголовного истребления всех заключенных. («Тобольская правда», 21 августа 1957 г.).

КОММЕРЧЕСКИЙ КЛУБ

На ул. Лермонтова[79], против проходящего по набережной реки Оми бульвара им. Врубеля, стоит двухэтажный каменный дом[80]. Строгий карниз, идущие в ряд во втором этаже оконные проемы с полуциркульным верхом, рустованный нижний этаж приятно выделяют его от рядом стоящего большого Дома художника. В старое время дом занимал Коммерческий клуб, клуб торгового и промышленного Омска.

Шире распахнулись двери клуба в революцию, и называть его стали клубом им. Халтурина. В настоящее время в доме областная детская библиотека им. Н.К. Крупской и кинотеатр «Пионер».

Здание клуба им. С. Халтурина (бывш. Коммерческий клуб). Омск. Начало 1920-х гг. В настоящее время здание на реконструкции

В октябре 1917 г. в клуб Халтурина перешли Западно-Сибирское оргбюро партии и городской партийный комитет. Здесь же помещался партийный комитет военнопленных. На установленной на доме мемориальной доске надпись:

В этом доме в 1918 году находился Комитет Омской большевистской партийной организации военнопленных, возглавляемый венгерским коммунистом КАРОЕМ ЛИГЕТИ (1890–1919).

Партийные органы здесь находились до занятия Омска белочехами – 7 июня 1918 г.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ

Красногвардейские отряды были созданы в Омске по инициативе и при непосредственном участии большевиков.

Еще в апреле 1917 г. Омская партийная организация призвала рабочих к вооружению для неизбежных боев с врагами революции. Этот призыв нашел горячий отклик среди трудящихся, особенно железнодорожников. К началу 1918 г. в Омске было около 3000 красногвардейцев.

Занятия красногвардейцев проходили под руководством выбранных командиров непосредственно на предприятиях. Винтовки хранились у каждого красногвардейца на дому.

После победы Октября партийные организации развернули широкую работу по вовлечению в ряды Красной гвардии рабочих всех предприятий. Был образован единый городской штаб Красной гвардии. (Существующий до этого штаб Красной гвардии станции Омск был пополнен представителями городских районов). Первым начальником Красной гвардии был тов. Григорьев (убит под Марьяновкой), а потом Аврамий Федорович Демьянов, секретарем штаба – Анатолий Павлович Страхов. Помещался штаб в Железнодорожном собрании, а в 1918 г. – в доме № 32 (6) по нынешней улице Лобкова[81].

Деятельность Красной гвардии была перенесена в районы города, где были образованы ротные штабы и сборные пункты.

Основные кадры бойцов Красной гвардии составляли рабочие – железнодорожники, металлисты, строители, грузчики. Были среди омских красногвардейцев и крестьяне – батраки и бедняки – из числа солдат, вернувшихся с фронта. В железнодорожном районе было создано три роты Красной гвардии из железнодорожников, рабочих мельницы, завода «Механлит» и др. Командиром первой роты был Семен Баринов; командиром второй роты – Григорий Маслаков; командиром третьей роты – Сосков. Красногвардейский штаб находился в железнодорожном клубе.

Одна красногвардейская рота (четвертая) была организована в Куломзино (Кировске) из железнодорожников, рабочих мельниц, завода Леппа и грузчиков. Командиром роты

был Маликов, его помощником Нестерович (убит в бою под Марьяновкой). Занятия проходили вечерами на теперешней площади Восстания. Штаб роты находился в доме № 86 по ул. Володарского[82].

В здании теперешнего детского сада № 25 (угол улиц им. Масленникова и Декабристов, д. № 132[83]) весной 1918 г. помещался штаб седьмой роты Красной гвардии.

В двухэтажном деревянном доме, на углу улиц Лермонтова и Учебной[84], против второй поликлиники, помещался штаб восьмой роты Красной гвардии.

ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Одним из больших сооружений капиталистического Омска является институт инженеров железнодорожного транспорта (бывшее здание управления Омской железной дороги)[85]. Постройка его была начата 6 июня 1914 г. Здание пятиэтажное с двумя выступами по краям и красиво декорированной центральной частью: над входной аркой возвышается трехэтажная колоннада, над колоннадой глухой парапет со скульптурным изображением четырех женских фигур в рост, символизирующих различные службы железной дороги «Путь», «Тяга», «Движение», «Администрация». С большим мастерством и художественным чутьем произведено скульптурное оформление конференц-зала внутри помещения.

В строительстве здания, кроме русских рабочих, принимали участие также и военнопленные солдаты австро-венгерской армии. Скульптурные, лепные работы производили военнопленные чехи. Во главе этой группы стояли скульпторы Владимир Винклер[86] и Владислав Преносил из Железни Брод. У фасада и боковых сторон здания – насаждения из тополей, кленов, желтой акации. Против центрального входа – памятник В.И. Ленину.

Здание Управления Омской железной дороги. Омск. 1926 г. Ныне Омский государственный университет путей сообщения

Здание это пробуждает воспоминания об исторических днях Октября 1917 г. Весть об Октябрьской революции в Петрограде в Омск пришла 26 октября (8 ноября) 1917 г.

Воззвание Петроградского Революционного Комитета, подписанное В.И. Лениным, обсуждалось на омских предприятиях и в воинских частях. Рабочие Омска горячо приветствовали пролетарскую революцию и требовали передать всю власть Советам.

Собрание рабочих на постройке управления Омской железной дороги, в числе 285 человек, приняло резолюцию:

«1. Присоединяясь к рабочим г. Петрограда, мы, мастеровые и рабочие вышеназванной постройки, требуем, чтобы были приняты экстренные меры для отправки хлеба из Сибири вне очереди в Петроград, дабы поддержать товарищей в тяжелой борьбе за создание власти революционной рабочей и крестьянской демократии, для чего можно остановить временно пассажирское движение.

2. Немедленно передать всю власть в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

3. Немедленно же вооружить рабочих г. Омска, дабы по требованию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов немедленно они могли выйти на улицу с оружием в руках на защиту интересов революции.

4. Немедленно же передать охрану предприятий, фабрик и заводов, а также всего города в руки самих рабочих.

5. Требуем немедленного проведения в жизнь контроля над производством и распределением.

6. Немедленно ввести в жизнь всеобщую трудовую повинность.

7. Требуем немедленного заключения мира на основе самоопределения народов.

8. Немедленного возвращения русских войск из Франции.

9. Немедленной передачи всех земель до учредительного собрания в распоряжение крестьянских земельных комитетов». («Омск в дни Октября и установления Советской власти. 1917–1919 гг.». Омск, 1947 г., стр. 42–43).

На фасадной стороне этого здания, при входе в него, установлена мемориальная доска с надписью:

В период
с 10 января по 4 марта1922 года
в городе Омске был
ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ
ДЗЕРЖИНСКИЙ
в качестве уполномоченного СТО.

Центральный Комитет РКП(б) предложил Совету Труда и Обороны (СТО) послать т. Дзержинского в качестве уполномоченного СТО по урегулированию всех вопросов, связанных с вывозом хлеба в Центральную Россию, в части работы продовольственных, топливных и железнодорожных органов. Ф.Э. Дзержинский возглавил комплексную комиссию ЦК РКП(б) и правительства, которая провела большую работу в Сибири по наведению порядка на железнодорожном транспорте, по отгрузке продовольствия, по мобилизации трудящихся на борьбу с разрухой и голодом.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СОБРАНИЕ

Кипучая революционная деятельность в 1917 – 1918 гг. проходила в Железнодорожном собрании[87]. Здесь часто выступал любимец омских рабочих, талантливый оратор Залман Лобков.

Железнодорожное собрание было цитаделью омских большевиков. Здесь формировались первые красногвардейские отряды, здесь же хранилось оружие.

Во втором этаже здания с марта 1917 г. по июнь 1918 г. помещался железнодорожный райком РСДРП(б). Занимал райком две комнаты второго этажа (налево от лестницы).

11 июня 1917 г. здесь проходило городское партийное собрание, которое обсуждало вопрос об отношении к войне. Большинство высказалось против поддержки политики Временного правительства и продолжения войны.

12 октября на общем партийном собрании в этом клубе Лобков, Косарев и другие в своих выступлениях разъяснили линию В.И. Ленина в проведении революции, в захвате власти Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Подавляющее большинство голосовало за проведение ленинской линии. Меньшевики покинули это собрание и объявили о своем уходе из партии.

С этого времени Омская большевистская организация окончательно размежевалась с меньшевиками. Был избран новый большевистский комитет во главе с председателем Залманом Лобковым.

Вечером 25 мая 1918 г. в Омске стало известно о сражении омских рабочих-красногвардейцев под Марьяновкой с белочехами. В связи с этим в 3 – 4 часа утра 26 мая в железнодорожном клубе собрался партийный актив. Здесь были тт. Косарев, Карлов[88], Звездов[89], Лобков, Блусевич[90], Молотовников, Удалов, Петрухо и др. Прибыли сюда

и только что приехавшие с воинским составом по Тюменской линии Окулов[91], Эйдеман[92] и Нейбут. На совещании был избран орган для руководства боевыми действиями – Западно-Сибирский военно-оперативный штаб. Председателем штаба был избран Окулов, членами Косарев, Нейбут, Эйдеман (командующий) и Карлов (секретарь). Штаб разместился на втором этаже железнодорожного клуба.

Штаб назначил командующим на Марьяновском фронте А.А. Звездова; на Новониколаевский был направлен Черепанов (поручик бывшей царской армии, беспартийный).

Новому клубу железнодорожников, построенному в конце 20-х годов рядом со старым клубом, присвоено имя Лобкова[93]. Здесь при входе на стене установлена большая мемориальная мраморная доска с барельефным изображением З.И. Лобкова и надписью:

З.И. ЛОБКОВ.
1898–1919 гг.
председатель первого
Омского городского комитета
партии большевиков.

Имя Лобкова носит также проходящая здесь улица.

В феврале 1960 г. установлена мемориальная доска на бывшем штабе Красной гвардии (бывшее железнодорожное собрание, ныне клуб имени Красной гвардии).

На доске надпись:

В этом здании в 1917 году
помещался железнодорожный райком РСДРП(б)
и штаб Красной гвардии.

Здание клуба Красной Гвардии (бывш. здание Железнодорожного собрания). Омск. 1950-е гг. Ныне Городской Дворец культуры имени Красной Гвардии

В 1918 г. штаб Красной гвардии из железнодорожного собрания перешел в здание напротив в деревянный двухэтажный дом по улице им. Лобкова. Дом сохранился до настоящего времени, значится под № 32 (6).

БОРЬБА С БЕЛОЧЕХАМИ

В мае 1918 г. вспыхнул спровоцированный интервентами мятеж чехословацкого корпуса.

24 мая в Омске получена была телеграмма Я.М. Свердлова. В ней предлагалось принять срочные меры по разоружению чехословаков, не пропускать их вооруженными далее

на Восток. «Со сдающими оружие, – говорилось в телеграмме, – обходитесь по-братски, с несдающими – как с врагами народа».

25 мая со стороны Марьяновки на ст. Куломзино (ныне Карбышево) прибыл эшелон с вооруженными чехословаками. (На ст. Исиль-Куль на паровоз поезда, для наблюдения за паровозной бригадой, были посажены два чешских солдата).

Эшелон пытался следовать дальше на Восток. Поднялась тревога. Стали прибывать вооруженные красногвардейцы. Чувствуя слабость своих сил, чехи не решились ввязываться в бой, но, в то же время отказались сдать оружие. Посадив своего машиниста на паровоз, задним ходом они двинулись к ст. Марьяновке. Вдогонку им с целью разоружения был направлен отряд красногвардейцев в 300 – 350 человек, возглавляемый начальником Омской милиции П.С. Успенским.

В 17 часов 25 мая на ст. Марьяновке произошел бой омских рабочих с белочехами. По получении известия о сражении, с 26 мая Омск был объявлен на военном положении, и вся полнота власти перешла к Военно-революционному штабу. Образованы были комитеты по формированию красногвардейских отрядов. Товарищи Окулов и Нейбут провели собрание в лагере военнопленных мадьяров и организовали из их числа отряд в количестве 300 человек. Отряд этот был послан на восточный фронт. Железнодорожники строили бронепоезд, на подступах к городу разбирались железнодорожные пути.

После 25 мая ни та ни другая сторона не решились принять на себя инициативу боя. Чехи ждали подхода других эшелонов, Омскому Совету депутатов и комитету партии большевиков нужно было время для формирования новых отрядов красногвардейцев. Обеими сторонами была изъявлена готовность заключить перемирие.

Для переговоров о перемирии из Омска в Исиль-Куль выехала делегация в составе тт. Лобкова, Тверитина и Звездова.

4 июня кончился срок перемирия. Утром 5 июня белочехи перешли в наступление. Под натиском превосходящих сил и военной техники врага красногвардейцы отступили к Омску.

В боях под Марьяновкой пало много защитников Советской власти. Здесь погиб (был смертельно ранен) и командир красногвардейского отряда П.С. Успенский*.

Южная и юго-восточная боевые заставы на подступах к Омску. Для защиты Омска от чехословаков и наседавших на город анненковцев[94] на подступах к Омску с южной и юго-восточной сторон 29 мая 1918 г. были выдвинуты красногвардейские заставы.

Южная застава была расположена северо-восточнее озера Чередового на расстоянии в полкилометра от него. Командиром заставы был Николай Павлович Сорокин.

Позиция юго-восточной боевой заставы находилась на территории перед нынешним шинным заводом и протянулась по фронту на полкилометра. Командиром заставы был Владимир Алексеевич Земзеров.

---

* Петр Сергеевич Успенский родился в Петербурге. Там же окончил коммерческое училище и поступил в политехнический институт. Институт не пришлось окончить: началась первая мировая война. Успенский был призван в царскую армию и отправлен на фронт. Там, после свержения царя, он перешел на сторону революции. В Октябрьские дни П.С. Успенский активно участвовал в установлении Советской власти в Омске. Здесь он был избран заместителем председателя Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. 4 декабря 1917 г. был назначен начальником милиции г. Омска. 18 февраля 1918 г. Успенский с личным составом городской милиции участвовал в ликвидации «поповского» восстания, в марте во главе отряда милиционеров выезжал на подавление контрреволюционного выступления на станции Калачинской.

В увековечение памяти П.С. Успенского бывш. Каинская улица переименована в улицу Петра Успенского. А на здании профессионально-технического училища № 22 (по ул. Куйбышева, д. № 69) установлена мемориальная доска, на ней надпись:

Успенский Петр Сергеевич
(1893–1918)
член партии с 1918 г.

В 1917 – 1918 гг. – начальник Омской городской милиции. 25 мая 1918 г. командовал первым отрядом красногвардейцев в боях на ст. Марьяновка, во время боя был смертельно ранен.

И южная и юго-восточная заставы в ночь с 6 на 7 июня 1918 г. были разгромлены одним из анненковских отрядов. Сорокин и Земзеров пали под ударами сабель белогвардейцев. Все погибшие были похоронены на месте боев в четырех братских могилах.

В Ленинском районе, против общего кладбища, у аллеи из старых тополей, братская могила расстрелянных сторонников Советской власти[95]. На могиле кирпичный памятник – в виде четырехгранной пирамиды с пятиконечной звездой. Общая высота памятника 3 метра. Сооружен в 1957 г. На лицевой стороне памятника – государственный герб, под ним на металлической табличке надпись:

Борцам революции,
павшим за Советскую власть
от рук колчаковцев.

ПРОФСОЮЗЫ В 1918 – 1919 ГОДАХ

На углу улиц Гагарина и Карла Либкнехта стоит здание автомобильно-дорожного техникума[96]. Левая половина дома построена в 1963 г. Нижняя часть правой половины здания построена в досоветское время. Это бывший дом частновладельца Федорова (третий этаж над ним надстроен в 30-х годах, четвертый – в 1963 г.). Летом 1918 г. этот дом был занят Советом профсоюзов и союзами городских предприятий. В доме была устроена столовая, зал заседаний, библиотека. Но прожили профсоюзы здесь (он был арендован на три года с уплатой за квартиру за год вперед) недолго.

В конце октября 1918 г. в здание ворвался атаман Красильников[97] с отрядом своих головорезов. Размахивая шашкой, Красильников приказал в 24 часа очистить помещение. Союзы нигде не нашли защиты. Пришлось выселиться из этого дома. Большинство союзов расселилось по разным частям города, многие – в квартиры членов своих правлений, а профсовет переехал в маленький четырехкомнатный домишко № 48 по Подгорной улице[98]. Сюда же переселились союзы металлистов, печатников, кожевников, курьеров, портных и официантов.

В связи с разгромом союзов, Президиум совета профсоюзов обратился с открытым письмом «Ко всем рабочим и гражданам города Омска». Обращение оканчивалось: «Товарищи рабочие, помните, что только при вашей активной поддержке союзы могут отстоять помещение, на которое затрачены ваши кровные гроши.

Выносите резолюцию протеста и как один скажите, что вы не позволите ни открыто, ни явно задушить последнюю опору пролетариата – Профессиональные Союзы».

Но недолго просуществовали профсоюзы и на Подгорной улице.

1 января 1919 г. сюда по распоряжению департамента милиции нагрянул военный наряд во главе с полковником Руссияком и произвел обыск как в помещении профсовета, так и в помещении союзов металлистов, печатников, кожевников, курьеров, портных и официантов. Все находившиеся в доме лица были задержаны и подвергнуты личному обыску, причем у некоторых были взяты и имевшиеся личные деньги. С 12 часов дня до 6 вечера все задержанные находились под стражей, затем с них была взята подписка о невыезде из Омска, после чего их освободили. Но через 2 – 3 дня все они вновь были арестованы на своих квартирах (даже курьер-мальчик).

Наряд солдат оставался в помещении союзов в течение нескольких дней. Все имущество, все дела, переписка, канцелярские принадлежности, пишущие машинки и т.д. – были вывезены в колчаковскую охранку.

ПО МЕСТАМ КАРОЯ ЛИГЕТИ

В рядах борцов за Советскую власть находились не только рабочие и крестьяне Сибири, но также и трудящиеся других стран – венгры, немцы, чехи. Светлую память о себе оставил бывший военнопленный венгр Карой Лигети.

Карой Лигети родился 8 декабря 1890 г. в Венгрии, в городе Киш-Кереш, в семье кузнеца. С шестнадцатилетнего возраста он включился в революционную деятельность. Окончив коммерческое училище, Лигети уехал в Будапешт, где поступил на чугунолитейный завод. Вскоре был уволен с завода за руководство забастовкой рабочих. Во время первой мировой войны Карой Лигети в чине офицера попал в русский плен и был направлен сначала в г. Ковров, а затем в Иваново-Вознесенск.

Летом 1917 г. Кароя Лигети перевезли в Омский лагерь военнопленных. Лагерь находился на территории нынешней областной станции юных натуралистов. Сразу же по прибытии в лагерь Лигети включился в революционную работу, результаты которой не замедлили сказаться. В период Октябрьской революции военнопленные, находившиеся в Омске, сразу встали на сторону большевиков.

В омской газете «Революционная мысль» в 1917 г. крупным шрифтом было напечатано обращение военнопленных в Совет Народных Комиссаров в Петроград:

«...Товарищи! Приветствуем Вас от имени венгерских военнопленных рабочих и крестьян, находящихся в гор. Омске. Поздравляем Вас со славной Вашей победой.

Товарищи! Мы стали союзниками русской революции и идем теперь вместе с Вами. Да здравствует свободный русский народ! Да здравствует всемирная революция рабочих и крестьян! Да здравствует венгерская революция!»

Под обращением восемь подписей – членов венгерской секции большевистской организации иностранных пролетариев. В числе их и подпись Лигети.

На территории лагеря, при непосредственном участии Лигети, происходило формирование интернациональных отрядов, в которые вошли и венгры. Весной эти отряды приняли участие в борьбе с белоказачьими бандами Дутова и Семенова.

Во дворе дома № 15 по ул. Ленина (областной аптечный склад[99]) в типографии «Закупсбыта» печаталась первая в советской России венгерская большевистская газета «Форрадалом» («Революция»). Редактором газеты являлся Карой Лигети. Первый номер газеты вышел 17 февраля 1918 г. Газета выпускалась раз в неделю. Печаталась на мадьярском, чешском и немецком языках. Последний номер газеты вышел в первых числах июня 1918 г. Наборщиком «Форрадалом» был один из ближайших соратников Лигети по совместной революционной работе в Сибири, в прошлом наборщик Кальман Девечка. Девечка был не только наборщиком, он много и писал в газету. А в мае–июне 1918 г. Девечка защищал советский Омск, сражался с белочехами под Татарской и Барабинском. В период колчаковщины он работал в подпольной большевистской организации.

Активно участвовал Лигети также в деятельности Советов рабочих и солдатских депутатов в Доме Республики.

Когда в конце мая 1918 г. вспыхнул контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса и над Омском нависла смертельная опасность, Карой Лигети вместе со сформированным им интернациональным отрядом отправился отражать белочехов, двигавшихся из Новониколаевска на Омск. Натиск белочехов был приостановлен. Больше того, под давлением омских отрядов они вынуждены были отступить за Барабинск, к станции Каргат. Но в это время было получено известие о падении Омска. И красные эшелоны двинулись к Татарской. Не доезжая 10 километров до Татарской, они остановились на разъезде Ивановском: в Татарской были чехи. Чтобы избежать окружения, Лигети решил прорваться со своим отрядом на северо-запад с тем, чтобы выйти к Тюмени и соединиться с частями Красной Армии.

Путь лежал на Иртыш, к пристани Карташево. Предстояло пройти 140 – 160 км по малохоженым дорогам и тропам, местами через болота, при враждебном отношении кулацкой части населения, отказывавшегося под разными предлогами в предоставлении подвод. Первое селение, которое лежало по пути движения от разъезда, было село Кабанка. Отсюда отряд двинулся к переправе через Омь у Казачьего Мыса. Красногвардейцы торопились. Весь путь до Карташево был пройден за двое с лишним суток. В Карташево отряд вступил в сражение с белогвардейцами. Раненый Лигети и его жена Зофия Венцкович были взяты белыми и в качестве заложников направлены в Тобольск.

В конце 1918 г. тяжелораненый Лигети был переведен из Тобольска в Омск, где находился вначале у белочехов, а затем в колчаковской контрразведке. 2 июля 1919 г. Карой Лигети был расстрелян.

Накануне расстрела, Лигети написал стихотворение «Мое завещание».

Пока огонь в сердцах бушует страстно,
Вперед, мадьяры красные, вперед!
Вы доживете до времен прекрасных,
Меня убьют... Но дух мой не умрет.
Без жертв не засияет нам свобода,
Цена ее – и кровь и слез река,
Героям вечно жить в душе народа,
А трусам нет прощения в веках.
Вновь будете вы в красном Будапеште,
Где встретят вас объятия и цветы,
И вместе с вами на Восток в надежде
Народы мира устремят мечты.
Я лягу здесь в безвестную могилу,
Но вам огонь моей души отдам,
Пусть он в боях утроит вашу силу
И вдохновенье передаст бойцам.
Пусть я погиб. Но вы несите знамя,
Мы победим! Враг не избегнет кары,–
В решающих боях я буду с вами,
Мы будем вместе, красные мадьяры!

Омск, 1919 г.

Перевод с венгерского В. Горского и Н. Колмогорова. («Омская правда», 28 октября 1958 г.).

ЛАГЕРЬ СМЕРТИ

Там, где в настоящее время расположена областная станция юных натуралистов[100], более пятидесяти лет тому назад было незаселенное пространство, местами поросшее кустарником и березовыми колками. Рядом находились лагеря – кадетского корпуса и омского полка.

15 июня 1911 г. здесь на площади 27 десятин была открыта первая торгово-промышленная выставка[101] Западной Сибири. Сюда провели водопровод, электрическое освещение и временную железную дорогу. Устроены были фонтаны и искусственное озеро с гротом, произведены посадки культурных кустарников и деревьев. На территории станции до сих пор сохранились серебристые тополя и с развесистыми вершинами старые сосны, а также следы искусственных водоемов и других сооружений.

Десятки павильонов были возведены для экспонирования промышленности и сельского хозяйства[102]. Главный павильон имел вид стен и башен Московского кремля. На выставке Сибирь показывала свои богатства. По ее поводу корреспондент «Сибирских вопросов» писал: «В Омске слышится задорная песня капитала, который в своем победоносном шествии достиг Сибири».

Через два месяца выставка была закрыта. Павильоны опустели. Только некоторые из них использовались для хозяйственных нужд.

С началом первой империалистической войны в Омск стали прибывать военнопленные австрийцы, венгры и др. Для размещения их и были использованы уцелевшие павильоны бывшей выставки.

А когда в начале 1918 г. началось создание Красной Армии, было приступлено к формированию так называемого «международного партизанского отряда» для борьбы с германскими частями, рвавшимися на Петроград. В отряд шли и военнопленные из концентрационного лагеря, который сразу дал триста добровольцев. Приказом Воен-

Павильоны I Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки (в годы гражданской войны территория концентрационного лагеря). Омск. 1911 г. Постойки до настоящего момента не сохранились. Ныне территория детского эколого-биологического центра

ного комитета наименование «военнопленные» было отменено, они стали называться «иностранные пролетарии».

Возглавил организацию иностранных отрядов для борьбы за власть Советов Карой Лигети.

После занятия Омска интервентами лагерь военнопленных был обращен в белогвардейский застенок, в «лагерь смерти».

«Концентрационный лагерь, – вспоминает писатель Ф.А. Березовский, – был обнесен высоким забором, а сверх него еще колючей проволокой. Кроме того, внутри бараков тоже были сделаны перегородки из колючей проволоки. Повсюду была страшная грязь, воздух напитан невыносимым зловонием. Жажда свежего воздуха была настолько сильна, что у форточек выстраивались очереди заключенных».

К этому надо добавить, что вокруг лагеря стояли сторожевые вышки с пулеметами. По ночам лагерь освещался сильными прожекторами; на территорию его выпускались дрессированные собаки. Охрана в лагере помещалась в одном из бараков. День и ночь у дверей каждого барака стояли часовые из белоказачьих отрядов атаманов Красильникова и Анненкова.

Мало-мальски сносная одежда у заключенных отбиралась, многие оставались в нижнем белье, которое со временем превращалось в лохмотья. Люди обессиливали от голода; часть заключенных, не выдержав кошмарных условий, кончала жизнь самоубийством. По ночам из лагеря в фургонах или в открытых повозках навалом вывозились трупы людей, погибших от недоедания и болезней.

На первой городской партийной подпольной конференции, проходившей в августе 1918 г., была создана организация подпольного партийного Красного Креста. В эту организацию вошли: Зинаида Богоявленская-Радо и сестры Кристина и Эльза Казак. Позднее в ней работали также: Каролина Зайцева, Окулова, Эльза Бриедес, Эмилия Эзит, Эмма Одынь. Через охрану лагеря работникам подпольного Красного Креста удалось наладить связь с лагерным подпольем. При содействии одного писаря военного штаба было организовано собственное «пропускное бюро».

С помощью этих пропусков в сентябре 1918 г. был организован побег из концлагеря группы коммунистов – самарцев. Кристина Казак-Ларозе пишет в своих воспоминаниях:

«В один из дней пребывания этих узников в вагоне ст. Омск им удалось через беспартийную работницу, стиравшую им белье, переслать о себе весть, которая привела всю нашу подпольную организацию в боевую готовность. В записке говорилось:

«Дорогие товарищи!

Мы, самарцы – смертники, 8 человек из 15 красногвардейцев, взятых в плен безоружными и брошенных в «тюрьму на колесах». Семерых бойцов по дороге белогвардейцы замучили и расстреляли. Нас привезли на станцию Омск и держат. Наша восьмерка живых добилась разрешения ходить в сопровождении конвойных на Иртыш купаться. Здесь есть островок, где мы раздеваемся и греемся. Пришлите к островку лодку с лодочником, одеждой и прочим, что необходимо в подобном случае».

Но за день до назначенного побега самарцев перевели в концлагерь, где поместили их в особый «комиссаровский» барак – барак смертников. Они писали нам из лагеря:

«Мы в лагерях, спасите... расстреляют! Ночью одного уже казнили. Нас водят в баню, откуда через окно есть возможность бежать. Помогите всем необходимым». Здесь-то и выручили пропуска, добытые в штабе белогвардейцев. С помощью наших пропусков первым из «комиссаровского» барака был вырван А.Б. Бакаев.

В один из «приемных» дней, как только комендатурой лагеря был возобновлен допуск родственников, на свидание к самарцам пошла моя сестра Эльза Казак. Она получила свидание с Бакаевым, во время которого сумела передать явку и пропуска. Бакаев не заставил долго ждать себя: в тот же день к вечеру он появился на крыльце нашей квартиры.

Удача вдохновила нас. С помощью Бакаева мы приступили к разработке еще более смелого плана – группового побега самарцев, который и состоялся через день после освобождения Бакаева. Для этого мы с сестрой Эльзой добились свидания в лагере с тов. Стыше, которого раньше никогда не видели и признать которого мы могли только по описанию его внешности. Риск был большой, но он не остановил нас.

По совету опытных конспираторов мы принарядились, навели некоторый внешний лоск. Мы пришли в комендатуру под вечер, когда были неприемные часы. Нам открыл молодой офицер, к которому я обратилась на немецком языке с объяснениями мотивов нашего визита. Я льстила, как могла, его «демократизму» и просила устроить свидание с заключенным латышом. Я расположила молодого чеха так, что он вызвал Стыше и разрешил поговорить с ним. Мы «расчувствовались», я прибегла к носовому платку и вместе с последним незаметно всунула ему 4 пропуска на выход из лагеря и 3 пропуска на право круглосуточного движения по городу, а также адрес-явку. Так были спасены еще три самарских большевика – Масленников, Вавилов («Лесной»), Стыше. Трое последних выбрались ночью на волю через уборную и явились на Волошинскую, 80 (дом Карклина), где, с паспортом на имя Иосифа Францевича Раугялло, Масленников становится членом омской подпольной организации». («В огне революции и гражданской войны», стр. 147, 148).

Некоторых заключенных выводили из лагеря переодетыми, вывозили в гробах и даже в ассенизационных бочках в Загородную рощу на свалку. Курганский большевик Буров-Петров сумел бежать из лагеря, переодевшись в костюм чешского офицера, который был передан ему «с воли» подпольщиками.

Омская подпольная большевистская организация предприняла попытку устроить массовый побег заключенных посредством подкопа. Предполагалось за одну ночь вывести из лагеря 200 – 300 человек. Заключенные успели вырыть тайный подземный ход, но в бараке оказался провокатор. По его доносу подкоп за несколько часов до его окончания был обнаружен, организаторы – 12 человек – расстреляны.

Небезынтересно отметить, что провокатором, выдавшим смельчаков, готовивших подкоп, оказался некто Бараболин, в прошлом фельдфебель, а затем прапорщик царской армии. Бараболин был освобожден и скрылся с фальшивыми документами. Вскоре, однако, провокатор вновь появился в г. Омске. По приметам, сообщенным из лагеря, он был опознан и расстрелян подпольщиками в Загородной роще.

В лагере находилось до шести тысяч заключенных – партийных и советских работников, пленных красногвардейцев и красноармейцев и даже чехов, которые не хотели воевать на стороне контрреволюции.

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В 1918 – 1919 ГГ.

В занятом белочехами Омске было создано при поддержке эсеров и меньшевиков белогвардейское Сибирское временное правительство, которое отменило все декреты Советской власти, возвратило землю кулакам, денационализировало промышленные предприятия и банки, отменило 8-часовой рабочий день. Большевики и все заподозренные в сочувствии им были брошены в тюрьмы. Начались гонения на рабочих и трудовое крестьянство, нещадные поборы и ограбления трудящихся. Такова была «деятельность» эсеро-меньшевистского «демократического» правительства.

Ограбление сибирских сел и городов, репрессии по отношению к рабочим и трудовому крестьянству стали еще более жестокими и неприкрытыми, когда на смену белогвардейскому Временному правительству пришел к власти наемник англо-американских интервентов адмирал Колчак.

Но ни плети, ни тюрьмы, ни массовые расстрелы не могли подавить мощь революционного движения народа. Под руководством большевиков рабочие и трудовое крестьянство героически боролись с кровавой диктатурой Колчака, с интервентами.

Оставшиеся в Омске большевики ушли в подполье, и с первых же дней после захвата власти белогвардейцами начали действовать.

В августе 1918 г. была проведена первая общегородская партийная конференция, положившая начало деятельности Омского подпольного комитета РКП(б). Конференция проходила в Загородной роще на небольшой полянке, окруженной березками. Присутствовало около 40 человек. С докладом по текущему моменту выступил А.Д. Шнейдер, недавно сбежавший из омского концлагеря. Был избран городской комитет партии, в который вошли: Арон Шнейдер, Михаил Русаков, Михаил Байков, Карл Миллер и Бланк (машинист депо). При комитете созданы Военно-революционный штаб, Красный Крест, Отдел техники и др. Город был разбит на пять районов: Правобережный, Левобережный, Железнодорожный, Куломзинский и пятый – по работе в военном гарнизоне.

В сентябре в Загородной роще происходила вторая подпольная городская партийная конференция, на которой присутствовало 35 человек. Конференция заслушала и обсудила доклады: А.А. Масленникова «О международном и внутреннем положении», А.Я. Нейбута «О задачах и тактике партийной работы в Сибири». Избран был Омский городской комитет в составе А.А. Масленникова (председатель), А.Я. Нейбута, В.Я. Чунчина (секретарь), А.Д. Шнейдера, М.С. Русакова, С.Г. Черемных и «Виктора». Делегатами на Сибирскую областную конференцию были избраны А. Нейбут и А. Масленников.

«...С этого времени, – вспоминает С.Г. Черемных, – парторганизация развивает свою деятельность интенсивно и целеустремленно; ставятся задачи большого политического значения: организация политической забастовки, подготовка вооруженного восстания». («В огне революции и гражданской войны». Омск, 1959, стр. 13 – 14, 108 – 109).

В Омске сохранились дома, в которых помещались конспиративные и явочные квартиры, штабы, типографии.

В доме № 88 по Волошинской улице (ныне 4-я Линия)[103] в период колчаковщины находилась конспиративная квартира Омской большевистской организации, здесь же хранился шрифт подпольной типографии. В этом доме еще в 1916 г. проходили подпольные собрания большевиков.

Ленинский район, ул. Калинина, дом № 4. Дом рабочего девятого участка службы пути Пьянзова, который вместе с четырьмя товарищами – Ленченко, Шевченко, Петровым и Рассохиным 19 октября 1918 г. был расстрелян во дворе железно-дорожных мастерских атаманом Красильниковым. В доме находилась конспиративная квартира.

Семипалатинский поселок, ул. Кропоткина, дом Кадыгробовой. Здесь находилась конспиративная квартира и хранилось оружие. Кадыгробов и его жена были активными подпольщиками.

Ул. Розы Люксембург (бывш. Глазенапа), дом № 77. В период колчаковщины в средней квартире этого дома жил рабочий железнодорожных мастерских Пантелеев – хозяин явочной квартиры. Здесь был захвачен и при попытке скрыться убит контрразведчиками рабочий депо Григорий Васильевич Маслаков.

Г.В. Маслаков родился в 1888 г. С 1901 г. начал работать в литейном цехе железнодорожных мастерских. В 1905 – 1906 гг. он распространял революционную литературу среди рабочих. Находясь с 1913 г. на военной службе, Маслаков был осужден за революционную деятельность на пять лет в арестантские роты. Февральская революция освободила Г.В. Маслакова, он вновь пришел в железнодорожные мастерские. Участвовал в Марьяновских боях. В период колчаковщины выполнял задания подпольной большевистской организации.

Ленинский район, угол улиц Калинина и 4-й Пролетарской, дом № 12/22. В период колчаковщины у проживавшего здесь рабочего Мизгирева находилась конспиративная квартира. В доме № 41/30 на углу улиц Калинина и 10-й Пролетарской в период колчаковщины хранилось оружие красногвардейцев, и здесь же подпольщиков снабжали паспортами. Активное участие в работе принимала Анна Васильевна Десяткова.

Явочная квартира во время колчаковщины была и в доме № 80 по ул. Розы Люксембург. Здесь также хранилось оружие. До вступления в Омск белочехов в этом доме жила Анна Федоровна Блусевич – секретарь III райкома партии (в комнате 3-е и 4-е окно от ворот), Баринов – командир роты Красной гвардии и машинист депо Бланк, убитый колчаковцами.

В доме № 53/25 на углу улиц Красный путь и Рабиновича в колчаковский период была конспиративная квартира большевиков. Квартира размещалась в угловой комнате с тремя, выходящими на ул. Рабиновича, окнами. Примыкающий к ней сарай являлся хранилищем политической литературы.

На улице Успенского, между улицами Степной и Куйбышева, в левой половине небольшого дома № 19 в период колчаковщины находилась большевистская конспиративная квартира, содержателем которой была Ирина Савельевна Микинина. Здесь останавливались приезжавшие иногородние революционеры. Бывали здесь и местные подпольщики.

В апреле 1919 г. на квартиру нагрянули контрразведчики. Был произведен обыск. Микинину и ее брата Г.С. Бутакова арестовали. В квартире была сделана засада, во время которой арестована Кристина Казак.

На бывшей Думской улице № 65 (теперь 10-летия Октября) в период колчаковщины находилась явочная квартира, где часто собирались подпольщики. Хозяином помещения был беспартийный латыш Петр Петрович Озолинь. Вся семья П.П. Озолиня участвовала в борьбе с колчаковщиной. Сыновья Озолиня – Ян и Петр работали связистами и разведчиками, дочь Элиза вербовала членов Красного Креста. Озолини выполняли самые рискованные задания. Встречали эшелоны с прибывающими или транзитными узниками, готовили им передачу. В семье Озолиней вырвавшиеся из белогвардейских застенков революционеры находили пристанище.

Петр Озолинь поражал своей смелостью. По заданию партии он совершал рискованные поездки к партизанам в Тюкалинский уезд, вел работу среди рабочих. Непоколебимую веру в победу пролетариата он сохранил до конца жизни, которая была оборвана пулями карателей («В огне революции и гражданской войны», стр. 150).

Конспиративные квартиры в колчаковское время находились также в доме № 59 по ул. Скорбященской (ныне ул. Гусарова) и в доме № 62 на Екатерининской (им. Фрунзе).

Хозяйкой первой квартиры являлась А.Н. Тихова. После того, как муж ее – участник Марьяновских боев – был арестован, А.Н. Тихова, по заданию руководителей подполья, стала выполнять различные поручения Красного Креста: собирала адреса семей расстрелянных и заключенных в лагерях, разносила деньги этим семьям, давала убежище освобожденным из концлагеря, снабжала их бельем, передавала документы, меняла поддельные деньги, подыскивала квартиры для проведения подпольных собраний, являлась участницей восстания 22 декабря 1918 г.

Хозяйкой конспиративной квартиры в доме № 62 на Екатерининской ул. была А.И. Дерман. Квартира эта была вне всякого подозрения: на верхнем этаже дома жили офицеры, в нижнем проходили подпольные совещания. На одном из этих совещаний присутствовали товарищи: Курзанова, Антония Витоль, Нейбут, Кристина Казак, Александров, Чунчин и др.

ПОДПОЛЬНЫЕ ТИПОГРАФИИ 1918 – 1919 ГГ.

Одна из подпольных типографий большевиков находилась в маленькой избушке по 5-й Восточной улице, в доме № 39[104]. Оборудование типографии состояло из доски

с наборной рамкой, шрифта, двух щеточек, валика и банок с мастикой. Печатание производилось на столе, у окна, выходящего во двор.

По словам А.П. Фадеевой (Богомоловой), в типографии печатались прокламации и воззвания тиражом в 100–150 экземпляров. Здесь же было отпечатано постановление первой партийной конференции большевиков, проходившей в Загородной роще.

В июле 1918 г. посланный из Центрального Комитета партии связист доставил из Москвы в Омск на явочную квартиру набор шрифтов. Шрифты были россыпью, завернуты в куски мануфактуры, уложены в чемоданы и таким образом провезены через кордон. Типография обосновалась в землянке на усадьбе № 1 по Степной улице.

В 1918 г. подпольная типография находилась в доме на Семипалатинском тракте. Заведующей типографией была Антония Витоль, наборщиком – Петр Визман, печатником – Анна Дерман. В апреле 1919 г. они узнали, что типография находится на подозрении. Решено было переехать в другое помещение. Ранним утром за оборудованием типографии приехал извозчик. Только что выпущенный номер газеты был свернут в рулон и упакован в мешки. Антония Витоль пока осталась на квартире, а Анна Дерман отправилась с поклажей.

У переезда через железную дорогу подвода была остановлена полицейским, который прочел заглавие газеты – «Правда коммуниста». А.И. Дерман бросилась бежать. Пуля полицейского не догнала печатницы, но типография осталась в его руках.

ДОМ ПО УЛИЦЕ ОМСКОЙ, № 2

В этом доме[105] в период колчаковщины находилась подпольная квартира латышской коммунистической организации, возглавляемой Сибирским областным центром латышских групп.

Организация объединяла латышей-коммунистов всех окрестных сел и деревень. Здесь же находилось и «паспортное бюро», снабжавшее подпольщиков видами на жительство и другими документами.

16 мая 1919 г. на конспиративную квартиру нагрянули колчаковцы, захватили здесь члена подпольной большевистской организации Карла Миллера. Арестованного препроводили в контрразведку.

С момента занятия Омска чехами (7 июня 1918 г.) и до бегства колчаковцев из Омска (14 ноября 1919 г.) в городе, кроме главной контрразведки, находившейся в помещении бывшего кадетского корпуса, были еще ее отделения. Одно из таких отделений помещалось в двухэтажном деревянном доме № 2 по ул. Каинской (в настоящее время дом № 4 по ул. Успенского[106]). Сюда и был доставлен Карл Миллер (кличка «Карлушка»). Дом был окружен колючей проволокой. В верхнем этаже производился допрос арестованных, внизу находились камеры. Здесь, в камере, Миллер и писал трагические строчки своего письма, которое через тюремного стражника он пытался передать на волю. (Письмо было перехвачено охранниками).

«Приветствую! Пока нахожусь среди живых. Состояние здоровья неважное. С субботы, т. е. 16 августа, нахожусь в контрразведке на Каинской ул. № 2. Неоднократный допрос сопровождался ужасными пытками до потери сознания; избивали шомполами, нагайками, кулаками, сапогами... Разница в том, что инквизируют сами офицеры-агенты по всем методам новейшей карательной техники. Все это – причина моего расшатанного состояния здоровья... На днях, вероятно, меня предадут военно-полевому суду...» (газ. «Рабочий путь» от 14 ноября 1929 г.).

Накануне казни Карл Миллер послал из тюрьмы записку: «У всех нас твердая вера в том, что мы будем последними жертвами. Приветствую и целую всех прощальным товарищеским поцелуем. Боритесь и любите борьбу!» (Омский облпартархив, ф. 19, д. 132, л. 1 – 2).

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ А. ПОВОРОТНИКОВ

В Кировске по Клубному переулку, в доме № 10[107], принадлежавшем в то время Д.М. Озерскому, в течение зимы 1918 – 1919 гг. жил А. Поворотников, один из органи-

заторов восстания 22 декабря 1918 г. Несмотря на все усилия контрразведки пребывание Поворотникова оставалось неизвестным. Было лишь подозрение, в результате которого производился обыск, не давший сыщикам ничего положительного. Поворотникова усиленно искали, колчаковской контрразведкой была обещана награда за выдачу его.

ВТОРОЙ СТЕПНОЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 9

Между улицами Масленникова и Лазо, Степной и Куйбышева проходит небольшой переулок[108]. Раньше он назывался Ново-Пушкарным, затем Коротким, в настоящее время Второй Степной переулок. По левой его стороне стоит небольшой деревянный домик под № 9. Три окна с филенчатыми ставнями выходят на улицу и три – во двор. С правой стороны к домику примыкает коридор, в который ведут две двери – с улицы и со двора.

Принадлежал этот дом рабочему Даниилу Петровичу Пашкову*. Первым «квартирантом» был Областной подпольный комитет большевистской партии, переведенный в Омск из Томска.

В этом же доме поселились секретарь комитета М.М. Рабинович (подпольная кличка «Костин Лев Семенович», «Леонид»), А.А. Масленников (подпольная кличка «Александр») и активный член партийной подпольной организации Эльза Казак (подпольная кличка «Аннета Андерсон»).

Даниил Петрович Пашков с женой занимали одну угловую комнату. Остальное помещение находилось в распоряжении подпольщиков. В доме Пашкова проводились заседания Областного подпольного комитета. Здесь же намечались планы проведения восстаний 22 декабря 1918 г. и 1 февраля 1919 г.

В ночь на 3 апреля 1919 г. сюда пожаловали контрразведчики, произвели обыск и арестовали А.А. Масленникова**, М.М. Рабиновича и Эльзу Казак***.

ДОМ № 79 ПО СЪЕЗДОВСКОЙ УЛИЦЕ

На тихой Съездовской улице (бывш. Волковская)[109] стоит небольшой деревянный, рубленный в обло, домик № 79 с железной четырехскатной кровлей. Выходящая на улицу фасадная сторона дома украшается характерным для старых омских жилых домов небольшим фронтоном ломаного профиля со слуховым прорубленным окошечком в середине. Дом обветшал. Нижние венцы его вошли в землю почти до оконных проемов.

---

* Пашков расстрелян колчаковской контрразведкой в 1919 г.

** Масленников Александр Александрович (кличка «Александр») родился в 1890 г. в Петрограде. Окончил гимназию. Состоял студентом университета. В 1908 г. вступил в партию большевиков. Через два года был арестован и выслан в Вологодскую губернию, откуда бежал. В течение своей недолгой жизни А.А. Масленников 23 раза сидел в тюрьмах, из которых несколько раз бежал. Александр Александрович был непоколебимым большевиком.

После революции Масленников состоял членом Всероссийского ЦИКа и председателем Самарского Совета. При белогвардейском перевороте он был взят белочехами как заложник и заключен в Омске в концентрационный лагерь, откуда бежал 7 октября 1918 г. Был председателем Сибирского ЦИКа. После ареста в доме Пашкова доставлен в контрразведку, где и находился до расстрела – 18 апреля 1919 г.

В память А.А. Масленникова улица Перевозная переименована в улицу Масленникова. На доме № 10 (угол Масленникова и проспекта Маркса) установлена мемориальная доска.

*** М.М. Рабинович (кличка «Леонид») был делегатом на Всероссийском съезде Советов, членом Сибирского Совнаркома и членом Сибирского Центрального Комитета. До расстрела Рабинович сидел в контрразведке, где его особенно жестоко мучили. Расстрелян 18 апреля 1919 г. В увековечение памяти революционера одной из улиц в городе присвоено имя Рабиновича.

Казак Эльза Петровна (кличка «Аннета Андерсон») работала в подпольном Красном Кресте. После ареста две недели сидела в контрразведке. Ее дело из военно-полевого суда было направлено в военно-окружной суд, который приговорил ее к 6-месячному тюремному заключению, но, однако, она все же была расстреляна.

Дом принадлежал ремесленнику С.Е. Булачеву, а после его смерти перешел к его жене А.В. Булачевой.

В доме Булачевой 20 – 21 марта 1919 г. проходила III Сибирская Областная подпольная конференция РКП(б). В работе конференции участвовали делегаты Владивостока, Благовещенска, Тюмени, Новониколаевска, Омска, Челябинска, Томска.

Старый член КПСС Е.В. Бердникова (в «Замечаниях по докладу» С.Г. Черемных «Легенда о «Карловиче») отмечает, что положение Омской организации накануне конференции было очень напряженным. Октябрьская стачка, декабрьское и февральское восстания рабочих стоили больших жертв, сотни людей были убиты в бою, расстреляны, захвачены врагом или вынуждены были бежать из города.

Аресты в феврале (19 – 21 февраля 1919 г.) нанесли удар по самому центру. Были захвачены и погибли председатель Областного комитета А.Я. Нейбут*, член центрального подпольного штаба А.А. Бушуев и ряд других партийных работников. Арестован также секретарь Омского комитета А.Д. Шнейдер**.

Учитывая тревожную обстановку времени, Областной комитет принял все меры предосторожности. Прием делегатов проходил на особых явочных квартирах, и до последнего момента они не знали, где будет проходить конференция, пока их не проводили в назначенный для нее дом Булачевой.

Во время конференции – 20 – 21 марта – ни один из делегатов не выходил из дома. Этот суровый порядок и сам состав делегатов обеспечили тайну конференции. Делегатами конференции были хорошо проверенные люди, в большинстве члены подпольных комитетов.

На конференции были заслушаны доклады с мест. Докладчики констатировали большой революционный подъем рабочих и крестьянских масс. Было решено в ближайшее время

---

* Нейбут Арнольд (партийная кличка «Петр») был революционером большого мужества, энергии и безграничной преданности делу рабочего класса. В юношеские годы он с головой ушел в революционную работу. С наступлением, после революции 1905 г., реакции Нейбут эмигрировал в Америку, где работал в «Союзе индустриальных рабочих мира».

После Февральской революции в России он на американском пароходе добрался до Владивостока и здесь целиком отдался партийной работе. Организует и редактирует газету «Красное знамя», руководит деятельностью Владивостокского Совета и по списку партии большевиков избирается членом в Учредительное собрание от Приморской области. Приехав в Петроград, Нейбут остается здесь работать во Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.

В мае 1918 г. Нейбут получил назначение комиссаром по иностранным делам Дальнего Востока. По пути во Владивосток, он, в связи с чехословацким мятежом, вынужден был остановиться в Омске, где вошел в штаб Западно-Сибирской Красной Армии. По занятии 7 июня 1918 г. белочехами Омска, Нейбут не покидает город, а уходит в подполье и работает по созданию подпольных большевистских организаций.

В ноябре 1918 г. Нейбут участвует во II областной подпольной конференции в Томске. Там он избран председателем Сибирского Областного комитета РКП(б).

В Омске Нейбут принимает деятельное участие в подготовке восстаний – 22 декабря 1918 г. и 1 февраля 1919 г.

2 февраля по доносу провокатора, Нейбут попал в руки колчаковской разведки, после пыток и истязаний был расстрелян. В увековечение памяти борца революции одной из улиц города присвоено имя Арнольда Нейбута.

** Шнейдер Арон Давыдович – учитель, в начале Советской власти был редактором большевистской газеты в г. Красноярске. Во время чехословацкого мятежа был захвачен в плен под Мариинском. Вместе с Д.П. Долбешкиным ему удалось бежать из заключения в Омск. Здесь они поселились в поселке Порт-Артур. Большевики-железнодорожники изготовили А.Д. Шнейдеру паспорт на имя И. М. Морозова. Занимался уроками, вместе с тем вел организационно – партийную работу. Он был одним из организаторов первой городской подпольной конференции в августе 1918 г., на которой выступил с докладом «Текущий момент и задачи организации», был избран в городской комитет. На второй городской конференции А.Д. Шнейдер вновь был избран в состав горкома.

В числе других партийных руководителей, он был арестован в феврале 1919 г., но ему удалось спастись.

переключить внимание на партизанскую войну, которая должна, распространяясь, вовлекать все большие и большие районы в борьбе с врагом. Был избран Областной комитет в составе 7 человек: Масленникова, Рабиновича, Петровича и др. Когда в апреле были арестованы Масленников и Рабинович, в областной комитет кооптированы Парняков и Марк Никифоров*.

После III Сибирской областной конференции РКП(б) в доме Булачевой поселились: руководитель Военно-революционного штаба Вавилов («Лесной»)** и члены партии Казак Кристина*** и Одынь Эмма.

2 апреля на квартиру Вавилова вместе с Рабиновичем пришел Григорий Шамшин из Новониколаевской парторганизации. Они принесли деньги. Вавилов, как рассказывает К. Казак-Ларозе, был сильно раздосадован приходом Шамшина. До этого его новую квартиру, кроме Масленникова и Рабиновича, никто не знал.

Через несколько часов после прихода Шамшина в ночь на 3 апреля в дом Булачевой нагрянули контрразведчики.

Все проживающие здесь члены партии – Вавилов, Казак и Одынь были арестованы. 18 апреля 1919 г. Вавилов был расстрелян.

ВОССТАНИЕ 22 ДЕКАБРЯ 1918 ГОДА

Решения I и II областных конференций большевиков Сибири в Томске (в августе и ноябре 1918 г.) о проведении вооруженных восстаний против колчаковцев нашли отклик среди рабочих Омска.

Началась подготовка к восстанию.

Из состава подпольного большевистского комитета был выделен Военно-революционный штаб. Город был разделен на четыре района. В каждом районе в свою очередь созданы военно-революционные штабы.

---

* Марк Семенович Никифоров. Уроженец Омска. Здесь он окончил железнодорожное училище. Работал сначала слесарем в главных железнодорожных мастерских, а затем помощником машиниста. Не желая служить в царской армии, он в 1911 г. эмигрировал в Америку, где принял активное участие в рабочем движении. После Февральской революции Никифоров возвратился в Россию. Участвовал в организации Советской власти на Дальнем Востоке. После захвата Приморья японцами М.С. Никифоров уезжает в Омск.

В марте 1919 г. Марк Никифоров участвовал в работе III Сибирской областной подпольной конференции. Он был захвачен карателями. Все старания карателей получить сведения о подпольной работе и подпольщиках разбились о стойкость революционера. В своих предсмертных письмах он писал: «Товарищи, умирая за социалистическое будущее, идем на эшафот в полной надежде, что мы своей смертью только подбодрим вас в борьбе против несправедливости и гнусности. Мое к вам последнее слово: бодрствуйте, не складывайте оружие. Час уже пробил, мужайтесь, товарищи! Мы выбываем из ваших рядов, но эти места не должны оставаться пустыми. Нас много, победа обеспечена за нами».

** Вавилов был комиссаром Уральских железных дорог и в 1918 г. работал в Самаре, где был арестован чехословаками и увезен в качестве заложника в Омск. Находился в концентрационном лагере, откуда бежал. Был председателем Сибирского подпольного штаба, участником всех омских восстаний.

*** Казак-Ларозе Кристина Петровна – член большевистской партии с 1913 г. В апреле 1918 г. Центральный комитет партии направил Казак-Ларозе в Омск комиссаром в акцизное управление. Когда выступили белочехи, она была направлена на Восточный фронт для борьбы с мятежниками. Дальше подпольная работа в Омске, в тылу у белых.

На Кристину Казак, ее сестру Эльзу Казак и Зинаиду Богоявленскую была возложена работа в подпольном Красном Кресте. Кристина Казак с товарищами налаживает связь с большевистским подпольем концентрационного лагеря. Собираются средства и оказывается помощь политическим заключенным и их семьям. При содействии писаря военного штаба было организовано собственное «пропускное бюро». Казак-Ларозе участвовала в организации восстаний – 22 декабря 1918 г. и 1 февраля 1919 г. После февральского восстания она была арестована и осталась в живых только потому, что была на последнем месяце беременности.

Умерла Кристина Петровна Ларозе в 1963 г.

В первый район входила территория по правую сторону реки Оми (общее руководство районом осуществлял Масленников), второй район – от Оми до военного городка (руководил Нейбут), третий – Атаманский хутор, Военный городок, поселок Порт-Артур и железнодорожный узел (руководитель Радо), четвертый – поселок Куломзино, ныне Кировск (руководитель Поворотников).

Общее руководство подготовкой к восстанию осуществлял Областной комитет партии. Всю оперативную работу вел созданный при комитете Военно-революционный штаб, возглавляемый Вавиловым. Он же осуществлял через специальных уполномоченных руководство районными штабами.

Перед каждым районом была поставлена определенная задача.

Первый район должен был взять крепость, где размещались комендатура и штаб колчаковской армии, освободить тюрьму, выставить заслон на Тюменском тракте, начать мобилизацию и вооружение рабочих и дать подкрепление второму району.

Второй район должен был захватить ставку Колчака, здание совета министров и контрразведку, захватить центральный телеграф и радиостанцию, обезоружить казаков, дать бой английскому отряду, освободить военнопленных из лагерей, дать подкрепление третьему району.

Дом, в котором располагался штаб Куломзинского восстания 22 декабря 1918 г. Омск. Фотография 1950-х гг. Здание до настоящего времени не сохранилось

Задача третьего района – захватить железнодорожную станцию, депо, вагоны, мост через Иртыш, динамитные и пороховые склады, бронепоезда и выставить заслон на Новониколаевском направлении.

Четвертый район должен был обезоружить подразделение белочехов, вооружить рабочих, взорвать железные дороги, идущие на запад, и выставить заслоны по дорогам на Челябинск и Тюмень.

Восстание было намечено на 2 часа ночи 22 декабря 1918 г. Но за час до восстания, колчаковской контрразведке удалось раскрыть конспиративную квартиру во втором районе. Все, кто находился здесь, были арестованы.

Создавшееся положение заставило общегородской штаб отложить восстание. Однако из-за плохой связи это решение не было доведено до сведения всех районов.

Согласно плану сначала выступили рабочие первого района. Они захватили тюрьму и освободили более 200 заключенных. Особенно большой размах приняло восстание в Куломзино. Здесь восставшие овладели всем районом. Но, оставаясь без поддержки, куломзинские рабочие не выдержали натиска колчаковцев.

Улица Степная, дом № 1[110]. В период интервенции и белогвардейщины большая подпольная работа проходила в квартире Зинаиды Ильиничны Богоявленской по ул. Степной, усадьба № 1, в доме во дворе. Дом деревянный под четырехскатной железной крышей. В доме под полом два погреба. К дому, по его длине, примыкает коридор. На окнах ставни. С июля 1918 г., в землянке рядом с домом помещалась подпольная типография.

Осенью 1918 г., несмотря на то что квартира Зинаиды Ильиничны Радо-Богоявленской была перегружена различными явками, заседаниями комитета и т. п., здесь пришлось расположить и паспортное бюро, в организации которого сказывалась большая необходимость, а помещения не было.

За все время пользования пропусками и другими документами бюро не было ни одного провала.

В доме, где жила З.И. Богоявленская и ее муж Эдмунд Радо, находился штаб, руководивший восстанием 22 декабря 1918 г.

По свидетельству Я.Я. Зенса, 21 декабря здесь проходило три совещания. В 5 часов вечера было собрание женщин. Проводил Радо. Женщины получили задание в ту ночь быть в разведке. В 6 часов штаб уточнил обязанности всех участников.

«Перед самым выступлением, – пишет А. Поворотников, – было решено последнее заседание штаба провести 21 декабря в 10 вечера на штабной квартире по Степной улице, № 1. Так как мой район (Куломзино – **А.П.**) был отдаленным, то я договорился с членами штаба, что я выеду в свой район до начала этого заседания и до момента выступления, если все будет благополучно, никаких сведений высылать не буду. В 9 часов я выехал».

За час до начала восстания стало известно, что во втором районе провал. Что делалось в других районах города, никаких сообщений не было. Штаб признал целесообразным отложить восстание, о чем послано было извещение в районные штабы.

Не имея никаких известий от штаба, Поворотников утром 22 декабря отправился в штабную квартиру на Степную улицу. Здесь он застал лишь Михаила Русакова и Екатерину Марченко и от них узнал обо всем происшедшем.

Революционный штаб второго района. Против бывшего Казачьего кладбища, на ул. Куйбышева в доме, принадлежавшем бывшему военнопленному, столяру И.В. Бляховскому, помещалась конспиративная квартира, а при подготовке восстания 22 декабря здесь находился штаб второго района.

По доносу казака Верхотурова в 12 часов ночи на квартиру нагрянули колчаковцы. Все, кто находился в штабе, были арестованы. В это время сосредоточенные на пустыре у Казачьего кладбища группы повстанцев пошли в наступление.

Первая группа по ул. Куйбышева направилась к ул. Съездовской, в момент развертывания в цепь, была встречена пулеметным и ружейным огнем и уничтожена; вторая группа пошла по ул. Куйбышева в противоположную сторону. Дойдя до площади (между улицами Лазо и Маяковского), она также начала развертываться в цепь. Но и эта группа была обстреляна.

Конспиративная квартира второго района, где проводилась подготовка к восстанию, была также и в доме № 18 по Большой Луговой. Здесь, в комнате, занимаемой тогда членом партийной организации А.Г. Мокрых*, хранились ружья, гранаты, бомбы.

В доме № 88 по ул. Рабиновича, в квартире, занимаемой членом подпольного комитета Михаилом Русаковым** (левая сторона дома) до середины 1919 г. была явочная квартира. В ночь на 22 декабря 1918 г. здесь помещался штаб первого района.

Штаб-квартира подрывников. На улице Атбасарской, дом № 35, в. ночь на 22 декабря 1918 г. помещалась штаб-квартира подрывников. Во главе отряда был Я.Я. Зенс. (А. Поворотников называет руководителем подрывников Шамоди). В назначенное время подрывники собрались в штаб-квартире и оттуда направились на выполнение заданий. Подрывники железной дороги в случае передвижений войск должны были взорвать пути по обе стороны города. Подрывникам-связистам необходимо было прервать телефонную связь казарм с лагерями военнопленных и городом, а также штаба 2-го Сибирского корпуса со ставкой и министерством внутренних дел. Последние две точки были особенно опасными. Туда отправилось семь человек: Зенс, Элкснис, Озолинь, Каленс, Зингере, Фрей и один австриец. Все были одеты в военную форму и вооружены винтовками. Выступили под видом караула. Операция была проведена удачно.

---

* Мокрых (Мокров) Алексей Гаврилович. Рабочий, был близок к революционному штабу, руководившему подготовкой восстаний. В конце октября 1919 г. (дней за 15 до бегства колчаковцев из Омска) был арестован. При обыске ничего не обнаружено в его квартире. Сначала был направлен в контрразведку, а затем в тюрьму. 12 ноября был выведен в Загородную рощу и расстрелян. Похоронен в братской могиле ста двадцати.

** Русаков осуществлял подпольную партийную связь от Омска до Владивостока. Заболел гриппом. Лежал в доме А.Г. Мокрых (Б. Луговая, 18). Сестра Мокрых, оказывая помощь больному, по ошибке вместо порошка от гриппа дала принять цианистый калий, который хранил Русаков на крайний случай. Его доставили в больницу, но, несмотря на все старания, больного не спасли, погиб. Похоронен на Казачьем кладбище. Могила затерялась.

Казарма военизированной охраны. В Кировске, у железнодорожного переезда, напротив ул. им. Димитрова, находилась казарма военизированной охраны железнодорожного моста.

...В первом часу ночи на 22 декабря 1918 г. к казарме подошли куломзинские красногвардейцы.

Ночь была светлая, морозная. Согласно предварительной договоренности с охраной, красногвардейцы получили винтовки. Отсюда, разбившись на два отряда, они направились к клубу, обращенному белочехами в казарму, здесь размещался батальон в количестве 400 солдат.

Один отряд красногвардейцев направился по ул. Почтовой (теперь ул. Димитрова), другой вышел на улицу Садовую (ныне ул. Юмашева)[111]. Стоявшие у клуба-казармы часовые были сняты.

Ворвавшиеся в помещение красногвардейцы предложили батальону сдаться. Через несколько минут батальон был полностью обезоружен. Охрана моста перешла на сторону красногвардейцев.

У железнодорожного моста. Примерно часов в 11 утра 22 декабря со станции Омск по мосту тихо прошла железнодорожная «ветка» и остановилась перед выходом у тоннеля моста с западной стороны. У восставших теплилась надежда, что это из города прибыло подкрепление. Но минут через 10 из вагонов началась стрельба. Разведка повстанцев сообщила, что колчаковцы сняли красногвардейский караул у моста и высадились, заняв позиции по левому берегу Иртыша, направо и налево от моста. Вскоре подошли еще два состава с колчаковцами. Завязался бой. К колчаковцам подходили новые и новые пополнения. Повстанцам же подкрепления ждать уже не приходилось. И тем не менее, укрываясь за штабелями шпал и расположенными поблизости постройками, они упорно оборонялись. Часа через два стрельба стала затихать. У красногвардейцев были на исходе патроны.

На месте бывшего понтонного моста. Днем 22 декабря 1918 г. колчаковскими частями Куломзино (ст. Карбышево) было оцеплено с северной, северо-западной и северо-восточной сторон. Оставалась неоцепленной южная сторона. Чтобы перерезать повстанцам путь для отступления на юг, казаки Атаманского хутора пошли через Иртыш в том месте, где впоследствии был понтонный мост[112]. Отряд повстанцев (человек около тридцати), под руководством тов. Круглова, последними патронами дал по казакам несколько залпов. Казаки отошли назад, оставив на льду несколько убитых.

Нижний Карбуш. В вооруженном восстании 22 декабря вместе с куломзинскими рабочими участвовали крестьяне из Нижнего Карбуша – братья Иван и Павел Кораблевы, Харлампий Калинин и др.

После подавления восстания, по свидетельству Кораблевых, в Нижнем Карбуше было замучено и расстреляно карателями более 100 человек. В том числе были женщины.

Поселок Самарка (Самарский). В восстании принимали участие и жители поселка Самарка: Петр, Павел и Алексей Зубовы, Владимир Дружинин, Терентий Семененко, Евдоким Юрков, Андрей и Иван Богдановы, Петр Пенкус, Павел Гришанов и др.

Дом, где проходил суд над рабочими. В Кировском районе, во дворе Мелькомбината, находится небольшой, одноэтажный дом[113], занимаемый в настоящее время лабораторией комбината. Прежде здесь помещалась контора мельницы Колокольникова.

23 декабря 1918 г. в этом доме был вынесен колчаковским военно-полевым судом смертный приговор куломзинским рабочим – участникам восстания.

Приговоренных к смертной казни участников восстания расстреливали в разных местах. Большая группа рабочих была расстреляна у железнодорожного полотна, метрах в двухстах от левого берега Иртыша. Здесь был расстрелян большевик Суров, именем которого названа ныне одна из улиц в Кировском районе.

Погибшие были засыпаны мусором и камнями в котловане на месте расстрела. Весной 1920 г. трупы расстрелянных были извлечены из могил и при большом стечении трудящихся перенесены на площадь (ныне площадь Восстания), где и похоронены.

Здание конторы мельницы Колокольникова, где проходил суд над участниками восстания 22 декабря 1918 г. Омск. Ул. Сибирская. Фотография 1970-х гг. Ныне одно из помещений ООО «Мельница»

Восстание было подавлено с большой жестокостью. Колчак приказал всех, принимавших участие в восстании, или причастных к нему – предать военно-полевому суду. Арестованных расстреливали без всякого суда. Особенно свирепствовали офицеры казачьего отряда Красильникова.

Братская могила куломзинцев. Могила находится в центре площади Восстания. На ней цементно-бетонная плита на кирпичном основании.

На плите надпись:

«Павшим с честью во имя идей»

Антонов,	Орлов,	Афонин,
Овсянников,	Высоцкий,	Бунчук,
Ершов,	Калинин,	Юрчук,
Зраев,	Лустец,	Довгун,
Тимофеев,	Куприянов,	Рыбицев,
Суровцев,	Чаймулин,	Федотов,
Колотовский,	Микрушин,	Хрусталев,
Колотовский,	Захаров,	Алим,
Вольчин,	Гавришев,	Лобанов,
Халидин,	Салимов,	Гуров,
Гарей,	Сидельников,	Попов,
Еремин,	Суханов,	Филинков,
Катеров,	Лобанов,	Привалов,
Кирсанов,	Селюк,	Усов,
Артемьев,	Мингалеев,	Сальманов.

«Их имена с нашей песней победной
будут священны миллионам людей»

Памятник восставшим 22 декабря 1918 г.[114] Возле могилы памятник, сооруженный в 1925 г. Он имеет вид четырехступенчатой пирамиды и увенчивается небольшой ротондой о пяти колоннах. На нижний ярус памятника со всех сторон ведут лестничные всходы с глухими барьерами по сторонам.

В плане памятник имеет квадрат 5 м × 5 м с длинными (4,48 м) прямоугольными выступами по сторонам. Общая высота памятника 7,28 м. На гранях третьего яруса надписи: на северо-восточной – «Павшим 22 декабря 1918 г.»; на остальных трех –

Памятник участникам Куломзинского восстания 22 декабря 1918 г. на Площади Восстания. Омск. 1950-е гг.

«Борцам за свободу». Памятник кирпичный, оштукатурен и окрашен под бетон.

Старая загородная роща. До настоящего времени омские старожилы территорию первого питомника называют Старой загородной рощей, хотя ныне ничто уже не напоминает о ней.

Загородная роща[115] в летнее время являлась излюбленным местом для прогулок и отдыха горожан. «Среди дикой лесной зелени, близ реки, дававшей воздуху особенную свежесть и чистоту, – пишет газета «Степной край», – место это представляло действительно очаровательный уголок для вечернего отдыха после жаркого и пыльного городского дня. Довольно часто устраивавшиеся там гулянья с музыкой и фейерверками всегда были интересным событием для города». («Степной край», № 20, 1894 г.).

И в последующее время, вплоть до захвата Омска белогвардейцами, роща привлекала жителей города под сень своих развесистых берез.

Изменилась картина с приходом белых. Старая загородная роща стала лобным местом. Здесь производилась расправа над теми, кто заявлял о верности Советской власти и не шел по пути реакции.

В июне 1918 г. анненковцы взяли находившихся на излечении в больнице большевиков – С.К. Михаленко, И.Г. Устьянцева, Ф.С. Колесникова и С.П. Федотова, вывели их в загородную рощу и там неподалеку от оврага расстреляли.

Перед бегством колчаковцев в редкую ночь в Омске не было расстрелов.

Много людей расстреляли белогвардейцы 12 ноября 1919 г. «В эти страшные часы на улице Тобольской (теперь Орджоникидзе) у тюрьмы, – вспоминает очевидец Куликов, – толпились молчаливые люди – женщины, старики, дети.

У коновязей стояли продрогшие казацкие кони. Мрачная тюрьма не подавала ни одного звука. Жуткая ожидающая тишина. Мороз. Ветер. Но вот из калитки тюрьмы один за одним высыпали казаки и быстро разобрали коней. Обнажив шашки, они стали полукругом к воротам. Ворота распахнулись. Нервно, почти бегом вышла большая группа заключенных, окруженная густой цепью пеших казаков. Построены они были по 6 человек в ряд. У всех руки связаны за спиной веревками. Сзади на санях, запряженных парой лошадей, сидели 4 казака с двумя пулеметами. Заключенных повели в рощу к оврагу, где сейчас высится памятник с пятиконечной красной звездой. На этом месте казаки выстроили сначала половину узников. Их расстреляли из пулеметов. Затем на это место поставили вторую половину. Через 10 – 20 минут и этих людей постигла участь товарищей. Когда пулеметам делать было уже нечего, казаки с обнаженными шашками зверски рубили трупы расстрелянных.

Все тротуары по Сиротской, Тобольской и Тюремной[116] улицам заполнены были народом. Людей никто не разгонял. Казаки были заняты кровавым делом. Им не до толпы. За день нужно было уничтожить всех находившихся в тюрьме».

Целый день дотемна на место расстрела приводили все новых и новых заключенных.

На месте расстрела, у оврага, сооружен памятник[117]. Высокий каменный постамент с конусообразной верхней частью, увенчанной звездой. На грани постамента доска с надписью:

Здесь в ноябре 1919 года
белогвардейскими бандитами Колчака
зверски замучена большая группа борцов
за дело социалистической революции.

Памятник на месте расстрела борцов за власть Советов 12 ноября 1919 г. Омск. Территория Старозагородной рощи. 1950-е гг.

Последний путь. Из Загородной рощи, после прихода в Омск Красной Армии, трупы расстрелянных перевезли на бывшую Скорбященскую улицу в госпиталь. Там они были обмыты, одеты и уложены в гробы, обитые красным материалом. В это же время на площади, против Дома Республики, готовилась братская могила.

В день похорон, 30 ноября 1919 г., с 6 часов утра стали собираться к госпиталю многочисленные группы крестьян из окрестных деревень, жители Атаманского хутора, Куломзино. С красными флагами направлялись сюда рабочие и служащие предприятий и учреждений.

«...Стройно и мерно, под звуки похоронного марша двигались бесконечные ряды войск, рабочих и всех горожан. Грустно и величественно разносились в морозном воздухе слова старой революционной песни: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». («Советская Сибирь», 12 декабря 1919 г.).

Под звуки траурных мелодий духовых оркестров началось печальное шествие. Медленно двигалась процессия. Как бы в воздухе, плыли высоко поднятые красные гробы, по четыре в ряд. Над ними реяли красные полотна знамен.

У братской могилы состоялся траурный митинг. Выступали командиры Красной Армии, красноармейцы, рабочие, со слезами на глазах говорили матери. Здесь, у трупов замученных товарищей давалась клятва твердо держать и со славой нести Красное знамя.

Могила была сплошь покрыта венками и цветами. Через девять месяцев после этого в юго-западной части братской могилы был похоронен Ф.В. Гусаров*.

С восточной стороны у могилы ста двадцати похоронена урна с прахом члена ВЦИКа СССР Виталия Архипова (1900 – 1938). На могиле кубической формы кирпичный памятник, увенчанный урной.

Здесь же, на северной стороне площади, братская могила красногвардейцев – рабочих главных железнодорожных мастерских и городских предприятий, погибших 25 мая 1918 г. в боях с белочехами под Марьяновкой, а также двенадцати узников концентрационного лагеря, расстрелянных 10 октября 1918 г. за устройство подкопа для побега, и большевиков-подпольщиков И.В. Колоскова и К.И. Шамова»**. На могиле каменная плита с надписью:

---

* Федор Васильевич Гусаров – врач, революционер-большевик. За революционную деятельность в 1906 г. приговорен к 8 годам каторжных работ. После революции 1917 г. возвратился из ссылки и сразу же принял активное участие как большевик в революционной работе.

В июне 1917 г. Ф.В. Гусаров вошел в состав Западно-Сибирского организационного бюро РСДРП(б), в конце ноября был избран в исполнительный комитет Омского Совета, а в декабре на III Западно-Сибирском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в краевой исполком – комиссаром здравоохранения.

Гусаров вел большую советскую и партийную работу. Умер, заразившись тифом, 29 августа 1920 г. Бывшая Скорбященская улица в увековечение памяти врача-революционера названа именем Гусарова.

** И.В. Колосков по заданию комитета партии, в осведомительных целях, работал в штабе Колчака (до этого он работал в Западно-Сибирском штабе Красной Армии).

Братская могила И.В. Колоскова и К.И. Шамова. У Омск. Ул. Ленина (бывш. Республики). 1920-е гг. Останки были перенесены в 1967 г. в сквер «Памяти Борцов Революции». Надмогильный памятник до настоящего времени не сохранился

Здесь похоронены борцы за власть Советов,
погибшие в боях у станции Марьяновка
и расстрелянные белогвардейцами в 1918 – 1919 гг.

Рядом с этой могилой – братская могила тринадцати венгров, расстрелянных при вступлении в город белочехов. На могиле* на каменной доске надпись:

Здесь похоронены 13 венгров –
бойцов интернационального отряда,
расстрелянных белогвардейцами в июне 1918 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОМСКА

К вечеру 14 ноября 1919 г. Омск был полностью очищен от противника воинами 27-й стрелковой дивизии и передовые части дивизии заняли линию в 8 – 10 километрах восточнее города.

В память освобождения Омска от колчаковцев исполком городского Совета присвоил трем городским улицам названия, увековечившие это знаменательное событие. Проходящий вблизи Иртыша Томиловский переулок, где, переправившись на правый берег реки, бойцы Красной Армии впервые вступили на территорию города, был переименован в улицу 14 ноября[118].

Соседнюю улицу, улицу Капцевича (названную именем одного из генерал-губернаторов) переименовали в улицу Красный путь. (Путь следования к центру частей Красной Армии – освободителей Омска). А улице Тюремной было дано название улицы имени 5-й Армии, в состав которой входила 27-я дивизия, овладевшая Омском[119].

Через два дня после вступления Красной Армии в Омск Омская организация РКП(б) выпустила листовку «Ко всем коммунистам и сочувствующим»:

«Товарищи! – говорилось в листовке.– Перед нами стоит огромная задача – восстановить Советскую власть не только в Омске и Акмолинской области, но и во всей Сибири... Кончилось тяжелое подпольное существование, разрозненность, группировка по отдельным районам, ячейкам, национальностям… Все в единую партию! Никто не имеет права отказываться от работы... Необходимо немедленно войти в связь с волостями, селами и станицами, необходимо учесть оставленное белыми народное достояние,

---

К.И. Шамов, выполняя поручение комитета партии, вел наблюдения за главной колчаковской контрразведкой, квартирой Колчака и гостиницей «Европа», где находился офицерский ресторан. С этой целью возле здания нынешнего театра музыкальной комедии (ул. Ленина, 25), напротив контрразведки, был построен киоск, в котором Шамов торговал. О деятельности Колоскова и Шамова контрразведка узнала только в последние дни перед своим бегством. Рано утром 14 ноября 1919 г. во дворе контрразведки И.В. Колосков и К.И. Шамов были расстреляны, и там же, по вступлении Красной Армии в Омск, похоронены.

* В последние две могилы останки погибших перенесены 2 июня 1966 г. До этого они были похоронены в братских могилах в разных местах города: марьяновцы-железнодорожники – на общем кладбище Ленинского района, марьяновцы – рабочие городских предприятий – на Казачьем кладбище, узники концентрационного лагеря – в конце ул. Степной (где они были расстреляны), И.В. Колосков и К.И. Шамов– во дворе бывш. кадетского корпуса. Братская могила тринадцати расстрелянных венгров находилась в Октябрьском районе, вблизи птицекомбината.

спасти его от расхищения. Надо установить нормальную жизнь на заводах, фабриках и железной дороге. Необходимо создать советские учреждения... Настало время могучей творческой работы. Эта работа должна направляться партийной организацией...» («Омская правда», 16 ноября 1963 г.).

ТАМ, ГДЕ БУДЕТ ВОЗДВИГНУТ МОНУМЕНТ

На территории бывшего лесозавода (ул. Красный путь) в сороковую годовщину освобождения Омска от интервентов и белогвардейцев, 14 ноября 1959 г., заложен памятник воинам освобождения Омска.

На постаменте большая мраморная доска, на ней надпись: «Здесь будет сооружен памятник войскам Пятой армии, освободившим Омск от колчаковщины 14 ноября 1919 года»[120].

ПАМЯТНИК БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ

У могилы ста двадцати (ул. Ленина, возле краеведческого музея) высится памятник борцам революции. На четырехгранном постаменте, выложенном из крупных гранитных камней, у каменной стены скульптурная группа: женщина с высоко поднятой головой и устремленным вперед взором зовет к борьбе, к победе. В правой руке ее – знамя. Левой рукой она поддерживает сраженного на баррикадах рабочего. Высота постамента памятника 2,8 метра, высота скульптурной группы 1,8 метра.

Вверху на гранях постамента надпись:

Подвиги героев
революционной борьбы
всегда будут
жить в сердцах народов.

На этой могиле клянемся
бороться не покладая рук,
вплоть до полного торжества
Коммунизма!

«Безумству храбрых
Поем мы Славу!»

М. Горький.

Борцам за власть Советов,
расстрелянным колчаковцами
12 ноября 1919 г.

Памятник борцам революции. Омск. Ул. Ленина (бывш. Республики). Фотография сделана в день открытия памятника 15 июня 1923 г.

На памятнике дата его сооружения – 15 июня 1923 г. Автор памятника скульптор Николай Николаевич Виноградов*.

* Н.Н. Виноградов – бывший питомец Строгановского художественного училища в Москве. В гражданскую войну он с оружием в руках защищал завоевания Октября. Боец отдельной саперной роты, он прошел с 5-й Армией тяжелый и большой путь. Освобождал от колчаковцев Уфу и Златоуст, Челябинск и Омск, гнал полчища «сибирского правителя» дальше на восток. Под

Открытие памятника состоялось летом 1923 г.[121]

Сорок с лишним лет стоит памятник в Омске. Он как бы слился с городом. К нему зимой и летом приходят учащиеся, рабочие, служащие. Здесь часто слышатся звонкие детские голоса. К памятнику несут цветы, к подножию его кладут венки. У памятника и могилы борцов за революцию юность дает клятву продолжать дело отцов, беззаветно служить народу.

ПЕРВЫЙ ДОМ СОВЕТОВ[122]

Постройка здания относится ко времени первой империалистической войны. Закладка его состоялась 20 ноября 1914 г.

Здание предназначалось для судебных установлений. Возведено оно по проекту академика-архитектора В.А. Прусакова. Здание трехэтажное на высоком цоколе, на всех четырех фасадах с торжественными фронтонами и гармонично завершающимся куполом. Для старого Омска здание было архитектурным шедевром[123].

В 1916 г. строительство в основном было закончено. Началась отделка. Но события 1917 и 1918 гг. приостановили эти работы.

При господстве белых в здание вошли первые «жильцы». Это был отряд охраны золотого государственного запаса, захваченного белогвардейцами в Казани. Отряд разместился в правом крыле второго этажа.

Золотой запас, доставленный в Омск на двух эшелонах 13 октября 1918 г., был сосредоточен в двух кладовых Омского отделения государственного банка (против Дома Советов).

Остальная часть здания, по распоряжению «верховного правителя», спешно отделывалась под правительствующий сенат и министерство юстиции.

Здесь при открытии «Временных присутствий сената» (29 января 1919 г.) Колчак «принимал присягу на верность государству и законам страны». Его примеру последовал председатель совета министров Вологодский со всеми членами колчаковского правительства. В это время площадь перед зданием называлась «Сенатской площадью».

Но не успел главный зал сенатских заседаний украситься статуей «богини правосудия», как последовало секретное распоряжение об укладывании «действующих законов» в ящики.

Подходила Красная армия.

14 ноября 1919 г. Омск был освобожден от Колчака. На высокой мачте Дома Советов заалел красный флаг. В стены здания вошел орган Советской власти в Сибири – Сибирский Революционный комитет (Сибревком).

Первое заседание Сибревкома проходило в составе председателя И.Н. Смирнова[124], В.М. Косарева и М. Фрумкина[125]. Об организации Сибревкома вынесено постановление ВЦИК 27 августа 1919 г., когда еще вся Сибирь находилась в руках Колчака. И.Н. Смирнов на посту председателя Сибревкома был до 29 августа 1921 г. После этого Сибревком перенес свой центр из Омска в Новониколаевск (Новосибирск).

Когда в 1922 г. Сибирский краевой центр переехал из Омска в Новониколаевск (Новосибирск), Первый Дом Советов заняли губернские комитеты партии и комсомола, а также губернская контрольная комиссия и губернский исполнительный комитет. С 1934 г. здесь размещаются руководящие органы Советов, партии и комсомола Омской области.

Новосибирском, у озера Чаны, Виноградова скосил тиф. Из госпиталя его направили в Омск нести службу в артиллерийском складе, а вскоре демобилизовали. Он стал преподавателем Омского художественного промышленного института. В это время Н.Н. Виноградов и создал памятник. Художник в скульптурной группе ярко передал революционный пафос давних дней, воплотил великую мысль в непобедимость народа. Три года провел скульптор в Омске, а затем уехал в Москву, где живет поныне.

Здание Первого Дома Советов (бывш. Здание судебных установлений). Омск. 1920-е гг. Ныне здание Правительства Омской области

23 ноября 1920 г. в здании Дома Советов был председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Михаил Иванович Калинин. Он присутствовал на заседании, на котором члены Сибревкома, сделали доклад о положении дел подведомственных им отделов. В своем выступлении М.И. Калинин призвал всех присутствующих к дружной и сплоченной работе по воссозданию народного хозяйства.

На заседании присутствовали руководители всех губернских учреждений.

По окончании заседания Сибревкома на площади III Интернационала[126] (где ныне трамвайный парк) был проведен парад войск, расположенных в Омске. На параде присутствовал М.И. Калинин, он обошел ряды войск, приветствуя их.

В Омске Михаил Иванович Калинин побывал также в здании исполкома Омского городского Совета (ул. Гагарина, дом № 32)[127]. На установленной здесь мемориальной доске надпись:

В этом здании 22 ноября 1920 года
на объединенном заседании Омского Городского Совета
с участием партийных организаций
выступил председатель ВЦИК
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ
КАЛИНИН

ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

По левой стороне центральной аллеи Северного кладбища расположено Военное кладбище, расчлененное асфальтированными и оплиткованными дорожками на шесть озелененных рядов.

С самого начала Великой Отечественной войны в Омск стали прибывать раненые воины для лечения в госпиталях, среди которых было много тяжелораненых. Первое время умерших в омских госпиталях воинов хоронили в разных местах, преимущественно же в северо-западной части Казачьего кладбища. А затем было распланировано специальное военное кладбище. Ряды могил, каждую из которых венчает деревянный, кверху суживающийся четырехгранный столбик-обелиск со звездой наверху. Лаконичны надписи на столбиках-памятниках:

Солдат
Евдокимов
Иван Данилович
1922 – 1945
Омская область

Солдат
Мартыненко
Петр Яковлевич
1903 – 1945
Харьковская область.

Младший лейтенант
Златопольский
Григорий Соломонович
1913 – 1945 г.
Запорожье

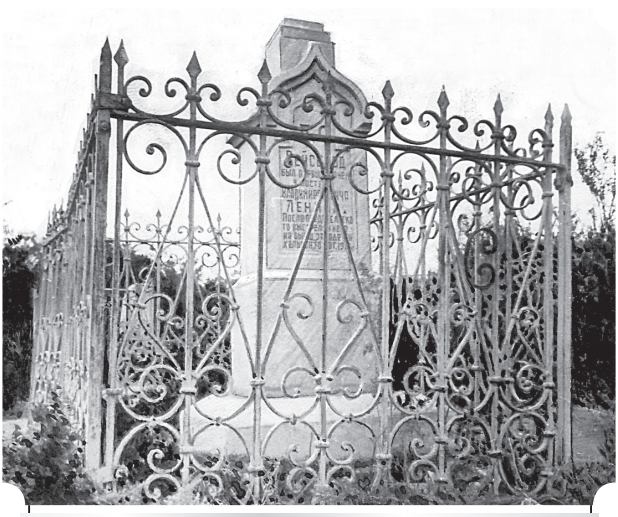
Солдат
Шуминов
Казис Казисович
1909 – 1946
Литовская ССР.

и т. д. и т. д.

На защиту Родины поднялись все народы, населяющие социалистическое Отечество. И на кладбище рядом лежат русские, украинцы, белорусы, казахи, евреи, татары, литовцы и представители других народов нашей страны, сражавшиеся за ее независимости.

На кладбище сооружен памятник[128].

На четырехгранном постаменте в 0,8 метра высотой с площадью 2,2×1,6 метра возвышается невысокий (1,4 метра) обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. На лицевой стороне обелиска – большой лепной венок, а на грани надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за Родину».



Могила Б.С. Вейсброда на Казачьем кладбище. Омск. 1954 г. Позднее могила была перенесена на Восточное кладбище

На постаменте – лепная фигура молодой женщины в военной форме с накинутой на плечи плащ-палаткой и винтовкой на правом плече. В руках – опущенный до основания обелиска венок.

Справа – лепная фигура воина с автоматом на груди, с обнаженной головой. В левой руке каска, правая рука лежит на венке, на плечи наброшена плащ-палатка.

В строгой торжественности, с сознанием совершенного перед Родиной долга стоят над дорогими могилами каменные изваяния мужества и славы в память о суровых годах войны.

Прошло более двух десятков лет. Почернели могильные стол-

бики, могилы поросли пахучей мятой, горят маленькими солнцами одуванчики. Молодые клены оплели своими корнями солдатские гробы, а раскинувшиеся над могилами их ветви мягко шумят своей листвой. Под ногами шуршит старая листва. Стайки скворцов быстро пролетают, поднявшись над кленами. До кладбища долетают заводские гудки, доносится стук трактора. Солнце льет тепло и свет на землю.

На Восточном кладбище – могила одного из крупнейших хирургов нашей страны профессора Бориса Соломоновича Вейсброда.

Б.С. Вейсброд был тем врачом, который первым оказал помощь В.И. Ленину после покушения на него в 1918 г.

С эвакуацией (в начале Великой Отечественной войны) Второго Московского государственного медицинского института в Омск приехал Б.С. Вейсброд – профессор этого учебного заведения. Здесь Б.С. Вейсброд со свойственной ему энергией развернул большую работу на кафедре хирургии, принимая в то же время активное участие в качестве постоянного консультанта в работе гарнизонного госпиталя. Умер Б.С. Вейсброд 6 августа 1942 г. На его могиле небольшой, белого мрамора памятник.

ПАМЯТНИК П.И. ИЛЬИЧЕВУ

В деревне Пугачево Нижне-Омского района, против сельского клуба, сооружен памятник Герою Советского Союза Петру Ивановичу Ильичеву. Высокое звание Героя Ильичев получил за проявленный героизм в боях при освобождении Курильских островов от японских захватчиков.

19 сентября 1945 г. на остров Шумшу высадился десант подразделения, в котором служил П. И. Ильичев. Ожесточенный бой разгорелся за высоту 171. В первых рядах атакующих шел комсомолец Ильичев. Путь десанту преградил сильный огонь из вражеского дота. В этот момент Петр Ильичев поднялся во весь рост и, бросившись вперед, грудью закрыл амбразуру вражеского дота. Воин погиб, проявив беззаветную любовь к социалистической Отчизне.

Памятник представляет собой четырехгранный цементный постамент, на нем фигура матроса в бескозырке с устремленным вдаль взором. На постаменте надпись:

«Герою Советского Союза Петру Ильичеву слава». Ниже надписи пятиконечная звезда, увенчанная веткой лавра. Памятник работы скульптора Н.И. Никитина. Вокруг памятника деревянная ограда, внутри которой в летнее время горят красками живые цветы.

Памятник открыт в июне 1961 г. при большом стечении народа. В Пугачеве съехались трудящиеся сел Нижне-Омского и соседних районов, представители партийных, советских, комсомольских и общественных организаций, пионеры, школьники, курсанты Омского речного училища и моряки-тихоокеанцы. В их числе – бывший моряк А.Н. Додух, участвовавший вместе с П.И. Ильичевым в боях за освобождение Курильских островов.

Память об Ильичеве свято хранят военные моряки и жители далекой Камчатки. Его именем названы улицы в городах и одна из морских бухт. На Авачинской сопке и на высоте 171 П.И. Ильичеву сооружены памятники.

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РАЙОНАХ ОБЛАСТИ[1]

На территории Омской области много мест, памятников, которые будят воспоминания о героической борьбе трудящихся в годы гражданской войны с интервентами и их ставленником Колчаком.

Это дома, в которых находились партизанские штабы, конспиративные квартиры, проводились собрания; мосты и обочины дорог, где происходили бои партизан с белогвардейцами и интервентами; поросшие камышом озера, лесные чащи и речные острова, служившие убежищем партизанам; лесные тропы, истоптанные ногами партизан.

Стоят старые, взметнувшие вверх свои вершины, кедры, пихты, березы – свидетели героической борьбы трудящихся за Советскую власть.

Много оставило это суровое время могил. Одни из них затерялись, сравнялись с землей. Уцелевшие могилы борцов за дело революции – братские и одиночные – находятся на площадях, в садах, на улицах и околицах городов, сел и деревень, среди залитых солнцем полей и на скромных сельских кладбищах. На некоторых могилах (в основном в городах и районных центрах) сооружены капитальные памятники. Большинство же могил увенчивается деревянными надгробиями в виде усеченной пирамиды, либо суживающегося кверху столбика, окрашенного в красный цвет, с пятиконечной звездой наверху. Есть могилы с разбитыми возле них клумбами, на которых красками горят в летнее время цветы. Нередко можно увидеть на могилах принесенные букеты живых цветов и венки из лапок вечнозеленой ели. Это память народа тем, кто в расцвете лет, с горячей любовью к солнцу, к жизни отдал ее во имя счастья на земле.

Почти пятьдесят лет прошло, как насыпаны могильные холмы, мертвые уже стали частью земли. Но земля наша бессмертна и память о погибших вечна*.

ЧЕРЛАКСКИЙ РАЙОН

Черлак. Памятник и могила А.Е. Мельникова. В поселковом сквере на четырехгранном каменном постаменте установлен бюст первого председателя Черлакского ревкома Афанасия Егоровича Мельникова, убитого белогвардейцами и кулаками в июне 1918 г.

А.Е. Мельников местный уроженец, казак. По возвращении с фронта, он был избран председателем поселкового ревкома. Вместе с местными коммунистами и активистами из бедняцкого населения он горячо взялся за перестройку станичной жизни на новый лад.

Когда в июне 1918 г. белогвардейцы, при поддержке иностранных интервентов, заняли Омск, в Черлаке власть захватили кулаки. Мельникову и другим большевикам пришлось скрываться от контрреволюционеров. Белогвардейцы выследили Мельникова, он был схвачен и зверски убит. После разгрома Колчака прах Мельникова был перенесен в поселок и похоронен на площади, где теперь разросся общественный сад.

На памятнике, установленном на могиле, надпись:

Председатель Черлакского Ревкома
МЕЛЬНИКОВ АФАНАСИЙ ЕГОРОВИЧ
погиб в июне 1918 г.
в борьбе за власть Советов

* В данном разделе даются краткие сведения о памятных местах периода гражданской войны на территории Омской области. Материалом послужили: записи автора по регистрации и обследованию историко-революционных памятников; сведения, полученные при опросе автором местного населения, участников и свидетелей событий; данные из анкет по учету памятников революции; сведения из областных и районных газет, книг, сборников.

В увековечение памяти А.Е. Мельникова одна из центральных улиц Черлака названа именем Мельникова[2].

РУССКО-ПОЛЯНСКИЙ РАЙОН

Русская Поляна. Мемориальная доска памяти Р.С. Рассохина. На здании Русско-Полянского райисполкома установлена мемориальная доска. На сером мраморе вырезана надпись: «Большевику Роману Сергеевичу Рассохину, первому председателю Русско-Полянского Совета, зверски замученному колчаковцами в 1919 г.».

Р.С. Рассохин родился на Полтавщине. Когда ему было 10 лет, семья Рассохиных переселилась в Сибирь, сначала в Павлоградский район, а в 1912 г.– в село Белики Русско-Полянского района.

В начале 1918 г. Р.С.Рассохин возвратился с фронта в Русскую Поляну большевиком. Созданная им здесь партийная ячейка организует бедноту, разъясняет декреты Советской власти. Свою революционную деятельность Р.С. Рассохин не прервал и после захвата Омска и Сибири белогвардейцами.

Большую разъяснительную работу проводил он среди крестьян, а также среди солдат, обманутых и принужденных служить у Колчака. Колчаковцы прилагали много усилий к аресту Р.С. Рассохина, неоднократно врывались в дом его матери, которая жила тогда в д. Русановке. Однажды, когда Р.С. Рассохин был у матери, нагрянули каратели, его арестовали и препроводили в Омск в тюрьму. Перед бегством колчаковцев, Р.С. Рассохин вместе с другими борцами за власть Советов был расстрелян в Старой загородной роще. Похоронен в Омске в братской могиле ста двадцати.

КАЛАЧИНСКИЙ РАЙОН

Город Калачинск. Братская могила и памятник. В городском саду находится братская могила. В ней похоронены борцы за власть Советов, среди них – первый председатель Калачинского уездного исполнительного комитета Яков Михайлович Калнин.

Я.М. Калнин выходец из латышской батрацкой семьи. Благодаря трудолюбию и упорству, ему удалось окончить учительскую семинарию. По окончании семинарии работал сельским учителем. Перед революцией 1905 г. он вступил в РСДРП, участвовал в борьбе с самодержавием. В годы реакции он скрывался, проводил революционную работу. Его выследили. Суд приговорил Я.М. Калнина к 15 годам каторжных работ. Десять лет он просидел в Смоленской каторжной тюрьме, из которой был освобожден в феврале 1917 г. В Калачинск Я.М. Калнин был направлен партией для заготовки продовольствия. Здесь, на первом съезде Советов в марте 1918 г., он был избран председателем уездного исполкома. При непосредственном участии Я.М. Калнина из Калачинска было отправлено много хлеба в голодающие районы России.

Памятник на братской могиле борцов революции. Калачинск. 1930-е гг.

В июне 1918 г., когда к власти пришли контрреволюционные силы, начались аресты и репрессии в отношении советских ра-

Новый памятник на братской могиле борцов революции. Калачинск. 1950-е гг.

ботников. 8 июня Я.М. Калнин пошел на станцию Калачинск, чтобы встретить поезд и уточнить обстановку в Омске. Из вагонов выскочили каратели. Окруженный белогвардейцами, Калнин застрелился.

Революционер Я.М. Калнин был вместе с тем и поэтом, писателем. Его муза прошла с ним по дорогам борьбы.

В этой же могиле похоронены: Цирулис – секретарь партийной организации, машинист мельницы, погиб при аресте, не давшись в руки палачей; Иванов и Черепов, расстрелянные колчаковцами при отступлении, начальник уездной милиции Тихонов, убитый руководителем бандитской шайки Буренком, оперировавшей в 1923 – 1924 гг. в Калачинском уезде. Кроме того, в могиле похоронен учитель-комсомолец Куликовской школы колхозной молодежи Михаил Мартынович Смирнов, активный участник проведения коллективизации сельского хозяйства. Смирнов был убит выстрелом, направленным на него ненавидевшим его кулачеством в то время, когда, придя домой, он рассказывал брату о состоявшемся антирелигиозном вечере.

На могиле сооружен памятник в виде высокой четырехгранной пирамиды, опоясанной несколько ниже середины карнизом[3]. В основании памятника трехступенчатый постамент. Памятник увенчан пятиконечной звездой. На лицевой стороне нижней рустованной части пирамиды надпись:

Вечная память героям,
павшим в борьбе за Советскую власть
Здесь похоронены
КАЛНИН
СМИРНОВ
ИВАНОВ
ЧЕРЕПОВ
ТИХОНОВ
ЦИРУЛИС

Вокруг памятника оцементированная площадка размером 4×4 метра. По углам ее невысокие четырехгранные тумбы.

Памятник кирпичный, оштукатуренный и окрашенный в мягкий серый цвет.

Сергеевка. Братская могила. На северо-западной окраине села Сергеевки находится братская могила (два могильных холма). На могиле цементный памятник в виде четырехгранного столбика, увенчанного пятиконечной звездой. На памятнике надпись:

Памятник на братской могиле борцов революции. Калачинск. Современный вид

Здесь покоится прах
9 товарищей – борцов за власть Советов,
казненных колчаковской бандой
27 сентября 1919 г.
Из с. Сергеевки:
Кириленко В. Г. – 1900 г. рождения,
Полищук И. П. – 1900 г. рождения.

Кириленко и Полищук похоронены под меньшим могильным холмом. Под большим могильным холмом похоронены: Сидоренко Павел Илларионович из села Кочковатое и другие жители из соседних деревень.

Эти люди уклонились от явки по мобилизации в колчаковскую армию.

НИЖНЕ-ОМСКИЙ РАЙОН

Рязанка. Братская могила защитников Советской власти, расстрелянных колчаковцами при отступлении[4].

МОСКАЛЕНСКИЙ РАЙОН

Ольгино (ст. Москаленки). Против вокзала, в 150 метрах от него, находится братская могила. В могиле похоронены борцы за Советскую власть, в том числе т. Суздальцев и др.

На могиле установлен кирпичный оштукатуренный памятник в виде четырехгранной пирамиды, увенчанной пятиконечной звездой. Вокруг памятника установлена железная ограда на кирпичных столбах. Возле могилы березы, сирень и акация. Надпись на памятнике отсутствует[5].

ИСИЛЬКУЛЬСКИЙ РАЙОН

Город Исилькуль. Партизанское кладбище. В недалеком расстоянии от элеватора расположено партизанское кладбище. Начало кладбищу было положено погребением партизан, погибших в борьбе с колчаковцами. Здесь же похоронены расстрелянные в Исилькуле в 1918 г. крестьяне из деревни Гагаринки Называевского района, взятые как заложники: Киселев Иван Васильевич, Портных Иван Романович и Монташев Степан Федорович.

Позднее на этом кладбище стали хоронить бывших участников партизанского движения[6].

ЛЮБИНСКИЙ РАЙОН

Зимой 1918 г. в Любино была создана большевистская подпольная группа из 14 человек. Возглавил эту группу железнодорожный рабочий Дмитрий Васильевич Елисеев. В группу входили железнодорожные рабочие братья Сергей и Никита Чайкины, Тимофей Чибисов, Дмитрий Нестеренко, Даниил Крицкий, два брата Камневых, два брата Зарубиных и другие. Участники группы вели агитационную работу, распространяли большевистские прокламации. Местные белогвардейские власти старались выследить рабочих. 11 августа 1919 г. староста Любинского поселка созвал сход.

Пришли сюда Елисеев и другие его товарищи. На сходе выступил присланный из Омска колчаковец, который призывал жителей поддержать колчаковское правительство, в частности идти служить в его армию. Неожиданно провокатор крикнул: «Здесь большевики». Чибисов не сдержался, выстрелил из револьвера в провокатора. Началась суматоха. Подоспевший отряд анненковцев бросился искать большевиков.

Братья Чайкины не успели скрыться, были схвачены и расстреляны белогвардейцами у изгороди ближайшего огорода.

Наступила сибирская осень, с туманами и холодными ветрами. Но холодный ветер со стороны Уральских гор стал приносить в Любинский поселок теплые, радостные вести. Красная Армия гнала на восток полчища колчаковцев. Через станцию Любино на Омск и далее на восток торопливо в поездах и на подводах убегали колчаковцы.

Братская могила. Медленно двигался вражеский бронепоезд на восток. Немногочисленная разведка Красной Армии выбежала из березового колка со стороны поселка Протопоповки. Разведчики начали разбирать путь, стремясь задержать бронепоезд. Но с бронепоезда заметили разведчиков.

На восточной стороне станции Любинская произошла перестрелка между колчаковцами и красноармейцами. Во время перестрелки было убито шесть красноармейцев и двое штатских.

Погибшие красноармейцы похоронены в братской могиле в Любинском поселке. На могиле памятник в виде четырехгранной пирамиды. Вокруг памятника деревянная ограда[7].

Разъезд Петрушенко. Разъезд получил название по фамилии расстрелянного колчаковцами Ивана Васильевича Петрушенко. В зале вокзала находится в раме портрет Петрушенко.

В 1919 г. Петрушенко был мобилизован в армию Колчака (в отряд Красильникова). В момент погрузки в поезд для отправки на фронт Петрушенко в полном обмундировании и вооружении убежал. Скрываясь на станции Любино, он встретился с дезертировавшими из колчаковской армии М.А. Шаланухиным и П.К. Рыбкиным. В ноябре одним из колчаковских отрядов была обнаружена землянка, в которой они скрывались. Шаланухину и Рыбкину удалось бежать. Петрушенко же был ранен в ногу и его захватили белогвардейцы. Жестоко поиздевавшись, они закрыли Петрушенко в будке стрелочника, единственное окно которой наглухо забили досками. Рано утром, когда орудийные раскаты наступавшей Красной Армии приближались к разъезду, белогвардейцы увели Петрушенко в степь и там расстреляли.

После бегства карателей жители разъезда пришли на место расстрела. Убитый лежал лицом вниз, зажав в руке горсть земли.

МАРЬЯНОВСКИЙ РАЙОН

Станция Марьяновка[8]. В мае – июне 1918 г. при станции Марьяновке происходили ожесточенные бои омских красногвардейцев (преимущественно из железнодорожных рабочих) с белочехами, поднявшими в Сибири контрреволюционный мятеж против Советской власти. Первый бой произошел у станции Марьяновки 25 мая 1918 г.

Прибывший из Омска с вооруженными рабочими поезд, пройдя входные станционные стрелки, остановился. Впереди против станции стояли два эшелона с белочехами. Один – только что вернувшийся из Омска после неудачной попытки прорваться на восток. На перроне станции играл чешский духовой оркестр. Не подозревая предательства, командир красногвардейского отряда, начальник Омской милиции П.С. Успенский и секретарь штаба А.П. Страхов с белым флагом направились в сторону станции для переговоров с чешским командованием. Послышались выстрелы, и тут же вражеская пуля сразила П.С. Успенского. Выбежавшие второпях из вагонов красногвардейцы рассыпались по сторонам железнодорожного полотна и открыли стрельбу сначала из винтовок, а потом вытащены были из вагона пулеметы. Пули посыпались на врага, охватившего отряд подковой. Бой принял ожесточенный характер. Бой продолжался два часа – с пяти до семи вечера. Отряд красногвардейцев понес потери. Многих не досчитывались: погиб заместитель Успенского Григорьев, представители Совжелдепа Катаев и Пальцев и многие другие. Белочехи, значительно превосходившие численностью, оснащением и военной выучкой, теснили красногвардейцев. В это время на помощь подоспел Звездов с отрядом красногвардейцев и двумя трехдюймовыми орудиями. Был открыт огонь из орудий по белочехам. Не приняв боя, чехи отступили на Москаленки.

Бои под Марьяновкой возобновились 5 июня в 7 часов утра. К двум полкам белочехов присоединились отряд Анненкова и отряд казаков.

Решающее сражение под Марьяновкой произошло 6 июня, оно продолжалось с утра до ночи. «... К вечеру от беспрерывной работы, – пишет Звездов, – стали выбывать пулемет за пулеметом. Горели винтовки, но никто не думал об отступлении. Но вот растопилось орудие и поломалась бронемашина, а противник подошедшими резервами со всех четырех сторон все теснее и теснее сжимал отважных бойцов. Коммунары умирали геройски. Раненый артиллерист-наводчик пустил себе пулю в висок с возгласом: «Да здравствует революция!». Никто из раненых не хотел покинуть своего места.

Солнце спускалось все ниже и ниже и, наконец, скрылось за тучи, и тьма окутала героев. Наступившая тьма дала возможность безнаказанно приблизиться врагу. Все смешалось. Начался рукопашный бой. Тьма освещалась вспыхиванием ружейного и пулеметного огня и рвавшихся ручных гранат. Темнота также помогла и нам выйти из кольца противника». (Газета «Советская Сибирь», 5 июня 1921 г.).

Братская могила. В селе Марьяновке, против сада – братская могила красногвардейцев, погибших в боях под Марьяновкой в 1918 г.

Первоначально погибшие были похоронены в братской могиле на месте боев, возле нефтебазы, у полотна железной дороги. Отдельные захоронения погибших были также на территории нефтебазы.

11 октября 1953 г. возле братской могилы организован (в специально построенном доме) музей памяти Марьяновских боев. В музее выставлены портреты участников боев, оружие, документы, большие полотна картин, исполненные художниками Д.И. Логачевым и Н.Д. Хломенком, воспроизводящие боевые эпизоды, и другие экспонаты.

В 1958 г. похороненные в братской могиле участники боев были перенесены в центр села.

Могила имеет вид правильного четырехугольника в 10 метров длиной, 8 – шириной, 1,5 метра высотой. С южной стороны ее цементная плита размером 1,8×1,45 метра. На плите чугунная доска с надписью:

Слава и честь вам,
орлы боевые!
Вечная слава
погибшим
в боях!

Памятник красногвардейцам, погибшим в боях с белочехами. Марьяновка. Современный вид

С боков могила имеет восьмиступенчатые лестничные всходы. На могиле памятник. У поднимающегося на 7 метров кверху, суживающегося, рустованного с боков четырехгранника со звездой наверху – чугунная трехфигурная скульптурная группа красногвардейцев, со знаменем и оружием в руках.

На постаменте под скульптурой доска с надписью:

Омским рабочим,
бойцам Красной гвардии,
павшим в боях
с белогвардейцами
у станции Марьяновка
в мае – июне 1918 г.[9]

Степное. На запад от села Степного, в расстоянии около километра, среди поля находится братская могила жертв белочешского разгула.

По рассказам старожилов известно, что здесь похоронены расстрелянные белочехами сторонники Советской власти. В числе расстрелянных молодая женщина, захваченная карателями. За какие «вины» она была взята белочехами – неизвестно. Передают, что арестованная умоляла чехов не расстреливать ее. Но каратели были неумолимы. Женщина была расстреляна вместе со случайно проходившим мимо стариком. Здесь было расстреляно еще 18 (по другим данным – 25 – 26 человек). Кто именно – точно не установлено. Расстрел произведен на месте, где могила. В то время здесь был березовый лес.

На могиле кирпичный памятник в виде четырехгранной пирамиды, увенчанной железной пятиконечной звездой в металлическом круге. Памятник оштукатурен и покрыт алюминием. Могила окаймлена кирпичом, около нее посажены клены. В левом заднем углу в ограде деревянная трибуна.

На барьере трибуны прикреплен планшет с надписью:

«Вечная память
погибшим борцам
в борьбе
за власть Советов»[10].

Покровка. На восток от Покровки, в расстоянии 2,5 километра, на левом склоне Камышловской долины, среди нетронутой степи – братская могила погибших в годы гражданской войны от рук белогвардейцев. На могиле кирпичный оштукатуренный цементом памятник в виде ступенчатой тумбы, увенчанной железной пятиконечной звездой. Вокруг могилы деревянная ограда. Памятник и ограда сооружены в 1957 г.[11]

НАЗЫВАЕВСКИЙ РАЙОН*

На территории нынешнего Называевского района трудовое крестьянство, руководимое партией большевиков, активно выступило на борьбу против контрреволюции. На территории района много памятных мест и памятников, свидетельствующих об этой борьбе.

Гагаринка. Между деревнями Гагаринка и Бычки произошел бой местных партизан с белочешским карательным отрядом. Этот бой вошел в историю борьбы за власть Советов под названием «Гагаринского боя».

Когда интервенты в июне 1918 г. захватили власть, трудовое крестьянство под руководством большевиков вступило на путь активной борьбы за Советскую власть.

Во многих деревнях стали организовываться тайные революционные крестьянские организации. Крупная такая организация сложилась в деревне Гагаринка. Она поддерживала связь с Тюкалинской большевистской организацией. Зажиточная часть деревни всячески противодействовала. В Тюкалинск (уездный центр) стали поступать доносы о готовящемся восстании. В Гагаринку были посланы карательные отряды из белочехов и казаков.

Получив известие о движении отряда карателей, крестьяне Гагаринки и окрестных деревень вооружились и сделали засаду в лесу на дороге в деревню Бычки.

24 августа 1918 г. карательный отряд вошел в Гагаринку. Жителей согнали на площадь. Здесь каждого десятого карателя выводили из толпы и жестоко, на глазах у всех, избивали, допытываясь, где большевики. Не добившись никаких сведений, пьяная орава карателей на подводах, с пением и криками, выехала из Гагаринки по направлению к деревне Бычки. Засевшие в лесу партизаны встретили карателей залпами. Завязался бой. Чехи и казаки были разбиты и в панике бежали, оставив часть оружия. («Омская правда», 12 сентября 1939 г.).

Ныне вырублен лес, скрывавший партизанскую засаду, и дорога, на полотне и обочине которой произошел бой партизан с карателями, проходит по открытому ровному пространству. Местное население свято хранит память о бое 24 августа 1918 г., который послужил началом вооруженной борьбе против белогвардейцев и интервентов в деревнях и селах данного края.

* Большую помощь по учету памятников революции Называевского района оказал преподаватель Называевской средней школы Я.А. Славинский.

В Гагаринке на общем кладбище братская могила крестьян, расстрелянных белогвардейцами: Шалыги Павла Лукьяновича, Пацкого Степана, Завидова Андрея, Монташева Дмитрия Степановича.

Носовка. Здесь был создан подпольный революционно-крестьянский комитет. Руководители его были Пузиков и Хвалищенко. Подпольный комитет имел связь с рядом населенных пунктов и оказывал на жителей большое влияние. Распространял по деревням свое воззвание, в котором говорилось: «Мы организовались с рабочими станции Называевская. У рабочих есть пять пулеметов. В Омске восстание, в Тюкалинске идет бой, идет бой в Дурбинках, в Лебяжьем убили трех белых. У нас все организовались, вооружились. Приезжали посыльные из Брусова и Шилова, там тоже все готовы. Передайте дальше».

Кисляки. Организатором и руководителем крестьян в борьбе против белогвардейцев здесь был матрос Василий Лавров. Узнав о приближении карательного отряда в Кисляки, Лавров с вооруженными крестьянами ушел из деревни и организовал засаду. При обыске в доме Лаврова каратели изъяли большевистские воззвания и пропагандистские брошюры. Несмотря на угрозы карателей, крестьяне не выдали Лаврова.

Утичье. В селе Утичье, в конце главной улицы, рядом с общим кладбищем находится братская могила.

В могиле похоронены 17 крестьян, расстрелянных анненковским карательным отрядом за сочувствие Советской власти:

Бушуев Иван Финогенович, 40 лет.
Бушуев Василий Финогенович, 37 лет.
Волков Архип Степанович, 28 лет.
Волков Леонтий Тимофеевич, 28 лет.
Полозов Иван Петрович, 30 лет.
Полозов Григорий Петрович, 32 года.
Колосов Ефрем Осипович, 37 лет.
Бабкин Федор Михайлович, 26 лет.
Мизюрин Егор Яковлевич, 40 лет.
Романченко Василий Кузьмич, 28 лет.
Марфин Владимир Иванович, 25 лет.
Бухаров М., 40 лет.
Корелин Егор, 40 лет.
Шабунин Василий Демьянович, 26 лет.
Еготин Семен Иванович, 18 лет.
Мартыненко Николай Алексеевич – из деревни Константиновка, 20 лет.
Аникин Василий Иванович, 29 лет.

На могиле деревянный памятник, увенчанный пятиконечной звездой.

Август – октябрь 1919 г. особенно был тяжелым для трудящихся Называевского района. Разнузданная белогвардейщина не знала предела издевательствам над крестьянами. Под угрозой смерти проходили разные поборы. Черные силы отыскивали сочувствующих большевикам. В это время в Утичье и были расстреляны 17 крестьян. Их увезли на разъезд Горький, и там, на берегу озера, в 6 часов вечера 23 августа 1919 г. расстреляли. Рассказывают очевидцы, когда стволы винтовок были уже направлены на крестьян, стойкий и решительный Мартыненко, ободряя своих товарищей, крикнул палачам: «Вы нас убьете. Мы умрем, но дело революции продолжать будут сотни и тысячи. И она победит!!!».

Дурбет. В Дурбете братская могила семи партизан, погибших летом 1918 г.

Блинков Иван, род. в 1889 г.
Блинков Никита, род. в 1894 г.
Лахтин Савелий, род. в 1887 г.

Лахтин Сергей, род. в 1891 г.
Лахтин Василий, род. в 1896 г.
Фомичев Михаил, из Смоленской губернии.
Романов Александр, тоже.

Партизаны были захвачены белогвардейцами на заимке. Их окружили каратели и зарубили шашками.

Ново-Воскресенка. В деревне Ново-Воскресенка, на кладбище, находится могила члена ревкомиссии Совета Называевской волости Федора Протасовича Щемелинина.

Федор Щемелинин вместе с братом Сазонтом, а также другими жителями деревни Ново-Воскресенки, в июне 1918 г. во время контрреволюционного переворота организовали партизанский отряд и ушли в лес. К ним присоединились крестьяне из других деревень.

Осенью 1918 г. партизаны готовили нападение на отряд карателя Анненкова. Об этом узнали местные кулаки, и, когда братья Щемелинины ночью 9 сентября пришли проведовать свои семьи, они были схвачены, и вечером 10 сентября 1918 г. расстреляны.

На Ново-Воскресенском кладбище находится также братская могила четырех крестьян из ближних деревень, убитых белогвардейским карательным отрядом.

Называевск. В г. Называевске, на кладбище – братская могила сорока пяти красноармейцев, убитых и умерших от ран, полученных в боях с белыми.

Перед своим бегством 10 – 11 ноября 1919 г. колчаковцы опустошили поселок и станцию Называевскую: был взорван оборотный круг, разорена железнодорожная школа, снята станционная аппаратура, стрелки. Наконец, захватив около ста пятидесяти лошадей с подводами и людьми, белые бежали.

Вечером 12 ноября 1919 г. конный красноармейский отряд вступил в Называевск. В первой половине декабря, по восстановлении железнодорожного пути, поездом были доставлены на ст. Называевскую убитые и умершие от ран 45 красноармейцев, и под ружейный салют были опущены в братскую могилу.

В начале января 1920 г. возле братской могилы похоронен умерший от тифа секретарь ячейки РКП(б) Кудрявцев (крестьянин б. Тверской губернии) – боец 282 этапной роты одной из дивизий Красной Армии. Кудрявцев оставил память о себе, как о чутком товарище, неутомимом борце за дело трудящихся[12].

Называевск. В Называевске, возле бывшего клуба (теперь здесь кинотеатр) – могила неизвестного красноармейца. В начале 1921 г. вспыхнуло Ишимское кулацкое восстание, охватившее частично и Называевский район. В результате этого восстания много погибло защитников Советской власти. Жертвой его является и неизвестный красноармеец, погибший на посту у железнодорожного моста недалеко от 47 разъезда Западно-Сибирской ж. д. в феврале 1921 г. от руки бандита[13].

Лебяжье. В середине февраля 1921 г. вооруженный отряд в количестве 45 человек из Называевска направился в Лебяжье (ныне Исилькульский район), где разгромил банду участников Ишимского кулацкого восстания.

Коротково. В степи на месте бывшей деревни Коротково[14] – братская могила трех коммунистов, убитых бело-бандитами в феврале 1921 г. Их имена: Эрнст Фридрикович Яунзем – член партии большевиков с 1908 г., Алида Яковлевна Аузина – учительница-комсомолка, Лина Крингель – комсомолка, работница Коротковского маслодельного завода.

Погибшие были захвачены на своих квартирах в начале Ишимского восстания. Они подверглись пыткам, после чего были убиты.

В первых числах марта 1921 г. погибшие были с почестями похоронены. (Называевск, «Красная искра», 15 февраля 1951 г.).

КРУТИНСКИЙ РАЙОН

Рыжково. Возле мельницы, в 6 метрах от пруда, находится могила с памятником погибшему борцу за власть Советов Якобсону.

А.Ф. Палашенков у памятника на месте расстрела борцов революции. Тюкалинск. 1957 г.

В основании памятника плита, на ней четырехгранник, наверху которого пирамида, увенчанная пятиконечной звездой. Памятник кирпичный, оцементирован.

Якобсон родился в 1885 г. в Латвии. Переехал в Сибирь в 1912 г. Был убит во время Ишимского восстания в 1921 г.[15]

ТЮКАЛИНСКИЙ РАЙОН

Город Тюкалинск. После занятия (7 июня 1918 г.) белочехами Омска, белогвардейская власть водворилась в Тюкалинске. В городе, селах и деревнях начались бесчинства белогвардейцев, аресты и обыски. Ненависть населения к белогвардейцам росла. 17 августа 1919 г. в Тюкалинске появились вооруженные партизаны – крестьяне из деревень Конкуль, Бугровое, Зотино и др. Намечено было захватить тюрьму, почту, казначейство и освободить город от колчаковцев. Но силы были неравные, к тому же из Омска прибыл карательный отряд. Двадцать восставших были расстреляны на месте. Каратели рыскали по деревням, всех заподозренных в приверженности Советской власти хватали и направляли в тюрьму. Бесчинства продолжались до бегства колчаковцев из города и завершились кровавой расправой. Командир карателей полковник Мокри распорядился об уничтожении заключенных в тюрьме, и в ночь с 11 на 12 ноября 1919 г. у ворот тюрьмы было зверски убито 47 борцов за власть Советов, в том числе несгибаемой воли большевики – Павел Усольцев и Людвиг Марацевич. Погибшие похоронены в братской могиле, в сквере[16].

Памятник на месте расстрела борцов революции. Тюкалинск. Современный вид

На окраине города, по улице С.М. Кирова установлен памятник на месте расстрела борцов революции[17]. Памятник кирпичный в виде усеченной четырехгранной пирамиды, увенчанный шаром. Памятник на цоколе о трех ступенях. Общая высота его 2,5 метра. Вокруг памятника деревянная ограда.

Памятник на месте расстрела борцов революции. Колосовка. Современный вид

КОЛОСОВСКИЙ РАЙОН

Село Колосовка. В связи со срывом мобилизации в колчаковскую армию, вечером 24 сентября 1919 г. в Колосовку прибыл карательный отряд. Отряд предложил всем подлежащим мобилизации 25 сентября выехать в Тару. Так как никто в Тару не поехал, к 12 часам из Евгащино прибыл второй отряд уже в большем по количеству составе. Село было оцеплено. Начались аресты. К ночи арестовали более 80 человек, из которых 26 были расстреляны.

На месте расстрела 26 на окраине села, по улице Партизанской (возле конторы совхоза), сооружен деревянный памятник в виде усеченной четырехгранной пирамиды, увенчан пятиконечной звездой. Вокруг него деревянная ограда. На памятнике на железном планшете надпись:

26 сентября 1919 года
здесь колчаковцами
зверски расстреляны борцы
за Советскую власть

(Дальше следует перечень 26 погибших).

Все расстрелянные были засыпаны землей на месте расстрела.

Братская могила и памятник. Вскоре после окончательного установления Советской власти расстрелянные были перенесены в сельский сад и там похоронены в братской могиле.

На могиле памятник в виде обелиска со ступенчатым основанием. Памятник оцементирован, увенчан большой пятиконечной металлической звездой. На лицевой стороне его надпись:

Вечная слава борцам, отдавшим жизнь
за Советскую власть.

Анисимович Н.Я.	Мельников М.А.
Белявцев С.Н.	Репкин Ф.Н.
Боженов П.О.	Рыбин Н.С.
Волков И.Н.	Соломахин Н.В.
Жудров Д.Н.	Таранников В.Т.
Зыбин А.К.	Тимонин Ф.С.
Зыбин С.К.	Чернов А.С.
Каледа Д.М.	Чурсин А.П.
Колосов Ф.Ф.	Чурсин Н.И.
Климов К.В.	Чурсин Н.Ф.
Краев Г.Ф.	Чурсин С.Ф.
Красников М.Ф.	Чернов П.К.
Крикушин В.Е.	Чурсин П.И.

Вокруг могилы деревянная ограда.

После расправы в Колосовке каратели направились к с. Бражниково. По пути следования ими был арестован крестьянин партизан Ион Иванович Чурсин и около Корсинской рощи расстрелян[18].

Памятник на братской могиле борцов за власть Советов. Колосовка. Современный вид

БОЛЬШЕРЕЧЕНСКИЙ РАЙОН

Старый Карасук. Когда в августе 1918 г. был оглашен приказ о мобилизации населения в белую армию, в Старом Карасуке на площади возле школы был проведен с приехавшими сюда призывниками митинг. На митинге выступили большевики, фронтовики. Они призывали не являться на приемный пункт. В результате все присутствующие призывники разъехались по домам. Это послужило сигналом к срыву мобилизации и в других волостях Тюкалинского уезда. Для наведения порядка был направлен в Старый Карасук и другие села карательный отряд. В Старом Карасуке отряду удалось арестовать организаторов срыва мобилизации – Киселева и Телятникова. После допросов, захваченные были выведены за село и там расстреляны. Могилы погибших на сельском кладбище.

Братская могила борцов за власть Советов. Евгащино. Современный вид

Евгащино. В центре села находится братская могила борцов за власть Советов, погибших в 1919 г. В могиле похоронены:

Новиков В.М.	Панкратьев А.С.
Новиков Ф.М.	Тарлышев А.А.
Суслов Я.М.	Мерзляков Ф.М.
Коченов Ф.М.	Панкратьев Д.В.
Тарлышев Л.А.	Хуснутдинов Г.Г.

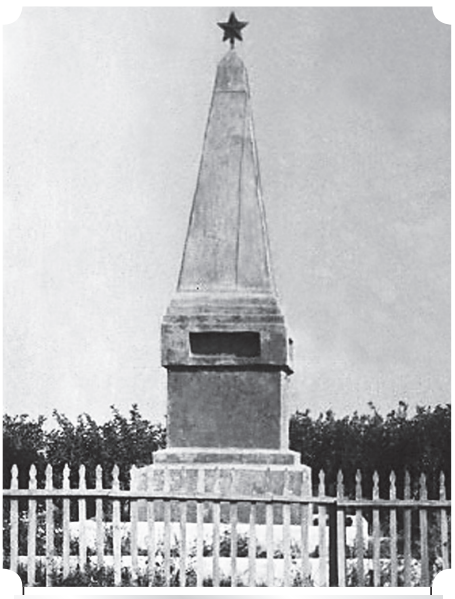
На могиле сооружен кирпичный памятник в виде стройного четырехгранного обелиска. Памятник увенчан пятиконечной звездой[19].

Евгащино. На берегу Иртыша братская могила двух борцов за власть Советов, расстрелянных колчаковцами.

Могилы отдавших свою жизнь за Советскую власть в годы колчаковской реакции находятся и в других селах и деревнях района.

В д. Лебяжье – братская могила пяти неизвестных борцов. За деревней Илле-Карга братская могила расстрелянных осенью 1919 г. коммунистов из дер. Михайловки Николая Задедюрина, Филиппа Волегова и двух мадьяров[20].

Такмык. В селе на высоком коренном берегу Иртыша – братская могила погибших в борьбе за власть Советов. На могиле оштукатуренный кирпичный памятник в виде четырехгранной пирамиды на массивном четырехгранном постаменте[21]. Увенчан памятник пятиконечной звездой*.



Братская могила красногвардейцев, расстрелянных белогвардейцами. Такмык. 1960-е гг.

* Сведения по Большереченскому району в основном взяты из материалов, собранных В.С. Аношиным.

САРГАТСКИЙ РАЙОН

Интенис. С правой стороны дороги из Саргатского в с. Интенис, на краю сельского кладбища, могила организатора партизан А.И. Шеломенцева. На могиле памятник в виде усеченной четырехгранной пирамиды в 2 метра высотой. В основании пирамиды четырехгранник в виде куба. Венчает памятник пятиконечная звезда. На лицевой стороне (к дороге) надпись:

ШЕЛОМЕНЦЕВ
АРТАМОН ИЛЬИЧ
1880-1919 гг.
Герой партизанского движения.

А.И. Шеломенцев – матрос Черноморского флота. Жил с женой и детьми в избушке на краю села. С первых дней появления в Интенисе, он, Иван Иванович Кабанцев (который после занятия Омска белочехами вернулся в родной Интенис) и Василий Осипович Кабанцев организовали партийную ячейку, сплотили вокруг себя бедноту, оказывали на население большое влияние, создали партизанский отряд. Белогвардейцы были сильно обеспокоены их действиями и напрягали все силы, чтобы захватить Кабанцевых и Шеломенцева*. Наконец, это им удалось. В марте 1919 г. в Саргатском был схвачен И.И. Кабанцев, а в августе в Тюкалинске расстрелян.

А.И. Шеломенцев убит в апреле 1919 г. Каратели проследили его возвращение к семье. Заметив их приближение к дому, он через двор бежал к озеру Интенис и оттуда начал отстреливаться. Взяли его только после ранения. Посадили на подводу. Он сумел бежать. Его вновь схватили и убили.

По приказу белых, труп А.И. Шеломенцева был отвезен на скотское кладбище и там зарыт. И только в декабре 1919 г. боевые соратники Артамона Шеломенцева перенесли его тело на кладбище. Когда опускали гроб в могилу, над Интенисом прозвучал ружейный салют[22].

Озеро Интенис. Местами, в особенности у берегов, озеро сильно проросло камышом. В этих камышах скрывались партизаны.

Гогольчиха, грива. Находится в трех километрах от с. Интенис в сторону Саргатского. В августе 1919 г. отряд Саргатской милиции белых, узнав, что партизаны находятся в Интенисе, прибыл в село. Партизаны сосредоточились у Гогольчихиной гривы, и когда милицейский отряд, сопровождаемый мобилизованной интенисской молодежью, поравнялся с гривой, по милиции было дано партизанами несколько оружейных залпов. Были убитые и раненые среди милиции. Партизаны захватили брошенные подводы и возвратились в Интенис.

Щукина грива. Здесь также произошла перестрелка между партизанами и белыми. С обеих сторон были убитые. Из партизан погибли активные члены партийной ячейки Григорий Парицкий и Тимофей Шеломенцев. Для устрашения населения их долгое время не разрешали хоронить.

Ламаново. Возле школы памятник борцам за власть Советов Н.И. Калошину и П.М. Плоцкому, убитых колчаковцами 25 сентября 1919 г. Памятник деревянный в виде суживающегося кверху четырехгранного столбика.

Могилы погибших находятся на сельском кладбище.

Инберень «Саратовский» (остров на Иртыше против дер. Инберень) в колчаковщину являлся базой небольшого партизанского отряда из соседних деревень. Возглав-

---

* 17 сентября был размножен приказ командира карательного отряда поручика Лопатчикова: «Объявляю находящимися вне покровительства закона граждан с. Интенис Саргатской волости Ивана Ивановича Кабанцева и Василия Осиповича Кабанцева, поднявших вооруженное восстание против Временного Сибирского правительства в районе волостей Саргатской, Хохловской, Черноозерской, Старо-Карасукской и Ингалинской...» (Из сборника «В борьбе с контрреволюцией», Омск, 1959 г.).

лял отряд сапожник из дер. Андреевки. Отсюда партизаны делали вылазки, а однажды, как рассказывает житель Андреевки А.К. Демьянцев, партизаны обстреляли шедший по Иртышу пароход с колчаковцами. О существовании и действии этого отряда знал руководитель саргатских партизан И.И. Кабанцев. Он дважды приезжал в Андреевку, чтобы наладить связь с отрядом.

ТАРСКИЙ РАЙОН

Тара. В центре города, на площади им. К. Маркса – памятник на могиле командира второй роты 456 Рыбинского полка, сраженного вражеской пулей при занятии Тары в ноябре 1919 г. Памятник в виде массивной четырехгранной пирамиды, увенчан пятиконечной звездой. Верхняя часть его окрашена в голубой цвет, нижняя покрыта алюминием[23].

Могила борцов за власть Советов. На территории бывшей загородной рощи, по правую строну дороги на Чекрушино (в 70 метрах от дороги) – братская могила жертв свирепого белогвардейского разгула. В могиле похоронены 17 человек, арестованных в селениях Тарского уезда за сочувствие Советской власти. Арестованные были заключены в тарскую тюрьму, откуда 20 августа 1919 г. выведены за город и расстреляны: Куттин Семен Семенович, Заваров, Эпштейн Моисей Яковлевич, Просвяриков Дмитрий Михайлович, Берин Н., Ваулин, Мясников, Рыбаков, Сильва, Вимба, Кербан Яков Исаевич, Никитин, Подкорытов и несколько человек с неизвестными фамилиями.

На могиле оштукатуренный кирпичный памятник в виде четырехгранной усеченной пирамиды, увенчан пятиконечной металлической звездой[24].

На городском Тихвинском кладбище похоронены: председатель Тарского городского исполкома тов. Морозов и учительница Мартюшевской школы – комсомолка Е.П. Разгуляева, погибшие в период коллективизации от рук классового врага[25].

Памятник на могиле командира Рыбинского полка А. Клименко. Тара. Современный вид

Кошкуль. На окраине села – братская могила партизан, погибших в борьбе с колчаковцами.

Екатерининское. Место боев партизан. Братская могила. Летом 1919 г. партизанский отряд Артема Избышева занял Екатерининское. Разведка сообщила о приближении к селу парохода с колчаковцами. В ожидании их, партизаны расположились у села на высоком берегу Иртыша, с зарослями и старыми (на кладбище) соснами. Когда пароход подошел к пристани, партизаны открыли огонь по колчаковцам. В ответ с парохода посыпался град пуль. Под их прикрытием белогвардейцы пытались высадить десант. Стойко и храбро сражались партизаны. Несколько раз опрокидывали карабкавшихся на высокий берег реки колчаковцев. Но силы были неравные, партизаны вынуждены были отступить. Избышев с комиссаром Захаренко вывели из боя отряд и ушли в тайгу.

С южной стороны поселкового кладбища, метрах в 10 от него, находится братская могила красных партизан, погибших в борьбе с колчаковцами. Здесь похоронен Горшков Григорий из Кейзесса и др. На могиле деревянный памятник в виде четырехгранной пирамиды[26].

Атирка. На сельском кладбище – братская могила партизан отряда Артема Избышева, погибших в борьбе с колчаковцами в 1919 г. В могиле похоронены местные жители: Жилкин, Назаров и Пирогов, расстрелянные белыми в Атирке. На могиле деревянный памятник – обелиск, установленный учениками Васисской средней школы летом 1956 г.[27]

Егоровка. На берегу речки Кава – братская могила расстрелянных колчаковцами партизан: Кристопа Рунцевича, Крума Каляева, Яна Кокса. На могиле деревянный обелиск[28].

Таежная деревня Мартюшево напоминает о светлом образе, убитой осенью 1929 г., активистки коллективизации, местной учительницы, комсомолки Елизаветы Павловны Разгуляевой.

В 1928 г. из Москвы по путевке Наркомпроса в глухую деревню Мартюшево приехала, только что окончившая среднюю школу учительница Разгуляева. Она сразу же активно включилась в местную общественную жизнь. Коммунистическая партия и Советская власть развернули большую работу по переустройству сельского хозяйства страны. Начиналась коллективизация. По инициативе Елизаветы Павловны в Мартюшево был проведен ряд мероприятий по переустройству села. Это вооружило зажиточную часть деревни против комсомолки Разгуляевой. Кулаки готовили над ней расправу. И вражеская рука сделала свое подлое дело. В тот роковой вечер учительница выпускала стенную газету, посвященную двенадцатой годовщине Октября. Вернувшись на квартиру, села проверять ученические тетради. Около восьми часов из переулка, куда выходило окно квартиры Разгуляевой, сын кулака выстрелил в комсомолку. Елизавета Павловна упала, успела лишь сказать, обращаясь к хозяйке: «Наташа, меня убили».

Похоронили Е.П. Разгуляеву на Тихвинском кладбище в г. Таре.

В увековечение памяти погибшей, Мартюшевскому колхозу присвоено имя Е.П. Разгуляевой.

СЕДЕЛЬНИКОВСКИЙ РАЙОН

Ново-Михайловка. После того как в 1918 г. Тара и ее окрестности оказались занятыми белогвардейцами и интервентами, деревня Ново-Михайловка стала местным партизанским центром.

Членами Ново-Михайловской партизанской организации являлись Артем Избышев, Сергей Абрамов, братья Дубко, Иван Лагздин, Василий Зенюк. Эти лица составляли основное организующее ядро партизанского движения в Урмане.

Из Ново-Михайловки, под руководством Артема Избышева*, 29 декабря 1918 г. был предпринят первый налет на волостную белогвардейскую милицию в селе Седельниково. Вечером, когда в школе ставился спектакль, на который явились почти все белогвардейские милиционеры, партизаны ворвались в здание милиции, захватили 9 винтовок, несколько гранат и другие боеприпасы, 5000 рублей денег. Во время налета был убит начальник милиции Лапковский. Смелые действия избышбвцев послужили сигналом для широкого объединения партизанских сил.

В феврале 1919 г. в Ново-Михайловку прибыл член Омской организации большевиков Григорий Федосеевич Захаренко, направленный комиссаром партизанских отрядов Тарского округа.

Захаренко родился в Белоруссии. Когда ему было 17 лет, он с семьей переехал в Сибирь и поселился в дер. Сухимки. В 1914 г. Захаренко уехал в Омск и поступил работать на железную дорогу.

Приехав в Ново-Михайловку, Г.Ф. Захаренко рассказал о восстании омских рабочих 1 февраля 1919 г. и передал партийную директиву – создавать в тылу Колчака партизанские отряды.

Партизанский лагерь. Вскоре после разгрома милиции в Седельниково партизаны ушли в лес, где они организовали на острове, среди непроходимых болот,

* Артем Иванович Избышев крестьянин с. Седельниково, родился в 1885 г. В 1914 г. он был призван в армию. После возвращения с фронта на родину он активно занялся созданием органов Советской власти на местах. 25 мая 1918 г. А.И. Избышев был избран председателем волостного Совета. С приходом к власти белогвардейцев, Избышев развернул агитацию против мобилизации в белую армию, за вооруженную борьбу против Колчака. А вскоре А.И. Избышев перешел и к самой борьбе с колчаковцами, в результате которой было много нанесено поражений врагу.

лагерь. Находился лагерь в 10 – 12 километрах от деревни Димитровки в сторону дер. Карбазы. Колчаковцы долгое время не могли его обнаружить. Впоследствии партизанское пристанище было сожжено колчаковцами вместе с захваченным здесь партизаном. И теперь на месте бывшего лагеря видны следы постройки, колодца, место это известно как «Партизанская избушка».

Отряд белогвардейцев совершил три нападения – 4, 16, 22 мая на деревню Ново-Михайловку, надеясь захватить партизан. Но партизан заранее предупреждали о налете, они своевременно скрывались. Во время налета 22 мая каратели в озлоблении расстреляли старосту Никифора Рублевского, сожгли дома Абрамова, братьев Дубко, выпороли многих местных жителей.

Деревня Сухимка. В трех километрах от Сухимки, у речки Ниязы, в мае 1919 г. отряд партизан, хорошо замаскировавшись, ждал белогвардейцев. Утром на дороге показались три всадника. Всадников партизаны пропустили. За ними двигался многочисленный отряд казаков и подводы с награбленным имуществом. Как только отряд поравнялся с партизанами, из кустов раздался ружейный залп, полетели ручные гранаты. За десять минут исход боя был решен. На дороге валялись трупы колчаковцев и убитых лошадей. Был убит командир карательного отряда поручик Ландрашов и начальник милиции Рязанов. Партизанский отряд пополнился оружием и боеприпасами.

Разгром белоказаков под деревней Сухимкой обеспокоил белогвардейское командование. В урман были направлены карательные экспедиции.

Сухимка являлась одним из пунктов партизан. Здесь в конце апреля 1919 г. партизаны провели конференцию, а первого мая организовали демонстрацию.

На Сухимском кладбище могила Г.Ф. Захаренко (умер в 1939 г.).

Верхняя Баклянка. 19 июня 1919 г. в деревне Верхней Баклянке партизаны под руководством Избышева, при участии Абрамова, Дубко, Захаренко и других, напали и разгромили отряд белогвардейской милиции, захватили два ящика гранат, 12 винтовок, 4000 патронов и обмундирование.

Унары. У переправы через таежную реку Уй, у села Унары, 14 июля 1919 г. произошел бой, вошедший в историю тарских партизан под названием «Унарская трагедия».

После ряда боев с белогвардейцами партизаны вынуждены были отступить по направлению к Седельниково, К Унарам продвигались для соединения партизанские отряды из Пологрудово, Усть-Тары и Екатерининского. Но партизаны не успели сосредоточить свои силы, как белогвардейцы подступили к Унарам.

Произошел бой. С исключительной отвагой и геройством дрались партизаны, руководимые братьями Дубко. В этом бою погибло 75 партизан; много было убито и белогвардейцев.

Передают, что в тот момент, когда белогвардейцы вступили на мост, навстречу им ринулись пять конных партизан. Они не вернулись, погибли. Но белогвардейцы в замешательстве повернули обратно. Тем временем сотни пеших партизан успели скрыться в лесу.

Погибшие партизаны похоронены на Унарском кладбище[29].

Кейзес. В июле 1919 г. Кейзесская партизанская группа захватила село, очистив его полностью от белогвардейцев. Однако вскоре сюда нагрянули каратели, произошло сражение и партизаны потерпели поражение.

В селе под сенью тополей, сосен и берез – братская могила партизан, погибших в борьбе с колчаковцами летом и осенью 1919 г. На могиле деревянный памятник в виде четырехгранной ступенчатой пирамиды на пятиступенчатом основании. На западной стороне его надпись:

Вечная слава павшим
в борьбе за Советскую власть:
ПОПКОВУ ПРОКОФИЮ Ф.
КОЛОСОВУ ЯКОВУ Ф.

СЛИВКО МАКСИМУ Е.
КОНФЕДОРОТЮК ПАВЛУ Ф.
ПИТЕЛИМОВУ АЛЕКСЕЮ П.
РОМАНЧУК МИХАИЛУ ИВ.
ШУРКЕВИЧ МИТРОФАНУ И.
МЕТЕЛЕВУ ИВАНУ Н.
Партизану – фамилия неизвестна.

Алексеевка. Осенью 1919 г. здесь во время боя погиб партизан Петров из д. Неждановка. Могила его на Рогозинском кладбище.

Кирпичное. На сельском кладбище похоронены погибшие партизаны Ефременко и др.; а также расстрелянная местная жительница Тисецкая[30].

Рогозино. В сентябре 1919 г. отрядом Франко в Рогозино было захвачено пять партизан, в том числе братья Рогозины – Григорий и Лаврентий. Четверо из них тут же были зарублены шашками. Григорию Рогозину, сильно израненному, удалось спастись.

Погибшие похоронены на Рогозинском кладбище[31].

Рогозин Григорий впоследствии был председателем Саратовского сельсовета. Летом 1931 г. вместе с женой был убит злобствующими кулаками.

Вознесенка. Место расстрела и могила партизан. В селе в 1919 г. расстреляны отрядом Франко пять партизан, которые здесь похоронены.

Седельниково. Бывший волостной центр. Село несколько раз переходило во власть партизан. Большой бой здесь произошел, как пишет С. Абрамов, 18 июля 1919 г. Белые отряды были окружены со всех сторон партизанами и сдались. Партизаны завладели богатыми трофеями.

Памятник А.И. Избышеву. Седельниково. Современный вид

В Седельниково геройски погиб руководитель партизан А.И. Избышев. 28 июля А.И. Избышев прибыл в родное село, чтобы организовать сопротивление двинувшимся большим белогвардейским силам под командованием полковника Франко. Партизаны не успели сосредоточить свои силы для борьбы за Седельниково. В результате предательства, А.И. Избышев был окружен в доме своего дяди. Геройски борясь, он последний выстрел направил в свое сердце.

Место расстрела красных партизан. Захваченные белыми в 1919 г., красные партизаны были выведены на берег реки Уя и там под могучими лиственницами (ныне вблизи этого места клуб им. Избышева) были расстреляны. До сих пор уцелели деревья – свидетели мужественной гибели партизан.

Братская могила партизан. В могиле похоронены А.И. Избышев и другие 16 героев-партизан, погибшие в бою 15 августа 1919 г.

Здесь же похоронена активная участница партизанского движения жена А.И. Избышева Иулита Петровна, умершая 19 марта 1952 г. На могиле памятник работы скульптора П.П. Карякина[32].

Королинка. Королинка расположена на горе, с которой видно далеко вокруг. Здесь у колхозной кузницы в период борьбы с колчаковцами находился партизанский наблюдательный пункт.

Под Королинкой 20 октября 1919 г. происходил бой партизан с головным отрядом колчаковской дивизии.

МУРОМЦЕВСКИЙ РАЙОН

Село Малокрасноярка (на границе Новосибирской области). Опорный пункт партизан Муромцевского района. Здесь происходили совещания партизан.

В Малокрасноярке братская могила партизан, погибших в борьбе с колчаковцами. В числе похороненных – крестьяне деревень Юдино и Кузенево. «Отсюда весной 1919 г. – вспоминает М. Дьяков, – партизанский отряд в количестве 60 человек, во главе с Винокуровым, двинулся на Муромцево, чтобы освободить его от колчаковцев».

Путь партизан лежал через деревни Курганку, Кондратьево, Петропавловский завод. По пути следования отряд пополнялся за счет присоединявшихся к нему крестьян. Не чувствуя себя достаточно сильными для боя с партизанами, колчаковцы оставили Муромцево. Но вскоре и партизанам пришлось оставить село, так как были подтянуты к Муромцево значительные силы противника.

После отхода из Муромцево, на собрании в Малокрасноярке партизаны решили вступить в бои с колчаковцами, тем более, что отряд значительно пополнился. Бой начался на лугу левобережья р. Тары у Малокрасноярки. Храбро сражались партизаны, и враг не выдержал, отступил. В результате схватки отряд пополнился оружием. А через десять дней полковник Франко вновь двинулся на Малокрасноярку. У деревни Курганки произошел бой. В этом бою партизанский отряд понес серьезные потери и вынужден был отступить в Кыштовку.

В сентябре партизаны вновь и навсегда освободили Муромцево. А в октябре 1919 г. партизанские отряды Урманного края были подтянуты к г. Таре и вскоре влились в 51-ю дивизию Красной Армии. В составе этой дивизии они продолжили свой боевой путь.

Муромцево. На площади, против Дома культуры, находится могила партизан. На могиле памятник в виде высокого трехступенчатого обелиска. Обелиск деревянный, обит железом и покрыт бронзой. Памятник увенчан пятиконечной металлической звездой. На грани памятника, обращенной на ул. Партизанскую, надпись: «Вы отдали жизнь за счастье народа». На противоположной стороне: «Вечная память погибшим от рук белогвардейской реакции».

В братской могиле погребено 13 партизан. Известны некоторые имена: Веселовский Эдуард Леонтьевич, Симоныч, отец и сын Колдины. Партизаны были расстреляны колчаковцами в сентябре – октябре 1919 г.[33]

Самохвалово. На окраине села братская могила партизан, расстрелянных карателями Франко в 1919 г. На могиле деревянный памятник с деревянной же оградой вокруг могилы[34].

Бергамак. В селе могила заместителя председателя сельсовета Леонова Василия Корнеевича, убитого кулаками во время коллективизации. На ней деревянный памятник[35].

Кондратьево. Братская могила погибших партизан[36].

Поречье. Могила председателя местного сельсовета тов. Шиманского, убитого кулаками в период коллективизации[37].

Низовая. В селе, против маслозавода, могила Николаева Василия Ефремовича – активного защитника и проводника мероприятий Советской власти. Убит кулаками в начале 1929 (или 1930) года в д. Кондратьево, где проходило собрание. Во время собрания Николаев вышел во двор и там был убит. На могиле памятник в виде четырехгранного столбика с пятиконечной звездой наверху. Высота памятника 2,5 метра, окрашен в красный цвет. Вокруг могилы деревянная ограда[38].

БОЛЬШЕУКОВСКИЙ РАЙОН

Село Форпост. Село расположено при впадении речки Халтурки в реку Аёв.

В октябре 1919 г. Форпост являлся центром вспыхнувшего в ряде деревень Большеуковского района (Чебурлах, Верхней Аёвке, Романовке) восстания местного населения против колчаковцев. Во главе движения стоял заведующий общественным маслозаводом в Форпосте Вершинин Петр Прокофьевич. В восстании участвовало около двухсот человек. Штаб повстанцев находился в Малом Аёве, в 25 километрах от Форпоста. Боевое оснащение восставших в основном состояло из охотничьих ружей; была всего лишь одна винтовка. Для

обсуждения плана действия повстанцы собирались в избушке Куликаева стана. Сделана была попытка установить Советскую власть в Форпосте. Были смещены и арестованы волостные белогвардейские руководители. Комиссаром был выбран П.П. Вершинин.

24 сентября в Форпост явился отряд колчаковцев. Пробыв несколько часов, отряд вернулся в Становку, где находился его штаб. 27 сентября белогвардейцами был захвачен разведчик повстанцев Лаптев Михаил, имевший задание произвести разведку в белогвардейском штабе в Становке. Захватив Лаптева, белогвардейский отряд, в количестве 8 человек, направился в Форпост. По пути Лаптеву удалось бежать и предупредить товарищей.

На речке Матарке у Анненского моста повстанцы сделали засаду. Колчаковцы не ожидали нападения, и, когда партизаны дали ружейный залп по ним, они повернули назад в Становку. Там колчаковский отряд пополнился и вновь направился в Форпост, но уже не по тракту, а в обход. Все мосты на подступах к Форпосту были партизанами разобраны. В Форпосте колчаковцы учинили жестокую расправу над населением: многие из жителей подверглись порке; колчаковцы забрали продукты, одежду.

Повстанцы ушли в леса на Малый Аёв и Романовку, где и оставались до наступления холодов. С наступлением холодов партизаны, не располагавшие ни теплой одеждой, ни продуктами, вынуждены были вернуться в Форпост. Здесь белые начали вылавливать и расстреливать их.

На окраине сельского кладбища в Форпосте – братская могила расстрелянных колчаковцами восемнадцати местных партизан. На могиле деревянный памятник в виде четырехгранной пирамиды, увенчанной пятиконечной звездой. Могила огорожена деревянной оградой.

На этом же кладбище в отдельной могиле похоронен Устинов Дмитрий Григорьевич, убит в штабе колчаковцев (бывший дом Станистова)[39].

Верхняя Аёвка. Самое западное селение Омской области на старом Московско-Сибирском тракте. На запад от него идут болота за пределы области.

В Верхнем Аёве – братская могила крестьян, погибших в борьбе с колчаковцами[40]. В могиле похоронены:

Панфилов Михаил Игнатьевич – убит в Форпосте у крыльца волости (теперь семилетняя школа).

Памятник на могиле партизан. Тевриз. Современный вид

Липин Михаил Иванович и Панфилов Николай Игнатьевич, убиты на улице в Верхней Аёвке.

Большие Уки. Село расположено на небольшой речке Ук, впадающей в Аёв – приток реки Оши. В Больших Уках в саду, в центре села, находится могила председателя Еланского сельского Совета тов. Шутова, убитого из обреза бандой Егошина в деревне Осиновке в период коллективизации. Здесь же похоронена, убитая кулаками по дороге в Большие Уки, комсомолка Садовникова.

На братской могиле – деревянный памятник в виде четырехгранного столбика, окрашенного в красный цвет[41].

ЗНАМЕНСКИЙ РАЙОН

Деревня Кукса. Возле деревни в сосновом бору у реки Шиш, – братская могила партизан, погибших в борьбе с белогвардейцами. На могиле деревянный памятник[42].

ТЕВРИЗСКИЙ РАЙОН

Тевриз. В районном саду, среди раскидистых лип и стройных лиственниц, каменный памятник в виде ступенчатой пирамиды, увенчанной пятиконечной

звездой, на памятнике надпись: «Вечная слава павшим в борьбе за Советскую власть в 1918 – 1919 гг.» Ниже имена партизан: Трофим Сергеевич Бушин, Петр Абрамович Запольский, Василий Васильевич Моисеев, Петр Михайлович Кошуков, Михаил Устинович Шаньгин[43].

Тайсы. На околице села – могила борца за власть Советов Егора Морозова. На могиле деревянный памятник – обелиск с надписью: «Морозов Егор. От роду 25 лет. Расстрелян колчаковцами 11 сентября 1919 г.».

Морозов – солдат-фронтовик. Незадолго до белочехословацкого мятежа вернулся в Тайсы и сразу начал объединять бедноту. Под влиянием его агитации тайсинские крестьяне отказались платить белогвардейскому правительству царские недоимки, вышли из повиновения белых. В одну из осенних ночей в Тайсы нагрянул белогвардейский карательный отряд. Каратели схватили Морозова и двух других крестьян. На рассвете за околицей Егор Морозов был расстрелян. («Омская правда», 11 января 1967 г.)

ПО ГЕРОИЧЕСКИМ СЛЕДАМ 27-й ОМСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

После нанесенного колчаковской армии удара на р. Тоболе она не смогла воспользоваться естественной оборонительной линией (река Ишим), вынуждена была сдать эту серьезную преграду, понеся значительные потери. В дальнейшем Омская операция носила характер непрерывного, решительного наступления Красной Армии, завершившегося взятием столицы Колчака – г. Омска. Основная тяжесть по разгрому противника на территории Омской области и освобождению Омска легла на 27-ю стрелковую дивизию.

В состав 27-й дивизии входило 3 бригады. Главное сопротивление противник оказывал в районе железной дороги. Это определяло направление движения дивизии, ее бригад.

3-я бригада шла в наступление по южной стороне линии железной дороги Исилькуль – Куломзино; 2-я бригада – по северной стороне железной дороги; 1-я бригада – несколько севернее 2-й бригады. Перед дивизией была поставлена задача – 14 ноября овладеть Омском.

После горячих боев 6 ноября 27-я стрелковая дивизия заняла линию Б. Ганки – Н. Рявкина – Шелегина. В ночь с 8 на 9 ноября 1919 г. части 3-й бригады после короткого ночного боя заняли станцию Исилькуль, захватив 300 пленных, а также станицу Лосево[1] и Первотаровское.

11 ноября 1919 г. 3-я бригада после упорного боя овладела выселком Покровским, захватив около 200 пленных и 2 орудия с упряжью.

12 ноября 1919 г. 3-я бригада заняла линию пос. Ропп – станция Марьяновка – Молоканский. При занятии ст. Марьяновки было захвачено около 150 пленных и 5 пулеметов.

12 ноября 1919 г. 1-я бригада вышла в район Орловский – Шуваева, причем на ст. Драгунская захватила свыше 500 пленных, 6 пулеметов и обозы, отходящей 2-й армии противника.

12 ноября 1919 г. утром 2-я бригада сосредоточилась в районе Волчий – станица Николаевская.

Ночью 13 ноября 1919 г. в Марьяновке состоялось короткое совещание командного состава 27-й дивизии. Здесь были начальник дивизии Ф.И. Блажевич, военный комиссар дивизии А.П. Кучкин, начальник штаба дивизии П.М. Шарангович, а также командиры бригад: 3-й бригады – т. Сокк, 1-й бригады – т. Хаханьян, и начальники штабов тт. Гаусман (3-й бригады), Румянцев (1-й бригады). Вскоре появился тов. Рослов – командир шедшей в дивизионном резерве 2-й бригады со своим начальником штаба т. Александровым.

В избе на столе лежала карта переселенческого управления и приказ командующего 5-й Армией М.Н. Тухачевского: к утру 14 ноября овладеть Омском.

«Главное – быстрота, – давал указание Блажевич. – Колчаковцы отходят, нельзя давать им опомниться: бить и бить. Вам, товарищ Рослов, самая трудная задача – нагнать

ушедшие вперед бригады и нанести удар прямо по Омску, в лоб, Сокк и Хаханьян расчистят вам дорогу. Посадите пехоту на подводы («В огне революции», стр. 191; «Омская правда», 14 ноября 1959 г.).

13 ноября 1919 г. 3-я бригада неожиданным и смелым ударом захватила в районе разъезда Алонский исправный бронепоезд противника и целиком два батальона пехоты при восьми пулеметах.

13 ноября 1919 г. к концу суток 3-я бригада овладела районом Поповка – разъезд Лузино. 13 ноября 1919 г. 1-я бригада заняла села Степное и Любино-Малоросское[2].

С рассветом 14 ноября 3-я бригада повела дальнейшее наступление, встречая сопротивление противника на линии железной дороги. В этот же день она перешла выше железнодорожного моста Иртыш и к полудню обошла город с юга.

В это время 2-я бригада на подводах выдвинулась по линии с 3-й бригадой. После короткого боя в районе овчинно-меховой фабрики[3] 238-й Брянский полк – 2-й бригады – вплотную подошел к Иртышу. Лед на реке был тонкий. Возникло затруднение с переправой орудий. Решено было орудия и обозы оставить на берегу Иртыша. Сами бойцы пошли по льду. Погода была морозная. Медленно падал снег. Вдали слышались орудийные выстрелы других частей дивизии.

В 10 часов 50 минут 14 ноября 238-й Брянский полк перешел Иртыш, вступил в районе улицы 14 ноября на правый берег и вошел в Омск.

Утром 14 ноября 1-я бригада в районе Николаевки, несколько ниже села, перешла Иртыш и к полудню обошла город с севера.

К вечеру 14 ноября весь город был очищен от противника и дивизия заняла передовыми частями линию 8 – 10 километров восточнее города*.

16 ноября дивизия для закрепления успеха была выдвинута на линию:

3-я бригада – Немировка – разъезд 776 верста;

2-я бригада – Сыропятское – Некрасово;

1-я бригада – Атаманский хутор.

На этой линии дивизия задержалась для приведения сил в порядок и подтягивания аръергардов.

Форсированным маршем наступала дивизия на Новониколаевск. Отход противника превратился в беспорядочное бегство.

19 ноября дивизия занимала следующее положение:

3-я бригада – ст. Кормиловка – Никитино;

2-я бригада – Сыропятское – Некрасово;

1-я бригада оставалась в Омске в качестве гарнизона.

22 ноября 3-я бригада заняла район Булатовский[5] – ст. Колония; 2-я бригада – Кузнецово – Медвежий.

24 ноября был взят Татарск.

В 1918 г. в самый разгар революционной борьбы под Казанью, на левом берегу Волги, там, где красноармейцы обороняясь, засели в окопах с решимостью драться до конца, родилась 27-я дивизия. Долгий, тяжелый и славный боевой путь прошла 27-я дивизия. Подсчитано, что с августа 1918 г. по март 1922 г. бойцы дивизии прошли 25000 километров. И всюду

Стальною грудью
Врагов сметая,
Шла с красным стягом
Двадцать седьмая.

---

* Удары 27-й дивизии были настолько неожиданными, что противник не успел эвакуировать город и вывезти все части и тыловые учреждения. Трофеи были колоссальны и не поддавались учету; 16 тысяч пленных солдат (эта цифра к 16 ноября достигла 40 тысяч), свыше 1000 офицеров, 3 генерала, 41 орудие, 3 бронепоезда, свыше 100 пулеметов, полмиллиона снарядов, пять миллионов патронов, свыше 200 паровозов и 3000 вагонов, эшелоны и склады с интендантским, артиллерийским, инженерным и санитарным имуществом.

За освобождение Омска 27-й стрелковой дивизии было присвоено наименование Омской. Дивизия получила Красные боевые знамена от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета крестьянских и красноармейских депутатов и Сибирского Ревкома.

Советское правительство и лично В.И. Ленин высоко оценили подвиг советских войск, освободивших Омск. В телеграмме, адресованной командованию Восточного фронта, В.И. Ленин писал: «Третья и Пятая армии быстрым натиском на войска завершили Омскую операцию взятием города Омска и других населенных пунктов, где ими было захвачено много пленных и богатая военная добыча. Все это достигнуто лишь благодаря крайнему напряжению сил всех работников Третьей и Пятой армий, перенесших большие лишения при стремительном наступлении армий в Сибири».

УЧЕНЫЕ, ЛИТЕРАТОРЫ, ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВА В ОМСКЕ

ПО МЕСТАМ Е.М. ЯРОСЛАВСКОГО

С апреля 1920 по март 1921 г. в Омске жил и работал старый большевик, профессиональный революционер Емельян Михайлович Ярославский[1].

«Будучи кандидатом в члены ЦК, я, – вспоминал Ярославский, – приехал в Омск ранней весной 1920 года, когда только закончился разгром Колчака...

Железная дорога была изрядно потрепана... Больше 10 километров мостов было взорвано по всей линии. По обе стороны железной дороги было кладбище вагонов и паровозов. Все, что можно увезти или разрушить, белые увезли и разрушили. А Советская власть ждала хлеба и других продуктов из отвоеванной от белых Сибири...

С другой стороны, во всей Сибири, и особенно в Омске, оставалось немало белых и желтозово-белых: эсеров, меньшевиков, белогвардейцев. Они сидели в кооперации (Сибзакупсбыт) и в других учреждениях. Они саботажничали. Они организовывали заговоры, восстания. Они поддерживали банды Кайгородова[2], Унгерна[3] и других колчаковских охвостьев.

Переход к социалистическому хозяйству был очень труден. Чувствовалась еще военная обстановка». («Омская правда», 21 ноября 1937 г.).

Поселился Емельян Ярославский в Омске, в небольшом кирпичном, с полуподвальным помещением и железной кровлей, доме № 103 по улице Банной (теперь ул. Косарева)[4].

Тяжелые были бытовые условия жизни. «У меня болел маленький сын корью, – пишет Ярославский, – жили мы в плохо отапливаемом доме, и болезнь перешла в крупозное воспаление легких. Надо было во что бы то ни стало держать мальчика в теплой комнате, но, несмотря на все мои хлопоты, я не мог достать железной печки, чтобы согреть комнату: ребенка я похоронил в Омске». Таковы воспоминания Е.М. Ярославского о жизни в доме № 103.

Сиббюро ЦК РКП(б), в составе которого был Е.М. Ярославский, помещалось в здании бывшей торговой биржи (ныне второй корпус автодорожного института)[5]. Здание это было построено в 1913 г. Ранее на его месте находились деревянные, барачного типа, торговые постройки. В то время вся теперешняя площадь Дзержинского являлась базарной площадью с рядами частновладельческих, кое-как сколоченных ларьков, лавок, палаток и других торговых сооружений, имевших самый неприглядный вид. После установления в Омске Советской власти в помещении бывшей биржи находились Губбюро и Губком партии, Западно-Сибирский Совет рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, Совет Народных Комиссаров Западной Сибири.

«Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком, – пишет Е.М. Ярославский, – выполняли в тот период очень большую работу по созданию нормально действующих партийных организаций и советских органов. Не следует забывать, что и Якутская область и ДВ Республика находились тогда под руководством Сиббюро».

На Е.М. Ярославского, как на члена Сиббюро ЦК РКП(б), было возложено редактирование газеты «Советская Сибирь». Редакция и контора помещались в Газетном переулке, в доме, который занимала гостиница «Деловой Двор»[6].

Здание, в котором в 1920-е гг. размещалась редакция газеты «Советская Сибирь». Омск. 1950-е гг. Ныне здание ОАО «Плюс Банк» в Газетном переулке

Основная тяжесть работы по выпуску газеты ложилась на плечи Е.М. Ярославского.

«Я редактировал газету «Советская Сибирь», писал там почти каждый день статьи, иногда за своей подписью, а чаще – редакционные, без подписи или под каким-нибудь псевдонимом. В этой газетной работе тогда надо было очень внимательно следить за линией газеты, так как в редакционном коллективе работали бывший левый эсер Шмидт, троцкист Струков и исключенный впоследствии из партии адвокат Гойбарт. Часто приходилось делать инструктивные доклады партийному активу». («Омская правда», 21 ноября 1937 г.).

Е.М. Ярославский вел большую антирелигиозную работу. Он часто выступал на антирелигиозных митингах. Один из участников диспута вспоминает: «Известность Ярославского в Омске была так велика, что каждый считал для себя счастьем попасть на диспут и прослушать его доклад. Я никогда в жизни не забуду, как через черный ход бежал омский архиерей, разбитый в пух и прах доводами тов. Ярославского. Ксендз, раввин и мулла отказались от выступлений. Они понимали, что не обманут народ после ясных и умных доводов товарища Ярославского. Особенно большое впечатление произвело на меня и всех присутствующих выступление одного попа, который тут же, на митинге, бросил крест и заявил, что отрекается от сана».

В конце ноября 1937 г. в Доме партийного просвещения (ныне театр Музыкальной комедии)[7] состоялась встреча Е.М. Ярославского, выдвинутого трудящимися Омска кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, с рабочими предприятий города.

В конце собрания с большой речью выступил Е.М. Ярославский. Он благодарил трудящихся города за то доверие, которое они оказали ему, выдвинув его кандидатом в высший государственный орган власти. Рассказал о победах, одержанных нашей страной под руководством партии Ленина.

Здесь же, в Доме партийного просвещения, в 1942 г. Ярославский посетил выставку, посвященную 25-летию Советской власти. Это был последний приезд его в Омск, город, где 22 года тому назад он так много и напряженно работал, борясь за укрепление власти Советов.

1 мая 1920 г. в Омске проводился массовый общегородской субботник. Много внимания было уделено озеленению города. И особенно интенсивно в этот день шла работа на территории нынешнего Городка водников. При закладке домов присутствовал Е.М. Ярославский. Он выступил с пламенной речью.

На пустыре, где 1 мая 1920 г. проводился многолюдный субботник, вырос благоустроенный Городок водников, с магазинами, одной из лучших в городе поликлиникой, детскими яслями, клубом, библиотекой. Трамваи, троллейбусы и автобусы связывают Городок водников со всеми районами Омска.

Находясь в ноябре 1937 г. в Омске, Ярославский вспоминал:

«Летом 1920 г. мы проводили несколько субботников. Я и сейчас неплохо орудую лопатой. 17 лет назад я и мои товарищи по работе с большой яростью чистили и ровняли грязные улицы Омска и озеленяли его. Теперь на месте посаженных нами садиков и аллей выросли большие деревья».

А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ В ОМСКЕ

26 мая 1923 г. во втором часу дня с поездом из Новониколаевска (Новосибирска) в Омск прибыл нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. К приходу поезда на платформе вокзала собралось много встречающих.

Когда в вагон А.В. Луначарского пришли представители печати («Сибирского гудка» и «Рабочего пути»), нарком сказал им, что из-за болезни он не может остановиться в Омске. Это огорчило омичей. Попросили его побывать на митинге совсем рядом с вокзалом в клубе имени Лобкова. Анатолий Васильевич согласился.

В сопровождении спутников и омских товарищей А.В. Луначарский направился в клуб имени Лобкова. По пути к клубу гостя радостно приветствовали рабочие, служащие, студенты, школьники. В клубе Луначарский сделал доклад о международном положении. В частности, он подробно рассказал о нашумевшей в ту пору так называемой ноте лорда Керзона.

Известие о приезде А.В. Луначарского в Омск быстро разнеслось по городу, и спустя два часа после приезда наркома драматический театр был уже заполнен работниками просвещения, студенчеством, комсомольцами. Многолюдное собрание открыл завгубоно, представивший А.В. Луначарскому слово для доклада на тему «Основные задачи народного образования в Республике». Несмотря на усталость, А.В. Луначарский сделал более чем полуторачасовой доклад, в котором осветил все отрасли дела народного образования в стране.

27 мая А.В. Луначарский выступил во Дворце молодой гвардии (ныне второй корпус автодорожного института) на тему «Марксизм и христианство». Доклад был организован для рабочих омских предприятий. Слушателей собралось очень много, зал дворца был заполнен до отказа. Собрание открыл представитель губкома РКП(б) К.М. Скрябин.

Дворец Молодой Гвардии, в котором в 1923 г. выступал А.В. Луначарский. Омск. 1925 г. Ныне здание Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

От имени крестьян Азовской волости приветствовал наркома Лавренчук. Приветствовал также представитель от крестьян Новинской волости.

На следующий день, 28 мая, в том же Дворце молодой гвардии А.В. Луначарский выступил с лекцией – «Интеллигенция и революция». Как и предыдущие его выступления лекция была воспринята аудиторией с большим воодушевлением.

В Омске А.В. Луначарский посетил Сибакадемию, мединститут, художественно-промышленный институт, библиотеку им. А.С. Пушкина и другие учреждения.

Там, где в настоящее время находится сквер им. 30-летия ВЛКСМ (против института инженеров железнодорожного транспорта) раньше был товарный двор городской

железнодорожной ветки. Сюда на ветку был передвинут со станции Омск вагон наркома. Вагон был соединен телефоном с городом. Здесь, в вагоне, и была резиденция А.В. Луначарского во время пребывания его в Омске.

В беседе с писателем Георгием Вяткиным 29 мая перед отъездом из Омска А.В. Луначаский сказал:

...Останавливаться здесь (в Омске. – **А.П.**) на целых трое суток я, как вам известно, не предполагал, но теперь, уезжая, нисколько об этих трех днях не жалею, ибо то, что я здесь видел, было мне и интересно, и приятно. (А.В. Луначарский в Омске. Изд. Омского губкома, 1923 г.).

Д.М. КАРБЫШЕВ

В сквере имени Карбышева, на углу улиц Десятилетия Октября и Пушкина, возвышается памятник Д.М. Карбышеву[8]. На стройном высоком четырехгранном гранитном постаменте бюст генерала Карбышева. На постаменте надпись:

ДМИТРИЮ
МИХАЙЛОВИЧУ
КАРБЫШЕВУ

За памятником, на расстоянии 13 метров, сооружена из восьми гранитных плит стена длиной 7,75 метра, высотой 1,35 метра. На стене надпись:

> Генерал Дмитрий Михайлович Карбышев, уроженец города Омска. В годы Великой Отечественной войны проявил исключительное мужество и стойкость в борьбе с врагами нашей Родины. Находясь в фашистских тюрьмах и лагерях смерти, он сохранил честь и достоинство советского гражданина, ученого, коммуниста. Верный присяге, патриот предпочел смерть предательству. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Закладка памятника совершена 27 октября 1960 г. в день 80-летия со дня рождения Д.М. Карбышева.

Родился Д.М. Карбышев 27 октября 1880 г. в г. Омске, в семье военного чиновника. Жили Карбышевы недалеко от госпиталя, на ул. 2-й Взвоз (теперь ул. им. Гагарина, дом № 20)[9].

Дом одноэтажный, деревянный на кирпичном фундаменте, обшит тесом «в разбежку». Рублен в чашку из хвойных бревен. В плане дома – прямоугольный четырехугольник с перерубом по длине и тремя внутренними поперечными перерубами. По фасаду дом имеет шесть окон, с противоположной стороны также шесть, в южной стене три окна. Вверху карниз, украшенный прорезным орнаментом. Кровля железная, с водосточными трубами. Северная сторона дома проходит у самой стены кирпичного здания педагогического училища. С восточной стороны – тесовый тамбур. Южная цокольная часть приспособлена под жилье. В 1891 г. Д.М. Карбышев был определен в Омский кадетский корпус, который окончил с отличием в 1898 г. Затем он поступил в Николаевское инженерное училище в Петербурге, по окончании которого в чине подпоручика был направлен в инженерную часть, стоявшую на Дальнем Востоке. В 1904 – 1905 гг. участвовал в русско-японской войне. За проявленную храбрость и мужество в боях был награжден орденами.

В 1911 г. Д.М. Карбышев блестяще окончил Военно-инженерную академию.

В период первой мировой войны Дмитрий Михайлович находился на фронте.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции он без колебаний становится на сторону Советской власти, и все свои силы и боевой опыт отдает молодой Красной Армии. Вместе с М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышевым, Д.М. Карбышев подготав-

ливает разгром Колчака и Врангеля. После разгрома Колчака, в марте 1920 г., он был назначен начальником инженерной службы 5-й армии Восточного фронта. В сентябре, по ходатайству М.В. Фрунзе, Д.М. Карбышев был переведен на Южный фронт. Здесь он руководил инженерным обеспечением войск фронта при штурме Перекопа и Чонгара.

За выдающиеся заслуги в годы гражданской войны Д.М. Карбышев был награжден орденом Красного Знамени, а несколько позднее орденом Красной Звезды, медалью «XX лет РККА».

В 1940 г. Д.М Карбышев вступил в ряды Коммунистической партии. Ему было присвоено звание генерал-лейтенанта инженерных войск. Дмитрий Михайлович вел большую военно-педагогическую и научную работу. Им написано много работ по различным вопросам военно-инженерного искусства. За это он был удостоен ученой степени доктора наук и звания профессора.

В июне 1941 г. Д.М. Карбышев выехал на западную границу в район г. Гродно. В первые дни Великой Отечественной войны саперный батальон, в котором он находился, попал в окружение. С группой солдат и офицеров он стал пробиваться из окружения. В начале августа, при переправе через Днепр выше Могилева, Д.М. Карбышев был контужен и в бессознательном состоянии попал в плен к гитлеровцам. Три с половиной года провел он в гитлеровских лагерях смерти: Замостье, Хаммельбурге, Флоссенбурге, Майданеке, Освенциме и, наконец, в Маутхаузене. Фашисты всячески старались завербовать его к себе на службу. Они обещали ему сначала многие «блага». Затем его пытали, заставляли покориться. Но ничто не смогло склонить Д.М. Карбышева на сторону врага.

В ночь с 17 на 18 февраля 1945 г. палачи вывели Д.М. Карбышева на мороз, сняли с него одежду и обливали холодной водой до тех пор, пока его тело не превратилось в ледяной столб. Затем патриот был сожжен в крематории.

Памятник Д.М. Карбышеву в сквере Омска. Угол ул. Думской и ул. Пушкина. Современный вид

За стойкость и мужество Д.М. Карбышеву Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 16 августа 1946 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его имя носит научно-исследовательский инженерный институт Советской Армии. На территории бывшего лагеря смерти Маутхаузена Д.М. Карбышеву сооружен памятник, установлена мемориальная доска на месте казни. Мемориальная доска также установлена на доме, где он жил, в Москве.

В Омском музее изобразительных искусств находится картина художника Т.П. Козлова «Карбышев в плену».

В Омске имя Д.М. Карбышева присвоено одной из улиц, а на здании бывшего кадетского корпуса, где он когда-то учился, установлена мемориальная доска. Станция Куломзино переименована в Карбышево.

ПАМЯТЬ О Ф.М. ДОСТОЕВСКОМ

По правую сторону улицы Петра Некрасова (за драматическим театром) стоит длинное двухэтажное кирпичное здание.

Памятник Ф.М. Достоевскому «Несущий крест» в сквере рядом с Омским государственным академическим театром драмы. Современный вид

Это – бывшие «Красные казармы»[10]. К зданию примыкает большой двор. Территория эта в прошлом была местом страшных человеческих страданий. Здесь, в грязных, закоптелых, с промозглым воздухом стенах арестантской казармы, томился скованный неволей великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский.

23 января 1850 г. (ст. ст.) в третьем часу пополудни петрашевцы: писатель Ф.М. Достоевский и поэт С.Ф. Дуров – были доставлены в омский каторжный острог.

Острог стоял на краю крепости и расположен был в ее степном бастионе.

«Как входите в ограду, – пишет Ф.М. Достоевский об остроге, – видите внутри ее несколько зданий. По обеим сторонам широкого внутреннего двора тянутся два длинных одноэтажных сруба. Это казармы. Здесь живут арестанты, размещенные по разрядам. Потом, в глубине ограды, еще такой же сруб: это кухня, разделенная на две артели; далее – еще строение, где под одной крышей помещаются погреба, амбары, сараи. Середина двора пустая и составляет ровную, довольно большую площадку.

Представьте себе большой двор – шагов двести длины и шагов полтораста ширины – весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном, то есть забором из высоких столбов (пали), врытых стойком глубоко в землю, крепко прислоненных друг к другу ребрами, скрепленных поперечными планками и сверху заостренных: вот наружная ограда острога. В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота, всегда день и ночь охраняемые часовыми, их отпирали по требованию, для выпуска на работу»[11].

Здесь, в остроге, пробудилась у Ф.М. Достоевского мысль явиться изобразителем этой ужасной каторжной действительности, быть единственным ходатаем-заступником среды, к которой доселе существовало только чувство презрения и отталкивающего ужаса.

В городе многие места будят воспоминания о Ф.М. Достоевском. На берегу Иртыша, напротив крепости, Федор Михайлович познал подневольный каторжный труд. С берега Иртыша Достоевский на веревке, сильно резавшей ему плечи, носил кирпичи к строившейся в крепости казарме. Федор Михайлович ходил работать на кирпичный завод, расположенный на правом берегу Иртыша, верстах в трех-четырех от крепости вниз по реке. В сарае, на пустынном берегу Иртыша (против нынешнего стадиона), Ф.М. Достоевский обжигал и толок алебастр.

Улица имени Гусарова относится к числу оживленных улиц Омска. Начиная от Центрального базара, она идет в северо-восточном направлении и упирается в высокую водонапорную башню.

Ранее улица именовалась Скорбященской.

В начале улицы, по правую ее сторону, стояли большие деревянные дома. Это – здания госпиталя.

Отбывая каторгу, Ф.М. Достоевский и С.Ф. Дуров часто лежали в арестантской палате госпиталя...

Имея покровительство со стороны врачей и некоторых местных влиятельных лиц, Достоевский и Дуров хоть на некоторое время избавлялись от гнетущего режима тюрьмы.

Хотя в арестантских палатах госпиталя режим отличался строгостью, все же здесь было легче, свободнее, нежели в остроге.

Отношения со стороны части врачебного персонала были гуманные, даже сердечные. Фельдшер Александр Иванович Иванов, по словам его сына В.И. Иванова, потихоньку приносил Ф.М. Достоевскому в госпиталь получаемую доктором Троицким французскую газету.

Но тяжелые переживания писателя не оставляли его и здесь.

Госпиталь был постоянным свидетелем жутких картин. Как и в других местах России того времени, в Омске часто проводилась «гоньба сквозь строй». Прогонялись сквозь строй солдаты и арестанты. Обычно экзекуция проводилась на Скорбященской улице, против окон госпиталя.

Солдаты выстраивались в два ряда. Каждый из них в стволе ружья имел палку, окрашенную в зеленый цвет. Под барабанный бой этими палками били проходивших сквозь строй.

В среде солдат и каторжан Скорбященская улица (по имени Скорбященской госпитальной церкви) в то время прозывалась «Зеленой». Зеленые палки, которые ломались о спины солдат и арестантов, послужили основанием для названия улицы.

О каторжной жизни Ф.М. Достоевского в Омске напоминает нам и крепостной квартал, расположенный между улиц Спартака и Достоевского, имени Красина и Манежной.

Здесь помещалось инженерное управление, куда некоторое время Ф.М. Достоевский ходил переписывать бумаги (пока не донесли об этом высшему начальству).

При инженерном управлении, в низеньком каменном здании, стоявшем на большом дворе, находились мастерские. На второй день по прибытии в острог Ф.М. Достоевский пришел в мастерские, чтобы «перековаться» – сменить «мелкозвон» на форменные острожные кандалы, приспособленные для работы. Здесь же, через четыре года эти кандалы были с него сняты.

Омскую каторгу – «Мертвый дом» – Ф.М. Достоевский помнил до гроба. Через 12 лет после каторги, когда он писал роман «Преступление и наказание», развязку романа – эпилог – Ф.М. Достоевский перенес на берег Иртыша.

«Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки стоит город, один из административных центров России; в городе крепость, в крепости острог...»

Картины Омской каторги не стирались в памяти писателя.

Когда в 1861 г. Ф.М. Достоевский прочел отрывок из «Записок», с ним сделалось дурно: так были живы его впечатления о «Мертвом доме», о городе на Иртыше того времени.

В потемневших, промозглых стенах острога было задумано это произведение. И больше того, здесь им составлена «Сибирская тетрадь» с убористыми строчками заметок и наблюдений каторги.

Памятник Ф.М. Достоевскому. Омск. Ул. Спартаковская. Современный вид

П.П. АНОСОВ

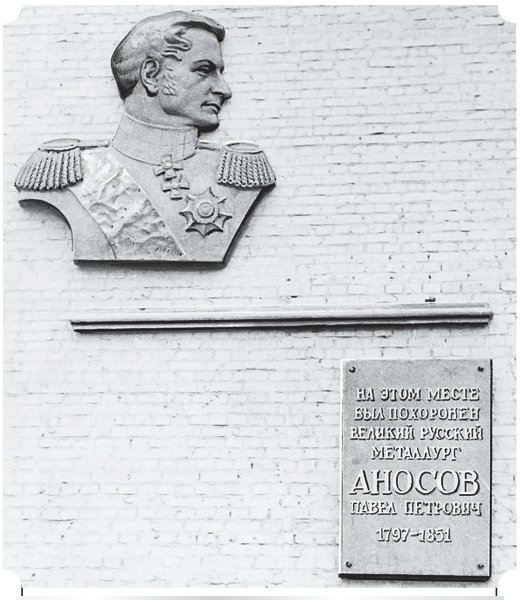
П.П. Аносов родился в Петербурге в семье горного специалиста. С детских лет остался сиротой. Заботу о его воспитании принял на себя дед, который работал механиком на Камских заводах. По окончании в 1817 г. Горного корпуса, Аносов поступил на Златоустовский завод, где проработал 30 лет.

С самого начала работы на заводе П.П. Аносов проявил большие способности. При обследовании Южного Урала он открыл новые месторождения минеральных руд, создал новые золотопромышленные машины, обнаружил месторождение корунда.

Более чем за 30 лет до братьев Мартен им был открыт способ получения стали путем передела чугуна переплавкой.

Аносов был также пионером металлургии качественной стали. Впервые в мире (в 1831 г.) он применил микроскоп для исследования строения стали. Аносов дал технологию производства самой высококачественной стали для изготовления холодного оружия. П.П. Аносов написал капитальную работу «О булатах», которая сразу же по выходе из печати была переведена на иностранные языки.

В начале 1851 г. П.П. Аносов, состоявший в это время главным начальником Алтайских заводов и Томским гражданским губернатором, выехал из Томска в Омск, чтобы встретить сенатора Анненкова, направлявшегося на Алтайские горные заводы для ознакомления с их состоянием.



Памятная доска П.П. Аносову на здании корпуса завода им. Н.Г. Козицкого. Современный вид

На Сыропятском тракте, не доехав восемнадцати верст до Омска (примерно, против дер. Богословки), Аносов, как пишет его дочь Лариса Павловна, был застигнут бураном. Возок, в котором следовал Аносов со своим адъютантом, наехал на сугроб, опрокинулся на сторону, где сидел Аносов. Дверца возка раскрылась, и он выпал в сугроб. На Аносова упал его адъютант, и оба они были придавлены чемоданами. Под этой тяжестью они пролежали несколько часов, пока из Омска не послали сюда лошадей.

Вскоре после того Павел Петрович почувствовал боль в горле. Несмотря на болезненное состояние, он все же сопровождал Анненкова в его поездке по заводам, проводил его до Омска и здесь серьезно расхворался. Обнаружились нарывы в горле, из которых один и задушил его». (И. Пешкин. Павел Петрович Аносов. 1799 – 1851. «Молодая гвардия», 1954, стр. 298.).

Павел Петрович Аносов похоронен в Омске на бывшем Бутырском кладбище (ныне территория угол улиц Гусарова и Рабиновича)[12]. Здесь на одном из зданий установлена мемориальная доска с барельефным портретом П.П. Аносова.

М.А. ВРУБЕЛЬ

Известный русский художник Михаил Александрович Врубель родился 5(17) марта 1856 г. в Омске в небольшом деревянном домике, который стоял на углу улиц Артиллерийской (проспект Маркса) и Новой (Чкалова)[13]. В настоящее время на месте этого дома проходит тротуар (правый) проспекта Маркса, против дома № 19 по улице Чкалова[14].

Здесь, в Омске, прошло раннее детство художника, здесь же, в Ильинском форштадте, он воспринял первые впечатления жизни.

Отец Врубеля Александр Михайлович, офицер омского гарнизона, был деятельным, образованным человеком. Мать – Анна Григорьевна, урожденная Басаргина, состоявшая в родстве с декабристом Н.В. Басаргиным, умерла рано, когда Михаилу Александровичу было всего три года.

В 1859 г. отец М.А. Врубеля был переведен из Омска в Астрахань. С этого времени началась скитальческая жизнь Михаила Александровича Врубеля.

В Омском областном музее изобразительных искусств имеются два плафона: «Розы и орхидеи» и «Желтые розы» кисти М.А. Врубеля.

Имя М.А. Врубеля присвоено скверу между улицей Лермонтова и берегом р. Оми, от улицы Ленина до речного вокзала[15].

Памятник М.А. Врубелю рядом со зданием Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (бывш. Торговый корпус А.Д. Крячкова). Современный вид

Н.И. НАУМОВ

Против городского сада, на углу проспекта Маркса (бывшая ул. Артиллерийская) и улицы Красных зорь (бывший Никольский проспект)[16] стоит большое, хорошей архитектуры здание бывшей Войсковой суконной фабрики (ныне танковое училище)[17]. В плане здания удлиненный прямоугольный четырехугольник. Здание кирпичное, двухэтажное, с железной кровлей и двумя фронтонами по фасаду на концах. По фасадной стороне через каждую пару оконных проемов первого и второго этажей – пилястры, гармонично делящие гладкую поверхность здания. Здание построено в 1840 г. В 60-х годах прошлого столетия в нем находилась Омская контрольная палата, в которой в качестве канцелярского служащего работал старейший сибирский писатель Николай Иванович Наумов.

Н.И. Наумов родился 16 мая 1838 г. в Тобольске. Но когда мальчику было всего пять лет, отец его был переведен по службе в Омск, а затем в 1847 г. – в Томск.

Восьми лет мальчика отдали в гимназию. Среди своих товарищей (в том числе Н.М. Ядринцева) Наумов был самым развитым и начитанным. В 1855 г. после глубоко оскорбительного замечания инспектора, по поводу поношенного костюма, мальчик покинул гимназию.

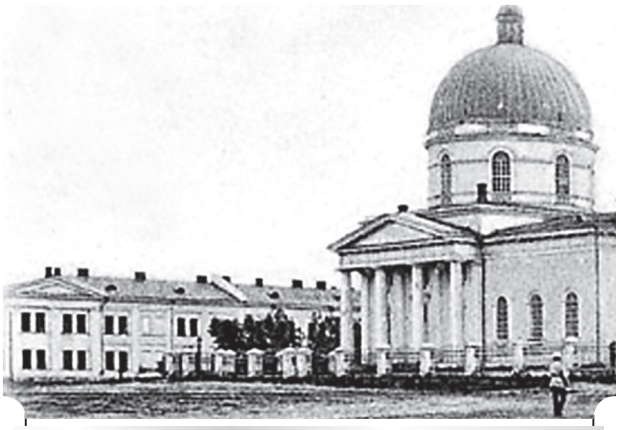
Не желая быть в тягость сильно обедневшей семье, Николай Иванович поехал в Омск и в 1856 г. поступил на военную службу.

Здесь он сблизился с просвещенным, много читавшим офицером А.А. Зерчаниновым, который помог в самообразовании Наумову. Совместная жизнь с солдатами способствовала изучению их быта.

В омских казармах пробудился интерес у Наумова к литературной деятельности. В 1859 г. в «Военном сборнике» был напечатан первый рассказ Н.И. Наумова «Случай из солдатской жизни». А через два года появилось несколько рассказов под общим заглавием «Мирные сцены военного быта».

«Уже в этих очерках сказалось, – писал Ядринцев, – его направление и тяготение к среде народа и крестьян».

В 1862 г. Н.И. Наумов, живя в Петербурге, был арестован по подозрению в принадлежности к только что организовавшемуся революционному обществу «Земля и Воля». Только через два с половиной месяца он был освобожден из-под стражи.



Здания Никольского казачьего собора и Омской контрольной палаты, в которой служил Н.И. Наумов. Омск. Конец XIX в. Ныне здание Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук

В 1864 г. Н.И. Наумов покинул Петербург и приехал в Сибирь. Работал сначала в Томске, а затем в Омске.

Чиновничий режим Омской контрольной палаты не убил творческих сил Н.И. Наумова. Им в это время напечатано несколько рассказов, в 1874 г., когда Н.И. Наумов был в Петербурге, вышел отдельный сборник его рассказов под заглавием: «Сила солому ломит».

Этот сборник сделал имя автора широко известным.

«В семидесятых годах, – пишет Г.В. Плеханов, – Н.И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической интеллигенции. Его произведениями зачитывались. Особенно успех имел сборник «Сила солому ломит».

«Словно про нас написано, не сказка, а быль», – говорили крестьяне, слушая произведения Наумова.

В 1884 г. Н.И. Наумов навсегда покинул Петербург, переехал в родную Сибирь. Умер он в Томске 10(23) декабря 1901 г.

М.В. ПЕВЦОВ

С 1875 по 1887 г. в Омске работал известный русский путешественник Михаил Васильевич Певцов. В увековечение памяти путешественника бывший Гражданский переулок в городе переименован в улицу имени М.В. Певцова[18].

В доме № 12/20 на углу этой тихой улицы и улицы Губернаторской (теперь Красногвардейская) в 1884 – 1885 гг. жил М.В. Певцов. В 1877 г. М.В. Певцов жил в деревянном доме на этом же Гражданском переулке, теперь дом № 18 по ул. Певцова[19].

По окончании Академии генерального штаба, в 1872 г. М.В. Певцов был направлен в Семипалатинск. В 1875 г. он получил назначение в Омск – помощником старшего адъютанта Западно-Сибирского военного округа. Из Омска М.В. Певцов совершил два путешествия: в Джунгарию – 1876 г. и в Монголию – в 1878 г.

В первое путешествие М.В. Певцов отправился в качестве начальника конвоя, охранявшего торговый караван русских купцов из Зайсанского поста в город Гучен-Джунгария. Во время второго путешествия М.В. Певцов был прикомандирован к каравану бийских купцов. По пути следования караванов М.В. Певцов и находившийся при нем топограф Скопин провели съемку маршрутов – обследовали озера, реки, возвышенности. Собраны были большие ботанические, зоологические и минералогические коллекции, а также значительные материалы по этнографии.

В 1882 г. М.В. Певцов был назначен полномочным комиссаром по уточнению юго-восточной границы на Семипалатинском участке. По возвращении в Омск он исполнял обязанности начальника штаба округа до 1887 г. (штаб находился на углу улиц Победы и Таубе), когда был переведен в Петербург в главный штаб.

После смерти Н.М. Пржевальского, в начале пятого его путешествия, Географическим обществом был выделен начальником этой экспедиции М.В. Певцов (экспедиция проходила в 1889 – 1891 гг.).

За участие в ней М.В. Певцов был награжден высшей наградой Русского географического общества – Константиновской медалью.

М.В. Певцов своими трудами внес крупный научный вклад в русскую практическую астрономию. Он фундаментально разработал теорию по новому способу определения географической широты, получаемой из наблюдения двух звезд на равных высотах. Этому способу в науке присвоено по праву имя М.В. Певцова – способ «парами Певцова».

Для практического испытания и изучения нового способа М.В. Певцовым были проведены двухлетние (1884 – 1885 гг.) опытные наблюдения в Омске, на временной обсерватории – астрономическом пункте во дворе дома, где он проживал.

Начиная с 1875 г., М.В. Певцов преподавал географию в Сибирской военной гимназии (в Омском кадетском корпусе) и зарекомендовал себя с лучшей стороны. Он пробуждал у воспитанников интерес к преподаваемому предмету, к чтению книг о явлениях природы, путешествиях, астрономии. Им был написан учебник: «Начальные основания математической и физической географии».

М.В. Певцов вложил много труда в организацию Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (теперь Омский Отдел ГО СССР). По его инициативе при Отделе был создан музей, в который он передал свою коллекцию горных пород Западной Сибири. Им написан ряд крупных научных работ.

Скончался М.В. Певцов в 1902 г.

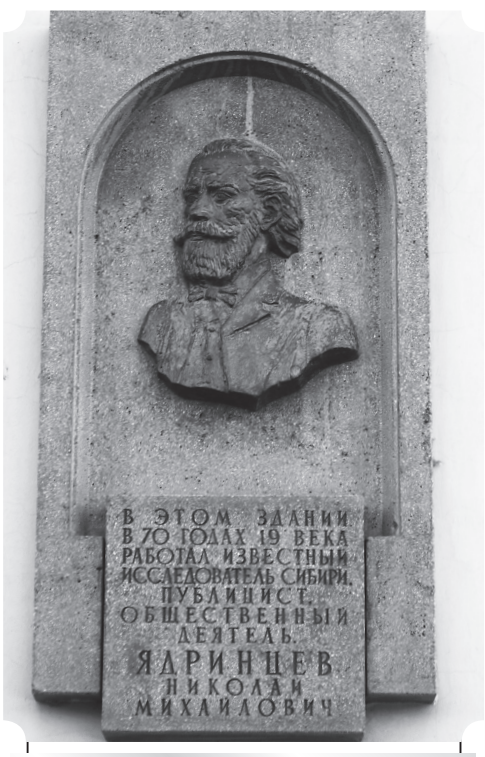
Н.М. ЯДРИНЦЕВ

Против областной библиотеки им. А.С. Пушкина, между улицами 10-летия Октября и Лермонтова, проходит небольшая улица им. Ядринцева. Раньше улица была длиннее, проходила до ул. Почтовой, и называлась Полицейской.

На этой, теперь застроенной южной части улицы (где ныне расположен пятиэтажный дом № 20), по левую сторону ее, во второй половине XIX в. стоял деревянный дом, в котором жил Н.М. Ядринцев. Впоследствии улица Полицейская была переименована в улицу им. Ядринцева.

Николай Михайлович Ядринцев родился в 1842 г. в г. Омске, куда его отец, еще будучи крестьянином, переехал из Перми. Ко времени рождения сына Николая он числился уже в купеческом сословии. Родители Ядринцева были для своего времени люди образованные. Близкое знакомство с декабристом В.И. Штейнгелем способствовало развитию у Ядринцева-отца интереса к литературе и просвещению, поэтому он не жалел средств, чтобы дать детям образование.

Н.М. Ядринцев сначала учился в частном пансионе, а затем в Томской гимназии.



Мемориальная доска Н.М. Ядринцеву на здании Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (бывш. Дворец генерал-губернаторов Западной Сибири и Степного края). Современный вид

С шестого класса он оставил гимназию и поехал в Петербург, где во второй половине 1860 г. поступил вольнослушателем Петербургского университета.

Зарождавшееся движение народников импонировало настроению Н.М. Ядринцева и его товарищей сибиряков, среди которых были: Потанин, Пирожков, писатель Наумов, поэт Омулевский-Федоров[20], казачий офицер – слушатель академии Генерального штаба Усов, юрист Павлинов, студент иркутянин Куклин, собиратель народного творчества Худяков[21] и др.

После третьей зимы по приезде Н.М. Ядринцева в Петербург сибиряки потянулись в Сибирь. Сначала уехали Потанин и Усов в Омск, а вскоре и Ядринцев. В Омске Николай Михайлович устроился работать гувернером.

В 1863 г. на публичной лекции в пользу школы солдатских детей в Омске впервые прозвучал голос Н.М. Ядринцева о необходимости учреждения в Сибири университета. По его инициативе начались сборы пожертвований на университет.

Летом 1876 г. Н.М. Ядринцев начал работать в канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири (помещалась в левой стороне нижнего этажа нынешнего помещения краеведческого музея). Занимался он здесь изучением экономических условий жизни края, вопросами улучшения быта населения. Эта служба дала возможность Н.М. Ядринцеву провести ряд статистических, этнографических и экономических исследований и принять непосредственное участие в основании в Омске Западно-Сибирского отдела географического общества, стать его активным членом.

Весной 1878 г. исполнилось горячее желание Н.М. Ядринцева «побродить по Сибири». Западно-Сибирский отдел РГО командировал его в Горный алтайский округ для изучения колонизационного движения, а также для экономических и этнографических исследований местного населения.

В течение трех летних месяцев Н.М. Ядринцев объехал обширные пространства Барабинской и Кулундинской степей, горные места Барнаульского и Бийского округов, уделил большое внимание озеру Чаны, отметив, что бассейн этого озера подвержен высыханию.

В 1880 г. Н.М. Ядринцев совершил свою вторую поездку в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в верховья Катуни, с целью этнографических исследований.

За комплексные экспедиции на Алтай (1878 – 1880) Н.М. Ядринцев награжден золотой медалью Русского географического общества.

В начале 1881 г., с уходом генерал-губернатора Н.Г. Казнакова[22], Н.М. Ядринцев покончил со службой в Западной Сибири, уехал в Петербург и занялся обработкой собранных им материалов.

К 300-летию присоединения Сибири к России, в 1882 г., им был выпущен капитальный труд о Сибири «Сибирь, как колония». Эта работа создала автору крупное ученое имя не только в пределах отечества, но и за рубежом.

В течение всей своей неутомимой деятельности Н.М. Ядринцев принимал живое участие во многих журналах и газетах. В 1882 г. в Петербурге он стал издавать еженедельную газету «Восточное обозрение» с приложением к ней в виде отдельных книжек «Сибирского сборника». С 1887 г. «Восточное обозрение» им было перенесено в Иркутск.

Скончался Н.М. Ядринцев в Барнауле 7(19) июня 1894 г. вскоре после его приезда в Сибирь.

Имя исследователя, писателя-публициста Н.М. Ядринцева дорого советским людям. В 1918 г. Владимир Ильич Ленин в беседе с сыном исследователя с уважением отозвался о Николае Михайловиче.

В Барнауле, в парке среди ветвистых кленов, находится могила Н.М. Ядринцева. На могиле гранитный памятник с бюстом и надписью[23]:

«Сибиряки – писателю-публицисту».

А.Н. СЕДЕЛЬНИКОВ

На углу улиц Красных зорь (бывший Никольский проспект) и Лагерной (бывшая Семинарская)[24] стоит одноэтажный деревянный дом на кирпичном фундаменте с же-

Деревянное здание учительской семинарии. Омск. Угол ул. Красных Зорь (бывш. Никольский пр-т.) и ул. Маршала Жукова (бывш. ул. Семинарская). Конец XIX в. До настоящего времени не сохранилось

лезной кровлей*. Два небольших фронтона по фасадной стороне (по ул. Красных зорь) несколько оживляют старые стены здания с идущими вряд большими оконными проемами. Дом построен по проекту архитектора Э.И. Эзета[25] для старейшей в Сибири Омской учительской семинарии, открытой в 1872 г.[26]

Свыше тысячи народных учителей выпустила семинария из своих стен. Многие из бывших ее воспитанников стали видными общественными деятелями, деятелями науки, писателями, поэтами. В первой половине 90-х годов прошлого столетия в семинарии учился и окончил курс известный исследователь Сибири Александр Никитич Седельников.

А.Н. Седельников родился 30 августа 1876 г. в Талицком заводе Пермской губернии, где отец его – рядовой казак из Бухтарминского края, служил музыкантом в оркестре известного откупщика Поклевского-Козел. Отец его большой любитель природы, часто брал сына на рыбалку, в лес за ягодами и грибами. Впоследствии Александр Никитич говорил, что он, как естествоиспытатель, много обязан своему отцу.

Когда настало время учить детей, семья Седельниковых переселилась в Омск. Здесь А.Н. Седельников последовательно окончил станичную начальную школу, уездное училище и поступил в учительскую семинарию.

В семинарии Александр Никитич выделялся выдающимися способностями и энергией. Он был душой рукописного журнала семинаристов, его тщательным переписчиком, иллюстратором и в то же время автором большой повести. В семинарские годы А.Н. Седельников становится участником студенческих самообразовательных кружков, занимается перепиской запрещенных брошюр и т.п. Во время учебы в III классе на квартире у Седельникова был произведен жандармский обыск и он оказался под особым надзором полиции. По этой причине по окончании семинарии Седельникову было отказано в должности учителя. Он много в это время путешествовал в окрестностях Омска, по Иртышской и Горькой линиям. С 1896 г. он прослушал курс в Юрьевском университете, где работал, главным образом, по ботанике, а также по зоологии и геологии. По окончании университета А.Н. Седельников вернулся в Омск, устроился учителем уездного училища, а потом и в родной ему учительской семинарии, которая перенесена была к этому времени в каменное здание по улице Декабристов – Новая семинария[27].

С первого года педагогической деятельности А.Н. Седельников включился в деятельность Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Здесь он проводил

* Летом 1965 г. здание бывшей семинарии капитально отремонтировано. Деревянная обшивка стен заменена кирпичной облицовкой.

Здание музея Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск. Конец XIX в. Ныне Государственный центр народного творчества

интересную научно-исследовательскую и организационную работу, состоя действительным членом отдела, хранителем музея, заведующим библиотекой, а в 1917 – 1919 гг. – председателем отдела. Западно-Сибирский отдел в это время помещался по ул. Музейной. Здесь же находился музей и библиотека. Исследовательская деятельность А.Н. Седельникова была направлена, главным образом, на изучение Сибири, Южного Алтая и части Казахстана[28].

Крупнейший из русских географов академик Л.С. Берг дает следующую оценку деятельности А.Н. Седельникова:

«Очень сожалею, что мне не пришлось лично познакомиться с достойным сибирским географом. Его монографическое исследование об озере Зайсан есть одна из наших лучших работ по озероведению, и покойный по заслугам считался авторитетным лимнологом. Потеря его есть большой удар по русской географии вообще и по сибирской в частности. Я высоко ценю заслуги А.Н., считаю его выдающимся и заслуженным географом».

Жил А.Н. Седельников по улице Войсковой (ныне Украинская) в доме № 42[29]. Умер в Омске в 1919 г., похоронен на бывшем Казачьем кладбище[30].

С.С. УЖГИН

Омскую учительскую семинарию окончил писатель Семен Семенович Ужгин. С.С. Ужгин родился в 1883 г. Сразу после окончания семинарии он приобщился к литературной деятельности. Его сатирические очерки, публицистические статьи и рассказы печатались в уездных и губернских газетах старого времени – «Степь», «Юг Тобола», «Прииртышье» и др.

С марта по август 1917 г. Ужгин был заведующим отделом газеты «Новая жизнь», издаваемой в Петрограде А.М. Горьким. С 1923 г. он работал в редакциях «Бедноты» и «Крестьянской газеты».

Перу писателя принадлежит несколько сборников рассказов, книга очерков «Красные партизаны Кустаная» и книга «Степные были».

Умер С.С. Ужгин 23 октября 1956 г.

Ф.К. ЗОБНИН

В конце 90-х годов Омскую учительскую семинарию окончил Филипп Козьмич Зобнин. Ф.К. Зобнин родился в 1868 г. в Тюменском округе в семье крестьянина. По окончании учительской семинарии был народным учителем и занимался изучением крестьянского быта и истории Западной Сибири. Главные работы: «Из года в год» – описание круговорота крестьянской жизни в слободе Усть-Ницынской Тобольской губернии («Живая старина», в. 1, 1894); «Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа». (Там же, вв. 3 – 4, 1896); «Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда» («Памятная книжка Семипалатинской области», 1900, в IV) и другие.

Учительские семинарии, в том числе и Омская, укомплектовывались наиболее одаренными юношами из крестьян и мещан, в массе своей революционно настроенных. Прокурор Святейшего синода Победоносцев считал учительские семинарии рассадником революции. В противовес им Синод для подготовки учителей начальных школ стал открывать церковно-учительские школы.

В 1903 г. большую революционную работу среди учащихся города проводил воспитанник III класса Омской учительской семинарии Сгибнев. На его квартире печатались революционные листовки, которые вместе с другой революционной литературой распространялись среди молодежи. Через Сгибнева прошли: брошюра «К обществу» (гектографированная речь Петра Алексеева), прокламация «По поводу правительственных распоряжений», «Солдатская памятка Толстого», «Как министр заботится о рабочих» и др.

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

В 1903 г. на улице Декабристов для семинарии было построено новое двухэтажное красного кирпича здание, дом 119 (только средняя часть здания из трех этажей).

В числе воспитанников семинарии (уже в новом ее здании) был выдающийся казахский поэт-революционер, известный казахский просветитель и общественный деятель Сакен Сейфуллин.

Родился Сейфуллин в 1894 г. в кочевом казахском ауле Нельдинской волости (территория нынешней Карагандинской области). Учился в Акмолинске (Целиноград)[31] – сначала в приходской школе, потом в двухклассном училище, затем поступил в Омскую учительскую семинарию.

Семинарский период жизни Сейфуллина имел важное значение для всей его литературной, революционной и общественной деятельности. Здесь он знакомится с революционно настроенными людьми и становится одним из активных участников организации казахской молодежи «Бирлик» («Единство»), выступает на ее тайных собраниях. Он попадает под наблюдение охранки. 27 октября 1914 г. педагогический совет учительской семинарии принимает решение, запрещающее в течение второй четверти отлучаться Сейфуллину из интерната после шести часов вечера.

К этому периоду жизни Сейфуллина относятся его первые поэтические опыты. В стенах семинарии он написал сборник стихотворений, который в 1914 г. был издан в Казани – «Минувшие дни».

Молодого автора тогда уже волновали социальные проблемы. Он задумывался над судьбой родного народа, изнывающего под бременем невежества и феодальных пережитков, с гневом клеймит угнетателей – баев.

Каменное здание учительской семинарии. Омск. Ул. Декабристов (бывш. Варламовская). Начало XX в. Ныне Городской музей «Искусство Омска»

По окончании семинарии Сакен Сейфуллин был учителем сначала в ауле, затем в Акмолинске. В 1918 г. он вступил в Коммунистическую партию. Руководил Акмолинским уездным отделом народного образования. В эти годы он пишет стихи, наполненные революционным пафосом.

В период белогвардейщины Сейфуллин был заключен в концлагерь, из которого 8 марта 1919 г. ему удалось бежать.

В 1920 г. Сейфуллин принимает активное участие в работе оргкомитета по образованию Казахской автономной социалистической республики. Был избран членом президиума КазЦИКа. Работал заместителем наркома просвещения и редактором газеты. В 1922 г. был избран председателем Совета народных комиссаров Казахской АССР.

Сакен Сейфуллин никогда не отрывался от творческой работы. Литературное наследство его велико. Огромны его заслуги в сборе и опубликовании литературных памятников и народного творчества («Целинный край», 2 апреля 1964 г.).

Е.А. МИНИН

В Омской учительской семинарии получил также образование писатель Евлампий Андреевич Минин. Е.А. Минин один из первых сибирских писателей-попутчиков сделал в своем творчестве поворот к актуальной тематике социалистического строительства. Писал стихи, рассказы, очерки, печатался преимущественно в журнале «Сибирские огни». Наиболее значимые его произведения: роман «Широкий жест», очерки – «Коммуна на Ачаире», «Риддер», «Капитальная шахта» и др.

Е.А. Минин сын крестьянина с. Чернолучье Омского района, родился в 1893 г., умер 30 января 1931 г.

А.И. ЕРШОВ

Омскую учительскую семинарию окончил также писатель Артем Ильич Ершов. Ершов родился в Омске в 1887 г. Принимал участие в нелегальных социал-демократических кружках. По окончании семинарии был учителем. С 1917 г. работал в кооперации. Писать рассказы начал в 1908 г. Печатался в «Сибирском рассвете» (Барнаул), «Сибирских вопросах» (Спб.), «Сибирском дне» (Омск), «Сибирской неделе (Иркутск), «Сибирском студенте» (Томск), в сборнике «Жертвам войны» (Омск) и в газетах. Отдельными изданиями его произведения вышли: «В поисках родины» (Барнаул, 1918 г.), «Чтоб было тихо» – пьеса («Театр и искусство»), «Бабья запятая» (Новосибирск, 1926 гг.).

БЫВШИЕ ВОСПИТАННИКИ ОМСКОЙ ГИМНАЗИИ

В 70-х годах прошлого столетия началась интенсивно застраиваться эспланада Омской крепости. В 1876 г. здесь, у бывших Тарских крепостных ворот, было заложено здание мужской гимназии (теперь школа № 19 им. В.И. Ленина)[32].

Здание возведено было в два этажа по проекту архитектора Э.И. Эзета (третий этаж надстроен в советское время).

В середине 80-х годов прошлого столетия омскую гимназию окончил К.К. Сараханов, сын крестьянина Тобольской губернии. По окончании гимназии К.К. Сараханов поступает в Казанский университет. Здесь он сразу же принимает активное участие в работе нелегального сибирского землячества, где возглавлял особую омскую группу.

4 декабря 1887 г. состоялось известное выступление студентов, одним из руководителей которого был В.И. Ульянов (Ленин). После этого из университета была исключена большая группа студентов, в том числе В.И. Ульянов (Ленин) и К.К. Сараханов. Впоследствии К.К. Сараханов работал в газетах Сибири и Поволжья. Умер в 1917 г. от сыпного тифа.

В 1894 г. из стен омской гимназии вышел Константин Андреевич Попов, активный участник революционного подполья начала XX столетия и революционного движения 1905–1907 гг. в г. Омске. В 1918 г. К.А. Попов был арестован белыми, случайно избежал расстрела. Вступил в ВКП(б). В последние годы жизни (умер в 1949 г.) был профессором в ряде институтов Москвы.

В 1901 г. омскую гимназию окончил известный сибирский геолог, впоследствии академик Михаил Антонович Усов (1883 – 1939), а также известный дипломат, академик

Здание Первой мужской гимназии. Омск. Ул. Тарская. 1901 г. Ныне Институт развития образования Омской области

Иван Михайлович Майский. И.М. Майский вместе с тем и талантливый писатель, в основном мемуарного характера. Им написаны воспоминания об Омске – «Перед бурей».

В 1912 г. омскую гимназию окончил писатель Александр Павлович Оленич-Гнененко.

А.П. Оленич-Гнененко родился на Полтавщине в 1893 г. Вскоре отец его переехал в Омск. По окончании гимназии Александр Павлович служил конторщиком на железной дороге и речной пристани.

После разгрома Колчака А.П. Оленич-Гнененко редактирует ряд сибирских газет: «Рабочий путь» в Омске, «Красноярский рабочий», «Сельская правда» – в Новосибирске и в то же время помещает свои стихи в журнале «Сибирские огни».

Стихи писать Александр Павлович начал еще в дореволюционное время. В стихах прославлял человеческий разум, который позволит человеку стать хозяином всех богатств природы.

Кроме стихов, он писал также и очерки.

Умер А.П. Оленич-Гнененко в 1963 г. в г. Ростов-на-Дону.

М.М. СИЯЗОВ

В здании, занимаемом ныне Домом политического просвещения, раньше помещалась женская гимназия[33]. Здание построено в 1882 г. по проекту архитектора Э.И. Эзета. Через год рядом с ним возведен женский пансион.

Стены бывшей гимназии напоминают об известном педагоге и ученом М.М. Сиязове.

Михаил Михайлович Сиязов родился в Томске 17 декабря 1858 г. По окончании Казанского университета в 1882 г. он получил назначение в омскую женскую гимназию, где и работал до 1906 г. За передовые взгляды М.М. Сиязов был арестован и выслан из Сибири. Только благодаря ходатайству членов Западно-Сибирского отдела РГО он был возвращен в Омск, где жил до конца своей жизни.

В педагогическую работу М.М. Сиязов вносил горячую любовь поэта-натуралиста к природе. Он учил своих воспитанниц на живой природе, на материалах из окружающего мира. Он составил учебник ботаники (выдержал три издания) применительно к местным условиям.

Вынужденный оставить гимназию, М.М. Сиязов весь отдался журналистской и научной работе. Десятки лет он сотрудничал в ряде прогрессивных газет и журналов Сибири. Но

более всего М.М. Сиязова занимала наука. Он был ботаником, страстно любил зеленый мир и шел к нему во всякий свободный час. Не только окрестности Омска исхожены Михаилом Михайловичем, но и окрестности почти всех других городов Западной Сибири.

«В течение длинного ряда лет я собрал около Омска,– пишет Сиязов в своей работе «Новый список омской флоры» (Записки ЗСОРГО, 1904 г.), – довольно значительный гербарий и сделал множество наблюдений над местами нахождения, распределением, численностью и периодом вегетации растений». 588 видов растений приводит М.М. Сиязов в «Новом списке омской флоры», оговариваясь, что это далеко еще не вся омская флора и следует ожидать нахождения новых видов.

С 1888 г. М.М. Сиязов состоял действительным членом ЗСОРГО. А в 1903 г. за научные заслуги избран почетным членом отдела.

Умер М.М. Сиязов 9 июля 1914 г. в Омске. Похоронен на бывшем Казачьем кладбище[34].

К.В. ЕЛЬНИЦКИЙ

38 лет учительского труда отдал омской женской гимназии замечательный педагог, последователь К.Д. Ушинского Константин Васильевич Ельницкий. Старейшему поколению народных учителей имя К.В. Ельницкого хорошо известно. В конце XIX – начале XX столетия русские народные школы (земские, министерские, церковно-приходские

Здание Первой Омской женской гимназии почетных граждан Поповых. Омск. Ул. Ленина (бывш. Чернавинский пр-т.). 1880-е гг. Ныне НОУ «Омский Дом Знаний»

и др.) широко пользовались учебниками К.В. Ельницкого, по ним училось несколько поколений. К.В. Ельницким составлены многие пособия для преподавателей: «Методика начального обучения отечественному языку», выдержавшая 33 издания, «Курс дидактики» (24 издания), «Общая педагогика» (18 изданий) и др. Конечно, в настоящее время школьные учебники и руководства для учителей К.В. Ельницкого представляют интерес лишь для изучения истории развития народного образования в России, но в свое время они имели весьма важное значение.

К.В. Ельницкий родился в 1846 г. В 1865 г. окончил Нежинский лицей, а через пять лет преподавательской деятельности – двухгодичные высшие педагогические курсы в Петербурге.

По окончании в 1872 г. курсов, К.В. Ельницкий был назначен преподавателем омской женской гимназии, где и работал до 1910 г., причем 33 года руководил восьмым педагогическим классом. Одновременно К.В. Ельницкий все 38 лет являлся преподавателем русского языка и словесности в кадетском корпусе.

Умер К.В. Ельницкий в 1917 г.

А.С. СОРОКИН

На улице Лермонтова находится небольшой двухэтажный кирпичный дом под № 28[35]. Правая половина дома раньше принадлежала сибирскому писателю Антону Сорокину.

Дом Сорокина при жизни писателя был своего рода омским литературно-художественным клубом. Молодые и искушенные в творчестве писатели и художники шли сюда, и гостеприимный хозяин широко распахивал двери перед служителями искусства.

Здесь бывали Всеволод Иванов, Феоктист Березовский, Александр Оленич-Гнененко, Петр Драверт, Леонид Мартынов, Иван Шухов, Кондратий Урманов, поэт Шебалин (впоследствии композитор), художник Уфимцев и многие другие.

В дом по улице Лермонтова шли письма от многих русских писателей.

Дом, в котором жил писатель А.С. Сорокин. Омск. 1950-е гг. Ныне в здании размещается региональное отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России»

Антон Семенович Сорокин родился в 1884 г. в Павлодаре. Отец его отличался незаурядным умом. Он взрослым научился грамоте и, находясь в постоянных исканиях, вел переписку с Л.Н. Толстым, В.Д. Бонч-Бруевичем.

Антон Семенович учился в омской гимназии, но не закончил курса.

В 1902 г. в журнале «Будильник» и местных газетах появились первые произведения Антона Сорокина. В 1904 г. его мелодрама «Золото» была принята к постановке в театре Комиссаржевской.

В 1916 г. им было написано произведение, направленное против войны, – «Хохот желтого дьявола».

С приходом Советской власти Антон Сорокин со всей энергией отдался литературной деятельности. На любом попавшемся под руки клочке бумаги пишет он свои рассказы, драмы, трагедии. В результате, после его смерти остались тысячи испещренных его рукой страниц.

Умер Сорокин на 43-м году жизни, 24 марта 1928 г., в Москве, в Остроумовской больнице от туберкулеза легких. Похороны Антона Семеновича Сорокина состоялись 27 марта в Москве, на Ваганьковском кладбище. Хоронили его два писателя-сибиряка: Феоктист Березовский и Всеволод Иванов.

П.Л. ДРАВЕРТ

На улице Банной (теперь ул. им. Косарева), в небольшом деревянном домике № 24[36], долгое время жил и работал исследователь Сибири, профессор-минералог, член метеоритного комитета Академии наук СССР, поэт Петр Людвигович Драверт.

П.Л. Драверт родился 4(16) января 1879 г. в г. Вятке (Кирове). Когда ему было 5 лет, отец его был переведен на службу в Екатеринбург (Свердловск). П.Л. Драверт учился сначала в екатеринбургской гимназии, а затем в казанской. По окончании в 1899 г. гимназии, П.Л. Драверт поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. Университет он окончил лишь в 1914 г. (аресты и ссылки постоянно прерывали учебу).

В 1901 г. за участие в студенческих волнениях П.Л. Драверт был сослан в Пермскую губернию. По возвращении из ссылки поступил в университет, но в 1905 г. вновь был арестован, а в 1906 г. сослан в Якутию. По ходатайству Академии наук последний год ссылки Драверту был заменен поселением в Томске.

Научная деятельность П.Л. Драверта началась с 1900 г., когда он был командирован обществом естествоиспытателей при Казанском университете на Средний Урал.

Из многочисленных своих экспедиций и поездок он привозил большие и разнообразные коллекции, пополнил научными материалами минералогический и геологический кабинеты Казанского университета, Якутский музей, коллекции метеоритного комитета Академии наук СССР, Омский областной музей.

П.Л. Драверт открыл якутские опалы, а в окрестностях Омска обнаружил минерал группы каолина – ермакит. Он исследовал фосфориты Прииртышья, известковое сырье в омском Прииртышье, местный бурый уголь, занимался палеонтологией и археологией.

Многие места на территории Омской области будят воспоминания о П.Л. Драверте. В походах по изучению края, в поисках метеоритов, он исколесил дороги и тропы степных и лесных пространств; на плотах, лодках, пароходах, по рекам и озерам проплыл тысячи километров. Под моросящим дождем, при пронизывающем холодном ветре, под палящими лучами солнца его встречали и на берегах Оми, и в Чернолучье, в Лежанке, Бещеуле, Екатерининском, Таре, Седельникове, Хмелевке и т.д. И всегда радостного, с верой в достижение поставленной цели.

Последняя его поездка для поиска метеорита была совершена в Вагай в 1944 г.

В Омске живой образ Петра Людвиговича восстает в парке и стенах сельхозинститута, на аллеях и лабораториях станции юных натуралистов, во дворе и зданиях музея и многих других местах.

П.Л. Драверт составил список сибирских метеоритов. Его работы в области метеоритики хорошо известны за рубежом. Они отмечены в рефератах и каталогах Британского музея.

П.Л. Драверт оказывал большое содействие Л.А. Кулику, когда тот искал знаменитый Тунгусский метеорит. Но П.Л. Драверт не только ученый, он и один из видных поэтов старой Сибири.

Его стихотворения дышат безграничной любовью к Сибири, ее природе:

Тебе одной мои напевы –
Стране холодной, но живой,
Где мною брошенные севы
Созрели к жатве полдневой...
В твоих реках – мои стремления,
В твоей тайге – моя душа.
Ведет меня тропа оленья,
И манят звоны камыша...[37]

Ученый-поэт, воспевший топазы, лазурит, агат и рубины Сибири, был вместе с тем и коллекционером. Собранная им коллекция экслибрисов – одна из больших коллекций в Сибири. Свою библиотеку и собранные коллекции П.Л. Драверт завещал краеведческому музею, научным работником которого он состоял.

Умер П.Л. Драверт 12 декабря 1945 г. Похоронен был сначала на Казачьем кладбище. 20 июля 1961 г., в связи с ликвидацией этого кладбища, гроб с прахом П.Л. Драверта перенесен на Восточное кладбище и похоронен рядом с могилой Б.С. Вейсброда.

И.Н. ШУХОВ

И.Н. Шухов родился в 1894 г. в г. Омске. Происходил из военной среды. Учился в Омском кадетском корпусе, а по окончании его – в Петербургском психоневрологическом институте.

С юношеских лет Иннокентий Николаевич увлекся путешествиями, в 16 лет он уже участник экспедиции А.Н. Седельникова.

В 1911 – 1914 гг. И.Н. Шухов на средства ЗСОРГО, зоологического и этнографического музеев Академии наук и Русского Географического общества провел экспедицию в низовья Оби, по рекам Щучьей, Казыму, Тазу и др. В результате путешествия им собран большой зоологический и этнографический материал и написан ряд научных

статей. Даже в суровой обстановке военного времени (в 1915 г. И.Н. Шухов был призван в армию) молодой ученый не оставлял исследовательской работы и сбора материалов. По демобилизации Иннокентий Николаевич перешел на преподавательскую работу. Состоял приват-доцентом Сибирской сельскохозяйственной академии, профессором охотоведения лесотехнического института в г. Красноярске, профессором ветеринарного и педагогического институтов в Омске.

Все свободное от служебных занятий и преподавательской деятельности время И.Н. Шухов отдавал экскурсиям и путешествиям по родному краю. В лодке, на лошадях, на лыжах он исколесил все уголки области.

И.Н. Шухов – ученый с большим диапазоном знаний. Круг его научных знаний не ограничивался орнитологией и ихтиологией. Иннокентий Николаевич – один из старейших наших ученых-охотоведов. Он много работал по этнографии, знал ботанику, минералогию, вел фенологические наблюдения; увлекался астрономией и в свое время вел переписку с известным французским астрономом Фламмарионом. Иннокентий Николаевич мастерски набивал чучела зверей и птиц, хорошо рисовал, делал макеты.

Ф.А. БЕРЕЗОВСКИЙ

31 декабря 1876 г. в г. Омске родился писатель Феоктист Алексеевич Березовский.

Сурово встретила его жизнь. С детства пошел он по чужим людям: работал на спичечной фабрике, батрачил у богатых крестьян, был певчим, наборщиком в типографии, телеграфистом.

В 1904 г. Березовский становится членом РСДРП и целиком отдается революционной работе. Два года спустя он попадает на каторгу. Далее – ссылка, побег.

После захвата Омска интервентами в 1918 г. Феоктист Алексеевич снова арестован. Из тюрьмы он был освобожден во время восстания 22 декабря 1918 г. Работал затем в омском подполье.

По восстановлении Советской власти Ф.А. Березовский занимает пост заместителя губпродкомиссара в Омске, затем – председателя Енисейского губисполкома.

Начало литературной деятельности Березовского относится к 1900 г. В это время он сотрудничает в омской газете «Степной край». В 1903 – 1904 гг. произведения Ф.А. Березовского печатаются в «Восточном обозрении», «Сибирском сборнике», «Омском вестнике».

Широко развернулась литературная деятельность Феоктиста Алексеевича уже в наше время.

В 1922 г. в журнале «Сибирские огни» был помещен рассказ Ф.А. Березовского «Варвара». Два года спустя был издан его роман «В степных просторах». А в 1925 г. вышла напечатанная в альманахе «Вехи Октября» повесть «Мать».

Самым крупным произведением Ф.А. Березовского является роман «Бабьи тропы».

Жизнь и деятельность Ф.А. Березовского неразрывно связана с Омском.

С 1906 г. Ф.А. Березовский жил в небольшом деревянном домике по ул. Тверской (ныне Березовского) № 22[38]. В этом доме Феоктистом Алексеевичем написан ряд произведений.

В годы Великой Отечественной войны Ф.А. Березовский из Москвы переехал в Омск. Здесь им написан рассказ «Над бездной» (напечатан в Омском альманахе) и начат роман «Отечество», который остался незаконченным.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Вблизи Иртыша на улице Яковлева (раньше Проломная) стоит небольшой деревянный домик на кирпичном фундаменте, № 19[39]. В этом домике в 1919 – 1921 гг. жил и работал известный советский писатель Всеволод Иванов.

В одно время жил Всеволод Иванов в Омске на левой стороне Оми в конце Кирпичной ул. (теперь ул. Мичурина) в заброшенной халупе, над самым крутояром мутной реки. Низкие маленькие окна, голые стены, из мебели в его жилище были стул, стол, кровать.

Всеволод Вячеславович Иванов родился в 1895 г. в семье учителя в поселке Лебяжьем Семипалатинской области.

После окончания сельской школы Всеволод Иванов был матросом, актером бродячего театра и цирка, типографским рабочим. Печататься начал в 1916 г. (рассказ «Сны осени» в газете «Прииртышье»). До революции он завязывает переписку с А.М. Горьким, публикующим в сборнике «Пролетарские писатели» его рассказ «На Иртыше».

С февраля 1917 г. по январь 1921 г. В.В. Иванов живет в Омске. Всеволод Иванов был близок к Антону Сорокину, который считал Иванова своим учеником.

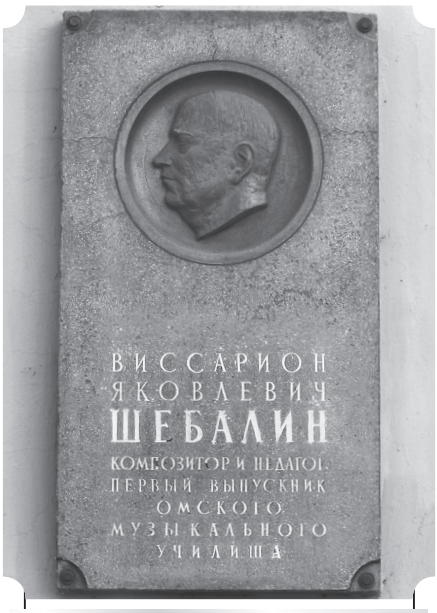
В доме № 19 на Проломной (Яковлева) Всеволод Иванов написал ряд своих произведений: расказ «Шантрапа», начало которого напечатано в газете «Согры» (1918 г.), полностью опубликован в сборнике «Рогульки» (1919 г.), выпущенном Ивановым в количестве 30 экземпляров. Здесь же им написана повесть «Партизаны», «Алтайские сказки и рассказы», «Книга», «Глиняная шуба», «Отец и мать» и др.

О сборнике «Рогульки» К. Федин позднее писал: «Неожиданно музыкальные по языку картины этих рассказов изображали, словно впервые, странную, далекую и как будто фантастическую страну, хотя описываемые люди, да и все детали были чрезвычайно реальны».

С 10 февраля по 16 июля 1920 г. Всеволод Иванов работает разъездным инструктором внешкольного подотдела уездного отдела народного образования на станции Татарская, бывшей Омской губернии. Он разъезжает по селам уезда, организуя вечерние школы для взрослых, распределяя буквари и учебники. Несмотря на трудности, работа эта оказала благотворное воздействие на писателя.

Вернувшись в Омск, Всеволод Иванов с головой ушел в творческую работу. Его радует подъем молодой советской культуры. «В Омске становится жить интересно. Я работаю в газете «Советская Сибирь». Появилось много литературной молодежи. Вернулся А.П. Оленич-Гнененко, устраиваем вечера при «Сиброста», – писал он в Кокчетав одному из друзей. Душевный подъем отражается на всем, что пишет в это время Всеволод Иванов.

Покинув в 1921 г. Омск, писатель не порвал связей с этим городом. Он посылал свои рассказы в газету «Рабочий путь», переписывался с Антоном Сорокиным, Георгием Вяткиным[40], Леонидом Мартыновым[41].



Мемориальная доска В.Я. Шебалину на здании Омского музыкального училища им. В.Я. Шебалина. Ул. 10 лет Октября. Современный вид

В.Я. ШЕБАЛИН

Шебалин Виссарион Яковлевич (1902 – 1963) – композитор, доктор искусствоведческих наук, народный артист РСФСР. Родился в Омске. Здесь прошли его юношеские годы. Учился в омской гимназии. В 1920 – 1921 гг. увлекался поэзией.

В 1923 г. В.Я. Шебалин окончил в Омске музыкальное училище, а через пять лет, в 1928 г. Московскую консерваторию по классу композиции Н.Я. Мясковского. По окончании консерватории В.Я. Шебалин был преподавателем, затем профессором, а с 1942 по 1948 г. директором консерватории. У В.Я. Шебалина учились известные советские композиторы Хренников, Хачатурян и др. Он автор многочисленных музыкальных произведений: симфоний, квартетов, романсов, песен. Большое место в творчестве В.Я. Шебалина занимает музыка для драматического театра, к кинофильмам и радиокомпозициям. Высокое мастерство проявил В.Я. Шебалин в работе над за-

вершением оперы «Сорочинская ярмарка» М.П. Мусоргского и симфонии-увертюры на темы двух русских песен М.И. Глинки. Его творчеству принадлежит опера «Солнце над степью».

В увековечение его памяти, на родине, в Омске, музыкальному училищу присвоено имя В.Я. Шебалина.

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В ОБЛАСТИ

МОГИЛА Ф.Е. МИХАЙЛОВА

На окраине кладбища в селе Лыжино Любинского района находится могила Федора Егоровича Михайлова[1] – матроса, участника сражений легендарного крейсера «Варяг» с японской эскадрой 8 февраля 1904 г.

Ф.Е. Михайлов до 1911 г. жил в Акмолинской области, затем переселился в Лыжино. В годы коллективизации вступил в колхоз.

Ветеран «Варяга», Ф.Е. Михайлов имел боевые награды, которые бережно хранятся у его потомков.

На могиле Федора Егоровича – деревянный памятник в виде усеченной четырехгранной пирамиды с его портретом[2].

ПАМЯТНИК П.С. КОМИССАРОВУ

На правом берегу Иртыша, в 35 километрах от Омска, вверх по реке, раскинулся известный в Сибири Комиссаровский сад – ныне Комиссаровский парко-ботанический заказник колхоза им. Чапаева Омского района[3].

Сад заложен в 1895 г. Он поражает разнообразием растительности. Рядом с неприхотливыми деревьями севера здесь растут деревья и кустарники далекого юга: густой орешник и туркестанский карагач, акация и жимолость, шиповник и жасмин, ольха и бересклет, амурский виноград и сирень, таволжник и бузина, дуб и туя, барбарис и можжевельник и многие другие плодовые и декоративные представители растительного царства.

В центре сада-заповедника установлен памятник из белого мрамора.

На нем высечена надпись:

Воля и труд человека
Дивные дивы творят[4].

Ниже на постаменте:

ПАВЕЛ САВВИЧ
КОМИССАРОВ.
Умер 14 января 1920 года.

Памятник открыт 1 февраля 1948 г. При заповеднике, с 1950 г. функционирует музей П.С. Комиссарова[5].

ЧЕРЕМУХОВСКОЕ ОМСКОГО РАЙОНА

Километрах в двух от с. Черемуховского Иртыш делает большую петлю, резко меняет северо-западное направление на западное. Река проходит у высокого (в 20 м высотой) коренного берега, сложенного из третичных и четвертичных отложений. На бечевнике (шириной 20 – 30 метров) много известковых конкреций, нередко причудливой формы, встречаются кости, а также раковины – современные и древние.

В истории геологических исследований Западной Сибири это место является классическим и называется оно по имени первого его исследователя И.Д. Черского – Берегом Черского.

Иван Дементьевич Черский, литовец по происхождению, родился 3 мая 1845 г. в имении Сволна Дриссенского уезда, Витебской губернии. В 1863 г. восемнадцатилетний юноша принял участие в польском восстании, вместе с другими повстанцами осужден, сослан в Сибирь и сдан в солдаты.

В течение шести лет он служил в Западно-Сибирском линейном батальоне в Омске. Суровый солдатский режим не сломил его воли, и в этом главную роль сыграла любовь к знаниям. Черский работал в Омске неутомимо, страстно отдавшись науке.

Большой интерес проявлял И.Д. Черский к геологии и палеонтологии берега Иртыша между Новой Станицей и Черемуховской. Черский изучал береговые напластования, сделал подробное описание обнаруженных костей вымерших животных, занимался поисками ракушек, которые отправлял для определения в Петербург академику Миддендорфу.

Несмотря на трудность совмещения исследовательских занятий с солдатчиной, Черский, жертвуя всем своим существом для науки, преодолевал эти тяготы. В 1869 г. по состоянию здоровья он был уволен со службы. После этого два года оставался в Омске.

В 1871 г. И.Д. Черский покинул Омск, переехал в Иркутск и стал работать в Сибирском отделе Русского Географического общества[6].

И там, на востоке, «каждый свой день, пишет С.В. Обручев, он приносил в жертву знанию – и наконец пожертвовал для науки и жизнь»[7]. Умер И.Д. Черский во время экспедиции между Средне- и Нижне-Колымском 8 июля (н. ст.) 1892 г. Похоронен на заимке Колымская.

В первом опубликованном труде «Очерки геогностического строения окрестностей г. Омска» (Известия Сиб. отдела РГО, т. III, № 2, 1872) И.Д. Черский дал первое геолого-палеонтологическое описание прилежащей к Омску территории.

Вторая работа И.Д. Черского по Омску – «Заметки к вопросу о возрасте пород, развитых в окрестностях Омска».

Труды И.Д. Черского не потеряли своего научного значения до настоящего времени.

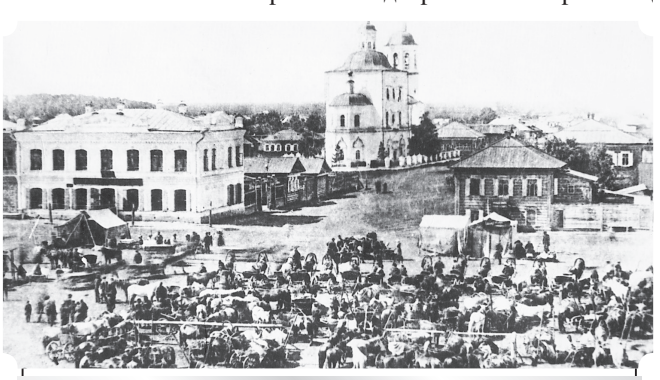
ТАРСКАЯ ССЫЛКА

Старейший город Омской области – Тара. Заложен он в 1594 г.

До основания Омской крепости Тара являлась главным оплотом южных окраин русских владений в Прииртышских степях.

С древнейших времен Тара являлась местом ссылки неугодных царскому правительству лиц. Здесь отбывали ссылку декабристы Ф.М. Башмаков[8], В.И. Штейнгель[9] и И.В. Друцкий-Горский[10].

В 1870 – 1880 гг. в Таре были водворены многие революционеры-разночинцы[11]. Народоволец Зарубаев, осужденный по делу «193». Брат Софьи Перовской – Василий Львович Перовский[12], пользовавшийся большой популярностью среди политических. В 1880 г. сослан в Сибирь и был водворен в Тару крупнейший статистик и видный публицист Николай Федорович Анненский.



Здания биржи и Спасской церкви. Тара. Начало XX в.

С 1880 по 1886 г. в Таре был на поселении русский революционер, друг и учитель Н.Е. Федосеева[13] – С.Г. Сомов[14].

В годы первой революции Тара была одним из центров политической ссылки в Западной Сибири. Из видных членов большевистской партии в Тарской ссылке находился старый большевик Антон Валек, член Омского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1918 г. Во время колчаковской диктатуры Антон Валек был одним из организаторов подпольной екатеринбургской партийной организации. Выдан колчаковцам и расстрелян в Екатеринбурге 8 апреля 1919 г.

В СТАРОМ ТЮКАЛИНСКЕ

Тюкалинск (поначалу – Тюкалинская слобода) основан в 1763 г. С 1822 г. Тюкалинск стал городом. В прошлом и город и территория его уезда были местом ссылки и водворения на поселение неугодных царскому правительству лиц.

С мая 1879 по март 1880 г. в Тюкалинске находился на поселении писатель-народник Григорий Александрович Мачтет[15]. Г.А. Мачтет – автор одной из любимых революционных песен старого поколения революционеров:

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил.
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...

Одновременно с Г.А. Мачтетом в Тюкалинске находился в ссылке поэт народник Феликс Вадимович Волховский[16], судившийся по процессу «193».

По процессу 50-ти в Тюкалинске находилась в ссылке Александра Сергеевна Хоржевская (по мужу Волховская)[17], приговоренная поначалу к 5 годам каторги.

В 1879 г. в Сибирь под надзор полиции был выслан студент-медик Харьковского университета Нифонт Иванович Долгополов[18]. Выслан был Долгополов за принадлежность к революционному кружку сначала в Курган, а после того, как в 1881 г. он отказался от принятия присяги Александру III, был водворен в Тюкалинск, где подвергся грубому преследованию со стороны исправника.

Впоследствии Н.И. Долгополов был депутатом от Нижнего Новгорода в Государственную думу второго созыва.

С 1885 г. в Тюкалинске в ссылке находились народники Сергей Порфирьевич Швецов[19] и его жена Мария Васильевна Лаврова-Швецова[20].

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ В ПРИИРТЫШЬЕ

19 апреля 1890 г. Антон Павлович Чехов покинул Москву, отправившись на суровый Сахалин.

Омскую область писатель проследовал на лошадях вольных ямщиков через д. Орлово, с. Крутинское, г. Тюкалинск, с. Бекишево, Саргатское, Пустынное, Копьево, Резина, всего на протяжении 400 км.

Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, А.П. Чехов сидел в доме вольного ямщика и пил чай*. Путешественник был поражен чистотой и порядком в горнице. Вместе с тем он остановил свое внимание на тягостном труде крестьянина. «Десять месяцев не снимает он рукавиц и не распрямляет пальцы: то мороз в сорок градусов, то луга на двадцать верст затопило, а придет короткое лето – спина болит от работы и тянутся жилы... Оттого, что круглый год ведет он жестокую борьбу с природой, он не живописец, не музыкант, не певец. По деревне вы редко услышите гармонику и не ждите, чтоб ямщик затянул песню...»[21].

* А.П. Чехов не называет селения, где он остановился. Мы полагаем, что эта была деревня Орлово или Яман Крутинского района.

Под вечер 7 мая ямщик привез А.П. Чехова в село Могильно-Старожильское, ныне Большереченского района, в 18 км от переправы через Иртыш. Антон Павлович остановился в доме крестьянина – Федора Павловича, с которым ему предстояло ехать дальше на Пустынскую переправу. Дождь шел день и ночь, поразмыл дорогу, поднял мосты, затопил левый берег Иртыша, по которому нужно было ехать к переправе через Иртыш. Федор Павлович советовал отложить поездку до утра. Чехов не согласился. Отправились. Дорога была залита водой, грязная.

С большими трудностями А.П. Чехов преодолел путь к переправе. «Подъезжаем к избе, где живут перевозчики, – пишет А.П. Чехов, – выходит один и говорит, что плыть на ту сторону нельзя, мешает непогода, что нужно ждать утра...»[22].

«И вот я сижу ночью в избе, стоящей в озере на самом берегу Иртыша, – пишет А.П. Чехов, – чувствую во всем теле промозглую сырость, а на душе одиночество, слушаю, как стучит по гробам мой Иртыш, как ревет ветер, и спрашиваю себя: где я? Зачем здесь?

В соседней комнате спят мужики – перевозчики и мой ямщик. Люди добрые. А будь они злые, меня можно было бы отлично ограбить и утопить в Иртыше. Изба солистка на берегу, свидетелей нет...»[23].

Утром перевозчики отказались везти А.П. Чехова на пароме: был ветер. Ему пришлось плыть на лодке через Иртыш, ширина которого здесь около 400 м.

После переправы на другой, правый берег Иртыша, А.П. Чехову пришлось долго сидеть у реки и ждать, когда из деревни пригонят лошадей. В Пустынном он грелся, пил чай.

Через несколько часов А.П. Чехов покинул Пустынное, поехал на Копьево и дальше по Старому Московско-Сибирскому тракту на Восток.

СТАРЫЙ МОСКОВСКО-СИБИРСКИЙ ТРАКТ

А.Ф. Палашенков на старом Московско-Сибирском тракте в окрестностях села Карташево. Лето 1969 г.

Старый Московско-Сибирский тракт – самая большая дорога в мире. Начиналась она в Москве от Владимирской заставы и шла через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Каинск, Томск, Ачинск, Красноярск, Канск, Иркутск, Верхнеудинск, Нерчинск...

В пределах нашей Омской области тракт, в основном, проходил в широтном направлении через Большеуковский, Знаменский, Тарский, Большеречинский и Муромцевский районы, всего на протяжении 400 км.

Тракт связывал центр России с Дальним Востоком. По тракту направлялось торговое, гражданское и военное движение. Вместе с тем тракт являлся и этапной дорогой каторги и ссылки.

По старому Московско-Сибирскому тракту, через наши прииртышские города и села, прошли все поколения революционеров.

В августе 1791 г. здесь проследовал в Илимскую ссылку писатель-революционер, автор книги «Путешествие из Петербурга в Москву» Александр Николаевич Радищев[24]. Во время следования в изгнание А.Н. Радищев имел остановки и гостеприимный отдых в Таре, Артыне, Резине и других местах. Через шесть лет, в 1797 г., по этому же тракту А.Н. Радищев возвращался из ссылки.

В начале 1821 г. холодной и снежной зимой через нынешнюю Омскую область строем шел в ссылку, восставший против бесчеловечного обращения, сводный батальон Семеновского гвардейского полка в составе 450 человек.

А через пять лет, 1826 – 1827 гг., по тракту были провезены на восток осужденные на каторгу и ссылку декабристы. Закованные в железо, они повсеместно, от Тобольска до Читинского острога, встречали, как пишет Н.В. Басаргин, неподдельное участие как в народе, так и у должностных лиц[25].

Вслед за декабристами по широкой ленте старого Московско-Сибирского тракта, со склоненными над ним ветвями старых берез, через деревни и села Прииртышья следовали в далекий край, к месту страдания своих мужей жены декабристов: Е.И. Трубецкая[26], М.Н. Волконская[27], А.Г. Муравьева[28] и др.

В начале января 1828 г. по пути в ссылку через Западную Сибирь по тракту проследовал, после шестилетнего одиночного заключения, первый декабрист, поэт, друг А.С. Пушкина Владимир Федосеевич Раевский (1795 – 1872), арестованный в 1822 г. за пропаганду революционных взглядов среди солдат.

Большими и малыми партиями шли по тракту в зной и холод участники польских восстаний 30-х, 40-х и 60-х годов прошлого столетия. И до сих пор среди жителей сибирских городов и селений встречаются потомки польских ссыльных.

27 января 1862 г. из Тобольска по Сибирскому тракту увозили на каторгу Михаила Илларионовича Михайлова[29], автора народовольческого революционного гимна:

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою...

13 июня 1864 г (ст. ст.) из Тобольской тюрьмы был выведен Николай Гаврилович Чернышевский[30] и в сопровождении двух жандармов, на почтовых отправлен по истоптанному Сибирскому тракту на каторгу в Нерчинские рудники.

За две недели до этого (19 мая) его вывели из Алексеевского равелина Петропавловской крепости и на Мытнинской площади над ним совершили обряд «гражданской казни».

Впечатления мрачных сырых стен Алексеевского равелина, тяжелые картины «гражданской казни» на Мытнинской площади и цветы, которые бросала молодежь, проводившая его с помоста эшафота в Петропавловскую крепость, долго и живо хранились в памяти Н. Г. Чернышевского. И когда почтовая тройка уносила его под охраной жандармов через наши села – Знаменское, Бутаково, г. Тару, Такмык, Артын, Копьево и дальше на восток, пережитое неотступно сопровождало непримиримого борца с самодержавием и крепостничеством.

Только в 1883 г. Н.Г. Чернышевскому разрешено было покинуть Сибирь. При возвращении из Сибири его везли через Омск. Приехав в Омск, жандармы с Н.Г. Чернышевским прямо направились к жандармскому генералу Ходкевичу. (Жандармское управление находилось в то время недалеко от нынешней библиотеки имени А.С. Пушкина[31]). Не дав возможности отдохнуть, главный жандарм Сибири тотчас же отправил Н.Г. Чернышевского в дальнейший путь. Это было в октябре 1883 г.

Из Омска путь Н.Г. Чернышевского лежал через села и станицы Горькой линии: Мельничное, Степное, Курганку, Покровку, Волчанку, Николаевку, Лосево.

После покушения Д.В. Каракозова[32] 4 апреля 1866 г. на царя Александра II по тракту проследовали в Александровский централ и Верхоянскую ссылку члены разгромленного народнического кружка Н.А. Ишутин[33], И.А. Худяков и др. (Д.В. Каракозов 3 сентября был повешен).

По этому же тракту прошли в 1870 г. «нечаевцы»[34], а через 11 лет – выдающийся русский писатель Владимир Галактионович Короленко[35].

После прокладки Великого Сибирского железнодорожного пути Старый Московско-Сибирский тракт потерял свое былое значение и известность. Упали старые много видевшие на своем веку березы. Стороной обошел тракт деревни и села, через которые проходил он, сгладился его профиль, срыты боковые валы, засыпаны канавы, сужено полотно, отдельные участки тракта покрылись асфальтом, по сторонам которого повисли стальные провода, местами же, где цепи мели дорожную пыль, прошел плуг, склонилась пшеница. Тракт ушел в прошлое[36].

Дом-музей М.И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске

ДОМ ДЕКАБРИСТА МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА М.И.[1]

ул. Революции, 59.
[1938 г. ?]

Дом одноэтажный, срублен в обло из толстых сосновых бревен и обшит тесом. Крыша деревянная. Потолок и стены оштукатурены. В доме семь отдельных комнат. Под северо-восточной стороной – погреб. При осмотре в 1938 г. было установлено, что нижние венцы дома сгнили, благодаря чему правые и в особенности левые стороны его значительно осели; часть тесовой обшивки сорвана, закрытое (рубленное из брусьев) крыльцо покосилось, тесовая крыша сгнила, и во многих местах образовалась течь; подгнили стропила и обрешетник, штукатурка загрязнилась, а местами осыпалась и дала трещины. Внутренняя поперечная стена вследствие того, что левая часть дома осела отошла влево; в некоторых комнатах потолки дали прогиб. Построен в конце XVIII в.

Дом, в котором жил декабрист М.И. Муравьев-Апостол. Ялуторовск. Фотография 1939 г.

Белоусовым Е.П. В царствование Павла в доме жил сосланный в Ялуторовск князь Сибирский, генерал Крин.

В 1838 г. дом был приобретен декабристом Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом[2], который в 1839 г. поднял дом и жил в нем до момента выезда из Ялуторовска. В 1938 г. произведен ремонт дома. В настоящее время он предоставлен под[I] Музей Декабристов[3].

МАТЕРИАЛЫ ПО ДОМУ МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА В ЯЛУТОРОВСКЕ

1938 г.

Дом рублен в обло из толстого соснового леса. Сохранилось 12 венцов, очевидно, несколько венцов нижних сгнило. Рубка производилась без пилы, топором. Средняя толщина бревен – 36 см в диаметре. Дом промшон кукушкиным мхом. Рейки под обшивку поставлены толстые. С задней стороны и со стороны второго Муравьевского дома обшивка гладкая. Другие две стены и крыльцо обшиты вразбежку с продороженными в две дорожки бережками. Крыльцо рублено из брусьев с потолком, имеет три полукруглых окна. Крылечная лестница о четырех ступенях. По сторонам крыльца сделаны чуланы, видимо, в позднейшее время. Дом обшит тесом шириной в 30, 35 см. Между стеной и обшивкой набит мох. Толщина стен с обшивкой и штукатуркой равна 42 + 13 см. В доме имеется пять комнат, кухня и темная холодная передняя. Внутри дом оштукатурен. Штукатурка сделана по драни и не отличается гладкостью поверхности. В средней комнате (что на улице Революции) штукатурка покрыта простым крестьянским холстом, который, как стена и потолки всего здания, побелен. В комнате[II] второй от входа со двора[III] на потолке у стен протянут карниз, а в центре потолка – выпуклый круг. В комнате[IV] третьей, помимо карниза и круга, на потолке имеется бордюр. В комнате[V] четвертой – только карниз. В комнате[VI] пятой – карниз и плафон с кругом внутри.

Пол в доме сделан из широких досок, черный из толстых тесаных плах и обмазан глиной.

Высота от пола до потолка – 2,5 метра, в правой половине – немного больше – 2,67 метра. Во второй, третьей, пятой комнатах на уровне подоконника протянут деревянный карниз. В первой, четвертой комнатах, а также в кухне и в передней карниза нет.

Окна: высота – 1 м 42 см, ширина – 72 см. Нижняя часть оконной рамы поднимается вверх. Двери: высота – 1 м 95 см, ширина – 1 м 5 см; дверь на кухню – 1 м 84 см высотой и шириной – 72 см. Под домом два погреба: один под правой угловой комнатой, другой [–] рядом под кухней. Первый погреб, видимо, был устроен при постройке дома. При ремонте дома Муравьевым он был закрыт и в этом состоянии находился до лета 1937 г., когда был открыт Озолиным во время смены сгнивших нижних бревен дома. Площадь погреба равна […][VII], высота незначительная, всего лишь […].

Вход в него был через люк, сделанный в полу. Другой погреб под кухней имеет площадь […], ширину – […], высоту – […]. Стены хорошо обставлены досками, вход с кухни через люк с лестницей. Стены в погребе были оборудованы полками. Погреб предназначался для продуктов, в том числе и вин. В настоящее время он используется в качестве кладовки для хранения картофеля, мяса и тому подобного.

[I] *Предлог вставлен автором от руки синими чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто слово* «номер». *– Прим. сост.*

[III] *Словосочетание* «от входа со двора» *вписано автором от руки синими чернилами над строкой машинописного текста. – Прим. сост.*

[IV] *Далее зачеркнуто слово* «номер». *– Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто слово* «номер». *– Прим. сост.*

[VI] *Далее зачеркнуто слово* «номер». *– Прим. сост.*

[VII] *Здесь и далее автором оставлено пустое пространство в машинописном тексте для дальнейшего внесения уточнений. – Прим. сост.*

Пол в погребе первом выложен кирпичом. Кругом по сторонам имеется земляной выступ в виде чердачного борова. Выступ служил, по всей вероятности, в качестве полки для размещения продуктов, может быть, и вин. В погребе сухо. При вскрытии его не обнаружено ничего. В течение зимы 1937 – 1938 гг. в нем зимовали ульи с пчелами.

Общий вид бывшей усадьбы Муравьева в настоящее время далеко не привлекательный. Часть ее занята выстроенным в 1914 г. деревянным домом с[I] примыкающим к нему громаднейшим навесом. Дом занят жильцами, навесы в значительном большинстве пустуют. Большая площадь занята деревянными и сенными сараями, овчарней, кучами навоза и разным хламом. В настоящее время здесь же сосредоточены и заготовлены для реставрации дома строительные материалы – тес, бревна, кирпичи. Только небольшая площадь усадьбы свободна, на ней [–] кусты акации, стоят ульи с пчелами. Все это угрожает дому в пожарном отношении.

Как свидетельствуют обуглившиеся стропила, дом загорался. Что спасло его от гибели – неизвестно.

В кухне потолок не оштукатурен[II].

Весна 1938 г.

О ДОМЕ ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА М.И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА ИЗ ЯЛУТОРОВСКА

[1938 г. ?]

После отъезда Муравьева дом, как передают, был брошен.

Через некоторое время его вместе с другим домом продали с торгов за 101 руб. Дом купил Тараканов, которому покровительствовал судья – близкий человек Муравьева.

После смерти Тараканова владения Муравьева-Апостола перешли к его жене Юлии Васильевне Тараканововой. Последняя построила мезонин на втором[III], соседнем, доме, где и поселилась. Внизу жила ее сестра, а в основном доме проживали квартиранты. Тараканова располагала рядом предметов, принадлежавших Муравьевым: посуда, письменный столик, библиотека и др.[IV]

В 1921 г. Тараканова подарила дом Мещеряковой Александре Михеевне. Последняя в 1927 г. продала левую половину дома крестьянину, который первым делом вырубил Муравьевский сад. Не отставала в этом отношении и сама Мещерякова, которая посаженные рядами липы и сосны порубила на дрова.

Такова расправа с наследием первых наших революционеров.

В настоящее время дом отведен под музей декабристов[V].

ЗАПИСКА ДЕКАБРИСТА М.И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА

[1938 г. ?]

Бутылка обнаружена при следующих обстоятельствах: в ноябре 1935[VI] г. производился ремонт дома. Был вырезана капитальная стена внутри здания (разделяла кухню –

[I] *Далее автором от руки синими чернилами над строкой вставлено словосочетание* «примыкающим к нему». *– Прим. сост.*

[II] *Фраза вписана от руки карандашом в конце текста. – Прим. сост.*

[III] *Далее слово* «соседнем» *вписано от руки карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[IV] *Далее карандашом зачеркнут фрагмент текст:* «В начале революции библиотека была конфискована, а оставшаяся часть была передана священнику Харину, который небольшую долю унес в Москву, а большую часть передал бывшей начальнице гимназии. Дочь последней разбазарила культурное наследство Муравьева-Апостола по рукам». *– Прим. сост.*

[V] *Предложение вписано автором от руки карандашом. – Прим. сост.*

[VI] *В машинописном наборе даты внесены исправления, цифры набиты поверх машинописного текста, вследствие чего затруднено прочтение. Вероятно, первоначальный вариант* «1905» *был изменен на* «1935». *– Прим. сост.*

сени от соседней комнаты), снят верхний пол. Когда начали разбирать черный пол, настланный из толстых сосновых плах, то в углу, направо от входа, под плахой оказалась бутылка. Музейных работников не было в этот момент возле плотников. Последние припрятали бутылку, надеясь обнаружить в ней золото.

Через некоторое время один из плотников по секрету сообщил о находке зав[едующему] музеем. Тот в свою очередь [–] начальнику НКВД. Поначалу плотники запирались, говорят, что ничего не нашли. В конце же концов бутылка с запиской была возвращена музею. По словам плотников, она была закрыта пробкой и залита воском. Пробку просунули внутрь. Кроме записки в бутылке, как заявили плотники, ничего другого не было.

Бутылка с письмом, написанным М.И. Муравьевым-Апостолом. Фотография 1939 г.

Бутылка зеленоватого стекла, с длинным (16,5 см) горлышком, диаметр которого – 2,5 см и ширина – 9,5 см, цилиндрическим резервуаром высотой в 12,5 см. Общая же высота бутылки – 29 см. Вверху горлышко имеет утолщение в виде колечка. Дно с каноническим выступом внутрь глубиной в 2,5 см. На стекле – небольшие пузырчатые пятна. На стенках в бутылке снаружи и внутри, в особенности внизу, – налет мути.

Написана на листе, сложенном вдвое, т.е. на 4 страницах. Размер листа – 38,8 см х 22,2 см. Бумага средней толщины, несколько пожелтевшая. Филиграней не имеется. Правый нижний угол заметно оборван, но текст не задет.

Письмо написано устойчивым и довольно четким почерком. Оканчивается с датой написания записки: «18 Августъ 1849 года». Подписи Муравьева нет. Тем не менее никаких сомнений не имеется в том, что письмо написано собственноручно М[атвеем] И[вановичем]. Всего строчек в письме 56.

Докладная записка о состоянии Тобольского кремля в Президиум Исполнительного комитета Омского областного Совета депутатов трудящихся[1]

3 марта 1939 г.

Учитывая[I], что

1. Тобольск, основанный в 1587 году, является старейшим русским городом в Сибири и вплоть до второй четверти XIX столетия занимал положение первого и главного города ее;

2. Вся история Сибири теснейшим образом связана с Тобольском и не проходило ни одного сколько-нибудь заметного общественного, политического и культурного события Сибири мимо этого города.

Через Тобольск шел колонизационный поток на Восток, отсюда направлялось военное, гражданское, торговое движения, делавшие город экономическим и политическим центром всего Зауралья.

3. Тобольск в прошлом центр материального угнетения и духовного порабощения народов Сибири, распределительный центр суровой сибирской каторги и ссылки.

В кандалах и тюрьмах здесь сгорала жизнь лучших сынов Родины, боровшихся с царским самодержавием и капиталистическим гнетом.

В XVII и XVIII веках сюда ссылались участники крестьянских восстаний. В 1790 году в Тобольской тюрьме в течение 7 месяцев находился автор «Путешествия из Петербурга в Москву»[II] – РАДИЩЕВ[2].

После восстания 14 декабря 1825 года Тобольск был местом длительного пребывания декабристов. Здесь в 1850 году томились в тюрьме петрашевцы, в 1861 г. – Михайлов, в 1864 г. – Чернышевский, в 1880 – 1881 годах Короленко.

С конца XIX столетия сюда отправлялись на каторгу и ссылку участники рабочего движения.

4. Тобольск – родина знаменитого химика МЕНДЕЛЕЕВА[3], композитора АЛЯБЬЕВА – творца известного «СОЛОВЬЯ», родина художника ПЕРОВА[4]. Здесь жил, работал и умер ЕРШОВ – автор прославленной сказки «Конек – Горбунок», а также и многие другие, кто влагал вклад[III] в культурную мировую сокровищницу.

В 1791 году сосланный сюда СУМАРОКОВ издавал журнал – «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»[5] – первый провинциальный журнал в России.

5. Будучи главным городом Сибири, Тобольск невольно впитывал в себя культурное достояние ушедших веков.

[I] *Текст набран на печатной машинке фиолетовой краской. После заглавия значится:* «Президиум Облисполкома. Текст докладной записки и описание памятников составлены научным работником Омского областного музея А.Ф. Палашенковым. Февраль 1939 г. Текст составлен А.Ф. Палашенковым». *– Прим. сост.*

[II] *Далее выделено автором. – Прим. сост.*

[III] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

Сюда, на Север, через Урал из Москвы, Киева и иных городов и земель лился творческий поток.

Безыменные мастера, впитавшие в себя лучшие архитектурные традиции, оставили ряд редких, а для Сибири единственных памятников зодчества, местом сосредоточения которых является главным образом Кремль.

6. Тобольский Кремль – яркая страница ушедшей жизни. Все будит здесь воспоминания прошлого – гнетущего и мрачного, с одной стороны, талантливого и творческого – с другой.

На относительно небольшой территории сохранились разные по назначению и характеру памятники старого строительства, дающие в целом стройный архитектурный ансамбль.

Древнее военное зодчество выявлено живописно расположенным на высоком (более 50 метров) на горном берегу тремя уцелевшими крепостными башнями и прялом каменной стены в 50 м длины, построенными военнопленными шведами в 1714 – [17]16 гг.

Ярче представлено зодчество церковное.

Здесь высится б[ывший] Успенский собор – первое каменное сооружение на Сибири, относящееся к 1682 – 1686 гг. Покровский собор, середины XVIII века, стройная пятиярусная колокольня в 70 метров высоты 1782 г., ворота каменные (т[ак] н[азываемые] святые) – середины XVIII в., наконец, памятник середины XIX в. колоколенка (На которой висел сосланный в Тобольск после наказания плетьми и усечения уха известный Угличский колокол).

Из зодчества гражданского в Кремле сосредоточен[ы:] замечательный исторический архивный памятник [по]стройки 1702 – 1704 гг. меновый (гостиный) двор, впоследствии, приказ о ссыльных, Шведская башня – 1714 – 1716 гг., здания бывшей духовной консистории, архиерейский дом и корпус № 2, датируемые XVIII веком и, наконец, две четырехугольных башни, построенных на месте крепостных в 40[-х] годах XIX столетия.

Расположенный по левую сторону от Прямского взвоза дом б[ывшего] генерал-губернатора (позднее губернское правление) с дворовыми пристройками восполняет облик старого Тобольского Кремля.

7. За исключением одного небольшого каменного корпуса (№ 1), постройка которого относится к началу XX столетия, на всей территории Кремля нет ни одного нового сооружения, нет сооружений хозяйственного назначения.

Он весь насыщен памятниками двухвекового периода города, истории Сибири, народных творческих порывов и проявлений и как культурное достояние истории, единственный документальный объект всей Сибири требует сохранения для будущих поколений, памятуя слова В.И. Ленина, что «Пролетарская культура должна являться закономерным развитием тех запасов знаний, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».

Сохранение памятника в целом ни в какой степени не может сказаться на росте и расширении города, имеющем большие строительно-территориальные возможности как в подгорной, так и в нагорной частях.

Мы просим Президиум Облисполкома возбудить ходатайство перед Правительством РСФСР признать Кремль г. Тобольска в первоначальных его границах и всеми находящимися на его территории памятниками – культурным заповедником, воспретив здесь сооружение новых объектов и сломку древних.

Подробный материал изучения состояния Тобольского Кремля с описанием, фото и чертежами каждого объекта Кремля в целом, прилагаем.

Начальник Отдела по делам
искусств [I] /Родионов/

Директор областного
краеведческого музея /Петровская/

3/III 39 [года][II].

[I] *Рядом с расшифровками фамилий составителей докладной записки поставлены фиолетовыми и синими чернилами подписи. – Прим. сост.*

[II] *Дата проставлена от руки фиолетовыми чернилами. – Прим. сост.*

ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ[1]

На территории современной Омской области триста пятьдесят лет тому назад в жестоких боях Ермака и его товарищей с войсками татарского хана Кучума решилась дальнейшая судьба Сибири. Ермак, перевалив через Урал – «каменный пояс» – и спустившись по р[екам] Туре и Тоболу, в нескольких битвах разбил татар и 26 октября 1681 г. занял столицу Кучума – Сибирь (Искер), расположенную на высоком правом берегу Иртыша в 20 км выше устья Тобола.

В год смерти Ермака – (1584) на помощь казачьей вольнице был прислан воевода Семен Болховский с ратными людьми, затем Иван Мансуров, а летом 1587 г. письменный голова Данила Чулков[6], положивший в том же году основание городу Тобольску «по приказу великого государя Федора Ивановича».

Сибирские летописцы считают, что вновь построенный город быстро превращался в политический и духовный центр огромной, только что покоренной страны: «И вместо царствующего града Сибири старейшина бысть град Тобольск» (Есиповская летопись).

Быстрому росту Тобольска способствовало его удачное географическое положение. Данила Чулков, имея указ государя создать крепкий опорный пункт для дальнейшей экспансии русских вглубь Сибири, блестяще выполнил возложенную на него задачу.

На одном из холмов правобережья Иртыша, достигающем высоты 50 метров, против устья Тобола, был заложен город. Находясь на стыке главнейших водных артерий Западной Сибири, контролируя речной путь на север, юг и запад, находясь в центре татарских и остяцких земель, Тобольск обеспечивал господство пришельцев из-за Урала над местным населением.

Вслед за военными, узнав о сказочных богатствах Сибири, сюда потянулись торговые люди, духовенство и чиновники, в равной мере падкие на легкую и быструю наживу.

Город рос. Все первое столетие постройки воздвигались исключительно деревянные. Часто свирепствовавшие пожары уничтожали город, разоряя казну и городское население. В 1682 году в целях избежания убытков от пожара, утверждения и прославления христианской веры в Тобольске было заложено первое каменное здание – Успенский летний собор.

Это здание, сохранившееся и до наших дней, является первым каменным сооружением не только в Тобольске, но и на всей Сибири.

В последующее время вокруг собора развернулось строительство новых сооружений, образовавших единый архитектурный ансамбль – Тобольский кремль.

В 1702 – 1706 гг. по приказу Петра I строится каменный меновой (гостиный) двор.

После разгрома шведов под Полтавой были присланы в Тобольск пленные шведы. Тобольский губернатор князь Гагарин, воспользовавшись даровой рабочей силой военнопленных нижних чинов, развернул строительство Кремля. За годы 1714 – 1716 была возведена Кремлевская стена с круглыми крепостными башнями и палата над спуском с горы, получившая в дальнейшем название «Шведской башни».

Кремлевская стена, упираясь западным концом в круглый обрыв берега Иртыша, полностью окружала главнейшие церковные и правительственные здания.

В середине XVIII столетия строится б[ывший] Покровский Собор и каменные «святые» ворота.

В особенности интенсивно было строительство в последнюю четверть XVIII столетия. В это время построены – высокая пятиярусная колокольня, каменные палаты при соборе, консистория, архиерейский дом и каменный двухэтажный корпус (№ 2).

Последним строительным периодом для Кремля была первая половина XIX века, оставившая интересную в историко-бытовом отношении колоколенку, 2 четырехугольные с шатровым покрытием башни и садовую беседку башенного типа.

[1] *Поверх заглавия автором от руки синими чернилами проставлена подпись:* «А.Ф. Палашенков». – *Прим. сост.*

Сейчас, подъезжая к Тобольску издалека, километров за 25 – 30, замечаются белые, высокие и стройные здания Кремля, размещенные на крутом мысу и кажущиеся как бы приподнятыми над спокойной, широкой Сибирской равниной.

Кремль господствует над окрестностью; с каждым шагом приближения к нему он вырисовывается величественнее и мощнее. Вступая на территорию Кремля, невольно проникаешься уважением к его безымянным строителям, «каменных дел мастерам», гениям русского народа[7].

ПАМЯТНИКИ ВОЕННОГО ЗОДЧЕСТВА

КРУГЛАЯ ВОСТОЧНАЯ БАШНЯ

Башня находится на выступе горы против памятника Ермаку, с западной стороны к ней примыкает Кремлевская стена, с северной – большое каменное строение, вытянувшееся по линии бывшей кремлевской стены.

На выступе ската горы в расстоянии 10 м от башни, с южной стороны видна кирпичная кладка, очевидно, предназначавшаяся для укрепления оползной горы. С восточной стороны – склон горы начинается в расстоянии двух метров от башни.

Башня не имеет шатрового покрытия. Оно разобрано в 1932 году по приказанию председателя Горсовета, задумавшего приспособить башню под пожарную каланчу.

Башня круглая, кирпичная. Высота стен 11 м. Толщина внизу – 1,10 м, вверху – 1,05 м, диаметр ее внизу – 4,55 м, вверху 4,50 м.

Проходящая посредине уступчатым карнизом башня расчленяется на две части – нижнюю и верхнюю. Такого же характера небольшой карниз проходит и вверху башни. Высота нижней части башни – 5,70 м, верхней – 5,30 м. Внутри нижний этаж замыкается куполообразным кирпичным сводом.

В башню ведет вход со сводчатым верхом. В настоящее время вход частично заложен кирпичами. Высота его равна двум метрам, ширина 1,80 м.

С наружной стороны на высоте двух метров видны неглубокие четырехугольные ниши.

Имевшиеся ранее бойнички заложены кирпичом. Башня скреплена двумя перекрещивающимися железными сваями.

Верхний этаж сильно обезображен позднейшей переделкой. Вместо бойничек в стенах сделаны четыре проема громадных размеров, с арочным верхом.

СОСТОЯНИЕ БАШНИ

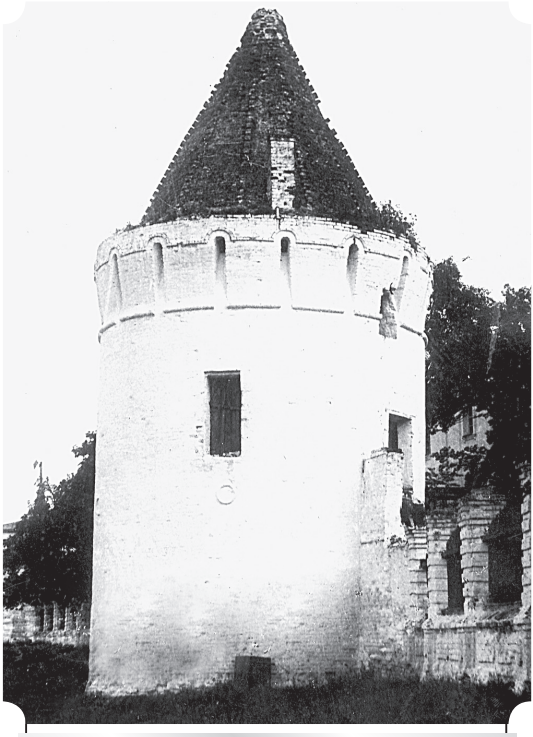
С юго-восточной стороны внизу у земли осыпалась кирпичная кладка площадью в 1,6 кв. м. Нижний этаж башни используется детдомом как хлев.

КРУГЛАЯ ШАТРОВАЯ БАШНЯ

Находится между двумя четырехугольными башнями, подавляя последние своей величиной.

Башня круглая, сделана из крупного, хорошего обжига, кирпича на великолепном известковом растворе. Увенчивается башня высоким 12-ти гранным шатром. Общая высота ее с шатром – 18 метров. Высота стен с внешней стороны 12 метров, со стороны двора – 11 метров, высота шатра около 6 м. Толщина стен башни 1,18 м. Нижний этаж башни замыкается купольным сводом на высоте 3,60 м от земли. С северной стороны внизу в башне дверной проем. Внутренний диаметр башни – 6 метров.

На незначительной высоте от земли сделаны печуры-бойницы, выходящие наружу на высоте одного метра. Бойниц – 7. Здесь же, в нижней части, на высоте 1,60 м ниши от замурованных 3 оконцев, расположенных крестообразно (одно против дверного проема).



Круглая шатровая башня Тобольского кремля. 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Во второй этаж ведет дверной проем с восточной стороны. На уровне потолка во втором этаже сохранились 2 балки.

Высота третьего этажа – 2,60 м. Здесь вверху на расстоянии в 1,35 см друг от друга расположены печуры[8] навесных бойниц, всего в количестве 17. Вход в печуры (с внутренней стороны) 35 см × 25 см. В первоначальном виде они, видимо, были более вытянуты вверх. Ширина навесных бойниц снаружи – 25 см, высота с наружной стороны 1,50 – 1,80 м.

Шатер кирпичный, 12-тигранный. На ребрах граней выступают кирпичи для обрешетника[9]. Покрытия не сохранились, равно как не осталось на башне и венчавшего некогда ее железного герба или же флюгера[1].

СОСТОЯНИЕ БАШНИ

Местами осыпалась кирпичная кладка и штукатурка. Бойнички частично замурованы. Сорваны доски, покрывавшие шатер. В целом же башня еще достаточно прочна и крепка.

Башня находится в распоряжении музея. Последний нижний этаж обращен в хлев, второй в сеновал. Постоянная сырость в первом этаже пагубно отражается на состоянии стен.

БАШНЯ КРУГЛАЯ НИЗКАЯ (1715 год)

Башня находится вблизи б[ывшего] зимнего собора. Кирпичная, в два этажа, с деревянным перекрытием. Стены башни гладкие. Высота стен – 6,80 м, толщина внизу 0,95 м, вверху – 0,87 м. Крыша шатровая с широким круглым обломом. Основание ее состоит из двух крестообразно положенных на стену балок 38 см в диаметре. Из точки перекрещивания балок идет вверх стойка 5 метров в высоту. От концов балок и вспомогательных 4-х перекладин идут стропила в количестве 8. Стропила опираются вверху на стойку. Без обрешетника непосредственно к стропилам прикреплены поставленные на облом доски. Шатер 8-мигранный. Основание его грани равно в среднем 1,65 м. Шатер покрыт толстыми (в 5 см) тесаными досками, шириной в 25 – 27 см. Облом лежит на связанных в кольцо досках. Длина ската облома (по наружному обмеру) равна 2 метрам. В то время как шатер имеет грани, в обломе их не заметно, крыша круглая.

Высота крыши, от верха до стен башни (по прямой), – 5 м. Башня двухэтажная. Первый, этаж замыкается купольным кирпичным сводом, от центра которого до земли 4 метра. В него ведут двери (позднейшего происхождения) шириной 1,16 м. Диаметр первого этажа –

[1] План средней круглой башни 1-й этаж. Сечение на высоте 100 см. М[асштаб] 1:80. *Рисунок сделан автором от руки черными чернилами. Отдельные фрагменты плана башни закрашены розовой краской (акварель). В правом нижнем углу плана подпись А.Ф. Палашенкова синими чернилами. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена, вероятно, по итогам осмотра памятника архитектуры в 1938 г. – Прим. сост.*

5 м 70 см по сторонам двери имеется два оконных проема, размером правый 85 – 93 см и левый [–] 98 см.

Окна с полуциркульным верхом, высотой снаружи башни 1,60 м, внутри – 1,80 м.

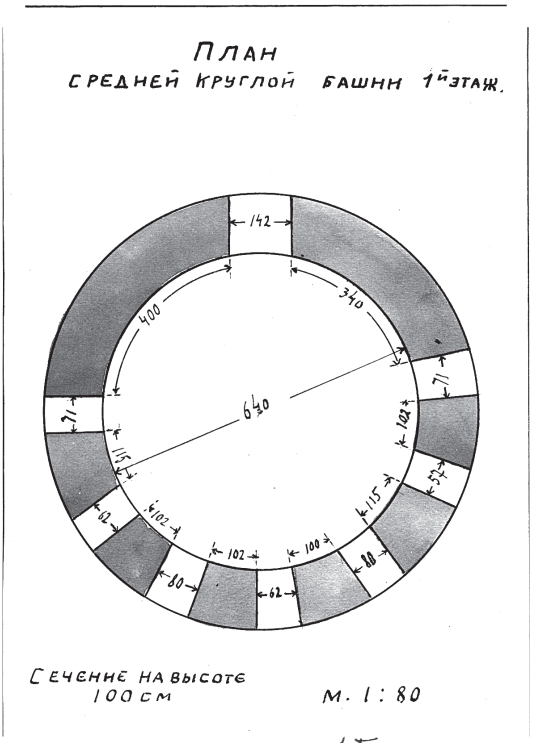
Над землей видны заделанные печуры-бойницы. Направо от правого окна имеется пролом.

Второй этаж в высоту имеет (со включением и крышечных связей) 2,35 м на уровне 58 см от пола свода стена делает уступ в 15 – 20 см, суживаясь с 95 см до 85 – 87 см. Шаровидный купол возвышается здесь на высоту 1,10 м. Через купол проходят 2 железные связи. И все же, несмотря на это, стена дала 4 больших (до 8 – 9 см) трещины.

Во втором этаже два проема с полукруглым верхом. Один из них (что к б[ывшему] зимнему собору) выс[отой] 1,75 и шириной 51 – 78 см, другой – высот[ой] 1,40 м и шириной 67 – 76 см.

Здесь же имеются печуры-бойницы при выходе на виде городка (высотой 66 см и ширина у основания – 45 см). На глубине 65 см городок переходит в круглое отверстие с диаметром в 30 см.

Всего печур-бойничек – 4.



План средней круглой башни Тобольского кремля, составленный А.Ф. Палашенковым в 1938 г.

СОСТОЯНИЕ БАШНИ

Башня имеет 4 больших трещины, проходящие от верха и до конца. Осыпалась местами кирпичная кладка, в особенности много осыпок внизу с южной стороны.

Башня имеет наклон к северу сантиметров на 20, на крыше сорвана часть теса, другая часть погнила. Требуется побелка башни.

СТЕНА (1715 г.)

Между круглой юго-восточной угловой башней и южной четырехугольной сохранилась кирпичная стена первоначальной кладки. Протяжение ее равно 51,5 м, высота в среднем 5 метров. Наиболее высокая часть стены у круглой башни. Толщина ее – 1,1 метра. Верх замыкается двухскатным довольно круглым кирпичным покрытием; длина которого 0,80 м, кирпич здесь уложен плашмя в три ряда: два нижних ряда по длине, третий верхний – по ширине. Видимо, помимо кирпича, стена не имела другого покрытия – ни деревянного, ни железного.

Кладка стен сделана из доброкачественного хорошего обожженного кирпича крупного размера на известковом растворе. Железные связи отсутствуют.

Для поддержания стены установлены с внешней стороны широко применявшиеся в древнем строительстве контрфорсы в количестве двух. Первый (считая от круглой башни) контрфорс 2,8 метра высоты и 1,23 м толщины, 3,8 м длины. При обследовании контрфорсов на нем был обнаружен наконечник (железный) стрелы.

Второй – 2,65 м выс[оты], 1,35 м толщины и 3 метра длины. Кладка у контрфорсов не горизонтальная, как это обычно, а наклонная в сторону стены, что придает наибольшую прочность сооружению.

На расстоянии 19 м от круглой башни в стене сделана арка-ворота шириной в 2,25 м и высотой 2,65 м. На незначительном расстоянии вправо от нее – у земли небольшой пролом для стока воды со двора.

Стена является частью Кремлевской крепостной стены. Построена руками пленных шведов около 1715 г. Как видно из прилагаемого плана Кремля, стена доходила до крутого берега Иртыша и имела 6 круглых башен. В сороковых годах прошлого столетия на восточном и западном углах Кремля вместо массивных крупных башен построены четырехугольные. Северная часть стены разобрана, по-видимому, также в XIX столетии.

Судя по конструкции стен и учитывая период ее постройки (начало XVIII века), можно полагать, что стена не имела боевого назначения.

СОСТОЯНИЕ СТЕНЫ

Начиная от арки и далее по направлению к четырехугольной башне, стена дала небольшой наклон. По сторонам контрфорсов в стене имеются трещины, проходящие в вертикальном направлении почти до земли.

Над аркой, на протяжении 4 – 5 метров, отсутствуют покрывавшие стену кирпичи. Над вторым контрфорсом разрушена кладка 4-х рядов кирпича на протяжении 5 метров.

Разрушены верхние части контрфорсов сант[иметров] на 70, и кроме того у второго контрфорса разрушена кладка снизу на 1,5 мтр[м].

ПАМЯТНИКИ ЦЕРКОВНОГО ЗОДЧЕСТВА[1]

Успенский (Софийский) собор Тобольского кремля. 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Б[ЫВШИЙ] УСПЕНСКИЙ (СОФИЙСКИЙ) СОБОР

Собор – древнейший архитектурный памятник Тобольска. Постройка его относится к 1682 – [16]86 г. Это первое каменное сооружение в Сибири.

Основное здание собора имеет в плане четырехугольник с тремя полукружиями (апсидами) с восточной стороны.

Внутри посередине [–] четыре столпа, на которых держатся верхние купольные своды здания. В западной и южной стенах уцелели входные арки, с характерной для периода постройки отделкой. В северной стене дверь, а также и нижний ряд окон заделаны в позднейшее время.

Крыша четырехскатная железная. Над ней возвышаются пять круглых куполов, сдвинутых к восточной стороне. В центральном куполе восемь щелевидных окон.

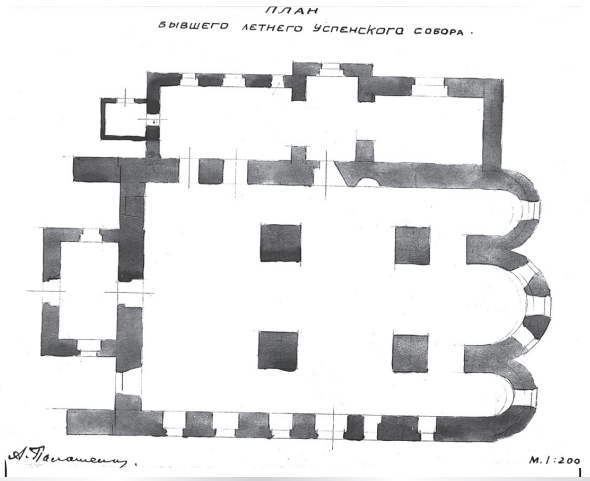
При взгляде на собор довольно четко обрисовывается его первоначальное покрытие по закомарам, которое сменено тяжелой четырехскатной крышей, видимо, в XVIII веке.

[1] *Заглавие проставлено на новом листе, текст размещен на следующей странице. Над машинописной строкой с заглавием поставлена подпись автора* «А.Ф. Палашенков», *сделанная синими чернилами. – Прим. сост.*

Позднейшая пристройка притвора видоизменила западный портал собора. В особенности же характер древней архитектуры нарушен пристройкой к серной стене б[ывшего] Иоанно-Златоустовского придела с полуподвальным помещением.

И все же, несмотря на все переделки, собор сохранил обаяние древнего зодчества.

Длина собора (внутренний обмер) без притвора – 30,60 м, с притвором 35,60 м, ширина 18,60 м, толщина стен 2 м; стены апсид и притвора 1,40 м.



План бывшего летнего Успенского собора в г. Тобольске, составленный А.Ф. Палашенковым. 1938 г.

Снаружи стены расчленяются пилястрами, по четыре на стене, из которых два угловых. Ширина пилястр 0,90 – 1,05 м, толщина 0,10.

У основания б[ывших] закомар проходит карниз вокруг здания. Для большей устойчивости западной стены установлены контрфорсы.

Вверху, внутри собора, в различных направлениях проходят связи – толстые железные полосы. В стенах в два ряда окна с полуциркульным верхом и декоративным обрамлением. В окнах железные решетки. В западной стене 4 окна, в южной 10, в северной 4 (уцелели верхние), в восточной 5, из них 3 в центральной апсиде и по одному в боковых.

Здание сложено из крупного крепкого кирпича, на хорошо связующем известковом растворе[1].

СОСТОЯНИЕ ЗДАНИЯ

Местами на стенах осыпалась штукатурка, в особенности на апсидах, карнизах и на куполах. Облупилась побелка по всей поверхности стен. С кровли апсид частично сорвано железо, поэтому осадки падают на стены.

Иконостас разобран. Сняты чугунные плиты, покрывавшие пол. В подвальном помещении стоит вода. Вход в него (под южной апсидой) превращен в помойную яму. С верхушек глав сорвано железное покрытие. Вполне естественно, что все это губительно сказывается на состоянии редкого памятника (а для Сибири единственного) древней архитектуры.

Б[ЫВШИЙ] ПОКРОВСКИЙ СОБОР

Постройка собора относится к середине XVIII века. Здание кирпичное. Имеет форму четырехконечного креста с полукруглой апсидой с восточной стороны. Потолки сводчатые. Для поддержания последних сооружены две арки в западной части здания и внутренняя предалтарная стена с большим арочным проемом в середине и двумя меньшими по бокам. Здание укреплено железными связями.

[1] План бывшего летнего Успенского собора. М[асштаб] 1: 200. *Рисунок сделан автором от руки карандашом, надписи обведены черными чернилами, на плане есть пометы карандашом* («дверь или окно?»). *Отдельные фрагменты плана собора закрашены розовой краской (акварель). В левом нижнем углу плана подпись А.Ф. Палашенкова синими чернилами. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена, вероятно, по итогам осмотра памятника архитектуры в 1938 г. – Прим. сост.*

Толщина стен от 1 до 1,60 м. Стены основной средней части (в том числе и апсиды) равны 1,52 м, в боковых крыльях 0,95 м, в преддверных чуланах 1,12 м. Толщина предалтарной стены 1,15 м.

Длина здания внутри 28 м, с преддверным чуланом – 33,40 м. Длина по наружному обмеру – 36 м. Ширина внутри (без крылежных[I] чуланов) 26 м, с чуланами – 33 м; ширина по наружному обмеру 34,30 м. Ширина крыльев внутри 7,60 м, ширина западной части 9,17 м.

Высота внутри от пола до верха свода в продольной части 4,5 м, в поперечной – 7 метров.

Освещается здание одним рядом окон с полуциркульным верхом (в основном здании). Высота окон 2 м.

В боковых крыльях окна прямоугольные, высотой в 2,10 м. Над южными и западными дверями 8-угольные окна, по три в стене.

Позднее основное первоначальное здание расширено, путем пристройки боковых крыльев. По проекту 1866 г. к нему сделана новая пристройка с левой[II] стороны (юго-запад). Возможно, тогда же, а может быть, и раньше сделаны и закрытые преддверные чуланы, а также переделана и крыша, которая, по всей вероятности, над главной частью первоначально была шатровая.

Пол из чугунных плит, сняты в 1937 году.

После закрытия собора помещение использовалось в качестве склада Заготзерно, общежитием рабочих, а в начале 1938 года передано общепиту под столовую, которая произвела ряд внутренних приспособлений (сделаны печи, установлены перегородки, застлан деревянный пол, некоторые оконные проемы обращены в двери). Но эти переделки не нарушили общего характера архитектуры здания.

СОСТОЯНИЕ ЗДАНИЯ

Во многих местах осыпалась кирпичная кладка, в особенности внизу, над поверхностью земли. Штукатурка пооблупилась.

Обрамляющие окна и двери полуколонки местами полуразрушены. Осыпались карнизы. Сорваны водосточные трубы. С крыши снято несколько листов железа общей площадью кв[адратных] метров 8 – 10. Обнажены венчающие здание главы. С южной стороны апсиды вход в подвальное помещение, которое в настоящее время обращено в ледник. С южной части к собору примыкает небольшой каменный домик, построенный несколько десятков лет назад.

КОЛОКОЛЬНЯ

Постройка колокольни относится к последней четверти XVIII столетия.

Находится она между б[ывшими] Успенским и зимним Покровским соборами. Колокольня благодаря значительной высоте царит над всеми Кремлевскими постройками и видна за много километров от города. По данным И. Голодникова, общая высота ее с крестом 35 саженей, т. е. более 70 м.

Здание кирпичное, пятиярусное, с куполом и четырехконечным железным крестом.

Первый ярус имеет в высоту 15,5 м. Стены его расчленены двумя пилястрами, связанными вверху небольшим фронтоном. По пилястрам идут печуры-окна по 3 в каждом, размер 50 см × 25 см. Выходят они из круглых внутренних угловых башен колокольни, напоминая крепостные бойнички. По мере углубления в стену окошечки суживаются к[III] не доходя 30 см до наружной поверхности пилястра, переходят в четырехугольное отверстие.

В западной и восточной стенах сделаны высокие арки.

Второй ярус – меньше первого по площади. Высота его 13,40 м.

[I] *Неразборчиво. – Прим. сост.*

[II] *Словосочетание* «с левой» *напечатано слитно поверх затертого слова. – Прим. сост.*

[III] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

В стенах имеются стройные арки, по сторонам которых по две пары пилястр. Печуры здесь – между пилястрами. На втором ярусе положены массивные деревянные балки для колоколов.

Третий ярус тождественен со 2-м только меньше по площади и высоте.

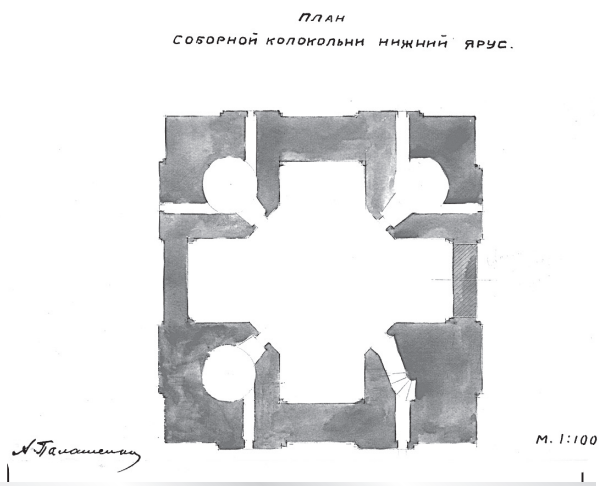
Четвертый ярус невысокий [с] круглыми окнами. Над ним возвышается легкая башенка с полуциркульными окнами, выше ее – яблоко, обитое железом, на котором укреплен крест.

В основании колокольни лежит четырехугольник, почти квадрат, сторона которого равна 13,10 м. Толщина стен первого яруса в среднем 2 метра. По углам в здании – башни, проходящие через три яруса. Внутри они круглые, суживаются по мере поднятия ввысь. Так, диаметр башни нижнего яруса – 2,28 м, второго яруса – 1,27 м и третьего – 1,08 м.

Колокольня Тобольского кремля. 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Благодаря угловым башням конфигурация плана колокольни принимает вид креста со срезанными у пересечения плечами. С западной и восточной сторон сделаны проходные арки высотой 5,85 м, шириной 2,95 м. Судя по оставшимся массивным дверным крючьям (по три пары на стороне) в арочных проемах были навешаны железные или деревянные, обитые железом, дверные полотна. Западная арка позднеез аложена кирпичом, с оставлением лишь оконного проема.

По всему зданию проходят железные связи. Пол кирпичный.



План соборной колокольни Тобольского кремля, составленный А.Ф. Палашенковым. Нижний ярус. 1938 г.

СОСТОЯНИЕ КОЛОКОЛЬНИ

По углам местами осыпалась кирпичная кладка и штукатурка. Побелка смыта. Сорвано с юго-восточного угла башенки железное покрытие. Колокольня дала небольшой наклон к востоку. Трещин нет.

Нижний ярус занят под склад Заготзерно[1].

[1] План соборной колокольни. Нижний ярус. М[асштаб] 1: 100. *Рисунок сделан автором от руки карандашом, надписи обведены черными чернилами, на плане содержатся пометы карандашом («своб[одный] угол пролет. арка»). Отдельные фрагменты плана колокольни закрашены розовой краской (акварель). В левом нижнем углу плана подпись А.Ф. Палашенкова синими чернилами. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена, вероятно, по итогам осмотра памятника архитектуры в 1938 г. – Прим. сост.*

КОЛОКОЛЕНКА

В расстоянии 5 м от б[ывшего] архиерейского дома (с восточной стороны) – колоколенка, на которой висел сосланный из Углича в Тобольск (после наказания плетьми и отсечения уха) колокол. Постройка колоколенки относится к 40[-м] г[одам] прошлого века. Она имеет в плане правильный четырехугольник – 3,80 × 4,53 м. Северной стороной она прилегает к старой каменной стене (отделяющей двор от сада), которая одновременно является и стеной колоколенки. Стены колоколенки возвышаются на 2,60 м от земли. Они имеют в восточной, западной и южной стенах арочные проемы высотой в 2 метра, шириной 2,45 м, южный, западный и восточный – по 1,65 м. Толщина стен 1 метр. По углам на стенах возвышаются (На 2,75 м) четырехгранные столбы толщиною в 1 кв. м. На столбах [–] четырехскатная железная крыша. Высота башни с крышей – 7,15 м. Вверху ее даны железные связи.

ВОРОТА КАМЕННЫЕ

(т[ак] н[азываемые] «Святые ворота»)

В северной стене б[ывшего] архиерейского двора [–] так называемые «Святые ворота». Постройка их относится к первой половине XVIII века. Проем ворот – в виде сниженной арки высотой в 3,30 м, шириной в 3,95 м. Толщина стен ворот равна 2,85 м. С правой стороны (если смотреть со стороны двора) [–] сводчатые углубление, теперь частично заложенное. Ворота закрывались массивными о трех петлях полотнами. На верхней четырехугольной площадке их возвышается троечастный барочный по форме и орнаментации щит, над аркой – многообломный кирпич.

С наружной стороны у основания щита – уступчик в виде односкатной крышечки, с внутренней – уступ шириною в 1,74 м.

Общая высота ворот – 8,30 м.

СОСТОЯНИЕ ВОРОТ

Осыпалась кирпичная кладка внизу, а также и верхний карнизик, отпала штукатурка на всей поверхности. Железное покрытие сорвано, полотна сняты.

ПАМЯТНИКИ ГРАЖДАНСКОГО ЗОДЧЕСТВА[I]

Б[ЫВШИЙ] ГОСТИНЫЙ ДВОР[II]

Двухэтажное кирпичное здание с железной крышей, находящееся в черте кремля, имеет в длину 69,70 м, в ширину 51,08 м. По углам его круглые башни с шатровым покрытием и декоративными зубцами поперек стен (зубцы и крыша позднейшего времени). Длина здания между башен 60,60 м, ширина – 40,70 м. Внутри его обширный четырехугольный двор. Здание напоминает своеобразный замок, крепость.

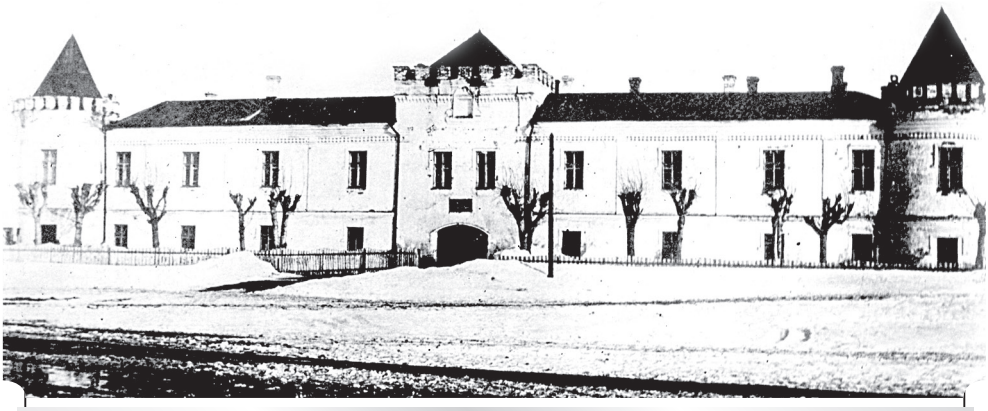
В двух этажах его в настоящее время 79 комнат, кроме того имеются коридоры, сени и каменные подвальные кладовые.

Часть апартаментов со сводчатыми потолками, высота их внутри 2,60 м. Башни с куполообразными потолками имеют высоту по 3 м, как в нижнем этаже, так и во втором этажах. Толщина наружных стен в среднем 1 метр, стены башен – 1,25 м, внутренних [–] от 70 см до 1 м.

Оконные проемы четырехугольные, с железными решетками простой кузнечной работы.

[I] *Заглавие проставлено на новом листе, текст размещен на следующей странице. Над машинописной строкой с заглавием поставлена подпись автора* «А.Ф. Палашенков», *сделанная синими чернилами. – Прим. сост.*

[II] *Заглавие и дальнейший текст размещены на новом листе машинописи. – Прим. сост.*



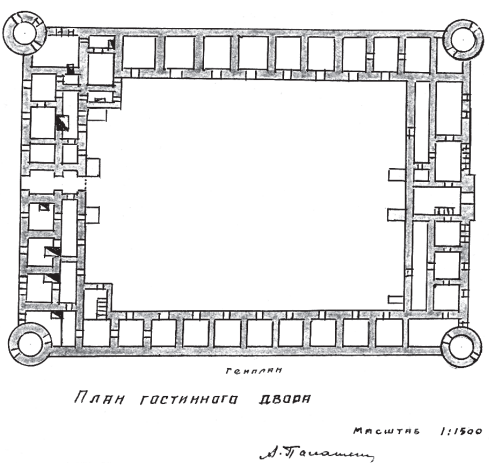
Гостиный двор Тобольского кремля. 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Здание построено по приказу Петра[I] I в 1702 – 1706 гг. Его первоначальное назначение – меновой (гостиный) двор. В последней четверти XVIII столетия (как можно заключить по плану г. Тобольска 1794 г.) в нем располагались присутственные места, а гостиный двор перенесен под гору.

В конце XIX и начале XX вв. здание являлось распределительным пунктом Тобольской каторги и ссылки, поскольку здесь находился тюремный отдел губернского правления. В настоящее время все здание находится в пользовании окружного архива[II].

СОСТОЯНИЕ ЗДАНИЯ

Осыпалась местами кирпичная кладка и штукатурка. Стекла в окнах побиты, часть оконных проемов заложена. Местами покосились стены, сгнил пол в некоторых комнатах. Северное крыло здания с несколькими десятками комнат находится в состоянии полной заброшенности.



План Гостиного двора Тобольского кремля, составленный А.Ф. Палашенковым. 1938 г.

ШВЕДСКАЯ БАШНЯ-ПАЛАТА

Над спуском (с нагорной кремлевской части города вниз) поперек Прямского взвоза, протянулось каменное одноэтажное здание с железной крышей, известное под именем Шведской башни.

В 1714 – 1716 гг. первый Сибирский губернатор князь ГАГАРИН, воспользовавшись шведскими военнопленными нижними чинами, посланными из-под Полтавы, выстроил это здание, уходящее западной и восточной стенами в скосы взвоза. Гребень крыши

[I] *Далее затерт фрагмент текста, поверх которого напечатано:* «I в 1702 – 1706». – *Прим. сост.*

[II] План Гостиного двора. Генплан. Масштаб 1: 1500. *Рисунок сделан автором от руки черными чернилами. Отдельные фрагменты плана Гостиного двора закрашены розовой краской (акварель). Внизу плана по центру подпись А.Ф. Палашенкова синими чернилами. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена, вероятно, по итогам осмотра памятника архитектуры в 1938 г. – Прим. сост.*

Шведская башня-палата Тобольского кремля. 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

находится на уровне вершины холмов; главный фасад обращен на юг на подгорную (центральную часть города).

Под башней две арки. (В литературе прошлого столетия упоминаются три). Каких-либо следов третьей арки не обнаружено.

Одна из существующих арок (5,62 м ширины) является проходной, вторая же, более узкая (4,10 м) заложена. В арках остались массивные железные крюки, предназначавшиеся для навески ворот.

Длина палаты по наружному обмеру 46,80 м, ширина 15,80 м. Толщина наружных стен 1,30 м, внутренних, идущих поперек здания и делящих его на шесть апартаментов, от 1,10 до 1,50 м. С южной наружной стороны, внизу на уровне арок, сооружены массивные контрфорсы.

Для большей прочности и устойчивости восточной и северной стен внутри крайнего (восточного) апартамента сделаны контрфорсы длиной во всю восточную и северную стены (идут под углом градусов в 60).

Апартаменты имеют сводчатые потолки, опирающиеся на поперечные стены. Высота от пола до потолка 6,20 м.

На расстоянии двух метров от северной стены в поперечных стенах имеются дверные арочные проемы, образующие длинную анфиладу. Ширина их 1,45 м, высота 2,25 м.

Окна размещены в южной стене и только два – в северной. Первоначально они были с арочным верхом, позднее верх заложен, и сейчас четырехугольные. Высота их 1,80 м, ширина 1,15 м. Окна на высоте от пола – 0,95 м – с южной стороны, с северной – 1,25 м. В них вставлены железные решетки простой кузнечной работы.

Здание не оштукатурено ни внутри, ни снаружи (за исключением сводов двух западных апартаментов), а лишь только побелено.

В западной стене 5-го апартамента (счет от востока) ниша, глубиной 1 м, шириной в 2 м и высотой 3 метра.

Вверху наружные стены здания заканчиваются небольшим карнизом. Окна снаружи обрамлены колонками и арочками.

Палата сложена из крупного прочного кирпича. Для связи стен применены железные брусья. Состояние здания, несмотря на более чем двухсотлетнюю давность, хорошее.

Судя по данным плана Тобольска 1794 г., еще в XVIII веке здание имело назначение архивохранилища. «Архивные палаты» – так оно названо на плане. В настоящее время в нем также размещен архив. Поэтому апартаменты оборудованы (стеллажами).

С западной стороны позднее к палатам пристроена небольшая полутораэтажная пристройка, назначение которой, главным образом, – благоустроить вход в палату. Пристройка каменная, с железной крышей. Длина внутри 7,50 м, ширина 7,10 м.

По преданию, восточная арка башни была раньше соединена подземным ходом с гостиным двором, находящимся в Кремле метрах в полуторастах от башни. Так К. ГОЛОДНИКОВ в «Историческом очерке о Тобольске» пишет, что в одном из от-

делений нижнего этажа Гостиного двора в 1760 г. пол от ветхости балок провалился и под ним была обнаружена с южной стороны железная дверь с большими крючьями и тяжелым замком.

На двери изображен во весь рост сибирский казак в синей форменной куртке и с пикой в руке. За дверью же находился подземный ход в камеры, из которых в свою очередь шел выход в одну из арок Шведской башни.

К Шведской палате с севера примыкают две каменных стены высотой 16 – 17 м, образующие узкий проход между двух холмов. Назначение их – предохранить склоны холмов от размывания и осыпания. С подъемом взвоза в гору стены снижаются и уже на горе заканчиваются маленькими башенками. Постройка стен производилась одновременно с башней[I].

План палаты (башня Шведская), составленный А.Ф. Палашенковым. 1938 г.

КАМЕННЫЕ ПАЛАТЫ ПРИ Б[ЫВШЕМ] УСПЕНСКОМ СОБОРЕ

Каменный двухэтажный дом с железной о трех скатах крышей. Примыкает к южной стене Успенского собора. Западная стена палаты длиннее восточной на толщину северной стены. Вместе с тем, по мере приближения к последней, западная и восточная стены отходят друг от друга. Благодаря этому план дома имеет неправильный четырехугольник. Вызвано это[II], видимо, следующим обстоятельством: палаты находятся между б[ывшим] большим собором и высокой колокольней, поставленных непараллельно друг другу. Чтобы сгладить эту режущую глаз неправильность – плану дома и придана необычайная конфигурация. Стены дома сложены из крупного хорошего кирпича. Внизу, у самой земли, на западной и восточной стенах имеется карниз, выступающий на 30 см. Несколько меньшего размера протянут карнизик и вверху под крышей.

Плоскость пилястр расчленена параллельно идущим (через 2 кирпича) прямоугольными углублениями, шириной в толщину одного кирпича. Такое[III] членение придает зданию легкость и нарядность.

[I] План палаты (башня шведская). *Рисунок сделан автором от руки карандашом, имеются карандашные пометы* («План Шведской палаты-башни»). *Фрагменты шведской башни закрашены розовой краской (акварель). В нижнем правом углу подпись А.Ф. Палашенкова синими чернилами. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена, вероятно, по итогам осмотра памятника архитектуры в 1938 г. – Прим. сост.*

[II] *Далее затерт фрагмент текста, взамен напечатано слово* «видимо». *– Прим. сост.*

[III] *Далее затерт фрагмент текста, поверх напечатаны слова* «членение придает зданию». *– Прим. сост.*

Потолки в верхнем и нижнем этажах сводчатые. Внутренняя поперечная стена (толщина которой внизу 1,75 м и вверху 0,8 м) разделяет верхний и нижний этажи на две половины – проходные (к собору) и обособленные (к колокольне). В нижнюю проходную часть в восточной и западной стенах сделаны большие арочные проемы, высотой в 2,95 м, закрывающиеся массивными двойными полотнами из кованного железа. Над ними вверху (во втором этаже) расположены эллипсовидные окна, вытянутые по горизонтальному диаметру. Размер восточного окна 1,60 × 1,25 м, западного – 103 × 89 м.

12 других окон расположены более или менее симметрично в восточных и западных стенах – по 3 в стене каждого этажа, причем 10 из них сквозных и 2 окна глухих. В северной стене по одному окну в этаже – (нижнее окно заложено). Верхние углы в оконных проемах закруглены. Размер окон 120 × 104 см (в верхнем этаже).

Высота верхнего этажа 4,70 м, нижнего 4,75 м. Пол деревянный в обособленных частях палат; в проходных – внизу цементный, вверху кирпичный. Окна нижнего этажа 200 × 104 см.

В южной стене внутри помещения имеются две ниши.

Вверху под сводами в первом и втором этажах даны железные связи. Своды сложены в полтора кирпича.

Точных данных относительно времени постройки дома нет. Но, судя по характеру архитектуры и строительным материалам, сооружение его, надо полагать, относится ко 2-ой половине XVIII века.

О первоначальном назначении палаты, надо полагать, – соборная ризница.

СОСТОЯНИЕ ПАЛАТ

В дверных проемах внизу осыпалась кирпичная кладка, сорвано с восточной стороны почти полностью железное покрытие и остался только подрешетник.

Палаты заняты общежитием курсантов.

Б[ЫВШИЙ] АРХИЕРЕЙСКИЙ ДОМ

Здание каменное, трехэтажное, с подвальным помещением и железной крышей. Построено в XVIII веке, по-видимому, одновременно со зданием консистории. На архитектуре здания отразилось юго-западное влияние.

Длина строения по наружному обмеру 57,35 м, ширина 17,70. Восточная стена оканчивается полукруглой апсидой, второй этаж которой служил алтарем архиерейской домовой церкви. В нижнем этаже часть комнат со сводчатыми потолками.

Оконные проемы прямоугольные. В нижнем этаже в проеме вставлены железные решетки. Дверь (южная стена), выходящая на балкон, помимо остекленных полотен имеет железные. Ступеньки лестницы устланы чугунными плитами.

СОСТОЯНИЕ ЗДАНИЯ

Состояние здания хорошее. Произведенные незначительные переделки не изменили облика строения.

В настоящее время дом занят Окружным музеем.

Б[ЫВШАЯ] ДУХОВНАЯ КОНСИСТОРИЯ

Каменное двухэтажное здание с железной двухскатной крышей. Здание по своей архитектуре напоминает киевскую архитектуру XVIII века. Постройка его относится к 80-м годам XVIII в. Известно, что по ходатайству архиепископа Варлаама I-го указом Екатерины II–й от 10 июля 1783 г. позволено было ассигновать 18 000 рублей на постройку новой колокольни, двух корпусов и консистории.

Здание сильно вытянулось по длине, причем имеет небольшой излом (благодаря пристройке). Длина 81,30 м, ширина 11,05 м.

Толщина стен внизу 1 метр, вверху 70 см. Пол деревянный, потолки плоские. Стены и потолки оштукатурены, панель стен окрашена масляной краской. Окна четырехугольные, высотой в 1,50 м. Отопление местное.

СОСТОЯНИЕ ЗДАНИЯ

Состояние удовлетворительное. Для поддержания потолка в нижнем этаже даны подпоры. Дом занимается детдомом с 1924 года. До этого времени занимался различными сов[етскими] учреждениями.

КОРПУС № 2

Первоначальное назначение здания неизвестно. Возможно, что оно относится к одному из тех корпусов, о построении которых дан был указ Екатерины II-й от 10 июля 1783 г. (одновременно с колокольней).

СОСТОЯНИЕ ЗДАНИЯ

Штукатурка осыпалась, крыша проржавела. Помещение занято детдомом. Прежде находилось церковное братство с типографией и переплетной.

БЕСЕДКА

(В саду б[ывшего] архиерейского сада).

Постройка относится к 40[-м] годам XIX столетия. Кирпичная, четырехугольная. Кровля деревянная, тесовая. Высота стен 3,50 м, толщина от 0,42 до 0,60 м. В западной стене дверной проем, размером 2,50 м × 1,80 м × 1,30 м. Крыша четырехскатная с двумя разделяемыми декоративной башенкой обломами и шатром.

Длина нижнего ската облома 0,90 м, верхнего – 0,97 м. Площадь башенки 2,48 м × 2,22 м, высота 0,50 метра. Основание шатра 1,25 м × 1,25 м, длина ската 3,10 м.

Крыша покрыта тесом в два ряда (На обломах в разбежку). Происхождение ее более позднее, нежели стен башни.

СОСТОЯНИЕ БЕСЕДКИ

Стены южной и северной сторон дали небольшие вверху трещины. Разрушена кладка вверху по углам (исключая юго-восточного) сантиметров на 15 – 20. На стенах местами осыпались карнизики и пояски.

Крыша обветшала, наклонилась, башенка разъехалась. На шатре нет венчавшего его шпиля, нет рам в оконных проемах. Нет дверного полотна и пола.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ УГЛОВАЯ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНАЯ БАШНЯ

Башня кирпичная, с деревянной крышей.

Общая высота башни (с флюгером) – 12,2 м. Высота стен 6 м, толщина стен – 62 см.

В восточной и северной стенах на высоте 1 метра – дверные проемы – высотой в 2,8 м, ширина – 1,12 м.

С южной и западной стороны на высоте 1,6 м оконные проемы с полукруглым верхом. Размер их – 2,5 м × 1,48 м. Позднее проемы были заложены. Оставлены щелевидные в 2,19 м высоты и 1,42 ширины. Крыша четырехскатная с двумя обломками, разделенными четырехугольной башенкой.

На втором обломе [–] шатер, увенчивающийся яблоком со шпилем и флюгером. Яблоко деревянное (в диаметре сант[иметров] 40), обито, как и шпиль, железом. Флюгер на железном пруте с довольно толстой железной доской. Общая высота яблока, шпиля и флюгера – 1,70 м.

Длина ската нижнего облома – 1,58 м. Длина верхнего облома – 80 м. Основание башенки – 2,55 × 2,55 м, высота 68 см. Основание шатра – 1,4 м × 1,4 м. Длина ската шатра (приблизительно) – 3,1 метра.

Потолок из столетних досок, лежит на стенных выступах.

СОСТОЯНИЕ БАШНИ

С северной стороны стена имеет трещину в вертикальном направлении, шириной в 1 см. По углам и на дверных порогах осыпалась кирпичная кладка. Нет пола, дверных полотен и оконных рам. Погнил тес на крыше, местами сорваны отдельные тесины, флюгер повис на шпиле.

Башня не используется, находится в заброшенном состоянии.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНАЯ БАШНЯ

Находится между двумя крепостными круглыми. Постройка ее (равно как и юго-западной четырехугольной относится к началу 40-х годов XIX столетия (см[отри] [«]Тобольск и его окрестности[»], Голодовникова), когда вместо прежних круглых башен, стоявших на западном и восточном углах Кремля, поставлены были распоряжением епископа Владимира, небольшие четырехугольные. (Оставшийся от этой перестройки в экономии кирпич употреблен на постройку церкви в архиерейской роще).

Башня построена на месте б[ывшей] Круглой (несколько севернее). И до сих пор выступает кирпичная кладка разобранной старой башни с южной стороны.

По размерам и по архитектуре башня тождественна юго-западной четырехугольной. Только дверные проемы здесь сделаны в западной и северной сторонах, а оконные – в восточной и южной.

Шатер увенчивается шпилем, но без флюгера, который, очевидно, сорван.

СОСТОЯНИЕ БАШНИ

В некоторых местах осыпалась кирпичная кладка и штукатурка. Нет пола, обветшала крыша. Нет рам в оконных проемах и полотен в дверях.

Башня находится в распоряжении Музея[I].

СТРОЕНИЯ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ПАМЯТНИКАМИ[II]

КОРПУС № 3 (ДЕТДОМ) (литер «А»)[III]

Двухэтажное каменное здание недавней кладки (XX столетия). Крыша железная. Пол деревянный, потолки плоские. Ни снаружи, ни внутри не оштукатурен. Панель окрашена масляной краской. Стены и потолки побелены. Отопление местное. Состояние дома хорошее. Находится в пользовании детдома.

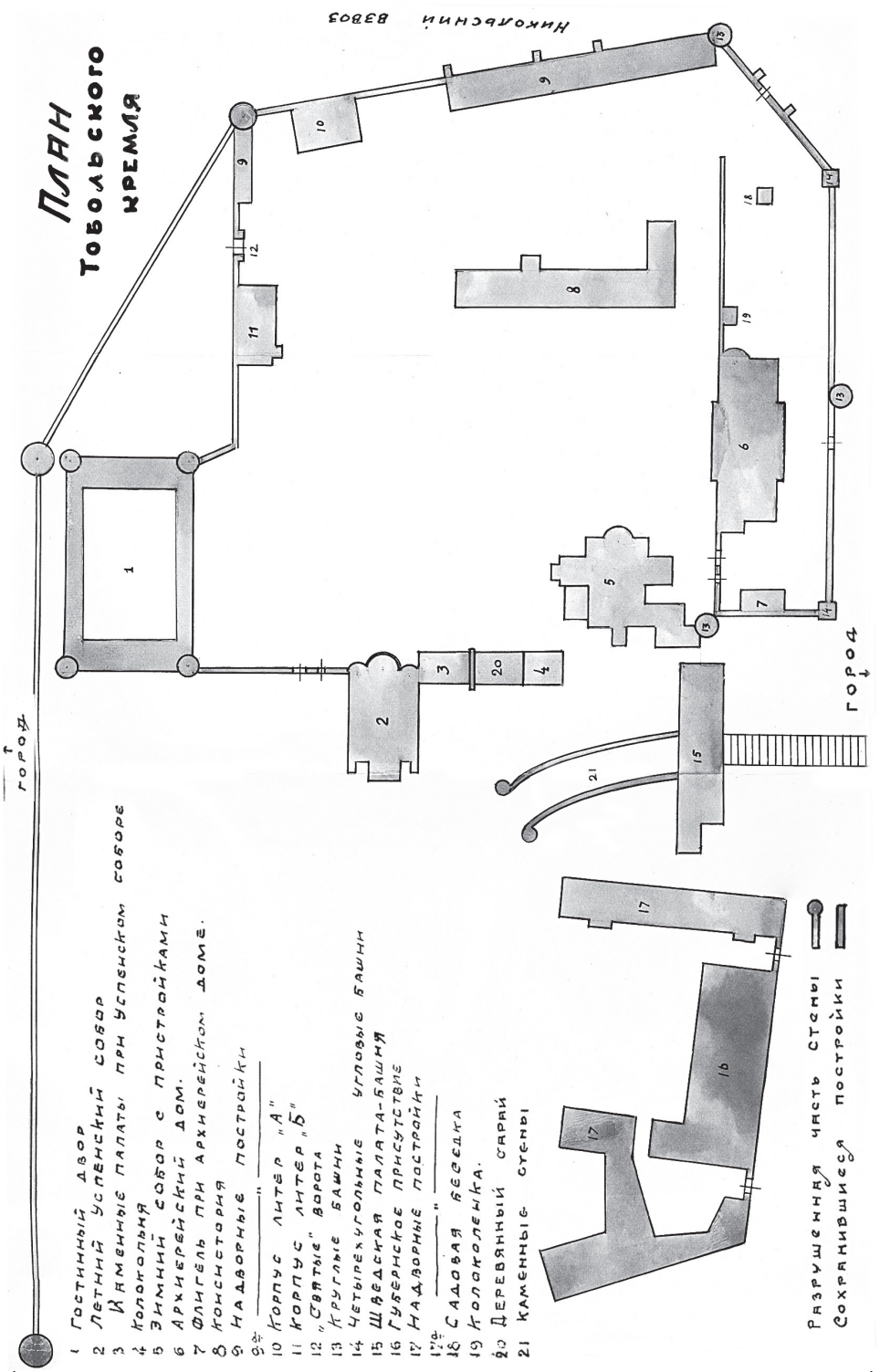
Наружный обмер:
Длина – 25,45
Ширина – 16,80
Площадь – 345,00
Высота – 8,10
Объем – 2794,00
Общая полезная площадь 454,29
Жилая – 327,25
Объем внутри – 1455,77 куб[ических] м
Толщина стен – 0,80 м[IV].

[I] *Далее стоит подпись автора, поставленная синими чернилами. – Прим. сост.*

[II] *Заглавие напечатано на отдельном листе, вырезано и наклеено посередине чистого листа бумаги. – Прим. сост.*

[III] *Комментарий, заключенный в скобки, написан автором от руки синими чернилами. – Прим. сост.*

[IV] *Далее поставлена подпись автором синими чернилами. – Прим. сост.*



План Тобольского кремля, составленный А.Ф. Палашенковым. 1938 г.

СТРОЕНИЯ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РАЗБОРКЕ ВСЛЕДСТВИЕ ВЕТХОГО СОСТОЯНИЯ[I]

НАДВОРНЫЕ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Полутораэтажное кирпичное здание с железной двухскатной крышей, имевшее в прошлом назначение склада, хранилища и других хозяйственных целей.

Во внутрь двора имеется балкон – галерея на кирпичных столбах. Здание вытянулось вдоль старой каменной стены, являющейся одновременно восточной стеной самого здания.

Длина помещения 119,30, ширина 11 метров. Высота стен в среднем 5,5 м, толщина 1,10 м.

В нижней части помещения сводчатые потолки.

В целях предотвращения падения стен с внешней стороны от Никольского взвоза установлены контрфорсы в количестве 3-х. У среднего контрфорса стена имеет незначительный наклон. Во внешней стене здания сохранились два старых оконных проема со сводчатым верхом. Остальные семь окон позднейшего происхождения.

Все помещение имеет вид совершенно разрушающегося. Его северная часть на протяжении 31,8 м уже превратилась в развалины. Крыша отсутствует. Стены повыветрились и осыпались метра на 1,5 и более, своды провалились, зияют трещины, дыры.

Кирпич развозится по разрешению Горсовета и Горкомхоза.

Если в ближайшее время стены не будут разобраны, или же капитально восстановлены, то они рухнут.

В несколько лучшем виде часть здания, примыкающая к круглой, угловой башне, но и здесь с большой площади кровли сорвано листовое железо на поделку печных коробов. Осадки падают на стены, своды, потолок, доводя до конца начатое людьми разрушение.

По стилевым признакам (декоративные арочки, своды и пр.) сооружение данного здания надо отнести к концу XVIII века. В литературе указаний на дату постройки не встречали[II].

[I] *Выделено автором. Фраза напечатана на другом листе бумаги, вырезана и наклеена в центре листа. – Прим. сост.*

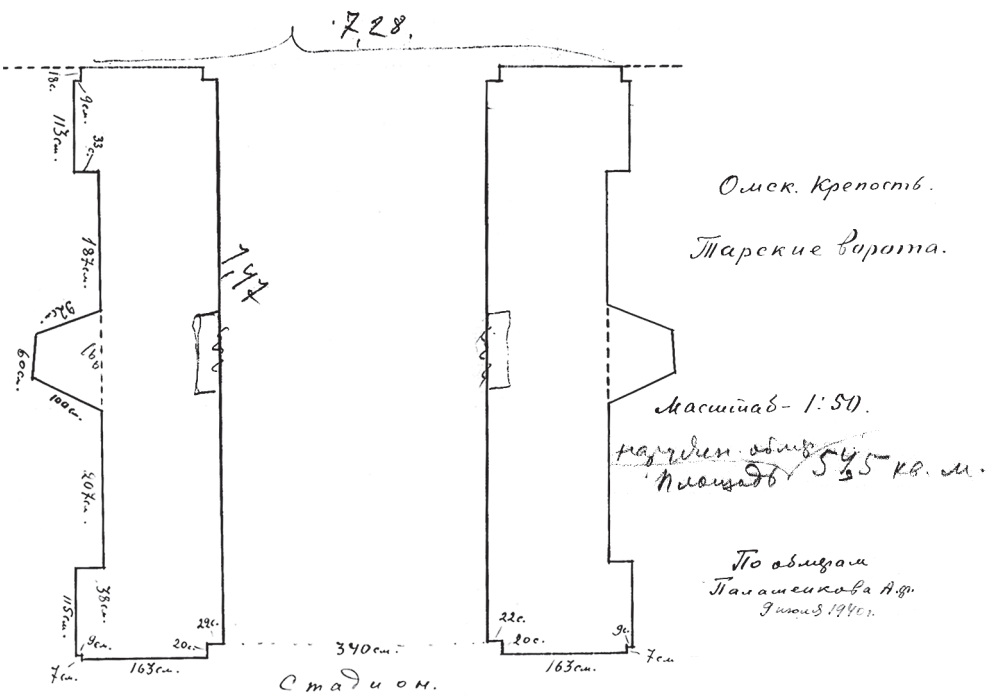
[II] План Тобольского кремля. *Рисунок большого формата сделан автором от руки черными чернилами. Фрагменты планов зданий закрашены розовой и красной краской (акварель), имеются пометы черными чернилами* («разрушенная часть стены», «сохранившиеся постройки», «Никольский взвоз», «город»). *В левом верхнем углу перечисление всех построек кремля, данное от руки черными чернилами. Список сопровождается арабскими цифрами, под которыми обозначаются здания на схеме. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена, вероятно, по итогам осмотра памятника архитектуры в 1938 г. – Прим. сост.*

Архитектурные и исторические памятники в Омске, Тобольске и Тюмени[1]

[1940-е гг.]
г. Омск.
Крепость.

ТАРСКИЕ ВОРОТА

Единственный из оставшихся памятников собственно крепости (года два назад были разобраны тождественные по архитектуре ворота – Омские[I]). Через них был выезд из крепости на Тарский тракт, отсюда они и получили название «Тарских».



План Тарских ворот Омской крепости, составленный А.Ф. Палашенковым. 1940 г.

[I] *Слово вписано от руки синими чернилами. – Прим. сост.*

Ворота кирпичные, поверхность оштукатурена и побелена. В основании их четырехугольник, длина которого равна – 7,8 метр[а], ширина 6,3 метр[а]. Проездной проем – арка высотой в 4 метра.

Наверху арочных стен надстроены ступенчатые щиты-парапеты. По углам стены ворот украшены парными пилястрами. Крыша двускатная железная. Над арками с обеих сторон уцелели современные надписи (дата постройки ворот)

«Тарския: 1792»

С правой и левой сторон – сделаны контрфорсы в виде столбов в 2,5 мет[ра] высоты. Примыкавшие к боковым стенам земляные валы-укрепления – не сохранились[I].

СОСТОЯНИЕ ВОРОТ

Местами осыпалась штукатурка, в особенности с левой стороны (если смотреть со стороны крепости). Это в значительной степени объясняется прохождением водоподъемной трубы и нахождением на крыше бака, постоянно поддерживающего сырость. Крыша местами взорвана и требует покраски.

Ворота (проездной проем) используются стадионом (устроен душ). Такого рода эксплуатация губительно сказывается на сохранности памятника[II].

г. Омск.
Партизанская улица.

ЗДАНИЕ Б[ЫВШЕЙ] ГАУПТВАХТЫ

Старейшее здание[III] гражданской архитектуры в городе. Построено в 1781 году, т.е. через 16 лет после закладки крепости на правом берегу р[еки] Оми. В XVIII веке это было одно из больших и нарядных каменных зданий в Омске. Здание двухэтажное, с железной кровлей[IV], состоит из двух этажей. По фасадной стороне по краям[V] небольшие выступы – крылья[VI] вверху, в середине[VII] небольшой фронтон[VIII]. Нижний этаж отделан рустовкой. Здесь[IX] невысокие с полукруглым верхом окна. Стены второго этажа гладкие, если не считать 4 пилястр в центральной его[X] части и[XI] надоконных украшений. Отношение высоты окон[XII] во втором этаже к ширине – типичное для второй половины XVIII века.

До 1938 г. наверху здания находилась 4-хгранная со срезанными углами[XIII] вышка для часового. Там же[XIV], по-видимому[XV], висел и колокол. В каждой стороне имелось по большому

[I] План Тарских ворот. По обмерам А.Ф. Палашенкова 9 июля 1940 г. *Рисунок сделан автором от руки черными чернилами. Имеются пометки карандашом. В правом нижнем углу подпись А.Ф. Палашенкова синими чернилами. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена по итогам осмотра памятника архитектуры в 1940 г. – Прим. сост.*

[II] *Ниже запись:* «Обследование произведено 9 июля 1940 года Палашенковым А.Ф». – *Прим. сост.*

[III] *Первоначальный вариант:* «одно из старейших зданий гражданской архитектуры в городе», *изменения в текст внесены карандашом. – Прим. сост.*

[IV] *Начало предложения вписано карандашом. – Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто слово* «два». *– Прим. сост.*

[VI] *Далее карандашом над строкой вписано слово* «вверху». *– Прим. сост.*

[VII] *Далее карандашом над строкой вписано слово* «небольшой». *– Прим. сост.*

[VIII] *Суффикс слова* «фронтончик» *зачеркнут. – Прим. сост.*

[IX] *Слово* «здесь» *вписано карандашом над строкой, далее зачеркнуто слово* «окна». *– Прим. сост.*

[X] *Слово* «его» *вписано карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[XI] *Далее зачеркнуто* «оконных наличников», *над строкой карандашом вписано* «надоконных украшений». *– Прим. сост.*

[XII] *Далее вписано словосочетание* «во втором этаже». *– Прим. сост.*

[XIII] *Далее вписано над строкой* «вышка для». *– Прим. сост.*

[XIV] *В начале предложения зачеркнуто слово* «кажется». *– Прим. сост.*

[XV] *Слово* «по-видимому» *вписано карандашом над строкой. – Прим. сост.*

с полукруглым верхом оконному проему. Каланча[I] завершалась куполоподобным покрытием и увенчивалась шпилем.

На лицевой грани каланчи помещалась надпись: «1781 года». Наличие[II] каланчи придавало зданию характер дома с домовой церквой.

В 1938 г. каланча разобрана. В общем же здание сохранилось хорошо[III].

А. Крячков в Сибирской энциклопедии (1-ый том, стр. 151, Архитектура) пишет:[IV] «Омская гауптвахта с окружающими ее зданиями и крепостными воротами подкупают богатством художественной фантазии, своеобразной пышностью форм и тщательностью работы».

Гауптвахта Второй Омской крепости. Фотография А.Ф. Палашенкова

В 1789 году во втором этаже здания при военно-сиротском отделении был[а] открыт[а] Азиатская школа (школа азиатских языков). Школа готовила толмачей (переводчиков) для сношения со степью и азиатскими странами. Она[V] комплектовалась учениками из детей казаков, солдат и чиновников из магометан, служивших в пограничном штате. Кроме русской грамоты и основ математики в школе преподавали языки: татарский, турецкий, арабский и персидский. В состав школы входили 3 учителя и 25 учеников и на все расходы по содержанию ее выделялось 243 рубля 2 копейки в год.

В нижнем этаже здания было расположено Комендантское правление и крепостной караул.

Омск.
Крепость,
вблизи б[ывшей] Кирки.

ГЕНЕРАЛИТЕТСКИЙ ДОМ

Угол Партизанской и ул. Достоевского[VI]

Дом каменный, одноэтажный, с железной кровлей. По улице Достоевского имеет 7 окон, по Партизанской – 4[VII]. Постройка дома относится к концу XVIII или началу XIX столетия. На плане города Омска 1811 года он отмечен «каменный с флигелем»,

---

[I] *В начале предложения зачеркнуто слово* «покрытие». *Словосочетание* «завершалась покрытием» *вписано карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Слово* «наличие» *вписано поверх зачеркнутого* «присутствие». *– Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто карандашом:* «во всех основных архитектурных деталях. Состояние здания хорошее. Занимает его в настоящее время Областной Военный Комиссариат. Сведений о событиях, связанных с памятником, не имеется. Обследовано 9 июля 1940 г. научным работником Облмузея Палашенковым А.Ф.». *– Прим. сост.*

[IV] *Текст написан карандашом. – Прим. сост.*

[V] *Местоимение вписано карандашом поверх слова* «школа». *– Прим. сост.*

[VI] *Предложение вписано карандашом. – Прим. сост.*

[VII] *Далее текст вписан карандашом. – Прим. сост.*

на плане 1819 года именуется «генералитетский дом с флигелем». Видимо, дом являлся резиденцией высших военных чинов крепости[I]. Вплотную к нему с восточной стороны примыкает большой деревянный дом – флигель, сохранивший в основном свой первоначальный вид. Флигель в плане имеет[II] букву «г». На улицу Партизанскую выходит строгий ампирный фронтон. Рублен в обло без применения пилы. Обшит тесом[III] с использованием кованных гвоздей. Из деревянных строений – это самый старый архитектурный[IV] памятник[V] в Омске.

Дом хорошо сохранился, является великолепным памятником дворянской архитектуры крепостной эпохи[VI].

Омск. Лермонтовская № 28.

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АНТОН СОРОКИН

Дом кирпичный, двухэтажный, с железной кровлей. Сорокин занимал нижний этаж.

При жизни А. Сорокина в доме постоянно собирались литераторы и писатели Сибири. Этот дом хорошо знаком Всев[олоду] Иванову, Ив[ану] Шухову, Н. Чертовой и многим другим советским писателям. Отсюда А. Сорокин вел переписку с известными деятелями искусства и литературы.

В 1935 г. омские писатели в доме намеревались организовать клуб писателя с библиотекой писателя (См[отри] «Молодой большевик» 31 декабря 1935 г. г. Омск).

Верхний этаж дома в настоящее время занимает брат покойного писателя – профессор Е.С. Сорокин, низ – (бывшее помещение писателя) сторонние лица.

Архив Антона Сорокина передан женой омскому музею, в библиотеке которого он находится в настоящее время.

По сообщению профессора Шухова И.Н., в квартире писателя в 19…[VII] г. последним была организована интересная выставка, на которой много экспонировалось скульптуры, графики и т.п.

Лето 1940 г.
Тобольск.

ПАМЯТНИК ЕРМАКУ. МЫС ЧУКМАН

Памятник открыт в 1839 году, на высоком Чукманском мысе[VIII]. Благодаря своему выгодному положению он виден издалека[2].

Памятник представляет красивый по форме четырехгранный обелиск на массивном высоком постаменте.

Общая высота памятника 15 метр[ов].

Обелиск из светлого мрамора (шести отдельных кусков). В нижней части по граням рельефом даны пальмовые ветви. На его кубической формы основании, более сером, нежели собственно обелиск, по граням даны надписи: с западной стороны – «Покорителю Сибири Ермаку», с южной – «1581 год», с северной – «1584 год» и с восточной – «Воздвигнут в 1839 году».

Постамент из серого мрамора с широким карнизом, украшенным рельефным орнаментом в виде стилизованных лилий. Площадь основания постамента равна – 4,07 на 4, 07 метр[а].

[I] *Далее зачеркнута фраза* «Дом хорошо сохранился». – *Прим. сост.*
[II] *Далее зачеркнуто слово* «глагол». – *Прим. сост.*
[III] *Далее вписано над строкой* «с использованием кованных гвоздей». – *Прим. сост.*
[IV] *Слово* «архитектурный» *вписано над строкой.* – *Прим. сост.*
[V] *Далее зачеркнуто слово* «архитектуры». – *Прим. сост.*
[VI] *Ниже запись:* «Лето 1940 года». – *Прим. сост.*
[VII] *Сохранено авторское отточие.* – *Прим. сост.*
[VIII] *Текст автором написан от руки синими чернилами.* – *Прим. сост.*

Широкая (8,08 на 8,08 метр[а]) площадка из гранитных плит, служащая основанием памятника в целом, приподнимает последний на 1 метр.

Обелиск сложен из пяти камней. На четвертом от верха по всем 4-м граням изображены лавровые листья. Обелиск строен и приятен по своим архитектурным пропорциям. В основании его сплошная так же светло-серого цвета мраморная плита, уложенная на кубической формы постамент, облицованный по сторонам мраморными плитами, на которых углубленная позолоченная надпись. На северной: «Покорителю»…[I]

Основной постамент вверху имеет широкий (40 см) карниз, по углам его [–] пальмовые ветви. Карниз сложен из четырех плит. На нем рельефное изображение лилий. Средняя часть постамента облицована 16-ю мраморными плитами и нижняя его часть из 24 камней.

Площадка покрыта 21 гранитн[ыми] плитами, с облицованной стороны 25-ю плитами толщиной 13 см, а всего 46 плит на площадке.

Стоимость сооружения памятника Ермаку выразилась в 20 тысяч серебром[II].

Вокруг памятника в свое время была сооружена кирпичная ограда, от которой не сохранилось и следа. Уцелели остатки из массивных цепей, укрепленных концами к чугунным тумбам, а на углах [–] к пушкам. Размер ограды равен 12,75 м × 12,75 м. В настоящее время ограда разрушена, цепи оборваны и похищены, сохранилось только три. Чугунные (полые с каннелюрами) тумбы частично вывернуты. Что касается памятника, то как его площадка, так цоколь и постамент требуют ремонта. Слагающие их камни разошлись от одного до пяти см. Необходимо принять неотложные меры к спасению памятника[III].

Тобольск.

ВОРОТА В «САД ЕРМАКА». ГОРА. МЫС ЧУКМАН[IV]

Ворота сооружены в начале XX века из пушек, оставшихся в Тобольске со времени Крымской войны, когда их везли через Тобольск на Камчатку, где пытались высадить десант англичане. Вследствие падения Севастополя и заключения мира пушки дальше не были отправлены – остались в Тобольске.

В 1930 году ворота сломаны местной конторой утильсырья и часть пушек отправлена в переплавку на Уральские заводы.

Уцелели колонны от ворот из 12-ти пушечных дул, вкопанных в землю.

Тобольск.

ЗЕМЛЯНОЙ ВАЛ[V]

В северной стороне наружной части города сохранился земляной вал со рвом с наружной стороны. Вал – это древняя укрепленная[VI] черта, прикрывавшая подступы к собственно городу, Кремлю. Начинается вал от Иртыша и идет в восточном направлении.

Сооружение вала, как значится в «Кратком показании», относится к 1688 г.

От этой укрепленной линии через Воскресенские и Троицкие ворота шли дороги – на Березов и Тару.

С[VII] 1941 – 42 гг. гребень вала-укрепления превращен в совершенную дыру, по которой идут не только конные подводы, но в последнее время пошли и автомашины. Это обстоятельство значительно видоизменило исторический памятник.

[I] *Фраза оборвана. В конце предложения поставлено многоточие. – Прим. сост.*

[II] *Далее следует текст, набранный на пишущей машинке. – Прим. сост.*

[III] *Ниже запись:* «Обследование произведено 12 ноября [19]40 г. Палашенковым А.Ф». – *Прим. сост.*

[IV] *Текст записан карандашом. – Прим. сост.*

[V] *Текст написан от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

[VI] *Далее зачеркнуто слово* «городская». *– Прим. сост.*

[VII] *Далее текст записан карандашом. – Прим. сост.*

Тобольск.

МЫС ЧУКМАН[I]

Расположен по правую сторону Никольского взвода. Он представляет высокий (более 50 м) береговой выступ реки. На нем сохранились следы древних поселений.

В[II] начале текущего столетия здесь[III] был организован «Сад Ермака», деревья от которого сохранились до настоящего времени. На Чукмане – памятник Ермаку и братские могилы погибших во время колчаковщины и белогвардейского выступления в 1921 г.

Южный склон мыса прорезан проломами недавнего времени, которые с каждым годом углубляются и расширяются.

Тобольск.

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ П.П. ЕРШОВ

Угол Почтовой и ул. Симакова

Дом, в котором жил П.П. Ершов. Тобольск. Ул. Ершова, 21 (бывш. Симакова). 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова. До настоящего времени не сохранился

Дом деревянный, одноэтажный. Раньше имелось высокое полуподвальное помещение, нижние венцы которого сгнили, дом сильно осел, т. к. кирпичного фундамента он не имеет. Рублен из толстого хвойного леса, в обло, обшит тесом, внутри побелен. Крыша железная, четырехскатная, стропила наслонные (опираются на стены без затяжек). Полы двойные, окна простые – глухие и створчатые, двери наружные простые, внутренние – филенчатые. Полы, окна и двери окрашены масляной краской. Отпление печное. Сохранились две старинные печи, остальные позднейшего времени[IV]. У большинства комнат сохранились первоначальные потолки. Установленными новыми перегородками некоторые большие комнаты разделены на более мелкие. В дом ведут два входа со двора с закрытыми крылечками. В бывшем главном входе сохранились деревянные круглые колонки с капителями.

[I] *Текст записан от руки карандашом. – Прим. сост.*

[II] *В начале предложения зачеркнуто* «на Чукмане». *– Прим. сост.*

[III] *Слово* «здесь» *вписано чернилами. – Прим. сост.*

[IV] *Словосочетание* «позднейшего времени» *вписано синими чернилами поверх зачеркнутого слова* «переделаны». *Следующее предложение* «Перегородки внизу досчатые» *вычеркнуто. – Прим. сост.*

В доме большая уплотненность – семь квартир. Это[I] ускоряет процесс изнашивания дома и ставит его под угрозу существования[II]. Дом наклонился[III], крыша перегнулась[IV] и проржавела, обшивка почернела[V]. Если оставить дом без поддержания, через несколько лет (2 – 4 года)[VI] он придет в совершенную негодность, и историко-литературный памятник погибнет навсегда[VII].

На доме мемориальная мраморная доска с надписью, что [это] дом П.П. Ершова – автора сказки «Конек-горбунок». Нужно заметить, что дом никогда не[VIII] принадлежал Ершову, последний в нем только временно проживал[3]. Следует внести исправление[IX].

По определению Горкомхоза в 1939 году восстановительная стоимость дома определялась в сумме тринадцати тысяч четырехсот сорока трех руб. 95 коп.; процент технической изношенности – 59. Действительная стоимость строения 5512 руб. 02 коп.[X]

Тобольск.

МОГИЛА МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА ЗНАМЕНСКОГО[4]

Находится на Завальном кладбище, у дорожки, по правую сторону ее, как раз против крыльца двухэтажного кладбищенского дома, в 45 шагах от ворот. Она, вместе с другой могилой, огорожена деревянной, когда-то красивой оградкой, которая в настоящее время разваливается. Длина оградки 3, 55 м, ширина 2, 85 м, высота 1, 40 м. На могиле нет ни памятника, ни надписи. Зато она сильно поросла крапивой и бурьяном. В сев[еро]-вост[очном] углу оградки старый куст бузины с засохшими уже частично ветвями. Чувствуется заброшенность и забытость[5]. Стоящая метрах в трех от оградки старая береза, склонила свои ветви над могилой художника и археолога[XI].

Тобольск.

ЗДАНИЕ Б[ЫВШЕЙ] ГИМНАЗИИ

ул. Розы Люксембург (б[ывшая] Богородская)[XII]

Дом принадлежал[XIII] купцу и фабриканту Василию Корнильеву[XIV]. Дом построен до большого (до 1788 года) пожара, советником Резановым. Впоследствии в нем жил губернатор А.В. Алябьев, и дом этот принадлежал уже Приказу Общественного Призрения.

[I] *Далее вычеркнуто* «еще более». – *Прим. сост.*

[II] *Далее вычеркнуто предложение* «Необходимо Горсовету реализовать свое постановление об обращении дома в музей Ершова». – *Прим. сост.*

[III] *Далее вычеркнуто* «на одну и другую улицы». – *Прим. сост.*

[IV] *Конец предложения вписан от руки синими чернилами над машинописной строкой. – Прим. сост.*

[V] *Далее вычеркнуты предложения:* «Материалы для музея имеются. Но прежде чем приступить к организации в нем музея, необходимо сделать капитальный ремонт. Пока все это еще возможно». – *Прим. сост.*

[VI] *Фраза* «2 – 4 года» *вписана от руки синими чернилами. – Прим. сост.*

[VII] Горсовету надлежит ускорить реализацию своего постановления об обращении дома в музей Ершова, тем более, что материалы для организации музея имеются. Но прежде, чем приступить к организации в нем музея, необходимо произвести капитальный ремонт: подвести кирпичный фундамент, стены перебрать, сохранив во всей полноте первоначальный план. Пока все это еще возможно сделать. – *Прим. А. Палашенкова.– Примечание вписано от руки синими чернилами внизу страницы. – Прим. сост.*

[VIII] *Частица* «не» *вписана от руки синими чернилами. – Прим. сост.*

[IX] *Предложение вписано от руки синими чернилами. – Прим. сост.*

[X] *Ниже запись:* «Обследование произведено 18 ноября [19]40 г. Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

[XI] *Ниже запись:* «Обследовано 22 ноября 1940 г. Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

[XII] *Заголовок сделан от руки синими чернилами наверху листа машинописного текста. – Прим. сост.*

[XIII] *Слово* «принадлежал» *вписано от руки синими чернилами над строкой. Падежные окончания остальных слов в предложении исправлены в соответствии с внесенным в предложение изменением. – Прим. сост.*

[XIV] *Далее зачеркнута фраза* «на б[ывшей] Богородской улице». – *Прим. сост.*

Из окна нижнего этажа дома в детстве упал на двор сын Алябьева[I], впоследствии композитор, автор известного «Соловья», но, как надобно полагать, без особенно вредных последствий, ибо спустя несколько лет он, находясь в военной службе, имел уже чин полковника. В конце 1820-х годов этот самый Алябьев за какое-то преступление был сослан на покаяние в Тобольский Знаменский монастырь. Находясь в Тобольске и обладая значительным музыкальным талантом, он давал по праздникам инструментальные и вокальные концерты. Алябьев назывался «Тобольским Россини» и года через три по прибытии в Сибирь, возвращен был в Россию (Тоб[ольские] Губ[ернские] Вед[омости] за 1864 г. № 45). По выезде А.В. Алябьева (отца) из Тобольска в[II] доме находилось народное училище, а с 1810 г. – губернская гимназия.

В этой гимназии был преподавателем, а затем директором автор народной сказки «Конек-Горбунок» П.П. Ершов. В этой же гимназии обучался знаменитый химик Менделеев[III] и был преподавателем талантливый художник Шелудков, около 20 произведений которого до сих пор сохранилось в[IV] Тобольском музее.

Над балконом этого дома в начале 1800-х годов стоял деревянный бюст Минервы, богини просвещения, вышиною несколько более 1,5 метров[V]. В простонародии он назывался «Венерою» и убран был впоследствии со своего места по причине шалостей гимназистов, бросавших из-за него в проходящий мимо народ камешк[ами] и мелом в темные осенние и весенние вечера[VI]. В 1830-х годах[VII] бюст в полуразрушенном виде валялся под железною кровлею здания гимназии.

Корнильев[VIII] открыл и содержал с 1784 года[IX] в Тобольске типографию, в которой печатались периодические издания: Библиотека для чтения, Иртыш, превращающийся в Ипокрену и Краткое показание о бывших в Сибири городах и острогах, а также о воеводах, губернаторах и прочих чинах. Указом от 25 августа 1749 года Корнильеву, имевшему уже стеклоделательную ф[абри]ку, дозволено было устроить фабрику и для производства хрустальных изделий и с того времени уволить его от платежа на 6 лет, кроме положенных по тарифу. По силе указа 27 июля 1744 г. дозволено ему, Корнильеву, купить деревню с 200 душами. Для постройки помянутой фабрики отвести поблизости Тобольска из пустопорожних земель, без излишества.

В настоящее время дом занят поликлиникой[6]. Фасадная сторона дома лишилась[X] фронтона-подъезда с двумя парами колонн и балконом. Фронтон сильно украшал здание. В общем же состояние здания хорошее[XI].

[I] *Далее автором вписана синими чернилами над строкой фраза* «впоследствии композитор, автор известного «Соловья». – *Прим. сост.*

[II] *Далее вычеркнуто* «нем», *заменено словом* «доме», *вписанным автором от руки синими чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[III] *Далее вычеркнуто начало следующего предложения* «Кроме того, в этой гимназии преподавал», *взамен поставлено словосочетание* «и был преподавателем», *завершающее предыдущее предложение. – Прим. сост.*

[IV] *Далее вставлено слово* «Тобольском» *синими чернилами над строкой – Прим. сост.*

[V] *Первоначально было напечатано* «2 арш[ин]», *вычеркнутое и замененное вписанными над строкой синими чернилами* «1,5 метров». – *Прим. сост.*

[VI] *Далее зачеркнуто начало предложения:* «Пишущий эти строки помнит его уже в полуразрушенном виде валяющимся». – *Прим. сост.*

[VII] *Далее автором вписана синими чернилами над строкой фраза:* «бюст в полуразрушенном виде валялся». – *Прим. сост.*

[VIII] *Далее вычеркнута фраза:* «заслужил признательную память в среде тобольских жителей тем, что», *вписаны от руки синими чернилами над строкой слова* «открыл и содержал». – *Прим. сост.*

[IX] *Далее вычеркнуто слово* «содержал». – *Прим. сост.*

[X] *Далее вычеркнуто:* «колоннады, которая», *вписано синими чернилами над строкой:* «фронтона-подъезда с двумя парами колонн и балконом». *Следующее предложение начато словом* «фронтон», *к которому теперь относится продолжение фразы* «сильно украшал[а] здание». – *Прим. сост.*

[XI] *Ниже запись:* «Обследование произведено в ноябре [19]40 [года]». – *Прим. сост.*

Тобольск.

ЗДАНИЕ ОКРИСПОЛКОМА

Двухэтажный каменный дом[I], построенный купцом Кухдиным[II] в конце XVIII столетия (после 1788 года). Впоследствии дом был приобретен казною для помещения генерал-губернаторов Западной Сибири. Из последних жили здесь Вельяминов, Сулима и кн[язь] Горчаков. В 1839 году кн[язь] Горчаков вместе с Главным Управлением Западной Сибири и корпусным штабом переехал на жительство в гор[од] Омск, и с этого времени означенный дом служил помещением для Тобольских гражданских[III] губернаторов вплоть[IV] до февральской революции[V].

В[VI] 1917 г. дом был предоставлен для пребывания в нем свергнутого с престола царя Николая II с семьей и приближенными[VII]. Дом занимает наилучшее место в подгорной части города. Он поражает своим особенно широким карнизом. Сохранность и состояние дома хорошие, он избежал существенных переделок, если не считать переделки входа, крыльца: из закрытого, с балконом наверху, сделано открытое. В настоящее время дом занят Исполкомом Окружного совета[7].

Тобольск.

ГЛАВНОЕ ЗДАНИЕ БЕЛОЙ БОЛЬНИЦЫ. ГОРА

В 1776 году на горе близ земляного вала заложен был каменный госпиталь, вместо деревянного, находившегося[VIII] с 1750 года в Подчувашском предместье[IX].

Главное здание госпиталя (Белой больницы). Тобольск. 1940 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

[I] *Далее вписано карандашом над строкой* «построенный». – *Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто* «построенный», *вписано карандашом над строкой* «в конце XVIII столетия». – *Прим. сост.*

[III] *Слово вписано автором карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[IV] *Слово вписано автором карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто:* «Обследование произведено в ноябре 1940 года Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

[VI] *Далее текст написан автором от руки карандашом. – Прим. сост.*

[VII] *Далее текст написан автором синими чернилами. – Прим. сост.*

[VIII] *Далее от руки синими чернилами вписана фраза* «с 1750 года». – *Прим. сост.*

[IX] *Далее вычеркнуто из машинописного текста* «с 1750 года». – *Прим. сост.*

Дом трехэтажный, с четырехскатной железной кровлей и небольшим[I] фронтоном на улицу. Нижний этаж[II] украшен рустикой. Позднее с боков к дому сделаны небольшие одноэтажные с двухскатными кровлями жилые каменные пристройки.

Состояние дома хорошее[8]. Занят он с относящейся к нему огромной усадебной площадью, с флигелями, со службами и садом терапевтической больницей имени доктора Тарунина[III].

Тобольск.

ДВОРЕЦ НАМЕСТНИКА[IV]

(Кремль, левая сторона).

В 1780 и последующих 1781 и 1782 гг. начат и кончен постройкою[V] каменный с железной кровлей наместнический дворец, в 3 этажа, длиною 64[VI] и шириною в 26 метров[VII]. В этом доме с открытия Тобольского наместничества, 30 августа 1782 г., существовала тронная зала, пол которой был устлан дорогими коврами; посередине же ее находился трон императр[ицы] Екатерины II. В торжественные дни наместники Тобольские, стоя на нижней ступени трона, принимали у себя представителей городского общества[VIII]. Описание этого трона[IX] имелось в делах Тобольского[X] архива. На устроенном возвышении с несколькими ступенями, покрытом красным сукном, стояло большое императорское кресло, обитое малиновым бархатом и обложенное золотым позументом с такою же бахромою, заспинник кресла обит по бархату спереди в два ряда золотым позументом; посредине российский герб, золотой орел под императорскою короною, сзади же заспинник кресла обложен золотым позументом в один ряд; вокруг всего кресла золотой позумент с такою же бахромою. Покрывало на троне – малинового бархата длиною 4 арш[ина] 3 вершка, а шириною в 3 полосы; по сторонам трона, на кольцах две занавеси из того же бархата, каждая длиною 6 арш[ин] 2 вершка и шириною в 3 полосы; с одного боку и по борту обиты в два ряда золотым с бахромою позументом; при занавесях 8 золотых кистей. Подзор к трону из малинового бархата с позументом и золотою бахромою длиною 9 арш[ин] 7 верш[ков], в одну полосу. Сверху трона расположены: императорская корона, скипетр и держава; российский и прочие провинциальные гербы, все золоченые. Залу украшали портреты: императрицы Екатерины II, наследника Великого князя Павла Петровича с супругою его Мариею Федоровною и сыновьями Великими князьями Александром и Константином Павловичами, в золоченых рамах. Там же находилось медных подсвечников 2-х свечных 18, 1-свечных – 13 и фонарей – 4. Занавеси у окон из разных материй алого, зеленого, голубого и других цветов. В большой пожар 1788 года наместнический дом почти наполовину сгорел. Трон же с принадлежностями его во время пожара был вынесен на площадь и потом хранился в кладовой нижнего этажа погоревшего дома до 21 июня 1791 года, а с этого времени был переведен в кладовую казначейства. По уничтожении Сибирского наместничества в 1799 году, вследствие Высочайшего повеления, генерал-прокурор кн[язь] Куракин обратился к Тобольскому Губернатору Толстому с предложением отправить в Петербург на имя его, кн[язя] Куракина, находящийся в Тобольске императорский трон для доставления по принад-

---

[I] *Слово вписано от руки синими чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто* «разделен», *над строкой синими чернилами вписано* «украшен». – *Прим. сост.*

[III] *Ниже запись:* «Обследование произведено в ноябре [19]40 г. Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

[IV] *Далее вписано синими чернилами под заголовком* «Кремль, левая сторона». – *Прим. сост.*

[V] *Далее вписано синими чернилами словосочетание* «каменный с железной кровлей». – *Прим. сост.*

[VI] *Цифра исправлена синими чернилами, первоначальный вариант неразборчив. – Прим. сост.*

[VII] *Цифра исправлена синими чернилами, первоначальный вариант неразборчив, вписано слово* «метров». – *Прим. сост.*

[VIII] *Далее зачеркнуто начало предложения:* «Заимствуем подробное». – *Прим. сост.*

[IX] *Далее вписано от руки синими чернилами над строкой* «имелось в». – *Прим. сост.*

[X] *Далее вычеркнуто* «губернского». – *Прим. сост.*

лежности; а потому этот последний со всеми его принадлежностями и был отправлен в Петербург с сержантом Тобольской штатной роты Туркиным и 7 июля того же года там получен. Наместнический же дворец был впоследствии возобновлен и 6 декабря 1831 года в помещение его переведены были Губернские присутственные места.

В настоящее время дом занят Медицинским техникумом и татарским педагогическим училищем. Состояние дома хорошее[9].

Тобольск.

ПОКРОВСКАЯ (КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ) ЦЕРКОВЬ

Ул. Карла Маркса

Церковь каменная, с железной кровлей. Построена в 1753 – 1771 годах, в виде корабля. В неразрывной связи с церковью с западной стороны находится колокольня, высоко возвышающаяся над равнинной окрестностью городской окраины.

Здание Покровской (Крестовоздвиженской) церкви. Тобольск. 1940 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Здание двухэтажное. Притвор нижнего этажа устлан квадратными, серого мрамора, плитами. Направо и налево поднимаются лестницы с мраморными же ступенями. В первом этаже – широкий сводчатый верх идет от западной входной двери до алтарной стены. Своды алтаря изукрашены лепкой в виде тяг. Пол деревянный. Над дверной аркой заметна трещина. Дверные полотна железные. Никакой церковной обстановки не сохранилось[I]. Стены побелены. Эта часть здания[II], а также и примыкающий к нему с северной стороны придел заняты складом Рыбтреста. Загружены ящиками от низа до верха. В помещении установлено три временных печи.

Притвором верхней церкви отделяется западное помещение (возможно, бывшая ризница) от собственно церкви. В центральной части[III] церкви возвышается четырехгранник, переходящий в купол, а этот последний – в восьмигранную башенку.

На арке, поддерживающей свод здания, гипсовая лепка. Лепкой же, в виде тяг, украшены внутренние оконные наличники и откосы, а также и алтарные стены. Выше лепного карниза четырехгранника (карниз во многих местах сбит) сохранилась в неприкосновенном виде окраска и гипсовая лепка. На синем фоне, уходящем вверх, четко[IV] выделяются рельефные изображения фигур, религиозные атрибуты, а также и различные орнаменты. На западной стене (посередине ее) в богатой лепной раме –

[I] *Далее зачеркнуто* «нет и живописи». – *Прим. сост.*

[II] *Слово вписано от руки синими чернилами поверх зачеркнутого слова* «храма». – *Прим. сост.*

[III] *Словосочетание* «В центральной части» *вписано от руки синими чернилами поверх зачеркнутого* «В середине». – *Прим. сост.*

[IV] *Далее зачеркнуто* «и приятно». – *Прим. сост.*

изображение (масляными красками) Христа, сидящего[I] на троне, по сторонам его[II] ангелы. По[III] бокам нижней части пышного лепного обрамления[IV] в картушах рельефом дана дата 1792 год[V].

На восточной стене (выше нарядно убранного, в виде креста, окна, над бывшим иконостасом) лепное изображение бога Саваофа[VI] в облаках[VII] и лучами вокруг головы.

На западной части купольного свода, выше изображения Христа[VIII], – четырехконечный крест с терновым венцом на пересечении, по сторонам – коленопреклоненные ангелы. На южной – колонна с сидящим на ней петухом, внизу кувшин и принадлежности[IX] бичевания. На северной – в центре лестница, копье и трость. Над ними [–] пораженное сердце с исходящим от него пламенем.

Угловые части купольного свода, равно как и возвышающаяся над ними восьмигранная башенка, приятно украшены лепным орнаментом.

До весны 1940 года здесь, как и в нижнем этаже, находился консервный склад с большой перегрузкой: на один кв. м приходилось около 2,5 тонн, что, несомненно, угрожало зданию. По освобождении помещения из-под склада, оно отведено было Рыбтрестом под общежитие сезонных рабочих. Для этого здание было оборудовано следующим образом – построены нары в два этажа[X] в целях уплотнения, сделано перекрытие четырехгранника на уровне основных[XI] сводов, устроены временные печи с выводами труб в стены и окна, с полным игнорированием технических правил. В результате[XII] дымом обдымлены наружные стены здания-памятника. Как и в нижнем помещении, отбита внутренняя [от]делка здания, отбиты углы, карнизы. Крыша здания проржавела[XIII] и обветшала[XIV].

С юго-восточной стороны у алтаря, а также с южной[XV] стороны здания проходят трещины. Здесь же, на площади 20 кв[адратных] м[етров] выветрился и осыпался кирпич. В своде, что вверху над левой лестничной площадкой, образовалась трещина, крыша над сводом сорвана. Ступеньки лестницы, ведущей на колокольню, частично обломаны. На площади двух кв[адратных] м[етров] осыпался свод при входе на верхний ярус колокольни. Частично разрушена кладка внизу[XVI] проемов верхнего яруса колокольни. На[XVII] втором ярусе колокольни деревянный настил разобран.

Вся поверхность здания требует побелки. Стекла в оконных переплетах побиты более чем на 50 %. Часть оконных переплетов сгнила, окраска слезла. Водосточные трубы сорваны, вода с крыш льет на стены. С южной стороны к зданию пристроен тесовый сарай. Временного характера сделаны пристройки возле церкви.

[I] *Далее вписано автором от руки синими чернилами над строкой* «на троне». – *Прим. сост.*

[II] *Местоимение вписано от руки синими чернилами поверх зачеркнутого* «которого». – *Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто* «одну и другую стороны», *над строкой синими чернилами вписано* «бокам». – *Прим. сост.*

[IV] *Слово вписано синими чернилами поверх зачеркнутого слова* «киота». – *Прим. сост.*

[V] *Дата обведена синими чернилами, далее в таком же овале обрывок фразы* «июль-ме». – *Прим. сост.*

[VI] *Далее зачеркнуто* «в облаках». – *Прим. сост.*

[VII] *Далее вписана фраза синими чернилами:* «и лучами вокруг головы». – *Прим. сост.*

[VIII] *Фраза* «выше изображения Христа» *вписана автором над строкой синими чернилами.* – *Прим. сост.*

[IX] *Слово* «принадлежности» *вписано от руки синими чернилами поверх зачеркнутого* «атрибуты». – *Прим. сост.*

[X] *Далее вписано автором от руки синими чернилами над строкой* «в целях уплотнения». – *Прим. сост.*

[XI] *Слово вписано синими чернилами над строкой.* – *Прим. сост.*

[XII] *Слово* «в результате» *вписано автором вручную синими чернилами.* – *Прим. сост.*

[XIII] *Слово* «проржавела» *вписано синими чернилами поверх зачеркнутого* «прогорела». – *Прим. сост.*

[XIV] *Далее зачеркнуто* «оборваны не только отдельные листы, но и целое звено площадью в 10 кв[адратных] м[етров]. Яблоки у крестов проржавели насквозь». – *Прим. сост.*

[XV] *Далее зачеркнуто* «в храме», *вписано синими чернилами над строкой:* «стороны здания» – *Прим. сост.*

[XVI] *Слово вписано вручную синими чернилами поверх зачеркнутого* «барьеров». – *Прим. сост.*

[XVII] *Далее зачеркнуто «верху первого», вписано синими чернилами над строкой* «втором». – *Прим. сост.*

28 сентября 1940 года здание б[ывшей] Покровской церкви по договору передано обществу слепых для организации учебно-производственной школы[10].

До последнего времени на стене здания сохранилась надпись об одном из страшных и разрушительных наводнений, случившегося в 1784 году. Вода поднялась на 11 аршин 7,5 вершков и затопила почти всю подгорную часть Тобольска[I].

«В год двадесят второй владения царицы
Второй Екатерины и всех императрицы,
Когда исчез снег, и лед прошел весной,
Тогда случился здесь разлив великий водяной,
В прежни годы хотя вода и разливалась,
Но церковь вся сухою оставалась,
А сей воды разлив мочил весь низ,
И только выше сих стихов был сух карниз.
Стихи сии написаны для той причины,
Чтоб сей водой разлив всяк помнил
До кончины»[II].

Тобольск.

ДОМ КРИВЦОВОЙ[III].
Сталинская улица (б[ывшая]
Благовещенская[IV])

Дом[V] построен около 1760 г., принадлежал купцам Владимировым[VI]. Владимировы были природные джунгары, бежавшие в 1757 году, во время разгромления Джунгарии китайцами, в Тару, где и приняли вместе с православием русское подданство. Записавшись в Тарское[VII] купеческое сословие, они вскоре затем переехали на жительство в г. Тобольск. После большого пожара, истребившего две трети города в 1788 г., в этом доме помещалась казенная аптека, а впоследствии один из братьев Владимировых, Прокопий, и окончательно продал его под аптеку[VIII] за 10 600 рублей ассигнациями. Впоследствии дом этот перешел к вдове подполковнице Кривцовой, фамилия которой и укоренилась за домом до настоящего времени[IX].

Дом[X] каменный, с железной кровлей, трехэтажный. Уцелели красивые оконные наличники, и вообще дом не подвергся видоизменению: сохранился в основных и характерных для него первоначальных архитектурных формах. Дом содержится в должном состоянии. Занят Райкомом ВКП(б).

[I] *Ниже запись:* «Обследование произведено 14 ноября 1940 года Палашенковым А.Ф.». *В верхнем правом углу идентичного текста, посвященного Покровской (Крестовоздвиженской) церкви, размещенного на Л. 88 – 89 об. работы* «Архитектурные и исторические памятники в Омске, Тобольске и Тюмени», *запись карандашом:* «состоит на Госучете». – *Прим. сост.*

[II] *Запись стихотворения сделана автором от руки синими чернилами поверх последних строк машинописного текста. – Прим. сост.*

[III] *Заглавие* «Дом Кривцовой» *вписано от руки синими чернилами поверх следующего текста. – Прим. сост.*

[IV] *Уточнение заглавия* «б[ывшая] Благовещенская» *вписано от руки синими чернилами. – Прим. сост.*

[V] *Начало предложения* «На б[ывшей] Благовещенской улице трехэтажный» *зачеркнуто, далее зачеркнуто слово* «Владимировых»после слова «дом», *сохранившегося в окончательном варианте. – Прим. сост.*

[VI] *Далее зачеркнуто* «и находился на Благовещенской улице». – *Прим. сост.*

[VII] *Далее вписано от руки синими чернилами над строкой слово* «купеческое». – *Прим. сост.*

[VIII] *Зачеркнуто слово* «ону», *над строкой от руки синими чернилами вписано* «аптеку». – *Прим. сост.*

[IX] *В предложение внесены изменения от руки синими чернилами. Первоначальный вариант:* «Ныне этот дом принадлежит вдове подполковнице Кривцовой». *Далее зачеркнуто предложение* «В настоящее время дом занят Райкомом ВКП(б)». – *Прим. сост.*

[X] *Далее текст написан от руки синими чернилами. – Прим. сост.*

Тобольск.

Б[ывшая] Михайло-Архангельская церковь[I]

Здание Михайло-Архангельской церкви. Тобольск. 1940 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Церковь и находящаяся с ней в единой архитектурной связи колокольня построены во II половине XVIII века. Здание каменное, крыша железная. Церковь приняла излюбленный декоративный прием церквей своего времени, именно: обработку стен основного четверика полуциркульными фронтонами и довольно широким карнизом, а также угловые пилястры; приятно орнаментированные оконные наличники.

На здании сказывается влияние московской архитектуры: по обеим сторонам четверикового притвора поднимаются на второй этаж крыльца, на арочных проемах. Данный тип крыльца наиболее архаичен и стоит в непосредственной связи с крыльцами, встречающимися в шатровых храмах (с[ело] Коломенское под Москвой, церковь б[ывшего] Болдинского монастыря).

Вокруг церкви каменная ограда с узорными железными пряслами, исполненными, как надо полагать, по рисунку художника-археолога М.С. Знаменского.

Церковь и вся площадь огорожены. Находится в пользовании Дома пионера и школьника.

Сохранность и состояние здания хорошие[11]. Разваливается западная часть ограды[II].

Тобольск.

Б[ывшая] Богородская церковь

Здание в основе построено в 1683 году и по своему архитектурному оформлению фасадов, как общим композиционным, так и детальным представляет сооружение русского народного творчества (одно из старейших каменных сооружений в городе).

Интересными и характерными, с оттенком монгольского влияния, являются покрытия средней, высокой части и верхнего восьмигранного завершения восточного фасада здания.

Интересна по своей архитектуре находящаяся у церкви колокольня XVII века с шатровым покрытием, имеющим три ряда слухов и характерным построением нижних ярусов.

Здание Богородской церкви. Тобольск. 1940 г. До настоящего времени не сохранилось

[I] *В верхнем правом углу листа запись карандашом:* «Не состоят на учете». – *Прим. сост.*

[II] *Ниже запись:* «Обследование произведено в ноябре 1940 года Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

Здание требует капитального ремонта крыши, а также подмуровки и побелки стен. Пользователи здания совершенно игнорируют поддержание его, обращаются с памятником, как с ненужным хламом[12].

Отменно интересная кирпичная ограда вокруг здания сломана[I].

Тюмень.

СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ

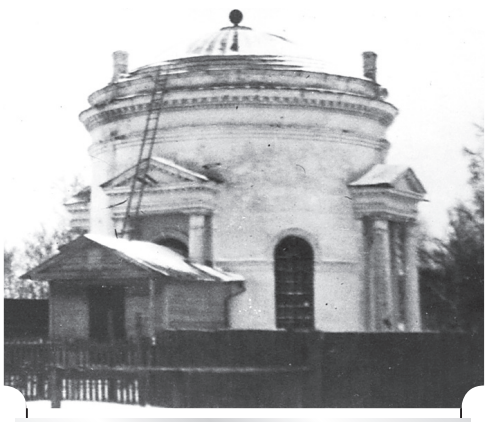
Ул. Ленина

Здание церкви построено в XVIII веке. В конце 19 столетия с западной стороны к нему сделана пристройка. Состояние здания удовлетворительное. В нем размещается городская библиотека и архив. Здание с 1922 г. состоит на Госучете[13]. В 1936 г. проведена перерегистрация. Ходят слухи, что в настоящее время оно снято с Госучета[II].

Тюмень.

КЛАДБИЩЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Каменная, круглая, с фронтонами со всех четырех сторон. С западной стороны большое закрытое крыльцо-притвор, позднейшего сооружения, портящий вид здания. Общее состояние здания хорошее[14]. Передано в распоряжение больницы, которая намечает использовать [его] под покойницкую[III].



Здание Кладбищенской церкви. Тюмень. 1940 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Тюмень.

ДОМ ПО УЛИЦЕ 25 ОКТЯБРЯ

Дом построен в классическом стиле и является единственным в этом роде памятником в городе[15]. Сохранность дома хорошая. Раньше по сторонам его были стильные ворота в классических формах. В настоящее время ворота сломаны. На их месте деревянный забор с деревянными же воротами. Дом занят училищем слепых[IV].

Тюмень.

ЗДАНИЕ Б[ЫВШЕЙ] ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ

Ул. Республики, д. № 3

Дом каменный двухэтажный с подвальным сводчатым помещением; кровля двухскатная железная. Фасадная сторона, выходящая на улицу Республики, украшена колоннами и парапетом, на котором большой циферблат (громадных размеров ручной работы часовой механизм помещается внутри помещения, где находится и башенка для часовых гирь). Перед входной дверью высоко приподнятая площадка, на которую ведет многоступенчатый лестничный подход. Над крышей здания высоко приподнимается деревянная с балконом пожарная вышка, вход на которую по лестнице у задней стены здания. Вышка используется пожарной охраной, дом – Тюменским музеем. Первый и второй этажи – выставочные залы и библиотеки музея. Полуподвальное помещение – квартира и склад[16].

Здание отличается отменной прочностью. Требуется наружный ремонт – частичная штукатурка, побелка стен и окраска крыши.

[I] *Предложение написано от руки карандашом. Ниже запись:* «Обследование произведено в ноябре 1940 года Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

[II] *Ниже запись:* «Обследовано 25 ноября 1940 г. Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

[III] *Ниже запись:* «Обследовано 25 ноября 1940 г. Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

[IV] *Ниже запись:* «Обследовано 25 ноября 1940 г. Палашенковым А.Ф.». – *Прим. сост.*

Докладная записка о состоянии памятников старины и революции в Тобольске в Исполком Омского Областного Совета Депутатов трудящихся[1]

10 декабря 1942 г.

Тобольск[I], основанный в 1587 году, является старейшим русским городом в Сибири, и вплоть до второй четверти XIX столетия занимал положение первого и главного города ее.

Вся история Сибири теснейшим образом связана с Тобольском и не проходило ни одного сколько-нибудь заметного общественного, политического или культурного события в Сибири мимо этого города.

Через Тобольск шел колонизационный поток, отсюда направлялось военное, гражданское, торговое движение, делавшее город экономическим и политическим центром всего Зауралья.

Тобольск [–] в прошлом центр материального угнетения и духовного порабощения народов Сибири, распределительный центр суровой Сибирской каторги и ссылки.

В кандалах и тюрьмах здесь сгорала жизнь лучших сынов родины, боровшихся с царским самодержавием и капиталистическим гнетом.

В XVII и XVIII веках сюда ссылались участники крестьянских восстаний. В 1790 году в Тобольске в течение 7 месяцев находился автор «Путешествия из Петербурга в Москву» – РАДИЩЕВ[II].

После восстания 14 декабря 1825 года Тобольск был местом длительного пребывания декабристов. Здесь в 1850 году томились в тюрьме Петрашевцы, в 1851 г. МИХАЙЛОВ, в 1864 г. – ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, в 1880 – 1881 годах КОРОЛЕНКО.

С конца XIX столетия сюда отправились на каторгу и ссылку участники рабочего движения.

Тобольск – родина знаменитого химика МЕНДЕЛЕЕВА, композитора АЛЯБЬЕВА – творца известного «Соловья», родина художника ПЕРОВА. Здесь жил, работал и умер ЕРШОВ – автор прославленной сказки «Конек-Горбунок», а также и многие другие, кто влагал вклад[III] в культурную мировую сокровищницу.

В 1791 году сосланный сюда СУМАРОКОВ издал журналы – «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» – первый провинциальный журнал в России.

[I] *Текст докладной записки предваряет обращение:* «Исполкому Омского Областного Совета Депутатов трудящихся Директора Омского областного музея А. Палашенкова». – *Прим. сост.*

[II] *Здесь и далее выделено автором. – Прим. сост.*

[III] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

Будучи главным городом Сибири, Тобольск невольно впитывал в себя культурное достояние ушедших веков.

Сюда, на Север, через Урал из Москвы, Киева и иных городов и земель лился творческий поток.

Безыменные мастера, впитавшие в себя лучшие архитектурные традиции, оставили здесь ряд редких, а для Сибири единственных памятников зодчества.

Тобольск – яркая страница ушедшей жизни. Все будит здесь воспоминания прошлого гнетущего и мрачного, с одной стороны, талантливого и творческого – с другой.

На относительно небольшой территории Тобольского Кремля сохранились разные по назначению и характеру памятники старого строительства, дающие в целом стройный архитектурный ансамбль.

Древнее военное зодчество выявлено живописно расположенными на высоком (более 50 метров) горном берегу тремя уцелевшими крепостными башнями и пряслом каменной стены, построены[ми] военнопленными шведами в 1714 – [17]16 гг.

Ярче представлено зодчество церковное.

Здесь высятся б[ывший] Успенский собор – первое каменное сооружение [в] Сибири, относящееся к 1682 – 1686 гг. Покровский собор, середины XVIII века, стройная пятиярусная колокольня в 70 метров высоты 1782 г., ворота каменные – середины XVIII в., наконец, памятник середины XIX века – колоколенка, на которой висел сосланный в Тобольск после наказания плетьми и усечения уха известный Угличский колокол[2].

Из зодчества гражданского в Кремле сосредоточены[I]: замечательный исторический архитектурный памятник [по]стройки 1702 – 1704 гг. меновой (гостиный) двор (впоследствии – приказ о ссыльных)[II], Шведская башня – 1714 – 1716 гг., здания бывшей духовной консистории, архиерейский дом, корпус № 2, датируемые XVIII веком и, наконец, две четырехугольных башни, построенных на месте крепостных в 40-х годах XIX столетия.

Но не только территория Кремля является носителем памятников истории и архитектуры. В разных местах города разбросан ряд ценнейших исторических объектов:

Бывш[ая] Покровская церковь, построенная в 1763 г. Состоит на Гос[ударственной] централизованной охране.

Бывш[ая] Захарьевская церковь, сооружение которой относится ко второй половине XVIII в.

Бывш[ая] Богородская церковь, постройка основного здания которой относится к последней четверти XVII столетия.

Бывш[ая] Михайло-Архангельская церковь, построенная в 1765 г., с прекрасной железной оградой вокруг.

Каменное здание бывшего госпиталя, построенное в 1776 г. близ земляного вала. В настоящее время здание занято терапевтической больницей имени доктора Тарунина.

Бывш[ий] дворец наместника XVIII в., расположенный на горе по левую сторону Прямского взвоза.

Бывш[ий] губернаторский дом последней четверти XVIII в., занимаемый в настоящее время Окрисполкомом.

Здание бывшей гимназии, в стенах которой воспитывался знаменитый химик МЕНДЕЛЕЕВ и где работал автор сказки «Конек-Горбунок» П.П. ЕРШОВ, ныне городская поликлиника.

Бывш[ий] дом КРИВЦОВОЙ, построенный около 1770 г. Занят Райкомом ВКП(б).

Дом, в котором жил автор сказки «Конек-Горбунок» П.П. ЕРШОВ.

Бывш[ий] дом декабриста ФОНВИЗИНА[3].

Дом, в котором жил украинский поэт-революционер П.А. ГРАБОВСКИЙ[4].

Дом, где в 1905 году находилась подпольная типография.

[I] *Окончание слова* «сосредоточены» *и последующее двоеточие вставлены черными чернилами от руки. – Прим. сост.*

[II] *Скобки вставлены от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

Дом, в котором находился Первый Тобольский Совет Раб[очих] и Солд[атских] депутатов. Занят Отделением Гос[ударственного] банка.

Памятник Ермаку, сооруженный в 1839 году.

Ворота при входе в бывш[ий] Сад ЕРМАКА. Сооружены из пушек, оставшихся в Тобольске со времени Крымской войны, когда их везли на Камчатку для отражения английского десанта.

Могилы на Завальном кладбище декабристов: Муравьева А.М., Вольфа, Башмакова, Барятинского, Кюхельбекера, Семенова и Краснокутского; сибирского историка Словцова П.А., автора сказки «Конек-Горбунок» П.П. Ершова; художника и местного историка ЗНАМЕНСКОГО М.С., украинского поэта – Грабовского[I], революционера КОСТЮРИНА В.Ф., братские могилы погибших во время колчаковщины и белогвардейского восстания в 1921 г.

Могила Тринадцати повешенных в Тобольской каторжной тюрьме в 1908 г.[5]

Земляной вал-укрепление, сооруженный в XVII столетии.

Мыс Чукман – древнее городище, с находящимся на нем памятником ЕРМАКУ и братскими могилами.

Нет сомнений, имеются и другие еще не выявленные памятники в городе.

В отношении познания прошлого Тобольск для Сибири – это Новгород, Смоленск, Псков, Москва для Европейской части РСФСР, Киев для Украины, Самарканд для Узбекистана.

Значимость Тобольских памятников старины и революции в особенности возросла в настоящее время, когда ряд редчайших произведений Европейской части нашей страны предан огню и мечу диких гитлеровских разбойничьих орд, поставивших целью стереть все то великое, что дал русский народ, дали народы Советского Союза.

Постановлением Совнаркома РСФСР[II] от 11-го июля 1939 года значительная часть памятников гор[ода] Тобольска взята на государственную централизованную охрану. Но как взятые на Госохрану, так и памятники местного значения были и остаются пока в полном небрежении и невнимании не только со стороны отдельных лиц и учреждений, но и Городского Совета в целом. Более того, имели место действия и распоряжения местного Совета, явно направленные на уничтожение и разрушение памятников. Так, в бывш[ей] Богородской и Никольской церквах, несмотря на протесты со стороны органов НКПроса, были организованы гаражи, в результате чего оба замечательных архитектурных памятника погибли.

Богородская церковь, начало постройки которой относится к 1683 году (второй по времени памятник каменного зодчества в Сибири), по своему архитектурному оформлению фасадов, как общим композиционным, так и детальным, представляла сооружение русского народного творчества с оттенками (в интересных покрытиях средней высокой части и в верхнем восьмигранном завершении восточного фасада здания) монгольского влияния.

В ночь на 30 июля т[екущего] г[ода] этот памятник (состоял на Гос[ударственной] централизованной охране) рухнул, и в настоящее время на его месте груда развалин. Окружавшая церковь отменно живописная ограда была разобрана раньше.

Бывш[ая] Никольская церковь, построенная в XVIII веке. Она носила в себе все характерные черты каменного зодчества своего времени. Рухнуло здание в 1939 году, будучи предварительно лишено части капитальных стен. Отдельные кирпичи, сцементированные глыбы разрушенных стен, торчащие из-под развалин железные связи, кованого железа двери и т. п. – вот то, что осталось от памятника, при взгляде на который нельзя было не проникнуться уважением к его безымянным строителям – великим талантам русского народа.

[I] *Фамилия* «Грабовского» *вписана от руки черными чернилами поверх фрагмента текста машинописи, часть следующего слова* «революю» *также вписана чернилами. – Прим. сост.*

[II] *Фрагмент аббревиатуры* «РСФСР» – «ФСР» – *вписан от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

Разобран ряд памятников древнего зодчества, в том числе бывш[ая] Ильинская церковь, богатая в отделке архитектурных деталей и внутреннему оформлению.

Не проявляется должного внимания со стороны Городского Совета и местного музея и к уцелевшим памятникам, в том числе к Кремлю, объявлено[му], как уже отмечалось, СНК историческим заповедником.

Территория Кремля замусорена, часть деревьев уничтожена, оставшиеся обречены на гибель. У алтарной апсиды бывш[его] Успенского собора валяются части надгробного памятника позднейшего времени. Всюду обломки кирпича и куски штукатурки. Нет пояснительных надписей на памятниках, зато на всех их лежит печать заброшенности и следы большего или меньшего разрушения[I] всесокрушающего времени и человеческих рук.

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ

НИЗКАЯ ШАТРОВАЯ КРУГЛАЯ БАШНЯ[II]

Построена в 1714 – 1716 гг. Стены кирпичные, толщиной в 1,10 м. Внутренний диаметр башни 5,65 м, наружный 7,85 м. Первый этаж перекрывается куполообразным сводом, высота от пола до свода 4,50 м. Перекрытием второго этажа служит деревянный шатер, высотой от верхних рядов кладки до конца шатра 5,70 м. В башне находятся четыре сквозных (шириной до 2-х см) трещины, идущие вертикально по стенам от верха до низа. Трещины расположены в восточной, северной и западной сторонах башни. С южной стороны местами осыпалась кладка. Башня имеет наклон к северу, сантиметров до 20-ти. Тесовое покрытие шатра и стропила[III] пришли[IV] в ветхость.

Башня используется в качестве хлева.

Сырость и навоз губительно отражаются на сохранности памятника.

ЮЖНАЯ ШАТРОВАЯ КРУГЛАЯ БАШНЯ

Построена в 1714 – 1716 гг. Стены башни кирпичные, толщина их в I-м этаже – 1,25 м, во втором – 1,05 м. Внутренний диаметр I-го этажа – 6,40 м, 2 –го этажа – 6,80 м; наружный диаметр 8,90 м. Высота стен с внешней стороны равна 12-ти метрам. Увенчивается башня 12-тигранным кирпичным шатром, высотой в 6 метр[ов].

В башне от верха до низа кладки, вдоль стен, идут сквозные три трещины (до 3 см шириной), расположенные на западной, северной и восточной сторонах. В первом этаже с северной стороны часть куполообразного свода настолько расщелилась, что грозит выпадением кирпичей и обвалом свода. Связи в стенах 2-го этажа отсутствуют, от них остались только крючья, замурованные в кладке. Тесового покрытия на шатре нет. Кирпичная кладка с внутренней и наружной сторон местами осыпалась. Существовавшие ранее бойницы заложены.

Первый этаж башни используется в качестве хлева, второй служит сеновалом.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ КРУГЛАЯ БАШНЯ

Построена в 1714 – 1716 гг. Стены башни кирпичные, толщина их в I-м этаже – 1,25 м, во 2-м – 1,10 м. Внутренний диаметр I-го этажа равен 4,65 м, второго – 4,95 м; наружный диаметр башни 7,15 м. Высота стен 11 метров. Стены башни имеют незначительные трещины; бойницы заложены; вместо пола служит временный деревянный настил; шатра и шатрового перекрытия нет. Верхний этаж представляет из себя позднейшую

[I] *Далее часть слова записана от руки черными чернилами:* «всесокрушающего». *– Прим. сост.*

[II] *Слово* «башня» *вставлено от руки над строкой черными чернилами. – Прим. сост.*

[III] *Окончание слова* «стропила» *дописано от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

[IV] *Окончание слова* «пришли» *дописано от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

Круглая восточная башня Тобольского кремля. 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

надстройку с четырьмя громадного размера проемами с арочным верхом. Внизу стен небольшие осыпи кладки. Полом 2-го этажа служит куполообразный свод.

До 1939 г. в башне был хлев. В настоящее время помещение башни свободно.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ КРУГЛАЯ БАШНЯ

Построена в 1714 – 1716 гг. От башни остались фундамент, возвышающийся над поверхностью земли до 0,5 метра и часть стен высотой около 2-х метров.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНАЯ БАШНЯ

Постройка башни относится к 40-м гг. XIX столетия. Стены кирпичные, толщиной 0,6 м; площадь равна 4,90 × 4,90 м; кровля тесовая, шатром. Шатер увенчивается яблоком со шпилем и флюгером. Общая высота башни с флюгером 12,2 м, высота кирпичных стен 6 метров. С северной стороны башни стена имеет трещину в вертикальном направлении, шириной в 1 см; по углам стен и порогов кирпичная кладка разрушилась; переплетов в оконных проемах и пола нет; покрытия и стропила прогнили.

Башня обращена в свалку музейного оборудования.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНАЯ БАШНЯ

Постройка башни относится к 40-м г[одам] XIX столетия. Площадь основания башни равна 1,90 × 6,20; стены кирпичные, толщиной в 0,6 м; высота стен 5,50 м. В архитектурном отношении башня тождественна с предыдущей.

По углам и стенам местами выкрошилась кирпичная кладка; имеются трещины под проемами; оконных переплетов и дверных полотен нет; стропила и покрытие шатра пришли в ветхое состояние, перекрытие почти сгнило.

Башня не используется.

СТЕНЫ КРЕМЛЯ

Сложены из кирпича. Средняя толщина стен равна 1,20 м, высота 4,60 м. Общее протяжение стен 183 м. Первоначальной кладки стена уцелела на протяжении 51 м (между круглой и четырехугольной юго-восточной башнями). Для прочности и устойчивости стены с внешней стороны [возведены] контрфорсы. На расстоянии 19 м от круглой башни в стене сделаны арочные ворота, шириной 2,25 м и высотой 2,65 м. Постройка данного прясла стены относится к 1714 – 1716 гг., остальные стены возведены в конце XVIII столетия.

От ворот по направлению к четырехугольной башне древняя стена имеет небольшой наклон. Кроме того, в стене имеются трещины от верха до земли. Верхние части контрфорсов находятся в полуразрушенном состоянии; двухскатный кирпичный верх стены местами обрушился, низ стен в отдельных местах осыпался.

БЫВШИЙ УСПЕНСКО-СОФИЙСКИЙ СОБОР

Первое каменное сооружение в Сибири. Построен в 1682 – 1686 гг. Здание кирпичное, одноэтажное, с двойным освещением. В плане имеет вид прямоугольника с 3-мя

выступающими с восточной стороны полукружиями (апсидами). Толщина наружных стен 2,10 м; кровля железная, шатровая. Собор четырехстолпный. К северной стороне его пристроен кирпичный одноэтажный Ивано-Златоустовский предел.

Высота центральной части здания 28 м, боковых частей – 16,0 м. Перекрытия кирпичные, сводчатые, полы из метлахских плиток на 60% разобранные.

Общее состояние основных конструктивных элементов Собора хорошее.

В западной части собора имеются деревянные хоры, с разобранным полом. В южной и северной частях здания находится около 20 шт[ук] деревянных балок, заделанных концами в кирпичные стены и столбы здания. Имеются выбоины в наружных стенах. Во многих местах отбиты архитектурные кирпичные украшения, как-то: наличники у окон и дверей. Внутри здания местами отбиты лепные тяги, снаружи обвалилась штукатурка карнизов у апсид и у здания в нескольких местах. Под юго-восточной апсидой имеется небольшое (3×4,0 м) подвальное полуразрушенное помещение. В полуразрушенном состоянии находится широкое кирпичное крыльцо с западной стороны здания.

Наружная побелка здания загрязнена и смыта как на стенах здания, так и на стенах куполов. Верхушки куполов сбиты, в покрытии главного центрального купола имеются пробитые[I] листы железа.

До 1939 г. здание собора служило зерноскладом. В настоящее время свободно.

РИЗНИЦА

Постройка относится ко II половине XVIII в.: здание кирпичное, двухэтажное; в плане имеет вид четырехугольника. Толщина наружных стен 1,20 м; кровля железная, шатровая. Здание вплотную примыкает к Успенскому Собору и делится в I-м и во II-м этажах внутренней кирпичной капитальной стеной, толщина которой в I-м этаже 1,75 м, во II-м 0,80 м. Высота I-го этажа 4,75 м, высота II-го этажа 4,70 м.

Перекрытие над обоими этажами кирпичное, сводчатое; полы в жилой части деревянные, в проходной части – в I-м этаже – цементные, во II-м этаже – кирпичные.

Общее состояние основных конструктивных элементов здания хорошее, за исключением кровли, которая на 50% совершенно раскрыта и железо изъято.

Над входом с восточной стороны здания в стене имеется небольшая[II] трещина, около дверных проемов выкрошилась местами кирпичная кладка, имеются также выбоины небольших размеров в наружной стене. Побелка снаружи загрязнена и осыпалась; пол в жилой части хороший, в проходной части I-го и во II-го этажей требует ремонта на 25 – 50 %. Оконные проемы в I-м и во II-м этажах частично заложены кирпичом, переплеты не соответствуют оконным проемам.

Здание занято под общежитие работников Мелиоводстроя.

ПОКРОВСКИЙ (ЗИМНИЙ) СОБОР

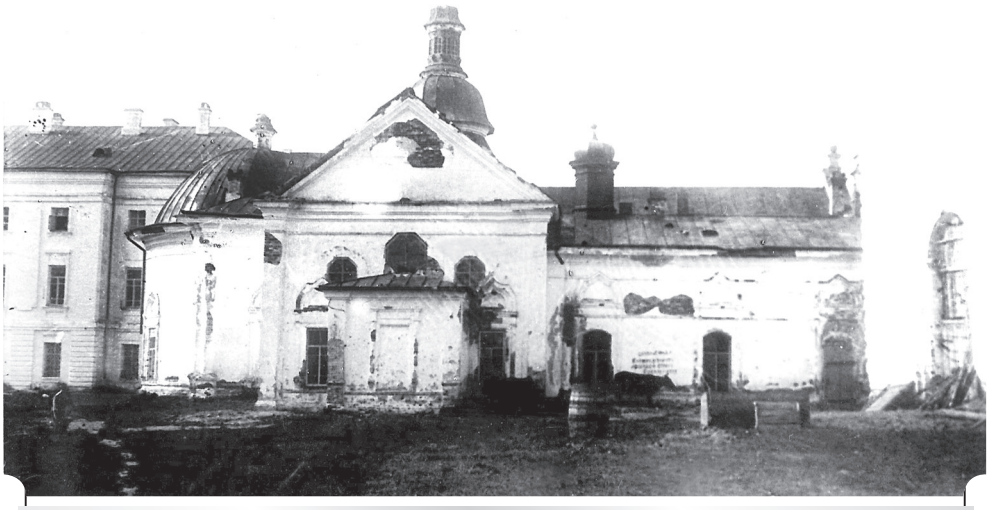
Постройка здания относится к середине XVIII века. Здание собора одноэтажное, кирпичное, в плане имеет вид креста с полукруглой апсидой с восточной стороны. Толщина наружных стен 1,05 и 1,70 м. Кровля железная, шатровая. К северной стене основного здания пристроен кирпичный одноэтажный Антониевский предел; к юго-западной части основного здания пристроены жилые одноэтажные кирпичные помещения. Кроме того, к торцовым стенам северного и южного крыла основного здания пристроены кирпичные тамбура. Высота основного здания в западной части 4,30 м и в центральной части 6,55 м. Перекрытие над всем зданием кирпичное, сводчатое, полы деревянные.

Общее состояние основных конструктивных элементов здания хорошее.

Железная кровля и покрытие куполов нуждается в частичной смене железа. Верхушки куполов сбиты. Имеются выбоины в наружных кирпичных стенах, особенно пострадала

[I] *Приставка в слове* «пробитые» *вписана от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

[II] *Далее слово* «трещина» *вписано от руки черными чернилами над строкой. – Прим. сост.*



Покровский собор Тобольского кремля. 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

цокольная часть здания, выложенная[I] у апсиды из специального фасонного кирпича. Значительно разрушен и осыпался оштукатуренный подшивной карниз, разрушены местами наличники у окон и дверей, выложенные из тесового кирпича. Штукатурка и побелка снаружи здания загрязнена и частично отвалилась. С южной стороны апсиды имеется вход в большой подвал с кирпичными стенами и сводчатыми перекрытиями, в котором стоят три больших размеров печи. Высота подвала – 2,50 м. Состояние стен и сводов подвала хорошее, частичному разрушению подвергнут только вход и спуск в подвал.

До 1939 г. в помещении собора была столовая. В настоящее время в нем временно размещена организованная Тобольским райзо сельскохозяйственная выставка[II].

КОЛОКОЛЬНЯ

Постройка относится к концу XVIII в. Здание кирпичное, о пяти ярусах, общей высотой 70,0 м. В плане имеет вид квадрата. Внутри по всем четырем углам здания имеются круглые кирпичные башни, идущие во всю высоту 3-х ярусов здания. Высота I-го яруса 15,50 м, II-го – 13,40 м. В восточной стене первого яруса открытая высокая арка, такая же арка в западной стене (в настоящее время она заложена кирпичом). Во II-м ярусе во всех 4-х стенах имеются стройные высокие арки с кирпичными барьерами. Барьер в арке, выходящей на восток, в данный момент разобран. По верху второго яруса уложены заделанные концами в наружные стены здания деревянные армированные железом балки для колоколов. Третий ярус тождественен II-му, только меньше по размерам. Четвертый ярус невысокий. Над четвертым ярусом возвышается пятый ярус, представляющий из себя легкую башенку с полуциркульными окнами. Толщина стен первого яруса 1,70 м. Перекрытия над всеми ярусами кирпичные, сводчатые. Кирпичные полы местами выкрошились, сбиты ступени лестницы, ведущей на III–й ярус. Взорвано несколько листов железа на кровле здания[III], также местами сорвано, а местами совершенно испорчено железное покрытие на выступающих по стенам колокольни частях. В I-м ярусе разобран пол и вырыта яма.

[I] *Далее предлог вставлен от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

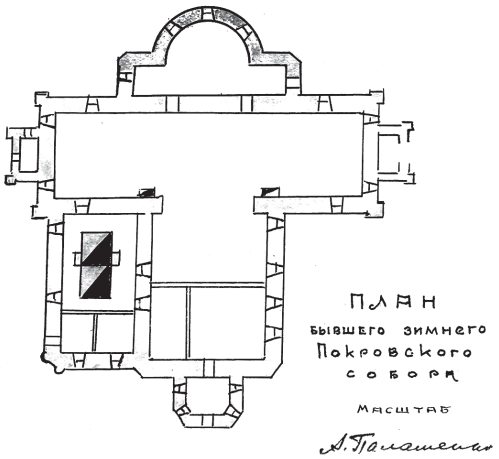
[II] План бывшего зимнего Покровского собора. *Рисунок сделан автором от руки черными чернилами. Отдельные фрагменты плана собора закрашены бледно-красной (акварель) и черной (чернила) краской. В правом нижнем углу плана подпись А.Ф. Палашенкова синими чернилами. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена, вероятно, по итогам осмотра памятника архитектуры в 1938 г. – Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнута фраза* «и почти сплошной». *– Прим. сост.*

В стенах снаружи выбоины, особенно значительные у основания здания. Имеются также трещины по углам второго яруса. Побелка загрязнена и осыпалась.

Колокольня дала незначительный наклон на восток.

В данное время нижний ярус колокольни занят мешко-тарой, на третьем ярусе устроена пожарная вышка.



План бывшего зимнего Покровского собора в г. Тобольске, составленный А.Ф. Палашенковым. 1938 г.

КОЛОКОЛЕНКА

Постройка относится к 40-м г[одам] XIX столетия. Здание колоколенки кирпичное, в плане имеет вид правильного четырехугольника. Стены нижней части имеют арки, частично заложенные в настоящее время. Верхняя часть колоколенки состоит из четырех угловых кирпичных столбов, на которых возведена четырехскатная железная кровля. Общая высота башни с крышей 7,15 м.

В архитектурном отношении колоколенка совершенно не заслуживает внимания, ценность ее – историческая. На ней висел известный Угличский колокол[I], который, как отмечалось,[II] по усечении уха и наказании плетьми в 1593 году был сослан в Сибирь.

Нижняя часть колоколенки используется в качестве хлева.

КАМЕННЫЕ СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА

Постройка относится к XVIII веку. Ворота представляют довольно внушительное кирпичное сооружение, высотой в 8,80 м. Завершаются они щитом с тремя маковками.

Поле щита украшалось лепкой и кирпичной отделкой. Толщина стен ворот – 3,85 м, высота арки – 3,30 м, ширина – 3,95 м. В юго-восточной части ворот – ниша с полукруглым верхом. По периметру арки с северной стороны выложенный из тесового кирпича карниз.

В цокольной части ворот большие выбоины; железное покрытие сорвано, штукатурка осыпалась, лента на щите обвалилась, полотна не сохранились.

МЕНОВОЙ (ГОСТИНЫЙ) ДВОР[III]

Постройка 1702 – 1706 гг. Здание кирпичное, двухэтажное, в плане имеет вид прямоугольника с расположенными по углам круглого сечения башенками с шатровым покрытием и декоративными зубцами поверх стен. Толщина наружных стен 1,0 м, внутренних 0,9 м. Междуэтажное перекрытие над I-м этажом сводчатое. Полы деревянные, чердачное перекрытие в западной и восточной частях здания плоское – деревянное. Полы I-го этажа в западной части деревянные, в восточной – кирпичные.

Некоторые своды подвального помещения обрушились; фундаменты под наружными и внутренними стенами дали большие трещины и в некоторых местах начинается обрушение фундаментов. Западная стена дворового фасада значительно выпятилась. Деревянные перекрытия второго этажа, в западной и в восточной частях здания, провисли, штукатурка потрескалась и частью обрушилась. Контрфорсы, поддерживающие восточную стену со стороны двора (к югу и северу), совершенно разрушены;

[I] *Далее вписано от руки черными чернилами слово* «который» *над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Далее затерт фрагмент машинописного текста. – Прим. сост.*

[III] *Слово* «двор» *вписано от руки черными чернилами поверх затертого фрагмента машинописного текста. – Прим. сост.*

осыпалась местами кирпичная кладка стен; в куполообразных сводах башен имеются трещины, во многих окнах стекла выбиты. Северное, восточное и южное крылья I-го этажа находятся в состоянии полной заброшенности. Здание находится в пользовании Окружного Архива.

ШВЕДСКАЯ БАШНЯ-ПАЛАТА

Постройка относится к 1714 – 1716 гг. Башня-палата расположена над спуском Прямского взвоза. Здание одноэтажное, кирпичное. Возведено на мощных фундаментах с двумя прочными проходами. Толщина наружных стен здания – 1,50 м, внутренних – 1,20 м. Чердачными перекрытиями служат своды, пол деревянный. Внутренняя высота от пола до потолка – 6,15 м. Кровля железная. С западной стороны позднее пристроена полутораэтажная пристройка, служащая вместе с тем и входом в палату. Длина башни-палаты 46,30 м, ширина – в восточной стороне 16,60 м, в западной – 15,60 м, длина пристройки – 12,70 м, ширина – 8,90 м. С южной стороны на высоту арок сложены капитальные контрфорсы.

Состояние собственно башни-палаты хорошее. Разрушению подверглась правая (если смотреть с подгорной части города) арка, в настоящее время закрытая. В последней, вследствие просачивания поверхностных вод, концентрирующихся у восточной части здания, своды полуобрушились, часть кирпича нависла, часть осыпалась, правая стена выпучена и отошла от основного массива фундамента на 15 – 20 см. Вверху, в конце арки (северная сторона), стена, закрывающая арку, отошла, образовалось отверстие на поверхности нагорной части.

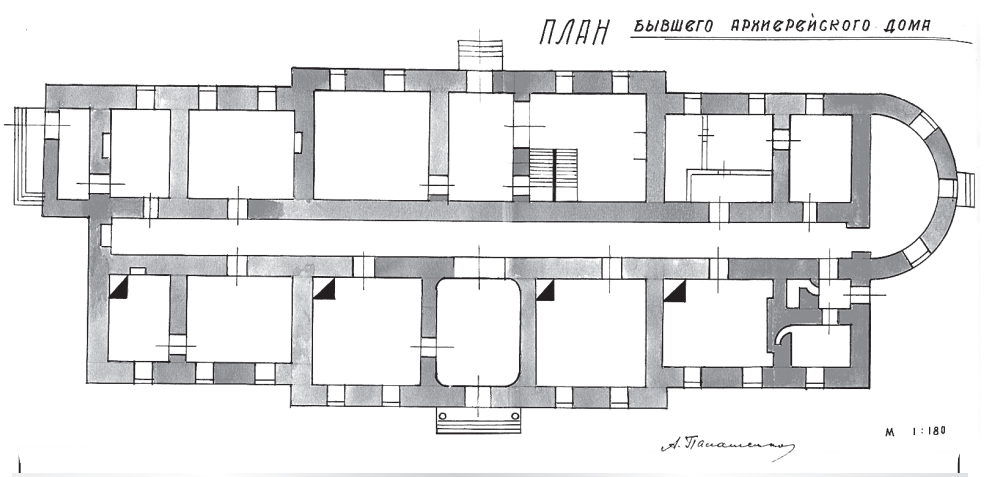
Шведская башня-палата занята Окружным Архивом.

АРХИЕРЕЙСКИЙ ДОМ

Постройка дома относится к 80[-м] гг. XVIII столетия. Здание кирпичное, трехэтажное, длина которого равна 57,35 м, ширина 17,90 м. Центральные части в северной и южной сторонах выдвинуты на 1,30 м, в восточной же части здание оканчивается полукруглой апсидой.

Толщина наружных стен во всех 3-х этажах 1,10 м, внутренних – 1,10, 1,0 и 0,9 м. Перекрытия – деревянные – плоские и кирпичные сводчатые, полы досчатые.

Высота внутри здания 1-го этажа – 3,85 м, 2-го этажа – 4,30 м и 3-го этажа – 3,20 м. Кровля четырехскатная, покрытая железом. Внутренние стены и потолки оштукатурены и окрашены клеевой краской, наружные стены побелены. Отопление печное.



План бывшего Архиерейского дома Тобольского кремля, составленный А.Ф. Палашенковым. 1938 г.

Незначительные внутренние переделки и перепланировки не отразились на самом здании.

Состояние здания[I] хорошее.

Здание занято Окружным Музеем[II].

КОНСИСТОРИЯ

Постройка относится к 80[-м] гг. XVIII столетия. Здание двухэтажное, кирпичное, длиной 81,30[III] м, шириной 11,0 м. Толщина наружных стен 1,0 м, внутренних 0,85 м и 0,7 м. Крыша двухскатная, железная. Перекрытия деревянные, плоские и сводчатые кирпичные; полы деревянные. Внутренние стены и потолки оштукатурены и побелены. Внутренняя высота 1-го этажа – 2,90 м, 2-го этажа 3,10 м. Общая высота стен 7,60 м.

Вид здания в настоящее время – удручающий. Почти все стекла в оконных проемах выбиты. Дверные полотна сорваны. Внутри грязь, сырость. В уборных и коридорах, не исключая и расположенных во втором этаже, лужи в 20 и более см глубиной.

Здание занято общежитием и [школой] Ф[абрично]-З[аводского] О[бучения].

БРАТСКИЙ КОРПУС

Постройка относится к концу XVIII века. Каменное двухэтажное здание с железной кровлей. Возможно, что это один из тех корпусов, о построении которых был дан указ Екатерины II от 10 Июля 1783 года. В нем находилось церковное братство, а также типография с переплетной мастерской.

Дом требует текущего ремонта – частичной штукатурки, побелки и окраски крыши.

Занят [школой] Ф[абрично]-З[аводского] У[ченичества] (общежитие девочек).

ВНЕКРЕМЛЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ

БЫВШ[АЯ] ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Здание каменное о двух этажах. В неразрывной связи с церковью с западной стороны находится каменная же колокольня, высоко[IV] возвышающаяся над равнинной окрестностью городской окраины. Толщина наружных стен здания – 1,50 м.

Перекрытие сводчатое. Окна и арки с наружной стороны здания богато обрамлены. Внутри здания – по стенам и потолку – украшено лепкой в виде тяг, орнамента, картин библейского характера и церковных атрибутов. Железо с крыши местами сорвано, отсутствуют водосточные трубы. Имеются и выбоины в стенах, штукатурка осыпалась. Сбиты во многих местах оконные наличники и лепные гипсовые украшения.

Здание церкви занято исправительной трудовой колонией.

БЫВШ[АЯ] ЗАХАРЬЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Постройка относится ко II половине XVIII века. Здание каменное, с железной кровлей.

В конструкции и отделке здание унаследовало пышность и тонкость отделки Петербургского барокко стиля Растрелли.

К сожалению, этот замечательный памятник подвергся разрушению, значительно видоизменившему его: верх колокольни разобран, сняты главы, разобраны красивой

[I] *Далее затерто слово. – Прим. сост.*

[II] План бывшего архиерейского дома. Масштаб 1:180. *Рисунок сделан автором от руки черными чернилами. Отдельные фрагменты плана архиерейского дома закрашены розовой краской (акварель). В правом нижнем углу подпись А.Ф. Палашенкова синими чернилами. Схема вклеена в текст докладной записки, выполнена, вероятно, по итогам осмотра памятника архитектуры в 1938 г. – Прим. сост.*

[III] *Цифра вписана от руки черными чернилами поверх машинописного текста. – Прим. сост.*

[IV] *Далее затерто слово в машинописном тексте. – Прим. сост.*

Здание Захарьевской церкви. Тобольск. 1940 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

формы парапеты на западном четверике[6], видоизменены боковые балкончики и т.п. И тем не менее здание даже в настоящем виде заслуживает сохранения.

В цокольной части местами выкрошилась кладка; снаружи и внутри стены загрязнены, в особенности в местах, где[I] выходят печные железные трубы; окраска на оконных переплетах облезла; крыша требует ремонта и окраски. Примыкающая к зданию территория (огороженная забором) замусорена.

Здание занято артелью «Производственник» под сапожную, столярную, пошивочную и др. мастерские[7].

БЫВШ[АЯ] МИХАЙЛО-АРХАНГЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковь находится в единой архитектурной связи с колокольней. Здание каменное, крыша железная. По обеим сторонам четверикового притвора поднимается на второй этаж крыльцо на арочных проемах.

Вокруг церкви каменная ограда с узорными железными пряслами, исполненными, как надо полагать, по рисунку художника-археолога М.С. Знаменского.

Сохранность здания хорошая. Разваливается западная часть ограды.

ЗДАНИЕ БЫВШ[ЕГО] ГОСПИТАЛЯ, 1776 г.

Дом каменный, трехэтажный, с четырехскатной железной кровлей и небольшим фронтоном на улицу. Нижний этаж украшен рустикой[8]. Позднее с боков к дому сделаны небольшие одноэтажные с двухскатными кровлями жилые каменные пристройки.

Состояние дома хорошее.

Занят он, с относящейся к нему огромной усадебной площадью, с флигелями, службами и садом, терапевтической больницей имени доктора ТАРУНИНА.

БЫВШ[ИЙ] ДВОРЕЦ НАМЕСТНИКА

Построен в 1780 – 1782 гг. Каменное о трех этажах с железной кровлей[II] здание. Длина – 64 метра, ширина – 36 м.

Здание требует побелки.

БЫВШ[ИЙ] ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМ

Построен в конце XVIII стол[етия]. Каменный, двухэтажный, с железной четырехскатной кровлей.

Сохранность здания – хорошая.

Дом занят Окрисполкомом.

[I] *Далее слово* «выходят» *вписано от руки черными чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Далее вписано от руки черными чернилами слово* «здание», *над строкой. – Прим. сост.*

БЫВШ[АЯ] ГИМНАЗИЯ

Постройка здания относится к последней четверти XVIII столетия. Дом каменный, двухэтажный, с железной кровлей.

Состояние здания – хорошее.

Занят городской Поликлиникой.

БЫВШ[ИЙ] ДОМ КРИВЦОВОЙ

Построен в третьей четверти XVIII столетия. Дом каменный, двухэтажный, с железной кровлей.

Состояние дома – хорошее.

Дом занят Райкомом ВКП(б).

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ П.П. ЕРШОВ

Постройка относится к середине XIX столетия. Дом деревянный, с железной четырехскатной кровлей. Возведен был о двух этажах, но в настоящее время носит характер одноэтажного, поскольку нижний этаж почти целиком сгнил и вошел в землю. Площадь дома равна 250 кв. м. Рублен из толстого хвойного леса, в обло; обшит тесом, внутри оштукатурен. Полы двойные, окна простые – глухие и створчатые, двери – наружные простые, внутренние филенчатые. Отопление печное. Уцелели две старинные печи и первоначальные потолки. Позднейшего[I] времени перегородками большие комнаты разделены на более мелкие. В дом ведут два (со двора) входа с закрытыми крылечками.

Дом наклонился, крыша перегнулась и поржавела, обшивка почернела.

По определению Горкомхоза в 1939 году восстановительная стоимость дома определялась в сумме 13443 руб. 95 коп. Процент технической изношенности – 59. Дополнительная стоимость строения – 5512 руб. 02 коп.

До октября т[екущего] г[ода] дом был сильно уплотнен жильцами. В настоящее время, решением Горсовета он совершенно освобожден от жильцов и закрыт. Окна забиты досками.

ДОМ ДЕКАБРИСТА ФОНВИЗИНА

Постройка относится к I половине XIX столетия. Дом деревянный, на кирпичном фундаменте с железной кровлей. Срублен из толстого хвойного леса, в обло. Обшит тесом в разбежку. Старая обшивка уцелела на стене, выходящей в черные сени. Вокруг дома – карниз, украшенный сухариками. Таким же образом наряжены и фронтончики мезонина, выходящие на юг и север. Обшивка расчленена деревянными пилястрами с каннелюрами[9] и резными украшениями сверху. На фронтоне мезонина деревянное резное украшение, в центре которого инициалы«А» и «З».

К северо-западной части дома приделаны тесовые сени и чуланы, ныне сильно обветшавшие. Из чулана идет большой с выложенными кирпичом окнами погреб. Такой же погреб под домом, вход в который с кухни. Погреба в свое время были оборудованы полками. Внутри дома ряд комнат, все они оштукатурены и побелены. Высота от пола до потолка внизу дома 2,80 м, в кухне – 2,40 м и в мезонине – 2,15 м.

На западной стене[II] с наружной стороны дома на железной дощечке[III] надпись:

«Дом декабриста
Михаила Александровича
ФОНВИЗИНА.
1836 – 1853 О-во изучения края
при музее Тобольского севера».

С южной и западной стороны дома посажены березы.

[I] *Далее фрагмент слова затерт. – Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто слово* «дома». *– Прим. сост.*

[III] *Далее слово* «надпись» *вписано от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

Состояние дома внутри – хорошее, снаружи требуется небольшой ремонт.

Дом Фонвизина передан Городским жилищным Управлением Тобольскому Музею 3 Августа 1940 года[10].

Восстановительная стоимость дома по определению 17 апр[еля] 1940 г. равна 57,048 руб., действительная стоимость – 33,088 руб.

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ ГРАБОВСКИЙ

Дом деревянный, двухэтажный, с деревянной кровлею. Принадлежал гр[аждан]ке Ермолаевой, у которой ссыльный поэт снимал небольшую комнату в нижем этаже здания. Единственное комнатное окно выходило во двор. По размерам своим комната очень скромна, потолок низкий, стены выбелены.

В настоящее время дом занимается общежитием Медицинского техникума. В комнате Грабовского живут два студента[11].

ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Типография помещалась в небольшом деревянном с тесовой кровлей домике в Подгорной части города, на тихой малолюдной улице, поросшей травой.

Домик фасадом выходит на улицу. Низенькие (в 1,75 м высоты) двери со двора ведут вовнутрь помещения, где в небольшой комнате, налево от входа, и размещалась типография. Единственное окно (95×60 [сантиметров]) выходило во двор, что, несомненно, являлось положительной стороной тайной типографии. Временами типография переносилась в расположенный во дворе сарайчик, где так же производилась работа по печатанью нелегальной литературы.

Домик от времени обветшал и покосился. Углы сруба местами отпал[и] и нижние бревна сгнили, и домик сильно вошел в землю. Снаружи внутри он обмазан глиной, кроме того, внутри оклеен обоями и бумагой. Большая русская печь стоит посредине левой стены домика. Потолок застлан досками поверх двух поперечных балок, поддерживаемых у стен стойками. Высота от пола до потолка 1,75 м. Три окна, выходящие на улицу, со ставнями, выходящие во двор, без ставен. Размер окон 95×60 [сантиметров]. Пол из довольно широких и толстых досок, окрашен. Перегородки тесовые.

Домик принадлежит Жернову Георгию Алексеевичу, который приобрел его лет 11 тому назад.

По оценке на 20 января 1931 года износ строения определялся в 80%, стоимость в 18 р[ублей] 14 к[опеек].

ДОМ, В КОТОРОМ ПОМЕЩАЛСЯ ПЕРВЫЙ ТОБОЛЬСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Построен в начале XX столетия. Дом каменный, трехэтажный, с железной кровлей. Является одним из самых нарядных домов Тобольска. Украшен лепным орнаментом и вазами. Состояние дома хорошее. Занят банком[12].

ПАМЯТНИК ЕРМАКУ. МЫС ЧУКМАН

Памятник открыт в 1839 году на высоком Чукманском мысу. Благодаря своему выгодному положению он виден издалека.

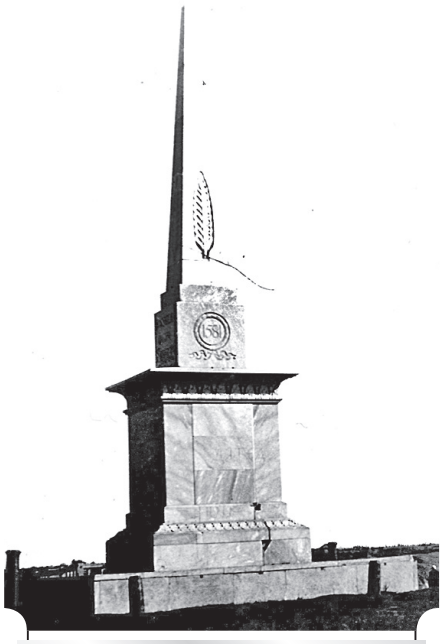
Памятник представляет красивый по форме четырехгранный обелиск на массивном высоком постаменте. Общая высота памятника – 15 метр[ов].

Обелиск из светлого мрамора (шести отдельных кусков). В нижней части по граням рельефом даны пальмовые ветви. На его кубической формы основании, более сером, нежели собственно обелиск, по граням даны надписи: с западной стороны: – «Покорителю Сибири Ермаку», с южной – «1581 год», с северной – «1584 год» и с восточной – «Воздвигнут в 1839 году».

Постамент из серого мрамора с широким карнизом, украшенным рельефным орнаментом в виде стилизованных лилий. Площадь основания постамента равна – 4,07 на

4,0 метр[а]. Широкая (8,08 метр[а]) площадка из гранитных плит, служащая основанием памятника в целом, приподнимает последний на 1 метр.

Вокруг памятника в свое время была сооружена кирпичная ограда, от которой не сохранилось и следа. Уцелели остатки[I] ограды из массивных цепей, укрепленных концами к чугунным тумбам, а по углам – к пушкам. Размер ограды равен 12,75 м × 12,75 м. В настоящее время ограда разрушена, цепи оборваны и похищены, исключая трех. Чугунные (полые с каннелюрами) тумбы частично вывернуты. Что касается памятника, то как его площадка, так и цоколь и постамент требуют ремонта. Слагающие их камни разошлись (от одного до 5 см). Грани постамента испещрены карандашными[II], выцарапанными и выбитыми надписями.



Мыс Чукман. Памятник Ермаку. Тобольск. 1938 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

ВОРОТА ПРИ ВХОДЕ В БЫВШ[ИЙ] «САД ЕРМАКА»

Ворота сооружены в начале XX столетия из пушек, оставшихся в Тобольске со времени Крымской[III] войны, когда их везли через Тобольск на Камчатку, где пытались высадить десант англичане. Вследствие падения Севастополя и заключения мира пушки дальше не были отправлены, остались в Тобольске.

Ворота состояли из двух пирамидоподобных сооружений[IV].

В 1930 г. местная контора утильсырья часть пушек изъяла и отправила в переливку на Уральские заводы.

Уцелели основания ворот, состоящие из 12 пушечных дул[V].

МОГИЛЫ ДЕКАБРИСТОВ – МУРАВЬЕВА, ВОЛЬФА И БАШМАКОВА[13]

Могилы у самой дорожки, ведущей от ворот к церкви. На могиле Муравьева[14] чугунный памятник на кирпичном фундаменте. Высота фундамента 40 см. Памятник состоит из четырехгранного постамента, высота которого ровна 1,95 м и чугунного же креста с литым изображением Христа. Крест сверху покрыт жестяной двухскатной крышечкой. На кресте металлический венок. Высота креста более 1,5 м.

Совершенно тождественный памятник на могиле Вольфа[15]. Отличается он только надписями. На кресте отсутствуют распятие и крышечка.

В расстоянии 1,80 м от могилы Вольфа – могила декабриста Башмакова. На ней надгробие в виде оштукатуренного кирпичного четырехгранного цоколя, с уцелев-

---

[I] *Далее слово* «ограды из» *вписано от руки черными чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Слово* «карандашными» *напечатано, некоторые буквы обведены или дописаны от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

[III] *К машинописному тексту прилагается рукопись отрывка* «Ворота при входе в бывш[ий] «Сад Ермака». *В рукописном тексте слово* «войны» *проставлено взамен вычеркнутого* «кампании» *– Прим. сост.*

[IV] *Далее в рукописи вычеркнута фраза* «Пушки верхней части сооружения в 1930 г. были взяты». *– Прим. сост.*

[V] *В рукописном варианте текста первоначально значится фраза:* «Уцелели две тумбы из пушек», *зачеркнутая и замененная на* «основания ворот». *– Прим. сост.*

шей на нем частью старой каменной плиты (в 67 см длины, 74 см ширины и 5 см толщины)[l]. Вся поверхность цоколя залита цементным раствором. На поверхности вытиснута надпись:

БАШМАКОВ
Флеон
Миронович
Ум. 21
Сентября 1859[16]

Надгробие отремонтировано осенью 1939 г. Ремонт произведен небрежно, грубо, безграмотно.

Между могилами Вольфа и Башмакова в 1939 г. похоронен, как значится на табличке, некто Веселовский.

Окружающий могилы невысокий (0,5 м) кирпичный заборчик разваливается.

МОГИЛЫ ДЕКАБРИСТОВ БАРЯТИНСКОГО И КЮХЕЛЬБЕКЕРА[17]

Могилы находятся на Завальном городском кладбище, по правую сторону дорожки, идущей от ворот к церкви, в четырех метрах от дорожки и в 12[-ти] от северной стены кладбищенской церкви. Ближе к церкви могила Барятинского[18]. На могиле надгробие в виде чугунной плиты, лежащей на оштукатуренном полуразвалившемся кирпичном цоколе, среднем в 50 см высотой (несколько возвышается к изголовью). На плите надпись:

Сын князя П.А. Барятинского
Александр Петрович
Барятинский скончался 46 лет
1845 год: августа 19
Друзья и товарищи изгнанія
проводили его тело до
дверей вечной благости искупителя[19]

Чугунная плита с могилы Кюхельбекера[20] похищена, цоколь разрушился, равно как развалился и кирпичный заборчик, охватывающий могилы.

МОГИЛА СИБИРСКОГО ИСТОРИКА ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА СЛОВЦОВА[21]

Могила находится на Завальном кладбище, метрах в двух от дорожки, по правую сторону ее, не доходя 20 шагов до могилы декабриста Муравьева. На могиле надгробие: каменная плита на оштукатуренном кирпичном цоколе, возвышающемся в среднем на 55 см. Длина плиты 1,24 м, ширина – 70 см, толщина 6 см. Вверху на плите выемчатый восьмиконечный крест длиной 32,5 см, шириной 16 см. Ниже креста прописная выемчатая надпись в пять строчек:

Здесь покоится тело
действительного
Статского
Советника
Петра Андреевича
Словцова[22], скончавшегося
в 1843 году

Вверху на плите выщербина длиной в 15 см, глубиной 8 мм. Ограды вокруг памятника нет.

---

[l] *Далее затерт фрагмент машинописного текста. Новое предложение начинается со слова* «вся», *в котором строчная буква от руки изменена на прописную. – Прим. сост.*

МОГИЛА ПЕТРА ПАВЛОВИЧА ЕРШОВА[23]

Находится в 22-х метрах[I] по дорожке от[II] восточной алтарной стены[III]. На могиле мраморный (белого мрамора) памятник, состоящий из ступенчатого каменного цоколя высотой 0,5 м. Площадь нижней квадратной цокольной плиты равна1,45 кв. м. На цоколе постамент в виде четырехгранной пирамиды в 1,75 м высотой. Он увенчивался фигурой ангела с крестом в руке. В настоящее время фигура ангела затерялась. Когда ее лишился памятник – неизвестно. На передней грани постамента надпись:

Петра Павловича
Ершова
Автора
Народной сказки
Конек Горбунок
Родился 1815 года февраля
22 дня.
Скончался в 1869 года
Августа 18 дня.

Завальное кладбище. Могила П.П. Ершова. Тобольск. 1940 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Левее (в 95 см) от памятника П[етра] П[авловича] – могила его первой жены Серафимы Александровны. На могиле белого мрамора небольшой пирамидообразной формы памятник. Увенчивавший его крест сбит. На памятнике надпись:

Серафима
Александровна
Ершова

Общая высота памятника $1^{1}/_{2}$ метра. Площадь 1 кв. м.

В 1939 году памятники отремонтировали.

При снятии памятника с могилы П. П. Ершова оказалось, что свод могильного склепа частично провалился, что и служило причиной наклона памятника. Чтобы придать прямое положение памятнику и гарантировать от падения, по краям могилы уложены 25 см толщины лежни, по которым сделан бревенчатый настил. На настил и поставлен собственно памятник.

Ограды вокруг могилы нет.

МОГИЛА МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА ЗНАМЕНСКОГО

Могила находится на Завальном[IV] кладбище у дорожки по правую сторону ее, как раз против крыльца двухэтажного кладбищенского дома, в 45 шагах от ворот. Она вместе

[I] *Далее фрагмент предложения затерт. – Прим. сост.*

[II] *Далее затерт фрагмент текста. Вероятно, это была часть слова* «юго»*, относящаяся к прилагательному* «восточный»*. – Прим. сост.*

[III] *Слово* «стены» *вписано от руки черными чернилами поверх затертого фрагмента машинописного текста. Окончания прилагательных* («восточной, алтарной») *изменены вручную в соответствии с необходимой падежной формой. – Прим. сост.*

[IV] *Далее от руки над строкой черными чернилами вписано слово* «кладбище»*. – Прим. сост.*

с другой могилой огорожена деревянной, когда-то красивой оградкой, которая в настоящее время наполовину сломана. Длина оградки 3,55 м, ширина 2,85 м, высота 1,40 м. На могиле нет[I] ни памятника, ни надписи. Зато она сильно замусорена, поросла крапивой и бурьяном. Жильцы кладбищенского дома используют огороженную могильную площадь в качестве помойной и мусорной ямы.

МОГИЛА ГРАБОВСКОГО ПАВЛА АРСЕНЬЕВИЧА[24]

Могила находится по левую сторону мостков, против могилы декабриста Муравьева (за могилой), в расстоянии 1,70 метр[а] от памятника Муравьева. Могильный холм порос травой. Длина его 2 метра, ширина 0,90 м, высота 0,40 м. На могиле четырехконечный крест из листового железа, свернутого в трубку. Высота креста 2 метра. На кресте жестяная ромбовидной формы табличка с надписью:

Павел
Арсеньевич
Грабовский
малорусский поэт
Род. в 1864 г.
Умер 29 ноября
1902 г.

Крест и табличка окрашены. Ограды вокруг могилы нет, благодаря чему вплотную с могилой Грабовского появилась новая могила неизвестного лица.

МОГИЛА РЕВОЛЮЦИОНЕРА В.Ф. КОСТЮРИНА[25]

Находится по правую сторону кладбищенской дорожки, недалеко от входа на кладбище. На могиле деревянный восьмиконечный крест с надписью:

«Здесь погребен Виктор Федорович Костюрин.
Родился 29 июля 1853 г., скончался 20 мая 19...[II] г.
Мир праху твоему»

БОЛЬШАЯ БРАТСКАЯ МОГИЛА[26]

В могиле похоронены лица, расстрелянные колчаковцами и бандитами в период занятия последними Тобольска в 1921 г.

Могила находится в 20 метрах от памятника Ермаку. В деревянной ограде – два могильных холма. Площадь основания меньшего равна 1,5 м на 1,5 м, высота 0,50 м. Большая могила в длину 15 метров, в ширину – 1,50 м, высота 0,50 м. Могилы отстоят друг от друга на расстоянии 1,50 м. Они поросли высокой сорной травой. Несколько лет назад стоял фанерный памятник с перечнем похороненных. Сейчас нет ни памятника, ни подписи. Внутри ограды посажено 20 деревьев, больше елочки, есть пихты и одна рябина. Решетчатая ограда окрашена в зеленый цвет. Длина ее – 22,70 м, ширина 6,70 м, высота 1,70 м. Летом могила сильно загрязняется. С западной стороны ограда наклонилась, столбы сгнили.

МАЛАЯ БРАТСКАЯ МОГИЛА

В могиле похоронены расстрелянные бандитами в Тобольске в 1921 г.

Могила находится в расстоянии 5,85 метров от памятника Ермака. В ограде две могилы. Размер первой – 2 м, размер второй – 1,50 м × 1,50 м. Высота могилы 0,40 м.

Могилы, равно как и вся огороженная площадь, поросли бурьяном. Ни памятника, ни надписи на могиле нет. Возле них зеленеют четыре елочки и одна пихта. Ограда окрашена зеленой краской. Размер ее – 6,50 м на 5,40 м, высота – 1,70 м.

[I] *Частица* «ни» *напечатана над строкой. Рядом имеется пометка, куда ее необходимо вставить в тексте предложения. – Прим. сост.*

[II] *Сохранено авторское отточие. – Прим. сост.*

БРАТСКАЯ МОГИЛА ТРИНАДЦАТИ ПОВЕШЕННЫХ

Могила находится в северо-восточном направлении от алтарного угла кладбищенской церкви, в расстоянии метр[ов] 50-ти. Могильный холм имеет 40 м высоты, 2½ м ширины и 1,5 метра длины. Поросла могила малинником и травой. Никакой изгороди вокруг могилы нет, нет надгробного памятника и надписи.

Могила находится в полном забытьи, и никто из горожан не знает о ее существовании.

ЗЕМЛЯНОЙ ВАЛ

В северной стороне нагорной части города сохранился земляной вал со рвом с наружной стороны. Вал – это деревянная укрепленная черта, прикрывавшая подступы к собственно городу – кремлю. Начинается вал от Иртыша и идет в восточном направлении.

Сооружение вала, как значится в «Кратком показании», относится к 1688 г. От этой укрепленной линии через Воскресенские и Троицкие ворота шли дороги – на Березов и Тару.

С 1940 – [19]42 гг. гребень вала-укрепления превратился в настоящую дорогу, по которой не только идут конные подводы, но в последнее время пошли и автомашины. Это обстоятельство значительно видоизменило исторический памятник.

МЫС ЧУКМАН

Расположен по правую сторону Никольского взвоза. Он представляет высокий (более 50 м) береговой выступ реки. На нем сохранились следы древних поселений.

В начале текущего столетия здесь был организован «Сад Ермака», деревья которого сохранились до настоящего времени.

На Чукмане – памятник Ермаку и братские могилы погибших во время колчаковщины и белогвардейского восстания в 1921 г.

Южный склон мыса прорезан промоинами недавнего времени, которые с каждым годом углубляются и расширяются.

Из приведенного краткого[I] обзора памятников видно, что большинство из них нуждается в ремонтно-реставрационных работах. Но ставить этот вопрос по всей полноте в настоящее время – несвоевременно. Достаточно указать, что на проведение реставрационных работ, только по памятникам, находящимся на Госцентрализованной охране, по исчислению 1940 г., потребовалась бы сумма в размере 1,838,481 руб.

В данное время может и должен стоять вопрос лишь в отношении поддержания памятников, предохранения их от дальнейшего разрушения. Только в отношении некоторых памятников можно решать вопрос о полном восстановлении и приведении их в надлежащий вид и порядок. Исходя из данных соображений, приводится перечень мероприятий по памятникам города, проведение которых обеспечит памятникам сохранность до полного их восстановления.

I[II] НИЗКАЯ ШАТРОВАЯ КРУГЛАЯ БАШНЯ

а) Произвести ремонт деревянного шатрового покрытия.

б) Сделать подмуровку выветрившейся цокольной части башни.

в) Охватить башню с наружной стороны кольцом из полосового железа.

На[III] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 1300[IV] руб.

[I] *Далее вставлено от руки черными чернилами поверх затертого фрагмента текста слово* «обзора». – *Прим. сост.*

[II] *Цифра проставлена от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

[III] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[IV] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

ЮЖНАЯ ШАТРОВАЯ БАШНЯ

а) Установить контрфорс с северной стороны.
б) Охватить башню с наружной стороны кольцом из полосового железа.
в) Разобрать печную трубу на башне и заделать отверстие.
На[I] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 5500[II] руб.

СТЕНЫ КРЕМЛЯ

а) Сменить разрушенные верхние ряды кладки – новой.
б) Оцементировка верхней двухскатной части с ожелезнением.
в) Засыпка и одерновка промоин на южном склоне (где восток)[III] холма и установка лотка.
На[IV] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 6500[V] руб.

ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНАЯ ЮГО-ЗАПАДНАЯ БАШНЯ

а) Заделка выбоин и разрушенных углов.
б) Ремонт деревянного шатрового покрытия.
На[VI] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 400[VII] руб.

ЧЕТЫРЕХУГОЛЬНАЯ ЮГО-ВОСТОЧНАЯ БАШНЯ

а) Заделка выбоин и разрушенных мест (углов, дверных и оконных проемов).
б) Ремонт деревянного шатрового покрытия.
На[VIII] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 500[IX] руб.

СОФИЙСКО-УСПЕНСКИЙ СОБОР[27]

а) Ремонт кровли и покрытие глав.
б) Закладка входа в подвал юго-восточной алтарной апсиды.
На[X] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 2200[XI] руб.

БЫВШ[АЯ] РИЗНИЦА

а) Покрыть снятую с восточной стороны крышу.
б) Сделать заделку разрушенной кирпичной кладки в цокольной части здания.
На[XII] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 1300[XIII] руб.

БЫВШ[ИЙ] ПОКРОВСКИЙ СОБОР

а) Заделка разрушенной кирпичной кладки в цоколе здания.

[I] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[II] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[III] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[IV] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[V] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[VI] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[VII] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[VIII] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[IX] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[X] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[XI] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[XII] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[XIII] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

б) Ремонт крыши и навеска водосточных труб.
в) Остекление оконных переплетов.
На[I] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 800[II] руб.

КОЛОКОЛЬНЯ (Соборная)

а) Заделка разрушенной кирпичной кладки в цокольной части здания и у барьеров 2-го и 3-го ярусов колокольни.
На[III] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 800[IV] руб.

КОЛОКОЛЕНКА

а) Отремонтировать кровлю.
б) Сделать подмуровку цокольной части.
в) Заделать трещины.
На[V] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 500[VI] руб.

ШВЕДСКАЯ БАШНЯ

а) Выложить вспомогательные верхние своды в восточной арке.
б) Сделать засыпку промоины, образовавшейся в проходе главной арки.
На[VII] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 4000[VIII] руб.

ДОМ ДЕКАБРИСТА ФОНВИЗИНА

а) По кирпичному цоколю дома сделать деревянный отлив.
б) Ремонт и окраска крыши.
На[IX] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 800[X] руб.

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ П.П. ЕРШОВ

а) Разобрать и на новом фундаменте заново восстановить.
На[XI] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 40000[XII] руб.

ПАМЯТНИК ЕРМАКУ

а) Заделка трещин и выбоин цементным раствором с ожелезнением.
б) Установка ограды вокруг памятника.
На[XIII] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 1800[XIV] руб.

[I] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[II] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[III] Затерто слово в начале предложения. – *Прим. сост.*

[IV] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[V] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[VI] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[VII] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[VIII] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[IX] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[X] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[XI] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[XII] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[XIII] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[XIV] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ НА МЫСЕ ЧУКМАН

а) Ремонт ограды.
б) Окраска оградки.
в) Установка досок.
На проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 300[I] руб.

МЫС ЧУКМАН

Засыпка и одерновка промоин на южном склоне мыса.
На[II] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 700[III] руб.

БРАТСКАЯ МОГИЛА 13-ТИ ПОВЕШЕННЫХ

а) Сделать ограду.
б) Установить доску с надписью.
На[IV] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 450[V] руб.

МОГИЛЫ ДЕКАБРИСТОВ КЮХЕЛЬБЕКЕРА И БАРЯТИНСКОГО

а) Сделать кирпичный цоколь и укрепить доски с надписями.
б) Сделать ограду вокруг могил.
На[VI] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 850[VII] руб.

МОГИЛА ДЕКАБРИСТА БАШМАКОВА

а) Сделать кирпичный цоколь и укрепить доску с надписью.
На[VIII] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 200[IX] руб.

МОГИЛЫ ДЕКАБРИСТОВ – МУРАВЬЕВА, ВОЛЬФА, БАШМАКОВА И УКРАИНСКОГО ПОЭТА ГРАБОВСКОГО

а) Оградить стальной оградой.
б) Распланировка и усыпка песком огороженной площади.
На[X] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 400[XI] руб.

МОГИЛЫ – П.А. СЛОВЦОВА, П.П. ЕРШОВА, М.С. ЗНАМЕНСКОГО И КОСТЮРИНА

Сделать вокруг могил ограды (4 ограды).
На[XII] проведение названных работ потребуется ориентировочно сумма в 400[XIII] руб.

[I] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[II] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[III] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[IV] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[V] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[VI] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[VII] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[VIII] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[IX] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[X] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[XI] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

[XII] *Затерто слово в начале предложения. – Прим. сост.*

[XIII] *Цифры вписаны от руки черными чернилам в пустое пространство, оставленное в машинописном тексте. – Прим. сост.*

БЫВШ[АЯ] ЗАХАРЬЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

а) Сделать ремонт и окраску крыши[I].

III[II]. К 1-му февраля[III] 1943 года освободить Кремлевские башни от постоя в них животных, убрать из башни навоз[IV] и здание просушить.

IV. К 15 мая 1943 года произвести уборку Кремлевской территории от мусора, кирпичных обломков, кусков извести и т.п.

V. Воспретить рубку и порчу деревьев на территории Кремля и в Саду Ермака.

VI. Воспретить сломку и разборку каких бы то ни было строений и сооружений на территории Кремля, не исключая каменных заборов и сараев, не получив на то письменного разрешения Музейно-Краеведческого Отдела НКП или же Областного Отдела Народного Образования.

VII. Древнейшую густонаселенную часть Городского Завального кладбища, на территории которого находится ряд исторических могил, интересные в архитектурном и историко-литературном отношении памятники[V] с 1 января 1943 года закрыть, обратив его в Музей-кладбище. Областному Отделу Народного Образования совместно с Тобольским Горсоветом определить границы Музея-кладбища и проработать положение о нем.

VIII. Поручить старшему научному работнику Областного музея т. Палашенкову произвести к 15 июня 1943 г. поиски затерявшихся на Завальном кладбище мест погребения декабристов – Семенова[28] и Краснокутского[29] и др. исторических лиц.

IX. К 1-му июня 1943 года Городскому Совету произвести уборку развалин Богородской и Никольской церквей, обеспечив при этом сохранность колокольни бывш[ей] Богородской церкви, имеющей значительную архитектурную ценность по своему шатровому покрытию с 3-мя рядами слухов и характерным построением нижних ярусов.

Извлеченные при разборке развалин строительные материалы, как-то: кирпич, железные полосы связи, кровельное железо, дверные железные полотна, чугунные и каменные плиты и т. п. сохранить для поддержания и ремонтно-реставрационных работ других исторических памятников города.

X. Тобольскому Музею принять меры к изжитию замусоривания и загрязнения жильцами кладбищенского дома, могилы М.С. Знаменского.

XI. Воспретить Горсовету передачу памятников, находящихся на государственной централизованной охране, в арендное пользование без согласования данного вопроса с местным Музеем, который является ответственным за целость и сохранность памятников на месте.

XII. Поставить в известность начальника Управления трудовых резервов по Омской области о недостойном поведении учащихся ФЗУ к занимаемому ими на территории Кремля зданию бывш[ей] Консистории. Архитектурный памятник XVIII века, каким является здание бывш[ей] Консистории, занимающее центральное место на территории Кремля, приведен учащимися в безобразное состояние: стекла в оконных переплетах выбиты более чем на 80%, дверные полотна сорваны, не только в первом, нижнем, этаже стоят лужи, вытекающие из уборной, но и во втором, грязь и разрушение снаружи и внутри здания.

Директору Тобольского Музея тов[арищу] Павлову сообщить в Областной Отдел Народного Образования о состоянии здания в Консистории на 1 января 1943 г.

[I] *Далее часть текста отсутствует. В начало следующего листа вклеен фрагмент бумаги с фразой:* «К 1-му февраля 1943 года, освободить Кремлевские башни от постоя в них животных, убрать из башни навоз и здания просушить». – *Прим. сост.*

[II] *Здесь и далее цифры проставлены от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

[III] *Словосочетание* «к 1-му февраля» *вписано от руки черными чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[IV] *Конец фразы дописан от руки черными чернилами* («и здания просушить»). – *Прим. сост.*

[V] *Далее от руки проведена линия, связывающая воедино это предложение и следующее, начинающееся словами* «с 1 января 1943 года». – *Прим. сост.*

XIII. Директору Тобольского Музея тов[арищу] Павлову – поставить в известность всех пользователей зданиями – памятниками о воспрещении приспособлений и переделок, влекущих за собой сломку первоначальной кладки и уничтожения декоративно-украшающих элементов здания, пробивку в капитальных стенах новых проемов и расширения старых, стеску стен, арок и т. п.

XIV. На всех памятниках-зданиях очистить от засорения желоба и водосточные трубы.

XV. В целях обеспечения наибольшей сохранности зданий-памятников использовать последние под научные и политико-просветительские учреждения и организации: Музей, архивы, библиотеки, научно-исследовательские институты, лаборатории, станции и т. п.

XVI. Взять на учет и местную охрану следующие архитектурные и исторические объекты, расположенные на территории города Тобольска:

1. Здание бывш[ей] Консистории. Постройка 1787 года.
2. Здание бывш[его] Братского корпуса. Постройка последней четверти XVIII столетия.
3. Здание бывш[ей] Захарьевской церкви. Постройка II половины XVIII века.
4. Здание колокольни при бывш[ей] Богородской церкви. Постройка XVII века.
5. Здание бывш[ей] Михайло-Архангельской церкви, постройка 1765 г., и ограды вокруг церкви, середины XIX столетия.
6. Каменное здание Госпиталя (Белая больница). Постройка 1776 года.
7. Бывш[ий] Дворец Наместника. Постройка XVIII века.
8. Бывш[ий] Губернаторский дом. Постройка II половины XVIII столетия.
9. Здание бывш[ей Гимназии], в которой воспитывался Менделеев и работал Ершов. Постройка II половины XVIII столетия.
10. Дом Кривцовой. Построен около 1770 года.
11. Дом, в котором жил автор сказки «Конек-Горбунок» П.П. Ершов.
12. Дом, в котором жил украинский поэт-революционер П.А. Грабовский.
13. Дом, в котором в 1905 году помещалась подпольная типография.
14. Дом, в котором помещался первый Тобольский Совет рабочих и солдатских депутатов.
15. Ворота при входе в бывш[ий] «Сад Ермака», сооруженные из пушек.

Могилы на Завальном кладбище:

16. Сибирского историка П.А. Словцова.
17. Автора сказки «Конек-Горбунок» П.П. Ершова и его жены.
18. Местного историка и художника М.С. Знаменского.
19. Революционера В.Ф. Костюрина.
20. Земляной вал-укрепление. Сооружен в XVII столетии.
21. Мыс Чукман – древнее городище.
22. Чувашский мыс[I].

10 декабря 1942 г.

Г. Омск[II].

4[III]. Капитальный ремонт Прямского взвоза 25 тыс.[IV]

8[V] – Дом Фонвизина. – 30 т[ысяч].

Ремонт Кремлев[ской] стены – 130 т[ысяч].

[I] *Последний пункт плана вписан от руки карандашом. Ниже поставлена подпись* «Старший научный работник Омского Областного Музея, ученый археограф А.Ф. Палашенков». – *Прим. сост.*

[II] *Дата и место проставлены от руки черной ручкой. – Прим. сост.*

[III] *Здесь и далее текст написан вручную синим карандашом и представляет собою черновые наброски плана работ и стоимости затрат. – Прим. сост.*

[IV] *На полях записано:* 200
66
266 тыс. – *Прим. сост.*

[V] *На полях проставлено* «6 тыс.» дважды. – *Прим. сост.*

Рем[онт] пам[ятника] Ермаку – 20 т[ысяч].
Установл[ение] ворот в Кремле (3) – 20 т[ысяч] + 1 ?
Ремонт фундаментов зданий Кремля 11 т[ысяч]
Ремонт крыш башен Кремлевской стены – 25 т[ысяч] […]
Установить обелиск на месте дома Ершова – 20 т[ысяч].
Остекл[ить] здание Кремля – 10,000[I]
Откуда[II] взято […][III] ворота?
15 мая 1940 г.: 1. Шведская палата-башня (Правая арка).
2. Не предусмотрено проведение межи у памятн[ика] Ермаку.
3. Не предусм[отрено] установки мемориальных досок и надписей на зд[ании] поликлиники, на соборе, на архив (Мен[овый] двор) в др. Грабовск[ого] дом, на банк и т. д.
4. Привести в надлеж[ащий] вид могилу Знаменского и декабристов Барятинского и Краснокутского.
5. Осушить подвал Собора Успенск[ого] и установить решетч[атую] дверь.
6. Заделать главы Собора и увенчать шпилями.

[I] *Внизу листа плохо сохранившийся набросок здания (шатровый купол), записи телефонов, возможно, адреса. – Прим. сост.*

[II] *Далее текст, записанный от руки синим карандашом на форзаце тетради. – Прим. сост.*

[III] *Неразборчиво. – Прим. сост.*

Там, где жила пушкинская Татьяна. Дом декабриста М.А. Фонвизина в Тобольске[1]

«А та, с которой образован,
Татьяны милой идеал…
О, много, много рок отъял».
А.С. Пушкин
«Евгений Онегин»

[1940-е гг.]

В верхней части Тобольска, на углу Большой Октябрьской и улицы имени Войкова, (бывш[ая] Павлуцкая), скромно приютился старинный деревянный дом с мезонином[2]. Растущие у дома березы своими белыми стволами еще более подчеркивают давность почерневших стен; кирпичный фундамент сохранил его первоначальную высоту и удержал стены от наклона. Дедовской манерой – рубкой в обло[3] (в чашку) – сделан дом из отменно добротного толстого леса. Топор и скобло были главными орудиями строителей, не знавших еще пилы. Кровля на доме железная. Стены с наружной стороны обшиты тесом, в разбежку. На фронте мезонина – деревянное резное украшение, в центре которого инициалы: «А» – «З». (Нужно полагать:«Н» – «З» – Николай Знаменский, один из бывших владельцев дома).

К северо-западной[1] части дома приделаны тесовые сени и чулан, ныне сильно обветшавшие. В плане дом приближается к квадрату: 16,2 метра имеет протяжение по фронту и 16,85 метр[а] по ширине.

Со двора в дом ведут два входа – парадный – с восточной стороны и черный – с северной.

С парадного входа посетитель вступает в небольшую полутемную переднюю, где до последнего времени находился диван с твердым сидением, на котором в ожидании прихода гостей и хозяев коротал время слуга.

Из передней двухстворчатая филенчатая дверь ведет в довольно обширный светлый зал с окнами во двор и на улицу. Далее идет ряд комнат, в которых были расположены гостиная, кабинет хозяина, спальня, детская, комната няни. С черного входа – кухня и комната для прислуги. Узенькая деревянная лестница ведет в мезонин из двух светлых с низкими потолками комнат. В одной из них, обращенной окнами на юг, находится кабинет хозяйки дома с письменным столом у окна.

В былые времена оштукатуренные и обитые обоями стены дома украшались гравюрами западных и русских мастеров, фамильными портретами, зеркалами. У стен чинно стояли стулья с невысокими спинками. Круглые и небольшие четырехугольные столы

[1] *Далее зачеркнуто слово (неразборчиво), над строкой напечатано слово* «части». – *Прим. сост.*

были покрыты вышитым бархатом, большой обеденный – белоснежной скатертью. В доме находились большие красного дерева часы с мелодичным боем. По вечерам в подсвечниках горели свечи, а временами зажигалась жировая лампа на высокой затейливого литья металлической подставке. Голландские печи, из которых две уцелели до настоящего времени, и камин позволяли забывать обитателям дома о жестокости сибирских морозах. Сухо, тепло и уютно было в доме, все было на своем месте, во всем чувствовался порядок и любовь владельцев к красивому.

В двух больших и благоустроенных погребах (вход в один [–] из кухни, в другой [–] из чулана) хранилась разнообразная снедь и привозные вина.

Сто с лишним лет тому назад дом обслуживался штатом слуг: здесь была и преданнейшая хозяевам ключница Матрена Петровна; и мастерски приготовлявший разнообразные кушанья повар с нависшей на глаза прядью волос; и лакей в белых перчатках; [и] поляк садовник, усердно ухаживающий за оранжерейными цветами и садом; и кучер Фома. К крыльцу дома часто подъезжали в фаэтонах и колясках на красивых лошадях господа с лакеями в ливреях.

И по внешнему виду, и по внутреннему устройству и обстановке, и по всему домашнему распорядку это были типичный русский помещичий дом 40-х годов XIX столетия.

За домом до настоящего времени удержалось название «Фонвизинского дома».

С 1845 по 1853 год в этом доме жил декабрист Михаил Александрович Фонвизин[I].

Фонвизин принадлежал к Северному тайному Обществу и Верховным Уголовным судом признан был виновным в «умысле бунта» и в «согласии на цареубийство». Приговором Суда осужден на 15 лет в каторжные работы и потом на поселение. Каторгу отбывал в Нерчинских рудниках, затем жил на поселении: с 1832 года – в Енисейске, с 1835 года – в Красноярске и с 1838 года – в Тобольске. В 1853 году ему разрешено было вернуться в Европейскую Россию.

Трудный изгнаннический путь Михаила Александровича разделяла его жена Наталья Дмитриевна Фонвизина[4].

Наталья Дмитриевна была незаурядной личностью. Даже среди жен декабристов она выделялась своим богатым внутренним содержанием. Образованная, чуткая, она пользовалась большой известностью и таким же уважением среди декабристов. Декабрист А.И. Одоевский посвятил Наталье Дмитриевне, в связи с ее болезнью, свое известное стихотворение:

Зачем ночная тишина
Не принесет живительного сна
Тебе, страдалица младая?...

Фонвизина оставила дневник и стихи. Она была своеобразной и интересной поэтессой, хорошо владела стихом. Ее стихотворения (в большинстве созерцательные)[II]: «А годы уходят, а годы летят», «Отшельница» и др. В некоторых своих поэтических произведениях Наталья Дмитриевна обнаруживает интерес к русскому фольклору. Увлекалась она и живописью.

Наталья Дмитриевна – дочь Костромского предводителя дворянства Дмитрия Акимовича Апухтина[III]. Родилась 7 апреля в 1805 году. Среди костромских лесов и цветущих лугов, у светлых рек и озер росла Наталья Дмитриевна. «Виды природы, тишина полей и лесов всегда на меня действуют. Особенно люблю я воду. Не знаю отчего, но когда я вижу реки или озера, мне становится как-то тоскливо по небесной отчизне…»[IV], – говорила однажды своему деверю Наталья Дмитриевна[5].

[I] М.А. Фонвизин – родной племянник автора «Недоросль» Дениса Ивановича Фонвизина. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] *Далее зачеркнуто слово* «таковы». – *Прим. сост.*

[III] Мать Натальи Дмитриевны – Мария Павловна приходилась родной племянницей автору «Недоросль» Денису Ивановичу Фонвизину – дочь его брата Павла Ивановича. – *Прим. А. Палашенкова.*

[IV] Шенрок. 112 стр. – *Прим. А. Палашенкова.*

Увлеченная примером обожаемой матери, Наталья Дмитриевна с детства предалась чтению книг религиозного содержания, мечтала о монастыре. Но, как сохранилось предание, у юной мечтательницы произошел случай, который отвлек ее от монастырских стен.

В усадьбу к родным Натальи Дмитриевны приехал молодой человек Рунсберк[I]. Красивая, имевшая множество поклонников и блестящий успех в обществе, молодая Апухтина остановила на себе внимание гостя. Страстными уверениями он заверил ее [в] любви. Романтичная и несколько эксцентричная, юная Наталья Дмитриевна поверила и горячо полюбила его. Но жених, узнав, что он не может рассчитывать на большое приданое, отказался от своего предложения и покинул Апухтинскую усадьбу.

Поступок Рунсбрука потряс Наталью Дмитриевну. Она бесповоротно решила покинуть родительский дом и навсегда расстаться с миром.

Летом 1821 года Наталья Дмитриевна остригла свои косы и, переодевшись в мужское платье, тайно покинула родительский дом, отправилась в Бельмажский монастырь. Но побег не удался. Юная отшельница была возвращена к родителям.

Прошло несколько месяцев после бегства и Наталья Дмитриевна [стала] уже невестой. Всех удивил ее выбор. Суженым ее стал сильно влюбленный в нее сорокалетний двоюродный дядя, заслуженный генерал Михаил Александр Фонвизин[II].

После свадьбы Наталья Дмитриевна уехала в Москву и заблистала своей красотой в великосветском столичном обществе.

На одном из балов Фонвизина встретилась с предметом былого своего увлечения, у которого вспыхнуло пламя запоздалой любви к бывшей невесте. Но Наталья Дмитриевна решительным тоном отвергла его:

«Я вышла замуж. Вы должны,
Я Вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в Вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я Вас люблю (к чему лукавить!),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

А.С. Пушкин, «Евгений Онегин».

Исследователь семейной переписи Фонвизиных А. Шенрок6 пишет: «В жизни Натальи Дмитриевны было что-то напоминающее Татьяну Пушкину». Неудивительно поэтому, что ряд современников считали героиней Пушкинского романа «Евгений Онегин» именно Наталью Дмитриевну[III].

«Тема «Евгений Онегин», – утверждает близкий Наталье Дмитриевне человек, М.Д. Францева, – взята Пушкиным именно из жизни Натальи Дмитриевны… Многие подробности (которой) были ему переданы одним из общих им знакомых» (И.И. Пущиным. – **А.П.**)…

Однажды, один из родственников Натальи Дмитриевны – Молчанов прибегает к ней и говорит:

[I] *На полях пометка синими чернилами от руки* «Рисброк». – *Прим. сост.*

[II] *Далее запись карандашом в конце предложения:* «Скорей всего благородный огонь идеализма был причиной избрания юной Натальей Дмитриевной в супруги М.А. Фонвизина». – *Прим. сост.*

[III] Мы далеки от мысли, что пушкинская Татьяна – портрет Натальи Дмитриевны Фонвизиной (урожденной Апухтиной). Литературный герой, героиня, как правило, сборный образ. При создании его автор берет отдельные черты жизни, характера, внешнего облика не одного, а нескольких лиц, и в преобразованном творческом акте выносит его на страницы книги, отдает на суд читателей.

Несомненно, у Н.Д. Фонвизиной Пушкиным взят ряд отдельных черт ее характера и событий из жизни. Но, несомненно и то, что в образ Татьяна внесены черты других близких поэту лиц – Осиповых, Раевских и др.

Некоторые считают, например, что дочь А.С. Пушкина Мария Александровна (по мужу Гартунг) послужила типом Анны Карениной. Между тем от Марии Александровны Л.Н. Толстой взял для Анны Карениной только ее наружность. – *Прим. А. Палашенкова.*

– Наташа, знаешь, ведь ты попала в печать! Подлец Солнцев передал Пушкину твою историю, и он своим поэтическим талантом опоэтизировал тебя в своей поэме «Евгений Онегин!» (Исторический вестник. Май 1888 г. т. XXXII, стр. 396).

Автор известной книги «Сибирь и каторга» С. Максимов пишет:

«Она (Н.Д. Фонвизина. – **А.П.**) в молодости послужила идеалом Пушкину для Татьяны в Онегине. А отдельные эпизоды жизни послужили сюжетом для Евгения Онегина»[7].

Накануне второго брака с И.И. Пущиным[8] в 1855 году Н.Д. Фонвизина писала ему: «Ваш приятель Александр Сергеевич, как поэт, прекрасно и верно схватил мой характер, пылкий, мечтательный и сосредоточенный в себе, и чудесно списал первое его появление при вступлении в жизнь сознательную. Потом гадательно коснулся другой эпохи моей жизни и верно схватил главную тогдашнюю черту моего характера».

Наталья Дмитриевна сама не раз говорила о себе в письмах, приписывая своей увлекающейся и страстной натуре звания «Татьяна». (Шенрок).

В письмах к И.И. Пущину она пишет:

«Зачем бедная Таня сделала на Вас такое сильное впечатление? Не берусь решить, ладно это, или нет. Мне грустно, если я могу повредить Вам, если моя буря душевная отозвалась такой же бурей и в вашей душе. Несчастное существо! Неужели мне суждено везде опалять, куда не прикоснется мое огненное сердце?...

«Вы как будто-б радуетесь, что Таня расшевелила в сердце почти заснувшие струны…»[I].

Муж Натальи Дмитриевны Михаил Александрович Фонвизин также иногда называл ее Таней, что озадачивало многих, не посвященных в суть дела.

Близкий к Фонвизину Тобольский бытописец и художник М.С. Знаменский в III-й главе «Тобольск в 40-х годах» пишет:

«Да, читатель, вот куда (имеется ввиду г. Тобольск – **А.П.**) капризом судьбы перенесена была Пушкинская Татьяна или, правильнее сказать, та особа, с которой наш поэт описывал героиню Онегина» («Наш край», № 4. стр. 9).

В Тобольск Фонвизины приехали в 1838 году.

Тобольск в это время был тихим губернским городом, в особенности тихим он стал после отъезда генерал-губернатора князя П.Д. Горчакова и его квартиры в Омск.

Чиновники и служащие губернских и городских канцелярий, служащие полиции, тюрьмы, консистории, городские духовенство, учителя гимназии, духовного училища и семинарии – вот верхушка городского общества.

Особняком стояли улицы, многие из которых располагали большим капиталом и имели склады и магазины.

Главная же городская масса – это мещане, жившие в своих небольших деревянных домишках и имевшие свое немудрое хозяйство.

Наиболее культурную прослойку в социальном ландшафте города составляли ссыльные.

По приезде в Тобольск Фонвизины поселились в снятом ими под квартиру доме в нижней части города, рядом с Михайло-Архангельской[II] церковью. В 1846 году купили собственный дом с усадьбой в верхней части города[III].

На усадьбе находился сад, который Наталья Дмитриевна обогатила превосходными цветами, построила оранжерею и теплицу. Цветочные семена она получила от извест-

---

[I] Шенрок 208 стр. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] *Первоначально напечатано* «Михайло-Александровской», *зачеркнуто карандашом, вписано над строкой* «Михайло-Архангельской». – *Прим. сост.*

[III] До 1828 года место, на котором стоит Фонвизиных дом, было не застроено и принадлежало чиновнику Черкашину. В 1828 году это место купил офицер Данилов и построил дом. У Данилова дом куплен Фонвизиными. В 1848 году они приобрели также соседний небольшой домик у чиновника Медовщикова за сто рублей серебром. На усадьбе Фонвизины построили службы с полукруглыми проемами на фронтах. Две таких постройки разобраны всего каких-нибудь двадцать пять лет тому назад. – *Прим. А. Палашенкова.*

ного рижского садовода Варгина. Наталья Дмитриевна выращивала даже ананасы. «Как пьяница в вине, – говорила она, – так я в цветах топлю мое горе» (А. Шенрок)[I].

Из окна кабинета Натальи Дмитриевны открывался красивый вид на Кремль с уцелевшими шатровыми башнями, старинными соборами, высокой и стройной колокольней с горами колоколов, к звукам которых была неравнодушна Наталья Дмитриевна.

Дом Фонвизиных. Тобольск. Фотография 1940 г.

На восток от собора и колокольни – большой соборный двор, в центре которого березы и стройные пихты и ели. Сквозь деревья виднелись нарядные белые стены большого трехэтажного архиерейского дома, возле которого с восточной стороны – небольшая деревянная колоколенка с висевшим на ней ссыльным в Сибирь – «Угличским колоколом».

Левее соборного сада – длинное двухэтажное здание Консистории, украшенное по верху лепными, покрытыми глазурью вазами. За ними, у самой стены, монастырский корпус и архиерейские службы.

Несколько ближе к фонвизинскому дому – громадное, в виде замка, здание Менового двора с башнями по углам и тут же вычурные в своей архитектуре Святые ворота.

В недалеком расстоянии от Менового двора, у вершины Никольского взвоза – нарядная Никольская церковь, за которой мыс Чукман с величавым памятником Ермаку.

Направо от соборов, по другую сторону Прямского взвоза, большой дворец наместника, окруженный многочисленными каменными службами.

За архиерейским домом, по южной линии кремлевской стены, виднелись вершины столетних лип и берез архиерейского сада, с недавно построенной в нем для владыки каменной беседкой.

Перед домом Фонвизиных тянулись тихие не мощенные улицы с жилищами городского обывателей. У домов в палисадниках росли кусты бузины, калины, реже рябины, береза и ель. На небольших окнах яркими красками горели комнатные цветы, к которым издавна жители Тобольска имеют пристрастие.

Особенно привлекателен был вид из кабинета Натальи Дмитриевны в то время, когда по светло-голубому холодному небу над старым городом плыли причудливые[II] кучевые облака.

С этими облаками пылкое воображение Натальи Дмитриевны уносились в далекие края – на Унжу, в любимые костромские леса, в недавно покинутые места суровой каторги, в города на Енисее.

[I] Отъезжая в Россию, Фонвизины передали дом и усадьбу бывшему своему воспитаннику, смотрителю тобольского духовного училища Н.С. Знаменскому. – *Прим. А. Палашенкова.*

Далее приписка карандашом: «На ампирных фронтонах» – *Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто слово* «густые», *вписано карандашом над строкой* «кучевые». – *Прим. сост.*

День в доме Фонвизиных начинался рано.

Утренние часы у Натальи Дмитриевны уходили на молитву, чтение духовных книг[I] и письмо заметок. Эти занятия продолжались до обеда. Часто слушательницей религиозных чтений и бесед Натальи Дмитриевны являлась близкая ей Татьяна Филипповна.

В воскресенье и в праздничные дни Наталья Дмитриевна прерывала чтения с началом благовеста к поздней соборной обедне. В собор Наталья Дмитриевна отъезжала в фаэтоне, который подавался к крыльцу дома. Службу слушала до конца.

Михаил Александрович после утренней молитвы садился на большой турецкий диван, курил трубку и пил кофе.

В это время собеседницей его, как правило, являлась ключница, (бывшая няня) Матрена Петровна, разделявшая изгнание с Фонвизиными. Чаще всего разговор шел о покинутой родине, оставленных детях, родных и знакомых.

После кофе Михаил Александрович читал журнал, газеты, занимался философией, писал свои записи.

Часа в три Фонвизины садились за обед, он готовился поваром по заказу Михаила Александровича, который был большим знатоком кулинарии. Обедали в гостиной. К обеденному столу приходили знакомые[II].

Особенно многолюден бывал обед у Фонвизиных в день храмового праздника той церкви, прихожанами которой они были. Если служил в это время епископ в церкви[III], он приглашался Фонвизиными в дом с архимандритом, соборным протоиереем и др. Обед в это время отличался изысканностью постных блюд и разнообразием вин, выписанных из Москвы.

Михаил Александрович располагал довольно значительной библиотекой, в которой, помимо русских книг, журналов и газет, были немецкие и французские книги, содержавшие в себе, по выражению Тобольского бытописателя, «различные философские умозрения». Были иностранные журналы и газеты. Упоминается, между прочим, «Гамбургская газета».

Михаил Александрович занимался философией и с исключительным вниманием следил за политическими событиями в Европе. Ничто из этой области не приходило мимо его внимания.

В гостиной и кабинете хозяина говорили о Локке, Фихте, Лейбнице, Шеллинге, Пьере Гассенди, Боссюэте, Кондилиаке, энциклопедистах и др.

[I] Нас не должно удивлять, что Наталья Дмитриевна была глубоко верующим человеком. С детства она находилась под религиозным влиянием нежно любимой матери. Тяжелые переживания в юности (первая неудачная любовь, обман любимого человека) так же благоприятствовали отрыву ее от жизни реальной (где, как ей казалось, она утеряла все) и уходу в религию.

С большими, несомненно, дарованиями, нежной душой, романтично настроенная, Наталья Дмитриевна внешние впечатления воспринимала с исключительным напряжением чувств и легко настраивалась в мистическом духе. Огонь идеализма горел в ней ярким пламенем.

Касаясь же религии, верований русских людей в прошлом, мы не должны забывать, что в течение веков внедрялись в сознание людей религиозные верования. Вся государственная система, весь государственный аппарат, церковь, школа, семья являлись проводниками религии, веры. Все было насыщено ароматом ладана: книги, пение, музыка, живопись, архитектура. И тем не менее, не смотря на все это, в массе русских людей религия носила в основном внешний, обрядовый характер.

В то время, как Наталья Дмитриевна была глубоко верующим человеком, у ее мужа Михаила Александровича религия выражалась лишь в соблюдении обрядов, несмотря на то, что Наталья Дмитриевна всеми силами старалась обратить его на путь истинной веры. «Мирскими людьми», людьми, [от]стоящими от религии и веры, Наталья Дмитриевна называла тобольских друзей по изгнанию: Барятинского, Анненкова, Свистунова, Пушкина (*вероятно, имеется в виду* П.С. Бобрищев-Пушкин. – *Прим. сост.)* и др. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] И Михаил Александрович и Наталья Дмитриевна отличались исключительным радушием и гостеприимностью. Стол у них был всегда прекрасный. Помимо обильных блюд из местной дичи и рыбы, они имели большие запасы привозных продуктов из Москвы – миндаль, чернослив, разных сортов орехи, кофе, горчица, конфеты, масло прованское и т.п. – *Прим. А. Палашенкова.*

[III] Михаил Александрович особенно был дружен с чахоточным архиепископом Афанасием – философом и любителем археологии. – *Прим. А. Палашенкова.*

Читали, беседовали и спорили друзья.

Самое оживленное участие в обсуждении текущих событий и философских вопросов принимал хозяин дома – высокий, стройный старик, в сером сюртуке, с тугим стоячим высоким воротником, о котором некогда Пушкин сказал:

«Всех выше и грудь и плечи подымал
За ней[1] вошедший генерал».

Постоянными посетителями Фонвизиных были все находившиеся на поселении в Тобольске декабристы: бывшие блестящие кавалергарды друзья Михаил Александрович Муравьев[9], Иван Александрович Анненков[10] и Петр Николаевич Свистунов[11].

Свистунов был большой знаток и любитель музыки, композитор, весь Тобольск знал и любил его. Свистунов принимал деятельное участие в учреждении Тобольской Мариинской женской школы, он автор статьи, напечатанной в «Русском архиве» за 1870 г. «Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14-го декабря и о декабристах».

Часто бывал в доме Фонвизиных декабрист Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин[12]. К нему, как к глубоко верующему человеку, исключительно была расположена Наталья Дмитриевна. В Тобольске Бобрищев-Пушкин занимался гомеопатией и много своим лечением помогал больным. В особенности большую услугу оказал он в страшный холерный 1848 год бедному населению Тобольска.

Нередко в фонвизинской гостиной бывали декабристы – доктор Фердинанд Богданович Вольф, Флегонт Миронович Башмаков, Семен Михайлович Семенов – кандидат этико-политичеких наук, сопровождающий в 1829 году по Западной Сибири последнего энциклопедиста Гумбольдта, а также Владимир Иванович Штейнгель – автор статей «Записки несчастного», «Сибирские стократы» и ряда воспоминаний.

Хотя и кратковременна была жизнь Вильгельма Карловича Кюхельбекера в Тобольске, тем не менее, и он разделял дружескую беседу и споры под радушной фонвизинской кровлей.

К Кюхельбекеру – автору поэмы «Вечный жид», романа «Последний Колонна», мистерии «Ижорский», стихотворения «Пророчество» и др. – некогда были обращены стихи А.С. Пушкина:

Мой брат родной по музе, по судьбам...
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные предания оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

19 октября.

Но не суждено было поэту усладить свой слух рассказами близкого товарища. 14-[ое] декабря 1825 года навсегда разлучило их, и разговор

О Шиллере, о славе, о любви

был перенесен в далекую Сибирь на Павлуцкую улицу, в дом с мезонином.

По праздничным дням приходил семинарист Михаил Знаменский, талантливый впоследствии художник и бытописатель[13].

По целым дням здесь находилась дочь тобольского губернского прокурора Мария Дмитриевна Францева, оставившая воспоминания о декабристах (Напечатаны в журнале «Исторический вестник» 1888 г., кн. 5-6).

Изредка, видимо, только по приглашению, здесь бывал и автор «Конька Горбунка» Петр Павлович Ершов. Известно, один из вечеров фонвизинской гостиной был посвящен слушанию только что оконченного им произведения «Моя поездка»:

Город бедный, город скучный,
Проза жизни и души.

---

[1] *Далее карандашом над строкой вписано* «Татьяной». – *Прим. сост.*

Как томительно, как душно
В этой мертвенной глуши.

Но фонвизинский дом являлся не только политическим и литературным салоном, здесь обсуждались церковные проповеди, церковное устройство, говорили о подвижниках. Епископы, архимандриты, ректора семинарии, священник Стефан Знаменский, который много содействовал открытию декабристами школы в Ялуторовске,[I] женской школы в Омске, в Ялуторовске, а также представители духовного просвещения бывали вхожи к Фонвизиным. Здесь был и знаменитый алтайский миссионер – архимандрит Макарий.

Под гостеприимной кровлей дома с мезонином находили место и простые, но глубоко религиозные люди. Такова небезызвестная Тобольску 40-х годов XIX столетия Татьяна Филипповна Земляницина – проповедница духовных стихов, Екатерина Федотова Непряхина, которая являлась, по словам знавших ее, олицетворением доброты; тобольский чиновник Петр Дмитриевич Жилин – переписчик сочинений Михаила Александровича Фонвизина. Заезжала сюда на паре сытых лошадей, в экипаже полковница Маковкина – первая сплетница города, о которой один из не печатавших[ся] поэтов сказал:

«А вот, в углу, в сирень одета,
Сидит тобольская газета».

Чуждался Фонвизиных, доживавший свой век в Тобольске, сибирский Карамзин – Петр Андреевич Словцов. Историку под старость не нравился либеральный дух фонвизинского дома[II].

С нескрываемым недружелюбием к Фонвизиным относились консисторские заправилы, часть знатного городского духовенства и высшая полиция: в фонвизинском доме не молчали о неблаговидных поступках даже самых высоких особ, и это порождало неприязнь к ним со стороны ряда подобных лиц.

Наталья Дмитриевна любила простые сердечные отношения, простых сердечных людей. Всей душой она ненавидела великосветскую фальшь и напыщенность. Была отзывчива к людям. При болезни, постигшем горе люди шли в фонвизинский дом и здесь находили искренние участие и помощь. [В] тяжелый для Тобольска 1848 холерный год Фонвизины, как и П.С. Бобрищев-Пушкин, многое сделали для бедного населения города.

Из дома с мезонином Наталья Дмитриевна шла в тюрьму, чтобы оказать возможную нравственную поддержку и материальную помощь политическим арестантам.

Узнав о дне отправления Ф. М. Достоевского и поэта С.Ф. Дурова в Омскую тюрьму, она вместе с Марией Дмитриевной Францевой, несмотря на 30 градусный мороз, выехали на Омскую дорогу за 7 верст от города с тем, чтобы проводить и напутствовать их.

Она просила князя Горчакова об оказании помощи писателю и поэту. Подобная же просьба была направлена через М.Д. Францеву к инспектору кадетского корпуса Ждан-Пушкину[14]. Это несколько облегчило участь Достоевского и Дурова.

До гроба благодарен ей был Ф.М. Достоевский, сильна была привязанность С.Ф. Дурова к Наталье Дмитриевне. Он заявил, что если «даст какую-нибудь цену своей одинокой жизни, то это единственно в надежде встретить еще раз Наталью Дмитриевну на земном поприще». «Не будь Вас, так что и я: любить некого, жить незачем».

[I] *Далее автором вписана от руки карандашом над строкой фраза* «женской школы в Омске, а также». – *Прим. сост.*

[II] В письме к И.Т. Калашникову от 30 июля 1826 года П.А. Словцов пишет: «...Читавши московские газеты №49 и 50, я видел имена извергов: теперь вопрос, чего злодеям недоставало в чинах, в почестях и при всем своем благосостоянии? Желали сами не знают чего – вот сущие каторжане или варнаки по-нашему. Ей-ей, желал бы сердечно хотя бы полдесятка их выслали к нам в Сибирь, и я бы все меры употребил из этих варваров взять одного и спросить, кто его просил ходатайствовать и придумывать о благосостоянии народа; этакие изверги чего захотели; небылицу в лицах, то есть сделать сказку: не любо не слушай, а врать не мешай. Можно дать вперед нашим потомкам сто лет и тогда этому не поверят, что русские так заблуждались, особенно сибиряки». (Последними словами, полагает М. Азадовский, Словцов намекает на Г.С. Батенькова). – *Прим. А. Палашенкова.*

11 августа 1848 года Наталья Дмитриевна присутствует при кончине В.К. Кюхельбекера.

Всех умерших в Тобольске декабристов она провожала на городское Завальное кладбище, могилы их украшала цветами из богатого цветника и оранжереи.

О всех она заботилась, всем облегчала горе и нужду.

Следуя за мужем в Сибирь, Наталья Дмитриевна покинула на родине отца, мать, рассталась с двумя маленькими сыновьями.

После двух с лишним десятков лет суровой жизни умер нежно любимый ее отец. С горя ослепла и умерла мать. Оставленные на попечении бабушки, а затем перешедшие под наблюдение деверя сыновья, сокрушали Наталью Дмитриевну своим поведением, и волновало ее их расстроенное здоровье. Не могла забыть Наталья Дмитриевна и тех двух малюток, которые родились и умерли в Сибири.

Здесь, в Тобольске, вдали от родины и близких сердцу, иные, нежели в юности и короткой молодости, настроения и мысли обуревают Наталью Дмитриевну, иные письма пишет «Таня» из дома с мезонином:

«Солнце не деликатно заглядывает в окна всех обывателей (Тобольска. – **А.П.**), не разбирая ни пола, на звания. Поэтому-то половина полукруглого окна в мезонине Наталья Дмитриевны и задернута занавеской. У этого окна, за своим письменным столом сидит она с пером в руках. Отбросила к двум исписанным листам третий, Натальи Дмитриевна положила перо и, с выражением не то тоски, не то боли, схватилась руками за свою голову, склонилась к столу и оперлась на него локтями.

Находилась ли она под впечатлением только что написанного ею в письме к своему сыну, или перенеслась она мыслью к давно прошедшему времени… и что из этого давно прошедшего носится теперь перед ее умственными очами. Но только по судорожно сжимающим ее голову рукам, невеселые картины в ее голове. Не грезится ли ей тот ужасный, сумрачный вечер, когда толпа, получившая доступ к месту казни[I] декабристов, бросилась на кучу сожженных офицерских принадлежностей, с целью поживиться выжигой дорогого металла. Не грезится ли ей женщина, с несвойственной женщине силой растолкавшая эту толпу и начавшая речь, которая заставила бывших с нею близких скрыться в страхе. Не вспоминает ли она с благодарностью неизвестного ей англичанина, окутавшего ее своим плащом и успевшего скрыться с нею среди начавшегося волнения. Не вспоминает ли она слезы, ласки, встретившие ее дома, – слезы и ласки этих двух малюток спасли, быть может, от помешательства их бедную мать. Или, может, ей грезится минута прощания с этими малютками, когда, после тяжелой борьбы жены и матери, она сделала предложенный ей выбор: оставила детей и отправилась чуть не за десятки тысяч верст к мужу в страшную, неизвестную ей сторону, чтобы разделить не менее страшную и неизвестную ей жизнь его. И вот, годы прошли, десятки лет прошли, настали года, сравнительно с прошедшими, спокойные; и, быть может, ее мучит теперь жажда заменить холодную переписку личным свиданием?

Но кто знает, что бродит в этой голове, так грустно склоненной над чистым почтовым листом.

Только не жесткие мысли, потому что, когда заскрипели под тяжелыми шагами ступеньки лестницы[II], ведущей в ее рабочий кабинет, она отняла руки и с недоумением ожидала появления неизвестного ей посетителя, лицо ее уже не поражало мужественной решительностью, – это было страдальческое лицо женщины…».

В кабинет вошел Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин. Он сообщил об ухудшении состояния здоровья Свистунова.

«После ухода Пушкина, Наталья Дмитриевна ходит взволнованная по своему кабинету, нервно вертя в дрожащих руках свою неразлучную табакерку. Несколько раз садилась она к столу, брала перо в руки, но тотчас же бросала его, вставала и снова начинала ходить по комнате.

[I] *Далее слово* «декабристов» *вписано карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[II] Лестница и ход наверх сохранились в неприкосновенности до сих пор. – *Прим. А. Палашенкова.*

Не раз она, смотря куда-то в даль, принималась переставлять с места на место различные безделушки, стоявшие на ее столе. Не раз она наливала из флакона себе на руки одеколон, терла ими свои виски и снова ходила из угла в угол; но вот ее походка мало по малу теряют свою нервность, на решительный профиль мало по малу начинает ложиться сходство с красивым мужчиной.

Понюшка ароматного французского табаку, взятая ею из табакерки, служит и сигналом внутреннего примирения. Она еще раз потерла свои виски одеколоном, села к столу, взяла исписанный ею почтовый листок, прочла последние строки и быстро принялась за продолжение на новом листке».

Более чем 20-ти летняя разлука с детьми, думы о смерти в далекой Сибири терзали Наталью Дмитриевну. Она пишет сыну в Крым: «Мысль, что меня похоронят здесь за валом (На Завальном Тобольском кладбище. – А.П.) приводит меня в какое-то непонятное для меня самой отчаяние… Эта мысль составляет для меня такое ужасное нравственное мучение, которое мне даже и описать трудно…»[I].

И далее: «Вокруг пусто и темно, заунывный сибирский ветер разбушевался, хлопает ставнями; жалобно воет в трубе, свистит на соседнем с моим кабинетом чердаке[II], и скрипит и ворчит… А небо мрачно и покрыто тучами, только с одной стороны прочистилось, и оттуда грустно смотрит молодая луна, и именно с юго-запада, куда было воображение умчало сердце. Так или почти так всегда кончаются мои заветные мечтания, и начинает щемить грудь; так бы и выплакалась, да плакать не могу. Несмотря на горькие и тяжелые пробуждения от грез, я, как любитель опиума, при всяком удобном случае пускаюсь на коньке моем в места заветные, но всего чаще брожу около прекрасной уединенной церкви[III].

Вскоре после этого один за другим сошли в могилу сыновья Натальи Дмитриевны. Велико было ее материнское горе: «Слезы душат меня, и сердце бьется, как голубь»[IV].

В это трудное для Фонвизиных время особенно дорожили они приездом своих ялуторовских и туринских друзей, которые при всяком удобном случае всегда стремились попасть под гостеприимный кров Фонвизиных, провести время в беседе с друзьями. Для всех них было широко открыты двери фонвизинского дома.

Во второй половине января 1851 года из Ялуторовска в Тобольск приезжает Иван Дмитриевич Якушкин. Якушкин был желанным гостем для каждого из проживающих в это время в Тобольске декабристов. Но останавливается он в доме Фонвизиных. Наталья Дмитриевна дорогому гостю отводит свой кабинет в мезонине. Автор «Записок», основатель знаменитой ланкастерской школы в Ялуторовске, И.Д. Якушкин гостит у Фонвизиных подолгу и всегда с грустью покидал этот дом.

Посещали Фонвизиных и другие ялуторовские декабристы: автор мемуаров Николай Васильевич Басаргин, Вильгельм Карлович Тизенгаузен[15], Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Последний в письме от 29 мая 1853 года писал П.И. Свистунову:

«Отъезд Натальи Дмитриевны (Фонвизиной. – **А.П.**) и Натальи Ивановны (очевидно Ольги Ивановны Анненковой. – **А.П.**) оставит большую пустоту в нашей жизни».

Много раз из Ялуторовска приезжал к Фонвизиным первый друг Пушкина Иван Иванович Пущин:

Мой первый друг,
Мой друг бесценный[16].

Об этом госте фонвизинского дома, когда он находился в далеком крае, Пушкин, умирая, сказал: «Как жаль, что нет здесь Пущина, мне бы легче было умирать».

Этот всегда жданный гость Фонвизиных писал из Сибири в Россию:

[I] Шенрок 184 стр. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] *Далее вставлена фраза, напечатанная над строкой:* «и скрипит и ворчит... А небо мрачно и покрыто тучами». – *Прим. сост.*

[III] Шенрок 185 стр. – *Прим. А. Палашенкова.*

[IV] Шенрок 186 стр. – *Прим. А. Палашенкова.*

«Если бы я был на месте Данзаса[17], роковая пуля встретила бы мою грудь, я бы нашел средство сохранить поэта – товарища, достояние России».

В уютных комнатах фонвизинского дома, как и в большом доме Тизенгаузена в Ялуторовске, Иван Иванович рассказывал о Пушкине, о различных событиях из жизни поэта, о литературных собраниях, на которых читались поэтом стихи, о посещении им в селе Михайловском «… поэта дом опальный…». О этом посещении Пушкин вспоминал:

О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

19 октября.

В уютном своем кабинете Наталья Дмитриевна с увлечением читала с Пущиным письмо Белинского к Гоголю. Говорили здесь об авторе «Соловья» композиторе Альбьеве.

О многом говорила с гостем Наталья Дмитриевна. В один из приездов Пущина она так завлекла его живыми воспоминаниями прошлого, что он с жадным вниманием прослушал до рассвета историю Татьяны Лариной…»

В то время, когда Наталья Дмитриевна жила в доме с мезонином, отношение ее к Пущину – этому «мирскому человеку» переходили и уже перешли от дружбы к сильному влечению. Свои нравственные сокровища она принесла ему в жертву. «Тайна наша между нами и богом… Не хочу я твоей теплой дружбы: она стынет от осенних ветров: дай мне любви, горячей любви, огненной, юношеской… и Таня не останется в долгу у тебя: она заискрится, засверкает перед тобою и засветится этим ярким огнем».

Внутреннее состояние Натальи Дмитриевны в это время было исключительно тяжелое. Теплившаяся долгое время надежда –

Авось по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь[18]

была похоронена. Погибли не знавшие мать сыновья, умерли отец, мать; к довершению всего этого она чувствовала всю неловкость по отношению к Михаилу Александровичу, которого она уважала, высоко ценила и называла ангелом. Но ангел не подходил к бурному темпераменту старевшей пушкинской героини. И она нарушила клятву:

«Я буду век ему верна».

По отъезде Пущина ни уютные комнаты с портретами родных и близких, ни сад, ни красивый цветник с душистыми цветами, ни любимый соборный звон – ничто не могло успокоить Наталью Дмитриевну.

Как тень она без цели бродит,
То смотрит в опустелый сад (...)
Нигде, ни в чем ей нет отрады,
И облегченья не находит –
И сердце рвется пополам.

Пушкин.

В задумчивости и тоске она подолгу смотрела вдаль, туда где льется Тобол. Эта река ей как-то особенно была близка: своим руслом она, как нитью, связывала ее с небольшим деревянными городком, куда так стремилось ее горячее, рвавшееся пополам сердце.

И она несколько раз тайно от начальства покидала дом с мезонином и уезжала за 340 верст в тихий и милый для нее Ялуторовск.

Невольно вспоминаются стихи из Евгения Онегина:

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влечению чувства,
Что так доверчива она,

Что от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным?
Уже ли не простите ей
Вы легкомыслия страстей».

Гл.3, XXIV

Большую радость внес в дом с мезонином приезд в 1852 году брата Михаила Александровича – Ивана Александровича. Любовь к Михаилу Александровичу и Наталье Дмитриевне у Ивана Александровича настолько была велика, что он, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, как только получил разрешение, забыв все, отправился в далекий Тобольск.

Шесть недель гостил Иван Александрович в доме Натальи Дмитриевны и Михаила Александровича и с тяжелым чувством покинул их.

13 февраля 1853 года Фонвизиным разрешено было вернуться на родину и жить в сельце Марьине Бронницкого уезда Московской губернии.

Слезы полились из глаз Натальи Дмитриевны и Михаила Александровича, они пали на колени при получении 3-го марта известия об освобождении. Вся дворня сбежалась в дом разделить радость своих господ и, глядя на них, также проливали слезы.

15 апреля покинул Тобольск Михаил Александрович.

Когда по городу распространилась весть о его отъезде, толпы тоболяков стали приходить в дом проститься и пожелать счастливого пути и долгой жизни 70-летнему старцу. В гостиной был отслужен напутственный молебен, после которого началась тяжелая сцена прощания с товарищами многолетнего изгнания и со всеми пришедшими. Из многих глаз лились слезы. Кончилось прощанье. Поддерживаемый друзьями Михаил Александрович оставил дом, сел на поданную к дому простую телегу и на перекладных, в сопровождении жандарма, тронулся в далекий путь, в Россию.

Через 19 дней, утром 4-го мая, простившись со всеми провожавшими, оставила дом с мезонином и Наталья Дмитриевна[1].

Много тяжелого, горького пережито в этом доме Натальей Дмитриевной, и тем не менее она с грустью покидала его, с тоской оставляла Тобольск и с болью Сибирь.

Двадцать пять лет жизни в Сибири сроднили Наталью Дмитриевну с этой страной. Здесь прошла молодость ее, здесь могилы похоронных надежд, здесь познана истинная дружба.

«На Урале, – пишет Наталья Дмитриевна, – мы остановились у границы европейской, обозначенной каменным столбом. Как я кланялась России когда-то, въезжая в Сибирь, на этом месте, так поклонилась теперь Сибири в благодарность за ее хлеб, соль и гостеприимство…».

В 4 часа утра, 25-го мая Наталья Дмитриевна приехала в Москву. От прежнего обаяния родины – ни восторга, ни радости не осталось на душе у вернувшейся после 25-тилетнего изгнания: «Я полагаю, что Тобольск увидела бы теперь с большой радостью», – говорила Наталья Дмитриевна.

В Москве она полагала задержаться на некоторое время, но бдительное начальство не позволило ей даже переночевать здесь. В тот же день вечером она отправилась в определенное ей для жительства село Марьино.

Менее чем через год (30 апреля 1854 г.) по приезде в Марьино умер Михаил Александрович, а в 1857 году, когда Наталье Дмитриевне было 52 года, она вторично вышла замуж за И.И. Пущина.

После смерти Пущина (в 1859 г.) Наталья Дмитриевна удалились в Покровский женский монастырь, где и умерла 11 октября 1869 года.

[1] Вместе с Натальей Дмитриевной отправились в Россию М.Д. Францева, няня, дети (две воспитанницы), прислуга и сопровождавший жандарм. – *Прим. А. Палашенкова.*

После отъезда Фонвизиных их Тобольская усадьба стала клониться к упадку: молкли в стенах дома людские голоса, перестали звучать музыкальные мелодии, усадебные постройки – службы развалились, отцвели в цветнике хризантемы, левкои, настурции. Постепенно один за другим сошли в могилу и люди. У каменных монастырских стен, на скромных сибирских кладбищах многих уже истлели кости. Остался дом – этот безгласный свидетель жизни лучших представителей русской интеллигенции первой половины XIX столетия.

Дыханием минувшего отдает от стен фонвизинского дома. Когда проходите по комнатам, большая галерея лиц восстает в воображении.

Вот узенькая деревянная лестница, ведущая в мезонин. Так же, как и сто лет тому назад, грустно скрипят ступеньки. Скрип их особенно живо напоминает о той

«...с которой, – по выражению поэта, – образован
Татьяны милый идеал».

Входите в бывший кабинет владелицы. Тепло, сухо, как и прежде, в окна заглядывает солнце. Но у окна не видно старинного письменного стола со свечами в подсвечниках, за которыми Наталья Дмитриевна рыдала над письмами Пущина. Не видно этажерки с Библией, Арндтом, Фомой Кемпейским, Франсуа де-Саля, с Творениями отцов церкви.

Со стен не смотрят портреты молодых кавалеристов офицеров, из черных рам не глядят изображения малюток в красных рубашонках. Нет икон с теплящейся лампадой, перед которой вся в черном с картинно-обрамленным вуалем лицом в исступлении молилась Наталья Дмитриевна.

Теперь у побеленных стен стоят скромные студенческие кровати, покрытые одеялами с белыми на подушках наволочками. На стенах портреты вождей, лозунги. Ниже – расписание занятий медицинского техникума. Бодрый слышится говор девушек-студенток, с прииртышских и приобских селений, с Заполярья приехавших в город учиться. Временами, в часы отдыха, старые стены дома оглашаются звуками песни:

От Москвы до самых окраин,
С южным гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей[19].

В старые стены дома с мезонином влилась новая, здоровая молодая жизнь[I].

[I] *Ниже поставлена подпись автора черными чернилами, рядом напечатана фамилия и ниже* «г. Омск». – *Прим. сост.*

Исторические памятники г. Тобольска[1]

1944 г.

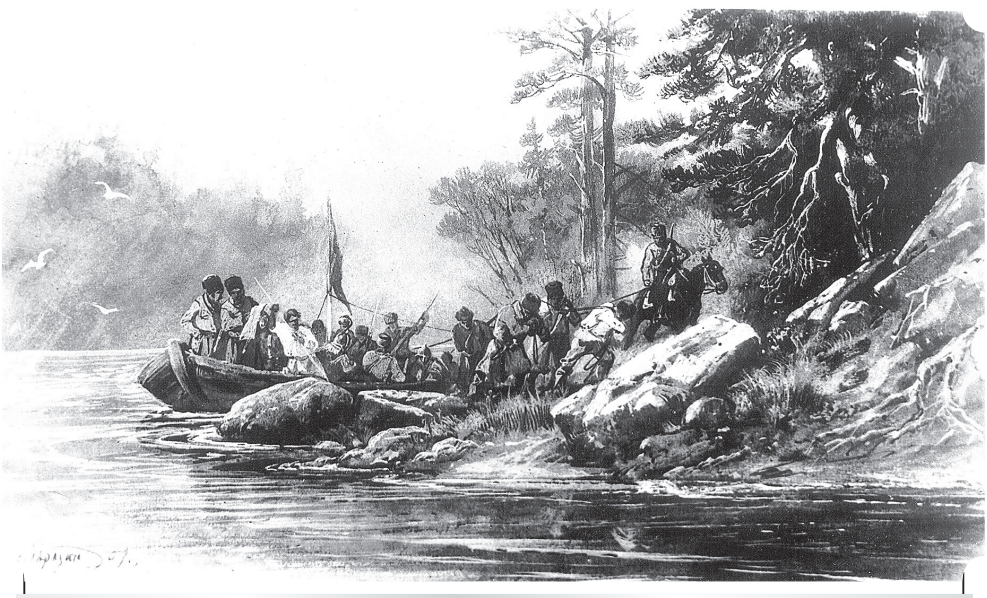
Замечается обычно такое явление: мы хорошо знаем историю своей страны, историю других государств, даже таких государств, которые сошли со всемирной исторической арены (как, например, Египет, Ассиро-Вавилония, Сирия и т.д.), а вот историю своего города, тем более своего села – совершенно не знаем или очень мало знаем.

Между тем знание истории города и даже села имеет большое значение. Ведь в истории города отражаются общегосударственные исторические формации. В свою очередь, история города, села, их вещественные и письменные памятники являются документальным научным вкладом в общую историю страны.

Наш Тобольск с его памятниковым арсеналом в этом отношении представляет особенно большой интерес, как ни один из городов Сибири.

К сожалению, история Тобольска, его памятники далеко недостаточно изучены.

Я не собираюсь излагать историю Тобольска. Остановлю Ваше внимание лишь на некоторых штрихах из истории города, на его памятниках и значении последних.



XVII столетие. Сибирские казаки у проведывания новых землиц. Фотография с акварели Н.Н. Каразина. 1891 г.

В жестоких боях и сечах на берегах рек Туры и Тобола Ермак с дружиной своей надломили военную мощь Сибирского царства, владения которого на юге терялись в Барабинских степях, к северу они шли по Иртышу и врезывались в земли хантов и манси; на востоке простирались до водораздела Иртыша с Обью и, наконец, на западе доходили до европейских склонов Уральских гор.

Продвигаясь шаг за шагом на восток, Ермак в сентябре 1581 года вошел в устье реки Тобола и поднялся на три километра вверх по Иртышу. Здесь (где Заостровные юрты) он занял небольшой городок татарского мурзы Атика. Положение отряда в городке было исключительно тяжелым. Дружинники не достчитывались многих своих товарищей (из 840 человек осталось около 500, но и те носили следы ранений и большой физической переутомленности). Ощущался недостаток в продовольствии. Находясь во вражеском окружении неведомой и суровой страны, казаки не могли рассчитывать ни на чью помощь.

В эти трудные минуты Ермак собрал дружину, чтобы решить покинуть ли им завоеванные места и идти назад, или же вести борьбу до конца. Все в один голос заявили о готовности продолжать борьбу до самой смерти.

Утром 23 октября на Чувашском мысу, на виду у казаков, появился большой отряд татар под предводительством Кучума. Главные же силы, руководимые племянником хана Маметкулом, были сосредоточены внизу, у подошвы мыса под прикрытием засеки[1].

Смело и решительно ринулись казаки на неприятеля. Сверху на них летели тучи стрел. Видя большой урон в войске Ермака, воины Маметкула сами разломали в трех местах засеки и бросились на казаков. Произошла, по словам летописца, «брань великая». Обе враждующие стороны сошлись настолько близко, что «друг друга за руки емлюще сечахуся»[2]. Но не выдержали казацкого натиска и мужества подвластные царя Кучума и бросили своим засеки, на которых тот час же появились знамена Ермака. Силы Маметкула (превосходившие в 10-20 раз) были на голову разбиты казаками.

После поражения под Чувашским мысом началась паника и развал в войске царя Кучума. Хантийские князьки сразу же отошли от хана «каждые восвояси».

Разгром армии так подействовал на Кучума, что он не решил защищать столицу царства город Искер (находившийся в 17-ти километрах от места генеральной битвы). «И взя нечто мало от сокровищ своих, – Кучум предался невозможному бегству, а град Сибирь (Искер – **А.П.**) оставиша пуст»[3].

26 октября 1581 года Ермак вошел в покинутый Кучумом город Искер (он же Сибирь, Кашлык) и через два месяца отправил в Москву посольства из сорока человек во главе с Иваном Кольцо.

Смело, с сознанием важности совершенного дела, предстали посланники пред Иваном Грозным. Царь обласкал их, простил казакам прежние их вины и щедро одарил.

Наступил новый период в истории Сибири. Во весь рост стал вопрос закрепления завоеванных земель за Москвой.

Для подкрепления уцелевшей немногочисленной казацкой дружины из Москвы в мае 1581 года царь Иван IV посылает воевод Семена Болховского и Ивана Глухова с ратными людьми в количестве 500 человек.

Но обессиленный трудностями далекого пути, отряд Болховского по прибытии на Искер стал быстро таять. Сам Болховский, не выдержав голода, умер.

А в 1584 году воевода Глухов, узнав о гибели Ермака, с оставшимися в живых ратными людьми тоже немедля отправился в Москву. «Град же Сибирь (Искер – **А.П.**) оставиша пуст…».

Между тем новый московский царь Федор Иванович, не зная о трагическом конце отряда Болховского, в 1585 году посылает в Сибирь воеводу Мансурова с отрядом в 600 человек и пушками. Доплыв до устья р[еки] Тобола и узнав об оставлении русскими Искера (последний снова заняли татарские властелины), Мансуров, не останавливаясь,

[1] Засеки – срубленные деревья, обращенные сучьями и вершинами в сторону неприятеля, чтобы удержать приступ. – *Прим. А. Палашенкова.*

спускается вниз по Иртышу и в его устье делает вынужденную зимовку. Здесь Мансуров подвергается осаде со стороны хантов. Правда, последние, действовавшие стрелами и копьями, были разбиты русскими, тем не менее, как только открылась возможность, Мансуров покинул Сибирь.

Исходный конец отрядов Болховского и Мансурова показал московскому правительству, что случайной посылкой ратных людей трудно закрепить положение в Сибири, нужны более организованные мероприятия, именно: постройка опорных военных пунктов – городов, острогов.

В конце 1585 года в Сибирь направляется отряд во главе с воеводой Василием Сукиным и Иваном Мясным, а также с письменным головой Данилом Чулковым.

В июле следующего 1586 года на реке Туре, на месте бывшего татарского городка Чинги-Тура, они заложили первый русский город на Сибири – Тюмень.

По закладке Тюмени, письменному голове Чулкову с командой предложено было отправиться в старую Сибирь (так называлась бывшая столица Сибирского царства – Искер), также «для городового постановления».

По пути следования к назначенному пункту, не доходя 20 килом[етров] до него, внимание Чулкова было остановлено на правом берегу Иртыша, при впадении в последний р[еки] Тобола. Найдя данное место «угожим» для городового построения, он и приступил «с великим поспешением строить город для безопасно житья от живущих тут народов и проименовал по р[еке] Тоболу «Тобольск».

Тобольск был заложен на горе, на Троицком мысу, где в настоящее время находится музей с прилежащей к нему территорией.

С трех сторон – южной, западной и восточной место это имело крупные и высокие (до 50 и более метров) склоны, служившие естественной защитой возникшего города.

Город был срублен из судового ладийного лесу, небольшой острогом забранный. В нем была построена церковь во имя Троицы (отсюда название «Троицкий мыс»).

С дозорной вышки нового города открывались обширные дали спокойной Западно-Сибирской равнины. На север и северо-восток стеной стояли леса. На восток, метрах в 100 – 150, возвышался небольшой оголенный чук – манский мыс с остатками брошенных татарских жилищ. Далее, за глубоким оврагом – Панин бугор – покинутая резиденция жены хана Кучума – дочери мурзы Девлет-бая.

Еще дальше виднелся Чувашский мыс.

На запад, всего лишь в нескольких десятках метров (за Торговым, теперь Прямским взвозом) виднелся береговой мыс, спускавшийся крутым обрывом к Иртышу, за широким плесом которого тянулись бесконечные поемные пространства, поросшие местами кустарником. Та же ширь перед зрителем открывалась на юг и юго-восток.

Выгодность местоположения заложенного города была налицо. Находясь на стыке двух значимых водных артерий, которыми были Тобол и Иртыш, имея широкий и свободный выход (по Иртышу и затем по Оби) в земли хантов и манси и далее на Крайний Север к ненцам, город обеспечивал закрепление Москве обширных Западно-Сибирских пространств.

Когда построенное Чулковым укрепление оказалось тесным и мало надежным к обороне, то в 1594 году тобольские воеводы Меркурий Щербатов[4] и Михаил Волконский[5] заново построили на этом же Троицком мысу рубленный город, который обнесли острогом.

В 1600 году город был перенесен с Троицкого мысу на другую сторону торгового (Прямского) взвоза, где впоследствии был сооружен наместнический дворец.

Через шесть лет в 1606 году здесь же, на другом бугре, приступлено было к постройке бревенчатого рубленого города. В 1609 году постройка его была закончена.

Новое городовое строение существовало до 1643 года. 4 августа 1643 года Тобольск был охвачен большим пожаром, от которого сгорел город, приказ, соборная и приходская церкви, архиерейский и воеводский дома, гостиный двор, ряды, острог и все обывательские дома, уцелел лишь Девичий монастырь.

Вновь застучали топоры городового дела строителей и на старом городском пепелище снова вырос город в 1886 метров в окружности с десятью башнями, из которых четыре с проезжими воротами.

Тридцать с лишним лет оберегали возведенные стены и башни Тобольск.

29 мая 1677 года новое очередное бедствие постигло Тобольск. От молнии случился пожар, в результате которого выгорели: на горе город рубленный, соборная и семь других церквей, архиерейский дом, приказы, гостиный двор, ряды, 105 воеводских и обывательских домов, а также Знаменский монастырь под горой.

В 1679 году при воеводе Петре Шереметьеве[6] вместо сгоревшего 29 мая 1677 г. построен был деревянный город о девяти башнях «да церковь Вознесения Господня в стене». Но в 1680 году 7 августа и этот город истреблен был пожаром[I].

Какой бугор имеется в виду? Троицкий ли мыс или береговой бугор – трудно сказать. Мы полагаем, что береговой бугор.

От поджогов «великого небрежения, гроз и молний много раз горел и опустошался город и защищавшие его укрепления. Неоднократно буря жестокая срывала и ломала городские стены и башни. Но вновь и вновь возобновлялись городские укрепления, рос и ширился город».

В последнюю четверть XVII стол[етия] от деревянного строительства, которое более подвержено износу и огню, постепенно Тобольск переходит к строительству каменному, кирпичному.

В 1681 – 1686 году на средства, отпущенные царем Федором Алексеевичем, строится первое каменное сооружение в Сибири – Успенский Собор, а затем и другие храмы. Со всех сторон соборного двора заложена была каменная ограда вышиною в 4 метра с 6-ю башнями и воротами.

В 1697 году Петр I-й повелел тобольским воеводам приступить к постройке каменной приказной палаты, а также и каменных укреплений[II].

Первый сибирский губернатор, князь Матвей Гагарин, воспользовавшись присылкой в Тобольск шведов, взятых в плен под Полтавой, построил в 1714 – 1716 гг. на горе каменную крепость с зубчатою стеною с северной стороны, начиная от берега Иртыша до каменного гостиного двора с Троицкими и Воскресенскими воротами, а над спуском горы, Прямском взвозе, каменное здание, так называемую Шведскую палату.

В результате каменного оборонительного строительства конца XVII и первой четверти XVIII веков Троицкий мыс и береговой бугор опоясались каменными стенами с башнями и воротами. Прямским взвозом Кремль[III] делился на две части: церковную – на Троицком мысу и военную – на береговом бугре.

В настоящее время часть укрепления уцелела лишь на Троицком мысу, многие поэтому и полагают, что только этой территорией ограничивался Кремль и в древности. На береговом же бугре от укреплений не осталось и следа.

Многогранна и в высшей степени значима для Сибири дальнейшая история Тобольска.

Сделавшись сразу же после своего основания стольным городом Сибири, центром нового, Тобольского, воеводства, аванпостом Московского правительства в деле дальнейшего завоевания Сибири, Тобольск сохранял первенствующее положение на протяжении двух с половиной столетий. Вся история Сибири теснейшим образом связана с ним.

Тобольск в прошлом – центр угнетения и духовного порабощения народов Сибири, распределительный центр суровой сибирской каторги и ссылки. В кандалах и тюрьмах здесь сгорела жизнь многих лучших сынов родины, боровшихся с царским самодержавием и капиталистическим гнетом. В XVII – XVIII веках сюда ссылались участники крестьянских

[I] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[II] Видимо от этого времени и остались иные существующие круглые Кремлевские башни. – *Прим. А. Палашенкова.*

[III] Название «Кремль» производят и от греческого слова «Кримнос» – крутой (кремли древних городов помещались на крутых обрывах, на берегу рек) и от русского слова «кремень». – *Прим. А. Палашенкова.*

восстаний. В 1790 году в Тобольске в течение 7-ми месяцев находился автор «Путешествия из Петербурга в Москву» – Радищев. После восстания 14-го декабря 1825 года Тобольск был местом длительного пребывания декабристов, из которых 7 человек здесь и скончались. В 1850 году в Тобольской тюрьме находились петрашевцы, в том числе Достоевский, поэт Дуров; в 1861 г. – Михайлов, в 1864 г. – Чернышевский, в 1880 – 1881 годах – Короленко. С конца XIX столетия сюда отправлялись на каторгу и ссылку участники рабочего движения.

Тобольск – родина знаменитого химика – Менделеева, композитора – Алябьева – творца известного «Соловья», родина художника Перова. Здесь жил, работал и умер Петр Павлович Ершов – автор прославленной сказки «Конек Горбунок». В 1791 году сосланный сюда Сумароков издавал журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» – первый провинциальный журнал в России.

Будучи главным городом Сибири, Тобольск невольно впитывал в себя культурное достояние ушедших веков. Безымянные мастера, наследуя лучшие архитектурные традиции, оставили здесь ряд редких, а для Сибири единственных памятников зодчества, местом сосредоточения которых является главным образом Кремль.

Тобольский Кремль – яркая страница ушедшей жизни. Все будит здесь воспоминания о пошлом – гнетущем и мрачном, с одной стороны, талантливом и творческом, с другой.

На относительно небольшой кремлевской территории сохранились разные по назначению и характеру памятники старого строительства, дающие в целом стройный архитектурный ансамбль.

По гребню крутого Троицкого мыса красиво разместились круглые и четырехугольные башни, а также стены Кремля.

Сохранились пять башен, из них три круглые и две четырехугольные. Постройка круглых башен, мы полагаем, относится к первому периоду каменного строительства в Тобольске к 90-м годам XVII столетия, а не к 1714 – 1716 годам – как принято считать. Четырехугольные башни возведены на месте разобранных древних круглых в 40-х гг. XIX столетия. Всесокрушающее время обнажило и разрушило уходящие ввысь башенные шатры, сорвало венчавшие их гербы и флюгера. Наклонились, местами расчленились и осыпались башни. И все же – даже в этом виде своем они говорят о былой своей красоте и значимости.

В начале XVIII столетия над Прямским взвозом сооружена так называемая Шведская палата. Сделан отвод русла реки Тобола на три километра выше города, это немые свидетели пребывания и деятельности здесь военнопленных шведов, присланных сюда после разгрома их под Полтавой. Эти памятники уносят нас в тот напряженный исторический момент, когда, по выражению поэта, –

«Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра».

Пушкин А.С.

К интересным памятникам гражданской архитектуры Кремля относится бывший Меновой двор, построенный в 1702 – 1706 гг. Здание имеет вид крепости с большим внутренним четырехугольным двором, двухэтажное, с подвалами и 79 сводчатыми комнатами. Под углом Менового двора [–]башни. Длина его равна 70 метров, ширина 51-му метру. В конце XIX и нач[але] XX столетия здание являлось распределительным пунктом сибирской каторги и ссылки.

Существует предание, что в одном из отделений нижнего этажа Менового двора в 1760 году пол от ветхости балок провалился, и под ним рабочими, призванными для исправления повреждений, усмотрена была к южной стороне железная дверь с большими крючьями и тяжелым железным замком. На двери этой изображен был во весь рост сибирский казак в синей форменной куртке и с пикою в руке. Сказание присовокупляет к этому, что[1] за дверью находился подземный ход в камеры с железными дверями. Вы-

[1] *Далее зачеркнуто несколько слов и оставлен только конец фразы:* «за дверью находился подземный ход в камеры с железными дверями». – *Прим. сост.*

У здания Тобольского музея сидят в нижнем ряду справа налево С.И. Павлов (зав. Тобольским окружным архивом), А.Ф. Палашенков, А.И Щербина (директор музея). Тобольск. Ноябрь 1941 г.

ход же из этого подземелья был в одну из каменных арок, что под Шведской палатой. Предание это упорно существует и до настоящего времени среди коренных тоболяков.

Здания бывш[ей] ризницы, консистории, типографии и архиерейского дома (музей) – все это сооружения XVIII века, носящие следы влияния киевской архитектуры.

К группе интересных сооружений кремлевского церковного строительства относится: Успенский и Покровский соборы, массивное здание Успенского собора – первое каменное сооружение в Сибири, относящееся к 1682 – 1686 гг. Оно носит на себе печать византийско-киевского храмового строительства. Позднейшими пристройками и переделками собор сильно видоизменен, и тем не менее он сохранил элементы старинного зодчества.

Постройка Покровского Собора относится к 40-м годам XVIII столетия, колокольня – к последней четверти этого же столетия. Здание колокольни отменно по своей конструкции, четырехъярусное, с башней наверху, общая высота колокольни 70 метров. Это самое высокое здание в нашей области.

В расстоянии 5-ти метров на восток от здания музея находится колоколенка, которая являлась тюрьмой первого ссыльного в Сибирь – угличского колокола.

Вступая на территорию Кремля, невольно проникаешься уважением к его безыменным строителям – нашим древним «каменных дел мастерам».

Памятники истории, культуры и революции находятся и в других местах города.

На береговом мысу – бывш[ий] Дворец наместника, построенный в 1780 – 1782 гг.

На ул.[1] – главное здание «Белой больницы», построенное в 1776 г.

На ул. им. Сталина – здание Окрисполкома стройки последней четверти XVIII в. И ряд других интересных [зданий] гражданской и церковной архитектуры.

В Тобольске находится памятник завоевателю Сибири храброму атаману Ермаку, сооруженный в 1839 году по проекту Брюлова.

На улице им. Розы Люксембург – здание бывшей гимназии (теперь Поликлиника), в которой жил Алябьев, учился Менделеев, преподавал Ершов.

---

[1] *Далее оставлено пустое пространство в машинописном тексте. – Прим. сост.*

На углу Почтовой улицы и ул. им. Семакова деревянный дом, в котором жил и умер автор «Конька-Горбунка».

На Большой Октябрьской – дом декабриста Фонвизина.

На Завальном кладбище могила декабристов: Муравьева, Вольфа, Башмакова, Барятинского, Кюхельбекера, Семенова, Краснокутского, сибирского Карамзина – историка Словцова, Ершова, художника и бытописателя Знаменского, украинского поэта Грабовского, революционера Костюрина.

По сторонам памятника Ермаку [–] братские могилы жертв белогвардейского восстания 1821 г.

Данным перечнем далеко не исчерпывается все наличие памятников нашего города. Тобольск поистине город памятников, и равных ему городов в этом отношении в Сибири нет.

К сожалению, мы не придаем и недооцениваем того большого значения, какое имеют памятники. Памятники [–] беспристрастные свидетели прошлого. Они будят у нас воспоминания о минувшем, в живых и ярких образах, недоступных часто самому талантливому описанию, воскрешают ушедшее, приподнимают отделяющую нас от событий и лиц пелену времени, разрывают года, десятилетия, века и приобщают к прошлому во всей непосредственности и правде. Историко-революционные памятники обогащают и углубляют наши познания в области борьбы и побед трудящихся и вместе с тем воспитывают высокие качества человека-гражданина, беззаветную любовь к родине, героизм, зовут к славе и победе.

Придавая большое значение памятникам, издан целый ряд Правительственных Постановлений в отношении охраны их. Большое внимание со стороны Правительства, как мы все знаем, оказано и памятникам нашего Тобольска.

Вопрос охраны памятников в настоящее время приобретает особенную значимость и важность.

Сотни, тысячи памятников истории, культуры и революции народов Советского Союза уничтожены фашистскими варварами.

Разрушены памятники седого Смоленска, уничтожены памятники Великого Новгорода, стерты памятники матери городов русских – Киева. Пострадали памятники города Великого Ленина. Обезображены дома и усадьбы гениальных наших писателей, композиторов, художников.

Разрушенные немецкими солдатами фабрики, заводы, мосты, плотины и т.п. будут в ближайшее время восстановлены людьми и, может быть, даже в более величественном виде, нежели они были. Но разрушенный и уничтоженный памятник – потеря невознаградимая, неискупимая никакими материальными ценностями.

Все это обязывает нас к самому внимательному и бережному отношению к памятникам.

Вопрос охраны памятников должен стать во весь свой рост перед городскими организациями – партийными, советскими, перед советской интеллигенцией, перед нашей молодежью, перед всеми крепко любящими свою дорогую родину людьми[I].

Апрель 1944 г.
Г. Тобольск[II].

[I] *В конце текста синими чернилами поставлена подпись* «А.Ф. Палашенков». *– Прим. сост.*

[II] *Дата и место написания рукописи проставлены автором от руки синими чернилами. – Прим. сост.*

О состоянии и охране памятников Омской области[1]

[1943 – 1944 г.][I]

Древнейшими[II] из памятниковых объектов на территории[III] Западной Сибири, Кулундинской, Барабинской и Ишимской степей (как и повсеместно) являются археологические памятники. Эти памятники восходят к незапамятным временам и являются часто не только важнейшим, но и единственным источником познания древних стадий культуры. Без них не могут быть полно изучены отдельные моменты исторического процесса. И вместе с тем, они являются весьма убедительным конкретным наглядным предметом для всякого изучающего историю.

Громадное научное значение археологических памятников отмечено рядом правительственных распоряжений[IV], а также созданием специальной Академии Истории Материальной культуры (ныне Институт Материальной культуры Академии наук[V] СССР).

[I] *Датировка точно не известна, проведена в соответствии со сведениями, сообщаемыми автором в тексте работы. – Прим. сост.*

[II] *Отрывок текста, предваряющий это предложение, зачеркнут карандашом:* «Глубокий интерес к изучению исторического прошлого народов нашего Союза дал свои зрелые плоды в различных областях социалистической культуры. Вместе с тем, проявление интереса к историческому изучению во весь рост ставит вопрос бережного отношения к богатейшему культурному наследию прошлого».

На XVIII съезде партии В.М. Молотов говорил: «Надо, не жалея сил, изучать культурное наследство. Надо знать его всерьез и глубоко. Надо использовать все, что дал капитализм и предшествующая история человечества, и из кирпичей, созданных трудом людей на протяжении многих веков, строить новое здание, – удобное для жизни народа, просторное, полное света и солнца». На громадном пространстве нашей Омской области (Здесь, как и в дальнейшем, Омская область принимается в прежних ее административных границах, т. е. до выделения из нее Тюменской области), служившей обширной исторической ареной многих сошедших и ныне прибывающих народов, сохранился ряд исторических и историко-революционных памятников, имеющих большое научное и политико-воспитательное значение». – *Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто* «области», *вписано автором карандашом над строкой:* «Западной Сибири, Кулундинской, Барабинской и Ишимской степей». – *Прим. сост.*

[IV] 1. Декрет ВЦИКа и СНК от 7 января 1924 г. об охране археологических памятников, о запрещении самовольных раскопок и найденных кладов (Известия ЦИК. – [19]24 г. № 43).

2. Инструкция НКП, утвержд[енная] Презид[иумом] ВЦИКа 7 / VII – 24 г. об охране археологических памятников. (С.У. – 1924 г. № 66. Ст. 654).

3. Циркуляр Главнауки от 28 / II – 1927 г. о привлечении к ответственности за самовольные археологические раскопки (Ежегодник НКП № 10 – 1927 г. Ст. 234). – *Прим. А. Палашенкова.*

[V] *Слово* «наук» *вписано карандашом над строкой. – Прим. сост.*

Какие же мы имеем археологические объекты на территории[I], нас интересующей? До сих пор не выяснено: обитал ли человек на наших равнинных пространствах в то время, когда здесь бродили стада[II].

Стоянки[III] – временные поселения дородового и родового общества новокаменного и бронзового веков[IV].

Другим видом археологических памятников являются[V] ГОРОДИЩА[VI] – укрепленные небольшие территории, продолговатой и круглой формы. Обычно занимают треугольный мыс на берегу реки и бывают ограничены с двух сторон рекой и ее притоком, а с третьей – искусственным валом и рвом. Некоторые же городища расположены на болотных и озерных островах. Многие из них относятся к тому отдаленному времени, когда человек не знал употребления железа и выделывал свои орудия из камня и кости.

Городища служили надежной защитой от неприятеля, и кроме того, на некоторых из них совершались жертвенные служения.

Как только приходила весть о приближении неприятеля, население оставляло свои пашни, луга и селения. Все сбегались на городище, сносили сюда свои пожитки и начинали отражать врагов из-за крепостных рвов и валов. Городища являются прототипом позднейших острогов и крепостей.

Многие из них овеяны различного рода легендами и сказаниями. Исчисляются городища[VII] в области многими сотнями.

Третьим видом археологических памятников являются КУРГАНЫ – искусственные земляные насыпи различной высоты и формы. Они сооружались над прахом давным-давно забытых[VIII] нами засельников нашего края.

В курганах встречаются предметы быта и орудия труда.

Курганы – один из самых распространенных видов археологических памятников[IX]. Исчисляются они у нас тысячами.

Имеются и другие археологические памятники:

а) древние могильники и

б) ямы-жилища так называемых подземных людей.

Археологические памятники сосредотачиваются по берегам рек и озер. Река в древности имела исключительно важное значение. Она являлась единственной дорогой, разволакивавшей население по необъятным нашим равнинным просторам, являясь единственной связующей нитью, единственной ориентировочной линией. Река давала человеку рыбу,

---

[I] *Далее зачеркнуто* «нашей области», *вписано карандашом над строкой* «нас интересующей». – *Прим. сост.*

[II] *Предложение написано карандашом поверх машинописного текста. – Прим. сост.*

[III] *Здесь и далее выделено автором. – Прим. сост.*

[IV] *Далее вычеркнут фрагмент текста:* «Назовем некоторые из них:

Омская. Расположена на левом берегу Иртыша против устья реки Оми. Начало стоянки можно отнести за 1500 лет до нашей эры. Принадлежит неизвестному нам племени, именуемому под общим названием «Чудь». В разное время на стоянке найдено более 1000 предметов, преимущественно из камня. Встречаются поделки из кости и меди.

Салехардская стоянка на реке Полуй в 4-х километрах от города. Относится ко II – IV стол[етию] нашей эры. Обследовано экспедицией Академии Наук и нашим Областным Музеем. Всего обнаружено на стоянке около 16 000 предметов из кости, бронзы, камня и глины, в том числе части тиглей для плавки меди.

Андреевская стоянка – у Андреевского озера, Тюменского района и др. Количество известных нам стоянок исчисляется многими десятками». – *Прим. сост.*

[V] *Начало предложения написано от руки автором черными чернилами над строкой машинописного текста. – Прим. сост.*

[VI] *Здесь и далее выделено автором. – Прим. сост.*

[VII] *Слово* «городища» *вписано над строкой машинописного текста черными чернилами. – Прим. сост.*

[VIII] *Далее написано слово* «нами» *черными чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[IX] *Далее зачеркнуто:* «в особенности в южной половине нашей области». – *Прим. сост.*

здоровую проточную воду, временами укрывала его от грозившей опасности. Древний человек особенно дорожил рекой, слагал о ней песни, жался к реке. Этим и объясняется наличие по берегам рек памятников седой древности, о которой Энгельс писал:

«Седая древность при всех обстоятельствах останется необычайно интересной эпохой для всех будущих поколений, ибо она является основой всего дальнейшего прогресса, ибо она имеет исходным пунктом выделение человека из животного царства, а содержанием – преодоление таких трудностей, которые никогда не представятся будущему ассоциированному человечеству».

(Энгельс. Анти-дюринг)[1].

Помимо памятников далеких веков, тысячелетий, на территории области немало памятников более позднего происхождения – памятников исторических и историко-революционных.

В старейшем из русских городов Сибири – Тобольске (основан в 1587 г.) сохранился кремль с рядом интереснейших архитектурных и исторических объектов.

Тобольский кремль – яркая страница ушедшей жизни. Все будит здесь воспоминания о прошлом – гнетущем и мрачном, с одной стороны, талантливом и творческом – с другой.

На относительно небольшой территории кремля сохранились разные по назначению и характеру памятники старого строительства, дающие в целом стройный архитектурный ансамбль.

По гребню крутого Троицкого мыса красиво разместились уцелевшие крепостные башни и стены кремля – образцы военной архитектуры конца XVII века.

К интересным памятникам гражданской архитектуры кремля относится Меновый двор, построенный в 1702 – 1706 гг. по приказу царя Петра I. Здание имеет вид крепости с большим внутренним четырехугольным двором, двухэтажное, с каменными подвалами 79 сводчатыми палатами.

По углам Менового двора башни. Длина его равна 70 метрам, ширина – 51 м. В конце XIX и начале XX столетий здание являлось распределительным пунктом Сибирской каторги и ссылки.

Поперек Прямского взвоза, ведущего из подгорной части города в нагорную, протянулась так называемая Шведская башня. Последняя, а также стены и башни кремля – немые свидетели пребывания и деятельности военнопленных шведов, разгромленных под Полтавой. Эти сооружения уносят нас в напряженнейший период нашей истории,

Когда Россия молодая
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра[2].

Пушкин.

---

[1] *Далее зачеркнут фрагмент текста:* «В отдельную (историко-археологическую) группу выделяются такие памятники, которые, являясь памятниками археологическими, вместе с тем связываются с позднейшими историческими событиями – таковы: территория бывшего города Мангазеи, основанного в 1601 году в устьях реки Таз.

Ляпинская крепость, на левом берегу реки Ляпин против селения Саранпауль Березовского района с остатками упавшего тынного ограждения.

Юильский городок на реке АЙ-ВОШ-ЕГАН (левый приток Казыма) с уцелевшей деревянной крепостной башней.

Сузгун – укрепленная резиденция молодой жены хана Кучума, красавицы Сузгэ.

Чувашский мыс на Иртыше, в 3-х километрах от Тобольска, где 23 октября 1581 года у Ермака с подданными хана Кучума произошла генеральная битва, решившая судьбу Сибирского царства – на правом берегу Иртыша, при впадении в него речки Сибирки, Тобольского района.

Об этой группе памятников имеются исторические свидетельства, в особенности о Мангазее и Искере.

Обследование последнего дало богатый материал, которым обогащен не только ряд Советских музеев, но и заграничные. В особенности большие коллекции по Искеру хранятся в финляндском национальном музее в Гельсинфорсе.

Искер, как один из главнейших памятников истории завоевания Сибири, постановлением правительства взят на центральную гос. охрану». – *Прим. сост.*

Здания: бывшей ризницы, консистории, монашеского корпуса и архиерейского дома (теперь музей) – все это сооружения XVIII века, носящие следы влияния киевской архитектуры.

К группе замечательных сооружений кремлевского церковного зодчества относятся: Успенский собор и соборная колокольня. Массивное здание Успенского собора – первое каменное сооружение Сибири, относящееся к 1682 – 1686 гг. Оно носит на себе печать византийско-киевского строительства. Позднейшими пристройками и переделками собор несколько видоизменен, и, тем не менее, он сохранил обаяние древнего зодчества.

Здание колокольни отменно по своей прочности. Общая высота колокольни 70 метров. Это одно из [самых] высоких зданий в нашей области.

Вблизи б[ывшего] архиерейского дома находится колоколенка – неприглядная и мало интересная в архитектурном отношении постройка. Таковой, впрочем, она и должна была быть. Колоколенка – это тюрьма первого ссыльного в Сибирь, так называемого, Угличского колокола, который по наказании плетьми, отсечении уха и отбитии краев в 1593 году распоряжением Бориса Годунова был сослан в Тобольск. Этот «мятежник» и пробыл в Тобольске 299 лет.

Вступая на территорию Кремля невольно проникаешься уважением к его безыменным строителям, «каменных дел мастерам», этим гениям нашего народа.

В настоящее время Тобольский кремль постановлением правительства объявлен историческим заповедником.

Немало в Тобольске и внекремлевских памятников:

Б[ывший] Дворец наместника, построен в 1780 – 1782 г.

Здание Окрисполкома, построено в конце XVIII века.

Главное здание «Белой больницы», построено в 1776 г.

Бывш[ий] Кривцовский дом, построен около 1760 г.

Бывш[ая] Михайло-Архангельская церковь второй полов[ины] XVIII века с художественной железной оградой вокруг XIX ст[олетия].

Бывш[ая] Захарьевская церковь, второй половины XVIII в., отражающая в своих архитектурных формах и отделке Петербургское барокко стиля Растрелли.

В Тобольске памятник Ермаку, сооруженный в 1839 г. по проекту Брюлова и др.

В Омске уцелели свидетели и участники продвижения русской культуры[1] в глубь азиатских степей – Тарские крепостные ворота, построенные в 1792 г.

Здание бывш[ей] гауптвахты 1781 г.

Генералитетский дом, возведенный в конце XVIII века, и др.

В Тюмени (первый по времени основания русский город в Сибири) на улице 25 лет Октября находится памятник классической архитектуры – каменный двухэтажный дом[3], построен в конце XVIII или начале XIX столетия.

Бывш[ий] Троицкий монастырь[4] с рядом архитектурных памятников в первой четверти XVIII столетия.

Данный памятник состоит на государственной централизованной охране.

Сохранились памятники, связанные с жизнью и деятельностью отдельных исторических лиц, деятелей науки, литературы и искусства.

Наша область дала немало людей, которые своим талантом подняли уровень мировой культуры.

Знаменитый химик Менделеев, известный композитор, автор всем известного нам «Соловья» – Алябьев, творец прославленной сказки Конек-Горбунок – П.П. Ершов, художники Перов, Врубель – все эти уроженцы нашей области оставили себя не только в гениальных своих творениях, но и в общественных памятниках.

В Тобольске, на улице имени Розы Люксембург – здание бывш[ей] гимназии, в котором жил Радищев, родился Алябьев, учился Менделеев, преподавал Ершов.

[1] *Слово* «культуры» *вписано от руки черными чернилами поверх набранного машинописно* «капитала». – *Прим. сост.*

На углу Почтовой и ул. Семакова – деревянный с железной кровлей дом, в котором жил автор Конька-Горбунка Ершов.

На Завальном кладбище в Тобольске же могила Ершова и Сибирского Карамзина – историка Словцова П.А. (со дня смерти которого в[I] 1943 г. исполнилось 100 лет).

Здесь же могила талантливого художника и бытописателя М.С. Знаменского.

Омская область в прошлом – место каторги и ссылки лучших сынов нашей родины, боровшихся с царским самодержавным строем и капиталистическим гнетом.

В XVII – XVIII веках сюда ссылались участники крестьянских восстаний. В 1790-м году в Тобольске в течение семи месяцев находился автор «Путешествия из Петербурга в Москву» – Радищев.

После восстания 14 декабря 1825 г. в Омскую область ссылаются целые группы декабристов. Тобольск, Ялуторовск, Ишим, Тара, Омск и другие города и селения были местом длительного их пребывания. Многие из них здесь и умерли.

Тобольскую тюрьму прошли в 1850 г. петрашевцы, в 1861 г. – Михайлов, в 1864 – Чернышевский, в 1880 – 1881 – Короленко.

В Омске отбывал каторгу Ф.М. Достоевский, поэт Дуров.

Из памятников, связанных с памятью декабристов (участников восстания 14 декабря 1825 г.) назовем некоторые:

В Омске – на углу улиц Интернациональной и Красного Пути – каменное двухэтажное здание бывш[его] Главного Управления Западной Сибири (позднее Областное Правление), в числе служащих которого в 40-х гг. находился член Союза Благоденствия А.Ф. Бригген[5]. В этом же доме работали декабристы – Н.В. Басаргин и С.М. Семенов. Семенов – магистр этико-политических наук в 1829 году сопровождал по Омской области известного натуралиста Гумбольдта.

В Ялуторовске – сохранился дом декабриста М.И. Муравьева-Апостола.

В Тобольске – на Большой Октябрьской хорошо сохранился дом декабриста М.А. Фонвизина. Этот дом является вместе с тем и историко-литературным памятником, в нем с 1845 по 1853 г. жила Пушкинская героиня Татьяна (жена М.А. Фонвизина – Наталья Дмитриевна, урожденная Апухтина).

На Тобольском Завальном кладбище находятся могилы декабристов А.М. Муравьева, Ф.Б. Вольфа, Ф.М. Башмакова, А.П. Барятинского и друга Пушкина – Кюхельбекера В.К.

В Омске – сохранилось здание госпиталя, где много раз пребывал, отбывая каторгу, Ф.М. Достоевский.

С конца XIX столетия в Омскую область отправлялись на каторгу и ссылку участники рабочего движения. Их кандальным звоном оглашались усыпанные человеческими костями дороги, улицы селений, площади городов и мрачные стены тюрем.

В Омске родился, политически сложился и вырос пламенный борец за дело Ленина – Сталина – Валериан Владимирович Куйбышев. Здесь началось его великое служение народу, о нем хранят память дома, площади[II], подвалы.

На территории области проходила героическая борьба с чехословаками, царским адмиралом Колчаком и другими белогвардейскими отпрысками. Имена Лобкова, Усиевича, Избышева и многих других стали достоянием истории края.

Дома, площади, могилы, монументы остались нам на память и в назидание о борьбе и великих победах.

Памятников пролетарской революции на территории области зафиксировано около 120[III]. Данным числом далеко не исчерпывается все наличие их в крае.

Поскольку Омск уже с конца XIX столетия являлся одним из крупных очагов революционного движения в Сибири – наибольшее количество памятников пролетарской революции приходится именно на этот город – 43.

[I] *Далее зачеркнуто слово* «минувшем». – *Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто* «подъезды». – *Прим. сост.*

[III] *Цифра изменена обведением черными чернилами, неразборчиво.* – *Прим. сост.*

Здесь ряд памятников, связанных с жизнью и революционной деятельностью В.В. Куйбышева.

Сохранилось в самом лучшем состоянии большое каменное трехэтажное здание бывшего Кадетского корпуса (ул. Республики), в котором с 1898 по 1905 год учился В.В. Куйбышев. Здесь, в строгих стенах этого здания, формировался революционный склад убеждений и мыслей у Валериана Владимировича.

По улице имени Куйбышева – небольшой деревянный домик № 67[6], в котором В.В. Куйбышев 20 ноября 1906 года вместе с 37 участниками городской партийной конференции был арестован полицией.

По улице Ядринцева в подвальном помещении дома № 3, где помещался полицейский участок, В.В. Куйбышев находился в заключении.

В главных железнодорожных мастерских при станции Омск, являвшихся в [1]900-е - годы одним из[I] видных революционных очагов, В.В. Куйбышев распространял большевистскую нелегальную литературу, проводил митинги, собрания.

Памятники пролетарской революции в Омске относятся к двум революционным периодам:

К периоду 1900 – 1907 гг.

и к периоду 1917 – 1919 гг.

К числу этих памятников относятся дома, в которых находились конспиративные и явочные квартиры, подпольные типографии, размещались революционные штабы.

Места, обагренные кровью трудящихся (место расстрела 120 в овраге Старой загородной рощи и места расстрела участников восстания 22 декабря 1918 г.).

Братские могилы погибших в борьбе за освобождение трудящихся и монументы, воздвигнутые в память погибших борцов.

В Тобольске – сохранилась подпольная типография Тобольской организации С. – Д. партии 1906 – 1907 гг. и братские могилы: 13 повешенных в 1908 г. и погибших от рук белобандитов в 1921 г.

Памятники революции зарегистрированы в 20-ти районах области.

Памятник, посвященный событиям гражданской войны: монумент на братской могиле И.В. Колоскова и К.И. Шамова, установленный в 1950-е гг. Омск. Фотография 1950-х гг. Надмогильный памятник до настоящего времени не сохранился

В Тарском – 5
В Дзержинском – 1
В Седельниковском – 5
В Ялуторовском – 3
В Ишимском – 4
В Марьяновском – 2
В Называевском – 6
В Тюкалинском – 2

[I] *Далее зачеркнуто слово в машинописном тексте, неразборчиво. – Прим. сост.*

В Упоровском – 5
В Бердюжском – 3
В Тюмени – 4
В Калачинском – 1
В Черлакском – 1
В Исиль-Кульском – 1
В Армизонском – 5
В Березовском – 8
В г. Салехарде – 4
В Приуральском – 1
В Надымском – 1

Из общего числа историко-революционных памятников наибольшее их количество приходится на могилы борцов революции.

Кроме того, в ряде городов и селений области на площадях и видных местах сооружены памятники-монументы В.И. Ленину и установлены статуи товарища Сталина.

Значение историко-революционных памятников огромно. Они не только обогащают и углубляют наши познания в области истории борьбы и побед трудящихся, но вместе с тем и воспитывают высокие качества человека-гражданина – беззаветную любовь к родине, героизм, зовут к славе и победе.

Учитывая это значение памятников революции, Исполком Областного Совета Депутатов трудящихся решением своим от 30 сентября 1940 г. взял на учет и местную госохрану 102 историко-революционных памятника[1].

Но помимо памятников прошлого (далекого или более близкого нам времени) наше исключительно знаменательное время, время Великой Отечественной войны, время величайшего напряжения сил народных, это время обогащает исторический памятниковый арсенал новыми и новыми объектами. Каждый день борьбы покрывает немеркнущей славой доблестных защитников родины, каждый день рождает героев на фронте и в тылу, каждый день наша Советская земля покрывается новыми и новыми объектами величия, славы и гордости, обогащается новыми памятниками.

Что же мы, в глубоком тылу, в этом отношении имеем?

Места и здания, где в день вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз проходили митинги, где принимались значимые для укрепления фронта решения.

Здания и места, связанные с жизнью и деятельностью отличившихся в боях героев и видных деятелей трудового фронта.

Братские и отдельные могилы героев и участников Великой Отечественной войны и работников – героев трудового фронта.

Все это памятники, беречь и охранять которые наша обязанность, наш долг.

Как же обстоит у нас дело с охраной памятников вообще?

К сожалению, положение на этом фронте очень и очень неблагополучно.

Только с 1937 г. здесь поставлен вопрос об охране. До этого судьба памятников находилась в руках горкомхозов и их техников.

В результате ряд памятников совершенно уничтожен, ряд обезображен.

Остановимся на некоторых фактах.

Начнем с Омска.

В 20-х и 30-х гг. т[екущего] с[толетия] разобрано трое крепостных ворот конца XVIII века[7]. Для какой цели совершена разборка [–]сказать трудно. Места, освобожденные от ворот, и до сих пор остаются свободными. Видно, нужен был горкомхозовским техникам кирпич.

Сломан домик – кордегардия, описанная Ф.М. Достоевским в Мертвом доме.

Уничтожены обелиски городской заставы первой половины XIX столетия.

---

[1] *Слово* «памятника» *в машинописный текст вписано от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

Сад у Никольского казачьего собора. Омск. 1925 г.

Обезображен единственный в своем роде архитектурный памятник первой половины XIX стол[етия], так называемый [К]азачий собор, построенный в стиле ампир.

Такова судьба и Военного Воскресенского собора XVIII века барочной архитектуры, подкупавший пышностью своих форм и тщательностью работы.

В Тобольске уничтожены могилы декабристов – Семенова и Краснокутского. Разрушена могила и похищена (взята судоремонтной мастерской) чугунная плита с могилы декабриста Кюхельбекера. Разбита надгробная плита на могиле Башмакова.

Могила художника М.С. Знаменского жильцами кладбищенского дома обращена в мусорный склад, ограда сломана.

Сбита верхняя часть с надмогильного памятника Ершову.

Бурьяном и крапивой поросли братские могилы, что у памятника Ермаку (жертв белобандитского восстания 1921 г.).

Памятник Ермаку испещрен разного содержания надписями, барьер памятника сломан, на цокольных плитах ссадины от ударов.

Обращенные в гараж состоявшие на гос[ударственном] учете Богородская и Никольская церкви – рухнули. На их месте груды кирпича, извести, железа.

Плачевный вид имеет дом, в котором жил Ершов и который решением Тобольского горсовета в свое время намечено было обратить в Музей Ершова.

Территория кремля замусорена, стекла в зданиях-памятниках побиты, с части зданий-памятников снято с крыш (для каких-то городских хозяйственных потребностей) железо, некоторые кремлевские башни используются в качестве хлевов. Лучшего применения – не найдено.

Несмотря на постановление Правительства о воспрещении сооружения на кремлевской территории новых зданий – осенью 1942 г. на восточном склоне кремлевского холма возведена новая постройка.

В Тюмени. В 1934 (или 1935) г. по распоряжению секретаря горсовета взорван редчайший архитектурный памятник петровских времен – городской собор[8]. В течение нескольких лет на месте памятника лежала груда кирпичных обломков. Дело по разрушению памятника передано в суд, который приговорил виновного к году лишения свободы.

Замечательное сооружение, крепостная башня Ляпинского городка, в 1924 году была сожжена.

В Ялуторовске. Вырублена на дрова роща декабристов. Техником горкомхоза сняты и разбиты плиты с могил декабристов – Враницкого и Янтальцева[9].

Разобран дом декабриста Якушкина[10].

За малым исключением почти повсеместно могилы борцов революции находятся в забросе. Могильные холмы осыпались и поросли сорняками. Увенчивающие их деревянные (как правило) памятники полуразвалились, надписи отсутствуют, вокруг могил нет оград.

В июле 1943 г., при ознакомлении с состоянием состоящей на учете братской могилы жертв революции в Калачинске, оказалось – увенчивавший могилу памятник кем-то разобран, могильный холм срыт. Напрасны были усилия отыскать в Калачинском саду хотя бы место, где находился могильный холм. Все стерто до основания.

Обстоятельства этого дела таковы. Поблизости могилы была построена танцевальная площадка. Соседство – могилы борцов революции с танцевальной площадкой – калачинцам показалось неприемлемым. Могила не должна омрачать танцующих и участь ее была решена.

Таково отношение к историко-революционному памятнику в районном центре. Чего же ожидать в отношении охраны памятников от колхозных правлений. Невольно вспомнишь слова поэта:

И мало мы так знаем
Вспоившую нас грудь,
И мало мы так славим
Тех, что легли, как шпалы,
Под наш[1] железный путь[11].

Вопрос охраны памятников в настоящее время приобретает особенную значимость и важность.

Сотни тысяч памятников истории, культуры и революции народов Советского Союза уничтожены фашистскими варварами.

Разрушены памятники седого Смоленска, уничтожены памятники Великого Новгорода, стерты памятники матери городов Русских – Киева.

Пострадали памятники города Великого Ленина. Обезображены дома и усадьбы наших гениальных писателей, композиторов, художников.

Разрушенные немецкими солдатами фабрики, заводы, мосты, плотины и т.п. будут в ближайшее время восстановлены советскими людьми и, может быть, даже в более величественном виде, нежели были.

Но разрушенный и уничтоженный памятник – потеря невознаградимая, не искупимая никакими материальными ценностями.

Все это обязывает нас к самому внимательному и бережному отношению к памятникам.

Вопрос охраны памятников должен стать во весь рост перед городскими и районными организациями – партийными и советскими, перед советской интеллигенцией, перед всеми крепко любящими свою дорогую родину людьми.

Но мало сохранить памятник.

Нужно призвать его к жизни, к служению. Без этого он остается мертвым инвентарем, немым свидетелем.

Нужно, чтобы памятник будил воспоминания о минувшем в живых и ярких образах, недоступных часто самому талантливому описанию, воскрешая ушедшее (далекое или более близкое нам), снимал отделяющую нас от событий и лиц пелену времени, разрывал годы, десятилетия, века и приобщал к прошлому во всей непосредственности и правде.

Для этого – каждый памятник, независимо от его характера и содержания, должен иметь надлежащий вид и состояние.

---

[1] *Слово* «наш» *вписано черными чернилами в машинописный текст. – Прим. сост.*

Преступление содержать и видеть памятник в обезображенном состоянии, в состоянии заброшенности, развалины. А это, к стыду нашему, сплошь – рядом наблюдается.

Мало даже собственно памятник содержать в подобающем ему виде, нужно придать культурный вид и прилежащей к нему площади – усыпать последнюю песком, озеленить, установить скамейки и т.д.

Каждый памятник (исключая археологических) должен иметь грамотную и культурно исполненную надпись, вскрывающую содержание и значимость памятника.

В юбилейные даты, в годовщины запечатленных памятниками событий, надлежит проводить (здесь, у памятников) митинги, собрания, делать научные сообщения и доклады. Народная тропа не должна зарастать к памятнику.

Путем выпуска листовок и брошюр – популяризовать и пропагандировать памятники.

В избах-читальнях, в библиотеках, в школах хорошо иметь краткие

Сведения о находящихся в районе достопримечательных местах и памятниках, воскрешающих «Земли родной минувшую судьбу». В садах и на площадях следует установить доски с надписями о местных исторических событиях и замечательных лицах.

Почему бы, например, в Омске, в городском саду не установить доски с перечнем историко-революционных памятников и революционных событий, имевших место в городе.

А разве лишне было бы наличие таких данных, как посещение Омска академиком Палласом в XVIII веке, натуралистом и последним энциклопедистом Гумбольдтом в 1829 г., пребывание [в] 1850 – 1854 гг. здесь Ф.М. Достоевского[I], Брема и т.д.

Не должно оставаться ни одного памятника без надлежащего оформления, ни одного исторического места – оврага, площади, улицы – без надписи.

Только в этом случае мы будем воплощать в жизнь идею В.И. Ленина, высказанную им А.В. Луначарскому в первые годы советской власти.

«Вы помните, – говорил Владимир Ильич Луначарскому, – что Кампанелла[12] в своем «солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство, – словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же»[II].

[I] *Далее конец предложения вписан от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

[II] *В конце текста подпись синими чернилами:* «Директор Облмузея А. Палашенков». *– Прим. сост.*

Омский областной краеведческий музей: об учете памятников старины и революции в Омской области[1]

«Только точным знанием культуры,
созданной всем развитием человечества,
только переработкой ее можно
строить пролетарскую культуру».
Ленин.

На всем громадном протяжении нашей, Омской, Области, от крайнего севера до южных ее границ, с незапамятных времен обитает человек.

Свидетелями этих далеких времен являются так называемые археологические памятники.

В разных местах, преимущественно по берегам рек и озер, встречаются:

стоянки – места поселений древних обитателей области, содержащие различные остатки: черепки глиняной посуды, кости животных, орудия труда, уголь, золу и пр.;

городища – древние укрепленные пункты, часто с уцелевшими рвами и земляными валами;

курганы, с погребенными в них обитателями незапамятных времен;

древние могильники, с тлеющими в них костями жителей края;

ямы-жилища так называемых «подземных людей» и др. сооружения человеческих рук.

Встречаются также памятники в виде отдельных древних предметов, находимых в глубине земли или же на ее поверхности. Таковы: каменные, костяные и металлические орудия труда (топоры, молотки, ножи, стрелы, скребки и т.п.), предметы быта (подковы, удила, части упряжи, ключи, замки и другие поделки), украшения (бусы, браслеты, кольца, бляшка и проч.), клады из предметов и монет и т.п.

Помимо памятников седой старины, археологических памятников на территории области немало памятников и более позднего времени – памятников исторических.

В старейшем из русских городов в Сибири – Тобольске сохранился Кремль с рядом интереснейших архитектурных и исторических объектов, в числе которых первое каменное сооружение в Сибири – собор, построенный в 1682 – 84 гг., кремлевские башни и Шведская Палата, построенные сосланными сюда военнопленными шведами, уносящие нас в напряженнейший период нашей истории.

«Когда России молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра...»
А.С. Пушкин. Полтава.

В Омске уцелели крепостные ворота – свидетели и участники продвижения русского капитала в глубь азиатских степей.

Сохранились памятники, связанные с жизнью и деятельностью отдельных исторических лиц, деятелей науки, искусства.

Наша область дала немало людей, которые своим талантом подняли уровень мировой культуры.

Знаменитый химик Менделеев, известный композитор, автор «Соловья», Алябьев, творец прославленной сказки «Конек-Горбунок» Ершов, художники Перов, Врубель – все эти уроженцы нашей области оставили себя не только в гениальных своих творениях, но и в вещественных памятниках.

Омская область в прошлом – место каторги и ссылки лучших сынов нашей родины, боровшихся с царским самодержавным строем и капиталистическим гнетом.

В XVII – XVIII веках сюда ссылались участники крестьянских восстаний. В 1790-м году в Тобольске в течение семи месяцев находился автор «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищев. После восстания 14 декабря 1825 года в Омскую область ссылаются целые группы декабристов. Тобольск, Ялуторовск, Ишим, Тара, Омск и другие города и селения были местом длительного их пребывания. Многие из них здесь и умерли.

Тобольскую тюрьму прошли в 1850 г. петрашевцы, в – 1831 г. Михайлов, в 1864 году – Чернышевский, в 1880 – 1881 – Короленко.

В Омске отбывал каторгу Ф.М. Достоевский, поэт Дуров.

С конца XIX столетия в теперешнюю Омскую область отправлялись на каторгу и ссылку участники рабочего движения. Их кандальным звоном оглашались усыпанные человеческими костями дороги, улицы селений, площади городов и мрачные стены тюрем.

В Омске родился, политически сложился и вырос пламенный борец за дело Ленина – Сталина Валериан Владимирович Куйбышев. Здесь началось его великое служение народу, о нем хранит память дома, площади, подвалы.

На территории области проходила героическая борьба с чехословаками, царским адмиралом Колчаком, резиденцией которого являлся Омск, и другими белогвардейскими бандами. Имена Лобкова, Усиевича, Избышева и многих других стали достоянием истории края.

Здание бывшего Омского отделения Московского сельскохозяйственного общества, где проходило I заседание Омского Совета рабочих депутатов 3 марта 1917 г. Фотография 1950-х гг. Ныне здание Омской таможни

Дома, площади, могилы, монументы – остались нам на память и в назидание о борьбе и великих победах.

Сотни, тысячи разнообразных памятников рассеяны по области. К глубокому сожалению, только небольшая часть их известна. Большинство же остается в неизвестности. На нас лежит долг учесть и сохранить этот многогранный исторический материал, воскрешающий «земли родной минувшую судьбу», сделать его достоянием широких трудящихся масс, ибо: «Чем лучше мы будем знать прошлое, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего» (Горький).

Омский Областной Краеведческий музей, на который возложена работа по учету, и охране и изучению памятников в области, не в состоянии один проделать эту большую работу, в особенности если принять во внимание обширность территории области. Нужна помощь и участие широких трудящихся масс и в первую очередь школы. В обслуживаемом школой районе нет памятника, который не был бы известен учащимся. На территории своего колхоза, села, города – каждый курган, дом, могила, найденная стрела, монета, кость, овеянное преданием и легендами сооружение, холм, яма, как правило, известны или лично учащимся или же они знают о них от своих родителей и старших.

Роль учителя, в особенности историка, заинтересовать, пробудить интерес к вещественным документам прошлого у учащихся, организовать их на дело учета и регистрации памятников.

Вовлечение учащихся в названную работу будет иметь не только образовательное значение, но и назначение воспитательное. Учитывая все указанное, Областной Краеведческий музей просит тт. директоров, преподавателей и учащихся техникумов и школ оказать полное содействие делу учета и регистрации памятников, отнестись к данной работе не формально, а с сознанием всей важности и необходимости ее.

Ни одного не зарегистрированного памятника не должно оставаться на территории обслуживаемой школой.

Примерный круг вопросов для руководства
при даче сведений о памятнике.

I. Наименование памятника

По археологии: стоянка, городище, курган или курганная группа, древний могильник, яма-жилище и др.; из отдельных находок: кость мамонта, носорога, вымершего быка, исполинского оленя, каменный молоток, стрела, кольчуга, монета и т.п.

По истории и архитектуре: остатки древнего города (острога), крепостная деревянная башня, тынное ограждение, старинный дом, древняя церковь, мечеть; дом, который связан с тем или иным историческим событием или с жизнью известного деятеля науки, литературы, искусства и т.п.

По памятникам революции: дом, в котором находилась подпольная типография, конспиративная или явочная квартира, первый Совет депутатов, штаб Красной гвардии, квартира революционера и т.д.; площадь, сад, где был митинг, бой, братская или же отдельного лица могила; памятник, сооруженный в ознаменовании события или лица, статуя вождя и т.д.

Означенный перечень далеко не исчерпывает всех названий памятников и отдельных предметов – находок.

II. Местонахождение и местоположение памятника.

Район, в каком направления и на каком расстоянии от ближайшего селения или какого-либо определенного географического пункта заходится памятник: на правом или левом берегу реки, озера, на склоне возвышенности, в лесу, на площади, улице, кладбище, и пр.

Важно, как можно точнее обозначить местонахождение и местоположение памятника, находки; желательно иметь хотя бы схематический план местонахождения.

III. Описание памятника или находки

Внешний вид, размеры. Если архитектурное сооружение (дом, мечеть и проч.), из какого материала и к какому времени постройка относится. Состояние, кем и как ис-

Здание общевойскового высшего командного дважды краснознаменного училища им. М.В. Фрунзе (бывш. Здание Войсковой суконной фабрики). Омск. 1950-е гг. Ныне здание Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук

пользуется в настоящее время; если отдельный предмет, где и при каких обстоятельствах обнаружен и где хранится.

Крайне желательно иметь план памятника, зарисовку и его фотографический снимок.

Чем подробнее будет дано описание памятника, тем ценнее оно.

Нет ли преданий и легенд, связанных с памятником?

Собрать сведения о лицах и событиях, имеющих отношение к памятнику.

IV. Подпись лица, давшего сведения, и его адрес.

Год, месяц и число___

ПРИМЕЧАНИЯ:

Сведения о каждом отдельном памятнике лучше писать на отдельном листе, независимо от формата и качества бумаги.

Переписывать вопросы программы не нужно можно ограничиться заголовками или даже №№, под которыми последние значатся.

Если дающий сведения сам не видел памятника, а узнал о нем от других, следует это отметить.

В отношении археологических памятников необходимо разъяснить учащимся, что раскопки их могут производиться только специалистами – археологами, с ведома Наркомпроса.

Материалы по памятникам просьба представить в адрес Областного Краеведческого музея: г. Омск, ул. Республики, дом № 1.

К Областному же музею следует обращаться за всеми разъяснениями и справками по вопросам памятников, а при надобности (раскопки, научное обследование) можно просить и о выезде специалиста на место.

Докладная записка о состоянии омских кладбищ в Исполком Омского городского Совета депутатов трудящихся[1]

1948 г.[1]

У всех народов особенным почитанием и вниманием пользуются народные и отечественные герои и лица, совершившие большое полезное дело для всей страны, своего края, города.

Почитанием наделяются эти лица не только при жизни, но и после смерти.

От веков и тысячелетий дошли до наших дней сооружения, увековечивающие память народных героев.

Величественные пирамиды, пышные мавзолеи, художественные гробницы, торжественные пантеоны, молчаливые степные курганы и утопающие в цветах могилы – все это знаки внимания живых к памяти умерших.

Кто стоял у могил павших на полях битв воинов, у могил великих и знатных соотечественников, тот не мог не преклониться перед памятью умерших, не проникнуться чувством национальной гордости и беспредельной любви к возрастившей великих сынов Родной Стране.

III – 1948 г.
Исх. – 46

Всегда и всюду могилы героев являлись живым источником моральной силы народа.

Что мы видим в своем родном городе?

Затерялись и значительно стерлись могилы участников Великой Отечественной войны, умерших в госпиталях города и похороненных на наших городских кладбищах. Могилы же еще уцелевшие находятся в полной запущенности.

Из числа отдельных и братских могил участников гражданской войны, погибших в борьбе с интервентами и колчаковцами, только некоторые содержатся в должном виде.

В худшем состоянии находятся могилы общественных и политических деятелей, деятелей науки, искусства, память которых должна храниться нами. Могилы разбросаны по кладбищам, заросли бурьяном, несмотря на то, что некоторые из них состоят на учете.

Такое положение с состоянием могил, подлежащих охране, в значительной степени объясняется тем, что могилы находятся на разных кладбищах и в разных местах. При-

[1] *Текст докладной записки предваряется записью синими чернилами:* «В исполком Омского Городского Совета Депутатов Трудящихся директора Омского областного краеведческого музея Палашенкова А.Ф.». – *Прим. сост.*

вести их при таком положении в должное состояние сложно, даже невозможно.

Всем нам известно, что не только цветы срываются с могил, но опрокидываются и разбиваются каменные надгробия.

В Москве для погребения лиц, могилы которых подлежат охране, отведено отдельное кладбище. Доступ всех без исключения лиц на кладбище – только по специальным пропускам. Кладбище поражает красотой, утопает в цветах и зелени. Эта одна из самых благоустроенных территорий Москвы. Помимо новых захоронений, сюда перенесены гробы с прахом Н.В. Гоголя [из] Данилова монастыря, Веневитинова [из] Симонова монастыря и многих других великих наших соотечественников.

Пример Москвы следует перенять и нам. Для погребения лиц, память которых надлежит свято хранить, нужно организовать отдельное (относительно небольшое по территории) кладбище.

Кладбище должно быть огорожено и обеспечено охраной, озеленено, засажено цветами и усыпано песком. Оно должно быть не менее благоустроено, нежели самый лучший городской сад. Только в этом случае наш долг перед умершими славными сынами Родины будет выполнен[I].

Братская могила борцов революции на Казачьем кладбище. Омск. 1950-е гг. Останки перенесены в 1967 г. в сквер «Памяти Борцов Революции». Кладбище до настоящего времени не сохранилось

Ряд кладбищ в нашей стране, где находятся могилы великих наших соотечественников, обращены в музеи. Таковы Лазаревское кладбище бывш[ей] Александро-Невской лавры в Ленинграде, кладбище бывшего Донского монастыря в Москве, кладбище на горе Давида в Тифлисе и др.

Новое кладбище при бывш[ем] Новодевичьем монастыре в Москве принимает к погребению только известных людей, память о которых не должна предаваться забвению. Сюда, на это кладбище перенесены гробы наших великих людей [–] Н.В. Гоголя[2], В.Д. Веневитинова[3], [А.С.] Хомякова[4] и др.

Это кладбище стало своего рода пантеоном и содержится в исключительно хорошем состоянии.

Почему бы всем городам не организовать подобного рода кладбища. Это позволило бы хранить могилы людей, память о которых не должна быть забыта.

В Омске могилы этих людей разбросаны в разных местах и находятся в самом запущенном состоянии и виде. Целый ряд могил затерялся. Затерялась могила путешественника-географа Седельникова, местного историка Катанаева, известного ботаника Сиязова, друга и покровителя декабристов Степана[II] Знаменского[5].

Забыты могилы видных деятелей революции, крупных политических деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства и талантливых организаторов хозяйственной жизни.

[I] *Ниже поставлена подпись автора:* «Директор Областного краеведческого музея Палашенков». *– Прим. сост.*

[II] *Следует читать* «Стефана». *– Прим. сост.*

Панихида по усопшим кадетам на Казачьем кладбище. Омск. 1913 г.

17 марта 1948 г.[I]

На наших городских и сельских кладбищах и площадях, на полях и лесных опушках немало могил, хранить которые нам и грядущим поколениям надлежит свято. К числу таких могил [можно отнести могилы] видных политических и общественных деятелей, также лиц, вышедших на страницы истории, ученых, писателей и всех тех, кто внес свой вклад в культурную сокровищницу нашей Великой и славной Родины. Могилы эти должны быть общеизвестны, как общеизвестны должны быть и имена похороненных в них лиц.

А между тем, сколько затерялось и сгладилось славных могильных холмов, сколько забыто славных имен! Да и большинство уцелевших этих могил [не] горят красками живых цветов и свежей зеленью трав: бурьяном поросли они, замусорились и осыпались, а увенчавшие их некогда кресты и памятники свалились. В коротких словах вспомним имена тех наших славных соотечественников и земляков, чьи кости тлеют в земле нашего края[II].

ЗАТЕРЯВШИЕСЯ МОГИЛЫ[III]

Яцкин Георгий[6] – любитель-садовод
Седельников Александр Никитич
Драверт Петр Людвигович[7]
Вейсброд – профессор
Либеров[8] Николай Дмитриевич
Сулоцкий Александр
Гиммельман[9] – врач
Розанов[10] – регент
Лаптев[11] – член Государственного Совета
(наверху памятника находился бюст умершего)
Штанин – садовод
Мочалов[12] – профессор
Сиязов – ботаник
Катанаев – историк города
Соколов[13] – доктор медицины
Знаменский Стефан – священник, друг декабристов и многие, многие другие.

I *Запись сделана карандашом на полях рукописи. – Прим. сост.*
II Территория Омской области в границах до 1944 г. – *Прим. А. Палашенкова.*
III *Здесь и далее выделено автором. – Прим. сост.*

МЕСТО ПОГРЕБЕНИЯ СТРОИТЕЛЯ НОВОЙ ОМСКОЙ КРЕПОСТИ ШПРИНГЕРА[14]

На углу ул[иц] Рабфаковской и Лермонтова, там, где книжный киоск (у трамвайного кольца), сто с лишним лет назад виднелись развалины памятника, на чугунной плите которого виднелась надпись «Генерал-поручик и кавалер Иван Иванович Шпрингер». Следы этого памятника заметны еще были в конце семидесятых годов XIX столетия[15]. Но уже через десяток лет не осталось никаких намеков на нахождение здесь могилы строителя новой Омской крепости, командира Сибирского корпуса, генерал-поручика и кавалера Ивана Ивановича Шпрингера, умершего в 1771 г.

Шпрингер, как полагает П. Золотов[I], происходил из остзейских дворян. Он получил хорошее образование и «был далеко не дюжинное лицо, а человек с полным административным тактом и истинным сознанием своих достоинств и дела…»[II]. Отправляясь в 1763 г. в Сибирь, он получил «Инструкцию», собственноручно подписанную Екатериной II. «Инструкция» возлагала на Шпрингера радикальное переустройство линии укреплений в Западной Сибири. Она оканчивалась словами: «Мы уповаем впрочем, что по рабской своей должности, порученное вам дело исправлять и о пользе интересов наших труды ваши прилагать и радеть вы не преминете; за что и милостию нашей оставлены не будете».

Шпрингер блестяще оправдал доверие Екатерины: южные западносибирские линии укреплений – Иртышская, Пресногорьковская, Колывано-Воскресенская и Кузнецкая им были, можно сказать, заново реконструированы[III] и более полно укомплектованы людским составом. Вместе с тем он перенес на правый берег р. Оми Омскую крепость.

«Занятый постоянными инженерными и другими работами по устройству крепостей Шпрингер часы досуга проводил между молодыми офицерами, поощрял чтение и занятие искусствами. Причем для «полирования» молодых был учрежден при чертежной Оперный дом, где «чинили представления разных трагедий и комедий»[IV].

И.И. Шпрингер, несомненно, самая крупная фигура на фоне общественной и государственной жизни Омска в XVIII в.

КАЛАНДЕР[17]

Поручик, участник похода Бухгольца к Ямышеву озеру 1715 – 1716 гг. Утонул в Иртыше по пути в Тобольск.

МАТЕРИАЛЫ К НЕКРОПОЛЮ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

На пути из Сибири в 119 верстах от Тобольска скоропостижно умер академик, минеролог, химик и ботаник Эрик[18] Лаксман (1737 – 1796 гг.)[V]. Никто до сих пор не знает, где находится его могила.

К некрополю.

СТЕЛЛЕР[VI] (Штеллер)[19]

Путешественник, похоронен в г. Тюмени. Паллас упоминает, что при посещении им Тюмени он видел могилу Стеллера[VII].

[I] Золотов П. Генерал-поручик Иван Иванович Шпрингер. Омск: Тип[ография] Акмол[инского] Областн[ого] Правл[ения], 1877 г. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] Золотов П. С. 12, 13. – *Прим. А. Палашенкова.*

[III] *Далее вписано карандашом над строкой* «и более полно укомплектованы». – *Прим. сост.*

[IV] Словцов И.Я. Историческая хроника Омска. – *Прим. А. Палашенкова.*

[V] Сиб[ирская] энциклопедия, т. III, стр. 7; В журнале Омская область статья Сергея Маркова – «Радищев и мореходы Тихого океана». – *Прим. А. Палашенкова.*

[VI] *Далее карандашом в скобках запись:* «Штеллер». – *Прим. сост.*

[VII] См[отри] книгу «В. Маракуев Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия» Москва, 1877 г., стр. 105-я. – *Прим. А. Палашенкова.*

Бережно хранить памятники истории[1]

Наша область богата памятниками старины и времен революции.

Заселявшие в глубокой древности просторы нашего края народы оставили многочисленные следы своей материальной культуры. В разных местах территории области встречаются стоянки древних обитателей, укрепленные пункты с сохранившимися оборонительными сооружениями в виде рвов и земляных насыпных валов – городищ, неукрепленные старинные поселения русских засевальщиков – селища и, наконец, древние могилы – курганы. Только в результате обследования областным краеведческим музеем территории Черлакского района зарегистрировано свыше сотни курганов. И Черлакский район не является исключением в этом отношении. Насыщены памятниками древней культуры и другие места. Археологические памятники – единственные свидетели жизни и деятельности жителей края, обитавших здесь полторы-четыре тысячи лет тому назад.

С конца XVI столетия Среднее Прииртышье начинает интенсивно заселяться русскими. Положено начало земледелию, развиваются неведомые до того времени здесь ремесла, распространяются грамотность, живопись, летописание. Возникают русские города и села: в 1594 году – Тара, в 1670 г. – Чернолучье, в 1716 году – Омск и т.д.

От Омска на юг по Иртышу и на запад по цепи озер (На Петропавловск, и далее) создаются линии обороны от кочевников. В селах Усть-Заостровка, Черлак, Мельничное, Курганка и других местах до настоящего времени сохранились следы бывших здесь форпостов, где несколько десятков драгун, вооруженных двумя-тремя пушками, оберегали мирный труд жителей края. В Омске, на территории бывшей крепости, сохранилось двое крепостных ворот, возведенных в 1792 году, и первое каменное сооружение в городе – бывший военный собор (построено в 1771 – 1773 гг.).

У села Такмык Большереченского района переправлялся через Иртыш А.Н. Радищев, когда он в 1791 году следовал в илимскую ссылку. Берега этой же реки у села Пустынное будят воспоминания о другом великом нашем соотечественнике – А.П. Чехове. И подобных достопримечательных мест на территории нашей области много.

Особенно большую ценность представляют собой историко-революционные памятники.

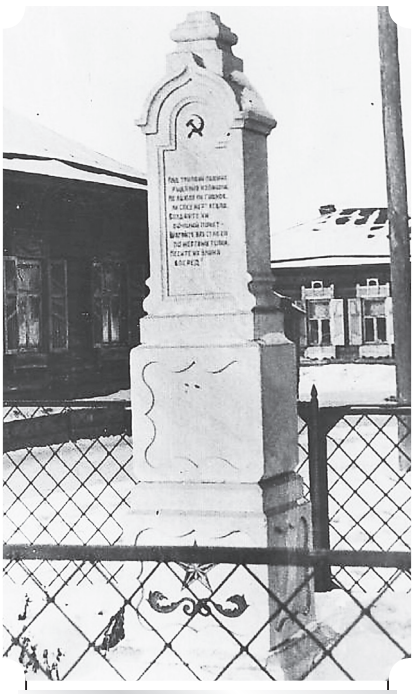
В Омске сохранились дома, связанные с жизнью и революционной деятельностью Валериана Владимировича Куйбышева. На улице Республики находится дом (ныне Военное училище имени М.В. Фрунзе), в котором учился В.В. Куйбышев. Некоторое время он жил в доме № 67 по улице, носящей ныне имя этого революционера. Здесь же 20 ноября 1906 г. В.В. Куйбышев вместе с тридцатью семью другими участниками городской партийной конференции был арестован.

В доме № 7 по Короткому переулку в период колчаковщины проходили заседания областного подпольного комитета партии. Здесь намечали план проведения восстания омских рабочих, состоявшегося 22-го декабря 1918 года. В марте 1919 года в этом же доме проходила третья областная конференция Сибирской большевистской организации.

В разных концах города сохранились дома, в которых размещались подпольные типографии, конспиративные квартиры, подпольные революционные штабы. В городах и селах области много мест, обагренных кровью борцов за свободу, много братских и одиночных могил, в которых похоронены погибшие в борьбе за власть Советов.

Партия и правительство уделяют большое внимание охране памятников. Уже в апреле 1918 года Совет Народных Комиссаров издал подписанный В.И. Лениным декрет «О памятниках республики». Постановления, касающиеся восстановления и охраны памятников, неоднократно выносились нашим правительством и в последующее время.

В октябре 1948 года Совет Министров СССР принял постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры», согласно которому охрана памятников, а также надзор за их содержанием возложены на Советы Министров автономных республик, исполнительные комитеты краевых, областных, городских, районных и сельских Советов депутатов трудящихся. Совет Министров СССР утвердил также «Положение об охране памятников культуры». В нем говорится: «Все находящийся на территории Союза ССР памятники, имеющие научное, историческое или художественное значение, являются неприкосновенным всенародным достоянием и состоят под охраной государства».



Братская могила борцов революции. Омск. Ул. Степная. 1950-е гг. Останки перенесены в 1967 г. в сквер «Памяти Борцов Революции». Надмогильный памятник до настоящего времени не сохранился

Наибольшее внимание к охране памятников в нашей области проявил Куйбышевский исполком районного Совета депутатов трудящихся. На всех домах-памятниках, находящихся на территории этого района, установлены мемориальные доски; приведены в надлежащий вид состоящие здесь на учете братские могилы (могила героев Марьяновского боя, находящаяся на Казачьем кладбище, и могила двенадцати – на улице Степной[2]). Места, где похоронены отважные борцы, обнесены железными оградами, на могилах сооружены мраморные памятники с надлежащими надписями. В хорошем состоянии содержатся также: братская могила героев Марьяновского боя, расположенная на кладбище Ленинского района, памятники на месте расстрела 120 (в Сталинском районе) и другие.

Наряду с этим значительное количество памятников (как в Омске, так и в области) находится в запущенном состоянии. Исполкомы районных Советов депутатов трудящихся проявляют полное невнимание по отношению к ним.

Так, например, дом № 67 по улице имени Куйбышева, о котором говорилось выше, по решению горисполкома должен быть обращен в музей. Однако решение не исполняется, дом по сей день находится в частном владении и разрушается. Омск – родина Валериана Владимировича Куйбышева. Здесь он воспитывался, здесь приобщался к революционной деятельности, активно участвовал в подготовке революции. И Омск до сих пор не имеет музея В.В. Куйбышева[3]. Это тем более странно потому, что музеи, посвященные жизни и деятельности В.В. Куйбышева, имеются в ряде других городов, таких, как Новосибирск, Куйбышев, Кокчетав.

Крайне недостаточное внимание уделяется в отдельных районах имеющим историческое значение могилам. Так, в селе Форпост Большеуковского района братская могила восемнадцати борцов, погибших за власть Советов, лишена даже холма, стоявшие прежде у могилы березы срезаны, ограда исчезла. В Тюкалинске на могиле борцов революции

нет надписей, имена похороненных здесь остаются не известными для жителей города. Забыты братские и одиночные могилы борцов за власть Советов в Большереченском, Называевском, Тарском и других районах области.

Нельзя не отметить крайне беспечного отношения к исключительному по своей исторической значимости памятнику – древней Омской стоянке[4], расположенной на левом берегу Иртыша, неподалеку от паромного причала. Этот самый древний из известных в Среднем Прииртышье памятников относится ко II тысячелетию до нашей эры. В течение тысячи лет протекала здесь жизнь. На стоянке обнаружены ценнейшие археологические материалы, и предметов седой древности, безусловно, еще немало в здешних пластах. Омская стоянка широко известна в литературе. Помимо местных исследователей, изучением ее занимались представители Государственного исторического музея, Института истории материальной культуры Академии наук СССР и других научных организаций. Но в каком состоянии находится это памятное место, имеющее историческое значение! На территории его складываются дрова, она загрязнена, изрыта.

Иртышские ворота Второй Омской крепости. Фотография 1930-х гг. До настоящего времени не сохранились

Забыта на Казачьем кладбище могила крупного русского хирурга Б.С. Вейсброда, оказавшего первую помощь В.И. Ленину после ранения его эсеркой Каплан. Сравнялась с землей могила великого русского металлурга П.П. Аносова, умершего в г. Омске в 1851 году. Разобрана древняя городская застава в виде двух высоких обелисков, разобраны Омские и Иртышские ворота, а уцелевшие Тарские и Тобольские имеют в настоящее время вид весьма унылый.

Охрана памятников – дело большой важности. Им должны заниматься самые широкие слои общественности. От древних времен и до наших дней памятники, как вехи, отмечают пройденные этапы народной жизни. Памятники приобщают нас к великому прошлому. И мы не должны и не можем забывать о них.

299 лет в сибирской ссылке (к истории колокола Спасо-Преображенского собора в Угличе)[1]

В числе исторических памятников Тобольского Кремля есть колоколенка, скромно приютившаяся у восточной стены бывшего архиерейского дома (теперь помещение Тобольского музея).

Сооружение колоколенки просто. В горизонтальном сечении она имеет правильный четырехугольник, длина которого 4,5 м, ширина 3,8 м. Сложена из кирпича. Нижний этаж возвышается на 2,6 м от поверхности земли. В стенах его арочные проемы, высотой в 2 м. Толщина кладки стен равна одному метру. Верхний этаж – шатер на четырехгранных кирпичных столбах, высотой в 2,75 м. Внутри шатра, сверху, – толстые брусья для подвешивания колоколов. На столбах возведена четырехскатная железная кровля с увенчивающим ее деревянным шпилем. Между нижним и верхним этажами – плоское деревянное перекрытие, на которое раньше вела деревянная лестница.

Чем же объясняется, что это простое и относительно недавнее (XIX столетия) сооружение включено в разряд исторических памятников Тобольского Кремля, являющегося историческим заповедником?

Колоколенка – это последняя тюрьма «сосланного» в Сибирь угличского колокола. Отсюда он был «освобожден» из ссылки и отправлен на родину в г. Углич.

Страницы летописи повествуют, что в 1591 году, 15 мая, в час послеобеденного сна, соборный сторож Максим Кузнецов и вдовый священник Федот, прозванием Огурец, усмотрели убийство сына Ивана IV – царевича Дмитрия, который находился «по решению всех начальнейших людей» с матерью своей, седьмой женой царя, Марией Нагой[2], на жительстве в г. Угличе. Заметив убиение царевича, сторож и священник «стали зычно и необычно звонить и народ в город сзывать, и на тот тогда горько несчастный глас граждан множество сошлося» и убийц Дмитрия – Битяговского, Качалова и Волохова – «изымаши и камением побита».

Для расследования убийства из Москвы была снаряжена следственная комиссия в составе боярина Василия Шуйского[3], Андрея Клешнина, дьяка Елизара Вылузгина и архимандрита Геласия.

Смерть царевича Дмитрия комиссия осветила так, как желательно и нужно было Борису Годунову[4] – фактическому правителю России того времени: будто бы царевич играл «в тычку»; во время игры был захвачен припадком падучей и в припадке сам наткнулся на нож и погиб.

Такой результат следствия привел к суровому наказанию участников мятежа и самоуправства. Не был пощажен и колокол Спасо-Преображенского собора, который бил в набат, собирал народ.

По приговору комиссии более 200 угличан были казнены и сосланы в г. Пелым. У колокола был вырван язык, урезано ухо и, по наказании плетьми, его приговорили к ссылке в Сибирь. Осужденные на изгнание угличане, как гласит предание, тащили колокол до Тобольска «волоком».

В 1593 г. «этот первый, – по выражению историка Сибири П.А. Словцова, – и не умирающий ссыльный» прибыл в Тобольск и был сдан приказной избе и записан в статейный список. Здесь он, после смерти Бориса Годунова, был определен к церкви Спаса с назначением быть набатным. Потом перевезли его на Софийскую соборную колокольню и определили как часобитный (отбивать часы). Затем, спустя некоторое время, поместили его в ряд зазвонных. Наконец в 1837 г. его сняли с соборной колокольни и повесили «в товариществе» четырех подобранных по тону под небольшой деревянный шатер при архиерейской церкви, чтобы показать эту историческую достопримечательность царскому наследнику (впоследствии царю Александру II), посетившему Тобольск в 1837 г. в сопровождении В.А. Жуковского.

Через несколько лет вместо деревянного шатра здесь была сооружена существующая ныне каменная колоколенка, и на нее повесили ссыльный колокол, сделав его при архиерейской церкви «благовестным».

299 лет пробыл колокол в тобольской ссылке.

В 1849 году угличане вспомнили о своем ссыльном и возбудили ходатайство перед правительством о возвращении его из Тобольска «на родину». Николай I повелел: «удостоверясь предварительно в справедливости существования колокола в г. Тобольске и по сношению с обер-прокуратором Святейшего Синода, просьбу сию удовлетворить».

Началась присущая тому времени переписка. Только в 1892 году, когда царем уже был внук Николая I Александр III, вопрос о возвращении первого ссыльного в Сибирь решен был положительно.

«Я полагаю, – такова была резолюция царя, – что все-таки можно вернуть его обратно в город Углич, так как в Тобольске он совершенно не нужен, и заменить его другим».

27 апреля 1892 г. уполномоченные Угличской городской думы купцы Жаренов, Истомин и Кашинов с первым пароходом отправились в Тобольск за колоколом. 9 мая ссыльный колокол был передан приехавшей депутации. А через 11 дней, 21 мая 1892 г., он прибыл в Углич. Там, при большом стечении горожан, был отслужен благодарственный молебен по случаю возвращения колокола из сибирской ссылки.

Веса в колоколе 319 кг, толщина его стенок 6,67 см, окружность нижнего края – 2,66 м. Медь на поверхности его от времени потемнела. Звук резкий и громкий. На колоколе высечена следующая надпись: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Дмитрия в 1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку во град Тобольск к церкви Всемилостивейшего Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитный».

В настоящее время колокол находится в Угличском историческом музее.

В Тобольском музее хранится точная модель ссыльного колокола.

* * *

Угличский колокол – не единственный из опальных и ссыльных колоколов. Наказание колоколов в старину имело довольно широкое распространение.

После покорения Иваном III Новгорода Великого городской вечевой колокол был вывезен в Москву. Здесь он был перелит и в 1681 году, по указу царя Федора Алексеевича, сослан в Корельский Николаевский монастырь за то, что звоном своим в полночь испугал царя.

Аналогична, отчасти, и судьба Псковского вечевого колокола. В последний раз ударили в этот колокол псковичи в воскресенье утром 13 января 1510 года.

С покорением Пскова, колокол 26 января 1510 г. был спущен с колокольни при общих слезах псковичей об утраченной свободе. Вместе с тремястами семейств псковский вечевой колокол был отвезен в Москву.

По свидетельству русского этнографа и писателя С.В. Максимова, в одном из монастырей средней России находился в ссылке так называемый «лыковый» колокол. За провинку он был разбит, а затем связан лыком и по приказу Ивана IV отправлен из Москвы в ссылку.

В 1771 году один из колоколов башни Спасских ворот Московского Кремля за то, что во время бунта сзывал народ, по приказу Екатерины II был лишен языка.

Были и другие опальные колокола. По их зову народ сходился на вече, на «встань» (восстание). В противоположность звону церковному, умилявшему настороженный слух правителей – царей и цариц – не люб и страшен им был звон «всполошный», ненавистны были и подававшие этот звон колокола.

Сибиряки – участники войны 1812 года[1]

В кронверке Королевского бастиона древней Смоленской крепости, у высокого земляного вала, под сенью склонившихся ветвей старой березы и молодых лип высится стройный гранитный обелиск[2].

На гранях обелиска высечена надпись:

Генерал-майор
Антон Антонович
Скалон –
Шеф Иркутского
драгунского полка.

Командуя Иркутским,
Сибирским и Оренбургским
драгунскими полками,
убит картечью
5 августа 1812 года
в бою под Смоленском,
впереди Рачевского предместья.
Похоронен французами
8 августа 1812 года
в Королевском бастионе
в присутствии императора
Наполеона
со всеми воинскими почестями.

Антон Антонович Скалон, заслуженный генерал и георгиевский кавалер, родился в 1763 году.

Вверенные ему драгунские полки были расположены в Сибири. В 1811 году, когда уже надвигалась на Россию гроза нашествия Наполеона, они были выведены из Сибири, и в 1812 году дивизия генерал-майора Скалона (8 эскадронов) вошла в состав 3-го кавалерийского корпуса 1-й Западной армии Барклая де Толли.

При обороне Смоленска 5 (17) августа – первой кровопролитной битве с Наполеоном – сибирские полки Скалона – Иркутский, Сибирский и Оренбургский с небольшим числом казаков защищали с восточной стороны Рачевское предместье, на которое, равно как и на соседнее Никольское предместье, с яростью обрушился корпус Понятовского[3].

Перед атакой Наполеон, обращаясь к польским войскам, воскликнул: «Поляки, этот город принадлежит вам» (Записки де ла Флизе).

Неприятельские гранаты засыпали предместья Рачевку и Никольское, и они загорелись в нескольких местах. Пользуясь этим, поляки ворвались в предместья, завязался рукопашный бой. Неприятель стремился пробиться к крепостной стене. Во время отчаянной рукопашной схватки был заколот гренадером Тобольского полка польский генерал Грабовский и ранен дивизионный польский генерал Занончек.

В этой яростной схватке, при налете дивизии легкой кавалерии Брюйера[4], погиб генерал А.А. Скалон[I].

В уважение к его геройству и храбрости Наполеон приказал похоронить А.А. Скалона с подобающими военными почестями и сам присутствовал на похоронах. По русскому обычаю, он бросил горсть земли на гроб храброго генерала. За всю военную кампанию это были единственные похороны русского командира в присутствии Наполеона.

В то время, как генерал Скалон со своими кавалерийскими полками защищал Смоленск с восточной стороны, 24-я пехотная дивизия, сформированная из сибиряков, стояла на защите Смоленска с западной стороны – занимала Свирское предместье и Королевский бастион. Командир дивизии георгиевский кавалер генерал-лейтенант Петр Гаврилович Лихачев[5] геройски отражал здесь натиск маршала Нея[6]. Вместе с тем утром 5(17) августа дивизия Лихачева оказала также большую помощь Дохтурову[7] (руководил после Раевского обороной Смоленска) в вытеснения им неприятеля из южного предместья города. «Солдаты этой дивизии были, – пишет В.И. Грачев[II], – главным образом, жители Сибири, не бывшие еще в бою, они с криком «Ура!» выбегали за черту предместья навстречу приближающемуся неприятелю и теснили его обратно. Несколько раз неприятель пытался овладеть предместьями и каждый раз безуспешно...».

Беспримерную храбрость и геройство проявил Лихачев со своей дивизией на Бородинском поле при защите редута Раевского, переходившего несколько раз из рук в руки.

«Высота сия, – писал Ермолов[8] в донесении о редуте Раевского, – повелевавшая всем пространством, на коем устроены были обе армии, 18 орудий, доставшихся неприятелю, были слишком важным обстоятельством, чтобы не испытать – возвратить сделанную потерю. Я предпринял оное. Нужна была дерзость и мое счастье, – и я успел...»[III]. Но около двух часов дня Наполеон приказывает начать новую атаку батареи Раевского. «Самое пылкое воображение не в состоянии представить себе сокрушительные действия происходившей здесь канонады, – говорит участник Бородинского сражения Михайловский-Данилевский[9]. – Гранаты, ядра сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетами,

---

[I] Антон Антонович Скалон был тесно связан с Прииртышьем. В деревне Андронкино (вблизи г. Тюкалинска) у него родился сын Антон, который в начале второй половины XIX века был вице-директором департамента Генерального штаба. Занимая это высокое положение, сын погибшего при обороне Смоленска генерала А.А. Скалона крепко помнил свою родину – деревню Андронкино и оказывал большое содействие начальнику штаба 24-й пехотной дивизии И.Ф. Бабкову – первому председателю Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества.

[II] Смоленск и его губерния в 1812 г. Смоленск, 1912, стр. 54.

[III] Богданович М. История Отечественной войны 1812 года, Спб., 1859, стр. 197, 211.

ломали в щепы и дребезги все встречаемое ими в своем полете...»[10]. В конце концов французские части пехотной дивизии Брусье обошли батарею справа и ворвались в ее укрепления. Всю тяжесть этой борьбы приняла на себя дивизия Лихачева, сибиряки. Они взяли на себя последнюю защиту главного оплота Бородина. Началась жестокая и упорная рукопашная схватка внутри батареи.

«В углу укрепления на походном стуле, – писал М. Богданович[11], – сидел изнуренный болезнью, но крепкий духом начальник защитников кургана, генерал Лихачев. Возвышая слабый свой голос среди грома выстрелов и криков сражающихся, он возбуждал своих подчиненных к геройским подвигам. Когда же, наконец, уже не было никакой надежды отстоять батарею, Лихачев собрал последние силы и кинулся в толпу неприятеля, чтобы разделить участь героев – солдат своих. Храбрый воин, пораженный несколько раз штыками, был повергнут на землю, но неприятели, узнав в нем русского генерала, остановили смертельный удар, готовый пронзить его». Они, вопреки его желанию, подобрали генерала и отправили во Францию, но по дороге Лихачев умер.

В 3 часа дня кирасирам Коленкура[12] удалось все же взять батарею Раевского. Однако это стоило противнику огромных потерь – в числе убитых оказался и сам генерал Коленкур.

Защищая редут Раевского, дивизия Лихачева не отступила ни на шаг, и почти все защитники его пали смертью храбрых.

В героической обороне Смоленска участвовал также квартировавший в Омской крепости в конце XVIII и начале XIX веков Селенгинский пехотный полк[13]. Полк понес большие потери, а его командир полковник Демид Иванович Мещеряков был ранен[1].

Большую храбрость проявил в боях с неприятелем в Отечественную войну 1812 года и заграничных походах подполковник Василий Максимович Шухов – прадед умершего в 1956 году действительного члена Географического общества СССР профессора И.Н. Шухова. С Великолуцким пехотным полком В.М. Шухов участвовал в сражениях под Варшавой, Гамбургом, Лейпцигом. По окончании войны был комендантом Бухтарминской крепости, где и умер в 1834 году.

С первых дней войны с Наполеоном был в походах уроженец г. Тобольска Гавриил Степанович Батеньков[14], впоследствии декабрист, осужденный на 20 лет одиночного заключения в крепость. В сражениях с неприятелем Г.С. Батеньков проявил себя, как отмечено в его формулярном списке, «чрезвычайно храбрым офицером», не покинувшим поле боя и после ранения ядром в плечо.

Храбрость в борьбе с наполеоновскими полчищами проявили и многие другие военные подразделения – солдаты и офицеры Прииртышья, Сибири.

Сибирь находилась далеко от фронта военных действий. Сюда не доходил грохот орудийных раскатов. Но тем не менее население Сибири жило одной мыслью со всей Россией. Русские, казахи, татары, вогулы и другие народы без принуждения отдавали свое достояние в пользу отечества, сибирские патриоты охотно шли в ряды ополченцев.

4 октября 1812 года сибирский генерал-губернатор Пестель[15] писал министру полиции о стремлении многих иркутян вступить в ополчение.

В том же месяце он сообщил министру, что проживающий в Омске отставной подполковник Битнер желает поступить в ополчение, но не располагает средствами для выезда в армию. Пока шла переписка о выделении средств на выезд, подполковник занял деньги и за свой счет «отбыл из Омска в Россию и, как доносил Тобольский губернатор, определен уже в военную службу».

Сибирь дала большое число патриотов, добровольно вступавших в армию и ополчение.

Далекая окраина, как и вся Россия, понесла великие жертвы в борьбе за независимость своей Родины, в разгроме Наполеона, перед которым в зените его славы и могущества трепетал Запад:

---

[1] Каргапольцев Н.Н. Майор А.В. Камаев. «Русская старина», июнь 1883.

Послушны воле своенравной
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Он на земные племена[16].

«России верные сыны» разгромили великую армию завоевателя. Низвергнут был с престола и сослан на пустынный, окутанный туманом остров ее руководитель и вдохновитель Наполеон, и там:

Как простой солдат
в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой[17].

По местам Ф.М. Достоевского в Омске[1]

В обширной галерее выдающихся лиц, чья судьба была в какой-то степени связана с Омском за двести пятьдесят лет его существования, особое место занимает великий русский писатель Ф.М. Достоевский (1821 – 1881 гг.). Пребывание в Омске (1850 – 1854 гг.), так называемый омский период, сыграл большую роль в жизни, в формировании мировоззрения и творчестве писателя. Четыре года провел он здесь в каторжном остроге, закованный в кандалы.

«Все четыре года не было мгновения, в которое я бы не чувствовал, что я на каторге», – вспоминал Достоевский об этом времени. «Надо поражаться, – пишет историк царской тюрьмы М.Н. Гернет, – как не погиб здесь писатель. Лозунг всего тюремного управления требовал делать острог местом одних только лишений и страданий...» (Гросман Л. Достоевский, изд. «Молодая гвардия», 1962, стр. 169).

Суровый каторжный режим Омского острога иссушил, истерзал физические и моральные силы Ф М. Достоевского, но не угасил в нем творческого гения, не убил тяготения к литературной деятельности.

В промозглых стенах острога и военного госпиталя Ф.М. Достоевский наблюдал жизнь каторги, делал записи в свою «Сибирскую тетрадь». Годы, проведенные в остроге, обогатили писателя, расширили его представления о жизни, позволили ему глубже узнать народ, сблизиться с ним. «Сколько я вынес из каторги народных типов и характеров! – писал Достоевский брату. – Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо и так хорошо, как, может быть, немногие знают его»[2]. Так писал Достоевский из Омска по выходе из острога.

В Омске, в Омском остроге, вынашивалось потрясающее произведение, вошедшее в золотой фонд русской и мировой литературы, – «Записки из Мертвого дома».

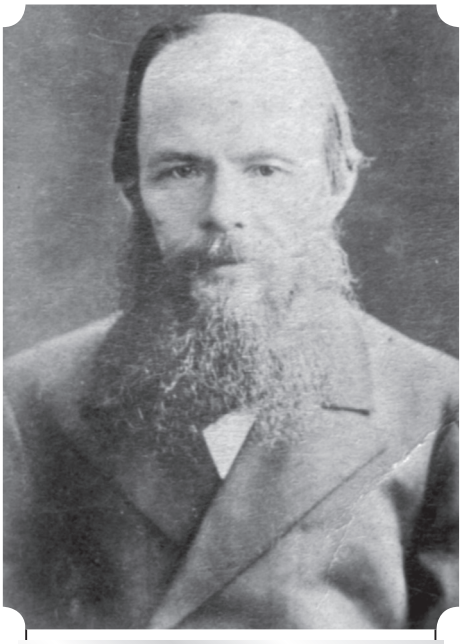
За сто с лишним лет, прошедших после пребывания Ф.М. Достоевского на каторге, Омск неузнаваемо изменился. Из небольшого степного городка с крепостью второго раз-

ряда, обнесенной земляными валами и рвом, с преобладанием военных: офицеров, солдат, казаков, денщиков, арестантов, где слышался лязг оружия, вызов караула в ружье, стук нагруженных провиантом телег, скрипы артельных повозок, звон арестантских кандалов[I], – Омск вырос в один из крупнейших промышленных и культурных центров Сибири[3].

Но и в сегодняшнем большом социалистическом Омске сохранились здания, улицы, площади и ряд других мест, овеянных живой памятью Ф.М. Достоевского.

В настоящей брошюре дается описание достопримечательных мест в нашем городе, связанных с именем великого писателя, с памятью о тех днях, когда он отбывал свой тяжкий каторжный срок в Омском остроге.

Эти места привлекают многочисленных посетителей. Сюда приезжают ученые, исследователи, туристы, наши девушки, наши юноши – «племя младое, незнакомое», племя счастливых. Здесь среди старых кирпичных и почерневших от времени деревянных приземистых зданий, на небольших улочках, на берегу Иртыша, на месте каторжного острога живей и ярче восстает в памяти образ нашего выдающегося писателя.



Ф.М. Достоевский. Фотография из личного альбома А.Ф. Палашенкова

«Рядом с Толстым, может быть,
не уступая ему по общим размерам
дарования и значительности оставленного
им наследства, стоит другой
гениальный мировой писатель
нашей литературы – Федор Достоевский».

А.В. Луначарский

ТАМ, ГДЕ БЫЛ «МЕРТВЫЙ ДОМ»

Омск. На территории Крепости[II] по нечетной стороне улицы Петра Некрасова (за драматическим театром) стоит длинное двухэтажное кирпичное здание. Это бывшие так называемые красные казармы. Большой двор примыкает к зданию. Со стороны смыкающихся здесь улиц Петра Некрасова и бывшей Архиерейской (ныне ул. Красина) двор обнесен изгородью. Чисто и благоустроенно и во дворе, и в помещении. Днем – при свете степного солнца и долго вечером – при ярком свете электричества – бодрые, жизнерадостные звучат здесь голоса. Сюда, как и во все концы нашей Родины, из городов и сел, из сердца нашей Родины – Москвы воздушные волны несут вести о героических делах советских людей, о жизни всего мира. Под вольным небом радостно звучит и этот клочок страны социализма. Ничто не напоминает здесь о прошлом тяжелом, гнетущем, о бывшем здесь «Мертвом доме»[III], этом «дантовом аде», к которому в начале 60-х годов

[I] Мартынов. Заметки из старой записной книжки, «Исторический вестник», т. XII, 1895.

[II] Крепостью до настоящего времени называется часть города, расположенная по правую сторону р. Оми при впадении ее в Иртыш. Никаких оборонительных сооружений от бывшей здесь крепости (кроме Тобольских ворот) не сохранилось.

[III] Мертвым домом Ф.М. Достоевский назвал Омский каторжный острог.

прошлого века были обращены взоры всего мира. Этот клочок земли в прошлом – место страшных страданий человеческих душ, самых сильных и нередко самых даровитых натур.

Здесь, в грязных, закоптелых, с промозглым воздухом стенах арестантской казармы томился скованный неволей великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский. «Толстой и Достоевский, – говорит Горький, – два величайших гения, силою своих талантов они потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы и оба встали, как равные, в великие ряды людей, чьи имена – Шекспир, Данте, Сервантес, Гете».

ПРИГОВОР И РАСПРАВА

22 декабря 1849 года[I]. Морозное петербургское утро. Их «двадцать петрашевцев»[II] прямо из черных закрытых карет вывели на эшафот. Девять поставили по одну сторону, одиннадцать – по другую.

Тысячи людей толпились на заснеженном Семеновском плацу. Стоял сдержанный гул. Но вот на середину эшафота вышел аудитор. Водворилось гробовое молчание. Началось чтение приговора.

«Пагубные учения, породившие смуту и мятежи по всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния народов, отозвались в некоторой степени и на нашем отечестве...

Горсть людей, совершенно ничтожных, большею частью молодых и безнравственных, мечтала о возможности попрать священнейшие права религии, закона и собственности...».

Заключительная часть приговора гласила:

«...приговорены к смертной казни расстрелянием».

Сейчас же после прочтения приговора осужденных стали готовить к смерти. Им дали приложиться к кресту, над головами переломили шпаги, одели в предсмертные белые рубахи. Троих уже привязали к столбам. «Я был, – вспоминает Ф.М. Достоевский, – во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты...»[4].

В это время он успел обнять и проститься с Плещеевым[III] и Дуровым[IV]. Все ждали рокового «пли». Но ударил отбой: его величество сменил смерть на каторгу.

НА КАТОРГУ

24 декабря 1849 года. Была нехолодная и светлая ночь. Куранты Петропавловской крепости проиграли девять.

В это время из ворот крепости выехали пароконные зимние кибитки с закованными в железо арестантами в сопровождении стражи и поручика фельдъегерского корпуса Прокофьева. «Прощайте», – крикнули провожавшие. «До свиданья», – ответили из кибиток.

В ТОБОЛЬСКОЙ ТЮРЬМЕ

Тысячи верст оставлены позади. Достоевский, Дуров и Ястржембский[V] – в пересылочном отделении Тобольской тюрьмы. Здесь задержали их на 6 дней (с 14 по 20 января 1850 года).

В квартире смотрителя острога с большим радушием и сердечностью встречают их жены первых русских революционеров-декабристов: Фонвизина, Муравьева[5], Анненкова.

Об этой встрече Ф.М. Достоевский в «Дневнике» 1873 года писал:

«Мы увидели этих великих страдалиц, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь... Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли все,

---

[I] Даты приводятся по старому стилю.

[II] Петрашевцы – члены политического кружка, группировавшиеся вокруг М.В. Буташевича-Петрашевского.

[III] Плещеев Алексей Николаевич (1825 – 1893), поэт, призывал к борьбе за добро, к подвигу и самопожертвованию.

[IV] Дуров Сергей Федорович (1816 – 1869), поэт, петрашевец.

[V] Ястржембский Иван Фердинанд (1814 – 1880), петрашевец, последователь идей Фурье.

что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час. Они благословили нас на новый путь...»[6].

В своих воспоминаниях Ястржембский так описал последнюю ночь, проведенную с Достоевским в камере Тобольского острога:

«Мы присели и скорчились. Дуров на нарах, а я рядом с Достоевским на полу. Совершенно неожиданно получили мы свечку, у Достоевского оказались сигары. Мы провели большую часть ночи в дружеской беседе. Симпатичный милый голос Достоевского, его нежность и мягкость чувства, даже несколько его капризных вспышек, совершенно женских, подействовали на меня успокоительно»[7].

В Тобольском остроге Ястржембский расстался с Достоевским, и больше они не встречались.

ИЗ ТОБОЛЬСКОЙ ТЮРЬМЫ – В ОМСКИЙ ОСТРОГ

Узнав о дне отправления Ф.М. Достоевского и С.Ф. Дурова из Тобольска в Омск, дочь Тобольского губернского прокурора Мария Дмитриевна Францева и Наталья Дмитриевна Фонвизина («Та, с которой, – по выражению поэта, – образован Татьяны милый идеал...») выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, верст на семь от Тобольска.

Стоял большой мороз. Отправившись в своих санях пораньше, чтобы не пропустить петрашевцев, Фонвизина и Францева заранее вышли из экипажа и нарочно с версту ушли вперед по дороге, чтоб не сделать кучера свидетелем прощания, тем более что Францева должна была еще тайно вручить жандарму письмо для передачи в Омске хорошему ее знакомому инспектору кадетского корпуса подполковнику И.В. Ждан-Пушкину, в котором она просила его принять участие в судьбе Достоевского и Дурова.

Долго в открытом поле при тридцатиградусном морозе пришлось прождать подневольных путников. Прислушиваясь беспрерывно к малейшему шороху и звуку, Фонвизина и Францева ходили взад и вперед, согревая ноги. Наконец послышались отдаленные звуки колокольчиков. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая. Наталья Дмитриевна и Мария Дмитриевна вышли на дорогу и, когда подводы поравнялись с ними, махнули жандармам остановиться.

Из кибиток выскочили Достоевский и Дуров. «Первый (как пишет Францева) был худенький, небольшого роста, не очень красивый собой молодой человек, а второй лет на десять старше товарища, с правильными чертами лица, с большими черными, задумчивыми глазами, черными волосами и бородой, покрытой от мороза инеем. Одеты были они в арестантские полушубки и меховые малахаи; тяжелые кандалы гремели на ногах»[8].

Фонвизина и Францева наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал их, и успели только сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди. Приготовленное письмо к Ждан-Пушкину было отдано жандарму, который аккуратно и доставил его в Омск[9] (Воспоминания М.Д. Францевой).

От Тобольска в Омск петрашевцев сначала везли по Старому Московско-Сибирскому тракту. В 1791 году по этому же тракту следовал в Илимский острог первый русский революционер-демократ А.Н. Радищев, а через 35 лет, в 1825 году, по нему прошли на каторгу декабристы.

За Готопутовским петрашевцы покинули Старый Сибирский тракт, свернули на юг, на село Абатское, и выехали на Тюкалинский тракт. Не доезжая 12 верст до деревни Орлова (нынешнего Крутинского района), они вступили в пределы теперешней Омской области. Перед их взором лежали заснеженные равнинные пространства с березовыми рощами. У широкого полотна дороги в молчании стояли старые ивы с хлопьями снега на развесистых ветках.

Быстрой рысью бежали сибирские тройки, оставляя позади Крутинское, Калмаково, Тюкалинск, Андронкино, Бекишево, Суховскую. В старом сибирском селе Красноярском переехали великую сибирскую реку Иртыш. Река эта не могла не напоминать До-

стоевскому и Дурову о казненном на кронверке Петропавловской крепости декабристе К.Ф. Рылееве, воспевшем смерть Ермака в бурных волнах Иртыша. Вместе с тем, Иртыш с особой силой всколыхнул в душе петрашевцев их суровую обреченность. Река предстала новым и последним рубежом прошлого. Разорванными клочьями проносилось минувшее у подневольных путников. Они – в Сибири, вблизи каторги. Все прошлое погребено надолго, а может быть и навсегда. Погруженные в тяжелые мысли, Достоевский и Дуров не слышали скрипа снега под полозьями кибиток, забыли о пронизывающем холоде, не замечали окружающего.

От Красноярского тракт шел по восточной нагорной стороне реки. Местами у самой дороги, а больше на некотором отдалении от нее, в морозном тумане стояли березовые колки с черневшими на них полуразрушенными вороньими гнездами. С карканьем пролетали вороны, изредка, перелетая с одной березы на другую, стрекотала сорока.

День был серый. Солнце еле пробивалось сквозь мутную завесу облаков. Слабо звенели колокольцы. Покинута последняя станция – Кулачинское. Чувствовалась близость города. Чаще и чаще встречались люди, подводы. А вскоре показался высоко взметнувшийся над городом шатер колокольни крепостного Военного собора. Близость города приподнимала настроение ямщиков, дружней бежали лошади. Радовались жандармы скорой сдаче арестантов и возвращению домой, в Тобольск. И только Достоевского и Дурова не покидали мрачные мысли: тяжелым камнем лежали они на душе.

С тракта заиндевевшие тройки рысью вбежали в прямую улицу Тобольскую (ныне Орджоникидзе) с небольшими одноэтажными деревянными домиками по сторонам. А вскоре перед ехавшими открылась большая площадь – эспланада Омской крепости. Кругам вдали виднелись городские постройки, посреди площади – старая городская роща с кривыми, редко разбросанными березами и небольшим, занесенным снегом вокзалом. Тройки повернули к земляной второклассной крепости. Через каменную арку с надписью вверху «Тарския, 1791»[10] (ворота) – кибитки въехали в крепость и сразу же от ворот повернули налево – к Омскому каторжному острогу.

В ОМСКОМ КАТОРЖНОМ ОСТРОГЕ

23 января 1850 года в третьем часу пополудни Достоевский и Дуров были в остроге.

Острог стоял на краю крепости и расположен был в ее Степном бастионе (за нынешним драматическим театром).

«Как входите в ограду, – пишет Ф.М. Достоевский об остроге, – видите внутри ее несколько зданий. По обеим сторонам широкого внутреннего двора тянутся два длинных одноэтажных сруба. Это казармы. Здесь живут арестанты, размещенные по разрядам. Потом, в глубине ограды, еще такой же сруб: это кухня, разделенная на две артели; далее еще строение, где под одной крышей помещаются погреба, амбары, сараи.

Середина двора пустая и составляет ровную довольно большую площадку.

...Двор (имел) шагов двести длины и шагов полтораста ширины, весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном... В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми; их отпирали по требованию для выпуска на работу»[11]. («Записки из Мертвого дома»).

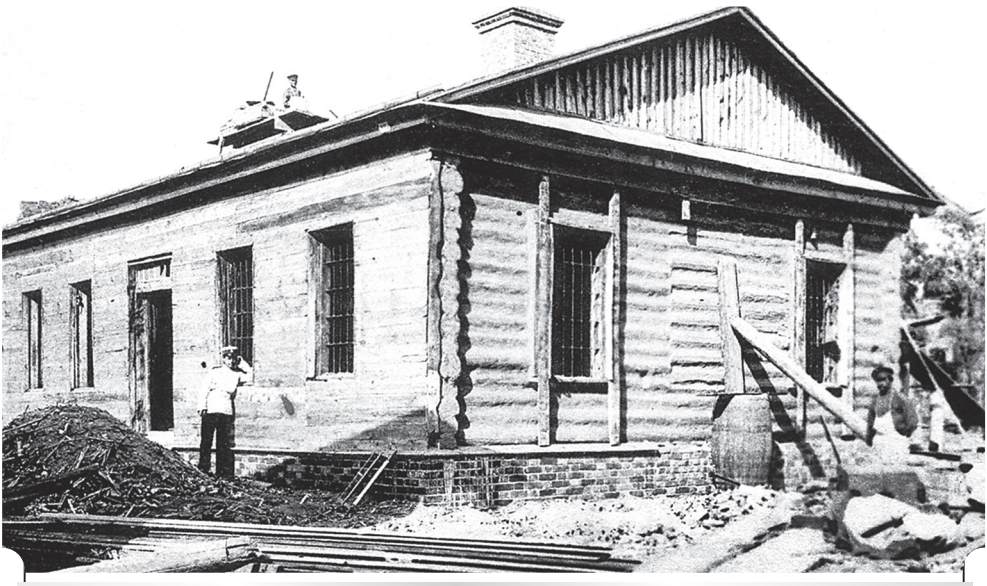
Сначала Достоевского и Дурова ввели в небольшое с почерневшими стенами одноэтажное здание кордегардии[12], которая находилась у самых острожных ворот.

Удлиненные оконные проемы с восемью квадратными стеклами в переплетах, грубо связанные дверные полотна придавали этому острожному чистилищу сугубо казенный и жуткий вид (кордегардия разобрана в 1914 году).

После положенного опроса последовало грозное плац-майоровское наставление: «Смотрите же, вести себя хорошо!.. Чтоб я не слыхал! Не то... телесным наказанием!.. За малейший проступок – р-р-розги!».

Из кордегардии Достоевский и Дуров проследовали под кровлю острожной казармы.

«Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами, с тяжелым удушливым запахом... На нарах у меня, – пишет Достоевский, – было три



Здание кордегардии Второй Омской крепости. Фотография начала XX в. До настоящего времени не сохранилось

доски: это было все мое место. На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока все засыпали. А до того – шум, гам, хохот, ругательства, звук цепей, чад и копоть, бритые главы, клейменые лица, лоскутные платья, все обруганное, ошельмованное...».

«Надо полагать, что не было такого преступления, которое бы не имело здесь своего представителя...».

«Были здесь убийцы невзначай и убийцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойников. Были просто мазурики и бродяги... Были и такие, про которых трудно было решить: за что бы, кажется, они могли прийти сюда? А между тем у всякого была своя повесть, смутная и тяжелая, как угар от вчерашнего хмеля»[13] («Записки из Мертвого дома»).

В таком окружении в течение четырех лет находился в Омском остроге Ф.М. Достоевский, «лишенный всех прав состояния... за принятие участия в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти и покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства, посредством домашней литографии».

В составленном 19 июня 1850 года Статейном списке государственных и политических преступников, находившихся в Омской крепости, Ф.М. Достоевский числится чернорабочим, знающим грамоту. И все четыре года каторги он нес нудную физическую лямку (труд умственный для каторжан не допускался).

Начальству каторжного острога не было никакого дела до того, что этот «чернорабочий» был уже известным молодым писателем и что ко времени каторги им были написаны «Бедные люди», «Двойник», «Белые ночи», «Неточка Незванова».

В КРЕПОСТИ

Ныне, когда вступаешь на территорию крепости, проходишь по ее улицам, всматриваешься в уцелевшие здесь до наших дней старые здания и сооружения – крепостные ворота, здание бывшей гауптвахты, дом коменданта, генералитетский дом, плацпарадное место (теперь сад Дома офицеров), или смотришь на берег Иртыша и равнинные заиртышные пространства, – порой вспоминается Федор Михайлович Достоевский[14].

Но образ гениального писателя восстает здесь не в величии и славе, не с лавровым венком на челе, – униженным и оскорбленным, с нанизанными на него знаками «Пре-

ступления и наказания», в кандалах, с обритой наполовину головой, в куртке и брюках наполовину из грубого серого, наполовину из черного сукна, в такой же мягкой бескозырке-шапке, с желтым бубновым тузом на спине. Таким через столетие видишь его здесь среди каторжан на каторжных работах. И всюду под конвоем, в кандалах...

В Омске есть и другие места, связанные с Ф.М. Достоевским, при посещении которых живей и ярче встает светлый образ великого писателя. Места эти запечатлены на страницах его бессмертных произведений – «Записок из Мертвого дома» и романа «Преступление и наказание» (эпилог).

НА БЕРЕГУ ИРТЫША

На берегу Иртыша, против Крепости, Ф.М. Достоевский впервые приобщился к подневольному, каторжному физическому труду.

На четвертый день по прибытии в острог его вместе с другими арестантами пригнали на берег и заставили разбирать две вмерзшие в реку старые казенные барки.

«День был теплый и туманный, снег чуть не таял»[15] («Записки из Мертвого дома»).

На поданный одним мещанином пятачок арестанты, придя на берег, купили у калашницы калачей, которые и разделили поровну на всю артель. Ф.М. Достоевский впервые, как «несчастненький», получил часть выделенного ему подаяния.

Во время работы на берегу он почувствовал ненависть со стороны арестантов к нему, как к дворянину. Это свое положение среди каторжников Омского острога Ф.М. Достоевский воспроизвел в романе «Преступление и наказание».

«Казалось, он (Раскольников) и они были разных наций... Он знал и понимал общие причины такого разъединения, но никогда не допускал он прежде, чтобы эти причины были на самом деле так глубоки и сильны.

В остроге тоже были ссыльные поляки, политические преступники. Те просто считали весь этот люд за невежд и холопов и презирали их свысока: но Раскольников не мог так смотреть, он ясно видел, что эти невежды во многом гораздо умнее этих самых поляков»[16].

Страшная тоска легла на душу Достоевского, когда он усталый после работы вернулся в острог: «Сколько тысяч еще таких дней впереди, – думал я, – все таких же, все одних и тех же!»[17] («Записки из Мертвого дома»).

На Иртыше. Фотография с рисунка Н.Н. Каразина из альбома «Пятнадцать акварельных картин к сочинениям Ф.М. Достоевского». 1890 г.

С берега Иртыша Достоевский в течение двух месяцев сряду носил кирпичи к строившейся в крепости казарме. Кирпичи приходилось носить через крепостной вал на расстояние саженей пятьдесят.

Веревка резала плечи каторжника. Но поскольку работа развивала и укрепляла его физические силы, она нравилась ему.

Раза два Федор Михайлович ходил работать на кирпичный завод, расположенный на правом берегу Иртыша, верстах в трех или четырех от крепости вниз по реке (примерно против территории 1-го питомника Горзеленхоза). Место было открытое, привольное. Завод обслуживали арестанты острога, которых посылали туда летом часов с шести утра ежедневно, партиями человек по пятьдесят для выделки кирпича. Возвращались в острог арестанты только вечером.

Работа на заводе считалась самой трудной. Каждому арестанту давалась норма: нужно было накопать, вывезти и вымесить глину, самому наносить воды, и, наконец, сделать не то две, не то две с половиной сотни кирпичей.

Видимо, работа на заводе была непосильной для Федора Михайловича и его перестали посылать туда.

В сарае, на пустынном берегу Иртыша Ф.М. Достоевский обжигал и толок алебастр.

Сарай стоял на правой стороне реки, там, где в настоящее время находится пляж Центрального района (против стадиона «Динамо»). Сейчас здесь летом проводят свободные часы тысячи омичей: купаются, загорают, занимаются спортивными играми. Через Иртыш на переправе с раннего утра до поздней ночи курсируют чистенькие катера, проходят комфортабельные пассажирские теплоходы, густые бархатные гудки то и дело разносятся по реке.

Иной вид имело это прибрежье реки сто с лишним лет назад.

Только у самого уреза воды Иртыша тянулась неширокая песчаная лента приплеса. Выше по берегу рос большой бурьян, валялся разный хлам – обломки кирпича, кости, лежали бревна, дрова. В Иртыш по береговому склону текли мутные ручьи. Здесь же находились производственные предприятия военного ведомства: баня военно-рабочей роты № 25, артиллерийская кузница, мастерские Сибирского линейного батальона и барак с печью для обжига алебастра, где работал Ф.М. Достоевский.

Работа на алебастре, как пишет Токаржевский[1], одновременно отбывавший каторгу с Достоевским, относилась к более легким из числа тех работ, на которые назначались не знающие никакого ремесла каторжники. Заведовали этим предприятием инженеры, которые сочувственно относились к политическим каторжникам. При их содействии Достоевского, как и других политических арестантов, часто направляли на работу при алебастровом бараке. В бараке выжигали и толкли алебастр под наблюдением квалифицированного в этом деле старшего мастера Андрея Алмазова. «Алебастровцев» (так называли работавших при алебастре) отправляли на работу рано утром. По приходе арестанты растапливали печь и укладывали в нее алебастр, а когда алебастр перегорит, его выгружали в ящики и затем каждый арестант брал свой ящик и тяжелым молотом дробил пережженые глыбы. В это время барак наполнялся тонкой блестящей пылью.

Во время перерыва, было ли это зимой или летом, «алебастровцы» выходили из барака на чистый воздух. Здесь их взор манил противоположный пустынный берег Иртыша, грустными глазами следили они за свободным полетом и реянием в воздухе степных орлов...

В бараке за дроблением алебастра у Достоевского с осужденными поляками часто происходили споры. Начинались они обычно «с обмена мнениями в вопросах для него (Достоевского) более или менее индифферентных» (о жизни и быте каторжан, острожных новостях, воспоминаний о воле и т.д.), но вскоре от мирного разговора он переходил

[1] Токаржевский Шимон – польский каторжанин. В 1841 году принял участие в польском заговоре, после чего бежал в Австрию. В 1851 году был наказан палками и осужден в каторжные работы в Сибирь.

к политическим вопросам, к спорам, часто горячим. Поляки с раздражением говорили о России, которая причинила много страданий Польше, польскому народу. В своих суждениях поляки не разграничивали самодержавную власть России, подавлявшую свободное проявление народных масс, от великого русского народа, никогда не проявлявшего неприязни к польскому народу. Ф.М. Достоевский с большой горячностью возражал полякам. Он говорил о великой будущности России, что она укажет путь развития западным странам, проложит дорогу к счастью. Но в своих суждениях писатель впадал и в ошибки: он считал, что произойдет это не в результате борьбы народа за власть, а в результате смирения, проповеди идей православной церкви.

«При таком запальчивом, возбуждающем нервы и волнующем кровь, споре, – пишет Токаржевский, – мы ударяли молотами с таким размахом, что даже инструктор наш, человек весьма добродушный, Андрей Алмазов восклицал: «Легче, ребята! Легче!» И часто предлагал нам отдых раньше назначенного часа...»[18].

В своих воспоминаниях Токаржевский, говоря о работе при алебастре, приводит любопытный эпизод.

«Однажды в один из холодных осенних дней в наш барак вошла приблудная собака. Боязливо задержалась в дверях и скулила, давая знать о своем присутствии... Большой любитель животных Федор Достоевский, удрученный трагической судьбой прежнего своего воспитанника и фаворита – Культяпки, первый обнаружил присутствие гостя собачьего рода и по-приятельски стал к нему обращаться... Собака доверчиво к нам приблизилась. Когда же Достоевский ее приласкал, то, приблизившись к его коленям, она начала от радости визжать...

Бывало, в часы отдыха, сядет собака на пол барака, Достоевский обоймет ее за шею и, склонившись над ней, долго сидит в задумчивой позе, и я заметил, что приблудный пес заметно выделял его из среды всех наших товарищей. Если он нарочно скрывался, то обеспокоенный пес повсюду бегал, с визгом отыскивал своего патрона, навстречу которому всегда выбегал с радостным лаем, поднимая передние лапы на грудь Достоевского, порываясь лизать его лицо...[19] («Звенья», т. VI, М.-Л., 1936).

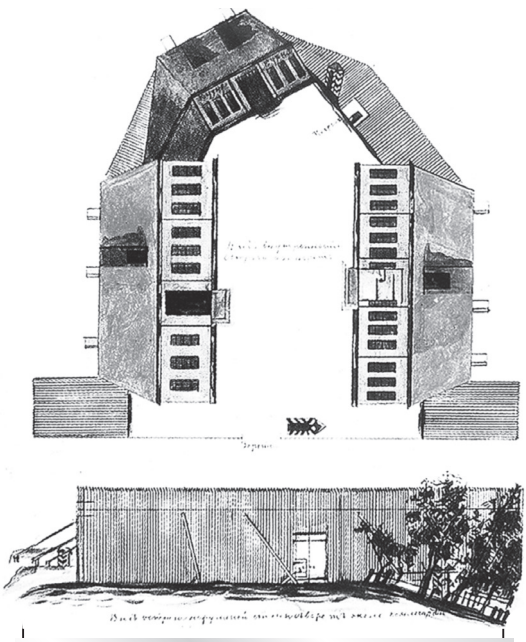


Рисунок с изображением Омского каторжного острога. 1847 г. С оригинала Центрального государственного архива литературы и искусства (ныне Российский государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербург)

Работа на берегу нравилась Федору Михайловичу: «...единственно только с него (с берега Иртыша – **А.П.**) и был виден мир божий, чистая ясная даль, незаселенные вольные степи, производившие на меня, – пишет Ф.М. Достоевский, – странное впечатление своею пустынностью. На берегу только и можно было встать к крепости задом и не видеть ее. На берегу же можно было забыться; смотришь, бывало, в этот необъятный, пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу, все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. Всматриваешься долго и разглядишь, наконец, какую-нибудь бедную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то там хлопочет со своими двумя баранами. Все

это бедно и дико, но свободно. Разглядишь какую-нибудь птицу в синем прозрачном воздухе и долго, упорно следишь за ее полетом: вот она всполохнулась над водой, вон исчезла в синеве, вон опять показалась чуть мелькающей точкой... Даже бедный чахлый цветок, который я нашел рано весною в расселине каменистого берега, и тут как-то болезненно остановил мое внимание»[20] («Записки из Мертвого дома»).

Не менее щемил душу Ф.М. Достоевского и зимний пейзаж Заиртышья.

«Зимой, особенно в сумрачный день, смотреть на реку и на противоположный, далекий берег было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце было в этом диком и пустынном пейзаже. Но чуть ли не тяжелей еще было, когда на бесконечной белой пелене снега ярко сияло солнце; так бы и улетел куда-нибудь в эту степь, которая начиналась на другом берегу и расстилалась к югу одной непрерывной скатертью, тысячи на полторы верст...»[21] («Записки из Мертвого дома»).

По свидетельству Ильи Даниловича Павшенко, несшего как фельдфебель наблюдение за арестантами (о чем нам сообщила его дочь Лидия Ильинична Попова), Федор Михайлович Достоевский часто на берегу Иртыша вместе с другими арестантами бил камень. Однажды, глядя на свободные широкие воды Иртыша, он, обращаясь к реке, с грустью, вполголоса продекламировал:

Шуми, Иртыш, струитесь, воды,
Несите грусть мою с собой.
А я, лишенный здесь свободы,
Дышу для родины драгой...[1].

Был и такой случай, передавал Павшенко: во время отдыха арестантов Достоевский обратился к нему:

– Служивенький, присядь-ка.

– Нет: нам закон не позволяет этого.

– Да, точно, ты прав, закон не позволяет, – согласился с фельдфебелем Ф.М. Достоевский.

Берег Иртыша глубоко врезался в память Ф.М Достоевского, и неслучайно писатель переносит в Омск, на берег Иртыша, захватывающую своим драматизмом сцену последнего свидания Сони с находящимся на каторге Раскольниковым («Преступление и наказание», эпилог). Между тем это произведение было написано через двенадцать лет после Омской каторги.

НА УЛИЦАХ КРЕПОСТИ

В Крепости, на нешироких прямых улицах у сохранившихся до настоящего времени зданий – гауптвахты (ныне Облвоенкомат), генералитетского дома, дома коменданта, кирхи[22] и других зданий и сооружений – Федор Михайлович вместе с арестантами неоднократно разгребал снег, нанесенный буранами.

«Особенно тоже я любил разгребать снег. Это бывало обыкновенно после буранов, и бывало очень нередко в зиму. После суточного бурана заметало иной дом до половины окон, а иной чуть не совсем заносило. Тогда, как уже прекращался буран и выступало солнце, выгоняли нас большими кучами, а иногда и всем острогом – отгребать сугробы снега от казенных зданий. Каждому давалась лопата, всем вместе урок, иногда такой, что надо было удивляться, как можно с ним справиться, и все дружно принимались за дело. Рыхлый, только что слегшийся и слегка приморожденный сверху снег ловко брался лопатой огромными комками и разбрасывался кругом, еще на воздухе обращаясь в блестящую пыль. Лопата так и врезалась в белую, сверкающую на солнце массу. Арестанты

[1] Это припев к стихотворению И. Виттера «Иртыш»:
Певец младой, судьбой гонимый,
При бреге быстрых вод сидел.
И, грустью скорбною томимый,
Разлуку с родиною пел...
Стихи И. Виттера созвучны были настроению Достоевского. Композитор А.А. Алябьев положил их на ноты.

почти всегда работали эту работу весело. Свежий зимний воздух, движение разгорячали их. Все становились веселее; раздавался хохот, вскрикивания, остроты. Начинали играть в снежки, не без того, разумеется, чтоб через минуту не закричали благоразумные и негодующие на смех и веселость, и всеобщее увлечение обыкновенно кончалось руганью»[23] («Записки из Мертвого дома»).

В ГОСПИТАЛЕ НА УЛИЦЕ СКОРБЯЩЕНСКОЙ

Будит воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском улица, называемая ныне именем Гусарова. В начале ее, по правую сторону, стоят большие деревянные дома казенной архитектуры второй половины XIX столетия. Это – здания госпиталя, старейшего медицинского учреждения Сибири, возникшего в средине XVIII столетия[24].

Отбывая каторжные работы в Омском остроге, Ф.М. Достоевский и С.Ф. Дуров часто лежали в арестантской палате госпиталя[25].

Покровительствуемые врачами и некоторыми местными влиятельными лицами, здесь они избавлялись от гнетущего режима каторжной тюрьмы. В госпитале было легче, свободнее, нежели в остроге. Отношение со стороны части врачебного персонала было гуманное, даже сердечное.

Впрочем, тяжелые переживания писателя не оставляли его и здесь.

Госпиталь был постоянным свидетелем жутких картин.

Как и в других местах России того времени, в Омке часто проводилась «гоньба сквозь строй». Сквозь строй солдат прогоняли арестантов. Экзекуция часто проводилась на Скорбященской улице, против окон госпиталя.

Выстраивали в два ряда солдат. Каждый из них в стволе ружья имел палку, окрашенную в зеленый цвет.

Приводили преступника, с него снимали рубашку, руки привязывали к прикладам ружей, на которых при экзекуции тянул его унтер-офицер через всю «зеленую» улицу.

Здание госпиталя на ул. Гусарова (бывш. Скорбященская). Омск. Конец XIX в. Ныне здание Военного клинического госпиталя № 354

От ударов багровели плечи, спина. Количество ударов назначалось до 12 000. Эта высшая норма называлась «полняк», которого никто никогда не выдерживал. Некоторые под палками и умирали. Других в тяжелом состоянии уносили в арестантскую палату госпиталя, где фельдшеры и больные оказывали избитому помощь: вливали в рот спирт, выдергивали из спины занозы от сломанных палок, накладывали на избитого смоченные простыни.

В эти минуты, по рассказам госпитального фельдшера А.И. Иванова, Достоевский приоткрывал дверь своей палаты (выйти он не мог) и, потрясенный, весь дрожа, умоляющим голосом просил фельдшеров:

– Детушки, детушки! Спасите его... спасите несчастного!

В среде солдат и каторжан Скорбященская улица (по имени Скорбященской госпитальной церкви) в то время прозывалась «Зеленой». Зеленые палки, которые ломались о спины солдат и арестантов, послужили основанием для названия улицы.

«Не умел на воле жить – теперь ломай зеленую улицу, проверяй ряды» – говорили в виде нравоучения омские каторжане, многие из которых тяжелой и медленно-мучительной поступью, проверяя ряды, прошлись по «Зеленой» Скорбященской.

Однообразно и скучно проходили дни в госпитале. Некоторое разнообразие вносил в арестантскую палату приход нового больного, в особенности пересыльных, которые говорили о только что виденном на воле, о людях, тюрьмах, этапах и т.д.

К вечеру обыкновенно являлись наказанные шпицрутенами.

«Я редко слышал стоны даже от тяжело избитых», – писал позднее Достоевский[26].

Разделение наказания на две половины и даже на три части определялось присутствовавшим при этом лекарем, в зависимости от того, сможет ли наказуемый вынести экзекуцию до конца. Впрочем, некоторые из арестантов заранее обрекались на смерть.

Тяжело переживали в госпитале те, кто должен был идти после залечивания ран под шпицрутены, в особенности это чувствовалось накануне экзекуции.

Особенно поражен был Достоевский каторжником Орловым, которого избили в первую половину наказания до полусмерти. Но он был рад, что его не засекли до смерти и что его оставили живым, «...ему уже начинали мечтаться дорога, побег, свобода, поля и леса... Но обманчивы были надежды. Через два дня после выписки из госпиталя он умер в том же госпитале, на прежней же койке, не выдержав второй половины»[27] («Записки из Мертвого дома»).

ВОЕННЫЙ КРЕПОСТНОЙ СОБОР

На улице Партизанской, против сада Дома офицеров, стояло старейшее здание в городе – Военный крепостной собор, первое каменное сооружение в Омске, построенное в 1771 – 1774 гг. Строил его знаменитый сибирский летописец, тобольский ямщик Иван Черепанов.

В стены этого собора Достоевского, как и других арестантов, гоняли говеть – исповедовать грехи, «...нас водили под конвоем с заряженными ружьями в божий дом. Конвой, впрочем, не входил в церковь. В церкви мы становились тесной кучей у самых дверей, на самом последнем месте, так что слышно было только разве голосистого дьякона, да изредка из-за толпы приметишь черную ризу да лысину священника...

...мы были закованные и ошельмованные; от нас все сторонились, нас все даже как будто боялись, нас каждый раз оделяли милостыней, и, помню, мне это было даже как-то приятно, какое-то утонченное, особенное ощущение сказывалось в этом странном удовлетворении...»

«Пусть же, коли так!» – думал я. Арестанты молились очень усердно, и каждый из них каждый раз приносил в церковь свою нищенскую копейку на свечку или клал на церковный сбор: «Тоже ведь и я человек», может быть, думал он или чувствовал, подавая: «перед богом-то все равны...»[28] («Записки из Мертвого дома»).

ИНЖЕНЕРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

О первых днях и последнем часе каторжной жизни Ф.М. Достоевского напоминает нам крепостной квартал, расположенный между улицами Спартака и им. Достоевского, им. Красина и Манежной. Как показано на плане г. Омска 1819 г., здесь, метрах в 80 – 100 на юго-запад от острога, в низеньком каменном здании, стоявшем на большом дворе, находились инженерные мастерские[29].

На второй день по прибытии в острог Ф.М. Достоевский пришел в мастерские, чтобы перековаться, сменить «мелкозвон» на форменные острожные кандалы, приспособленные к работе.

Здесь его снарядили в каторжную жизнь и здесь же через четыре года он был раскован, возвращен к новой жизни.

ПРОЩАНИЕ С ОСТРОГОМ

«Накануне самого последнего дня, в сумерки, я обошел в последний раз около паль весь наш острог. Сколько тысяч раз я обошел эти пали во все эти годы! Здесь за казармами скитался я в первый год моей каторги один, сиротливый, убитый. Помню, как я считал тогда, сколько тысяч дней мне остается. Господи, как давно это было! Вот здесь, в этом углу, проживал в плену наш орел; вот здесь встречал меня часто Петров. Он и теперь не отставал от меня. Подбежит и, как бы угадывая мысли мои, молча идет подле меня и точно про себя чему-то удивляется. Мысленно прощался я с этими почернелыми бревенчатыми срубами наших казарм. Как неприветливо поразили они меня тогда, в первое время. Должно быть и они теперь постарели против тогдашнего; но мне это неприметно. И сколько в этих стенах было погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно»[30] («Записки из Мертвого дома»).

СКОРБЬ О ВОЛЕ

Прощаясь с острогом, Ф.М. Достоевский вспомнил об орле: «Вот здесь, в этом углу, проживал в плену наш орел»[31].

Орел – это потрясающий образ, это отражение трагически сложившейся судьбы Достоевского и многих тех, кто делил с ним неволю. Израненная, с перебитым крылом занесена вольная птица на каторгу. Высокий почерневший от времени тын, смрад, суровые взгляды, грубые голоса, лязг железа – вместо степного простора, вольного ветра, беспредельного голубого неба и яркого солнца. Больно переживала свободолюбивая птица неволю.

«Никакими ласками я не мог смягчить его, – пишет Достоевский, – он кусался и бился, говядины от меня не брал и все время, бывало, как я над ним стою, пристально-пристально смотрит мне в глаза своим злым пронзительным взглядом..., не доверяя никому и не примиряясь ни с кем».

Тонко чувствовали и глубоко переживали каторжники скорбь птицы о воле. Глубокой осенью, в холодный сумрачный день, орла выпустили на волю, и он, не оглядываясь, заковылял по засохшей степи, махая подбитым крылом... Арестанты долго, долго смотрели, как ныряла в траве голова орла: «Знамо дело – воля. Волю почуял...»[32].

НА НОВУЮ ЖИЗНЬ

Наступил день выхода из острога и для Ф.М. Достоевского.

«Когда только еще начинало светать, обошел я все казармы, чтобы попрощаться со всеми арестантами...».

«Пробил барабан, и все отправились на работу, а я остался дома...».

Минут десять спустя после выхода арестантов, вышли и мы из острога, чтобы никогда в него не возвращаться, – я и мой товарищ (С.Ф. Дуров – **А.П.**), с которым я прибыл».

«Расковали нас наши же арестанты, в инженерной мастерской. Я подождал покамест раскуют товарища, а потом и сам подошел к наковальне. Кузнецы обернули меня спиной к себе, подняли сзади мою ногу, положили на наковальню... Они суетились, хотели сделать ловчее, лучше.

– Заклепку-то, заклепку-то повороти перво-на-перво!.. – командовал старший, – установь ее, вот так. Ладно... Бей теперь молотом...».

Кандалы упали. Я поднял их... Мне хотелось подержать их в руке, взглянуть на них в последний раз. Точно я дивился теперь, что они сейчас были на моих же ногах.

– Ну, с богом! С богом, – говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами.

Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!»[33].

В конце января 1854 года Ф.М. Достоевский расстался с каторгой, а через месяц покинул Омск.

«НА СВЕТЕ ОЧЕНЬ МНОГО БЛАГОРОДНЫХ ЛЮДЕЙ»

Омск времени пребывания Ф.М. Достоевского в каторге (1850 – 1854 гг.) был военно-чиновничьим городом. Среди военных и чиновного люда немало здесь было людей просвещенных, с уважением относившихся к носителям живой мысли и всемерно стремившихся облегчить участь Ф.М. Достоевского и С.Ф. Дурова. К ним в первую очередь нужно отнести инспектора Омского кадетского корпуса полковника И.В. Ждан-Пушкина. Исполняя просьбу Н.Д. Фонвизиной и М.Д. Францевой, он неослабно интересовался положением петрашевцев и в дозволенных тогдашними строгими законами рамках оказывал им содействие. Его влиянию, вероятно, обязаны были заключенные постоянным вниманием к ним тогдашнего коменданта Омской крепости де-Граве.

Переписываясь с Францевой под предлогом заботы о ее братьях, воспитывавшихся в кадетском корпусе, Ждан-Пушкин сообщал о положении заключенных Достоевского и Дурова. Вместе с тем, через него С.Ф. Дуров пересылал Францевой стихи, написанные им в госпитале.

Под стихотворением «К фарисеям» автор сделал надпись: «Дуров. 14 марта 1850 г., темница-Омск».

Старший доктор военного госпиталя Троицкий принимал большое участие в оказании льгот петрашевцам. Он сообщал через дежурных офицеров острога, что тот или другой петрашевец может прийти в госпиталь на передышку. И, действительно, Достоевский отправлялся в госпиталь и лежал там по несколько недель, получая сытный стол, частью с докторской кухни.

По рассказам Троицкого, Достоевский начал писать «Записки из Мертвого дома» в госпитале. Первые главы «Записок» хранились долгое время у старшего госпитального фельдшера, фамилия которого, к сожалению, неизвестна.

Жена доктора Троицкого часто посылала Достоевскому чай и обед.

Большую заботу о Достоевском проявляли столичные гардемарины, разжалованные в 1849 году за подачу жалобы о плохом питании в корпусе и определенные на военную службу офицерами в 4, 5 и 6 Сибирские линейные батальоны, расквартированные в Омске. Эти молоденькие гердемарины – Лихарев, Левшин, Калугин, Брылкин, кн. Хованский и барон Фон Геллесен – были известны в Омске под именем «морячков». Достоевского и Дурова «морячки» систематически оставляли как бы для работ в самой крепости, вызывали в кордегардию (караульное помещение) и помещали в комнате караульного офицера. Здесь им сообщали новости, вручали передачи, письма от родственников из Петербурга, дозволяли читать.

Заведующему работами в крепости генералу Бориславскому и коменданту крепости де-Граве эти визиты Достоевского в кордегардию были известны, они подшучивали над «морячками», советуя, однако, юношам-офицерам быть осторожнее.

Один из «морячков», как сообщает П.К. Мартьянов[1], однажды спас Достоевского от телесного наказания. Когда за лежание днем на нарах плац-майор отправил Достоевского в кордегардию для экзекуции, «морячок», дежуривший в это время, тотчас сообщил об этом генералу де-Граве. Последний немедленно приехал лично и остановил приготовления к наказанию, а плац-майору Кривцову сделал публичный выговор и строго подтвердил, чтобы больных арестантов отнюдь не подвергать наказаниям.

Покровительствовал петрашевцам и генерал Бориславский[34]. Адъютанту Константину Ивановичу Иванову[35] он разрешил назначать Достоевского на легкие работы. Одно время

[1] П.К. Мартьянов. В переломе века. «Исторический вестник», кн. 11 – 12, 1895 г.

Достоевскому в нарушение установленных правил было позволено ходить в канцелярию инженерного управления для письменных занятий.

Большое участие в судьбе Достоевского и Дурова принимала жена подпоручика К.И. Иванова (дочь декабриста Анненкова). Она многое делала для облегчения положения Достоевского, систематически оказывала ему существенную материальную помощь.

Достоевский был глубоко тронут любовью и вниманием, которые он встречал со стороны чутких передовых людей. Такие люди нашлись и в городе «Мертвого дома».

В письме к брату он писал:

«Если бы не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К.И.И. (Константин Иванович Иванов) был мне как родной брат. Он сделал для меня все, что мог... чем заплатить за это радушие, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, внимание и заботливость как о родном брате, и не он один. Брат, на свете очень много благородных людей!»[36].

В доме Ивановых Ф.М. Достоевский познакомился с известным впоследствии путешественником Чоканом Валихановым – первым просветителем казахов. Знакомство это в дальнейшем перешло в большую привязанность и даже любовь.

«...Вы пишете мне (приводим выдержку из ответного письма Достоевского Валиханову), что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии: я в Вас влюблен. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам, и бог знает, как это сделалось!..»[37].

В дружбе гениального русского писателя и первого казахского просветителя и ученого проявилось духовное сближение русского и казахского народов.

Сердечны, сострадательны были отношения простого городского люда к Ф.М. Достоевскому, как и ко всем заключенным. В глазах народа арестанты – не преступники, а «несчастненькие».

У жителей сибирских сел и городов вошло в обычай скрашивать тяжелую участь арестантов подачей им «милостыньки», часто из последних своих запасов.

На дорогах, улицах, в остроге, в церкви арестантов оделяли хлебом, «копеечками». Подача милостыньки «несчастным» вошла в быт сибиряков.

Ф.М. Достоевский неоднократно получал политые слезами сострадания подаяния от жителей омских форштадтов. Об этом он пишет на страницах «Записок из Мертвого дома»:

«Помню, как я, в первый раз, получил денежное подаяние. Это было скоро по прибытии моем в острог.

Я возвращался с утренней работы один, с конвойным. Навстречу мне прошли мать и дочь, девочка лет десяти, хорошенькая, как ангелочек. Я уже видел их раз. Мать была солдатка, вдова. Ее муж, молодой солдат, был под судом и умер в госпитале, в арестантской палате в то время, когда и я там лежал больной. Жена и дочь приходили к нему прощаться, обе ужасно плакали. Увидя меня, девочка закраснелась, прошептала что-то матери; та тотчас же остановилась, отыскала в узелке четверть копейки и дала ее девочке. Та бросилась бежать за мной... – На, «несчастный», возьми Христа-ради копеечку», – кричала она, забегая вперед меня и суя мне в руку монетку. Я взял ее копеечку, я девочка возвратилась к матери совершенно довольная. Эту копеечку я долго берег у себя»[38].

НЕНАВИСТНЫЕ ЛЮДИ

Но наряду с людьми, которые стремились помочь и облегчить участь Ф.М. Достоевского, были и типичные аракчеевы (к счастью, в малом числе), для которых великий русский писатель был только арестант, каторжник, государственный преступник.

Вот мрачная фигура плац-майора Василия Кривцова – это он ненавистный всей каторге человек, пьяница, грубый и жестокий, широко использовавший розги.

«Дом нашего плац-майора, – пишет Федор Михайлович, – казался мне каким-то проклятым, отвратительным местом, и я каждый раз с ненавистью глядел на него, когда проходил мимо»[39] («Записки из Мертвого дома»).

Черную память оставил по себе полковник Мартен, сделавший донос на незаконное допущение Ф.М. Достоевского к письменным занятиям в канцелярии инженерного управления.

А начальник госпиталя, барон Франк[40], узнав о том, что фельдшер А.И. Иванов потихоньку носит Достоевскому французскую газету «Север», рассвирепел и приказал (как сообщает сын Иванова – В.А. Иванов) наказать фельдшера розгами – двадцатью пятью ударами. (Газету «Север» получал штабс-доктор Троицкий).

Каторга сильно расстроила здоровье Достоевского. Он приобрел болезнь, которую сам в письме характеризует, как «странные припадки, похожие на падучую и однако ж не падучая». Старший доктор госпиталя Троицкий болезнь Достоевского объяснял мнительностью, болезненным состоянием организма, расшатанностью всей нервной системы, хотя на вид Достоевский казался здоровым, бодрым и крепким.

Подводя итоги четырем годам каторги, Достоевский в письме к брату из Семипалатинска писал:

«Вот уже скоро 10 месяцев, как я вышел из каторги. Те четыре года считаю я за время, в которое был похоронен живым, это было страдание невыразимое, бесконечное: потому что всякий час, всякая минута тяготела как камень у меня на душе. Даже если бы я написал к тебе 100 листов, то и тогда ты не имел бы понятия о тогдашней жизни моей. Это нужно по крайней мере видеть самому – я уже не говорю испытать. Но это время прошло, оно позади, как тяжелый сон»[41].

В Омском каторжном остроге, в окружающем его мире преступлений и наказаний, в мире отверженных, Ф.М. Достоевский уловил не один свирепый крик злодейства, но и тихий стон измученной человеческой души. Здесь пробудилась у него мысль явиться изобразителем ужасной действительности, быть заступником среды, к которой существовало только чувство презрения и отталкивающего ужаса, которая лишена была сострадания и к которой проповедовалось самое жестокое зверское обхождение.

Ф.М. Достоевский помнил героев «Мертвого дома» до последнего биения своего сердца. Когда в 1876 году наш земляк Н.М. Ядринцев, при встрече в Петербурге сообщил ему, что он видел прежнюю его тюрьму, то Достоевский, внезапно погруженный в воспоминания, спросил: «Ну а где же теперь они – те, что сидели там?» (он имел в виду каторжных). «Что было сказать, – пишет Ядринцев. – Прошло 20 лет. Где эти люди: понятно. Они погибли под плетями и шпицрутенами, пропали в бегах, умерли в тюрьмах. Это был жребий каторжных, изломанных жизнью людей.

– Да, ведь их не может существовать уже, – спохватился Федор Михайлович. Но я понял, что он внутренне связан с их жизнью и судьбой...».

Когда в 1861 году Ф.М. Достоевский прочел отрывок «Записок из Мертвого дома», с ним сделалось дурно – так были живы его впечатления о «Мертвом доме», о городе на Иртыше.

«Записки из Мертвого дома» – плод омской каторги писателя. В стенах острога было задумано это произведение и больше того, как имеется свидетельство: первые его главы были написаны в Омске, в военном госпитале.

Сила творчества Ф.М. Достоевского – в искренности и простоте. В его произведениях нет ничего надуманного. Все просто, все от сердца. Это и волнует читателя.

«Я видел раз, как прощался с товарищами один арестант, – пишет Достоевский в «Записках из Мертвого дома», – пробывший в каторге двадцать лет и, наконец, выходивший на волю. Были люди, помнившие, как он вошел в острог в первый раз, молодой, беззаботный, не думавший ни о своем преступлении, ни о своем наказании. Он выходил стариком, с лицом угрюмым и грустным. Молча обошел он все наши шесть казарм. Входя в каждую казарму, он молился на образ, потом низко, в пояс, откланивался товарищам, прося не помнить его лихом...».

«Помню тоже я, как однажды одного арестанта, прежде зажиточного сибирского мужика, раз под вечер позвали к воротам. Полгода перед этим получил он известие, что бывшая его жена вышла замуж, и крепко запечалился. Теперь она сама подъехала

к острогу, вызвала его и подала ему подаяние. Они поговорили минуты две, оба всплакнули и простились навеки. Я видел его лицо, когда он возвращался в казарму... Да, в этом месте можно было поучиться терпению...»[42].

«Помню, солнце так и пронизывало крепкими косыми лучами зеленые, слегка подмерзшие стекла в окнах нашей палаты. Целый поток их лился на несчастного. Умер он не в памяти и тяжело, долго отходил... Он сбил с себя одеяло, всю одежду и, наконец, начал срывать с себя рубашку… …на всем теле его остались только деревянный крест с ладанкой и кандалы.. Наконец он блуждающей и нетвердой рукой нащупал на груди свою ладанку и начал рвать ее к себе, точно и та была ему в тягость, беспокоила, давила его. Сняли и ладанку. Минут через десять он умер... Но вот труп стали поднимать, подняли вместе с койкой. Солома захрустела, кандалы звонко среди всеобщей тишины брякнули об пол...»[43]. Так Ф.М. Достоевский описывает смерть чахоточного арестанта Михайлова в Омском военном госпитале.

В СЕМИПАЛАТИНСКЕ

По окончании срока каторги Ф.М. Достоевский был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон, который стоял в Семипалатинске. Простившись с гостеприимным домом Ивановых и Дуровым, с которым больше уже не суждено было встретиться Достоевскому, он ранней весной выехал к месту своей службы. Путь проходил по правой стороне Иртыша, по оживленному Семипалатинскому тракту с расположенными на нем старыми казачьими станицами: Черемуховская, Усть-Заостровская, Ачаирская, Покровская, Изылбашская, Соляная, Елизаветская, Черлакская, Атмасская, Татарская, Крутоярская и др. Дорога шла рядом с Иртышом, то совершенно вблизи его русла, то несколько уклоняясь от него, сначала лесостепью, а затем открытым степным пространством. После четырехлетнего тюремного заключения путь этот «показался Достоевскому настоящим возрождением. Уж под конец жизни он рассказывал друзьям, что никогда не ощущал себя таким счастливым, как в дни этого подневольного путешествия, попав в какой-то обоз, повстречавшийся по пути, сидя на жестких канатах, с небом над собою, чистым воздухом кругом и чувством свободы в душе». (Л. Гросман. Достоевский, изд. 1962, стр. 177). В несложном багаже Достоевского лежал единственный памятник его литературной работы в Омском остроге – «Сибирская тетрадь», на узких страницах которой шли убористые строчки заметок и наблюдений каторги. Вместе с записями Достоевский вывозил из Омска познание народа русского.

«Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй, бродяг и разбойников и вообще всего черного, горемычного люда. На целые тома достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо и так хорошо, как, может быть, немногие знают его...»[44] (Из письма к брату М.М. Достоевскому из Омска от 22 февр. 1854 т.). – «Я создал там (в остроге – **А.П.**) в голове большую окончательную мою повесть...»[45] (Из письма А.Н. Майкову от 18 января 1856 г.).

ИЗ СИБИРИ – В РОССИЮ

По Семипалатинскому тракту проследовал Ф.М. Достоевский и возвращаясь в Россию. Было это в 1859 году после увольнения из-за болезни с военной службы. Утром 2 июля на квартире отставного прапорщика в доме Лопухова по улице Крепостной (ныне улица Достоевского) подъехала сибирская тройка. Собрались знакомые Федора Михайловича проводить его, взглянуть на него последний раз, сказать последнее «прощай». Долгожданный отъезд на родину был вместе с тем тяжелой разлукой с друзьями, с городом, где много испито горького, тяжелого, но и здесь были радости, счастье. Теперь все позади. Тройка рысью бежала по пыльным улицам Семипалатинска, а затем по ровному полотну дороги через бывшие форпосты и крепости Иртышской линии. «Погода была, – пишет Достоевский, – бесподобная и дорога прекрасная». До самого Омска с залитых солнцем степей и широкой глади Иртыша, окаймленного по берегам зелеными ивами

и тополями, сидя в дорожном экипаже, Федор Михайлович и Мария Дмитриевна[46] не сводили прощальных взоров, вспоминали своих семипалатинских знакомых. Вместе с путниками и их вещами в экипаже следовало и литературное творчество (в большинстве – в черновых рукописях) семипалатинских лет жизни Ф.М. Достоевского. Здесь были дополнительные записи к «Сибирской тетради», первоначальные наброски и отдельные эпизоды «Записок из Мертвого дома», стихотворение «На европейские события в 1854 году», наброски статьи «Письма об искусстве», стихотворение «На 1 июля 1855 года», ода «На коронацию Александра II» (1856), повесть «Дядюшкин сон» – первое произведение, целиком законченное Ф.М. Достоевским в Сибири в начале 1859 года, и повесть «Село Степанчиково и его обитатели».

Вместе с тем Ф.М. Достоевский увозил с собой, приобретенные за семипалатинский период службы, знания нравов и обычаев казахов,

Сведения из истории и даже археологии степи.

И теперь, навсегда покидая далекий край, он прощальным взором смотрел на расстилающуюся перед ним степь, с волнующимся серебристым ковылем, разливающую запах полыни, с маячащими на горизонте почерневшими от палящих лучей солнца убогими юртами, пасущимися стадами овец, низкорослых киргизских лошадей, взлохмаченных мелких коров и верблюдов.

Как и его новый друг, первый просветитель казахов Чокан Валиханов, Достоевский еще больше укреплялся в своем мнении, что будущее казахского народа – его полное единение с Россией – выведет Степь из застоя, она сможет пойти по пути просвещения и прогресса.

Одна за другой оставались позади станицы. Проехали Павлодар, станицу Черлакскую. Наконец Омск. На этот раз Ф.М. Достоевский въехал в город с южной стороны, через городскую заставу с высокими по сторонам обелисками и приподнятым полосатым шлагбаумом (нынешний проспект Карла Маркса, не доезжая метров двести до Транспортного института).

В Омске Ф.М. Достоевский задержался на несколько дней. В письме к А.И. Гейбовичу 23 октября 1859 года из Твери он писал: «В Омске я пробыл трое или четверо суток.. Был у старых знакомых и начальников, как-то: де-Граве и проч...»[47].

Здание бывшего Комендантского дома Второй Омской крепости. 1980-е гг. Ныне здание Омского государственного литературного музея им. Ф.М. Достоевского

Ф.М. Достоевский был знаком и с женой коменданта. В письме к сестре первой своей жены В.Д. Констант от 31 августа 1857 года он сообщает, что по вопросу определения пасынка Паши Исаева в Омский кадетский корпус он писал и «к жене генерал-майора де-Граве, моей доброй знакомой женщине, благородной и умной...»[48].

В семье де-Граве Ф.М. Достоевского принимали как равного.

Комендант де-Граве жил в крепости на Инженерной улице (теперь ул. Победы), в одноэтажном каменном доме № 1, построенном в 1799 году.

По отзывам современников, комендант был человек «весьма порядочный». В целях облегчения положения петрашевцев де-Граве «являлся к князю (генерал-губернатору П.Д. Горчакову) со спросом, как поступать со вновь присланными арестантами, можно ли чем-нибудь отличить их от других, делать им кой-какие снисхождения, – и получил ответ: «по закону», т. е. без всякого послабления» (Из письма А. Сулоцкого Н.Д. Фонвизиной от 11 февраля 1850 года).

Тогда же Достоевский посетил и кадетский корпус. Здесь им было подано прошение директору корпуса генералу А.М. Павловскому[49] об исключении (в связи с выездом в Россию) из числа воспитанников корпуса его пасынка Паши Исаева.

О Павловском Ф.М. Достоевский отзывался как об ученом генерале, имя которого произносилось с уважением в Омске.

Только благодаря Павловскому и инспектору Ждан-Пушкину, был принят в корпус Паша Исаев, не удовлетворявший правилам приема. Больше того, Ждан-Пушкин встретил Пашу, как родного, и поместил у себя. «Инспектор Ждан-Пушкин, – пишет Ф.М. Достоевский, – человек образованный, с благороднейшими понятиями о воспитании...»[50].

В стенах кадетского корпуса у Ждан-Пушкина с преподавателем Сулоцким часто происходили разговоры о Достоевском и Дурове. Они принимали все меры, чтобы улучшить их положение. В корпусе в должности правителя дел состоял товарищ Федора Михайловича Г.А. Осипов, который изредка навещал Достоевского в госпитале.

Ф.М. Достоевский неоднократно писал в корпус Ждан-Пушкину и даже старшим воспитанникам корпуса, чтобы они лучше приняли Пашу Исаева.

Из Омска в Россию Достоевский поехал по тому же Тюкалинскому тракту, по которому девять с лишним лет назад он следовал на каторгу: через Тюкалинск, Абатское и далее на Ишим, минуя Тобольск.

В Омске экипаж пополнился новым пассажиром: из корпуса был взят Паша Исаев.

– Дорога была, – как пишет Достоевский, – «прескверная». Экипаж бросало из стороны в сторону, он громыхал, скрипел, но «не ломался». Зато погода стояла преблагодатная». Задержки в лошадях на станциях не было[51].

Следуя на каторгу в закрытых санях под неослабным надзором жандармов с гнетущими мыслями и чувствами в душе, петрашевцы не имели возможности смотреть на села и придорожные виды природы.

Теперь, свободный от кандалов, Федор Михайлович не сводил глаз с одетых в зелень листвы рощ и кустарников, то подступающих к самой обочине тракта, то отбегающих, со сверкающих серебром плесов тюкалинских озер, окаймленных изумрудным бархатом лугов с ярко-пестрыми красками цветов. Вихрь воспоминаний поднимала в памяти Достоевского старая Тюкалинская дорога с заросшими травой и кустарниками канавами, на которые смотрели тысячи глаз медленно двигавшихся арестантов. Навстречу бежали почтовые тройки с колокольцами, ехали ямщики. Прощальный взор бросал Ф.М. Достоевский на расположенные по тракту деревни и села с этапами и полуэтапами на окраинах их, с почтовыми станциями. Остались позади Тюкалинск, Ишим, Ялуторовск, Тюмень. Наконец – Урал.

«В один прекрасный вечер, – пишет Ф.М. Достоевский, – часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди леса, мы набрели, наконец, на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб с надписями, и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел, наконец, господь увидать обетованную землю. Затем вынулась плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой... и мы

выпили с инвалидом на прощание с Азией, выпил и Николаев[1], и ямщик...»[52] (Из письма А.И. Гейбовичу от 23 октября 1859 года).

Вспомнился Федору Михайловичу тот день, когда он впервые был на границе Европы и Азии: «Кругом снег, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, назади все прошедшее – грустно было, и меня прошибли слезы...»[53] (Из письма Ф.М. Достоевского брату М.М. Достоевскому). Теперь далеко за Каменным поясом осталась Сибирь, навсегда покинуты Омск с каторжным острогом и Семипалатинск с 7-м Сибирским линейным батальоном. Впереди – Россия, родные, друзья.

С каторги Ф.М. Достоевский вернулся с расшатанным здоровьем и обострившейся падучей болезнью. Это физическое состояние сказалось на его последующих взглядах.

Осужденный на каторгу как пропагандист социализма, активный член кружка Петрашевского и ненавистник крепостного права, он отошел от прежних взглядов, занял позицию непротивления, оправдания существующего порядка, проникся чувством христианского «смирения».

Но «Мертвый дом» не угасил у Достоевского веры в человека, мечты о свободной счастливой жизни, о воскресении из мрака, – наоборот, там он почерпнул еще большую веру в человека, веру в прекрасное будущее.

«Великие художники русские, – писал А. Блок, – Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой – погружались во мрак, но они не имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянии, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, что жизнь прекрасна».

Эта новая прекрасная жизнь настала. Но не проповедь, не смирение привели к торжеству, а Великая Октябрьская социалистическая революция.

[1] Николаев – сопровождавший Достоевских знакомый почтальон.

Черновик письма А.Ф. Палашенкова в редакцию «Литературной газеты»[1]

[1966 г.][I]

В текущем году Омск отмечает 250-летие своего существования. К этой дате город стал «готовиться заблаговременно»[II].

Во второй половине января 1958 г. было приступлено к разборке первого каменного сооружения в Омске – Воскресенского военного собора, построенного в 1775 г. последним сибирским летописцем, автором известной Черепановской летописи тобольским ямщиком Иваном Черепановым.

Собор вошел в страницы бессмертного произведения Ф.М. Достоевского «Записки из [М]ертвого дома». В стенах этого собора Достоевского, как и других каторжников, пригоняли говеть – исповедовать грехи: «…нас водили под конвоем с заряженными ружьями в божий Дом…»[2].

И вот с этим «очагом дурмана» омичи окончательно расправились в 1959 г.

Теперь на этом месте ворвавшийся в старую Омскую крепость степной ветер поднимает пыль…

На утренней заре 17 февраля 1959 г. началась поспешная разборка (при председателе Горисполкома т. Хельмицком[3] и бывшем[III] первом секретаре[IV] обкома партии т. Колущинском[4] Тарских крепостных ворот, построенных в 1792 г. Работа проводилась в ударном[V] порядке: была выделена большая группа рабочих и несколько де-

Разрушенные Тарские ворота. Омск. 1959 г.

[I] *Дата восстановлена на основе сведений, содержащихся в статье. – Прим. сост.*

[II] *Выделено автором. – Прим. сост.*

[III] *Слово вписано от руки синими чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[IV] *Далее вписано автором от руки синими чернилами над строкой* «обкома партии». *– Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто* «темпе», *над строкой карандашом вписано* «порядке». *– Прим. сост.*

сятков автомашин. Задание было успешно выполнено, и на другой день на месте ворот было чисто, убрано, как говорится, до пылинки. Сквер, где находились многоукрашавшие его ворота, опустел.

Пять лет тому назад внимание строителей Омска остановилось на самом замечательном из архитектурных памятников Омска – Никольском казачьем соборе, построенном в 1838 г.[I] по проекту Василия Петровича Стасова (1769 – 1848 гг.), выдающегося русского зодчего, представителя высокого классицизма.

Собор находится посредине Центрального городского сада и, казалось бы, городу нужно было бы гордиться и радоваться наличию такого памятника архитектуры в Сибири на берегу Иртыша[II], но омичи взглянули на собор другими, «просвещенными» глазами.

К восточной (алтарной) части прекрасного стасовского сооружения пристроили с северной стороны мужскую уборную, а с южной – женскую. И это на самом видном месте сада!

Обычно уборные устраиваются в более укромных местах, но здесь, видимо, хотели показать «православным», как надо расправляться с «невежеством и дурманом»…

Здание Никольского казачьего собора. Омск. 1960-е гг.

Вообще-то в отношении антирелигиозной пропаганды у омичей есть чему поучиться. В свое время пол большого зала краеведческого музея был сплошь застлан иконами ликами вверх. В результате такого «мероприятия» погибла хранившаяся в Омском кадетском корпусе так называемая [С]уворовская икона, принадлежавшая отцу великого полководца, а также ряд интересных икон бывшего военного собора, на которых были изображены архангелы с типами лица сибирских казаков в казачьих доспехах.

Шесть лет тому назад у южной стены казачьей кладбищенской церкви[III] находилась могила исследователя сибирской истории, покровителя[IV] петрашевцев Ф.М. Достоевского и С.Ф. Дурова и близкого к находившимся на поселении декабристам, преподавателя Омского кадетского корпуса Александра Ивановича Сулоцкого. Его могила увенчивалась гранитной плитой с соответствующей надписью. Теперь на месте могилы сделан досчатый сарай. Могила стерта, а между тем она находилась на местной государственной охране.

В начале шестидесятых годов стальной ковш экскаватора выбросил кости великого русского металлурга, изобретателя булатной стали Павла Петровича Аносова[5], умершего в 1851 г. в Омске и похороненного на Омском Бутырском кладбище. На месте могилы воз-

---

[I] *Дата вписана карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто* «и Оми». *– Прим. сост.*

[III] *Слово вписано синими чернилами над строкой. – Прим. сост.*

[IV] *Слово вписано синими чернилами над строкой. – Прим. сост.*

двигнут дом, о чем красноречиво свидетельствует надпись на мемориальной доске:[I] «На этом месте был похоронен великий русский металлург Аносов Павел Петрович. 1797 – 1851».

Можно было бы продолжать перечень «мероприятий» по подготовке к 250-летию г. Омска, но чтобы не утомлять читателя, отметим в заключение одно…

В течение последних восьми лет предназначенная для установки доска памяти Ф.М. Достоевского, отлитая на заводе «Машиностроитель» по макету скульптора Словакова, топчется-лежит под ногами посетителей Областного краеведческого музея…

На доске надпись:

«В Омской крепости
С 1850 по 1854 гг.
отбывал каторжные работы
Великий русский писатель
Федор Михайлович
Достоевский,
осужденный царским судом
по делу петрашевцев»

Доска была заказана при предшественнике нынешнего директора музея т. Агеева[II].

Открытие доски намечено было провести летом 1957 г. после ремонта стены, предназначенной для установки. А тем временем весной 1957 г. бывший директор[III], проработавший более 50 лет, вышел на пенсию.

Все ожидали увековечивания памяти Ф.М. Достоевского открытием мемориальной доски, но напрасно.

В 1958 г. по распоряжению директора т. Агеева[IV] доска была положена на пороге входа в[V] отдел природы музея, а когда в Омском Отделе Географического общества СССР было выражено возмущение по этому поводу, доска была перенесена и положена к садовой скамейке во дворе музея под ноги отдыхающих посетителей, правда, надписью вниз.

Омичи любят свой город, гордятся им, его историческим прошлым… Но, к сожалению, далеко не все ценят его архитектурные и исторические памятники[VI].

Поднятый вокруг мемориальной доски шум встревожил, наконец, и М.И. Агеева, и 25 августа 1966 г. доска была поднята и спрятана в сарай[VII].

[Письмо в редакцию] послано 29 августа 1966 г.
Доска поднята 25 августа 1966 г.[VIII]

Брошенная под ноги посетителей музея мемориальная доска памяти Ф.М. Достоевского пролежала по воле директора М.И. Агеева десять лет. Только после того, как вокруг доски заговорила Литературная газета, доска была поднята[6]. А осенью 1969 г. была установлена Омским Отделом Географического Общества СССР на Тобольских крепостных воротах[IX].

[I] *Далее синими чернилами надпись* «На этом месте был похоронен великий русский металлург Аносов Павел Петрович. 1797 – 1851». – *Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто карандашом* «т. Палашенкове». – *Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто карандашом* «т. Палашенков». – *Прим. сост.*

[IV] *Начало предложения вписано карандашом над строкой, взамен текста* «Сначала доска была положена на пороге входа». – *Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто* «в одно из помещений музея». *Взамен вписано* «в отдел природы музея». – *Прим. сост.*

[VI] *Далее подпись карандашом:* «А.Ф. Палашенков, действительный член Географического Общества СССР». – *Прим. сост.*

[VII] *Запись сделана карандашом на чистом листе. – Прим. сост.*

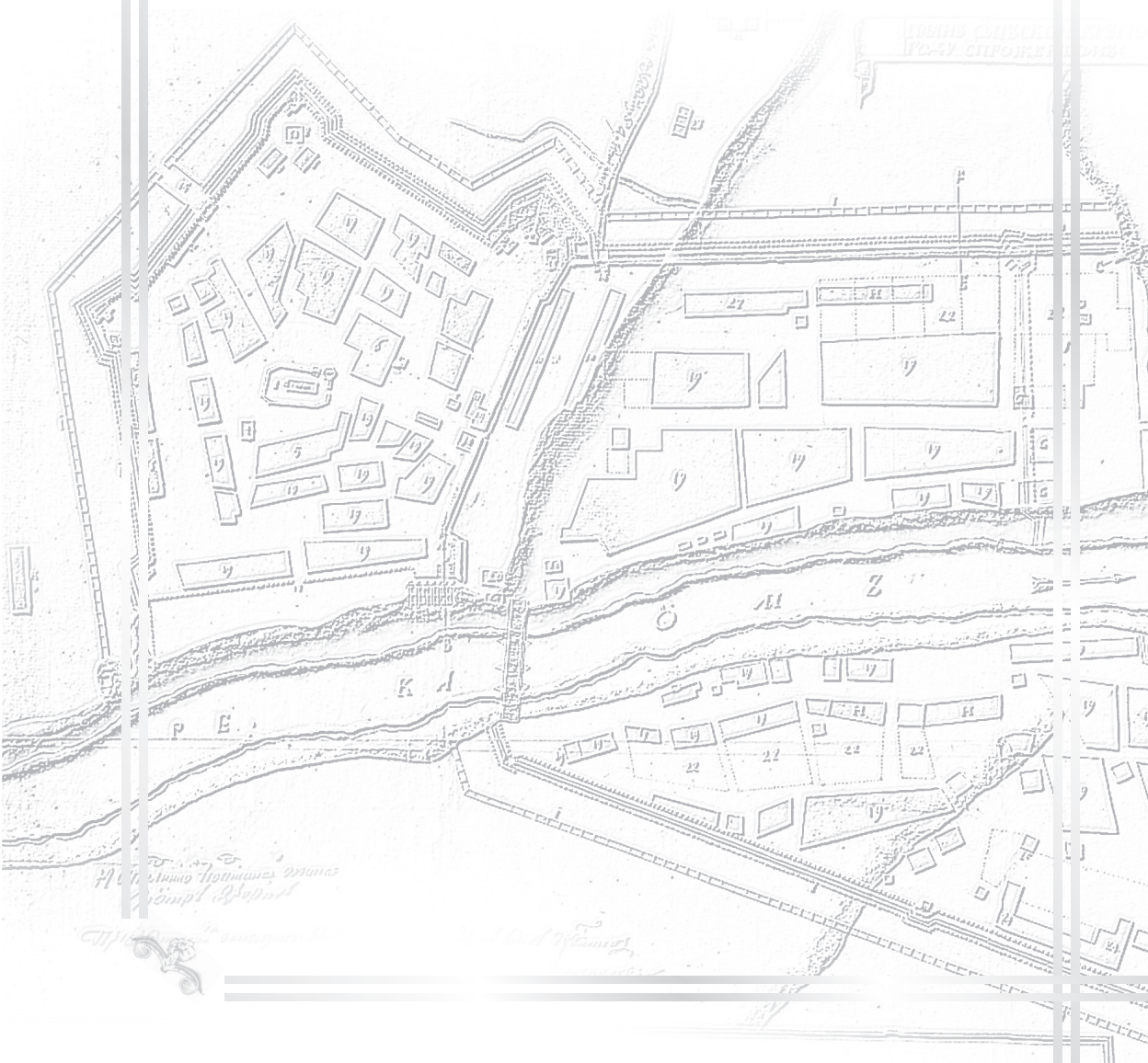
[VIII] *Вписано автором от руки внизу страницы карандашом. – Прим. сост.*

[IX] *Запись сделана зеленой пастой автором под фотографией посетителей музея, позирующих стоя на мемориальной плите. – Прим. сост.*

II

РАЗДЕЛ

Основание Омска и освоение Сибири



Основание Омска[1]

Там, где ныне расположен Омск, до 1716 года было незаселенное пустое место. Реки Иртыш и Омь были более многоводны. От них направо и налево тянулись нетронутые лесостепные пространства. У самых их вод густой стеной стояли тальниковые заросли; выше, по берегам, красовались коренастые с корявыми и толстыми стволами старые, похожие на столетние дубы, ивы. Далее во все стороны простирались обширные равнинные места, на которых там и сям встречались березовые колки, в ложбинах же, где было побольше влаги, росли осины и кусты черемухи.

Безжизненно и пусто здесь было зимой. Все: и реки, и степь – покрывалось белой снежной пеленой, на которой от колка к колку[1] лишь виднелись тропы непуганого зверя. Изредка в морозном воздухе, тяжело двигая крыльям, пролетала птица. Угрюмо стояли оголенные рощи, торчали кустарники, и только в бураны, сдерживая их натиск, они снимали с себя безмолвие – гнулись и ломались.

Более оживлялось Приомье с наступлением весны и летом.

Одетые в зелень рощи и кустарники заселялись птицей, прилетавшей сюда на гнездование. Свободные от зарослей места покрывались степной травой, подернутой серебристым ковылем. Стаи уток носились над плесами рек. Изредка проносились на своих быстроногих конях кочевники, выискивая добычу. Да временами слышался плеск весел калмыцких людей, державших перевоз через Иртыш на Омском устье.

Так проходили годы, десятилетия, века.

В 1581 году храбрый атаман Ермак Тимофеевич со своей дружиной завоевал татарское Сибирское царство, столицей которого был Искер, находившийся в 20 километрах вверх по Иртышу от теперешнего города Тобольска.

Вслед за этим началось укрепление русских в завоеванной земле. Строились города – укрепления: Тюмень в 1586 году, Тобольск в 1587 году, Березов и Сургут в 1693 году, в 1594 году – Тара.

Сюда за Каменный пояс (так назывались Уральские горы) направлялись воинские отряды, – бояре, дворянские дети, шли купцы, переселялись для устройства государевой пашни (для организации сельского хозяйства) крестьяне. Вместе с укреплением завоеванных Ермаком земель продолжалось и продвижение русских на восток, и уже к половине XVII столетия наши землепроходцы достигли Тихого океана и, отделяющего Старый свет от Нового, пролива Дежнева[2], названного впоследствии Беринговым проливом.

Позднее началось движение на юг.

31 августа 1628 года по указу царя Михаила Федоровича тобольским воеводам было отдано приказание произвести вверх по Иртышу воинский поиск к устью реки Оми. Этот указ последовал в результате доставленной в Москву от тарских воевод кн. Шаховского и Кайсарова челобитной, в которой говорилось, «что от Тарского города, вверх по Ирты-

[1] Колок, множ. число колки. Небольшие березовые рощи в лесостепной зоне.

шу, по устью реки Оми острог поставить мочно, место хорошо и угоже и лесу де близко много, и только де на Омском устье острог поставити, и из того острога оберегати наши ясачные волости ясачных людей мочно, и перевоз через Иртыш на Омском устье у калмыцких людей отнять мочно, и ясачным людям будет береженье великое, от калмыцких людей, а надобед де служилых людей в тот острог человек дести и больше». Царским указом предлагалось тобольским воеводам еще раз расспросить и «сыскать» о всем донесенном и в случае, если окажется верным, то «послать сына боярска добра», который бы мог этот острог поставить и «крепостьми» укрепить гораздо, и указали служилым людям в том остроге быти, по годам переменяясь. А как на Омском устье служилые люди острог поставят и крепостьми укрепят, и вы б на Омском устье на пашню велели послать крестьян из пашенных ближних городов, откуда пригож, чтобы пашни завести, а семена велели б есте послати из Тобольска или откуда будет ближе»[3].

Постройкой крепости в устье река Оми имелось в виду, с одной стороны, приостановить нападения калмыков на подвластных и плативших Москве ясак татар, с другой стороны, способствовать продвижению от устья Оми, далее километров на 450 по Иртышу, где находилось озеро Ямыш, насыщенное солью, недостаток в которой сильно сказывался на севере Сибири.

Еще несколько ранее, в 1626 году, царским указом повелено было тобольским воеводам проведать, можно ли при том Ямыш-озере построить острожек, есть ли там пахотная земля и можно ли навести торг с тамошними калмыками. Разведки убедили московское правительство, что ради одной соли забираться в калмыцкие степи не стоит: «что в тех местах пахотных мест мало, трава типец не велик, пашни завесть и хлеба на служилых и на жилецких людей пахать негде, и всяких угодий мало, и лесу хорошего нет и с калмыцкими людьми торгу чаят небольшого и в том остроге чаят прибыли мало». Царь указал: «острогу жилого у соленого озера не ставить, а ратных людей и судов по соль посылать перед прежними годы с прибавкою». Но мысль о прочном обосновании на «Омском устье» и в последующее время не оставлялась.

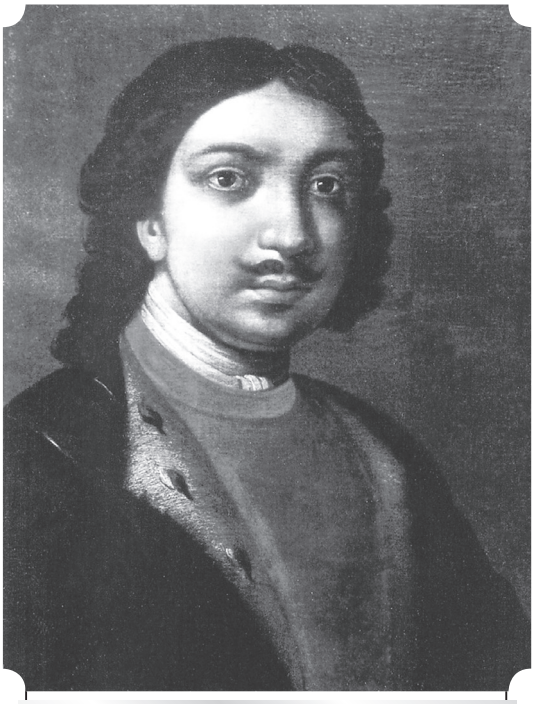
В «Чертежной книге Сибири» Семена Ремезова (конец XVII столетия) на листе 21-м на левом берегу Иртыша, против устья реки Оми, значится: «Пристоит вновь быть городу край о самой степи калмыцкая»[4].

Различные неблагоприятные обстоятельства, в течение долгих лет мешали прочному обоснованию «на Омском устье». И только при Петре I, когда в Тобольске (тогдашней сибирской столице), царил генеральный президент Сибирского приказа в Москве и сибирских провинций судия, «Всесибирский губернатор» – князь Матвей Гагарин, вопрос о продвижении на юг снова стал во весь рост. Был вновь получен царский приказ о снаряжении военной экспедиции из Тобольска вверх по Иртышу, в Малую Бухарию, к Эркети (Яркенту), где «донесение бухаретина Нефеса сказывает о большом нахождения золотого песка».

Наскоро сформированный в Тобольске отряд из казаков и рекрут численностью в 2932 человека на 32 досчаниках и 27 лодках под командой подполковника Бухгольца летом 1715 года поплыл вверх по Иртышу. 1 Октября отряд прибил к Ямышевским озерам и остался здесь зимовать, заложив при реке Преснухе, в 6 километрах от Иртыша, небольшое укрепление. Узнав о постройке Ямышевской крепости и намерении русских продвигаться далее на юг, джунгарский хан выслал 10 тысяч «калмыцких людей», чтобы вытеснить отряд Бухгольца. Русский отряд был окружен со всех сторон джунгарами. Отрезанный неприятелем, среди снежных пустынь отряд Бухгольца, терпя всякого рода лишения и питаясь падалью, просидел в осаде всю зиму 1715 – 1716 г.г. К весне на почве недоедания и заражения воздуха развилась цинга и сибирская язва. Отряд быстро таял, и к концу зимы в живых осталось не больше 700 человек.

Весной, когда прошел лед, остатки отряда кое-как выбрались из осады и доплыли на досчаниках до устья реки Оми.

Здесь Бухгольц остановился. Не зная, что предпринять дальше, он послал за указаниями к Гагарину в Тобольск людей. Гагарин не замедлил отозваться: он снарядил



Портрет Петра I, по распоряжению которого была основана Первая Омская крепость. Неизвестный художник. Из коллекции ОГИК музея

вспомогательный отряд солдат и казаков и отправил его под начальством подполковника Сибирского драгунского полка Матигорова к устью Оми. Ему поручено было оставить часть отряда в распоряжение Бухгольца, а Бухгольцу предписано приступить к постройке на месте его остановки укрепления. Сам же Матигоров с другой частью войска должен был следовать к Ямышевскому озеру и укрепиться там.

Крепость была заложена на левом берегу реки Оми, метрах в 150 от ее устья, на взгорье коренного берега, там, где ныне разбит сквер, предназначенный под памятник А.С. Пушкину, и находятся здания речного техникума, Пушкинской библиотеки и др.[1] Почему же Бухгольц не заложил крепости на самом устье реки, как это было принято в подобных случаях? Объяснить это можно тем, что здешние берега Иртыша мало приподняты над плесом, следовательно сооружениям угрожали бы не только наводнения, но и трудно было бы вести оборону от неприятеля, тем более, что противоположный правый берег ими в самом устье приподнимается значительно выше левого.

С постройкой крепости торопились, и к осени сооружение ее было закончено. Укрепления новой крепости состояли из невысокого земляного вала с пятью бастионами. Вал был окружен деревянным палисадом, и с внешней стороны его проходил ров, впереди которого стояли рогатки. Крепость скорее походила на лагерь, нежели на фортификационное сооружение. Окончательной отделкой ее руководил инженер-поручик Каландер.

Выбор места под крепость был удачен. Крепость возвышалась над окружающим пространством. С ее насыпных валов укреплений далеко виднелись Приомские и Прииртышские окрестности, которые оглашались перекликами зорких дозорных; ночью за много верст виднелись в степи сторожевые огни.

Закончив сооружение крепости, подполковник Бухгольц передал командование гарнизоном майору Вельяминову-Зернову, а сам выехал в Тобольск, а оттуда в Петербург. Отряд благополучно перезимовал в новой крепости, равно, как и отряд Матигорова на Ямышевском озере, и не подвергся нападениям со стороны джунгар. Весной 1717 г. в Омскую и другие крепости были направлены Гагариным новые команды, усиленные казаками, как наиболее способными к дальним степным по всходам. Пользуясь борьбой джунгар с китайцами и казахами, русские отряды беспрепятственно заняли все верхнее

[1] Примерное очертание крепостной территории было следующее: юго-западная крепостная линия шла от Оми до пересечения теперешних улиц Рабфаковской с Почтовой по кроне четко обрисовавшегося тогда взгорья; южная линия начиналась от Рабфаковской ул. и шла между Лермонтовской и Почтовой до стыка Лермонтовской со Стачечной ул. Отсюда делала поворот на северо-восток, но, не доходя до Пушкинской, круто поворачивала к Оми и шла параллельно названной улице, пересекая, улицу Десятилетия Октября, между Пушкинской библиотекой и столовой № 21 (примерно, где усадьба № 7). К Оми линия подходила на месте нынешнего банного водостока. С северо-западной стороны территория крепости очерчивалась береговой линией реки.

Прииртышье, начиная от Омска и до озера Зайсана. Для упрочнения положения с 1716 по 1718 гг. здесь, кроме Омской крепости, построены были и другие крепости: Ямышевская, крепость при впадения в Иртыш Железного ключа (между Омском и Ямышевым), Семипалатинская, Убинская.

Омская крепость являлась главной в данной системе укреплений; она: сыграла крупную роль в продвижении русской культуры вглубь степей, в присоединении и укреплении новых земель на юге. Первенствующее значение Омская крепость сохраняла весь XVIII век.

Одновременно с постройкой крепости между Иртышом и взгорьем возник форштадт, населенный, главным образом, «пахотными» казаками. По переписи 1725 г. в форштадте считалось 992 человека, а по переписи 1742 г. – 1093 человека[5]. В тылу крепости, вверх по Оми, стояли провиантские магазины, а за рекой Омью, через которую в летнее время был наплавной мост, квартировали три роты драгун и резервная команда. Форштадт, провиантские магазины и квартирорасположение драгун, как и сама крепость, были защищены бревенчатым заплотом с канавою и рогатками.

Большинство населения занималось сельским хозяйством на отводимых вокруг крепости полях. Для поддержания сельского хозяйства правительство раздавало землеробам топоры, серпы, косы, сошники железные. По данным ведомости об урожае за 1746 – 1747 гг. в Омской крепости на 125 четвертей посеянной ржи было намолочено 888 четвертей, на 50 четвертей ячменя – 238 четвертей и на 160 четвертей овса – 160 четвертей[6] (Потанин. Материалы для истории Сибири.)

В крепости вскоре построены были деревянная церковь, гауптвахта с украшенными воротами, дом для инвалидов пограничной линии, комендантский дом и церковь для военнопленных шведов.

В гарнизоне крепости находилось 361 человек регулярного войска и 209 казаков. В начале второй половины XVIII века число дворов в крепости было около 150. Население крепости состояло из казаков, свободных переселенцев, купцов и ссыльных.

Омский крепостной острог являлся главным местом ссылки[1]. Отсюда заключенных распределяли для работ по другим Сибирским крепостям. Сурова была жизнь колодников: за побег их наказывали кнутом и рвали ноздри, и тем не менее бегство было распространенным явлением. Путь свой беглецы держали на юг в открытые степные пространства. Беглецы обычно попадали в руки казахов, которые обращали их в пленников, перепродавали, меняли на скот, били, морили голодом. Многие так в чужой, еще более суровой неволе и умирали. И только некоторым удавалось возвратиться опять на русскую сторону.

В 1764 году против Омской крепости, на левом берегу Иртыша, поставлен был Елизаветинский маяк, при котором был торг. Предметами мены со стороны русских были бархат, бумажные и шерстяные материи, железные и чугунные изделия, пушнина и деревянная посуда. Взамен этих товаров получали рогатый скот и лошадей, пряжу, белую и полосатую бязь, войлоки, китайские и ташкентские ткани, овчинные шубы, кирпичный чай. Торговали здесь и рабами – пленными казахами и калмыками.

Бесправно порой было положение поселенцев Омска. Власть находилась в руках дикой необузданной военщины. Командир Сибирского корпуса, немец Фрауендорф (с 1758 по 1760 г.) не ходил иначе по улицам, как в сопровождении своих военных слуг, которые, обычно, имели при себе плети. «Бей до смерти!» – часто раздавался приказ Фрауендорфа. И бывали дни, когда в одну прогулку им истязались десятки людей.

Школ не было. Грамотными были лишь высшие военные чиновники, а также духовенство – попы и дьячки. Эти последние обычно и обучали детей у себя на дому. Об одном

---

[1] Городом ссылки Омск продолжал оставаться и в последующее время. Во второй четверти XIX столетия здесь находились в ссылке декабристы – Бригген А.Ф., Басаргин Н.В., Семенов С.М. и Друцкий-Горский И.В.

С 1850 по 1854 г. в Омске отбывали каторжные работы писатель Достоевский Ф.М. и поэт Дуров С.Ф.

С 1863 по 1871 г. в качестве рядового Омского линейного батальона отбывал наказание Черский И.Д., знаменитый впоследствии геолог и палеонтолог.

из таких учителей протопопе Петре Федорове имеется свидетельство, что он учеников своих «держал строго и всех переувечил бесчеловечно».

От старой левобережной Омской крепости не сохранилось до наших дней никаких сооружений, и мало кто знает, что зародился Омск именно здесь, а не на правой стороне Оми куда лишь, позднее в 1765 году по соображениям стратегического характера были перенесена крепость. Новая правобережная крепость была сооружена по всем правилам военной техники. Известный путешественник академик Паллас, посетивший Омск в 1771 году даст следующее описание покой Омской крепости:

«Сия новая, весьма выгодное положение имеющая Омская крепость укреплена

Панорама Второй Омской крепости. Фотография конца XIX в.

весьма прекрасным образом, по новым воинской архитектуры правилам: и с 1768 г. (вернее с 1765 г. – **А.П.**) когда она начата, выстроено оной под смотрением своего основателя (Шпрингера – командира Сибирского корпуса. – **А.П.**) весьма много. Она представляет многоугольник о пяти бастионах, которые к р. Иртышу сходятся, и из крепкого, дерном выложенного нала и сухого рва, но на одной стороне не совсем еще была оная отделена. В оной уже выстроены прекрасный генеральский дом на каменном фундаменте; подле оного провиантская канцелярия, гауптвахта, пред которою выставлены артиллерийские снаряды, протопопский дом и различные изрядными офицерскими долями и казармами застроенные улицы. Строится же еще прекрасная каменная церковь (Воскресенский собор), по выстроении коей церковь соборная в старой крепости сломается; дом для городской школы, в коей воспитываться будут драгунские и казацкие дети; и сие есть одно из достохвальных новых заведений; дом для приезжающих почетных иностранцев и дом комендантской: оба приходят но сторонам генеральского дома; дом для протестантского Сибирской дивизии священника и прочие офицерскими домами и казармами застраиваемые улицы, кои план крепости дополняют. На реке Иртыше, внутри крепости в особом ретраншаменте лежат хлебные амбары, сколько только хлеба пред последним пожаром в оные перевесть успели. На главном месте крепости выкопаны изрядные колодцы. Словом сказать, все при заложении крепости рассмотрено…»[7].

В 1805 году Омская крепость считалась одной из лучших крепостей в Сибири. Ее боевой состав равен был 3463 солдатам при 92 офицерах. Вооружение крепостного войска в 1807 г. состояло из 120 шпаг и тесаков, 321 палашей драгунских старого калибра, 600 копий рогаточных, 750 бердышей, 13 алебард, $4^1/_2$ пары пистолетов, 275 ружей годных и 115 негодных[8].

Так возник Омск. Такова в кратких чертах история первого столетия его существования.

Не безынтересна судьба ближайших участников основания Омска.

Первые инициаторы основания Омска, тарские воеводы Шаховской и Кайсаров, в результате донесения которых последовал указ царя Михаила Федоровича от 31 августа, 1628 года, впоследствии подверглись царской опале и три года находились в заключении в Тобольской тюрьме. А после, по всей вероятности, были казнены.

Основатель крепости подполковник Бухгольц после многолетней опалы окончил

свою жизнь где-то в Селенгинске. Долгое время одна из улиц Омска носила название Бухгольца[9].

Трагичней же всех был конец всесильного князя Матвея Гагарина[10]. В 1719 году он вызван был в Петербург для участия в суде над царевичем Алексеем. Там был посажен в Петропавловскую крепость. После ряда допросов с пытками он признался в преступлениях – в хищениях и злоупотреблениях, и, несмотря на заступничество Меншикова (А.Д. Меншиков умер в 1729 году в Березове), 16 марта 1721 г. по личному распоряжению Петра был повешен перед Сенатом. При его казни присутствовали сын, невестка (дочь Шафирова) и престарелая жена. При обыске у Гагарина обнаружено было три с половиной миллиона деньгами и на громадную сумму драгоценностей. Труп казненного висел на виду всех в течение двух месяцев.

Давно истлели кости основателей Омска. Забыты их имена.

А Омск, из небольшой наспех построенной степной земляной крепости, через два с четвертью столетия (в 1941 г. исполнилось 225 лет со дня основания Омска) вырос в большой промышленный и культурный город, в крупный социалистический центр Омской области – богатейшей Сибирской житницы.

Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг.[1]

В Центральном Государственном военно-историческом архиве в Москве (ЦГВИА) хранится большое собрание планов Омской крепости и Омска. Наряду с планами «Новой Омской крепости», как называл академик Паллас крепость, построенную в 60-х годах XVIII в. на правом берегу Оми, в архиве хранятся также планы старой левобережной Омской крепости, построенной в 1716 г.

В то время, как ряд планов «Новой Омской крепости» уже опубликован и вошел в научный обиход, ни один из планов левобережной старой Омской крепости не опубликован, и в работах по истории Омска приводится лишь предположительное очертание этой крепости[I].

Наличие планов левобережной Омской крепости в ЦГВИА позволяет иметь более подробное и точное представление о крепости, построенной в 1716 г. основателем нашего города Иваном Дмитриевичем Бухгольцем.

I

Старейший из хранящихся в архиве планов Омска относится к 1722 г.[II] Полное наименование его: «Новый проект, какой должна быть новая крепость города на Оми». Это, как можно судить из названия, собственно, не план крепости 1716 г., а проект «Новой крепости». При составлении проекта «Новой крепости» для наглядности и ориентиров-

[I] Палашенков А.Ф. Основание Омска. Изд. Омского обл. краеведческого музея, 1944.

[II] ЦГВИА, ф. 3, оп. 27, д. 1062.

ки составителю пришлось дать контурное изображение плана старой крепости 1716 г., которое и является первым известным нам планом первоначальной Омской крепости.

Проект 1722 г. составлен капитаном-инженером де Гранжем. Экспликация плана дана на французском языке и только в немногих местах приводится параллельно и русский текст[I].

Наспех построенная основателем Омска И.Д. Бухгольцем в 1716 г. крепость, видимо, с самого начала не удовлетворяла военным требованиям, и поэтому сразу же после ее сооружения встал вопрос о возведении новой крепости. Проект 1722 г. назван «Новым проектом». Очевидно, и до этого уже составлялись проекты реконструкции старой или постройки новой крепости.

Судя по контурному изображению на проекте де Гранжа 1722 г., построенная в 1716 г. на левом берегу Оми крепость находилась от устья реки в 278 саженях, то есть около 560 м[II].

Крепость расположена в углу коренного берега Оми, где берег (несколько ниже выхода ливнеотводной трубы в Омь) принимает направление в сторону здания областного музея.

В настоящее время о прохождении здесь коренного берега напоминает сглаженный его подъем на улицах 10-летия Октября и Лермонтова (против цветочного павильона). Вверх по Оми коренной берег отходит от русла реки на месте выхода к реке улицы Мясницкой[2].

Оборонительные сооружения крепости от кромки коренного берега находились на расстоянии 30 – 50 м, и только северо-западный бастион выходил на береговую кромку.

Коренной берег на реке проходил значительно правее, нежели он проходит в настоящее время. За 200 – 240 лет берег отодвинулся в глубь материка свыше, чем на 25 – 30 м, как вследствие стока поверхностных вод, так и, главным образом, вследствие размыва его рекой, которая здесь, на изгибе, особенно интенсивно размывала берег.

Крепость в плане имела правильный пятиугольник (см. лит. А). Сторона, обращенная к реке, проходила параллельно руслу. Длина ее, равно как и других сторон крепости, равна 170 – 180 м. По углам крепости для обстрела куртин (пространства между бастионами) были сооружены бастионы.

План крепости 1722 г.

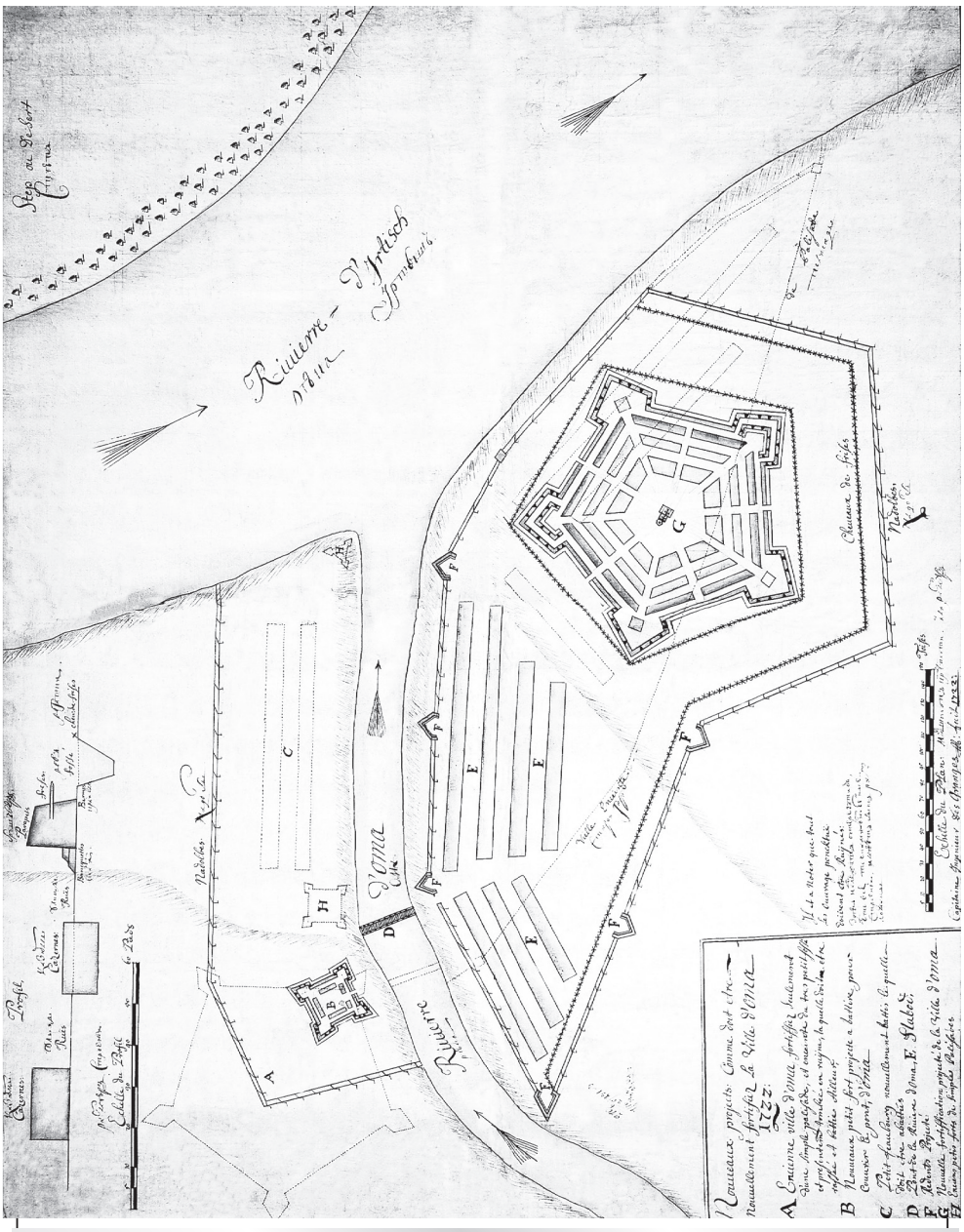
На «Новом проекте» 1722 г. крепость показана под лит. А. В экспликации отмечается: «Старый город на Оми, укрепленный только простым палисадом и небольшим рвом, в настоящем обсыпающимся и разрушающимся, который (город) должен быть переделан на другом месте». Старая Омская крепость 1716 г., нужно полагать, была спроектирована и строилась под непосредственным руководством капитана артиллерии Каландера.

На контурном изображении крепости не показано размещение строений и сооружений внутри и вне ее[III]. (На этом вопросе мы остановимся при рассмотрении плана Омской крепости 1755 г.)

[I] План начерчен на бумаге и наклеен на серый холст. Длина плана 70 см, ширина 55 см.

[II] Вследствие смыва берега Иртыша устье Оми в настоящее время значительно ближе к территории бывшей крепости.

[III] Посетивший в 30-х годах XVIII в. Омскую крепость академик Г.Ф. Миллер (1705 – 1783) пишет: «Оная (Омская – А.П.) крепость еще и ныне в том же состоянии находится, в которое она при первом построении приведена. Она стоит на южном берегу реки Оми, саженях в 50 от берега реки Иртыша, и состоит из регулярного четвероугольного (здесь Г.Ф. Миллер допускает ошибку: Омская крепость имела в плане не четырехугольник, а пятиугольник) земляного вала, который во все стороны по 100 сажен и по всем углам небольшие бастионы имеет. На земляном вале поставлен стоячий острог, а около острогу выкопан ров и за оным рогатки и надолбы поставлены. В крепости строение имеется церковь Сергея Радонежского-чудотворца, гауптвахта, канцелярия, двор командующего офицера, да двор управительский и казармы... Гарнизон сей крепости состоит во 150 человеках солдат, да в 200 человеках казаках, над которыми капитан команду имеет...». (Ленинград. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 7, лл. 16 - 17).



Проект Новой Омской крепости, составленный капитаном-инженером де Гранже. 1722 г.

Кроме контурного плана левобережной Омской крепости, на проекте 1722 г. отмечены (лит. Н) планы существовавших одновременно с крепостью двух старых небольших фортов (из простого палисада), а также небольшой пригород, форштадт (лит. С). Форты расположены в линию по кромке береговой террасы Оми, между крепостью и устьем. Находившийся в самом углу (при впадении Оми в Иртыш) форт в плане имеет равносторонний треугольник, каждая из сторон равна 20 – 25 м.

Ближе к крепости (от крепости в 82 м) – другой, квадратный форт, сторона которого равна 34 – 40 м. По углам форта – также бастионы.

На юг за линией фортов (от Оми в 50 м) находился недавно построенный пригород, форштадт.

Против северо-западного бастиона крепости был построен мост через Омь. Мост связывал крепость с расположенной на правой стороне Оми слободой, обнесенной от моста и до берега Иртыша (ниже сохранившихся Тобольских ворот метров на 100) палисадом. У берега Иртыша и в 40 м от моста палисад имел небольшие квадратные форты площадью в 100 кв. м. От форта, что у Иртыша, вверх по берегу реки также проходил палисад.

Мы не останавливаемся на «Новом проекте» де Гранжа 1722 г., так как степень осуществления его нам неизвестна.

II

«План Омской крепости сочинен в 1755 г. с прожектом» (ЦГВИА, ф. 3, оп. 27, д. 1063).

План 1755 г. отличается большой насыщенностью показателей строений и сооружений крепости и вне ее и обогащает наше представление об Омске середины XVIII столетия.

На плане подписи: «Инженер-подпорутчик Михаил Борисов», «Прожектировал Вологодского драгунского полка прапорщик Яков Уксусников». «Подлинный подписал (утвердил) Иосиф Крофт».

В очертании крепости на плане 1755 г. имеются отклонения от плана 1722 г.[3] В плане крепости тот же пятиугольник, но с удлиненной западной стороной. Вместо выходивших на берег Оми бастионов – полубастионы.

Судя по плану, лучше всего был оборудован самый большой юго-западный бастион крепости. Здесь было сооружено три батареи (деревянные срубные сооружения для орудий), в то время как в восточном бастионе – две, в южном и в полубастионах – по одной.

У Иртыша на прикрывавшей форштадт линии также находилась батарея. От нее в сторону крепости метров на 130 – другая. У Оми, между полубастионами, укрепления состояли лишь из палисада.

От юго-западного бастиона в направлении к Иртышу проходила оборонительная линия, прикрывавшая с юга форштадт, расположенный между крепостью и Иртышом, благодаря этому обращенная к Иртышу сторона крепости (западная) оказалась внутри обороны. Это сказалось на ослаблении ее оборонительных сооружений: отсутствие надолбов и рогаток.

Укрепления крепости в это время находились в плохом состоянии, что видно из описи Омской крепости от 14 октября 1755 г. (Омский обл. архив, ф. 1, оп. 39).

«Вокруг всей оной крепости палисад пришел в ветхость и весьма мало годного, по большей части погнил, во многих местах отвалился,

чего для принуждено было для предосторожности, за неимением к починке способного лесу до будущего лета полые места помянутым обвалившимся лежалым палисадом прикрыть, оборачивая верхним концом вниз, в котором впредь и прочность малая надежда.

Около оной же крепости ров землею осыпался, а рогатки и надолбы весьма ветхи и погнили, а во многих местах повалились...

Батарея, которая стоит на берегу реки Оми близ мосту, оной берег ежегодно весною большою водой обрывает и осталось расстоянием до склонения горы ровного места только на одну сажень, и хотя в прошлом 748-м (1748) году против означенной батареи берег сваями укреплен был, токмо водою снесло. Сверх всего у оной же батареи въезд и кровля ветхи... да и на прочих батареях потому ж взъезды и кровли ветхи...».

В центре крепости на площади находилась церковь во имя преподобного Сергия – главного святого Московской Руси, в день памяти которого (25 сентября ст. ст.) была, по всей вероятности, освящена крепость. Признанием Сергия патроном крепости подчеркивалась неразрывность, единство нового оплота далекой окраины с центром Русского государства – Москвой.

Церковь была окружена оградой, на юго-западном углу которой находилась восьмигранная колокольня, а возле нее небольшая постройка, очевидно, сторожка (№ 1).

Вокруг площади были размещены канцелярии – Омская и Управительская (№№ 3, 4), комендантский дом (№ 5), офицерские дома (№ 6). Дальше обывательские дома (№ 19). Вблизи укреплений разного рода службы, вспомогательные крепостные учреждения.

У западной стороны – гауптвахта (№ 7), у южного бастиона – пороховые погреба (№ 8) и артиллерийский цейхауз (№ 9), у ворот на Иртыш и с наружной стороны западной линии крепости – провиантские амбары (№ 10), возле восточной стороны крепости – казармы (№ 12) и госпиталь (№ 13), возле ворот на Иртыш – амбар, где хранились различные казенные припасы (№ 14).

Снаружи крепости, неподалеку от моста через Омь – винный подвал (№ 20) и по соседству с ним на форштадте – кабак (№ 21). У моста через Омь драгунские казармы (№ 24).

За крепостью, с правой стороны дороги на Железинскую крепость, стоял посадский дом (№ 23). Через два года, как отмечено на плане Омской крепости 1757 г. (ЦГВИА, ф. 3, оп. 27, д. 1064), здесь находился «Дом для приезду азиацких народов».

План 1755 г.

В форштадте были размещены, кроме обывательских дворов – кузница и баня. А через 11 лет, как показано на плане 1766 г. (ЦГВИА, ф. 3, оп. 27, д. 1068), здесь появились купеческие и маркитантские лавки (№№ 2, 8), казенный питейный дом (№ 3) и деловой двор (№ 5). Вместе с тем, здесь был построен первый каменный дом (№ 6).

С внешней стороны у юго-западного бастиона через линию укреплений, прикрывающую форштадт с юга, шла дорога на Железинскую крепость (примерно, где ныне проходит Рабфаковская улица)[4]. Здесь находилась Сергиевская башня, на которой стояла батарея (№ 16).

На плане крепости Омской 1766 г. возле этого бастиона значится тюремный острог, состоящий из казарм, обнесенных тыном (№ 9).

Другая проезжая башня Знаменская с установленной на ней батареей находилась между южным и восточным бастионами.

В западной стороне крепости находились «Ворота на Иртыш» (№ 18), а между полубастионами (в палисаде) – Никольские (№ 17). Ворота эти выводили на полигон, расположенный на берегу Оми у палисада. В полубастионе на северо-северо-восток, как значится на плане 1766 г., был расположен «заполочный цейхауз» (№ 12). На восток от него обозначена «цитадель» (форт). В цитадели: «магазейны» и «амбар для клажи, архив».

В цитадель со стороны Оми шел «звос» (взвоз), а на берегу Оми против цитадели находилась пристань.

Левобережье с правобережной слободой по-прежнему связывалось деревянным мостом, который в это время «кроме фундамента, пришел в ветхость и местами перила обвалились».

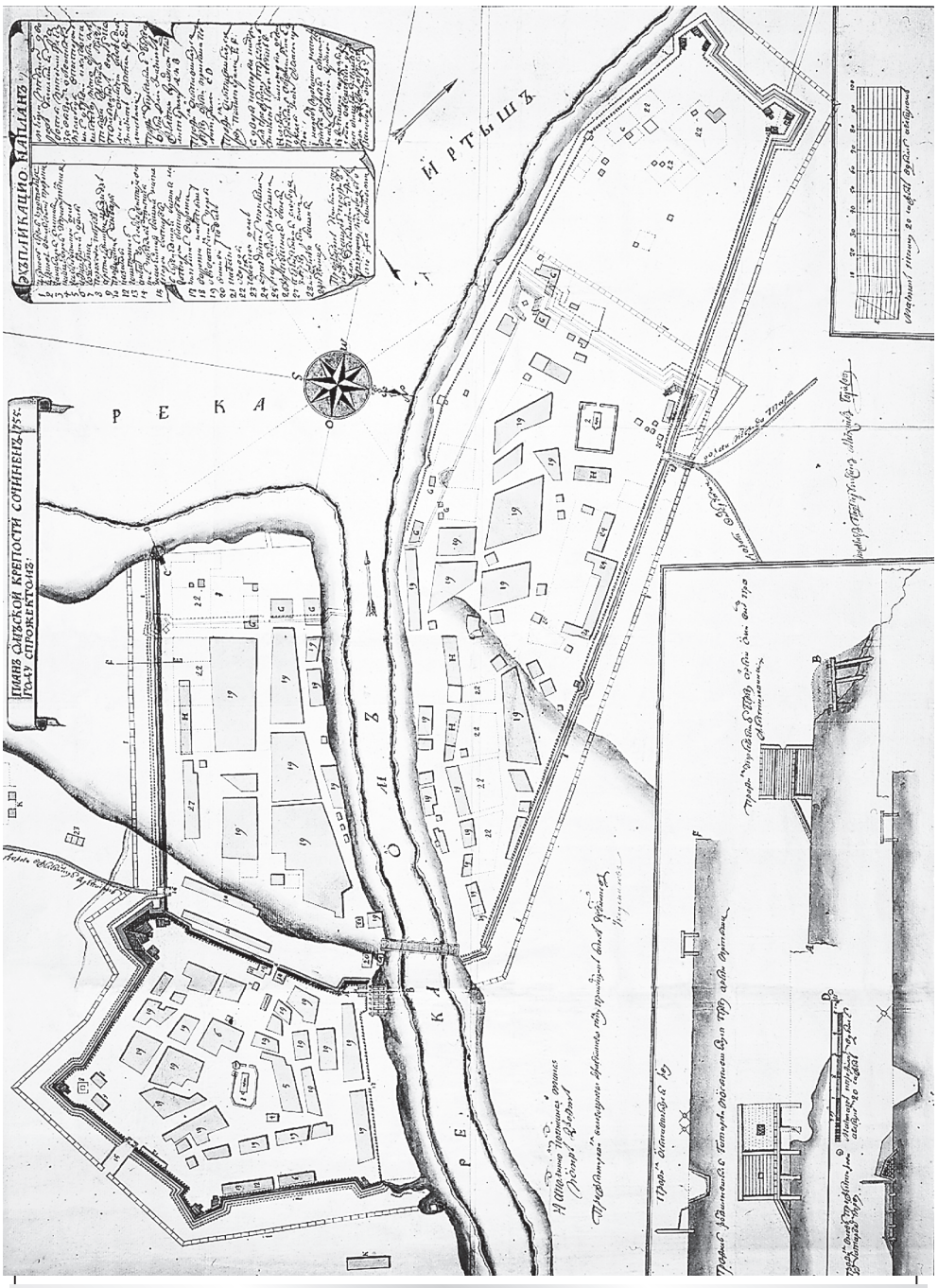
Слобода находилась, примерно, в тех же границах, в каких она указана на плане 1722 г. Произошло сокращение территории со стороны Иртыша, вследствие ежегодного подмыва берега рекой. Укрепления были отнесены от Иртыша. На углах их сооружены бастионы с тремя батареями в каждом. По кромке берега Иртыша установлен палисад и рогатки, а также две батареи.

Через защитную слободскую линию метрах в 440 от моста шла дорога на Тару и в деревни. Здесь же стояла нижняя башня (№ 28) и караульная избушка (№ 25). Верхняя башня находилась у моста.

Примерно в центре слободы находилась церковь во имя пророка Ильи (№ 1), драгунские конюшни (№ 24) и вторая караульная избушка (№ 25).

Неподалеку от моста – кузница и ряд беспорядочно размещенных обывательских дворов. Не только в слободе, но и в самой крепости не было улиц в нашем понимании этого слова, и не на одном из планов крепости мы не встретили слова «улица».

На плане 1766 г. отмечен ряд новых строений в слободе: помещение Ревельского полка (№№ 3 – 6), винные подвалы (№ 9), казенный питейный дом (№ 10), колодец (№ 8) и ворота (№ 7), а также обывательские дома и дома артиллерийских служителей (№№ 11, 12).



План Омской крепости, составленный прапорщиком Я. Уксусниковым. 1755 г.

Служители полевой артиллерии располагали офицерскими покоями (№ 13) и канонерскими казармами (№ 14). Здесь находился пороховой погреб и недостроенный сарай для артиллерийских орудий[1].

Построенная в 1716 г. на левом берегу Оми Омская крепость, а также одновременно существовавшие с ней форштадт и слобода в течение XVIII столетия много раз подвергались разного рода реорганизациям. Об этом свидетельствуют все известные нам планы первоначальной крепости: 1722, 1755, 1757, 1766 гг. Вместе с тем, вопрос о перенесении крепости в устье, на правый берег Оми, был поставлен с первых лет ее основания. Еще де Гранж в 1722 г. в «Новом проекте» намечал построение новой крепости на правом берегу Оми. Это же предусматривалось планом 1757 г. И вообще территория правого берега Оми неуклонно все больше и больше укреплялась. Это продолжалось до 60-х годов XVIII в., когда было вплотную приступлено к постройке новой Омской крепости на правом берегу Оми, в углу, образуемом слиянием ее с Иртышом.

Первые русские в Сибири[1]

[1950-е гг.?]

В 1581 году Сибирское царство вошло в состав многонационального государства Московского.

Наступила новая эпоха в истории Сибири. Началось систематическое занятие Зауралья русскими.

Там, где дымились юрты, стояли слепленные из хвороста жилища. Там поднимались рубленные стены русских крепостей со стройными башнями с балконами и бойницами. Строились города. Они являлись не только военными опорными пунктами и базами по сбору ясака с местного населения, но и этапами колонизации и центрами распространения культуры.

Первый из построенных русских городов в Сибири была Тюмень, основана в 1586 г. В 1587 г. был заложен Тобольск, в 1593 – Березов и Сургут, в 1594 г. – Тара и Обдорск, в 1596 – Нарым, в 1604 – Томск, в 1628 – Красноярск, в 1652 – Иркутск, в 1716 – Омск.

Первыми колонизаторами края являлись воинские отряды, чиновники и духовенство.

Чтобы судить о составе жителей городов, приведем для примера социальный состав населения г. Сургута в 1625 г. (не считая жен и детей):

2 атамана казачьих
2 поляка
1 казак
25 десятников
117 рядовых служилых людей
2 подъячих
1 черный поп

[1] Замечается расхождение при сличении очертания и направления Иртыша и Оми, представленных на планах XVIII в., с позднейшими планами Омска. Это объясняется не только происходившими изменениями в очертании и направлении рек, но и недостаточно точной съемкой планов XVIII в.

1 белый поп
3 пушкаря
1 толмач остяцкий
1 церковный дьячек
1 пономарь
1 городовой воротник
1 острожный воротник
1 палач
1 новокрещенный остяк
1 просвирница

Для того, чтобы держать ясашных людей в повиновении, надо было содержать большие отряды служилых людей. Остро стал вопрос об организации продовольственного дела в новой стране. Явилась необходимость в устройстве «государевой пашни» и земледельческой колонизации.

Правительство переселяет в Сибирь пашенных крестьян. Одних по принуждению, других [–] добровольно. Желающим поселиться в Сибирь «на государеву пашню» обещались льготы на два, на три года и более, также подмога и ссуда в разных размерах.

Создается прочная земледельческая основа. Соха с железными насошниками взошла на сибирскую ниву, а с ней [–] железный серп с большим захватом, горбуша и коса.

Города (укрепления, остроги) опоясывались нивами, которые постепенно ширились, отодвигались дальше вглубь.

Возникали русские выселки, починки, слободы, села и деревни в один-два-три, реже – пять дворов.

В то время, как в более или менее близком расстоянии от городских стен возникали малодворные села и деревни, города обогащались новыми торгово-промышленными людьми, искавшими хорошей поживы в новом богатом крае путем эксплуатации коренного населения.

В городах появляются ремесленники – кожевники, мельники, кузнецы. Возникают новые отрасли хозяйства в Сибири[1].

Как говорит сказание, по занятию Ермаком[2] Искера, к нему стали приходить бывшие подданные хана Кучума. Ермак всех принимал с лаской и обещал им свою защиту. Такого отношения они не встречали от хана Кучума. Вместе с тем Ермак с самого начала стремился наладить экономические связи с южными народами – бухарцами. Хозяйственный глаз и ум первого русского землепроходца ставил своей задачей устроить и наладить жизнь в новой стране, сблизить и сплотить народы здешнего края с русским народом[3]. Это стремление в корне не похоже на то, что вносилось в покоренные страны выходцами из глубин азиатских – Ганнибалом, Батыем и др.

Сближение с русскими имело положительные результаты. У аборигенов края стала развиваться земледельческая культура, появились новые, неизвестные до русской Сибири, хлебные злаки – пшеница, гречиха, конопля, горох и др., новые навыки земледельческого хозяйства, сельскохозяйственный инвентарь. Постепенно внедрялось новое домообзаводство: постройка более прочных, удобных и теплых жилищ русского типа: перенимались предметы домашнего и хозяйственного обихода и огнестрельное оружие для охоты, также новые ремесла.

---

[1] *Далее в чистовом варианте отсутствует следующий отрывок:* «С первыми колонизаторами края сюда, в Сибирь, были занесены и первые ростки (правда, хилые, болезненные) грамотности в виде часослова в замусоленных корках «черного попа» и различных дьячих (чиновничьих) памятях. И, тем не менее, Русская письменность, равно как и живопись, в виде икон, часто большого художественного мастерства резьба, ткани перешагнули Урал. Культура Киевской Руси и Мо *(далее машинопись сменяется рукописной записью карандашом. – Прим. сост.)* сковского царства вместе с русскими землепроходцами на ладьях и плотах *(неразборчиво)* до Великого океана. В прошлом Сибирь, как и *(неразборчиво)*. Омск *(неразборчиво)». – Прим. сост.*

Приход русских в Сибирь положил начало распространению здесь грамотности, письменности и познания края. Первые книги принесены в Сибирь дружиной Ермака. В конце XVI века участники похода начертали первые страницы сибирской летописи – «Написание, како приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были и где казаков и какого у них именем убили»[4]. Это – крупнейшее событие в культурной жизни Сибири. В 1622 году «Написание» расширено и дополнено новой сибирской летописью, известной под именем Синодика[5]. А через 14 лет в 1636 г. Савва Есипов[6] составил большое сказание о «Сибири и Сибирском взятии». Здесь наблюдательный автор дал красочное описание края и его природных богатств «реки тамо бысть (…) пространные и прекрасные зело, в их же воды сладчайшие и рыбы различные множество; на исходищах же сих рек дебрь плодовитая на жатву и скотопитательные места, пространна зело…»[7].

Вот начало познания нового края.

Через 100 лет после прихода русских в Зауралье знаменитый русский картограф, историк и художник тоболяк Семен Ульянович Ремезов[8] (родился около 1664 г., умер, вероятно, в 1715 г.) в своих многогранных трудах дал подлинные пространные сведения о земле сибирской. Русская Сибирь открылась миру не в баснословных сказаниях иностранцев (писавших о Сибири, не видя ее), но в достоверном научном освещении великого русского картографа XVII века сибиряка – Ремезова.

Вместе с просвещением на берегу Иртыша, Оби и далее на Восток лился культурный поток из Москвы, Киева, Новгорода в виде живописи, резьбы, каменного зодчества и т.п. Да, поначалу эти виды искусства служили только государственной церкви, но потом они стали постепенно входить в быт и жизнь населения края.

Иконная русская культура, хозяйственный и бытовой уклад русского народа положили начало новой эры в жизни Сибири.

Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта[1]

Путей-дорог проходит много,
Но есть среди других дорог
Одна старинная дорога.
Легла на грудь земли родной.
Прошла Сибирью непроездной...

М. Кубышкин[2]

«Владимирка» вошла в историю
и связана с воспоминаниями о многих русских
революционерах. Вместе с тем она является и
памятником истории дорожного строительства.

А.П. Смирнов

Первыми путями сообщения в Сибири, как и повсеместно, были реки. Прокладка сухопутных дорог была вызвана медленностью и неудобством водных путей. Еще до 1640 года между Тобольском и Тарой, помимо пути по Иртышу, возникло и сухопутное сообщение. В «Росписи сибирским городам и острогам»[I] имеется следующее указание: «Из Тобольска к Тарскому городу зимним путем, лошадьми, езду 2 недели, а наскоро 10 дней; а летним сухим путем, не займуя ясачных волостей, черными месты, лошадьми, езду 3 недели».

К 1640 году начало постепенно устанавливаться сухопутное сообщение между Тарой и Томском, Тарой и Нарымом. «Из Тарскова города по вестям, – говорится в той же «Росписи», – посылают гонцов в Томской город; а ходу от Тары до Томскова города летним сухим путем Тарским уездом до Теренинской волости, лошадьми езду 2 недели; а от Теренинской волости до Томскова городу езду 2 недели ж. Да с Тары ж по вестям посылают гонцов в Нарымской острог; а езду от Тары до Нарымскова уезду летним сухим путем, лошадьми, черными лесами, 3 недели»[3].

Сухопутный путь от Тары до Томска через Барабинскую степь отмечается и в «Чертеже всей Сибири», составленном в 1667 году: «А от Тары через Барабинскую волость степью до Томскова города тихим ходом месяц»[4].

Подробного маршрута древних путей (до прокладки тракта) ни «Роспись», ни «Чертеж» не приводят. По всей вероятности, их направления в ряде местностей менялись в зависимости от времени года, состояния погоды и др. Проходили пути то в виде узкой, естественно сложившейся, проселочной дороги, то в виде извилистой тропы, может быть, протоптанной поначалу зверем.

Старый Московско-Сибирский тракт является первым большим государственным дорожным строительством в Сибири. Тракт составился из наметившихся ранее сухопутных дорог между городами Сибири[II].

Прокладка его началась по распоряжению Сената в апреле 1733 года. В 1735 году он уже был готов, вымерен и в значительной части снабжен верстовыми столбами.

Началось заселение тракта специально ямскими поселениями для обеспечения регулярной «гоньбы».

Участок Тобольск – Тара был заселен в 1744 – 1745 годах. Участок между Тарой и Чаусским острогом – в 1762 – 1780 годах. На тракте появились почтовые станции.

В 1744 – 1745 годах между Тобольском и Тарой было 20 почтовых станций, в том числе на территории нынешней Омской области – Верх-Аевская, Становка, с. Рыбинская (Большие Уки), Фирстовская, Чаунина, Завьялова, Знаменская и Бутакова.

Старый Московско-Сибирский тракт – самая большая дорога в мире. Начиналась она в Москве от Владимирской заставы и шла через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Тару, Каинск, Томск, Ачинск, Красноярск, Канск, Иркутск, Верхне-Удинск, Нерчинск...

В пределах нашей Омской области тракт в основном проходил в широтном направлении через Большеуковский, Знаменский, Тарский, Большереченский и Муромцевский районы, всего на протяжении примерно 400 км[5].

Тракт связывал центр России с Дальним Востоком. По нему направлялось торговое, гражданское и военное движение. Вместе с тем он являлся и этапной дорогой, дорогой каторги и ссылки.

На окраинах ряда сел и деревень, расположенных по тракту, находились деревянные казармы, обнесенные тыном. Это этапы и полуэтапы.

Этапы были расположены на расстоянии 50 – 60 км друг от друга. Между ними на расстоянии примерно 20 км находились полуэтапы. На этапах полагалась арестантским партиям дневка (день и две ночи), на полуэтапах – только ночевка.

[I] А. Титов. Сибирь в XVII веке. Издание Г. Юдина, М., 1890.

[II] Старейшей составной частью тракта является участок от Тюмени до Тобольска. Этот участок был обеспечен русскими ямщиками уже с 1601 года. Участки Тобольск – Тара и Тара – Томск стали проездными с 1-й четверти XVIII столетия.

В каждом этапе было два корпуса: один для офицера и команды, другой для арестантов. Первый фасадом выходил на улицу. С крыльца был вход в коридор, который делил корпус на две половины: налево две комнаты для офицера, направо – две казармы для солдат, конвойных. Второй корпус находился во дворе против первого и разделялся на две половины, в каждой по две казармы, из которых две первые направо и налево для посельщиков, третья направо для женщин делилась поперечной стеной на две, из которых дальняя назначалась для следующих в каторжные работы, а ближняя для назначенных на поселение. В эту казарму вход был с особого двора. Четвертая налево точно также разделена на две казармы: дальняя – для каторжных, а ближняя – для посельщиков. Правее этого корпуса – баня, а на совершенно особом дворе – конюшни и кладовые. Все эти здания обнесены были высоким тыном.

Полуэтапы строились несколько проще. Четырехугольный двор огорожен тыном, с воротами и калиткой. По правую сторону ворот, внутри, находилась караульня для солдат, по левую – конюшня, посередине двора – казармы с коридором, в котором четыре двери: две направо и налево в большие помещения, третья прямо – в меньшее. Все это предназначалось для посельщиков. Четвертая дверь направо вела в узенькие сенцы, из которых был вход в помещение, куда запирали кандальников[1].

В 60 – 70 км от Тюмени в сторону Свердловска на тракте, между станциями Марковой и Тугулымской, раньше стоял сильно выветревший четырехгранный кирпичный столб[6], метра в 3 вышиной. На стороне его, обращенной на запад, к России, находился герб Пермской губернии, на восточной стороне – герб Тобольской губернии. Таким образом, столб стоял на административной границе России и Сибири. Отсюда и начиналась собственно Сибирская этапная дорога – «Владимирка».

Никакой другой столб во всем мире не вызывал более тяжелых мыслей и мучительного интереса, как этот старый сибирский пограничный знак. Ни один из них не видел столько страданий и не пропускал мимо себя стольких людей с разбитой жизнью и истерзанным сердцем. Многие, многие сотни тысяч людей – мужчин и женщин различного возраста, состояния и положения навсегда прощались здесь с Родиной и всем, что было дорогого.

Столб находился на полдороге между двумя этапами. Возле него арестантские партии останавливались на отдых и для последнего прощанья. Здесь посылался последний земной поклон матери-родине. Раздирающие душу сцены происходили у столба. Ручьем лились слезы из глаз. Иные на коленях, обратившись лицом к России, брали у столба горсточку родной земли, завязывали в тряпочку и клали за пазуху, к груди. С рыданиями целовали кирпичи столба на стороне, обращенной к России. И этим изливали тоску и боль души своей.

Прощаясь с родиной и всем, что было дорогого, осужденные на изгнание, каторгу оставляли надписи, которыми были испещрены грани столба.

Надписи можно было читать не только на русском языке, но также и на иностранных. Они были коротки – в два-три слова, «но они, – пишет И.П. Белоконский, – подчас прочувствованы; в них вложена душа человека; здесь он прощается со всем ему близким, дорогим, прощается навеки; часто он оплакивает прошедшее, пугаясь будущего, томясь настоящим: «Прощай, Маша!..» гласила одна надпись. Коротка она, но здесь все сказано: кажется, видишь человека, вспоминающего любимую женщину, которую он никогда уже не увидит; сколько горя он ей доставил, может быть, не в силу злой воли, а благодаря обстоятельствам, окружавшим его со всех сторон, как сетью; а ведь как он ее любил, как могли бы они быть счастливы, если бы...

А теперь... пропадай она, самая эта жизнь! Впереди тьма, голод, холод, быть может, опять преступление. «Прощай, Маша!..» («По тюрьмам и этапам». Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел, 1887, изд. Н.А. Семенова).

---

[1] В.И. Штейнгель. Записки несчастного. Русская старина, январь 1882 г., стр. 153 - 155.

Стены этапов и полуэтапов также были исписаны. Надписи служили для партии своеобразной справочной книгой, из которой узнавали, кто, когда и куда прошел, кто бежал, пойман или умер. Тут писали поклоны, любовные записки и т. д. Надписи встречались и на заборах, и на наружных стенах. «Машка, – говорится в одной надписи, – Гришка будет ждать тебя в Ачинске», «Федька босоногий шлет привет, а его уже нет, – пускай это знает «Перекати-поле» и т.п. до бесконечности (И.П. Белоконский. Там же).

Два раза в неделю отправлялись арестанты круглый год партиями в 20 – 40 и более человек. По сторонам их шли солдаты с ружьями. В облаке пыли медленно двигались подводы с больными и детьми (нередко с осужденными отправлялись их семьи). Партии полагалось проходить 500 верст в месяц. В дождь, снег, в лютый мороз и нестерпимую жару, тяжело шагая, шли арестанты по тракту.

...Вот клубится
Пыль. Все ближе... Стук шагов,
Мерный звон цепей железных,
Скрип телег и лязг штыков.
Ближе. Громче. Вот на солнце
Блещут ружья. То конвой:
Дальше длинные шеренги
Серых сукон. Недруг злой,
Враг и свой, чужой и близкий.
Все понуро в ряд бредут,
Всех свела одна недоля,
Всех сковал железный прут.

(Вл. Гиляровский. Москва и москвичи. Ростов, 1958 г.)

В тяжелых условиях проходила ночевка арестантов на этапах и полуэтапах. При большом составе партии только счастливцы могли воспользоваться казарменными нарами. Остальная масса усталых, измученных арестантов ложилась под нарами на грязном полу. Сырые, темные, промозглые камеры мгновенно наполнялись отравленным воздухом, запахом прелой, гниющей от пота и сырости одежды, грязных человеческих тел. Ночью на спящих набрасывались несметные тучи насекомых. Зимой в дополнение к этому, в казарме было угарно и холодно. Утром партия выводилась во двор, там производилась проверка. А затем раздавалась команда: «Стройсь», «Марш», и партия, гремя кандалами, продолжала свой путь.

«Бродяги шли, – пишет Георг Кеннан, – громко разговаривая, новички слушали и поучались. Бродяга знает дорогу, как свои пять пальцев, он знаком с характером всех конвойных офицеров и смотрителей, а опасный опыт тайговой жизни придает ему самоуверенность и авторитет в глазах партии. Истинный бродяга называет острог «своим батюшкой», а тайгу – «матушкой», и вся жизнь его состоит в переходах от «матушки» к «батюшке» и наоборот. Редко удается ему избавиться от Сибири, хотя он часто доходит до Тобольской губернии. Рано или поздно его снова забирают или он сам отдается в руки властей, спасаясь от голодной смерти в тайге. Один конвойный офицер говорил арестованному в Западной Сибири бродяге: «Царева поскотина велика, правда, но ты никогда не выйдешь из нее, и не минуешь наших рук, пока не умрешь» (Сибирь и ссылка, Спб., 1906, стр. 65 – 66).

По тракту прошли люди закаленной воли, неукротимого протеста и отчаянного бесстрашия. Прошел взад и вперед и не один раз по тракту уголовный Орлов: «В нем мы видели, – пишет Ф.М. Достоевский, – одну бесконечную энергию, жажду деятельности, жажду мщения, жажду достичь предложенной цели. Я поражен был его странным высокомерием». (Ф.М. Достоевский. «Записки из Мертвого дома»). Прошел и другой герой «Мертвого дома» каторжник Петров, – самый решительный, бесстрашный, не знающий над собой никакого принуждения человек. В решительные минуты из таких выходят зачинщики и вожаки, за которыми все бросаются, «идут до самой последней стены, где обыкновенно и кладут свои головы» (там же)[7].

* * *

Дорога эта в некий ад
Вела несломленных и сильных.
Здесь проходили, говорят,
Этапы каторжных и ссыльных.
Они прошли, не покорясь
И грубой и неумной силе.
Какие думы в эту грязь,
Какую боль они вместили?!

М. Кубышкин

По Старому Московско-Сибирскому тракту через наши прииртышские города и села прошли все поколения революционеров.

В декабре 1790 года по Владимирке прибыл в Тобольск писатель-революционер Александр Николаевич Радищев. 2990 верст отделяли автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву» от столицы.

Шестью месяцами раньше, 30 июня, в 9 часов утра «бунтовщик хуже Пугачева» был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость. Приговор гласил: «За склонение к возмущению крестьян противу помещиков, войск противу начальства – Александра Радищева казнить смертью». Екатерина II смертную казнь заменила Радищеву ссылкой в далекую Сибирь «на безысходное десятилетнее пребывание» в Илимском остроге.

В Тобольске А.Н. Радищев остановился в доме губернатора Алябьева[8] – отца композитора А.А. Алябьева, автора «Соловья» и других музыкальных произведений.

Здесь из-за недомогания и в ожидании приезда детей и сестры умершей жены Радищев задержался на 7 месяцев.

В начале марта 1791 года в Тобольск приехала Е.В. Рубановская с двумя детьми А.Н. Радищева.

«Шаг, который я сделала, следуя за моим другом, доказывает мою привязанность к нему, и нет такой опасности, которую я не пожелала бы разделить с ним», – писала из Тобольска Елизавета Васильевна покровителю А.Н. Радищева графу А.Р. Воронцову.

Последовав за А.Н. Радищевым в Сибирь, Е.В. Рубановская навсегда связала судьбу свою с А.Н. Радищевым, став его женой.

Елизавета Васильевна Рубановская добровольно последовала в страну изгнания с тем, чтобы облегчить горькую участь А.Н. Радищева. Подруга Е.В. Рубановской по институту Г.И. Ржевская писала по этому поводу: «Искусное перо могло бы написать целую книгу о ее добродетелях, несчастиях и твердости духа, которая послужила бы к назиданию многих»[9].

А.Н. Радищев был очень обрадован приездом Елизаветы Васильевны и детей. «Я буду еще жить, а не прозябать», – писал он.

В августе 1791 года А.Н. Радищев покинул Тобольск, отправился дальше на восток.

По пути следования в ссылку и при возвращении из ссылки в Россию перед взором Радищева прошли картины природы и жизни людей Прииртышья.

Здесь его поразили изумительные виды возвышенных берегов Иртыша, огромные луговые пространства, пересеченные озерами различных очертаний, дремучие леса и большое количество болот.

Несмотря на плодородие почвы, отмечает Радищев, земледелие не находится в цветущем состоянии. Удобрения почв мало известны.

«Здесь из-за обширности земель обходятся без улучшения их и всегда обрабатывают лишь целину. Население редкое. Ютится по берегам рек (добровольные посельщики) и большому Московско-Сибирскому тракту (принудительно заселенному). Все остальное пространство пусто...».

Территорию Омской области Радищев проследовал через Зудиловский форпост, Становку, Рыбинское (Большие Уки), Фирстово[10], Чаунино, Завьялово, Аевскую Слободу,

Знаменский погост, Бутаково, г. Тару, Секменево, Мешково, Такмык, Артын и Копьево, всего на протяжении свыше 400 км.

По пути в ссылку А.Н. Радищев писал: «В деревне Артынке[11] (Артыне – А.П.) стояли у крестьянина Блинова[I]. Благословляя бога за свое состояние, он с чувствительностью и прослезясь говорил о бедствии, которое терпел народ в бывший недород три года тому назад»[12].

Шесть лет провел писатель в Илимском остроге. Возвращаясь в Россию, А.Н. Радищев вступил в пределы Омской области 13 марта 1797 года, оставив позади село Резино, нынешней Новосибирской области[II] .

«В Резине, пишет А.Н. Радищев, выпив чаю, поспешили ехать и ехали до Копьева (20 верст от Резина)[III]. Здесь дорога идет надвое: влево на Омскую крепость, куда возят с Барабы хлеб по подряду в 70 к. пуд. На завод винный, где цена также по 70 к., закупают в Каинске. Дорога та же идет на Ишим и выходит на Тюмень ближе, нежели на Тобольск, 300 верст; по всей дороге проезд превеликий, обозы Ирбитской ярмарки тут ходят. За 3 версты от Артына бор[IV] и конец Барабы»[13] (Дневник путешествия из Сибири).

В Артыне[V] А.Н. Радищев обедал у крестьянина Долматова. «Новая (у Долматова – **А.П.**) изба, доски половые 13 верш., стол так был как липовый, хозяин ногу порубил, ему лекарства дал...»[14].

[I] В доме на усадьбе Блинова, радостно принимавшего Радищева, в настоящее время помещается семилетняя школа.

[II] Теперь, кроме А.Н. Радищева и Елизаветы Васильевны, ставшей его женой, с ними ехало пятеро детей от четырнадцатилетнего возраста до двухлетнего (двое старших от первой жены, трое от второй).

[III] Участок тракта от границы Новосибирской области до главной усадьбы Копьевского совхоза (15 км) в 1957 году решением Омского облисполкома объявлен историческим заповедником, как памятник прошлого Сибири. На этом участке тракт сохранил свой профиль - полотно, канавы и боковые насыпи-валы. На полотне тракта уцелел настил XVIII века из толстых лиственничных кряжей. Тракт, немой свидетель страшной были, бесконечной лентой уходит на восток.

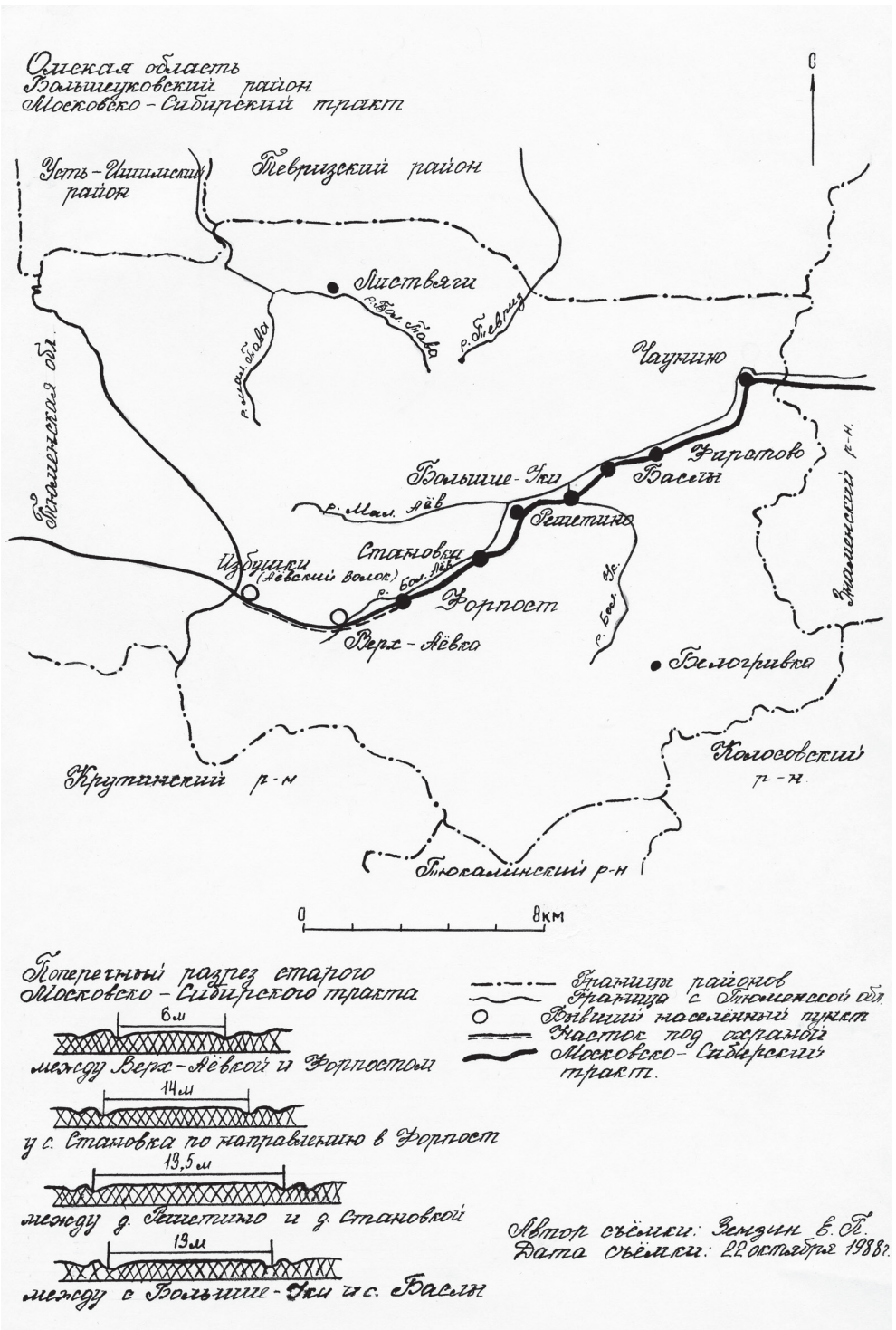
На главной улице Копьевского совхоза в настоящее время высится памятник, открытый 16 июня 1955 года. Памятник представляет собой высокий четырехгранник с четырехскатным завершением. Вверху портрет А.Н. Радищева. Ниже надпись золотом:

В АВГУСТЕ 1791 ГОДА
ПО ПРОХОДЯЩЕМУ ЧЕРЕЗ УСАДЬБУ СОВХОЗА СТАРОМУ МОСКОВСКО-СИБИРСКОМУ ТРАКТУ
ПРОСЛЕДОВАЛ В ИЛИМСКУЮ ССЫЛКУ
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ-РЕВОЛЮЦИОНЕР
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ
«Что за богатый край сия Сибирь,
Что за мощный край!
Потребны еще века,
но когда она будет заселена,
она предназначена играть
большую роль в анналах мира...»
Благодарные потомки
Великому предку.
1955 г.

[IV] Артынский бор сохранился (во второй-третьей смене) до настоящего времени. В летнее время бор с высокоствольными соснами привлекает под свою сень экскурсантов, туристов, дачников. В бору проводятся туристские слеты.

[V] В с. Артыне на высоком берегу речки Артынки у моста, где проезжал А.Н. Радищев, 27 сентября 1952 года установлена на специальном постаменте мемориальная доска с надписью:

В АВГУСТЕ 1791 ГОДА,
СЛЕДУЯ В ИЛИМСКУЮ ССЫЛКУ,
В АРТЫНЕ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ-РЕВОЛЮЦИОНЕР
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
РАДИЩЕВ



План Московско-Сибирского тракта, составленный Е.П. Зензиным. 1988 г.

От Артына дорога идет на село Такмык. Здесь А.Н. Радищев переправлялся через Иртыш.

«На возвышенном берегу Иртыша и на углу взвоза, пишет он, церковь. Половина слободы внизу. Вид, на оной прекраснейший»[15] (Дневник путешествия из Сибири).

14 марта 1797 года А.Н. Радищев остановился в Таре.

Здесь Александр Николаевич встретился с начальником Охотского порта поручиком Василием Федоровичем Ловцовым, следовавшим из Петербурга в Иркутск. Ловцов в 1792 – 1793 гг. на корабле «Св. Екатерина» совершил плавание в Японию, куда им было доставлено первое русское посольство.

В Таре на этот раз А.Н. Радищев задержался с 14 по 26 марта (вследствие весеннего бездорожья и болезни жены, простудившейся в пути).

О пребывании Радищева в Таре И.М. Борн пишет: «Радищев с горестью расстался с илимскими жителями; на возвратном своем пути остался он везде в памяти. В проезд мой через Тару остановился я в этом доме, где он прожил неделю, и хозяин не мог нахвалиться его добродушием, его ласковостью. Такова сила ума и добродетели...»[16].

«Пробыв в Таре доле, нежели бы желание наше было, пишет А.Н. Радищев, мы выехали 27 числа в половине дня. До села Бутакова 30 верст, дорога идет по возвышенному древнему берегу Иртыша, правый оного берег ведет за собою сосновый лес, левый – низкий березник и вдаль болото, таковая же дорога продолжается до Знаменского погоста или Чередова – 20 верст, лежащего на озере Изюке, которое ничто есть, как залив из Иртыша. В сем озере, а паче в другом, в десять верст, у Тары, ловят много рыбы даже... (пропуск в рукописи) и зимою, весьма вкусной. Едучи от Чередова почтовая идет влево на Аев реку, а другая ближайшая, по которой бывает проезд обозам, идет вдоль Иртыша большею частию чрез татарские селения. Сделаны для летней дороги просеки, зарастают и листы сносит водою. Для того по ней и не ездят летом.

Аевская слобода, где живет много богатых раскольников, в 18 вер. от Чередова стоит на Аеве, тут ныне почты нет, а переменяют лошадей в Завьяловой, в 26 вер. от Чередова. Тут живут посельщики. По Аеву селений довольно, и Чаунина от Чередова 25 вер. Также на Аеве. Тут за обедом крестьянин рассказывал, как ловили они разбойников, из которых атаман, ушедший из острога Иркутского, и подговорил партию в заводе винном близ Тары... Нынешний исправник был на оном смотрителем. Крестьяне за него внесли хлеба недостающего 20 тысяч; отчего недостает знает Варламов.

От Чауниной до Фирстовой на Аеве 21 вер., до Рыбинской на Аеве 21 вер... Вся дорога идет березниками, и место плоское. Здесь начинается Зудиловский волок, место весьма болотистое»[1] (Дневник путешествия из Сибири)[17].

1 апреля А.Н. Радищев приехал в Тобольск. Это второе его пребывание в Тобольске было омрачено тяжелыми переживаниями. Через неделю после приезда, 7 апреля, здесь умерла его жена Елизавета Васильевна Рубановская.

«О! Колико первое мое в Тобольске пребывание было приятное. В горести свидеться с теми, кого всех больше на свете любишь, или расстаться с ним навеки... Сей город навеки будет иметь для меня притяжательность»...[18] (Дневник путешествия из Сибири).

Тяжело было А.Н. Радищеву оставлять Тобольск со свежей могилой друга, разделившего его шестилетнее изгнание.

В начале 1821 года, холодной и снежной зимой, по Сибирскому тракту через нынешнюю Омскую область строем шел в ссылку в Сибирь сводный батальон Семеновского гвардейского полка из 450 человек.

Сформированный в 1687 году, Семеновский полк 16 октября 1820 года восстал против жестокой муштры и бесчеловечного обращения командира полка немца Шварца.

Восстание было подавлено. Полк расформирован. Зачинщиков прогнали сквозь строй и 450 человек отправили в Нерчинские рудники, куда они и пришли 1 июля 1821 года (из Петербурга гвардейцы выступили 7 ноября 1820 года).

---

[1] Зудиловский волок идет на протяжении 53 км, через границу Омской – Тюменской областей.

* * *

Когда луны зеленый свет
На древний тракт
Прольется мглисто,
За силуэтом силуэт
Проходят трактом
Декабристы.
За тенью тень... идут... идут
В края изгнания и мрака,
Идут в тоску,
На скорбный труд,
Друзей повешенных
Оплакав.

М. Кубышкин.

В 1826 – 1827 годах по тракту были провезены на восток осужденные на каторгу и ссылку декабристы. Следовали они партиями в 2 – 4 человека на одноконных подводах. Каждый осужденный находился под надзором приставленного к нему жандарма. Общее же наблюдение и распорядок следования группы осуществлялось фельдъегерем.

Осужденные на каторгу были закованы в железо. Для безостановочного следования государственных преступников по тракту от Тобольска до Иркутска по всем этапам было дано распоряжение о заготовлении трех – четырех одноконных подвод.

8 августа 1826 года по тракту, под наблюдением фельдъегеря Соломонова, проследовала через Ялуторовск первая партия декабристов, осужденных по первому разряду, в составе Артамона Муравьева[19], Якубовича[20], Давыдова[21] и Оболенского[22].

9 августа прошла под надзором фельдъегеря Куста вторая партия осужденных по первому разряду: Трубецкой[23], Волконский[24], Борисов 1-й[25] и Борисов 2-й[26].

До конца июня 1826 года по тракту через Ялуторовск и Тобольск провезено 11 партий декабристов, в том числе под надзором фельдъегеря Козьмина 10 августа 1826 года прибыли в Омск: граф Коновницын 1-й – подпоручик гвардейского генерального штаба, Цебриков – поручик лейб-гвардии Финляндского полка и Фок – подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка. Вскоре они (по указу 22 августа 1826 г.) были отправлены в полевые полки Кавказского корпуса.

Тобольская администрация в лице губернатора Бантыш-Каменского[27] и полицмейстера Алексеева проявляла большое внимание к следовавшим на каторгу и поселение декабристам. Декабрист Розен[28] пишет:

«...Привезли в дом к полицмейстеру Алексееву, где нам дали два дня отдыха, где нас поместили в его гостиных и угостили как невозможно лучше на счет гражданского губернатора Бантыш-Каменского... Отдых был нам нужен, и мы славно отдохнули. На третий день поутру отправили нас в дорогу. Вместо фельдъегеря дали в проводники заседателя Курганского окружного суда И.М. Герасимова, бывшего аудитора 15-й пехотной дивизии барона графа В. Розена, удаленного из гвардии после семеновского восстания. Вместо почтовых лошадей давали обывательских. Перед самым выездом из Тобольска повезли нас к губернатору, который принял нас вежливо, спросил как здоровье наше переносит дальнюю езду после заточения в крепости? Не нуждаемся ли мы в чем? Потом с участием образованного и честного главного начальника простившись с нами и обратившись к Герасимову, сказал ему: «Они ваши арестанты, но обращайтесь с ними, как с людьми благородными» («Записки декабриста». Спб., стр. 142)[29].

В Таре большое гостеприимство проявлял городничий Степанов – кавказский офицер времен Ермолова. Рассказывают, что однажды он силою остановил фельдъегеря, который поневоле покорился, потому что Степанов объявил ему, что он – Николай I в Таре. Городничий не избег доноса, но отделался благополучно, ответив, что так поступил из чувства сострадания и по предписанию евангельскому.

«Повсеместно от Тобольска до читинского острога», – пишет А.Е. Розен, – принимали нас отлично и усердно, навязывали будки на сани, укутывали нас, чем могли, и провожали с благословением; иные потом говорили: «Вы наши сенаторы, зачем покинули царя и Россию?» (там же, стр. 143).

Декабрист Н.В. Басаргин[30] в «Записках» пишет: «По дороге везде встречали неподдельное участие как в народе, так и в должностных лицах. В Каинске, например, городничий Степанов, пожилой мужчина, огромного роста и объема, бывший прежде фельдъегерем, пришел к нам в сопровождении двух человек, едва тащивших огромную корзину с винами и съестными припасами всякого рода. Он заставил нас непременно все это есть и частицу взять с собой, предлагая нам даже бывшие с ним деньги со следующими удивившими нас словами: «Эти деньги, – сказал он, вынимая большую тачку ассигнаций, – я нажил с грехом пополам, не совсем чисто, взятками. В наших должностях, господа, приходится делать много против совести. И не хотелось бы, да так уж заведено изстари. Возьмите эти деньги себе: на совести у меня сделается легче. Лучшего употребления я не могу из них сделать: семейства у меня нет. Право, избавьте меня от них, вы сделаете доброе дело». («Записки Николая Васильевича Басаргина». Москва, 1872 г. стр. 65 – 66)[31].

Декабристы не приняли денег от городничего, но, прощаясь с ним, благодарили его.

Теплые и сердечные отношения к декабристам были проявлены и при возвращении их из Сибири. «Сделайте мне честь и остановитесь у меня, прошу покорнейше, супруга ваша и вы здесь отдохнете спокойно». С таким предложением обратился тарский почтмейстер Верещагин к Д.Е. Розену при проезде его с женой через Тару. Он ввел гостей в свои приемные комнаты и представил им свою молодую и миловидную жену. После приветствий Верещагин прерывающимся голосом сказал ей, указывая на жену Розена: – «Вот, друг мой, прекрасный и высокий пример, как должно исполнять священные свои обязанности, я уверен, что ты, в случае несчастья со мной, будешь подражать этой супруге».

И в Рыбинском, ныне Большие Уки, и в Фирстове супруги Розен любезно были приняты в домах крестьян. (В Фирстове Розен пригласил «самого бедного мужика и самую бедную женщину в восприемники» родившегося у них здесь на почтовой станции сына. («Записки декабриста», стр. 192 – 193).

Декабристы оставили о себе светлую память как в местах своего подневольного пребывания, так и на пути следования.

Вскоре за ними по Сибирскому тракту через Прииртышский край, через деревни и села его, проследовали жены декабристов. Их было одиннадцать, этих героических женщин.

Широкая лента Московско-Сибирского тракта под ветвями старых берез уносила их в далекий край, к месту страданий мужей.

Пленительные образы. Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.

(А.Н. Некрасов –
«Русские женщины»)

Уезжая к мужьям, они должны были покинуть родину, родных, отказаться от удобств светской жизни, отрешиться от привычек, приобретенных с детства, восстать против родительской воли, пренебречь предрассудками общества.

Первый беспримерный шаг совершила княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая. Отъезд Е.И. Трубецкой оказал сильное влияние на жен других декабристов.

Трогательно было прощание княгини с отцом, с родными местами:

Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
и с миром отпусти!
Бог весть, увидимся ли вновь,

Увы! надежды нет
Прости и знай: твою любовь
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но нелегко
С тобой расстаться мне!
О, видит бог!.. Но долг другой
И выше и трудней
Меня зовет... Прости, родной!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись – я дочь твоя!
Прости и ты, мой край родной,
Прости несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо всех бед... прощай!

(А.Н. Некрасов – «Русские женщины»).

Карета тронулась по набережной Невы. Сенатская площадь, памятник Петру. Вдали – силуэт Петропавловской крепости, откуда только что увезли на каторгу ее мужа, а на другом берегу – громада Зимнего дворца, где она не раз танцевала на придворных балах. Сейчас она проклинала этого державного хозяина, с которым незадолго до 14 декабря 1825 года в особняке своего отца графа Лаваля[I] в большом зале с полом, устланным плитами, вывезенными из римского дворца императора Нерона, она в первой паре открывала мазурку.

Теперь перед прощальным взором Екатерины Ивановны Трубецкой проходили Летний сад с его чудесной решеткой, знакомые ей улицы, площади.

Начался долгий томительный путь.

В декабре 1826 года Е.И. Трубецкая в сопровождении секретаря своего отца следовала на каторгу к каторжнику мужу по заснеженным равнинам нашего края.

В январе 1827 года по тому же – Сибирскому тракту ехала двадцатилетняя М.Н. Волконская[II] – дочь знаменитого героя 1812 года и правнучка Ломоносова. Она рассталась со своим маленьким сыном (оставила его на попечение бабушки). Не остановили ее ни гнев отца, ни просьбы матери.

Княгиня ехала в возке в сопровождении крепостных – лакея Ефима и горничной Марии, которые проявили большую преданность Марии Николаевне во все время пребывания ее в Сибири (впоследствии они получили вольную).

В Москве, на нынешней ул. им. Горького, в доме княгини Зинаиды Волконской[32] – образованной женщины, поэтессы и музыкантши, – собралась вся передовая Москва, чтобы проводить Марию Волконскую. В числе провожавших здесь был и Пушкин. Он не успел передать с ней свое только что написанное послание декабристам.

Спустя месяц после отъезда М.Н. Волконской, выехала в Сибирь к мужу-декабристу Никите Муравьеву[33] Александра Григорьевна Муравьева – дочь графа Г.И. Чернышева, которая по дороге в Сибирь остановилась в Москве у своих родителей. Здесь А.С. Пушкин передал ей свое послание к декабристам, которое А.Г. Муравьева довезла до каторги и вручила декабристам:

[I] И.С. Лаваль – французский эмигрант, которого знал весь аристократический Петербург. В его сохранившемся до наших дней роскошном особняке на Английской набережной собиралось избранное петербургское общество. Здесь происходила тяжелая сцена прощания графа с 20-летней дочерью.

[II] М.Н. Волконская выехала из дома Волконских на набережной Мойки в Петербурге, из той самой квартиры, где через десять лет после этого поселился А.С. Пушкин и где он 29 января 1937 г. скончался.

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье...

А через несколько месяцев вернулся написанный тем же чеканным пушкинским ямбом ответ великому поэту, написанный певцом-декабристом А.И. Одоевским:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели...
Своей судьбой гордимся мы...
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...[34]

Прошли десятилетия, и эти крылатые слова об искре, рождающей пламя, стали эпиграфом боевой ленинской газеты[35], подчеркивающим великую преемственность освободительной борьбы и неизбежность революции.

В разное время по проторенному первыми русскими женщинами пути проследовали к мужьям на восток и другие декабристки. Весной 1827 года – Е.П. Нарышкина[36], дочь храброго Коновницина, и А.В. Янтальцева[37]. Зимой, в начале 1828 года, отправилась в Сибирь невеста И.А. Анненкова – молодая француженка П.Г. Поль[38] (через три дня после приезда в Читу они обвенчались в Читинской церкви. Во время венчания с Анненкова были сняты оковы).

В том же, 1828 году, поехали жены декабристов М.А. Фонвизина – Наталья Дмитриевна, «та, с которой образован Татьяны милый идеал...» (А.С. Пушкин), А.И. Давыдова[39].

Летом 1830 года проехала к мужу через Тобольск и Омск Анна Васильевна Розен[40] – дочь первого директора Царскосельского лицея, передового общественного деятеля конца XVIII начала XIX века В.Ф. Малиновского. В Омске А.В. Розен «чрезвычайно ласково и мило» была принята в доме начальника Омской области генерал-лейтенанта

Экспедиция в Муромцевский район. А.Ф. Палашенков на старом Московско-Сибирском тракте в окрестностях села Карташево. Лето 1969 г.

де Сент-Лорана. Из Омска по нынешней улице им. Лермонтова выехала на Томский тракт, по которому продолжала путь на восток.

В этом же, 1830 году, приехала к мужу на каторгу М.К. Юшневская[41].

Летом же 1830 года прибыла в Петровский завод невеста декабриста В.П. Ивашева – Камилла Петровна ле Дантю[42]. Из Петербурга было предписано генерал-губернатору Западной Сибири Вельяминову[43] «чтобы в проезд сей несчастной девицы чрез губернии Западной Сибири оказываемо было ей возможное содействие и пособие».

А.Г. Муравьевой, Е.И. Трубецкой и К.П. Ивашевой не суждено было разделить обратный путь в Россию с другими добровольными изгнанницами: они умерли в Сибири.

Первой жертвой была А.Г. Муравьева, умершая 22 ноября 1832 года после трехмесячной болезни в Петровском заводе в возрасте 28 лет. Глубокую скорбь вызвала ее кончина среди декабристов[I].

Перед смертью Александра Григорьевна выразила желание быть погребенной в Петербурге в семейном склепе, рядом с отцом. Николай I отклонил просьбу о похоронах А.Г. Муравьевой в Петербурге, боясь, что похороны привлекут большое скопление людей.

В 1854 году 14 октября в Иркутске умерла Е.И. Трубецкая.

28 декабря 1839 тогда в Туринске скончалась К.П. Ивашева.

* * *

А.С. Пушкин, разделявший революционные взгляды декабристов, не смог навестить их в изгнании. Но поэт помнил о них, его интересовала Сибирь. В страну изгнания он часто устремлялся своими мыслями, туда, по торной каторжной дороге – в кошевах, тяжелых экипажах, с обозами шли его вдохновенные стихи.

Одновременно с посланием «В Сибирь» А.Г. Муравьева везла от Пушкина и стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный», посвященное И.И. Пущину, которое 5 января 1828 года в Чите через тюремный частокол было передано Муравьевой Пущину.

Далеким изгнаническим путем через глухие почтовые станки доставлялись в Сибирь высылаемые Пушкиным книги на имя незабываемой, первой горячей любви своей Марии Николаевны Волконской (бывш. Раевской). Получила она от него также и эпитафию на смерть маленького сына, которого царь запретил ей взять с собой в Сибирь:

В сиянии и в радостном покое
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и просит за отца.

Тракт связывал А.С. Пушкина с лицейским другом – декабристом В.К. Кюхельбекером. С берегов Невы шли его письма и книги к нему. Под вой сибирских ветров, сквозь метели и бураны донеслись до стен каторги прощальные слова А.С. Пушкина о «бесценном друге» И.И. Пущине: «Как жаль, что нет Пущина, мне бы легче было умирать». В то же время с каторги в Петербург, Москву, в Россию шли скорбные страницы с печальным откликом на трагическую смерть Пушкина:

Последний пал родимый мне поэт...
И вот опять лицея день священный,
Но Пушкина уже меж нами нет.
Не принесет он новых песен вам,
И с них не затрепещут перси ваши,
Не выпьет с нами он заздравной чаши...[44]

В.К. Кюхельбекер

[I] При всем величии подвига Е.И. Трубецкой и М.Н. Волконской все же не они, а именно А.Г. Муравьева была для декабристов классическим образом, безукоризненным идеалом самоотверженной любви, заботы и самопожертвования. Недаром А.Н. Некрасов предполагал сделать «эту великолепную женщину» героиней третьей, неосуществленной части поэмы (Литературное наследство. Декабристы-литераторы, кн. 1-я. Изд. АН, 1956, стр. 294).

* * *

Не для себя я в этом мире жил,
И людям жизнь я щедро раздарил.

В.Ф. Раевский

Нет, нет, не изменю моей жестокой доле
На позлащенное ярмо,
На эту цепь приманчивой неволи.

В.Ф. Раевский

В начале января 1828 года в ссылку через Западную Сибирь по Московско-Сибирскому тракту проезжал русский поэт, первый декабрист, друг А.С. Пушкина Владимир Федосеевич Раевский (1795 – 1872).

В 1822 году он был арестован за пропаганду революционных взглядов среди солдат и после шестилетнего одиночного заключения отправлен на поселение в Сибирь.

Три недели он пробыл в Тобольске, а затем поехал в Томск.

Его сопровождал казачий пятидесятник (урядник). В дорогу доктор Попов снабдил Раевского пельменями. Уложил полмешка и поставил штоф вина на случай сильных морозов. Попов вместе с ветеринаром Стегачевым провожал В.Ф. Раевского до первой деревни, где и простились со слезами на глазах.

«Станции три я был очень встревожен и печален, – вспоминает Раевский, – я припомнил мой дом, моего отца, мою боевую жизнь в 1812 году, мою цель – и вот на тройке с казаком еду по снежной сибирской дороге. Еще 3000 верст впереди... Но все-таки не в казематах, а на чистом воздухе. Эта мысль успокаивала меня...».

Ты, верно, из тех, что провозили? – спрашивали Раевского на остановках.

– Да

– Чудно! Давно, давно таких оказий не бывало! А можно спросить, за какую провинность?

– Трудно объяснить.

– Понимаем, понимаем, оно...тово... – и обыкновенно начинались рассуждения...

«Такие спросы от крестьян и их заключения, всегда клонящиеся не в обвинение наше, меня нередко занимали»[I].

В Сибири Раевский пробыл до конца жизни, хотя и был амнистирован в 1856 году.

Стихи Раевского проникнуты революционными мотивами, ненавистью к произволу.

В 1832 году, после подавления польского восстания 1830 – 1831 гг., по Сибирскому тракту пошли первые партии польских изгнанников.

Прапорщик Кузьмин-Караваев[45] из Вильно принял участие в польском заговоре из-за любви к девушке-польке (графине Олизар), требовавшей от него этой жертвы. И вот его путь лежал на поселение. Большими и малыми партиями добирались в Сибирь участники польского восстания 1863 года, общее количество которых, с включением добровольно последовавших жен и детей было 18623. Из этого числа большая часть (10407 человек) разместилась в пределах Западной Сибири.

В 30-х годах прошлого столетия по Сибирским этапам в Нерчинский завод следовала за своим мужем-солдатом истинная героиня польской ссылки Альбина Мигурская[II].

[I] Воспоминания В.Ф. Раевского. Литературное наследство. Декабристы-литераторы, т. II, кн. 1-я. Изд. АН СССР, М. 1956, стр. 108, 110.

[II] Эта молодая женщина, пишет С. Максимов, презрела все общественные связи, богатство родителей, и не обратила внимание на советы родных и друзей, на невзгоды дальнего пути, на грустную будущность - и поехала в город Уральск к своему жениху, сосланному в тамошний линейный батальон солдатом. Здесь она вступила с ним в брак и сделалась для него действительной усладой и путеводной звездой в сумрачной неволе. Она родила двух детей, но дети вскоре умерли, оставив матери острую тоску на сердце и усиленное желание освобождения своего и мужа от неволи.

Однажды казаки принесли к ней с берега Урала платье мужа и письмо его, в котором он просил у нее прощения за то несчастье, которому подверг ее, бросившись в воду от тоски по отчизне и оставив жену на чужбине в неизвестности положения.

27 января 1862 года из Тобольска по Сибирскому тракту увозили на каторгу Михаила Илларионовича Михайлова, автора народовольческого революционного гимна:

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою...

Пребывание Михаила Илларионовича Михайлова в Тобольске наделало много шума в Петербурге и Омске. Об этом подробно пишет в своей «Автобиографии» генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель[46].

«Некий литератор Михайлов, осужденный на каторжные работы за преступные происки и за сочинение самого возмутительного свойства, был отправлен из Тобольска к месту своего назначения за несколько дней до моего прибытия в этот губернский город. Этот Михайлов, считавшийся за передового человека демократическою партией, которая так многочисленна в России, пользовался большою известностью среди молодежи. Женщины были от него в восторге и с жадностью бросались на его сочинения, находя их бесподобными. Состоявшийся над ним приговор наделал много шуму, и лишь только он прибыл в Тобольск, некоторая часть общества поспешила оказать ему любезности всякого рода. Его стали посещать в тюрьме, будто он был мучеником за самое святое дело. Некоторые из должностных лиц, злоупотребляя своим официальным положением, дозволяли ему выходить из тюрьмы и оставляли его у себя обедать[1]. Одним словом, – продолжает Дюгамель, – ему оказывали такое внимание, на которое он не имел никаких прав. А когда он был окончательно отправлен к месту своего назначения, его поклонники до того дошли в забвении приличий, что устроили ему на большой дороге овацию, и прощаясь с ним, пили за его здоровье...»[47].

Сопровождавший М.И. Михайлова жандарм передал Тобольскому губернатору[48] рекомендательное письмо генерал-губернатора Петербурга князя Суворова (внук вели-

---

Печаль и слезы несчастной женщины были настолько искренни, что в судьбе Мигурской приняли самое сердечное участие все уральские дамы и начальство. Визиты были часты, долговременны и начали уже мучить ее, потому что муж, спрятанный в соседней комнате, мог ежеминутно выдать ее чиханьем, кашлем, каким-либо безвременным движением. Адские пытки переносила она все время, пока ходила просьба о дозволении ей возвратиться на родину. Тайна была сохранена; даже служанка, привезенная из Польши, сумела свято соблюсти ее.

Когда получено было разрешение на отъезд, Мигурская пожелала вырыть из казачьей земли трупы детей и увезти их кости в польскую землю. Сложила она эти кости: в один гроб и туда же спрятала мужа. На дорогу ей дали в проводники казака. Гроб с живым Мигурским поставлен был под козлы и таким образом благополучно вывезен из пределов уральского войска. В Саратовской губернии казаку удалось подслушать разговор супругов и донести об этом начальству.

В Саратов явились супруги уже пленными, и там еще до сих пор помнят тот потрясающий момент, когда супруги Мигурские вошли в костел и пали на колени перед гробом детей своих: она - в трауре, он - в кандалах. Мигурская сделалась предметом разговоров; тамошние поляки смотрели на нее, как на святую, на коленях испрашивая у нее благословения».

По царскому манифесту солдат Мигурский был освобожден от наказания. Его отправили в Нерчинский завод, но не на каторгу, а в сибирские войска. С ним следовала по Старому Сибирскому тракту и его верная подруга Альбина. В Нерчинске она впала в чахотку и умерла. Долгое время на ее могиле лежал камень, свидетельствовавший о тяжелой тоске Альбины Мигурской по родине и беспредельной ее любви к страдальцу мужу («Сибирь и каторга», Спб. 1891 г., стр. 73 - 75)

[1] Польский ссыльный Адольф Янковский (псевдоним Людвиг Зеленки) в своих мемуарах писал, что в Тобольске в честь Михайлова был дан огромный бал. К моменту прибытия Михайлова из тюрьмы в зале собрания портрет царя был снят, а на его место повешены портреты Герцена и Огарева. Над ними в форме гирлянды помещены кандалы Михайлова, снятые с его ног. Бал был великолепным, народу было много, каждый старался хотя бы на минуту приблизиться к этому великому мученику. Женщины по кусочку разобрали кандалы, из которых впоследствии сделали кольца, браслеты, броши. Михайлову же на память «подарили миниатюрные золотые кандалы, украшенные драгоценными камнями («Тюменская правда». 24 ноября 1965 г.).

кого полководца А.В. Суворова) о смягчении положения Михайлова. Это, несомненно, сказалось на отношении тобольской администрации к революционеру.

«Все лица, замешанные в этом неприятном деле, – пишет Дюгамель, – были уволены от службы, а гражданский губернатор Виноградский, председатель губернского правления, прокурор, начальник жандармов и начальник полиции отданы под суд»[49] («Русский архив», 1885г. № 7 и № 10).

13 июня 1864 года (н. ст.) из тобольской тюрьмы был выведен Николай Гаврилович Чернышевский и в сопровождении двух жандармов на почтовых отправлен по истоптанному Сибирскому тракту на каторгу в Нерчинские рудники.

Две недели назад, 19 мая (31 мая по н. ст.), его вывели из Алексеевского равелина Петропавловской крепости и повезли на Мытнинскую площадь. Здесь ввели на черный помост, окруженный солдатами и полицейскими, и поставили к «позорному столбу», на котором висела железная цепь. Палач сорвал шляпу с головы Н.Г. Чернышевского, повесил на шею черную доску с надписью: «Государственный преступник» и просунул руки в кольца цепи. Так, сложив руки на груди, Чернышевский простоял у столба около четверти часа. Аудитор огласил решение суда, которым «государственный преступник» приговаривался к 7 годам каторжных работ и вечному поселению в Сибири. После оглашения приговора палач вынул руки Чернышевского из колец цепи, поставил его на колени и переломил над его головой шпагу.

Так совершился обряд «гражданской казни» Николая Гавриловича Чернышевского.

Впечатления мрачных сырых стен Алексеевского равелина, тяжелые картины «гражданской казни» на Мытнинской площади и цветы, которые бросала молодежь, рискуя подвергнуться преследованиям, проводившая его с помоста в Петропавловскую крепость, долго и живо хранились в памяти Н.Г. Чернышевского. И когда почтовая тройка уносила его под охраной жандармов через наши села – Знаменское, Бутаково, г. Тару, Такмык, Артын, Копьево и дальше на восток, недавно пережитое неотступно сопровождало непримиримого борца с самодержавием и крепостничеством.

В это же время по тракту в сторону Омска следовало «Секретное донесение» Тобольского губернатора[50] генерал-губернатору Западной Сибири:

«Считаю долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства, что государственный преступник Чернышевский 13 числа сего июня отправлен в Иркутск на почтовых в сопровождении двух жандармов на счет казны, для чего причитающиеся по расчету деньги предложено мною казенной палате ассигновать из местного казначейства.

Основанием к такому способу препровождения Чернышевского в дальнейший путь были следующие обстоятельства: 1) особенная важность преступления, за которое он ссылается, 2) известное значение Чернышевского в литературе, которое доставило ему много поклонников, преимущественно из людей молодых, способных к увлечениям всякого рода, что делало отправление его в дальнейший путь не с достаточной скоростью и с продолжительными остановками и в сопровождении не довольно благонадежного конвоя крайне неудобным, 3) чрезвычайно большой состав арестантских партий, отправляемых в последнее время из Тобольска (до 400 чел. и более) по случаю значительного скопления пересыльных арестантов в здешнем остроге, причем обыкновенный конвой едва ли может считаться достаточным и для общего наблюдения за всей партией, а особого наиболее строгого наблюдения за каким-либо отдельным лицом, следующим в партии, нельзя было и ожидать, притом же само препровождение Чернышевского общим этапным порядком, при таком недостатке надзора, с продолжительными остановками на этапах и ночлегах, не могло представляться ни удобным, ни безопасным, 4) еще менее казалось мне удобным отправить Чернышевского с партиею политических преступников или вообще лиц из привилегированных сословий, на которых во время продолжительного пути он мог бы иметь влияние и для которых при большом в последнее время составе партий, обыкновенный конвой также нельзя не признавать недостаточным, 5) вероятная продолжительность времени, на какое надо было бы остановить Чернышевского в Тобольске, если бы выжидать устранения объясненных выше неудобств от чрезвы-

чайно большого состава партий и затем отправлять его обычным этапным порядком и 6) предложение вашего высокопревосходительства от 29 мая за № 114 о скорейшем отправлении Чернышевского в дальнейший путь и о необходимости принятия при том мер предосторожности...».

Только в 1883 году после смерти Александра II Н.Г. Чернышевскому разрешено было покинуть Сибирь, переехать в Астрахань.

При возвращении из Сибири Н.Г. Чернышевского везли через Омск. Приехав в город, жандармы прямо направились с Н.Г. Чернышевским к жандармскому генералу, начальнику Сибирского жандармского округа Ходкевичу[51] (жандармское управление находилось в то время несколько выше помещения нынешней библиотеки имени Пушкина)[I].

Из Омска путь Н.Г. Чернышевского лежал через села и станицы Горькой линии: Мельничное, Степное, Курганская, Покровка, Волчанка, Николаевское, Лосево, а дальше – Петропавловск, Троицк, Оренбург, Сызрань, Астрахань[II].

Покушение Д.В. Каракозова (4 апреля 1866 года) на жизнь Александра II вызвало разгром народнического кружка, организованного Н.А. Ишутиным. 3 сентября на Смоленском поле был повешен Каракозов, члены же организации: Н.А. Ишутин, И.А. Худяков (известный собиратель народного творчества) и другие проследовали по Сибирскому тракту в Александровскую тюрьму и Верхоянскую ссылку.

По этому же тракту в Александровскую тюрьму прошли «нечаевцы» после разгрома в декабре 1869 года революционной организации «Народная расправа».

А через 11 лет проследовал выдающийся русский писатель Владимир Галактионович Короленко.

* * *

Шли годы...
В дальние края
Ползла железная дорога.

М. Кубышкин

И не встанут больше при дороге
Сторожить обозы варнаки...
...Только где ж этапы и остроги
И с двуглавым коршуном станки?

[I] Летом 1884 года в разговоре с участником революционного движения 60-х годов, бывшим членом «Земли и воли» Л.Ф. Пантелеевым (Л.Ф. Пантелеев. «Воспоминания», Госиздат, 1958) главный жандарм Сибири Ходкевич, передавая свое впечатление о встрече с Чернышевским, сказал: «Да, жандармы с ним прямо направились ко мне. Должен вам сказать, что это очень странная личность. Представь себе, он просил меня передать полковнику Келеру (иркутский жандармский начальник) и его семейству поклон и благодарность за внимание и заботы о нем, когда его провозили через Иркутск».

Просьбу о передаче Келеру и его семейству поклона Ходкевич признал несовместимой с его положением и даже удивился, как этого не понимал Чернышевский, и, не дав возможности тому отдохнуть, он сейчас же отправил его в дальнейший путь. Это было в октябре 1883 года.

[II] В Омске на 2-й Прииртышской улице д. № 18 в конце 30-х годов жила 88-летняя Лидия Антоновна по мужу Яшерова (Павел Борисович Яшеров один из видных общественных деятелей г. Омска периода 1890 – 1900 гг.). Родилась Лидия Антоновна на Александровском заводе (около Нерчинска) в семье горного инженера. Здесь в молодости она много раз встречалась и беседовала с Н.Г. Чернышевским, который часто приходил в дом ее родителей. Жил он в это время в доме дьячка местной церкви, где занимал небольшую комнатку с двумя окнами на улицу. Обед приносили ему из тюрьмы. До поздней ночи засиживался Николай Гаврилович в доме инженера. Он хорошо рассказывал, но еще лучше импровизировал. С большим интересом слушал рассказы матери Лидии Антоновны о ее встрече с Петрашевским, Момбеле, Спешневым и др, а также воспоминания тети Лидии Антоновны о женах декабристов. Здоровье было плохое у Николая Гавриловича, но он, как рассказывала Яшерова, имел хорошее отзывчивое сердце. Он всегда был готов помочь нуждающимся, хотя сам жил в крайней нужде («Омская правда», 29 окт. 1939 г.).

Проскакало прежнее на тройке,
С золоченой писаной дугой.
Гулеваны, ямщики, попойки,
Эх, не вам ли петь за упокой?

Михаил Бельский[52]

В 90-х годах прошлого столетия через Сибирь прошел Великий Сибирский железнодорожный путь. С этого времени Старый Московско-Сибирский тракт потерял былое свое значение и известность.

Отзвучали на тракте колокольцы ямщиков, смолк обозный скрип телег и саней. В далекое прошлое отошли ритмичный лязг кандалов, окрики конвойных, слезы и проклятия. Лишь в редких местах сохранились обуглившиеся нижние венцы этапов и полуэтапов, поднимающих в памяти вихрь ассоциаций.

Сгнили на обочинах дороги грубо сколоченные кресты, венчавшие арестантские могилы. Упали старые, много видавшие на своем веку березы. Срыты боковые валы, засыпаны канавы, сужено полотно, отдельные участки тракта покрылись асфальтом с повисшими по сторонам стальными проводами, местами же, где цепи мели дорожную пыль, прошел плуг, склонилась пшеница. Старый Московско-Сибирский тракт ушел в прошлое.

На волнах и берегах Иртыша[1]

«Я с юных лет мечтал об Иртыше …»
Гумбольдт, 11 июля 1829 г.

«Иртыш, самый Иртыш, как сын Азии, так мечталось, будто бы запылясь за границей в своем кочеванье, купается в водах Зайсана, дабы явиться в приличии к краю державы европейской. Все однако ж, с буйностью проходят между грозных и поэтических теснин нашего Алтая, он применяется к общежитию не прежде, как в Усть-Каменной, и подходит к нам в скромном течении…».

П.А. Словцов
«Прогулка вокруг Тобольска в 1830 г.»

1970 г.

В прошлом Иртыш являлся большой военной, торговой, дипломатической и исследовательской дорогой. С Иртышом связан ряд событий, и он, как и многие другие реки страны, не только географическое понятие, но и исторический памятник. Спокойная гладь и мутные высоко поднимающиеся волны реки, ее берега были ареной многих исторических событий.

Около 4 тысяч лет тому назад, когда на берегах Иртыша впервые задымились костры и его окрестности огласились человеческими голосами, с этого времени Иртыш стал

связующей нитью разбросанного на громадном пространстве бассейна реки населения – первых засельщиков края.

Жители древнейших поселений – Екатерининской стоянки (в устье речки Абросимовки, Тарского района Омской [области] на левом берегу Иртыша возле магистрального моста) и др. вели товарный обмен с более южными районами, Казахстаном, который совершался по волнам многоводного Иртыша. На юг, вверх по реке, медленно двигались примитивные бревенчатые плоты и лодки однодеревки с одетыми в звериные шкуры людьми, направлявшими добычу трудов своих – продукты охоты и лова на обмен.

С юга по течению Иртыша в обратный путь спускались плоты и лодки, нагруженные отборным гранитом, диоритом, кремнем, медной рудой для изготовления наконечников стрел, копий, ножей, скребков, клиньев, топоров, [а] также для отливки предметов быта, украшения.

С этого далекого времени Иртыш стал на службу человеку.

Иртыш являлся большой торговой дорогой[I], связывающей Среднее Прииртышье со Средней Азией. Торговая связь между этими удаленными на тысячи километров областями началась еще до прихода в Прииртышье татар (до XIII – XIV вв.). В период же существования здесь Сибирского царства торговые связи по реке значительно расширились. Но особенно увеличилась торговля Прииртышья со среднеазиатскими ханствами с присоединением Сибирского царства к России: Бухара, Хива и др. страны вошли в тесный торговый обмен с годами Тарой и Тобольском.

Восточным купцам здесь в конце XVI века были представлены, в противоположность торговле с европейскими городами, самые льготные условия торга. В грамоте царя Федора Ивановича Тарскому воеводе Федору Елецкому[2] от 31 августа 1596 г. указывалось: «а которые бухарцы и нагаи торговые люди тезики учнут к вам на Тару с товары приезжати или из Нагаи с лошадьми или с иными, с какими товары, и вы б тех бухарцом и нагайцом торговым людем велели с нашими русскими людьми и с юртовскими татары на Таре торговати безпошлинно, а наших никаких таможенных пошлин с них имати не велели и береженье и ласку к ним держали великую и обиды б им и насильство никакого не было, чтоб им впредь повадно было со всякими товары приезжати»[II].

Со Средней Азии, по безводным степям шли длинные караваны верблюдов с продукцией юга к Иртышу. У Иртыша, где ныне г. Усть-Каменогорск, также выше и ниже по реке, вьючное движение оканчивалось. Тюки с товарами[III] перегружались на лодки, дощаник, плоты. Здесь были: хлопчатобумажные, шелковые и льняные ткани, готовые текстильные изделия: кушаки, ширинки, ковры, краски, предметы вооружения и конское снаряжение[IV].

Плавно вниз по реке шли караваны на север. На солнце ярко пестрели цветные хивинские и бухарские халаты, далеко разносился по реке восточный говор. Каждый день – утром, в полдневные и вечерние часы купцы возносили молитвы Аллаху и пророку Магомету о благополучном исходе далекого пути. А когда реку покрывала ночь, на плотах зажигались костры, готовилась пища, кипятился чай. В опасных местах на ночь караван причаливал к берегу и только с рассветом он продолжал свой путь.

По мере продвижения на север перед взором купцов проходили горные теснины Алтая, ковыльные степи Казахстана, тучная лесостепь Приомья, нетронутые урманы тарские и таежная глушь тобольская.

Окончив торг в Таре и Тобольске, далекие гости отправлялись в обратный путь. И опять той же дорогой, на тех же плотах и дощаниках, но с другой, северной кладью: кожами и кожевенными изделиями, мехами, предметами вооружения, деревянными из-

---

[I] *Далее в машинописный текст внесены исправления синей пастой (слова* «связывающей» *и* «со»). – *Прим. сост.*

[II] М.В. Фехнер. Торговля Русского Государства со странами востока в XVI веке. М. 1952, стр. 128.– *Прим. А. Палашенкова.*

[III] *Далее часть слова вписана синей пастой* («перегружались»). – *Прим. сост.*

[IV] Там же. стр. 117. – *Прим. А. Палашенкова.*

делиями, шерстяными тканями, одеждой, воском, медом, ловчими птицами, мамонтовой костью и красками[I].

Обнаруживаемые на прибрежье Иртыша восточные металлические изделия (блюда, чаши, китайские зеркала и др.) с причудливыми украшениями – свидетели былых связей со среднеазиатскими ханствами, Персией, Индией и Китаем, проходивших по великой сибирской реке.

А в Таре и поныне живут потомки бухарских купцов, предки которых осели здесь ради торговых выгод, в 1773 г., как сообщает академик Паллас[3], в Таре было 282 бухарца[II].

* * *

В сентябре 1581 г. из Тобола в Иртыш вошла[III] казачья флотилия во главе с атаманом Ермаком. По Иртышу казаки поднялись до Заостровных юрт (расположены на левом берегу Иртыша, против нынешнего г. Тобольска), где[IV] Ермакова дружина взяла городок мурзы Атика. Из этого городка 23 октября казаки пошли в наступление на хана Кучума, сосредоточившего свое многочисленное войско (до 10 тысяч человек) на правом берегу Иртыша у мыса Чуваш (в 3-х км вверх по реке от нынешнего Тобольска). «И бысть брань великая». Обе вражеские стороны сошлись настолько близко, что «друг друга за руки емлюще сечахуся». Войско хана, руководимое его племянником Маметкулем, было разбито. Кучум бежал в столицу Искер (в 17 км от места битвы вверх по реке). «И взя нечто мало от сокровищ своих», бежал «а град Сибирь (Искер) оставиша пуст…»[4].

26 октября Ермак вошел в столицу Кучума – Искер, расположенную у устья речки Сибирки.

Отсюда 22 декабря 1581 г. был послан в Москву атаман Иван Кольцов с челобитной царю Ивану IV, «принося вину свою и изъявляя службы, яко низложил Кучума царя прегордого, и вся грады его понят, и многих князей и мурз татарских, вогульских и остяцких с прочими языки под державную руку его привел и ясак собрал, и послал тебе государю»[V].

Из Искера казаками предпринят ряд военных выступлений.

В 1585 году был совершен последний[VI] поход Ермака и его 50-ти дружинников. Казачья дружина поплыла [VII] на стругах по Иртышу от Искера до устья реки Шиш.

По пути следования казаки приводили в подчинение расположенные по берегам реки татарские городки.

Первым таким[VIII] городком был городок Бегиша, расположенный невдалеке от Вагая. Далее казаками были взяты Шамша, Рянчик, Салы и Каурдак[IX] (в Каурдаке все население от казаков скрылось в хвойный лес).

Затем Ермак подступил к Саургачу (Саургаш-аул) нынешнего Усть-Ишимского района.

Саургач-аул[X] расположен на излучине левого берега Иртыша. Здесь, как пишет Миллер, было оказано сопротивление Ермаку со стороны некоего татарского старосты[5]. Но[XI] сопротивление старосты было сломлено, и он был приведен в подчинение[XII].

[I] М.В. Фехнер. Торговля Русского государства со странами востока в XVI веке. М. 1952, стр. 118. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[III] *Слово* «казачья» *вписано автором от руки синей пастой. – Прим. сост.*

[IV] *Далее зачеркнуто* «казаками был взят»; *фраза* «Ермакова дружина взяла» *вписана карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[V] Летопись Ремезова, статья 84. – *Прим. А. Палашенкова.*

[VI] *Далее слово* «поход» *вписано от руки синей пастой. – Прим. сост.*

[VII] *Фраза* «казачья дружина поплыла» *вписана от руки синей пастой. – Прим. сост.*

[VIII] *Далее вычеркнута фраза* «который оказал сопротивление Ермаку», *замененная словом* «городком», *вписанным над строкой автором от руки синей пастой. – Прим. сост.*

[IX] *Конец фразы заключен в круглые скобки, поставленные от руки синей пастой. – Прим. сост.*

[X] *Далее вычеркнута фраза* «Усть-Ишимского района». *– Прим. сост.*

[XI] *Предлог вписан от руки синей пастой. – Прим. сост.*

[XII] Миллер «История Сибири», стр. 259. – *Прим. А. Палашенкова.*

Дальше вверх по Иртышу лежал татарский городок Тювенда (Тебендя). В конце XVI века городок принадлежал князьку Елыгаю – потомку ишимского хана Саргачика. Князец слышал о добром отношении Ермака к тем, кто добровольно присоединяется под его руку. И когда Ермак подошел к городку и потребовал уплаты ясака, Елыгай уплатил ясак полностью и сверх того преподнес атаману богатые подарки.

Целование атаманской сабли инордцами в знак покорности и преданности российскому государю. Фотография с акварели Н.Н. Каразина. 1891 г.

Передают, что Елыгай предложил Ермаку свою красавицу дочь в жены. Но Ермак отклонил это предложение.

«И привел ему прекрасную дочь свою в честь и в дар, – повествует Ремезовская летопись[6]. – Ермак же не принял и оберег и прочим запретил, ея же доступал Кучум за сына своего взяти, та бо девка роду ханска Саргачика царя, прекрасна»[I].

В 1631 году на месте городка был[II] построен Тебендинский острог.

Усть-Ишим[III]. Летопись повествует, что в начале на реке Ишиме правил хан Он-Сон. При впадении реки Ишим в Иртыш, на крутом Красном Яру (по-татарски Кизыл-Яр) Он-Сон имел свою резиденцию – укрепленный городок, окруженный тремя валами. Город этот назывался Кизыл-Тура[7].

В августе 1585 года на устье Ишима между Ермаком и татарами произошла битва. Сражение это тем примечательно, что с обеих сторон, как повествует летопись, бились не оружием, а одними только руками[IV], – настолько была неожиданна с обеих сторон эта схватка. Победителями остались казаки, из числа которых пятеро были убиты.

«И[V] тех пяти человеках татары поют с плачем при беседах в песнях, припеваючи: «яным, яным, биш казак, биш казак», сиречь: воины, воины, пять, пять человек победише и разорише. И сия песня[8] словет «Царицын плач»[VI].

[I] Летопись Ремезова, статья 100-я. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] *Слово* «был» *вписано карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[III] *Здесь и далее сохранено авторское подчеркивание слов. – Прим. сост.*

[IV] *Над словом* «руками» *сделана запись карандашом* «врукопашную». *– Прим. сост.*

[V] *Перед приведенной цитатой в кавычках значится заглавие* «Царицын плач». *Заглавие зачеркнуто синей пастой, предлог* «и» *обведен от руки и открывает цитату. – Прим. сост.*

[VI] Летопись Ремезова, статья 100. – *Прим. А. Палашенкова.*

Позже, в 1630 – 1631 годах, для сберегания Прииртышских татарских волостей от калмыков и кучумовичей ниже Ишима на Иртыше был построен острог.

Поднимаясь вверх по реке, Ермак дошел до укрепления Кулары[I], на западном берегу Иртыша при озере Аусаклу. Кулары были сильно укреплены. «И во всем верх Иртыша крепче его нет». Кулары служили хану Кучума для защиты границ от калмыков. Ермак сделал попытку взять Кулары, но простояв под крепостью пять дней, отложил овладение ею до более благоприятного времени: «Назад де поворотясь приберем»[II].

За Куларами находился городок Ташаткан[9], нынешнего Тевризского района. Его жители участвовали в битве с Ермаком под Чувашским мысом и воочию убедились в силе казацкой. Поэтому, когда в августе 1585 года Ермак подошел к Ташатканам, татары сразу же приняли его власть и принесли все, что от них потребовал атаман.

Как повествует Летопись, в Ташатканах Ермак и его дружинники видели камень, упавший с неба: «И в том городке спал камень с небес, величество как бы возпанми (воз саньми, – так расшифровывается возпанми – **А.П.**), видом багров, и от него де временем восходит стужа, дождь и снег. И с сем Ермак с товарищами дивился божию деянию»[10]. Ремезов приводит в Летописи также и рисунок: татары показывают Ермаку свою диковинку. На земле, под открытым небом, лежит большая глыба, с одной стороны ее стоит Ермак, с другой – четверо татар. Ермак изумленно разводит руками.

Профессор П.Л. Драверт считает, что упоминаемый в Летописи «Камень с небеси» – это упавший в XV – XVI веке в Ташатканах метеорит. До настоящего времени ташатканские татары рассказывают об упавшем с неба камне.

Последний пункт, до которого дошел Ермак, был Шиш-Тамак[11] Знаменского района. Ермак остановился в устье реки Шиш. Здесь находились татарские юрты Шиш-Тамак (Тамак – по-татарски означает устье). Некоторые из жителей Шиш-Тамака раньше были захвачены казаками в плен, из которого бежали.

Население Шиш-Тамака жило в большой бедности. Это заставило Ермака отнестись к нему более снисходительно; он отказался принять от здешних татар не только ясак, но и подарки.

Южнее устья реки Шиш Ермак не пошел. Отсюда он направился в обратный путь.

Дойдя до Вагая, Ермак расположился ночевать. Утомленные походом казаки крепко заснули. Была глубокая ночь.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали...
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

А тем временем,

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках, –
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак пробудился ото сна, когда никого из его дружинников не осталось в живых. Он пробился сквозь неприятеля к берегу реки, где были оставлены струги. Но бурей струги были сорваны с причала. Ермак бросился в холодные воды Иртыша, к стругам,

---

[I] На картах Омской области в настоящее время значатся – Большие Кулары, Малые Кулары и Кипо-Кулары. Городок Кулнары (Кулары), о котором повествует Летопись, находился, мы полагаем, на месте Малых Кулар. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] Летопись Ремезова, статья 101. – *Прим. А. Палашенкова.*

Но далеко от берега челны…
Плывет… уж близко челнока, –
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь – дар царя
Стал гибели его виною[I].

К.Ф. Рылеев. «Смерть Ермака».

Погиб Ермак в ночь на 6 августа 1585 г. А 13 августа, как повествует летописец: татарин Яныш (внук князя Бегиша)[II], ловивший в Иртыше у Епанчинских юрт рыбу, увидел человеческие ноги, торчащие из воды. Он сделал петлю, забросил ее в воду и вытащил тело[III] Ермака. Собралось много татар посмотреть на знаменитого атамана[IV]. Его доспехи были разделены между мурзами. Похоронили Ермака, как говорит сказание, на Баишевском кладбище под кудрявой сосной[12] и здесь[V], по татарскому обычаю, был устроен большой погребальный пир[VI].

1594 год. Из Тобольска вверх по Иртышу до речки Аркарки (левый приток Иртыша) проследовала экспедиция, возглавляемая князем Андреем Елецким[13]. Наказом царя Федора Ивановича на Елецкого было возложено «идти города ставить вверх Иртыша, на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести, и Кучума царя истеснить, и соль устроить…»[14]. Экспедиция состояла из каравана судов и конных всадников.

Суда шли под командой двух татарских голов Баязета и Байбахты; на них находилась «судовая рать» в числе 150 человек ясачных татар, вооруженных пищалями, для работы на судах. На суда погружены были хлебные запасы: 500 четвертей муки ржаной, 100 четвертей крупы, 100 четвертей толокна, 70 пудов соли и всякий наряд: пищаль в 4 гривенки ядро, а к ней 200 ядер железных, 2 пищали девятирядные, 2 гривенки ядро, а к ним 400 ядер железных, 10 пищалей затейных и к ним 2000 ядер, 50 пудов зелья, 50 пудов свинца, 10 пудов железа для городского дела, 35 медных котлов весом 9 пудов с четвертью для мены на соболей и лисиц черных.

По берегу реки ехали конники. Всего на строительство нового города направлялось 1541 человек – конных и пеших людей, в их числе, кроме князя Андрея Елецкого, два

[I] В «Сборнике русской и иностранной литературы», № 1 за 1915 г. приводится несколько отличная от летописного сказания легенда о гибели Ермака, записанная со слов лодочника, перевозчика через Иртыш. «…Видит Тимофеевич – дело плохо: дружина перебита, спасенья нет. Как был в тяжелых золотых доспехах рыцарских, так и булатых в реку. Плывет, из сил выбивается, а берега еще не видно. И говорит ему ИРТЫШ-река:

– Жалко мне тебя, храброго богатыря, нагонит тебя стрела каленая и убьет. Давай схороню тебя на своем глубоком дне в камышах и песке.

– Согласен, – сказал Ермак, и погрузился на дно и там лежит по сей час.

Отлежит один бок, на другой перевернется, и вся река всколыхнется, и пойдут по ней гулять волны. Плохо будет тому, кто в это время плывет, того и гляди – валом захлестнет». – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] *Фрагмент текста был изменен автором. Первоначально предложение выглядело следующим образом:* «А 13 августа, как повествует летописец, ловивший в Иртыше у Епанчинских юрт рыбу татарин Яныш (внук князя Вегиша) увидел человеческие ноги, торчащие из воды». *Изменения в построении предложения внесены карандашом. – Прим. сост.*

[III] *Первоначально в рукописи значилось слово* «труп». *Изменения внесены карандашом. – Прим. сост.*

[IV] *Первоначальный вариант* «мертвеца» *зачеркнут карандашом, над строкой подписано:* «атамана». *– Прим. сост.*

[V] *Слово вписано от руки синей пастой. – Прим. сост.*

[VI] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

письменных головы – Борис Доможиров[15] и Григорий Елизаров, подьячий «государевы всякие дела писать» – Крянка Иван, сотники и др., также московские стрельцы, казанские, свияжские, тюменские и иных городов татары, башкиры, пленные поляки, черкасы, литва, пермские плотники.

Тишина реки была разбужена плеском весел и топотом конских копыт. Подобного оживления Иртыш не знал. Суда и конники остановились у речки Аркарки, где и был заложен новый город Тара[I].

В 1595 году из Москвы в Тару был послан новый воевода князь Федор Елецкий и с ним письменный голова Василий Хлопов.

Новый воевода, как и его предшественник, прибыл из Тобольска в Тару по великой сибирской реке – Иртышу. Вместе со служилыми людьми на судах были доставлены хлебные запасы и деньги служилым людям на жалованья, также пищали «со всякими пищальными запасы», зелье, свинец. В наказе царя воеводе предлагалось: «И пришед на Тару держать тот наряд в государеве казне для походу на Кучума царя»[II].

С постройкой Тары значительно оживился Иртыш, сначала от Тары до Тобольска, а затем и в направлении Ямышевских соленых озер[III].

В 1601 году первое упоминание о посылке по Иртышу за солью к озеру Ямышеву.

Разрешение соляного вопроса являлось важной проблемой для старой Сибири. Соляные озера лежали по Иртышу в калмыцкой земле[IV]. От них Тобольск был удален на большом расстоянии. С постройкой г. Тары русские приблизились к озерам и тарские служилые люди проложили широкий путь к соляному Ямышеву озеру, откуда по Иртышу шли груженые солью дощаники, доставлявшие по несколько десятков тысяч пулов соли ежегодно.

В 1621 году «ходили по соль к Ямышу озеру Литовского списку литовский ротмистр Бартош Станиславов с тобольскими и всех городов служилыми людьми караваном; и в те поры учинилась измена от литовских и от немецких людей: хотели русских служилых и всяких людей посечь и в поле убежати на Яик реку; того же году и соли не взяли, прибежали в Тобольск…»[V].

На дощаники грузили соли по 3 – 4 тысячи пудов. «Служилые люди, нагрузя дощаники солью, плывут вниз реки Иртыша к Тарскому городу и приплывают в 2 недели и больше. А степью верховою ездою скорою к Тарскому городу приезжают в 2 недели и больше»[VI].

С левой стороны Иртыша у Борщова Яра, к[ило]м[етрах] в 4-х от Черлака вверх по Иртышу, делались остановки флотилий для осмотра судов и отдыха[VII].

В 1626 г. из Тобольска по Иртышу предпринято было плавание казацкого головы Грозы Ивана[16] и Дмитрия Черкасского[17]. Им было поручено выяснить[VIII] возможности постройки на Ямышевском озере острога для свободного вывоза соли. В связи с тем, что там не найдено было пахотной земли, лугов и леса, – постройка острога была отложена, и по-прежнему решено было посылать за солью вооруженные флотилии. Но вместе с тем было признано полезным «для калмыцкого бережения» продвинуться вверх по Иртышу до реки Оми[IX].

[I] Г.Ф. Миллер. «История Сибири», т. 1, 1937 г. стр. 288, 289, 354 – 361. – *Прим. А. Палашенкова. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста.– Прим. сост.*

[II] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[III] Там же. стр. 363, 366. – *Прим. А. Палашенкова.*

[IV] Южная граница Сибири не была твердо определена. Русские ее считали у Ямышева озера, а джунгары на реке Оми. Здесь был их перевоз через Иртыш, откуда они совершали набеги на подъясачных русским барабинских татар. – *Прим. А. Палашенкова.*

[V] Г.Ф. Миллер. «История Сибири», т. II, 1941 г. стр.559 - 560. – *Прим. А. Палашенкова.*

[VI] Чертежная книга Сибири Ремезова. Л. 3. – *Прим. А. Палашенкова.*

[VII] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[VIII] *Начало фразы* «Путешествие было предпринято для выяснения» *вычеркнуто карандашом, вписано карандашом* «Им было поручено», *слово* «выяснение» *изменено за счет добавления глагольного окончания. – Прим. сост.*

[IX] Рус. историч. библиотека. Спб., 1884 г., том VIII, стр. 335 - 338. – *Прим. А. Палашенкова.*

Вскоре после того, как в 1696 году[I] калмыки[II] разбили тарский караван, из Тобольска в 1699 году был отправлен оснащенный вооружением[III] большой караван из 25 дощаников, к которым в Таре присоединилось еще 5. На них под командой дворянина Феофилова было посажено воинских людей: стрельцов, пушкарей, барабанщиков, казаков конных, пеших и татарских с рабочими, при сотниках и атаманах, около 840 человек. Погружено пищалей медных 11 с железными ядрами 2-х и 3-х фунтовыми до 314, ружей приличное число, пороху 79 пудов и свинцу 50 пудов, фитиля по расчету, и полковое из камки знамя. Приказано плыть и останавливаться с лагерными осторожностями. По достижении соляного озера приказано было построить 3 острожка, на берегу Иртыша, на самом озере и в промежутке между ними, а тайшам, если они оказались бы здесь на кочевке, предложить подарки: половинку гамбургского сукна, 6 ведер горячего вина, 2 пуда меду, 2 четв[ертей] ржаной муки, 1 четв[ерть] круп.

После погрузки соли[IV] открыли ярмарку с калмыками с запрещением променивать военные статьи и выменивать ревень или китайский табак. Караван благополучно возвратился[V] в Тобольск[VI].

В XVIII в. по Иртышу, кроме соляных, шли значительные хлебные перевозки для снабжения гарнизонов, выдвинувшихся далеко на юг крепостей. Для работы на судах посылались ссыльнопоселенцы и вольнонаемные[VII].

В конце июня 1655 года из Тобольска выехало большое русское посольство в Китай.

Путь следования посольства проходил вверх по Иртышу через Тару и далее по Иртышу до озера Зайсан и через пустыню Гоби в столицу Китая – Пекин (Канбалык).

Посольство возглавлял служилый человек Федор Байков[18]. В составе посольства находился и индийский купец Барты Матриев со своим кашеваром Тылякой. А всего в посольство входило более ста человек.

Перед экспедицией Байкова стояла задача дипломатического характера.

Ему[VIII] предписывалось[IX] в гонцах в Китай с грамотою от царя Алексея Михайловича, узнать о вере, обычаях народа, о торговле в Китайском государстве.

Первое русское посольство, однако, не достигло желаемых результатов. Этому помешали мандарины (царские чиновники). Они поставили Байкову неприемлемые условия встречи с царем-богдыханом, а русский посол не пошел «на поруху государевой чести». И 4 сентября 1657 года, оставив Пекин, он двинулся в обратный путь.

В середине июля 1658 года Байков подошел к устью Тары, а через некоторое время был в Тобольске.

Федор Байков обладал большой памятью и наблюдательностью, и поэтому, несмотря на его неграмотность, отчет о путешествии в Китай (записан с его слов в приказе Большого дворца) является выдающимся произведением своего времени, известным под названием «Статейного списка Байкова».

Путь от Тобольска до Тарского города и дальше до устья реки Оми, где «живут на устье тоя реки Оми Тарского города служилые люди для рыбной ловли», был хорошо известен многим участникам посольства, но тем не менее Байков и здесь не пропустил

[I] *Далее зачеркнуто карандашом* «был разбит». – *Прим. сост.*

[II] *Далее рукописная вставка синей пастой* «разбили тар» *(фрагмент текста между машинописными отрывками* «калмыки» *и* «ский караван из Тобольска»). – *Прим. сост.*

[III] *Далее вписано слово* «большой» *карандашом над строкой.* – *Прим. сост.*

[IV] *Далее в машинописном варианте значилась фраза* «предложено открыть», *зачеркнутая и замененная словом* «открыли», *проставленным карандашом над строкой.* – *Прим. сост.*

[V] *Конец фразы вписан синей пастой.* – *Прим. сост.*

[VI] П.И. Словцов. Историческое обозрение Сибири. 1886 г. стр. 110. – *Прим. А. Палашенкова.*

[VII] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста.* – *Прим. сост.*

[VIII] *Слово* «ему» *вписано карандашом в начале предложения.* – *Прим. сост.*

[IX] *Далее в машинописном тексте следует слово* «ему», *вычеркнутое карандашом.* – *Прим. сост.*

ничего значительного. На этом маршруте он отмечает устье рек: Вагая, Ишима, Муя (Уя), Тары, Камышлова и других, отмечает также существование Тебендинского и Тарского острогов.

От устья Оми до Белых вод, куда русские ходили за солью на Ямышево озеро, Байков[I] также[II] запомнил характер берегов и притоков Иртыша.

Белых вод посольство достигло 17 сентября 1655 года.

8 марта 1657 года Байков подошел к Пекину, где пробыл шесть месяцев. Он дал довольно подробное описание столицы китайского государства[III].

Через четыре года после Байкова[IV] по Иртышу последовало в Китай посольство, снаряженное в Москве в 1659 году. Возглавлял посольство тарский сын боярский Иван Перфильев[19]. Посольство следовало тем самым путем, который открыт был Федором Байковым. Перфильев вез богдыхану грамоту от царя Алексея Михайловича, в которой он просил согласия на торговые сношения между обоими государствами. Посольству на этот раз[V] сопутствовала удача: Перфильев[VI] был принят богдыханом, одарен подарками и привез в Москву первые 10 пудов чаю в Россию[VII].

В XVII и первой половине XVIII веков Иртыш являлся естественным рубежом, живой преградой от вторжения степных кочевников на правую сторону реки для «воровских дел», грабежа.

На старых картах и в памяти народной запечатлены места «воровских»[VIII] переправ кочевников через Иртыш.

В Чертежной книге Сибири С.У. Ремезов на листе 3-м отмечает: «Степь от казачьей орды. А приходят казаки к Иртышу реке и плавятца выше и ниже озера Ямышево, приход их бывает в Тарские уезды, в барабинские и в тунуские волости. А назад переплавливают Иртыш реку на усть Черлаку, на Баршовом яру»[IX].

«Киргизский перелаз» через Иртыш находился, как передают старожилы, на месте нынешнего поселка Берегового (бывш[ая] дер[евня] Харино) Омского района.

В XVIII веке здесь был построен форпост.

У села Любино-Старожильческое Любинского района протекает безымянная речка[20]. В XVIII веке и первой половине XIX [века][X] она называлась «Воровская речка». Такое[XI] название[XII] возникло в связи с тем, что глубокий [XIII]овраг, по которому она течет, служил воровской дорогой степных кочевников.

[I] *Фраза* «глава посольства», *содержавшаяся в машинописном тексте зачеркнута, над строкой карандашом вставлено слово* «Байков». – *Прим. сост.*

[II] *Далее вычеркнуто синей пастой слово* «крепко». – *Прим. сост.*

[III] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста.* – *Прим. сост.*

[IV] *Далее пометка карандашом, заключающаяся в перемене местами фрагментов текста* «проследовало» *и* «по Иртышу». – *Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнута фраза* «имела удачу», *карандашом над строкой вписан глагол* «сопутствовала», *к машинописному слову* «удачу» *добавлено соответствующее падежное окончание.* – *Прим. сост.*

[VI] *Далее следует сочетание слов* «принят был», *с отметкой карандашом необходимости перемены их местами.* – *Прим. сост.*

[VII] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста.* – *Прим. сост.*

[VIII] *Слово* «воровских» *заключено в кавычки, поставленные от руки карандашом.* – *Прим. сост.*

[IX] На урочище Баршовом яру в XVII – XVIII веках останавливались для осмотра судов и отдыха экспедиции, посылавшиеся на Ямышево озеро за солью. – *Прим. А. Палашенкова. В машинописном тексте сноски пропущено слово* «осмотра», *вписанное с краю страницы от руки синей пастой.* – *Прим. сост.*

[X] *Далее в машинописном варианте поставлено слово* «речка», *зачеркнутое карандашом и подписанное над строкой* «она». – *Прим. сост.*

[XI] *Слово* «такое» *вписано от руки карандашом над строкой в начале предложения.* – *Прим. сост.*

[XII] *Далее в машинописном тексте значится словосочетание* «речка получила», *зачеркнутое карандашом и замененное словом* «возникло», *вписанным над строкой.* – *Прим. сост.*

[XIII] *Далее от руки синей пастой вписана фраза* «по которому она течет, служил». – *Прим. сост.*

Сохранилось предание[I], что «воровская»[II] переправа через Иртыш находилась также и там, где в настоящее время дер[евня] Горная Бития Горьковского района[III].

Летом 1715 г. по Иртышу проследовала экспедиция подполковника Ивана Дмитриевича Бухольца[21], на которого указом Петра I от 22 мая 1714 года было возложено важное и вместе с тем трудное дело: идти вверх по Иртышу в Малую Бухарию, в Эркети (Яркенту), где «по донесению бухаретина Нефеса сказывают о большом нахождении золотого песка».

Экспедиция вышла из Тобольска в июле 1715 г. В состав экспедиции входило 33 дощаника под парусами и 27 многовесельных лодок. На них находились: два полка пехоты, 700 человек драгун при 8 офицерах, 70 мастеровых людей, в их числе 1 рудный мастер, всего было 2932 человека. Из вооружения находились: мортира медная пудовая 1, мортир медных пятифунтовых 14, пушек семифунтовых 2, шестифунтовых 2, трехфунтовых 6, двухфунтовых 3, пушек чугунных трехфунтовых 25, фунтовых 2.

С экспедицией из Тобольска было отправлено 12 торговых судов. В Таре отряд получил 1500 лошадей под драгун, которые ехали по берегам Иртыша, неся охранную и разведочную службу.

В августе-начале сентября 1715 г. экспедиция прошла по Иртышу в пределах Омской области, миновав устье Оми без задержки.

1 октября 1715 г. экспедиция прибыла к Ямышеву озеру и здесь при речке Преснухе был разбит лагерь.

Попытка И.Д. Бухольца укрепиться на речке Преснухе потерпела неудачу. Русский отряд был окружен со всех сторон джунгарами. Отрезанный неприятелем среди снежных пустынь, отряд Бухольца[IV] понес большие потери от цинги и сибирской язвы[V] и вынужден был оставить лагерь, потеряв три четверти людского состава[VI].

Сибирские казаки у строений Иртышской крепости. XVIII столетие. Фотография с акварели Н.Н. Каразина. 1891 г.

[I] *Сочетание* «сохранилось предание, что» *вписано от руки карандашом взамен перечеркнутого слова* «передают». – *Прим. сост.*

[II] *Слово* «воровская» *заключено автором в кавычки, проставленные карандашом. – Прим. сост.*

[III] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[IV] *Далее в текст внесены изменения: первоначально карандашом, затем поверх него – синей пастой вписано слово* «понес». – *Прим. сост.*

[V] *Далее вписан предлог* «и» *синей пастой над строкой. – Прим. сост.*

[VI] *Далее вычеркнуто слово* «и лошадей». – *Прим. сост.*

В то время, когда экспедиция Бухольца находилась на Преснухе, туда из Тобольска был направлен караван, состоявший из 700 человек, по большей части купцов и промышленников из Тобольска, Тары и Томска. Участники каравана имели в виду открыть торг с калмыками у построенного Бухольцем укрепления. Кроме того, караван вез запасы для экспедиции Бухольца и посланные губернатором Гагариным 20 тысяч рублей казенных денег для раздачи войску жалованья. При караване находились[I] капитан[II], поручик, несколько солдат и шведских пленных, в том числе швед рудознатец штык-юнкер Иоган Ренат. Не доходя 52 верст до Ямышевской крепости, в степи при Иртыше, на месте Корякова Яра[22], на караван напал большой[III] калмыцкий отряд. Целый день участники каравана храбро защищались[IV], но, в конце концов, были захвачены в плен, караван разграблен.

В[V] апреле 1716 г. по Иртышу проследовали два посланца из лагеря Бухольца с известием губернатору Гагарину о тяжелом положении отряда. Несмотря на бдительность калмыков, по вскрытии Иртыша осажденным удалось в ночное время высадить в лодке на большую льдину[VI] своих посланцев, окружив льдом так высоко, что ни лодки, ни людей не видно было. Таким образом, вестники между неприятелями прошли благополучно. А когда увидели себя в безопасности, спустили лодку на воду, сели в нее и привезли губернатору нерадостное известие[VII].

Летом 1717 года тарский воевода направил по Иртышу сына боярского Павла Свиерского с командою казаков для постройки между Омской и Ямышевской крепостями новой малой крепости. Свиерский с командою построил на высоком крутом берегу Иртыша Железинскую крепость[VIII].

Тем же летом[IX] по Иртышу от Тобольска до Омска и далее до Ямышева[X] проследовал подполковник Прокофий Ступин – «человек в воинских делах искусный». С ним находились – Тобольский обер комендант Семен Карлов, солдаты и казаки. В Ямышеве вместо четырехугольного острога, построенного в 1716 г., Матигоровым была сооружена «регулярная крепость…». В 1718 году Ступин привел в полное[XI] состояние крепость Семипалатинскую и приказал построить крепость Убинскую[XII].

[I] *Далее зачеркнуто синей пастой слово* «один». – *Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто слово* «один». – *Прим. сост.*

[III] *Далее внесены изменения в машинописный текст карандашом, поверх него синей пастой вписано* «калмыцкий отряд». *Словосочетание продублировано карандашом над строкой.* – *Прим. сост.*

[IV] *Словосочетания* «Храбро защищались» *и* «участники каравана» *обведены карандашом с указанием стрелкой мест переноса их в тексте. Изначально фраза была построена следующим образом:* «Целый день храбро защищались участники каравана, но, в конце концов, были захвачены плен, караван разграблен». – *Прим. сост.*

[V] *Далее слово* «апреле» *вставлено от руки синей пастой поверх текста, записанного карандашом и затертого. Вся дата* («апреле 1716 г.») *подчеркнута карандашом.* – *Прим. сост.*

[VI] *Далее от руки вписано синей пастой слово* «своих» *над строкой.* – *Прим. сост.*

[VII] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. На полях комментарии редактора (?) карандашом:* «Тут очень запутано и противоречиво, на какую под воду они вышли зимой… Лучше подробности убрать)». – *Прим. сост.*

[VIII] Миллер. Известие о песошном золоте в Бухарии. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Февраль 1760 г. стр. 115 – 116. – *Прим. А. Палашенкова. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста.* – *Прим. сост.*

[IX] *Фраза* «тем же летом» *вписана от руки синей пастой в текст поверх затертого фрагмента предложения. Над строкой словосочетание продублировано карандашом.* – *Прим. сост.*

[X] *Следующее слово* «проследовал» *было подвергнуто изменениям, отчасти затерто. Над строкой над словом внесены поправки карандашом. Текст поправок затруднителен для прочтения.* – *Прим. сост.*

[XI] *Так в рукописи.* – *Прим. сост.*

[XII] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. На полях комментарии редактора (?) карандашом:* «Почему нет о закладке Омской крепости?». – *Прим. сост.*

5 апреля 1717 года из Тары[I] выехал тобольский дворянин Григорий Вельянов, который был послан Тобольским губернатором Гагариным с государевой (Петра I) грамотой (от 18 декабря 1716 г.) к калмыцкому кантайше (до Урги) с миролюбивыми[II] целями. Вместе с тем Вельянову вменялось обо всем, что он на пути приметит и услышит, «точный журнал держать». До Ямышева Вельянов ехал Барабинской степью. От Ямышева водным и сухим путями.

27 июня был у кантайши на аудиенции. Кантайши[III] принял врученную ему Вельяновым царскую грамоту с положенными знаками почтения.

Вельянова приказал содержать под крепким караулом, на пропитание ему выдавалось только необходимое. В конце[IV] февраля 1718 года Вельянов имел вторую аудиенцию кантайши, а 1-го марта был у кантайши «на отпуске». Кантайша приносил жалобы «на управителей пограничных городов – Томска, Кузнецка, Красноярска за требование ими с его подданных дани и строительства[V] в предел[ах] его землях крепостей, грозил отмщеньем, ежели новопостроенные крепости опять разорены не будут до основания».

2 марта Вельянов покинул зимнее кочевье кантайши при реке Коргос, под горою Талки. И с письмом от кантайши к губернатору Гагарину отправился в путь.

31 марта Вельянов приехал к Иртышу – каменной горе, называемой Таки-тологой. Там было построена лодка, на которой 3 апреля Вельянов[VI] поплыл вниз по Иртышу. 9 апреля[VII] прибыл он к Колбасунскому зимовью, 10-го в Ямышевскую крепость, оттуда 16-го отправился в дальнейшее следование. 22 апреля был в Железинской крепости, а через 4 дня – 26 апреля в Омской крепости, 29-го в Чернолуцкой слободе и, наконец, 3-го мая прибыл в Тару, употребив на всю поездку год и 28 дней[VIII].

В 1717 г. по восточному берегу Иртыша от Тобольска озера Зайсан[IX] вышла экспедиция во главе с Иваном Калмыковым и с ним 100 человек конных. Целью экспедиции было выбрать удобное место для устройства крепости. В то время на берегах Зайсана кочевали калмыки (джунгары), враждебно относившиеся к русским[X]. Таким образом, путь этот был не только длинный, но и опасный. (И Губернатор Тобольский князь Матвей Гага-

---

[I] *Далее вписано слово* «выехал» *синей пастой в тексте поверх затертого фрагмента предложения, над строкой слово продублировано карандашом. – Прим. сост.*

[II] *Далее вставлено от руки слово* «целями» *поверх затертого участка текста. Над строкой дублируется карандашом эта же вставка. – Прим. сост.*

[III] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[IV] *Словосочетание* «в конце» *вставлено от руки в текст на месте затертого фрагмента. Вставка сделана синей пастой и продублирована над строкой карандашом. – Прим. сост.*

[V] *Далее словосочетание* «на его владениях» *затерто, над строкой вписано карандашом* «в предел[ах] (окончание неразборчиво)», *слово* «землях» *карандашом отмечено поверх зачеркнутого* «владениях» (*падежное окончание в первоначальном варианте слова выделено синей пастой). Первоначально этот фрагмент предложения выглядел следующим образом:* «строительства на его владениях крепостей». *Последующие вставки слов и изменения окончаний машинописного текста, не сочетаемых падежами с вставленными понятиями, свидетельствуют о столкновении в одном предложении нескольких вариантов авторской правки текста. – Прим. сост.*

[VI] *Далее затерта часть текста и синей пастой вписано* «поплыл». *Надпись продублирована над строкой. – Прим. сост.*

[VII] *Далее слово* «приехал» *изменено синей пастой на* «прибыл», *продублированное карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[VIII] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[IX] *Далее в машинописном варианте значится* «проследовал сын боярский Иван Калмыков», *частично затертое. Над строкой карандашом отмечено* «вышла экспедиция во главе с», *к именному существительному, идущему далее добавлено окончание. – Прим. сост.*

[X] *Далее зачеркнута фраза* «и ревниво оберегали от них свой край». *На полях рядом со строчкой стоит вопросительный знак. – Прим. сост.*

рин открыл двери тюрьмы для желающих принять участие в походе)[I]. Иван Калмыков в истоке[II] Иртыша построил лодку и сделал несколько поездок[III] по озеру. Он нашел, что большая часть берегов озера заросла тростником, в истоках Иртыша находились мели и чрезвычайно быстрое течение[IV]. Крепости Калмыков не заложил, но он открыл путь дальнейшим экспедициям[V].

На следующий год (1718) из Ямышева[VI] по следам Калмыкова была отправлена целая флотилия судов под[VII] командой капитана Урасова[VIII] и лейтенанта Сомова для более подробного исследования[IX] озера Зайсан[X].

Урасов плавал[XI] не только на озеро, но и поднимался[XII] вверх по[XIII] Иртышу[XIV].

В 1719 году князь Матвей Гагарин в донесении Сенату о неудачном походе к Ямышеву озеру и постройке крепости на Иртыше, сообщил также, что при следовании из Омска к Тобольску в Иртыше утонул капитан-поручик Каландер – строитель первого Ямышевского укрепления и Омской крепости. В рапорте о его смерти с сожалением отмечалось: «… в таких людях есть скудость»[XV].

В соответствии с указом Петра I-го, 8 мая 1720 г. из Тобольска к озеру Зайсан по Иртышу отправился гвардии майор, в ранге генерал-майора Иван Михайлович сын Лихарев[23].

В указе говорилось: «Ехать тебе в Сибирь, и там разъискивать о худых поступках бывшего губернатора Гагарина…» и «трудиться всеми мерами освидетельствовать… о золоте еркетском, подлинно-ль оное есть…»[24].

В экспедицию входили: из гвардейских полков один капитан, один поручик, два сержанта, капрал и 12 человек рядовых; из полевых полков один майор, один капитан, три поручика; от артиллерии – один инженер-капитан с некоторыми бомбардирами, канонирами и фузелерами; от медицинской канцелярии два лекаря с полковою аптекою; от Адмиралтейской коллегии – два геодезиста, выбранные из учеников Морской Академии, в Таре был взят толмач. Состав команды экспедиции был дополнен войсками из

[I] *Круглые скобки поставлены карандашом. – Прим. сост.*

[II] *Далее затерт фрагмент текста, поверх которого вписано слово* «Иртыш» *синей пастой, продублированное над строкой карандашом. – Прим. сост.*

[III] *Слово* «поездок» *подчеркнуто автором, поверх него подписано карандашом* «рейсов», *первоначальный вариант не зачеркнут. – Прим. сост.*

[IV] *На полях рукописи напротив этой строки карандашные пометки в виде вертикальной черты. – Прим. сост.*

[V] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[VI] *Фрагменты текста* «была отправлена» *и* «по следам Калмыкова» *переставлены местами с помощью отметок карандашом в тексте. Первоначальный вариант этого фрагмента предложения выглядит следующим образом:* «На следующий год (1718) из Ямышева была отправлена по следам Калмыкова целая флотилия судов под командой капитана Урассова» *(Так в рукописи). – Прим. сост.*

[VII] *Далее затерт фрагмент текста и вставлено слово* «командой», *прописанное синей пастой в тексте и продублированное над строкой карандашом. – Прим. сост.*

[VIII] *Далее карандашом в тексте вставлен предлог* «и». *– Прим. сост.*

[IX] *Далее зачеркнуто слово* «открытого». *– Прим. сост.*

[X] *Слово* «Зайсан» *вписано от руки синей пастой в конце предложения. – Прим. сост.*

[XI] *Начало предложения «отряд поник» зачеркнуто карандашом и заменено словосочетанием* «Урасов плавал». *– Прим. сост.*

[XII] *Далее карандашом зачеркнуто словосочетание* «в течение 10 дней», *где числительное вписано синей пастой. – Прим. сост.*

[XIII] *Далее, после слова* «Иртыш», *автором синей пастой зачеркнуто:* «(А.Н. Седельников – Озеро Зайсан. ЗСОИРГО, книжка XXXV, 1900 г., стр. 1)». *В конце предложения поставлен знак сноски, и библиографическая ссылка перенесена в конец страницы. – Прим. сост.*

[XIV] А.Н. Седельников – Озеро Зайсан. ЗСОИРГО, книжка XXXV, 1900 г., стр. 1. – *Прим. А. Палашенкова. Сноска дана от руки синей пастой внизу страницы. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[XV] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

гарнизонов новопостроенных крепостей. Всего в составе экспедиции находилось 40[I] человек, 13 малых пушек и 6 мортир.

Лихарев[II] ознакомился с озером Зайсан и Верхним Иртышом. С успехом отразив нападения калмыков[III], он направился в обратный путь, заложив Усть-Каменогорскую крепость[25]. 12 октября 1720 года прибыл в Тобольск, откуда уехал в Петербург[IV].

11 апреля 1722 года из Москвы в Тобольск[V] прибыл посол царя Петра к калмыцкому кантайше Цэван Рабтану капитан от артиллерии Иван Унковский. В данной инструкции на Унковского возлагались переговоры о переходе кантайши в русское подданство, заключении письменного договора, обороне, построении крепостей, посылке сведущих людей для сыскания руд и др.

Одновременно с Унковским уезжал из России с грамотой Петра от 19 ноября 1721 года и посланец кантайши Борокурган.

Борокурган вез грамоту «Калмыцкому владельцу кантайше со всеми улусными людьми».

Унковский[VI] вез царские подарки кантайше на тысячу рублей.

При Унковском находились: берг-гаур Павел Бривцин, кондуктор Андрей Готовцев, инженерный ученик Михаил Апушкин, геодезии ученик Григорий Путилов, горных дел ученик Лаврентий Эскин, артиллеристы: ефрейтор Матвей Старков, канонир Ферапонт Вискунов, фузелер Сергей Чепалов, два денщика, кречетники: Павел Зыков, Степан Редриков, одиннадцать служителей. В Тобольске присоединились к Унковскому: переводчик, сын боярский Максим Этыгаров, толмачи: Федор Плотников и казак Степан Григорьев, два писаря, один сержант, два капрала, тринадцать солдат, один фельдшер, кузнец, четыре кашевара, служилых татар трое и при них три кашевара.

Унковскому была вручена «Циферная азбука, которую он имел о нужных делах писать в Государственную коллегию иностранных дел».

При свите капитана Унковского отправлялись из Тобольска в Ургу: кантайшин посланец Борокурган[VII] с четырьмя калмыками, теленгутский князец Байгорок с двумя человеками; торговых кантайшиных бухарцев девять человек, при них семь жен их, детей, работниц и свойственников 17 человек, семь человек беглых, один из них с женой, малым и дочерью и др.

Всего кантайшеных людей на дощаниках находилось мужского и женского полу сорок три человека.

В Тобольске посольство погрузилось на четыре дощаника […][VIII] поручик Санг, прапорщик Шванг, два капрала, 60 солдат, барабанщик, два канонира, два фузелера, в работу служилых людей 92 человека.

[I] *Неразборчиво пропечатан текст. – Прим. сост.*

[II] *Зачеркнуто карандашом начало предложения:* «В конце мая экспедиция проследовала мимо устья Оми». *– Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто* «потеряв одного гренадера убитым и двух гренадеров и капрала раненых». *Начало следующего предложения также зачеркнуто карандашом:* «по замирении». *Таким образом, два отдельных предложения слиты воедино. – Прим. сост.*

[IV] Известия о песошном золоте в Бухарии. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Февраль, 1760 г. *– Прим. А. Палашенкова. Записано автором карандашом внизу страницы. – Прим. сост.*

[V] *Далее слово* «приехал» *изменено на* «прибыл» *вручную синей пастой в тексте и продублировано над строкой карандашом. – Прим. сост.*

[VI] *В начале предложения зачеркнут предлог* «с». *Далее зачеркнута карандашом фраза* «отправлялись от царя», *замененная словосочетанием* «вез подарки». *Первоначально фраза выглядела следующим образом:* «С Унковским отправлялись от царя подарки кантайше на тысячу рублей». *– Прим. сост.*

[VII] *Словосочетание выделено карандашом, рядом на полях проведена вертикальная черта. – Прим. сост.*

[VIII] *Текст подвергся правке, фрагмент предложения* «на дощаниках отправлено в конвой» *вычеркнут карандашом, замены не сделано, в результате чего смысл предложения становится не ясен. – Прим. сост.*

14 июня 1722 года суда[I] вышли из Тобольска вверх по Иртышу.

Сам Унковский[II] оставался в Тобольске до 29 июня и с ним Борокурган.

Только 29 июня, «отправя тезоименитство императорского величества», в 7 часов вечера он отправился из Тобольска, причем по началу «путь восприял сухим путем». Потом пересели на дощаник и пошли вверх по реке, временами дощаники шли на парусах.

В путевом журнале капитан ежедневно отмечал пройденные места: деревни, юрты, реки. Эти записи представляют большой историко-географический интерес. В них[III] довольно полный перечень[IV] населенных пунктов, расположенных по Иртышу.

7 июля 1722 года экспедиция вступила в пределы нынешней Омской области. Прошли Тебендинский острожек, Абызовы юрты.

«8 [июля] – Прошли Ишимский острожек, и повыше оного в версте впала в Иртыш река Ишим, которая течет от зюйден[V]-веста, и сказывают, вершина оной неподалеко от Башкирцев, и вверх оной многие русские слободы построены.

30. Проехали деревню Луговую, деревню Кулачи.

31. Ехали пустым местом до Омской крепости. Здесь[VI] умедлили августа по 4-е число, понеже принимали на конвойнах солдат седла, войлоки, узды, сумы переметные и прочие»[VII].

Вверх по Иртышу Унковский шел до Семипалатинска; дальше ехал сухопутьем[VIII] до кантайшиной Урги. 17 ноября 1722 года он был в Урге. Вследствие подозрительного к нему отношения со стороны кантайши его продержали в Урге до сентября 1723 года. Только 18 сентября от Урги, от урочища Темерлук, он[IX] отправился в обратный путь, не получив при переговорах с кантайшей полного удовлетворения.

2 ноября 1723 года возвращавшийся из Урги от калмыцкого кантайши посланец царя Петра капитан Иван Унковский прибыл в Семипалатинскую крепость. С Унковским следовал в Москву кантайши посланец именем Даржи с шестью калмыками.

«20-го (декабря) в вечеру пришли в Омскую крепость: во оной умедлили по 26-е число, понеже отдавали скот и амуницию…».

[I] *Далее фрагмент текста стерт, поверх него синей пастой внесено словосочетание* «вышли из», *продублированное карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Далее вычеркнуто словосочетание* «вынужден был оставаться», *замененное словом* «оставался», *вписанным синей пастой поверх текста и продублированным карандашом поверх него. Перед фамилией стоит слово* «Сам», *написанное от руки карандашом на полях. – Прим. сост.*

[III] *Предложение образовано из фрагмента предыдущего предложения. Словосочетание* «в них», *написанное от руки синей пастой и продублированное над строкой карандашом, стоит поверх стертой машинописной строчки* «они являются». *– Прим. сост.*

[IV] *В словосочетании* «полный перечень» *изменено падежное окончание от руки синей пастой (первоначально* «полным перечнем»). *– Прим. сост.*

[V] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[VI] *Слово* «здесь» *вставлено от руки синей пастой, начало следующего слова* «умедлили», *относящегося к другому предложению, исправлено с заглавной на строчную букву. – Прим. сост.*

[VII] *Далее вычеркнут фрагмент текста синей пастой:* «4 августа. От Омской крепости поехали *(далее карандашом поставлено троеточие и два вопросительных знака. – Прим. сост.).*

5 августа. Прошли речку Яй Чайр.

6. – Прошли речку Боршовку, речку Орловку,

7. – речку Ахмас.

8. – прошли речку Окуневку.

10. – Прошли к Железинской крепости, и в тот же день покинули ее» (фраза «и в тот же день покинули ее» *вписана от руки синей пастой поверх стертого машинописного текста – Прим. сост.*)». *На полях сделана пометка карандашом, объединяющая текст, зачеркнутый автором. – Прим. сост.*

[VIII] *Слово* «сухопутьем» *обведено карандашом и стрелкой отмечено место переноса его из конца предложения в середину за словосочетанием* «дальше ехал». *– Прим. сост.*

[IX] *Далее затерт фрагмент машинописного текста (неразборчиво), на его место синей пастой вписаны слова* «отправился в обратный путь» *(эти слова подчеркнуты карандашом). На полях отметка редактора (?):* «Где квч?». *– Прим. сост.*

26 декабря из Омской крепости[I] Унковский отправился на Тару, куда и прибыл в 6 часов утра 31 декабря и с ним прибыл посланец Даржи с шестью калмыками. Здесь Сибирский вице-губернатор Петрово-Солово посланцу кантайши «в доме своем учинил аудиенцию»[II], принял кантайши лист и подарок сто соболей, да сто концов складной китайки, одну парчу китайскую соломянку. В Таре посланцу были выданы на январь месяц кормовые деньги по 4 коп. на день, его людям по 2 коп.

12-го января 1724 года из Тары Унковский со свитой и Даржи со своими людьми отправились в путь к Тобольску, оттуда на Москву[III].

В 1724 году[26] на восток (из Тобольска до Усть-Каменогорской крепости) участники второй экспедиции Беринга Миллер[27] и Гмелин[28] проехали по Иртышу[IV]. В это время была составлена подробная карта реки[V].

В 1770 году капитаном Иваном Исленьевым[29] производилась первая инструментальная съемка р. Иртыша. Об этом академик Паллас пишет: «Сия река прошедшего (1770 г. – **А.П.**) лета г. капитаном Исленьевым, начиная с самого оныя в пределы Российского Государства вступления до самого Тобольска, с наивеличайшею точностью снято, и, следовательно[30], в издаваемых впредь сея страны картах в совершенной географической точности находиться будет». (Путешествие, ч. II, кн. 2-я, Спб. 1770 г. стр. 120)[VI].

Весной 1771 года на левом крутом берегу Иртыша у Красного Яра, нынешнего Любинского района, останавливалась на ночлег экспедиция Палласа, прибывшая сюда по Тюкалинскому тракту[31] с Урала[VII]. Попытка переправиться на правый берег реки не имела успеха: было половодье. На следующий день экспедиция по левому берегу Иртыша прибыла в Омскую крепость. В Омске военное начальство приняло Палласа холодно, не давало ему необходимых справок и относилось к нему недоверчиво, поэтому Паллас с иронией замечает, что «бог войны есть враг муз»[32]. Здесь Паллас подробно ознакомился и описал Новую правобережную крепость, строительство в которой еще не было окончено.

22 мая путешественник покинул Омск, поехал к Семипалатинску через прибрежные станицы. «За Омской крепостью, – пишет Паллас[33], – идет степь, обильная цветущими растениями; сюда иногда заходят сайги, переплывая реку, привлекаемые растущими здесь костеникой и морской полынями»[VIII].

По пути следования от пытливого взора Палласа ничего не ускользало: флора, фауна[IX], палеонтологические находки, археологические памятники, укрепления и п[рочее] – все

[I] *Далее затерто словосочетание* «на представленных подводах». – *Прим. сост.*

[II] *Кавычки вставлены от руки синей пастой. – Прим. сост.*

[III] «Посольство к Зюнгарскому Хан-Тайгши-цеван – рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского». Записки Русс[кого] географ[ического] Об[щест]ва по отделению этнографии, том X, вып. 2. Спб., 1887 г. – *Прим. А. Палашенкова. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[IV] *Предложение перестроено, фраза* «в 1724 году на восток» *вписана от руки синей пастой. Первоначально предложение выглядело следующим образом:* «Участники второй экспедиции Беринга Миллер и Гмелин, следуя *(далее затерто – неразборчиво, поверх вписано пастой)* в 1724 году на восток из Тобольска до Усть-Каменогорской крепости проехали по Иртышу». – *Прим. сост.*

[V] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[VI] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[VII] Путешественник и крупный ученый Петр Симон Паллас 30 апреля 1767 г. принял приглашение русской Академиии возглавить экспедицию по всестороннем изучении империи. И в 1769 г. экспедиция отправилась исследовать Россию. Кроме Палласа в состав экспедиции входили – Лепехин, Зуев, Рычков, Соколов, Гмелин-младший, Фальк, Георги, Гильденштейн и др., также семь астрономов и геометров. Путешествие началось с Поволжья и Южного Урала. – *Прим. А. Палашенкова.*

[VIII] *Далее вычеркнута фраза:* «Никогда Паллас не видел такого множества стрижей, как на высоких берегах Иртыша». *Карандашные пометки на полях в виде вопросительного знака. – Прим. сост.*

[IX] *Далее вычеркнуто синей пастой* «овраги, ручьи, острова». – *Прим. сост.*

это впоследствии нашло отражение на страницах его известной[I] книги «Путешествие» (часть II, кн. 2-я Спб., 1786).

Из Семипалатинска путешественник направился к Змеиногорску, оттуда в Усть-Каменогорскую крепость и затем в Барнаул, Томск и дальше на Абакан[II].

При возвращении из Сибири в 1773 г. Паллас[III] переправился через Иртыш в Таре, куда он прибыл 5 февраля. Здесь[IV] вместе с прибывшим к этому времени в Тару Георги[34], путешественники приводили в порядок собранные коллекции для отправки в Петербург:

«(…) его, город Тару, пишет Паллас, избрали мы для сего упражнения, где у меня были пространные и для сего намерения удобные покои»[V].

26 февраля 1829 года выдающийся естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт ответил согласием на предложение министра финансов совершить путешествие по России. И 8 мая 1829 г. он в сопровождении профессоров Эренбурга[35] и Густава Розе[36] отправился из Петербурга в Москву, 16 мая из Москвы далее на восток. Через Камышлов и Тюмень 8 июня путешественники прибыли в Тобольск, на Иртыш, стоя на берегу которого он 11 июля сказал: «Я с юных лет мечтал об Иртыше…».

После совещания с генерал-губернатором Западной Сибири и другими лицами Гумбольдт решил осмотреть Алтай и проникнуть в пределы Китайской Джунгарии.

12 июля экспедиция из Тобольска отправилась по дороге к Барнаулу[VI] и далее вглубь Азии.

7 августа путешественники были в Бухтарме, где, сев на приготовленные для них[VII] суда, поплыли вниз по Иртышу и вечером прибыли в крепость Усть-Каменогорскую.

Здесь Гумбольдт отмечает особенно быстрое течение[VIII] реки, грозные и картинные утесы. «Но какая сила подняла сии ужасные громады, лежавшие, конечно, прежде более или менее горизонтально и поставила их перпендекулярно?» Путешественники видели здесь изверженный гранит, лежащий на глинистом сланце. 8 августа экспедиция выехала из Усть-Каменогорской крепости и 13-го прибыла в Омск, проехав на лошадях по проходящему по правому берегу Иртыша тракту 849 верст в 6 дней и пробыв еще целый день в Семипалатинске. Здесь ученые[IX] беседовали со старшинами кочующих племен и купцами Средней Азии о торговле, о положении некоторых азиатских городов и о караванном пути.

В Омске Гумбольдт пробыл два дня. Он[X] посетил Войсковое казачье училище и Азиатскую школу, где[XI] воспитанники этих учебных заведений приветствовали ученого на монгольском, манджурском и др. восточных языках.

В Омске были так же осмотрены прекрасный артиллерийский парк и казенная суконная фабрика, устройство которой заслужило особенную похвалу путешественников.

[I] *Слово* «известной» *вписано от руки синей пастой в текст поверх затертого фрагмента предложения. – Прим. сост.*

[II] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[III] *Далее затерт фрагмент текста, поверх которого написано от руки синей пастой:* «переправился через Иртыш», *над строчкой продублировано карандашом слово* «переправился». *– Прим. сост.*

[IV] *Слово* «здесь» *вставлено карандашом вначале предложения. – Прим. сост.*

[V] «Путешествие», ч. III, половина вторая, Спб., 1788 г., стр. 13. *– Прим. А. Палашенкова. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[VI] Горный журнал на 1830 г[од], Петербург, ч. II, книжка 5-я. *– Прим. А. Палашенкова.*

[VII] *Далее затерто слово* «корабль», *замененное вписанным от руки синей пастой словом* «суда» *(прилагательное* «приготовленный» *изменено благодаря перестановке падежного окончания), над строкой слово* «суда» *продублировано карандашом. – Прим. сост.*

[VIII] *Далее вычеркнуто слово* «здесь», *относившееся к началу следующего предложения, замененное существительным* «реки», *вписанным карандашом над строкой. – Прим. сост.*

[IX] *Словосочетание* «здесь ученые» *вставлено от руки синей пастой в начало предложения. – Прим. сост.*

[X] *Зачеркнуто стоявшее перед местоимением слово* «здесь». *– Прим. сост.*

[XI] *Предложение изменено правками карандашом. Изначально напечатано:* «где встречен был воспитанниками этих учебных заведений речами, говоренными на монгольском, манджурском и др. языках». *Слово* «восточных» *вставлено карандашом над строкой. – Прим. сост.*

Омская область экспедиция проследовала в сопровождении сосланного в Омск по делу декабристов кандидата этико-политических наук С.М. Семенова и прикомандированного бригадного генерала Литвинова. Кроме того по всей Иртышской линии, путешественников сопровождали отряды сибирских казаков, выучка которых заслужила достойное[I] удивление иностранцев.

16 августа Гумбольдт отправился в дальнейший путь – на Петропавловск, Троицк и дальше по направлению к Уралу, 22 августа прибыл в Миасский завод[II].

21 апреля 1857 г. из Омска по тракту на Семипалатинск выехал известный русский путешественник П.П. Семенов (Тянь-Шанский). На этот раз он имел в виду проникнуть вглубь Небесных гор для дальнейшего их исследования.

«В это время года, – пишет путешественник, – Иртыш был еще покрыт льдом, и мне пришлось ехать на восьмисотверстном расстоянии от Омска до Семипалатинска вдоль главной Сибирской пограничной Линии, отчасти на санях, а отчасти на колесах. За городом дорога почти обсохла, но местами были снежные поляны. Ночь и утро были холодны и пасмурны. Только к двум часам пополудни 22-го просияло солнце и потеплело, но кое-где были видны еще замерзшие изгибы Иртыша, на берегах которого поднимались высокие песчаные яры; кругом расстилалась голая однообразная степь, в которой органическая природа еще не просыпалась.

23 апреля по утру я был в Чернорецкой станице. Погода была ясная и довольно теплая. Через замерзший Иртыш с трудом переправляли мою повозку. В Ямышевской станице видел старые чугунные пушки и ядра, свидетельствовавшие о прежнем стратегическом значении этой крепости.

24 апреля утром я был в Грачевской станице. Утром шел дождь, но к 11 часам погода разгулялась, и сделалось жарко. На южной стороне Иртыша расстилалась унылая степь, но далее подошел к нему с севера сосновый бор.

26 апреля к вечеру я уже доехал до Семипалатинска»[III].

* * *

На четвертый день по прибытии в Омский острог[IV] Ф.М. Достоевский был направлен вместе с другими каторжанами на Иртыш разбирать старые казенные барки.

Здесь Достоевский впервые приобщился к подневольному физическому труду. С грустью смотрел он на свободные воды реки[V], повторяя про себя стихи И. Виттера:

Шуми, Иртыш, струитесь воды,
Несите грусть мою с собой,
А я, лишенный здесь свободы,
Дышу для родины другой.

С берега Иртыша Достоевский любил смотреть на расстилающуюся за рекой широкую степь[37]:

«… все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. Всматриваешься долго и разглядишь, наконец, какую-нибудь бедную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то там хлопочет со своими двумя баранами. Все это бедно и дико, но свободно…»[VI].

[I] *Далее слово вставлено карандашом. – Прим. сост.*

[II] Горный журнал на 1830 г., Петербург, ч. II-я, книжка 5-я. – *Прим. А. Палашенкова. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[III] П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань, 1946 г. М. стр. 128 – 130. *– Прим. А. Палашенкова.*

[IV] В Омский острог Ф.М. Достоевский был привезен 23 января 1850 г. – *Прим. А. Палашенкова.*

[V] *Далее слово* «повторяя» *вписано от руки поверх затертого фрагмента синей пастой и продублировано над строкой карандашом. – Прим. сост.*

[VI] Записки из Мертвого дома. – *Прим. А. Палашенкова.*

Иртыш глубоко врезался в память Достоевского. Не случайно поэтому, что через 12 лет после выхода из тюрьмы глубоко захватывающую своим драматизмом сцену последнего свидания Сони с находящимся на каторге Раскольниковым Ф.М. Достоевский переносит в Омск, на берег Иртыша.

Отбыв срок каторги, в феврале 1854 г. Ф.М. Достоевский выехал из Омска в Семипалатинск. Дорога шла рядом с Иртышом. После четырехлетнего тюремного заключения путь этот «показался Достоевскому настоящим вознаграждением. Уже под конец жизни он рассказывал друзьям, что никогда не ощущал себя таким счастливым, как в дни этого подневольного путешествия, попав в какой-то обоз, повстречавшийся по пути, сидя на жестких канатах, с небом над собою, чистым воздухом и чувством свободы в душе»[38].

По этому же пути в 1859 году Достоевский возвращался из Семипалатинска в Омск и далее в Тверь[I].

В 1862 г. степные и лесостепные просторы Прииртышья огласились первым пароходным гудком. В июне месяце из Тюмени по рекам Туре и Тоболу до Тобольска и из Тобольска по Иртышу через Тару и Омск пришел в Семипалатинск первый (100 ном[инальных] сил) пароход «Союз». Это было большое событие для населения Прииртышья. «Пароход этот вел за собою, как пишет Абрамов Н., две баржи с тяжестью до 30 тысяч пудов. Из груза 30 тыс. было 15 тыс. пудов разного купеческого товара и столько же пудов казенного спирта. Баржа со спиртом была отбуксирована в 88 верстах от Семипалатинска в станице Черемшанской, согласно условия. Для парохода «Союз» нужна глубина 6 четвертей, для барж с полным грузом 10 четвертей. При средней быстроте пароход идет против течения 5 верст, а по воде 15 верст в час. Из Тюмени до Тобольска пароход шел двое суток, а от Тобольска до Семипалатинска с простоями для погрузки и выгрузки грузов на разных пунктах один месяц. Плата за провоз товаров и прочей клади была с пуда. Тюмень – Тобольск 20 коп., до Тары – 30 коп., до Омска – 35 коп., до Павлодара – 40 коп., и до Семипалатинска – 50 – 60 коп.. Рабочих на пароходе и баржах было 100 человек.

8 июня утром в 11 часов за несколько верст до Семипалатинска заслушался сигнал – свисток на пароходе и выстрел из пушки.

Густые толпы пеших и в экипажах народу устремились навстречу пароходу. Пароход остановился в речке Семипалатинска, против дома, занимаемого военным губернатором.

Новый, хорошо устроенный и окрашенный пароход с его надпалубными окрашенными каютами, мачтами и развевающимися разноцветными флагами, – действительно был красив, его бег на колесах по воде, движимых действием пара, приводил народ к удивлению.

Хозяин парохода тюменский 2-й гильдии купец Тюфин пригласил здешних чиновников с семействами и лучших граждан, всего до 60 человек, прокатиться на пароходе по реке Иртыш, и в 6 часов вечера при звуках казачьего духового оркестра пароход вышел из р. Семипалатинска и шел 10 верст вниз по Иртышу и потом обратно. Во время прогулки радушный хозяин распорядился приличным угощением путешественников…

Пароход в Семипалатинске погрузил в свою баржу скотских кож до 8000 пудов и 2000 пудов графита, а всего 10000 пудов по 50 коп. с пуда и отправился из Семипалатинска 17 июня в Тюмень, причем в Павлодаре он принял на свои две баржи до 55 тыс. пудов соли по 17 коп. с пуда за провоз до Тюмени»[II].

В том же 1862 году началось также пароходное движение по Иртышу от Павлодара до Тобольска через Омск и Тару. Везенбергский купец 2-й гильдии Беренс на своем выстроенном в Таре хозяйственным способом небольшим пароходом (20 л[ошадиных] сил) начал перевозку соли с Коряковских озер (Павлодар) до Тобольска, а затем и до Тюмени и Томска[III].

[I] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[II] «Губернские ведомости» № 31 за 1862 г., г. Тобольск. – *Прим. А. Палашенкова.*

[III] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

По инициативе губернатора Семипалатинской области И.Ф. Бобкова в июле 1864 г. пароход «Ура» под командой подполковника Зряхова прошел в озеро Нор-Зайсан для исследования Черного Иртыша.

Это был первый пароход, пришедший в верховья Иртыша[I].

Первый просветитель казахского народа Чокан Валиханов, путешественники Г.Н. Потанин, М.В. Певцов, первый председатель Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества И.Ф. Бобков, зоолог Н.А. Северцев[39] и многие другие исследователи Сибири неоднократно совершали поездки по Семипалатинскому тракту и на пароходе по Иртышу[II].

В конце апреля 1876 г. от Красноярки Омского района до Семипалатинска по правому берегу Иртыша [проехал] известный натуралист, автор популярной книги «Жизнь животных» – Брем со своими спутниками.

10 января 1876 г. Германское Географическое Общество постановило отправить экспедиции в область реки Оби, средства на экспедицию (20000 марок) были выделены натуралистом Сибири А.М. Сибиряковым[40]. В состав экспедиции входили – доктор[III] Брем, доктор Финш[41] и граф[IV] фон Вальтбург – Цейль-Траухбург.

Из Берлина экспедиция выехала 6 марта по маршруту: Петербург, Москва, Н[ижний] Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск.

В 8 часов утра 20 апреля экспедиция добралась до Иртыша и, благодаря еще крепкому льду, без труда переехала против села Красноярки на правый берег реки.

«Местность здесь довольно обработанная, и в это время жители занимались тем, что жгли жниво и другую траву, что допускается только весной… Мы могли, таким образом, видеть пожар в степи…»[V].

Хорошо ознакомившись с городом, различными сторонами его жизни[VI], вечером 24 апреля экспедиция тронулась в дальнейший путь. Путешественники[VII] останавливали свое внимание на всем, что встречалось более примечательное по пути следования.

«Отъехав несколько станций от Омска, мы в первый раз увидели юрты, т. е. конусообразные палатки из войлока, представляющие, в своем роде, наилучшие переносные жилища… Несмотря на войлочную покрышку, зимнее пребывание в такой юрте должно быть очень чувствительно… Слабый огонь небольшого костра из тростника, горевшего в посещенной мною юрте, не произвел на меня приятного впечатления, которого не могло дать и остальное внутреннее устройство юрты…»[VIII].

Особенно внимательно велись наблюдения участников экспедиции за Прииртышской растительностью и фауной, что нашло отражение в их записях.

В начале июля 1885 года по Семипалатинскому тракту проследовала «Сибирская экспедиция» в составе известного писателя-путешественника Георга Кеннана[42] (род[ился] [в] 1845 г.) и художника Г.А. Фоста.

Экспедиция ставила своей целью ознакомиться с сибирскими тюрьмами, а[IX] также изучить систему ссылки в России и положение политических на местах ссылки.

[I] Головин Б.Д. История пароходства в Обь-Иртышском бассейне. Рукопись, стр. 17, 1947 г. – *Прим. А. Палашенкова. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[II] *Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[III] *Слово* «доктор» *подчеркнуто карандашом. – Прим. сост.*

[IV] *Слово* «граф» *подчеркнуто карандашом. – Прим. сост.*

[V] Из книги «Путешествие в Западную Сибирь» доктора О. Финша и А. Брема. М., 1882 г. – *Прим. А. Палашенкова.*

[VI] *Далее вычеркнут фрагмент текста:* «и рядом лиц высшей военной и гражданской администрации, оказавшими большое внимание путешественникам». – *Прим. А. Палашенкова.*

[VII] *Слово* «путешественники» *вписано от руки синей пастой поверх затертого фрагмента машинописного текста. – Прим. сост.*

[VIII] Там же. – *Прим. А. Палашенкова.*

[IX] *Предлог вставлен от руки карандашом. – Прим. сост.*

В[I] Омске в осмотре тюрьмы Кеннану было отказано. Здесь, «благодаря любезности полковника Певцова», путешественники осмотрели музей Географического общества и посетили «отвратительное за городом селение несчастных ссыльных, которые жили в низких землянках, выкопанных по склонам Крутого холма, находящегося на север от р. Оми»[II].

8 июля путешественники на тройке лошадей, запряженных в их экипаж, отправились по Иртышской линии до Семипалатинска[III].

19 апреля 1890 г. Антон Павлович Чехов покинул Москву[IV]. Далекий суровый Сахалин[V] манил писателя.

Возбудить интерес в обществе к месту невыносимых страданий и гнетущих слез – вот что ставил перед собой Антон Павлович, отправляясь в край каторги.

Прииртышский край писатель проследовал на лошадях вольных ямщиков по Тюкалинскому тракту. 4-го мая в Ишим, 5-го в Абатском. Под вечер 7 мая ямщик привез А.П. Чехова в с. Могильно-Старожильское[43] Большереченского района (в 18 км от переправы через Иртыш (против с. Пустынного). Дождь шел день и ночь, поразмыл дорогу, поднял мосты. Ямщик Федор Павлович, с которым писатель должен был ехать к переправе, советовал отложить поездку до утра. А.П. Чехов не согласился. С большими трудностями доехали до переправы с избушкой на берегу. Плыть на ту строну реки нельзя, нужно ждать утра.

«И вот я сижу ночью в избе, стоящей в озере на самом берегу Иртыша, – пишет А.П. Чехов, – чувствую во всем теле промозглую сырость, а на душе одиночество, слушаю, как стучит по гробам мой Иртыш, как ревет ветер, и спрашиваю себя: где я? Зачем я здесь?

В соседней комнате спят мужики – перевозчики и мой ямщик. Люди добрые. А будь они злые, меня можно было бы отлично ограбить и утопить в Иртыше. Изба солистка на берегу, свидетелей нет…».

Перед сном Чехов в избе перевозчика написал письмо М.В.[44] Киселевой[VI].

Рано утром[VII] писатель пошел[VIII] к реке. Как вечером и ночью, лил[IX] дождь, но ветер стал тише. Плыть на пароме нельзя было. Пришлось переезжать на лодке.

«Плыву через реку, а дождь хлещет, ветер дует, багаж мокнет, валенки, которые ночью сушились в печке, опять обращаются в студень. О, милое кожаное пальто. Если я не простудился, то обязан только ему одному…

[I] *На полях рядом с фразой отметка карандашом редактора(?):* «Хорошо бы пояснить где это?». *– Прим. сост.*

[II] Георг Кеннан. Сибирь. Отдельный оттиск журнала «Всемирный Вестник». Спб., 1906 г. *– Прим. А. Палашенкова.*

[III] Написанные в результате поездки по местам ссылки и тюрем книги (очерки) Кеннана «Сибирь» убедительны и имели потрясающее действие. Книга была переведена на все европейские языки. В России книга Кеннона до 1905 – 1906 гг. была запрещена, но в 1889 г. до 1890 г. она появилась за границей в русских переводах, которые проникли в Россию нелегальным путем.

Георг Кеннан писал: «К России и Русскому народу я питаю самые глубокие симпатии; если бы мне удалось посредством правдивого, не преувеличенного изложения результатов моего исследования ближе познакомить весь свет с этой страной и ее обитателями, если бы мне удалось хоть немного облегчить страшную участь тех несчастных, для которых «до бога высоко, до царя далеко», это было бы для меня лучшей наградой за то полное лишений путешествие и те страшные открытия, которые я когда-либо в жизни сделал» *– Прим. А. Палашенкова.Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[IV] *Фраза* «покинул Москву» *подчеркнута, над ней карандашом неразборчиво прописано несколько слов (редактор?). – Прим. сост.*

[V] *Над словосочетанием* «суровый Сахалин» *написано карандашом* «известия Сахалина», *перечеркнутое. Рядом на полях карандашом отмечен вопросительный знак. – Прим. сост.*

[VI] *Фамилия подчеркнута, на полях карандашом поставлен вопросительный знак. – Прим. сост.*

[VII] *Далее затерто слово, поверх которого синей пастой вписано* «писатель», *продублированное над строкой карандашом. – Прим. сост.*

[VIII] *Слово* «пошел» *подчеркнуто карандашом. – Прим. сост.*

[IX] *Слово* «лил» *вписано синей пастой поверх затертого фрагмента текста. Над строкой глагол продублирован карандашом. – Прим. сост.*

На берегу целый час сидел на чемодане и ждал, когда из деревни приедут лошади. Помню, взбираться на берег было очень скользко»[I].

* * *

13 июня 1898 года у поселка Черемуховского, Омского района, через Иртыш (с правого берега на левый) переправилась экспедиция в составе П.Г. Игнатьева, Л.С. Берга[45], В.С. Елпатьевского и В.Ф. Ладыгина для исследования озер бывш[его] Омского уезда – Селеты-Денгиз, Теке и Кызыл-Как[II]. В экспедиции приняли также участие: черемуховский казак Алексей (фамилия неизвестна), кроткий веселый рабочий Гавриил Степанович, местные казахи Бихуджа и Сатыбалда[III].

Здесь, у Черемуховского, переправилась через Иртыш эта экспедиция при своем возвращении 16 августа того же 1898 года.

* * *

22 мая 1899 года из Омска выехала экспедиция путешественника П.К. Козлова в Монголию и Кам.

«Когда только что зардела весенняя заря на востоке, пишет путешественник, наш пароход («Ольга Карпова») под звуки «Ура» и музыки, далеко уносившихся по открытой равнине, тихо отчалил от берега и, подняв баржу, направился вверх по течению дремавшего Иртыша, поднимая высокие волны на тихой зеркальной его поверхности. Железнодорожный мост казался чем-то призрачным, вроде гигантского кружева, нависшего над возвышенными берегами многоводной и быстрой реки. Над Омском вспыхнуло зарево пожара.

Наше недельное плаванье до Семипалатинска носило характер приятной прогулки. По временам на возвышенных берегах красовались стойбища кочевников-киргизов, вокруг которых паслись стада; в местах же низких и широко залитых водою развилась масса диких гусей, уток и куликов, громкие голоса которых, порою, одни только и нарушали царившую при Иртышью[IV] тишину»[V].

* * *

2 апреля 1902 г. из Омска в Семипалатинск выехал[VI] в свое известное путешествие к истокам Иртыша профес[сор] В.В. Сапожников[46].

«В поле была еще зима, – пишет В. В. Сапожников, – правда, снежный покров сделался тонким, но на третьей станции (Ильинской) сани пришлось сменить на телеги. Узкая полоса земли вдоль яра над Иртышом совершенно очистилась от снега, и здесь езда на колесах была вполне удобна…

Семипалатинская линия третий год страдала от неурожая и бескормицы. Последняя зима была особенно губительна; после оттепели в конце февраля ударил мороз, образовав на поверхности снега толстую корку льда, лошади не в силах были пробить ее, чтобы выкопать из-под снега корм, и падали сотнями, тысячами. В одной Черлакской станице урон лошадей простирался до 5000 голов.

[I] Из письма А.П. Чехова М.П. Чеховой, 11 – 17 мая 1890 г. – *Прим. А. Палашенкова. Рядом со сноской на полях комментарии редактора (?):* «Издания и т.д.». – *Прим. сост.*

Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.

[II] *Именное существительное подчеркнуто карандашом. – Прим. сост.*

[III] *Весь абзац взят в круглую скобку, проставленную карандашом на полях, рядом поставлен вопросительный знак (редакторская правка?) Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[IV] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[V] П.К. Козлов – Монголия и Кам. Труды экспедиции Имп[ераторского] Русского географич[еского] общества, т. 1. часть первая, 1905 г., стр. 8. – *Прим. А. Палашенкова. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[VI] *Далее затерт фрагмент текста, поверх которого от руки синей пастой вписано* «в свое известное путешествие к истокам Иртыша профес. В.В. Сапожников». *На полях карандашом написано:* «В свое известное путешествие к истокам Иртыша». – *Прим. сост.*

Картина одна за другой безотраднее ждали нас по пути. По обе стороны дороги валялись ободранные и уже объеденные остовы или свежие трупы лошадей, над которыми вились вороны, а изредка и орлы. Между трупами на редких проталинах уныло бродили оставшиеся в живых страшно исхудавшие коровы и лошади, прикрытые от холодного ветра различным тряпьем, выгрызая корни прошлогодней травки вместе с землей. Многие из них несомненно кандидаты на обед воронам и собакам…

У одних заимок нередко можно было видеть длинные жерди, сплошь увешанные ободранными лошадиными шкурами, – живым доказательством погрома. Да, жестокая была весна»[I].

* * *

В конце мая 1905 года по пути в Центральную Азию из Омска на пароходе отправился вверх по Иртышу исследователь В.А. Обручев. «Путешествие по Иртышу на пароходе – пишет В.А. Обручев[47], – представляло приятную прогулку без работы. Отрывочные наблюдения над составом крутого правого берега реки в местах остановки парохода для погрузки дров были бы слишком беглы, тем более, что в таких местах косогоры обычно сильно затоптаны людьми и заняты поленницами дров. Вообще в этом берегу выступают третичные и четвертичные отложения, еще никем систематически не изученные и не описанные. В зависимости от своей рыхлости они слагают большею частию только косогоры. Только ближе к Семипалатинску местами появляются скалистые выходы более древних пород – палеозоя»[II]

На этом заканчиваю краткий обзор исторических событий, связанных с Иртышом.

Советскому периоду жизни нашей реки будет посвящен следующий очерк[III].

1970 г.[IV]

[I] *Сноска внизу страницы не поставлена. Далее автором проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

[II] *Сноска внизу страницы не поставлена. – Прим. сост.*

[III] *В конце текста автором от руки синей пастой поставлена подпись:* «А. Палашенков». *– Прим. сост.*

[IV] *Год проставлен от руки синей пастой. – Прим. сост.*

III

РАЗДЕЛ

Омский краеведческий музей и его коллекции

Описание икон Березовского собора, вывезенных в 1939 г. в Омский областной музей[1]

[1940-е гг. ?]

Икона архистратига Михаила[2].

Написана на кедровой доске в 54 см выс[оты] 44 см шир[ины] и 4 см толщины. На обратной стороне видны следы обработки в виде стесов. Доска цельная, не склеенная, тем не менее, в нее с задней стороны врезаны две шпонки. Назначение последних – предохранение доски от разрыва (при падении или же высыхании), а также и от свертывания. По краям и особенно углам доска от времени истерлась и «призатрухла». Левый нижний угол с обратной стороны неизвестно в какое время обгорел. Вся поверхность обратной стороны и борты иконы потемнели от времени, закоптели, и имеются ссадины.

На лицевой стороне доски, для иконного изображения, сделана, как это принято было в старых иконах, выемка глубиной в 0,5 см с площадью в 1340 кв. [см] – 40 см высот[ы] и 33,5 см шир[ины]. Ширина оставленных в качестве обрамления бортов – внизу и вверху по 7 см, с боков – по 5,5 см.

Наверху иконы с правой стороны изображен: Предвечный младенец и трапеза с хлебом предложения […] и копьем. Самая икона изображает на крылатом красном коне архистратига Михаила в княжеской короне и с длинной развивающейся лентой через правое плечо, в устах его длинная труба, в правой руке – восьмиконечный крест, кадило и копье, которым он поражает поверженного дьявола в образе крылатого льва с человеческим лицом. В левой руке архангела евангелие, поднятой к верху. Внизу изображен город с крепостью с низвергавшими шатровыми башнями.

Икону покрывал оклад, следы от которого сохранились в виде оставшихся гвоздей. Благодаря окладу, живопись сохранилась хорошо. Имеется лишь одна бросающаяся в глаза осыпь краски площадью в 1 кв. см. Правда, осыпалась также краска внизу, где изображен пораженный копьем дьявол, но ни голова, ни крылья его не задеты осыпью.

Выделяются части живописи, которые не были под ризой. Являясь местом прикладывания и целования, они [стали] тускнее, более загрязнены. Таково лицо Михаила, Христа и в особенности дьявола. Очевидно, последнему суждено было пользоваться наибольшим вниманием со стороны богомольцев.

На выемках у борта рамы, где оклад прикреплялся, осталось до 50 небольших кованых гвоздей.

Собственно обрамление иконы. [Она] обложена была серебряной басмой со штампованным орнаментом, напоминающим заставки и концовки лицевых рукописных книг

16 и 17 столетий. Сохранилось не более одной трети оклада на рамке, главным образом в верхней ее части.

На торцах и боках иконы местами уцелели полосы сине-зеленого домашнего сукна шириной в 15 мм. Возможно полагать, что сукном прикрывались не только торцы и бока икон, но и вся обратная ее сторона. Это предохраняло икону от загрязнения, сырости и т.п. Такие меры предохранения икон имели довольно широкое распространение.

На выступе рам иконы поверх оклада прикреплены серебряные в 0,5 м толщ[иной] пластинки с надписью в количестве 4-х, из них 3 – вверху и одна внизу[3].

Срединное место вверху занимает пластинка наибольшего размера: 171 мм длиной и 18 мм шириной. Пластинка прикреплена 8 гвоздями ручного изготовления с широкой головкой. От четырех гвоздей остались отверстия на пластинке.

Начертанный на пластинке текст приближается по характеру к позднейшему уставному письму, буквы почти квадратные. Слова не разделяются, знаков нет. Пластинки разлинованы углубленными линиями, ширина строчек равна трем-четырем миллиметрам. В пластинке обломаны нижние углы. Она заключает пять строчек, транскрипция которых приводится:

В круглые скобки взяты буквы, которые восстанавливаются по смыслу или же по уцелевшим элементам.

Над строчкой в скобках вскрыты титла и недописки.

Начало слова (не) скрыто под головкой гвоздя.

Часть слова с буквами ВЛ под головкой гвоздя.

Буква П под головкой гвоздя.

Обломан конец пластинки на 9 мм. Очевидно, утраченная часть слова – «ата», т.е. «на сопостата».

Обломана пластинка.

Головка гвоздя скрывает букву П, т.е. конец слова […] и начало слова […].

Вверху налево по верхнему бережку рамки вторая пластинка, размером в 11 см дл[ины], 13 мм ширины. Она прикреплена 4-мя гвоздями. Внизу ее выщербина в 11 мм длин[ой] и 3 мм шир[иной]. На пластинке надпись в 2 строчки:

Третья пластинка прикреплена 5-ю гвоздями направо по верхнему бережку рамок. Длина пластинки [–] 9,4 см, шир[ина] [–] 14 мм. У пластинки обломана левая сторона на один см в длину, а также выщерблен верхний бережок на 2 мм в глубину и 6 мм в длину. Выщербина не задела текста, в то время, как облом левой стороны пластинки сказался на сохранности текста: от первого слова надписи уцелел конец «оня»[I]. Утеряна, как мы полагаем, буква «К».

1) Покрывает головки гвоздя.

2) Видимо, нужно читать «под», что подтверждается и наличием прочерченных линий, видимо титло.

3) Обломана будто бы перед «юс» (Я) буква «Д». В таком случае можно бы прочитать – «Провидя». Эта 3-я пластинка прикреплена вверх ногами, а потому при чтении текста икону приходится перевертывать.

Последняя дощечка [–] надпись внизу.

Пластинка размером 100 на 12 мм прибита 4-мя гвоздями, остались места утраченных трех гвоздей. У выемки на бережке рамочки, почти посредине ее (несколько влево), надпись в трех строках. В тексте утрачена (под головкой гвоздя) последняя буква на второй строке /А./А. П./[II] и предшествующая последнему слову буква /С. А. П./. Кроме того, нет ясности в начертании буквы (в конце вторая строчка) после слова «Погиб». Считаем, что эта буква «И», хотя она близка по начертанию и к «С».

1) Конец под головкой гвоздя, трудно читаем.

[I] *Далее следует абзац, дословно повторяющий два предыдущих предложения. – Прим. сост.*

[II] *Здесь и далее воспроизведены аббревиатуры, данные автором в рукописи. – Прим. сост.*

Икона «Архистратиг Михаил» из березовского Воскресенского собора до реставрации. Фотография А.Ф. Палашенкова. 1939 г.

2) Под гвоздем читаю «С».

По свидетельству местного историка Н.А. Абрамова[I], икона эта вместе с иконой Николая Чудотворца[II] принесена «первыми казаками 1592 года при основании Березовского укрепления».

Мы полагаем, что икона имеет более позднее происхождение – относится к первой четверти XVIII столетия, о чем свидетельствует характер письма.

№ 1835.

«Образ Пресвятыя Богородицы живоносный источник»[4]. Икона недавнего (II полов[ины] XIX столетия) происхождения. Отличается наивно примитивным письмом, напоминает лубок.

Вверху посредине изображена Богоматерь с младенцем на коленях, по сторонам ее в облаках предстоящие ангелы с наклоненными в сторону Богоматери головами и держащими по шару (державе) с надписью: на левой [стороне] (от зрителя) «ИС», на право[й] – «ХР» и под восседающей на коленях Богоматери младенца в купель (изображение под «Б.М.» и […] изливается «Живоносный источник»[III].

На переднем плане купели сосредоточены немощные. На одного из них падает вода. Другому болящему он помогает окупаться в источнике. Три сидящие фигуры протянули сосуды, чтобы излилась в них вода живительного источника. Пятеро изображенных с левой стороны, а трое [–] с правой, тянутся к источнику. Только один (с правой стороны) обратил лицо в сторону, противоположную купели, очевидно, уже получивший исцеление от недугов и язв. В числе стоящих у купели – четверо (по два с каждой стороны) в церковных одеяниях с митрами в виде корон, два монаха в скуфейках (слева) и один справа, царица в короне с сосудом в правой руке. Фон иконы голубой.

В изображении нельзя не видеть элементов культа фаллического.

Икона написана, не подлежит сомнению, местными иконописцами, мало искушенными в своем мастерстве. Иконная доска с выемкой глуб[иной][IV] […] из дерева хвойной породы на 2-х шпонках. Венцы с Богородицы и предстоящих сняты. Сохранность иконы хорошая.

В изображенных на иконе лицах нельзя не видеть национальные черты населения крайнего севера Омской области.

Высота иконы – 30,5 см, ширина – 26,5 см.

С архитектурной обработкой.

[I] Абрамов Н.А. Описание Березовского Края, стр. 378. Напечат[ано] в записках…..Русск[ого] Геогр[афического] общества. Книжка XII СПб. 1857. – *Прим. А. Палашенкова.*

[II] Икона Николая Чудотворца, видимо, погибла. Ее не удалось встретить при рассмотрении оставшегося церковного имущества б[ывшего] Воскресенского Собора. – *Прим. А. Палашенкова.*

[III] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[IV] *Далее оставлен пустой участок в тексте, отмеченный многоточием. – Прим. сост.*

№ 1836.

Икона с погрудным изображением Христа[5]. Написана на доске с выемкой.

Вокруг головы – нимб с крестообразным делением и литерами: в правом [углу] от Христа «О», в левом «Н», вверху над головой – «»[I]. Вверху нимб выходит из выемки на рамочный выступ. Здесь по сторонам нимба надпись: ИС. ХС.

Венец вокруг головы сорван. Живопись покрылась мелкими трещинами в особенности на лице, имеются небольшие ссадины, не затронувшие, впрочем, лика.

Торцы у бока и обратная сторона иконы обиты простым сине-голубым сукном, на котором позднейшая чернильная надпись: «Аналогичная. Г. № 4».

Размер иконы: высота 28,6 см, ширина 25,3 см.

I полов[ина] XVIII в.

№ 1837.

Икона Рождества Пресвятые Богородицы[6]. Написана на холсте, наклеенном на доску. Изображены палаты с окном посредине и голландской печью в левой стороне. В центре – повитый и покрытый пеленой младенец. Над его головой надпись: МР […]. Справа (от зрителя) под пологом возлежит на белом ложе с красным изголовьем Анна с покрытой белым платком головой в темно-зеленом с золотистыми пятнами на изгибах платье. Голова обращена к младенцу, к нему же распростерта правая рука, в то время, как левая лежит на бедре. Над золотым нимбом надпись «С. Анна». С левой стороны (от зрителя) за круглым столом восседает Иоаким. Перед ним на столе раскрытое евангелие – «Слый дщи и виждь». Фигура и голова старца обращены к младенцу, левая рука простерта к родившейся[II]. Над нимбом надпись «Иоаким».

По краю иконы вместо рамы – черная рамочная обводка, шириной в 3,3 мм. На ней внизу с левой (от зрителя) стороны изображен в латах с восьмиконечным крестом в правой руке, с левой [рукой] на груди – св[ятой] великомученик Мина. Справа – святая в длинных одеждах со сложенными на груди руками (Возможно, Симеон).

Икона хорошего письма. Очевидно, не местной работы, а привозная. Относится ко II полов[ине] XVIII века. По краям ее имеются небольшие осыпи краски, есть ссадины у нимбов святых, очевидно получившиеся при снятии венцов.

На обороте иконы позднейшая надпись чернилами: «Аналогичная. Г. № 2». Доска цельная, на 2-х шпонках. Высота иконы [–] 30,8 см, ширина [–] 25,3 см.

№ 1838.

Икона «Св[ятой] Чудотворец Николай»[7]. Написана на доске масляными красками. Сверху покрыта лаком. Николай изображен (поясное изображение) в архиерейских одеждах со сложенными для благословения перстами правой руки и евангелием в левой. Голова открытая, плешивая. Вверху в облаках с правой стороны (от зрителя) – Христос с благословляющей десницей и евангелием в левой [руке], слева – Богоматерь с распростертым омофором.

Икона местного письма невысокого качества мастерства. На обороте ее каллиграфическая надпись, сделанная гусиным пером: «В память оформирования Березовской местной команды, прибывшей в г. Березов 5 сентября 1881-го года, на средства нижних чинов, по настоянию начальника команды Штабс-капитана Александра Степановича Антипина».

Ниже более мелко:

«Писана в Березове живопис. Иваном Козловым. 1881-го декабря 5-го дня».

Высота иконы – 53,4 см, ширина – 42,3 см. Доска на 2-х шпонках. Венец с Николая снят, имеются ссадины и большое справа у головы пятно от пламени свечи.

[I] *Оставлен пустой участок в тексте, отмеченный кавычками. – Прим. сост.*

[II] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

№ 1839.

Икона-картина с изображением библейского сюжета: Моисей у неопалимой купины[8]. Написана масляными красками на доске, которая внизу дала трещину на месте соединения, склея. В центре в темной одежде (с золотой прожилкой на месте складок) с накидкой поверх ее стоит изумленный чудом Моисей: перед ним на возвышении на фоне пламени большое дерево с подсадой в виде более тонких деревьев, – это несгораемый куст. Позади Моисея – стадо овец и коз, а также дерево с небогатой листвой.

Над головой Моисея венец в виде золотом настланного обруча со звездой в центре. Над венцом надпись: С. Моисей.

Икона письма приятного.

Размер: 54,5 см длина и 44 см шир[ина].

Икона входила в состав иконостаса.

Сред[ина] XIX столет[ия].

Березов 18 сент[ября] 1939 г.

№ 1840.

Икона с изображением евангельского сюжета: «Искушение Христа диаволом»[9]. Написана на доске масляными красками. В центре изображена высокая сопка «скала», у подножия и на склонах которой отдельные деревья. На вершине скалы стоит Христос с сиянием вокруг головы и надпись вверху ИИС ХРС. Возле него у обрыва дьявол, он указывает на царство свое, расстилающееся внизу, которое он намерен отдать Христу, если последний поклонится ему. По прав[ой] и по лев[ой] сторонам скалы каменные палаты немецкого типа с вытянутой купольной башней.

Налево от Христа надпись:

От Луки, главы Д.

Ширина иконы 62 см, высота 38 см. На иконе местами слезла краска, есть ссадины, покрыта лаком. Входила в состав иконостаса.

Относится к сред[ине] XIX стол[етия]. Березов.

№ 1841.

Икона с изображением библейского сюжета: «Видение Иаковым Таинственной лестницы»[10]. Написана на доске масляными красками. Изображен гористый ландшафт. С левой стороны большое с зеленой листвой дерево, с правой виднеется град.

У подножья горы, облокотясь на правую руку, спит Иаков. Из пальцев левой руки выскользнула трость. От изголовья на небо поднимается лестница. По ней спускаются и поднимаются вверх ангелы в легких опоясанных одеждах.

В правом углу ц[ерковно]-славянским шрифтом написано:

«Стый Иаков виде во сне лествицу утвержденну от земли на нбо, и се ангели бжии восхождаху и нисхождаху по ней».

Ширина иконы 67,7 см, высота 35,5 см.

Входила в состав нижнего яруса иконостаса.

Относится к сред[ине] XIX ст[олетия]. Березов.

№ 1842.

Икона с изображением Иоанна (Максимовича), митропол[ита] Тобольского. Написана на доске масляными красками. Иоанн дан в поясном виде в митрополичьем клобуке и мантии. В правой руке восьмиконечный крест, в левой – архиерейский посох. На груди панагия. С правой стороны (На набедреннике) в иконную доску врезаны частица мощей в серебряной в виде креста оправе. Сооружена икона после открытия мощей Иоанна (1916 г.).

Икона написана вполне грамотным иконописцем.

Размер 89 × 62 см.

Вверху иконы надпись холотом:
«Св. Иоанн митр. Тобол.»[1]

№ 1843.

Икона Абалацкой божьей матери. Написана на доске масляными красками. Фон иконы золотой, узорный. Богоматерь дана в поясном изображении с воздетыми до уровня плеч руками, в жемчужном кокошнике. Вокруг головы на золотом орнаментированном поле – херувимы в красных медальонах. По сторонам, на уровне головы надпись: МР – ДУ. Лицо с классическими мягкими чертами. На груди на спускающемся красном омофоре медальон с золотым фоном, с изображением младенца Христа со свистком в левой руке.

По правую сторону богоматери внизу на борту иконы изображен в рост Николай Чудотворец, по левую – Мария Египетская.

Внизу иконы надпись:
«Копия с образа Престыя бцы Абалакския».
Написана икона в начале XX стол[етия].
Ее размер – 90 см высота, 79,5 см ширина.
Икона поражает красивостью.
Из казачьей кладбищенской церкви г. Омска. Изъята весною 1939 г. Палашенковым.

№ 1849.

Икона Владимирской Б[ого]М[атери][11]. Написана на кедровой доске с выемкой. Высота иконы 117,5 см, ширина 97,3 см. Держащая в руках младенца Б[ого] М[атерь] изображена до пояса в крупном виде, более натуральной величины раза в полтора. Одежды Б[ого]М[атери] красные, у младенца […] коричневые. Вокруг головы Б[ого]М[атери] нимб диаметром в 47 см. Вверху по сторонам нимба надписи: МР ОО. На уровне головы младенца: ИИС ЗРС. На бортовых выступах иконы (На раме) – надписи:

Справа (от зрителя): «Сей образ
изображен был
в 1731 году.
Переписан завет
хостию красок
Мца Августа
1820 года».

Примечание: Последнюю дату можно читать 1840. Третий знак вызывает сомнения – 2 или 4.

Слева: большая надпись, прочитать которую полностью не удалось.
Первоначально
Повествуют, что сий ико престя Бцы Владимирския было
изображение писа
Норвангелистом лух кою и де
то… за м
пез Иис Хрс
С своего матер т оны
перенесен из
Иерусалима в
Константинополь
…….гон
…….

[1] Из кладбищенской церкви, что на Казачьем кладбище в г. Омске. Изъята весной 1939 г. Палашенковым. – *Прим. А. Палашенкова.*

…….нашест-
вия на Россию тая
……..Великий
Князь Василий
Дмитриевич
обозрит
Московск……
ми
политу…….
……..
……..
бжию матерь и святите
ля Петра в аща
Ми ему (вход)[1] к Моск
и поражены та
ким явлением на дру
гой же день (дал) наказ
к обратному походу
Великий князь по воз
вращении во престоль
ный град заблагораз
судил на……..сре
тения стаго образа
основать монастырь
который и по ныне
существует под
именем сретенского.

Иконная доска посредине расклеилась, образовалась, несмотря на наличие шпонок, трещина в 2 - 3 см. В самом низу выпал кусок из скрепляющей заделки. На изображенных лицах большие беловатые пятна (от смыва красок), также имеются и шелушения красок и ссадины. Венцы сняты. Ризы, видимо, не было.

Судя по тому, что икона написана на доске кедрового дерева, можно с большей или меньшей уверенностью говорить о ее сибирском и даже Березовском происхождении. Доски для иконы взяты широкие – 49,3 и 48 см, шпонки осиновые.

Березов.

№ 1850.

Образ евангелиста Иоанна Богослова[12]. Написана на кедровой доске из двух половин, связанных двумя шпонками. Внизу с обратной стороны имеется обуглившаяся выщерблина.

Евангелист представлен сидящим за столом в виде старца с плешивой головой, усами и длиной седой бородой. На столе перед ним лежит евангелие с начертанным им начальным текстом: «В начале бе слово, и слово бе к богу и бог бе слово…». 1) Евангелист несколько наклонил голову вправо. Персты правой руки он приблизил к устам (отмыкает глагол их). Левая рука почиет на первой странице книги.

Перед евангелием коричневыми красками изображен орел с повергнутой к нему головой и открытым клювом. Длинный язык в виде языка огненного пламени (Глаголом жечь сердца людей). На столе же стоит сосуд с красками. Трость (перо) не изображена.

[1] *Здесь в скобках указано слово, вставленное автором в текст на место недостающего. – Прим. сост.*

У головы, касаясь рукой левого плеча Иоанна, ангел. Вся композиция охватывается аркой палат. Над нимбом Евангелиста обрамление в виде окна. Налево от него (со стороны зрителя) надпись: «Образ стаго (апс)тла и(е)глиста Иоанна Бгслова».

Из-под названной надписи виднеются отдельные[I] […] более древней, что свидетельствует о позднейшем подновлении иконы. Икона местного письма Тобольского или Березовского.

Размер иконы: 72 см высота, 56 см ширина. Икона написана скромными красками, которые от времени потускнели и загрязнились. На иконе есть царапины и ссадины, а также пятно от свечного пламени.

Датировать можно II полов[иной] XVIII века.

№ 1851.

Икона Богородицы всем скорбящим радости[13]. Икона написана масляными красками на кедровой доске из двух половин.

В центре иконы во весь рост изображена с наклоненной вправо головой Б[ого]М[атерь] с держащим[II] в левой руке младенцем, в правой – золотой скипетр. На голове ее венец. По сторонам на уровне головы и плеч Б[ого]М[атери] расцветшие цветы. Ниже – по одну и другую стороны на иконе изображены от верха книзу группы людей со свитками (которые поддерживаются ангелами) над их головами.

Вверху по цветочным ветвям [–] никем не поддерживаемые свитки с надписью.

В правом от Б[ого]М[атери]: «Изображение преветы Бцы»

На левом[III]…….. «Всем скорбящим радости».

На правом верхнем, поддерживаемом ангелом: «С(т)ранным утешение».

На правом нижнем, поддерж[иваемом] ангелом: «немощным покров и заступн(и)ца».

На левом верхнем, поддерж[иваемом] ангелом: «Алчущим

питательницы нагим (древния)».

На левом нижнем, поддерж[иваемом] ангелом: «Больным слепым посещение».

Исключая Б[ого]М[атери] и младенца, все остальные персонажи на иконе написаны наивно-примитивно, лубочно.

Внизу, под Б[ого]М[атерью] в рамочке надпись уставом:

«По обещанию приложена в соборную одентревскую церковь бывшим в городе Березове […][IV] Воевод. василием моисеевым 1755». Более мелко: – года месяца Апреля 15 дня.

Малевал изограф Цеховой Дмитре Мамантов[14]…….

Размер иконы – 93 см высоты, 78 см ширины.

Икона разбита пополам. Связывающие доску вверх и вниз, вделанные в торец шпонки выпали. На иконе обуглившееся пятно: венцы с Б[ого]М[атери] и младенца – сняты. Низ доски укорочен позднейшим отрезом.

№ 1852.

Изображение Ноева Ковчега на горе Арарат. Написано на кедровой доске масляными сине-голубыми красками. В центре возвышается высокая, почти с отвесными склонами, с редкими кустами растительности гора Арарат. Вся верхняя площадка ее занята ковчегом, напоминающим кузов баржи с двускатной кровлей, русского типа избушкой с окнами и дверью с полукруглым верхом. Не только собственно гора Арарат покрыта кустарником, но и прилегающие к ней гряды.

Изображение местного письма.

Размер изображения 27,5 см высота и 41,8 см ширина. Сохранность хорошая. Входила в состав икон нижнего яруса иконостаса.

К[онец] XIX или нач[ало] XX ст[олетия].

[I] *Далее неразборчиво два слова. – Прим. сост.*

[II] *Так в рукописи. Следует читать:* лежащим. *– Прим. сост.*

[III] *Здесь и далее сохранено авторское отточие. – Прим. сост.*

[IV] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

№ 1853.

Изображение библейского сюжета: пророк Илия убивает жрецов идольских[15].

В центре на переднем плане пророк Илья в виде плешивого, но с большой бородой старца занес меч, чтобы поразить взятого за бороду жреца.

Последний в испуге поднял руки вверх; он в длинных одеждах с шапкой, напоминающей шапку Мономаха. И справа и слева лежат поверженные на смерть пророком жрецы с пятнами крови на одежде. По лицам они напоминают собой тюрко-монголов.

Дальше, на заднем плане справа (от зрителя) виднеется «Град Самария», слева [–] горный пейзаж с двумя мощными высокими скалами. У самого края [–] большое с мощной листвой дерево. Вверх посредине уставная надпись: «Стый прок Илия закла т жрецов идолских во дни царя Ахова».

Размер: 67,5 см шир[ина] и 25,3 см выс[ота].

Икона входила в состав иконостаса.

Березов.

№ 1854.

Изображение библейского сюжета: «Погубление Содома»[16].

Написана масляными красками на деревянной фигурной доске.

На переднем плане три покинувшие город фигуры: Лот в виде старца, по бокам две женщины в розовых одеждах: одна со свертком под мышками, другая – на голове. Последняя, между прочим, в модном платье. Позади их в виде силуэта человеческая фигура. Очевидно, жена Лота, которая игнорировав наказ ангела, обратилась в соляной столб. Вдали, левей, город Содом, объятый пламенем серного дождя.

Размер: высота 34,5 см, шир[ина] 41 см.

Изображение на доске из 4 частей. Одна часть утеряна, остальные три держатся на шпонке, расклеились.

Из Березова.

№ 1855.

Изображение страданий Феодора Стратилата[17]. Написано на доске, связанной двумя шпонками.

Слева (от зрителя) на заднем плане изображен город, обнесенный каменной зубчатой стеной с круглыми башнями (видно две) и бойницами, а также с контрфорсами. Направо – горный вид.

На высоком четырехконечном кресте распятый с радостным выражением на лице. Из руки, груди с вонзенными двумя стрелами сочится кровь. У подножия креста веревка, нож и гвозди. Перед распятым (с левой стороны) – воины в латах и красных кафтанах с мечами, копьями и луками. У одного обращенного к зрителю спиной, в красной накидке, на причудливом головном уборе воткнуто большое перо (напоминают польских рыцарей, за исключением одного). Лица всех обращены на распятого. Вверху по обе стороны креста славянскими литерами написано: «Страдание Стаго Великомученника Феодора Страт.».

Размер: 35 см высота и 68 см ширина.

Картина входила в состав нижнего яруса иконостаса. II половина XIX ст[олетия].

№ 1856.

Изображение трех жен мироносиц написано масляными красками на фигурной кедровой доске, связанной двумя шпонками[18]. Мироносицы изображены идущими и рассуждающими. У каждой из них по сосуду с миром в руках. Одежды длинные, головы покрыты. Лица цветущие, здоровые. Первая из них с пробором черных волос посредине не лишена кокетства. В ее изображении чувствуется отражение живописи Боровиковского. В нимбах надпись.

Над первой: Мария Магдалина;

над второй: Мария Иаковля;
над третьей: и Соломия.
Живопись потускнела, загрязнилась. Золото на нимбах послезло.
Размер: высота 79,5 см, ширина 61 см.
I пол[овина] XIX стол[етия].
Из Березова.

№ 1857.
Изображение Иоанна Богослова[19].
Написано масляными красками на кедровой фигурной доске с двумя шпонками. Изображение является фрагментом голгофы, где Иоанн фигурирует в качестве предстоящего.
Иоанн с приподнятой головой и возведенными вверх глазами. Левая его рука воздета кверху, правая протянута (в направлении к кресту). Он в длинных темно-зеленых и красных одеждах. Ноги обнажены. Вокруг головы золотой нимб, на котором значилось имя Иоанна. При позднейшей позолоте нимба, вследствие небрежности, покрыта часть волос на голове.
Размер: 92 см выс[ота] и 34 см шир[ина].
Краски загрязнились, есть ссадины, царапины.
Из Березова.

№ 1858.
Икона Феодора Стратилата[20]. Написана масляными красками по[1] …….. на деревянной (видимо, кедровой) доске со шпонками с обратной стороны.
Святой изображен в рост в рыцарских латах, поверх которых туника (накидка). На голове шлем с пышными перьями, на ногах красные с золотыми украшениями сапоги. В правой руке – четырехконечный крест с ветвью, в левой [–] длинное копье; с левой же стороны видна золотистая вычурная рукоять сабли. Золотистыми узорами изукрашены одежды темно-зеленоватых тонов. Над собственно головой нимб разорван перьями навершья.
По сторонам же он дан в выпуклом позолочено-орнаментированном виде из левкаса. Сверху на голову Феодора падают лучи.
По сторонам на уровне плеч красиво исполненная надпись: «Стый Великомчник Феодор Стратилат». На заднем плане виднеются строения города.
Размер иконы: 106,5 см выс[ота],
44 см ширина.
Верх иконы полукруглый с плечиками по бокам. Сбоку (правом от святого) на поле большое белое пятно вследствие смыва краски. В общем же икона находится в состоянии хорошем, входила, не подлежит сомнению, в состав иконостаса.
Нач[ало] XIX стол[етия].

№ 1859.
Икона пророка Илии[21]. Написана масляными красками по левкасу на деревянной доске с двумя шпонками. Верх иконы полукруглый с плечиками по сторонам. Пророк изображен в рост в виде старца с большой бородой. Облачен в длинные темно-коричневые и красные одежды. Голова и ноги обнажены.
В правой руке меч, в левой [–] белый свиток, на котором хорошим уставным письмом написано:
«Равнуя
Поравно

[1] *Далее оставлен пустой участок в тексте, отмеченный отточием. – Прим. сост.*

вах, по
Господе
Бзе все
держителе».

Нимб лентой, покрыт золотом. По сторонам на уровне плеч красиво исполненная надпись: «Стый Славный Пророк Илия».

На заднем плане виднеется город.

При позолоте нимба позолотой покрыта часть волос на голове.

Разм[ер] 106,5 см высота и 44 см ширина.

Икона входила в иконостас.

Нач[ало] XIX ст[олетия].

№ 1860.

Икона Св[ятого] Антипия епископа. Написана масляными красками на цельной кедровой доске с двумя шпонками на оборотной стороне.

Лицевая сторона иконной доски с выемкой, неширокими (в 4,2 см) боковыми и более широкими (в 8,8 см) торцовыми выступами.

Антипий изображен в виде старца с длинной клиновидной бородой в епископском облачении, с открытой головой. Ушные раковины обращены вперед. Персты правой руки сложены для благословения, в левой руке [–] книга-евангелие. По сторонам на уровне плеч надпись: «Стый Антипий епископ пергама Асийский». В иконе удержаны черты древнего письма.

Относится к концу XVII или же нач[алу] XVIII стол[етия].

Размер: высота 110 см, ширина 44,5 см.

От верха в доске трещина, в 1 [с]м шириной, покороблена. Венец снят, следы воска.

Из Березова.

№ 1861.

Резное (из липы) парное изображение евангелистов Матфея (?)[1] и Марка. Фигуры (исключая головы) покрыты золотом.

Евангелист Матфей (?) сидит. Голова удлиненная, плешивая, борода черная в виде языка, нос прямой, толстый, глаза несколько приподняты. Левая рука лежит на колене, правой прижал к груди развернутое евангелие. Из-под длинной одежды выглядит правая нога без обуви.

Высота фигуры 55,5 см. Символическое изображение евангелиста, видимо, обломано.

С левой стороны его – фигура евангелиста Марка. Он сидит на уровне ног Матфея (ниже на 15 см). Голова круглая, покрыта темно-коричневыми волосами, расчесанными на прямой ряд, борода также темно-коричневая круглая, нос прямой толстый, взор евангелиста устремлен вперед. Левой [рукой] он прижал к груди раскрытые листы евангелия. Правая рука приспущена до колена. Из-под длинной одежды выглядят обнаженные пальцы правой ноги (отбит). У левой ноги символическое изображение льва. Высота фигуры 57 см.

Из Березовского собора, резного иконостаса.

[№ 1862].

Резное (из липы) парное изображение евангелистов Луки (с тельцом) и Иоанна (?).

Фигуры (исключая головы) покрыты золотом.

Евангелист Лука изображен сидящим. Голова круглая с черной круглой бородой и такими же волосами, расчесанными на прямой ряд на голове. Нос прямой, толстый. Левой рукой держит закрытое евангелие, правая рука приопущена до колена. У правой ноги телец [–] символ кротости, смирения. Из-под одежд виднеются пальцы ноги.

---

[1] *Здесь и далее сохранены авторские пометки в тексте. – Прим. сост.*

Высота фигуры 54 см.

Рядом вплотную с Лукой (выше на 16 см) по левую сторону его изображен евангелист Иоанн. Голова плешивая, лоб большой; борода комообразная, темно-коричневая, нос прямой (конец отбит), глаза устремлены вдаль. Левой рукой придерживает поставленное на колено закрытое евангелие. Правая рука поднята до уровня плеча (возможно, что она держала трость или перо). Из-под одежды виднеется часть ступни с пальцами левой ноги. Символ в виде орла (На плече с левой стороны головы обломан).

Высота фигуры – 54 см.

Из Березовского собора.

№ 1863.

Хоругвь церковная. Основная часть состоит из обрамленного неширокими (в 15 мм) железными полосами прямоугольного поля из листового железа, размером в 46 см выс[ота] и 37 см ширина.

На лицевой стороне его масляными красками Богоматерь Одигитрия, на обратной [–] Собор архистратига Михаила. На высоком древке в правой руке Михаил держит знак Креста, в левой у него ветвь. По одну и по другую стороны предстоят ангелы, по три с каждой стороны. Один из ангелов (с левой стороны Михаила) взял за правую руку юношу с рыбой в левой руке; [за левую руку] юношу в длинной красной рубашке, в чулках.

Вверху изображенная в облаках Св[ятая] Троица – бог отец, бог сын, бог дух.

Внизу плохо сохранившаяся надпись:

«Прилож(ена) (си)я хоругвь в (горо)д Березов Соборную престыя бцы одегитрий тщанием. Михаила Русано(ва) (?) 1775-го году июня 14 день».

Вокруг обрамления – украшение в виде сквозной узорной прорези из листового железа. Позолота на узоре потускнела и местами послезла. Верх увенчивается крестом. Знамя укреплено на железном стержне с яблоком внизу. Высота собственно знамени с железным стержнем – 1 м 47 см. Нижняя деревянная часть рукояти отсутствует.

Из Березовского собора.

№ 1864.

Хоругвь церковная. Основная часть хоругви из обрамленного неширокими (в 13 мм) железными полосами прямоугольного поля из листового железа, размером – 37,7 см выс[оты] и 32,3 см шир[ины].

На лицевой стороне его изображено Рождество Богородицы, на обратной – Антоний и Феодосий Печерские. Живопись недавнего времени. Она, нет сомнения, покрыла собою более старую XVIII века.

Вокруг обрамленного с изображением поля – красивое позолоченное украшение в виде сквозной узорной прорезки из листового железа. [Увенчивается] четырехконечным лапчатым крестом.

Знамя укреплено на железном стержне. Высота собственно знамени с железным стержнем 1 м 23 см……. Деревянная часть рукояти отсутствует.

Из Березовского собора.

Украшающие части хоругви (прорезь) являются интересным памятником старого мастерства по железу.

№ 1865.

Икона Св[ятого] Власия[22]. Написана масляными красками на основной доске об одной шпонке, доска не склеенная. В рост изображен Власий с большой седой бородой, в архиерейских одеждах и митре. Голова приподнята, глаза воздеты вверх. Левой рукой держит закрытое евангелие, правая отведена вперед и приподнята до уровня плеч. Перед ним в облаках Христос с благословляющей десницей и свернутым свитком в левой руке. Лицо Христа несоразмерно удлинено.

На земле перед Власием козлица и лошадь. Все они обратили свои головы к своему «покровителю».

Вверху над головой Власия надпись:

«Стый сщеномчк Власий».

Краски на иконе потускнели. Внизу на изображении Власия обуглившееся пятно. Венец снят. Икона относится к концу XIX стол[етия].

Происхождение местное.

Размер 35,5 см высота и 27 см шир[ина].

№ [I].

Картина Успения Б[ого]М[атери][23]. Написана масляными красками на сшивном (из 3-х кусков) холсте с синими полосами.

В центре возлежит в красных одеждах Б[ого]М[атерь].

У изголовья два подсвечника с двумя горящими свечами. По обе стороны апостолы. Выше над ней Христос с душой умершей.

В облаках пророки и ангелы. Внизу картины надпись:

1800-го года июня 1-го дня писан в Тобольске тщанием Березовского купца Андрея Семенова сына Сергеева.

Выс[ота] 250, шир[ина] 215.

Картина сильно[II], краски осыпались.

Художественного достоинства картина не имеет. В инвентарь не внесена[24].

№ 1878.

Фонарь из тонкого листового железа, шестигранный. К верху объем увеличивается, благодаря расширению граней. Верхние суживающиеся грани фонаря украшены бронзированными выпуклыми урнами. Замыкается приплюснутой шестигранной же с расширением в среднем поперечном сечении башенкой с прорезанными вверху в виде шестиконечных звезд отверстиями. По сторонам ребер на бронзированных обрамлениях украшения в виде выпуклых (штампованных) большего и меньшего размера точек. Внутри – три ячейки для постановки свечей. Первоначально в фонарь вставлена была слюда, следы которой сохранились в одной из граней.

Фонарь окрашен масляной краской темно-серого цвета. Дверочка сломана, затерялось нижнее украшение. Высота фонаря равна 63 см.

Относится к середине 19 стол[етия][III].

[I] *Инвентарный номер описываемой иконы не указан. – Прим. сост.*

[II] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[III] *В конце текста автором от руки зеленой пастой поставлена подпись* «А. Палашенков». *– Прим. сост.*

Описание Мансийского храма[1]

1939 – 1940 гг[I].

(На левой стороне р[еки] Ляпин. В 2 – 2,5 км по реке вниз от Саран Пауля, в лесу у ручья капище)[II].

Состоит из семи деревянных резных изображений-божков, построенных вряд, вплотную друг к другу[2]. В центре – самый большой по величине. От него направо и налево [–] по три божка, расположенные с постоянным понижением от центрального. Таким образом, по краям стоят самые малые по величине божки[3].

Все фигуры отличаются примитивно-грубой обработкой, сделаны, как говорят, топорно. И действительно, кроме топора (и, может быть, ножа) другие инструменты при их изготовлении применения не находили.

Суровость и угрюмость лежат на лицах божков. Это еще более усиливается тем, что все они от сырости и времени почернели.

Божки отличаются несоразмерно длинными головами с конусообразной верхней частью, большей частью сплюснутой сзади.

Лица совершенно плоские, надбровные дуги сильно нависают. Нос непропорционально велик; плечи узкие, не шире головы.

Сделаны божки из кедровых обрубков.

Все они одеты в поношенные одежды и тряпье. На трех центральных – бывшие в употреблении пиджаки, рубашки, по несколько (4 – 6) штук на каждом. Крайние завернуты в тряпье (спеленаты), так же по несколько пелен, причем верхние – белые, коленкоровые. Никаких опоясок на божках нет.

На головах белые повязки поверх грубой суконной и ситцевой. Они напоминают белые скуфейки. Тем более что узлов не видно – они сзади головы. Повязки покрывают собою голову до начала носа, прикрывая собой, таким образом, и надбровные дуги.

Спереди за воротником у божков лежат монеты, больше медные, но встречаются и серебренные. Среди денежных приношений обнаружен, между прочим, денежный знак пятикопеечного достоинства, царского времени, период до империалистической войны. Деньги являются ничем иным, как жертвенными приношениями божкам.

При первом взгляде кажется полная торжественность[III] на лицах божков. Но при более внимательном рассмотрении замечаются особенности в изображении их.

Центральный божок. Высота его равна 133 см, толщина (диаметр) обрубка дерева, а следовательно, лица и туловища – 18,5 см, длина головы – 45 см. Нос прямоугольный, без малейшего утоньшения к надбровью, лишь сверху, на переносице несколько стесаны углы. Длина носа – 8 см, ширина 3,3 см. Ноздри обозначены двумя неглубокими зарубинами на ребре внизу. Глаза в виде сплюснутого круга (эллипса), нанесенного углубленной линией, брови в виде углубленной прямой линии.

[I] *Заглавие вынесено на отдельный лист, написано автором от руки черными чернилами. – Прим. сост.*

[II] *Уточнение автором написано от руки зеленой пастой. – Прим. сост.*

[III] *Вероятно, имеется в виду слово* «тождественность». *– Прим. сост.*

Мансийское капище в экспозиции ОГИК музея. 2000-е гг.

Рот в виде топорной небрежно сделанной зарубины. Затылочная часть головы стесана на половину толщины обрубка, стесана также и спина. Нижний конец оканчивается двумя зубцами. До низа одежда не доходит на 10 см, начинается же от половины бороды.

С правой стороны названного божка стоит несколько меньший по размерам божок. Высота – 127 см, ширина (диаметр) – 15 см; длина головы – 35 см. Нос плоский, к надбровью суживается, с двумя зарубинами ноздрями.

Глаза и рот в виде эллипсов, сделанных углубленной (выемчатой) линией, брови в виде углубленных прямых вырезов. Задняя часть обрубка стесана. Низ оканчивается двумя зубцами.

Не менее шести одежд одето на божка. Они почернели и значительно погнили.

Затылочная часть головы стесана.

Одежда не доходит до низа на 20 см, начинается от подбородка.

С правой стороны второго божка – третий божок. Он значительно меньше: высота 110 см, ширина лица 10 см, диаметр же обрубка – 13 см. Длина головы (приблизительно) 32 см. Нос прямой, несколько суживающийся к надбровным дугам. Переносичной впадины нет, угловатый, ноздри в виде двух зарубин.

В противоположность предыдущим божкам щеки впали, надбровные дуги не прямые, а с изгибом. Глаза не выделены, не обозначен и рот. Брови в виде широкой изогнутой выемки.

Божок повит различными кусками материи, в том числе суконным домотканым.

Низ божка обрублен см на 8.

Затылок и наспинная часть божка стесаны на половину толщины обрубка. Одежды от бороды и до низа не доходят всего на 10 см.

Крайний божок (слева от зрителя) сделан из нетолстого обрубка в 99 см выс[отой] и 7,5 см толщиной. Длина головы – 21 см.

Лоб значительно выступает; нос с впадиной на переносице. Ширина его одинакова, конец более острый в виде утиного клюва. Надбровные дуги прямые, причем правая приподнята выше, нежели левая. Брови отсутствуют. Глаза и рот в виде эллипсов из углубленной линии. Нижний конец опирается на зубчатые бережки.

Сверху на божке повивка из белого коленкора. Затылок снесен на 0,25 толщины обрубка. Одежда ото рта. Спускается на 25 см до конца.

По левую сторону от центрального божка – пятый божок, высотой в 103 см (нижний конец сантим[етров] на 8 – 10 обрублен). Ширина лица – 11 см, толщина же диаметра обрубка – 14,5 см. Затылочная часть обрубка стесана до сердцевины, таким образом, головка божка плоская, прямой нос, который к надбровным дугам суживается. Ноздри обозначены двумя зарубинами на конце носа. Брови даны в виде широких топорных зарубин. Они скрываются под головной повязкой. Глаз и рта нет. Сверху на божке старый домотканый льняной пиджак с черными пуговицами. Он покрывает божка от подбородка и приподнят от основания на 10 см. Колпак на самом верху прорван.

Шестой божок сделан из круглого обрубка (задняя часть его не обтесана). Высота равна 99 см, диаметр – 9 см. Голова стесана с боков в клин, спереди стесан лишь верх ее. Нос совершенно прямоугольный с двумя зарубками – ноздрями. Рот и глаза – эллипсовидные из выемчатой линии, брови в виде прямых выемчатых линий. Божок спеленат (сверху) белой коленкоровой пеленой, которая прикрывает его от носа и не доходит до низа на 21 см.

Кроме медных монет, за воротником у божка положен бумажный денежный знак пятнадцатикопеечного достоинства[I] – марка царского времени периода гражданской войны (с портретом Николая I[II]).

Крайний правый (от зрителя) божок (седьмой по счету) – самый малый по размерам. Высота его равна 82 см, толщина – 8 см. Как и крайний левый божок, нос имеет тонкий, на конце поднимающийся кверху (напоминает птичий клюв, клюв утки). Ноздрей нет. Лоб выступает. Глаза обозначены выемчатой линией в виде небрежно сплюснутых окружностей; рот в виде равнобедренного расплывчато треугольника. Затылочная часть головы стесана немного (На 0,25 часть толщины обрубка). Божок спеленат в белую коленкоровую тряпку, начиная ото рта и не доходит до низу на 8 см[4].

В качестве аксессуаров мансийского храма являются полукруглые дощечки со вставленными в них нетолстыми березовыми палочками. Дощечки кедровые. Не все они в одинаковой мере представляют из себя правильный полукруг. Размером дощечки не одинаковы. Диаметр наименьшей равен […] см, наибольшей […] см. Толщина в среднем 1 см. Почти все дощечки к бережкам тоньше. У некоторых стесаны, утоньшены только собственно бережки. Поверхность их не отличается чистотой обработки. На многих видны топорные[III].

Лицевая часть, как правило, более аккуратно обработана. Нежели задняя. От дождя и времени дощечки почернели. На всех без исключения дощечках по полукружию сделаны зубчики, размер которых неодинаков даже на одной дощечке. Высота зубчиков от 4 мм и до 14. Помимо одинарных – на некоторых дощечках имеются и парные зубчики. Только на одной дощечке вырезаны зубчики по основанию. Зато здесь на некоторых дощечках прорезаны небольшие полукружия – от одного до четырех. На дощечках на лицевой стороне имеется орнамент в виде кружков с рядом радиусов. Орнамент сделан выемчатой линией.

Палочки, на которые насажены дощечки, не отличаются чистотой обработки. С некоторых счищена кора, имеются и с корой. Палочки неровные. Толщиной в среднем 1,5 см, длина от 62,5 см до 140 см.

Что означают данные предметы?

Может быть, это символическое изображение луны (или даже солнца)? Зубчики в этом случае можно рассматривать как лучи, исходящие от светила.

[I] *Далее зачеркнуто* «в виде», *поставлено тире. – Прим. сост.*

[II] *Вероятно, надо читать:* «Николая II». *– Прим. сост.*

[III] *Далее предложение обрывается. – Прим. сост*

№ п/п	Описание дощечки	Диаметр дощечки в см	Количество зубчиков		Длина палочки в см
			одинарных	двойных	
1	Дощечка гладкая без орнамента с четырьмя полукруглыми прорезями на основании	19,5	39		62,5
2	На середине основания вырезано полукруглое отверстие с диам[етром] в 2,5 см.	21.	43		74
3	Два средних зубчика значительно крупнее остальных	23,5	41		79
4	К основанию зубчики уменьшаются в размере	21	31		85
5	Верх дощечки приближается к готической арке. На лицевой стороне дощечки углубленной линией нанесены две окружности неправильной формы (по сторонам отверстия для палочки). Над ними изображение	24	37	1 тройн[ой]	77
6	Дощечка без зубчиков и орнамента, гладкая, в 6 мм толщиной	18			86
7	На основании три полукруглые прореза диам[етром] в 8 мм.	20,5	28		88
8	На основании две зарубины. Крайние два зубчика неполные.	25	22		96
9	На основании два полукруглые выреза, диам[етром] в 18 мм.	22,5	43		107
10	Рубчиками украшена по дуге и основанию. Зубчики с тупыми верхушками. Кромка дощечки стесана.	21,5	32 + 17		105
11	Кверху зубчики крупнее.	23	26		111
12	Зубчики разной величины.	15	23		103
13	Кверху зубчики крупнее на основании – два угловых выреза.	25	32		116
14	Дощечка тоненькая.	16,3		27	113
15	Описание дощечки со следами откола	15	22		113
16		18	19		120
17	Самая большая по размеру дощечка с двумя полукруглыми вырезами на основании	39[I]	43		112
18	На основании два выреза неправильной формы.	24,5	53		116
19	Тонкая дощечка в 6 мм толщиной.	23	3	28	112
20	На основании полукруглый вырез.	26	43		114
21	На основании два полукруглых выреза.	18	40		127
22	Дощечка со сдвинутым на сторону отверстием для палочки (влево от зрителя).	21	33		137
23	Дощечка тонкая с полукруглой прорезью на средине основания, украшенной угловыми зарубинами.	22,5	43		141
24	Дощечка с зарубинами на основании.	20	28 + 13		140
25	Дощечка с двумя полукруглыми прорезями на основании и двумя кругами с радиусами, сделанными выемчатой линией на лицевой стороне дощечки.	21	36		102
26	Дощечка с тремя полукруглыми прорезями и двумя двойными зубчиками.	23	36	2	69
27	Дощечка с крупными зубчиками[II], тонкая, небрежно стесанная.	20,5	15	1	118

[I] *Все цифры в строке вписаны черными чернилами. – Прим. сост.*

[II] *Слово вписано автором поверх строки черными чернилами. – Прим. сост.*

28	Дощечка с двумя прорезями полукруглыми на основании двойными (в виде колонки) зубчиком, в центре звездочкой, готической арочкой, сделанными выемчатыми желобчсатыми линиями на лицевой стороне	30,5	40	1	118
29	Дощечка тонкая, грубо стесанная и часть зубчиков сломаны.	28,5	30	7	122
30	Дощечка с мелкими зубчиками на основании. На дуге наряду с острыми зубчиками два тупых. Один зубчик угловой обломан.	23,5	28 + 27		104
31	Дощечка без палки (палка утеряна[l]), тонкая с мелкими зубчиками.	18	47		
32	Дощечка (без палки) с двумя полукруглыми прорезями на основании и зубчиками, вырезанными по бордюру и зубчатой дорожкой на поле лицевой стороны.	13	17		
33	Дощечка с тремя в виде коронки двойными зубчиками посредине дуги и выемчатой мелкой прорезью у основания, по концам дуги.	10,5	12	3	

Собирайте материалы о Великой Отечественной войне Советского народа[1]

1943 г.

В мировой истории не было войны подобной той, какая ведется в настоящая время на пространствах нашей родины от Баренцева до Черного моря. Миллионы людей вступили в решительную битву. Народы СССР, отстаивая землю отцов и дедов, осуществляют великую миссию освобождения человечества от насилия и гнета; с другой стороны, немецкие фашисты на острие своего оружия несут миру великое море человеческих слез, рабство. В этой Великой Освободительной Отечественной войне семья народов Советского Союза превратилась в единый нерушимый лагерь.

Наша Красная Армия и наш Красный Морской Флот проявляют чудеса храбрости. Не только отдельные герои, но и целые военные подразделения покрыли себя немеркнущей славой. В тылу – оплоте фронта – на заводах, фабриках, на колхозных полях, в лабораториях, рабочие, колхозники и служащие, мужчины и женщины, питая великую ненависть к врагу и чувство великой любви к славным защитникам родины, стали в ряды героев-бойцов своих отраслей, выполняя и перевыполняя установленные нормы.

[l] *Слово вписано автором поверх строки черными чернилами. – Прим. сост.*

Все это является залогом победы над немецкими захватчиками, залогом разгрома фашизма.

Красными письменами заносится Великая Отечественная война Советского народа на страницы мировой истории, и в торопливом беге веков, стирающем одни воспоминания и бережно хранящем другие, не померкнут содеянные подвиги народа нашего ни в веках, ни в тысячелетиях. Они вечно будут предметом восторга, подражания, неиссякаемым источником моральной силы не только нашего народа, но и всех передовых людей мира.

На нас – современниках и участниках Великой Отечественной войны, – лежит долг – возможно полно запечатлеть ее и ее участников, сохранить для грядущих поколений все, что будет будить воспоминания о знаменательных днях и славных героях Освободительной войны.

Омский Областной Краеведческий Музей, осуществляя эту задачу, в соответствии с указанием Наркомпроса[2], обращается ко всем трудящимся области – к рабочим, колхозникам, советской интеллигенции, учащимся с просьбой оказать всемерное содействие в сборе материалов, отражающих невиданную в истории человечества борьбу Советского народа за родину, за свободу.

Областной Музей просит о высылке в его адрес (г. Омск, ул. Республики, дом № 1):

1. Писем и открыток наших защитников на имя родных, знакомых, руководителей предприятий и учреждений, колхозов.

2. Фотографических портретов (фотокарточек) участников войны.

3. Их дневников и записок.

4. Предметов, привезенных с фронта в виде осколков от снарядов, пуль, предметов фронтового быта, обмундирования, вражеских предметов.

5. Наград и отличий, присвоенных за боевые подвиги и за работу на оборону: ордена, медали, грамоты, свидетельства и др.

6. Воспоминаний матерей, жен, братьев, сестер, товарищей о лицах, получивших высокие Правительственные награды за боевые подвиги героизм.

7. Сведений: а) о местах и зданиях, где проходили митинги в день вероломного нападения фашисткой Германии на Советский Союз и где принимались значимые для укрепления фронта решения; б) о зданиях в местах, связанных с жизнью и деятельностью отличившихся в боях с фашистскими варварами героев и видных деятелей трудового фронта; в) о братских и отдельных могилах героев Великой Отечественной войны и работников-героев на оборону фронта.

8. Печатных материалов: газет (местных и центральных), военных плакатов, лубочных картин, лозунгов, листовок, воззваний, объявлений и проч.

9. Отражающих военные события и наш героический тыл книг, брошюр, журналов, а также стенных газет предприятий, колхозов, учреждений, школ и др.

10. Рисунков с военными сюжетами. Богатый материал такого рода могут дать учащиеся школ, колхозники, воспитанники детдомов, детсады и др.

11. Написанных от руки и посвященных событиям Великой Отечественной войне объявлений, афиш, программ вечеров, собраний, митингов и т.п., устраиваемых и проводимых на заводах, фабриках, в колхозах, учреждениях, школах.

12. Списков подарков защитникам родины, выносимых предприятиями, колхозами и учреждениями постановлений, решений и резолюций, принимаемых индивидуальных обязательств по укреплению фронта.

13. Описаний и фотоснимков проводов и встреч защитников родины.

14. Материалов по участию городского населения в помощи колхозам и совхозам в уборочной, посевной, прополочной кампаниях в период военных событий.

15. Подобно тому, как героизм исторической эпохи строительства социализма запечатлен в ярких, живых, поэтических образах народного творчества, так теперь события великой борьбы с ненавистным врагом, думы и чаяния народа-героя красочно отражаются в слагаемых песнях, частушках, сказаниях, пословицах, поговорках, отдельных выражениях и словах. Все эти виды народного творчества подлежат записи и высылке

в Облмузей. При этом нужно помнить, что чем точней будет запись, тем она научней и ценней. Непременно отмечать когда, где и от кого сделана та или иная запись.

16. Война сильно сказалась на детях. В детский быт вошли новые, неизвестные до этого времени военные игры и игрушки, появился детский военный фольклор, песни, рассказы и т.п.; красные герои стали предметом детского подражания – в костюме, говоре, манерах, сказалось особенно пристрастие детей к чтению книг с военными рассказами, рассказами о подвигах героев, к рассмотрению батальных картин и т.п.

Записями, фотоснимками и зарисовками нужно зафиксировать это. Кроме того, необходимо собрать самодельное детское оружие – пистолеты, ружья, пулеметы, танки и т.п.; зафотографировать или зарисовать сооружаемые детьми укрепления (из снега, земли, прутьев и т.п.).

Программой не исчерпывается вся полнота вопросов по сбору материалов о Великой Отечественной войне. Вообще, нужно собирать и фиксировать все, что в той или иной степени отражает героическую борьбу народа нашего с дикими фашистскими полчищами[3]. Каждый спасенный документ, предмет, запись является кирпичом памятника, увековечивающего подвиги славы, доблести и геройства Советского народа, его беспредельную любовь к родине[4].

В залах музея[1]

Омский областной краеведческий музей является одним из самых старых музеев в Союзе. Основан он в 1878 году известными сибирскими деятелями последней четверти XIX столетия, крупными научными исследователями Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным, М.В. Певцовым и И.Я. Словцовым. За 67-летний период своего существования музеем собрано большое количество материалов, характеризующих природу и историю края, быт народов, заселяющих ее, материалы по революционному движению, социалистическому строительству и Великой Отечественной войне. Всех экспонатов – свыше 30 тысяч. Музей с 1923 года располагается в бывшей усадьбе генерал-губернатора.

В геолого-минералогическом отделении музея собрано около пяти тысяч экземпляров. Здесь обращают на себя внимание петрографическая коллекция изверженных, метаморфических и осадочных пород Западной Сибири, Казахстана и Алтая, образцы минералов, многочисленные экспонаты рудных и нерудных полезных ископаемых Сибири и Урала.

Хорошо представлена фауна вымерших млекопитающих доисторических эпох (кости мамонта, бизона, ископаемой лошади, окаменелости рыб, раковины моллюсков и т.д.).

Из космических тел в собрании музея можно указать на образец Оханского метеорита, вызвавшего местное землетрясение (30 августа 1887 г.) и единственный в СССР муляж большого метеорита Орловка, найденного в 1927 г. на берегу Уй, правого притока Иртыша.

Гербарии сибирской природы, наши дикорастущие богатства представлены в музее рядом с результатами работ И.В. Мичурина[2] по созданию новых растений, академика Н.В. Цицина[3] по выведению многолетней пшеницы и пшенично-пырейных гибридов и профессора А.Д. Кизюрина[4] по развитию садоводства в Сибири.

Животный мир края показан здесь широко – от белого медведя, властелина ледяных пустынь Арктики, и белого песца, обитателя почти безжизненной тундры, до корсака и тушканчика, представителей степной и полустепной зоны. Выявлены и наши пушные

богатства – «мягкое золото». Кроме песца, здесь – горностай, выдра, белка, степные хорьки, росомаха, ондатра.

Полно представлена также наша охотничье-промысловая фауна – тетерев-косач, белая куропатка, перелетные птицы (утки, гуси, лебеди), а также стерлядь, осетр и другая рыба. В фондах музея имеются богатейшие энтомологические коллекции бабочек, жуков, стрекоз, вредителей леса и сельского хозяйства.

По доисторическому прошлому края в музее имеются богатые археологические материалы из раскопок стоянок, городищ и курганов Западной Сибири. Общее количество археологических предметов в собраниях музея достигает 10 тысяч. Здесь предметы, сделанные из камня, кости, меди, железа, в особенности много керамики. Омская стоянка (на левом берегу реки Иртыша против устья р. Оми) представлена 15000 предметами, характеризующими 3500-летнюю давность нашего края. Эта стоянка открыта доктором С.А. Ковлером[5] в 1918 году.

В музее большая коллекция старинного оружия – огнестрельного и холодного, кольчуг, военных знамен, в том числе большое знамя времени Петра I[6].

Музей располагает многими старинными планами и видами Омска и других городов области, по которым можно легко представить их историю, рост и развитие.

Есть экспонаты, иллюстрирующие революционное движение в крае. Здесь сосредоточены прокламации, воззвания, газеты, листовки, фотоснимки, коллекция примитивных партизанских копий, пушка и др. В последние годы музеем собран значительный материал по социалистическому строительству. В настоящее время ведутся сборы материалов по Великой Отечественной войне.

В 1924 году при краеведческом музее был организован художественный отдел. Этот отдел был выделен в 1940 году в самостоятельный музей изобразительных искусств и из системы Наркомпроса отошел в ведение Комитета по делам искусств.

Общее количество предметов в музее изобразительных искусств – более 5 тысяч, в числе которых – живопись, графика, скульптура, фарфор, стекло, эмаль, гобелены и прочее. Русская живопись представлена почти всеми крупнейшими русскими мастерами, начиная с конца XVIII века и кончая представителями всех предреволюционных художественных течений. Здесь мы имеем в оригинале произведения Репина, Айвазовского, Левитана, Шишкина, Врубеля, Верещагина, Маковского, Лемоха и других. Западные школы представлены итальянскими, голландскими, фламандскими, французскими и другими мастерами.

При краеведческом музее имеется научная библиотека, состоящая из 60 тысяч книг. Среди книг имеются библиографические редкости, как например: «Евхолотион» Петра Могилы[7], полууставного письма XVIII века, «Царский путь креста» сочин[енный] Иваном Максимовичем[8], церковно-славянской печати, книги гражданской печати XVIII века, первый провинциальный журнал, издаваемый в Тобольске Сумароковым – «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» и другие.

Таковы, в немногих словах, научные и художественные ценности наших омских музеев, пользующихся широкой славой во всей Сибири. К сожалению, из всего количества этих экспонатов выставлено не более 3 – 4 процентов. Остальное свалено в кучу и недоступно для посетителей. Объясняется это тем, что здание музея стало за последние годы своего рода учрежденским постоялым двором. Только за годы войны через музейные здания прошло около двух десятков постояльцев-учреждений и организаций, совершенно нарушивших работу музеев. Поместили сюда и частных жильцов. В результате – все главное здание – единственное из помещения, пригодное для экспозиции, отошло от музеев. Сами музеи переселены на задворки, в бывшие генерал-губернаторские конюшни и прачечные.

Нельзя больше терпеть такого положения. Пора уже полностью освободить здание музея от посторонних организаций, и раз и навсегда покончить с какими бы то ни было вселениями и уплотнениями.

Омск вырос за годы советской власти в большей промышленный и культурный город. Обогатился институтами, техникумами, школами, клубами, библиотеками, кино. И не к лицу нам такая вопиющая запущенность в одном из лучших музеев Сибири!

Дневник директора Омского областного музея Андрея Федоровича Палашенкова (1946–1947)[1]

1946 – 1947 гг.

1946 год.

На 1 января в музее функционировали:

1. отдел природы, 2. археологический п[од]/о[тдел], 3. выставка минералов и 4. областная сельскохозяйственная выставка. Кроме того, в первых числах января в главном здании музея, в зале со сводчатым потолком, организована выставка – «Конституция и жизнь и деятельность творца конституции Великого Сталина».

Состав работников музея на 1 января:

1. А.Ф. Палашенков – директор.
2. В.С. Романовский – зам[еститель] директора по научн[ой] части.
3. Н.М. Столповская – зав[едующая] библиотекой.
4. К.А. Бурдыгина – консультант по истории СССР.
5. Н.А. Дзенаревский – научный сотрудник.
6. М.Н. Путаракина – секретарь-машинистка.
7. А.И. Герасимов – завед[ующий] хозяйством.
8. К.И. Марк – бухгалтер (работает по совместит[ельству]).
9. Ф.А. Аркуш – столяр.
10. П.И. Абрамов – дворник и конюх.
11. М.С. Невольникова – смотритель-уборщица.
12. А. Шмакова – смотритель-уборщица.
13. П.П. Злобина – сторож проходной будки.
14. М.Г. Дроздова – сторож проходной будки.
15. Н. Соколова – сторож проходной будки.
16. А. Никитина – кассир.
17. А.Г. Белякова – зав[едующая] фондами
18. П.М. Винокуров – смотритель-уборщик[I].

4 января.

Перевезено в музей имущество П.Л. Драверт[а], завещанное им перед смертью:

1. Фамильный архив Драверт[а], состоящий из портретных альбомов, послужных списков, патентов и др[угих] документов и автографов.
2. Личные записи, статьи и заметки П.Л. Драверт[а], а также собранные им вырезки из газет, журналов с его стихами и научными заметками.
3. Коллекцию экслибрисов.
4. Коллекцию почтовых марок.

[I] *Далее пропущено несколько пустых строчек перед следующей записью в дневнике. – Прим. сост.*

А.Ф. Палашенков. Смоленск. Начало 1930-х гг.

5. Коллекцию монет.
6. Собрание географических карт.
7. Веер Н.Н. Пушкиной.
8. Золотую медаль с надписью «преуспевающему».
9. Минералогическую коллекцию.
10. Картотеку метеоритов и болидов.
11. Два компаса.
12. Два метеорита.
13. Библиотеку.
14. Полевую сумку.
15. Экспедиционный молоток.

Кроме того путем покупки (за 1000 руб.) приобретен письменный стол и кресло П.Л. Драверт[а].

14 января. Понедельник.

Директором музея А.Ф. Палашенковым сделан доклад о работе и состоянии музея на Исполкоме Областного Совета Депутатов Трудящихся, который проводился председателем Исполкома Л.И. Кузик. На докладе присутствовал также секретарь Обкома ВКП(б) тов. Румянцев С.С. Это первый доклад на облисполкоме за 28 лет. При обсуждении доклада тов. Румянцев предложил внести в решение положительные стороны работы музея.

Принято нижеследующее решение:

«Исполком Областного Совета деп[утатов] труд[ящихся] отмечает, что Обл[астной] Краев[едческий] музей проделал значительную работу по пропаганде научных знаний среди широких трудящихся масс, по охране памятников старины и революции на территории области, а также по сбору научных материалов, характеризующих историю края.

Однако краеведческим музеем недостаточно уделено внимание организации научных экспедиций и выездов для изучения и учета природных богатств области.

В целях налаживания работы Краев[едческого] музея Исп[олком] Обл[астного] Сов[ета] деп[утатов] тр[удящихся] решил[1]:

1. Обязать директора Обл[астного] Краев[едческого] музея тов. Палашенкова:

а) в первом квартале 1946 г. развернуть постоянную экспозицию «Великая Отеч[ественная] война» и Исторический отдел музея.

б) К 1-му мая 1946 г. организовать работу Историко-литературного музея и домика-музея Комиссарова.

в) Оформить к 25 янв[аря] 1946 г. не менее 5-ти научных передвижных выставок для обслуживания районов сельской местности в дни проведения выборов в Верховный Совет СССР.

г) К 1-му августа [19]46 г. сдать в печать материал по изданию карты «Полезные ископаемые Омской области».

д) Пропагандировать через печать, радио и выпуск отдельных листовок работу музея, его выставок, библиотеку.

2. Обязать Областной отдел Культ[урно-]просвет[ительской] работы, тов. Сегало, к 1 апреля 1946 г. провести полную переинвентаризацию фондов Обл[астного] Краев[едческого] музея.

[1] *Здесь и далее подчеркнуто автором. – Прим. сост.*

3. Поручить Зав[едующему] обл[астным] отд[елом] т[оварищу] Сигало и Председателю Исполкома Омского Горсовета тов[арищу] Полухину – дополнительно внести предложения о проведении ремонта здания Обл[астного] Краев[едческого] музея.

4. Обязать председателей Гор[одских] райисполкомов привести в должное и настоящее состояние памятники истории и революции; на зданиях-памятниках установить мемориальные доски, на могилах – памятники с соответствующими надписями.

5. В целях оказания помощи Обл[астному] Краев[едческому] музею и укрепления его материальной базы:

а) Обязать Исполком Омского Горсовета (т[оварища] Полухина) к 1 июня 1946 г. освободить дом писателя Сорокина и передать его Краеведческому музею для организации Историко-литературного музея.

б) Обязать Облплан (т[оварища] Рудзинскую) в 1-м и во 2-м кварталах 1946 г. выделить необходимые материалы для оборудования музея и его филиалов, согласно заявок музея.

в) обязать Обл[астной] отдел (т[оварища] Русакову) к 15-му мая 1946 г. освободить помещение Отдела Истории Краев[едческого] музея, занятое под хранилище фондов Музея ИЗО искусств.

г) Обязать Облторготдел (т[оварища] Потапову) выделить для оборудования помещения музея 100 метр[ов] сукна и 200 метр[ов] хлопч[ато]бумажн[ых] тканей и зимнюю одежду в количестве 10 комплектов.

д) Обязать Облф[ин]о[тдел] предусмотреть в 1946 г. увеличение ассигнования на научно-исследовательские и экспедиционные расходы в сумме 30000 руб.».

В январе / /[I] послана в Москаленский дом культуры выставка – «Героическое Военное прошлое нашего народа» на 4-х складных картонных щитах с 39-ю планшетами:

а) Три богатыря на охране рубежей Руси.

б) Разгром немцев Александром Невским.

в) Разгром немцев под Грюнвальдом в 1410 г.

г) Разгром немцев [в] Семилетнюю войну.

д) разгром Наполеона в 1812 г.

е) Брусиловский прорыв.

ж) Разгром немецких интервентов на Украине.

18 января назначен и[сполняющим] д[олжность] директора музея изобразительных искусств.

Перед выборами в Верховный Совет (перед 10 февр[аля]) музей принял участие в оформлении трех избирательных участков – 54, 64 и 67. Участки были украшены художественными и историческими картинами, а также портретами. Для детских комнат при изб[ирательных] участках музей предоставил чучела птиц и зверей[II].

В конце января здание музея по фасаду и ул. Республики были украшены лозунгами на красных полотнищах, портретами кандидатов в Верховный Совет и печатными призывами, также флагами.

Накануне Выборов днем по городу разъезжали машины с портерами т[оварища] Сталина и наших кандидатов в Верх[овный] Совет. Часов [в] 8 вечера был организ[ован] карнавал. Молодеж[ь] ходила с факелами.

День выборов в Верховный Совет начался ранее обыкновенных дней – с 6 часов утра. Группы и отдельные лица шли к избирательным участкам, бодрое и радостное настроение в городе: на участках исключительный порядок и благоустройство. К 12 часам дня в основном голосование фактически закончилось. Посещаемость музея в день выборов значительная.

[I] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[II] *Далее проведена черта, завершающая данный фрагмент текста. – Прим. сост.*

17 февраля.

Закончил составление тематико-экспозиционного плана Западно-Сибирского историко-литературного музея.

15 февраля.

Нач[альник] Обл[астного] отдела М.Е. Сигало передал музею альбом с 12 маршалами С[оветского] С[оюза] и генералиссимуса т[оварища] Сталина.

22 февраля.

Организована в библиотеке выставка к 28 годовщине Красной Армии.

24 февраля.

Написаны письма писателям (Всев[олоду] Иванову, Серг[ею] Маркову, Леониду Мартынову, Л. Сейфулиной, Оленич-Гнененко[2]) с просьбой о высылке портретов, автобиографий и изданных произведений. Письма посланы 26-го февраля.

26 февраля была свернута выставка «Конституция и жизнь и деятельность творца ее Великого Сталина». Преступлено к освежению и пополнению обл[астной] выставки сельского хозяйства. Работают агрономы, ветеринары и др[угие].

Выставка готовится к слету передовиков с[ельского] х[озяйства], который начнется 1-го марта.

С 27 февраля по 2 марта включительно работала комиссия по составлению описи завещанного музею имущества проф[ессора] Драверт[а] П.Л. Состав комиссии: Кадышева О.М., Бадаева П.К., Утков В., Палашенков А.Ф. и Бутинова А.Ф. (основание: приказ № 17 по обл[астному] отд[елу] культ[урно]-просвет[ительской] работы от 27 февраля 1946 г.).

2 марта[I]. Суббота.

Несмотря на то, что Казачье кладбище закрыто для погребения, в 11 часов вечера по договоренности с кладбищенской администрацией, состоялись похороны матери врача 2-ой поликлиники […][II], проживающей по Каинской ул. Передают, что погребение ночью на кладбище самое распространенное явление[3].

7 марта.

В УНКВД отобрал для музея 26 предметов – холодного и огнестрельного старинного оружия, в том числе – великолепной работы нож (харакири[4]) с костян[ыми] резными ножнами, 3 кремневых пистолета со стволами с золотой инкрустацией; один старинный курковый пистолет; кинжалы и ножи, из которых имеются с художественной отделкой и др[угие].

12 марта.

Означенные предметы доставлены в музей.

В 9 час[ов] вечера 12 марта состоялся доклад на Исполкоме Городского Совета по вопросу: «Состояние и охрана истор[ико]-рев[олюционных] памятников в городе Омске».

По докладу принято следующее решение Исполкома:

Обязать председателей Исполкомов райсоветов и нач[альника] Горкомхоза тов. Шатровского к 1-му июня с[его]/г[ода] привести в должный вид и состояние находящиеся на территории районов истор[ико]-рев[олюционные] памятники (перечень памятников и мероприятия по восстановлению их прилагаются).

Обязать нач[альника] Горкомхоза (т[оварища] Шатровского):

а) составить сметы на восстановление памятников и предоставить средства по ст[атье] «благоустройство».

б) приобрести (путем обмена или покупки) дом № 67 по улице Куйбышева, связанный с жизнью и революционной деятельностью В.В. Куйбышева.

г)[III] снести барак (деревянный), находящийся в сквере им[ени] Вавилова[5] рядом с братской могилой.

[I] *Далее текст написан красными чернилами. – Прим. сост.*

[II] *Фамилия неразборчиво. – Прим. сост.*

[III] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

3. Возложить руководство и наблюдение за своевременным и правильным проведением работ на зав[едующую] Городским Отделом Культ[урно]-просв[етительской] работы т[оварища] Якимову, директора Обл[астного] Краев[едческого] музея т[оварища] Палашенкова и на Горархитектора т[оварища] Макарова.

4. Обязать председателей, нач[альников] Райсоветов и нач[альников] Райкомхозов установить постоянное наблюдение за состоянием и охраной историко-революц[ионных] памятников.

5. Поручить директору Обл[астного] музея т[оварищу] Палашенкову и зав[едующей] отд[елом] к[ультурно]-пр[осветительской] работы Якимовой организовать музей Куйбышева.

Контроль за выполнением настоящего решения возложить на Секретаря Исполкома Горсовета т[оварища] Чернова.

Председ[атель] Осокин.

Секр[етарь] Чернов.

13 марта.

Приступлено к организации выставки Облегпрома в сводчатой комнате главного здания.

Выставка [...][I] 31 марта.

19 марта[II].

Получено решение Исполкома городского Совета № 261 от 16 марта 1946 г.[III] Куйбышевского Райкома (т[оварища] Некрасова) освободить дом писателя Сорокина и передать его музею.

20 марта.

Приступлено к свертыванию областной хозяйственной выставки.

2 апреля получил письмо, […][IV] газеты от писателя Александра Павловича Оленич-Гнененко, г. Ростов-на-Дону, Ворошиловский пр. 8, кв. 37.

3 апреля.

Обл[астной] Отдел Культ[урно]-просвет[ительской] работы требовал передачи комнаты для лекторского бюро. Музей решительно отклонил требование.

4-5 апреля.

Разобрана и перевезена в музей выставка: «Комсомол Омской обл[асти] в Великую Отечественную войну».

Означенная выставка будет использована в Отделе музея – «Великая Отечественная война», к подбору материала и развертыванию которой приступлено.

5 апр[еля].

Послано письмо писателю Александру Павловичу Оленич-Гнененко в г. Ростов-на-Дону.

6 апреля.

Приступил к организации п[од]/о[тдела] «Великая Отеч[ественная] война».

7 апреля. Воскресенье.

Написал ответ на письмо Зав[едующей] Тобольским Отделом истории Тобольского музея тов. К.В. Серебряковой по вопросу сбора материалов о Великой Отечественной войне.

10 апреля.

Вечером состоялось заседание Ученого Совета музея, на котором был заслушан доклад инж[енера] Петра Вас[ильевича][V]… нахождения на р[еке] Иртыш.

[I] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[II] *Далее текст записан синими чернилами. – Прим. сост.*

[III] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[IV] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[V] *Далее оставлено место в тексте для записи фамилии. – Прим. сост.*

11 апреля. Четверг.

Вечером на парторганизации (в Кооперативе художников) заслушивался мой доклад о проделанной работе музея и работе предстоящей. Доклад внимательно выслушали, и вынесено решение о[б] увязке работы художников с полевыми работами музея.

12 апреля. Пятница.

Состоялось аппаратное совещание в отделе. В числе сообщений было доложено о выполнении решения Исполкома Обл[астного] Совета от 14 янв[аря] т[екущего] г[ода].

Смонтированы 3 выставки (передвижных) – «Плодоводство», «Животноводство», «Полеводство».

17 апреля.

Получен пистолет генерал-майора Л.Н. Гуртьева для экспонирования на выставке Великая Отечественная война. Разрешение на получение пистолета прислано из СибВО телеграфом.

В этот же день перенесены картины от т[оварищест]ва художник[ов], временно предоставленные музею на выставку: худ[ожника] Белова[6] «Пленные немцы» и «Возвращение в родное село», а также портрет генерала Гуртьева, работы худ[ожника] Ясина.

Приобретена в собственность музея картина худ[ожника] Белова «Открытие навигации на Иртыше».

18 апреля.

Написал отношение на имя Куйбышевского райкома ВКП(б) о возвращении взятых в 1940 г. в музее картин и портретов.

24 апреля. Состоялось заседание Ученого Совета. Заслушивались доклады С.Р. Лаптева «Озера Омской области и их изучение» и доклад М.А. Лебедева – «К вопросу происхождения названия Мангазея». Оба доклада прослушаны с интересом. Много задано вопросов докладчикам.

30 апреля.

Закончена организация выставки – «Великая Отечественная война». Выставка развернута в 5 залах нижнего этажа главного здания.

Для экспонирования представлены материалы участником Отеч[ественной] войны майором Сергеем Ивановичем Веремей[7].

В первых числах мая продавец сельпо (дом-лавка) колхоза имени Сталина (деревня Капустино) Капустинского с[ель]/с[овета] Любинского района Даниил Андреевич Тюрин сообщил, что в последних числах августа 1945 г. во время косьбы у опушки колка (На середине между д[еревнями] Капустино и Владимировской, в 3 – 4 килом[етрах] от Капустина) им был обнаружен камень весом 1-1,5 килогр[амма], похожий на шлак. Тюрин предполагает, что это метеорит. Находку обещал доставить в музей.

8 мая.

Посланы 2 передвижных выставки в Тюкалинск – «Полеводство», «Плодоводство».

Выставку взял Зав[едующий] Район[ным] Отд[елом] Культ[урно]-Просвет[ительской] работы[1].

Числа 20-23 мая. Послана выставка «Животноводство» в Шербакульский район.

14-15 мая был в Комиссаровском саду [–] заказнике. Подписали соглашение в Колхозом «Новая Сила» о взаимоотношениях музея с Колхозом.

Договорился с Райисполкомом (Ульяновским) и Райкомом о вызове Председателя Колхоза И.Г. Лаврик в Исполком для переговоров относительно ремонта дома Комиссаровых.

Закончена работа: «Там, где жила Пушкинская героиня – Татьяна». (Дом декабриста М.А. Фонвизина).

В конце мая написана статья и[з] прошлого нашего города – «По Зеленой улице». Статья дана для передачи по радио и напечатания в Омской Правде[8].

1 июня 1946 г. Суббота.

---

[1] *Далее текст записан красными чернилами. – Прим. сост.*

Из Кагановичского района колхозники передали выводок лисицы «корсак» в количестве 8 штук.

6 июня.

Ученицы школы деревни Голубки (Колхоз «Заря Свободы») Мокшинского с[ель]/с[овета] Любинского района Нина Жарая (Жарый) сообщила, что в июле м[еся]це 1941 г. она наблюдала, как утром (по восходе солнца) над школой упал огненный шар, величиной в кулак.

Она сообщила об этом, полагая, что сейчас же после падения загорится здание сарая. Полагает, что это упал метеорит. На месте падения ничего не обнаружено.

2 июня.

Долго и много пришлось говорить с секретарем Куйбышевского Ком[итета] Партии т[ов.] Лапидусом по вопросу Сорокинского дома.

А.Ф. Палашенков возле здания Омского областного краеведческого музея. Конец 1940 – начало 1950-х гг.

Будто бы решено освободить[9].

7 июня.

Были с В.С.[10] в Ульяновском райисполкоме по вопросу Комиссаровского сада. Договорились о ремонте.

29 июня.

Был корреспондент «Известий» М.Е. Бударин[11] по вопросу согласования статьи о доме Сорокина под литер[атурный] музей.

30 июня. Помещена статья, посвященная 75-летию библиотеки музея. Статья помещена в [газету] «Омская Правда».

29…[1]

4 июля.

Приступлено к ремонту дома Комиссаровых в с. Комиссаровском, Усть-Заостровского с[ель]/с[овета] Ульяновского р[айо]на. Ремонт производится силами Колхоза «Новая Сила» на средства музея. Наблюдает и руководит работами Ф.А. Аркуш (столяр музея).

4 июля в конце рабочего дня из витрины путем взлома дна похищен офицерский немецкий кортик. Кортик был выставлен вместе с другими материалами на выставке «Великая Отечественная война».

10 июля 1946 г. в газете Омская Правда помещена статья Мих[аила] Буракова (Бударинова) «Нам некогда заниматься музеями».

11 июля вернулся из поездки в Комиссаровский сад. Там идет заготовка материалов для восстановления дома.

В ночь с 13 на 14-ое три лисички сделали подкоп и бежали. Две из них обнаружены, третья исчезла.

14 июля.

В основном закончили сосредоточение предметов в кабинете проф[ессора] Драверт[а].

---

[1] *Предложение не закончено. – Прим. сост.*

17 июля. Из Горкультотдела передали, что Бюро Куйбыш[евского] райкома ВКП(б) вынесло решение об освобождении дома Сорокина к 5-му августа. Установлены также сроки в отношении приведения в должный вид памятник[ов] революции – могил и домов.

17 июля.

Проводил консультацию по историческим местам – по Иртышу и Оби с Тамарой Васильевной Дивновой – биологом 16-ой средней ж[елезно]д[орожной] школы, отправляющейся в экскурсию на пароходе по Иртышу и Оби с 140 учащимися на специальном пароходе.

В июле и августе посещаемость музея значительно увеличилась. Прошли слухи, что в музей привезена дикая женщина. Не только простой народ поверил этому слуху, но многие и из руководящих работников интересовались необычным поступлением в музей.

В июле было порядочно пожертвований в музей, главным образом, монет и денежных знаков.

В июле С.Р. Лаптевым предпринята поездка [на] Эйбеты.

В июле проходило совещание у нач[альника] Горкомхоза по охране памятников Революции.

1947 год.

На 1-ое января в музее функционировали:

1. Отдел природы.
2. Постоянная выставка Великая Отечественная война.
3. Кабинет минералогии.
4. Временная выставка «Животноводство в Омской области».
5. Научная библиотека музея с выделенными кабинетами – а) Картографическим, б) альбомным и в) и кабинетом проф[ессора] Драверт[а].

1 января.

Производил работу по упорядочеванию кабинета и дел (30 декабря закончен был ремонт кабинета и прилегающих к нему 2-х комнат – произведена частичная штукатурка и побелка). К вечеру пришел бухгалтер, с которым провели несколько финансовых операций и расчетов.

Несмотря на то, что до 3-х часов ночи работники музея «встречали Новый год», на работу явились все своевременно.

3 января.

Проверял инвентаризационную ведомость, составленную проверочной комиссией. Просмотрел инвентарную книгу (имущество и оборудование) и книгу записей материалов. Вместе с бухгалтером и зав[едующим] хозяйством уточняли инвентарь и материалы.

Приходил собствен[ный] корреспондент «Правды» тов. Молотов. Обсуждали, какую ему взять тему для кандидатской работы. Я порекомендовал остановиться на «Колчаковщине». Он согласился. Просил подобрать материалы по этому вопросу.

Был в Отделе.

Составлял план работы музея по гуманитарному разделу на 1946 – 1950 гг.

4 января.

Выполнял работу по просмотру-выверке инвентаря и материалов.

Состоялось производственное совещание научных работников музея для заслушивания и обсуждения пятилетнего плана работ музея.

5 января. Воскресенье.

Напечатаны отношения с ходатайством перед Комитетом о выделении автомашины, материала для халатов, фотопринадлежностей, бумаги и др[угого].

Уточняли с бухгалтером и завхоз[ом] инвентаризационные материалы. Был в Отделе. Вечером вместе [с] С.Р. Лаптевым сделали выборки из Пятилетнего плана материалов для плана работы музея на 1947 [г.]

Начиная 3-го янв[аря] стоят большие морозы – 30°. В помещениях музея довольно холодно, несмотря на это посещаемость музея достаточна.

7 января. Вторник.

Получена телеграмма о предоставлении музею 2-х делегатских мест на Всесоюзный Географический съезд, который состоится в Ленинграде с 25 по 31 янв[аря] с[его]/г[ода].

Получено также сообщение от Главн[ого] Арт[иллерийского] Управл[ения] о выделении музею 2-х трофейн[ых] немецких пушек, 75 мм. Был в Отделе. Согласовал поездку на Географический съезд.

Стоят 30-градусные морозы.

8 января. Среда.

Проверял напечатанный на машинке текст плана работы музея на пятилетку.

В 3 часа состоялось производственное совещание научн[ых] работников, на котором обсуждались: а) мероприятия музея по подготовке к выборам в Верх[овный] Совет РСФСР, б) о поездке на Всесоюзный Географический съезд, в) о дневниках.

Послана телеграмма Орг[анизационному] Комитету Географ[ического] съезда.

Морозный день – 20°, пронизывающий холод, солнца не видно.

Дневник директора Омского областного музея Андрея Федоровича Палашенкова (1948–1949)[1]

1948 – 1949 гг.

1948 год.

1 января, четверг.

[…][I] В обл[астном] краев[едческом] музее функционируют:

Отдел природы, минералогический и картографический кабинеты, библиотека и большая сельскохозяйственная выставка, организованная на площади (в левом крыле главного здания) отдела Великая Отечеств[енная] война (временно свернутого) и в левом корпусе (где раньше до войны был отдел истории). Правое крыло гл[авного] зд[ания] занято Партархивом.

Штат музея – 22,5 един[ицы], в том числе шесть научных сотрудников:

Палашенков А.Ф. (директор)

Лаптев С.Р. (зам[еститель] директора)

Степанов С.П. (старш[ий] науч[ный] сотр[удник])

Бурдыгина К.А. (консультант по ист[ории] СССР)

Самодурова Е.А. (научный сотрудник)

Столповская Н.М.[2] (зав[едующая] библиотекой).

[I] *Здесь и далее отмечены фрагменты рукописи, выпущенные при публикации документа. – Прим. сост.*

Научные работники (Степанов, Самодурова, Черноскутов (На правах науч[ного] сотруд[ника]) и зав[едующая] фондами Белякова А.Г.) продолжают работу по проверке и инвентаризации музейных ценностей, начатую в середине декабря.

Посещаемость музея на Новый год хорошая. В общем же нужно отметить, что денежная реформа сказалась на посещаемости музеев, театров, кино неблагоприятно: сократилась в два и более раза.

[…]

3 января. Суббота.

Был у председателя Ульяновского р-на тов. Деделова. Обсуждали вопрос открытия памятника П.С. Комиссарова, в связи с вынесенным решением Облисполкома от 25/XII47 г. по этому предмету.

Тов. Деделов внимательно подошел к данному вопросу. Сделал распоряжение о присылке колхозом «Новая Сила» машины за памятником, приготовленным музеем к постановке.

От дочери Комиссарова – М.П. Прокопьевой получил три фотопортрета П.С. Комиссарова. Сделан заказ Омхудожнику написать художественный портрет П.С. Комиссарова. Погода мягкая.

4 января. Воскресенье.

В 11 часов пришла машина из колхоза «Новая Сила» за памятником. Погрузили памятник на машину. Вместе с Ф.А. Аркуш поехали в с. Комиссаровское. Приехали на место часа в 2. Часам к 3-м с половиной памятник установили в саду, на могиле. Самое живое участие в установке памятника приняли колхозники и колхозницы, бывшие здесь в это время. Погода мягкая.

5 января. Понедельник.

С. Коммиссаровское. Днем огребли могилу П.С. Комиссарова, срыли две соседние могилы. Попытались смыть пятна с памятника – не удалось: вода мерзнет.

Ходил в колхоз «Новая Сила». Посмотрел клуб, где намечается проведение Ученого Совета музея в день открытия памятника П.С. Комиссарову.

[…]

8 января. Четверг.

Договорился с представителем Совета по делам Рус[ской] Правосл[авной] церкви тов. Плотовым по вопросу ходатайства о передаче под музей истории города Омска здания бывш[ей] Кладбищенской церкви (что на Казачьем кладбище). Написал новое отношение на имя Горисполкома по этому вопросу и составил проект «Заключения» Горисполкома.

День морозный.

9 января. Пятница.

Погода мягкая. В 11 часов был в Горкультотделе. Вел беседу с т[ов.] Окушко по вопросу здания кладбищенской церкви под музей г. Омска. Дело с передачей затягивается, поскольку решение этого вопроса зависит от Совета по делам Рус[ской] Правосл[авной] церкви при Совете Министров СССР.

В 15 ч[асов] 30 м[инут] был в Обкоме ВКП(б), у тов. Лебедева по поводу разрешения на напечатание листовки «Павел Саввич Комиссаров». Тов. Лебедев предложил предоставить план издательства музея на 1948 г.

В связи с каникулами в школах посещаемость музея сильно возросла.

10 января. Суббота.

Составлен план издательства музея на 1948 г. Вечером проведено совещание научных работников музея с повесткой:

а) сообщение о ходе инвентаризации

б) заслушание и обсужд[ение] плана изд[ательст]ва на 1948 г.

в) в дневниках работников музея.

11 января. Воскресенье.

С утра буранило. Приступил к даче сведений к годовому отчету, который составляется Серг[еем] Ром[ановичем] Лаптевым.

Группа членов Омского отдела Географического общества СССР во дворе Омского областного краеведческого музея (А.Ф. Палашенков второй слева во втором ряду). 1950 г.

Розданы тетради для ведения дневников научными работниками.

Посетил музей директор Северо-Любинского совхоза тов. Никифоров. Он предложил взять его совхоз для обследования и монографического описания. Совхоз находится в 8 килом[етрах] от ст[анции] Любино.

Получил открытку от писателя Ив[ана] Серг[еевича] Соколова-Микитова[3] и о директора обл[астного] музея в г. Термез Гавр[иила] Вас[ильевича] Парфенова.

13 января. Вторник.

В обкоме ВКП(б) получил согласие на напечатание брошюры «Павел Саввич Комиссаров». Облито дало разрешение на напечатание. Брошюра сдана в типографию. Тепло. Таяло.

14 января. Среда.

Упорядочение дел с актами и […][I] перепиской. Приобретено от дочери П.С. Комиссарова – Марии Павловны Прокопьевой (12-я линия, д[ом] № 32) фотоснимки, отражающие жизнь и работу по организации сада П.С. Комиссарова. Всего передано 80 фотоснимков, среди которых имеется довольно хорошей сохранности с собственноручными пометками Комиссарова. Небольшое похолодание.

15 января. Четверг.

Получил телеграмму из Ленинграда от Всесоюзного Географического общества с просьбой срочно представить материалы для […][II] отдела общества в Омске.

С любителем-садоводом Михаилом Алексеевичем Федосеевым (Декабристов, 83) договорился о предоставлении им в музей фотоснимков, отражающих его деятельность как садовода.

Вечером, в 6 часов, в «ТЮЗе» смотрел выступление «горьковцев» (из Горьковского р-на) на областном слете сельской художественной самодеятельности.

Участники слета хорошо подготовились к выступлению.

16 января. Пятница.

Дочь П.С. Комиссарова принесла в музей Диплом, выданный Комиссарову за участие в выставке с автографом «Елисавета», свидетельство о награждении его золотыми часами из кабинета императора и две фотографии. Все переданное[III] в самом плохом состоянии. Нужно реставрировать.

[I] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[II] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто слово* «имеет». *– Прим. сост.*

Любитель-садовод Мих[аил] Алексеевич Федосеев передал 14 фотографий, отражающих его достижения в садоводстве.

Вечером Ученый совет музея. Заслушаны сообщения: Никол[ая] Алекс[еевича] Плотникова[4] «Памяти профессора Виктора Федор[овича] Семенова[5]», Афанас[ия] Клементьев[ича] Гаева – «Геологические работы летом 1947 г.» и С.Р. Лаптева – о магнитных аномалиях. Доклады вызвали оживленные прения (последние два).

17 января. Суббота.

Просмотр присланных форм для статистических отчетов.

Просмотрел полученные вчера из типографии «Заря коммунизма» напечатанные брошюры «Павел Саввич Комиссаров». Получен от «Омхудожник» портрет П.С. Комиссарова, написанный Конст[антином] Никит[ичем] Щекотовым[6].

18 января. Воскресенье.

Подбирал материалы к годовому отчету музея, над которым работает С.Р. Лаптев.

[…]

20 января. Вторник.

Писал о работе по охране памятников в 1947 г. для годового отчета.

Вечером состоялся Ученый Совет музея. Заслушивался доклад М.А. Лебедева о книге Берга Л.С. «К юбилею Г[еографического] О[бщества]». На Ученом Совете не присутствовал. Проводил Сергей Ром[анович] Лаптев. Я же вечером был в редакции «Омская Правда» на обсуждении смотра сельской художественной самодеятельности.

[…]

21 янв[аря]. Среда.

Дочь Спиридонова[7] – Тамара Максимовна передала музею 3 портрета (фотографии) своего отца. Обещает передать библиотеку и архив отца.

[…]

25 января. Воскресенье.

Составлял статистический отчет по форме № 84-к и по форме В-V.

Дочь П.С. Комиссарова – Мария Павловна Прокопьева принесла портрет (фото) матери и др[угие] фотографии, большую фаянсовую кружку, которой пользовался ее покойный отец, и несколько разбитых и подгнивших книг, бывших в пользовании П.С. Комиссарова.

Из Дома Офицеров поступило предложение о передаче 2-х 75мм пушек, находящихся во временном пользовании музея.

26 января. Понедельник.

Ходил к Федору Павловичу Комиссарову (1-ый проезд, № 5), от которого удалось получить кое-какие

Сведения по биографии отца. Он передал диплом на большую серебряную медаль, выданный П.С. Комиссарову, 11 фотографий (сильно выцвели) и визитную карточку с оборванным уголком.

27 января. Вторник.

Составление статистического отчета.

[…]

29 января. Четверг.

Получил из типографии приглас[ительные] билеты – приглашение на открытие памятника Комисс[арову]. Договорился с секретарем Ульяновского райкома тов. Шумаковым и председателем исполкома тов. Деделовым о транспорте в Комиссаровское.

Согласовал программу открытия с отделом (Д.С. […][1]).

Вечером был на Четверге в Редакции «Омская Правда». Выступал лауреат Сталинской премии Покрасс[8].

Вечером работал над докладом о Комиссарове.

30 января. Пятница.

---

[1] *Фамилия неразборчиво. – Прим. сост.*

Очень беспокоит транспорт. Нет легковой машины отвезти А.Д. Кизюрина в Комиссаровское.

31 января. Суббота.

Весь день прошел в хлопотах и подготовке к открытию памятника Комиссарову. Был в облисполкоме у зам[естителя] […][I] Ольги Павловны. Хлопотал машину. Рассылались билеты, готовился лозунг, ленты к венку.

1 февраля. Воскресенье.

В 9 часов утра вместе со своими работниками (Аркуш, Столповская, Галкин), Комиссаровыми, фотографом «Омской Правды», любителями-садоводами уехал в Комиссаровский сад. Там подготовили памятник к открытию: установили флаги, знамя, положили ковер, дорожки, на ворота прикрепили вывеску:

«Колхоз «Новая Сила» Ульяновского района.
Комиссаровский сад
Решением Облисполкома от 2 окт[ября] 1945 г. признан Парко-Ботаническим заповедником, состоящим под научным наблюдением Омского областного музея».

Из сада поехали в клуб колхоза «Новая Сила». К 2-м часам в клубе собрались ученые (приехавшие из Омска в количестве человек 25-ти) и колхозники, а также админ[истрация] МТС, сельского исполкома и др[угие].

В 2 ч[аса] 30 м[инут] началось заседание Ученого Совета музея. Первый доклад – «Павел Саввич Комиссаров» – доклад директора музея А.Ф. Палашенкова, второй доклад – «Садоводство в Сибири» – доклад доктора с[ельско]-х[озяйственных] наук профессора А.Д. Кизюрина.

После второго доклада память Комисарова, по моему предложению, была почтена вставанием.

Из клуба 4 машины, переполненные людьми, пошли в сад. Там часа в 4 начался митинг: мною было прочитано решение облисполкома от 25 дек[абря] 1947 г. об увековечивании памяти Комиссарова. Затем зам[еститель] председателя Ульянов[ского] Райисполкома объявил об открытии памятника. В это время все обнажили головы. Затем выступали С.Р. Лаптев, И.Н. Шухов, П.И. Третьяк, молодой поэт Юрий Шухов прочитал стихотворение, посвященное П.С. Комиссарову. В заключение выступил предс[едатель] колхоза И.Г. Лаврик.

По окончании митинга – поехали в колхоз на обед, который окончился в 5 ч[асов] 50 м[инут] вечера. Затем отправились в Омск. Открытие памятника прошло в приподнятом праздничном настроении.

3-7 февраля. Вторник-суббота.

Текущая работа. 4 и 5 ходил к […][II]. Проверял годовой отчет. Подобрал материал по биографии П.С. Комиссарова. Договорился с М.Е. Будариным написать очерк о Комиссарове для «Сибирских Огней».

6 и 7-го принимал участие в похоронах убитой дочери Мих[аила] Ив[ановича] Агеева.

8 февраля. Воскресенье.

Начал подбирать материал к докладу «О работе в школе над изучением исторических памятников» для преподавателей истории железнодорожных школ Омской […][III].

9 февраля. Понедельник.

и

10 февраля. Вторник.

Готовился к докладу (см[отри] 8 февр[аля]).

11 февраля. Среда. С 8 до 11 ч[асов] 30 м[инут] дня читал в парткабинете Упр[авления] Омск[ой] ж[елезной] д[ороги] доклад преподавателям истории ж[елезно-]д[орожных] школ на тему «О работе в школе над изучением исторических памятников».

[I] *Фамилия неразборчиво. – Прим. сост.*

[II] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[III] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

Вечером состоялось заседание Ученого Совета. Докладчик М.С. Каргаполов «К истории опытного дела в Зап[адной] Сибири».

12 февраля. Четверг. Просматривал рукопись «Фенологические наблюдения», составл[енную] С.Р. Лаптевым. Сдан в печать II выпуск «Жуков» – Е.Д. Логачева.

13 февраля. Пятница.

Проредактировал работу И.Н. Шухова «Каталог фауны Омской области. Позвоночные. Раздел I».

Был в Отделе и навестил С.П. Степанова в больнице.

Проведены консультации по истории г. Ишима с директором Ишимского музея, тов. Селедковым. Поставлен перед Упр[авлением] с[ельского] х[озяйства] вопрос об освежении материалов выставки с[ельского] х[озяйства].

Послано письмо в Ленинград Игорю Иллар[ионовичу] Бурдыгину (Ленинград, 13. Подольская ул., д. № 1, кв. 6) с сообщением о состоянии здоровья К.А. Б[урдыгиной].

Получил письмо от зав[едующей] Тарским музеем т[ов.] Вагановой оказать помощь музею советами и материалами.

14 февраля. Суббота.

Подбирал фото для отчета в Комитет. Началось освежение с[ельско]-х[озяйственной] выставки в связи с предстоящими областными совещаниями и конференциями.

15 февраля. Воскресенье.

Написал письмо Уткову В.Г.[9], сообщил об открытии памятника П.С. Комиссарову и о том, что имею материалы по биографии Комиссарова.

Приехал из Ижевска пр[едседате]ль Коопер[ации] художников, художник Ажимов Степан Иванович.

Проводились беседы о местной керамике.

Написал письма проф[ессору] Сергееву в Ленинград,

писат[елю] Уткову в Москву

и проф[ессору] Колосову Г.А. в Тамбов.

17 февраля. Вторник. […] В кабинете работал Зав[едующий] обл[астным] отд[елом] нар[одного] обр[азования] т[ов.] Саблин по истории Омской женской гимназии. Подбирал литературу, давал консультации. Начерчен схем[атический] план усадьбы музея для приложения к отчету.

[…]

18 февраля. Среда.

Проведено производств[енное] собр[ание] научных работников по вопросу организации выставки ко дню Красной Армии. Заслушано сообщение К.А. Бурдыгиной о поездке в Васисский район.

19 февраля. Четверг.

Просмотр программы «Изучайте водоемы». Вечером был на четверге в «Омской Правде», где слушал доклад городского архитектора о новом Омске.

20 февраля. Пятница.

Просмотр рукописи «Изучайте наши озера». Приобретена медная монета достоинством 1 руб[ль] 1771 г., весом 435 гр.

Ввиду отъезда А.Г. Беляковой на курорт, ключи от фондов переданы А.Н. Галкину.

21 февраля. Суббота. Просмотрен план работ Тарского музея. Сделаны замечания по плану.

22 февраля. Воскресенье. Написано письмо Тарскому музею и препровожден план (премерный) районного музея.

23 февраля. Понедельник. Просмотрен отчет Тарского музея и сделаны по нему замечания.

И.Н. Шухов принес для просмотра каталог фауны (птиц).

24 февраля. Вторник. Присутствовал на ученом совете обл[астного] архива.

[…]

26 февраля. Четверг.

А.Ф. Палашенков и Н.М. Столповская во дворе Омского областного краеведческого музея. 1953 г.

Из Вашингтона через Госуд[арственную] библиотеку [им.] Ленина получен том Смитсоновского института, посвященный столетию 1846 – 1946 гг.

С М.Е. Будариным прочли очерк, написанный нами для «Сибирских Огней» о Комиссарове.

27 февраля. Пятница.

Уточнял статью «Вымершие животные на территории Омской и Тюменской областей». Вечером состоялся Ученый Совет музея. Проводил Сергей Романович. Нездоровилось.

28 февраля. Суббота.

Составили программу для регистрации музейных находок костей ископаемых животных.

29 февраля. Воскресенье.

Просмотр рукописи И.Н. Шухова «Каталог фауны Омской обл. (птицы)». Общество Природы прислало листовки по охране птиц.

2-3-4 марта[I].

Просмотр напечатанного годового отчета. 2-го имели беседу с приехавшим из Новосибирска членом редколлегии «Сибирских Огней» тов. Вихлянцевым Владимиром Андреевичем. Вихлянцев предложил музею принять участие в сотрудничестве военной газеты, изд[аваемой] в Новосибирске «Советский Воин».

4-го – сотрудник «Омской Правды» интересовался некоторыми историческими данными села Лебяжье, лежавшее на […][II] линии.

[…]

На Оми, у железного моста, приступили к сооружению ледорезов (бьют сваи).

Подбирал материалы для иллюстрации кандидатской работы А.И. Ключникова «1905 г. в Омске». Подобрано 5-ть фото.

Представлен список членов Ученого Совета на утверждение в Отдел.

5 марта[III]. Пятница.

В обкоме ВКП(б) вел переговоры с Зам[естителем] зав[едующего] отд[елом] Агит[ации] и Проп[аганды] т[ов.] Типухиным по вопросу «Географического описания Омской области».

Решено: написать в Инст[итут] Географии АН СССР отношение с ходатайством об отпуске средств на организацию изд[ательст]ва Географии области.

Договорился о выделении представителя в Оргкомитет Омского отделения об[щест]-ва охраны природы.

Вихлянцеву (члену редкол[легии] «Советский Воин») переданы статьи – «П.С. Комиссаров» (моя статья) и «Омская область» – статья С.Р. Л[аптева].

[…]

6-7 марта.

[I] *Слово* «марта» *вписано карандашом взамен зачеркнутого* «февраля». – *Прим. сост.*

[II] *Слово неразборчиво. Далее зачеркнуто слово* «Соленой». – *Прим. сост.*

[III] *Слово* «марта» *вписано карандашом взамен зачеркнутого* «февраля». – *Прим. сост.*

Подбор материалов для кукольного театра «Скоморохи и их действа». Подобраны фотографии для работы А.И. Ключникова (Центр[альный] комит[ет] партии) по 1905 году и высланы в Москву.

Вечером 7-го проведено общее собрание работников в связи с «8 марта».

9 марта. Вторник.

Дополнена статья о Комиссарове для газеты «Советский Воин» и отправлена вместе с тремя фотографиями в редакцию, в Новосибирск.

[…]

11 марта. Четверг.

Послан запрос в Эрмитаж о медном рубле 1771 г. и о других монетах, а также о скифских котлах.

Электрокарта МТС взята в помещение театра музкомедии для демонстрирования во время Обл[астной] парт[ийной] конференции.

[…]

14 марта. Воскресенье.

Составлена Докладная Записка на имя Горисполкома об отводе кладбища для Славных сынов Родины.

Сделаны выборки для биографии Хрущева[10] (бывш[ий] генерал-губ[ернатор] Зап[адной] Сибири).

16 марта. Вторник.

Послан отчет о работе музея за 1947 г. и план работы на 1948 г. в Комитет и отдел.

17 марта. Среда.

Ходил вместе с Н.М. Столповской в Сибниизхоз для отбора в библиотеке передаваемых музею книг. Среди принятых книг – 5 томов со статьями агронома Скалозубова[11].

18 марта. Четверг.

Передал в Горисполком «Докладную Записку» по вопросу организации кладбища для погребения лиц, могилы коих должны быть взяты на учет и охрану.

Из Сибниизхоза перевезены книги в музей.

19 марта. Пятница.

Был у Председателя Куйбыш[евского] Райисполкома т[ов.] Теремязева И.П. по вопросу об освобождении дома писателя Антона Сорокина для литературного музея. Не договорились. Беседовали с М.И. Агеевым об организации отдела Соцстроительства, Вел[икой] Отеч[ественной] войны, передвижных выставках и[I] по вопросу изданий брошюр по соц[иалистическому] строительству.

20 марта. Суббота.

[…][II] был у нач[альника] Росснабсбыта. Договорился об отпуске для музея хорошего стекла (2 ящика).

Просматривал диссертационную работу В.С. Молотова[12] «Омские большевики в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918 – 1919 гг.».

Вечером – Ученый Совет музея с докладами о

1. Рыбном состоянии в области (Гайдамакина Иосифа Антоновича)
2. Словарь рыболова (Шишова Александра Никол[аевича]) и об охране природы (Лаптев).

21 марта. Воскресенье.

Проведено производств[енное] совещание научных работников по вопросам:

1. О составлении плана отдела Соцстроительства.
2. О передвижных выставках.
3. Об отделе Истории и
4. О брошюре «Герои Социалист[ического] труда».

Назначены передвижные выставки:

1. Письмо трудящихся Омской обл[асти] к т[ов.] Сталину.

[I] *Далее зачеркнуто одно слово. – Прим. сост.*

[II] *Начало предложения неразборчиво. – Прим. сост.*

2. Омичи – герои социалистического труда.

3. Объем государственных заданий.

23 марта. Вторник.

Получено сообщение из Ленинграда (Географического общества Союза ССР) о рассмотрении представленного списка в члены Географического общества.

Представленный список (с приложением анкет) рассмотрен Президиумом Географического Общества СССР 9 марта 1948 г. и представлен на утверждение Ученого Совета Общества. На утверждение же Ученого Совета Общества представлен Оргкомитет Отдела.

Приступил к составлению плана отдела Соцстроительства.

24 марта. Среда.

Корректирование плана отдела соцстроительства. Возбуждено ходатайство об отпуске бумаги. Был в облисполкоме по вопросу получения материалов для передвижных выставок (Герои социалистического труда).

Вечером ходил на слет садоводов и овощеводов.

25 марта. Четверг.

Корректировал План Отдела соцстроительства. Производилась уборка геолого-минералогического кабинета.

26 марта. Пятница.

В Отделе просматривался набросок передвижной выставки «Герои социалистического труда» Омской области.

Набросок выставки был также представлен в Обком секретарю по с[ельскому] х[озяйству] тов. Николаеву. Набросок одобрен.

27 марта. Суббота.

Уборка минералогического кабинета – подготовка к открытию для посетителей.

Ходил на Казачье кладбище. Смотрел здание церкви и разрушенные памятники на предмет вывоза в минералогический кабинет.

Здание церкви (справа) на Казачьем кладбище. Омск. 1954 г. До настоящего времени не сохранилось

[…]

30 марта. Вторник. Ходил перерегистрировать огород.

Получено (через «Омскую Правду» письмо тов. Гончарова из с. Евгащино, Дзержинского р-на).

Тов. Гончаров пишет:

«Редакция газеты «Омская Правда». Уважаемый редактор[1],

если это является важным, то прошу сообщить куда это следует. 16 марта 7 час[ов] 57 м[инут] вечера при поезде д[еревни] Ингалы Большереченского р-на в Юго-Восточном направлении видел падение метеорита большого размера, а именно: для простого глаза в длину около 3-х метров и в стороне падения более метра. Видимость его при падении была 11 секунд. При окончании его видимости заметно оторвался кусок примерно для простого глаза с человеческую голову. К сему, Гончаров».

1 апреля. Четверг.

Получил письмо из Эрмитажа от Замест[ителя] Завед[ущего] Отделом Нумизматики Спассого по вопросу медного рубля 1777 г. и др[угих] монет.

2 апреля. Пятница.

С В.И. Поздняковым и В.И. Эйсмонд обсуждали вопрос реорганизации с[ельско]-х[озяйственой] выставки в постоянно действующую экспозицию.

Управл[ение] с[ельского] х[озяйства] согласилось всемерно помочь в выявлении в музее сельского хозяйства. Договорились о предоставлении 3 зал под с[ельско]-хозяйственную и 2-х под Великую Отеч[ественную] войну.

По вопросу подготовки музея к 1-му мая состоялось совещание с научными работниками. Получено письмо от Тобольского музея с просьбой дать указания в отношении оценки музейных предметов.

От Всерос[сийского] об[щест]ва охр[аны] природы получено 300 календарей природы для продажи – 1,50 коп.

3 апреля. Суббота.

Был в Отделе по вопросу согласования плана развертывания музея.

Д.С. […] согласился с решением музея: в 2-х первых залах – выставка по В[еликой] О[течественной] В[ойне], а в 3-х остальных – с[ельское] х[озяйство]. «Победили в войне – победим в труде». В левом корпусе – отдел истории.

Солнечный день, тает, хотя нельзя сказать, что тепло.

[…]

17 апреля. Суббота.

Утром вместе с М.И. Агеевым ходили к секр[етарю] обкома П.А. Шуркину. Показывали ему альбом о героях соц[иалистического] тр[уда]. Он просмотрел, одобрил и решил показать тов. Румянцеву С.С. Редактором Альбома выдвинули Кошевскую А.Н.

Познакомил П.Р. и М.И. и др[угих] с письмом Распутина.

Осмотрел[I] котлованы для прокладки труб против фасада Речного училища в направлении от ул. Лермонтова к р[еке] Омь. Против главного входа (несколько левее) училища в котловане на глубине 0,8 м обнаружена[II] горизонтальная стена[III], значительно истлевшая, из толстых хвойных бревен, которая вглубь земли идет на метр. Такая же стена выявилась и в траншее[IV], более близкой к Лермонтовской ул[ице]. В одном из[V] котлованов вскрыта идущая в землю свая на протяжении 70 см[13].

Можно полагать, что это остатки каких-то сооружений Первоначальной Крепости или посада[VI].

18 апреля. Воскресенье.

Уборка помещения исторического отдела.

20 апреля. Вторник. Был в отделе. Там узнал, что т[ов.] Румянцев (секретарь обкома ВКП(б)) отобрал выпуск альбома выставки «Герои соц[иалистического] труда Омской области».

[…]

[I] *Далее зачеркнуто одно слово. – Прим. сост.*

[II] *Далее в текст над строкой вписано слово* «горизонтальная». *– Прим. сост.*

[III] *Далее в текст над строкой вписаны слова* «значительно истлевшая». *– Прим. сост.*

[IV] *Далее зачеркнуто слово* «которая»*, взамен вписано слово* «более». *– Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто слово* «траншей»*, взамен вписано слово* «котлованов». *– Прим. сост.*

[VI] *Далее дана схема выявленных находок. – Прим. сост.*

21 апр[еля]. Среда.

Отбор материала для историч[еского] отдела. Установлена в отделе карта (рельефная) с территорией Сибирского царства.

Приходил для консультации художник Т.П. Козлов[14]. Интересовался, где был Суриков, и просил порекомендовать, какое место возле Тобольска удобнее связать с Суриковым. Рекомендовал «Мыс Чуваш».

22 апреля. Четверг.

На правом коренном берегу р[еки] Оми, против 2-го питомника (как раз напротив б[ывшей] избушки Кудлаева) обнаружено 3 черепка древней посуды с орнаментом и небольшой кусочек, плоский, в виде скребка из кремня[I].

23-25 апреля. Подготовка помещения к выставкам и постоянной экспозиции.

26-30 апреля. Работники музея напряженно работали по развертыванию постоянной и временной экспозиции.

1. Восстановлен Отдел Истории (Завоев[ание] Сиб[ирского] царства и колонизация XVII – XVIII вв.)

2. Восстановлен п[од]/о[тдел] Великой Отеч[ественной] войны

3. Открыт п[од]/о[тдел] социалистического сельского хозяйства Омской области

4. Пополнен и приведен в надлежащий вид Отдел природы.

В стенах музея открыты выставки –

«Старый Омск».

«Лекарственных и технических растений».

«Охраны труда».

«Методы мичуринского садоводства».

«Насекомые – вредители сада и огорода».

«Вредители грызуны».

«[…][II] болезни картофеля и яблок».

В пятницу, 30 апр[еля], получен из комитета отзыв о работе музея за 1947 г. и суждение о плане 1948 г.

Отзыв о работе дан положительный, также и о плане на 1948 г.

В этот же день получена выписка протокола. Засед[ание] Ученого Совета Географического общества об утверждении состава Оргкомитета Омского Отдела Географического об[щест]ва: проф[ессора] К.П. Горшенина[15], доцента Плотникова Н.А., доц[ента] М.М. Содырина[16], проф[ессора] И.Н. Шухова, кандид[ата] М.С. Каргополова, директора музея А.Ф. Палашенкова, зам[естителя] директора музея по н[аучной] части С.Р. Лаптева, научных работников И.С. Сметанина и В.И. Корнилова и инженеров П.В. Борисова и Н.Ф. Николенко. В действительные члены об[щест]ва принято 31 человек.

30-го же апреля приходил из Обллито тов. Журавлев для просмотра отдела Истории, п[од]/о[тдел] Великой Отеч[ественной] войны, п[од]/о[тдела] социал[истического] земледелия области и временных выставок.

Не стало бухгалтера.

1 мая. Суббота.

Теплый солнечный день. В 10 часов открыт музей. Работал до 7 час[ов] вечера. Посетителей прошло человек 400, преимущественно дети.

2 мая. Воскресенье. Теплый солнечный день. Музей печатал работать с 9 часов утра. Прошло тоже человек 400.

3-5 апреля – выходные дни. Работали на […][III]. Впрочем, 3-го пришлось быть в Отделе и др[угих] учреждениях. Приступлено к выставке природа.

6 апр[еля]. Четверг. Был в Отделе. Говорили с М.И. Агеевым о бухгалтере.

7, 8, 9, 11 – 15 мая.

[I] *Далее дана схема выявленных находок. – Прим. сост.*

[II] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[III] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

Внутренняя работа. 13-го было проведено производственное совещание научных работников.

К.И. Иоффе сообщил, что у лесоводов коммунхоза т[ов.] Вараксиным найдены на Иртыше против ул. Октябрьской 2 бивня мамонта. Бивни хранятся у Вараксина, ул. Октябрьская, д. № 22.

15 мая начали сменять изгородь во дворе музея.

16 мая. Воскресенье. Нашел небольшой черепочек, видимо, от древнего[I] сосуда. На горе музейного огорода. Тут же найден был кусочек черепка и осенью 1947 г.

18 мая. Воскресенье.

Ходил на Казачье кладбище. Переписал несколько надгробных надписей. Наметил ряд памятников для перевозки в музей. В 4 часа утра загорелся Сибзавод. Пожар продолжался более 2-х часов. Выгорел механический цех. Сгорело 800 станков. Трое получили сильные ожоги и несколько человек – небольшие.

19 мая. Среда.

Перевозили с Казачьего кладбища памятники. Один из них (светло-коричневого мрамора) – с могилы студ[ента] Омского с[ельско]-х[озяйственного] института прапорщика Акудинова Михаила Ивановича, убитого в боях за Сибирь при ст[анции] Шаля 21 авг[уста] 1918 г., помещен в минералогический кабинет.

20 мая. Четверг. Послал зав[едующего] хозяйством и столовой в с. Комиссаровское. Поручено поговорить в отношении достройки дома.

При осмотре котлованов для прокладки труб по ул. Десятилетия Октября обнаружил следы рва, очевидно, относящегося к системе крепостных укреплений Первоначальной Омской крепости. Глубина оврага, судя по обнажению[II], от 1,5 до 2-х метров. Овраг проходил перпендикулярно Оми, против Речного училища (На соединении 2-х основных зданий училища – главного (против последнего широкого окна) и примыкающего к нему вплотную (более низкого)).

21 мая. Пятница. Приехали (?[III], Герасимов и Аркуш) из с. Комиссаровского. Привезли лодку. Пр[едседате]ль колхоза Новая Сила не возражает против заключения договора на постройку музея при заповеднике.

22 мая. Суббота.

От Эдуарда Ив[ановича] Корти получил археологич[еские] материалы из Ново-Николаевского (в 7-8 килом[етрах] от Усть-Ишима).

Получил письма из Тобольска – от В.Н. Чернецова[17] и Александры Юрьевны Горбенко. Не могу пока наладить бухгалтерские дела. Сегодня открытие Городского сада.

23 мая. Воскресенье.

Приходил Зав[едующий] Облздравотделом Ив[ан] Федор[ович] Попов. Просил оказать помощь в подборе материалов для докторской[IV] работы по истории здравоохранения области.

25 мая. Вторник.

Приходил композитор[V] из филармонии, работающий над кантатой.

Просил оказать помощь в предоставлении фольклорных материалов. Бухгалтерские дела и подготовка к отъезду в Тару.

26, 27 мая.

С 28 мая по 2 июня был в командировке в г. Таре. Провел обследование музея. Составил план размещения материала. Поставил вопрос о предоставлении под музей нового помещения и т.д.

3 июня. Четверг.

[I] *Слово вписано над строкой. – Прим. сост.*

[II] *Далее над строкой вписано* «от 1,5 до». *– Прим. сост.*

[III] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[IV] *Слово вписано над строкой. – Прим. сост.*

[V] *Далее вписано над строкой* «из филармонии». *– Прим. сост.*

Писал докладную записку о поездке в Тару.

Узнал, что Совет по делам православной церкви отклонил ходатайство музея о предоставлении кладбищенской церкви (На Казачьем кладбище) под музей города Омска, найдя ходатайство «несвоевременным».

4 июня. Пятница.

От работника Тюкалинской Правды Колпикова Германа Константиновича узнал о смерти Озолина Ивана Юрьевича, последовавшей в ноябре или декабре 1947 г.

От Колпикова узнал, что в Хантымансийском музее имеется архив Кондинского монастыря в 18 тыс[яч] листов. Там же икона, приписываемая Меншикову и др[угие] исторические материалы.

5 июня. Суббота.

Вечером научн[ые] работники музея присутствовали на 30-летии Советского Архива.

6 июня. Воскресенье.

Открыта в историческом отделе выставка, организованная Советским архивом к 30-летнему юбилею. Выявлены темы:

А) Омск в 18 веке.

Б) Декабристы в Западной Сибири.

В) Большевистские публикации 1905 г.

8 июня. Вторник.

Заседание ученого Совета музея. Слушали Аношина о его работе по изучению Большереченского р-на. С 8 по 13-е июня проходили […][I] работы. От проф[ессора] Сергеева получена статья «Малые народы Севера в эпоху социализма». Посланы издания музея в институты и научно-исслед[овательские] учреждения. Выезжали с Сергеем Романовичем на пасеку Детской Техн[ической] станции.

Возвращены музеем ИЗО портрет и скульптура Ермака и вид Искера.

Четыре дня работал над архивными материалами Обл[астного] архива – Омская крепость 1755 г. и Укрепления Горьковской линии.

15 июня. Вторник.

Посетил выставку художника Щекотова К.Н.

16 июня. Среда.

Вечером состоялось заседание членов Оргбюро географического отдела. Выборы президиума.

Приходил на консультацию Николай Николаев[ич] […][II] по теме «Развитие организационных форм советского контроля» (кандидатская работа).

17 июня. Четверг.

Вел разговоры с председ[ателем] Ульяновского Райисполкома относительно достройки дома в с. Комиссаровском.

25 июня 1948 г.

Беседа с преподав[ателем] Пед[агогического] института о пунктах со старожильческим населением на предмет сдачи материала для кандидатской работы «Словарь старожильцев».

26 июня. Суббота.

Проведено производственное совещание н[аучных] работников музея. Слушался отчет работников о проделанной работе за май-июнь.

27 июня.

Составлен отчет о работе музея в военное и послевоенное время.

Получил письмо от Чернецова В.Н.

29 июня. Вторник – 1 июля 1948 г.

Был в командировке в с. Комиссаровском. Началась доставка глины и леса к постройке.

2 июля. Пятница.

[I] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[II] *Фамилия неразборчиво. – Прим. сост.*

Знакомились с научным архивом Спиридонова, предназначенным к передаче в музей. Поступили в музей 8 срезов древесных.

3 июля. Суббота.

Отобрал археологию для разборки и инвентаризации. Приобретена генеральская шинель Гурьева за 1500 р[уб.], пожертвован[ных].

Н.П. Гуртьева пожертвовала никелированную столовую ложку, нож и вилку, принадлежавшие генерал-майору Л.Н. Гуртьеву.

15-го июля в четверг перевозили с казачьего кладбища в музей надгробные памятники (колонну с каннелюрами, среднюю часть мраморного памятника для подставки и др[угое]).

16 июля посетил музей лектор ВКП(б).

Стройка дома при заповеднике началась числа 4 июля.

18 июля. Воскресенье.

От Эдуарда Иван[овича] Корти поступило пожертвование: большой материал, собранный им на Омской стоянке, фамильную печать хрустальную, маленькую металлическую статуэточку, 3 медных иконки (части складня).

17 июля. Жена Павла Евгеньевича Петрова передала в музей фотографию умершего, каталог библиотеки и небольшую статью (в рукописи) – «Пушкин и народное творчество».

С 10-го июля работает переплетчик по сброшюровке архива.

Переплетная работа закончена 21/VII.

20 июля. Вторник.

Артист Эдуард Иван[ович] Корти передал часть своей библиотеки (более 20 книг разнообразного содержания), папку с вырезками из газет и журналов о жизни и деятельности В.И. Ленина и др[угие] вырезки. Также: археологические материалы, собранные им в разное время на Омской стоянке, хрустального стекла фамильную печать и статуэтку металлическую.

Вызывал нач[альник] обл[астного] плана Исаак Соломонович Гинзбург по вопросу старых карьеров, пещер и гротов на территории Омской области.

21 июля. Среда.

Сдал в редакцию «Омская Правда» статью «Иван Дм[итриевич] Бухгольц».

22 июля. Четверг – 24 июля. Суббота.

Был в командировке в Комиссаровском саду. Ставили внутренние стены.

25 июля. Воскресенье.

От Елизаветы Степановны Семеновой поступили в музей письма Потанина, Обручева, Берга, Седельникова, адресованные на имя Виктора Федоровича Семенова. Просматривал материалы – «Селения и колхозы области тов. Мичкова».

[…]

28 июля. Переданы Людмилой Петровной Петровой материалы в виде заметок и записей Павла Евгеньевича Петрова, умершего в феврале 1948 г.

29 июля. Сергей Романович составил полугодовой отчет.

Работал по «Горькой линии» и административн[ом] делении Омской обл[асти] в прошлом.

31 июля. Суббота.

Проводил консультацию с аспирантом Ленинградского ун[иверсите]та Жарич Галиной Николаевной по теме «Говоры старожилов Исилькульского района». Посоветовал несколько иначе формулировать тему, а именно: «говоры старожилов оборонительной «Горькой линии».

Консультировал пионервожатую тов. Смыслову о работе по истории с пионерами в лагере «Карьер» (Горькая линия, Гуртьев и т.д.).

1 августа. Воскресенье.

В начале восьмого утра собиралась выехать экспедиция (С.Р. Лаптев, Д.Н. Гал-

кин и Н.И.[I]). Вследствие осложнения с машиной – поездка задержалась до 11 ч[асов] 30 м[инут]. Только в это время была погружена на машину лодка и все имущество – экспедиция выехала.

Приходил Зав[едующий] Обл[астным] Отдел[ом] Здравоохранения Иван Фед[орович] Попов с супругой. Просит помочь в подборе материалов по истории медицины для докторской работы.

2 августа. Понедельник.

В драмтеатре смотрел худ[ожественную] самодеят[ельность] детских домов. Многие номера прошли блестяще. Талантливый народ.

3-5 августа. Текущая работа. Посланы письма на имя Зав[едующей] Тарским музеем и секретаря Тарского Райкома ВКП(б) тов. Вахнова Николая Николаевича о предоставлении дома № 84а, по ул. Свердлова под Краеведческий музей.

Постройка дома при заповеднике продолжается, хотя и медленно. Сделаны внутренние стены.

6-8 августа.

Инвентаризация музейных предметов.

7-го Вышла книжечка – «Маршруты экскурсии по Омской и смежным с нею областям». Закончено печатание дневника экспедиции по Сев[ерной] Сосьве и Ляпину в 1939 г.

10-12 августа.

Договорились с секрет[арем] по транспорту Обкома ВКП(б) тов. Логачевым Дмитрием Ильичем о хозяйственной зарисовке памятников революции города и области.

С главн[ым] инженером Отдела благоустройства согласовал вопрос о сносе цветочного павильона. Приводил в порядок дневники – экспедиция на Ямал, по Сев[ерной] Сосьве, Екатерининская – Красноозерка.

13 авг[уста]. Пятница.

Проводил консультацию препод[авателя] Петропавловской ж[елезно]-д[орожной] школы № 44 Михаил Иванович Бенюх по истории Петропавловска.

12 августа военный (офицер) сообщил, что на левом берегу реки Шиш в 100-200 метр[ов] от села Атирки, Атирского с[ель]с[овета] Васисского р[айо]на гражданкой Коршуновой найден хорошей сохранности череп мамонта, дл[иной] 1030 [с]м.

14 авг[уста]. Суббота. Вел переговоры с Сем[еном] Полик[арповичем] Патрушевым относительно принятия участия в экспедиции по садам области.

Вернулись из экспедиции Галкин Д.Н. и Нина Ивановна.

В Районо договорился в отношении безлюдного фонда.

15 августа. Воскресенье.

Вернулся из экспедиции Сергей Романович. Консультировал старшего преподавателя Алма-Атинского университета по[II] биографии Чокана Валиханова, Букейханова[18] и др[угих] деятелей-казахов, а также по вопросам печати.

17 авг[уста]. Вторник. – 18 авг[уста]. Среда.

Приводил в порядок личный архив.

19 авг[уста]. Четверг.

Просмотр текста научного описания икон, вывезенных из Березова.

20 авг[уста]. Пятница.

Беседа с архитектором из Москвы по вопросу планировки города Омска. Указаны планы и литература по этому вопросу.

Рецензирование произвед[ения] Виктора Уткова «Повесть о Петре Ершове».

21-22 авг[уста]. Внутренняя текущая работа.

[…]

26-27 авг[уста]. Выезжал в Комиссаровское. Установили дверные коробки.

28-29 авг[уста]. Просмотр закрытых фондов.

[I] *Оставлено пустое пространство в тексте. – Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто слово* «вопросам». *– Прим. сост.*

Доставлен бивень мамонта из Калачинска, найденный в 1947 г. на левом берегу реки Оми Шмальцем Генрих[ом] Георгиевичем – работник на заводе механическом (Калачинск, Рощинская, № 4). Доставлен 1 сентября 1948 г.

1-2-3 сентября. Текущая работа.

3 сент[ября] был у Мантуровой по вопросу ассигнования отделу Географич[еского] об[щест]ва. Говорил в отношении освобождения музея архивом.

С 5-го по 13-ое текущая работа.

13-ое сентября. Понедельник.

Заседание Орг[анизационного] Комитета Отдела Географического об[щест]ва.

13 сентября облисполком выделил 8 тысяч Оргбюро Омск[ого] Отдела Географического об[щест]ва.

17-го сентября.

От жены Скалозубова из Ханты-Мансийска получены портрет Тимирязева[19] с его автографией и портрет Скалозубова Н.Л., а также копия писем Скалозубова.

17-го сентября я, Валерий Николаевич Чернецов, Ванда Иосифовна Мошинская и Д.Н. Галкин производили раскопки на Ермаковой горе одного кургана, на глубине 1,5 метров обнаружен костяк хорошей сохранности с положением на спине с северо-запада (голова) и Юго-Восток (ноги). Никаких предметов не обнаружено.

Ознакомились с подсобным хозяйством Автошинного завода – […][I] виноград в открытом грунте с кистями плодов, еще, правда, не созревших.

18 сентября. Суббота.

День чудесный, теплый, солнечный.

Приступили к восстановлению зала г. Омска.

В.Н. Чернецов фотографировал экспонаты археологического п[од]/о[тдела], в том числе сказание […].[II].

19 сент[ября]. Воскресенье.

Засед[ание] Ученого Совета музея. Заслушали информ[ационное] сообщ[ение] Валерия Никол[аевича] Чернецова об археологич[еских] обследованиях Приобья и Прииртышья.

20 сент[ября]. Понедельник. В.Н. Чернецов выехал в Москву.

1 окт[ября]. Пятница. Вечером на заседании облисполкома заслушивался доклад С.Р. Лаптева об экспедиции по Оми.

3 октября. Воскресенье. Ходил на Ермакову гору, где подсчитал количество курганов (14 штук). Собирал материалы на 2-ой Омской стоянке (против Упр[авления] ж[елезной] д[ороги]).

Послано отношение Комитету о задержке акта проверки музейных фондов.

4 октября. Понедельник.

В отделе природы приступлено к организации выставки, посвященной «Неделе сада».

5 окт[ября]. Вторник.

Организована выставки (ДТ[III] Станцией), посвященная XXX-летию Комсомола. Выставка организована в левом крыле главного здания (в маленькой комнате).

6 октября. Среда.

Ходил в облисполком по вопросу регистрации Отдела Географического об[щест]ва.

Говорил с Плотовым относительно передачи музею Кладбищенской церкви.

Перерыв в поденной записи. Проводился ремонт директорского кабинета, канцелярии, передней и сеней, а также читальной комнаты библиотеки. Сделаны новые печи в канцелярии, читальной комнате, проходной будке.

Временно рабочим местом моим служил минералогический кабинет.

В октябре – вызывался в Облисполком по вопросу охраны памятников природы в связи с получением соответствующего отношения от Совета Министров. Предложено при Облисполкомах организовать комиссии по охране памятников природы.

[I] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[II] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[III] *Здесь и далее воспроизведены аббревиатуры, данные автором в рукописи. – Прим. сост.*

Написал докладную записку в Облисполком о состоянии охраны природы на территории области и передал Савичевой.

Числа 22-го (октября) вместе с Сергеем Романовичем выезжал на спецстройку МВД (между с[ельско]-х[озяйственным] институтом и Захламино по вопросу обследования места залегания костей мамонта, шерстистого носорога и степной лошади).

27 и 28 октября был в парко-ботаническом заповеднике. Дом под музей в основном закончен. Все эти дни вставлялись оконные рамы и навешивались двери. Не готов пол. Ночь на 28 окт[ября] ночевал в доме-музее. Первый ночлежник.

24-го окт[ября] вместе с С.Р. Лаптевым отыскивали Иртышские Крепостные ворота. Ворота используются Медицинским училищем под хранение горючего.

Осматривали также Тарские ворота. Созрела мысль об использовании их под музей Истории Омской крепости.

Числа 26-го окт[ября] получил гонорар от Советского Воина из Новосибирска за статью о Комиссарове.

29-го окт[ября] написал докладную записку на имя Горисполкома о состоянии Тарских ворот и выразил пожелание об использовании их под музей Истории Крепости.

29-го окт[ября] написал докладную записку на имя облисполкома о музее при парко-ботаническом заповеднике.

29 окт[ября] С.Р. Лаптев принес одну из тетрадей из архива Спиридонова, найденных во дворе.

31 октября. Воскресенье. От парадного входа главного здания чугунные львы (китайские) перевезены установлены при входе в Исторический отдел. Обсуждали вопрос реорганизации отдел сельхозяйства.

1 ноября. Понедельник.

Рабочий день. Проводилась уборка зал и витрин. 4-ый зал Исторического отдела освобожден и подготовлен к экспозиции. Вместе с Н.М. Столповской был на 1-ой обл[астной] межсоюзной конференции.

2 – 7 ноября. Все время проходило в подготовке музея к 7 ноября. Восстановлена выставка Старый Омск произведена реэкспозиция в Отделе «Великая Отечественная война» тем «Начало войны», «Разгром немцев под Москвой», «Разгром немцев под Сталинградом».

А.Ф. Палашенков (в первом ряду в центре) с сотрудниками во дворе Омского областного краеведческого музея. 1949 г.

Проработана тема «Внедрение озимой пшеницы на Сибирские земли».

[…]

8-го ноября.

По окончании торжественного заседания, которое началось в 8 часов вечера, состоялся товарищеский ужин.

13 ноября был в Облисполкоме. Получил заявление о вступлении членом Географического отдела – от О.П. […][I], Тарасовой, Анисимова и Рудзинской.

14 ноября. Читал очерк «Старый Омск».

16 ноября. Вторник.

Был вызван в Облисполком. Там знакомился с постановлением Совета Министров СССР за подписью т[ов.] Сталина об охране памятников культуры для подготовки решения Облисполкома по данному вопросу.

17 ноября. Среда, 18, к 7. Подготовка к поездке в Москву.

20-го ноября выехал в Москву на Сессию Ученого Совета института музейно-краеведческой работы.

В Москве был до 13-го декабря.

1949 год

Главная работа, которая проводилась музеем до 20 января, – это проведение инвентаризации благородных материалов.

За это время музеем напечатаны:

1. Листовки и анкета фенологических наблюдений (лето-весна), составлена С.Р. Лаптевым;

2. «Изучайте озера», его же.

3. Брошюра по […] насекомых, сост[авлена] Логачевым Е.Д.

Продолжается работа по инвентаризации и выверке фондов.

20 янв[аря] умер бывш[ий] сотрудник музея Н.А. Дзенаревский. 23-го похоронили на Восточном кладбище.

После окончания инвентаризации благородных металлов – продолжалась работа по общей проверке и преинвентаризации музейного имущества. Эта работа проводилась весь февраль и перешла на март.

В феврале музеем была организована передвижная выставка для колхозов. «Ни одного колхоза без сада». Выставка в 5 экземплярах была направлена в районные библиотеки (Ульяновскую, Кормиловскую, Калачинскую).

В феврале месяце мною была подготовлена к печати программа по регистрации мест находок костей вымерших животных, а также составлена викторина «Знаете ли Вы свой город?». В марте месяце (8-го) программа и викторина, а также каталог фауны, выпуск 4-го – были препровождены в Обком ВКП(б) на предмет получения разрешения на напечатание. Туда же был препровожден и план издательства музея на 1949 г.

В воскресенье, 6-го марта, Г.В. Слюнков сообщил, что на заседании Облисполкома заслушивалось сообщение об исключительно массовом приходе «водяной крысы» на Орловский с[ель]с[овет] Большеуковского района. Крысы съедают все запасы. Достаточно отметить, что только убитых оказалось 74 тысячи.

8 марта.

Ходил в Облисполком к уполномоченному по делам церкви т[ов.] Сергееву. Вновь поставил вопрос о передаче Кладбищенской церкви под музей г. Омска.

9 марта. Был в Горисполкоме по вопросу получения копии решения Горисполкома о закрытии Казачьего кладбища, по этому вопросу посетил Городской архив.

С 10 по 20 марта[II].

[I] *Фамилия неразборчиво. – Прим. сост.*

[II] *Запись сделана черными чернилами с соблюдением значительного отступа от предыдущего текста. – Прим. сост.*

Организована выставка передовиков сельского хозяйства Ульяновского района (примерная) к совещанию работников культ-просвет учреждений области.

18-го марта был в Обкоме ВКП(б) по вопросу получения разрешения на напечатание брошюры и программы по сбору материалов по Палеонтологии.

20 марта ученица 66 шк[олы] обожгла ноги в золе во дворе музея.

В апреле месяце[I] вышли из печати – Вопросник по регистрации мест находок костей вымерших животных и викторина «Знаете ли вы свой город».

Заключен договор с артелью на ремонт зданий музея – левого корпуса (настилка цементного пола в помещении, предназначенном под фондохранилище, также перетирка и побелка стен и потолков и др[угие] работы). Полагали к маю закончить ремонт. В действительности произвели только побелку одного зала.

К 1-му мая в этом зале открыта Пушкинская выставка.

В апреле (в средине, примерно, месяца) Отдел возложил на меня обязанности инспектора по охране памятников, для этой цели Комитетом выделена сумма в размере 8 тысяч рублей.

В конце месяца пришлось хлопотать об утверждении штатов (регистрация штатного расписания).

Проведено заседание Отдела Географического Об[щест]ва. Продолжилась работа по инвентаризации музейного имущества.

Приступили к сбору материалов для разделов «сельское хозяйство» и «культура».

28-го апреля произведена посадка деревьев (главным образом – хвойных) во дворе музея.

К 1-му мая в историческом отделе музея была организована пушкинская выставка[II].

Май.

Составлен список историко-революционных памятников, находящихся на территории области. 19-го мая список, а также заполненный личный листок и автобиография со списком работ посланы в Комитет.

В начале месяца ставил вопрос об отпуске. Отклонили его на некоторое время.

Подготавливаются материалы к […][III] при заповеднике.

18-го мая приступлено к организации Пушкинской выставки в летнем театре городского сада. 21-го открытие сада.

18-го же мая принял участие в постановке надгробного памятника Павлу Евгеньевичу Пещерову на Восточном кладбище.

Проведено заседание Отдела Географического об[щест]ва.

19 мая в 5 ч[асов] 30 м[инут] уполномоченный по делам церкви сообщил, что получено отношение с извещением о передаче Кладбищенской церкви под музей[20].

21-го мая организована Пушкинская выставка в летнем театре. В этот день – открытие сада[IV].

Май.

В конце мая свернули исторический отдел музея для ремонта.

Ремонт помещения, предназначенного под фонды, затянулся из-за отсутствия цемента.

Июнь.

1 или 2-го была комиссия, организованная Райкомом ВКП(б) в составе Либерова, Щекотова, нач[альника] школы милиции и директора муз[ыкального] учил[ища].

С 11-го июня по 25-ое получил отпуск.

[I] *Далее зачеркнуто слово. – Прим. сост.*

[II] *Фраза вписана поверх строки фиолетовыми чернилами. – Прим. сост.*

[III] *Слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[IV] *Здесь и далее текст записан фиолетовыми чернилами. – Прим. сост.*

Интересная находка[1]

В конце октября на правом берегу Иртыша, против кирпичного завода № 6, в земле были обнаружены кости мамонта, шерстистого носорога и дикой степной лошади. Областной музей установил, что кости залегали на склоне второй террасы в слое темно-бурого песка на глубине трех с половиной метров от поверхности.

Десятки тысяч лет назад на наших равнинных пространствах обитали мамонты, дикие степные лошади, бизоны, исполинские олени и другие животные, из которых некоторые совершенно вымерли. Современником и неизменным спутником мамонта был шерстистый носорог. В противоположность современному носорогу, обитающему в тропических областях Азии и Африки и совершенно лишенному волосяного покрова, ископаемый носорог был густо покрыт шерстью, превосходя современного африканского носорога по величине.

Довольно широкое распространение в южной части Омской области имела также небольшая дикая степная лошадь, т.н. лошадь Пржевальского, которая теперь водится на плоскогорьях Центральной Азии.

Находки костей ископаемых животных освещают геологическое прошлое нашего края и представляют исключительный интерес для науки о вымерших животных.

С разных мест нашей области от колхозников, рабочих и служащих, от школьников в музей поступают сведения о находках костей вымерших животных[2].

В результате в музее накопился материал, позволивший нам составить палеонтологическую карту ископаемых позвоночных животных, обитавших в четвертичный период в среднем и нижнем Обь-Прииртышье[3].

Архивы ученых в музее[1]

В омский областной краеведческий музей от А.В. Скалозубовой – жены известного западносибирского агронома и общественного деятеля конца XIX и начала XX столетий Н.Л. Скалозубова – поступил литографический портрет Клементия Аркадьевича Тимирязева с его собственноручной надписью: «Глубокоуважаемому Николаю Лукичу Скалозубову на память от старого учителя».

Великий русский ученый-революционер особенно был расположен к своему бывшему ученику Н.Л. Скалозубову, с которым поддерживал постоянную связь.

В составе переданного музею архива бывшего председателя Западно-Сибирского отдела русского географического общества профессора В.Ф. Семенова имеются письма известного географа и путешественника Г.Н. Потанина, президента Всесоюзного географического общества академика Л.С. Берга, известного геолога, автора классических работ по геологии Сибири В.А. Обручева, нашего земляка-путешественника А.Н. Седельникова и др.

Большой научный архив неутомимого исследователя М.Д. Спиридонова, умершего в 1938 году, передан краеведческому музею его дочерью Т.М. Спиридоновой. Архив состоит из 175 больших тетрадей и папок с рукописными материалами, фотографиями и картами по геологии, гидрологии и ботанике Западной Сибири и Казахстана.

Историческая находка[1]

Во время земляных работ на территории разобранного каменного здания общежития речного училища, где прокладывается подъезд к строящемуся через р. Омь мосту, обнаружены два пушечных дула с обломанными концами. Находка относится к XVIII веку.

До 1765 г. на месте нахождения пушек находилась Омская крепость, основанная в 1716 году. Несомненно, орудия входили в состав артиллерии старой крепости. Возможно, что основатель крепости И.Д. Бухгольц пользовался ими во время военной экспедиции на Ямыш-озеро, предпринятой в 1715 году по указу царя Петра.

Пушечное дуло I половины XVIII в., обнаруженное во время работ на территории общежития Омского речного училища. Из коллекций ОГИК музея. Современный вид

Экспедиция Бухгольца была оснащена 15-ю мортирами, 33 пушками разных калибров, большим количеством амуниции и продовольствия.

Весной 1716 года она вынуждена была покинуть Ямыш-озеро, поднялась вверх по Иртышу и вошла в устье Оми. Здесь и была заложена Омская крепость, снабженная артиллерией и укомплектованная надлежащим количеством солдат и драгун.

Теперь против старой Омской крепости строится новый мост[2], через р. Омь. Центр современного левобережного Омска переносится на место зарождения нашего города.

Обнаруженные пушки доставлены в областной музей и включены в экспозицию «Старого Омска».

Старейшая научная библиотека Омска[I]

[1950-е гг. ?][1]

Нынешняя научная библиотека Омского областного краеведческого музея была основана[II] Обществом изучения Западной Сибири[2], существовавшем в Омске с 1864 г. При его ликвидации в 1876 г. в связи с[III] созданием в Омске Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества[3] библиотека[IV] была передана Отделу. Для последнего она и явилась первоначальным фондом библиотеки[V] из 200 книг.

В одном из пунктов устава Отдела предусматривалось создание музея и библиотеки и, как видно из протоколов первых заседаний Распорядительного Комитета и общих собраний членов Отдела, музей и библиотека возникли одновременно[VI] с момента деятельности Отдела (весна 1876 г.).

До 1890 года Музей и библиотека размещались в одном помещении, но в дальнейшем, из-за[VII] роста того и другого[VIII], они были разъединены. Библиотека[IX] получает отдельное помещение. До второй половины 1921 г.[X] она была неотъемлемой частью Западно-Си-

---

[I] *Заглавие вписано от руки чернилами поверх машинописного текста* «Научная библиотека Омского областного краеведческого музея». *Текст набран на печатной машинке фиолетовой краской. – Прим. сост.*

[II] *Начало фразы вписано от руки чернилами поверх машинописного текста. Первоначально напечатано:* «Начало библиотеки было положено». *– Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто* «организацией», *вписано от руки над строкой* «созданием» *– Прим. сост.*

[IV] *Далее зачеркнута фраза* «в количестве 200 книг». *– Прим. сост.*

[V] *Далее от руки чернилами вписано* «из 200 книг». *– Прим. сост.*

[VI] *Далее зачеркнута фраза* «с первых дней жизни», *поверх вписано от руки* «момента деятельности». *– Прим. сост.*

[VII] *Предлог вписан поверх слова* «благодаря». *– Прим. сост.*

[VIII] *Далее зачеркнута фраза* «и специфичности обслуживания ими посетителей». *– Прим. сост.*

[IX] *В начале предложения зачеркнут предлог* «для», *в следующем слове изменен падеж. – Прим. сост.*

[X] *Далее зачеркнуто словосочетание* «библиотека являлась», *над строкой от руки вписано чернилами* «она была». *– Прим. сост.*

бирского Отдела Русского Географического Общества, затем[I] решением[II] Сибнаробраза[III] библиотека передается из Отдела[IV] Облпролеткульту.

В дальнейшем[V] библиотека[VI] находилась в ведении ОблОНО, ГорОНО и СибкрайОНО, пока решением последнего не была передана в распоряжение Западно-Сибирского Краевого музея, ныне Омского Областного Краеведческого музея. С тех пор она[VII] стала называться научной библиотекой музея[4].

Западно-Сибирский (с 1947 г. Омский) Отдел Всесоюзного Русского Географического Общества создал на протяжении своей 80-летней деятельности библиотеку большой научной ценности и до настоящего времени считает[VIII] это книгохранилище своим детищем, формально и по существу сохраняет над ней свое шефство, сберегая ее от всяких[IX] неблагоприятных обстоятельств, какие выпадали на ее долю[X] в прошлом.

В[XI] годы колчаковщины только стараниями[XII] Географического[XIII] Отдела библиотека была сохранена от разгрома и растаскивания. До сих пор вся поступающая научная литература в адрес Отдела безвозмездно передавалась и передается библиотеке. По существу, за годы советской власти библиотека[XIV] стала научной базой Отдела, без которой немыслима сколько-нибудь[XV] исследовательская и популяризаторская деятельность ученых[XVI], группирующихся вокруг Географического Общества. Большая научная ценность книжных, рукописных, картографических и др. собраний библиотеки музея[XVII] выдвигает ее в один ряд с крупнейшими научными книгохранилищами Сибири и Урала: Иркутска, Тобольска, Свердловска и др.

Пополнение библиотеки шло различными путями. Из них главными являлись:

* пожертвование отдельных книг членами Общества;

* пожертвование книжных собраний[XVIII] по завещаниям, в порядке единовременного дара[XIX];

* покупка и выписка книг[XX];

* получение обязательных экземпляров издания Географического Общества и его местных отделов;

[I] *Слово* «затем» *вписано от руки чернилами поверх зачеркнутого* «пока». – *Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто слово* «Уполномоченного». – *Прим. сост.*

[III] *Фраза* «библиотека передается из» *вписано над строкой взамен зачеркнутого словосочетания* «она была изъята». – *Прим. сост.*

[IV] *Далее зачеркнуто* «и передана». – *Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто слово* «судьбой». – *Прим. сост.*

[VI] *Далее зачеркнуто слово* «распоряжались», *фраза изменена вписанным от руки чернилами над строкой словосочетанием* «находилась в ведении». – *Прим. сост.*

[VII] *Слово вписано от руки чернилами повер*х *зачеркнутого* «библиотека». – *Прим. сост.*

[VIII] *Далее зачеркнуто слово* «библиотеку», *над строкой чернилами о руки вписано* «это книгохранилище». – *Прим. сост.*

[IX] *Далее зачеркнуто* «невзгод и лишений», *над строкой вписано чернилами* «неблагоприятных обстоятельств». – *Прим. сост.*

[X] *Далее зачеркнута фраза* «за долгие годы ее плодотворного существования», *вписано от руки чернилами над строкой* «в прошлом». – *Прим. сост.*

[XI] *Начало предложения* «Достаточно сказать, что» *зачеркнуто.* – *Прим. сост.*

[XII] *Далее зачеркнуто словосочетание* «и усилиями». – *Прим. сост.*

[XIII] *Слово вписано от руки чернилами.* – *Прим. сост.*

[XIV] *Далее зачеркнута фраза* «была и остается основной». – *Прим. сост.*

[XV] *Далее зачеркнуто* «творческая научная», *над строкой чернилами вписано* «исследовательская и популяризаторская (далее неразборчиво)». – *Прим. сост.*

[XVI] *Далее зачеркнута фраза* «теоретиков и практиков». – *Прим. сост.*

[XVII] *Словосочетание* «библиотеки музея» *вписано от руки чернилами над строкой.* – *Прим. сост.*

[XVIII] *Далее зачеркнуто* «и отдельных библиотек». – *Прим. сост.*

[XIX] *Далее зачеркнуто* «и т. д.». – *Прим. сост.*

[XX] *Зачеркнут первоначальный машинописный вариант текста:* «приобретение книг путем покупки в магазинах и выписки из других городов», *фраза* «покупка и выписка книг» *вписана от руки чернилами над строкой.* – *Прим. сост.*

* обмен изданиями с различными учреждениями[I];

* передача библиотек[II] при ликвидации различных[III] учреждений, как в порядке укрупнений библиотеки Отдела, так и для сохранения библиотек ликвидированных учреждений.

В первые годы существования библиотеки Отдела пополнение ее шло преимущественно[IV] за счет пожертвования отдельных книг членами Общества. Это были или авторские экземпляры или уникальные[V] книги[VI], имевшие научную и художественную ценность. Получались[VII] также издания Географического Общества и его отделов на местах.

В дальнейшем[VIII] библиотека пополнялась[IX] обменными изданиями. В обменном фонде[X] поступило много изданий Отдела «Записок», «Известий» и отдельных сочинений.

Отдел[XI], однако[XII], вел регулярный обмен с 165 русскими и 30 иностранными научными организациями. Отсутствие собственного издания в тридцатых, сороковых годах привело к тому, что обмен издания значительно снизился.

Приобретение книг в магазинах и выписка их в дореволюционное время были ограничены. В среднем из годовой субсидии Отделу в 2000 руб[лей] на покупку книг, главным образом справочного характера, расходовалось от 50 до 200, редко 500 рублей.

В Советское время приобретение книг путем разовой покупки и по предварительной подписке значительно расширилось и занимает сейчас ведущее место.

На протяжении 80-летней деятельности Отдела неоднократно были случаи пожертвования[XIII] в его научную библиотеку больших книжных собраний. Особенно[XIV] ценным было поступление в библиотеку мемориальных архивов ученых и исследователей Сибири.

Наряду с этим в первые годы Советской власти в научную библиотеку музея влились некоторые ведомственные библиотеки.

Большую краеведческую ценность представляли[XV] библиотека бывшего Тарского уездного училища в количестве 7458 книг[XVI], библиотека проф[ессора] П.Л. Драверта 1300 кн[иг][5], из Омского С[ельско]-Х[озяйственного] Института – около 1500 кн[иг], библиотеку Бюро краеведения – 3000 книг.

Научная библиотека комплектуется, главным образом, по вопросам, связанным с изучением Сибири – географическим, естественно-историческим, историко-революционным и экономическим[XVII].

[I] *Далее зачеркнуто словосочетание* «и организациями». – *Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто* «и книжных собраний». – *Прим. сост.*

[III] *Слово* «различных» *вписано о руки чернилами поверх машинописной строки.* – *Прим. сост.*

[IV] *Далее зачеркнуто словосочетание* «по линии», *взамен от руки чернилами вписано* «за счет». – *Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто* «редкие». – *Прим. сост.*

[VI] *Далее зачеркнуто* «представляющие большую», *заменено словом* «имевшие», *вписанным от руки чернилами.* – *Прим. сост.*

[VII] *Начало предложения* «Наряду с этим пополнение шло за счет» зачеркнуто, дальнейшая фраза перестроена: «получения издания» *заменено на* «получались такие». – *Прим. сост.*

[VIII] *Далее зачеркнуто* «ведущее место в пополнении». – *Прим. сост.*

[IX] *Слово* «пополнялось» *вписано от руки поверх глагола* «начинает». – *Прим. сост.*

[X] *Далее зачеркнуто* «было и есть большое количество». – *Прим. сост.*

[XI] *Зачеркнуто предложение, предваряющее эту фразу:* «Эта форма пополнения библиотеки все время являлась главной, в особенности в дореволюционное время». – *Прим. сост.*

[XII] *Слово вписано над строкой взамен зачеркнутого* «раньше». – *Прим. сост.*

[XIII] *Далее вписано от руки чернилами словосочетание* «в его». – *Прим. сост.*

[XIV] *Далее зачеркнуто словосочетание* «необходимо отметить», *от руки над строкой чернилами вписано* «ценным было». – *Прим. сост.*

[XV] *Первоначальный вариант фразы:* «Нельзя не отметить ценные поступления» *зачеркнут, поверх машинописного текста над строкой запись чернилами:* «Большую краеведческую ценность представляли». – *Прим. сост.*

[XVI] *Слово* «книг» *вписано от руки чернилами поверх слова* «шт[ук]». – *Прим. сост.*

[XVII] *Далее зачеркнуто слово* «дисциплинам». – *Прим. сост.*

Н.М. Столповская в библиотеке Омского областного краеведческого музея. 1970-е гг.

В[I] библиотеке широко представлена периодика научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений дореволюционного времени.

Библиотека[II] располагает[III] специальными фондами:

Картографией[IV].

Рукописей – 150.

Мемориальных архивов ученых-сибиряков (Хитрово, Шухов, Штанин, Драверт, Спиридонов, Скалозубов и др.).

Художественных фильмов – 407.

Газет годовых комплектов – 225.

Обмен[V] издания Отдела – 16949 шт[ук].

Плакатов – свыше 400 шт[ук].

Наиболее ценные книжные собрания и отдельные издания, имеющиеся в фондах библиотеки:

Новые ежемесячные сочинения с 1855 – 1864 гг. и 1893 – 1896 гг. изд[ания][VI] Акад[емии] Наук.

Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы – 1785, 1889, 1890 – 1893 гг.

Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года / изд[ание] 1830 г. – 45 томов.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе с 1825 г[ода] (изд[ание] 1830 г.).

Труды Вольно-экономического общества с 1767 г[ода] по 1915 год (нет 1830, 40, 80-х и 90-х годов).

Словарь Юридический или свод Российских указаний.

Миллер Г. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел. Сиб[ирь]. 1787 г.

Чтение в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1862 – 1864, 1878, 1879 годы, 1912, 1913, 1914, 1916 гг.

Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия всей земли российским оружием. Сиб[ирь]. 1774 г.

Готтлиб. Народы Российской Империи. Сиб[ирь]. 1776 г.

Описание и изображение Российских произрастаний, изданное Палласом П.С. Ч. I-я Сиб[ирь]. 1786 г.

П.С. Паллас – Путешествие по разным местам Российского государства. 1786 г. Ч. I, II, III.

[I] *Начало фразы* «Наряду с этим» *зачеркнуто. – Прим. сост.*

[II] *В начале предложения зачеркнуто слово* «научная». *– Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто слово* «следующими». *– Прим. сост.*

[IV] *Далее зачеркнуто* «847». *– Прим. сост.*

[V] *Далее зачеркнуто словосочетание* «дублетный фонд». *– Прим. сост.*

[VI] *Зачеркнуто слово* «Сиб[ирской]», *вписано от руки* «изд[ания]». *– Прим. сост.*

Крузенштерн – Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 гг. Ч. Ч. I, II, III, 1806, 1810, 1812 г. издания.

Чулков М. – Историческое описание Российской коммерции при всех картах и границах от древних времен до настоящего времени в 10-ти книгах. Изд[ано] в г. Москве. 1786 г.

Издание б[ывшего] Переселенческого Управления земледелия и госуд[арственных] имуществ (по ботанике, почвоведению, экономике и др. вопросам).

Словцов – Историческое обозрение Сибири.

И многие другие издания.

В библиотеке насчитывается 4147 том[ов] периодических журналов.

Из них наиболее редкими журналами являются:

Журнал Министерства Народного просвещения с 1834 по 1906 год (есть небольшие разрывы).

Русская Мысль, с 1884 по 1915 год.

Русская старина – 1873, 1883 – 1891.

Русский Вестник – 1874 – 1901 гг.

Вестник Европы с 1867 – 1917 гг. (имеются перерывы).

Дело с 1870 г[ода] по 1917 г.

Исторический Вестник с 1888 года по 1916 г.

Отечественные записки, 1842, 1846 – 1881 г.

Библиотека располагает большим газетным фондом (225 годовых комплектов, из них дореволюционных 130).

В 1895 году был издан каталог библиотеки Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. г. Омск, Тип[ография] Окр[уга] 1895 г.

Имеется большая рукописная картотека по библиографии Омской области, составленная в 1937 – 1938 гг., свыше 10 тысяч.

Справочно-библиографический фонд состоит из энциклопедических словарей, географических, памятных книжек разных областей и губерний, библиографий, указателей статей, каталогов и т. д.

Н.М. Столповская[I].

В библиотеке насчитывается 5767 книг и журналов по разделу география, в том числе значительная часть[II] книг, ставших библиографической редкостью (издания XVIII столетия). По фондам «Сибирики»[III] (…) насчитывается свыше четырех тысяч наименований[IV].

Облад(…)[V] в большинстве изданий классиков марксизма Смот[VI] на

Советская наука собирает книги, газеты, журналы по многим отраслям знания – ценнейшие книжные собрания. Обслуживает значит (…[VII])[VIII].

[I] *Подпись:* «Н.М. Столповская» *зачеркнута. – Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуты слова* «ценных», «редких». *– Прим. сост.*

[III] *Далее два слова неразборчиво. – Прим. сост.*

[IV] *Фраза написана автором от руки чернилами на полях машинописи. – Прим. сост.*

[V] *Далее два слова неразборчиво. – Прим. сост.*

[VI] *Далее слово неразборчиво. – Прим. сост.*

[VII] *Далее три слова неразборчиво. – Прим. сост.*

[VIII] *Фраза написана автором от руки чернилами на полях машинописи. – Прим. сост.*

Акт передачи дел А.Ф. Палашенковым новому директору Омского областного краеведческого музея М.И. Агееву[1]

30 марта 1957 г.

В соответствии с приказом по Областному Управлению Культуры о предоставлении директору Омского Областного Краеведческого музея Палашенкову Андрею Федоровичу очередного за 1956 год отпуска и об освобождении его после отпуска от обязанностей директора музея, в связи с уходом на пенсию, мы ниже подписавшиеся, Палашенков Андрей Федорович – с одной стороны и вновь назначенный директор музея Агеев Михаил Иванович – с другой в присутствии представителя Омского Областного Управления Культуры [...] составили настоящий акт в том, что первым сдан, а вторым принят Омский Областной Краеведческий музей (здания, экспозиция, фонды всех видов, документы и делопроизводство) в следующем состоянии:

Здания

1. Главное здание (бывш[ий] генер[ал]-губ[ернаторский] дворец) кирпичное, двухэтажное с двухъярусной башней. Кровля железная. Отопительная система присоединена к городской теплосети. В оконные проемы II этажа и левой части I-го вставлены железные решетки.

Площадь здания по наружному обмеру – 830 кв. мет[ров], объем 11414 кв. мет[ров], полезная площадь – 1070 кв. мет[ров].

Противопожарное оборудование состоит из огнетушителей и ящиков с песком.

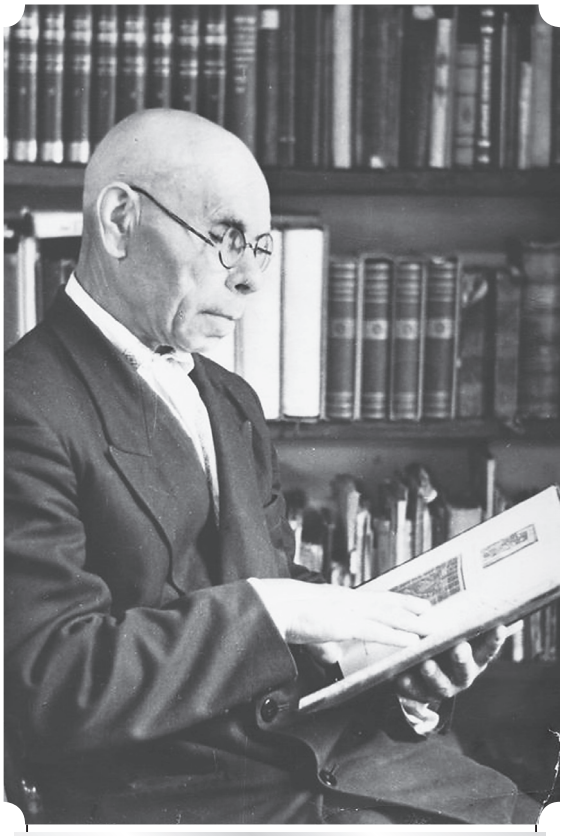
Требуется наружный ремонт здания и главного (парадного) входа.

2. Правый корпус. Здание кирпичное, одноэтажное с железной кровлей. Часть пола цементная. Площадь здания по наружному обмеру – 587 кв. мет[ров], отопительная система присоединена к городской теплосети. Противопожарное оборудование состоит из огнетушителей и ящиков с песком. Имеется водопровод.

3. Левый корпус. Здание кирпичное, одноэтажное с железной кровлей. Пол в основном цементный. Площадь по наружному обмеру – 586 кв. мет[ров], объем – 2582 [куб. м], полезная площадь равна 437 кв. мет[ров], Противопожарное оборудование состоит из огнетушителей и ящиков с песком. Отопительная система присоединена к городской теплосети.

4. Холодные фонды. Здание деревянное, поперечной стеной разделено на две равные части, стены снаружи и внутри обмазаны глиной, крыша покрыта тесом и толью; пол левой части – цементный, в правой – деревянный.

Площадь здания – 116 кв. мет[ров], объем – 464 куб. метр[ов].



А.Ф. Палашенков в личной библиотеке. 1958 г.

5. Столярная мастерская. Здание деревянное, насыпное. Стены снаружи обшиты тесом, внутри отштукатурены. Кровля железная. Поперечной стеной помещение разделено на две части, из которых – в левой части помещается собственно столярная мастерская, в правой кладовая. В оконный проем кладовой вставлена железная решетка. Пол цементный. Отопительная система присоединена к городской теплосети. Площадь здания 60 кв. метр[ов].

6. Кладовая. Здание примыкает к кирпичной стене оранжереи Горзеленхоза, остальные стены тесовые. Потолочного перекрытия нет. Кровля односкатная, железная. Площадь 30 кв. метр[ов].

7. Конюшня. Примыкает к южной стене левого корпуса. Остальные стены забраны плахами. Кровля железная, потолочного перекрытия нет, равно как нет и пола. Площадь конюшни 94 кв. метр[а].

8. Проходная будка. Примыкает к кирпичному забору. Три стены насыпных, кровля деревянная. Площадь – 5 кв. метр[ов].

9. Уборная. Тесовая, с тесовой же кровлей. Холодная. Площадь 5 кв. метров.

10. По фасадной стороне, между главным зданием и корпусами кирпичная стена с двумя симметрично расположенными воротами. Здания расположены на усадьбе, площадь которой равна 5564 кв. метр[а].

Во дворе музея – метеорологическая площадка с английской будкой, дождемером и флюгером с ветроизмерителем.

У восточной стены правого корпуса – 5 старейших в Западной Сибири яблонь, посаженных в 1889 году.

Внутри двора 4-ре огражденных штакетником и озелененных площадки, общая площадь которых равна 650 кв. метр[ов]. На площадках – 10 декоративных цементных ваз на кирпичных постаментах.

Возле Отдела Истории досоветского периода (левый корпус) – 7 древних каменных изваяний (каменных баб) и 4 старинных пушечных ствола. У южной стены главного здания музея – трофейное зенитное орудие (1941 – 1945 гг.)

Наружная охрана музея осуществляется сторожами проходной будки (3 сторожа, которые дежурят сменно по суткам).

Внутренняя (во время открытия музея для посетителей) – смотрителями-уборщицами.

На территории музея проживают – дворник музея, кассир, смотрительница, бухгалтер и секретарь-машинистка, а также директор музея изобразительных искусств. Посторонних жильцов нет.

Экспозиция

Экспозиция музея на день сдачи представлена следующими отделами:

1. Отдел природы края.

В отделе отражены физико-географическое положение края, его геология, растительный и животный мир по зонам области.

Отдел природы расположен в правом корпусе и занимает площадь в 280 кв. метр[ов].

2. Отдел дореволюционного прошлого.

В отделе представлена археология края, Сибирское царство и присоединение его к Русскому государству. Заселение Прииртышья русскими, основание Омска, хозяйственная и культурная жизнь края и революционное движение.

Отдел расположен в левом корпусе и занимает площадь в 210 кв. метр[ов].

3. Отдел Советского периода.

В отделе отражена февральская буржуазно-демократическая революция. Борьба рабочих и крестьян с интервентами и белогвардейцами, Великая Отечественная война, сельское хозяйство, промышленность и культура области. (Темы восстановительный период и довоенные пятилетки находятся в стадии оформления).

Отдел занимает нижний этаж главного здания.

Здесь же находится выставка – «Ф.М. Достоевский в Омске».

Филиалы Музея.

Музей имеет два филиала:

Комиссаровский музей при парко-ботаническом заповеднике колхоза им. Чапаева, Ульяновского района.

Музей открыт в 1950 году. Помещается в специально построенном для него в 1949 году Областным музеем доме. Стены дома сделаны из толстых столбов, обшитых жердями и обмазанных глиной. Кровля насыпная с глиняной обмазкой. Снаружи и внутри стены выбелены известковым раствором. Пол деревянный, окрашен. Площадь дома – 70 кв. метр[ов]. Помещение для музея построено по типу дома, в котором жил П.С. Комиссаров.

Фотографиями, документами и рукописями в музее отражены темы: а) На заре сибирского садоводства (П.С. Комиссаров), б) И.В. Мичурин, в) Стелющиеся сады Сибири (А.Д. Кизюрин), г) Парко-ботанический заповедник колхоза им. Чапаева.

При музее – комната отдыха для приезжающих экскурсантов. В парке, на могиле зачинателя Зап[адно]-Сибирского садоводства П.С. Комиссарова, – мраморный памятник-обелиск, сооруженный Областным музеем и открытый 1 февраля 1948 года.

В соответствии с решением Исполкома Областного Совета депутатов трудящихся от 5 октября 1945 г. Комиссаровский Парко-ботанический заповедник находится под научным наблюдением Областного музея.

Марьяновский музей. Музей открыт 11 октября 1953 г. Находится при ст[анции] Марьяновка, возле братской могилы омских рабочих, погибших в борьбе с интервентами 25 мая 1918 г.

Здание саманное, снаружи и внутри отштукатуренное, кровля шиферная, пол и потолок деревянные, окрашены. Построено Областным музеем в 1953 году. Площадь дома 75 кв. метр[ов].

В музее дана галерея живописных портретов участников Марьяновских боев. Выставлены картины (худ[ожников] Д.И. Логачева и Н.Д. Хломенок), воспроизводящие отдельные боевые эпизоды, фотографии, схемы, документы.

На братской могиле борцов за власть Советов в 1951 году сооружен каменный памятник-обелиск. Могила огорожена деревянной оградой, прилегающая площадь озеленена посадкой акации.

Фонды музея.

Фонды музея хранятся в северной части левого корпуса музея. Площадь фондохранилища – 90 кв. м[е]т[ров]. Пол в помещении цементный, в оконные проемы вставлены решетки, со стороны ул. Рабфаковской имеются также и ставни. На дверной проем навешено два полотна: внутреннее с внутренним замком, наружное – с висячим. Вход в фонды опломбируется.

Оборудование фондов состоит из большого (во всю ширину помещения) стеллажа и закрытых шкафов.

Учетные книги – инвентарные и книги поступлений хранятся в отдельном сундуке.

Основные фонды музея записаны в 8 инвентарных книгах – №№ 1, 2,3,4,5,6,7,8. Книги пронумерованы, прошнурованы и скреплены печатью и подписью зам[естителя] начальника Областного Управления Культуры тов. Колесникова А.Д. Всего инвентарных №№ в книгах 6533 (№1 по № 6533 включительно). Из этого числа инвентарных записей по актам исключены предметы, значащиеся за №№ 3753, 3755, 5276, 5277, 5353, 3864, (кобура) 3586, 5478.

Новые поступления музея внесены в 4-ре книги поступлений (книги первичного учета). Всего записей в названных книгах 996 (с № 1 по № 996 включительно). Часть экспонатов, внесенных в книги поступлений, перечислены в основные фонды именно: из книги поступлений № 1 […][1].

На постоянное хранение по акту от 18 сентября 1956 года музеем приняты подарки Омского народного хора в количестве 34-х экземпляров.

В 41-й папке материалы (воспоминания, фотографии, документы) участников борьбы за власть Советов.

Коллекция минералогическая, отдельные палеонтологические находки и часть гербарного материала находятся в неразобранном виде.

Драгоценный фонд.

Предметы из драгоценных металлов, выделение которых из общих инвентарных записей произведено в соответствии с инструкцией от 15 октября 1948 года, внесены в три (3) инвентарные книги – формы № 1, № 2, № 3.

Все три книги пронумерованы, прошнурованы, сургучной печатью опечатаны и скреплены подписями.

В книге форма № 1 (для записей монет, медалей, плакеток и жетонов) записей 249 (с № 1 по № 249 включительно).

В книге форма № 2 (для записей экспонатов, состоящих целиком из драгоценных металлов) записей – 12 (с № 1 по № 12 включительно).

В книге форма № 3 (для записей экспонатов, в которые драгоценные металлы входят как составные части) записей 31 (с № 1 по № 31 включительно).

Драгоценные фонды хранятся в помещении основных фондов в опечатанном и опломбированном обитом железом ящике.

Спецфонд.

Специальный фонд музея записан в отдельную книгу. Всего записей в книге 109 (с № 1 по № 109 включительно), причем материалы за №№ 83, 86, 87 и 88 изъяты и включены в основной фонд, №№ 96 и 97 исключены (уничтожены).

Спецфонд и секретная переписка хранятся в отдельном железном сундуке.

Вспомогательные материалы.

В отдельную инвентарную книгу вписаны вспомогательные материалы, всего записей 1000 №№.

На вспомогательные материалы, равно как и на основные фонды, составлена картотека.

В отдельную книгу вписаны материалы Пушкинской выставки, всего №№ – 492.

Научная библиотека музея.

Библиотека расположена в 6 комнатах правого корпуса музея. Занимает площадь равную 140 кв. метрам. Оборудована стеллажами и шкафами.

В библиотеке книг (основной фонд) на русском языке – 46800, книг иностранных – 6308.

В библиотеке, завещанной музею профессором Дравертом П.Л., – 1692 книги.

Обменный фонд библиотеки состоит из 16740 книг.

---

[1] *Далее следует перечисление фондов. – Прим. сост.*

А.Ф. Палашенков (в нижнем ряду второй слева) с сотрудниками Омского областного краеведческого музея. 1964 г.

Кроме того, в библиотеке – географических, исторических и др[угих] карт и атласов – 854 экз[емпляров] (художественных альбомов – 417. Рукописей – 180).

Библиотечный фонд заинвентаризирован в 25-ти книгах.

Помимо инвентарных книг, на основные книжные фонды библиотеки составлена каталог-картотека, на карты и атласы – научная картотека.

В библиотеке хранится картотека библиографии Сибири, составленная Областным Бюро Краеведения, свыше 6-ти тысяч.

Архивы ученых.

В особую инвентарную книгу записаны архивы местных ученых, переданные по завещанию после их смерти (гг. 1945 и 1956) в музей:

Архив профессора П.Л. Драверта – 347 единиц хранения

Архив геоботаника Спиридонова М.Д. – 175

Архив агронома Скалозубова Н.Л. – 9

Архив профессора Семенова В.Ф. – 54

Архив профессора Шухова И.Н. – 36

Архив профессора Хитрово В.Н. – 128

Архив доцента Петрова П.Е. – 17

Архив известного садовода Штанина Н.Ф. – 30

Документы, дела, штампы и печати музея.

Дело по проведению музеем инвентаризации экспонатов из драгоценных металлов по состоянию на 1 января 1949 года, на 83 листах.

Дело с материалами по проверке наличия драгоценных металлов в июне 1953 года и другие документы по драгоценному фонду, на 107 листах.

Дело по проверке и списанию музейных предметов.

Дело с секретной перепиской музея на 124 листах.

Дело Омского Отделения Всесоюзного Общества политкаторжан – 1931 – 1934 гг.

Книги служебного пользования:

А) Климатологический справочник СССР, выпуск 17. Изд[ательство] Омского Управления Гидрометслужбы, 1947 г., № 613.

Б) Крайний Северо-Восток Союза ССР. Том I и том II. Изд[ание] Академии Наук СССР. 1952 г.

В) Адольф Гитлер – Моя борьба. На немецком языке, с портретом Гитлера, 1941 г.
Г) Путеводитель по Государственному архиву Омской области.
Приказ Министерства Культуры СССР № 1536 от 29 августа 1953 г.
Папка с планами – территории музея и зданий, в том числе план главного здания 1861 года, подписанный Дюгамелем.
Тематико-экспозиционные планы отделов, разделов и выставок музея.
Годовые отчеты музея и план работы музея на 1957 год.
Календарный план музея по подготовке к 40-ой годовщине Октября.
Книга приказов.
Канцелярские дела.
Личные дела работников музея.
Архивные дела.
Пломбир музея с надписями на планах «З.-С. Музей» (На одной) на другой – «Омск».
Удлиненный штамп музея для денежных документов.
Угловой штамп музея.
Библиотечный штамп.
Два паспортных штампа.
Печати музея – сургучная и мастичная (гербовая).
Сдал[I]*:* *(подпись)* */А. Палашенков/*
Принял[II]*:* *(подпись)* */М. Агеев/*

[I] *Далее поставлена чернилами подпись. – Прим. сост.*
[II] *Далее поставлена чернилами подпись. – Прим. сост.*

IV
РАЗДЕЛ

Путевые заметки и очерки

Березов[1]

1939 г.

Березов – старейший из русских городов Сибири. До последнего времени годом основания его считался 1594 год. Новейшие исследования отодвигают дату основания Березова на конец 80-х годов 16 столетия. Вероятнее всего, Березов построен одновременно с Тюменью и Тобольском, т. е. около 1587 года. До его основания на этом месте находился остяцкий «Березов Городок». У береговых обнажений территории Городка отложились культуры многих веков и разных народов. Более чем полуметровый пласт земли насыщен остатками былой жизни: фрагментами глиняной посуды, поделками из кож и железа, черепами, позвонками людей, торчащими из-под одерновевшей всклокоченной поверхности. Видны нижние венцы срубов, тесанные широкие плахи, остатки острожных тынов, камни и кирпичи.

Березов расположен на правом берегу Сосьвы, километрах в 20 от впадения ее в Обь. И время и место основания Березова продиктованы географическим и топографическим положением данной территории. Он заложен на древнейшей, наиболее оживленной дороге из Европы в Сибирь, он основан в узле, из которого идут единственные пути-дороги на Север, Юг, Восток – в глубь таежную, богатую пушниной (по Казыму). На север в широком русле реки неслись обильные воды Оби, вливавшиеся в море «на летнем восходе солнца».

В области архитектуры: первые постройки – это укрепления, они носили характер общей древнерусской архитектуры.

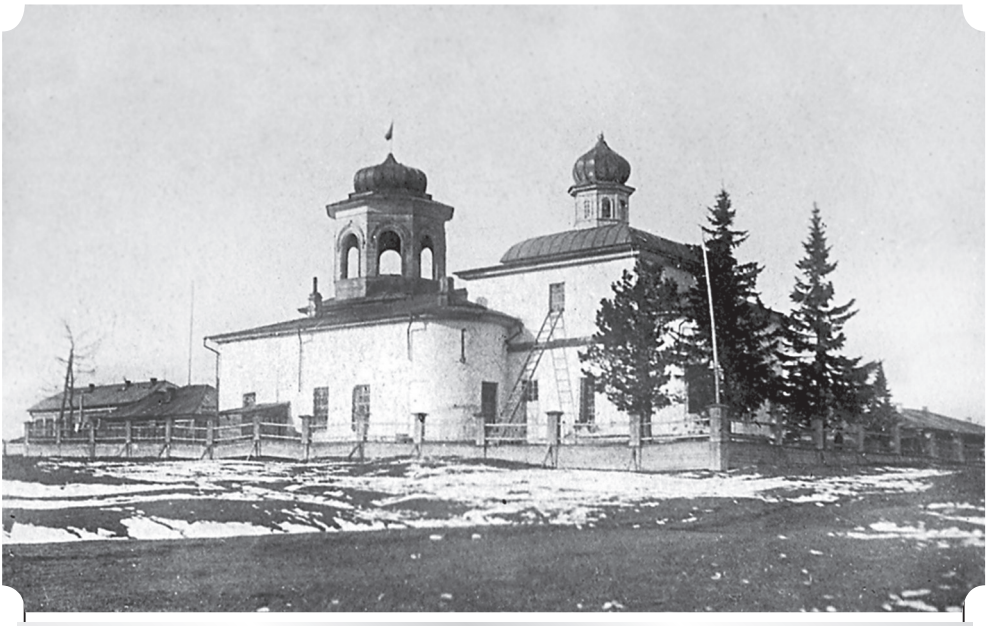
Ставни в Березове не имеют такого распространения, как в более южных местах Сибири – Тюмени, Тобольске и др.

Красиво разрешен вход в дома, обычно выходящие не на улицу, а во двор, в который ведут большие стройные ворота, изукрашенные резьбой. Вход представляет напуск над дверным проемом или рубленным тесовым срубом с фронтоном. Встречаются полуциркульные оконные проемы. Многие дома срублены из тесаных брусьев. Рубка в обло преобладает. Архитектура, если не считать церквей и школы, деревянная. Широкое распространение имели амбары из баржевых досок. Кровли в большинстве четырехскатные, двухэтажных домов мало. Встречаются лишь с полуподвальными помещениями.

В ноябре 1919 г. сгорели леса, стеной охватившие Березов с юга и севера. В сильном пламени огня погибла многовековая обстановка далекого городка. Лишь кое-где остались почерневшие стройные стволы деревьев да обуглившиеся пни. Простор почуял ветер. Раздвинулись дали, и Березов как бы еще выше приподнялся над широким плесом северной реки.

Прошли года. На гарях поднялась поросль молодых берез. Черные пятна поверхности все больше и больше одеваются в зелень. Ландшафт смягчается.

В социальном пожаре сгорели и пали вековые силы нашей страны. И далекий, заброшенный и отсталый Березов, будивший при одном имени своем мрачные воспоминания прошлого, как место кары и ссылки борцов за дело трудящихся, приобщился к общей великой социалистической стройке. С каждым годом он обогащается новыми стройками, в корне видоизменяющих его облик.



Воскресенский собор. Березов. 1939 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Стройные государственные общественные здания выросли на пустырях и местах, где когда-то стояли воеводские канцелярии и городнические правления, казармы для караульных и тюрьмы для содержания колодников, дома для помещения уездного и нижнего земского судов, денежная кладовая и сушило для мягкой рухляди, гостиный двор, питейные дома и т. п.

Большая благоустроенная районная больница, расположенная в живописном парке, общественная баня, дом юридической консультации, хлебопекарня, магазины появились в Березове. В лучших домах разместились школы, библиотека, детский сад. Организовано общественное питание. Проведен телефон, радиосвязь, связывающая Березов со всем миром. А по Сосьве, как только она освободится от ледяного покрова, идут залитые электрическими огнями пароходы, в небе слышится треск пропеллера воздухоплавательной машины.

Березовская зональная сельскохозяйственная станция выросла в целый научный городок, она обогащается с каждым годом рядом новых красивых зданий. Она проводит большую опытную работу, внедряя новые сельскохозяйственные культуры на березовские нивы, которые до этого времени считались бесплодными. Обновилась земля. Старого Березова не стало, одновременно с уходом с общественной арены всесильного здешнего исправника, само имя которого стало достоянием архивных полок.

1934[1].

АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ МЕНШИКОВ

1939 г.

12 ноября исполнилось 218 лет со дня смерти сподвижника и любимца Петра Александра Даниловича Меншикова[2].

С того времени, как история заняла надлежащее место в школе и литературе, большой пробудился интерес у широких трудящихся масс к видным историческим личностям.

Имя Меншикова в особенности стало известно после выхода в свет произведения

[1] *Дата проставлена от руки зеленой пастой. – Прим. сост.*

Берег у пристани. Березов. 1939 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

Алексея Толстого «Петр I-й» и кинофильма этого же имени. Кому из зрителей экрана не запомнился представительный, красивый, живой и изворотливый Сашка. Мало того, этот «птенец Петра» остановил на себе внимание великого нашего художника-сибиряка Сурикова[3], давшего известную картину «Меншиков в Березове», расходящуюся в тысячах открыток по стране, эта картина Сурикова также способствовала популяризации личности Меншикова.

До сих пор не улегся интерес к месту погребения Александра Даниловича, скончавшегося в далекой березовской ссылке в 1729 году 12 ноября. Есть и иное указание времени смерти Меншикова. Так, Абрамов похороны Меншикова относит на 22-ое октября. Следовательно, дату смерти нужно относить на 2-3 [дня] раньше, то есть числа 19-20 октября.

Где бы вы не были – в Москве, Киеве, в Крыму, Белоруссии – при одном упоминании Березов[а], Вас спросят: что осталось от любимца Петра в Березове, в каком состоянии его могила.

С трудом мирится мысль, что бессменный соратник Петра закат жизни провел в изгнании, что кости его тлеют в мерзлых пластах Березовской земли, где вслед за ним там же легли в могилу его противники – родовитые князья Долгорукие и известн[ый] дворцов[ый] интрига[н], чле[н] Верховного тайного совета нем[ец] Остерма[н][4].

1939[I].

[I] *Дата проставлена от руки зеленой пастой. – Прим. сост.*

Заметки о Березове[1]

1939 г.

Распланировки старые русские города не имели. Их строительство носило стихийный характер. Строился каждый, где находил для себя наиболее выгодное место. Благодаря этому улиц в нашем понимании не было. Дома разбросаны. К ним проникнуть можно было по извилистым проходам. Неотъемлемой принадлежностью города являлись площади с самыми затейливыми конфигурациями границ. Некоторый порядок в расположении домов замечается только по бегу реки, оврага. Здесь он диктовался географией местности. Так было в период Московской Руси. Этот характер расположения городов и селений до сих пор удержался на сибирском севере. Достаточно назвать такие селения по Оби, как, например, Большой Атлым, Малый Атлым, Саранпауль на Ояпине, Щекурья на Щекурье и т.д.

До сих пор от этих селений дышит мейербергoвским[2] изображением русской деревни в отношении разбросанности и хаотичности.

С течением времени эта хаотичность в городах изживалась. В XVIII в. правительство вмешивается в планировку. Составляются планы застроек после пожаров и новых кварталов города. Так было и с Березовым. Судя по плану Березова 1809 г. мы видим на нем часть допожарных (1806 г.) частей города и тут же новый проект застройки, где улицы идут параллельно реке Сосьве. Их пересекают под прямым углом улицы поперечные, образуя городские кварталы. Направление улиц сохранилось в Березове до настоящего времени. Только названия улицы стали носить иные.

Относительно Березова нужно сказать, что старый город Березов был расположен на берегу, который в настоящее время совершенно, можно сказать, свободен от построек. Теперь здесь остались следы выступающих из-под дернового покрова углублений, с правильной четырехугольной конфигурацией, ям, остатков столбов и свай. Следы застройки здесь еще ярче сказываются под дерновым покровом и глубже. В обнаженных местах берегового склона реки толщина культурного слоя достигает более 1,5 м. Здесь встречается много щепы, бересты, камней со следами огня, куски кирпича, черепки гончарной посуды с глянцевидной черной поверхностью, кости животных и т. п. Здесь же и в оползнях во многих местах (против б[ывшего] Воскресенского собора, при подъеме с пристани в город по правой стороне и в др[угих] местах) всюду встречаются человеческие кости и черепные коробки. 13 сентября мною был замечен череп на самой дорожке в овраге при подъеме от пристани направо. Череп хорошей сохранности (без нижней челюсти). Выступавшая его из земли поверхность сильно была стерта ногами далеких потомков. Много черепов обнаружено было (так передавали) при возведении постройки у подошвы берега, почти против б[ывшего] Собора. Мною здесь в оползнях обнаружено также два черепа и в особенности много костей. Каждый удар лопаты выносит на свет остатки людей. Это между прочим свидетельствует, что берег здесь значительно сполз, смыт рекой.

Сейчас трудно в точности установить, как много снесено берега по левую сторону. Можно только высказать некоторые соображения[1].

[1] *В конце текста автором от руки чернилами поставлена подпись:* «А.Ф. Палашенков». – *Прим. сост.*

Березов[1]
(Из прошлого нашей области)

Далеко за пределами Омской области и даже за пределами Советского Союза знают о существовании Березова. На старинных картах и атласах – русских и западноевропейских, на пожелтевших от времени страницах словарей, в мемуарах, романах и повестях, на длинных столбцах Сибирского Приказа[2], скрепленных затейливыми росписями дьяков, – фигурирует название этого города.

Три обстоятельства создавали и создали известность Березову: древность происхождения этого сибирского городка, значимость его, как административного и торгового пункта далекого северного Приобья, наконец (и это, пожалуй, самое главное), Березов в прошлом – место ссылки, город-тюрьма.

Основание Березова, судя по данным последнего времени, относится к концу 80-х годов XVI столетия. Вероятней всего, он ровесник первым русским городам в Сибири – Тюмени, Тобольску, т.е. построен около 1587 года[3].

Возникновение города вызывалось необходимостью закрепления важной военно-торговой позиции. Березов заложен в узле единственных древних путей – рек. На север и юг, на восток и запад шли широкие водные дороги. На север – Обь, открывавшая путь в землю Обдорскую, издавна (с XI в.) манившую своими богатствами предприимчивых новгородцев. Движение на юг открывала та же водообильная широкая Обь, а затем Иртыш. Южный путь связывал Березов с военными базами, каковыми являлись Тобольск и Тюмень, а также и с Москвой через Каменный пояс (Уральские горы). С востока к Березову подходила река Казым, лесные берега которой кишмя кишели пушным зверем.

Река Сосьва с рядом своих притоков являлась самой удобной и известной исстари дорогой на Москву через ущелья Уральских гор, слывшей под именем «Русской засеки».

Основателями Березова считаются казаки, отравленные из России для завоевания северной части Сибири. Высокий левый берег реки Сосьвы (километрах в 25-ти от впадения ее в Обь) был выбран ими для построения города. Раньше на этом месте находился хантыйский городок «Сугмут-Ваш» – что значит «береза». В этом месте некогда находилась березовая роща. (Это обстоятельство впоследствии сказалось при учреждении герба Березова: на коричневом поле щита изображены три рядом стоящие березы).

Благодаря выгодному положению, Березов вскоре сделался главным на севере пунктом Западной Сибири, управителями-воеводами которого часто являлись знатные фамилии и даже князья. Назначение последних состояло в «приведении к покорности» местного коренного населения, сбору ясака и отправке его в Москву: «березовскую соболиную казну отпускали при нем (князе воеводе Горчакове А.П.) на Тобольской, а коли для поспешенья, ино через Камень, не займуя Тобольска»[4].

Как и всех древних городов, начало Березову положено было построением острога, тынного укрепления, огорожи. Город создавался, так сказать, стихийно. В нем не было улиц, в нашем понимании этого слова. Дома располагались в беспорядке. Кое-какая стройность в расположении домов замечалась лишь по берегам поймы и оврага.

Беспорядочность и скученность в расположении строений губительно сказывались

на городе, в особенности при возникновении пожаров, которые временами уничтожали город почти дотла. Только после пожара 1806 года Березов стал застраиваться по плану, и существующие в настоящее время улицы восходят своим началом к этому времени. Лучшими постройками в городе являлись церкви, сначала деревянные, а с конца XVIII века – каменные. Их было три. Далее – часовни, присутственные места, денежная кладовая и винные подвалы, а также крепость с рядом высоких рубленых башен. Постройка и поддержание укреплений ложились тяжелым бременем на городское население – казаков[5].

Укрепления Березова дожили до начала XIX века. В 1800 г. погибли в огне последние из крепостных башен, и крепость более не восстанавливалась. Сохранившиеся остатки ее, в виде торчащих на высоком береговом обрыве из земли палей, свидетельствуют о существовании когда-то здесь оборонительных палисадов.

К первой четверти XIX столетия значительно изменился социальный состав населения города. Здесь помимо казаков уже были крестьяне, мещане, купцы, дворяне, духовенство и, наконец, дворовые (крепостные).

Первое место по численному составу (более 50 проц.) продолжали занимать казаки, во главе которых стоял атаман. Второе по численному составу место занимали мещане. Крестьян было всего лишь 6 проц.

Наибольшее количество дворовых людей падало на дома духовенства. Вот состав двора главы березовского духовенства, по данным исповедной ведомости Воскресенской церкви за 1819 год:

«Протоиерей Иоанн Вергунов, вдов, 45 лет,
Дочь его Елисавета, 8 лет
Дворовые его люди:
Андрей Николаев, 20 лет
жена его Евдокия Семеновна
Сестра его Стефанида Николаевна,
девка 26 лет.
Анна Федорова, девка же 30 лет.
Стефанидины незаконные дети: Александр, Алексей, Константин и Мария и Аннина незаконная дочь Евдокия».

Дворяне березовские – это вышедшие в отставку крупные чиновники.

Немногочисленно было купечество города. Никакой промышленности Березов не знал. Занятие большинства жителей состояло в меновой мелкой и крупной торговле. Набрав у купцов водки, табаку и разных безделушек, мелкие торгаши отправлялись в юрты ханты и манси – зимою на оленях, летом на донках: там выменивали рыбу, пушного зверя, орехи, птичье перо. Все это по приезде в Березов сдавали купцам, у которых брали товары. Закончив расчет и запасшись новыми товарами, предприимчивые торгаши

Панорама деревянного Березова с колокольни Воскресенского собора. 1939 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

вновь отправлялись в таежные места для мены и обмана. «И этими прибытками, – говорит местный историк Абрамов, – продовольствуются целый год»[6].

Первая школа в городе открыта в 1820 году. В 1849 году на всей огромной территории Березовского округа находилось три школы: уездное училище в Березове, казачья школа в Сургуте и школа для крестьянских детей в Елизарове.

Со второй четверти XVIII столетия Березов сделался местом ссылки видных государственных деятелей и придворных интриганов. В 1727 году сюда был сослан сподвижник Петра I князь Меншиков с сыном и двумя дочерями. Содержались Меншиковы в выстроенном в 1724 г. для государственных преступников остроге, оберегаемом офицером с командою из 15 солдат. Около двух лет пробыл в заточении любимец Петра, смирившийся в конце концов с своим подневольным положением. В октябре 1729 г. Меншиков умер. Пребывание его в ссылке художник-сибиряк Суриков запечатлел в написанной им картине «Меншиков в Березове».

Через месяц после смерти отца умерла старшая дочь Мария, первая невеста Петра II, тайно вышедшая здесь замуж за прибывшего сюда под другим именем князя Федора Долгорукова. Едва заметный зеленый бугорок, с возложенным на него небольшим камнем, виднеется у ограды б[ывшего] собора – это и есть могила Марии. Сын Меншикова – Александр и дочь Александра в 1731 г. возвращены в Россию.

В 1730 г. в Березов ссылается любимец Петра II-го князь Иван Алексеевич Долгоруков с женой Наталией (дочерью князя Бориса Шереметьева), отцом, матерью, тремя братьями и тремя сестрами, из которых Екатерина была второю невестой Петра II-го.

Потемневшие бревенчатые стены избы с круглыми окнами вверху, в которой содержались Меншиковы, стала тюрьмой для многочисленного семейства Долгоруковых. Старики не выдержали ссылки и вскоре умерли. Через 8 лет за дерзкие слова по адресу царицы Анны и ненавистного всей России Бирона, Ивана Долгорукова вместе с его единомышленниками на небольшом судне, в темную дождливую осеннюю ночь, отправили в Тобольск. Отсюда князь Иван был препровожден под Новгород, где по указу Правительственного Сената от 12 ноября 1739 г. он был колесован вместе с двумя родственниками[7].

Братья и сестры казненного из Березова разосланы по разным местам.

Минуло всего лишь четыре года после расправы над Долгоруковым – в Березов под охраной сильного караула прибыл на вечную ссылку ловкий дворцовый интриган, член Верховного тайного совета, Остерман, с женой. Умер он в 1747 году и похоронен здесь же.

С 1826 по 1833 год в Березове находились на поселении декабристы – Фохт[8], Черкасов[9] и Ентальцев, а с 1841 г. по 1848 г. – старший казахский султан Кокчетавского округа, подполковник Габайдула[10], сын хана Валия, внук Абляй-хана, заподозренный в связи с «возмутителем» казахов Кенесарой Касимовым[11].

Более полутораста лет отбывали в Березове «ссылку» пугачевские пушки. В 1934 г. во время наводнения они погрузились на дно Сосьвы.

К сожалению, в Березове тогда ничего не было сделано для сохранения этих немых свидетелей и участников пугачевского движения, всколыхнувшего и обеспокоившего в свое время и Березов.

С начала XX столетия, когда в Березов стали прибывать на поселение политические ссыльные из разных уголков бывшей российской империи, город воспрянул от изначальной своей спячки.

В огне Великой Октябрьской социалистической революции сгорели и пали гнетущие вековые устои старой жизни. Далекий, заброшенный и отсталый в прошлом Березов приобщился к великой социалистической стройке и живет сейчас полнокровной жизнью советского районного центра.

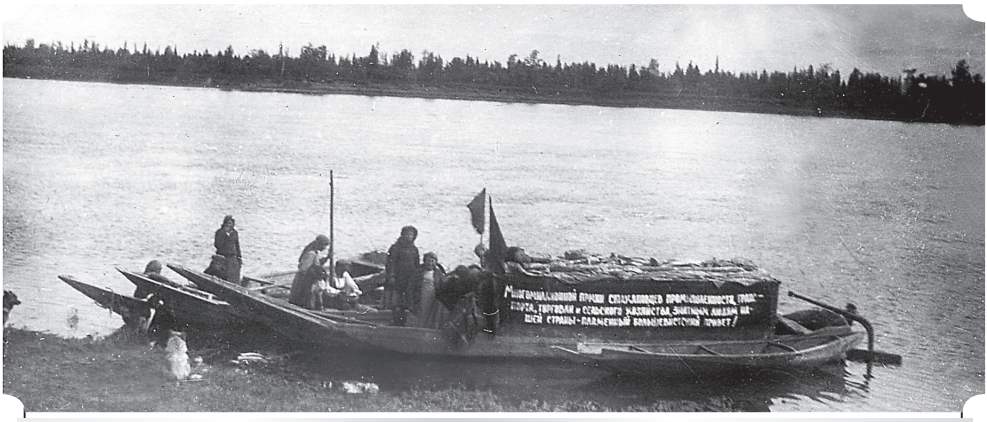
Ляпинская крепость[1]

На левой стороне реки Ляпин (Сыгва), против с. Саран-Пауль Березовского района Тюменской области, до 1924 года сохранялись остатки древней русской Ляпинской крепости. Впервые остатки крепости случайно были обнаружены исследователем Обского Севера К.Д. Носиловым[2] в 1884 году.

Для подчинения Московскому государству богатых пушниной Югорской и Обдорской земель в 1499 году была снаряжена военная экспедиция в составе 4042 человек под начальством князей Семена Курбского[3] и Петра[4] Ушатова[1].

Перейдя Уральские горы, рать спустилась в равнину и через неделю на р. Ляпине, притоке Северной Сосьвы, был взят первый вогульский городок Ляпин, а через некоторое время были захвачены еще 33 вогульских и остяцких городка. Владетели Югорской и Обдорской земель вынуждены были заключить мир и признать себя подданными князя Московского. С этого времени в титул князя Московского были внесены названия вновь присоединенных земель – Югорской и Обдорской.

В то время Ляпинский городок был наиболее крупным среди других вогульских и остяцких городков. Расположен он был на наиболее возвышенной части правого берега р. Ляпин, на месте центральной части современного села Саран-Пауля, так называемой «Второй деревни»[5]. Городок был окружен земляным валом. При обследовании его территории в 1939 году были найдены поделки из кости и железные наконечники стрел – следы прежних его обитателей. Городок занимал важное стратегическое положение, т.к. он прикрывал собой путь продвижения вниз по реке к другим вогульским городкам.



«Красная лодка» (торговый ларек) Саран-Паульского сельпо. Обслуживала рыболовецкие бригады. 1939 г. Фото А.Ф. Палашенкова

[1] П.А. Словцов сомневается в численности участников похода 1499 – 1501 годов.

В 1592 году, против вогульского городка Ляпина, на левом берегу р. Ляпин, присланным отрядом казаков была построена русская крепость[6]. Вогульское предание относит основание русской Ляпинской крепости к более раннему периоду, к походу Курбского.

Крепость была построена на второй от реки гриве, возвышающейся над плесом на 5 м, в расстоянии 80 м от русла Ляпина. За второй гривой расположена третья грива, а за ней синеет тайга.

Во время обследования территории крепости в 1939 году на месте ее стоял сарай с силосными ямами под ним. При возведении сарая и копке ям были стерты следы находившихся здесь построек. Местами на территории крепости виднелись невысокие полугнилые с обгорелыми верхушками столбики в 10 – 40 см вышиной, которые, как выяснилось впоследствии, являлись остатками защитного тына (палисада) крепости; встречались неправильного очертания углубления и лежащие на земле полугнилые бревна, а также палисадины со следами огня. Росло несколько старых берез, кустики рябины, шиповника. Через территорию крепости проходила тропинка.

В плане крепость, в основном, имела, как выяснилось в результате раскопок, вид неправильного четырехугольника. Длина северной ее стороны была равна 42 м, южной – 39,5 м, восточной – 26 м, западной – 24 м[7]. Северная и восточная линии палисада при подходе к северо-восточному углу крепости имели незначительный изгиб внутрь крепости. Это же имела и южная линия при подходе к юго-западному углу.

Местность, на которой была расположена крепость, имеет уклон к востоку. Обследованием установлено, что палисад крепости состоял из плотно пригнанных, вверху заостренных бревен хвойных пород, толщиной в среднем 14 – 15 см, высотой 3,7 м, врытых в землю на глубину 0,6 – 0,7 м. При общей длине защитной линии крепости в 131,5 м на сооружение ее палисада потребовалось не менее тысячи бревен. Посредине западной стены крепости, на самой возвышенной точке территории, следов палисада не обнаружено. Здесь находилась дозорная проходная башня с арочными дверными проемами в западной и восточной стенах. Башня в плане представляла четырехугольник, площадью, как пишет К.Д. Носилов, в 250 кв. футов (23,2 кв. м) при высоте стен в 24 фута (7,3 м). На высоте 18 футов (5,5 м) площадь башни расширялась, стены нависали над нижней частью сруба на 2 фута (61 см). Нависавшая часть (так называемый верхний бой) внизу имела бревенчатый настил. Для стрельбы вверху и внизу башни

Ляпинская крепость с береговой гривы. Березовский район Тюменской области. 1939 г. Фотография А.Ф. Палашенкова

находились бойницы в 40 см длиной, 20 см высотой. Для подъема защитников к верхнему бою в углах были установлены два бревна со ступенями. К востоку от дозорной башни, в нескольких шагах от нее, внутри тына находилось две невысоких постройки также с отверстиями для стрельбы. Снаружи над арочным проемом башни раньше, по словам К.Д. Носилова, видна была надпись года постройки крепости.

Внутри крепости, у северной и южной сторон, сохранились следы бывших построек в виде углублений неправильного очертания. В некоторых из них были заметны бревна старых срубов. При расчистке впадин удалось установить размеры жилых помещений и тогдашнюю строительную технику. Так, в северо-восточном углу территории крепости обнаружен сруб квадратной формы, размером по внутреннему обмеру 4,7 на 4,7 м; толщина бревен 17 – 20 см; рубка в обло, причем выходящие за чашку концы бревен различной длины с неровным обрубом. Бревна не окантованы и внутри стены не отесаны. Под нижним венцом столбов нет; для лучшего сохранения тепла бревна клались непосредственно на землю. Найдены тесаные доски, видимо, от пола. Внутри сруба обнаружены следы очага в виде золы и угля, кусков глиняной обмазки, черепков глиняной посуды, обломков железа и т. п. В центре территории крепости находилась неправильной формы впадина в 1 м глубиной, возможно, остатки погреба для хранения зелья – пороха.

На запад от собственно крепости, вблизи башни и дальше за рвом, находилось по две постройки.

Следы бывших жилищ сохранились и на 3-й гриве, в расстоянии 40 м на северо-запад от крепости. Расположены они по линии восток – запад. Здесь было 12 жилищ[8].

В Музее Этнографии Академии наук СССР под коллекционным номером 5753 хранится шесть панно с рисунками художника-самоучки Николая Шахова. Рисунки воспроизводят жизнь и быт народов Обского Севера. На одном из панно, значащимся в статье В.Н. Чернецова «Быт хантов и манси по рисункам XIX века» под № 6 изображена Ляпинская крепость.

Крепость на рисунке Шахова представлена на ровной поверхности обрывистого берега р. Ляпин. Крепостная башня на рисунке помещена в южной линии палисада, обращенной к реке. Башня с навесной верхней частью, шатровой кровлей. В нее ведут арочные двухпольные ворота. Из-за тына виднеются кровли домов, несколько островерхих елей.

Рисунок Шахова дает лишь общее представление о русских острожках того времени. Шаховым не даны в рисунке характерные черты Ляпинской крепости. Больше того, Шахов изобразил крепость не на левом берегу реки, а на правом. Изображение сделано не с натуры, а понаслышке, по аналогии с другими деревянными крепостями.

Большее представление о древней русской крепости, в том числе и о Ляпинской, дает изображенный Шаховым с натуры Казымский городок. В этом рисунке дан не только собственно Казымский городок (крепость, острог) с тыном и башней, с воротами и калиткой, но и пригород с расположенными в четыре ряда постройками, с двухскатными и односкатными пологими кровлями. На площади пригорода Шахов не упустил из вида изобразить двухстолбовую рель с железным крюком, где производились экзекуции и казни. На рисунке Ляпинской крепости пригород и рель совершенно не показаны, а между тем они имелись.

Небезынтересно отметить, что при раскопках территории крепости на северо-восточном и северо-западном углах было обнаружено по черепу собаки. Черепа залегали на глубине 50 см. Маловероятно, что черепа оказались здесь случайно. Скорее всего они преднамеренно были положены. В старину распространено было в народе поверье: для успешного осуществления большого и трудного строительства прокладки через болота дороги, постройки плотины на быстрой реке, крепостной башни для защиты от врагов и т. д. нужно было в основание строительства положить (как бы принести в жертву) человеческую голову, в крайнем случае – голову убитого животного. И, видимо, сопровождавшие на протяжении тысяч километров четвероногие друзья казаков были принесены ими в жертву при закладке крепости[9].

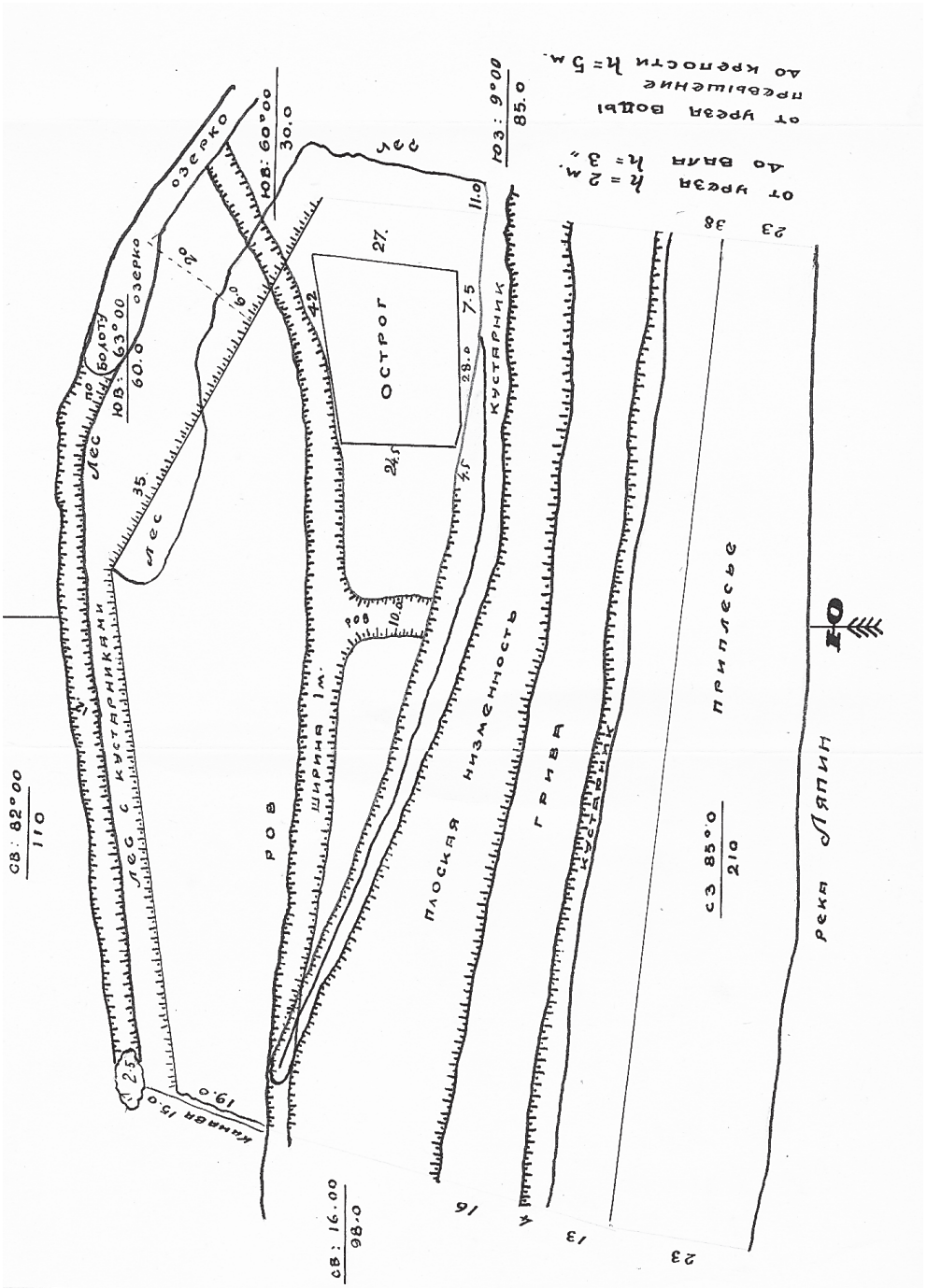


Схема Ляпинской крепости, составленная в 1954 г. М.П. Романенко на основании обмеров А.Ф. Палашенкова

В связи с этим приведем отрывок из сказания «Коромыслова башня» поэта А.А. Навроцкого:

«Завтра вы, мастера (говорит князь нижегородцам),
не леняся, с утра
На работу кремля выходите
И вон там, у угла, где дорога была,
Вы закладывать башню начните».
«Так-то так... только, князь, есть обычай у нас,
Что велит зарывать без пощады
Всех, кто первым пройдет в день начала работ,
Там, где стену закладывать надо.
Тот обычай не вздор, он идет с давних пор -
Самый Новгород тем ведь и крепок,
Что под башней одной, за Софийской стеной,
Там зарыт был один малолеток.
Уж кому суждено, тот пройдет все равно,
Будь то зверь, человек или птица.
А иначе стена ведь не будет прочна.
Да и строить ее не годится».
«Знаю сам, не забыл и тебя не просил
Я сегодня об этом напомнить
И ордынцу Сергею вчера поручил
Тот обычай и ныне исполнить».

О той роли, какую играла Ляпинская крепость на заре русской колонизации этого далекого края, заслуживает внимания рассказ, бытовавший среди ляпинских вогул и записанный в 80-х годах XIX века К.Д. Носиловым от старика вогула Саввы:

«И этот дикий народ (ненцы – **А.П.**) еще не раз подымался против них (русских – **А.П.**), приезжал сюда целым становищем зимою, укреплялся в Ляпине (вогульском – **А.П.**) и пускал в эту крепость (русскую – **А.П.**) свои стрелы, но стрелы никак не могли пробить деревянные стены бойниц, и русские не подпускали близко их к себе, отбиваясь выстрелами из пищалей.

Побьются, побьются так зиму и, смотришь, сдадутся казакам и несут снова им подать в пользу государя. И кому нужно проехать вниз по реке зимой ли, летом, никак нельзя проехать иначе, как через ворота крепости, и тут-то и брали русские свою долю. Мирный кто, заведут в ворота, возьмут, что требуется, напоят водкой и отпустят; непокорливый кто, порют его и даже, случалось, весят за ноги на крюк и вырезают на память из спины его ремень.

...Особенно, по словам старика-вогула Саввы, доставалось тогда непокорной самояди (ненцам): бойкий народ был и страшно не любил ни русских, ни вогулов, и только что настанет зима, как, смотришь, едет уже воевать с русскими; от костров дым по лесу, как от пожара, и начнут пробивать себе дорогу ниже по реке, чтобы грабить по-старому вогула и брать с него себе подати и дани. Но русские недаром, хотя и мало их, сидят взаперти и, смотришь, постреляют их (русских) стрелами, побегают около тынка с гиком и криком, а взять не могут, и переловят их русские и станут учить, как воевать против русского государя...».

Вогульский Ляпин городок продолжал существовать и после постройки в 1592 году на левом берегу р. Ляпина русской крепости, русского городка. Находясь на древнем торгово-промышленном Ляпино-Печерском пути, проходившем через «Каменный пояс», Ляпин городок с древности славился своей меновой торговлей. Лерберг находит очень вероятным «утверждение тамошних жителей, что в упомянутом Ляпине не были некогда порядочные русские лавки и что место это уже до XVI века было известно по торговле, которая производилась там, как в складочном месте товаров, русскими и зырянами, с предками тамошних природных жителей».

И после постройки русской крепости, русского городка Ляпин продолжал оставаться известным торговым пунктом.

Французский врач-путешественник де Ламартиньер в книге «Путешествие в северные страны» в 1653 году дает описание Папинова городка. М.П. Алексеев, останавливаясь на Папинове городке де Ламартиньера, пишет: «Весьма вероятно, что это – Ляпин городок, получивший свое название от р. Ляпина или Сыгвы...» «Небезынтересно отметить для характеристики рассказа Ламартиньера, продолжает М.П. Алексеев, – что в описываемое время Ляпин городок, вероятно, играл большую роль в русско-сибирской торговле».

Д.И. Иловайский, говоря о сохранившихся остатках старинной деревянной Ляпинской крепости, пишет: «Возможно, что это и есть тот Ляпин городок, о котором говорит де Ламартиньер».

Нужно сказать, что на восток от Уральских гор Папинова городка не было. Ляпин городок близок по созвучию своего названия с Папин городок, и иностранец, не уловив тонкостей в произношении, Ляпин назвал Папин.

Приведем выдержки из «Путешествия в северные страны» де Ламартиньера. Описывая тяжелый путь при перевале через хребет Уральских гор и отдых в одной сибирской деревушке, де Ламартиньер далее пишет: «...сели в сани и продолжали наш путь к Папинову городку, куда и прибыли часов через 20, с отдыхом для кормежки наших оленей...».

«Мы отдохнули 6 или 7 часов в доме воеводы, который встал тотчас же, как только один из слуг доложил ему, что мы проснулись, и пришел нас проведать в нашу комнату; за ним слуга нес бутылку водки: сам он выпил большую чарку и нас угостил. Затем он спросил, хотим ли мы купить его меха; приказчик ответил утвердительно, попросив осмотреть их все, сторговался и уплатил деньги. Не имея больше мехов сам, воевода позвал некоторых жителей, у которых, как ему было известно, были меха, и мы купили их с его разрешения; после этого нам снова пришлось приняться за выпивку и курение табаку».

«В то время как наш приказчик с подручным были заняты торговлей, я, – пишет далее де Ламартиньер, – пошел прогуляться по городу, который расположен в красивой местности, в небольшой болотистой котловине, окруженной довольно высокими горами; подле города протекает очень красивая и рыбная река; дома дурно построены, низки, все сделаны из дерева и дерна, щели между бревен проконопачены мхом, а городская мостовая состоит из деревянных досок, плотно пригнанных одна к другой».

Свое значение торгового и административного пункта большого Сосьвинского края Ляпин начал терять с постройкой в 1593 году г. Березова, который в дальнейшем стал главным административным центром громадного Приобского края, завладевшим всей его торговлей. К этому времени стали оживляться другие пути-дороги через Уральские горы, расширялись связи по Иртышу и Оби[10].

Но еще в середине XVIII века Ляпин городок-крепость[11] оставался административным пунктом Ляпинской волости. В хронике событий 1744 года отмечается совершение в Ляпинском городке казни (повешении на крюке) ненца Обыньдя Хапуева, участвовавшего вместе с другими в ограблении и убийстве нескольких остяков, принявших крещение, и в варварском изувечивании трупов убитых.

В 1884 году К.Д. Носилов писал, что местные вогулы до сих пор боятся крепости. «Им чудится там и крик самояди, и стон заключенных, то они не ходят туда, не трогают ее, и предоставили ее одному всеразрушающему времени, которое, однако, давно уже стерло с лица земли другие крепости, а эту не трогает, обуглило и сохраняет...».

Так было. Теперь этот редкий исторический памятник не существует: он погиб в 1924 году от случайного пожара.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. 1. Иркутск, 1932, стр. 306 – 308.

Верхнеюрские аммониты Ляпинского края. Работы геолог, отд. ИОЛЕАЭ, М., 1917, стр. 11.

Герасимов В.Н. Обдорск (Исторический очерк). Тюмень, 1909, стр. 15, 22, 23.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862, стр. 295.

Лерберг. Исследования. Спб., 1816, стр. 3.

Носилов К.Д. По следам Курбского. У вогулов. Очерки и наброски. Изд-во Суворина, 1904, стр. 214 – 216.

Носилов К.Д. О меньсах. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 10, вып. 5. «Труды антропологического отделения», т. 3, вып. 3.

Сборник музея антропологии и этнографии, т. 10. Сказания минувшего. Спб., 1896, стр. 37 – 38.

Поездки по Омской области в 1957–1962 годах[1]

В 1957 – 1962 годах членами Географического общества было совершено свыше 50 поездок по районам Омской области и ближайшим территориям, смежным с ней. Представление о маршрутах поездок дает прилагаемая схематическая карта. В каждой отдельной поездке маршрут определялся задачами, которые ставили перед собой ее участники. Кроме того, в Отделе имелись многочисленные

Сведения о различных находках, интересных явлениях и объектах, требовавших проверки на месте. Участники поездок знакомились также с работами членов Географического общества, проживающих в сельских районах. Поездки совершались в места, далеко расположенные от линии железной дороги и водных транспортных путей. В разное время в этих поездках приняло участие около 15 человек членов Общества, кроме того – студенты и учащиеся старших классов средних школ.

Главнейшие маршруты поездок:

1. По Иртышу, вверх от Омска, до границы КазССР. Бассейн Иртыша представляет особый интерес для решения вопроса о первобытной колонизации Западной Сибири. Одной из главных задач каждой поездки по территории области была регистрация и паспортизация дошедших до нашего времени памятников далекого прошлого, а также исторических и историко-революционных памятников и памятных мест. Начатый в 1937 году А.Ф. Палашенковым сбор сведений по археологии и истории края значительно обогатился благодаря поездкам.

Преобладающим видом археологических памятников на территории Омской области являются курганы (древние могилы). На правом берегу Иртыша, на территории Черлакского, Иртышского и частью Ульяновского районов, зарегистрировано 158 (87[1]) курганов, 4 (2) селища и (1) городище. Определено местонахождение Черлакской крепости, Усть-Заостровского и Ачаирского форпостов.

На левом берегу Иртыша на территории б. Дробышевского[2], Таврического, б. Шербакульского, частью б. Иртышского и б. Ульяновского[3] районов зарегистриро-

[1] В скобках указано количество памятников, зарегистрированных до 1957 года.

А.Ф. Палашенков во время осмотра дороги из Муромцево в Седельниково. 1966 г.

вано 103 (20) кургана, 17 «киргизских» могильников с общим количеством курганов около тысячи, 4 стойбища и 1 Ново-Варшавская стоянка, относящаяся ко времени бронзы. «Киргизские» могильники – следы пребывания в этих местах кочевых народов до появления казахов.

Из числа курганов на этом маршруте зарегистрированы большие так называемые «богатырские курганы», из которых 4 находятся возле Нововаршавки, 4 – в 1,5 км на север от Татарки.

Собраны материалы о первом председателе Черлакского ревкома А.Е. Мельникове, погибшем в июле 1918 года, произведено описание его могилы и памятника.

В районе д. Новая Станица, около Омска, осмотрены и сфотографированы обнажения по правому берегу Иртыша, впервые изученные И.Д. Черским и являющиеся классическими для стратиграфии среднего Прииртышья.

По всему маршруту долина Иртыша асимметрична, Иртыш прижимается к высокому правому берегу, подмывает его и образует скульптурную террасу. На левобережье почти везде хорошо прослеживается надпойменная терраса, у уступа которой расположена длинная старица, проточная в половодье. Между Омском и Черлаком наблюдается высокая древняя пойма и более низкая – современная. Южнее Черлака (выше по реке) древняя пойма размыта и выровнена, а в момент наблюдения вся пойма была затоплена на всю свою ширину. Характерным элементом ландшафта на левобережье являются широкие и пологие ложбины – древние лощины стока, которые в месте своего выхода в пойму прорезывают надпойменную террасу. От Романтеево до границы Казахстана насчитано таких образований до десятка. Вершины их уходят далеко в глубь материка.

На правом берегу около д. Верхней Ильинки высокий берег Иртыша отходит в сторону, образуя большую дугу, оставляя перед собой пойму, несинхронную ни с древней, ни с современной поймой. Вероятно, эта «пропойма» является расширенной надпойменной террасой. По ней раскинута цепочка небольших озер, различных по своему химическому составу.

На левом берегу Иртыша, вблизи границы с КазССР, на территории совхоза «Ермак» обследовано несколько минерализованных озер, остававшихся неизученными.

Для больших изменений в гидрографии нужны тысячи лет, но некоторые изменения происходят в сравнительно короткие промежутки времени. Любопытным примером могут служить изменения русла Иртыша. На плане Черлакской крепости, составленном в 1765 году, русло Иртыша указано там, где сейчас протока, и обратно – протокой названо современное русло. По пути были осмотрены запущенный Грязновский фруктово-ягодный сад в Татарке и Комиссаровский парко-ботанический заповедник с музеем при нем около Усть-Заостровской.

27 мая 1957 года участники поездки наблюдали в Иртышском районе исключительное по интенсивности явление «черной бури» и ее разрушительное действие на почвенный покров.

2. По Иртышу вниз от Омска до г. Тары. Данный маршрут является продолжением предыдущего. И здесь археологические памятники расположены по обеим сторонам Иртыша. Но в то время как к югу от Омска археологические памятники (исключая киргизские могильники) находятся вблизи реки, здесь часть древних курганов расположена на значительном расстоянии от нее, до 7 – 10 км (по сторонам тракта Карташево – Камышино – Курское).

На правой стороне Иртыша зарегистрировано 276 (288) курганов, 8 (14) городищ, 6 (8) стоянок, ряд ямных жилищ, селища, 3 старых кладбища, обследовано местонахождение бывшего каторжного завода в Екатериновке. По левую сторону реки зарегистрировано 169 (160) курганов, 1 городище, 3 стоянки.

Около Екатериновки обследована одна из древнейших стоянок первобытного человека в среднем Прииртышье (конец третьего тысячелетия до н. э.). Почти весь культурный слой стоянки смыт; на бечевнике по берегу собрано большое количество керамики.

Вблизи стоянки, в устье речки Абросимовки, обнаружено большое количество костей животных эпохи мамонта.

На окраине Екатерининского кладбища в г. Таре и с. Такмык зарегистрированы братские могилы борцов за установление Советской власти. Обследованы берега Иртыша против с. Пустынного Большереченского района, где 8 мая 1890 года, по пути следования на Сахалин, переправлялся через реку А.П. Чехов. Здесь Антон Павлович писал М.В. Киселевой: «Пишу Вам теперь сидя в избе (перевозчика – **А.П.**) на (левом – **А.П.**) берегу Иртыша. Ночь... Куда я попал? Где я? Кругом пустыня, тоска; виден голый угрюмый берег Иртыша... Мутная вода... белые волны хлещут по глине, а сам Иртыш не ревет и не шумит, а издает какой-то страшный звук, похожий на то, как будто под водой стучат по гробам... Тот берег (где Пустынное – **А.П.**) сплошная безотрадная пустыня. Мне теперь будет сниться Иртыш» (том 15, стр. 71).

3. По Иртышу от г. Тары до с. Усть-Ишим. На территории расположенных здесь Знаменского, Тевризского и Усть-Ишимского районов по правую сторону Иртыша выявлено и зарегистрировано 43 кургана, 9 городищ и стоянка времени поздней бронзы. Интересно отметить, что возле с. Новоникольского, на правом берегу Иртыша, на протяжении 5 км, расположено 5 больших городищ. Сильно насыщенным материалом оказалось 1-е Новоникольское городище, именуемое «Голая сопка»[4], на котором обнаружен, помимо большого количества керамики, большой точильный камень, много костей животных и другие находки.

По левому берегу зарегистрировано 17 курганов, 7 городищ, 5 древних селищ. Обнаружены следы городка на левом берегу р. Крушинки, левого притока р. Ишима в с. Усть-Ишиме, на восток от б. церкви. Очевидно, на этом месте и находился укрепленный татарский городок, окруженный тремя валами – Кызыл-Тура, где в начале августа 1585 года произошла битва Ермака с татарами. Сражение тем примечательно, что с обеих сторон, как повествует Ремезовская летопись, бились не оружием, а одними только руками, настолько была неожиданна эта схватка. Победителями были казаки, потерявшие пять человек убитыми.

В Усть-Ишиме, вблизи школьного интерната, зарегистрирована братская могила борцов за власть Советов. В Тевризе, в центре села, в саду зарегистрирован памятник погибшим за Советскую власть в годы гражданской войны. Записаны сказания и легенды о городищах, курганах, Ермаке, Кучуме и Ташетканском камне-метеорите.

Велись геоморфологические наблюдения над долиной Иртыша и устьевых частей его притоков – Тары, Уя, Шиша, Туя. Отмечалось состояние дорог и мостов и их эксплуатации. Собирался материал по характерным элементам ландшафта: гривам, останцам и рельефу водораздельного плато и склонов в долину Иртыша.

4. По Камышловской долине. Около Омска, против Николаевки, на левом берегу Иртыша, выходит раздвоенное русло р. Камышловки, ныне существующей только во время весеннего половодья. В пойме Иртыша Камышловка имеет вид неглубокого рва, который по мере приближения к с. Мельничному делается более глубоким, частью задернованным, частью обрывистым. От Мельничного до Степного лог достаточно широк и глубок. За Степным лог расширяется и образует долину, склоны которой местами отстоят друг от друга на 10 – 15 км, местами сближаясь до 1 – 2 км, а еще дальше склоны в рельефе делаются незаметными. Такой характер Камышловка сохраняет и дальше на всем своем четырехсоткилометровом пути в направлении к р. Ишиму.

При обследовании Камышловской долины в пределах Омской области выявлены курганные группы: в 7 км на северо-запад от станции Лузино – 8 курганов, в 4 км от Степного к западу, по левую сторону долины, – 4 кургана, у Нижней Шараповки, 3 кургана, в 8 км от станции Москаленки по дороге на Крафты – 3 кургана, в 5 км на юг от Мельничного – 7 курганов, в 3 км к северо-востоку от Солеозерного – 2 кургана, у Лосева – 4 кургана; в 1 км от Мельничного, к востоку, на правой стороне Камышловки открыта древняя стоянка.

Выявлены следы оборонительных сооружений Горькой казачьей линии, построенной в середине XVIII века: крепостей Покровской и Николаевской, редутов Мельничного, Степного, Курганного, Волчьего (д. Шефер) и Лосева. Произведены их обмеры, описаны их состояния, сняты планы и сделаны фотоснимки[5].

К юго-востоку от Мельничного в 8 – 10 км (На левой стороне глубокого оврага, при входе его в пойму р. Камышловки) выявлено старое кладбище с долбленными гробами, костями и остатками обуви и одежды. Видимо, где-то здесь поблизости находился Иртышский редут[6], местонахождение которого до сих пор не установлено.

В Степном и Покровке собраны сведения о борцах революции, погибших в годы гражданской войны; произведено описание братских могил и памятников.

Когда-то Камышловка была более значительным притоком Иртыша. Возможно, что за послеледниковый период подпертые воды ледника на севере и Алтая на юге находили выход через Камышловку в Тургайский пролив и дальше в Аралокаспий. Видимо, смена направления движения водных потоков по Камышловке привела к парадоксальному отклонению существующего профиля долины от «нормального профиля равновесия».

Собирались сведения о минерализованных озерах, расположенных в долине Камышловки, как объектах бальнеологического изучения.

5. В Озерный край. На территории б. Крутинского, Тюкалинского и отчасти б. Саргатского и Большереченского районов разбросано большое количество больших и малых озер, что дает основание назвать этот край озерным.

По берегу озера Салтаим зарегистрированы 4 древние стоянки, 1 курганная группа и одиночные курганы. По р. Яман – 2 стоянки и 2 курганные группы. Возле д. Дарвино обследованы ямные жилища – «остяцкие землянки» (местное название). По берегам озера Салтаим во многих местах встречены землянки, видимо, служившие раньше жилищами рыбаков, а против Дарвино у озера Тенис сохранились следы старой рыбацкой пристани, свидетельствующие о значительном усыхании озера[7].

Наличие археологических памятников в районе больших Крутинских озер свидетельствует о заселении этого края в глубокой древности. Видимо, первые поселенцы проникли сюда с Иртыша по р. Оше. Но не исключена возможность проникновения другими путями.

В 10 км на запад от с. Орловки б. Крутинского района в пределы Омской области вступает Московско-Сибирский тракт. Тракт проходил через Крутинку – Тюкалинск;

Участники экспедиции на привале по пути в Омск у озера Горшенино. 1960-е гг.

у д. Суховской он разветвлялся: одно направление шло на северо-восток, через Баженово, Саргатку, Карасук, Такмык; другое имело направление на юго-восток через Красноярку, Кулачье, Омск.

По этому тракту проследовали Паллас, Кеннан, Достоевский, Чехов и многие другие. По тракту шли партии осужденных на каторгу, тянулись обозы с государственной и купеческой кладью, скакали курьеры, фельдъегеря.

В Тюкалинске и Рыжкове б. Крутинского района зарегистрированы и обмерены памятники времен гражданской войны.

Велись наблюдения над гривами – характерным элементом здешнего ландшафта, по морфологии озер и лечебным свойствам некоторых из них, пользующихся известностью среди местного населения. Собирался материал о местных курортах, существовавших здесь раньше. Обнаружены и описаны останцы в долине р. Ира. Обследован Ировский бор, островки мертвых берез. Описаны и сфотографированы особенности берегов больших Крутинских озер.

6. По Курумбельской степи. Курумбельская степь – часть Сумы – Чебаклинской впадины, в которую входят восточная часть Черлакского и южная часть б. Оконешниковского районов Омской области.

До последнего времени Курумбельская степь была белым пятном в археологическом отношении. В результате обследования установлено наличие здесь археологических памятников в виде курганов среднего размера в с. Крестиках и его окрестностях б. Оконешниковского района, а также между селами Медетом и Алакулем Черлакского района. Особый интерес представляет вопрос – откуда и каким образом проникли сюда, в эти оторванные от водных магистралей места, древние поселенцы. Ответ на это может дать только детальное изучение археологических памятников.

На северо-западной окраине д. Сергиевки б. Оконешниковского района зарегистрирована братская могила расстрелянных белогвардейцами 9 крестьян – борцов за власть Советов. На могиле – памятник с соответствующей надписью.

Географов и краеведов привлекают своеобразие ландшафта Курумбельской степи – отсутствие пресных и проточных вод и сохранившиеся следы прежней значительной обводненности, сбор материала по озерам Ульджай, Атаичье, Горькое и другим, оригинальные ориентиры в открытой степи – одиночные березы, особенности флоры и фауны, наблюдения над южной границей березовых колков, водообеспеченность и водоснабжение для питьевых и бытовых нужд селений и многое другое.

7. По реке Оми. В пределах Омской области, по берегам Оми и ближайших к ней окрестностей, мало сохранилось памятников древней культуры. В окрестностях с. Нижняя Омка, на останце в долине реки, найдены следы древнего поселения. В 1,5 км от пункта «Заготзерно» зарегистрировано два распаханных кургана. В береговых обнажениях р. Оми у сел Сыропятки, Локти и в других местах встречается много керамики русских поселенцев XVIII века. Записаны рассказы о проезде по тракту М.М. Сперанского[8] и о жизни поселенцев прошлого столетия. Собирался материал по эстонским селениям. Обследован лучший плодово-ягодный сад в б. Нижне-Омском районе в с. Локти. Проведен сбор материала по экономике района и роли в этой экономике р. Оми, о дорогах в районе, их состоянии, переправах через реку, природном сырье для ремонта, о гидротехнических сооружениях на р. Оми: водоподъемных и водополивных установках, прудах в естественных оврагах и об их хозяйственном использовании.

Закончены морфологические наблюдения над долиной реки: ориентированные валы и гривы на пойме, древняя и современная пойма, наличие нескольких террас, овражная сеть.

8. В степь, на озере Эбейты. Во время рекогносцировочных обследований вокруг озера Эбейты установлено наличие в его окрестностях древних курганов. Курганы зарегистрированы у д. Ксеньевки Исилькульского района, с. Новоцарицино и аула Кара-Агаш б. Москаленского района, у сел Красногорки, Удобного б. Полтавского района. Наличие курганов свидетельствует о древнем заселении окрестностей озера Эбейты. Это озеро расположено далеко от рек и пресных озер и требует тщательного изучения.

Производилось изучение котловины озера: террас, оврагов, пляжа, колебания уровня озера. Собирался материал по некоторым невыясненным явлениям на озере (шум от ветра на поверхности озера при слабом волнении, когда не образуется гребней на волнах, оптические явления, обилие трупов насекомых, выброшенных на берег, минералогический состав поверхностных отложений пляжа и другие).

Выяснялись границы между лесостепью и степью, наличие березовых рощ у некоторых населенных пунктов в зоне степи – этих естественных парков, учитывались возможно-

А.Ф. Палашенков во время осмотра следов древней крепости в Большереченском районе Омской области. 1958 г.

сти использования ветровой энергии в условиях степных районов области и создания искусственных водоемов при некоторых населенных пунктах. Был произведен осмотр питомника в Москаленском совхозе б. Марьяновского района.

9. По реке Таре. Прибрежье р. Тары заселено с древних времен. По ее берегам и притокам находится большое количество памятников древней культуры. Выявлены курганные могильники хорошей сохранности возле д. Окуневой и усадьбы Бергамацкой лесной дачи, а также небольшие курганные группы и одиночные курганы в других местах. Открыты городища на левом берегу р. Бергамак (На 119-м квартале Бергамакской лесной дачи) и вблизи д. Тамочная на левой стороне р. Нижняя Тунгуска. Оба городища хорошей сохранности. Открыты стоянка и селище у д. Окунево, селища у д. Кордон и в 3 км на северо-восток от д. Низовой, а также на левой стороне р. Тары против Низовского льнозавода («Татарский колок»). На последнем селище собран большой материал в виде орнаментированных фрагментов глиняных сосудов. На городищах были заложены шурфы, давшие древние находки.

В с. Муромцево зарегистрирована братская могила партизан, расстрелянных в период колчаковщины. На могиле установлен деревянный, обитый железом, памятник высотой 4 м.

Выяснены особенности долины и русла р. Тары и ее притоков, подмывание берегов, реки и создаваемая опасность для некоторых селений, расположенных у реки; велись геологические (кварцевые пески и выходы лигнита) и этнографические наблюдения (русские и татарские поселения, татарские кладбища-мазараки, сохранившиеся старые дома, украшения на жилищах и постройках, наличники, цветы на окнах, новые постройки, народное празднество – сабантуй), изучались вопросы освоения новых земель, борьба с лесом, раскорчевка, островки выкорчеванного леса – как очаги размножения вредителей, бергамакский бор и его ценность, пестрота почвенного покрова. Проводились ботанические наблюдения, обращено внимание на массовое повреждение в 1962 году в Муромцевском районе ив шелкопрядом и генерацию слепней (табанусов).

10. По заболоченным районам левобережья Прииртышья. Территории б. Колосовского[9] и б. Большеуковского районов, а также северные части б. Крутинского и Тюкалинского, северо-западная б. Саргатского, западные Большереченского и Тарского, южные Тевризского, и б. Усть-Ишимского районов заболочены, удалены от железной дороги и Иртыша и большую часть года труднодоступны. Протекающие здесь реки – Оша, Большой Аев, Тава благодаря общей равнинности слабо дренируют окружающую местность, не оказывая сколько-нибудь заметного влияния на общую заболоченность этого громадного края. Транспортные связи здесь осуществляются узкими нитками дорог вдоль рек, часто оканчиваются тупиками на заболоченных водоразделах. В последнее время для связи с рядом пунктов используется авиатранспорт. Реки Оша, Аев и Тава, относящиеся к «малым рекам», для транспорта еще не пригодны. Между тем здесь расположены старинные села и деревни, основанные первыми поселенцами этого края. Через эти места проходил старый Московско-Сибирский тракт, соединявший Москву с Алтаем и Иркутском. На границе нынешних Тюменской и Омской областей через болото был волок (Аевский) и дальше в глубь Сибири тракт шел вдоль реки Большой Аев. До прокладки тракта через Абатское-Тюкалинск этот тракт являлся главной гражданской и торговой артерией Сибири. По тракту прошли все поколения революционеров – от Радищева и декабристов.

В 1791 году, следуя в ссылку в Илимск, А.Н. Радищев писал: «...от Ачимовой до Зудиловского форпоста (б. Большеуковского района – **А.П.**) идет волок болотами или низкими полями. В Становке живут посельщики, они беднее старожилов. За Рыбиной (Большие-Уки – **А.П.**), выехав на реку Аев, едешь вниз ее до Аевской слободы. Здесь везде, как и в Таре, все почти раскольники. Знаменский Погост (с. Знаменское – **А.П.**) сидит на заливе Иртыша или озера, называемом Изюк. Будаково село на Иртыше. Мужики все зажиточные, пашут, торгуют скотом, бьют зверей, ездят в извоз. Во многих селениях живут стрельцы и конфедераты... Подъезжая к Таре и по ту сторону Тары при въезде многих деревень стоят деревянные кресты»[10].

По-иному выглядит ныне эта отдаленная часть территории области. Поредел и отступил лес. Расширились пашни, луга. Обновились селения. Возникли школы, библиотеки, клубы, больницы. Изменился тракт. На многих участках он принял новое направление, сгладились его канавы и земляные валы, свалились старые березы, сузилось дорожное полотно, а местами на нем уже колосятся хлеба. Недалеко то время, когда не останется и следа от этого исторического памятника. Ввиду этого произведены обмеры тракта, вычерчены разрезы полотна с канавами и валами, сделаны фотоснимки, зарисовки и описания сохранившихся еще участков тракта.

От эпохи гражданской войны и установления здесь Советской власти сохранились историко-революционные памятники в Больших Уках, Форпосте, Верхнем Аеве и других. Памятники описаны и сфотографированы. Аналогичная работа выполнена и при следовании по р. Оше, в Колосовке, Ломановой, в районе озера Интенис и других местах собирался материал, и изучались физико-географические условия территории. Произведен осмотр Баировского государственного охотничьего заказника.

11. В таежные районы по рекам Ую и Шиш. По р. Ую были обследованы памятные места и памятники в селах Седельникове и Кейзесе. Собирались материалы по партизанскому движению в период колчаковщины.

В с. Мартюшево Васисского района собран материал о погибшей в 1929 году учительнице-комсомолке Е.П. Разгуляевой. В Атирке того же района зарегистрирована братская могила партизан из отряда Избышева.

По р. Шиш произведена рекогносцировка с целью выявления исторических памятников. Велись наблюдения и собирался материал по этнографии. Производился сбор ботанического и зоологического материала.

Велись геоморфологические наблюдения над долинами рек Уя и Шиш, производились поиски остатков морен доюрского оледенения по Ую (по В.И. Орлову), обследовались места падения васисского метеорита[11], обращено внимание на дорожный вопрос на севере и неотложность его разрешения, на использование земли под сельскохозяйственные культуры в окрестностях с. Васисс, на кедровый промысел и необходимость его упорядочения, на охрану леса от пожаров, на полезные ископаемые и их слабое использование.

12. Вдоль железной дороги от Омска до Мангута. На невысоких гривах, расположенных на равнинных межозерных пространствах, обнаружены следы старых поселений в виде находок фрагментов керамики XVIII века. В деревнях Лыжино, Владимировка и Больше-Могильное встретились с местными жителями – хранителями фольклора. Были сделаны записи о происхождении названий некоторых населенных пунктов Любинского района, ознакомились на станции Любинская с состоянием братской могилы борцов за власть Советов. Отмечено неблагополучное положение с сохранением историко-революционных памятников в г. Называевске в Называевском районе, о чем поставлены в известность партийные и советские районные организации.

Ознакомились с Называевском – как молодым городом. Отмечены особенности внешнего вида районных центров в степных, лесостепных и таежных зонах Омской области, обращено внимание на заброшенные старые искусственные водоемы в центральной усадьбе Большаковского совхоза и в д. Владимировке, на характерные особенности в зональном распределении некоторых растительных форм.

Замечены признаки значительного высыхания озера Мангут. Проведены поиски существовавшего водного потока в озеро Мангут и обращено внимание на прежнюю большую обводненность этой территории (в связи с питанием больших озер Крутинского района через речку Яман).

13. В отдаленные районы по р. Ишиму. На территории Омской области имеются уголки, куда не всегда и нелегко проникнуть. К числу таких мест относится нижнее Приишимье б. Усть-Ишимского района.

В этой поездке маршрут проходил через Тюкалинск – Крутинку – Абатское – Викулово. Последние два пункта расположены на территории Тюменской области.

В археологическом отношении участок р. Ишима в пределах Омской области оставался совершенно неизученным. Произведенным обследованием установлена большая насыщенность этого участка археологическими памятниками. Почти на каждом изгибе реки обнаружены следы пребывания человека в более или менее отдаленном прошлом. Открыто 5 городищ, из них три хорошей сохранности. В обнажениях по левому берегу Ишима и по бечевнику встречается многочисленная керамика, относящаяся к дотатарскому и последующим периодам.

Около с. Орехова и в других местах, где имеются песчаные пляжи, встречаются многочисленные кости мамонта, носорога, бизона и других животных ледникового периода. Чтобы судить о богатстве костями ископаемых животных, достаточно указать, что по пляжу одной из меандр Ишима на левом берегу, на протяжении 0,5 – 1,0 км, найдено 6 зубов мамонта. Хорошо выраженные обнажения четвертичных и третичных отложений дают возможность новых находок костей.

Во многих местах имеются береговые обнажения с прекрасно выраженным погребенным гумусовым горизонтом. Велись наблюдения над долиной р. Ишима. Эта долина отличается большой шириной, сложностью рельефа поймы, наличием многих останцев, своеобразных стариц, ложных террас, береговых валов и т. п.

Во время движения по маршруту представилась возможность пересечь центральную часть Омской области в широтном и меридиональном направлениях и наблюдать зональную изменчивость растительного мира. Производились наблюдения и сделаны сборы насекомых, преимущественно вредителей сельского хозяйства.

Собирался материал по этнографии местного населения.

Возле мельницы в с. Рыжкове б. Крутинского района описан памятник погибшему борцу за власть Советов т. Якобсону. Произведены обмеры и сделаны фотографии памятника.

14. По большим озерам Северо-Восточного Казахстана и в Боровое. Выбор этого маршрута был вызван тем, что в прошлом озера этого района входили в состав б. Омского уезда, обследованием некоторых из них в конце прошлого столетия занимался академик Л.С. Берг. Урочище Боровое как памятник природы и как курорт во многом связано с исследованиями омских ученых и опубликованными ими работами (В.В. Барышевцев[12], П.Л. Драверт, П.И. Зарницын[13], М.П. Мультановский и др.).

Поездка по этому маршруту дала возможность обследовать южные степные районы Омской области. Были сделаны многочисленные наблюдения и сборы по флоре, фауне, геологии, геоморфологии, истории и памятникам далекого прошлого.

С 6 сентября по 3 октября 1962 года совершена поездка на автомашине по маршруту: Омск – Павлодар – Семипалатинск – Георгиевка – Аягуз – Урджар – Уч-Арал – Андреевка – Сарканд – Талды-Курган – Алма-Ата – Фрунзе – Рыбачье – Пржевальск. В поездке участвовали А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников, В.Н. Краузе и студенты.

Омская область, окрестности села Ингалы. А.Ф. Палашенков на болотистом берегу озера. 1962 г.

Сообщение об этой поездке будет дано в следующем номере «Известий» Омского отдела.

В результате поездок по районам Омской области произведены многочисленные научные наблюдения, сделано свыше 500 фотографий и зарисовок, чертежей, планов и схем; собран большой материал по флоре, энтомофауне, геологии, полезным ископаемым и в особенности по археологии и палеонтологии, истории и революционному движению.

Участники поездок детально знакомились с состоянием археологических и исторических памятников, причем констатировано неблагополучное положение с их охраной. Большинство курганов разграблено еще в XVII – XVIII веках «бугровщиками» и очень многие подверглись разрушению кладоискателями, любителями-археологами, распашкой, застройкой в наше время.

В марте 1962 года А.Ф. Палашенковым направлена директору Института Археологии Академии наук СССР Б.А. Рыбакову докладная записка «О состоянии и охране памятников». В этом же году Омским отделом издана брошюра А.Ф. Палашенкова «Забытые курганы» и разослана по школам области.

Часть собранного в поездках материала обработана и опубликована в «Известиях» Омского отдела (статьи А.Ф. Палашенкова, С.Р. Лаптева, Н.А. Плотникова, В.С. Аношина, В.В. Эпштейна, А.И. Пинчука, А.В. Федюшина и других), часть публикуется в настоящем номере «Известий». А.Ф. Палашенковым подготовлены к печати работы: «Материалы к археологической карте Омской области» в объеме 15 печатных листов со 100 рисунками и «Памятные места и памятники Омской области» (10 печатных листов с 50 рисунками).

Собранный во время поездок вещественный материал при наличии соответствующего помещения и оборудования мог бы послужить основой для организации музея природы и истории среднего Прииртышья.

От Омска до центра Тянь-Шанской горной системы[1]

(примечательные места)[I]

Из Омска выехали в девять часов утра. Солнце. Свежий ветерок. По небу плывут кучевые облака. Миновали южную окраину города, Большое Чередовое озеро. Выехали на Семипалатинский тракт. Тракт проходит по правой стороне Иртыша – то совсем рядом с ним, то несколько уклоняясь от реки. Это старейшая дорога в Прииртышье. Поначалу здесь проходили лишь тропы, проложенные копытами лошадей степных кочевников. Возросло здесь движение после того, как разведали о наличии соли на Ямышевском озере. А когда, в первой четверти XVIII века была построена Иртышская защитная линия, движение здесь стало регулярным, дорога приняла более определенное направление.

В настоящее время Семипалатинский тракт относится к дорогам межобластного значения. С каждым годом состояние его улучшается. На многих участках тракт выпрямлен, в низких местах сделана подсыпка полотна, проведены кюветы и т.д. В особенности хорошее состояние тракта на территории Павлодарской области. Почти на всем протяжении тракта полотно совершенно гладкое – асфальтировано или утрамбовано галькой. По сторонам тракта во многих местах проходят лесные полосы, прекрасные мосты и переезды.

Следуя по тракту, мы невольно вспоминали его прошлое. Оно богато и грустно. В XVII и в начале XVIII веков по проходившим здесь извилистым тропам угонялись в неволю русские подданные.

Калмыки и киргиз-кайсаки при нападении на русские селения и подвластных России татар вместе с имуществом и скотом часто полонили и жителей. Русских невольников,

[I] Осенью 1962 года группой членов Омского Отдела Географического общества совершена поездка в г. Пржевальск. Основной задачей поездки являлся сбор семян и гербария дикой растительности по маршруту следования. Попутно с этим имелось в виду ознакомиться с примечательными, памятными местами, находящимися на старом пути, по которому осуществлялась связь Прииртышья со Средней Азией.

В поездке приняли участие действительные члены Географического общества Н.А. Плотников, А.Ф. Палашенков, М.П. Михельсон (от Омска до Семипалатинска), фотограф-путешественник В.Н. Краузе и два студента сельхозинститута Боссерт Иван и Грудин Валерий.

Поездка совершена на автомашине отдела ГАЗ-61 и «Волга». Всего пройдено пути 6144 км.

В настоящей статье в сжатой форме дается описание маршрута следования и некоторых примечательных и памятных мест на нем.

В статье не затрагивается вопрос о сборе семян и тех многочисленных остановках, которые делались для этой цели по пути нашего следования. – *Прим. А. Палашенкова.*

в качестве живого товара, можно было в это время встретить на рынках многих азиатских стран. В неволе, с мечтой о родине, многие из них и умирали на чужбине. Попытка к бегству, обычно, оканчивалась неудачей. Но все же часть невольников, в результате ли официальных переговоров или путем обмена, выкупа, возвращалась на родину. Некоторых освобождали во время военных походов казачьи отряды.

Изможденные, одетые в лохмотья, вступали освобожденные невольники на дорогу, по которой и шли к родным своим селам и аулам.

В 1758 году командир Сибирского корпуса Фрауендорф[2] дал указание: «Выбегающих калмыков в форпосты и крепости не впускать до спросу, что они за люди, если не пожелают креститься, то не принимать впредь до ордера и отсылать от крепостей прочь, а ежели пожелают креститься, то принимать, какой бы нации кто ни был». (Г.Н. Потанин. «Материалы по истории Сибири»[3]. М., 1867 г., стр. 110).

Смертность в пути среди беженцев-калмыков была громадная.

Так, в 1757 году во время следования партии калмыков от Ямышева до Омска умерло 100 человек мужского пола и 114 женского.

По обочинам дороги всхолмились калмыцкие могилы. Теперь над ними повисли стальные провода, убаюкивающие своей тягучей металлической песней вечный сон далеких пришельцев.

В 1771 году, в конце мая, из Омска по тракту проследовал на юг путешественник академик Петр Симон Паллас.

Паллас дал довольно подробное описание Прииртышья: флора, фауна, овраги, ручьи, острова, палеонтологические находки, археологические памятники, расположенные по пути следования путешественника, укрепления – все это нашло отражение на страницах его книги «Путешествие». (Часть II, книга 2-я, Спб., 1786).

13 августа 1829 года в комфортабельном, подаренном царем Николаем I экипаже с большой быстротой по Семипалатинскому тракту прибыл из Семипалатинска в Омск последний энциклопедист, выдающийся естествоиспытатель Александр Гумбольдт, в сопровождении берлинских профессоров Эренбурга и Густава Розе, а также сосланного по делу декабристов кандидата этико-политических наук С.М. Семенова и прикомандированного бригадного генерала Литвинова.

Осенью 1857 года, возвращаясь из известного своего путешествия на Тянь-Шань, проследовал трактом известный русский путешественник Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский.

В феврале 1854 года Ф.М. Достоевский, отбыв каторгу в Омском остроге, выехал из Омска по тракту в Семипалатинск, где его ждала солдатская казарма. По этому же тракту в 1859 году Ф.М. Достоевский возвращался из Семипалатинска в Омск, а отсюда продолжал путь в Тверь.

Первый просветитель казахского народа Чокан Валиханов, путешественники – Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, первый председатель Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества И.Ф. Бобков, зоолог Н.А. Северцов и многие другие исследователи Сибири неоднократно совершали поездки по тракту.

В конце апреля 1876 года от Омска до Семипалатинска по тракту проследовал известный натуралист, автор популярной книги «Жизнь животных» – Брем со своими спутниками.

8 июля 1885 года из Омска выехал по тракту на Семипалатинск американский писатель и путешественник Георг Кеннан – автор широко известной книги о каторге и ссылке в Сибирь.

Омск до прокладки железной дороги являлся исходным пунктом для многих путешественников и исследователей Центральной и Средней Азии.

Тракт на Семипалатинск служил подъездным путем к малоизученным пространствам.

За городской чертой Омска, по левую сторону тракта, виднеются березовые рощи – вблизи тракта и в некотором расстоянии от него. Так до Татарки. За Татаркой идет

совершенно открытая степь. И только не доезжая километров 150 до Семипалатинска, начинается известный Семипалатинский сосновый бор.

С правой стороны тракта течет Иртыш. В иных местах его плес совсем рядом с трактом.

Тракт у озера Чередовое будит воспоминания о проявленном героизме Красногвардейского отряда в последнюю ночь перед оставлением Омска Советским командованием и Совдепом 7 июня 1918 года.

В связи с выступлением белочехов и белогвардейцев решением Военно-революционного штаба 29 мая 1918 года на Черлакский тракт вблизи озера Чередовое была выдвинута Красногвардейская застава в 450 бойцов.

В ночь с 6 на 7 июня застава была обойдена с запада в тыл казаками под командованием полковника Волкова. Произошла жестокая сеча. Несмотря на мужество и храбрость бойцов заставы, они не могли противостоять превосходившему их по количеству и вооружению противнику. Командир отряда и все бойцы пали под саблями казаков.

В 8 километрах от города, по правую сторону тракта, на повороте реки у с. Черемушки виднеется высокий обнаженный коренной берег Иртыша – берег Черского. Против этого места тракт с приподнятого плато спускается вниз – в падь и идет по древней пойме вблизи русла реки. Бывшие сенокосные угодья ныне распаханы, на них колосятся посевы зерновых культур.

На 24-м километре у тракта с левой стороны – Горькое озеро с расположенным на нем птицесовхозом. Тысячи уток покрывают собой берег озера и его плес. До 1940 года здесь была пашня. В настоящее время вырос поселок с небольшими крепкими домиками.

Озеро называется «Горьким» и таким оно значится на картах. Между тем оно пресное. Названием запечатлена страница прошлого. Передают, что в старое время у озера происходило прощание с отправлявшимися в поход казаками из местных форпостов и крепостей. Матери, жены, отцы, дети, дальние и близкие родственники здесь расставались с уходившими в военный поход. Тяжело переживалась разлука, горько оплакивалась она. Слезами горькими политы берега озера, отсюда оно и Горьковское (со слов М.П. Парфеновой, урожденной Комиссаровой).

До 1954 – 1955 гг. на территории между озером и р. Иртышом видны были круглой формы углубления и невысокие бугорки – следы бывших когда-то здесь жилищ.

В 6 километрах от озера старая казачья станица Усть-Заостровка, ныне колхозное село, входящее в состав колхоза им. Чапаева[4].

С левой стороны у устья здешней речки, через которую проложен мост, сохранились следы бывшего здесь форпоста в виде земляного вала и рвов.

В 4 километрах от Усть-Заостровки – Комиссаровский сад, получивший широкую известность. В саду утопающая в цветах могила пионера Сибирского садоводства Павла Саввича Комиссарова с мраморным, в виде Обелиска, памятником, на котором вырезаны слова Некрасова:

Воля и труд человека
Дивные дивы творят.

При саде музей П.С. Комиссарова и большое парниково-тепличное хозяйство.

Недалеко от сада с правой стороны тракта – центр колхоза им. Чапаева. Село нового типа, с правильной планировкой, прямыми широкими улицами, однотипными домиками, с высящимися над ними радио и телевизионными мачтами, кирпичным зданием клуба, в котором постоянная выставка картин.

Ачаир. «А от устья реки Оми до речки Ачаеру ходу два дня; а выпала та речка Ачаер в Иртыш с правой стороны...». Такая запись была сделана больше трехсот лет тому назад (в 1654 году) сыном Тарского воеводы, послом России в Китае Федором Исаевичем Байковым.

Байкову от устья Оми до места, где ныне с. Ачаир, было «ходу два дня». Мы проехали это расстояние в 55 минут.

Против села Ачаира на берегу Иртыша находится живописный остров мощных старых ив.

Село Иртыш – бывший форпост[5].

В 1771 году в с. Иртыш (Казылбаш, Изылбаш) академик Паллас отмечает 70 дворов, «в коих находится множество ссылочных татар».

Соленое (Соленый поворот). Название селение получило от того, что из сей стране, – пишет Паллас, – посылаемые за солью повозки обыкновенно от Иртыша вкось в Барабинскую степь, к соленым озерам Вишневому и Карасуцкому поварачивают». («Путешествие», ч. II, кн. 2, СПб., 1786 г., стр. 123, 124).

В 6 километрах от Елизаветенки – д. Рытовка[6]. Расположена на правом берегу Иртыша. Напоминает о храбром хорунжем Сибирского казачьего войска Алексее Рытове. В 1837 году Рытов находился в Голодной степи с командой из 33 казаков. 5 декабря он встретил партию враждебных киргизов до 1000 человек, с которыми завязался бой. Трехдневный сильный натиск выдержали казаки. 7 декабря Рытов отважно бросился на штурм их укрепления и первый пал под ударами ятаганов мятежников, открыв своей команде путь к овладению укреплением.

В 12 час. 57 мин. приехали в Черлак – административный центр Черлакакого района, от Омска 140 километров. Черлакский рабочий поселок – самое большое поселение южной части области. В XVIII веке здесь была крепость. Крепость[7] находилась на правом высоком берегу Иртыша, против протоки. Никаких сооружений от крепости не сохранилось.

В Черлаке ряд каменных зданий, судоремонтные мастерские, сад, в котором находится могила первого председателя Черлакского Ревкома А.Е. Мельникова, убитого в июле 1918 года. На бульваре поселка памятник Мельникову.

Вверх на левой стороне Иртыша, между южным концом острова Черлак и северным берегом озера Занино, расположено урочище Боршовка. Впервые оно упоминается на Чертеже Земли Тарского города Ремезова как «Урочище Бортов Яр». Капитан Иван Унковский[8] в 1722 году называет речку Боршевку. В этом урочище останавливались для осмотра судов и отдыха экспедиции, посылавшиеся на Ямышево озеро за солью.

В 13 час. 45 мин. выехали на Татарку. Вскоре проехали Большой Атмас.

Здесь сохранились остатки некогда славившегося большого и благоустроенного сада, организованного казачьим офицером Грязновым.

За Татаркой пошла открытая степь по обе стороны тракта. У Ольховки не стало профилированной дороги, пошли проселки, которые местами разбегаются, потом опять сходятся. С правой стороны тракта у границы Казахстана три древних кургана, теперь они снесены распашкой.

В семи километрах от границы – первое село Павлодарской области – Урлютюп – родина талантливого преподавателя литературы Омского кадетского корпуса, поклонника Н.Г. Чернышевского, учителя Ч.Ч. Валиханова, Г.Н. Потанина – Костылецкого.

Железинка – бывшая крепость, заложенная сыном боярским Павлом Свиерским с командой казаков в 1717 году. Большое село, административный центр Урлютюпского района. От Железинки до Омска 272 километра.

Железинка, равно как и другие лежащие то тракту селения Павлодарской области, выглядит красиво, с правильной распланировкой, прямыми широкими улицами, по сторонам которых уютные новенькие домики, крытые шифером. Старое, серое совершенно теряется в новом. У многих селений стоят скульптурные группы, произведены посадки деревьев. Вообще, селения Павлодарской области выглядят более красиво, нежели селения Омской и Семипалатинской областей.

В расстоянии километра от Осьморыжского (в сторону Павлодара) по обеим сторонам тракта находится большой курганный могильник былых степных кочевников, с общим количеством курганов свыше 500.

Качиры – большое красиво расположенное село, административный центр Максимо-Горьковского района.

7 сентября в 9 час. 20 мин. приехали в Павлодар. Большие площади городских окраин застроены деревянными и саманными домишками. Широкие прямые улицы густо покрыты пылью. Здесь русская деревня сплелась с казахским аулом. По плану реконструкции Пав-

лодара, эти деревянные и саманные домишки намечено заменить многоэтажными домами. В центре города большие каменные дома с областными, городскими учреждениями и организациями стоят вперемежку с деревянными. Новый Павлодар строится на левой стороне Иртыша. Там асфальтированные широкие улицы, по сторонам в четыре и пять этажей дома[9].

А.Ф. Палашенков (в центре) с коллегами из Омского отдела Географического общества СССР в окрестностях Павлодара. 1960-е гг.

Еще в Омске нами намечено было посетить в Павлодаре известный своими палеонтологическими находками, так называемый «Гусиный перелет»[10].

«Гусиный перелет» находится на окраине города, на правом берегу Иртыша, метрах в 300 вверх от железнодорожного моста через Иртыш. Живое русло реки проходит здесь у коренного берега, который поднимается над плесом метров на 15. Сложенный из глины и песка берег сильно осыпается. Здесь недавнего происхождения два коротких (метров 20 – 30 длиной), но глубоких оврага. В береговых обнажениях реки и оврагов, на глубине метров 7 – 8 от поверхности в проходящей здесь глинисто-песчаной линзе замечаются белые вкрапления. Это остатки костей вымерших животных. Встречаются также кости (в основном измельченные) на бечевнике, на дне оврагов, а также в кусках береговых осыпей.

Летом 1928 года академиком Ю.А. Орловым[11] обнаружены здесь остатки гиппариона[12]. Кроме нескольких видов самого гиппариона, в этом же месте оказались погребенными носороги, жирафы, олени, антилопы.

Орлов отмечает, что вместе со взрослыми и старыми животными, на Гусином перелете во множестве погребены остатки молодых, с молочными зубами или со сменой зубов. Это обстоятельство, а также и большое количество костей в костеносном горизонте невольно наводят и на мысль о массовом характере гибели животных, по всей вероятности, сделавшихся жертвой какого-то стихийного бедствия.

Равнинный характер Западной Сибири позволяет полагать, что подобная фауна имела широкое распространение на всей территории.

В Павлодаре прошло детство талантливого советского поэта П.Н. Васильева[13]. На улице Чернышевского сохранился дом, где жила семья Васильевых.

7 сентября в 16 часов приехали в с. Ямышево. Нас интересовала территория бывшей Ямышевской крепости[14].

Это высокий коренной берег Иртыша, поднимающийся над плесом реки метров на 14 – 16. В береговом обнажении, свободном от современного мусора, встречается в боль-

А.Ф. Палашенков (справа) у памятника на кладбище в Казахстане. Конец 1950-х – начало 1960-х гг.

шом количестве керамика XVIII века, раздробленные кости домашних животных, обломки кирпича и куски извести от бывшей здесь кирпичной церкви.

В 1771 году Петр Симон Паллас о Ямышевской крепости писал: «Крепость сия на весьма высоком берегу реки Иртыша, по новому плану она имеет четырехугольную форму. У нее с той стороны, которая к полю, двое ворот и два бастиона, вал и рвы. С берега Иртыша хотят оную обнести оградою и батарею. Внутри крепости выстроены прекрасные деревянные для штаба и оберофицеров казармы и конюшни, а вместо старой деревянной церкви хотят строить каменную»[15].

Некоторые полагают, что Ямышевская крепость находилась на месте укрепленного военного лагеря – крепости, организованного основателем Омска И.Д. Бухольцем осенью 1715 года. Мы не разделяем этого взгляда[16].

В 1721 году Петр Первый дал указ о заселении Ямышевской крепости и открытии в ней торга.

В Ямышеве открылась таможенная застава. Заключение в 1732 году договора о беспошлинной торговле между русскими и джунгарами вызвало большой приток на рынок скота, овчин, войлока, кожи, разных изделий из металла и т.д. На протяжении нескольких десятилетий крепость оставалась важным торговым пунктом.

В 1835 году в Ямышеве родился Г.Н. Потанин.

Из расспросов нам удалось выяснить, что против верхнего конца села Ямышева, метрах в 300 от коренного берега, на широкой старой пойме Иртыша (поднимается над современной на 2 метра) находится останец. По словам жительницы с. Ямышева Клары Елтаеной, останец называется «Преснухой»; с северной и западной сторон останца «Черная речка».

Останец сильно выветрился, в особенности его средняя часть с юго-западной стороны. Культурный слой на останце не обнаружен, и, кроме небольшой железной ржавой пластинки, других находок не найдено.

Признать в останце «Преснуха» территорию бывшего укрепленного лагеря И.Д. Бухольца, где он выдержал тяжелую осаду калмыков, мы затрудняемся.

От «Преснухи» поехали на озеро Ямышево. Минут через 10 – 15 были у озера, расположенного по левую сторону тракта километрах в 7 от с. Ямышева. Был вечер. Остановились на ночевку на западной стороне озера, километрах в 1,5 от уреза воды.

Ямышевское озеро было широко известно задолго до появления в Прииртышье первых русских поселенцев.

Сведения эти приносили приходившие с торговыми караванами в Сибирь среднеазиатские купцы, рассказывали об этом и степные кочевники.

С начала XVII века Ямышевское озеро стало основным и почти единственным поставщиком соли для Сибири. Характеризуя ее качества, сибирский летописец XVII века восторженно писал: «Соль эта зело чиста, аки снег, яко лед ясенец, солка вельми и сладка».

А в XVIII веке в книге «Историческое описание Российской коммерции» Михаил Чулков[17] дал следующее описание озеру:

«Оно почти круглое, но несколько продолговато и не глубоко. А вода столь прозрачна, что везде до дна видать можно. Причем сие озеро имеет ту отменность, что производит фиалковый запах, который и в некотором расстоянии обонять можно. Еще же и в ясный день бывает от россоли из озера на воздухе красное противосияние, которое также в некотором расстоянии видеть можно».

На протяжении почти двух столетий Ямышевское озеро не утрачивало притягательной силы. Оно долго оставалось в центре важных исторических событий.

Калмыки (джунгары), на территории которых находилось озеро, не дорожили ни озером, ни солью. Они боялись лишь, чтобы русские не завладели их степными пастбищами. И порой калмыки оказывали помощь русским в добыче и подвозке к Иртышу соли. Правда, они требовали за это вознаграждения. В 1640 году воевода Петр Пронский царю Михаилу Федоровичу сообщил:

«Велел де Кан Тайша бити челом тебе государю, чтоб ты, государь, пожаловал ево Кан Тайшу. Велел к нему прислать пансырь добрый, да пищаль ручную, да свинцу, да для плоду на завод 10 свиней, да петуха и куриц индийских, да 10 собачек постельных малых, а он де Кан Тайша велит тебе, государю, от Ямыша озера на верблюдах соль в суда возить»[18].

Ямышевское озеро было известно не только своей солью, но и как место меновой торговли России с восточными государствами и степными народами.

В 112 километрах выше Павлодара, на Семипалатинском тракте, на открытой равнинной степи широко раскинулся поселок, районный центр Лебяжье. В прошлом Лебяжье – старая казачья станица[19]. До сих пор здесь сохранились отдельные дома станичников с деревянными и железными кровлями, с резьбой. В прошлом Лебяжье являлось поставщиком алебастра в Омск.

В поселке прямые широкие улицы, но ни одного деревца, ни одного кустика. Только по берегу Иртыша тянется полоса из тополей и ив; а на левой стороне к реке, против поселка, стелется зеленая пойма.

В Лебяжьем в семье учителя в 1895 году родился известный советский писатель Всеволод Иванов[20].

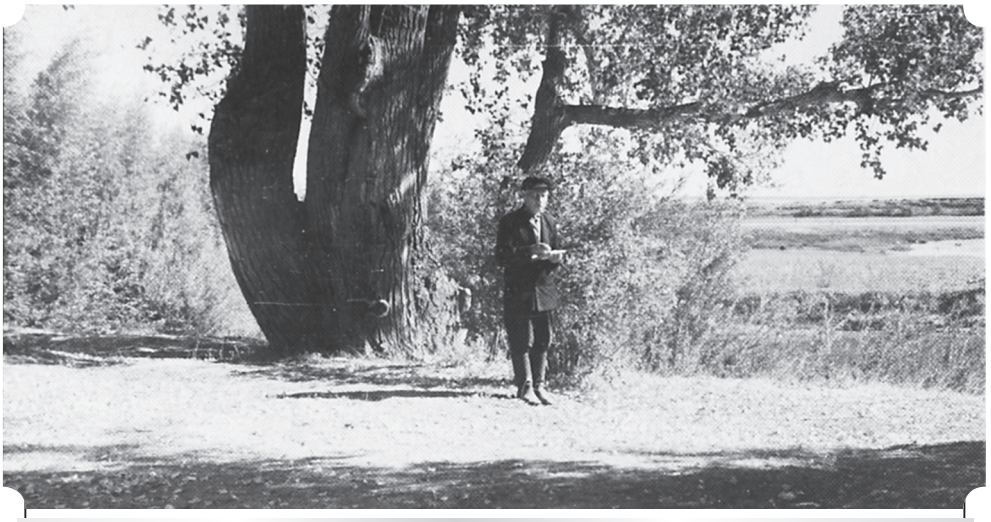
За Лебяжьем пошла дорога проселочного характера, хорошо накатанная и достаточно гладкая.

Пристань Подпуск и село Подпускное. Около села на Иртыше, как отмечает Ю.А. Орлов, обнаружены остатки эласмотория[21] в сообществе носорога, верблюда, оленя и др. Это самое северное и вместе с тем самое близкое к территории Омской области местонахождение этого вида четвертичного ископаемого. Данная находка вселяет надежду на наличие эласмотория и ниже по Иртышу, тем более остатки мастодонта на территории нашей области обнаружены в нескольких местах.

Семиярская. Основана как форпост в 1720 году.

9 сентября в 9 час. утра прибыли в Семипалатинск[22]. От Омска проехали 843 километра. День был теплый, солнечный. На улицах достаточно людно, было воскресенье. Особенно оживленное движение замечалось в направлении к базару.

По пути к областному музею[23] наше внимание было остановлено кирпичным арочным сооружением – ворота бывшей здесь крепости. Ворота расположены на оживленной улице. Их арочный проем шириной в 3 метра служит проходом. Семипалатинские ворота очень напоминают бывшие ворота Омской крепости, но они проще.



А.Ф. Палашенков в окрестностях Семипалатинска. Экспедиция Омского отдела Географического общества СССР в окрестности Тянь-Шаня. 1962 г.

На воротах мраморная доска с надписью:

Западные ворота новой
Семипалатинской крепости,
построенные в 1776 году.
Старая крепость находилась в 16 км
ниже по Иртышу, где теперь расположено село
Старо-Семипалатинск.

В музее удалось ознакомиться с несколькими документами, связанными с пребыванием Ф.М. Достоевского в Семипалатинске.

При слове «Семипалатинск» первое, что встает в памяти – это великий русский писатель Ф.М. Достоевский, только что сменивший каторжный наряд Омского острога на серую солдатскую шинель рядового 7-го Сибирского линейного батальона.

На углу улиц Достоевского и Дзержинского – двухэтажный деревянный дом[24], в котором жил великий русский писатель.

Дом принадлежал Ляпухину. Ф.М. Достоевский снял весь второй этаж дома под квартиру перед женитьбой на Марии Дмитриевне Исаевой. 20 февраля 1857 года он с женой и пасынком вошел под кровлю этого дома. В квартире было только самое необходимое, но благодаря стараниям Марии Дмитриевны она приобрела уютный и привлекательный вид.

Все свободное время Федор Михайлович отдавал литературной работе. В стенах Ляпухинского дома он написал «Село Степанчиково», повесть «Дядюшкин сон», продолжал работать над «Записками из Мертвого дома». В начале мая 1859 года Ф.М. Достоевский был уволен по болезни от службы и стал готовиться к отъезду в город Тверь, назначенный ему для жительства.

Кроме краеведческого музея, в Семипалатинске находится мемориальный музей казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева[25].

14 сентября в 11 час. 30 мин. мы покинули город, стягивавший в прошлом торговлю степи, торговые караваны Средней Азии, город с утопавшими в сугробах песка улицами и площадями, именовавшийся «Чертовой песочницей», город рядового 7-го Сибирского линейного батальона Федора Достоевского, город политической ссылки.

По добротному мосту переехали на левую сторону Иртыша, проехали пригород. За ним началась темно-серая, выжженная солнцем степь с полынью и таволжанкой. Километрах в 30 от Семипалатинска пошел мелкосопочник.

Ровное полотно тракта усыпано галькой. По правую сторону виднеются телеграфные столбы, железнодорожные будки, разъезды проходящей железной дороги Семипалатинск – Алма-Ата.

На 58 километре переправились вброд (мост ремонтировался) через речку Чар. По левую сторону тракта – снятые хлеба, по правую – нетронутая степь.

В 5 час. приехали в большое районное село Георгиевку. Село основано в середине 1890-х годов.

От Георгиевки дорога повернула на юго-запад, на Жангиз-Тобе. Погода прекрасная. Машина уносила все дальше и дальше. В прошлое уносилась мысль. По этим местам, может быть, даже по этой дороге, где мы едем, шли караваны восточных и русских купцов, проходили наши знаменитые путешественники и исследователи. Медленно плыли караваны и продвигались вглубь нетронутых степных пространств исследователи. Теперь мы, сдерживая ход, едем со скоростью 40 – 50 километров в час.

Были сумерки, когда мы подъехали к Жарме[26] – большому селу, расположенному при станции железной дороги.

Проехав за село 2 километра, остановились между сопками на ночевку.

15 сентября. От Жармы едем долиной в 6 – 10 километров шириной. По обе стороны горы. В долине пашня чередуется с типцовой степью, на которой местами стояли копны сена. Дорога узкая, живая. Ее не тронула лопата, виляет, раздваивается, опять сходится.

По левой стороне дороги от самой Жармы рядом идет железнодорожная линия. Редко проходят поезда, слабо обросли станции и разъезды. В большинстве одинокие служебные постройки, изредка два-три жилья рядом. Ритмичный стук колес и паровозный свисток пока слабо разбудили долину. Пустынно здесь по-прежнему. Перед Ушбийком проехали большую выжженную площадь, которая издали казалась черноземным массивом.

До Аягуза осталось 60 километров.

Ни одного метра пашни. Лишь несколько кладбищ с серыми казахскими саманными сооружениями – свидетели былой жизни пастухов-кочевников.

В 3 часа приехали в г. Аягуз, возникший в 1931 году. Город быстро вырос в связи со строительством Турксиба.

В 4 часа 50 мин. вечера покинули улицы Аягуза. Солнце умеренно грело. Тракт шел по межгорной долине. Прилежащие к тракту горы – это отроги хребта Тарбагатая, проходящие с востока на запад. Тарбагатай служит водоразделом: с северных его склонов реки текут в озеро Зайсан и, следовательно, в бассейн Иртыша, а с южных склонов – в озеро Балхаш и Алакуль.

От Аягуза проехали 100 километров. Несмотря на темноту, решено было ехать еще километров 50. Тракт покрыт асфальтом. По сторонам деревья. В разных местах виднелись огни селений. Они вносили бодрость. Доносились звуки моторов уборочных машин. Уборка была в разгаре.

Остановились на ночлег поблизости небольшой речушки. Сделали расчистку для костра (боялись, чтобы не загорелась степь, покрытая сухой травой). И тем не менее костер держали под бдительным надзором. Невдалеке виднелось море огня, катившееся по стерне, то несколько потухая, то вновь огромной яркой лавиной вспыхивая. Боялись, пламя дойдет и до нашего стана. Это трактористы освобождали поле от соломы – «пускали пал».

16 сентября. Воскресенье. В 6 часов покинули ночевку.

Километрах в 173 от Аягуза благоустроенный, весь в зелени Урджар – административный центр Урджарского района. Расположен на южных отрогах Тарбагатая. Основан в 1855 году как станица.

26 июня 1864 года в Урджаре останавливались Струве и Г.Н. Потанин.

Прекрасное утро, солнце, тихо. Проехав от Урджара километров 70, мы возле одиночного жилья с тракта сверкнули вправо на проселочную дорогу.

После тракта неприятно было окунуться в толстый слой пыли проселка, местами с рытвинами и ямами.

Экспедиционная поездка по Казахстану. А.Ф. Палашенков во время осмотра памятника с надписью на арабском языке. 1960-е гг.

Въехали в Балхаш-Алакульскую котловину. Налево, в сторону Китая, в дымке маячили горы. В 30 километрах от поворота с тракта степь приняла вид волнистый.

Балхаш-Алакульская котловина слабо освоена. Кое-где клочки пашни. Больше же луга, на которых стоят копны сена. Казалось, мы ниже и ниже спускаемся. Остановились у речки Уржар, которая течет в Алакуль. Стали появляться площади, поросшие тростником.

Подъехали к переправе (при впадении Уржара в оз. Алакуль). Ширина переправы равна метрам 800. Устье Уржара и плес озера поросли тростником. Переправа производится на пароме, который берется на буксир моторной лодкой. Владельцем перевоза является местный рыбзавод, часто использующий лодку для других целей. Бывает, что в ожидании перевоза машины стоят по нескольку часов, а то и суток.

В 11 час. 30 мин. переправились на другую сторону озера. От Алакуля до Уч-Арала безотрадная пустынная равнина. На всем пути встретилось лишь одно селение и три отдельных заброшенных усадьбы.

Приехали в Уч-Арал[27] – административный центр района. Тополя, ивы, вязы стеной стоят по сторонам улиц. Сквозь эту живую зеленую стену проглядывают небольшие беленькие домики с шиферными крышами, фронтом обращенные к улице. Возле домиков садики с виноградом.

В 5 час. 50 мин. вечера выехали из Уч-Арала. Едем на Андреевку по асфальту. Тракт то поднимается верх, то спускается вниз: пересекаем отроги Джунгарского Алатау. Временами с приподнятых точек виднеется горный хребет. Встречаются небольшие распаханные площади. В основном же нетронутые места с бедным травяным покровом.

На ночевку остановились на правом берегу небольшой говорливой речушки. Не переставая, вела она в ночной тишине негромкий свой «разговор», вносила радость в настроение. Костер, чай. На горизонте сверкала молния.

17 сентября, понедельник. В 8 час. 35 мин. приехали в старую казачью станицу Андреевку. Большое селение с густо озелененными улицами – аллеями, опрятными белыми домиками.

Из Андреевки поехали на Лепсинск. Через 2 – 3 километра Николаевка, вся в зелени. Виноградники. Благословенные места. Километров в 9 от Андреевки – с. Экпынды, сады.

Едем по отрогам гор. В долинах и на некоторых склонах пашни. Идут столбы с проводами. Поднимаемся, спускаемся, опять поднимаемся. Так все время. Километрах в 20 от Андреевки с правой стороны дороги струится речушка. Проезжаем зажатое между горами селение. Сады. На крышах сушатся фрукты. Местами встречались настолько высокие подъемы, что теряли надежду взобраться на них. Водителям наших машин приходилось изощряться. Трудно взбираться на хребты гор и страшно опускаться с крутых склонов. Ни одной встречной машины. Дорога малооживленная. Все настолько красиво, что не хотелось отрывать глаз от картин природы – величественной, нетронутой. Красиво у дороги, а вдали еще торжественней, величественней.

Не доезжая километров 15 до Лепсинска, у дороги встретилась джунгарская боярка, ежевика и дикая яблоня с довольно крупными и хорошими на вкус яблоками. Щедростью природы мы не преминули воспользоваться.

Приближаемся к Лепсинску. На склонах – пашни с богатым урожаем пшеницы. Поднялись на последнюю гору. Внизу, километрах в 5 в глубокой долине главной цепи Джунгарского Алатау – Лепсинск, основанный как станица в 1855 году. Все залито солнцем. Нам предстояло спуститься с гребня. Спускались медленно с большой осторожностью. На Лепсинск смотрели сверху. Видны были его прямые улицы с небольшими, в основном, домиками. Лепсинск не богат садами. Виднелись лишь местами, в основном, небольшие зеленые куртины и отдельные деревья. Зато в окрестностях его находятся целые фруктовые рощи, куда многие приезжают для заготовки фруктов. Казалось, мы на краю света. Окружающее вселяло впечатление оторванности. Свободно вздохнули, когда спустились в долину и подъехали к мосту через Лепсу – небольшую реку с прозрачной водой, текущей по каменистому ложу. Переехали мост. Мы в Лепсинске. Раньше, с 1883 года, это был уездный город. Теперь сельский поселок. Сюда через горы, ущелья, преодолевая тысячи верст пустыни, приходили воинские отряды для несения службы, шли караваны.

В 2 час. 40 мин. выехали из Лепсинска. Дорога идет по долине реки, а затем по отрогам хребта Джунгарского Алатау. Поднимаемся на вершины отрогов, спускаемся вниз. Встречаются скирды соломы, луга с копнами сена. Чудесные виды. Греет солнце.

В 4 час. 30 мин. приехали в с. Веселое. Село расположено в долине, между гор. В нем несколько улиц. Много зелени, садов. Пирамидальные тополя тянутся к небу. Арыки. Население – русские и казахи. Видны снежные вершины Джунгарского Алатау. Название села соответствует его внешнему облику. Из Веселого поехали на Антоновку. С вершины горы, на которую мы поднялись, показалась расположенная в долине Антоновка. Ни улиц, ни домов – ничего не видно, кроме сплошного зеленого массива. Спустились со склона. Приехали в Антоновку, когда было 5 час. 30 мин. Антоновка – большое, старое село. В нем базарная площадь, магазины.

Поехали дальше, на Сарканд. Проехали опоясанную ивами Новопокровку. Тракт идет слева от подошвы склонов гор, параллельно им. Дорога чудесная. По сторонам поля, луга, овцы и стада рогатого скота. Любуемся заходящими лучами солнца и снежными вершинами гор.

Вечером приехали в районный центр Сарканд[28]. Большое село, вытянувшееся в основном по правому берегу бурного Сарканда, утопает в зелени садов, тополей, ив, кустарников. Основано в 1858 году. Долго ехали вдоль парка. Затем свернули налево и поехали по улице, проходящей по правому берегу реки. Проехали село, свернули вправо. Ехали по долине Сарканда около двух километров. По сторонам задернованные склоны возвышенностей. Чем ближе продвигались к ущелью, тем теснее сближались возвышенности. Наконец, подъехали к собственно ущелью, с обнаженными высокими отвесными скалами.

Здесь, на небольшой площадке правого берега реки остановились на ночевку. Вечер теплый. Первым делом пошли на реку умыться. Ширина Сарканда метров 10 – 12. Его берега возвышаются над плесом реки на 1,5 – 4 метра. Вода в реке холодная, цвета льда. Русло местами сильно загромождено большими камнями. По каменному ложу, переваливаясь и пенясь среди выступающих из воды больших глыб, льется Сарканд.

Зачерпнули свежей воды. Разложили костер, вскипятили чай. Всю ночь дул вырвавшийся из ущелья ветер.

18 сентября, вторник. После чая пошли по ущелью. Под ногами камни. Над нами отвесные и даже местами нависшие скалы высотой 50 и более метров. В некоторых местах из скалистых стен струится или только каплями падает вода. Несколько угнетенных березок уцепились своими корнями за скалу на высоте 5 – 10 и более метров и мило приветствуют своими мелкими зелеными трепещущими листочками посетителей ущелья. Березкам уподобились кустики крушины.

По ущелью прошли метров сто. Дальше идти было нельзя. Правая сторона реки подошла к самой скале, прохода нет.

Приехали в Абакумовку[29], скрывающуюся в тени древесных посадок.

В 8 километрах к юго-востоку от Абакумовки, как отмечается в XIX томе Географического описания России (стр. 777), среди степи находится памятник Денгек[30] в виде сложенного из плитняка столба около 8 метров вышины. По преданию, памятник сооружен над могилой знатной калмычки, и под ним скрыты сокровища.

В 5 час. 30 мин. были в Талды-Кургане[31]. Улицы и усадьбы в зелени. В 6 час. 40 мин. поехали дальше. Равнина. В отдалении маячат горы. По сторонам асфальтированного тракта большие тополя в два ряда. Проехали реку Кок-Су. Поток встречных машин. Переехали два больших перевала. На ночевку остановились возле бывшего аула. Костер, чай. В 10 час. легли на отдых.

19 сентября, среда. На рассвете пытался моросить дождь. Вскоре прояснилось. В 7 часов выехали. Дорога проходит через горы, то поднимается, то опускается.

На 92-ом километре от Талды-Кургана – Сары-Озек. До Алма-Аты осталось 155 километров. Гористые места. Рядом железная дорога Семипалатинск – Алма-Ата. Небольшие посевные поля. Справа оголенная гряда гор.

Переехали перевал Архарны. Здесь, у тракта, высится большая скульптурная фигура горного козла. Вообще у дорог Казахстана и Киргизии часто встречаются скульптурные фигуры козлов, баранов, статуи девушек и т.п. Художественные качества фигур не приводят в восторг, но, видимо, кому-то они нравятся. Полезней было бы установить доски с историческими данными о крае, о людях, которые проследовали здесь. За всю поездку нигде не встретилось нам имя Ч.Ч. Валиханова, И.В. Мушкетова[32] и др.

Налево вдали освещенные солнцем вершины гор. Посевные площади. Проезжаем Чингильды. Не доезжая 10 километров до Илийска, встретили пасущихся 10 верблюдов.

В 9 час. 50 мин. подъехали к Илийску. Остановились на правом берегу реки, на песчаной пойме, вблизи моста. На пойме много углублений, заполненных водой. Берег реки в целях предотвращения размыва укреплен плетнем, а сверх плетня положены большие камни.

Город Илийск[33] основан в 1856 году как выселок. Расположен на р. Или. Ширина реки 100 метров. На реке много отмелей, и, тем не менее, по реке ходят катера и пароходы. Через р. Или построены два хороших моста – железнодорожный и для автотранспорта. День был серый, ветер, холодно. Остановка обогатила нас большим количеством собранных семян и растений.

Покинули берег Или только в 4 часа. Путь на Алма-Ату[34]. Тот же прекрасный тракт. По левую сторону – линия железной дороги. Большие площади под посевами сахарной свеклы, меньше под кукурузой и подсолнечником.

Въехали в столицу Казахстана в 5 час. 20 мин. Пасмурно. Небо затянуто тучами. Начал моросить дождик, который с каждой минутой усиливался.

Долго курсировали по улицам города; искали Ботанический сад Академии Наук КазССР, где намечено было остановиться. Большой дождь. По улицам текут целые потоки. Наконец мы на территории сада. Нам любезно было предоставлено теплое и чистое помещение (лаборатория). Внесли свои пожитки, умылись, вскипятили чай. Рады были теплу и свету. А на дворе дождь не унимался.

Алма-Ата чудесный город. Расположен у гор. Улицы прямые, покрыты асфальтом. По сторонам их высокие тополя. Хорошие здания, парки, цветники. Посетили Большое Алма-Атинское озеро.

В 5 час. 40 мин. вечера покинули Алма-Ату. Поехали на Фрунзе – столицу Киргизии. В 6 час. 25 мин. проехали Каскелен – 25 – 28 километров от Алма-Аты. Прекрасная дорога, красивые мосты, переезды, по сторонам мощные пирамидальные тополя, дорожная скульптура, красивые домики. Чувствуется близость столицы. А налево – величественный вид на Заилийский Алатау. Погода прояснилась.

В 28 километрах западнее Каскелена находится памятник[35], сооруженный на месте сражения 21 октября (ст. ст.) 1860 года отряда полковника Колпаковского[36] с кокандцами, напавшими на пикет Узунагач. Едем через перевал. Сумерки, в 7 час. 30 мин. остановились невдалеке от тракта на ночевку (в 70 километрах от Алма-Аты). Свежо. На вершинах гор снег, выпавший предыдущей ночью. Проследованный нами участок тракта поражает своим благоустройством. Помимо озеленения, скульптур – всюду указатели, надписи, павильоны для автопассажиров. Села в зелени и только кое-где казахские аулы врезаются серым пятном. Большинство же казахов живут в таких же домах, как и русское население.

21 сентября, пятница. Встали на рассвете. Костер, чай. Перед нашим взором снеговые вершины Заилийского Алатау. На 173 километре стали пересекать перевал Чуилийских гор. Остановились против ущелья среди высоко поднимающихся над нами гор с обнаженными каменными склонами. Следуя дальше, сделали еще три остановки, для сбора семян растений и гербария. Последняя – против метеорологической станции и остановки автобусов. На отрогах гор, спускающихся в долину, наше внимание было привлечено к двум каменным ограждениям. Забор из необработанных камней вышиной около метра неправильным кольцом охватывал территорию диаметром 5 – 8 метров. Толщина забора сантиметров 70 – 90. Внутри на огражденной территории грубая засохшая трава, степные кустики. Входа нет. Очевидно, сооружение связано с культом умерших. Здесь же на вершине одной из сопок сложена (без раствора) куча камней вышиной больше метра. Видимо, и это сооружение связано с культом умерших.

Вечером приехали во Фрунзе, бывший Бишкек[37] – столицу Киргизии. Здесь в семье фельдшера в 1885 году родился выдающийся деятель Коммунистической партии, талантливый полководец Михаил Васильевич Фрунзе[38]. Подобно Алма-Ате, весь город в зелени, улицы покрыты асфальтом, много прекрасной архитектуры больших государственных и общественных зданий. Чисто, красиво, нарядно.

Суббота, 22 сентября. В 3 час. 40 мин. мы покинули столицу Киргизии, направились на Рыбачье и дальше на озеро Иссык-Куль, на Пржевальск. День был пасмурный, ветер. Небо пугало дождем.

Тракт с гладким широким асфальтированным полотном позволял ехать быстро. Мы ехали со скоростью 60 – 75 километров в час. По сторонам тракта – тополя, а за ними направо и налево шли возделанные равнинные поля с недавно снятым урожаем.

Вскоре слева открылась долина р. Чу, а за ней южные отроги хребта Жетыжол, справа – северные склоны Киргизского хребта.

На 63-ем километре от Фрунзе – город Токмак[39], бывшая кокандская крепость, взятая русскими войсками 26 августа 1860 года. Токмак расположен по тракту на протяжении свыше 4 километров с новыми, покрытыми шифером домами, с фруктовыми садами и большими общественными зданиями, впрочем, кое-где сохранились и старые, доживающие свой век глиняные мазанки.

На 96-ом километре – районный центр – большое село Быстровка[40], тракт повернул на юго-восток. С правой стороны его то приближаются, то несколько отдаляются склоны Киргизского хребта. Слева, у самого полотна дороги, струится р. Чу, за ней поднимаются юго-западные отроги Заилийского Алатау.

Горы с обеих сторон придвигаются все ближе и ближе к тракту и, наконец, на 116-ом километре от Фрунзе тракт вступает в 23-километровое щелевидное Буамское ущелье.

Буамское ущелье является единственным горным проходом к Иссык-Кулю, доступным колесному транспорту. Каменные отвесные стены ущелья высоко поднимаются над полотном дороги. В ущелье тракт сильно извивается, и вместе с тем его полотно то поднимается вверх, то спускается вниз.

По ущелью в каменном русле, переливаясь и пенясь, течет р. Чу. Вода в реке прозрачная, пресная, приятная на вкус. Ширина реки 10 – 30 метров. Сохранился деревянный мост, который называется Семеновским. Говорят, здесь в сентябре 1856 года переправлялся через реку известный путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский, когда двигался с отрядом казаков к Иссык-Кулю.

Когда-то Чу была мощным потоком, который прорвал каменные горы и образовал это Буамское ущелье. (Буам есть испорченнное слово «бомо», что по-монгольски означает прорыв). Река была связана с озером Иссык-Куль, воды которого стояли намного выше, нежели ныне, и сбрасывались по Чу через ущелье в Балхашскую котловину.

Кроме тракта и р. Чу, по ущелью проходит одноколейная железная дорога Фрунзе-Рыбачье.

Железнодорожное полотно по узкому карнизу проходит выше полотна тракта метров на 15. В некоторых местах линия железной дороги прячется в траншеи, прорубленные в каменных скалах. Необычно видеть здесь поездной состав с натужно пыхтящим паровозом. Рядом с линией железной дороги идет телеграфная линия – со столбами и стальными проводами.

Была темная ночь, когда мы приехали в Рыбачье[41]. Дул холодный с ног валивший ветер, пыль забивала глаза. Чувствовалась близость большого озера. Подъехали к гостинице, расположенной в большом двухэтажном здании. Здесь остались на ночлег.

Поселок Рыбачье широко раскинулся на равнинном северо-западном прибрежье Иссык-Куля. Местоположение поселка весьма выгодное. Здесь сходятся автогужевой и железнодорожный пункты, и начинается водный путь по озеру. Рыбачье – главная пристань на западе Иссык-Куля.

23 сентября в 7 час. 30 мин. расстались с Рыбачьим. По северному берегу озера Иссык-Куль поехали на Пржевальск.

Прекрасно асфальтированный тракт проходит параллельно берегу озера, в расстоянии 100 – 1000 метров от уреза воды. И только на 117 километре от Рыбачьего (против сел Темировки и Семеновки) озеро отклонилось от тракта километров на 4 – 5. Налево, в расстоянии 1 – 2 километров от тракта, проводит хребет Кунгей – Ала-тау, за которым лежит самый северный хребет Тянь-Шаня Заилийский Алатау.

Иссык-Куль одно из крупнейших горных озер мира. Длина озера 184 километра, ширина 55 километров, наибольшая глубина, по литературным данным, 702 метра, по сообщению местных жителей – 714 метров. Озеро бессточное, слегка солоноватое. Со склонов Терскея и Кунгея в озеро стекает свыше 80 горных речек. На востоке озеро имеет два значительных залива, в устьях рек Тюп и Джиргалан. В озере водятся: чебак, сазан, голый осман, маринка и другая рыба.

Когда мы ехали по тракту, по темно-синей поверхности озера ходили волны, пенились их вершины. У берега шуршала движимая волнами галька, но, несмотря на это, даже береговые воды озера оставались совершенно прозрачными. Передают, что временами на озере происходит поединок двух встречных ветров: западного «улана» и восточного «санташа». Столкнувшись среди озера, они образуют водяной смерч и в диком вихре вступают в ожесточенную битву. Побеждает всегда «улан».

Озеро Иссык-Куль и его прибрежье приковывают взор радостными картинами жизни сегодняшнего дня. Вместе с тем здесь мысли настойчиво проникают и в глубокую даль веков. Страна, лежащая на широте Средней Италии, уже в первом тысячелетии до новой эры была заселена.

Северная полоса Иссык-Кульской котловины от Рыбачьего до поселка Тюп представляет равнину с небольшой покатостью к озеру. На ней возделанные территории разрываются большими полупустынными площадями, усыпанными камнем.

Кладбище на северном берегу озера Иссык-Куль. Экспедиция Омского отдела Географического общества СССР в окрестностях Тянь-Шаня. 1962 г.

Беден в таких местах живой покров, часто лишь отдельные травинки пробиваются сквозь камни. Но лежащие на пути нашего следования многочисленные поселки (свыше 40) зеленеют чудесными оазисами. Тракт в них принимает вид чудесной аллеи, которую покидаешь с сожалением. По сторонам, сквозь зелень листвы, проглядывают беленькие домики, опоясанные со стороны усадьбы виноградниками, садовыми и цветочными насаждениями. В ряде селений (Долинка, Ананьеве, Беловодское[42] и др.) – большие каменные двухэтажные здания.

Вместе с тем сохранились еще и селения, в которых, наряду с уютными новыми домами, находятся жилища старого облика, с покосившимися глиняными стенами, с плоскими глиняными кровлями, с глиняными заборами. Но и все это старое, серое, доживающее свой век, утопает в зелени фруктовых деревьев.

Селения в основном расположены по тракту, который обычно является их центральной улицей. В стороне от тракта по берегу озера и в особенности у подошвы гор, в местах, где струится горная речонка, много новых, недавно возникших поселений и отдельных усадьб, еще не опоясавшихся стройными тополями и фруктовыми садами. Всюду бросается в глаза, как старое, гнилое сменяется новым, красивым, здоровым.

В 9 час. 20 мин. утра мы остановились у селения Кенеш (На 92 километра от Рыбачьего).

В Прииссыкулье, наряду с современными, сохранились памятники седой старины – в виде древних курганов-могил и остатков разного рода древних хозяйственных сооружений. Но в особенности здесь привлекают внимание исследователей подводные памятники старины. На дне Иссык-Куля находятся не только отдельные предметы далекого быта, но размытые дома, стены, ханские дворцы и города.

Что касается древних курганов – одиночных и групповых, то они нам встречались на всем пути от Омска до Пржевальска.

В жаркие дни древние курганы производят сильное впечатление, особенно в пустынных местах. На голубом небе кое-где разорванные клочки облаков. Солнце бросает с высоты волны горячих лучей на горы, на степь. Тихо летит ветерок над древней могилой, тихо шелестит трава среди ее замшавелых камней.

Невольно встает вопрос: чьи бренные останки скрываются в этой могиле? Тщетно мы стали бы искать ответа на это. Молчаливая степь умеет хранить свои тайны.

На 105-ом километре от Фрунзе – с. Корумбы, на 107-ом с. Темировка, а за ней Григорьевка. Все эти селения славятся своими садами.

В Григорьевке на базарной площади мы не встретили лошадей, но зато много осликов в упряжке и без. Основной тягловой силой личного пользования здесь являются ослики. Их повсюду видишь. На специальных тележках они везут яблоки, груши, овощи на базар, в поле пастухи на осликах обслуживают стадо. Понуря голову, идет ослик, понукаемый хозяином. Жалко смотреть, когда видишь упитанную фигуру всадника на маленьком ослике. Стоимость ослика 150 – 200 рублей. Живет ослик до 40 лет.

На 186 километре тракт повернул на юг по направлению к городу Пржевальску. На 192 – 193-м километре переехали реку Тюп. Здесь расположено большое, все в зелени и садах, село Тюп.

На 215-м километре от Рыбачьего, не доезжая 3 – 4 километров до города Пржевальска, свернули с тракта вправо на Заповедник Пржевальского, где могила и памятник великому путешественнику.

Через 10 минут мы были у Заповедника. Дул ветер, солнце проглядывало сквозь облачную дымку. Смахнули пыль с обуви. Привели себя в порядок. Сознание близости могилы великого путешественника порождало в душе волнение и некоторую боязнь вступить на землю, которой, подавив в душе чувство тоски по родине, Николай Михайлович Пржевальский, как древний русский богатырь, приказал отдать себя после смерти.

От ворот шла асфальтированная аллея с подстриженным густым бордюром из карагача.

За аллеей по обеим сторонам – парк-сад с сиренью, вязом, кленами, яблонями и другими деревьями. Между ними дорожки, усыпанные песком, по бокам скамейки. Площадь парка (12,5 гектара) обнесена высокой железной оградой на каменных столбах.

Аллея ведет к величественному памятнику, который через проем ворот виден с площадки (от ворот памятник находится метрах в ста). Приближаемся к монументу. И вот мы у его подножия.

Долго смотрим на монумент, несколько раз обходим вокруг него, читаем надпись.

НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧ
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ –
первый
исследователь природы
Центральной Азии.
Род. 31 мар. 1839 г.
Ск. 20 окт. 1888 г.
Памятник открыт 14 июля 1894 года.

Проект его был сделан товарищем и другом Н.М. Пржевальского – генералом А.А. Бильдерлингом[43]. Сооружение выполнено академиком – архитектором И.Н. Шредером[44]. Основная часть памятника представляет почти девятиметровую в высоту скалу – символ величественной природы Азии, исследованию которой Н.М. Пржевальский отдал свою жизнь. На вершине скалы большой бронзовый орел – символ силы и бесстрашия путешественника. Под когтями орла карта Центральной Азии с нанесенными на нее маршрутами путешествий Н.М. Пржевальского. В клюве приземляющегося орла – оливковая ветвь, которую он как бы кладет на карту, на пройденные великим землепроходцем пути – венчает славой его подвиги и вместе с тем символизирует мирные завоевания науки.

Вверху на лицевой стороне скалы, ниже орла, восьмиконечный бронзовый крест. Ниже креста в увеличенном виде именная медаль Н.М. Пржевальского, отлитая из бронзы, с профильным изображением путешественника. (Золотая медаль Пржевальского была учреждена Академией Наук в 1886 году, в знак его великих заслуг перед наукой).

От основания скалы вверх к медальерному изображению Н.М. Пржевальского поднимаются высеченные в скале ступени, символизируя сказочные пути-дороги, пройденные великим путешественником.

После осмотра памятника подошли к могиле, находящейся в 6 метрах от памятника с правой его стороны.

На могиле серого гранита плита. В верху плиты высечен шестиконечный крест. Под ним надпись:

Путешественник
Н.М.
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ
1839 – 1888

Плита лежит на продолговатом могильном холмике, на высоте 50 сантиметров. Склоны могилы поросли степной травой. Могила и памятник расположены на высоком (1680 метров) обрывистом берегу озера. (Над плесом озера берег возвышается метров на 70). Место открытое. Отсюда открывается величественный вид на снеговые вершины гор и на Иссык-Куль до Буамского ущелья.

Н.М. Пржевальский похоронен в двух гробах – деревянном и железном. Погребение в железном гробу – это чуть ли не единственный случай в нашей стране. Железный гроб как-то особенно увязывается с характером и подвигами Н.М. Пржевальского – этого Горного Богатыря. В целях изоляции деревянный гроб был провоскован – (опущен в восковую ванну), а потом его тщательно покрыли смолой тяньшанской ели, которая обладает свойством полного отвердения. Деревянный гроб с останками умершего был поставлен в железный и этот последний тщательно запаян.

Склеп в могиле сооружен на гидравлическом цементе, размером 2,13 на 2,84 м. Гробы были убраны материей и галуном. Женщины Каракола сделали прекрасный венок, а гирлянду сделали солдаты из ели, которую так любил покойный.

Из Заповедника поехали в г. Пржевальск. При въезде в город широкая аллея с гигантскими тополями и ивами. Пржевальск расположен у северного подножья Терской Алатау на высоте 1770 метров на р. Караколе. Основан в 1869 г. как военно-административный пункт. Город отличается правильностью планировки улиц и обилием фруктовых садов.

В Пржевальске находится единственный в мире городской парк с аллеями из тяньшанской ели. Имеется педагогический институт и ряд специальных и средних школ, драмтеатр, музей. С Рыбачьим связан двумя шоссейными дорогами – по северному и южному берегам Иссык-Куля.

Город Пржевальск носит имя великого путешественника. С этим городом связаны последние дни жизни Н.М. Пржевальского. Готовясь к отправлению в пятое путешествие, Н.М. Пржевальский заболел и в пять дней его не стало. Накануне кончины (19 октября ст. ст. 1888г.), когда больному на короткое время стало чуть лучше, он, лежа в местном глазном военном бараке, сделал последнее свое распоряжение. Обращаясь к стоявшим возле него спутникам, Николай Михайлович просил их: «Похороните непременно на Иссык-Куле, на красивом берегу». Надпись сделайте простую: «Путешественник Пржевальский». Положите в гроб в моей экспедиционной одежде. Пожалуйста, доктор (Крыжановский А.П.), не анатомируйте меня...». Утром 20 октября, лежа на правом боку, он бредил, прикрыв лицо рукою. Потом вдруг, поддерживаемый товарищами, встал во весь рост и, посмотрев на всех, сказал: «Ну, теперь я лягу». Ему помогли лечь. Лицо и руки стали желтеть... несколько учащенных дыханий и Николая Михайловича не стало. Не стало, как писал академик Л.С. Берг, «одного из величайших путешественников всех времен и народов».

К глубокому сожалению, в городе не сохранился глазной военный барак, в котором умер Н.М. Пржевальский. В 1925 году барак был разобран на кирпич. Затерялась мемориальная доска с портретом путешественника, пропала также и медная табличка с надписью, которая была прибита в бараке против того места, где умер Н.М. Пржевальский.

В городе не отмечены многие места, связанные с именем путешественника.

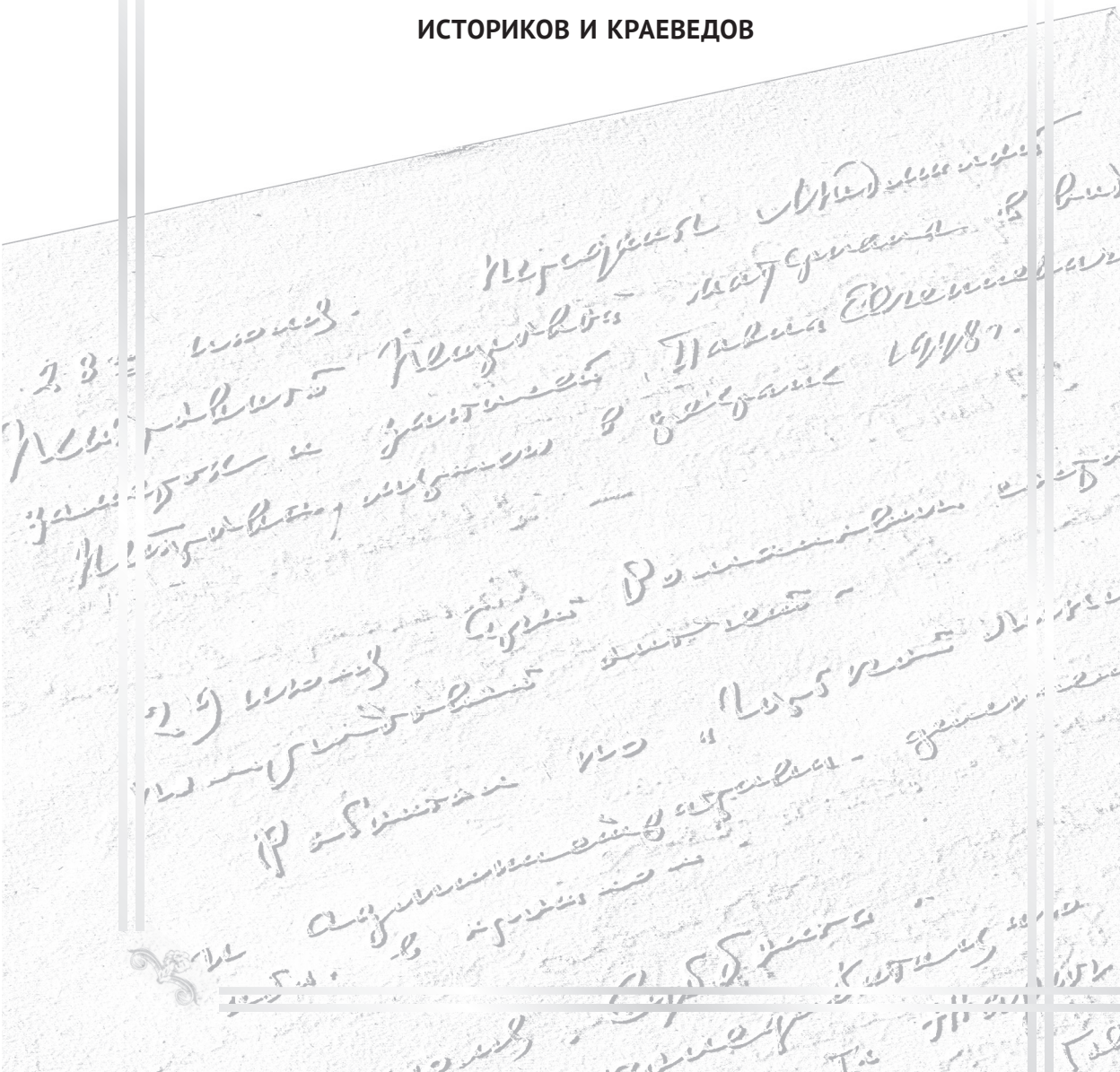
В 1957 году в заповеднике вблизи, могилы, в специально построенном каменном помещении, был открыт музей Н.М. Пржевальского. В музее сосредоточены материалы, отражающие жизнь и деятельность путешественника.

Несмотря на то, что музей, могила и памятник расположены на расстоянии свыше 10 километров от города Пржевальска, заповедник великого путешественника посещается многочисленными посетителями и не только людьми нашей страны, но и приезжими из далеких зарубежных стран. Об этом говорят записи в хранящейся в музее книге отзывов на русском, киргизском, китайском и на многих других языках. Между прочим, в книге отзывов оставили свои записи профессор Китайской Академии Наук Фэн Цзя-Шен, профессор Словацкой Академии Наук Л. Пастырник, жена национального героя Чехословакии Г. Фучик и многие другие.

Вечером 24 сентября мы покинули Заповедник, отправились в обратный путь. На обратном пути остановились во Фрунзе, а также в Алма-Ате, в Омск вернулись 3 октября.

V
РАЗДЕЛ

Рецензии и отзывы на работы омских историков и краеведов



Рецензия на рукопись М.Е. Бударина «Пушкин и декабристы»[1]

Ответственному секретарю
правления Омского отделения
Всесоюзного общества
по распространению политических
и научных знаний
тов. Захарову.
22.VII.1949 г.

Имею сообщить Вам следующее по рукописи М. Бударина[2] «Пушкин и декабристы», присланной мне для рецензирования.

Работа производит весьма благоприятное впечатление как по своему содержанию, так и по форме литературного изложения. В небольшой по размерам рукописи правильно освещены основные вехи жизни и деятельности декабристов в Западной Сибири и их связи с А.С. Пушкиным. Настоящая тема является слабо разработанным участком в нашем литературоведении. И в связи с этим следует отметить понимание автором избранной темы, ясное представление о существе ее, умение выбрать нужный фактический материал. Из списка использованной литературы видно, что М. Бударин ознакомился с обширным фактическим материалом, творчески и критически подошел к оценке старых источников и осветил систему ценных фактов с современных позиций партийного, марксистского литературоведения.

Автором проделана серьезная работа по изучению разрозненных материалов о жизни декабристов в нашем крае и связях их с великим русским поэтом А.С. Пушкиным. В первой части рукописи правильно раскрыты и проанализированы исторические корни движения декабристов. Вполне уместно и с правильным пониманием использованы высказывания Ленина и Герцена о декабристах; Белинского и Чернышевского – о Пушкине. К безусловным достоинствам рукописи следует отнести хорошую литературную форму изложения и то обстоятельство, что работа не перегружена чрезмерным количеством цитат.

В работе М. Бударин затронул, разумеется, лишь небольшую часть огромной по своей важности темы – Пушкин и декабристы. Но автора не следует упрекать в суммарности и беглой конспективности изложения материалов в этом плане, ибо он правильно сделал, акцентируя на связи Пушкина с декабристами, ссылавшимися именно в наш край, Западную Сибирь. Эту лекцию следовало бы точнее формулировать так: «Пушкин и декабристы, ссылавшиеся в Западную Сибирь».

В целом работа не вызывает принципиальных возражений. Опубликование ее отдельной лекцией – брошюрой весьма желательно, тем более, что сейчас, в преддверии 150-летия

со дня рождения А.С. Пушкина, тысячи[I] лекторов и докладчиков с пользой для себя приобрели[II] бы материал о Пушкине в исторической связи с родным сибирским краем[III].

25 марта 1949 г.

Г. Омск[IV]

Преподаватели школ, техникумов, работники культурно-просветительских учреждений сильно нуждаются в подобного рода литературе и несомненно с пользой для себя используют ее по назначению[V].

Замечания к рукописи М.Е. Бударина «Декабристы в Западной Сибири»[1]

1955 г.

Работа М.Е. Бударина Декабристы в Западной Сибири оставляет хорошее впечатление, как по содержанию, так и по форме изложения. В небольшой по размерам рукописи в основном правильно освещены главнейшие моменты жизни декабристов в Западной Сибири. […][VI] уменье автора выбрать нужный фактический материал. Из приложенного списка литературы видно, что М.Е. Бударин ознакомился с достаточно большим фактическим материалом, творчески подошел и осветил ряд ценнейших фактов с современных позиций марксистского литературоведения.

Автором рукописи правильно раскрыты и проанализированы исторические корни движения декабристов. Вполне уместно и с правильным пониманием использованы высказывания В.И. Ленина и А.И. Герцена о декабристах.

К безусловным достоинствам рукописи следует отнести хорошую литературную форму изложения.

Несколько замечаний.

На стр[анице] 6-ой М[ихаил] Е[фимович] пишет:

«… 39 человек в течение тридцати лет (с 1826 по 1856 г.) доживали (доживать можно год–два. – **А.П.**) свои изгнаннические годы в различных городах и поселках Западной Сибири».

[I] *Поверх слова карандашом запись* «сотни». – *Прим. сост.*

[II] *Поверх слова карандашом сделана запись* «проработали». – *Прим. сост.*

[III] *В конце текста поставлена подпись:* «Директор Омского областного краеведческого музея А[ндрей] Палашенков». – *Прим. сост.*

[IV] *Запись карандашом в конце машинописного текста.* – *Прим. сост.*

[V] *Запись карандашом в конце машинописного текста.* – *Прим. сост.*

[VI] *Слово записано карандашом неразборчиво.* – *Прим. сост.*

Между тем, с 1826 года в Западной Сибири было водворено на поселение лишь несколько человек: Враницкий, Фохт, Семенов, Шахирев, Фурман[I], Батенков[II] и Башмаков. Из этого числа только[III] Башмаков прибыл на поселение в Западной Сибири 30 (Башмаков[IV] даже больше) лет. Остальные[V] умерли до манифеста 1856 г.

Что же касается декабристов, осужденных на каторгу, то в Западную Сибирь они водворялись значительно позже (после 1826 г.).

Таким образом, доживать в течение 30 лет в Западной Сибири пришлось только Башмакову[VI].

На стр[анице] 10 рукописи:

И.Д. Якушкин был «лишен всяких средств…»

Нельзя с этим согласиться: И.Д. Якушкин был в достаточной степени обеспечен. Его теща богатая графиня Шереметьева аккуратно оказывала ему помощь и в Сибири жил он безбедно:

«получал из России от своей семьи (Шереметьевой. – **А.П.**) достаточные материальные средства», отмечает, на основании документальных данных, Дмитриев-Мамонов.

На стр[анице] 11 М.Е. Бударин пишет:

«За тридцать лет Якушкин обучил в бесплатных народных школах Ялуторовска около семисот мальчиков и девочек».

И.Д. Якушкин жил в Ялуторовске с 1836 г. по 1856 г., т. е. 20, а не 30 лет. Обучено же в школах не 700, а 1600 детей.

В перечне похороненных на Тобольском Завальном кладбище (стр. 13-я) пропущен декабрист Семенов.

Не лишне было бы в рукописи отметить попытку декабристов развести садоводство в Западной Сибири.

И.Д. Якушкин в одном из писем к И.И. Пущину пишет: «Я все эти годы воздерживался от садоводства, а нынешней зимой выписал, и мне прислали несколько яблонь и кустов разных растений. Скоро придется все это сажать» (Зап[иски] Якушкина, изд[ание] Ак[адемии] Наук 1951 г.).

Садоводством занимался в Ялуторовске также и декабрист Тизенгаузен. Он выписывал фруктовые деревья и пытался оклиматизировать их в суровых условиях Сибири.

Жена декабриста Н.Д. Фонвизина («Та, с которой образован Татьяны милый идеал…» Пушкин).

Устроила в Тобольске большой цветник и заразила любовью к цветоводству многих тоболячек, что сказывается до настоящего времени: окна тобольских домов обильно украшаются красками и зеленью цветов.

Декабристы вносили культуру во внешний облик городов и сел, в которых они жили.

Так в Ялуторовске они насадили большой парк, остатки которого (в виде трех старых лип) сохранялись еще в 1937 году.

Расположенную в западной части города рощу декабристы благоустроили (прорубили аллеи, очистили). Обратили в место отдыха граждан (Роща Декабристов, как она называлась, вырублена до основания в 1933 г.).

Ялуторовск обязан декабристам своей прекрасной планировкой.

Не бесследно прошло пребывание декабристов в нашем крае и в отношении архитектуры.

Со времени их пребывания, в Западной Сибири стал входить помещичье-усадебный

[I] *На полях пометка, относящаяся к персоналии* «с 1827 г.». – *Прим. сост.*

[II] *В фамилию внесены исправления карандашом поверх машинописного текста неразборчиво, над нее карандашом запись* «с 1828 г.». – *Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто карандашом словосочетание* «Батенков и». – *Прим. сост.*

[IV] *В фамилию внесены исправления карандашом поверх машинописного текста неразборчиво.* – *Прим. сост.*

[V] *Начало предложения* «большинство же» *зачеркнуто карандашом.* – *Прим. сост.*

[VI] *Далее карандашом зачеркнуто* «и Батенкову». – *Прим. сост.*

стиль. На улицах деревянных городишек, под небом Сибири показались дома с мезонинами, антресолями, стал внедряться ампир.

Эти «мелочи», как мне кажется, интересны своей консервативностью. Бледновато преподнесен автором рукописи кипучий и любимый всеми товарищами по изгнанию и окружающим населением И.И. Пущин.

Ничего не сказал автор о прямых «восприятиях» взглядов и культуры декабристов. А таких было много: П.П. Ершов, Степан и Михаил Знаменские, тобольский прокурор Францев, Менделеевы и др. Менделеевы тесно породнились (в буквальном смысле слова и в духовном) с декабристами. И, думается, многие черты характера и мыслей великий русский химик Д.И. Менделеев унаследовал от рыцарей, «кованых из чистой стали».

Принципиальность и высокоморальные качества декабристов не проходили бесследно для многих из тех, с кем они соприкасались. Интересно вспомнить проводы декабристов сибирским населением.

Следует сказать об общих характерных особенностях жизни и деятельности декабристов Западной Сибири отличных от жизни и деятельности декабристов Восточной Сибири.

Несколько слов:

Для Восточной Сибири II четверть XIX столетия характерна бурным ростом золотопромышленности и, как следствие этого, большим спросом (в связи с количественным ростом рабочих) на продукты сельского хозяйства и ростом последнего. Земледелие, скотоводство, рыбная промышленность и др[угие] отрасли хозяйства вступили в новую полосу своего развития. Этот подъем захватил собою и бывших на поселении здесь декабристов.

Не только Якубович, Муханов[2], Вадковский[3] и многие другие, для которых хлебозакупка, разного рода подряды, сплав хлеба на прииски и т. п., являлись средством существования, но и такие, как Трубецкие, Волконские, никогда не испытывавшие материальной нужды, не могли остаться в стороне – уходят в хлебопашество (конечно, наемной силой) с головой.

Никита и Александр Муравьевы, получавшие из России от матери обозами всякие продукты и произведения крестьянского хозяйства, также десятки тысяч рублей – вошли в хозяйственный азарт. Кроме своих надельных 30 десятин они арендуют еще до 70 десятин земли, развертывая на ней большое хозяйство наемной силой, строят собственную мельницу, участвуют в промысловых предприятиях: ловле омулей, скупке и доставке на прииски хлеба и т. п. Романтика французской революции и русское крепостное право, выводившие их на Сенатскую площадь, остались позади. Барин и помещик перелицовывался в земледельца предпринимателя.

Совершенно нельзя этого сказать о водворенных в Западной Сибири декабристах. Они остались верными идеям, приведших их на каторгу, в Прииртышье. Не только материально обеспеченные, каких было довольно много здесь, но даже и испытывавшие нужду, не оказались в плену промышленности и торгового капитала. Только один, бывший прибалтийский помещик, барон Розен в Кургане имел попытку обзавестись крупной земельной собственностью. Но на это не последовало согласие Николая I.

Полученные декабристами Западной Сибири в 1835 г. земельные наделы являлись для них лишь более знакомым от прошлого привитым занятием больше «для души», чем для добывания средств к жизни.

Здесь, в Западной Сибири, декабристы проводили большую общественную и просветительскую деятельность. Ряд лиц ставили перед собой вопросы научного характера. Литература, искусство были постоянными «жильцами» в домах декабристов.

Западная Сибирь была ближе к Европе, к России, к родине и родным, ближе к той обстановке и среде, в которой декабристы[1] выросли. Сюда с Родины из Москвы, Петербурга быстрее доходили газеты, журналы, книги, передовые мысли. Нередко

[1] *Слово исправлено от руки черными чернилами поверх машинописного текста, взамен местоимения* «они». – *Прим. сост.*

декабристы Западной Сибири были единственными передатчиками сведений своим восточным товарищам.

Западная Сибирь не была так охвачена в это время развитием промышленности и с[ельского] х[озяйства], как Восточная Сибирь. Относительная близость к России и более тесная связь с ней, дешевизна с[ельско]-х[озяйственных] продуктов – способствовали проживавшим здесь дворянским революционерам оставаться на старых позициях утопического отказа «от собственных выгод» (крепостного права) и верности «прекрасной минуте» (Сенатская площадь).

При помощи и содействии декабристской протекции молодая восточносибирская буржуазия выходила в люди, на широкий европейский рынок. При помощи же и содействии декабристов Западной Сибири – в местной среде возрастали носители передовых взглядов, глубокой мысли.

Из 19 стр[аниц] рукописи только 9,5 стр[аниц] уделено освещению жизни и деятельности декабристов Западной Сибири. Другая часть текста освещает общие места (вступление и заключение). В заключительных страницах излишняя риторичность. Слушателю трудно воспринять содержание: форма подавляет его.

За счет части заключения неплохо было бы расширить основную часть лекции, именно: Декабристы в Западной Сибири. Общие вопросы более или менее известны лекторам.

В целом работа не вызывает принципиальных возражений и опубликование ее отдельной лекцией желательно. Местная тематика, тем более историческая, интересует многих[I].

22 VII 1955

Г. Омск[II].

Рецензия на книгу М.К. Юрасовой «Очерки истории Омска»[1]

1954 г.

М.К. Юрасова. Очерки истории Омска.

Омское Областное книжное издательство, 1954 г.

Рецензируемая работа М.К. Юрасов[ой][2] является не первой ее работой, посвященной истории Омска. В 1951 г. Омским издательством была выпущена книга Шуркина и Юрасовой «Из истории советского Омска», в 1953 г. вышла книга Шуркина и Юрасовой «Город на Иртыше». Таким образом, предыдущие ее работы – в несколько меньшей степени и работы, посвященные отдельным выдающимся омичам, – были в некотором смысле подготовительными к написанию рецензируемых «Очерков».

При сопоставлении с ее собственными работами и работами других лиц, писавших об Омске, последняя работа Юрасовой может претендовать на обобщающую роль. Ав-

[I] *В конце текста поставлена подпись карандашом. – Прим. сост.*

[II] *Число и место прописаны от руки карандашом в конце текста. – Прим. сост.*

тор охватывает период от возникновения Омска до наших дней, используя при этом[I] не только архивные материалы[II], но и свидетельства современников, работы Потанина, Словцова, Ядринцева и многих дореволюционную и советскую периодическую печать, высказывания Энгельса и Ленина, относящиеся к отдельным эпохам. Историю ВКП(б). Таким образом, обширность и полноценность привлекаемых Юрасовой материалов несомненна.

Прочитав книгу Юрасовой, читатель, ничего не знающий об Омске, получил бы полное представление об истории города и его росте, его развитии – экономическом и культурном, роли города в истории страны на разных этапах. Вместе с тем он получил бы представление о нашей стране в целом, ибо одной из положительных сторон работы Юрасовой является тенденция связать историю развития Омска с общей линией развития всей нашей страны.

Перед читателем проходят картины прошлого, начиная с момента возникновения города – на общем фоне продвижения русской государственности в Сибири, Омск как военное поселение, а затем и как место ссылки. Автор знакомит читателя с многими выдающимися личностями – разведывателями новых земель, политическими ссыльными 19-го века, деятелями нашей эпохи. Мы видим галерею царских администраторов, от которых зависела судьба края, наглядно представляем себе его экономику, возникновение капитализма, захват ключевых позиций иностранным капиталом, рост рабочего движения, первую революцию, борьбу за победу советской власти, все стороны жизни Омска до наших дней.

Страницы, посвященные отношениям с коренным населением, показывают прогрессивный характер продвижения русской государственности в эти края. Принятие казахской орды в русское подданство не только спасало ее от нашествия джунгар, но и от международных войн. О прогрессивном характере русской колонизации Казахстана хорошо сказано на стр. 27.

Возможны две структуры книги подобной рецензируемой: тематическая, например разбивка на отдельные главы истории, экономики и т.д., и периодически-комплексная, т.е. объединяющая отдельные темы на определенном отрезке истории. Юрасова выбрала второй путь – более правильный путь, разбив свой труд на 6 глав. Считая принцип правильным, мы, однако, полагаем спорным отнесение 3-ей главы к IV главе, поскольку промышленный кризис конца XIX столетия оказался отнесенным к периоду промышленного капитализма. Между тем в истории ВКП (б) (Краткий курс) в главе III, стр. 52 читаем: «С конца XIX столетия империалистические государства начали усиленную борьбу за господство на Тихом океане, за раздел Китая. В этой борьбе участвовала и царская Россия» и т.д.

В книге Юрасовой имеется ряд неточностей. Так, на стр. 137 сказано: «27 июля 1914 г. царское правительство ввязалось в грабительскую кровавую бойню, именуемую первой мировой войной». Может создаться впечатление, что 27-ое июля – дата начала войны. В действительности же 27-го июля царское правительство объявило всеобщую мобилизацию, а война началась 7 августа, когда Германия объявила войну России.

На стр. 245 читаем: «За 4 года второй пятилетки (1935-1938) промышленность Омской области дала стране продукции на 1 миллиард 547 миллионов рублей. Только в 1938 году валовый выпуск продукции крупных государственных Омских предприятий достиг 435 милл[ионов]рублей». Между тем в истории ВКП (б) (Краткий курс) на стр. 320 читаем: «Вторая пятилетка была выполнена к 1 апреля 1937 года», и т.д. Не стоило относить выпуск продукции 1938 г. ко второй пятилетке.

На стр. 245 в сноске читаем: «В 1913 г. валовая продукция промышленности составляла 51 млн. рублей, т.е. за годы советской власти промышленность города возросла

[I] *Далее зачеркнуто несколько слов в предложении, над строкой синими чернилами вписано* «не только». – *Прим. сост.*

[II] *Далее над строкой от руки синими чернилами вписано* «но и». – *Прим. сост.*

в 8 раз». Это говорится при сопоставлении с валовым выпуском Омских предприятий в 1938 году. Необходимо было уточнить, что сравнение проводилось в сопоставимых ценах, как обычно в таких случаях делается.

Одна из работ Валиханова названа «О состоянии Алты-Шара и шести восточных городов китайской провинции Нянь-Лу» (стр. 57 – сноска): между тем в БЭС работа эта называется «О состоянии Алтышара или 6 восточных городов китайской провинции Нянь-Лу в Малой Бухарши 1858 – 59 г.»

На стр. 50 упоминается Омский полковник де Граве, на стр. 59 читаем: должность коменданта крепости исполнял генерал-майор де Граве». Создается впечатление, что разные лица. Здесь необходимо было уточнение.

На стр. 30 о сибирском генерале-губернаторе Пестеле сказано: «В 1819 году Пестель был наконец отстранен от должности» и т.д. Может создаться впечатление, что Пестель вообще устранен, но фактически он был отстранен только от должности губернатора, а совсем от службы был уволен в 1822 году.

В написанной совместно с Шуркиным брошюре «Из истории советского Омска» 14-ое ноября отмечено, как дата создания революционного комитета, а в «Очерках» создание революционного комитета отнесено к 15 ноября.

Наряду с тем, что в отдельных случаях автор приводит исключительные подробности, например о наличие в отрядах Бухгольца 3017 человек или о караване – 32 дощанника и 27 больших двенадцативесельных лодок (стр. 5) и много других подобного рода деталей (мы отнюдь не против них – рец[ензент]), о многих весьма интересных явлениях ничего не сказано.

Хотя о незаурядной во многих отношениях личности, выпускнике Омского кадетского корпуса, казахском просветителе и предшественнике Абая – Валиханове сказано хорошо и подробно (стр. 55 – 57), все же заслуживали быть отмеченными такие факты, как недопущение байской реакцией избрания Валиханова на выборную должность среди казахов, чего он добивался, или сооружения ему в 1885 г. памятника в станице Куянкузской, где Валиханов умер. Юрасова не привела и дат рождения и смерти Валиханова, 1835 – 1865; здесь это не формальное требование – эти даты усилили бы впечатление от свершенного им и подчеркнули бы трагичность борьбы, которую [он] вел с реакционными силами.

Когда читаешь характеристику Юрасовой или иного сановника российской империи, не возникает интереса к его «чадам и домочадцам». Иное дело, когда упоминается фамилия Пестель, столь же редкая, как и знаменитая, при том Пестель Иван. При упоминании этой фамилии перед нами непроизвольно встает декабрист Пестель, носящий отчество Иванович, и, нам думается, автор поступил бы правильно, упомянув – в форме, которую он счел бы уместной – что сановник Пестель был отцом декабриста Пестеля, казненного Николаем I.

Говоря о Басаргине, автор на наш взгляд, не должен был умолчать о том обстоятельстве, что в литературе имеются высказывания о возражениях товарищей Басаргина в связи с благодушным тоном его записок – «Девятнадцатый век» (сб[орник] Бартенева), особенно по отношению к начальству сибирских тюрем и сибирскому губернатору. Другое дело, что Юрасова могла согласиться с этим высказыванием.

О Наумове Н.И. не сказано, что он был арестован во время студенческих волнений в Петербурге в 1861 г. – на наш взгляд об этом стоило упомянуть.

Говоря о писателях Феоктисте Березовском и Всеволоде Иванове, Юрасова ничего не говорит об их литературной работе в тот период, когда они жили в Омске; поскольку оба эти лица известны нам как деятели литературы, привлечение их необходимо было дать и в разрезе литературной деятельности.

Язык «Очерков» не вызывает возражений. Однако нас не может удовлетворить весь стиль книги Юрасовой, вернее не стиль, а та разностильность, с которой мы встречаемся в книге. В этом смысле книга как бы распадается на три части. Примерно первые 160 страниц текста беллетризированы – этому впечатлению способствует не просто перечисление фамилий или внешняя характеристика, с какими мы сталкиваемся

на стр. 253, где говорится об избранных в Горсовет людях, а внутренняя характеристика людей (например, на стр. 55), привлечение мемуарной литературы, цитирование исторических подлинников, ирония (например, о «полировании» дворянской молодежи или о «веселостях» и «рукоделиях» (стр. 17). Далее беллетризация ослабляется, а примерно со стр. 175 стиль становится все более газетным. В некоторой степени этому способствует лаконичность, с которой излагаются огромные события, бесконечные цифры, сухость изложения.

В частности, для описания работы театров после изгнания Колчака (стр. 221) можно было найти более свежие и яркие краски. Новый зритель представлял собой очень своеобразную аудиторию и, если здесь не оказалось архивных материалов, можно было привлечь впечатления очевидцев.

На последней части книги сильно сказался стиль написанной совместно с Шуркиным работы «Из истории советского Омска»; случайно или неслучайно, но стиль этот оказался не преодоленным.

Несмотря на наличие ряда частных недостатков и отмеченную разностильность книги, работа Юрасовой в целом отмечена обилием ценных фактов, уменьем отбирать исторический материал, живым интересом автора к своей теме. Остается выразить сожаление, что до выхода в свет книга не была обсуждена с участием компетентных научных сил, которые могли помочь в уточнении отдельных вопросов.

На наш взгляд редактор книги должен был потребовать от автора работы над единством стиля книги.

Интересный опыт Омского издательского наталкивает на мысль о целесообразности выпуска рядом областных издательств книг по истории отдельных городов – их могли бы создавать как отдельные авторы, так и авторские коллективы.

Отзыв о рукописи Долбешкина-Кириллова «Омские большевики Колчаковского подполья 1918 – 1919 гг.»[1]

8 марта 1957 г.[I]

Ряды старой большевистской гвардии редеют из года в год. Мало где осталось в живых людей, прошедших в рядах большевистской партии через три революции.

Тем ценнее для нас воспоминания каждого старого члена партии о героических событиях, свидетелем которого он был.

[I] *Дата проставлена карандашом. – Прим. сост.*

Одним из таких старых большевиков является т[оварищ] Долбешкин-Кириллов – автор предложенной к рецензированию рукописи: «Омские большевики Колчаковского подполья 1918 – 1919 гг.».

Печатник по профессии, автор, как видно из данных, приводимых в его рукописях, приобщился к революционной борьбе в начале века.

В 1904 году он уже был членом большевистской партии, в рядах которой он был в первой русской революции. Как большевик он продолжает работу среди киевских пролетариев до кануна первой мировой войны. За организацию забастовки киевских печатников, Долбешкин попадает в знаменитую киевскую лукьяновку[2], а оттуда, в известную своей большевистской фракцией, Нарымскую ссылку. Далее следуют побеги, судимости. В дни февральской буржуазной демократической революции т[оварищ] Долбешкин в рядах красноярских большевиков.

Когда вспыхнул инсценированный американо-английскими союзниками чехословацкий мятеж, он – в одном из красногвардейских отрядов, посланных красноярскими большевиками в помощь омским большевикам в их борьбе против международной контрреволюции. Но поход красноярцев был неудачен. Им пришлось попасть не в советский Омск, а в Омск, захваченный чехами. После долгих путевых мытарств[I] попал в Омск, в лагерь военнопленных красногвардейцев и автор воспоминаний, откуда ему удалось бежать вместе с редактором большевистской газеты «Красноярский рабочий», тоже пленным красногвардейцем Шнайдером. Найдя убежище у одного омского железнодорожника и получив паспорт на имя Кириллова, т[оварищ] Долбешкин под новой фамилией становится во главе омских печатников и входит в состав актива омского подполья, и [становится] участником восстания 22 декабря 1918 года. Потом следует арест, долгомесячное сидение в Омской тюрьме. Неожиданное, случайное освобождение под надзор полиции, и опять работа подпольщика до освобождения Омска от Колчака.

Такие данные, такую биографическую[II] канву дает о себе автор рецензируемой рукописи.

Вспоминания и переживания т[оварища] Долбешкина, вне сомнения, представляют большой интерес в целом.

К глубокому сожалению, автор не использовал в представленной издательству рукописи своих богатых личных наблюдений и зачастую прибегает к общим рассуждениям, цитированиям, известных всем опубликованных документов, и т.д.

Уже первые главы свидетельствуют о том, что автор мало, очень мало использовал свою память.

Первая часть рукописи (стр. 1 – 164) посвящена событиям с момента эвакуации из Омска, после боев под Марьяновкой красногвардейских отрядов и органов советской власти (в июне 1918 г.), до установления Колчаковской диктатуры (ноябрь 1918 г.).

В этой части 37 глав. Из них лишь в 6 главах имеются элементы мемуарные.

После поражения под Марьяновском. В плену – в крепости. Побег из плена. Взрыв на запасных путях. Путевка в жизнь. Организация паспортного Бюро.

Еще меньше воспоминаний и личных наблюдений во 2-й и 3-й частях рукописи. Из ста глав – 88 глав совершенно лишены мемуарного зерна и в основном заполнены извлечениями из материалов, в подавляющем большинстве уже введенных в научный историко-революционный[III] оборот, неоднократно опубликованных в сборниках документальных материалов, очерках, статьях.

Таковы, например, широко известные материалы о подпольных сибирских конференциях, доклады Масленникова и Рабиновича в ЦК, Инструкции об организации деревенских комитетов, партизанских отрядов, не раз опубликованных материалов колчаковской контрразведки о работе подпольных большевистских организаций Сибири и т.д. и т.д.

[I] *Слово* «мытарств» *вписано от руки карандашом. – Прим. сост.*

[II] *Далее зачеркнуто слово* «справку», *напечатано слово* «канву». *– Прим. сост.*

[III] *Далее зачеркнуто слово* «сборник», *вписано от руки карандашом* «оборот». *– Прим. сост.*

Использует и цитирует автор отрывки из опубликованных и широко известных мемуаров белогвардейцев, и статьи, и фельетоны, сводки из белогвардейской газеты «Заря» и из иллюстрированного приложения к газете «Советская Сибирь» и других газет, также, в большинстве своем, использованные в ряде историко-революционных исследований.

Некоторые такие материалы приводятся целиком и не совсем у места, как, например, фельетон из – «Зари» на стр. 350 – 355.

Во второй части рукописи есть главка о конспиративной квартире на Степной, 1. Казалось бы, автор должен был бы использовать свои личные наблюдения, воспоминания. Но таких наблюдений, к прискорбию, немного (хотя они весьма интересны). Из 11 страниц десять посвящены извлечениям из известного доклада Масленникова, о котором мы уже упоминали.

Рассказ об аресте (чьем?) также лишь в незначительной степени построен мемуарно и в основном, как и предыдущие главы, перегружен извлечениями из брошюры «Профсоюзы в Сибири в борьбе за власть Советов 1917 – 1918 гг.» и из журнала «Омский печатник».

Целые главы (5) содержат перепечатку из сборника «Борьба за Урал и Сибирь» известного доклада колчаковской контрразведывательной части от 12/III 1919 года о работе подпольных организаций РКП (б) в Сибири. Этот же доклад публиковался в сборнике документальных материалов «Омск в годы гражданской войны и интервенции», в журнале «Омская область» и ряде других изданий.

К сожалению, таких примеров можно привести очень много. А между тем всяческие подробности, рассказанные не по старым печатным источникам, а со слов очевидца, приобретают исключительную ценность. Автор упоминает десятки имен и, очевидно, мог рассказать и кратко охарактеризовать многих работников Омского большевистского подполья, как очевидец.

Масленников, Вавилов, Рабинович, Богоявленская-Радо, Личетта, Казак, Годисова, Порняков[3] – яркие фигуры партийного подполья 1918 – 1919 гг. И долг мемуариста, свидетеля и участника событий 1918-1919 гг. восстановить для потомков черты этих замечательных коммунистов-подпольщиков, рассказать о них подробнее. Ведь т[оварищ] Долбешкин был их боевым товарищем, соратником в борьбе. А в рукописи он ограничивается только беглым упоминанием, перечислением фамилий, словно боится напрячь свою память.

Даже моменты своей биографии автор дает скороговоркой. Кириллов-Долбешкин [–] печатник. Естественно, что в своей рукописи он много уделяет внимания печатникам. Правда и здесь преобладают не воспоминания и личные наблюдения, а различные материалы.

Характерен и такой штрих. Т[оварищ] Долбешкин был одним из организаторов подпольной типографии Омского Комитета РКП (б). Казалось, что он мог бы рассказать подробно об этом немаловажном событии. Но вместо собственного рассказа, он дает извлечения из известной брошюры Ф.Г. Виноградова «Из прошлого Сибири», делая лишь попутные примечания.

Нам кажется, нельзя согласиться с автором в оценке роли печатников в этот период. Полагаем, что т[оварищ] Долбешкин преувеличил эту роль. Рукопись создает впечатление, будто печатники были чуть ли не главной, решающей силой в борьбе с интервентами.

О них говорится, приводится материалов значительно больше, чем об Омском подпольном комитете партии.

Между тем исторические факты свидетельствуют о том, что печатники в своих позициях вели, по сути, соглашательскую политику. Собственно этого не отрицает и т[оварищ] Долбешкин.

Вместе с этим автор, стараясь[I] как-то оберегать, оправдать преимущества участников делегации омских печатников к Колчаку. Хотя делегация[II] объективно поставила правление профсоюза на соглашательские рельсы с врагом рабочего класса, но «не-

[I] *Так в рукописи. – Прим. сост.*

[II] *Далее слово* «обязательно» *исправлено карандашом на* «объективно». *– Прим. сост.*

вольная ошибка пусть не послужит, – патетически восклицает автор, – темным пятном в их светлой благородной жизни, которую они отдавали на алтарь (!) борьбы рабочего класса» (стр. 383)[I].

«В тоже время нельзя отказать в справедливости в том, – пишет далее автор, – что они (печатники) оказались наиболее стойкими, наиболее организованными (?!)».

Это стремление как-то оправдать, обелить соглашательские (по его же, автора, оценке) действия[II] повторяется автором неоднократно, почти навязчиво.

Весьма затрудняет восприятие материала бессистемность, мы бы сказали даже некоторая хаотичность изложения, неоднократные повторения.

После материалов II подпольной конференции о составе подпольного обкома партии в 1919 году, (кстати в этой главе собраны материалы, уже неоднократно публиковавшиеся в наших документальных сборниках) вдруг вклинилась глава о ссоре Колчака с Гайдой в 1918 году.

Затем подробная характеристика Дутова и т.д. Глава о санитарном деле в Сибири при колчаковщине (с подробными) таблицами, официальными сведениями о спекуляции дензнаками, о ценах на рынке и прожиточном минимуме и ряд других, дана вне связи с темой, а как-то самостоятельно, хотя этот материал, безусловно, можно было бы использовать частично, как иллюстративный.

Вообще вся рукопись в ее нынешнем состоянии не производит впечатления цельного произведения. Это пока ряд разрозненных материалов, не сцементированных еще автором.

Для того, чтобы представленная издательству рукопись была пригодной для опубликования, автору необходимо над ней еще много поработать.

Мы бы порекомендовали т[оварищу] Долбешкину-Кириллову, как непосредственному участнику событий 1918 – 1919 года, пойти по пути мемуаров и правдиво рассказать читателю о всем пережитом и виденном. Такие воспоминания, вне сомнения, будут гораздо более ценными, чем цитирование уже известных, неоднократно опубликованных документов, статей и т.д.

Для читателя, особенно нашей молодежи, книга старого большевика-подпольщика, участника революционной борьбы, соратника таких славных сынов нашей партии, отдавших свою жизнь во имя революции, как Масленников, Вавилов, Рабинович и др., представит огромный интерес.

Рецензент[III].

[I] *Номер страницы вписан от руки карандашом. – Прим. сост.*

[II] *Слово* «действия» *вписано от руки карандашом. – Прим. сост.*

[III] *Рядом поставлена подпись карандашом* «А.Ф. Палашенков». *– Прим. сост.*

VI
РАЗДЕЛ

Автобиографические материалы

Письмо А.Ф. Палашенкова смоленскому краеведу С.М. Яковлеву[1]

1962 г.

Дорогой, милый Сергей Малахиевич[2]!

Большое Вам спасибо за сердечные страницы письма, за хорошую книгу и добрые пожелания. С грустью узнал о смерти Ваших родителей, сестер и братьев. Пусть будет им легка землица.

С Абрамом Григорьевичем[3], я смотрю, случилось то, что и с тысячами ему подобных и сотнями тысяч и даже скорей всего с миллионами, «имена которых Ты, Господи, веси». Суровое, страшное время пережили. Временами думаю, не во сне ли это было и как это могло случиться, что остался цел, не помешался и даже не потерял интереса к жизни. Коротенько о пройденном (в канве, без узора).

В 1918 году, отстаивая Архиерейский дом под Городской музей, был арестован ЧОНом и препровожден в Губчека. Несколько дней продержали, выпустили. Коллекции музея выбросили, дом занял ЧОН.

В 1919 году был арестован председателем Губчека Филипповым в родном селе Надва Катынской волости (в 37 км от Смоленска по Витебскому шоссе). Приехал навестить отца и сестер. В окрестностных деревнях перед этим произошло брожение. Меня взяли как заложника. Посадили в ЧК-а (находилась в доме Волковой, бывшем помещении гимназии Н.П. Евневича)[4]. Через неделю из Чека препроводили в Заднепровскую тюрьму. Там сидел месяц. Четырех из заложников расстреляли. Я остался цел.

В ночь с 5 на 6 сентября 1933 года в квартире (нижних б[ывших] митрополичьих палат) на Соборном дворе, был произведен обыск следователем ГПУ Рассказовым. После обыска меня арестовали и – в ГПУ, которое находилось в большом сером доме в Солдатской слободе. Во время обыска взяты все мои личные документы и большой собранный мной материал по фольклору (свыше 2 тыс[яч] старинных песен, часть которых с нотными записями, 8 тысяч частушек, около 2 сот сказок, большое количество духовных стихов, сказаний, легенд, примет, заговоров, причитаний по умершим, пословиц, поговорок и др[угих]).

Взят дополнительный материал к Смоленскому Областному словарю В.Н. Добровольского[5] (около 200 слов), материалы по смоленскому некрополю, куда внесены были надгробные надписи всех смоленских кладбищ, также усадебных и некоторых сельских. Просидев в ГПУ четверо суток, был препровожден в Американку и посажен в одиночную камеру № 13. Здесь сидел до марта 1934 г. Почти каждую ночь возили на допрос в ГПУ.

В марте 1934 г., меня перевели в большой корпус и посадили в камеру смертников. Следователь Афанасьев «утешил»: «Отсюда нераскаявшихся врагов Советской власти

– в расход…». На закоптелых стенах камеры выцарапанные, а также написанные карандашом и кровью потрясающие душу надписи.

Трое суток сидел, ходил, лежал. Ночами ждал, когда откроется железная дверь и скажут роковое – «выходи». В Великий четверг (На Страстной неделе) в 10 часов утра открывается камера, входит неизвестный мне работник ГПУ с папкой в руках. «Распишитесь в приговоре!»… Вот и конец, думал. Читаю и не верю глазам: По ст[атье] 58, п[ункт] 2 приговорен на 3 года в исправ[ительно-] трудовые лагеря. Более радостного дня в моей жизни не было и не будет, как этот четверг (числа не помню).

Деньков через десяток после приговора – в товарный вагон, до отказа набитый шпаной, и весь состав поезда – на строительство канала Москва – Волга. Не успел поезд отойти от Смоленска, как староста вагона (такая высокая должность была возложена тюремным начальством на меня) оказался целиком и полностью ограбленным. Но предстояло худшее. Перед Вязьмой моя «бригада» приняла решение: по отходе поезда от Вязьмы сломать пол в вагоне и всем до одного бежать. Что делать? Вызвать охрану – быть убитым шпаной, не сообщить о затее охране – быть расстрелянным. И так и этак – конец. Поезд дошел до Вязьмы. Открывается вагон и раздается команда: – «П[алашенков] выходи с вещами». Я вышел (от вещей староста был освобожден). Выведены были и из других вагонов, всего человек пятнадцать, в основном интеллигенция. Окруженные штыками пошли в сторону города. Многие подумывали, что доведут до кустарника и там расстреляют. Нет. Подошли к Вяземской тюрьме (17 окт[ября] 1905 г., состоя воспитанником Алферовской учит[ельской] семинарии[6], я вместе с однокашниками, гимназистами и двумя офицерами (один по фамилии Кошкин) принимал энергичные действия

Алферовская учительская семинария, где учился А.Ф. Палашенков. Смоленск. Конец XIX в.

по освобождению из этой тюрьмы политических). Те же железные ворота, которые снимал с петель, кирпичные стены, будки дозорные с часовыми, но я в другой роли, подумал, стоя перед тюрьмой. Дней 12 сидели в тюрьме, а потом на вокзал, в арестантский вагон и в Смоленск. В Смоленске посадили всех нас в общую камеру тюрьмы. Вскоре – медицинское освидетельствование, которое производил известный смоленский врач Неверович. Недели через две – опять на воинскую платформу, в вагон и в путь-дорогу.

Привезли в Караганду. Поместили в новом бараке. Познакомились с новыми, по несчастью, товарищами. Дней 6-7 жили в бараке. После тюрем и вагонов здесь было лучше, привольней.

Во второй половине погодливого июньского дня нас построили в ряды, окружили стрелками (из шпаны, им было доверие, они социально вредные, а мы, политические – социально опасные, – так членились преступники), и по дороге, уходящей в беспредельную степь, погнали в центр карагандинских лагерей – с[ело] Долинское, Долинку. Здесь

были: придворный художник П.И. Нерадовский[7], нарком просвещения Казахстана, научные работники Эрмитажа, Русского музея, артисты киевских театров, профессор-химик Карташов[8], литературный работник И.М. Картавцов[9] и многие, многие им подобные. Помнится чудесный вечер, залитый огненно-красным светом запад. Мы плелись, понуря поседевшие головы. У многих были слезы на глазах. Нельзя было не вспомнить:

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Вздымают дорожную пыль...

На нас, ошельмованных, надеты были более тяжелые и страшные цепи. Что же

Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду...

На ночлег нас загнали в какой-то степной барак. А утром опять поплелись по степной дороге.

Пришли в Долинку, на огражденную колючей проволокой территорию. Ждали «назначения». Всем хотелось остаться в центре, в Долинке. (Владения лагеря – целое государство: 400 км на 300 км). О моем прибытии узнал заключенный А.Д. Щепановский – муж моей бывш[ей] научн[ой] работницы. Он уже три года работал в агрохимлаборатории лагеря. А.Д. Щ[епановский] попросил своего товарища по несчастию начальника НИСа (научно-исслед[овательский] отдел лагеря) Н.К. Магницкого оставить меня в Долинке. И вот я стал метеорологом, наблюдателем. Станция находилась в степи, вне ограждения. Все ее работники заключенные – соцопасные. Во главе станции стоял опытный старик Н.С. Яхонтов[10]: десятилетник из Рязани. Здесь, кроме меня, находились: епископ Алма-Атинский Герман (племянник б[ывшего] прокурора Свят[ейшего] Синода Саблера)[11], викарный епископ Московский митрополит Николай Руднев[12], священник М.Ф. Малиган из черниговской епархии, преподаватель Харьковск[ой] гимназии А.Н. Осадчий и др[угие]. Месяца 3-4 работал на станции. А потом последовал приказ по лагерю о назначении меня начальником музея. Собственно говоря, никакого музея еще не было. Нужно было организовать, отразив в музейной экспозиции – «Переделку природы и перековку человека». Получил помещение, подобрал нужный штат, предложено было всем многочисленным хозяйственным и научно-исследов[ательским] учреждениям лагеря оказывать нужное содействие. Через 3 месяца музей был открыт. Пошли посетители. Моими заместителями являлись профес[сор] московского Университета П.С. Богословский[13] и б[ывший] директор Житомирского Педагогического Института В.Ф. Гоца[14]; сотрудники музея – М.А. Фриде (ленинградская музейная работница, дочь б[ывшего] Верненского военного губернатора), проф[ессор] Харьковского Университета, бывш[ий] завед[ующий] музейным отделом Наркомпроса П.И. Гриневич, художники П.И. Нерадовский, П.С. Каменский, Стерлигов, Сыров, Ермолаева и обслуживающий персонал. Жил я при музее.

Смоленский краевед С.М. Яковлев

В конце марта 1936 года я освобождаюсь. Трогательные проводы, слезы. Страшно было начинать жизнь с грязным тюремным пятном, с пятном государственного преступника. Кому нужен? Из Казахстана поехал в Сибирь в г. Тюмень. На работу боялись принимать. Стал делать модели для местного музея. На мое счастье, в Тюмень приехал из Омска

крупный партийный работник и любитель истории[15]. Ему сказали обо мне. При первой же встрече он предложил мне поехать в Омск. Я согласился. В Омске он поставил меня научным руководителем музея, устроил с квартирой.

С весны 1937 года начались поездки по области, которая протянулась от границ Казахстана до острова Белого – свыше 3,55 тыс[яч] км. Обследовал территорию б[ывшей] столицы Татарского Сибирского царства – Искер. В 1938 г. были отпущены средства на обследование исторических и архитектурных памятников старейшего города Сибири – Тобольска. Закончив обследование Тобольска, в июле того же года отправился в Заполярье, к самоедам (ненцам). И там, когда уже работа подходила к концу, меня арестовали и посадили в Салехардскую окружную тюрьму. В тюрьме встретился с известным профессором Адлером, Бруно Федоровичем, и др[угими]. Стало известно, что все, кто имел политическую судимость, арестовывался, и им грозит расстрел. С допросов приводили избитых до потери сознания. Все волновались, нервничали. Меня не вызывали на допрос. А недели через четыре, в серый осенний день, нас всех (человек 300) вывели из тюрьмы на пароход в трюм, обращенный в плавучую тюрьму. Через 18-20 суток пароход причалил к Омской пристани. Отсюда в Омскую тюрьму, в которой сидел две недели, потом на вокзал, в арестантский вагон.

Привезли в Свердловскую тюрьму. Как-то в окно увидел клочок расположенного возле тюрьмы кладбища. Как я в это время позавидовал тем, кто лежал под могильными холмиками. Неотступно мучила мысль, где и когда начнут пытать. Через неделю опять на вокзал, опять арестантский вагон. Куда везут – не говорили. Наконец, и Москва. Думал, что вновь придется побывать на Лубянке (сюда меня привозили из Смоленска, когда сидел в [А]мериканке). Нет, повезли дальше – в Смоленскую тюрьму.

Пока из Заполярья довезли меня до Смоленска ([минуло] 3 месяца) произошли большие перемены. Не стало верного соратника родного отца и учителя Ив[ана] Вас[ильевича] Ежова. По-человечески стали относиться в тюрьме, избиения, пытки на допросах прекратились. Многие из тех, кому угрожала смерть, освобождались. Тюрьма разряжалась. Многие из тех, кому угрожала смерть, освобождались. Дней через десяток по прибытии в тюрьму меня повезли в ГПУ, в кабинет начальника следственной части т. Фоменко – вежливого, культурного человека. Через дней шесть я вновь был в кабинете [Ф]оменко. В конце беседы он заявил, что вечером освободят из тюрьмы. «Работайте также честно, как работали, оставляйте Сибирь и переезжайте в Смоленск…».

Светлой морозной декабрьской ночью 1938 г. я расстался с тюрьмой. Теперь несколько слов из истории охраны памятников [на Смоленщине].

1. Как-то утром сторож крепостной стены П.В. Биневич доложил мне, что комсомольцы разрушили памятник Кутузову на бульваре 1812 года. Скоро придет машина, и бюст будет отвезен на завод Калинина. Я попросил Биневича, как можно скорей пойти в д[еревню] Ясеная за ломовым извозчиком С.М. Яночкиным. Сам пошел на бульвар. Бюст Кутузова лежал на земле, постамент на котором стоял бюст, опрокинут, валялись обломки кирпича, несколько деревянных плашек. Вскоре приехал ломовой извозчик с Биневичем. Бюст погрузили на телегу – и на соборный двор. В музее я побоялся бы ставить его. Обесславленного фельдмаршала поставил в темный угол подвального помещения Предтеченской церкви, где он и находился до конца 1938 или начала 1940 г. Вновь поставили его на старом месте на гранитном четырехграннике, снятом с могилы отца декабриста П.И. Пестеля – Ив[ана] Борис[овича] Пестеля, похорон[енного] на б[ывшем] Немецком кладбище.

2. Будучи членом комиссии, выделенной для решения вопроса о ликвидации (как храма) Смоленского Успенского собора и использовании помещения, я в единственном лице остался при особом мнении: сохранить в неприкосновенном виде редчайшую резьбу собора-иконостаса, киотов, царского места и др[угого]. Остальные члены Комиссии считали единственно разумным – освободить помещение собора от этого «хлама», побелить стены, своды и предоставить собор под цирк. Меня поддержала Москва. Собор закрыли, сохранив иконостас и живопись.

Памятник героям Отечественный войны 1812 г., спасенный А.Ф. Палашенковым. Смоленск. Современный вид

3. Я стоял в кабинете Зам[естителя] Председателя Облисполкома т[оварища] Кляво-Клявина. Решительным тоном Кл[яво]-Кл[явин] заявил, что стране нужен металл, чугун. В городе торчит никому ненужный с крестом и царскими гербами памятник (1812 г.), в соборе застлан чугунными плитами пол, подобные же плиты имеются и в других местах. Составьте акт на разборку памятника и снятии плит. Я попытался возразить. Но куда там. Чтобы чугун был. Больше говорить об этом не будем, – властно заявил Заместитель. Завед[ующий] Обл[астным] Отделом Нар[одного] Образования Н.И. Костромин, к которому я обратился за советом и помощью, заявил, что он бессилен помочь в спасении памятника: Кляво-Клявин не отступит от своего решения.

Немедля я отправился на речку Лосминку (в 3-4 км от г. Красного) ознакомиться с состоянием памятника, совершенно тождественного со смоленским памятником 1812 г. Оказалось, памятник дал большой наклон. Каменный цоколь местное население разбирало на хозяйственные нужды, было уже сорвано несколько чугунных плит (до 1918 года при памятнике находилась кирпичная избушка, в ней жил, получая небольшое жалованье от земства, севастопольский солдат). На сохранение памятника нужны были средства. А разве можно было ставить вопрос об отпуске их. Приехал в Смоленск, взвесил все – и скрепя сердце принес в жертву краснинский памятник, смоленский сохранил. (Из пяти быв[ших] памятников, совершенно одинаковых, – к 150-летию уцелел только памятник в Смоленске).

4. Были нелады с ГПУ. В мое отсутствие ими были сбиты зубцы на крепостной стене у бульвара 1812 г., в притык к стене, не считаясь с положением об охране крепостной стены, сделали веранду. Против беззаконных действий я резко возражал, протестовал. Тучи сгущались. И, наконец, я на допросе. Он начался с обвинения меня в противодействии проведению мероприятий Советской власти, прячу в подвалах «генералов», спасаю царские памятники (1812 г.), направляю свои контрреволюционные силы на сохранение церквей, помещечьих домов, ненужных развалин («Думаешь, что все это вернется назад…») и все в таком духе. Свыше 100 допросов выдержал.

Правда, ни одним пальцем меня никто из следователей не тронул. Я счастливец. Зато много ночей пришлось сидеть на обвинительном стуле.

Теперь все это далеко позади. Сибирь, Омск меня возродили. Да, я много, не жалея сил, работал. Но мной и дорожили. Я был единственным беспартийным руководителем областным учреждением (Обл[астным] музеем) в городе. И Обком партии и Облисполком отмечали меня своими грамотами. В день 40-летия научно-просветительской деятельности секретарь Обкома партии за своей подписью в Областной газете поместил похвальную статью[16]. До выхода на пенсию (июнь 1957 г.) я много писал в местные газеты, журналы, много помогал «соискателям кандидатской степени».

Иконостас Смоленского Успенского собора, спасенный А.Ф. Палашенковым. Современный вид

За 25 лет работы в Сибири собрал большой материал. Понемногу начинаю обрабатывать. Сейчас готовлю к печати «Памятные места и памятники Омской области»[17] (листов 20 печ[атных][18], около 200 фото, рис[унков], чертежей). Правда, вопрос с печатанием в настоящее время довольно сложный.

Нужно сознаться, с обработкой материалов медленно идут дела. Я, несмотря на свои годы[19], большой непоседа. Почти все лето скитаюсь. Совсем недавно вернулся с далекой дороги, что задержало, Вам, дорогой Сергей Малахиевич, ответ.

На машине совершил путь от Омска до предгорья Тянь-Шаня, всего около 10 тыс[яч] км[20]. Признаться, порядком устал. Хотелось, как можно больше видеть, записать. На склонах гор частенько морозился, в степях, пустынях огнем палило солнце, в ущельях ветер валил с ног, мочил дождь, снег. Зато как приятно было в теплую ночь лежать под звездами, видеть нетронутые человеком картины природы, продвигаться по забытым долинам, по которым двигались дикие полчища азиатских завоевателей в Европу, шагать по тропам славных соотечественников – Семенова-Тянь-Шанского, Пржевальского, Мушкетова и многих др[угих].

Очень доволен, что осуществил давнишнюю свою мечту – преклонил старые свои колени перед могилой великого земляка. Неизгладимое впечатление оставили места, связанные с последними днями жизни путешественника, где в зените своих подвигов рухнул этот могучий дуб. Согласно воле Николая Михайловича, он похоронен на открытом выступе коренного берега, поднимающегося над темно-синим плесом озера Иссык-Куль на 71 м. На могиле гранитная плита с изображением шестиконечного креста и надписью: «Путешественник Н.М. Пржевальский. 1839 – 1888». Очень хорошо, что памятник сооружен не на могиле, а в 7-8 м от нее. Красивая идея вложена в содержание памятника. В недалеком расстоянии от могилы в небольшом, но милом каменном домике – музей Н.М. Пржевальского. Прилегающая территория озеленена – цветы, деревья, кустарники, проходят дорожки. Каждый метр благоустроен. Прощаясь с могилой, не мог удержаться от слез.

А вот что было в 1921 г. По распоряжению Председателя Горисполкома г. Каракола (до революции город именовался, как и ныне называется, Пржевальском), к памятнику было пригнано 28 пар волов, цепями опоясали венчающего памятник орла. Сделана была попытка разрушить памятник «генералу-кровопийце». К счастью, цепи оборвались, и многотысячная толпа постепенно стала расходиться, боясь, что памятник взорвется. А как много еще и ныне таких председателей на Руси!...

Вы, мой родной, пишите, что нужно всеми силами запечатлеть на бумаге, все, что сохранилось в нашей памяти о незаслуженно забытых людях, об их делах и судьбах. Я согласен с Вами. Очень жалею, что, по обстоятельствам, от меня независящим, отошел от смоленской тематики. 30 лет живу на чужбине, вдали от родного города. Правда,

мыслями часто переношусь на истоптанные еще резвыми ногами берега Днепра. Читаю все, что доходит до меня о городе, его людях. Вашу книжку «Пионер русской авиации Глеб Васильевич Алехнович»[21] прислала мне из Смоленска племянница[22]. С большим интересом прочитал ее. Прекрасно, любовно написана. Подолгу смотрел на помещенные иллюстрации. Все родное, дорогое. Помню домик, в котором жила Надежда Васильевна[23] и бывал Глеб Васильевич[24]. (Кстати, где Надежда Васильевна?). Да, не стало знакомых домиков, не стало друзей. Во время немецких налетов погибла библиотека, находившееся в квартире брата (ул. Пржевальского) и у сестер в Садках[25]. Больно вспомнить. В библиотеке хранились фотографии почти всех – больших и малых – дворянских гнезд и храмов Смоленской губ[ернии], фотоснимки интересных в том или ином отношении надгробных памятников, многих сельских кладбищ с теремками и голубцами, фотографии народных певцов, песенниц, сказителей, слепцов-лириков, песенника Крючкова с дудой. Отыскал его в Бельских лесах большой любитель и знаток народного творчества Н.И. Савин. От него Н.И. записал песню:

На проходе уси весела и наши деньки.
Наступають слизовыи на нас времена:
Сушуть, крушуть жен хороших
Чудныи мужья...

А.Ф. Палашенков во время экспедиционной поездки по Омской области. 1950-е гг.

Хранился в библиотеке небольшой ящик с бумагами из архива историка М.П. Погодина, временно переданного внуком академика, милым М.И. Погодиным. Кроме того: исключительно интересная переписка[26] Н.А. Хомякова[27] (б[ывшего] Председателя Гос[ударственной] Думы) с О.А. Вонлярлярской[28] (Предс[едательницей] Смол[енского] Губ[ернского] Общ[ества] Красного Креста). Переписка была передана мне О.А. В[онлярлярской] с условием хранить у себя до ее смерти, а затем поступить как заблагорассудится. Записки о Смоленске сына свящ[ен]н[ика] Никольской ц[еркви] Васильева (нач[ала] XIX ст[олетия]. Связки писем и автограф конца XVIII нач[ала] XIX стол[етия], собранных в разоренных усадьбах и др[угое]. В библиотеке была подобрана литература о Смоленске и Смол[енской] губ[ернии], можно сказать с исчерпывающей полностью, книги церк[овно]-слав[янской] печати – Киевской, Львовской, Черниговской, Московской, Могилевской и др[угих] XVI – XVIII в[еков], библии на еврейском, греческом, английском (с прекрасными цветными иллюстрациями), славянском и русском языках, Кораны на пергаменте XVIII в[ека] из Мисхора[29], первые издания – история Карамзина, Соловьева, Костомарова, Багалея, Бестужева-Рюмина, Платонова, Ключевского, мн[огих] др[угих] ценных изданий.

Об утрате хорошего рояля, фисгармонии[30], нескольких пар свирелек, расписанных Зиновьевым А.П. и Мишоновым А.П. меньше тужил.

Из Смоленского научного имущества случайно уцелели: альбом с акварельными рисунками видов Новоспасского, исполн[енных] внучкой М.И. Глинки – В.Н. Глинкой, письма декабриста П.П. Пасека, переданные мне его родственницей Л.В. Тарасовой, фотографический портрет М.И. Глинки с подписью Л.И. Шестаковой, тетрадочка

с описанием колоколов соборной колокольни и тетрадочка с описанием надгробных памятников, находившихся с восточной и сев[ерной] сторон главного храма б[ывшего] Возн[есенского] монастыря. Здесь была могила А.И. Энгельгардта и его трагически погибшей супруги, последней представительницы рода Реадов – Софьи Яковлевны Энгельгард (говорили, что Л.Н. Толстой использовал трагический конец С[офьи] Я[ковлевны] в «Анне Карениной», но это неверно).

Когда сообщили мне о гибели библиотеки, я дал слово ничего не приобретать из книг, картин и т[ому] п[одобного]. Не сдержал слово. Опять обзавелся небольшой (тысячи в полторы книг) библиотечкой[31], преимущественно сибиряки. Основное же мое богатство – материалы к энциклопедии Прииртышья.

Надо сказать, дорогой Сергей Малахиевич, я не так «требователен» к людям, как Вы. Я не брезгую и такими «земляками», как Распутин[32] (собрана большая папка материалов о нем[33]) или секретарь, взорвавший собор Петровских времен, и им подобные. Это для будущих поколений: «Вот ратоборцы», – так нерожденные скажут, – «слава» их не погибнет во веки» (Гомер).

Великий страдалец за старину – наш земляк Петр Дмитриевич Барановский[34] – член комитета по охране памятников при Мин[истерстве] Культ[уры] СССР. В области древней архитектуры, он является одним из крупнейших специалистов страны. (Его следовало б[ы] Вам внести в очерковый список) и вряд ли кто столько знает о Федоре Савельевиче Коне[35], как П[етр] Д[митриевич]. Он полжизни отдал сохранению Болдинского монастыря[36], основным строителем которого является Конь. Вам нужно установить связь с П[етром] Д[митриевичем]. Он честнейший и чистейший души человек, но к незнакомым бывает иногда излишне подозрителен. (Объясняется это тем, что его много раз «обворовывали» специалисты). Хорошо, если бы всем нам дорогой Иван Сергеевич[37] написал ему о Вас. Одновременно с этим письмом я посылаю и ему, П[етру] Д[митриевичу], письмо, которым, я знаю, он будет недоволен (я отклоняю одно его предложение – взять на себя непосильные для меня обязанности). Вследствие этого я пока умолчу о Вас.

П[етр] Д[митриевич] живет на территории Новодевичьего Монастыря. Писать ему по такому адресу: Москва, Красная Площадь, Государственный Исторический Музей. Петру Дмитриевичу Барановскому, или – Марии Юрьевне Барановской для передачи П[етру] Д[митриевичу] Б[арановскому].

Наступила зима, пять с лишним месяцев снег, холодное солнце. Не люблю этой поры. Обычно сижу в городе, больше на квартире. Просматриваю летние полевые записи, разбираю вещевой материал, немного пишу, немного читаю. Капризен, под старость, стал к книге. Художественную литературу наших дней мало читаю. Люблю мемуары, воспоминания, записки, переписку, биографии, путешествия и т[ому] п[одобное]. Как, видимо, и все в старости – ухожу в воспоминания. По возвращении с поездок 2 – 3 дня чувствую себя в домашней обстановке хорошо. А потом начинаю скучать о просторах, звездах, костре, скучаю о свободе, нередко суровой, с рядом лишений. 1 апреля 1961 г. собирался отправиться в пешеходное путешествие по маршруту «Омск – Петропавловск – Свердловск – Казань – Москва – Ленинград – Смоленск». За 3 недели до выхода поскользнулся, свернул ногу. Поход, к моей печали, сорвался. Нога и до сих пор еще не в порядке, хотя я и взбираюсь на довольно высокие горы.

В первой половине апреля, буду жив и здоров, полагаю быть на Пленуме Института Археологии Академии Наук. Приятно было бы прямо из Москвы – в Ленинград. Очень хочу встретиться со всеми Вами. Поверьте, Вы все мне как родные братья. Спасибо за память, за сердце.

Мой низкий поклон глубокоуважаемой Надежде Константиновне и всему Смоленскому землячеству.

Всего, всего хорошего

14 ноября 1962 г[ода]. Ваш А. Палашенков.

г. Омск

Автобиография[1]

[1940-е гг. ?]

ПАЛАШЕНКОВ, Андрей Федорович

Сын крестьянина с[ела] Надвы, б[ывшего] Смоленского уезда. Родился в 1886 г. После окончания 2-х классной школы был оставлен для подготовки в Алферовскую учительскую семинарию. По окончании в 1907 году семинарии стал работать в качестве народного учителя – сначала в земских школах б[ывшей] Смоленской губернии, а затем в школах М[инистерства] Н[ародного] П[росвещения] б[ывшей] Киевской губернии.

В 1913 г., в связи с поступлением в Московский Археологический Институт, перешел учителем приготовительного класса гимназии. Не прерывая педагогической деятельности – выдержал экзамен на уездного учителя, окончив два факультета (археологический, археографический) института и прослушал курс словесно-исторического отделения института Народного образования.

По ликвидации гимназии работал в Советских школах и школах Орл[овско]-Вит[ебской] и М.Б.Ь.[I] ж[елезной]д[ороги] в качестве преподавателя.

В 1925 году прекратил педагогическую работу[II], полностью перешел на работу в Смоленский Государственный музей, где начал службу в 1921 году.

В музее работал в качестве научного сотрудника и заведывающего историко-археологическим музеем, музеем историко-революционным, композитора Глинки, искусства и древностей. Первые три музея организованы мной. В начале 1927 г. распоряжением Главнауки Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения] был назначен директором и председателем ученого совета Государственного Музея, объединявшего 5 музеев в г. Смоленске, кроме того, Дорогобужский, Алексинский (музей усадьбы) и Болдинский (бытовой).

В 1928 г., вследствие расстроенного здоровья, ходатайствовал перед Наркомпросом об освобождении от административных обязанностей. Был назначен заведывающим музеем, а потому инспектором и уполномоченным Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения] по охране памятников Западной области. В 1930 году утвержден членом Зап[адного] Обл[астного] Бюро краеведения, а через год – ученым секретарем Бюро. Начиная с 1930 г., работал главным образом по обследованию памятников революции, археологии и истории на территории Западной области. Собран большой материал по памятникам материальной культуры области.

В 1922 году Московский Археологический Институт предложил чтение курса этнографии в Институте.

[I] *Расшифровка аббревиатуры затруднена. – Прим. сост.*

[II] *Далее вписано от руки синими чернилами над машинописной строкой:* «полностью перешел на работу». *– Прим. сост.*

С начала 1936 г. перешел на работу в Сибирь – в Тюменский музей, а с ноября того же года в Омский, где и работаю в настоящее время.

В 1934 г. привлекался к суду Тройкой ОГПУ. Реабилитирован.

С первого года педагогической деятельности (с 1907 г.) начал работать по этнографии и археологии. Сначала под руководством известного этнографа В.Н. Добровольского, а затем самостоятельно. Организовал ряд экспедиций в верховья Днепра, Зап[адной] Двины и Волги. За 30-летний период собрал большой материал по фольклору (более 6-ти тысяч песен, а также сказки, загадки, пословицы и др.), этнографии, истории и археологии.

В настоящее время прорабатываю и подбираю материал к составлению карт (археологической и палеонтологической) Омской области, а также продолжаю (начатую более 10-ти лет тому назад) работу по составлению словаря Западного края.

А.Ф. Палашенков с преподавателями Таращинского городского училища. 1912 г.

Перечень моих научных работ[I]

1. Судьба русской народной песни во 2-ой половине XIX столетия, и В.И. Добровольский. Смоленск. 1922 г.
2. Отчего Смоленск получил свое название. Смоленск 1920 г.
3. Песни-частушки. Исследование. Одобр. Москов. Арх. Институтом и присуждено звание ученого археографа. Москва 1916 г.
4. Исторический очерк г. Смоленска (Издан. Гизом в 1933 г)
5. Чем питались крестьянские дети на старой смоленщине (Доклад[II] в Географическом Общ[естве] в Ленинграде в 1928 г.). Одобрен к печати.
6. Материалы к археологической карте Западной области (Рукопись а 30 печ[атных] листов., с фотографиями и чертежами).
7. Внешний облик старой Смоленской деревни (Рукопись с фотографиями и рисунками в[III] 5 печ[атных] листов. Отрывки напечатаны в газете «Рабочий путь»).
8. Пища населения крепостной смоленщины, 60 стр. 5 фото. Смоленск 1924 г.

[I] *Словосочетание* «моих работ» *вписано карандашом над машинописной строкой, после слова* «работ» *зачеркнуто* «Палашенкова А.Ф.». – *Прим. сост.*

[II] *Далее чернилами зачеркнуто «чита». – Прим. сост.*

[III] *Предлог вписан синими чернилами поверх предлога* «на». – *Прим. сост.*

9. Земельные знаки собственности, 25 стр. 45 рис. Смоленск 1927 г.
10. Смоленская духовная караульня, 14 стр. 4 фото. 3 рис. Смоленск 1932 г.
11. Охрана памятников старины и революции. Смоленск 1931 г.
12. Шумячские гончары и их изделия. 19 стр. 3 фото и[I] 2 чертежа. Смоленск 1927 г.
13. Демидовский вертеп-театр (рукопись в 5 печатн[ых] листов)
14. Смоленские свирельники и лирники. 23 стр. 8 фото. Смоленск 1926 г.
15. Древние пути-дороги Смоленской земли. К проблеме Днепра и Волги. 37 стр. 69 фото, и 5 рис. 1 чертеж. Смоленск 1933 г.
16. Архитектура, скульптура и литература Смоленского некрополя. 104 стр. 14 фотограф. 6 рисунков. Смоленск 1923 г.
17. Народный именник Смоленского края. 68 стр. Смоленск 1926 г.
18. Десять сказок Артема Ивановича Гапеенка. 48 стр. 2 фото. Смоленск 1924 г.
19. Песни ушедшей деревни (сборник песен) 1932 г.
20. Сборник частушек (6 000 частушек) 1933 г.
21. Смоленский Областной Словарь. Рукопись. Более 1800 карточек.
22. Этнографические памятники Верхнего Поднепровья. Альбом с пояснительным текстом. 20 страниц.
23. Составлено несколько десятков анкет и программ по изучению говоров, регистрации и обследованию памятников материальной культуры[II].

[I] *Далее вписано синими чернилами над строкой* «2 чертежа». – *Прим. сост.*

[II] *Далее поставлена подпись синими чернилами и в круглых скобках набрана машинописным текстом фамилия* «Палашенков». – *Прим. сост.*

Приложения

Перечень музейных предметов, связанных с биографией А.Ф. Палашенкова, в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея

Документы к биографии

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
1	ОМК-14802/7	Удостоверение. Выдано тюрьмой ОМЗ УНКВД управления НКВД по Смоленской области Палашенкову Андрею Федоровичу. СССР, РСФСР, г. Смоленск	26 декабря 1938 г.	1
2	ОМК-13408/1	Трудовая книжка. Выдана Омским областным музеем на имя Палашенкова А.Ф. СССР, РСФСР, г. Омск	2 апреля 1939 г.	8
3	ОМК-14802/10	Уведомление бухгалтера ОО НКВД о том, что деньги, конфискованные у Палашенкова А.Ф. при обыске, направлены в финансовый отдел УНКВД по Омской области.	22 апреля 1939 г.	1
4	ОМК-14802/13	Квитанция. Выдана Ямало-Ненецким окружным отделом НКВД о принятии у гражданина Палашенкова А.Ф. денег.	29 августа 1939 г.	1
5	ОМК-14802/9	Заявление Палашенкова А.Ф. в финансовый отдел Омского областного отдела НКВД о возврате изъятых у него при обыске денег. СССР, РСФСР, г. Омск	2 ноября 1939 г.	1
6	ОМК-14802/11	Справка. От старшего бухгалтера финансового отдела УГБ УНКВД г. Омска об отправлении личных денег Палашенкова А.Ф. в финотдел по Смоленской области. СССР, РСФСР, г. Омск	2 ноября 1939 г.	1
7	ОМК-15458/2	Удостоверение. Выдано администрацией Омского областного краеведческого музея научному работнику Палашенкову А.Ф. в том, что ему предоставляется очередной отпуск с 1 по 22 июня 1940 г. СССР, РСФСР, г. Омск	29 мая 1940 г.	1
8	ОМК-15458/3	Справка. Выдана администрацией Омского областного краеведческого музея научному работнику Палашенкову А.Ф. в том, что он отправляется в г. Свердловск в связи с получением извещения о смерти племянника красноармейца Олега Палашенкова. СССР, РСФСР, г. Омск	29 мая 1940 г.	1
9	ОМК-13408/387	Страховое удостоверение. Т № 813358. Выдано Палашенкову А.Ф. Главным управлением государственного страхования «ГОССТРАХ». СССР, РСФСР, г. Омск	10 апреля 1941 г.	6
10	ОМК-13408/388	Страховое удостоверение. Б № 815151. Выдано Палашенкову А.Ф. Главным управлением государственного страхования «ГОССТРАХ» СССР, РСФСР, г. Омск	10 января 1940 г.	6
11	ОМК-13408/389	Страховое удостоверение. Т № 799716. Выдано Палашенкову А.Ф. Главным управлением государственного страхования «ГОССТРАХ» СССР, РСФСР, г. Омск	10 февраля 1942 г.	6

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
12	ОМК-13408/390	Временное удостоверение. Выдано Куйбышевским Райсоветом Осоавиахима Палашенкову А.Ф. об окончании обучения на ПВХО V ступени. СССР, РСФСР, г. Омск	2 апреля 1942 г.	1
13	ОМК-13408/386	Пропуск. Выдан Омским областным краеведческим музеем Палашенкову А.Ф. на право входа на территорию музея. СССР, РСФСР, г. Омск	18 мая 1944 г.	1
14	ОМК-13408/5	Почетная грамота. От Географического общества СССР Палашенкову А.Ф. за большую работу в Омском отделе общества и в связи с 60-летием со дня рождения. 1946 г. СССР, РСФСР, г. Москва	1946 г.	1
15	ОМК-14802/8	Автобиография Палашенкова А.Ф. Содержит сведения до 1 ноября 1947 г. СССР, РСФСР, г. Омск	1 ноября 1947 г.	1
16	ОМК-13408/426	Читательский билет. Выдан Палашенкову А.Ф. Государственной публичной библиотекой имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. г. Ленинграда для входа в залы для научной работы. № 2471. СССР, РСФСР, г. Ленинград	1947 г.	2
17	ОМК-15459/3	Читательский билет. Выдан Палашенкову А.Ф. администрацией Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В.И. Ленина. СССР, г. Москва. Типограф. экз., рукописн.	29 ноября 1948 г.	2
18	ОМК-13408/446	Автограф Палашенкова А.Ф. на штемпеле Омского областного музея. СССР, РСФСР, г. Омск	27 мая 1956 г.	1
19	ОМК-13834/1	Поздравительный адрес. От Омского Отдела Всесоюзного Географического общества Палашенкову А.Ф. в связи с 70-летием со дня рождения. СССР, РСФСР, г. Омск	1956 г.	1
20	ОМК–15474	Автобиография. Палашенков Андрей Федорович. [1936 – 1957 гг.]. СССР, РСФСР, г. Омск	1957 г.	2
21	ОМК-13408/7	Выписка из истории болезни. Результаты обследования желудка и грудной клетки гр. Палашенкова А.Ф. Областная клиническая больница. СССР, РСФСР, г. Омск	1957 г.	1
22	ОМК-13408/9	Рукопись. Палашенков А.Ф. Скорбные строчки (об обстоятельствах смерти близких родственников). СССР, РСФСР, г. Омск	1958 г.	11
23	ОМК-13408/2	Рукопись. Палашенков А.Ф. Надва и наша семья (воспоминания о близких родственниках). СССР, РСФСР, г. Омск	1959 г.	13
24	ОМК-13408/40	Дневниковые записи. О поездке в Смоленск Палашенкова А.Ф. Смоленск – Омск. Рукописн.	январь – март 1962 г.	16
25	ОМК-13408/82	Дневниковые записи Палашенкова А.Ф. (описание поездки в Москву и в Смоленск). Омск – Москва – Смоленск	март – апрель 1964 г.	6
26	ОМК-13408/384	Бланк пригласительного билета. На заседание Омского отдела Всесоюзного Географического общества при АН СССР, посвященное 80-летию со дня рождения Палашенкова А.Ф. СССР, РСФСР, г. Омск	1966 г.	1
27	ОМК-13408/10	Рукопись. Палашенков А.Ф. Сведения о биографии родственников и членов семьи. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	6
28	ОМК-13408/11	Рукопись. Палашенков А.Ф. Примечания к биографии. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	6
29	ОМК-13408/12	Рукопись. Палашенков А.Ф. Заметки. Дополнить биографию. Село Надва. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	16
30	ОМК-13408/6	Рукопись. Палашенков А.Ф. «30-го апреля иду на вокзал...» СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	1
31	13408/272	Газета «Звезда Прииртышья» № 231 со статьей В. Яковлева «По следам веков минувших» о деятельности Палашенкова А.Ф. СССР, КССР, г. Павлодар	20 ноября 1970 г.	2

Документы служебной и общественной деятельности

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
32	ОМК-13408/247	Приглашение. От Омского областного управления культуры, Омского отделения Союза художников РСФСР, Омского отделения Художественного фонда РСФСР Палашенкову А.Ф. на открытие областной выставки произведений омских художников, посвященной 250-летию г. Омска.	10 августа 1966 г.	1
33	ОМК-13408/ 392	Пригласительный билет. На имя Палашенкова А.Ф. и программа научной конференции Сибирского НИИ зернового хозяйства.	14 апреля 1951 г.	4
34	ОМК-13408/394	Пригласительный билет. От отдела пропаганды и агитации Обкома ВКП(б) и Обкома ВЛКСМ Палашенкову А.Ф. на совещание писателей Омской области.	25 июня [1947-1952 гг.]	1
35	ОМК-13408/ 395	Пригласительный билет. От Омского городского комитета ВКП(б) и редакции газеты «Омская правда» Палашенкову А.Ф. на торжественное заседание, посвященное Дню большевистской печати. СССР, РСФСР, г. Омск	5 мая [1940-е гг.]	1
36	ОМК-13408/ 396	Пригласительный билет. От Областного Совета Союза Воинствующих безбожников Палашенкову А.Ф. на заседание президиума Областного Совета СВБ. СССР, РСФСР, г. Омск	4 октября 1940 г.	1
37	ОМК-13408/ 397	Пригласительный билет. От Оргбюро ЦК союза работников политико-просветительных учреждений Палашенкову А.Ф. на областную конференцию Союза работников политико-просветительных учреждений. СССР, РСФСР, г. Омск	9 декабря 1945 г.	1
38	ОМК-13408/ 398	Пригласительный билет. От Омского областного комитета по радиофикации и радиовещанию при Исполкоме областного Совета депутатов трудящихся Палашенкову А.Ф. на общегородское собрание партийных, советских и общественных организаций, посвященное 20-летию советского радиовещания. СССР, РСФСР, г. Омск	5 февраля 1945 г.	1
39	ОМК-13408/ 399	Пригластиельный билет. От администрации Бийского краеведческого музея Палашенкову А.Ф. на торжественное заседание, посвященное 25-летию музея. СССР, РСФСР, Алтайский край, г. Бийск	3 ноября 1945 г.	1
40	ОМК-13408/ 400	Пригласительный билет. От областной библиотеки имени А.С. Пушкина Палашенкову А.Ф. на конференцию читателей. СССР, РСФСР, г. Омск	8 апреля [1949 г.]	1
41	ОМК-13408/ 401	Пригласительный билет. От Омского областного отдела по делам искусств, областного отдела культпросветработы и областного Дома народного творчества Палашенкову А.Ф. на закрытие выставки народного изобразительного искусства. СССР, РСФСР, г. Омск	19 сентября 1949 г.	1
42	ОМК-13408/ 402	Пригласительный билет. От областной библиотеки имени А.С. Пушкина, областной партийной школы, факультета языка и литературы пединститута им. А.М. Горького Палашенкову А.Ф. на художественно-литературный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. СССР, РСФСР, г. Омск	28 мая 1949 г.	1
43	ОМК-13408/ 403	Пригласительный билет. От агитколлектива избирательного участка № 73 Палашенкову А.Ф. на вечер избирателей. СССР, РСФСР, г. Омск	26 февраля 1950 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
44	ОМК-13408/ 404	Пригласительный билет. От городского Совета юных пионеров Палашенкову А.Ф. на слет юных натуралистов. СССР, РСФСР, г. Омск	17 сентября 1950 г.	
45	ОМК-13408/405	Пригласительный билет. От дирекции Омской областной станции юных натуралистов и опытников сельского хозяйства Палашенкову А.Ф. на праздник «День птиц». СССР, РСФСР, г. Омск	1 апреля 1950 г.	1
46	ОМК-13408/406	Пригласительный билет. От Обкома союза работников политпросветучреждений Палашенкову А.Ф. на III пленум обкома Союза работников политпросветучреждений. СССР, РСФСР, г. Омск	31 октября 1951 г.	1
47	ОМК-13408/407	Пригласительный билет. От дирекции СибНИИСХоза Палашенкову А.Ф. принять участие в работе Сибирского научно-методического совещания руководящих работников сельскохозяйственных научных учреждений по земледелию и растениеводству. СССР, РСФСР, г. Омск	23 октября 1951 г.	1
48	ОМК-13408/408	Пригласительный билет. От Обкома ВКП(б) и редакции газеты «Омская правда» Палашенкову А.Ф. на областное совещание рабселькоров. СССР, РСФСР, г. Омск	5 марта 1951 г.	1
49	ОМК-13408/409	Пригласительный билет. От Омского областного комитета профсоюза работников политико-просветительных учреждений Палашенкову А.Ф. на IV пленум работников политико-просветительных учреждений. СССР, РСФСР, г. Омск	28 марта 1950 г.	1
50	ОМК-13408/410	Пригласительный билет. От исполкома Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся Палашенкову А.Ф. на совещание, посвященное итогам выставки и конкурса по садоводству и цветоводству. СССР, РСФСР, г. Омск	10 октября 1951 г.	1
51	ОМК-13408/411	Пригласительный билет. От выставочного комитета областной художественной выставки Палашенкову А.Ф. на закрытие выставки. СССР, РСФСР, г. Омск	10 октября 1951 г.	1
52	ОМК-13408/ 412	Пригласительный билет. От администрации Кировского Дома пионеров Палашенкову А.Ф. на VII районный слет пионеров, посвященный изучению родного города. СССР, РСФСР, г. Омск	29 марта 1950 г.	1
53	ОМК-13408/413	Пригласительный билет. От городского Совета юных пионеров Палашенкову А.Ф. на V слет юных пионеров г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	2 апреля 1950 г.	1
54	ОМК-13408/414	Пригласительный билет. От городского совета юных пионеров Палашенкову А.Ф. на II слет юных туристов г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	8 января 1951 г.	1
55	ОМК-13408/415	Пригласительный билет. От Омского городского отдела народного образования и горкома ВЛКСМ Палашенкову А.Ф. на заключительный концерт городского смотра детской художественной самодеятельности школ г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	8 апреля 1951 г.	1
56	ОМК-13408/ 416	Пригласительный билет. От Омского обкома и горкома ВЛКСМ Палашенкову А.Ф. на областное совещание комсомольского актива. СССР, РСФСР, г. Омск	9 апреля 1951 г.	1
57	ОМК-13408/417	Пригласительный билет. От дирекции, партбюро, местного комитета, комитета ВЛКСМ, профкома Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького Палашенкову А.Ф. на торжественное заседание, посвященное празднованию 1 мая. СССР, РСФСР, г. Омск	29 апреля 1951 г.	1
58	ОМК-13408/ 418	Пригласительный билет. От исполкома Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся Палашенкову А.Ф. на XIV сессию Куйбышевского райсовета депутатов трудящихся. СССР, РСФСР, г. Омск	23 апреля 1952 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
59	ОМК-13408/419	Пригласительный билет. От Омского областного комитета профсоюза работников культуры Палашенкову А.Ф. на II пленум обкома Союза работников культуры. СССР, РСФСР, г. Омск	12 января 1954 г	1
60	ОМК-13408/420	Пригласительный билет. От областной библиотеки имени А.С. Пушкина Палашенкову А.Ф. на литературный вечер, посвященный 300-летию воссоединения Украины с Россией. СССР, РСФСР, г. Омск	11 января 1954 г.	1
61	ОМК-13408/421	Пригласительный билет. От дирекции, партийной организации и местного комитета специального детского дома № 67 имени Омского комсомола Палашенкову А.Ф. на вечер, посвященный 35-летнему юбилею детского дома № 67. СССР, РСФСР, г. Омск	23 марта 1954 г.	1
62	ОМК-13408/422	Пригласительный билет. От Министерства культуры РСФСР и Союза художников РСФСР Палашенкову А.Ф. на творческую конференцию художников зоны «Сибирь», посвященную подготовке зональной художественной выставки «50 лет Советской власти». СССР, РСФСР, г. Омск	19 октября 1955 г.	1
63	ОМК-13408/423	Пригласительный билет. От дирекции Омской областной библиотеки имени А.С. Пушкина Палашенкову А.Ф. на торжественное открытие нового корпуса библиотеки. СССР, РСФСР, г. Омск	18 февраля 1966 г.	1
64	ОМК-13408/429	Пригласительный билет. От Областного комитета Союза работников высшей школы и научных учреждений Омской области Палашенкову А.Ф. с приглашением принять участие в работе III-й областной научно-исследовательской конференции научных работников ВУЗов и научно-исследовательских учреждений. СССР, РСФСР, г. Омск	1940 г.	1
65	ОМК-13408/430	Пригласительный билет. От ОБЛОНО и Областного института усовершенствования учителей Палашенкову А.Ф. на I областную научно-педагогическую конференцию. СССР, РСФСР, г. Омск	15 августа 1940 г.	1
66	ОМК-13408/431	Пригласительный билет. От горкома ВКП(б) и Дома партийного просвещения Обкома ВКП(б) Палашенкову А.Ф. на лекцию о международном положении. СССР, РСФСР, г. Омск	[конец 1940 – начало 1950-х гг.]	1
67	ОМК-13408/432	Пригласительный билет. От Омского отдела по делам искусств Палашенкову А.Ф. на общественный просмотр 3-й областной выставки работ омских художников, посвященный XX годовщине освобождения Сибири от колчаковщины. СССР, РСФСР, г. Омск	30 октября 1939 г.	1
68	ОМК-13408/433	Пригласительный билет. От дирекции Центрального городского сада, Совета содействия при Центральном городском саде Палашенкову А.Ф. на заседание Совета содействия. СССР, РСФСР, г. Омск	21 апреля 1948 г.	1
69	ОМК-13408/434	Пригласительный билет. От дирекции и администрации Омской областной станции юных натуралистов Палашенкову А.Ф. на открытие памятника И.В. Мичурину. СССР, РСФСР, г. Омск	1950-е гг.	1
70	ОМК-13408/435	Пригласительный билет. От научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы Палашенкову А.Ф. с приглашением принять участие в работе расширенной сессии Ученого совета института. Москва. СССР, г. Москва	1948 г.	1
71	ОМК-13408/436	Пригласительный билет. От Исполкома Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся Палашенкову А.Ф. на 26 сессию Куйбышевского райсовета депутатов трудящихся. СССР, РСФСР, г. Омск	28 сентября 1950 г.	1
72	ОМК-13408/437	Пригласительный билет. От областного выставочного комитета Палашенкову А.Ф. на Омскую областную выставку сельского хозяйства. СССР, РСФСР, г. Омск	20 октября 1951 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
73	ОМК-13408/442	Пригласительный билет. От городского комитета КПСС и редакции газеты «Омская правда» Палашенкову А.Ф. на собрание, посвященное Дню печати. СССР, РСФСР, г. Омск	5 мая 1954 г.	1
74	ОМК-13408/443	Пригласительный билет. От Исполкома городского Совета депутатов трудящихся Палашенкову А.Ф. на собрание, посвященное итогам городской выставки цветоводства и садоводства. СССР, РСФСР, г. Омск	8 октября 1955 г.	1
75	ОМК-13408/444	Пригласительный билет. От обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся Палашенкову А.Ф. на I областной съезд работников учреждений культуры. СССР, РСФСР, г. Омск	1955 г.	1
76	ОМК-13408/445	Пригласительный билет. От Омского областного литературного объединения и книжного издательства Палашенкову А.Ф. на вечер памяти писателя-коммуниста Ф.А. Березовского. СССР, РСФСР, г. Омск	19 апреля 1957 г.	1
77	ОМК-15505/1	Пригласительный билет. От дирекции Омского Областного музея изобразительных искусств Палашенкову А.Ф. на открытие отдела русского искусства. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е – начало 1950-х гг.]	1
78	ОМК-15505/2	Пригласительный билет. От кафедры географии естественно-географического факультета Омского государственного педагогического и учительского института имени А.М. Горького Палашенкову А.Ф. принять участие в конференции, посвященной 50-летию со дня смерти М.В. Певцова. СССР, РСФСР, г. Омск	1952 г.	1
79	ОМК-15505/3	Пригласительный билет. Из Омского областного отдела по делам искусств Палашенкову А.Ф. на открытие выставки народного изобразительного искусства. СССР, РСФСР, г. Омск	1949 г.	1
80	ОМК-15505/4	Приглашение. От дирекции государственного музея Татарской АССР Палашенкову А.Ф. принять участие в работе расширенной сессии Ученого совета, посвященной 60-летию музея.	1955 г.	1
81	ОМК-13408/424	Членский билет. № АУ 3777790. Выдан Палашенкову А.Ф. первичной организацией ОСОАВИАХИМа при МК Омского областного историко-краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	11 декабря 1941 г.	2
82	ОМК-13408/425	Членский билет. № 3906. Выдан Палашенкову А.Ф. Куйбышевским районным комитетом Красного Креста Омской области в том, что он является членом Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. СССР. СССР, РСФСР, г. Омск	4 июля 1942 г.	4
83	ОМК-13408/427	Членский билет. Выдан Палашенкову А.Ф. Омской секцией Всероссийского общества охраны природы. СССР, РСФСР, г. Омск	1953 г.	2
84	ОМК-15459/4	Членский билет. № 2935. Выдан Палашенкову А.Ф. Всероссийским обществом охраны природы. СССР, РСФСР, г. Омск	1941 г.	2
85	ОМК-13408/238	Акт передачи дел директором Областного краеведческого музея Палашенковым А.Ф. временно исполняющей обязанности директора Бурдыгиной К.А. СССР, РСФСР, г. Омск	23 марта 1944 г.	1
86	ОМК-13408/428	Бланк пригласительного билета. От редакции газеты «Омская правда» на литературно-художественный «Четверг». СССР, РСФСР, г. Омск	1947 г.	1
87	ОМК-13408/379	Бланк пригласительного билета. От Омского областного управления культуры на вечер, посвященный 100-летию со дня смерти М.И. Глинки. 18 февраля 1957 г. СССР, РСФСР, г. Омск	18 февраля 1957 г.	1
88	ОМК-13408/380	Бланк приглашения. От оргкомитета по проведению глинковских дней на вечер, посвященный 155-летию со дня рождения М.И. Глинки г. Смоленск	31 мая 1959 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
89	ОМК-15505/6	Бланк пригласительного билета. От Омского областного краеведческого музея и Исполкома Ульяновского Райсовета депутатов трудящихся принять участие в открытии памятника П.С. Комиссарову. СССР, РСФСР, г. Омск	1948 г.	2
90	ОМК-13408/393	Пропуск. № 77. Выдан Омским горкомом ВЛКСМ Палашенкову А.Ф. на III пленум Горкома. СССР, РСФСР, г. Омск	27 апреля 1951 г.	1
91	ОМК-13408/391	Уведомление от Ученого совета СИБНИИЗХОЗА в Омский отдел ВГО Палашенкову А.Ф. о заседании Ученого совета института 5 января 1952 г. СССР, РСФСР, г. Омск	январь 1952 г.	1
92	ОМК-13408/441	Извещение. От Окружного предвыборного совещания представителей трудящихся Палашенкову А.Ф. о выборах в Верховный Совет СССР. СССР, РСФСР, г. Омск	14 марта 1954 г.	1
93	ОМК-13408/440	Извещение. От Омского отделения Всероссийского общества охраны природы Палашенкову А.Ф. на собрание членов Омского отделения Всероссийского общества охраны природы. СССР, РСФСР, г. Омск	1954 г.	1
94	ОМК-13408/376	Бланк приглашения. От Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника на торжественное заседание, посвящённое 100-летию со дня основания музея. СССР, РСФСР, Тюменская обл., г. Тобольск	8 – 10 декабря 1970 г.	1
95	ОМК-13408/383	Удостоверение делегата V съезда Географического общества СССР Палашенкова А.Ф. СССР, РСФСР, г. Москва	1970 г.	1

Документы творческой деятельности

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
96	ОМК-13408/62	Рукопись. Описание могилы П.К. Козлова на смоленском лютеранском кладбище в Ленинграде.	1963 г.	4
97	ОМК-13408/103	Рукопись. Описание могил Вознесенского кладбища. Смоленск, 1929 г. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1929 г.	40
98	ОМК-13408/104	Рукопись. Описание могил Тихвинского кладбища. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1959 г.	10
99	ОМК-13408/105	Рукопись. Описание бывшего немецкого кладбища г. Смоленска.	[1960-е гг.]	6
100	ОМК-13408/27	Рукопись. Из прошлого села Надва Катынской волости Смоленского уезда.	[1960-е гг.]	7
101	ОМК-13408/36	Рукопись. Памятники Смоленска.	[1950-е гг.[	12
102	ОМК-13408/63	Рукопись. И.Ф. Базилевский – отец Е.И. Суворовой.	[1960-е гг.]	6
103	ОМК-13408/73	Рукопись. Колокола Смоленской соборной колокольни. Смоленск, 1930 г. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1930 г.	11
104	ОМК-13408/74	Рукопись. Суворихa (биография Е.И. Суворовой). СССР, РСФСР, г. Смоленск	1958 – 1968 гг.	5
105	ОМК-13408/75	Рукопись. Черновые заметки к рукописи «Суворихa». СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1958 – 1970 гг.]	19
106	ОМК-13408/76	Рукопись. О событиях 1917 – 1919 гг. в с. Надва Смоленской губернии (черновик). СССР, РСФСР, г. Смоленск	24 декабря 1955 г.	9

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
107	ОМК-13408/78	Рукопись. Летопись событий 1918 – 1919 гг. в с. Надва Смоленского уезда.	1957 – 1958 гг.	11
108	ОМК-13408/83	Рукопись. Выписки из книг библиотеки краеведческого музея г. Смоленска. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1965 г.	10
109	ОМК-13408/84	Рукопись. Выписки из «Краткой географии Смоленской губернии» И.И. Орловского. (Издание Смоленского губернского статистического комитета 1907 г.). СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1950-е гг.]	44
110	ОМК-13408/85	Рукопись. Материалы по истории Смоленска. Вонлярово. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1950-е гг.]	12
111	ОМК-13408/86	Рукопись. Воспоминания И.Ф. Палашенковой. Записаны А.Ф. Палашенковым. 1956 г. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1956 г.	12
112	ОМК-13408/87	Рукопись. Описание строительства бани на Смоленщине. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1960-е гг.]	10
113	ОМК-13408/88	Рукопись. Воспоминания Александры Степановны (?). Записано А.Ф. Палашенковым. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1956 г.	1
114	ОМК-13408/3	Рукопись. Словник Федора Наумовича Палашенкова.	[1950–1960-е гг.]	24
115	ОМК-13408/64	Рукопись. Материалы к словнику. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1960-е гг.]	25
116	ОМК-13408/70	Рукопись. Раданица (о традициях, связанных с родительским днем). СССР, РСФСР, г. Омск	1964 г.	18
117	ОМК-13408/71	Рукопись. Пословицы, собранные в с. Надва.	[1960-е гг.]	2
118	ОМК-13408/72	Рукопись. Тексты народных песен, собранные А.Ф. Палашенковым в Смоленской области.	[1950 – 1960-е гг.]	39
119	ОМК-13408/77	Рукопись. Заметки к словарю Смоленской области. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1957 г.	8
120	ОМК-13408/79	Рукопись. Заметки по истории топонимики г. Смоленска. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1958 г.	17
121	ОМК-13408/80	Рукопись. Традиции проведения христианских праздников (записано со слов И.Ф. Палашенковой). СССР, РСФСР, г. Смоленск	1958 г.	25
122	ОМК-13408/81	Рукопись. Заметки по христианским праздникам. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1962 г.	13
123	ОМК-13408/89	Рукопись. Кукушка.	[1960-е гг.]	2
124	ОМК-13408/90	Рукопись. Старая липа.	[1960-е гг.]	6
125	ОМК-13408/91	Рукопись. Егорья (Ягорья).	1962 г.	5
126	ОМК-13408/92	Рукопись. Тексты стихов, записанных в селе Дубасище Ельнинского уезда Смоленской губернии. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1960-е гг.]	3
127	ОМК-13408/93	Рукопись. Тексты и отрывки народных песен, записанные Палашенковым А.Ф. со слов И.Ф. Палашенковой. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1955 – 1958 гг.]	3
128	ОМК-13408/94	Рукопись. Мини-рассказы Палашенковой И.Ф., записанные Палашенковым А.Ф. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1958 г.	7
129	ОМК-13408/95	Рукопись. Пасха. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1958 г.	5
130	ОМК-13408/96	Рукопись. Выписки Палашенкова А.Ф. о смоленских губернаторах. СССР, РСФСР, г. Омск	конец 1960-х гг.	1
131	ОМК-13408/97	Рукопись. Как харьковский врач Сосновский стал губернатором Смоленска. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1960 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
132	ОМК-13408/98	Рукопись. Предпоследний смоленский губернатор. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1960 г.	2
133	ОМК-13408/99	Рукопись. Иеромонах Иринарх. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1960 г.	1
134	ОМК-13408/100	Рукопись. Мини-рассказы о Н.Н. Лопатине и П.И. Энгельгарде. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1960 г.	1
135	ОМК-13408/101	Рукопись. Протоиерей Николай Качановский. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1960-е гг.]	2
136	ОМК-13408/102	Рукопись. Черновики рассказов Палашенкова А.Ф. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1960 г.	10
137	ОМК-13408/ 32	Рукопись. Исторические памятники г. Тобольска. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	апрель 1944 г.	15
138	ОМК-13408/33	Рукопись. Памятники Тобольска и их охрана. СССР, РСФСР, г. Омск	1940 г.	5
139	ОМК-13408/34	Рукопись. Там, где жила пушкинская Татьяна. Дом декабриста М.А. Фонвизина в Тобольске. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	48
140	ОМК-13408/37	Рукопись. Тобольский кремль. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	1938 г.	24
141	ОМК-13408/39	Рукопись. Докладная записка. Тобольский кремль. СССР, РСФСР, г. Омск	1939 г.	79
142	ОМК-13408/47	Рукопись. Описание могил П.А. Грабовского, А.П. Барятинского, В.К. Кюхельбекера в г. Тобольске. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	1940 г.	4
143	ОМК-13408/50	Рукопись. Материалы о городе Тобольске (выписки), (На бланке школьного классного журнала). СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	68
144	ОМК-13408/51	Рукопись. Материалы о памятниках истории г. Тобольска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	55
145	ОМК-13408/55	Рукопись. Описание Покровской церкви г. Тобольска. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	14 ноября 1940 г.	1
146	ОМК-13408/56	Рукопись. Описание беседки Архиерейского сада г. Тобольска. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	13июля 1938 г.	1
147	ОМК-13408/57	Рукопись. Описание дома трехэтажного с железной кровлей. г. Тобольск. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	1940 г.	1
148	ОМК-13408/58	Рукопись. Описание Михайло-Архангельской церкви г. Тобольска. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	ноябрь 1941 г.	1
149	ОМК-13408/59	Рукопись. «Прошло 9 лет с момента казни 13-ти...» [о захоронении останков казненных заключенных Тобольской тюрьмы в 1917 году].	[1940 – 1950-е гг.]	1
150	ОМК-13408/60	Рукопись. Абалак. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	6
151	ОМК-13450/16	Рукопись. Выписки Палашенкова А.Ф. из статьи Г. Колесникова «Исторические места Тобольска и его окрестностей».	1940 г.	8
152	ОМК-13408/52	Рукопись. Палашенков А.Ф. Статья Г. Колесникова «Исторические места Тобольска и его окрестностей». СССР, РСФСР, г. Омск	1940 г.	8
153	ОМК-13408/15	Рукопись. Палашенков А.Ф. 299 лет в сибирской ссылке. СССР, РСФСР, г. Омск	[1941 – 1943 гг.]	38
154	ОМК-13450/28	Рукопись. Палашенков А.Ф. Архитектурные исторические памятники в Омске, Тобольске и Тюмени.	1941 г.	122
155	ОМК-13408/ 38	Рукопись. Докладная записка о состоянии памятников старины и революции в г. Тобольске. СССР, РСФСР, г. Омск	1942 г.	44
156	ОМК-13408/41	Рукопись. Памятники г. Тобольска, стоящие на централизованной государственной охране. СССР, РСФСР, г. Омск	[1930 – 1940-е гг.]	26

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
157	ОМК-13408/42	Акт дефектный II. Составлен Омским областным краеведческим музеем и Омской областной проектной конторой «Омпроект» на подлежащие реставрации сооружения в г. Тобольске. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1941 гг.]	20
158	ОМК-13408/43	Титульный список № 23, ведомости № 793 и 794. Составлены Омским областным музеем и Омской областной проектной конторой «Омпроект» на работу и материалы для ремонтно-реставрационных работ Тобольского кремля. СССР, РСФСР, г. Омск	1941 г.	9
159	ОМК-13408/44	Технические сметы. Составлены Омским областным музеем и Омской областной проектной конторой «Омпроект» на реставрацию памятников г. Тобольска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1941 гг.]	178
160	ОМК-13408/45	Чертежи зданий и сооружений. Составлены Омским областным музеем и Омской областной проектной конторой «Омпроект» на реставрацию памятников г. Тобольска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1941 гг.]	25
161	ОМК-13408/46	Докладная записка. Исполкому Омского областного Совета депутатов трудящихся о состоянии памятников старины и революции г. Тобольска (с пояснительной запиской). СССР, РСФСР, г. Омск	1942 г.	89
162	ОМК-13408/47	Рукопись. Описание могил П.А. Грабовского, А.П. Барятинского, В.К. Кюхельбекера в г. Тобольске. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	1940 г.	4
163	ОМК-13408/48	Акт дефектный. Составлен Омской областной проектной конторой «Омпроект» на подлежащие реставрации сооружения в г. Тобольске. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	16 ноября 1940 г.	20
164	ОМК-13408/ 49	Сметы. № 768, 769, 775, 778, 786, 787. Составлены Омской областной проектной конторой «Омпроект» на реставрацию сооружений церковного зодчества Тобольского кремля. СССР, РСФСР, г. Омск	27 декабря 1940 г.	55
165	ОМК-13408/ 53	Титульный список № 23, сводная ведомость № 793, 794. Составлены Омским областным музеем и Омской областной проектной конторой «Омпроект» на работу и материалы для ремонта и реставрации Тобольского кремля.	[1940 – 1941 гг.]	9
166	ОМК-14802/3	Тетрадь. Объяснительная записка к дефектному акту и сметам на реставрацию Тобольского кремля. Бумага нелинованная. СССР, РСФСР, г. Омск	1941 г.	31
167	ОМК-14802/4	Выписка из постановления Совнаркома РСФСР о признании Тобольского кремля в первоначальных его границах со всеми постройками историческим памятником.	[1940 – 1941 гг.]	1
168	ОМК-13450/31	Рукопись. Иконы Березовского собора вывезены в 1939 г. в Омский музей.	[1960-е гг.]	44
169	ОМК-15458/4	Рукопись. Описание икон Березовского собора, вывезенных в 1939 году в г. Омск. СССР, РСФСР, г. Омск	1939 г.	29
170	ОМК-15458/6	Рукопись. Г. Березов. 1939 г. СССР, РСФСР, г. Омск	1939 г.	77
171	ОМК-15458/7	Рукопись. Социальный ландшафт Березова в I четверти XIX столетия. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1960-е гг.].	13
172	ОМК-13450/26	Рукопись. Палашенков А.Ф. Список лиц, расстрелянных бандитами в Тобольской тюрьме 21 февраля – 8 апреля 1921 г. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	2
173	ОМК-13450/24	Рукопись. Палашенков А.Ф. Ляпинская крепость. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	27
174	ОМК-13450/15	Рукопись. Выписки Палашенкова А.Ф. из книги Анисимова «Исторический город». СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.]	2

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
175	ОМК-13450/23	Рукопись. Палашенков А.Ф. Царев курган. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.]	34
176	ОМК-13450/11	Рукопись. Выписки Палашенкова А.Ф. из статьи В. Герасимова «Древний и Современный Ляпин». СССР, РСФСР, г. Омск	б/д	14
177	ОМК-13450/25	Рукопись. Палашенков А.Ф. Самаров городок. СССР, РСФСР, г. Омск	б/д	4
178	ОМК-13408/19	Рукопись. Памятники и места, связанные с революционным прошлым г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	1943 г.	19
179	ОМК-13408/23	Рукопись. Омская область. Материалы статей. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е г.]	63
180	ОМК-13408/24	Рукопись. «Первое мая в Омске» 1952 г. СССР, РСФСР, г. Омск	1952 г.	4
181	ОМК-13408/26	Рукопись. Историко-революционные памятники г. Омска: статьи для газеты. СССР, РСФСР, г. Омск	1954 г.	32
182	ОМК-13408/30	Рукопись. «Борьба за власть Советов в 1917 – 1919 гг.». СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	6
183	ОМК-13408/31	Рукопись. «Первые революционные кружки в г. Омске». СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг]	4
184	ОМК-13408/35	Рукопись. «По памятным местам города Омска» (Для газеты «Молодой Сибиряк»). СССР, РСФСР, г. Омск	1957 г.	7
185	ОМК-13408/203	Список. Памяти борцам революции. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	1
186	ОМК-13408/204	Письмо. Из Бердюжского РайОНО в Омский областной краеведческий музей с описанием братской могилы. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	1
187	ОМК-13408/206	Рукопись. Омская область. Памятники революции. СССР, РСФСР, г. Омск	[1938 – 1941 гг.]	64
188	ОМК-13408/212	Рукопись. Материалы о революционно-памятных местах на территории г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	66
189	ОМК-13408/217	Рукопись. Омская область. Историко-революционные памятники. СССР, РСФСР, г. Омск	[1938 – 1941 гг.]	41
190	ОМК-13408/218	Рукопись. Памятники революции Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	62
191	ОМК-13408/219	Рукопись. Куломзино. Материалы к восстанию 22 декабря 1918 г. Краткие записи о памятниках революции с планом и чертежами. Записано со слов и указаний Д.М. Озерского, его жены Ф.Г. Озерской и Н.Г. Головина. СССР, РСФСР, г. Омск	8 ноября 1955 г.	18
192	ОМК-13408/220	Рукопись. Материалы по историко-революционным местам и памятникам. СССР, РСФСР, г. Омск	1940 г.	131
193	ОМК-13408/221	Рукопись. Памятники революции. СССР, РСФСР, г. Омск	1940 г.	123
194	ОМК-13408/458	Брошюра. А.Ф. Смоленский. Историко-революционные памятники Омска. – Омск. – Омское областное государственное издательство. Типография издательства «Омская правда»	1951 г.	24
195	ОМК-13450/4	Рукопись. «Памятные места периода гражданской войны в Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	27
196	ОМК-13450/9	Рукопись. Выписки из книги Е. Петровой «Октябрь в Западной Сибири». СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	20
197	ОМК-13450/10	Рукопись. День возложения венков. СССР, РСФСР, г. Омск	27 мая 1955 г.	19
198	ОМК-13450/3	Рукопись. «Исторические памятники г. Омска и Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск	1950 г.	8
199	ОМК-13450/12	Рукопись. Материалы о исторических памятниках и памятных местах г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	71

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
200	ОМК-13450/17	Рукопись. Омская Высшая военная школа Сибири. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	1
201	ОМК-13578/2	Рукопись. Памятные места и памятники Омской области. Черновик материалов к книге «Памятные места и памятники Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.]	16
202	ОМК-15458/5	Рукопись. Храмы г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1960-е гг.].	39
203	ОМК-13408/21	Рукопись. «Хранить живую летопись города». СССР, РСФСР, г. Омск	1956 г.	3
204	ОМК-13408/54	Рукопись. Материалы по учету и охране памятников истории. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тобольск	1938 г.	127
205	ОМК-13408/193	Рукопись. Записи от 25 февраля. 1958 года о состоянии Военно-Воскресенского собора. СССР, РСФСР, г. Омск	25 февраля 1958 г.	1
206	ОМК-13408/207	Доклад. О состоянии и охране историко-революционных памятников в г. Омске.	12 марта 1946 г.	12
207	ОМК-13408/208	Рукопись. Заметки об учете историко-революционных памятников Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	1940 г.	1
208	ОМК-13408/460	Брошюра. А.Ф. Палашенков, С.П. Русяйкина. Об учете памятников старины и революции в Омской области / Омский областной краеведческий музей. СССР, РСФСР, г. Омск	1944 г.	4
209	ОМК-13450/ 8	Рукопись. О состоянии и охране историко-революционных памятников в г. Омске.	12 марта 1946 г.	12
210	ОМК-13450/22	Рукопись. Охрана памятников. СССР, РСФСР, г. Омск	1962 г.	29
211	ОМК-13450/29	Рукопись. Дело по охране памятников. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	111
212	ОМК-13578/1	Рукопись. Черновик доклада «О мерах улучшения охраны памятников культуры Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск	май 1958 г.	12
213	ОМК-13408/17	Рукопись. Палашенков А.Ф. Собирайте материалы о Великой Отечественной войне. СССР, РСФСР, г. Омск.	1941 г.	4
214	ОМК-13408/14	Рукопись. «Основание Омска». К 225-летию построения Омской крепости. СССР, РСФСР, г. Омск	1941 г.	15
215	ОМК-13408/18	Рукопись. Основание Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	1944 г.	12
216	ОМК-13408/25	Рукопись. «Первая Омская крепость. Основание Омска». СССР, РСФСР, г. Омск	29 января 1953 г.	4
217	ОМК-13408/209	Рукопись. Выписки из архивной описи № 136, Д 1. (об Омской крепости). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	9
218	ОМК-13408/210	Рукопись. «Новая Омская крепость». СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	12
219	ОМК-13408/211	Рукопись. «Новая Омская крепость». СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	15
220	ОМК-13408/213	Рукопись. Материалы по истории г. Омска. Изучай и люби свой край. СССР, РСФСР, г. Омск	1947 г.	8
221	ОМК-13408/214	Рукопись. Материалы по истории г. Омска. (с основания до начала 1930-х гг.). СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	10
222	ОМК-13408/215	Рукопись. Старый Омск. СССР, РСФСР, г. Омск	1954 г.	99
223	ОМК-13408/216	Рукопись. «О состоянии Омской крепости в 1755 г.» (выписки из гос. архива: опись 39, фонд 1). СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.]	15
224	ОМК-13408/457	Брошюра. А.Ф. Палашенков. Основание Омска / Омский областной краеведческий музей; отв. редактор Ф. Евстафьев. – Омск. – Типография издательства «Советский Иртыш».	1944 г.	8
225	ОМК-13450/18	Рукопись. Выписки из воспоминаний И.Ф. Бабкова об Омске середины XIX столетия. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.]	6

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
226	ОМК-13450/19	Рукопись. Тарские, Тобольские ворота и другие памятники Омской крепости. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	38
227	ОМК-13578/35	Рукопись. Черновик статьи «233 года прошло с тех пор, как возник Омск». СССР, РСФСР, г. Омск	1950 г.	20
228	ОМК-14382/2	Рукопись. Планы Омской крепости 1722 и 1755 годов, черновой вариант статьи. г. Омск. В виде подшивки без обложки	[1950-е гг.]	18
229	ОМК-14382/3	Рукопись. Планы Омской крепости 1722 и 1755 годов. Машинописный экземпляр научной статьи с авторскими правками. г. Омск	1959 г.	9
230	ОМК-13408/16	Рукопись. О сыске разинцев в Западной Сибири. СССР, РСФСР, г. Омск	26 марта 1941 г.	2
231	ОМК-13408/20	Рукопись. Сибирь. Первые русские в Сибири. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	8
232	ОМК-13408/22	Рукопись. «Общая экономико-географическая характеристика Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск	1953 г.	8
233	ОМК-13450/2	Рукопись. Черлакский тракт. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	5
234	ОМК-13450/5	Рукопись. На волнах и берегах Иртыша. СССР, РСФСР, г. Омск	1970 г.	29
235	ОМК-13450/6	Рукопись. «Историко-географические достопримечательности Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск	[конец 1960 – начало 1970-х гг.]	248
236	ОМК-13578/30	Рукопись. Планы Кушайлинского форпоста, 2-го Тюрмитякского городища и других памятников. СССР, РСФСР, г. Омск	1958 г.	11
237	ОМК-13578/31	Рукопись. Старый Московско-Сибирский тракт. Черновик. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	35
238	ОМК-15458/8	Рукопись. Заселение Прииртышья. Заметки. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1960-е гг.].	46
239	ОМК-13408/459	Брошюра. Палашенков А.Ф., Русяйкина С.П. Собирайте материалы о Великой Отечественной войне Советского народа / Омский областной краеведческий музей. СССР, РСФСР, г. Омск	1943 г.	2
240	ОМК-13408/129	Паспорт исторического памятника. Памятник на месте расстрела 120-ти. СССР, РСФСР, г. Омск	11 июля 1949 г.	2
241	ОМК-13408/130	Паспорт исторического памятника. Конспиративная квартира большевистской организации в колчаковский период. г. Омск, угол Красного Пути и ул. им. Рабиновича, дом № 58/25. СССР, РСФСР, г. Омск	10 июля 1949 г.	2
242	ОМК-13408/131	Паспорт исторического памятника. Явочная квартира членов большевистской организации в колчаковский период. Улица Рабиновича, 88. СССР, РСФСР, г. Омск	10 июля 1949 г.	2
243	ОМК-13408/132	Паспорт исторического памятника. Подпольная типография большевистской организации в период колчаковщины. Улица 5-я Восточная, дом № 39. СССР, РСФСР, г. Омск	23 июля 1949 г.	2
244	ОМК-13408/133	Паспорт исторического памятника. Конспиративная квартира большевистской организации в годы колчаковщины. г. Омск, улица Большая Луговая, дом № 18. СССР, РСФСР, г. Омск	10 июля 1949 г.	2
245	ОМК-13408/134	Паспорт исторического памятника. Дом – конспиративная квартира большевистской организации в годы колчаковщины. г. Омск, ул. Степная, дом № 1. СССР, РСФСР, г. Омск	14 июля 1949 г.	2
246	ОМК-13408/135	Паспорт исторического памятника. Старая каланча. г. Омск. улица имени Ядринцева, дом № 3. СССР, РСФСР, г. Омск	20 июля 1949 г.	2

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
247	ОМК-13408/136	Паспорт исторического памятника. Могила 120-ти. Улица Республики, сквер возле музея. СССР, РСФСР, г. Омск	11 июля 1949 г.	2
248	ОМК-13408/137	Паспорт исторического памятника. Территория бывшего медеплавильного завода. Васисский район, деревня Нижняя Бобровка. Г. Омск, 14 августа 1949 г. СССР, РСФСР, г. Омск	14 августа 1949 г.	2.
249	ОМК-13408/138	Паспорт исторического памятника. Гауптвахта. Партизанская улица. СССР, РСФСР, г. Омск	10 июля 1949 г.	2
250	ОМК-13408/139	Паспорт исторического памятника. Подпольная типография Омской организации РСДРП. Улица Карла Маркса, 56. СССР, РСФСР, г. Омск	20 июля 1949 г.	2
251	ОМК-13408/140	Паспорт исторического памятника. Братская могила марьяновцев. г. Омск. Куйбышевский район. Казачье кладбище. СССР, РСФСР, г. Омск	21 июля 1949 г.	2
252	ОМК-13408/141	Паспорт исторического памятника. Дом, где в 1918 г. помещался штаб 7 роты Омской Красной Гвардии. Улица Масленникова, 74. СССР, РСФСР, г. Омск	24 июля 1949 г.	2
253	ОМК-13408/142	Паспорт исторического памятника. Дом – конспиративная квартира большевистской организации в колчаковский период. Короткий переулок, 7. СССР, РСФСР, г. Омск	23 июля 1949 г.	2
254	ОМК-13408/143	Паспорт исторического памятника. Могила 12-ти. Улица Степная. СССР, РСФСР, г. Омск	22 июля 1949 г.	2
255	ОМК-13408/144	Паспорт исторического памятника. Могила 13-ти. Близ птицекомбината. СССР, РСФСР, г. Омск	21 июля 1949 г.	2
256	ОМК-13408/145	Паспорт исторического памятника. Братская могила Марьяновцев. Ленинский район, кладбище. СССР, РСФСР, г. Омск	1949 г.	2
257	ОМК-13408/146	Паспорт исторического памятника. Дом – конспиративная квартира, где проходили собрания рабочих Куломзинского района по подготовке восстания 22 декабря 1918 г. Улица Суровцева, 1. СССР, РСФСР, г. Омск	12 июля 1949 г.	2
258	ОМК-13408/147	Паспорт исторического памятника. Братская могила расстрелянных рабочих-участников восстания 22 декабря 1918 г. Кировск. СССР, РСФСР, г. Омск	10 июля 1949 г.	2
259	ОМК-13408/148	Паспорт исторического памятника. Дом, где был вынесен приговор Куломзинским рабочим – участникам восстания 22 декабря 1918 г. Улица Сибирская, 43. СССР, РСФСР, г. Омск	10 июля 1949 г.	2
260	ОМК-13408/149	Паспорт исторического памятника. Улица Республики, 1. Бывший генерал-губернаторский дворец. СССР, РСФСР, г. Омск	10 июля 1949 г.	2
261	ОМК-13408/150	Паспорт исторического памятника. Тарские крепостные ворота. СССР, РСФСР, г. Омск	8 июля 1949 г.	2
262	ОМК-13408/151	Паспорт исторического памятника. Памятник восставшим 22 декабря 1918 г. Площадь восстания. СССР, РСФСР, г. Омск	15 июля 1949 г.	2
263	ОМК-13408/152	Паспорт исторического памятника. Могила И.В. Колоскова и К.И. Шамова, расстрелянных колчаковцами (двор военно-пехотного училища имени Фрунзе). СССР, РСФСР, г. Омск	22 июля 1949 г.	2
264	ОМК-13408/153	Паспорт исторического памятника. Кадетский корпус. Улица Республики, 14. СССР, РСФСР, г. Омск	20 июля 1949 г.	2
265	ОМК-13408/154	Паспорт исторического памятника. «Куйбышевский домик». Улица Куйбышева, 67. СССР, РСФСР, г. Омск	20 июля 1949 г.	2
266	ОМК-13408/155	Паспорт исторического памятника. Памятник борцам за свободу. Улица Республики (сквер возле музея). СССР, РСФСР, г. Омск	11 июля 1949 г.	2

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
267	ОМК-13408/156	Паспорт исторического памятника. Дом, где проходило первое заседание Омского Совдепа. Улица Лермонтова, 27. СССР, РСФСР, г. Омск	21 июля 1949 г.	2
268	ОМК-15504/28	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в д. Русиново Ингалинского с/с Большереченского района.	[1940 – 1950-е гг.]	1
269	ОМК-15504/29	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в Знаменском районе Омской области.	[1950-е гг.]	1
270	ОМК-15504/30	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Северная Сосьва Березовского района.	[1940 – 1950-е гг.]	1
271	ОМК-15504/31	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке возле г. Тюмени.	[1940 – 1950-е гг.]	1
272	ОМК-15504/32	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке вблизи села Соляновка Павлоградского района Омской области.	[1950-е гг.]	1
273	ОМК-15504/33	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Выписки из книги «Памятники Сибирской истории».	[1940 – 1950-е гг.]	1
274	ОМК-15504/34	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Выписки из книги «Описание Западной Сибири» Ипполита Завалишина.	[1940 – 1950-е гг.]	1
275	ОМК-15504/35	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Вагай летом 1946 г.	[1940 – 1950-е гг.]	1
276	ОМК-15504/36	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в деревне Мысовской Крутинского района Омской области.	[1950-е гг.]	1
277	ОМК-15504/37	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Ишим недалеко от дома отдыха ВЦСПС.	[1950-е гг.]	1
278	ОМК-15504/38	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Ишим.	[1930 – 1950-е гг.]	1
279	ОМК-15504/39	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Большая Сосьва.	[1930 – 1950-е гг.]	1
280	ОМК-15504/40	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке между поселками Кушеват и Горки Шурышкарского района Ямало-Ненецкого национального округа.	[1930 – 1950-е гг.]	1
281	ОМК-15504/41	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в колхозе «Саккола» Тарского округа.	[1930 – 1950-е гг.]	1
282	ОМК-15504/42	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Туре.	[1940 – 1950-е гг.]	1
283	ОМК-15504/43	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в озере при деревне Сладкая Крутинского района Омской области.	[1940 – 1950-е гг.]	1
284	ОМК-15504/44	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Южная Сосьва у села Гари.	[1930 – 1950-е гг.]	1
285	ОМК-15504/45	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке около села Архангельского Исетского района, на реке Исети в 1916 году.	[1940 – 1950-е гг.]	1
286	ОМК-15504/46	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Сигарке, притоке Иски.	[1940 – 1950-е гг.]	1
287	ОМК-15504/47	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке аммонита на реке Большая (Северная) Сосьва около села Няксимволь Березовского района в 1909 г.	[1930 – 1950-е гг.]	1
288	ОМК-15504/48	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке при постройке Средне-Сибирской железной дороги в 1894 г.	[1930 – 1950-е гг.]	1
289	ОМК-15504/49	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке у деревни Нерпинка на бичевнике правого берега Иртыша. 1953 г.	[1950-е гг.]	1
290	ОМК-15504/50	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в городе Омске по Тобольской улице во дворе дома № 56 в 1937 г.	[1930 – 1950-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
291	ОМК-15504/51	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в Тарском районе у пристани Самсоновка на приплесе Иртыша в июле 1953 г.	[1950-е гг.]	1
292	ОМК-15504/52	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Ишим в южной части Усть-Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
293	ОМК-15504/53	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Выписка из указа Петра I от 13 февраля 1718 г.	[1930 – 1950-е гг.]	1
294	ОМК-15504/54	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Северная Сосьва Березовского района летом 1947 г.	[1940 – 1950-е гг.]	1
295	ОМК-15504/55	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в городе Омске по улице МОПРа, во дворе дома № 20.	[1930 – 1950-е гг.]	1
296	ОМК-15504/56	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке около деревни Токарева Тобольского района в 1927 г.	[1930 – 1950-е гг.]	1
297	ОМК-15504/57	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на правом берегу Иртыша.	[1950-е гг.]	1
298	ОМК-15504/58	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке около устья реки Казаевки в Тарском районе в 1938 г.	[1930 – 1950-е гг.]	1
299	ОМК-15504/59	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в городе Омске по улице Карла Маркса, вблизи дома № 52 в июле 1953 г.	[1950-е гг.]	1
300	ОМК-15504/60	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в береговом обрыве левой стороны Иртыша вблизи Куломзино в июне 1956 г.	[1950-е гг.]	1
301	ОМК-15504/61	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в городе Омске во дворе дома № 34 по улице Садовой 28 июля 1954 г.	[1950-е гг.]	1
302	ОМК-15504/62	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке летом 1944 года в русле реки Иртыша.	[1940 – 1950-е гг.]	1
303	ОМК-15504/63	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 10 июля 1952 года в крепости на правом берегу Иртыша.	[1950-е гг.]	1
304	ОМК-15504/64	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 7 мая 1945 года на правом берегу Иртыша.	[1940 – 1950-е гг.]	1
305	ОМК-15504/65	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 3 июля 1950 года на приплесе реки Иртыша напротив туберкулезно-костного диспансера.	[1950-е гг.]	1
306	ОМК-15504/66	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 7 августа 1947 года на берегу реки Оми в Ново-Московке Ульяновского района.	[1940 – 1950-е гг.]	1
307	ОМК-15504/67	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в Тевризском районе у деревни Черноярки.	[1930 – 1950-е гг.]	1
308	ОМК-15504/68	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 27 сентября 1944 года на правом берегу реки Иртыша в районе деревни Черемушки.	[1940 – 1950-е гг.]	1
309	ОМК-15504/69	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 24 июня 1950 года в 6 километрах севернее деревни Кильбет Колосовского района.	[1950-е гг.]	1
310	ОМК-15504/70	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в июле 1955 года у реки Иртыш в 200 метрах от пристани Загваздино Усть-Ишимского района.	[1950-е гг.]	1
311	ОМК-15504/71	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в начале июня 1954 года в Кировске-Омском.	[1950-е гг.]	2
312	ОМК-15504/72	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в реке Ишиме у деревни Долгушино Викуловского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
313	ОМК-15504/73	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1918 году на берегу реки Иртыша у деревни Соляной Тобольского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
314	ОМК-15504/74	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1934 году в русле реки Иртыша у села Красный Яр Знаменского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
315	ОМК-15504/75	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1939 году на реке Тара у деревни Ст. Логиново Дзержинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
316	ОМК-15504/76	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1934 году в деревне Клин Унарского сельсовета Седельниковского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
317	ОМК-15504/77	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в октябре 1940 года недалеко от озера Горького Москаленского района.	[1940 – 1950-е гг.]	1
318	ОМК-15504/78	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1938 году на Сергиевской ферме Тюкалинского совхоза.	[1930 – 1950-е гг.]	1
319	ОМК-15504/79	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1938 году в реке Иртыше у деревни Екатериновки Тарского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
320	ОМК-15504/80	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 23 ноября 1938 года у деревни Орловой Тарского района.	[1930 – 1950-е	1
321	ОМК-15504/81	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 23 ноября 1938 года на реке Уй у деревни Ельничной Седельниковского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
322	ОМК-15504/82	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 23 ноября 1938 года на реке Оша у деревни Пушкаревой Знаменского района.	[1940 – 1950-е гг.]	1
323	ОМК-15504/83	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 23 ноября 1938 года в реке Каргала у деревни Нагорно-Ивановской Тарского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
324	ОМК-15504/84	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 23 ноября 1938 года на правом берегу реки Иртыша у деревни Темшеняковой Тарского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
325	ОМК-15504/85	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 23 ноября 1938 года на реке Туй выше деревни Ермиловой Тевризского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
326	ОМК-15504/86	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1896 году около деревни Малышевой бывшей Каргалинской волости (ныне Викуловский район), в реке Ишиме.	[1930 – 1950-е гг.]	1
327	ОМК-15504/87	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1896 году около деревень Малышевой и Долгушино бывшей Каргалинской волости (ныне Викуловский район), на реке Ишиме.	[1930 – 1950-е гг.]	1
328	ОМК-15504/88	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1916 году около села Муромцево Муромцевского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
329	ОМК-15504/89	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1916 году на реке Исети около села Архангельское Исетского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
330	ОМК-15504/90	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1949 году на правой стороне Иртыша у деревни Белый Яр Тевризского района.	[1940 – 1950-е гг.]	1
331	ОМК-15504/91	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 18 июля 1954 года на островке у городка Водников.	[1950-е гг.]	1
332	ОМК-15504/92	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в русле теки Туй между селами Ермиловкой и Екатериновкой Тевризского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
333	ОМК-15504/93	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке между селами Красноярка и Чернолучье на правом берегу Иртыша.	[1930 – 1950-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
334	ОМК-15504/94	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 15 октября 1940 года на берегу реки Иртыша между деревнями Эбаргуль и Красноярка Усить-Ишимского района.	[1940 – 1950-е гг.]	1
335	ОМК-15504/95	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке летом 1951 года на берегу реки Иртыша в селе Бородинка Тевризского района.	[1950-е гг.]	1
336	ОМК-15504/96	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в апреле 1954 года в Курганской МТС Марьяновского района.	[1950-е гг.]	1
337	ОМК-15504/97	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1932 году на реке Абросимовке у села Екатерининского Тарского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
338	ОМК-15504/98	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в августе 1948 года в Рытовке в 4-х км от Черлака.	[1940 – 1950-е гг.]	1
339	ОМК-15504/99	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1924 году на берегу реки Оша у деревни Щербаковка Знаменского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
340	ОМК-15504/100	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1941 – 1942 гг. у деревни Плотбище Муромцевского района.	[1940 – 1950-е гг.]	1
341	ОМК-15504/101	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1946 году на левом берегу реки Иртыша рядом с селом Усть-Ишим.	[1940 – 1950-е гг.]	1
342	ОМК-15504/102	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1949 году на правом берегу реки Оми у моста через Омь близ Калачинска.	[1940 – 1950-е гг.]	1
343	ОМК-15504/103	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1914 году в селе Викуловское Викуловского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
344	ОМК-15504/104	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1925 году в реке Ишиме в селе Викулово Викуловского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
345	ОМК-15504/105	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1934 году в озере в селе Абатское Абатского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
346	ОМК-15504/106	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1937 году в реке Ишим у деревни Юрги Черемшанского сельсовета Абатского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
347	ОМК-15504/107	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1926 году в озере села Банниково Абатского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
348	ОМК-15504/108	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 4 июля 1950 года в селе Орехово Одесского района.	[1950-е гг.]	1
349	ОМК-15504/109	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке летом 1951 года на правом берегу Иртыша между селами Серебрянка и Исаевка Горьковского района.	[1950-е гг.]	1
350	ОМК-15504/110	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в феврале 1953 года в окрестностях села Лебяжье Исилькульского района.	[1950-е гг.]	1
351	ОМК-15504/111	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 25 августа 1953 года на левой стороне реки Оми на территории кирпичного завода № 7 города Омска.	[1950-е гг.]	1
352	ОМК-15504/112	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1936 году в обрыве у реки Иртыша около Тобольска.	[1930 – 1950-е гг.]	1
353	ОМК-15504/113	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1934 году на реке Тобол у деревни Ганихино Иевлевского сельсовета Ярковского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
354	ОМК-15504/114	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в августе 1955 года в реке Ишим недалеко у дома отдыха ВЦСПС.	[1950-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
355	ОМК-15504/115	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1909 году на берегу реки Сосьвы около села Няксимволь Березовского района редкого экземпляра аммонита.	[1930 – 1950-е гг.]	1
356	ОМК-15504/116	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в августе 1927 года в селе Орловка Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
357	ОМК-15504/117	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1935 году в реке Карасуль у села Карасуль Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
358	ОМК-15504/118	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1883 году на берегу реки Туры около Тюмени.	[1930 – 1950-е гг.]	1
359	ОМК-15504/119	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1926 году в селе Рощиха Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
360	ОМК-15504/120	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1927 году в реке Ишиме у села Рощиха Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
361	ОМК-15504/121	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1927 году в реке Ишиме у села Рощиха Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
362	ОМК-15504/122	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1927 году в бассейне реки Ишим у села Рощиха Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
363	ОМК-15504/123	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1936 году в окрестностях села Ярково Омской области.	[1930 – 1950-е гг.]	1
364	ОМК-15504/124	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1937 году на берегу Иртыша в овраге вблизи колхоза «Пролетарский» Елизаветинского сельсовета Черлакского района Омской области.	[1930 – 1950-е гг.]	1
365	ОМК-15504/125	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1880-х гг. на реке Туре у города Тюмени.	[1930 – 1950-е гг.]	1
366	ОМК-15504/126	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1939 году на берегу реки Емец в деревне Садовщиковой Голышмановского сельского совета Голышмановского района Омской области.	[1930 – 1950-е гг.]	1
367	ОМК-15504/127	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1887 году на пашне в селе Голышманово Голышмановского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
368	ОМК-15504/128	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1899 году на реке Ишиме в бывшем Тарском уезде.	[1930 – 1950-е гг.]	1
369	ОМК-15504/129	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1883 году по берегам реки Туры около деревни Решетниковой.	[1930 – 1950-е гг.]	1
370	ОМК-15504/130	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1938 году на правом берегу реки Иртыша в 50 метрах от речки Сибирки.	[1930 – 1950-е гг.]	1
371	ОМК-15504/131	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1938 году в реке Солоновка Омутинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
372	ОМК-15504/132	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1924 году в озере села Балаганы Викуловского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
373	ОМК-15504/133	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1883 году на реке Пышме.	[1930 – 1950-е гг.]	1
374	ОМК-15504/134	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в июле 1938 года на дне Обской губы в 2-х километрах от Нового Порта.	[1930 – 1950-е гг.]	1
375	ОМК-15504/135	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1883 году по левому берегу реки Туры и Салаирки, вверх от деревни Решетниковой близ города Тюмени.	[1930 – 1950-е гг.]	1
376	ОМК-15504/136	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке летом 1938 года в Салехарде на береговом обрыве мыса.	[1930 – 1950-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
377	ОМК-15504/137	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1927 году в реке Ик у села Голопутово Сорокинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
378	ОМК-15504/138	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1923 году в реке Ишиме у железнодорожного моста города Ишима.	[1930 – 1950-е гг.]	1
379	ОМК-15504/139	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1934 году в реке Ишиме возле городской бани города Ишима.	[1930 – 1950-е гг.]	1
380	ОМК-15504/140	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1926 году в реке Ишиме у села Лариха Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
381	ОМК-15504/141	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1915 году в реке Ишиме у села Рощиха Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
382	ОМК-15504/142	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1926 году в реке Ишиме у села Воронина Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
383	ОМК-15504/143	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1926 году в двух километрах от города Ишима в реке Мергень.	[1930 – 1950-е гг.]	1
384	ОМК-15504/144	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке 25 мая 1900 года на берегу реки Тавды около села Антропова Нижне-Тавдинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
385	ОМК-15504/145	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1908 году на берегу реки Ишима около деревни Серебренниковой Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
386	ОМК-15504/146	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1936 году вверх по реке Тоболу в двух-трех километрах от села Ярково Ярковского района Омской области.	[1930 – 1950-е гг.]	1
387	ОМК-15504/147	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в мае 1937 года на правом берегу реки Иртыша у Супринских юрт Дубровинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
388	ОМК-15504/148	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1936 году в окрестностях села Ярково на реке Туре.	[1930 – 1950-е гг.]	1
389	ОМК-15504/149	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1936 году вверх по Тоболу в двух-трех километрах от села Ярково.	[1930 – 1950-е гг.]	1
390	ОМК-15504/150	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1937 году на реке Ишим.	[1930 – 1950-е гг.]	1
391	ОМК-15504/151	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в августе 1941 года на реке Мессо Тазовского района Ямало-Ненецкого национального округа.	[1930 – 1950-е гг.]	1
392	ОМК-15504/152	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1938 году у села Голопутова Сорокинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
393	ОМК-15504/153	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1913 году в Обдорске.	[1930 – 1950-е гг.]	1
394	ОМК-15504/154	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в мае 1942 года у разъезда Безруково Омской железной дороги.	[1940 – 1950-е гг.]	1
395	ОМК-15504/155	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в устье реки Старой Конды Кондинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
396	ОМК-15504/156	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке возле фактории Мессо в береговых обнажениях реки Мессо в бассейне Тазовской губы.	[1930 – 1950-е гг.]	1
397	ОМК-15504/157	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в береговых обнажениях и на приплесах реки Анти-Паюта в бассейне Тазовской губы.	[1930 – 1950-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
398	ОМК-15504/158	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в береговых обнажениях реки Ямбург в бассейне Тазовской губы у фактории Ямбург.	[1930 – 1950-е гг.]	1
399	ОМК-15504/159	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке на реке Малая Сосьва у селения Старый Ханга-Курт.	[1930 – 1950-е гг.]	1
400	ОМК-15504/160	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в береговых обнажениях острова Находка в бассейне Тазовской губы.	[1930 – 1950-е гг.]	1
401	ОМК-15504/161	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в Тобольске на городской скотобойне.	[1930 – 1950-е гг.]	1
402	ОМК-15504/162	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1899 году в Нижнем Бешкиле при реке Исети Ялуторовского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
403	ОМК-15504/163	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в городе Тобольске в подгорной части при постройке дома.	[1930 – 1950-е гг.]	1
404	ОМК-15504/164	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1900 году в обрыве по течению реки Сосьвы выше села Таринское.	[1930 – 1950-е гг.]	1
405	ОМК-15504/165	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1909 году на правом берегу реки Иртыша близ села Абалацкого Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
406	ОМК-15504/166	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1907 году на берегу реки Иртыша у юрт Карагайских Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
407	ОМК-15504/167	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1907 году на осыпи берега реки Иртыша около деревни Денщиковская Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
408	ОМК-15504/168	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1897 году в реке Ишиме у деревни Бельковой Каргалинской волости.	[1930 – 1950-е гг.]	1
409	ОМК-15504/169	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1903 году в реке Ишиме близ Усть-Ишима.	[1930 – 1950-е гг.]	1
410	ОМК-15504/170	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1909 году у деревни Денщиковская Филинской волости Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
411	ОМК-15504/171	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1909 году в реке Иртыше у юрт Епанчинских Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
412	ОМК-15504/172	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1896 году в реке Ишиме у деревни Ташаировой Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
413	ОМК-15504/173	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1899 году на берегу реки Иртыша близ села Кучаевского Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
414	ОМК-15504/174	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке у деревни Клюсовой Бегишевской волости Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
415	ОМК-15504/175	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1909 году вверх по реке Иртышу у деревни Полуяновой Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
416	ОМК-15504/176	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1899 году на правом берегу реки Иртыша близ юрт Епанчинских Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
417	ОМК-15504/177	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1896 году в реке Ишиме против деревни Долгушино.	[1930 – 1950-е гг.]	1
418	ОМК-15504/178	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1897 году на берегу реки Иртыша около села Абалака.	[1930 – 1950-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
419	ОМК-15504/179	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1902 году на берегу реки Оби в пятидесяти километрах ниже Сургута.	[1930 – 1950-е гг.]	1
420	ОМК-15504/180	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1896 году против деревни Бильковой Каргалинской волости.	[1930 – 1950-е гг.]	1
421	ОМК-15504/181	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1896 году в реке Иртыше против деревни Сузгуна Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
422	ОМК-15504/182	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1899 году на берегу реки Тобола около деревни Худякова Байкаловского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
423	ОМК-15504/183	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1896 году в городе Тобольске под Никольским мостом.	[1930 – 1950-е гг.]	1
424	ОМК-15504/184	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1909 году у деревни Черноярская Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
425	ОМК-15504/185	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1903 году в городе Тобольске около Богородской церкви у магазина купца Трухина.	[1930 – 1950-е гг.]	1
426	ОМК-15504/186	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1921 году возле озера Сяото Приуральского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
427	ОМК-15504/187	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1921 году в двадцати двух километрах выше соединения реки Ер-Яги с Саб Ягой Приуральского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
428	ОМК-15504/188	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1916 году около деревни Пановой Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
429	ОМК-15504/189	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1918 году на отмели реки Иртыша у Подбугорных юрт Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
430	ОМК-15504/190	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1913 году на реке Вах у Охтиурьевских юрт Тобольского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
431	ОМК-15504/191	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1927 году на берегу реки Иртыша у села Бронниково Тобольского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
432	ОМК-15504/192	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1936 году на реке Туре у деревни Усалка Ярковского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
433	ОМК-15504/193	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1916 году в обрыве реки Ишим в деревне Синицина Ишимского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
434	ОМК-15504/194	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1940 году на берегу реки Иртыша у Чувашского мыса.	[1940 – 1950-е гг.]	1
435	ОМК-15504/195	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1927 году около деревни Паньшина Тобольского округа.	[1930 – 1950-е гг.]	1
436	ОМК-15504/196	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1927 году на реке Иртыше около деревни Танатова Дзержинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
437	ОМК-15504/197	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1936 году на правом берегу реки Иртыша в трех километрах от города Тобольска.	[1930 – 1950-е гг.]	1
438	ОМК-15504/198	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1936 году на правом берегу реки Иртыша в полутора километрах от города Тобольска.	[1930 – 1950-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
439	ОМК-15504/199	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1911 году на реке Вах Сургутского уезда.	[1930 – 1950-е гг.]	1
440	ОМК-15504/200	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1917 году на берегу реки Иртыша в береговом обвале между Подчувашским мысом и старым перевозом в предместье города Тобольска.	[1930 – 1950-е гг.]	1
441	ОМК-15504/201	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1953 году на правом берегу реки Ишим у села Новоягодное Знаменского района.	[1950-е гг.]	1
442	ОМК-15504/202	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1939 году в Помаскинской речке города Тобольска.	[1940 – 1950-е гг.]	1
443	ОМК-15504/203	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1937 году на берегу реки Иртыша около деревни Юха-Яр Супринского сельсовета Дубровинского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
444	ОМК-15504/204	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1954 году в Кировске-Омском на огороде дома № 7 по улице 5-го Декабря.	[1950-е гг.]	1
445	ОМК-15504/205	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1955 году на правом берегу реки Иртыша против крепости в городе Омске.	[1950-е гг.]	1
446	ОМК-15504/206	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1954 году в реке Иртыше у острова против затона в городе Омске.	[1950-е гг.]	1
447	ОМК-15504/207	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1940 году на реке Сагомол-Нел недалеко от Пельвожа Уральского района Ямало-Ненецкого национального округа.	[1940 – 1950-е гг.]	1
448	ОМК-15504/208	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке в 1949 году на берегу реки Иртыша против деревни Харино Кагановического района Омской области.	[1950-е гг.]	1
449	ОМК-15504/209	Рукопись. Материалы по палеонтологии. Сведения о находке близ Бешкильской слободы, Исетского района.	[1930 – 1950-е гг.]	1
450	ОМК-13408/157	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Омской области (Дзержинский р-н). СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	3
451	ОМК-13408/158	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Омской области (Большереченский р-н). СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	3
452	ОМК-13408/159	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Омской области (Горьковский р-н). СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	4
453	ОМК-13408/160	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на берегах реки Иртыш в районе г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	10
454	ОМК-13408/161	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Тевризского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	12
455	ОМК-13408/162	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	1
456	ОМК-13408/163	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	4
457	ОМК-13408/164	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Таврического района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	2
458	ОМК-13408/165	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории г. Омска, г. Тобольска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	21

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
459	ОМК-13408/166	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Омской и Тюменской областей. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	50
460	ОМК-13408/167	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	8
461	ОМК-13408/168	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	21
462	ОМК-13408/169	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Ульяновского (Омского) района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	6
463	ОМК-13408/170	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Черлакского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	4
464	ОМК-13408/171	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Кагановического (Тарского) района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	14
465	ОМК-13408/172	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Тарского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	14
466	ОМК-13408/173	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Седельниковского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	3
467	ОМК-13408/174	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Знаменского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	5
468	ОМК-13408/175	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Усть-Ишимского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	6
469	ОМК-13408/176	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Калачинского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	8
470	ОМК-13408/177	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Молотовского (Нововаршавского) района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	4
471	ОМК-13408/178	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Муромцевского, Москаленского, Одесского, Кормиловского, Тюкалинского и Колосовского районов Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	6
472	ОМК-13408/179	Рукопись. Заметки о палеонтологических находках на территории Тарского, Тевризского, Ишимского, Калачинского, Усть-Ишимского районов Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	4
473	ОМК-13450/13	Рукопись. Материалы по палеонтологическим находкам на территории Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	1952 г.	113
474	ОМК-14382/4	Брошюра. Вопросник по регистрации мест находок костей ископаемых позвоночных животных / Омский государственный историко-краеведческий музей; Сост.: А.Ф. Палашенков. Омск: Тип. Изд-ва газеты «Омский железнодорожник»	1949 г.	4
475	ОМК-15504/1	Рукопись. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	1957 г.	100
476	ОМК-15504/16	Рукопись. Сообщение о находке нижней челюсти молодого мамонта. СССР, РСФСР, г. Омск	1938 г.	1
477	ОМК-15504/22	Рукопись. Мамонт. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	2

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
478	ОМК-15504/23	Рукопись. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории г. Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	2
479	ОМК-15504/24	Рукопись. Зубры. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	1
480	ОМК-15504/25	Рукопись. Ископаемая лошадь. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	1
481	ОМК-15504/26	Рукопись. Ископаемый носорог шерстистый. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	1
482	ОМК-15504/27	Рукопись. Выписки из карточного каталога Тюменского музея. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Тюмень.	24 – 25 ноября 1940 г.	10
483	ОМК-13450/7	Рукопись. Старейшая научная библиотека. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.]	6
484	ОМК-14802/1	Дневник. Записи о жизни Омского областного краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	1951 г.	70
485	ОМК-14802/2;	Рукопись. О спасении 6 тысяч редких книг, на листах из тетради в клеточку. СССР, РСФСР, г. Омск	22 октября 1964 г.	2
486	ОМК-15458/10	Рукопись. Научное книгохранилище Западной Сибири. СССР, РСФСР, г. Омск	1946 г.	164
487	ОМК-15466	Дневник. Записи директора Омского областного музея. СССР, РСФСР, г. Омск	январь 1948 – июнь 1949 гг.	35
488	ОМК-13408/195	Рукопись. Казачье кладбище. Описание могил. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	8
489	ОМК-13408/196	Рукопись. Казачье кладбище. Описание могил. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	2
490	ОМК-13408/197	Рукопись. Описание могил. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	12
491	ОМК-13408/198	Рукопись. Описание могил. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	7
492	ОМК-13408/199	Рукопись. Описание могил. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	4
493	ОМК-13408/200	Рукопись. Описание могил. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	15
494	ОМК-13408/201	Рукопись. Описание могил. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	17
495	ОМК-13408/202	Рукопись. Описание памятника на могиле Б.С. Вейсброда на казачьем кладбище. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	1
496	ОМК-13408/205	Рукопись. Список затерявшихся могил. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	1
497	ОМК-13408/225	Рукопись. Рецензия на рукопись Г.М. Скорбного «Борьба за жизнь». СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	7
498	ОМК-13408/226	Рукопись. Рецензия на рукопись о революционных событиях 1905 – 1907 гг. в Омске. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	9
499	ОМК-13408/227	Рукопись. Рецензия на рукопись Долбешкина-Кириллова «Омские большевики колчаковского подполья 1918 – 1919 гг.». СССР, РСФСР, г. Омск.	1957 г.	6
500	ОМК-13408/228	Рукопись. Рецензия на работу Н.В. Горбань «Путеводитель по Государственному архиву Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск	1948 г.	4
501	ОМК-13408/229	Рукопись. Рецензия на рукопись «Идут сибиряки». СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	5

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
502	ОМК-13408/230	Рукопись. Рецензия на работу М.К. Юрасовой «Очерки истории Омска». СССР, РСФСР, г. Омск	1954 г.	5
503	ОМК-13408/231	Рукопись. Рецензии на работы по истории Омска. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1950-е гг.]	20
504	ОМК-13408/232	Рукопись. Рецензия на работу Б.В. Кондрикова, Б.В. Григорьева, И.Н. Новикова «Город Омск». СССР, РСФСР, г. Омск	1954 г.	5
505	ОМК-13408/233	Рукопись. Рецензия на работу М. Бударина «Декабристы в Западной Сибири». СССР, РСФСР, г. Омск	1955 г.	5
506	ОМК-13408/234	Рукопись. Рецензия на работу М. Бударина «Исторический очерк Обского Севера». СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	3
507	ОМК-13408/235	Рукопись. Рецензия на работу М. Бударина «Пушкин и декабристы». СССР, РСФСР, г. Омск	1949 г.	2
508	ОМК-13408/4; 13	Записные книжки с заметками Палашенкова А.Ф. по истории России, записями о значении изучения прошлого, о роли музейного дела и искусства в воспитании трудящихся масс, цитатами из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. СССР, РСФСР, г. Омск.	[1940 – 1960-е гг.]	60
509	ОМК-13408/28	Рукопись. «Берегите забытые курганы» СССР, РСФСР, г. Омск	1957 г.	9
510	ОМК-13408/29	Рукопись (черновик). Забытые курганы. СССР, РСФСР, г. Омск	1961 г.	36
511	ОМК-13408/190	Рукопись. Омская стоянка. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940-е гг.]	8
512	ОМК-13408/191	Рукопись. Археологические памятники Большеуковского района. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	4
513	ОМК-13408/192	Рукопись. Археологические памятники на территории Тевризского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	1959 г.	12
514	ОМК-13450/21	Рукопись. Список археологических памятников, находящихся на территории Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1960-е гг.]	13
515	ОМК-13450/1	Рукопись Палашенкова А.Ф. Творческий подвиг Комиссарова. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1960-е гг.]	4
516	ОМК-15504/210	Рукопись Палашенкова А.Ф. Программа историко-географического описания селений Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	1950 г.	34
517	ОМК-15458/11	Папка для документов, подаренная Палашенкову А.Ф. Столповской Н.М. 1951 г. СССР, РСФСР, г. Омск	1951 г.	1
518	ОМК-13834/4	Рукопись Палашенкова А.Ф. Омск. 4 марта 1953 года. СССР, РСФСР, г. Омск	4 марта 1953 г.	2
519	ОМК-13408/22	Рукопись Палашенкова А.Ф. «Общая экономико-географическая характеристика Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск.	1953 г.	8
520	ОМК-13450/20	Рукопись. Песни от Варфоломеевой А.Т., записанные Палашенковым А.Ф. в с. Марьяновка Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	1953 г.	3
521	ОМК-14382/5	Рукопись Палашенкова А.Ф. Учреждения Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск.	[1950-е гг.]	62
522	ОМК-13578/3	Рукопись. Азовский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	январь 1962 г.	4
523	ОМК-13578/4	Рукопись. Большеуковский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	25 января 1962 г.	8
524	ОМК-13578/5	Рукопись. Археологические и исторические памятники Большереченского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	14

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
525	ОМК-13578/6	Рукопись. Горьковский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	13 февраля 1962 г.	18
526	ОМК-13578/7	Рукопись. Дробышевский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	26 января 1962 г.	9
527	ОМК-13578/8	Рукопись. Казахское кладбище у Помазуновского Горького озера Нововаршавского района Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	13 сентября 1958 г.	3
528	ОМК-13578/9	Рукопись. Исилькульский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	14 февраля 1962 г.	4
529	ОМК-13578/10	Рукопись. Колосовский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	17 января 1962 г.	19
530	ОМК-13578/11	Рукопись. Крутинский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	6 февраля 1962 г.	29
531	ОМК-13578/12	Рукопись. Крутинский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	3
532	ОМК-13578/13	План. Озера Крутинского района. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	1
533	ОМК-13578/16	Рукопись. Калачинский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	24 января 1962 г.	5
534	ОМК-13578/17	Рукопись. Любинский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	16 января 1962 г.	10
535	ОМК-13578/18	Рукопись. Называевский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	1962 г.	7
536	ОМК-13578/19	Рукопись. Нижне-Омский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	24 января 1962 г.	18
537	ОМК-13578/21	Рукопись. Русско-Полянский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	январь 1962 г.	3
538	ОМК-13578/22	Рукопись. Кормиловский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	5
539	ОМК-13578/23	Рукопись. Село Муромцево Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	12 февраля 1969 г.	6
540	ОМК-13578/24	Рукопись. Одесский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	январь 1962 г.	1
541	ОМК-13578/25	Рукопись. Оконешниковский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	январь 1962 г.	5
542	ОМК-13578/26	Рукопись. Полтавский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	25 января 1962 г.	6
543	ОМК-13578/27	Рукопись. Таврический район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	январь 1962 г.	10
544	ОМК-13578/28	Рукопись. Тевризский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	2 февраля 1962 г.	18
545	ОМК-13578/29	Рукопись. Шербакульский район Омской области. СССР, РСФСР, г. Омск	январь 1962 г.	8
546	ОМК-15458/9	Рукопись. Большереченский район. СССР, РСФСР, г. Омск	[1940 – 1960-е гг.].	34
547	ОМК-13408/223	Рукопись. Выписки из книг о Ф.М. Достоевском. 1964 г. СССР, РСФСР, г. Смоленск, СССР, РСФСР, г. Москва	1964 г.	48
548	ОМК-13408/224	Рукопись. По местам Ф.М. Достоевского в Омске. Выписки и заметки. СССР, РСФСР, г. Омск	1962 г.	91
549	ОМК-13450/14	Рукопись. По местам Ф.М. Достоевского в Омске (выписки и заметки). СССР, РСФСР, г. Омск	1965 г.	118
550	ОМК-13578/32.	Рукопись. По местам Ф.М. Достоевского в Омске. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.].	30

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
551	ОМК-13450/30	Рукопись. Выписки Палашенкова А.Ф. из газеты «Рабочий путь» за 1927 год. Статья Ф. Виноградова «I Западно-Сибирский съезд Советов крестьянских депутатов»/ СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.]	4
552	ОМК-13408/62	Рукопись Палашенкова А.Ф. Описание могилы П.К. Козлова на Смоленском лютеранском кладбище в Ленинграде. СССР, РСФСР, г. Омск	1963 г.	4
553	ОМК-13834/ 6-7	Палашенков А.Ф. Дневник и рукопись о поездке Палашенкова А.Ф. и Кизюрина Д.А. в село Лермонтово Пензенской области. СССР, РСФСР, г. Омск – Пензенская обл., с. Лермонтово.	1969 г.	19
554	ОМК-13450/27	Папка Палашенкова А.Ф. Иллюстрации к книге «Памятники и памятные места Омска и Омской области». СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	
555	ОМК-13408/106	Рукопись. Заметки к словарю персоналий. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	12
556	ОМК-13408/107	Рукопись. Выписки к словарю персоналий. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	6
557	ОМК-13408/108	Рукопись. Заметки к словарю персоналий. СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	12
558	ОМК-13408/109	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «К» (Кашенко-Куйбышев). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	97
559	ОМК-13408/110	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Б» (Бабков-Буяновский). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	81
560	ОМК-13408/111	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «В» (Валек-Вяткин). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	30
561	ОМК-13408/112	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Г» (Гагаринский бой). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	5
562	ОМК-13408/113	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Д» (Данилов-Дюгамель). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	68
563	ОМК-13408/114	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Ж» (Жардецкий). СССР, РСФСР, г. Омск.	[1960-е гг.]	1
564	ОМК-13408/115	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «З» (Завалишин-Зобин). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	17
565	ОМК-13408/116	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «И» (Иванов-Итин). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	11
566	ОМК-13408/117	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Е» (Ермак-Есипов). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	28
567	ОМК-13408/118	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Л» (Лавров-Ляховицкий). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	23
568	ОМК-13408/119	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «М» (Меншиков – Муравьев-Апостол). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	60
569	ОМК-13408/120	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «О» (Овцын-Одоевский). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	12
570	ОМК-13408/121	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Н» (Нагнибеда-Носилов). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	63
571	ОМК-13408/122	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «П» (Павлов-Пущин). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	72
572	ОМК-13408/123	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «С» (Сапожников-Старков). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	52
573	ОМК-13408/124	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Т» (Тимофеевский-Тюменец). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	4
574	ОМК-13408/125	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Ф» (Федоров-Фридерикс). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	15
575	ОМК-13408/126	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «У» (Устругов). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
576	ОМК-13408/127	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Х» (Хитрово-Хрущов). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	18
577	ОМК-13408/128	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Ш» (Шанцер-Шумиловский). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	15
578	ОМК-13578/33	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Р» (Радищев-Рытов). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	20
579	ОМК-13578/34	Рукопись. Материалы к словарю персоналий. Буква «Я» (Якубович-Яковлев). СССР, РСФСР, г. Омск	[1960-е гг.]	18
580	ОМК-13408/8	Рукопись. Список книг, брошюр, журнальных и газетных статей, заметок Палашенкова А.Ф. 1926 – 1970 гг. СССР, РСФСР, г. Омск	1970 г.	79

Переписка

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
581	ОМК-13408/363	Рукопись. Черновик письма. От Палашенкова А.Ф. в редакцию газеты «Омская правда». Ответ на статью Уткова и Мартынова «В Омске должен быть музей В.В. Куйбышева», опубликованную 8 февраля 1941 года.	1941 г.	1
582	ОМК-13408/222	Рукопись. Черновик письма. От Палашнекова А.Ф. Яковлеву С.М. СССР, РСФСР, г. Омск	1962 г.	18
583	13408/367	Черновик письма. От Палашенкова А.Ф. Погодину М.И. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1960-е гг.]	2
584	13408/368	Черновик письма. От Палашенкова А.Ф. жене Сапожникова М.И. СССР, РСФСР, г. Омск	29 ноября 1962 г.	1
585	13408/369	Черновик письма. Палашенкова А.Ф. СССР, РСФСР, г. Омск	4 декабря 1962 г.	2
586	13408/370	Черновик письма. От Палашенкова А.Ф. И.С. (Соколову-Микитову?) СССР, РСФСР, г. Омск	1962 г.	1
587	13408/371	Черновик письма. От Палашенкова А.Ф. И.С. (Соколову-Микитову?). СССР, РСФСР, г. Омск	17 декабря 1962 г.	2
588	ОМК-13408/332	Письмо. От Погодина М.И. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием погоды и с надеждой на добрые вести. (На бланке почтовой карточки). СССР, г. Москва	4 июля 1963 г.	1
589	ОМК-14802/5	Письмо. От брата Никиты из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением о смерти отца.	10 апреля 1939 г.	2
590	ОМК-14802/6	Карточка почтовая. От брата Никиты из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением о смерти сына Олега. СССР, РСФСР, г. Смоленск	20 мая 1940 г.	1
591	ОМК-15456/12	Письмо. От Палашенковой Н. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. о трудностях в своей работе, о желании учиться, получить высшее образование. СССР, РСФСР, г. Смоленск	31 июля 1938 г.	1
592	ОМК-15456/13	Конверт с адресом. Гор. Омск улица Республики. Госмузей. Палашенкову Андрею Федоровичу. г. Смоленск Смоленской области, Университетская ул., д. № 20/16, кв. 13. Палашенковой Н. СССР, РСФСР, г. Смоленск		1
593	ОМК-15456/14	Телеграмма. От Любы из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. о смерти дедушки – отца Палашенкова. (На бланке). СССР, РСФСР, г. Смоленск	8 апреля 1939 г.	1
594	ОМК-15456/15	Письмо. От Палашенковой Н. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. – об учебе, экзаменах, о родных, с благодарностью за присланное сало. СССР, РСФСР, г. Смоленск		2

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
595	ОМК-15456/16	Письмо. От Палашенкова Н.Ф. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. о переживаниях семьи в связи с гибелью сына Олега, о письме от командующего войсками Уральского военного округа. СССР, РСФСР, г. Смоленск	28 июля 1940 г.	2
596	ОМК-15456/17	Конверт с адресом. Г. Омск Омской области, ул. Республики, 1. Областной музей. Палашенкову Андрею Федоровичу. г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 18/16, кв. 13. Палашенков. СССР, РСФСР, г. Смоленск		1
597	ОМК-13408/261	Письмо. От Алексеевой Е.Н., директора Государственного Центрального музея музыкальной культуры, из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за письмо.	21 апреля 1954 г.	1
598	ОМК-13408/262	Поздравление. От Аношина В.С. из с. Большеречье Омской области в Омск Палашенкову А.Ф. с праздником 1 мая. (На бланке поздравительной открытки).	1 мая 1971 г.	1
599	ОМК-13408/266-268	Письмо (в конверте). От Барановского П.Д. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с приглашением жить и работать в Смоленске. СССР, г. Москва	1962 г.	8
600	ОМК-13408/267	Письмо (в конверте). От Барановского П.Д. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием поездки в Смоленскую область. СССР, г. Москва	1 января 1963 г.	4
601	ОМК-13408/268	Письмо. От Барановского П.Д. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием реставрационных работ в Болдино. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1963 г.	3
602	ОМК-13408/320; 365	Письмо. От Борисоглебского А.Д. из г. Мичуринска Тамбовской области в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за присланные материалы о П.С. Комиссарове. (На бланке почтовой карточки). СССР, РСФСР, Тамбовская обл., г. Мичуринск	26 февраля 1956 г.	1
603	ОМК-13408/365	Письмо (в конверте). От Борисоглебского А.Д. из Мичуринска в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за сведения о П.С. Комиссарове. СССР, РСФСР, Тамбовская обл., г. Мичуринск	19 февраля 1954 г.	1
604	ОМК-15456/8-9	Письмо (в конверте) от Веры из города Карачева Брянской области Палашенкову А.Ф. в Крым о семейной жизни Палашенкова А.Ф.	19 мая 1930 г.	3
605	ОМК-13408/271	Письмо (в конверте) от Гантимурова И.И. из Новосибирска в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая.	24 апреля 1971 г.	1
606	ОМК-13408/275	Письмо. От Гарутта В.Е. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой произвести обмеры черепа мамонта и выслать результаты. СССР, РСФСР, г. Ленинград	11 января 1949 г.	1
607	ОМК-13408/276	Письмо (в конверте). От Гарутта В.Е. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за хорошо выполненную работу. СССР, РСФСР, г. Ленинград	11 марта 1949 г.	1
608	ОМК-13408/277	Письмо (в конверте). От Гарутта В.Е. из Ленинграда из Зоологического музея Академии наук СССР в Омский областной музей краеведения Палашенкову А.Ф. с предложением помощи в постановке скелета мамонта. СССР, РСФСР, г. Ленинград	6 февраля 1950 г.	1
609	ОМК-13408/278	Письмо (в конверте). От О. Глинки из г. Горького в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением о предстоящей поездке в Москву. СССР, РСФСР, г. Горький	20 мая 1949 г.	1
610	ОМК-13408/279	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из г. Горького в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни в г. Горьком. СССР, РСФСР, г. Горький	21 апреля 1949 г.	2
611	ОМК-13408/280	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни в г. Смоленске. (На почтовой карточке). СССР, РСФСР, г. Смоленск	22 апреля 1951 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
612	ОМК-13408/281	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая, описанием весенней природы. (На бланке почтовой открытки). СССР, РСФСР, г. Смоленск	23 апреля 1951 г.	1
613	ОМК-13408/282	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением нового адреса проживания. СССР, РСФСР, г. Смоленск	6 ноября 1951 г.	1
614	ОМК-13408/283	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом и описанием посещения музея на Соборном дворе. (На бланке открытого письма). СССР, РСФСР, г. Смоленск	30 декабря 1951 г.	1
615	ОМК-13408/284	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая. (На бланке открытого письма). СССР, РСФСР, г. Смоленск	28 апреля 1952 г.	1
616	ОМК-13408/285	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием планов поездки в Москву. СССР, РСФСР, г. Смоленск	7 марта 1952 г.	1
617	ОМК-13408/286	Письмо. От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с впечатлениями о поездке в Москву. (На бланке открытого письма). СССР, РСФСР, г. Смоленск	14 ноября 1952 г.	1
618	ОМК-13408/287	Письмо. От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом. (На почтовой карточке). СССР, РСФСР, г. Смоленск	29 января 1953 г.	1
619	ОМК-13408/288	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. в Смоленск, Садки Палашенкову А.Ф. с приглашением прийти в гости. СССР, РСФСР, г. Смоленск	24 февраля 1953 г.	1
620	ОМК-13408/289	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением о посещении его родственников. СССР, РСФСР, г. Смоленск	18 ноября 1953 г.	2
621	ОМК-13408/290	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом и с описанием поездки в Москву. (На бланке художественной открытки). СССР, РСФСР, г. Смоленск	30 января 1954 г.	1
622	ОМК-13408/291	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. СССР, РСФСР, г. Смоленск	6 августа 1953 г.	1
623	ОМК-13408/292	Конверт почтовый. Адресован Палашенкову А.Ф. из Смоленска в Омск От Глинки О.А. СССР, РСФСР, г. Смоленск	январь 1959 г.	1
624	ОМК-13408/293	Письмо. От Глинки О.А. Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом. (На бланке поздравительной открытки). СССР, РСФСР, г. Смоленск	10 января 1959 г.	1
625	ОМК-13408/294	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска Палашенкову А.Ф. в Омск с советом посетить Невскую лавру в Ленинграде. (На почтовой карточке). СССР, РСФСР, г. Смоленск	26 февраля 1959 г.	1
626	ОМК-13408/295	Открытка. От Глинки О.А. на память Палашенкову А.Ф. СССР, РСФСР, г. Смоленск	11 мая 1959 г.	1
627	ОМК-13408/296	Открытка. От О.А. Глинка О.А. на память Палашенкову А.Ф. СССР, РСФСР, г. Смоленск	11 мая 1959 г.	1
628	ОМК-13408/297	Письмо (в конверте). От Глинки О.А. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни в Смоленске. (На бланке художественной открытки). СССР, РСФСР, г. Смоленск	28 ноября 1959 г.	1
629	ОМК-13408/314	Письмо (в конверте). От Котовой О.А. из Воронежа в Смоленск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни в Воронеже. СССР, РСФСР, г. Воронеж	21 февраля 1939 г.	1
630	ОМК-13408/315	Письмо. От Котовой О.А. из Воронежа в Смоленск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за память и описанием поездки в Смоленск. (На бланке почтовой карточки). СССР, РСФСР, г. Воронеж	28 января 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
631	ОМК-13408/316	Талон к посылке от Котовой О.А. из Воронежа с сообщением Палашенкову А.Ф. (На бланке). СССР, РСФСР, г. Воронеж	3 февраля 1939 г.	1
632	ОМК-13408/263	Письмо от Глыбиной Р.С. в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая. (На бланке почтовой карточки). СССР, РСФСР, г. Москва	29 апреля 1971 г.	1
633	ОМК-13408/272	Конверт. Адресован от Голованова В.М. из г. Павлодара Казахской ССР в Омск Палашенкову. А.Ф. В конверт были вложены 2 полосы газеты «Звезда» Прииртышья» № 231 от 20 ноября 1970 г.	20 ноября 1970 г.	3
634	ОМК-15456/3-4	Письмо (в конверте) из Консультационно-библиографического отдела Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. о книге Новомберского Н. «Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии...».	15 июня 1952 г.	1
635	ОМК-13408/298	Письмо (в конверте). От Домбровской Е.В. из г. Козельска в Омск Палашенкову А.Ф. с пьесой «Ключ Москвы», ч. II.	[1950-е гг.]	24
636	ОМК-13408/299	Письмо (в конверте). От Домбровской Е.В. из г. Козельска Калужской области в Омск Палашенкову А.Ф. с пьесой «Ключ Москвы», ч.III.	1953 г.	30
637	ОМК-13408/300	Письмо (в конверте). От Домбровской Е.В. из г. Козельска Калужской области в Омск Палашенкову А.Ф. с воспоминаниями о времени, проведенном на Урале и с описанием жизни в Козельске.	22 декабря 1962 г.	4
638	ОМК-13408/301	Письмо (в конверте). От Домбровской Е.В. из г. Козельска Калужской области в Омск Палашенкову А.Ф. с текстами посвящения и предисловий к первой и второй редакций пьесы «Ключ Москвы».	1 января 1963 г.	5
639	ОМК-13408/302	Открытка (в конверте). От Домбровской Е.В. из г. Козельска Калужской области в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением об отправке бандеролью рассказа «Защитник Смоленска».	9 марта 1963 г.	5
640	ОМК-13408/303	Письмо (в конверте). От Домбровской Е.В. из г. Козельска Калужской области в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой опубликовать ее стихи в местной печати.	7 сентября 1963 г.	3
641	ОМК-13408/304	Письмо (в конверте). От Домбровской Е.В. из г. Козельска Калужской области в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за поздравление.	4 января 1964 г.	1
642	ОМК-13408/305	Письмо (в конверте). От Измайлова С.И. в Омск Палашенкову А.Ф. с текстом сцен 8-10 пьесы [«Ключ Москвы»?].	30 апреля 1949 г.	13
643	ОМК-13408/307	Письмо от Ефременкова В. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 50-летием Октября и приглашением переехать в Смоленск. (На бланке почтовой открытки). Типограф. экз., рукописн.	6 ноября 1967 г.	1
644	ОМК-13408/308	Письмо (в конверте). От Зеновой В.Г. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием погоды в Смоленске, советами по лечению. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1 февраля 1971 г.	1
645	ОМК-13408/309	Письмо. От Зеновой В.Г. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с предложением выслать необходимые для лечения лекарства. (На почтовой карточке). СССР, РСФСР, г. Смоленск	14 апреля 1971 г.	1
646	ОМК-13408/310	Письмо (в конверте). От Зеновой В.Г. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. со словами поддержки и сочувствия. СССР, РСФСР, г. Смоленск	17 апреля 1971 г.	1
647	ОМК-13408/311	Письмо. От Зеновой В.Г. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с предложением приехать в Смоленск. СССР, РСФСР, г. Смоленск	20 апреля 1971 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
648	ОМК-13834/ 2	Письмо. От зам. главного редактора Большой Советской Энциклопедии при Совете Министров. СССР Зворыкина А. Палашенкову А.Ф. СССР, г. Москва	27 марта 1950 г.	1
649	ОМК-13834/3	Письмо. От зам. главного редактора Большой Советской Энциклопедии при Совете Министров. СССР Зворыкина А. Палашенкову А.Ф. СССР, г. Москва	19 июня 1950 г.	1
650	ОМК-13408/264	Письмо. От Зин[аиды] Георг[иевны] Палашенкову А.Ф. с сожалением о смерти А.Ф. Достоевского. СССР	28 сентября 1968 г.	1
651	ОМК-13408/265	Письмо. От Зин[аиды] Георг[иевны] Палашенкову А.Ф. с беспокойством о его здоровье и описанием дел в домике Ф.М. Достоевского в Семипалатинске. СССР	22 октября 1970 г.	1
652	ОМК-15456/11	Письмо (в конверте) от Зины (Калмыковой?) из Москвы в Смоленск Палашенкову А.Ф. с извинениями за предыдущее резкое письмо с описанием жизни в Москве и учебы на курсах библиотекарей.	6 апреля 1932 г.	2
653	ОМК-13408/306	Письмо от Исаковского М.В. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за приглашение приехать в Сибирь.	30 января 1952 г.	1
654	ОМК-13408/317	Письмо от Канн Е. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за материалы с зарисовками памятных глинкинских мест. (На бланке почтовой карточки).	Февраль 1949 г.	1
655	ОМК-13408/319	Письмо от Капустина А. из г. Омска Палашенкову А.Ф. с извинением, что не смог посетить его. (На бланке почтовой карточки).	1 октября 1950 г.	1
656	ОМК-15456/5-7	Конверт с адресом. Заказное. г. Омск, улица Республики, № 1. Облмузей, директору музея Палашенкову Андрею Федоровичу. г. Ростов-на-Дону, Тургеньевская, 18, кв. 14. Карлов. СССР, РСФСР, г. Ростов-на-Дону	1954 г.	4
657	ОМК-15456/6	Письмо. От Карлова А.А. из города Ростова-на Дону в Омск Палашенкову А.Ф. в сопровождение воспоминаний о людях, принимавших участие в борьбе за власть Советов в 1917 – 1920-х годах в городе Омске и в крае. СССР, РСФСР, г. Ростов-на-Дону	4–12 января 1954 г.	1
658	ОМК-15456/7	Письмо. От Карлова А.А. из города Ростова-на Дону в Омск Палашенкову А.Ф. с воспоминаниями о людях, принимавших участие в революционных событиях 1905 и 1917 годов в в городе Омске. СССР, РСФСР, г. Ростов-на-Дону	16 декабря 1954 г.	2
659	ОМК-13408/318	Письмо от Картавцева И. Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом.	30 декабря 1963 г.	2
660	ОМК-13408/366	Письмо (в конверте) от Коган Г.Ф., директора Музея-квартиры Ф.М. Достоевского, из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за присланную книгу.	24 апреля 1966 г.	2
661	ОМК-13408/321	Поздравдение. От Коклиной Н. из Калинина в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом. (На бланке почтовой карточки). СССР, РСФСР, г. Калинин	27 декабря 1970 г.	1
662	ОМК-13408/313	Письмо. От Коклиной Н. из Калинина в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая. (На бланке почтовой карточки). СССР, РСФСР, г. Калинин	30 апреля 1971 г.	1
663	ОМК-15456/1-2	Письмо (в конверте) от профессора Логачева Е.Д. из Кемерова в Омск Палашенкову А.Ф. в сопровождение экземпляра воспоминаний о Варваре Яковлевне Пигнатти.	4 сентября 1969 г.	1
664	ОМК-13408/322	Письмо от Малышевой Е.В. из Оренбурга в Омск Палашенкову А.Ф. с беспокойством о его здоровье. (На бланке почтовой карточки).	1 февраля 1971 г.	1
665	ОМК-13408/323	Поздравление от Матвеева А.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с 1 мая и днем Победы. (На бланке почтовой карточки).	22 апреля 1971 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
666	ОМК-13408/324	Письмо от Могильникова В.А. из Института Археологии СССР из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая. (На бланке почтовой карточки).	1 мая 1971 г.	1
667	ОМК-13834/5	Письмо от Озолина И.Ю., директора краеведческого музея, из г. Ялуторовска Тюменской области в Омск Палашенкову А.Ф.	[1940-е гг.]	1
668	ОМК-13408/385	Письмо от директора Омского областного лекционного бюро Палашенкову А.Ф. с просьбой дать рецензию на текст лекции Бударина М.Е. (На бланке).	12 июля 1960 г.	1
669	ОМК-13408/337	Конверт почтовый. Адресован Палашенкову А.Ф. из Омского сельскохозяйственного института им. С.М. Кирова.	15 октября 1963 г.	1
670	ОМК-13408/327	Письмо (в конверте). От Погодина М.И. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни. СССР, РСФСР, г. Москва	20 декабря 1962 г.	6
671	ОМК-13408/328	Письмо. От Погодина М.И. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой передать благодарность Коровкину за письмо с фотографиями. СССР, г. Москва	30 января 1963 г.	1
672	ОМК-13408/329	Письмо. От Погодина М.И. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением о новой книге о Достоевском Гроссмана. СССР, г. Москва	16 сентября 1963 г.	1
673	ОМК-13408/330	Поздравление. От Погодина М.И. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом. (На бланке почтовой открытки). СССР, г. Москва	январь 1964 г.	1
674	ОМК-13408/331	Письмо. От Погодина М.И. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием погоды и с надеждой на добрые вести. (На бланке почтовой карточки). СССР, г. Москва	4 июля 1963 г.	1
675	ОМК-13408/333	Почтовая карточка. От Помус М. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая. (На открытке). СССР, РСФСР, Московская обл.	апрель 1968 г.	1
676	ОМК-13408/334	Почтовая карточка. От Помус М. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая. (На открытке). СССР, г. Москва	27 апреля 1971 г.	1
677	ОМК-13834/9	Письмо от Рошевского П.И., зав. кафедрой Тюменского пединститута, кандидата исторических наук, из Тюмени в Омск директору областного краеведческого музея Палашенкову А.Ф.	[1957 г.]	1
678	ОМК-13408/336	Письмо (в конверте) от Сазоновой О.Ф., директора Бишуринской школы-интерната Тобольского района Тюменской области в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением о вероятной находке места захоронения Ермака.	8 июля 1968 г.	1
679	ОМК-13408/342	Письмо (в конверте). От Сапожникова М.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой рассказать о поездке в Смоленск. СССР, РСФСР, г. Ленинград	11 октября 1962 г.	1
680	ОМК-13408/343	Карточка почтовая. От Сапожникова М.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с предложением восстановить товарищеские отношения. СССР, РСФСР, г. Ленинград	16 мая 1962 г.	1
681	ОМК-13408/344	Письмо (в конверте). От Сапожникова М.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни в годы Великой Отечественной войны. СССР, РСФСР, г. Ленинград	1962 г.	3
682	ОМК-13408/345	Письмо (в конверте). От Сапожникова М.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни в начале Великой Отечественной войны. СССР, РСФСР, г. Ленинград	13 июля 1962 г.	4
683	ОМК-13408/346	Письмо (в конверте). От Сапожникова М.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни в это лето. СССР, РСФСР, г. Ленинград	6 сентября 1962 г.	1
684	ОМК-13408/347	Письмо (в конверте). От Сапожникова М.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с воспоминаниями о своих земляках-смолянах. СССР, РСФСР, г. Ленинград	20 декабря 1962 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
685	ОМК-13408/348	Письмо. От Сапожникова М.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с праздником 1 мая. (На открытке). СССР, РСФСР, г. Ленинград	27 апреля 1963 г.	1
686	ОМК-13408/349	Письмо (в конверте). От Сапожникова М.И. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с воспоминаниями о родных местах. СССР, РСФСР, г. Ленинград	27 августа 1963 г.	1
687	ОМК-13408/338	Письмо (в конверте) от Сеядко В.К. из г. Самарканда Узбекской ССР в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом и 80-летием. (На бланке художественной открытки).	14 января 1967 г.	2
688	ОМК-13408/339	Письмо (в конверте) от Соколова Ю.А. из г. Ташкента Узбекской ССР в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием Ташкента после землетрясения.	1 июля 1967 г.	2
689	ОМК-13408/350	Письмо. От Соколова-Микитова И.С. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием своей жизни в Ленинграде. (На бланке почтовой карточки). СССР, РСФСР, г. Ленинград	3 января 1947 г.	1
690	ОМК-13408/351	Письмо (в конверте). От Соколова-Микитова И.С. из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с описанием Смоленска. СССР, РСФСР, г. Смоленск	21 июня 1955 г.	1
691	ОМК-13408/352	Письмо. От Соколова-Микитова И.С. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с сообщением о встрече с С.М. Яковлевым. СССР, РСФСР, г. Ленинград	21 ноября 1962 г.	1
692	ОМК-13408/353	Письмо. От Соколова-Микитова И.С. из пос. Карачарово Калининской обл. в Омск Палашенкову А.Ф. с приглашением посетить Карачарово. СССР, РСФСР, Калининская обл., район Конаковский, пос. Карачарово	8 июня 1963 г.	1
693	ОМК-13408/378	Конверт. Адресован из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника в Омск Палашенкову А.Ф.	1970 г.	1
694	ОМК-13408/375	Письмо от Уткова В.Г. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1 мая.	25 апреля 1971 г.	1
695	ОМК-13408/340	Письмо (в конверте) от Федорова Г.А. из Москвы в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой выслать книгу «По местам Ф.М. Достоевского в Омске».	29 апреля 1966 г.	2
696	ОМК-13408/341	Письмо (в конверте) от Шкудо В., директора Смоленского областного краеведческого музея из Смоленска в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой установить историю имения Вонлярово.	15 мая 1968 г.	2
697	ОМК-13408/354	Письмо (в конверте). От Яковлева С.М. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой принять участие в популяризации деяний земляков. СССР, РСФСР, г. Ленинград	1 марта 1959 г.	1
698	ОМК-13408/355	Письмо (в конверте). От Яковлева С.М. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой дать какие-либо сведения о музыкальной школе-пансионе, открытой в сельце Алексееве Ельнинского уезда в 1838 году. СССР, РСФСР, г. Ленинград	4 октября 1962 г.	1
699	ОМК-13408/357	Письмо (в конверте). От Яковлева С.М. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с впечатлениями о его письме с описанием своей жизни. СССР, РСФСР, г. Ленинград	22 ноября 1962 г.	1
700	ОМК-13408/358	Письмо в конверте. От Яковлева С.М. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с благодарностью за адрес И.М. Картавцева. СССР, РСФСР, г. Ленинград	10 января 1963 г.	1
701	ОМК-13408/359	Письмо (в конверте). От Яковлева С.М. из Ленинграда в Смоленск, Садки, Палашенкову А.Ф. с просьбой сообщить дату приезда в Ленинград. СССР, РСФСР, г. Ленинград	5 мая 1963 г.	1
702	ОМК-13408/360	Письмо (в конверте). От Яковлева С.М. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с 1100-летием Смоленска. СССР, РСФСР, г. Ленинград	28 сентября 1963 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
703	ОМК-13408/361	Поздравление. От Яковлева С.М. из Ленинграда в Омск Палашенкову А.Ф. с поздравлением с Новым годом. (На бланке открытки). СССР, РСФСР, г. Ленинград	1963 г.	1
704	ОМК-13408/362	Письмо (в конверте) от Яновского Н. из Новосибирска из редакции журнала «Сибирские огни» в Омск Палашенкову А.Ф. с просьбой прислать книгу о Достоевском.	16 марта 1966 г.	2

Документы о фондообразователе

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
705	ОМК-13408/335	Письмо Омскому отделу ГО СССР от Помус М.И. с соболезнованиями о смерти Палашенкова А.Ф. СССР, г. Москва	9 мая 1971 г.	2
706	ОМК-14802/34	Письмо от общественности города Омска секретарю Омского областного комитета КПСС Сухининой Е.Д. о судьбе библиотеки Палашенкова А.Ф. г. Омск	1971 г.	1
707	ОМК-13408/312	Письмо от Зеновой В.Г. из Смоленска в Омский краеведческий музей с воспоминаниями об ушедшем из жизни Палашенкове А.Ф.	6 августа 1981 г.	1
708	ОМК-15506/1	Брошюра. Выставка «Подвижник краеведения». Посвящается 125-летию со дня рождения Палашенкова А.Ф. Российская федерация, г. Омск	октябрь 2011 г.	6
709	ОМК-15506/2	Брошюра. Программа Всероссийской научно-практической конференции «Краеведение как феномен провинциальной культуры», посвященной 125-летию со дня рождения Палашенкова А.Ф. Российская Федерация, г. Омск	октябрь 2011 г.	12

Изобразительные документы

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
710	ОМК-15504/6	Рисунок. Бурвин В.И. Позвонок животного. СССР, РСФСР, Омская обл., Москаленский р-н	1940 г.	1
711	ОМК-15504/7	Рисунок. Бурвин В.И. Спинной позвонок животного. СССР, РСФСР, Омская обл., Москаленский р-н	1940 г.	1
712	ОМК-15504/8	Рисунок. Бурвин В.И. Кость животного. СССР, РСФСР, Омская обл., Москаленский р-н	1940 г.	1
713	ОМК-15504/9	Рисунок. Бурвин В.И. Ребро животного. СССР, РСФСР, Омская обл., Москаленский р-н	1940 г.	1
714	ОМК-15504/10	Рисунок. Бурвин В.И. Шейный позвонок животного. СССР, РСФСР, Омская обл., Москаленский р-н	1940 г.	1
715	ОМК-15504/11	Рисунок. Бурвин В.И. Кость животного. СССР, РСФСР, Омская обл., Москаленский р-н	1940 г.	1
716	ОМК-15504/12	Рисунок. Бурвин В.И. Позвонки хвоста животного. СССР, РСФСР, Омская обл., Москаленский р-н	1940 г.	1
717	ОМК-15504/13	Рисунок. Коронка зуба мамонта в натуральную величину.	[1940 – 1950-е гг.]	1
718	ОМК-13408/240	Альбом. Детские рисунки на военные темы. СССР, РСФСР, г. Омск. Карандаши цветные.	1943 г.	9

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
719	ОМК-13408/242	Набор открыток в суперобложке. Музей-квартира Ф.М. Достоевского в Москве. Типография «Известий». СССР, г. Москва	1957 г.	22
720	ОМК-13408/243	Набор открыток в суперобложке. Ф.М. Достоевский. К 140-летию со дня рождения. Типография издательства «Советский художник». СССР, г. Москва	1960 г.	24
721	ОМК-13408/727	Открытка. Смоленск. Памятник М.И. Кутузову. Типография «Красный пролетарий», г. Москва. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
722	ОМК-13408/728	Открытка. Смоленск. Памятник героям 1812 года. Типография «Красный пролетарий», г. Москва. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
723	ОМК-13408/729	Открытка. Смоленск. Памятник героям 1812 года. Типография «Красный пролетарий», г. Москва. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
724	ОМК-13408/730	Открытка. Смоленск. Областной драматический театр. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
725	ОМК-13408/731	Открытка. Смоленск. Центральная сберегательная касса. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
726	ОМК-13408/732	Открытка. Смоленск. Гостиница «Смоленск». СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
727	ОМК-13408/733	Открытка. Смоленск. Кинотеатр «Октябрь». СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
728	ОМК-13408/734	Открытка. Смоленск. Дом Советов. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
729	ОМК-13408/735	Открытка. Смоленск. Парк культуры и отдыха. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
730	ОМК-13408/736	Открытка. Смоленск. Дворец пионеров. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
731	ОМК-13408/737	Открытка. Смоленск. Большая Советская улица. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
732	ОМК-13408/738	Открытка. Смоленск. Медицинский институт. СССР, РСФСР, г. Москва	1958 г.	1
733	ОМК-13408/739	Открытка. М.А. Врубель. Портрет Н.И. Забелы-Врубель на фоне березок. 1904 г. СССР, РСФСР, г. Ленинград	1959 г.	1
734	ОМК-13408/740	Открытка. И.И. Левитан. Осень. 1895 г. СССР, РСФСР, г. Ленинград	1959 г.	1
735	ОМК-13408/248	Конверт почтовый. Художник А.В. Плетнев; Редактор Е.Ф. Кессаринская. 250 лет Омску. Улица Ленина. [Гостиница «Сибирь»]. Издание Министерства связи СССР; СССР, г. Москва	7 февраля 1966 г.	1
736	ОМК-13408/248-249	Конверт почтовый. Художник И.Я. Дергилев; Редактор Е.Ф. Кессаринская. Омск. Речной вокзал. Издание Министерства связи. СССР; СССР, г. Москва	16 октября 1965 г.	1
737	ОМК-13408/250	Бумага оберточная (образец). «250 лет Омску». СССР, РСФСР, г. Омск	1966 г.	1

Типографские оттиски иллюстраций
к книге А.Ф. Палашенкова «Памятные места Омска и Омской области»

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
738	ОМК-13450/67	Типографский оттиск. Здание на улице 2-й Степной переулок, № 9. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
739	ОМК-13450/68	Типографский оттиск. Здание на улице Куйбышева, 101. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
740	ОМК-13450/69	Типографский оттиск. Памятник В.И. Ленину. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
741	ОМК-13450/70	Типографский оттиск. Памятник расстрелянным борцам революции на территории Горзеленхоза. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
742	ОМК-13450/71	Типографский оттиск. Омское отделение Московского сельскохозяйственного общества. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
743	ОМК-13450/72	Типографский оттиск. Тарские ворота. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	1
744	ОМК-13450/73	Типографский оттиск. Дом по улице Ядринцева, 3, в котором находился под арестом В.В. Куйбышев. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
745	ОМК-13450/74	Типографский оттиск. Старо-Северное кладбище. Памятник героям, павшим в боях за Родину. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
746	ОМК-13450/75	Типографский оттиск. Улица Косарева, дом № 103. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
747	ОМК-13450/76	Типографский оттиск. Памятник А.Е. Мельникову в Черлаке. СССР, РСФСР, Омская обл., р.п. Черлак	1967 г.	1
748	ОМК-13450/77	Типографский оттиск. Памятник А.И. Избышеву в Седельниково. СССР, РСФСР, Омская обл., с. Седельниково	1967 г.	1
749	ОМК-13450/78	Типографский оттиск. Дом офицеров. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
750	ОМК-13450/79	Типографский оттиск. Автомобильно-транспортный техникум. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
751	ОМК-13450/80	Типографский оттиск. Мемориал в Марьяновке. СССР, РСФСР, Омская обл., р.п. Марьяновка	1967 г.	1
752	ОМК-13450/81	Типографский оттиск. Генерал-губернаторский дворец. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
753	ОМК-13450/82	Типографский оттиск. Гауптвахта. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
754	ОМК-13450/83	Типографский оттиск. Памятник Парижской коммуне в сквере Памяти борцов революции. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
755	ОМК-13450/84	Типографский оттиск. Казачье кладбище. Памятник на могиле профессора Б.С. Вейсброда. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
756	ОМК-13450/85	Типографский оттиск. Площадь Восстания в Кировском районе города Омска. Памятник жертвам Куломзинского восстания 22 декабря 1918 года. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
757	ОМК-13450/86	Типографский оттиск. Братская могила в г. Калачинске. СССР, РСФСР, Омская обл., г. Калачинск	1967 г.	1
758	ОМК-13450/87	Типографский оттиск. Улица Степная, дом № 1. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
759	ОМК-13450/88	Типографский оттиск. Мемориальная доска П.П. Аносову. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
760	ОМК-13450/89	Типографский оттиск. Памятник на братской могиле в селе Евгащино. СССР, РСФСР, Омская обл., Большереченский р-н	1967 г.	1
761	ОМК-13450/90	Типографский оттиск. Угол улиц Красный путь и Рабиновича, дом № 53. СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1
762	ОМК-13450/91	Типографский оттиск. Улица Съездовская, дом № 79. Здесь проходила III областная Сибирская подпольная конференция РКП(б). СССР, РСФСР, г. Омск	1967 г.	1

№	Инв.	Фотографии А.Ф. Палашенкова и лиц из его ближайшего окружения Наименование	Дата	Кол-во
№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
763	ОМК-13408/188	Фотография. Палашенков А.Ф. СССР, РСФСР, г. Омск	[1965 – 1971 гг.]	1
764	ОМК-14802/15	Фотография. Палашенков А.Ф. в библиотеке. СССР, РСФСР, г. Омск	1958 г.	1
765	ОМК-14802/16	Фотография. Палашенков А.Ф. во дворе Омского краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	август 1955 г.	1
766	ОМК-14802/17	Фотография. Палашенков А.Ф. СССР, РСФСР, г. Омск	1955 г.	1
767	ОМК-14802/18	Фотография. Палашенков А.Ф. СССР, РСФСР, г. Омск	лето 1953 г.	1
768	ОМК-14802/19	Фотография. А.Ф. Палашенков. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950-е гг.]	1
769	ОМК-15457/1	Фотоальбом. [Смоленский период жизни Палашенкова А.Ф.] СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1906 – 1934 гг.]	48
770	ОМК-15457/2	Лист из фотоальбома. № 4. Смоленск. «Чертов ров». СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1930 – 1932 гг.].	1
771	ОМК-15457/3	Лист из фотоальбома. № 1. [Виды г. Смоленска]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	сентябрь 1930 г.	1
772	ОМК-15457/4	Лист из фотоальбома. № 5. [Виды Смоленска]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е - начало 1930-х гг.]	1
773	ОМК-15457/5	Лист из фотоальбома. № 2. Смоленск. Развалины храма св. Екатерины на Крупошице. СССР, РСФСР, г. Смоленск	3 июля 1932 г.	1
774	ОМК-15457/6	Лист из фотоальбома. № 3. Смоленск. Вид на городище «Круглый стол». СССР, РСФСР, г. Смоленск	1 июля 1932 г.	1
775	ОМК-15457/7	Лист из фотоальбома. № 6. [Виды Смоленска]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е - начало 1930-х гг.].	1
776	ОМК-15457/8	Лист из фотоальбома. № 7. Палашенков А.Ф. с группой жителей г. Дорогобужа. СССР, РСФСР, Смоленская обл., г. Дорогобуж	[начало 1930-х гг.].	1
777	ОМК-15457/9	Лист из фотоальбома. № 8. Экскурсия на Смоленскую крепостную стену. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1930 г.	1
778	ОМК-15457/10	Лист из фотоальбома. № 9. Н.Ф. Палашенков Н.Ф. в интерьере экспозиции Смоленского краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1928 г.	1
779	ОМК-15457/11	Лист из фотоальбома. № 10. [Виды Смоленска.] СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1930-е гг.]	1
780	ОМК-15457/12	Лист из фотоальбома. № 11. Палашенков А.Ф. и Данилин А.Г. на месте ночевки вблизи станции Дорогобуж Смоленской области. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е - начало 1930-х гг.]	1
781	ОМК-15457/13	Лист из фотоальбома. № 12. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.].	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
782	ОМК-15457/14	Лист из фотоальбома. № 13. Палашенков А.Ф. и Грачев В.И. СССР, РСФСР, г. Смоленск	3 июля 1932 г.	1
783	ОМК-15457/15	Лист из фотоальбома. № 14. Палашенков А.Ф. у могилы смоленского историка Грачева В.И. СССР, РСФСР, г. Смоленск	октябрь 1932 г.	1
784	ОМК-15457/16	Лист из фотоальбома. № 15. Силуэтный портрет. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
785	ОМК-15457/17	Лист из фотоальбома. № 16. Сотрудники Смоленского историко-культурного музея. СССР, РСФСР, г. Смоленск	май 1929 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
786	ОМК-15457/18	Лист из фотоальбома. № 17. Палашенков А.Ф. с актрисами Московского театра Пролеткульта. СССР, РСФСР, г. Смоленск	июль 1929 г.	1
787	ОМК-15457/19	Лист из фотоальбома. № 18. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[до 1917 г.]	1
788	ОМК-15457/20	Лист из фотоальбома. № 19. Палашенков А.Ф. – воспитанник Алферовской учительской семинарии. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[февраль 1906 г.]	1
789	ОМК-15457/21	Лист из фотоальбома. № 20. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.]. Российская империя, Смоленская губ.	май 1916 г.	1
790	ОМК-15457/22	Лист из фотоальбома. № 21. Палашенков А.Ф. с учащимися Таращинского городского училища. Российская империя, Киевская губ., г. Тараща	1912 г.	1
791	ОМК-15457/23	Лист из фотоальбома. № 22. Палашенков А.Ф. с учащимся Таращинского городского училища. Российская империя, Киевская губ., г. Тараща	1912 г.	1
792	ОМК-15457/24	Лист из фотоальбома. № 23. Палашенков А.Ф. с товарищем. Российская империя, Киевская губ., г. Тараща	1912 г.	1
793	ОМК-15457/25	Лист из фотоальбома. № 24. Палашенков А.Ф. с преподавателями Таращинского городского училища. Российская империя, Киевская губ., г. Тараща	1913 г.	1
794	ОМК-15457/26	Лист из фотоальбома. № 25. Групповой портрет. Российская империя, Киевская губ., г. Тараща	1913 г.	1
795	ОМК-15457/27	Лист из фотоальбома. № 26. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
796	ОМК-15457/28	Лист из фотоальбома. № 27. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
797	ОМК-15457/29	Лист из фотоальбома. № 28. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
798	ОМК-15457/30	Лист из фотоальбома. № 29. Портрет молодой женщины. СССР, РСФСР, г. Смоленск	июнь 1930 г.	1
799	ОМК-15457/31	Лист из фотоальбома. № 30. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	2 декабря 1934 г.	1
800	ОМК-15457/32	Лист из фотоальбома. № 31. Группа отдыхающих в Гаспре. СССР, РСФСР, г. Смоленск	май 1930 г.	1
801	ОМК-15457/33	Лист из фотоальбома. № 32. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
802	ОМК-15457/34	Лист из фотоальбома. № 33. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф.]. СССР, РСФСР, г. Смоленск	июнь 1930 г.	1
803	ОМК-15457/35	Лист из фотоальбома. № 34. Портрет молодой женщины. СССР, РСФСР, г. Смоленск	25 августа 1920 г.	1
804	ОМК-15457/36	Лист из фотоальбома. № 35. Групповой портрет. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
805	ОМК-15457/37	Лист из фотоальбома. № 36. Групповой портрет. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[начало 1930-х гг.]	1
806	ОМК-15457/38	Лист из фотоальбома. № 37. Лахтурова Ф.В. и Ясинская Н.С. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[начало 1930-х гг.]	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
807	ОМК-15457/39	Лист из фотоальбома. № 38. Портрет молодой женщины. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[конец 1920-х – начало 1930-х гг.]	1
808	ОМК-15457/40	Лист из фотоальбома. № 39. Портрет неизвестного. СССР, РСФСР, г. Смоленск	15 августа 1932 г.	1
809	ОМК-15457/41	Лист из фотоальбома. № 40. [Смоленский период жизни и деятельности Палашенкова А.Ф. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
810	ОМК-15457/42	Лист из фотоальбома. № 41. А.В. Сильницкая.	[первая четверть XX в.]	1
811	ОМК-15457/43	Лист из фотоальбома. № 42. В.И. Редькина.	[первая четверть XX в.]	1
812	ОМК-15457/44	Лист из фотоальбома. № 43. Коротченкова Е. в старинном девичьем костюме. СССР, РСФСР, Смоленская обл.	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
813	ОМК-15457/45	Лист из фотоальбома. № 44. Портрет неизвестной. СССР, РСФСР, г. Смоленск	10 февраля 1932 г.	1
814	ОМК-15457/46	Лист из фотоальбома. № 45. Портрет Калмыковой З. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1920-е – начало 1930-х гг.]	1
815	ОМК-15457/47	Лист из фотоальбома. № 46. Палашенков О.Н., племянник Палашенкова А.Ф. СССР, РСФСР, г. Смоленск	[1930-е гг.]	1
816	ОМК-15457/48	Лист из фотоальбома. № 47. Палашенков А.Ф. СССР, РСФСР, г. Смоленск	февраль 1906 г.	1
817	ОМК-13408/194	Фотография. Козлов П.К. среди членов секции научных работников Смоленска. СССР, РСФСР, г. Смоленск	1928 г.	1
818	ОМК-13408/187	Фотография. Погодин М.И. СССР, РСФСР, г. Москва. Подлинник.	5 декабря 1955 г.	1
819	ОМК-13408/189	Фотография. Яковлев С.М. СССР, РСФСР, гю Ленинград. Подлинник.	17 мая 1963 г.	1

Фотографии по истории Омского государственного историко-краеведческого музея

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
820	ОМК-13408/183	Фотография. Палашенков А.Ф. с сотрудниками Омского областного краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	2 августа 1964 г.	1
821	ОМК-13408/185	Фотоколлаж. Сотрудницы Омского областного краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	май 1955 г.	1
822	ОМК-13612/19	Фотография. Хранилище в Омском краеведческом музее. СССР, РСФСР, г. Омск	[1920 – 1930-е гг.]	1
823	ОМК-13612/20	Фотография. Экспозиция Омского краеведческого музея. Отдел природы. СССР, РСФСР, г. Омск	[1920 – 1930-е гг.]	1
824	14802/21	Фотография. Группа членов Омского отдела Географического общества во дворе Омского областного краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	[1950 – 1951 гг.]	1
825	14802/22	Фотография. Группа членов коллектива Омского областного краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	3 сентября 1949 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
826	ОМК-15210/6	Фотография. Палашенков А.Ф. в дворике краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	1958 г.	1
827	ОМК-15213/6	Фотография. Снос старых построек во дворе краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	[1969 – 1971 гг.]	1
828	ОМК-15459/1	Фотография. Фрагмент экспозиции Омского областного краеведческого музея. СССР, РСФСР, г. Омск	[1930-е гг.]	1
829	ОМК-15459/2	Фотография. А.Ф. Палашенков и Н.М. Столповская во дворе Омского областного музея. СССР, РСФСР, г. Омск	1953 г.	1
830	ОМК-13408/184	Фотография. Палашенков А.Ф. и Березовская З.Ф. СССР, РСФСР, г. Омск. Подлинник	1950 – 1960-е гг.	1

Фотоальбом А.Ф. Палашенкова.
Экспедиция по рекам Ляпин и Северная Сосьва

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
831	ОМК-13408/182;	Фотоальбом. Палашенков А.Ф. Экспедиция по рекам Ляпин и Северная Сосьва. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ. Подлинники.	1939 г.	99
832	ОМК-13408/462	Фотография. Палашенков А.Ф.Сибиряковский тракт. Хвойный лес по обе сторны тракта. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	19 августа 1939 г.	1
833	ОМК-13408/463	Фотография. Палашенков А.Ф. Сибиряковский тракт. Деревянный настил. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	19 августа 1939 г.	1
834	ОМК-13408/464	Фотография. Палашенков А.Ф. Сибиряковский тракт в 150 – 200 метрах от селения Щекурья. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	19 августа 1939 г.	1
835	ОМК-13408/465	Фотография. Палашенков А.Ф. Сибиряковский тракт. Хвойный лес по обе сторны тракта. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	19 августа 1939 г.	1
836	ОМК-13408/466	Фотография. Палашенков А.Ф. Сибиряковский тракт. Хвойный лес по обе сторны тракта. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
837	ОМК-13408/467	Фотография. Палашенков А.Ф. Сибиряковский тракт. Деревянный настил. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
838	ОМК-13408/468	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Бывшая церковь, приспособленная под клуб колхоза имени Карла Маркса. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
839	ОМК-13408/469	Фотография. Палашенков А.Ф. Свайные амбары жителей селения Щекурья Саранпаульского нацсовета. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
840	ОМК-13408/470	Фотография. Палашенков А.Ф. Скотный двор колхоза имени Карла Маркса в поселке Щекурья Саранпаульского нацсовета. 13 августа 1939 г. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
841	ОМК-13408/471	Фотография. Палашенков А.Ф. Зырянское кладбище в селении Щекурья Саранпаульского нацсовета. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
842	ОМК-13408/472	Фотография. Палашенков А.Ф. Мансийское [стойбище] в селении Щекурья Саранпаульского нацсовета. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
843	ОМК-13408/473	Фотография. Палашенков А.Ф. Мансийское [стойбище] в селении Щекурья Саранпаульского нацсовета. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
844	ОМК-13408/474	Фотография. Палашенков А.Ф. «Красная лодка» (торговый ларек) Саранпаульского сельпо. Обслуживает рыболовецкие бригады. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
845	ОМК-13408/475	Фотография. Палашенков А.Ф. Отдельные валуны и здесь же в сланце ракушки. Правый берег реки [Щорташи]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
846	ОМК-13408/476	Фотография. Палашенков А.Ф. Селение Щекурья Саранпаульского нацсовета. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
847	ОМК-13408/477	Фотография. Палашенков А.Ф. «Святое» место мансийцев при входе в поселок Щекурью. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
848	ОМК-13408/478	Фотография. Палашенков А.Ф. – грешный остров на правом берегу реки [Шортаки]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	13 августа 1939 г.	1
849	ОМК-13408/479	Фотография. Палашенков А.Ф. Повалившийся к реке тын. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	19 августа 1939 г.	1
850	ОМК-13408/480	Фотография. Палашенков А.Ф. Северо-восточный угол. Остатки строения. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	19 августа 1939 г.	1
851	ОМК-13408/481	Фотография. Палашенков А.Ф. Кустарник, выросший на месте острога. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	16 августа 1939 г.	1
852	ОМК-13408/482	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Вид от крепости на второй гребень, где стояли жилые дома. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
853	ОМК-13408/483	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид с острога на север тайги. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	16 августа 1939 г.	1
854	ОМК-13408/484	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на крепость с береговой гривы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	16 августа 1939 г.	1
855	ОМК-13408/485	Фотография. Палашенков А.Ф. Крепость. [Саранпауль]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
856	ОМК-13408/486	Фотография. Палашенков А.Ф. Крепость. [Саранпауль]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
857	ОМК-13408/487	Фотография. Палашенков А.Ф. Крепость. Вид с восточной стороны на место, где стояла башня. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	11 августа 1939 г.	1
858	ОМК-13408/488	Фотография. Палашенков А.Ф. Крепость. Вид с реки Ляпин. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	11 августа 1939 г.	1
859	ОМК-13408/489	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на территорию крепости с западной стороны. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
860	ОМК-13408/490	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на восточную часть территории, где стояла крепость. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	11 августа 1939 г.	1
861	ОМК-13408/491	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид от места, где стояла башня на Саранпауль. Видна река Ляпин. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	11 августа 1939 г.	1
862	ОМК-13408/492	Фотография. Палашенков А.Ф. Угол северной стороны постройки (березка, кустарник). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
863	ОМК-13408/493	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид с северной стороны. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	11 августа 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
864	ОМК-13408/494	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Вид с северной стороны на часть тына, вкопанного в землю. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
865	ОМК-13408/495	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Вид с северной стороны на часть тына, вкопанного в землю. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
866	ОМК-13408/496	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на Саранпауль из-за реки Ляпин. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	16 августа 1939 г.	1
867	ОМК-13408/497	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на Саранпауль из-за реки Ляпин. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	16 августа 1939 г.	1
868	ОМК-13408/498	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на Саранпауль из-за реки Ляпин. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	16 августа 1939 г.	1
869	ОМК-13408/499	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпаульский ветеринарный пункт. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
870	ОМК-13408/500	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Связь из жилой избы в два окна с хлевом и сенцами. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
871	ОМК-13408/501	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Контора и магазин заготпушнины. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
872	ОМК-13408/502	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпаульский научно-исследовательский оленеводческий пункт полярных земель. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
873	ОМК-13408/503	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид Саранпаульского оленесовхоза. 14 августа 1939 г. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
874	ОМК-13408/504	Фотография. Палашенков А.Ф. Скотные дворы колхоза имени Сталина Саранпаульского нацсовета. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
875	ОМК-13408/505	Фотография. Палашенков А.Ф. Детясли колхоза имени Сталина Саранпаульского нацсовета. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
876	ОМК-13408/506	Фотография. Палашенков А.Ф. [Сельский] совет и клуб Березовского района. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
877	ОМК-13408/507	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпаульская неполная средняя школа. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
878	ОМК-13408/508	Фотография. Палашенков А.Ф. Сибиряковский амбар в селении Саранпауль. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
879	ОМК-13408/509	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на уголок старого Саранпауля. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
880	ОМК-13408/510	Фотография. Палашенков А.Ф. Угол старого Саранпауля (2-я деревня) с крестом и слева бани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
881	ОМК-13408/511	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Поклажа корма-стога и на жердях связки прутьев для корма скота. 14 августа 1939 г. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
882	ОМК-13408/512	Фотография. Палашенков А.Ф. Сибиряковский амбар в селении Саранпауль. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
883	ОМК-13408/513	Фотография. Палашенков А.Ф. Угол старого Саранпауля (2-я деревня) с крестом. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
884	ОМК-13408/514	Фотография. Палашенков А.Ф. Зырянское кладбище в Саранпауле. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
885	ОМК-13408/515	Фотография. Палашенков А.Ф. Зырянское кладбище в Саранпауле. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
886	ОМК-13408/516	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Старая постройка. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
887	ОМК-13408/518	Фотография. Палашенков А.Ф. Мансийская церковь, находящаяся на левом берегу реки Ляпин в 2-х км от Саранпауля. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
888	ОМК-13408/519	Фотография. Палашенков А.Ф. Мансийская церковь, находящаяся на левом берегу реки Ляпин в 2-х км от Саранпауля. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
889	ОМК-13408/520	Фотография. Палашенков А.Ф. Мансийская церковь, находящаяся на левом берегу реки Ляпин в 2-х км от Саранпауля. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
890	ОМК-13408/521	Фотография. Палашенков А.Ф. Мансийская церковь, находящаяся на левом берегу реки Ляпин в 2-х км от Саранпауля. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1.
891	ОМК-13408/522	Фотография. Палашенков А.Ф. Мансийская церковь, находящаяся на левом берегу реки Ляпин в 2-х км от Саранпауля. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
892	ОМК-13408/523	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Общий вид Белого Яра, в 60-ти метрах от которого ямы-жилища. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
893	ОМК-13408/524	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Колхозники за обедом на уборке сена возле реки Ляпин. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
894	ОМК-13408/525	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Зыряне косят траву горбушами. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
895	ОМК-13408/526	Фотография. Палашенков А.Ф. Саранпауль. Белый Яр. Вид ямы-жилища. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	12 августа 1939 г.	1
896	ОМК-13408/527	Фотография. Палашенков А.Ф. Братская могила в Саранпауле. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
897	ОМК-13408/528	Фотография. Палашенков А.Ф. Братская могила в Саранпауле. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	14 августа 1939 г.	1
898	ОМК-13408/529	Фотография. Палашенков А.Ф. Братская могила на юг от Саранпауля в 350 м от заброшенной деревни. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
899	ОМК-13408/530	Фотография. Палашенков А.Ф. Братская могила на юг от Саранпауля в 350 м от заброшенной деревни. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
900	ОМК-13408/531	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид со стоянки «Колхозное поле №2» на болото. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	10 августа 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
901	ОМК-13408/532	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид средней части стоянки (фото с восточной стороны). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	10 августа 1939 г.	1
902	ОМК-13408/533	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на стоянку с западной, приподнятой точки в восточном направлении. Стоянка «Колхозное поле №2» СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	10 августа 1939 г.	1
903	ОМК-13408/534	Фотография. Палашенков А.Ф. Река Ляпин. Белый Яр вблизи Сарапауля. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
904	ОМК-13408/535	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид поросшей березкой и осинником стоянки «Колхозное поле №1» СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	10 августа 1939 г.	1
905	ОМК-13408/536	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на юго-западный угол стоянки «Колхозное поле № 2» (избушка колхоза). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	10 августа 1939 г.	1
906	ОМК-13408/537	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид с восточной стороны на стоянку «Колхозное поле № 2». СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	10 августа 1939 г.	1
907	ОМК-13408/538	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид стоянки у селения Шомы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
908	ОМК-13408/539	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид стоянки у селения Шомы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
909	ОМК-13408/540	Фотография. Палашенков А.Ф. Селение Шомы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
910	ОМК-13408/541	Фотография. Палашенков А.Ф. Селение Шомы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
911	ОМК-13408/542	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид места очагов стоянки на берегу залива Куча у селения Кучи. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
912	ОМК-13408/543	Фотография. Палашенков А.Ф. Поселок Харсемпауль (ниже Сартынья 50 км) СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
913	ОМК-13408/544	Фотография. Палашенков А.Ф. Ломбовож. Вид на юг от школы, на стоянку, расположенную около ручья. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 августа 1939 г.	1
914	ОМК-13408/545	Фотография. Палашенков А.Ф. Ломбовож. Вид старого мансийского кладбища в 2-х км от селения. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	27 августа 1939 г.	1
915	ОМК-13408/546	Фотография. Палашенков А.Ф. Ломбовож. Мансийское кладбище (новое). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	27 августа 1939 г.	1
916	ОМК-13408/547	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид летнего Ломбовожа. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	27 августа 1939 г.	1
917	ОМК-13408/548	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на тайгу и озеро. Правый берег Ляпина не доезжая Ломбовожа. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	27 августа 1939 г.	1
918	ОМК-13408/549	Фотография. Палашенков А.Ф. Ломбовож. Вид мансийской постройки. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	27 августа 1939 г.	1
919	ОМК-13408/550	Фотография. Палашенков А.Ф. Больница в Ломбовожском нацсовете. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	27 августа 1939 г.	1
920	ОМК-13408/551	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид стоянки у Верхних Люлюкар. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
921	ОМК-13408/552	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид стоянки, что у Верхних Люлюкар. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1
922	ОМК-13408/553	Фотография. Палашенков А.Ф. Юрты по левую сторону Сосьвы у р. Нялин в 7 км от Сартыньи. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	6 августа 1939 г.	1
923	ОМК-13408/554	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на сор у Сопокланда. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	5 сентября 1939 г.	1
924	ОМК-13408/555	Фотография. Палашенков А.Ф. Сопокланд. Летние чумы манси. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	5 сентября 1939 г.	1
925	ОМК-13408/556	Фотография. Палашенков А.Ф. Пароход «Шлеев» на [Северной] Сосьве вблизи Сопокланда. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	5 сентября 1939 г.	1
926	ОМК-13408/557	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид городища на Узынье. 8 сентября 1939 г. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1
927	ОМК-13408/558	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид городища на Узынье (На приплесе лес). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1
928	ОМК-13408/559	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на берег со стоянкой и кострищем в 5 км вверх от Ватерпель. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1
929	ОМК-13408/560	Фотография. Палашенков А.Ф. Берег Ляпина. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 августа 1939 г.	1
930	ОМК-13408/561	Фотография. Палашенков А.Ф. Берег Ляпина. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 августа 1939 г.	1
931	ОМК-13408/562	Фотография. Палашенков А.Ф. Мансийское поселение Хосло в 40 км от Сарапауля. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	24 августа 1939 г.	1
932	ОМК-13408/563	Фотография. Палашенков А.Ф. Берег Ляпина. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 августа 1939 г.	1
933	ОМК-13408/564	Фотография. Палашенков А.Ф. Берег Ляпина. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 августа 1939 г.	1
934	ОМК-13408/565	Фотография. Палашенков А.Ф. Берег Ляпина. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 августа 1939 г.	1
935	ОМК-13408/566	Фотография. Палашенков А.Ф. Река Ляпин. Забор (изгородь) для ловли рыбы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 августа 1939 г.	1
936	ОМК-13408/567	Фотография. Палашенков А.Ф. Сор у Игрима. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 августа 1939 г.	1
937	ОМК-13408/568	Фотография. Палашенков А.Ф. Берег реки Сосьва. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1
938	ОМК-13408/569	Фотография. Палашенков А.Ф. Слияние рек Ляпина и Сосьвы. Видна преимущественно Сосьва. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 августа 1939 г.	1
939	ОМК-13408/570	Фотография. Палашенков А.Ф. Слияние рек Ляпина и Сосьвы. Видна преимущественно Сосьва. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 августа 1939 г.	1
940	ОМК-13408/571	Фотография. Палашенков А.Ф. Рыболовы опускают сети на протоке возле селения Чуанельского. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	5 августа 1939 г.	1
941	ОМК-13408/572	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид с устья реки Ляпина на лесной увал. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 августа 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
942	ОМК-13408/573	Фотография. Палашенков А.Ф. Просеки для ловли уток около Ахта-Субирос (ниже Сартынья километров 45). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
943	ОМК-13408/574	Фотография. Палашенков А.Ф. Перевесы для ловли уток на левом берегу реки Ляпина в трех километрах от поселения Хосло. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	24 августа 1939 г.	1
944	ОМК-13408/575	Фотография. Палашенков А.Ф. Болото с водяными утиными плесами на левом берегу реки Ляпина в 3-х км от поселка Хослы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	24 августа 1939 г.	1
945	ОМК-13408/576	Фотография. Палашенков А.Ф. Неполная средняя школа Сосьвинской культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
946	ОМК-13408/577	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид Сосьвинской культбазы с реки. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
947	ОМК-13408/578	Фотография. Палашенков А.Ф. Правый берег реки Сосьвы. 1939 г. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
948	ОМК-13408/579	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на реку Сосьву вверх от культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
949	ОМК-13408/580	Фотография. Палашенков А.Ф. Клуб Сосьвинской культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
950	ОМК-13408/581	Фотография. Палашенков А.Ф. Скотный двор Сосьвинской культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
951	ОМК-13408/582	Фотография. Палашенков А.Ф. Интернат Сосьвинской культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
952	ОМК-13408/583	Фотография. Палашенков А.Ф. Жилой дом Сосьвинской культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
953	ОМК-13408/584	Фотография. Палашенков А.Ф. Сосьвинская метеостанция. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
954	ОМК-13408/585	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид Сосьвинской культбазы с реки Сосьва. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
955	ОМК-13408/586	Фотография. Палашенков А.Ф. Пожарное депо Сосьвинской культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
956	ОМК-13408/587	Фотография. Палашенков А.Ф. Больница Сосьвинской культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
957	ОМК-13408/588	Фотография. Палашенков А.Ф. Жилой дом Сосьвинской культбазы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	31 августа 1939 г.	1
958	ОМК-13408/589	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид летнего Тоболдина на правом приподнятом песчаном берегу реки Сосьвы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	5 сентября 1939 г.	1
959	ОМК-13408/590	Фотография. Палашенков А.Ф. Поселок Ахта - [Сирбирось] в 45 км от Сартынья. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
960	ОМК-13408/591	Фотография. Палашенков А.Ф. Сартынья. Вид с площадки стоянки на Заречье. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
961	ОМК-13408/592	Фотография. Палашенков А.Ф. Сартынья. Вид с площадки стоянки на Заречье. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
962	ОМК-13408/593	Фотография. Палашенков А.Ф. Сартынья. Вид с площадки стоянки вверх по р. Сосьве. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
963	ОМК-13408/594	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид Сартыньи. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
964	ОМК-13408/595	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид Сартыньи. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
965	ОМК-13408/596	Фотография. Палашенков А.Ф. Общий вид стоянки, что в 1 км от Сартыньи на левом берегу р. Сосьвы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
966	ОМК-13408/597	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на стоянку, что в 1 км от Сартыньи на левом берегу р. Сосьвы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
967	ОМК-13408/598	Фотография. Палашенков А.Ф. Сартынья. Вид на братскую могилу. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
968	ОМК-13408/599	Фотография. Палашенков А.Ф. Сартынья. Вид на братскую могилу. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
969	ОМК-13408/600	Фотография. Палашенков А.Ф. Сартынья. Место расстрела двух захваченных белыми. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
970	ОМК-13408/601	Фотография. Палашенков А.Ф. Сартынья. Дом, в котором было принято решение о расстреле совработников. Раньше в этом доме находилась земская управа. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	4 сентября 1939 г.	1
971	ОМК-13408/602	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид части Игрима с большим северным домом. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	7 сентября 1939 г.	1
972	ОМК-13408/603	Фотография. Палашенков А.Ф. Надгробные сооружения на городке против Игрима. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	7 сентября 1939 г.	1
973	ОМК-13408/604	Фотография. Палашенков А.Ф. Караван барж с возвращающимися с рыбалки у Игрима. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1
974	ОМК-13408/605	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на Шайтанский колхоз Березовского района. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	5 августа 1939 г.	1
975	ОМК-13408/606	Фотография. Палашенков А.Ф. Кедр на берегу левой протоки в 6 км от Березова. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	10 сентября 1939 г.	1
976	ОМК-13408/607	Фотография. Палашенков А.Ф. Стоянка в 7 км от Березова. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1
977	ОМК-13408/608	Фотография. Палашенков А.Ф. Стоянка в 7 км от Березова. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	8 сентября 1939 г.	1
978	ОМК-13408/609	Фотография. Палашенков А.Ф. Река [Северная] Сосьва у Березова. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	10 сентября 1939 г.	1
979	ОМК-13408/610	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывший Воскресенский собор. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
980	ОМК-13408/611	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывший Воскресенский собор. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
981	ОМК-13408/612	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывший Воскресенский собор. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
982	ОМК-13408/613	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывший Воскресенский собор. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
983	ОМК-13408/614	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Слева оградка бывшего собора, справа типография районной газеты. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
984	ОМК-13408/615	Фотография. Палашенков А.Ф. Могила А.И. Остермана в Березове. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
985	ОМК-13408/616	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
986	ОМК-13408/617	Фотография. Палашенков А.Ф.Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
987	ОМК-13408/618	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. Ворота. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
988	ОМК-13408/619	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Берег у пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
989	ОМК-13408/620	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Складские помещения на пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
990	ОМК-13408/621	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Вид на Парк культуры и отдыха, амбары и пристань. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
991	ОМК-13408/622	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Парк культуры и отдыха, справа р. Сосьва. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
992	ОМК-13408/623	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывшая Богородицко-Рождественская церковь (сейчас пекарня). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
993	ОМК-13408/624	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывшая Богородицко-Рождественская церковь (сейчас пекарня). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
994	ОМК-13408/625	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Уголок парка культуры и отдыха. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
995	ОМК-13408/626	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывшая Богородицко-Рождественская церковь (сейчас пекарня). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
996	ОМК-13408/627	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывшая Богородицко-Рождественская церковь. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
997	ОМК-13408/628	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
998	ОМК-13408/629	Фотография. Палашенков А.Ф. Районная больница в Березове. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
999	ОМК-13408/630	Фотография. Палашенков А.Ф. Больничный парк в Березове. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1000	ОМК-13408/631	Фотография. Палашенков А.Ф. Бывшие купеческие амбары на пристани в Березове. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
1001	ОМК-13408/632	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Амбары Березовской пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1002	ОМК-13408/633	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Амбары Березовской пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1003	ОМК-13408/634	Фотография. Палашенков А.Ф. Березовская пристань. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1004	ОМК-13408/635	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на Березов с пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1005	ОМК-13408/636	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на Березов с пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1006	ОМК-13408/637	Фотография. Палашенков А.Ф. Березовская пристань. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1007	ОМК-13408/638	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Вид на реку [Северная] Сосьва и амбары Березовской пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1008	ОМК-13408/639	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Амбары Березовской пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1009	ОМК-13408/640	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Вид со двора дома Котовщикова. Угол [улиц] Вогульской и Культучной № 3. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1010	ОМК-13408/641	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Дом, в котором заседал совдеп в 1918 г. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1011	ОМК-13408/642	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Дом, в котором проживал Каганович в период ссылки 1907 г. Кооперативная, д.29. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1012	ОМК-13408/643	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Памятник члену Ревкома Т. Сенькину. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1013	ОМК-13408/644	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Братская могила [жертв Казымского конфликта]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1014	ОМК-13408/645	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Здания РИКа, Райкома ВКП(б) и пожарной команды. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1015	ОМК-13408/646	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Библиотека и правление колхоза. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1016	ОМК-13408/647	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. В центре Дом народов Севера, слева почтовое отделение, справа нарсуд и прокуратура. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1017	ОМК-13408/648	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Здание средней школы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1018	ОМК-13408/649	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Здания школы и детского сада. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1019	ОМК-13408/650	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Детский сад в бывшем купеческом доме. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
1020	ОМК-13408/651	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Универмаг Березовского райпотребсоюза. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1021	ОМК-13408/652	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Окраина города. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1022	ОМК-13408/653	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1023	ОМК-13408/654	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1024	ОМК-13408/655	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1025	ОМК-13408/656	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1026	ОМК-13408/657	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1027	ОМК-13408/658	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1028	ОМК-13408/659	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1029	ОМК-13408/660	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Бывший Воскресенский собор. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1030	ОМК-13408/661	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид улицы в селе Березове. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1031	ОМК-13408/662	Фотография. Палашенков А.Ф. Уголок Березова. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1032	ОМК-13408/663	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Окраина города около кладбища. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1033	ОМК-13408/664	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Вид с юго-запада на бывший Воскресенский собор. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1034	ОМК-13408/665	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Коммунальная башня. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1035	ОМК-13408/666	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Одна из улиц. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1036	ОМК-13408/667	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Одна из улиц. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1037	ОМК-13408/668	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Вид на окраину города с западной стороны. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1038	ОМК-13408/669	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Вид на город с колокольни бывшего Воскресенского собора. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1039	ОМК-13408/670	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Общий вид с колокольни собора. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1040	ОМК-13408/671	Фотография. Палашенков А.Ф. Старый Березов. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1041	ОМК-13408/672	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Спортивная площадка в сосновом парке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1042	ОМК-13408/673	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. В парке культуры и отдыха. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
1043	ОМК-13408/674	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Парк культуры и отдыха. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1044	ОМК-13408/675	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Уголок русского кладбища. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1045	ОМК-13408/676	Фотография. Палашенков А.Ф. Березовское кладбище. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1046	ОМК-13408/677	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Русское кладбище. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1047	ОМК-13408/678	Фотография. Палашенков А.Ф. Кладбище в Березове. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1048	ОМК-13408/679	Фотография. Палашенков А.Ф. Кладбище в Березове. Общий вид. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1049	ОМК-13408/680	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Типография районной газеты. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1050	ОМК-13408/681	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Берег при подъеме с пристани. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1051	ОМК-13408/682	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Остатки старых сооружений. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1052	ОМК-13408/683	Фотография. Палашенков А.Ф. Березовский тын. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1053	ОМК-13408/684	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Левый берег реки [Северной] Сосьвы. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1054	ОМК-13408/685	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на Березов со стороны речки Городянки. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1055	ОМК-13408/686	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1056	ОМК-13408/687	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1057	ОМК-13408/688	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1058	ОМК-13408/689	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1059	ОМК-13408/690	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1060	ОМК-13408/691	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1061	ОМК-13408/692	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1062	ОМК-13408/693	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
1063	ОМК-13408/694	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1064	ОМК-13408/695	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1065	ОМК-13408/696	Фотография. Палашенков А.Ф. Городище вблизи Березова на реке Городянке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1066	ОМК-13408/697	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Подземная часть тына на обрыве при дороге, поднимающейся в гору (налево от пристани). СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1067	ОМК-13408/698	Фотография. Палашенков А.Ф. Правый берег Иртыша в 120 км вниз от Омска. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	3 октября 1939 г.	1
1068	ОМК-13408/699	Фотография. Палашенков А.Ф. Большой Атлым. Общий вид села с городища. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1069	ОМК-13408/700	Фотография. Палашенков А.Ф. Большой Атлым. Вид села с городища. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1070	ОМК-13408/701	Фотография. Палашенков А.Ф. Большой Атлым. Вид села с городища вниз по реке. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	лето 1939 г.	1
1071	ОМК-13408/702	Фотография. Палашенков А.Ф. Большой Атлым. Городище. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	лето 1939 г.	1
1072	ОМК-13408/703	Фотография. Палашенков А.Ф. У устья реки Большой Атлым. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	23 сентября 1939 г.	1
1073	ОМК-13408/704	Фотография. Палашенков А.Ф. Берег у устья реки Большой Атлым. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	23 сентября 1939 г.	1
1074	ОМК-13408/705	Фотография. Палашенков А.Ф. Кондинское. Общий вид. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	3 августа 1939 г.	1
1075	ОМК-13408/706	Фотография. Палашенков А.Ф. Валуны у поселка Урманного в 120 км от Остяко-Вогульска. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	2 августа 1939 г.	1
1076	ОМК-13408/707	Фотография. Палашенков А.Ф. Вид на Чуапельский колхоз. 5 августа 1939 г. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	5 августа 1939 г.	1
1077	ОМК-13408/708	Фотография. Палашенков А.Ф. Хвойный лес. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1 сентября 1939 г.	1
1078	ОМК-13408/709	Фотография. Палашенков А.Ф. Гари, предназначенные под пашни у поселка Урманного. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	2 августа 1939 г.	1
1079	ОМК-13408/710	Фотография. Палашенков А.Ф. Ханское кладбище. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 сентября 1939 г.	1
1080	ОМК-13408/711	Фотография. Палашенков А.Ф. Ханское кладбище. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 сентября 1939 г.	1
1081	ОМК-13408/712	Фотография. Палашенков А.Ф. Ханское кладбище. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 сентября 1939 г.	1
1082	ОМК-13408/713	Фотография. Палашенков А.Ф. Чувашский мыс. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 сентября 1939 г.	1
1083	ОМК-13408/714	Фотография. Палашенков А.Ф. Чувашский мыс со стороны Тобольска. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 сентября 1939 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
1084	ОМК-13408/715	Фотография. Палашенков А.Ф. Чувашский мыс. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	28 сентября 1939 г.	1
1085	ОМК-13408/716	Фотография. Палашенков А.Ф. Село на берегу Иртыша. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1086	ОМК-13408/717	Фотография. Палашенков А.Ф. Село на берегу Иртыша. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	лето 1939 г.	1
1087	ОМК-13408/718	Фотография. Палашенков А.Ф. Село на берегу Иртыша. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	лето 1939 г.	1
1088	ОМК-13408/719	Фотография. Палашенков А.Ф. Село Демьянское с Иртыша. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 сентября 1939 г.	1
1089	ОМК-13408/720	Фотография. Палашенков А.Ф. Береговой выступ с предполагаемым на нем городищем в 6 км от Демьянского вниз по реке Иртыш на правом берегу. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	26 сентября 1939 г.	1
1090	ОМК-13408/721	Фотография. Палашенков А.Ф. На буксире. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	лето 1939 г.	1
1091	ОМК-13408/722	Фотография. Палашенков А.Ф. Иртыш. На буксире. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	лето 1939 г.	1
1092	ОМК-13408/723	Фотография. Палашенков А.Ф. Пароход «Карл Либкнехт» в устье реки Большой Атлым. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	23 сентября 1939 г.	1
1093	ОМК-13408/724	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Памятник на братской могиле [жертв казымского конфликта]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1
1094	ОМК-13408/725	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Вид на братскую могилу [жертв казымского конфликта]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	1939 г.	1
1095	ОМК-13408/726	Фотография. Палашенков А.Ф. Березов. Памятник на братской могиле [жертв казымского конфликта]. СССР, РСФСР, Омская обл., Ханты-Мансийский нац. округ	15 сентября 1939 г.	1

Фотографии, сделанные в различных экспедиционных поездках

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
1096	ОМК-14802/23	Фотография. Палашенков А.Ф. во время экспедиции в окрестностях с. Пустынного. Овраг правобережья р. Иртыша. Омская обл.	1957 г.	1
1097	ОМК-14802/24	Фотография. Палашенков А.Ф. в походе со школьниками. Переправа через ручей. Омская обл.	[1950-е гг.].	1
1098	ОМК-14802/25	Фотография. Плотников Н.А. Экспедиция Омского отделения Географического общества в окрестностях Павлодара. Выходы третичных пород с костями жирафа, носорога, страуса, гиппариона – фауны сухих савван. Казахстан	[1950 – 1960-е гг.]	1
1099	ОМК-14802/26	Фотография. Палашенков А.Ф. во время поездки в Муромцевский район. Омская обл.	1966 г.	1
1100	ОМК-14802/29	Фотография. Палашенков А.Ф. в районе лагеря Бухгольца. Казахстан, Северо-Казахстанская обл., Лебяжинский р-н, с. Ямышево	июль 1964 г.	1
1101	ОМК-14802/30	Фотография. Палашенков А.Ф. во время осмотра места древней крепости в Большереченском районе Омской области. Омская обл., Большереченский р-н	1958 г.	1

№ п/п	Инв. номер	Наименование	Дата	Кол-во листов
1102	ОМК-14802/31	Фотография. Палашенков А.Ф. во время осмотра окрестностей дороги из Муромцево в Седельниково. Омская обл.	1966 г.	1
1103	ОМК-14802/33	Фотография. Плотников Н.А. На привале по пути в Омск у озера Горшенино. Омская обл., Саргатский р-н	1969 г.	1
1104	ОМК-15210/1	Фотография. Плотников Н.А. Казахстан. По дороге на р. Селекты. А.Ф. Палашенков осматривает памятник (стелу) с надписью на арабском языке.	лето 1969 г.	1
1105	ОМК-15210/2	Фотография. Плотников Н.А. Экспедиция в Муромцевский район. Палашенков А.Ф. на Старом Московско-Сибирском тракте в окрестностях села Карташева.	лето 1969 г.	1
1106	ОМК-15210/3	Фотография. Плотников Н.А. Экспедиция в Муромцевский район. На Карташевке.	1969 г.	1
1107	ОМК-15210/7	Фотография. Палашенков А.Ф. во время экспедиции	[1950 – 1960-е гг.]	1
1108	ОМК-13578/14	Фотография. Конюшенко И. Городище «Красный пахарь» в Крутинском районе. СССР, РСФСР, Омская обл., Крутинский р-н. Подлинник.	август 1960 г.	1
1109	ОМК-13578/15	Фотография. Конюшенко И. Река Ир около деревни Загайново Крутинского района. СССР, РСФСР, Омская обл., Крутинский р-н. Подлинник.	август 1960 г.	1
1110	ОМК-15210/5	Фотография. Гусев Г. Утки на озерке у Сибирской академии сельского хозяйства.	8 июня 1958 г.	1
1111	ОМК 14802/32	Фотография. Мемориальная доска в честь памяти А.Н. Радищева в окрестностях с. Артын. Омская обл., Муромцевский р-н	[1960-е гг.]	1
1112	ОМК-14802/28	Фотография. Плотников Н.А. На раскопках древнего поселения у с. Чероноозерье. Омская обл., Саргатский р-н	1969 г.	1
1113	ОМК-14802/33	Фотография. Плотников Н.А. На привале по пути в Омск у озера Горшенино. Омская обл., Саргатский р-н	1969 г.	1
1114	ОМК-15210/4	Фотография. Мезенцев В.С. Во время экспедиции по Казахстану.	Лето 1969 г.	1

Список публикаций А.Ф. Палашенкова

Книги и статьи

1. Отчего Смоленск получил свое название. Опыт проверки имеющихся в литературе домыслов / А.Ф. Палашенков. Смоленск, 1926. 24 с.
2. Деревня строится / А.Ф. Палашенков // Рабочий путь. Смоленск, 1927. № 260.
3. Археологические памятники области и роль школы в их охране и регистрации / А.Ф. Палашенков // На культурном посту. Смоленск, 1930. № 13. С. 54 – 57.
4. Охрана памятников старины и революции в верховьях Днепра / А.Ф. Палашенков // На культурном посту. Смоленск, 1930. С. 54 – 59.
5. Песни старой смоленской деревни / А.Ф. Палашенков. Смоленск, 1932.
6. Смоленск в прошлом / (сост. группа авторов); Современный Смоленск / (сост. группа авторов) // Смоленск: путеводитель. Смоленск, 1933. С. 15 – 36; С. 62 – 138.
7. Древние пути-дороги Смоленской земли. К проблеме большого Днепра и Волги / А.Ф. Палашенков. Смоленск, 1933.
8. Исторический очерк Смоленска / А.Ф. Палашенков. Смоленск, 1933.
9. Гора Кучум/ А.Ф. Палашенков // Серп и Молот. Ишим, 1937. 3 авг.
10. Бывшая столица татарского Сибирского ханства / А.Ф. Палашенков, Д. Сальников // Молодой большевик. Омск, 1939. 22 июня. (Из истории нашей области)
11. Из прошлого Омской области: основание Омска / А. Палашенков, Д. Сальников // Ленинские внучата. Омск, 1939. 27 июня.
12. Изучение Остяко-Вогульского округа / [А.Ф. Палашенков] // Ом. правда, 1939. 17 авг.
13. Поход Ермака / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1941. 30 марта. Ил. (Из истории нашей области).
14. О сыске разинцев в Западной Сибири / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1941. 3 апр. (Из прошлого).
15. По пути дружины Ермака: массовая науч.-образоват. экскурсия / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1941. 12 апр.
16. Основание Омска: к 225-летию построения Омской крепости / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1941. 22 апр. Ил.
17. Березов / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1941. 18 мая. (Из прошлого нашей области).
18. Историк Сибири П.А. Словцов / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1941. 19 июня.
19. Тобольск и его Кремль / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1941. 19 июня. Ил. (Из истории нашей области).
20. Омский краеведческий музей: об учете памятников старины и революции в Омской области / Ом. обл. краевед. музей; [сост.: Русяйкина, А. Палашенков; ред. П. Куницына]. Кормиловка [Ом. обл.]: Тип. изд-ва газ. «Большевист. слово», 1943. 5, [1] с.
21. Песни советской девушки в дни Великой Отечественной войны / А.Ф. Палашенков; под ред. С.П. Русяйкиной; отв. ред. В.Г. Кудря; Ом. обл. краевед. музей. Кормиловка [Ом. обл.]: Тип. изд-ва газ. «Большевист. слово», 1943. 5, [1] с.
22. Собирайте материалы о Великой Отечественной войне советского народа / А. Палашенков, С. Русяйкина. Омск: Ом. обл. краевед. музей, 1943. 6 с.
23. Основание Омска / А.Ф. Палашенков; [отв. ред. Ф. Евстафьев]. Омск: Тип. «Совет. Иртыш», 1944. 13, [1] с.
24. Историко-революционные места и памятники в г. Омске / А.Ф. Палашенков; [отв. ред. Ф.А. Евстафьев]; Ом. обл. краевед. музей. Омск: Тип. изд-ва «Сов. Иртыш», 1945. 28, [2] с.

25. Комиссаровский сад: к 50-летию западно-сибирского садоводства / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1945. 23 мая.

26. В залах музея / А. Палашенков // Ом. правда. 1945. 10 июня. Ил.

27. Основание Омска / А. Палашенков // Ом. правда. 1945. 29 июля. Ил.

28. Биография одного дома / А. Палашенков // Ом. правда. 1945. 12 авг. (Из истории Омска).

29. 3 000 лет тому назад / А. Палашенков // Ом. правда. 1945. 2 сент. (Из истории Омска).

30. По «зеленой» улице / А. Палашенков // Ом. правда. 1946. 9 июня. (Из истории Омска).

31. Первый Дом Советов / А. Палашенков // Ом. правда. 1946. 24 авг.

32. Сохранить исторический памятник / А. Палашенков // Ом. правда. 1946. 29 окт.

33. Лаптев С.Р. Маршруты для экскурсий по г. Омску и по Омской области / сост.: С.Р. Лаптев, А.Ф. Палашенков; Ом. обл. краевед. музей и обл. станция юных натуралистов и опытников сел. хоз-ва. Омск: Изд. Ом. обл. станции юных натуралистов, 1947. 32 с.

34. Юрасова М. В ханской столице / М. Юрасова, А. Палашенков // Омский альманах. 1947. Кн. 6. С. 79 – 90.

35. Лаптев С.Р. Маршруты экскурсий и походов по Омской и смежным с ней областям / С.Р. Лаптев, А.Ф. Палашенков. Омск: Ом. обл. станция юных натуралистов, 1948. 78, [2] с.

36. Бударин М. Творческий подвиг Комиссарова / М. Бударин, А.Ф. Палашенков // Сад и огород. 1948. № 6. С. 43 – 44.

37. Первый сибирский садовод / А.Ф. Палашенков // Сов. воин. 1948. 23 мая.

38. Интересная находка / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1948. 14 нояб.

39. Павел Саввич Комиссаров. / А.Ф. Палашенков. Омск, 1948. 4 с.

40. Викторина «Знаете ли Вы свой город?» / сост. А.Ф. Палашенков. Омск: Тип. газ. «Ом. железнодорожник», 1949. 6 с.

41. Вопросник по регистрации мест находок костей ископаемых позвоночных животных / сост. А.Ф. Палашенков. Омск: Тип. газ. «Ом. железнодорожник», 1949. 4 с.

42. По Куйбышевским местам / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1949. 28 авг. Ил. (Исторические памятники Омска).

43. Радищев в Прииртышье / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1949. 31 авг.

44. В глубь веков Приомья / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1949. 3 сент.

45. В бывшем дворце / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1949. 4 сент. Ил. (Исторические памятники Омска).

46. Самарин А. В бывшей гостинице «Россия» / А. Самарин // Ом. правда. 1949. 13 сент. (Исторические памятники Омска). – Подлинное имя автора А. Ф. Палашенков.

47. Смоленский А. Подпольные типографии / А. Смоленский // Ом. правда. 1949. 16 окт. Ил. (Исторические памятники Омска). – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

48. Памяти восстания 22 декабря 1918 года / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1949. 1 нояб. Ил. (Исторические памятники Омска).

49. Книга о героях / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1950. 4 февр. Рец. на кн.: Наши земляки Герои Советского Союза. Омск: ОГИЗ, 1949. 221 с.: портр.

50. Древние страницы Сибири / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик (Омск). 1951. 7 марта.

51. Смоленский А.Ф. Историко-революционные памятники Омска / А.Ф. Смоленский. [Омск]: Ом. обл. кн. изд-во, 1951. 48 с.: ил. – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

52. Поход Ермака. Русские в Сибири / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1951. 25 марта. (Изучай и люби свой край).

53. Город на Оми / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1951. 15 апр.

54. Историк Сибири Словцов / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1951. 3 авг. (Изучай и люби свой край).

55. Архивы ученых в музее / [А.Ф. Палашенков] // Ом. правда. 1951. 14 авг.

56. Смоленский А. Семен Ульянович Ремезов / А. Смоленский // Молодой большевик. Омск, 1951. 9 сент. (Изучай и люби свой край). – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

57. Там, где проезжал А.Н. Радищев / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1951. 10 сент.

58. 32 года назад: (к освобождению Омска от Колчака) / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1951. 14 нояб.

59. М.В. Певцов / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1951. 16 дек. (Наш календарь).

60. Смоленский А. Первые шаги революционного движения в Омске / А. Смоленский // Молодой большевик. Омск, 1951. 19 дек. Ил. (Изучай и люби свой край). – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

61. Писатель-реалист дореволюционной Сибири: к 50-летию со дня смерти Н.И. Наумова / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1952. 16 янв.

62. Смоленский А. П.П. Семенов-Тянь-Шанский / А. Смоленский // Молодой большевик. Омск, 1952. 18 янв. – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

63. Смоленский А. 1905 год в Омске / А. Смоленский // Молодой большевик. Омск, 1952. 21 марта. Ил. (Изучай и люби свой край). – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

64. Смоленский А. Борьба за власть Советов в Омске / А. Смоленский // Молодой большевик. Омск, 1952. 6 мая. Ил. (Изучай и люби свой край). – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

65. Откуда мы знаем о далеком прошлом / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1952. 21 мая. (Ответы на вопросы читателей).

66. Смоленский А. В комиссаровском заповеднике / А. Смоленский // Ом. правда. 1952. 15 авг. – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

67. Радищев в Сибири / А.Ф. Палашенков // Молодой большевик. Омск, 1952. 24 сент.

68. Палашенков А.Ф. По Радищевским местам в Сибири / А.Ф. Палашенков, Л. Анисимова // Ом. правда. 1952. 24 сент.

69. На месте Омска тысячи лет назад / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1953. 31 мая. Ил.

70. Ф.А. Березовский / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1953. 7 июня.

71. Старая Омская крепость / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1953. 8 июля. (Из истории родного края).

72. Смоленский А. Новая Омская крепость / А. Смоленский // Молодой сталинец. Омск, 1953. 17 июля. (Из истории родного края). – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

73. Герой Советского Союза Гуртьев / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1953. 5 авг.

74. Смоленский А. По «зеленой улице» / А. Смоленский // Молодой сталинец. Омск, 1953. 16 авг. (Из истории родного края). – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

75. Смоленский А. Николай Николаевич Яковлев / А. Смоленский // Молодой сталинец. Омск, 1953. 16 сент. – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

76. Открытие музея в Мариановке / А.Ф. Палашенков, Г. Кузема // Ом. железнодорожник. 1953. 13 окт.

77. Историческая находка / [А.Ф. Палашенков] // Ом. правда. 1953. 17 окт.

78. На главной магистрали города / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1953. 18 окт.

79. Смоленский А. 22 декабря 1918 года: к 35-летию ом. восстания / А. Смоленский // Молодой сталинец. Омск, 1953. 23 дек. – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

80. Крепость на Оми / А. Палашенков // Ом. правда. 1954. 11 июля. Рис.

81. Чехов в Западной Сибири / А.Ф. Палашенков //Ом. правда. 1954. 15 июля. Ил.

82. Исторические памятники / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1954. 8 авг. (Заметки о родном крае).

83. Смоленский А. Революционные памятники Омска / А. Смоленский // Блокнот агитатора. Омск, 1954. № 15. С. 31 – 36. – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

84. Веремей С. Славная страница в истории Омска / С. Веремей, А. Палашенков // Ом. правда. 1954. 14 нояб.

85. Подвиг не умирает / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1955. 23 янв.

86. Куйбышевские места в Омске / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1955. 26 янв.

87. Первые маевки / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1955. 24 апр.

88. Смоленский А. От Тобольска до Пекина / А. Смоленский // Молодой сталинец. Омск, 1955. 15 мая. – Подлинное имя автора А.Ф. Палашенков.

89. Остров вечной мерзлоты / А. Палашенков // Ом. правда. 1955. 29 июня.

90. В борьбе на власть Советов: революц. события в Омске в 1917 – 1919 гг. / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1955. 5 нояб.

91. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории г. Омска: материалы к палеонтол. карте г. Омска / А.Ф. Палашенков // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. Омск, 1956. Вып. 1(8). С. 75 – 85.

92. Памятные места Омска / А.Ф. Палашенков. Омск: Ом. обл. кн. изд-во, 1956. 124,[4] с.: табл., фот.

93. Из страниц славного прошлого / А.Ф. Палашенков // Молодой сталинец. Омск, 1956. 15 июля.

94. Бережно хранить памятники истории / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1956. 13 сент.

95. За власть Советов: страницы революц. борьбы в Омске / А.Ф. Палашенков // Молодой сибиряк. Омск, 1956. 4 нояб.

96. Памятники славного прошлого: Дом Республики / А. Палашенков // Молодой сибиряк. Омск, 1957. 31 мая.

97. Памятники славного прошлого: Гостиница «Россия» / А. Палашенков // Молодой сибиряк. Омск, 1957. 12 июня.

98. Памятники славного прошлого: Цитадель омских большевиков / А. Палашенков // Молодой сибиряк. Омск, 1957. 3 нояб.

99. Находки костей крупных четвертичных млекопитающих на территории Омской области: (материалы к палеонтолог. карте Ом. обл.) / А.Ф. Палашенков // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. 1957. Вып. 2 (9). С. 101 – 125.

100. Памяти И.Н. Шухова / А.Ф. Палашенков // Там же. С. 125 – 127.: портр.

101. А. П. Старейшая яблоня в Омске / [А.Ф. Палашенков] // Там же. С. 142.

102. Историк И.И. Орловский / А.Ф. Палашенков // Рабочий путь (Смоленск). 1959. 19 июня.

103. Охрана памятников культуры Омска и Омской области: [изоматериал] / А.Ф. Палашенков. Омск, 1958. 1 л.

104. М.К. Тенишева / А.Ф. Палашенков // Рабочий путь. Смоленск, 1959. 19 сент.

105. 299 лет в Сибирской ссылке: (к истории колокола Спасо-Преображенского собора в Угличе) / А.Ф. Палашенков; Рис. В. Колесникова // Сиб. огни. 1959. № 6. С. 145 – 147.: ил.

106. Материалы к археологической карте Омска / А.Ф. Палашенков // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. Омск, 1960. Вып. 3 (10). С. 3 – 23.: граф., карты, табл., фот.

107. Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг. / А.Ф. Палашенков // Там же. С. 25 – 30: карты.

108. Забытые курганы / А.Ф. Палашенков; Геогр. о-во Союза ССР, Ом. отд. Омск: Тип. изд-ва «Ом. правда», 1961. 13, [3] с.

109. России верные сыны: сибиряки и Бородино / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1962. 4 авг. Портр.

110. Поездки по Омской области в 1957 – 1962 гг. / А.Ф. Палашенков, С.Р. Лаптев // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. Омск, 1963. Вып. 5 (12). С. 187 – 199.

111. Сибиряки – участники войны 1812 года / А.Ф. Палашенков // Там же. С. 177 – 182: ил. Библиогр.: с. 182.

112. Ляпинская крепость / А.Ф. Палашенков // Там же. С. 153 – 160.: ил.

113. От Омска до центра Тянь-Шанской горной системы: (примечат. места) / А.Ф. Палашенков // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. Омск, 1964. Вып. 6 (13). С. 89 – 111: ил.

114. По местам Н.М. Пржевальского в Слободе: (к 75-летию со дня смерти путешественника) / А.Ф. Палашенков // Там же. С. 129 – 132.

115. Из рассказов Ф.В. Громова о Н.М. Пржевальском / А.Ф. Палашенков // Там же. С. 132 – 134.

116. По местам Ф.М. Достоевского в Омске / А.Ф. Палашенков; Ом. отд. Всесоюз. геогр. о-ва. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Ом. отд-ние, 1965. 45, [3] с.: пл., портр., факс., фот. Библиогр. в подстроч. примеч. (250-летию Омска посвящается, 1716 – 1966).

117. Омск в описаниях путешественников, ученых, писателей XVIII и XIX веков / сост. и коммент. А.Ф. Палашенков // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. Омск, 1966. Вып. 8 (15). С. 71 – 95.

118. В глубь веков: [об археол. памятниках на территории г. Омска] / А.Ф. Палашенков // Ом. правда. 1966. 12 янв. (К 250-летию Омска).

119. Памятники и памятные места Омска и Омской области / А.Ф. Палашенков. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 235 с.: ил.

120. Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта / А.Ф. Палашенков // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. Омск, 1968. Вып. 9(16). С. 156-177: ил.

121. Иван Дмитриевич Черский: к 125-летию со дня рождения / А. Палашенков // Календарь юбилейных и памятных дат. 1970. Новосиб., Ом., Том. обл. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. С. 88 – 90. Библиогр.: С. 89 – 90.

122. Ученый, исследователь, просветитель: к 135-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова / А.Ф. Палашенков // Там же. С. 185 – 187. Библиогр.: С. 187.

123. Пребывание Ф.М. Достоевского в омской ссылке: к 120-летию со дня приезда Ф.М. Достоевского в Омск / А.Ф. Палашенков // Там же. С. 31 – 33. Библиогр.: с. 32 – 33.

124. В Омском остроге: к 150-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского / А.Ф. Палашенков // Молодой сибиряк. Омск, 1970 17 окт.

125. Омская область / А.Ф. Палашенков // По советской России. М., 1971. С. 100 – 101.

Публикации под редакцией А.Ф. Палашенкова

1. Шухов И.Н. Слепушонка – вредитель картофеля (биология и меры борьбы) / отв. ред. А. Палашенков. Омск: Обл. краевед. музей, 1945. 7 с.

2. Иоффе М.К. Тара: к 350-летию основания / М.К. Иоффе; предисл. С.И. Жданова; ред. и примеч. А.Ф. Палашенкова. Омск: Ом. обл. гос. изд-во, 1945. 38, [2] с. Библиогр. в подстроч. примеч.

3. Логачев Е.Д. Беспозвоночные: кат. фауны Ом. обл. (Сред. Прииртышье) / Е.Д. Логачев; [отв. ред. А.Ф. Палашенков]; Ом. обл. краевед. музей. Омск: Тип. «Ом. железнодорожник», 1948 – 1950.
Вып. 2: Жуки. Семейства: скакуны и жужелицы. Омск, 1948. 7, [1] с.

4. Логачев Е.Д. Заметки к фауне жесткокрылых Омской и Северо-Казахстанской области / Е.Д. Логачев; отв. ред. А.Ф. Палашенков; Ом. обл. краевед. музей. Омск, 1949. 9 с.

Вып. 4: Чешуекрылые или бабочки. Семейства: кавалеры, белянки и нимфалиды. Омск, 1949. 8 с.

Вып. 5: Чешуекрылые или бабочки. Семейства: пестрянки, стеклянницы и медведицы. Омск, 1950. 7, [1] с.

5. Лаптев С.Р. Изучайте наши озера / отв. ред. А.Ф. Палашенков; Ом. обл. краевед. музей. Омск: Тип. «Ом. железнодорожник», 1948. 7, [1] с.

6. Павел Саввич Комиссаров / отв. ред. А.Ф. Палашенков; Ом. обл. краевед. музей. Омск: Тип. «Заря коммунизма», 1948. 4 с.

7. Шухов И.Н. Позвоночные: кат. фауны Ом. обл. (Сред. Прииртышье) / И.Н. Шухов; отв. ред. А.Ф. Палашенков; Ом. обл. краевед. музей. Омск: Тип. «Ом. железнодорожник», 1948.

Вып. 1: Рыбы, амфибии и рептилии. Омск, 1948. 6, [2] с.

Вып. 2: Млекопитающие. Омск, 1949. 13, [1] с.

8. Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР / [редкол.: В.В. Берников и др.]; Акад. наук СССР, Геогр. о-во Союза ССР, Ом. отд. Омск, 1956 – 1973.

Вып. 1 (8) / [отв. за вып. А.В. Борисов]; редкол.: В.В. Берников, А.Ф. Палашенков, С.Р. Лаптев, М.А. Огурцов. Омск: Изд. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР, 1956. 107, [3] с.: граф., портр., табл.

Вып. 2 (9) / [отв. за вып. В.П. Шубенко; редкол.: В.В. Берников, А.В. Борисов, С.Р. Лаптев, С.А. Огурцов, А.Ф. Палашенков]. Омск: Изд. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР, 1957. 150, [4] с.: портр., схемы, табл. На обл. также: 40 лет. 1917 – 1957.

Вып. 3 (10) / [ред. И.В. Листов; редкол.: В.В. Берников, А.В. Борисов, С.Р. Лаптев, С.А. Огурцов, А.Ф. Палашенков]. Омск: Ом. кн. изд-во, 1960. 126, [2] с.: карты, табл., фот.

Вып. 4 (11) / [ред. И.В. Листов; редкол.: В.В. Берников, А.В. Борисов, С.Р. Лаптев, С.А. Огурцов, А.Ф. Палашенков]. Омск: Ом. кн. изд-во, 1961. 127, [4] с.: карты, табл., фот.

Вып. 5 (12)/ [ред. И.В. Листов; редкол.: В.В. Берников, М.Е. Бударин, С.Р. Лаптев, В.И. Иржичко, В.С. Мезенцев, А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников]. Омск: Ом. кн. изд-во, 1963. 210, [2] с., [2] л. схем: граф., портр., пл., рис., фот.

Вып. 6 (13) / [ред. И.Ф. Петров; редкол.: В.В. Берников, Ю.Т. Быкова, В.И. Иржичко, Н.И. Княгиничев, С.Р. Лаптев, А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников]. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Ом. отд-ние, 1964. 133, [3] с.: карты, пл., рис., схемы, табл., фот.

Вып. 8 (15) / [ред. П.Ф. Климина; редкол.: В.В. Берников, В.И. Иржичко, Н.И. Княгиничев, С.Р. Лаптев, А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников]. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Ом. отд-ние, 1966. 102, [2] с.: диагр., карты, табл. (Посвящ. 250-летию Омска).

Вып. 9 (16) / [ред. Ю.А. Макаров; редкол.: В.В. Берников, В.И. Иржичко, Н.И. Княгиничев, С.Р. Лаптев, А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников]. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Ом. отд-ние, 1968. 211, [5] с., [1] л. табл.: граф., пл., рис., фот.

Вып. 10 (17) / [ред. П.Ф. Климина; редкол.: В.С. Мезенцев, В.В. Берников, Н.И. Княгиничев, А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников, С.И. Огурцов]. Омск: Тип. изд-ва «Ом. правда», 1972. 247, [1] с.: граф., карты, рис., табл., фот.

9. Материалы к Третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока / Акад. наук СССР, Геогр. о-во СССР, Ом. отд.; [редкол.: В.В. Берников, В.И. Иржичко, А.Д. Колесников, Н.И. Княгиничев, А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников]. Вып. 1. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Ом. отд-ние, 1966. 116, [2] с.: схемы, табл.

10. Межвузовская научная географическая конференция / Ом. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького; Геогр. о-во Союза ССР, Ом. отд.; [редкол.: В.С. Мезенцев, В.В. Берников, Н.И. Княгиничев, С.А. Огурцов, А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников]. Омск: Тип. изд-ва «Ом. правда», 1969. 169, [3] с.: граф., карты, схемы, табл., фот.

11. Материалы научной географической конференции: к 90-летию Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР / Геогр. о-во СССР, Ом. отд.; Ом. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького; [редкол.: В.С. Мезенцев, В.В. Берников, Н.И. Княгиничев, А.Ф. Палашенков, Н.А. Плотников, С.А. Огурцов]. Омск: Тип. изд-ва «Ом. правда», 1970. 181, [3] с., [1] л. граф.: граф., рис., табл., фот.

12. Труды Межвузовской конференции по теме «Аэрофотосъемка в преподавании географических дисциплин» / [редкол.: В.С. Мезенцев, Л.С. Чернухин, Н.И. Княгиничев, А.Ф. Палашенков]. Омск: Ом. правда, 1970. 102, [2] с.: рис., табл., фот.

Посмертные публикации

1. Хроника / А.Ф. Палашенков // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. Омск, 1972. Вып. 10 (17). С. 244 – 246.

2. Материалы к археологической карте Омской области (Тевризский, Знаменский, Большеуковский районы) / А.Ф. Палашенков // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 85 – 95.

3. Материалы к археологической карте Омской области (Усть-Ишимский, Тарский, Седельниковский, Муромцевский районы) / А.Ф. Палашенков // Археология Прииртышья. Томск, 1980. С. 100 – 146.

4. Материалы к археологической карте Омской области / А.Ф. Палашенков // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 124 – 147.

5. Материалы к археологической карте Омской области (Нижнеомский, Марьяновский районы) // Источники по истории Западной Сибири: история и археология. Омск, 1987. С. 116 – 126.

6. Материалы к археологической карте Омской области (Москаленский, Исилькульский районы) / А.Ф. Палашенков // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 154 – 160.

7. Материалы к археологической карте Омской области (Омский район) / А.Ф. Палашенков // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 156 – 181.

8. Материалы к археологической карте Омской области / А.Ф. Палашенков // Новое в археологии Среднего Прииртышья: сб. науч. тр. / Ом. гос. ун-т, Ом. фил. объединен. ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Омск, 2002 (в вып. дан. 2003 г.). С. 138 – 159. Библиогр.: с. 159.

9. Докладная записка директора Омского областного краеведческого музея А.Ф. Палашенкова в Омский горисполком о плохом состоянии мемориальных могил на кладбищах Омска, об открытии мемориального кладбища для захоронений известных лиц, 17 марта 1948 г. / А.Ф. Палашенков // Омский некрополь: исчезнувшие кладбища: [справочник]. Омск, 2005. С. 180 – 181.

10. Из воспоминаний А.Ф. Палашенкова о похоронах П.Л. Драверта и его перезахоронении / А.Ф. Палашенков // Омский некрополь: исчезнувшие кладбища: [справочник]. Омск, 2005. С. 183 – 184.

11. Избранные статьи из архива / А. Ф. Палашенков // Тобольск и вся Сибирь: альманах. Тобольск, 2006. № 7: Омск. С. 259 – 273: ил. Из содерж.: Новая Омская крепость. С. 259 – 261; И.И. Шпрингер. С. 262; Военный Воскресенский собор. С. 263; Гауптвахта. С. 263 – 264; Комендантский дом. С. 264 – 265; Генералитетский дом. С. 265 – 269; Эспланада. С. 269 – 271; Остров пленников. С. 272; Антон Павлович Чехов в Прииртышье. С. 273.

12. Палашенков А.Ф. С.М. Яковлеву, 14 нояб. 1962 г., Омск: [письмо] / А.Ф. Палашенков // Изв. Ом. гос. ист.-краевед. музея. 2008. № 14. С. 312 – 319. В ст.: Лосунов А.М. «Исповедь» краеведа.

Комментарии и примечания

I раздел

Памятники истории и культуры Сибири

Памятники и памятные места Омска и Омской области

СТАРАЯ ОМСКАЯ КРЕПОСТЬ

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 235 с.

Данная работа является результатом многолетнего труда краеведа по выявлению и изучению объектов культурного наследия Омска и Омской области со времени основания Омской крепости и до 60-х годов XX столетия. Автор использовал архивные документы, опубликованные источники, личные наблюдения, сведения, полученные в работе с информаторами. Многие из вошедших в книгу краеведческих сюжетов публиковались ранее на страницах омской периодической печати, а также в книгах «Историко-революционные памятники Омска» (под псевдонимом «А.Ф. Смоленский», 1951 г.) и «Памятные места Омска» (1956 г.). Наряду с описанием сохранившихся и уже утраченных памятников А.Ф. Палашенков приводит многочисленные биографические сведения о людях, чьи судьбы были связаны с Омском и Омской областью.

Изданная в год 50-летия Октябрьской революции книга А.Ф. Палашенкова несет на себе отпечаток явно выраженной коммунистической идеологии. Большая ее часть посвящена событиям революции и гражданской войны. При этом автор по понятным причинам характеризует лишь одну из противоборствующих сторон, не упоминая памятные места, связанные с пребыванием в Омске лидеров белого движения, государственных учреждений Российского правительства, представительств иностранных миссий и т.п. По тем же идеологическим соображениям не нашлось места, за редким исключением, и многим выдающимся представителям дореволюционной сибирской администрации, возглавлявшим Западно-Сибирское и Степное генерал-губернаторства, Акмолинскую область. Нет в книге и информации о вынужденном пребывании в Омске в годы Великой Отечественной войны выдающихся конструкторов авиационной и ракетной техники А.Н. Туполева и С.П. Королева.

Тем не менее для своего времени работа имела огромное познавательное, воспитательное и патриотическое значение. Она вобрала в себя практически всю накопившуюся к тому моменту краеведческую информацию и широко использовалась в преподавании истории края в школах. И сегодня книга А.Ф. Палашенкова остается одной из наиболее популярных у читателей омских библиотек. Вместе с тем многие памятники, упомянутые в ней, не сохранились до наших дней, а информация о других может быть серьезно дополнена современными исследованиями.

[2] В отечественной историографии до настоящего времени ведутся дискуссии вокруг фамилии основателя Первой Омской крепости. По мнению известного краеведа И.Ф. Петрова, фамилия подполковника звучала как «Бухальц» в силу ее обрусения и приближения звучания незнакомого сочетания звуков к родной речи. Сочетание согласных «х» и «г» слилось в «х», гласная «а» вместо «о» связана с особенностями правописания тех лет («Воспроизведение слова на письме таким, как оно слышалось»). Отсутствие в отечественной, прежде всего советской, историографии формы произношения фамилии

на немецкий манер (Бухгольц), отстаиваемое И.Ф. Петровым, опровергается упоминаниями фамилии подполковника в ранних работах А.Ф. Палашенкова. Допустимо говорить о позднем оформлении в советской историографии единой нормы прочтения этого имени, сложившейся уже в 1960-х гг. Гипотеза произношения имени основателя Омской крепости на русифицированный манер обосновывалась исследователем Д.Н. Фиалковым и была принята сообществом краеведов. «В архивах древних актов XVII – XVIII веков они писались Буколтовыми, Букольтами, Бухольцами. Дмитрий Филиппович Букольтов был военный (…) имел двух сыновей (…) Оба брата (…) были военными и в военных документах указывали фамилию «Бухольц». Никогда эти семьи Бухгольцами не были. Автограф (…) Ивана Бухольца еще с большим основанием позволяет устранить искажение фамилии Бухольца, которое допущено и сейчас допускается в некоторых позднейших источниках и в том числе в Большой советской энциклопедии (Бухгольц)». В данном издании везде сохранено авторское написание фамилии основателя Первой Омской крепости (в работе «Памятники и памятные места Омска и Омской области» – «Бухольц», в статьях, относившихся к более раннему периоду, – «Бухгольц»); при обозначении топонимов города, связанных с именем основателя Омска (названия улиц, площадей и т.д.), учитывается традиция написания фамилии на момент наименования, в остальных случаях в целях единообразия написания выбран вариант «Бухольц», как наиболее употребительный в отечественной историографии (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 38; Петров И.Ф. Беззащитная история // Петров И.Ф. Легенды и мифы старого Омска. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2003. С. 10; Фиалков Д.Н. По следам Ивана Дмитриевича Бухольца // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1964. Вып. 6 (13) С. 64).

[3] Гагарин Матвей Петрович (? – 1721) – государственный деятель, нерчинский воевода (1693 – 1695), во время пребывания которого на посту были выявлены махинации при торговле с Китаем, начато следствие, однако, уже в 1706 г. он был назначен главой Сибирского приказа в звании генерал-президента и сибирского провинциального судьи, в чьем ведении находилась Оружейная палата; комендант Москвы (1707). В 1708 г. после утверждения губерний был назначен первым сибирским губернатором (1711 – 1719). За время пребывания на посту скопил солидное состояние, используя заниженные сведения о доходах (в частности от торговли с Китаем). В 1715 г. был вызван в Петербург для дачи объяснений в сокрытии доходов и превышении власти. Остался в Сибири, организовал экспедицию под командованием И. Бухольца в поисках «песошного золота» при городке Эркети. Экспедиция закончилась провалом, на обратном пути отрядом была заложена Омская крепость. За плохую организацию похода был вторично вызван в Петербург, формально – по делу царевича Алексея. Арестован, лишен всех имуществ, казнен. Дата и место захоронения не известны (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1: Омск в лицах. 2011. С. 245).

[4] См. подробнее: Оглоблин Н. Обозрение столбцов и книг сибирского приказа // Русская Историческая Библиотека. Т. 8. Док. № 11. Ч. 4. Петербург: Археографическая комиссия. С. 102.

[5] Цит. по: Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. Омск: Ом. книж. изд-во, 1960. С. 3.

[6] В 1903 г. на месте первого Ильинского моста, построенного в 1826 г., был возведен разводной мост, получивший в обиходе называние Железного. Просуществовал он вплоть до 1967 г., когда был открыт новый железобетонный однопролетный мост, названный в честь пятидесятой годовщины советской власти Юбилейным (Улицы города Омска: справ. / сост. Г.Ю. Гурьев, Е.Н. Гусева, Л.И. Огородникова. Омск: Ом. дом печати, 2001. С. 144).

[7] Ныне указанный А.Ф. Палашенковым участок города включает в себя территорию ул. 10 лет Октября и предмостной площади, куда входят здание Омской городской думы (бывшая областная библиотека им. А.С. Пушкина, ныне Омский городской Совет), Омский государственный музыкальный театр, пл. Ленина, сквер «Памяти Борцов Революции».

[8] Нет единой нормы прочтения фамилии капитана-инженера, создателя плана Омской крепости 1722 г. В литературе встречается как форма де Гранж, так и де Гранже (во втором случае не склоняется).

[9] Описание формы Первой Омской крепости, данное автором, послужило поводом для дискуссии в научном сообществе. А.Ф. Палашенков был солидарен с другим исследователем омской старины В.И. Кочедамовым, указывая на пятиконечную форму форпоста. Между тем А.Д. Колесников, обращаясь к вопросу создания первого укрепления на Оми, выступил с опровержением выдвинутой выше версии. По его мнению, исследователи были введены в заблуждение проектом новой крепости 1722 г., на котором пунктирной линией был обозначен существовавший острог. Укрепление, размещенное на плане де Гранжа, представлено двумя чертежами, наложенными друг на друга, – в форме четырех- и пятиугольника, что позволило краеведам по-разному интерпретировать первоначальную форму Омской крепости. А.Д. Колесников обосновывает подлинность существования четырехугольного сооружения, высказываясь о наложенном пятиугольнике, обозначенном пунктиром, как об одном из промежуточных проектов перестройки острога. В качестве доказательства своей гипотезы А.Д. Колесников привел сообщение Тарской воеводской канцелярии на запрос историка Г.Ф. Миллера, посетившего крепость в 1734 г., а также записи наблюдений самого Миллера. Форму пятиугольника крепость получила при переустройстве ее в 1740-х гг. (Колесников А.Д. Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Омск: Зап.-Сиб. книж. изд-во. Ом. отд-ние, 1965. Вып. 7(14). С. 135).

[10] Железинская крепость представляла собой сторожевое укрепление Иртышской линии, расположенное на севере Павлодарской области. Установлен форпост был в 1717 г. между Омской и Ямышевской крепостями, в 1733 – 1734 гг. его перестроили по прежнему образцу, увеличив окружность сооружения. В задачи казаков, составлявших военное население Железинского и других острогов Иртышской линии укреплений, помимо охраны границы, входили обязанности по добыче и вывозу соли с Ямышевских озер, участие в заготовке дров и леса, работы, связанные со строительством и исправлением крепостей и редутов. До 1807 г. в Железинке находилась таможенная застава, позднее перевезенная в Омск. В 1838 г. крепость была упразднена и преобразована в казачью станицу Сибирского линейного казачьего войска (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 239 – 241, 246 – 249; Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.: Восточная литература, 2005. Т.3. С. 492; ЭСБЕ. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890 – 1907. Т. XI А. С. 765).

[11] «Дом для приезду азиатских народов» отмечен уже на плане крепости 1757 г. А.Ф. Палашенков вычислил, что он располагался на месте будущего генерал-губернаторского дворца (Ленина, 23), сгорел во время пожара 1823 г. (Лосунов А.М. Гостиничный бизнес старого Омска // NB. Особое внимание. Омск, 2010. № 14. С. 32).

[12] «Ильинский форштадт возник в конце XVIII в. в связи с перепланировкой города после завершения строительства Новой крепости. Ильинский форштадт располагался на месте Луговской слободы и большей части Старой крепости, к тому времени уже разрушенной, на мысу, образованном левым берегом р. Оми и правым р. Иртыша. Таким образом, это было старейшее место поселения в городе Омске. В 1775 г. форштадт был обнесен земляным валом и рвом. В 1793 г. здесь были построены деревянные Ямышевские и Ильинские ворота. Крупнейшей постройкой Ильинского форштадта была каменная Ильинская церковь, возведенная в 1778 – 1789 гг. (Церковь разрушили в 1930-е гг. Сейчас на этом месте стоит памятник В.И. Ленину)» (Алисов Д.А. Форштадты Омска XIX – начало XX вв. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея (далее Известия ОГИК музея). 1997. № 5. С. 30 – 31).

[13] Свое название ул. Профессиональная получила в 1923 г. по решению Омгубревкома № 222 от 05.11.1923 г., до этого – ул. Бухгольца (1904 – 1911). В 1981 г. ул. Профессиональная была переименована постановлением Омского горисполкома № 208 от 08.06.1981 г. в ул. Броз Тито (Улицы города Омска... С. 108 – 109).

[14] Ныне кафедра патологической анатомии с курсом клинической патологии Омской государственной медицинской академии (ул. Партизанская, 20).

[15] Память о присоединении сибирских земель к Российской империи увековечена как в городской топонимике, так и в целом ряде сооружений. По решению Омского городского совета № 418 от 25.09.1987 г. площадь перед речным вокзалом была названа «Площадью Бухольца». Надпись на мемориальной доске, находящейся на здании речного вокзала, гласит: «В начале мая 1716 года на этом месте высадился отряд под командованием Ивана Дмитриевича Бухольца, положивший основание Омской крепости». В 1991 – 1997 гг. на площади перед Речным вокзалом был установлен памятный знак, увенчанный двуглавым орлом (скульптор С.А. Голованцев). Позднее он был перенесен в район второй Омской крепости к Тобольским воротам, а его место на площади занял памятник «Держава» по проекту В. Трохимчука, олицетворяющий факт присоединения Иртышских земель к российскому государству путем постройки форпоста на слиянии двух рек. Наконец, в 1996 г., в год 280-летия основания Омска, на стрелке Оми и Иртыша был установлен монумент в виде крепостной пушки (по проекту И.А. Вахитова). На постаменте имеется мемориальная доска: «Здесь, в устье Оми, в мае 1716 года высадился отряд подполковника Ивана Дмитриевича Бухольца и была заложена первая Омская крепость» (Назарцева Т.М. К вопросу о монументальных памятниках и городской скульптуре Омска // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. Омск: ОГИК музей, 2005. С. 60 – 61; Петров И.Ф. Беззащитная история… С. 10).

[16] Буринский договор 1727 г. – договор между Российской империей и Китаем, подписанный 20 августа 1727 г. на р. Бура, притоке р. Аргунь. Определял русско-китайскую границу на участке от перевала Шабин Дабата (Западный Саян) до р. Аргунь (район сопки Абагайту). Вошел в качестве составной части в Кяхтинский договор 1727 г. (БСЭ. М.: Совет. энцикл., 1971. 1969 – 1978. 1971. Т. 4. С. 133).

[17] Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева и К., 1891. С. 5 – 6.

[18] Цит. по: Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте… С. 488.

НОВАЯ ОМСКАЯ КРЕПОСТЬ

[1] Цит. по: Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 10.

[2] Сибирская пограничная линия представляла собою систему оборонительных сооружений на юге Западной Сибири в XVIII – XIX вв., включая Тобольско-Ишимскую (1752 – 1755), Иртышскую (1745 – 1752) и Колывано-Кузнецкую (1747 – 1768) укрепленные линии. Начало Сибирской линии было положено И.Д. Бухольцем в начале XVIII в., когда по Иртышу было заложено несколько острогов и укрепленных городков. Казаки, оборонявшие Ишимскую, Иртышскую, Колыванскую и Кузнецкую линии, в 1808 г. были объединены в Сибирское казачье войско. В конце XVIII в. со строительством южносибирских оборонительных линий большинство старых крепостей утратило свое первоначальное назначение и было упразднено (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 239 – 242).

[3] Исследователь истории Омской крепости А.Д. Колесников выявил наличие в 1740-х гг. промежуточного варианта Омской крепости. Укрепление, возведенное И.Д. Бухольцом, пришло с годами в упадок и требовало реконструкции. В связи с возросшей угрозой военного нападения на Оми в 1740-х гг. была сооружена новая крепость выше по течению реки. Сооружение насчитывало пять бастионов и имело форму неправильного пятиугольника. Северная сторона крепости примыкала к берегу реки, остальные стороны окружал сухой ров и вал с внутренней стороны. Поскольку новое укрепление было возведено так же на левом берегу Оми, со временем в сознании краеведов они слились воедино. В 1760-х гг. крепость, будучи деревянной, стала быстро разрушаться, и встал вопрос о сооружении нового более мощного укрепления (Колесников А.Д. Основание Омской крепости… С. 140 – 141).

[4] Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 11.

[5] Паллас Петр Симон (1741 – 1811) – знаменитый немецкий естествоиспытатель, географ, путешественник. Будучи избран в 1766 г. действительным членом Императорской Российской Академии наук, возглавил экспедицию в центральную область России, районы Нижнего Поволжья, Прикаспийской низменности, Среднего и Южного Урала, Сибири и Забайкалья в 1768 – 1774 гг. В конце мая 1771 г. проехал по Московско-Сибирскому тракту, посетил Омскую крепость, отсюда направился в Семипалатинск, посетил Томск, Барнаул, Красноярск, на обратном пути в феврале 1773 г. проехал через Тару. Путешествие предоставило сведения об уникальных природных богатствах Восточной Сибири и Алтая, ранее не изученных. Результаты путешествия были опубликованы в труде «Путешествия по разным местам Российского государства» (1773 – 1788). В 1777 г. Паллас стал членом топографического отделения Российской империи, в 1782 г. – советником, в 1787 г. – историографом Адмиралтейской коллегии. В 1810 г. вернулся в Берлин (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2: Омск в лицах. Омск, 2011. С. 223).

[6] Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786. С. 112; см. также: Словцов И.Я. Историческая хроника Омска // Старый Омск: ил. хроника событий / под ред. П.П. Вибе. Омск, 2000. С. 15 – 16.

[7] Золотов Петр Алексеевич (1823 – 1879) – краевед, один из первых действительных членов Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее ЗСОИРГО), преподаватель русского языка в Сибирском кадетском корпусе, сформировал коллекции архивных документов об истории формирования Сибирского казачьего войска и заселения киргизских степей (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 92).

[8] См. подробнее: Золотов П.А. Несколько слов об Омске 1826 г. // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1966. Вып. 8 (15). С. 79 – 80; см. также: Словцов И.Я. Историческая хроника Омска… С. 28.

[9] ПСЗ. Т. XVI. № 11931. Л. 383 об.

[10] Выдержку из текста П. Золотова см.: Удалов Р.М. Сказания о славном городе Омске // Фрагменты истории. Омск: б.и., 2005. С. 34.

[11] Тарские ворота были построены в 1792 г., входили в ансамбль Второй Омской крепости. Благодаря активным выступлениям А.Ф. Палашенкова в защиту ворот некоторое время удавалось сохранять этот объект культурного наследия (решение исполкома Омского городского Совета № 36/987 от 16.12.1955 г. «О мероприятиях по сохранению историко-революционных, архитектурно-исторических и археологических памятников г. Омска»). Ворота были снесены в 1959 г. по распоряжению секретаря Омского обкома КПСС Е.П. Колущинского, восстановлены на старом фундаменте в 1991 г. (Горелова Ю.Р. Архитектурное наследие Омской крепости: культурное значение, проблемы сохранения и реновации // Культурологические исследования в Сибири. Омск: Изд. дом «Наука», 2011. Вып. 1 (32). С. 119; Поспелова Л.Б. История сноса Тарских ворот Омской крепости // Известия ОГИК музея. 2003. № 10. С. 217 – 223).

[12] Иртышские ворота Омской крепости были построены в 1792 г. Ворота располагались у устья Оми, вели к пристани. Считается, что их неудобное расположение на обрыве, вызывавшее угрозу обрушения во время наводнения, обусловило снос сооружения в 1930-е гг. В 1960-х гг. на территории крепости была найдена плита от Иртышских ворот с надписью «1792 год». Плита хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. В настоящее время Иртышские и Омские ворота, местоположение которых выявлено в ходе археологических работ на территории Второй Омской крепости, воссозданы. По данным А.Ф. Палашенкова, Тобольские ворота были также возведены в 1792 г. Реконструкция Тобольских ворот была проведена в 1973 г., воротам был придан классический вид начала XX в. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Омской области» (далее решение Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г.) памятник принят на региональную охрану. Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального

(общероссийского) значения» (далее Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г.) Тобольские ворота Омской крепости приняты на федеральную охрану. Очередная реконструкция объекта была проведена в 2009 г. (Куприянова Л. Ворота из прошлого в настоящее // Омское наследие. 2009. № 5. С. 115 – 118; Лебедева Н.И. Архитектурный комплекс Омской крепости // Энциклопедия города Омска… Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). Омск, 2009. С. 39 – 40).

[13] Улица Глазенапа, известная с 1912 г., была переименована в Спартаковскую решением Омгубревкома от 09.02.1920 г. (Улицы города Омска… С. 102 – 103).

[14] Достоевский Федор Михайлович (1821 – 1881) – писатель-петрашевец. Первый роман Достоевского «Бедные люди» (1846) выдвинул его в ряд признанных писателей. С 1847 г. посещал кружок М.В. Петрашевского, а с 1848 г. стал активным участником кружков Н.А. Стешнева и С.Ф. Дурова. Привлеченный по делу петрашевцев, он в 1849 г. был приговорен к смертной казни, которую перед самым расстрелом заменили четырехлетней каторгой с последующим определением в рядовые. В январе 1850 г. вместе с поэтом С.Ф. Дуровым был доставлен в тюремный острог Омской крепости. Покинул Омск в начале 1854 г. После окончания срока каторги был зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон, который стоял в Семипалатинске. В 1859 г. после увольнения с военной службы из-за болезни ему было разрешено вернуться в Санкт-Петербург. Крупнейшим произведением Ф.М. Достоевского, написанным им вскоре после каторги и о каторге, стали «Записки из Мертвого дома» (1861 – 1862), основу которых составили его личные наблюдения в тюремном остроге Омской крепости (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 77 – 78).

[15] Дуров Сергей Федорович (1816 – 1869) – поэт-петрашевец, в 1840-х гг. печатался в альманахах «Новоселье», «Библиотека для чтения», «Невский альманах» и др. За посещение кружка Петрашевского был арестован и приговорен к смертной казни, замененной четырехлетней каторгой с последующей отдачей в солдаты на два года и ссылкой в Сибирь. Отбывал наказание в Омске. После окончания срока каторги и военной службы, откуда был уволен по болезни в 1855 г., служил в Областном управлении сибирских киргизов. В 1857 г. царским указом С.Ф. Дурову было возвращено дворянство и выдано разрешение на поселение во внутренних губерниях империи (Энциклопедия города Омска. Т. 3, кн. 1. С. 366 – 367).

[16] Воскресенский военный собор – храм, вошедший в комплекс зданий Второй Омской крепости. Построен в 1769 – 1773 гг. тобольскими зодчими – братьями Иваном и Козьмой Черепановыми. Храм располагался по ул. Спартаковской на одной линии со зданием гауптвахты. Колокольня военного Воскресенского собора была настолько высока, что могла использоваться в военных целях как наблюдательная вышка. Основной корпус составлял единое целое с трапезной и более напоминал здание гражданской архитектуры. В 1808 г. к притвору собора пристроили два служебных помещения. С 1848 по 1853 гг. велась реконструкция Воскресенского собора, претерпели изменения интерьер и декор здания. С 1926 г. собор находился в распоряжении различных ведомств, функционируя в качестве клуба, библиотеки или книгохранилища и даже склада картографической фабрики. Обращение Омского областного музея к Омскому городскому Совету с просьбой передать здание в ведение музея не было удовлетворено. Собор был снесен в 1958 г. при строительстве дома по ул. Спартаковской, 3. При кладке стен нового здания использовались предварительно очищенные кирпичи из стен Воскресенского собора. Правительством Омской области в 2009 г. было принято решение о воссоздании собора. В результате раскопок, проведенных в августе 2009 г. под руководством директора Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, профессора Б.А. Коникова, на месте снесенного сооружения была выявлена хорошая сохранность каменного фундамента и подземных строений храма. Были обнаружены различные типы кирпичей, использовавшихся при кладке стен собора и описанных А.Ф. Палашенковым, присутствовавшим во время его сноса. На основании исторических описаний и материалов была проведена реконструкция проекта с соблюдением пропорций оригинала. Воссозданный собор было решено наделить статусом музея истории

и культуры Омска. В настоящее время работы по восстановлению Воскресенского собора прекращены (Горелова Ю.Р. Архитектурное наследие Омской крепости… С. 120; Лебедева Н.И. Воскресенский военный собор в советский период // Известия ОГИК музея. 1998. № 6. С. 298 – 301; Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омска. Омск: Издатель-Полиграфист, 2004. С. 18; 98 – 99; Порох М.И., Коников Б.А. Кирпичи Омского Воскресенского собора // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Ом. город. науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. С. 88 – 89, 92).

17 Здание гауптвахты находилось на севере крепостной площади рядом с Воскресенским собором, в плане имело прямоугольник, впоследствии измененный за счет пристроек с северной части. В 1959 г. с северной стороны появилась еще одна пристройка. Центральный портик между ризалитами был разобран, вместо него появился другой, небольшого размера, который поддерживают два столба. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В 2005 г. была восстановлена деревянная башенка со шпилем. Проект реставрации был подготовлен коллективом архитекторов и реставраторов Омскгражданпроекта в соответствии с планом здания 1824 г. Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. памятник принят на федеральную охрану (Паспорт памятника составлен 23 августа 1990 г., автор Л.П. Елфимов; Хахаева Ж. Омская гауптвахта: реставрация завершена. Реконструкция продолжается? // Омскгражданпроект: люди и дела / сост.-ред. Г.М. Погребинский. Омск: б.и., 2007. Вып. 1. С. 135 – 139).

18 Крячков А.Д. Архитектура. Городская архитектура // ССЭ. Новосибирск: Сиб. краевое изд-во, 1929. Т. 1. С. 151.

19 Азиатская школа просуществовала в здании гауптвахты до 1804 г., после чего ее перевели в здание военно-сиротского отделения (позднее – военная прогимназия). В середине – второй половине XIX в. в здании содержали «государственных преступников» (сибирских областников и др.). В годы гражданской войны членами архивной комиссии ЗСОИРГО был поставлен вопрос о предоставлении здания гауптвахты под музей и архивное хранилище. События военного времени помешали реализации этого проекта. Ныне в здании располагается Военный комиссариат Омской области (ул. Партизанская, 14) (Вибе П.П., Пугачева Н.М. Гауптвахта – старейшее здание Омска // Памятники истории и культуры Омской области / отв. ред. П.П. Вибе. Омск: Изд-во «РИО», 1995. С. 86 – 92).

20 Первые упоминания ул. Достоевского относятся к 1912 гг. (Улицы города Омска… С. 42 – 43).

21 Ул. Инженерная за историю своего существования пережила несколько переименований: с 1912 г. по 1939 г. она носила свое первоначальное название, в 1939 г. по решению Омского горисполкома № 1015 от 28.12.1939 улица была переименована в Учительскую, в 1954 г. – в ул. Победы (по решению Омского горисполкома № 685 от 08.06.1954) (Улицы города Омска… С. 84 – 85).

22 В 1799–1864 гг. в доме жили коменданты крепости. В октябре 1864 г. Омская крепость и комендантское управление были упразднены. В бывшем комендантском доме были размещены офицерские квартиры. В годы советской власти в здании находились Омское областное отделение ВООПИК и квартиры. Здание многократно перестраивалось, имело дополнительные пристройки. Последняя основательная перестройка относится к 1980 г., когда готовилась экспозиция литературного отдела Омского государственного объединенного исторического и литературного (ГОИЛ) музея. Изменена первоначальная планировка здания: по плану 1801 г. оно имело П-образную форму. Со временем одно крыло здания было ликвидировано. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В 1983 г. после реконструкции здания здесь открыли Литературный музей им. Ф.М. Достоевского (ныне Омский государственный литературный музей им. Ф.М. Достоевского) (ул. Победы, 4 / Достоевского, 1). В настоящее время здание имеет Г-образную форму. Изменения внутренней планировки незначительны. На углу фасада, обращенного к площади, в 1971 г. была установлена мемориальная доска с большим

бронзовым барельефом Ф.М. Достоевского и текстом: «В этом доме бывал великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский» (автор – скульптор Д.Ф. Манжос). В 1977 г. установлена мемориальная доска с текстом: «Бывший комендантский дом. Построен в 1799 году. Памятник архитектуры. Охраняется законом» (Паспорт памятника составлен 15 октября 1990 г., автор Н.М. Пугачева; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 115 – 116).

[23] Граве де Алексей Федорович (1793 – 1864) – комендант Омской крепости (1841 – 1864), участник Отечественной войны 1812 г., с 1822 г. служил в Омске. Следил за делами Омского каторжного острога, принимал участие в судьбе его обитателей, пытался облегчить их участь. Так, однажды А.Ф. де Граве спас отбывавшего в остроге срок Ф. М. Достоевского от телесных наказаний. Известно, что он справлялся у генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова о возможности поблажек политическим преступникам (Бутырское кладбище // Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. Омск: Ом. дом печати, 2005. С. 35).

[24] Кривцов Василий (1804 – 1861) – плац-майор Второй Омской крепости (1846 – 1851). В 1846 г. исполнял должность омского полицмейстера. В 1851 г. попал под суд в результате ревизии из Петербурга, был вынужден подать в отставку, указав в качестве причины ухода со службы домашние обстоятельства. Однако командир Отдельного Сибирского корпуса, генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, принимавший рапорт, присовокупил к документам, направленным в Петербург, уведомление о нахождении майора Кривцова под следствием. Благодаря личным связям вышел в отставку подполковником, не лишившись положенной при обычной процедуре отставки награды следующим чином. В 1861 г. скоропостижно скончался (Якубович И.Д. Комментарии к «Мертвому дому» // Достоевский Ф.М. ПСС: в 15 т. Л.: Наука. Ленинград. отд-ние, 1988. Т. 3. С. 543 – 544).

[25] Письмо А.И. Гейбовичу 23 октября 1859 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. М.: Воскресенье, 2004. Т. 15, кн. 1. С. 277.

[26] См. подробнее: Письмо В.Д. Констант 31 августа 1857 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. … Т. 15, кн. 1. С. 212.

[27] Ул. Шпрингеровская вместе с пер. Санниковым вошли в 1920 г. по решению Омгубревкома от 09.02.1920 г. в состав Советской ул., переименованной в 1938 г. по решению Омского горисполкома № 12 от 04.01.1938 г. в ул. Партизанскую (Улицы города Омска… С. 82 – 84).

[28] Этот дом, располагавшийся рядом со зданием кирхи, до настоящего времени не сохранился. Сохранилось здание, по мнению Н.И. Лебедевой, также носившее название генералитетского дома, но предназначавшееся для генерал-инженеров. Это деревянный на каменном фундаменте дом, где жил генерал-инженер И.С. Бориславский. За время существования здание несколько раз перестраивалось и облицовывалось. Весной 1991 г. во время ремонта в доме были обнаружены погреба XVIII в., и было выдвинуто предположение, что подвал является пороховым погребом. Решением Омского облисполкома № 20 от 21.01.1991 г. «О постановке на государственную охрану местного значения памятников истории и культуры Омской области и о порядке археологического обследования земельных участков на территории области» (далее Решением Омского облисполкома № 20 от 21.01.1991 г.) памятник взят на региональную охрану. Н.И. Лебедевой выявлено, что в помещении дома, помимо жилых комнат, располагалась канцелярия. В ней Ф.М. Достоевский служил писарем. Кроме того, Н.И. Лебедева определила возраст сооружения, отнеся его постройку к XVIII в. Дом по ул. Победы, 5 является первым зданием новой Омской крепости (1768). Генералитетский дом занимал одно из ключевых мест в застройке крепости, т.к. находился в центре южной стороны площади парадов, был возведен до оборонительного крепостного вала и Воскресенского войскового собора (Лебедева Н.И. Архитектурный комплекс Омской крепости… С. 34 – 35; Она же. Генерал-губернаторский дом в Омской крепости. К 31-й годовщине гибели исторического здания // Омский краевед. 2003. Вып. 1. С. 29 – 42).

[29] Гумбольдт Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон (1769 – 1859) – немецкий ученый – естествоиспытатель, географ, путешественник. В 1829 г. получил предложение от русского

правительства совершить путешествие на восток в целях исследования природных богатств страны. Путь пролегал по маршруту: Кенигсберг – Санкт-Петербург – Москва – Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург. После осмотра Урала Гумбольдт со своими спутниками остановился в Тобольске. После поездки на Алтай проездом был в Омске, где посетил Сибирское казачье войско и состоявшую при нем Омскую азиатскую школу. После Омска посетил Орск, Оренбург, Астрахань (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 313 – 314).

30 Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (1827 – 1914) – географ, государственный и общественный деятель. Вице-председатель Императорского Русского географического общества (далее ИРГО) (1873 – 1914). В 1856 – 1857 гг. трижды посетил Омск в ходе поездок вглубь Центрального Тянь-Шаня (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 374).

31 Современная форма написания фамилии генерал-губернатора Западной Сибири и командующего Отдельным Сибирским корпусом – Гасфорд Г. Х. (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 56 – 57).

32 Валиханов Чокан (Мухаммед–Ханафия) Чингисович (1835 – 1865) – казахский ученый, просветитель, путешественник, литератор, исследователь истории и культуры азиатских народов, офицер русской армии. Действительный член ИРГО (1857), участник экспедиции в Кашгарию (1858) (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 184 – 185).

33 Хоментовский Михаил Михайлович (? – 1888) – военный, командир 4-й казачьей бригады Сибирского линейного войска, расквартированного в Семипалатинске. В 1856 г. возглавил научно-дипломатическую миссию на Иссык-Куль (Корнилович Э.А. Друцкие генералы // Белорусская мысль (Белорусская думка). 2003. 15 авг. (№ 8). С. 130 – 136).

34 По итогам поездки в Кашгар Ч. Валихановым были написан труд «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухары) (1858 – 1859) (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 184 – 185).

35 Ул. Таубе была переименована в 1958 г. по решению Омского горисполкома № 304 от 13.05.1958 г. из ул. Штабной (Улицы города Омска… С. 106 – 107).

36 Здание Штаба Омского военного округа (1792 г. постройки) входило в ансамбль Омской крепости, было расположено в западной части площади плац-парадов. Первоначально здесь размещалось пограничное правление, контролировавшее Горькую и Иртышскую пограничные укрепленные линии. В 1840-х гг. в здании размещался штаб Сибирского корпуса, с 1860-х гг. – окружной штаб Западно-Сибирского военного округа. В 1976 г. здание было снесено, восстановлено в 1995 – 1997 гг. по проекту архитектора М.М. Хахаева. В годы Первой мировой войны территория Омской крепости пополнилась целым рядом сооружений военного предназначения, среди которых сохранившееся до настоящего времени двухэтажное кирпичное строение, в 1917 – 1918 гг. выполнявшее функции Омского военно-окружного комитета и штаба Омского военного округа. Перед Великой Отечественной войной в помещении бывшего военно-окружного комитета находился штаб 178-й стрелковой дивизии, которая первой из омских воинских формирований ушла на фронт, с июля 1941 г. вела бои под Москвой, Ленинградом, на Карельском перешейке. В конце войны дивизия получила наименование 178-й Кулагинской Краснознаменной стрелковой дивизии. В послевоенные годы здание принадлежало одной из воинских частей, расквартированных на территории бывшей крепости, позднее помещение было арендовано Горзеленстроем. В 1985 г. в здании открылся Музей воинской славы омичей – с 2009 г. филиал ОГИК музея «Музейный комплекс воинской славы омичей» (ул. Таубе, 7) (Панасенков В.Н. Здание штаба на улице Таубе // Стройка в Омске. 2006. 13 – 19 марта (№ 10). С. 28 – 29; Флаум Л.М. О прошлом и будущем второй Омской крепости // Известия ОГИК музея. 2000. № 8. С. 72).

37 Ершов Петр Павлович (1815 – 1869) – поэт, писатель, драматург. Учитель Тобольской гимназии, затем инспектор (с 1844 г.) и директор (с 1857 г.) гимназии и дирекции училищ Тобольской губернии. Автор сказки «Конек-Горбунок» (БСЭ. 1972. Т. 9. С. 99).

38 Алябьев Александр Александрович (1787 – 1851) – композитор, автор романсов, опер, водевилей, музыки для симфонического и духового оркестров, сонат, хоров, инструментальных ансамблей различного состава. Участник Отечественной войны 1812 г. С 1825 г.

находился под следствием в связи с обвинением в убийстве. После тюремного заключения был сослан в Тобольск (1828 – 1832). С Омском имя А.А. Алябьева связано выступлениями оркестра «казачьей музыки», который в 1810-х гг. был создан в городе при Сибирском казачьем войске. В 1828 г. оркестр был переведен из Омска в Тобольск, куда прибыл и ссыльный композитор. В 1831 г. Алябьев покинул Сибирь и уехал на Кавказ (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 35 – 36).

[39] Максимов Сергей Васильевич (1831 – 1901) – этнограф, фольклорист и писатель, путешественник. В сферу интересов С.В. Максимова входил быт крестьян, мастеровых-отходников, промысловиков, заключенных и др. Автор многочисленных рассказов и очерков, написанных по этнографическим материалам. Работа, посвященная быту заключенных в сибирских тюрьмах, была опубликована секретно морским ведомством под заглавием «Тюрьмы и ссыльные», позднее появилась книга «Сибирь и каторга», получившая широкую известность (ЭСБЕ. 1896. Т. XVIII. С. 444 – 445).

[40] Бабков (Бобков) Иван Федорович (1827 – 1905) – первый председатель и соучредитель ЗСОИРГО (1877 – 1890), генерал-лейтенант Генштаба (1879). В 1859 г. переведен в Омск на должность обер-квартирмейстера корпусного штаба. С образованием Западно-Сибирского Военного округа был назначен в 1865 г. помощником начальника штаба, в 1869 г. – начальником штаба, оставаясь на этой должности до отставки в 1890 г. Член ИРГО, организатор Зайсанской экспедиции в 1863 г., в результате которой была установлена возможность прямого сообщения Зайсанского края с Омском и пароходства по Черному Иртышу для торговли с Китаем (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 25; Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 69 – 70).

[41] В 1993 г. переименовано в Омское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».

[42] Дутов Александр Ильич (1879 – 1921) – деятель Белого движения, атаман Оренбургского казачества. Участник русско-японской и Первой мировой войн. С июня 1917 г. председатель Совета Союза казачьих войск, выступал за демократическую федеративную республику. Отказавшись признать Совет народных комиссаров, возглавил в 1917 – 1918 гг. контрреволюционное выступление. Был избран членом Учредительного собрания, в октябре 1917 г. назначен командующим Юго-Западной армией. В ноябре 1918 г. казачьи части под командованием А.И. Дутова вошли в состав Русской армии адмирала А.В. Колчака, образовав Оренбургскую отдельную армию. После разгрома Оренбургской армии в сентябре 1919 г. атаман с остатками войска отступил в Семиречье. В марте 1920 г. с небольшим отрядом ушел в Китай, где готовил выступление против советской власти. Смертельно ранен советским агентом (БРЭ. М.: Изд-во «Большая Рос. Энцикл.», 2007. Т. 9. С. 429).

[43] Семенов Григорий Михайлович (1890 – 1946) – казачий атаман, деятель Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке, генерал-лейтенант Белой армии. В июне 1917 г. был назначен комиссаром Временного правительства в Забайкальской области по формированию добровольческих частей. После подписания большевиками в ноябре 1917 г. перемирия с Германией Г.М. Семенов объявил о своей готовности бороться против советской власти. В первой половине 1918 г. вел борьбу против советской власти в Даурии. Летом 1918 г. занял Читу и распространил свое влияние на все Забайкалье. Признав Временное Сибирское правительство, он был назначен командующим Отдельной Восточно-Сибирской армией. После государственного переворота 18 ноября 1918 г. в Омске Г.М. Семенов вступил в конфронтацию с А.В. Колчаком, отказавшись признать его Верховным Правителем России. Сделал ставку на генерала Д.Л. Хорвата, в котором видел более близкого себе сторонника японской ориентации. В январе 1919 г. была создана чрезвычайная следственная комиссия во главе с Г.Е. Катанаевым для ликвидации конфликта. После признания А.В. Колчака Г.М. Семенов был назначен Походным атаманом Дальневосточных казачьих войск и помощником главнокомандующего Приамурского военного округа с правами военного губернатора Забайкальской области. В 1920 г. А.В. Колчак передал Г.М. Семенову всю полноту власти на «территории Российской восточной окраины». В конце 1920 г. войска Г.М. Семенова отступили к Приморью, в сентябре 1921 г. Г.М. Семенов эмигрировал в Китай, в Манчжурию.

В 1945 г. захвачен советскими войсками в Манчжурии, по приговору Верховного суда СССР казнен 30 августа 1946 г. (Вибе П.П. Материалы к истории гражданской войны в Сибири // Известия ОГИК музея. 1993. № 2. С. 142 – 143; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 233 – 234).

44 Гайда Радола (Рудольф Гейдль) (1892 – 1948) – один из организаторов мятежа Чехословацкого корпуса, командующий Сибирской армией. Сблизился с эсерами, примкнул к сторонникам Сибирской областной думы. Сыграл заметную роль в захвате Транссибирской магистрали, способствовал приходу к власти Уфимской директории. Войска, находившиеся под командованием Р. Гайды, участвовали в Марьяновских боях и свержении советской власти в Омске в мае – июне 1918 г. С января 1919 г. – командующий Сибирской армией. Летом 1919 г. вследствие конфликта с Верховным правителем был разжалован и покинул Омск, участвовал в неудачной попытке антиколчаковского мятежа эсеров во Владивостоке, после чего вернулся на родину (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 55 – 56; Энциклопедия города Омска… Т. 3. кн. 1. С. 246).

45 Жардецкий Валентин Александрович (1884 – 1920) – адвокат и журналист. С марта 1917 г. председатель Омского комитета Партии народной свободы, гласный Омской городской думы. Один из вдохновителей восстания курсантов 2-й омской школы прапорщиков в ноябре 1917 г. После ареста и освобождения продолжил деятельность председателя кадетской партии. Поддержал А.В. Колчака после переворота 1918 г. С лета 1919 г. – член Государственного экономического совещания. Осенью 1919 г. отступил с колчаковской армией в Иркутск, где был арестован большевиками. Доставлен в Омск и расстрелян по приговору губернской ЧК в январе 1920 г. (Энциклопедия города Омска… Т. 3. кн. 1. С. 406).

46 Березовский Ефим Прокопьевич (1870 – 1953) – участник гражданской войны в Сибири. На момент событий гражданской войны состоял, по одним данным, войсковым старшиной, по другим, полковником Сибирского Казачьего войска. Выпускник Сибирского кадетского корпуса и 2-го Константиновского военного училища. После Февральской революции – член Омского коалиционного комитета, Войсковой управы СКВ, участник ряда казачьих съездов в Сибири. В июле 1918 г. избран председателем Войскового правительства и Войсковой управы СКВ, был заместителем войскового атамана, представителем войска на Челябинском и Уфимском государственных совещаниях. Верховного правителя поддерживал безоговорочно и до конца. Предположительно, один из участников и вдохновителей восстания 2-й омской школы прапорщиков в ноябре 1917 г. вместе с В.А. Жардецким. Участие Е.П. Березовского в указанных событиях ставится под сомнение омским исследователем революции и гражданской войны в Сибири В.Л. Кожевиным, не обнаружившим фамилии военного ни в приказе Комитета революционной демократии об аресте участников мятежа, ни в газетных отчетах о событии. Присутствие Е.П. Березовского в крепости в указанное время основывается на воспоминаниях А.П. Оленича-Гнененко (поэта, участника революционных событий в Омске), требующих, по мнению В.Л. Кожевина, тщательной проверки. После поражения Белого движения Е.П. Березовский эмигрировал в Манчжурию. Был активным деятелем Белой эмиграции, занимал многие общественные должности, являлся организатором и руководителем Восточного казачьего союза. В 1945 г. арестован советской контрразведкой. Сидел в тюрьмах и лагерях Урала, Коми. Умер в лагере. (Вибе П.П. Материалы к истории гражданской войны… С. 117 – 118; Кожевин В.Л. Омская крепость: «осадные дни» 1917-го // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2011. Вып. 1 (32). С. 86 – 96; Шулдяков В.А. Вожди белоказаков Сибирского войска: краткие биографические справки // Белая армия. Белое дело: ист. науч.-попул. альм. Екатеринбург. 1999. № 6. С. 62 – 73; Энциклопедия города Омска… Т. 2: Хронограф Омска, 1716 – 2008 годы. Омск, 2009. С. 165).

47 Здание военного собрания (ул. Партизанская, 12) стало одним из первых сооружений общегородского назначения в Омской крепости. Здесь проходили балы, устраивались торжественные собрания, отмечались юбилеи. За историю своего существования здание неоднократно перестраивалось. В 1908 г. к южному торцу здания (по ул. Шпрингеровской) сделали двухэтажную пристройку (по проекту архитектора И.Г. Хворинова). На первом этаже был ресторан «Летучая мышь», на втором – зрительный зал. Пристройка была выдержана

в стиле модерн, отличаясь от основного строения. Постоянными членами собрания считались все штаб-офицеры и обер-офицеры, служившие в городе. В 1877 – 1889 гг. в здании располагался только что созданный и еще не имеющий своего помещения ЗСОИРГО. В период революции здесь размещались Западно-Сибирское оргбюро РСДРП, гарнизонное собрание, военно-окружной совет. В декабре 1917 г. открылся III Западно-Сибирский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласивший советскую власть на территории Западной Сибири. Непродолжительное время в 1918 г. в здании находилось Военное министерство Временного Сибирского правительства, а позднее – колчаковский военно-полевой суд. В 1920-х гг. в здании располагался архив, а в 1928 г. открылся Дом Красной Армии, переименованный в 1945 г. в Омский гарнизонный дом офицеров. В 1955 и 1966 гг. со стороны двора к зданию сделали еще три пристройки. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану, указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. – на федеральную охрану. В настоящее время – Областной дом ветеранов труда (Панасенков В. История здания военного собрания // Строй-газета. Омск, 2006. 19 июня (№ 24). С. 24-25; Удалов Р. Дом старой крепости // Омская муза. 2009. № 1. С. 12 – 13; Хахаева Ж. Дом, построенный на переломе эпох // Вся губерния. Омск, 2002. 7 авг. С. 12).

48 Ныне выставочный сквер, место проведения выставки «Флора». Разбит в предвоенное время (ранее именовался Сад учителя, Сад офицеров) (Улицы города Омска... С. 142).

49 На современной карте города территория эспланады включает в себя Соборную площадь, стадион «Динамо», площадь Победы, площадь Дзержинского, здание кинотеатра им. Маяковского, здания Правительства и Законодательного собрания Омской области, здания Института развития образования Омской области, Омского академического театра драмы, Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (ул. Ленина, 3), прокуратуры Омской области, Свято-Успенского кафедрального собора.

50 Хрипунов Петр – участник восстания Е. Пугачева. После подавления основного движения протеста в 1783 – 1786 гг. начал собирать вокруг себя недовольных режимом, объявляя себя то императором Петром III, то Пугачевым. Распространял слухи, что в районе Барнаула, в степях, собрана верная ему армия. П. Хрипунов агитировал крестьян набрать отряд и освободить шесть человек, заключенных в Змеиногорской тюрьме по пугачевскому делу, возобновив, таким образом, движение Пугачева. В 1786 г. Хрипунов был пойман и показал на допросе, что у него в подчинении огромное войско из беглых людей, укрытое до времени в Алтайских горах. Суд признал самозванца умалишенным и приговорил к пожизненному заключению (Подшивалов И. Сибирские беглецы и разбойники // СМ. Номер один. Иркутск, 2005. 10 марта. (№ 9). С. 3).

51 Чичерин Денис Иванович (1720 – 1785) – генерал-майор, тобольский губернатор (1763 – 1780), при нем был проведен целый ряд мероприятий, имевших важное политическое значение: секуляризация церковных имуществ, замена отработочной и натуральной повинностей для сибирских крестьян денежной, пересмотр ясачного обложения для «иноверцев», было закончено возведение южной укрепленной линии, заселен ряд территорий, в т.ч. Барабинская степь. Оценка этой личности не однозначна. Так, если П.А. Словцов отзывался о Чичерине как о мудром администраторе, удержавшем Сибирь от пугачевского бунта, то Н.М. Ядринцев не признавал заслуг, купленных ценой человеческих жизней (оценка освоения Барабинской степи) (Акишин М.О. Сибирский губернатор Д.И. Чичерин. Рапорт обер-штерн-кригс-комиссара Г.М. Осипова императрице Екатерине II. 1779 г. // Исторический архив. 1996. Вып. 3. С. 193).

52 Деколонг Иван Александрович (граф Жак Ксавье или Клапье де-Колонг) (1716 – 1789) – военный, участник Семилетней войны (1757 – 1763), участник военных действий русского экспедиционного корпуса в подавлении польских конфедератов (1768 – 1771). С 1864 г. по 1868 г. находился в Сибири, участвовал в проектировании новых пограничных линий, командующий войсками Сибирских пограничных линий (1771 – 1777), в 1774 г. возглавил карательные отряды против пугачевцев, но действовал неудачно. В 1777 г. вышел в отставку и уехал в свое эстляндское поместье (Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773 – 1775 гг.

на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 171 – 175, 181 – 188; Лосунов А. Во главе сибирской пограничной линии // Омское наследие. 2011. Вып. 9. С. 77).

[53] Здание изначально возводилось для присутственных мест по проекту архитектора С.Е. Татаринова в 1832 – 1836 гг. С 1839 г. здесь размещались Главное управление Западной Сибири (ГУЗС), переведенное в Омск из Тобольска, и Пограничное управление сибирских киргизов. С образованием в 1868 г. Акмолинской области к ним добавилось и Акмолинское областное правление. После упразднения в 1882 г. Западно-Сибирского генерал-губернаторства в нем осталось областное правление, здание перешло в ведение канцелярии степного генерал-губернатора. В период гражданской войны здесь находились министерство внутренних дел, министерство иностранных дел и министерство путей сообщения, Главное управление почт и телеграфов и информационное бюро. В 1960-х гг. к зданию был надстроен третий этаж. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В настоящее время здание занимает одна из воинских частей внутренних войск (ул. Красный Путь, 7а) (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 87; Лосунов А.М. Так управлялся наш край // NB. Особое внимание. Омск, 2012. № 4 (71). С. 50 – 55).

[54] Семенов Степан Михайлович (1789 – 1852) – декабрист, член Союза благоденствия (1819) и Северного общества. Участия в восстании не принимал. Приговорен к тюремному заключению в Петропавловской крепости и дальнейшей высылке в Сибирь. В 1826 г. был отправлен в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири «для употребления его на службу» без лишения чинов. Был зачислен служителем канцелярии Областного управления, в 1828 г. был выслан из Омска в Усть-Каменогорск с назначением окружным судьей, а затем – столоначальником окружного управления. После поручения встретить известного путешественника А. Гумбольдта в 1829 г. вновь впал в немилость и в соответствии с предписанием употреблять его «на службу в отдаленном месте без права выезда» в 1830 г. был переведен в Туринск канцелярским служителем в суд. В 1832 г. назначен столоначальником канцелярии Главного управления Западной Сибири, служил советником в Пограничном управлении сибирских киргизов (сначала в Тобольске, с 1838 г. Главное управление переведено в Омск). В 1841 г. переведен в той же должности в Тобольское губернское правление. Похоронен на Завальном кладбище в Тобольске (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 373 – 374).

[55] Капцевич Петр Михайлович (1772 – 1840) – генерал от артиллерии, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, первый генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса в 1822 – 1827 гг. В 1824 г. выступил с ходатайством о перенесении Главного Управления Западной Сибири из Тобольска в Омск, аргументируя это более выгодным географическим положением последнего. Несмотря на отклонение ходатайства, остался жить в Омске. По его инициативе преобразовано основанное в 1813 г. особое войсковое училище (с 1845 г. – Сибирский кадетский корпус), содержание которого полностью перевели на счет казны. Вследствие конфликта П.М. Капцевича с М.М. Сперанским в 1827 г. в Западную Сибирь была направлена сенаторская комиссия. В 1835 г. П.М. Капцевич по болезни был уволен в длительный отпуск, затем смещен с должности (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 103 – 104; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 498).

[56] Басаргин Николай Васильевич (1800 – 1861) – военнослужащий, декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества, мемуарист (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 90 – 91).

[57] Коновницын (Первый) Петр Петрович (1803 – 1830) – декабрист, член Северного общества, активного участия в восстании не принимал. Был арестован и содержался в Петропавловской и Кронштадской крепостях. С лишением чинов и званий разжалован в солдаты и отправлен в Семипалатинский гарнизон. В 1826 г. переведен на Кавказ в 8-й пионерный батальон (Декабристы: биогр. справ. / под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. С. 85).

[58] Фок Александр Александрович фон (1803/1804 – 1854) – подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, был арестован по делу декабристов. Следствием было установлено

его неучастие в тайных обществах. За агитацию против присяги Николаю I приговорен к разжалованию в солдаты в дальние гарнизоны с последующей выслугой. Был отправлен в Усть-Каменогорский гарнизон, откуда в том же 1826 г. был переведен в Кавказский корпус (Декабристы: биогр. справ. ... С. 184).

[59] Цебриков Николай Романович (1800 – 1866) – декабрист, участник Северного общества. В восстании 14 декабря 1825 г. принял участие случайно, не будучи поставлен в известность о планировавшейся акции. Был приговорен к разжалованию в солдаты без выслуги с лишением дворянства. Служил в Усть-Каменогорском, затем в Оренбургском гарнизоне, откуда был переведен на Кавказ (Декабристы: биогр. справ. ... С. 191 – 192).

[60] Потанин Григорий Николаевич (1835 – 1920) – путешественник, этнограф, исследователь Сибири и Центральной Азии, идеолог сибирского областничества. Член ЗСОИРГО, почетный гражданин Омска (1915) и Сибири (1918). Развивал идею сибирского областничества. В 1865 г. был арестован вместе с Н.М. Ядринцевым и Е.Я. Колосовым, переведен в Омск, где велось следствие по делу «сибирских сепаратистов». В 1874 г. освобожден от ссылки с правом проживать в любом городе Российской империи. После этого полностью посвятил себя научной деятельности. Участник целого ряда экспедиций по Сибири, Северному Китаю, Восточному Тибету и Центральной Монголии, в результате которых был собран богатейший материал по народному творчеству многих тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 211 – 212).

[61] См. подробнее: Потанин Г.Н. Биографические сведения о Ч. Валиханове // Г.Н. Потанин. Избранные сочинения: в 3 т. Павлодар: б.и., 2005. Т. 2: Общественно-политические произведения. С. 300.

[62] Затонский остров в 1981 г. после переустройства и строительства многих объектов был открыт как парк культуры и отдыха «Зеленый остров» (Улицы города Омска... С. 141).

[63] Существует расхождение в датировке создания Елизаветинского маяка. По мнению В.И. Кочедамова, годом основания всей «Елизаветинской защиты», включая дом для офицеров, драгунскую казарму, конюшни и маяк, стал 1762 г. Рынок образовался не сразу, а оформился здесь со временем на основе традиционного обмена товарами между русскими купцами и приезжими из степи кочевниками (Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 10).

[64] Вопрос об авторстве проекта Никольского собора вызывает дискуссии в научном сообществе Омска. Известный специалист в истории храмового строительства города Н.И. Лебедева называет В.П. Стасова создателем первоначального проекта храма. В 1826 г. им был создан проект «Фасад и план предполагаемой церкви во Имя Святого Николая Чудотворца для Санкт-Петербурга», по аналогии с которым был выстроен омский храм. По мнению краеведа А.М. Лосунова, вопрос об авторстве В.П. Стасова в оформлении собора является спорным. До сих пор не выявлены проектные чертежи храма, подписанные архитектором. Сохранился лишь документ, согласно которому рабочие чертежи Казачьей церкви выполнены «инженер-полковником А.А. Лещевым обще с Губернским архитектором П.И. Праманом и сметы (...) были составлены Инженер-прапорщиком Новоселовым» (Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома... С. 22; Лосунов А.М. Свято-Никольский Казачий и Крестовоздвиженский соборы г. Омска: из истории их строительства и приходской жизни // Известия ОГИК музея. 2011. № 16. С. 84).

[65] Собор был построен на собранные с казаков пожертвования, в том числе на т.н. «фуражные деньги». Храм решено было возвести в центре Казачьего форштадта. Разрешение на застройку этого района, взамен запланированного под церковь участка на краю форштадта, было получено Войсковой Канцелярией после рассмотрения проблемы лично Императором Николаем I (Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома... С. 22 – 23; Лосунов А.М. Свято-Никольский Казачий и Крестовоздвиженский соборы... С. 82 – 83).

[66] В 1897 г. при церкви была открыта четырехклассная школа для девочек, при соборе были мужское и женское Николаевские училища, приготовительный казачий пансион, две казачьи школы. Статус собора Никольская казачья церковь получила лишь в 1916 г. после ходатайства наказного атамана Сибирского казачьего войска Н.А. Сухомлинова перед Си-

нодом. В годы гражданской войны здесь продолжалась служба, была проведена панихида по Л.Г. Корнилову. В 1928 г. решением Омского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов здание собора было передано под культурные нужды. Была разобрана колокольня, сняты и отправлены на переплавку колокола, над трапезной и притвором надстроен третий этаж. В конце 1920-х гг. в здании храма находился детский сад. В разные годы здесь размещались клуб строителей им. Степана Халтурина, управление культуры, музыкальная школа, управление кинофикацией, кинотеатр «Победа». С 1966 г. здание не эксплуатировалось, в 1970 г. было вынесено решение о сносе храма. Благодаря отклику общественности, помещение собора удалось отстоять. Согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. «О дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» (далее постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г.) памятник был принят на республиканскую, ныне федеральную охрану. В конце 1970-х – начале 1980-х годов были проведены реставрационные работы. С 1983 г. по 1991 г. в нем располагался Зал органной и камерной музыки. С 1991 г. помещение вновь стало выполнять культовые функции, перейдя в ведение Омско-Тарской епархии совместно с Главным управлением культуры и искусства Омской области. В 1998 г. здание полностью передали Омскому епархиальному управлению (Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома… С. 24; 102 – 103; Лосунов А.М. Свято-Никольский Казачий и Крестовоздвиженский соборы… С. 87).

67 Ныне на месте таможенной заставы и интендантских корпусов находятся военные склады Министерства обороны Российской Федерации, готовящиеся к сносу. Территория готовится к передаче в ведение г. Омска.

68 Здание до настоящего времени не сохранилось. Ул. Ядринцева, получившая свое название еще до революции (упоминается с 1898 г., ранее – Костюринский переулок), располагалась в районе современного Омского государственного музыкального театра, снесена в конце 1970-х гг. (Улицы города Омска… С. 137).

69 Ныне здание Омского городского Совета (ул. Думская, 1). Первоначально в здании располагалась Омская городская дума, учрежденная по городовому Положению 1840 г., ликвидированная окончательно в 1919 г. Здание было построено в 1897 г. по типовому проекту. Нижний этаж занимали службы городской управы, на втором этаже располагался зал заседаний. В 1906 г. к зданию была сделана пристройка для городской библиотеки (автор проекта – архитектор Г.С. Бартковский). С 1923 г. Омская областная научная библиотека им. А.С. Пушкина заняла все помещение бывшей городской думы. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 168 – 169; Коновалов И.А., Толочко А.П., Чудаков О.В. Становление и развитие органов городского самоуправления // Энциклопедия города Омска… Т. 1. С. 147).

70 В комментарии автора вкралась ошибка. Полицейской именовалась ул. Думская в конце XIX в. вплоть до переименования в 1900 г. в связи с постройкой на ней здания городской думы. В 1920 г. улица вошла в состав ул. Троцкого, позднее изменившей название на ул. 10 лет Октября (1927). Здание Полицейского управления (постройка 1832 г.) располагалось на углу ул. Думской (Полицейской) и Ядринцева, напротив здания городской думы. На первом этаже размещалась канцелярия с полицмейстером, на втором – арестантские камеры. Здание было снесено при строительстве Омского государственного музыкального театра (Коновалов И.А., Толочко А.П., Чудаков О.В. Становление и развитие… С. 147; Худякова Л.С. По следам утраченного // Памятники истории и культуры… 1995. С. 63; Улицы города Омска… С. 20 – 21).

71 Ядринцев Николай Михайлович (1842 – 1894) – публицист, исследователь Сибири, идеолог сибирского областничества. В 1863 г. приехал в Омск, в 1864 г. сотрудничал с «Томскими губернскими ведомостями». В 1865 г. содержался в омском тюремном замке по делу «сибирских сепаратистов», затем в помещении гауптвахты. В 1868 г. отправлен в ссылку в Шенкурск Архангельской губернии. После окончания срока ссылки в 1874 г. состоял секретарем графа В.А. Соллогуба – председателя комиссии по тюремному законодательству. В 1876 г. по приглашению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова

вернулся в Омск и поступил на службу в Главное управление Западной Сибири, был одним из инициаторов создания в Сибири ЗСОИРГО. Совершил ряд экспедиций на Алтай (1878; 1880), в Минусинский край и к верховьям Орхона (1886, 1889, 1891). С 1881 г. жил в Санкт-Петербурге. Издал капитальный труд по истории Сибири «Сибирь как колония» (1882). В 1882 г. основал газету «Восточное обозрение» (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 309 – 310).

72 Базарная площадь располагалась в районе современной площади Дзержинского. На пустыре, оставшемся от нее к середине XX в., в 1944 г. вновь была организована площадь, названная в честь первого руководителя ЧК (Улицы города Омска… С. 138).

73 Обручев Владимир Афанасьевич (1863 – 1956) – геолог, палеонтолог, географ, писатель-фантаст, член Академии наук СССР (1929). Исследователь геологии Сибири, Центральной и Средней Азии. Почетный президент Географического общества СССР (с 1947 г.) (БСЭ. 1974. Т. 18. С. 229 – 230).

74 Деревянное здание Посольского дома, построенное взамен сгоревшего в 1829 г., на углу ул. Аптечной (ныне пр. Карла Маркса) и ул. Новой (ныне ул. Чкалова), позднее занятое гостиницей «Москва», до настоящего времени не сохранилось. На его месте теперь находится торговый комплекс «Топаз» (пр. Карла Маркса, 5а) (Лосунов А.М. Гостиничный бизнес… С. 32; Улицы города Омска….. С. 70 – 71, 120 – 121).

ПАМЯТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ

1 Пржевальский Николай Михайлович (1839 – 1888) – исследователь, путешественник, действительный член ИРГО с 1864 г. Организатор и участник несколько экспедиций в Центральную Азию, имевших огромное научное значение (1867 – 1869; 1870 – 1873; 1876 – 1877; 1879 – 1880; 1883 – 1855). Им было проведено географическое и естественноисторическое исследование хребтов Центральной Азии, установлены северные границы Тибетского нагорья, открыт ряд ранее не известных зоологам форм животных (БСЭ. 1975. Т. 20. С. 545).

2 Роборовский Всеволод Иванович (1856 – 1910) – исследователь Центральной Азии. В 1879 г. отправился в Тибет с Н.М. Пржевальским, которому потом помогал в разработке добытых материалов. За результаты экспедиции В.И. Роборовский получил «Малую золотую медаль» от ИРГО. В августе 1883 г. он участвовал в четвертой экспедиции Н.М. Пржевальского, во время которой собрал уникальный центрально-азиатский гербарий, который ныне хранится в Санкт-Петербургском ботаническом саду. В 1888 г., после смерти Н.М. Пржевальского, экспедицию возглавил М.В. Певцов, по поручению которого В.И. Роборовский организовал пять самостоятельных поездок в нагорье Тибета (ЭСБЕ. 1899. Т. XXVI А. С. 866).

3 Козлов Петр Кузьмич (1863 – 1935) – исследователь Центральной Азии (Монголии и Тибета), ученик и последователь Н.М. Пржевальского. Участник четвертой экспедиции Н.М. Пржевальского в Центральную Азию (1883). В 1899 – 1901 гг., 1907 – 1909 гг. и в 1923 – 1926 гг. возглавил три больших экспедиции в Западный и Северный Китай, Монголию и Восточный Тибет (БСЭ. 1973. Т. 12. С. 388).

4 Поляков Иван Семенович (1847 – 1887) – зоолог, антрополог, этнограф. Совершил научные путешествия на Олекму (1866), в Олонецкую губернию (1871), в Березовский край (1876), в Мариинский округ Томской губернии, на озеро Балхаш (1877) и на остров Сахалин (1880) (ЭСБЕ. 1898. Т. XXIV. С. 460).

5 Брем Альфред Эдмунд (1829 – 1884) – немецкий исследователь-просветитель, зоолог, автор знаменитой научно-популярной работы «Жизнь животных». В 1876 г. совершил путешествие по Западной Сибири с орнитологом О. Финшем. В Омске путешественники посетили Сибирскую военную гимназию (Сибирский кадетский корпус), осмотрели сооружения Второй Омской крепости, военный госпиталь и тюрьму, присутствовали на приеме в здании Общественного собрания и генерал-губернаторском дворце (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 151).

6 Усов Федор Николаевич (1839 – 1888) – областник, историк Сибирского казачьего войска, краевед. С 1865 г. по 1874 г. по делу «сибирских сепаратистов» отбывал ссылку

в Каргополе Олонецкой губернии. В 1874 г. освобожден из-под надзора, служил при казачьем отделе Главного управления Западной Сибири. В 1885 г. назначен атаманом первого военного отдела. Секретарь ЗСОИРГО (1881 – 1885) (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 270 – 271; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 518 – 519).

[7] Словцов Иван Яковлевич (1844 – 1907) – преподаватель естественной истории в Сибирской военной гимназии (1866 – 1879), краевед, исследователь Сибири (этнограф, географ, археолог), один из основателей ЗСОИРГО (1877), директор Тюменского Александровского реального училища (1879 – 1905). Будучи секретарем Акмолинского статистического комитета обобщил и проанализировал данные однодневной переписи 1877 г. в Омске, издав в 1880 г. двухтомник «Материалы по истории и статистике Омска», предваряемые «Исторической хроникой Омска» – первым систематическим изложением 150-летней истории города (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 251 – 252; Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 404 – 405).

[8] Сулоцкий Александр Иванович (1812 – 1884) – священник, церковный историк. Законоучитель Сибирского кадетского корпуса (1848 – 1877) и настоятель Николаевской церкви при Сибирском кадетском корпусе, член правления Омского духовного училища (с 1868), председатель съездов Омского училищного округа, один из членов-учредителей Общества исследователей Западной Сибири (1868) и ЗСОИРГО (1877), исследователь сибирской старины (особое внимание уделял истории тобольской епархии, истории христианства в Сибири) (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 258 – 259; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 452).

[9] Голубев Петр Алексеевич (1855 – 1912) – ссыльный народник, исследователь Алтая. Будучи студентом, привлекался по процессу «193-х» за участие в народническом движении. В 1887 г. арестован за попытку устройства подпольной типографии, на три года выслан на поселение в с. Алтайское Бийского округа Томской губернии. С 1889 г. проживал в Барнауле. По окончании срока ссылки выехал в Томск (1890), затем (после 1892) работал статистиком в Вятке и Самаре. В ссылке являлся деятельным сотрудником томской «Сибирской газеты». Инициатор, составитель и основной автор и редактор историко-статистического сборника «Алтай» (1890) (ИЭС. Т. 1. Новосибирск, 2010. С. 397).

[10] Катанаев Георгий Ефремович (1848 – 1921) – военный, краевед, историк Сибирского казачьего войска, военный чиновник, администратор и общественный деятель. Состоял преподавателем истории и географии в Сибирской военной гимназии. Г.Е. Катанаев выступил в качестве члена-учредителя и почетного члена ЗСОИРГО, в 1877 – 1893 гг. был председателем его распорядительного комитета, а в 1893 – 1897 гг. – председателем ЗСОИРГО. Активный сотрудник многих просветительских и общественных организаций Омска. В 1918 г. назначен членом Военного совещания при Временном Сибирском правительстве. После прихода к власти адмирала А.В. Колчака Г.Е. Катанаев назначен членом Военного Совета и председателем Особой комиссии по расследованию деятельности лиц, причастных к большевизму. В январе 1920 г. арестован в Иркутске, но в виду «дряхлости» и отсутствия серьезных обвинений был освобожден большевиками и отправлен в Омск. По возвращении в Омск стал заведующим историко-экономической секцией Сибархива, возглавлял отдел истории и археологии музея ЗСОРГО (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 107 – 108; Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 513).

[11] Сухомлинов Николай Александрович (1851 – 1918) – военный и политический деятель, степной генерал-губернатор (1915 – 1917), генерал от кавалерии (1916). Участник русско-турецкой войны (1877 – 1878), оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска (1911). В 1915 г. был назначен Степным генерал-губернатором (до 1917 г.), командующим войсками Омского военного округа и наказным атаманом Сибирского казачьего войска. В марте 1917 г. арестован и выслан в Петроград, расстрелян большевиками в 1918 г. (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 458).

[12] Массарик (Масарик) Томаш Гарриг (1850 – 1937) – чехословацкий государственный и политический деятель, философ-позитивист, участник Первой мировой войны, один из

организаторов контрреволюционного мятежа Чехословацкого корпуса. Первый президент Чехословацкой республики (1918 – 1935) (БСЭ. 1974. Т. 15. С. 436).

[13] Косарев Владимир Михайлович (1881 – 1945) – революционер, социал-демократ, большевик. Активный участник революционных событий 1905 – 1907 гг. и 1917 – 1922 гг. В 1917 г. – Председатель Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, руководил первыми социально-экономическими мероприятиями советской власти в Омске. В мае 1918 г. входил в штаб по организации сопротивления восставшему Чехословацкому корпусу, руководил эвакуацией советских учреждений из Омска. В 1919 г. стал членом Сибревкома, затем вошел в Сиббюро ЦК РКП(б), руководил восстановлением советских и партийных учреждений, возглавлял ЦК по борьбе с тифом (1919 – 1921). С 1922 г. жил и работал в Москве (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 584).

[14] По воспоминаниям старого большевика В.А. Ведерникова, при оставлении Дома Республики в момент занятия города чехословацким корпусом было решено взорвать здание. Две гранаты были заложены большевиками в печку правого крыла (от главного входа) нижнего этажа. Взрыва не произошло, гранаты были обнаружены новыми хозяевами здания (Вибе П.П. Генерал-губернаторский дворец в Омске как памятник истории // Памятники истории и культуры… 1995. С. 111).

[15] Иванов-Ринов Павел Павлович (1869 – ?) – военный деятель, атаман Сибирского казачества (1918), один из руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке (1918 – 1922). Глава офицерских организаций Омска и Петропавловска. В октябре 1918 г. состоял в должности Военного министра Временного Сибирского правительства, а также командующего Сибирской армией Уфимской Директории. 7 июня 1918 г. возглавил антибольшевистское выступление в Омске. После свержения советской власти стал командиром Степного корпуса, в августе 1918 г. избран войсковым атаманом Сибирского казачьего войска. После прихода к власти А.В. Колчака назначен помощником по военной части генерала Д.Л. Хорвата. В декабре 1918 г. возглавил подавление восстания в Омске. В ноябре 1919 г. покинул Омск, был арестован генералом А.Н. Пепеляевым за измену. Освобожден, бежал в Красноярск, эмигрировал в Харбин (1920), служил начальником штаба войск атамана Г.М. Семенова на Дальнем Востоке (1921). В 1922 г. с остатками войск генерала М.К. Дитерихса эвакуировался в Корею, с 1924 г. находился в Китае. В 1925 г. вернулся в СССР. Дальнейшая судьба неизвестна (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 458).

[16] В 1918 г. была попытка передачи большевиками здания генерал-губернаторского дворца под музей ЗСОРГО. Однако изменение политической ситуации заставило вернуть здание в административное пользование, музей остался в старом помещении по адресу ул. Музейная, 7 (ныне Музейная, 3). В Доме Свободы разместились штаб Сибирской армии, канцелярия политического представителя Чехословацкого Национального Совета, по иронии судьбы в Доме Свободы размещались и арестантские помещения для содержания красногвардейцев. 2 декабря 1918 г. штаб Сибирской армии перебрался в здание 2-й женской гимназии, забрав с собой часть обстановки бывшего генерал-губернаторского дворца. Во дворце разместилось Российское правительство: кабинет Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака; кабинет директора канцелярии Верховного Правителя Г.К. Гинса; кабинет председателя Совета Министров П.В. Вологодского; кабинеты канцелярии Верховного Правителя и Совета Министров. На первом этаже располагалось караульное помещение и еще несколько кабинетов (Вибе П.П. Генерал-губернаторский дворец… С. 107 – 113).

[17] Вологодский Петр Васильевич (1863 – 1928) – государственный и общественный деятель, председатель Совета министров Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств, почетный гражданин Сибири. Учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В качестве защитника выступал в целом ряде крупных политических процессов. Защищал участников демонстрации 1905 г. в Томске и т.д. Сотрудничал в «Восточном обозрении» и в других сибирских газетах. Состоял членом правлений различных благотворительных обществ и гласным Томской городской думы. От прогрессистов Томска был избран членом II Государственной Думы. После февральской революции был избран членом Томского губернского комиссариата. После Октябрьской

революции участвовал в подготовке мятежа школы прапорщиков в Омске. В сентябре 1918 г. вошел в состав Уфимской Директории, в ноябре назначен председателем Совета министров Временного Всероссийского правительства. После государственного переворота 18 ноября 1918 г. возглавил Российское правительство, входил в состав Совета Верховного правителя России администрации А.В. Колчака. В ноябре 1919 г. П.В. Вологодский покинул свой пост. В конце 1919 г. эмигрировал в Китай (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 48 – 49; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 226 – 227).

18 Колчак Александр Васильевич (1874 – 1920) – Верховный правитель России (1918 – 1920), адмирал (1918), исследователь Арктики, участник русско-японской и Первой мировой войн. Не признал государственного переворота октября 1917 г. и прихода к власти большевиков. В октябре 1918 г. прибыл в Омск в качестве военного и морского министра Временного Всероссийского правительства. В результате государственного переворота 18 ноября 1918 г. провозглашен Верховным правителем России, при котором действовали Совет и Правительствующий Сенат. В ноябре 1919 г., в связи с приближением Красной армии к Омску, выехал в Иркутск, где был взят под охрану войсками Чехословацкого корпуса, передавшими его Политцентру, состоявшему из эсеров и меньшевиков, затем был передан большевистскому ревкому. Расстрелян 20 января 1920 г. по приговору ревкома (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 113 – 115; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 555 – 556).

19 Тухачевский Михаил Николаевич (1893 – 1937) – военный деятель, военачальник РККА времен гражданской войны, командир Красной армии, маршал Советского Союза. В июне 1918 г. назначен командующим 1-й армией Восточного фронта. В апреле 1919 г. возглавил 5-ю армию, которая успешно участвовала в контрнаступлении, а затем в Златоустовской, Челябинской и Курганской операциях. В октябре 1919 г. войска под командованием М.Н. Тухачевского успешно осуществили омскую операцию и заняли Омск. Вскоре М.Н. Тухачевский был переброшен на Кавказ. В 1920 – 1921 гг. командовал Западным фронтом, руководил действиями войск в период войны с Польшей. В 1921 г. участвовал в ликвидации кронштадтского восстания и в подавлении выступления крестьян в Тамбовской губернии. После гражданской войны М.Н. Тухачевский находился на командных должностях в Красной армии, став в 1934 г. заместителем наркома обороны. В мае 1937 г. снят с этой должности, вскоре арестован и расстрелян по сфабрикованным обвинениям в государственной измене. Реабилитирован посмертно в 1956 г. (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 265 – 266; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 506).

20 Вероятно, имеются в виду воспоминания Краснопольского Николая Васильевича (1898 – 1964) – бойца 5-й Армии, политработника, написавшего песню 27-й краснознаменной дивизии «В степях приволжских, в безбрежной шири…» (Краснопольский Н.В. Освобождение Омска // В огне революции и гражданской войны. Омск, 1959. С. 193; Он же. Орел молодой // Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников / под ред. В.Г. Черновола. М.: Воениздат, 1965. С. 81).

21 Штернберг Павел Карлович (1865 – 1920) – астроном, революционер, член РСДРП (б) с 1905 г., участник гражданской войны. Во время Февральской революции член Московского комитета партии, глава Центрального штаба Красной Гвардии при Моссовете, член Московского Военно-Революционного Комитета, возглавил боевые действия в Замоскворецком районе. После Октябрьской революции член Президиума Мосгубисполкома. В 1918 г. член коллегии Наркомпроса, член РВС 2-й армии, с октября 1919 г. член РВС Восточного фронта. Принимал участие в руководстве боевыми операциями 3-й и 5-й армий Восточного фронта РККА по овладению Омском в ноябре – декабре 1919 г. (БСЭ. 1978. Т. 29. С. 496).

22 В 1923 г. здание генерал-губернаторского дворца было временно передано детскому дому, в 1924 г. – краеведческому музею. В 1957 г. на фасаде здания справа от подъезда была установлена мемориальная доска с текстом: «В этом доме с марта 1917 г. по 7 июня 1918 г. размещался Омский Совет рабочих и солдатских депутатов». В 1959 г. 14 ноября, в 40-ю годовщину освобождения Омска от колчаковцев, на здании музея была установлена

мемориальная доска с барельефом В.М. Косарева. Во время реставрационных работ 1984 – 1985 гг. ее сняли. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 29 октября 1992 г. в честь 150-летия со дня рождения Н.М. Ядринцева на фасаде здания установили мемориальную доску с его барельефом (скульптор С.А. Голованцев). В 1999 г. была установлена доска, посвященная 70-летию со дня пребывания в Омске Н. Рериха, основателя Пакта Мира (этому же событию посвящено открытие напротив дворца монумента и аллеи, носящей имя знаменитого мыслителя и художника). В 2000 г. установлена мемориальная доска и первому директору краеведческого музея Ф.В. Мелехину, руководившему учреждением в 1923 – 1929 гг. В настоящее время помещение дворца находится в распоряжении Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (ул. Ленина, 23) (Вибе П.П. Генерал-губернаторский дворец… С. 111 – 113; Сороколетова Г.И. О передаче здания генерал-губернаторского дворца Западно-Сибирскому краевому музею // Известия ОГИК музея. 2005. № 11. С. 61 – 65).

[23] Вейсброд Борис Соломонович (1874 – 1942) – хирург, доктор медицинских наук, профессор. В 1904 г. вступил в РСДРП(б). В 1918 г. избирается заведующим отделением здравоохранения Замоскворецкого Совета. В том же году Совнарком командирует Б.С. Вейсброда в Австро-Венгрию председателем комиссии Красного Креста по эвакуации пленных. Участник Октябрьской революции, общественный деятель и организатор больничного дела. После революции по его инициативе создан Институт неотложной помощи. Одним из первых оказал помощь раненному В.И. Ленину после покушения Ф. Каплан. В 1919 – 1920 гг. по назначению Совета Обороны возглавил Чрезвычайную комиссию по борьбе с эпидемиями на Туркестанском и Юго-Западном фронтах. Наблюдал за состоянием здоровья Ленина в 1920-е гг. С 1924 г. по 1929 г. член ЦК Минсантруда. Один из организаторов Института неотложной помощи в Москве (ныне Московский НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского). В Омск прибыл в 1942 г. с эвакуированным 2-м Московским государственным мединститутом, военный факультет которого размещался на базе главного корпуса медицинского института (ул. Ленина, 12) и Омского военного госпиталя. Похоронен на Казачьем кладбище (перезахоронен на Восточном кладбище в 1961 г.) (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 45; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 196).

[24] Ул. Дворцовая и Атаманская в 1920 г. по решению Омгубревкома от 09.02.1920 г. были объединены в ул. Республики (участок современной ул. Ленина в районе сквера «Памяти Борцов Революции»). В 1963 г. решением Омского горисполкома № 14/8 от 26.04.1963 г. ул. Республики совместно с Чернавинским проспектом (народное название – Любинский проспект) вошли в состав в ул. Ленина (Улицы города Омска… С. 62 – 63).

[25] Учебное заведение ведет свое начало от Войскового казачьего училища, основанного в 1813 г. по инициативе командира Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа и его адъютанта штабс-капитана гвардии С.Ю. Броневского. Первоначально училище размещалось в Посольском доме, предназначавшемся для приезжающих в Омск азиатских посланцев, с осени 1813 г. – в собственном деревянном двухэтажном доме. Содержалось учебное заведение на средства казачьего войска. После окончания обучения бывшие воспитанники училища в качестве урядников поступали на службу в полки казачьего войска, направлялись учителями в полковые школы. С 1826 г. учебное заведение было переименовано в училище Сибирского линейного казачьего войска и стало размещаться в новом здании, первоначально предназначавшемся для военной канцелярии. С 1828 г. в ведение училища была передана Омская азиатская школа, готовившая переводчиков иностранных языков. В 1846 г. училище получило наименование Сибирского кадетского корпуса, ставшего элитарным учебным заведением, преимущественное право поступления в который имели сыновья офицеров Отдельного Сибирского корпуса и гражданских чиновников дворянского происхождения. В 1925 г. в здании бывшего кадетского корпуса размещалась пехотная школа, преобразованная затем в Омское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М.В. Фрунзе. Согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. памятник был принят

на республиканскую, ныне федеральную охрану, решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. – на региональную. На фасаде здания установлены памятные доски Ч.Ч. Валиханову, Л.Н. Гуртьеву, Д.М. Карбышеву, Г.Е. Катанаеву, Л.Г. Корнилову, В.В. Куйбышеву, Г.Н. Потанину (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 242 – 244).

26 В 1999 г. Омское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М.В. Фрунзе было расформировано. Сейчас в здании находится Омский кадетский корпус Министерства обороны Российской Федерации (ул. Ленина, 26).

27 Гонсевский Гилярий Васильевич (1823(?) – 1850-е) – преподаватель Сибирского кадетского корпуса. С 1850 г. служил в должности старшего преподавателя политической истории. По неизвестным причинам вскоре покончил с собой, похоронен на католическом участке Казачьего кладбища. Могила не сохранилась (Казачье кладбище // Омский некрополь… С. 59).

28 Лободовский Василий Петрович (1823 – 1900) – преподаватель Сибирского кадетского корпуса. Служил преподавателем словесности и русского языка во 2-м Кадетском корпусе в Москве (1852 – 1857), в Сибирском кадетском корпусе (с 1857 г.), в военной гимназии – штатным преподавателем (после преобразования корпуса в 1868 г.). Был известен своими прогрессивными взглядами (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 47 – 48).

29 Певцов Михаил Васильевич (1843 – 1902) – путешественник, военный топограф. С 1875 г. служил в Омске, преподавал географию в Сибирском кадетском корпусе (1875 – 1886). Один из членов-учредителей ЗСОИРГО (1877), первый правитель дел краеведческого общества, председатель распорядительного комитета (1879 – 1883). Участник ряда экспедиций в Центральную Азию. По инициативе М.В. Певцова при ЗСОИРГО была организована библиотека, а в 1878 г. – музей, в который путешественником были переданы коллекции минералов и окаменелостей, позднее – таксидермические скульптуры птиц (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 201; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 234 – 235).

30 Анненский Николай Федорович (1843 – 1912) – статистик, общественный деятель, публицист. Разделял идеи народников, неоднократно подвергался арестам. Сотрудничал в журналах и газетах либерального народничества «Дело», «Отечественные записки», «Русское богатство». В 1903 – 1905 гг. – один из руководителей либеральной организации «Союз Освобождения». С В. Мяконовым и А. Пешехоновым основал народно-социалистическую партию. В 1905 – 1907 гг. активно участвовал в избирательных кампаниях по выборам в Государственную Думу. В последние годы жизни отошел от общественно-политической деятельности (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 11 – 12; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 45).

31 Вагин Всеволод Иванович (1823 – 1900) – журналист, общественный деятель, историк, мемуарист. В 1840 – 1861 гг. – чиновник, а в 1855 – 1861 гг. – окружной начальник Каннского округа Томской губернии. С 1840 г. на службе в канцелярии Главного управления Восточной Сибири в Иркутске. С 1847 г. сотрудничал в петербургской и сибирской газетах «Томские губернские ведомости», «Амур». С 1852 г. служил в Томском общем губернском управлении. В 1861 г. вышел в отставку с государственной службы по собственному желанию в чине надворного советника. В 1861 – 1875 гг. – адвокат. В 1875 – 1877 гг. – редактор-издатель газеты «Сибирь», затем постоянный сотрудник «Сибири» и «Восточного обозрения». С 1862 г. – действительный член Сибирского отдела ИРГО, с 1872 г. – гласный Иркутской городской думы. Будучи одним из лидеров сибирского областничества, он привлекался по делу «сибирских сепаратистов» вместе с Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым и др. В то же время он не разделял сепаратистских идей, выдвигаемых областниками. Творчество В.И. Вагина посвящено истории и современному состоянию Сибири (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 40; ИЭС. Т. 1. С. 290).

32 Нестеров Андрей Павлович (1838 – 1901) – казачий офицер, общественный деятель. Окончил Сибирский кадетский корпус, служил строевым офицером в Семипалатинске

и Усть-Каменогорске. В 1865 г. привлекался к дознанию Омской следственной комиссией по делу областников, но в 1868 г. освобожден от ответственности из-за отсутствия улик. Во второй половине 1860-х – 1870-е гг. служил в Амурском казачьем войске. В Иркутске Нестеров выкупил у прежнего владельца газету «Сибирь» и стал ее издателем (1879 – 1883). На предоставленные А.М. Сибиряковым средства организовал типографию (в марте 1880 г. сгорела). Арестован по обвинению в передаче шрифта народовольцам и в административном порядке выслан в пригородное селение. Вернувшись в Иркутск, восстановил типографию и вместе с М.В. Загоскиным и В.И. Вагиным принял активное участие в работе газеты «Сибирь». В конце 1882 г. арестован в Красноярске за принадлежность к Красному Кресту «Народной воли», приговорен к гласному надзору полиции на два года (ИЭС. Т. 2. С. 474).

[33] Боярский Николай Львович (1820 – 1883) – преподаватель Сибирского кадетского корпуса, топограф. Служил топографом 3-го класса в Отдельном Сибирском корпусе. Активно участвовал в экспедициях по изучению и колонизации Западной Сибири, провел несколько самостоятельных изысканий. В 1850 г. прикомандирован к Сибирскому кадетскому корпусу, где служил 33 года на преподавательских и воспитательских должностях (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 148).

[34] Шухов Иннокентий Николаевич (1894 – 1956) – краевед, этнограф, исследовавший культуру, быт и традиции местных сибирских народов (хантов, манси, ненцев). Благодаря И.Н. Шухову Омский областной краеведческий музей пополнился новыми коллекциями (этнографической, археологической, ботанической и зоологической) (Ремизов А.В. Знаток родного края: к 100-летию И.Н. Шухова // Известия ОГИК музея. 1994. № 3. С. 7 – 12).

[35] Куйбышев Николай Владимирович (1893 – 1938) – военачальник, командир Красной армии (1936). В 1938 г. репрессирован, приговорен к смертной казни. Реабилитирован посмертно в 1950-х гг. (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 627).

[36] Волченко Павел Кузьмич (1914 – 1987) – участник советско-финляндской и Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (31 мая 1945) (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 229 – 230).

[37] Важенин Виктор Михайлович (1906 – 1974) – участник боев на р. Халхин-Гол, Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (24 марта 1945) (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 182).

[38] Саенко Петр Родионович (1913 – 1979) – участник боев на р. Халхин-Гол, Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (24 марта 1945) (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 352).

[39] Светецкий Григорий Григорьевич (1918 – 2007) – участник Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (8 сентября 1945). Участник парада на Красной площади в 1941 г. и Парада Победы в 1945 г. (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 366).

[40] Бенеш Николай Александрович (1923 – 1944) – участник Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (16 октября 1943). Погиб в боях за Львов (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 110).

[41] Ул. Куйбышева была переименована решением Омского горисполкома № 40 от 11.01.1935 г. из ул. 1-й Линии, учрежденной в 1920 г. из ул. Скаковой и ул. Шкроевской. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник был принят на местную охрану. Исключен из реестра охраняемых памятников Указом Президента Российской Федерации № 452 от 05.05.1997 г. «Об уточнения состава объекта исторического и культурного наследия федерального и культурного наследия федерального (общероссийского) значения», сгорел в 2011 г., остатки строения были разобраны. Напротив дома (на пересечении улиц Масленникова и Куйбышева) в 1990-е гг. был установлен памятник В.В. Куйбышеву, ранее стоявший у здания администрации Куйбышевского района (Улицы города Омска… С. 60 – 61).

[42] Здание Тюремного замка было построено в 1850 – 1854 гг. на основе тюремного острога. В 1859 г. Омский тюремный замок был переведен из крепости в четырехэтажное здание по ул. Тобольской (ныне ул. Орджоникидзе). В 1904 г. Омский тюремный замок был переименован в областную тюрьму. Руководство тюрьмой осуществляло Главное Тюремное Управление при Министерстве юстиции, на местах – губернатор и тюремный

инспектор. Узниками были представители 3-х категорий: осужденные, подследственные и пересыльные. В дальнейшем помещение подвергалось перестройке и реконструкции несколько раз (в 1920-е, 1950-е гг.). Ныне реконструированное помещение является одним из корпусов следственного изолятора № 1 УФСИН России по Омской области (ул. Орджоникидзе, 86) (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 174 – 175).

[43] Омскому военно-окружному суду были подведомственны дела о преступлениях офицеров, нижних чинов, военных чиновников, а также гражданских лиц, обвиняемых в соучастии с военнослужащими. Военно-окружные суды были учреждены Военно-судебным уставом 1876 г., в Омске суд был открыт 1 сентября 1889 г. Сейчас в здании бывшего военно-окружного суда разместился один из корпусов Омской государственной медицинской академии. По легенде, в отделочных работах при строительстве этого сооружения, располагавшегося на территории крепости, участвовал отбывавший в то время наказание в Омском остроге Ф.М. Достоевский. Постановлением Главы Администрации Омской области № 176-п от 19.04.1994 г. «О постановке на государственный учет и охрану памятников истории и культуры Омской области» памятник принят на региональную охрану (Гефнер О.В. Военные и культура в Западной Сибири в последней трети XIX – начале XX в.: монография. Омск: Изд.-во ОмГУ, 2004. С. 29; Коновалов И. Омские маршруты писателя // Достоевский и Омск: диалог через века. Омск, 2011. С. 57).

[44] Неточная цитата. Ср.: «Так как нет защиты, то председатель обращается к обвиняемым – *не будет ли с нашей стороны вопросов (курсив сост.)*» (Куйбышев В.В. Эпизоды из моей жизни. М.: Молодая Гвардия, 1937. С. 38).

[45] Куйбышев В.В. Эпизоды из моей жизни… С. 37 – 50.

[46] Ул. Варламовская решением Омского горисполкома № 222 от 05.11.1923 г. была переименована в ул. Декабристов. Здание под № 36 до настоящего времени не сохранилось (Улицы города Омска… С. 40-41).

[47] Неточная цитата. Ср.: «Мы сидим, пьем чай и поругиваемся, так *как он меньшевик, а я большевик* (…) она бросилась ко мне и говорит *(курсив сост.)*» (Куйбышев В.В. Эпизоды из моей жизни… С. 72 – 73).

[48] Там же. С. 72 – 73.

[49] На месте корпусов сапоговаляльной фабрики ныне располагается крупный продуктовый магазин (ул. Звездова, 39). Здание по ул. Декабристов, 29, находившееся на территории фабрики, было снесено.

[50] Неточная цитата. Ср.: «*Она* вскипятила чай, поставила шипящий самовар на стол, очень хорошо его накрыла, поставила на стол варенье, какие-то вкусные пирожные и печенье *(курсив сост.)*» (Там же. С. 75).

[51] Работы по сооружению здания железнодорожного вокзала станции Омск велись в 1894 – 1896 гг. Известно, что автором церкви на Привокзальной площади и церковно-приходской школы был гражданский инженер А.П. Хегстрем. Не исключено, что он был причастен и к постройке вокзала. Омский вокзал был построен в соответствии с уровнем станций II класса. В 1950-х гг. была проведена первая реконструкция вокзала, изменившая его внешний вид. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Следующая перестройка начала 1980-х гг. внесла изменения в оформление фасадов 1950-х гг. Утрачены рельефные композиции на боковых флангах главного фасада, символизирующие славу Отечества в ходе войны с фашизмом. В ходе реконструкции, проведенной в 2006 г., был надстроен третий этаж (Ситникова М.А., Ситникова П.В. Архитектурный ансамбль железнодорожной станции «Омск» в системе построек фонда имени Александра III и его влияние на градостроительное развитие пристанционных поселков (история формирования ансамбля, его прошлое, настоящее, будущее) // Известия ОГИК музея. 2000. № 8. С. 94 – 116).

[52] Главные железнодорожные мастерские решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. приняты на местную охрану. Они располагались на территории завода транспортного машиностроения им. Октябрьской революции (Красный пер., 2).

[53] Территория Атаманского хутора включала в себя современный Ленинский округ, границами которого можно назвать ул. Труда, Лобкова, пр. Маркса до пл. Серова, берег Иртыша, а также район ближайших за вокзалом улиц. Базар, начавший работу на постоянной основе с 1900 г., сложился из спонтанно возникшего торжка, приносившего населению Атаманского хутора определенный доход. Этот базар заложил основы для формирования на этой территории в годы советской власти Ленинского рынка (Алисов Д.А. Казачий форштадт и Атаманский хутор // Памятники истории и культуры Сибири: тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. П.П. Вибе. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. С. 65 – 66; Лосунов А.М. О присоединении атаманской столицы к г. Омску // Архивный вестник. Омск, 2000. Вып. 8. С. 96 – 102).

[54] Новая Загородная роща как место отдыха омичей оформилась в годы Первой мировой войны. В 1940 г. на этом месте был открыт парк культуры и отдыха. По решению Омского горисполкома № 37/36 от 30.11.1948 г. парку присвоено наименование «имени 30 лет ВЛКСМ». Расположен на территории современного Октябрьского административного округа (Улицы города Омска… С. 141).

[55] Железнодорожный мост через Иртыш был построен по проекту Н.А. Белелюбского, открыт для движения в 1896 г. (Петров И.Ф. Город и мост // Известия ОГИК музея. 1998. № 6. С. 298 – 301).

[56] Казачье кладбище – один из крупнейших некрополей Омска XIX – начала XX вв. (основано в 1830-е гг., закрыто в 1940 г.), сложившийся в районе современных улиц Куйбышева, 7-й Линии, Успенского и Съездовской. Свое название кладбище получило по имени форштадта, за пределами которого оно находилось (Казачье кладбище // Омский некрополь… С. 51).

[57] Магазин купчихи М.А. Шаниной был построен в 1898 г. архитектором И.Г. Хвориновым. Здание ориентировано главными фасадами на запад (ул. Ленина) и юго-запад (ул. Либкнехта), южный угол дома срезанный, здесь находится главный вход. Первоначальная протяженность здания была меньшей, позднее оно было достроено. После Октябрьской революции магазин М.А. Шаниной был национализирован, а все имущество и вклады владелицы конфискованы. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В бывшем Торговом доме Шаниной в разное время располагались Центральный универмаг, Центральный комиссионный магазин. Ныне здесь располагается Торговый дом «Любинский» (Паспорт памятника «Магазин М.А. Шаниной» составлен 14 февраля 1991 г., автор Н.И. Лебедева; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 295 – 296).

[58] Чернавинский проспект впервые упоминается в 1898 г., в 1920 г. решением Омгубревкома от 09.02.1920 г. вошел в состав ул. Ленина (Улицы города Омска… С. 62 – 63).

[59] Чернавин Федор Леонтьевич (1831 – 1879) – городской голова, преподаватель Сибирского кадетского корпуса. После окончания университета (1852) поступил на службу в Сибирский кадетский корпус, где преподавал математику, физику, химию и космографию. До 1877 г. одновременно частным образом служил инспектором классов в омской женской гимназии и более десяти лет состоял членом распорядительного совета при женской гимназии. В 1868 г. вместе с А.И. Сулоцким, И.Я. Словцовым и П.А. Золотовым был в числе членов-учредителей Общества исследователей Западной Сибири. В 1872 г. почти единогласно избран гражданами Омска городским головой, совмещая эту должность с преподавательской работой. В 1876 г. вновь был избран городским головой. В эти годы значительно укрепилась городская казна, были построены городская больница, гостиные ряды, здания для разных учебных заведений. В 1877 г. принял деятельное участие в работе комиссии по проведению однодневной переписи в Омске. Принял участие в организации и был членом-сотрудником ЗСОИРГО (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 290 – 291).

[60] Подготовка к застройке Любинской рощи началась в 1899 г. На ее месте в 1903 г. выстраивается вторая сторона Чернавинского проспекта с комплексом Московских торговых рядов. Московские торговые ряды представляют собой двухэтажное кирпичное здание в центральной части западной стороны Чернавинского проспекта. Здание имеет форму

удлиненного прямоугольника, равноэтажного по всей длине, увенчанного тремя куполами французского типа. По своей планировке сооружение восходит к купеческим гостиным дворам, где каждый магазин имел отдельный вход. В результате последующей перепланировки помещения отдельных магазинов утратили свою замкнутость и приобрели анфиладный характер (кроме торговой ячейки со стороны ул. К. Либкнехта, оставшейся изолированной). По мнению барнаульского исследователя В.А. Скубневского, особенностью сибирского, в частности омского, предпринимательства начала XX в. стало сосредоточение крупных торговых фирм на центральных улицах города (Чернавинский проспект, Гасфордовская ул.) и вынос т.н. «мелочных лавок» за их пределы. Ярким примером подобного явления исследователь называет формирование на рубеже XIX – XX вв. «Московских рядов», представленных в большинстве своем известными производителями текстильной продукции Центральной России. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Ныне в помещении «Московских торговых рядов» располагаются магазины одежды и обуви (Паспорт памятника «Московские Торговые ряды» составлен 6 марта 1991 г., автор А.Н. Гуменюк; Скубневский В.А Торговая инфраструктура сибирского города в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): межвуз. сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 126 – 127).

61 Исследователь А.Н. Гуменюк, опираясь на данные чертежей Московских торговых рядов и адресные, а также справочные книги «Вся Москва», выявляет подлинную фамилию архитектора – Дессин О.В. (Оттон Вильгельмович (Отто Васильевич)), вместо искаженной – О.В. Деми или О.В. Демн (Гуменюк А.Н. Московские торговые ряды в Омске // Памятники истории и культуры… 1995. С. 114 – 118).

Дессин Оттон Вильгельмович (1863 – после 1917) – архитектор, состоявший на государственной службе в Строительной экспедиции Канцелярии по учреждениям императрицы Марии. В 1915 г. выполнил проект 3-й Московской женской гимназии на Большой Ордынке (Девятьярова И.Г. Краткие сведения об инженерах и архитекторах, работавших в Омске или проектировавших для города в XVIII – первой четверти XX вв. // Известия ОГИК музея. 1993. № 2. С. 112).

62 Торговый дом «Товарищество братьев Овсянниковых и А. Ганшина с сыновьями» был построен на Любинском проспекте в 1911 г. Участок земли под застройку на месте Любинской рощи приобрела купчиха П.П. Ганшина, представлявшая фабрично-торговое товарищество братьев Овсянниковых и Ганшиных с сыновьями, имевшее в Юрьеве-Польском свою фабрику. Его фасады расположены на трех улицах – Гасфортовская (ныне ул. Либкнехта), Любинский проспект и Музейная. Здание представляет собой неправильный четырехугольник с треугольным замкнутым внутренним двором. Архитектор проекта, предположительно, – И.Г. Хворинов. После Октябрьской революции магазин национализировали, в 1919 г. со стороны Гасфортовской ул. открылся продовольственный магазин, а в угловом помещении со стороны ул. Музейной появилась аптека. В 1921 г. Омский губисполком предоставил здание бывшего товарищества в распоряжение Западно-Сибирского медицинского института. Интерьеры здания были переоборудованы под аудитории медицинского института. Постановлением Главы Администрации области № 421-п от 29.08.1996 г. «Приложение № 1 к приложению № 3 к решению Омского облисполкома № 239/10 от 26 июня 1980 г.» памятник принят на региональную охрану. Ныне Омская государственная медицинская академия (ул. Ленина, 12) (Паспорт памятника составлен 26 мая 1993 г., автор Л.П. Елфимов; Здание Торгового дома «Братья Овсянниковы и А. Ганшин с сыновьями», ныне здание Омской государственной медицинской академии // Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья, 2011. Омск, 2010. С. 113 – 114).

63 Почтовая площадь располагалась в районе современной ул. Почтовой. Здание Управления Иртышского пароходства ныне занимает ОАО «Иртышское пароходство» и Омский институт Водного транспорта (пр. Карла Маркса, 3) (Улицы города Омска… С. 138).

64 Почтовая контора находилась по адресу: ул. Почтовая, 6, на углу улиц Почтовой и Аптечной (ныне пр. Карла Маркса) рядом с Почтовой площадью. Это было двухэтажное здание, построенное углом на северо-западе ведомственного городка. Рядом во дворе

располагалась небольшая электростанция для нужд связистов. В помещении почтовой конторы долгое время (с момента ее образования в 1886 г. до 1904 г., когда телеграф и почта были разделены) располагался Омский почтово-телеграфный округ 1-го класса. Участие работников почтовой конторы в манифестациях 1905 г. было не случайным. Как указывают составители книги «На связи Омск», служащие почтовых и телеграфных контор в начале двадцатого века не могли иметь нормированный рабочий день, оплачиваемые отпуска, состоять членами профсоюза и политических партий, получали низкую заработную плату. Все вышеперечисленное обусловило их активное участие в первой русской революции и в частности во Всероссийской забастовке 15 ноября 1905 г. (На связи Омск: к 140-летию Омской электрической связи / сост. О.А. Гердович. Омск: Ом. кн. изд-во, 2002. С. 17, 22 – 24; Энциклопедия города Омска… Т. 1. С. 144).

[65] Территория Казачьего сада располагалась рядом с Никольским Казачьим собором. Постановлением Городской думы от 10.11.1918 г. переименован в Тургеневский, позднее в сад «Профинтерн». В 1941 г. постановлением Омского горисполкома № 602/с от 17.05.1941 г. Казачий сад и Губернаторский сквер вошли в состав Центрального городского сада, упраздненного в 1977 г. Зеленая зона между ТЮЗом и Концертным залом филармонии носит название Театрального сквера (Улицы города Омска… С. 140).

[66] В комментарии автора вкралась ошибка: в ул. 8 Марта постановлением Омского горисполкома № 30 от 08.09.1926 г. была переименована ул. Симоновская (Улицы города Омска… С. 20 – 21).

[67] Из приведенных ниже автором адресов подпольных типографий остались здания на ул. Свердлова, 11 и 20.

[68] В 1935 г. рядом со старым мостом был построен второй железнодорожный мост (Улицы города Омска… С. 144).

[69] Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844 – 1928) – генерал от инфантерии. Служил в лейб-гвардии гусарском полку, командовал 7-м и 5-м армейскими корпусами, участник польской кампании (1863 – 1864), русско-турецкой войны (1877 – 1878), с 1871 г. – командир 2-го Туркестанского линейного батальона, с 1877 г. – командир 6-го пехотного полка, в 1906 – 1909 гг. – временный прибалтийский генерал-губернатор, член Государственного Совета. В 1905 г. был направлен с отрядом на территорию Сибири с целью восстановления сквозного движения по Сибирской железной дороге. В районе Омска особый поезд А.Н. Меллер-Закомельского встретил сопротивление, вызванное массовыми забастовками железнодорожных рабочих. Действия генерала по восстановлению порядка в регионе остались в памяти местных жителей как пример особой жестокости властей. В 1919 г. эмигрировал во Францию (Волков С.В. Генералитет Российской империи: энцикл. слов. генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 2. М.: Центрполиграф, 2009. С. 133; Шмаглит Р.Г. Белое движение. 900 биографий крупнейших представителей русского военного зарубежья. М.: Зебра Е, 2006. С. 184).

[70] Первоначально здание было краснокирпичным, лишь в 1912 г. его оштукатурили. К 1915 г. были завершены лепные и скульптурные работы: в нишах здания установлены бюсты А.П. Чехова и Л.Н. Толстого, на фронтоне театра – фигура крылатого гения (скульптор В. Винклер). В 1930-е гг. крылатого гения сняли по идеологическим соображениям, связав скульптурный образ с ангелом – принадлежностью культовых сооружений. В 1989 г. (по другим данным в 1991 г.) возвели новую скульптуру с лирой в поднятой руке (авторы С. Голованцев и Л. Семенов). Сказалось влияние советских традиций с присущим им героико-романтическим звучанием. В сезон 1934 – 1935 гг. театр стал называться Сибирским синтетическим театром. В 1935 г. в ходе преобразования театр был переименован в Омский областной драматический театр. В ноябре 1941 – августе 1943 гг. в здании Омского театра работал эвакуированный из Москвы театр им. Евг. Вахтангова. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. С 1983 г. театр носит звание академического (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 184 – 186; Девятьярова И.Г. Чешский скульптор В.Ф. Винклер в Омске // Памятники истории и культуры… 1995. С. 49 – 50).

[71] Хворинов Илиодор Геннадьевич (1835 – 1914) – гражданский инженер. На службе в Омске с 1894 г. Чиновник особых поручений по строительной и дорожной части при степном генерал-губернаторе (1894 – 1901), городской архитектор (1901 – 1906). По проектам И.Г. Хворинова в Омске были построены магазин М.А. Шаниной (1898, ныне Торговый дом «Любинский»; ул. Ленина, 5); деревянное здание музея Западно-Сибирского отдела ИРГО (1899, ныне Государственный центр народного творчества; ул. Музейная, 3); городской театр (1905, ныне Омский государственный академический театр драмы; ул. Ленина, 8а); здание гостиницы «Россия» (1906, ныне гостиница «Октябрь»; ул. Партизанская, 2); здание Омского женского епархиального училища с домовой церковью (1909, ныне главный корпус института ветеринарной медицины Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина; ул. Октябрьская, 92); пожарная каланча (1915, на Александровском проспекте; современная ул. Интернациональная, 41). Похоронен на Казачьем кладбище (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 556 – 557).

[72] Ул. Почтовая была переименована в ул. Колущинского постановлением Омского горисполкома № 511 от 31.10.1973 г., первоначальное название улице было возвращено постановлением Омского горисполкома № 135 от 27.03.1990 г. (Улицы города Омска... С. 88 – 89).

[73] Кочергин Александр Александрович (1881 – 1955) – оперный и камерный певец, с 1920 г. – солист оперной труппы Большого народного театра, в 1921 – 1922 гг. – Сибгосоперы в Омске. Исполнял ведущие партии на Омской оперной сцене, участвовал в музыкальной жизни города от музыкальной секции Губполитпросвета, в концертах, посвященных творчеству русских и зарубежных композиторов. С переездом в 1922 г. Сибгосоперы в Новониколаевск, некоторое время оставался в Омске, потом уехал в Москву (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 594).

[74] Боначич Антон Петрович (1878 – 1933) – оперный певец (бас-баритон, драматический тенор), режиссер, хормейстер, педагог. С 1905 г. по 1920 г. – солист Большого театра в Москве, гастролировал за рубежом. В 1920 – 1922 гг. – солист и режиссер оперной труппы Большого народного театра, Сибирской государственной оперы в Омске. Участвовал в концертах музыкальных секций Губполитпросвета в рабочих клубах, музыкальном техникуме и т.д. После перевода Сибгосоперы в Новониколаевск преподавал пение и хоровой класс во 2-й музыкальной школе, в музыкальном техникуме в Омске, в 1924 г. переехал в Томск (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 138).

[75] Некрасов Петр Сергеевич (1889 – 1963) – актер, народный артист РСФСР. На сцене Омского театра начал выступать с 1906 г. Позднее играл на сценах Тюменского, Барнаульского, Самарского и других театров. С 1935 г. до конца жизни состоял в труппе омского театра. Занимался режиссурой, ставил спектакли в театральных кружках школ и клубов. Похоронен на Старо-Северном кладбище (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 167).

[76] Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на местную охрану. Здание, известное как дом братьев Колмаковых (1901 г. постройки, ул. Лермонтова, 27 / Сажинской, 26), сохранилось до настоящего времени.

[77] Здание гостиницы «Европа» (ул. Ленина, 22) было построено в 80-е гг. XIX в. омским купцом Г.Ф. Зайцевым. Владелицей ее была супруга купца, и гостиница так и называлась «Гостиница Зайцевых». В начале XX в. была переименована в «Европу». В 1917 г. в подвальном помещении гостиницы располагался горком РКП(б), в 1919 г. при правительстве А.В. Колчака в помещении гостиницы жили иностранные представители и министры Российского и временного Сибирского правительства, в 1926 г. здесь останавливались Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих. В разное время гостиница носила название «Дом крестьянина», «Советская Сибирь», а с 1950 г. – «Сибирь». «Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В 2010 г. была проведена реконструкция здания, ныне гостиница открыта под названием «Ibis Сибирь Омск», входит в сеть отелей «Ibis» (Лосунов А.М. Гостиничный бизнес старого Омска // NB. Особое внимание. Омск, 2010. № 14. С. 43).

[78] Здание Центральной фельдшерской школы (ул. Тарская, 4) было построено в 1883 г. по проекту архитектора Э.И. Эзета на территории бывшей эспланады, став одним из первых

строений, окруживших впоследствии Соборную площадь. Архитектор спроектировал здание фельдшерской школы в два этажа с подвалом (П-образной формы с ризалитами по краям южного дворового фасада). Корпус возведен из красного кирпича и оштукатурен. Центральная часть симметричного фасада завершается аттиком (стенкой над карнизом), на который наложен треугольный фронтон. Первоначально вход в здание украшал ажурный стальной козырек с консолями, утерянный в ходе дальнейших реконструкций. Подвал освещался через заглубленные оконные проемы. Сейчас в здании размещается областная прокуратура. Решением Омского облисполкома № 20 от 22.01.1991 г. памятник принят на региональную охрану. В 2001 г. в ходе ремонтных работ в здании при проверке фундамента была обнаружена кирпичная кладка, породившая слухи о нахождении легендарных подземных ходов старой крепости. В реальности выявленный коридор представлял собою ход к выгребной яме, засыпанный в связи с подсоединением здания к централизованному коллектору. При расчистке подвальных помещений были выявлены запасы аптекарской посуды начала XX в. для приготовления и хранения лекарств (Панасенков В.Н. Здание фельдшерской школы // Строй-газета. 2008. 3 марта. № 8. С. 30 – 31).

[79] Ул. Лермонтова переименована из ул. Томской в 1914 г. (Улицы города Омска… С. 64 – 65).

[80] Здание (ул. Лермонтова, 6) было построено в 1852 г. и принадлежало купцу Кузьмину. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. С 1996 г. здание закрыто для посещения из-за аварийного состояния. Ныне здание находится в частной собственности, ведутся ремонтные работы.

[81] Участок ул. Лобкова с этим зданием до настоящего времени не сохранился.

[82] Здание по ул. Володарского до настоящего времени не сохранилось.

[83] Здание на углу ул. Масленникова и ул. Декабристов под № 132 до настоящего времени не сохранилось.

[84] Здание на углу ул. Лермонтова и ул. Учебной до настоящего времени не сохранилось.

[85] Здание управления Омской железной дороги было построено в 1914 – 1917 гг. по проекту Ф.И. Лидваля. В 1961 г. в здании разместился Омский институт железнодорожного транспорта. Согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. памятник принят на республиканскую, ныне федеральную охрану. Ныне Омский государственный университет путей сообщения (пр. Карла Маркса, 35) (Лебедева Н.И. Архитектура дореволюционного города. Гражданская архитектура… С. 85).

[86] Винклер Владимир Францевич (1884 – 1956) – чешский скульптор, оформивший фасады зданий Нового городского театра (Омский академический театр драмы; ул. Ленина, 8а), Управления омской железной дороги (Омский государственный университет путей сообщения; пр. Карла Маркса, 35), Здания судебных установлений (Правительство Омской области; ул. Красный Путь, 1), здания Русско-Азиатской компании (Администрация города Омска; ул. Гагарина, 34). В Омск попал в качестве военнопленного австро-венгерской армии осенью 1914 г. Первый раз в качестве скульптора он был привлечен для ремонтных работ здания театра. С именем В.Ф. Винклера связано оформление театра (первоначально неоштукатуренного и скупо декорированного) в неоренессансных формах, появление фигуры крылатого гения над главным подъездом. В Омске Винклер нашел единомышленников среди местной интеллигенции, объединившихся в 1916 г. в «Общество художников и любителей изящных искусств Степного края». В середине 1918 г. скульптор покинул Омск, отправившись дальше на восток (работал в Томске, Красноярске, Чите, Владивостоке). В 1927 г. переехал в Харбин. Многие годы стремился вернуться на родину, посылал прошения чешскому правительству, оставшиеся безответными (Девятьярова И.Г. Чешский скульптор В.Ф. Винклер в Омске // Памятники истории и культуры… 1995. С. 48 – 54).

[87] Здание Железнодорожного собрания построено в 1896 – 1897 гг. В 1917 г. в здании размещались железнодорожный райком РСДРП(б) и штаб Красной Гвардии. На втором этаже здания с марта 1917 г. по июнь 1918 г. находился железнодорожный райком РСДРП(б). 11 июля здесь проходило городское партийное собрание, которое обсуждало вопрос об отношении к войне. Большинство высказывалось против поддержки политики Временного

правительства и продолжения войны. В 1917 – 1918 гг. в здании часто проходили собрания Союза рабочей молодежи. 26 мая 1918 г. во время боев под ст. Марьяновка на совещании партактива, собравшемся в здании железнодорожного собрания, был избран орган для руководства боевыми действиями – Западно-Сибирский военно-оперативный штаб во главе с А.И. Окуловым. В 1918 г. штаб Красной Гвардии перевели из здания железнодорожного собрания в здание напротив. В послевоенное время – малый зал клуба им. Лобкова, впоследствии переименован в клуб им. Ворошилова, в 1961 г. клуб был закрыт в связи с аварийным состоянием, облик здания в ходе перестройки полностью изменился. В 1967 г. открыт ДК Красной Гвардии (ул. Лобкова, 5 а). В 1980-х гг. на момент оформления паспорта памятника здание принадлежало Заводу транспортного машиностроения им. Октябрьской революции. Ныне в помещении располагается Дворец культуры им. Красной Гвардии, включающий различные творческие коллективы. Справа от входа 28 октября 1978 гг. установлены две мемориальные доски: «Здесь в 1917 – 1918 гг. помещался железнодорожный райком РСДРП(б)», «Здесь в 1917 – 1918 гг. проходили собрания Союза рабочей молодежи, организаторами и активными членами которого были Николай Лукашевич, Кирилл Дергачев, Анна Попова, Сергей Пранов, Александр Пранов, Владимир Артемов». Слева от входа – мемориальные доски с текстом: «Здесь в 1917 – 1918 гг. помещался штаб Красной Гвардии»; «Здесь с 28 VIII по 6 XI 1941 г. находился штаб 364-й стрелковой Тосненской Краснознаменной дивизии». Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В ходе ремонтных работ в 2000-е гг. все памятные доски со здания были сняты (Паспорт памятника составлен 20 июня 1989 г., автор Е.П. Зензин).

88 Карлов Александр Андреевич (1885 – 1963) – активный участник становления советской власти в Омске. С 1902 г. работал на лесном складе при железной дороге в Омске, затем поступил в техническое железнодорожное училище, где познакомился с членами революционного кружка. Принял участие в событиях первой русской революции. Работал помощником машиниста, машинистом паровоза, чертежником в управлении Омской железной дороги. В 1917 г. избран секретарем Омского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Западно-Сибирского военно-оперативного штаба по подавлению чехословацкого мятежа. В 1919 г. находился на подпольной работе в Томске; в 1920 г. вернулся в Омск. С 1925 г. служил в других городах страны для исполнения профессиональных обязанностей, связанных с налаживанием работы железнодорожного транспорта (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 505).

89 Звездов Андрей Алексеевич (1887 – 1931) – участник революционного движения в Сибири, социал-демократ. В ноябре 1917 г. избран членом Омского Совета солдатских и рабочих депутатов и назначен председателем революционного трибунала. В мае – июне 1918 г. участвовал в обороне Омска и подавлении чехословацкого мятежа. Был политкомиссаром Омского военного округа. После отступления красногвардейцев из Омска проходил службу в регулярных частях Красной армии. В 1921 г. вернулся в Сибирь начальником войск внутренней охраны по обеспечению работы железных дорог. С 1922 г. жил и работал в Москве (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 85 – 86; Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 434).

90 Блусевич Анна Федоровна (1873 – 1954) – член РСДРП(б), секретарь Четвертого (ныне Кировский округ), а затем Третьего (ныне Ленинский округ) райкома партии (Ракова А. Блусевич Анна Федоровна // За власть Советов!: крат. биогр. очерки об участниках революц. событий в Омском Прииртышье (1917 – июнь 1918 гг.) / под ред.: Н.В. Журавлева. Омск: Ом. книж. изд-во, 1987. С. 19 – 21).

91 Окулов Алексей Иванович (1880 – 1939) – революционер, военный и партийный деятель, писатель. Член РСДРП(б) с 1903 г. В годы первой русской революции руководил боевой дружиной в Вологде, участвовал в аресте губернатора. С отступлением революции перебрался в Санкт-Петербург, был на нелегальном положении. В 1907 – 1913 гг. был в эмиграции, где входил в группы содействия РСДРП. После возвращения в 1913 г. на родину был арестован и отправлен в дисциплинарный батальон. Февральскую революцию встретил в Красноярске, где был избран председателем Красноярского Совета рабочих и солдатских

депутатов, членом районного бюро РСДРП(б) и облбюро большевистских организаций Центросибири. Осенью 1917 г. выехал в Петроград. В 1918 г. с отрядом инструкторов, броневиком «Питерец» и орудиями прибыл в Омск. Избран одним из руководителей Западно-Сибирского военно-оперативного штаба, который занимался формированием частей Красной гвардии и организацией обороны Омска от участников восстания чехословацкого корпуса. После поражения большевиков руководил эвакуацией ценностей и войск на пароходах вниз по Иртышу. Позднее принимал участие в боевых действиях на Южном и Западном фронтах. С 1924 г. занимался писательской деятельностью. В 1937 г. по сфабрикованному обвинению приговорен к десяти годам ИТЛ, умер в заключении. Реабилитирован посмертно (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 161; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 203).

92 Эйдеман Роберт Петрович (1895 – 1937) – советский военный деятель, в октябре 1917 г. назначен заместителем председателя Центросибири, комиссар и командир различных дивизий в 1918 – 1920 гг. С мая 1918 г. в Западно-Сибирском штабе командовал красногвардейскими отрядами в районе Омска во время подавления белочешского восстания (БСЭ. 1978. Т. 29. С. 570).

93 Здание клуба железнодорожников, построенное в 1927 г. по проекту инженера С.М. Игнатовича, стало первым общественным сооружением в советском Омске. В 1954 г. был проведен капитальный ремонт, в результате которого изменился интерьер зрительного зала, появились восемь скульптур современников. В 1974 г. был проведен второй капитальный ремонт, в результате которого были убраны лепные символические шары, наружный балкон декорирован гофрированным железом. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Ныне здание занимает «Дом учителя и детского творчества» и «Омский государственный детский ансамбль». Мемориальная доска утрачена (Паспорт памятника составлен 21 февраля 1990 г., автор П.П. Вибе).

94 Анненков Борис Владимирович (1889 – 1927) – один из лидеров Белого движения в Сибири. В 1918 г. организовал в Омске нелегальную казачью организацию тринадцати (получившую название по числу казачьих офицеров, составивших ее ядро), совершил налет на Никольский казачий собор, захватив знамена Сибирского казачьего войска, в том числе т.н. знамя Ермака. Избран войсковым атаманом Сибирского казачьего войска, в июне – июле 1918 г. участвовал в ряде антисоветских выступлений в Сибири, в изгнании большевиков из Омска. Организовал партизанскую дивизию, воевавшую на территории Западной Сибири и Казахстана, с 1919 г. действовавшую в Семиречье. В ноябре 1919 г. приказом Верховного Правителя А.В. Колчака назначен командующим отдельной Семиреченской армией. В 1920 г. отряд Анненкова был разбит войсками Красной Армии, отступил к границе Китая и перешел ее. В 1926 г. в Китае Б.В. Анненков был арестован и передан чекистам, в 1927 г. на судебном заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Семипалатинске приговорен к расстрелу (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 10; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 44).

95 Могила была перенесена в общее захоронение в сквер «Памяти Борцов Революции» по ул. Ленина в 1966 г. 21 июня 1966 г. в соответствии с решением Омского горисполкома у братской могилы 120 политзаключенных были торжественно перезахоронены останки погибших в 1918 – 1919 гг. сторонников советской власти, могилы которых находились в разных районах города (Вибе П.П. Мемориальный сквер «Памяти Борцов Революции» // Памятники истории и культуры г. Омска / сост. П.П. Вибе. Омск, 1992. С. 18 – 28; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 143 – 144).

96 Ныне Омский автотранспортный колледж (ул. Гагарина, 10).

97 Красильников Иван Николаевич (1888 – 1920) – казачий атаман, есаул, участник Белого движения в Сибири. Сражался в Белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 г. – начальник отряда, взявшего Иркутск; в июле – августе 1918 г. – командир отряда особого назначения, в ноябре 1918 г. – войсковой старшина, командир партизанского отряда в Сибири, участник Омского переворота, с ноября 1918 г. – полковник. В сентябре 1919 г. – командир партизанской бригады (отдельной Егерской бригады Сибирского казачье-

го войска), затем начальник северного антипартизанского фронта в Енисейской губернии. Генерал-майор (август 1919) (Волков С.В. Белое движение: Энцикл. граждан. войны. СПб.: Нева, М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 272).

[98] Здание на ул. Подгорная, 48 до настоящего времени не сохранилось.

[99] Дом братьев Волковых, построенный на рубеже XIX – XX вв., принадлежал известным омским купцам-благотворителям Волковым. Здание представляло собой тип доходного дома, сдаваемого в найм учреждениям. В 1910-е гг. в здании находилась аптека Медицинского общества. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. и постановлением Главы Администрации Омской области № 421-п от 29.08.96 памятник принят на региональную охрану. В октябре 2011 г. здание было продано с торгов и перешло в частные руки. В ходе последовавшей реконструкции были сломаны перекрытия, от первоначального облика здания остались только стены. Ныне здесь располагается Управление по фармацевтической деятельности и производству лекарств Министерства здравоохранения Омской области (ул. Ленина, 15). (Паспорт памятника составлен 15 февраля 1991 г., автор Н.И. Лебедева; Васильева С. Купцы – городу отцы // Омская трибуна. 2012. 10 мая. № 18. С. 10).

[100] Ныне Детский Эколого-биологический центр (ул. Маршала Жукова, 109).

[101] Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка была открыта в Омске в 1911 г. по инициативе Омского отдела Московского сельскохозяйственного общества. Она была призвана показать потенциал Западной Сибири в естественно-историческом и культурно-экономическом отношении, ознакомить с природными богатствами края, с состоянием различных отраслей сельского хозяйства, торговли, промышленности, учебного дела и медицины. Выставка размещалась на Семинарской площади (ныне Юнгородок) и занимала площадь в 27 десятин земли. Были сооружены 60 павильонов (Машинный, Молочный с ледником, Лесной, Переселенческий и т.д.). Преобладающим стилем оформления архитектурных комплексов стал «модерн» (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 203 – 204).

[102] По проектам архитектора Л.А. Чернышева были построены Главный вход, Научный, Лесной, Машинный, Молочный и ледник, Кустарный, Переселенческий павильоны, ряд частных павильонов, заборы, ворота и т.д. В постройках использовались традиции исторических стилей (Спирина И.В. Архитектурное оформление Западно-Сибирской выставки 1911 года // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования: тез. докл. и сообщ. обл. науч. конф. / отв. ред. П.П. Вибе. Омск, 1993. С. 37 – 39).

[103] Не все деревянные памятники старины, перечисленные автором, сохранились. Исчезли здания по улицам:

Ул. Волошинская, 88 (ныне 4-я Линия) – конспиративная квартира Омской большевистской организации;

Ул. Калинина, 4;

Ул. Розы Люксембург (бывш. Глазенапа), 77. В данные автора вкралась ошибка: ул. Глазенапа в годы советской власти была переименована в ул. Спартаковскую. Поскольку в тексте речь идет о доме рабочего железнодорожных мастерских, мы предполагаем, что имеется в виду ул. Глазиловская, располагавшаяся на территории современного Ленинского округа недалеко от вокзала. Первые упоминания ул. Глазиловской относятся к 1911 г. В 1921 г. ул. Глазиловская была переименована в ул. Розы Люксембург, снесенную в 1970-е гг. (Улицы города Омска.... С. 130);

Угол ул. Калинина и 4-й Пролетарской, 12/22;

Угол ул. Калинина и 10-й Пролетарской, 41/30;

Ул. Розы Люксембург, 80. Ул. Розы Люксембург снесена в 1970-е гг.;

Угол ул. Красный Путь и Рабиновича, № 53/25. Указанный автором участок ул. Рабиновича до настоящего времени не сохранился.

Здания по улицам: Успенского, между ул. Степной и Куйбышева (№ 19), бывшей ул. Думской (теперь 10-летия Октября, 65) по ул. Скорбященской (ныне ул. Гусарова, 59) и Екатерининской (ныне ул. Фрунзе, 62).

[104] На ул. 5-й Восточной, 29 здание сохранилось до настоящего времени.

[105] Участок ул. Омской, 2 до настоящего времени не сохранился.

[106] Двухэтажное здание по ул. Успенского, 4 сохранилось до настоящего времени.

[107] Частный дом по адресу Клубный пер., 10 сохранился до настоящего времени.

[108] Переулок до настоящего времени не сохранился.

[109] Участок ул. Съездовская, 79 до настоящего времени не сохранился.

[110] Участок с адресом ул. Степная, 1 до настоящего времени не сохранился; здание по ул. Большая Луговая, 18 снесено. Двухэтажное здание на ул. Рабиновича, 88 сохранилось до настоящего времени. Участок ул. 9-я Линия (бывш. ул. Атбасарская) с адресом 9-я Линия, 35, где находилась штаб-квартира подрывников, не сохранился.

[111] Ул. Садовая пережила несколько переименований. В 1938 г. постановлением Омского горисполкома № 12 от 04.01.1938 г. улице было присвоено имя Егорова, постановлением № 497 от 01.08.1938 г. – Юмашева. В 1957 г. ул. Юмашева была переименована в ул. Суворова (Улицы города Омска… С. 104-105.).

[112] Понтонный мост просуществовал с 1937 г. до конца 1950-х гг., соединяя ул. Поселковую (Кировск) и Заводскую (Ленинск) (Улицы города Омска… С. 144).

[113] Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на местную охрану. Здание сохранилось до настоящего времени уже без ставен и чердака. Ныне здесь располагается ОАО «Мельница» (небольшое строение рядом с элеватором, ул. Сибирская, 47).

[114] Братская могила участников Куломзинского восстания расположена на площади Восстания. К 7 ноября 1922 г. рабочие мельницы Колокольникова установили на братской могиле деревянный памятник в виде башни, декорированной красной материей. Вверху было укреплено знамя и три винтовки, сделанные из дерева. В апреле 1925 г. бюро Ново-Омского райкома партии приняло решение о сооружении нового памятника на средства жителей района. Автор проекта – техник Д.М. Груздев. Торжественное открытие памятника состоялось 7 ноября 1925 г. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В 2010 – 2011 гг. памятник был отреставрирован. В процессе реставрации с 3-го яруса убраны надписи с северо-восточной стороны: «Павшим 22 декабря 1918 г.», с трех остальных: «Борцам за свободу». С 4-го яруса убран высеченный из черного камня венок (Паспорт памятника составлен 1 сентября 1989 г., автор В.М. Козинов).

[115] Первые упоминания Загородной рощи относятся к 1820 – 1830-м гг. В XX в. большая часть рощи была вырублена и застроена. В 1987 г. Омский горисполком принял решение о переименовании этого места в Старозагородную рощу (Улицы города Омска… С. 139).

[116] Ныне это улицы Кемеровская (переименована постановлением Омского горисполкома № 464 от 27.03.1935 г. из ул. Сиротской), Орджоникидзе (переименована постановлением Омского горисполкома № 147 от 19.02.1937 г. из ул. Тобольской) и улица 5-й Армии (переименована решением Омгубревкома от 09.02.1920 г. из ул. Тюремной) (Улицы города Омска… С. 20 – 21, 52 – 53, 80 – 81).

[117] Старый памятник до недавнего времени находился на закрытой территории совхоза «Декоративные культуры». Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В 1987 г. был установлен монумент работы скульптора В.А. Погодина (1948 – 2005) и архитектора А.В. Сухорукова на ул. Красный Путь (на ост. Старозагородная роща). Памятный знак представляет собой каменный белый куб, иссеченный на гранях черными рваными глубокими линиями, напоминающими следы от ударов шашкой. На плите у памятного знака были высечены слова: «Здесь, на месте старой загородной рощи, в ноябре 1919 г. зверски замучена белогвардейцами большая группа борцов за дело социалистической революции. Вечная слава погибшим за власть Советов!». Ныне мемориальная доска, содержавшая информацию о событиях, которым посвящен монумент, утрачена. Старый памятник находится на территории частной застройки ООО «Мария». В 2013 г. произведены работы по его реконструкции (Лифантьева Е. Там, где обелиск, – земля под застройку // Красный Путь. Омск, 2012. 20 окт.).

[118] Улица 14 ноября, располагавшаяся в районе стадиона «Динамо», просуществовала на карте города с 1923 г. (приказом Омгубисполкома от 05.11.1923 г. переименована из

Колпакова переулка) до 1970-х гг., когда была снесена в процессе переустройства района (Улицы города Омска.... С. 125).

[120] Ул. Капцевича переименована в ул. Красный Путь постановлением Омгубревкома от 09.02.1920 г. (Улицы города Омска... С. 58 – 59).

[121] Обелиск «Воинам 3-й и 5-й Красных Армий, освободившим Омск от колчаковцев» был установлен 14 ноября 1969 г. на ул. Красный Путь напротив Сибзавода (недалеко от начала ул. 5-й Армии). Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану.

[122] Особенность создания памятника Борцам Революции состояла в том, что скульптор Н.Н. Виноградов работал без предварительного изготовления макета, сразу ставя каркас и нанося цементный раствор. Согласно одной из версий, Н.Н. Виноградов взял за основу сюжет из проекта французского скульптора Бертеля, разработанного по заказу жителей города Лиможа в память о трагической гибели президента Франции Сади Карно. В композиции Н.Н. Виноградова фигура женщины олицетворяет революционную Россию, поднявшую знамя Парижской коммуны, а фигура мужчины – собирательный образ, олицетворяющий собой расстрелянную Парижскую коммуну, идеи которой не погибли и обрели новую Родину. За все время существования памятника надпись на нем неоднократно менялась. В первоначальном варианте отчетливо прослеживалась идея преемственности двух революций («Коммунары Парижа! У вас вырвали Красное Знамя, рабочие России отняли его и победили!»; «Славным коммунарам Всероссийской коммуны, расстрелянным Колчаком в ноябре 1919 года»). С изменением политической ситуации поменялось содержание текста на памятнике. Так, некоторое время на постаменте были выбиты слова И.В. Сталина: «Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты». Современная надпись не отражает начальной идеи памятника. В комплекс сквера «Памяти Борцов Революции» входят братская могила 120 политзаключенных (ноябрь 1919); братская могила 13 венгров-интернационалистов (июнь 1918, перезахоронение 21 июня 1966); братская могила борцов за советскую власть (май – октябрь 1918, перезахоронение 21 июня 1966); памятник борцам Революции (17 июня 1923). Согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. памятник принят на республиканскую, ныне федеральную охрану. В ходе реставрационных работ 1987 г. под руководством архитектора В.Б. Алхимова и скульптора Ф.Д. Бугаенко в южной части мемориального сквера установлены скульптурные портреты видных деятелей революционного движения в Сибири А.Е. Нейбута, А.А. Масленникова, П.А. Вавилова, М.М. Рабиновича, М.С. Никифорова, В.Я. Чунчина, выполненные в монолите прямоугольных колонн белого мрамора. При благоустройстве сквера была допущена ошибка, и мемориальная плита, посвященная Ф.В. Гусарову, установлена на другой могиле, при этом в тексте допущена неточность: Ф.В. Гусаров был не председателем, как указано на памятнике, а товарищем председателя Омского Совета рабочих и красногвардейских депутатов (Вибе П.П. «Мемориальный сквер «Памяти борцов революции»... С. 18 – 28).

[123] Здание судебных установлений (ул. Красный Путь, 1). Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану.

[124] Необходимость строительства здания судебных установлений возникла в 1899 г. В связи с реализацией на практике уставов, утвержденных судебной реформой 1864 г., изменялся порядок судопроизводства, вводился суд присяжных. Местом для возведения здания был выбран свободный участок между Иртышом и Главноуправленческой площадью, позднее получившей название Соборной. Сооружение выполнено В.А. Пруссаковым в традициях классики. Начало строительства было приурочено к пятидесятой годовщине учреждения Судебных установлений. Одновременно с этим зданием 20 ноября 1914 г. состоялась закладка памятника самому царю-реформатору – Александру II, установка монумента планировалась в центре клумбы, разбитой напротив здания судебных установлений. К осени 1916 г. строительство было закончено, отделочные работы продолжались в последующие три года. Памятник Александру II, по неподтвержденным данным, был установлен в том же году из бронзы. Летом 1918 г. выполнялись детали для отделки фасадов и оконных проемов. Скульптурный декор залов заседаний на третьем этаже выполнили скульптор Марцель

Тиналь и лепщики С.К. Заболотский и Н.Д. Александров. Известный чешский скульптор В.Ф. Винклер исполнял лепку различных декоративных деталей и фигуру Фемиды на поле фронтона главного фасада. В связи с отъездом В.Ф. Винклера из Омска в середине 1918 г. статуя богини правосудия осталась лишь в эскизе. В 1919 г. в здании размещались Правительствующий Сенат, Министерство юстиции Российского правительства и отряд охраны золотого запаса России. В годы советской власти здесь размещался областной комитет КПСС. С 1991 г. в здании находится Администрация Омской области, с 2004 г. – Правительство Омской области (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 88 – 89; Девятьярова И.Г. К истории здания судебных установлений // Памятники истории и культуры… 1993. С. 39 – 41; Лебедева Н.И. Архитектура дореволюционного города. Гражданская архитектура… С. 86).

126 Смирнов Иван Никитич (1881 – 1936) – государственный и партийный деятель, член РСДРП(б). Осенью 1919 г. был назначен председателем Сибревкома и членом Сиббюро ЦК РКП(б) в Омске. В 1921 г. выехал в Петроград для работы в исполкоме Петроградского Совета и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). С 1923 г. стал одним из лидеров левой оппозиции в партии. В 1936 г. по делу о троцкистско-зиновьевском блоке арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1988 г. (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 408 – 409).

125 Фрумкин Моисей Ильич (1878 – 1938) – советский государственный деятель. В 1918 – 1922 гг. член коллегии Наркомпрода, заместитель Наркомпрода РСФСР, одновременно член правления Центросоюза, член Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревкома, Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) (БСЭ. 1978. Т. 28. С. 109).

126 Площадь III Интернационала была оформлена на месте Лагерного городка (ныне 14 военный городок) в 1930 г. Решением Омского горисполкома № 2/39 от 15.01.1957 г. единая территория площади была разделена на улицы Котовского, Орловскую, Братскую, Ангарскую (Улицы города Омска… С. 138).

127 Здание было построено в 1917 г. как дом контор, в котором первое время размещался Русско-Азиатский банк и торговые фирмы. Общий облик здания напоминает итальянское палаццо. У входной двери в центре фасада скульптуры, выполненные В.Ф. Винклером, «Время» и «Сила», прототипом для которых стало лепное оформление входа Клам-Галассовского дворца в Праге. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Ныне в здании располагается Администрация г. Омска (ул. Гагарина, 34) (Лебедева Н.И. Архитектура дореволюционного города. Гражданская архитектура… С. 86).

128 Памятник был снесен в 1990-е гг., и вместо него установлена новая стела. При входе на кладбище возведена арка с текстом «Помнит мир спасенный».

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РАЙОНАХ ОБЛАСТИ

1 Некоторые из памятников и памятных мест, относящихся к периоду гражданской войны, не сохранились до наших дней или находятся в аварийном состоянии. Полное обследование всех памятников, упомянутых в книге А.Ф. Палашенкова, было проведено сотрудниками историко-краеведческой лаборатории Омского государственного педагогического института в конце 1980 – начале 1990-х годов. В результате все они были паспортизированы. В ходе обследования были также выявлены и поставлены на государственный учет многие другие объекты. В 2005 г. директором ОГИК музея П.П. Вибе был проведен выборочный мониторинг современного состояния объектов культурного наследия. В отчете о проведенной работе указывалось, что в аварийном состоянии находились, например, братская могила крестьян, расстрелянных колчаковцами в с. Самохвалово Муромцевского района; дом, в котором размещался штаб 51-й дивизии Красной армии под командованием В.К. Блюхера; могила А.М. Ломова – первого председателя Исилькульского Совета, погибшего от рук белогвардейцев в Исилькуле. Более поздние посещения некоторых памятников и памятных мест, относящихся к периоду гражданской войны, позволяют говорить о том, что в населенных пунктах они чаще всего поддерживаются в надлежащем состоянии. Те же объекты, которые

находятся за пределами населенных пунктов, в большинстве своем либо утрачены, либо находятся в запущенном состоянии (см. об этом подробнее: Вибе П.П. Об объективном отражении истории в памятниках гражданской войны в Сибири // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. Омск: ОГИК музей, 2005. С. 5 – 12; Он же. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на территории Омской области с целью выяснения современного состояния объектов культурного наследия // Там же. С. 131 – 170).

[2] 20 августа 1988 г. на могиле А.Е. Мельникова был установлен памятник, выполненный из гранита. Скульптор – Ф.Д. Бугаенко. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 28 июня 1990 г. составлен паспорт памятника «Могила Мельникова Афанасия Егоровича», автор Н.М. Пугачева.

[3] Памятник, установленный в 1920-х гг. на братской могиле погибших в борьбе с белогвардейцами в городском саду Калачинска, в 1947 г. был снесен, срыт могильный холм, а на месте могилы сооружена танцевальная площадка. После вмешательства Обкома КПСС могила и памятник были восстановлены. В 1957 г. был сооружен новый памятник, описание которого приводит А.Ф. Палашенков. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Новый мемориал воинам-землякам, участникам гражданской и Великой Отечественной войн, открыт в Калачинске 1 сентября 1985 г. Авторы – скульптор Д.Н. Поляков, архитектор В.А. Лебедев, мастер скульптурного дела Г.В. Чебуханов. На плитах мемориала вписаны имена погибших за установление советской власти Калнина, Цирулиса, Черепова, Иванова, Тихонова. 2 октября 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила борцов за власть Советов», автор Н.М. Пугачева.

[4] В 1922 г. на братской могиле был установлен деревянный обелиск с фамилиями погибших. В 1980 г. вместо него был установлен бетонный памятник. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 1 августа 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила крестьян, расстрелянных колчаковцами», автор Н.М. Пугачева.

[5] В конце 1980-х гг. памятник заменен на бетонный. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 23 ноября 1994 г. составлен паспорт памятника «Братская могила красногвардейцев, погибших во время чехословацкого мятежа», автор И.В. Черказьянова.

[6] В 1978 г. на могиле была установлена гранитная стела. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 10 апреля 1993 г. составлен паспорт памятника «Братская могила 10 красногвардейцев», автор Н.М. Пугачева.

[7] В 1952 г. на могиле был установлен памятник из кирпича. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В 1987 г. на могиле сооружена стела. Архитектор – Майер А.Г. 19 декабря 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила шести красноармейцев», автор Е.П. Зензин.

[8] В комплекс памятников железнодорожной станции Марьяновка, связанных с событиями Марьяновских боев, входят здания железнодорожного вокзала и водонапорной башни, где располагался штаб и наблюдательный пункт красногвардейского отряда, в котором побывал М.А. Тухачевский, и могилы красногвардейцев на станции Марьяновка. В 1987 г. в 15 м от здания вокзала, на месте боя, был установлен памятный знак в виде гранитной глыбы с мемориальной доской. В связи со строительством нового железнодорожного вокзала памятный знак был перенесен на территорию районного музея и вошел в экспозицию об истории Марьяновских боев (Вибе П.П. Отчет о проведении научно-исследовательских работ на территории Омской области с целью выяснения современного состояния объектов культурного наследия // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. Омск: ОГИК музей, 2005. С. 153 – 154).

[9] Решением Омского облисполкома № 139 от 23.05.1989 г. «Об активизации работы по подготовке «Свода памятников истории и культуры Омской области» (далее Решение Омского облисполкома № 139 от 23.05.1989 г.) памятник принят на региональную охрану.

10 октября 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила участников Марьяновского боя», автор Н.М. Пугачева.

[10] 6 июля 1986 г. на братской могиле был установлен новый кирпичный памятник. Решением Омского облисполкома за № 139 от 23.05.1989 г. памятник принят под региональную охрану. 2 августа 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила борцов за Советскую власть», автор Н.М. Пугачева.

[11] 17 октября 1986 г. останки погибших были перенесены в с. Пикетное. На братской могиле был установлен гранитный памятник. Решением Омского облисполкома № 139 от 23.05.1989 г. памятник принят на региональную охрану. 2 августа 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила жертв колчаковского террора», автор Н.М. Пугачева.

[12] На братской могиле был установлен деревянный памятник. В 1967 г. он был заменен на кирпичный обелиск. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 9 апреля 1993 г. составлен паспорт памятника «Братская могила партизан», автор Н.М. Пугачева.

[13] На могиле был установлен деревянный обелиск. В 1967 г. он был заменен на кирпичный обелиск. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 10 апреля 1993 г. составлен паспорт памятника «Могила неизвестного красноармейца», автор Н.М. Пугачева.

[14] Братская могила находится на 10 км дороги, ведущей из с. Путь Социализма в с. Редкое, в 160 м от обочины. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 22 сентября 1991 г. составлен паспорт памятника «Братская могила борцов за Советскую власть, погибших от рук белобандитов», автор Н.М. Пугачева.

[15] 30 мая 1992 г. составлен паспорт памятника «Могила Якобсона Ивана Генриховича, погибшего во время Ишимского восстания», автор Е.П. Зензин. На момент описания могила находилась на берегу пруда, в 200 м юго-западнее средней школы. Памятник на могиле соответствовал описанию А.П. Палашенкова. На лицевой грани памятника отсутствовала табличка с надписью.

[16] У братской могилы в 1919 г. был установлен деревянный памятник в виде трибуны, на которой были написаны фамилии погибших. В 1967 г. на могиле 49 (у А.Ф. Палашенкова ошибочно 47) борцов революции установлен памятник в виде скульптуры рабочего-кузнеца. Автор – скульптор М.М. Казанцев. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 21 октября 1989 г. составлен паспорт памятника «Братская могила 49 борцов за власть Советов», автор Н.М. Пугачева.

[17] В 1920 г. на месте казни был установлен деревянный памятник. В 1967 г. памятник был облицован кирпичом, оштукатурен цементно-песчаным раствором. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 21 октября 1989 г. составлен паспорт памятника «Место казни 49 борцов за власть Советов», автор Н.М. Пугачева.

[18] В 1979 г. старый памятник заменен на новый обелиск. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 23 ноября 1994 г. составлен паспорт памятника «Братская могила жертв Гражданской войны», автор И.В. Черказьянова.

[19] Памятник из кирпича был установлен на братской могиле в 1967 г. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 8 августа 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила борцов за Советскую власть», автор В.М. Козинов. На момент описания памятника каких-либо утрат, изменивших первоначальный облик памятника, выявлено не было. В 1989 г. на памятнике была установлена мраморная мемориальная доска с фамилиями погибших.

[20] В 1967 г. тела погибших были перезахоронены в центральную часть д. Михайловка, где был сооружен памятник. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 2 августа 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила борцов за власть Советов», автор В.М. Козинов.

[21] В могиле захоронено шесть человек, убитых местными жителями по обвинению в пособничестве партизанскому отряду А. Избышева. Убитые были похоронены в скотомогильнике. Там же был похоронен крестьянин Н. Политаев, расстрелянный сожителем жены – белогвардейцем. В 1958 г. останки были торжественно перезахоронены в единой братской могиле на юго-восточной окраине села. На могиле воздвигли деревянный памятник. Местные жители, участвовавшие в эксгумации тел, были непосредственными исполнителями убийства и получили уголовное наказание. В 1975 г. памятник на братской могиле был заменен на новый, из кирпича и бетона. Старый памятник перенесли на территорию скотомогильника. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник на братской могиле принят на региональную охрану.

[22] В 1968 г. на могиле был установлен металлический памятник. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 9 января 1991 г. составлен паспорт памятника «Могила Шеломенцева А.И.», автор Н.М. Пугачева.

[23] Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В 1988 г. на могиле был установлен новый памятник с надписью: «Здесь похоронен командир взвода 455 особого стрелкового полка Алексей Клименко, геройски погибший в бою 15 ноября 1919 года при освобождении г. Тары от колчаковцев». Авторы памятника – Г.Е. Смольников и С. Шелюко. 12 марта 1989 г. составлен паспорт памятника «Могила красноармейца Алексея Клименко», автор П.П. Вибе.

[24] В 1977 г. на могиле установлен железобетонный памятник. 15 мая 1989 г. составлен паспорт памятника «Братская могила жертв колчаковщины», автор П.П. Вибе.

[25] С ликвидацией Тихвинского кладбища могилы утрачены. В 1987 г. в центральной части Комсомольского парка символически установлена стела в память о Лизе Разгуляевой. Автор проекта – А.П. Алгазин.

[26] В 1970-е гг. вместо деревянного памятника была установлена выполненная из листового железа пирамида. Могила была обнесена металлической оградкой. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 6 января 1991 г. составлен паспорт памятника «Братская могила партизан, погибших в бою с колчаковцами», автор Н.М. Пугачева.

[27] Предположительно в 1977 г. на могиле был установлен кирпичный памятник. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 6 апреля 1994 г. составлен паспорт памятника «Братская могила участников Гражданской войны», автор Е.П. Зензин.

[28] В 1967 г. на могиле был установлен новый деревянный памятник. 12 апреля 1993 г. составлен паспорт памятника «Братская могила партизан», автор Н.М. Пугачева.

[29] Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 29 июля 1988 г. составлен паспорт памятника «Братская могила партизан Гражданской войны», автор В.М. Козинов. На момент описания деревянный памятник находился в ветхом состоянии.

[30] Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 27 февраля 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила партизан, расстрелянных колчаковцами», автор Е.П. Зензин. На момент описания могила находилась в запущенном состоянии. Ее обозначением служила дощечка с надписью «Партизаны», прибитая к ели, и два затеса на елях, растущих на могиле.

[31] Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 28 июля 1988 г. составлен паспорт памятника «Братская могила партизан Гражданской войны», автор В.М. Козинов.

[32] Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 30 сентября 1989 г. составлен паспорт памятника «Братская могила партизан», автор В.М. Козинов.

[33] В 1976 г. на могиле установлен новый металлический обелиск, а в 1980 г. появились имена погибших. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник при-

нят на региональную охрану. 20 сентября 1993 г. составлен паспорт памятника «Памятник борцам революции», автор Т.К. Вибе.

[34] В 1969 г. памятник заменен на металлический. В 1973 г. на братской могиле установлена мемориальная плита из мраморной крошки. В 1981 г. установлен металлический памятник по проекту И.И. Волкова. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 30 сентября 1989 г. составлен паспорт памятника «Братская могила крестьян, расстрелянных колчаковцами», автор В.М. Козинов.

[35] Вместо деревянного памятника была установлена надгробная плита, изготовленная из бетона. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 1 июня 1989 г. составлен паспорт памятника «Могила члена исполкома Бергамакского сельского совета В.К. Леонова», автор В.М. Козинов.

[36] Могила находится в центральном сквере, рядом с клубом. В ней похоронены Логунов А.К., Капустин А.И., Ксенофонтов В.А. Решением Омского облисполкома №239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 20 октября 1994 г. составлен паспорт памятника «Братская могила партизан», автор И.В. Черказьянова.

[37] В 1980-х гг. установлена новая надгробная плита с укрепленной на ней мраморной доской с текстом: «Шаманский Михаил Федорович родился в 1900 г. погиб от рук кулаков в 1930 году». Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 20 октября 1994 г. составлен паспорт памятника, автор П.П. Вибе.

[38] В середине 1970-х гг. вместо деревянного памятника установлен металлический. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на местную охрану. 30 сентября 1989 г. составлен паспорт памятника «Могила Николаева Василия Ефремовича», автор В.М. Козинов.

[39] Братская могила партизан постепенно пришла в запустение. В ноябре 1969 г. жители с. Форпост перенесли останки 9 участников партизанского движения на центральную площадь села. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 25 декабря 1988 г. составлен паспорт памятника «Братская могила крестьян-партизан», автор Е.П. Зензин. На могиле была установлена надгробная мраморная плита с надписью: «Здесь похоронены участники партизанского движения, погибшие в борьбе за Советскую власть в сентябре 1919 г. Кузеневич М.М., Болдырев К.И., Агейко И.М., Кузеневич П.М., Исаев И.К., Метелев Ф.Г., Первушин М.П., Шакмов Г.С. Вечная память борцам за Советскую власть». На сегодняшний день памятник находится в хорошем состоянии. В 2010 г. силами музея истории Московско-Сибирского тракта произведен ремонт надгробья. Установлено металлическое ограждение.

[40] В 1994 г. силами Администрации Становского сельского совета и Форпостской неполной средней школы установлен новый памятник в виде пирамиды из железных прутьев и мемориальная доска с надписью «Здесь похоронены жители деревни Верх Аевка, погибшие в годы гражданской войны Панфилов Михаил Игнатьевич, Панфилов Николай Игнатьевич, Липин Михаил Иванович». Памятник находится в удовлетворительном состоянии.

[41] Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. могила председателя Еланского сельского совета А.П. Шутова и комсомолки П. Садовниковой (с. Большие Уки, ул. Избышева) приняты на региональную охрану. В настоящее время памятник находится в удовлетворительном состоянии, имеется ограждение. На могиле установлено надгробие, но в тексте отсутствует информация о П. Садовниковой.

[42] Решением Омского облисполкома №239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Но к тому времени деревня уже не существовала, а могила затерялась. 23 октября 1987 г. члены группы «Поиск» на месте кладбища на берегу реки Шиш установили деревянный памятник. 3 апреля 1994 г. составлен паспорт памятника «Братская могила жертв Гражданской войны», автор Е.П. Зензин.

[43] В 1976 г. на могиле установлен новый железобетонный памятник по проекту П.П. Карякина. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. 23 октября 1990 г. составлен паспорт памятника «Братская могила борцов за власть Советов», автор В.М. Козинов.

ПО ГЕРОИЧЕСКИМ СЛЕДАМ 27-й ОМСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

[1] Станица Лосево, или Лосевская, образована из редута Лосево Тоболо-Ишимской линии укреплений (1752 – 1755) в середине XIX в., когда редут потерял свое стратегическое значение из-за продвижения границы империи дальше на юг. Эта станица, как и другие казачьи поселения Прииртышья, не пережила первых лет советской власти (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 239 – 242).

[2] Ныне село Любино-Малоросское входит в состав Любинского района Омской области, включает в себя Любино-Малороссы, Любино-Старожилы и Любино-Москали. Создано на основе казачьего форпоста (Энциклопедия Омской области: в 2 т. Т. 1. / Гл. ред. В.Н. Русаков. Омск: Ом. книж. изд-во, 2010. С. 577).

[3] Здание овчинно-меховой фабрики располагалось по адресу: ул. 3-я Енисейская, 30 (ныне по назначению не эксплуатируется).

[4] Новониколаевск в 1925 г. переименован в Новосибирск.

[5] Ныне Булатовское входит в состав Куйбышевского района Новосибирской области.

УЧЕНЫЕ, ЛИТЕРАТОРЫ, ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВА В ОМСКЕ

[1] Ярославский Емельян Михайлович (1878 – 1943) – революционер, член РСДРП(б), историк; идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР. Член РСДРП с 1898 г. Осенью 1905 г. являлся одним из организаторов революционного движения в Ярославле. В 1906 г. вошел в состав Московского социал-демократического комитета, был делегатом партконференций и съездов, проводившихся в период первой русской революции. В 1907 г. был арестован и приговорен к пяти годам каторги, которую отбывал в Санкт-Петербурге, Москве, с 1912 г. – в Горно-Зерентуйской тюрьме Нерчинской каторги. В 1917 г. руководил деятельностью Якутского комитета безопасности (март – май 1917) и объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. В дни подготовки вооруженного восстания в Москве был членом ВРК и первым военным комиссаром Кремля. Весной 1920 г. переведен в Омск, где работал в аппарате Сиббюро РКП(б) и Омской партийной организации, сотрудничал с редакцией газеты «Советская Сибирь». В 1921 г. на X съезде избран в состав ЦК РКП(б) и секретарем ЦК. Осенью 1921 г., вернувшись в Омск, он состоял членом Сиббюро РКП(б), редактировал газету «Рабочий путь». В конце 1922 г. переведен в Москву (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 315 – 316; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 681).

[2] Кайгородов Александр Петрович (1887 – 1922) – военный деятель периода гражданской войны, участник Белого движения, союзник генерала барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга. Из крестьян, до войны занимался хлебопашеством и был пограничным стражником. Участник Первой мировой войны, окончил школу прапорщиков. Во время мобилизации, объявленной А.В. Колчаком, вначале уклонялся от нее, но со временем был взят в колчаковскую армию. Добился организации на Алтае «туземного дивизиона» в 1919 г. С приходом на Уймон «красных партизан» первым выступил против них со своим дивизионом. Погиб в бою с отрядом ЧОН в апреле 1922 г. (Денчик С.В., Модоров Н.С. К вопросу о гражданском противостоянии в горном Алтае в 1921 – 1922 гг. и его участниках // Мир Евразии. 2009. № 6. С. 29).

[3] Унгерн Штернберг Роман Федорович фон (1886 – 1921) – один из руководителей Белого движения в Забайкалье и в Монголии, барон. Участник Первой мировой войны, в августе 1917 г. направлен А.Ф. Керенским в Забайкалье вместе с Г.М. Семеновым для формирования контрреволюционных частей. Командовал Конно-азиатской дивизией, отличался особой жестокостью. После эвакуации японцев из Забайкалья в 1920 г. отделился от Семенова, ушел в Монголию и в феврале 1921 г. занял Угру (ныне Улан-Батор). Вскоре стал фактическим диктатором Монголии, получил звание «вана». В мае 1921 г. белогвардейцы во главе с бароном Унгерном вторглись на территорию, занятую войсками Красной Армии в районе Троицкосавска (ныне Кяхта). В ходе Монгольской операции в 1921 г. отряды Белой Армии были разгромлены монгольскими революционными войсками и красноармейцами, барон Унгерн был выдан монголами партизанскому отряду П.Е. Щетинкина и по приговору Сибирского ревтрибунала расстрелян (БСЭ. 1977. Т. 27. С. 13).

[4] Здание по адресу ул. Косарева, 103 сохранилось до настоящего времени.

[5] Здание городского торгового корпуса на Базарной площади 1914 г., архитектор Крячков А.Д. Сооружение выдержано в архитектурной традиции 1910-х гг., склонной к неоклассицизму. В 1922 г. в здании открыт Дворец Молодой Гвардии. Позднее в здании размещался горсовет, с 1930 г. – Западно-Сибирский автомобильно-дорожный институт. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Ныне в здании бывшей торговой биржи находится Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (Алисов Д.А. Образование и наука. Культура и искусство. Физкультура и спорт // Энциклопедия города Омска… Т. 1. С. 355, 357; Спирина И.В. История строительства здания Торгового корпуса // Памятники истории и культуры Омской области…. 1995. С. 119 – 127).

[6] Здание было построено в начале XX в. В первые годы советской власти (1919 – 1922) здесь располагалась редакция газеты «Советская Сибирь», работали Е.М. Ярославский, писатели В.В. Иванов, Л.Н. Сейфуллина. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Сегодня в здании располагается ОАО «Плюс Банк».

[7] Здание Общественного собрания было построено в 1859 г. и пожертвовано для Благородного собрания крупными предпринимателями И.Ф. Базилевским и Н.Г. Рюминым. Архитектор не известен. Вероятно, авторство проекта принадлежало Ф.Ф. Вагнеру. В 1905 г. к зданию пристроили концертный зал, в 1906 г. – помещение для машинного отделения и магазин. С 1914 г. в здании располагался один из первых кинотеатров в городе, проводились собрания Красного Креста и Общества художников и любителей изящных искусств Степного края. В 1916 г. в здании Общественного собрания располагался госпиталь. В годы гражданской войны здесь попеременно размещались органы местной власти и госпитали. С 1923 г. здание перешло Дому коммунистического просвещения, позднее Областному дому партийного просвещения. В 1930 – 1940-е гг. отдельные помещения здания арендовались различными организациями. В 1948 – 1981 гг. в здании размещался Омский областной театр музыкальной комедии. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В 1981 г. здание было передано театру кукол, но не эксплуатировалось. До настоящего времени сохранился лишь небольшой фрагмент здания на углу улиц Ленина и Чкалова (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 87 – 88; Девятьярова И.Г. Чешский скульптор В.Ф. Винклер в Омске // Памятники истории и культуры… 1995. С. 50)

[8] Бюст Героя Советского Союза Д.М. Карбышева (ул. 10 лет Октября, ул. Пушкина). Согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. памятник принят на республиканскую, ныне федеральную охрану.

[9] В наши дни на месте деревянного дома располагается двухэтажное здание Детской школы искусств № 18 (ул. Гагарина, 20).

[10] На территории Омской крепости сохранилось несколько казарм. Согласно данным исследователя Омской крепости Н.И. Лебедевой, их строительство велось волнами с 1819 г. (когда взамен сгоревших помещений были возведены новые кирпичные здания) до 1830-х гг. Руководил строительством видный архитектор Инженерного департамента А.Е. Штауберт. Эти здания выполнены в стиле классицизма, характерного для первой трети XIX в. и богато представленного в военной архитектуре Петербурга. В начале XX в., особенно в годы первой мировой войны, продолжилась застройка района крепости военными сооружениями с притоком значительного числа военных в город на постой. По адресу ул. Некрасова, 1 на берегу Иртыша сохранилось до настоящего времени здание «красных казарм» 43-го Сибирского стрелкового полка постройки начала XX в. Постановлением Законодательного Собрания Омской области № 47 «Об объявлении вновь выявленных объектов памятниками истории и культуры и включении их в государственный список недвижимых памятников истории и культуры, принятых на государственную охрану» от 23.03.2000 г. памятник принят на региональную охрану. С 2004 г. по 2007 г. произведена реконструкция здания с надстройкой третьего этажа. Ныне здесь находится главный офис

Омскэнерго (Лебедева Н.И. Историко-архитектурный комплекс северо-западного сектора Омской крепости… С. 60 – 64; Панасенков В.Н. Здание штаба… С. 28 – 29).

[11] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М. ПСС: в 10 т. М.: Изд-во худ. лит-ры, 1956. Т. 3, ч. 1. Гл. 1: Мертвый дом. С. 394 – 395.

[12] Бутырское кладбище было основано в XVIII в., включало в себя русскую и немецкую части. В 1940-х гг. территория кладбища начала застраиваться. На его месте находятся корпуса завода Н.Г. Козицкого. Мемориальная доска, посвященная памяти П.П. Аносова, размещена на одном из корпусов завода. В 2012 г. на здании установлена памятная доска командующему 27-й пехотной дивизией в Омске, генерал-лейтенанту М.Л. Булатову (Бутырское кладбище // Омский некрополь… С. 31 – 33).

[13] Ул. Артиллерийская была переименована в проспект Карла Маркса решением Омгубревкома в 1920 г., ул. Новая в ул. Чкалова в 1938 г. (постановление Омского горисполкома № 12 от 04.01.1938 г.) (Улицы города Омска… С. 70 – 71, 120 – 121).

[14] Территория, на которой располагалось здание, подверглась дальнейшей застройке. В частности отрезок ул. Чкалова с адресом ул. Чкалова, 19, отмеченный А.Ф. Палашенковым в качестве одной из точек координат, ныне снесен.

[15] Официального документа о наименовании зеленого участка в районе речного вокзала в честь М.А. Врубеля нет. По мнению составителей справочника «Улицы города Омска», имя художника получил сквер на углу ул. Республики и ул. Лермонтова, учрежденный по решению Омского горисполкома от 30.11.1939 г. и носивший первоначально имя Вавилова (Улицы города Омска… С. 142).

[16] Ул. Красных Зорь была переименована из Никольского проспекта постановлением Омгубревкома № 222 от 05.11.1923 г. (Улицы города Омска… С. 58 – 59).

[17] Корпуса казенной суконной фабрики первоначально были возведены в 1822 г. из дерева на территории пустыря между Ильинским форштадтом и Казачьей слободой. В 1840 г. деревянные корпуса фабрики были заменены длинным двухэтажным каменным зданием, сохранившим в значительной мере первоначальную форму и размеры. Сооружение было выполнено по проекту архитектора Гассельмана. В 1861 г. фабрика была упразднена, а в 1863 г. здание передали Военно-Инженерному ведомству. Позднее в здании располагалась 2-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада. В предреволюционные годы здесь квартировал Артиллерийский дивизион. В 1919 г. в его стенах размещался егерский полк (одно из формирований Белой Армии). В середине 1970-х гг. здание стало использоваться Общевойсковым высшим командным дважды краснознаменным училищем им. М.В. Фрунзе. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. В середине 2000-х гг. здание претерпело капитальную реконструкцию. Ныне здесь находится Омский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 26, 32; Лосунов А.М. Так рождалась омская «суконка» // NB. Особое внимание. Омск, 2011. № 9 (9 марта). С. 53).

[18] Ул. Певцова была переименована в 1961 г. на основании постановления Омского горисполкома № 16/27 от 25.09.1961 г. из Гражданского переулка (получившего свое название в 1923 г. взамен Томиловского) (Улицы города Омска… С. 82 – 83).

[19] На участке ул. Красногвардейской и Певцова не сохранилось зданий с указанными А.Ф. Палашенковым номерами. На месте здания по адресу ул. Певцова, 12/20 располагается корпус Омского государственного института сервиса (ул. Певцова, 13).

[20] Омулевский (наст. фамилия Федоров) Иннокентий Васильевич (1836/1837 – 1883/1884) – прозаик и поэт, представитель т.н. «гражданской» лирики, сложившейся в 1860-х гг. (БСЭ. 1974. Т. 18. С. 398).

[21] Худяков Иван Александрович (1842 – 1876) – революционер, фольклорист, этнограф, собиратель русских народных сказок. По поручению ИРГО издал сборник «Великорусские загадки» (1861). В 1863 – 1864 гг. сблизился с членами «Земли и воли». Один из организаторов и участников Ишутинского кружка. После выстрела Д. Каракозова в 1866 г. был сослан на поселение в Сибирь. В 1868 – 1874 гг., находясь на поселении в Верхоянске, он

изучал быт, фольклор и язык якутов. В 1869 г. психически заболел, в 1875 г. был переведен в иркутскую психиатрическую больницу, где вскоре и умер (БСЭ. 1978. Т. 28. С. 420 – 421).

[22] Казнаков Николай Геннадьевич (1824 – 1885) – генерал-губернатор Западной Сибири в 1875 – 1882 гг., внесший значительный вклад в региональную систему образования. В этот период были открыты многие низшие и средние учебные заведения. После ходатайства Н.Г. Казнакова было принято решение об учреждении в Сибири университета, основанного в Томске. Почетный член ИРГО, организатор в Омске ЗСОИРГО (1877 г.), учредитель и первый покровитель отдела. С 1880 г. – член Государственного Совета (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 101; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 485).

[23] Памятник на могиле Н.М. Ядринцева в Барнауле в 1930-е гг. был осквернен. Утрачены бюст писателя, верхняя надгробная плита, бронзовые венки и металлическая ограда. В 1956 г. надгробие было отреставрировано по имеющейся в краевом музее фотографии: сделана новая металлическая ограда могилы, новый бюст, бронзовые пальмовые ветви заменены бронзовыми лавровыми венками, украсившими стелу с западной и пьедестал с южной и северной сторон. Позднее у основания памятника с восточной стороны была установлена чугунная мемориальная доска со словами: «Если на заре своей истории Сибирь не видела радостных дней, то ея лучшую будущность – вера в счастие и благоденствие, доступное всем народам, должны воодушевить и подкрепить тех, кто отдает свои силы и труд на ее обновление. Ядринцев». Памятник восстанавливался трижды. Высота стелы 3 м, размер саркофага – 1,8 × 1,2 × 0,7 м, бюст выполнен из железобетона (Степанская Т.М. Обелиски, монументы, скульптура Барнаула // Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII – XX вв. Барнаул, 2006. С. 294).

[24] Ул. Лагерная, первые упоминания которой относятся к 1898 г., была переименована постановлением Омского горисполкома № 210 от 06.05.1975 г. в ул. Маршала Жукова (Улицы города Омска… С. 44 – 45).

[25] Эзет Эдуард Иванович (1838 – 1892) – архитектор, действительный член ЗСОИРГО (с 1885 г.). Омский городской голова (1883 – 1891). В 1863 г. был назначен городовым архитектором Омска, одновременно совмещал работу с обязанностями войскового архитектора Сибирского казачьего войска (1865 – 1869). Чиновник по технической части при генерал-губернаторе Н.Г. Казнакове (1877). По проекту Э.И. Эзета построены спальный и учебный корпуса Сибирского кадетского корпуса (ныне Омский кадетский корпус Министерства обороны Российской Федерации, ул. Ленина, 26), здание первой классической мужской гимназии (ныне Институт развития образования Омской области, ул. Тарская, 2 / Ленина, 4), здание женской гимназии почетных граждан Поповых (сейчас в нем располагается НОУ «Омский Дом Знаний» и офисы, ул. Ленина, 10) и др. Похоронен на иноверческом кладбище, могила не сохранилась (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 307 – 308; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 659).

[26] Деревянное здание, построенное по проекту Э.И. Эзета, располагалось на углу современных улиц Жукова и Красных Зорь, напротив Казачьего рынка. Остатки строения были снесены в 1990-е гг.

[27] Новое каменное здание учительской семинарии было построено по проекту архитектора М.И. Шухмана и инженера А.С. Эйнаровича на ул. Варламовской (ныне ул. Декабристов) в 1902 – 1903 гг. В 1905 – 1906 гг. в здании находился I-й запасной военный госпиталь. В 1905 г. Омская учительская семинария являлась одним из центров революционного движения молодежи. В 1921 г. в результате слияния Омской учительской семинарии и Омского учительского института был учрежден институт народного образования. В здании бывшей семинарии в разное время размещались школа, ФЗУ, ремесленное училище. В 1967 г. на здании были установлены две мемориальные доски: «Здесь, в Омской учительской семинарии, с 1907 по 1919 год работал известный географ, педагог-демократ Александр Никитич Седельников»; «Здесь, в Омской учительской семинарии, в 1911 – 1916 годах учились писатель Сакен Сейфуллин и Нигмет Нурмаков, революционеры-большевики, государственные деятели казахского народа». Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Сейчас в нем располагается Городской музей

«Искусство Омска» (Пугачева Н.М. Омская учительская семинария // Памятники истории и культуры города Омска… С. 38 – 47).

[28] Подробнее о судьбе и общественной деятельности А.Н. Седельникова-младщего и его брата см. статью Рыженко В.Г., Захарова Н.А. Омские краеведы Седельниковы // Известия ОГИК музея. 1994. № 3. С. 13 – 20.

[29] Улица Войсковая (первые упоминания с 1898 г.) за время своего существования пережила несколько переименований: в 1954 г. постановлением Омского горисполкома № 685 от 08.06.1954 г. переименована в Украинскую ул., в 1977 г. постановлением Омского горисполкома № 304 от 20.07.1977 г. – в Театральную. Деревянное здание по адресу ул. Театральная (бывш. Войсковая), 42 до настоящего времени не сохранилось (Улицы города Омска… С. 106-107).

[30] После сноса Казачьего кладбища прах А.Н. Седельникова не перезахоронен. Могила не сохранилась (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 231 – 232).

[31] Ныне Астана.

[32] Сегодня в здании располагается Институт развития образования Омской области (ул. Тарская, 2 / Ленина, 4).

[33] Свое существование гимназия прекратила в годы гражданской войны. В 1922 г. в помещении бывшей гимназии размещался агропедтехникум, в 1934 г. – отделение совпартшколы. В годы Великой Отечественной войны лучшие помещения здания были переоборудованы под эвакогоспитали. После войны в здании был размещен Дом политического просвещения обкома КПСС, с 1973 г. – правление областной организации общества «Знание» и территориальное управление Главкомскснаба. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Ныне в здании располагается НОУ «Омский Дом Знаний» и офисы (Козинов В.М. Здание бывшей I-й Омской женской гимназии // Памятники истории и культуры города Омска… С. 29 – 37).

[34] Могила М.М. Сиязова не сохранилась (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 250).

[35] Современный адрес: ул. Лермонтова, 28а. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану.

[36] Участок улицы с указанным адресом ул. Косарева, 24 до настоящего времени не сохранился.

[37] В 2009 г. на Аллее Литераторов в Омске установлен мемориальный камень П.Л. Драверту.

[38] В 1956 г., уже после смерти Ф.А. Березовского, в его доме по адресу ул. Березовского, 22 был открыт мемориальный музей, созданный по инициативе дочери писателя З.Ф. Березовской. Она передала музею личную библиотеку отца, его литературный архив, личные вещи и всю остановку рабочего кабинета. В 1980-е гг. дом-музей разобрали для реконструкции на другом месте, однако дальнейшие работы приостановили. Архив Березовского передан в Омский государственный литературный музей им. Ф.М. Достоевского (Березовский Н. Осквернили… // Ветеран. 2000. Март (№ 11). С. 9).

[39] Ул. Проломная была переименована в Осводовскую постановлением Омского горисполкома № 464 от 27.03.1935 г., в ул. Яковлева – постановлением Омского горисполкома № 304 от 13.05.1958 г. Здание по адресу ул. Яковлева, 19 до настоящего времени не сохранилось (Улицы города Омска… С. 122 – 123).

[40] Вяткин Георгий Андреевич (1885 – 1938) – журналист, беллетрист, драматург, организатор и пропагандист литературного дела в Сибири. В 1918 – 1919 гг. заведовал бюро газетных выставок при Управлении делами омского Правительства адмирала А.В. Колчака. С 1925 г. работал в Новониколаевске в редакции журнала «Сибирские огни», с 1930 г. – технический и контрольный редактор «Сибирской советской энциклопедии». Арестован в 1937 г. по обвинению в участии в Трудовой крестьянской партии, расстрелян. Полностью реабилитирован в 1956 г. (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 238 – 239).

[41] Мартынов Леонид Николаевич (1905 – 1980) – советский поэт, автор произведений философской лирики (сборники «Лукоморье», «Гиперболы», «Узел бурь», «Воздушные фрегаты») и исторических поэм («Тобольский летописец»). В 1920 г. присоединился к группе омских футуристов, которую возглавлял А.С. Сорокин. В 1920 – начале 1930-х гг. сотрудник журналов «Сибирские огни», «Сибирь», ряда местных газет. Был подвергнут аресту и ссылке в Архангельск по делу «Сибирских поэтов» (1932). Сослан в Архангельск на три года. Проживал в Ярославле и Вологде. В конце 1935 г. вернулся в Омск, где стал работать консультантом в только что созданном областном книгоиздательстве по работе с молодыми авторами. В эти годы активно участвовал в собирании фольклора по Омской области, печатался в местных изданиях. В 1940-х гг. уехал в Москву. Взлет творчества поэта пришелся на 1950 – 1960-е гг., когда ряд его произведений был удостоен Государственной Премии РСФСР (1966) и Государственной премии СССР (1974) (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 139 – 140; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 91 – 92).

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В ОБЛАСТИ

1 Михайлов Федор Егорович (1878 – 1954) – матрос-кочегар крейсера «Варяг». На военно-морскую службу был призван в 1899 г., в 1901 – 1904 гг. служил на крейсере «Варяг», участвовал в сражении с японской эскадрой у Чемульпо 27 января 1904 г. Награжден Знаком отличия военного ордена 4-й степени и медалью «За бой «Варяга» и «Корейца». По возвращении в Россию переведен на Черноморский флот в 33-й флотский экипаж. После демобилизации до 1911 г. жил в Акмолинской области, затем переселился в с. Лыжино Любинского района. В период коллективизации одним из первых вступил в колхоз. Ф.Е. Михайлов имел шестерых детей, был грамотным, сведущим в религиозной литературе. В 1954 г. ему была назначена персональная пенсия. Похоронен на сельском кладбище с. Лыжино (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 146).

[2] На могиле Ф.Е. Михайлова установлена плита с надписью «Военный моряк с крейсера «Варяг» Ф.Е. Михайлов». Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану. Ныне село Лыжино не сохранилось. Старое сельское кладбище находится в заброшенном состоянии. Есть угроза утраты места погребения. 3 ноября 2005 г. в поселке Любино, около районного краеведческого музея открыт мемориал матросу-кочегару легендарного крейсера «Варяг» (Краевская И. Пусть гордый «Варяг» не сдается // Омская трибуна. 2012. 13 дек. № 49. С. 9).

[3] Сейчас на территории Комиссаровского сада расположен дендропарк им. П.С. Комиссарова.

[4] Некрасов Н.А. Дедушка (Посвящается З-н-ч-е).

[5] Второй раз музей открыли в 1999 г., тогда же саду был присвоен статус дендропарка им. П.С. Комиссарова. В 2006 г. митрополит Омский и Тарский Феодосий установил закладной крест и освятил место под будущую часовню в саду. В 2008 г. дендропарк был объявлен памятником природы местного значения. Установлен памятник с портретом П.С. Комиссарова. Идут работы по благоустройству территории (Васильева С. Победитель сибирского климата // Омская трибуна. 2012. 20 сент. № 37. С. 10 – 21; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 116).

[6] Сибирский отдел Русского Географического общества был открыт в Иркутске в 1851 г. с целью исследования всего сибирского края. В 1877 г. с открытием в Омске филиала ИРГО, получившего название Западно-Сибирского отдела ИРГО, тематика исследований краеведческого объединения в Иркутске была сужена, что нашло отражение в названии (Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества) (ИЭС. Т. 2. С. 801 – 802).

[7] Обручев С.В. Основные этапы жизни и творчества И.Д. Черского // И.Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском. Иркутск: Иркут. книж. изд-во, 1936. С. 9.

[8] Башмаков Флегонт Миронович (1774 – 1859) – ссыльный, осужденный по делу Южного общества. Участник итальянского похода А.В. Суворова (1799), Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813 – 1814), в 1818 г. служил на Кавказе. За клевету и растрату был разжалован в солдаты без лишения дворянства и определен в рядовые Черниговского пехотного полка. Участие в Южном обществе и в восстании отрицал. Приговорен к лишению дворянства, исключению из воинского звания и ссылке навечно в Сибирь на поселение. В 1828 г. был отправлен на поселение в Рыбинскую волость Тарского округа Тобольской губернии (ныне Большеуковский район Омской области). В связи с преклонным возрастом получил разрешение на проживание в Таре. В 1853 г. был переведен в Тобольск, где получил разрешение покинуть Сибирь. Ввиду преклонного возраста остался в Тобольске. Похоронен на Завальном кладбище (Алфавит Боровкова // Декабристы: биогр. справ. … С. 222 – 223; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 28).

[9] Штейнгель Владимир Иванович (1783 – 1862) – декабрист, член Северного общества. Участвовал в подготовке восстания, был одним из авторов «Манифеста к русскому народу», автор «Приказа войскам». Провел на каторге в Читинском остроге (1827), а затем в Петровском Заводе (с 1830 г.) десять лет. На поселении подал ходатайство о переводе в Ишим Тобольской губернии (1837), позднее отправлен в Тобольск. В 1856 г. по амнистии был освобожден и покинул место ссылки, выехав в европейскую часть России (Декабристы: биогр. справ. … С. 203 – 204).

[10] Друцкий-Горский Иосиф (Осип) -Юлиан Викентьевич (1766 – 1849) – ссыльный по делу декабристов. Членом тайных обществ не был, случайный участник восстания на Сенатской площади. За участие в выступлении декабристов был приговорен к ссылке в Березов (1827), позднее был переведен оттуда в Тару (1833), затем в Омск, где и умер. Похоронен И.В. Друцкий-Горский на инославном кладбище. Ныне на этом месте проходит пересечение ул. Лермонтова и пр. Карла Маркса (Декабристы: биогр. справ. … С. 56 – 57; Документальные материалы, дополняющие сведения «Алфавита» // Там же. С. 367 – 369; Бродский И.Е. Исчезнувшие захоронения на территории современного Омска // Омский некрополь... С. 16 – 17, 29).

[11] Зарубаев Степан (1845 – ?) – один из первых рабочих-революционеров, крестьянин Тверской губернии. В 1870-х гг. работал на ткацкой фабрике Чешера в Санкт-Петербурге, где сблизился с «чайковцами» (кружок С. Синегуба – Л. Тихомирова). В 1873 г. был арестован, сидел в Литовском замке около года, освобожден, сблизился с долгушинцами. В конце 1874 г. с запрещенными книгами отправился в Тверь на фабрику Морозова для ведения пропаганды. По доносу арестован, судим в 1877 – 1878 гг. по процессу «193-х», приговорен к девяти годам каторжных работ, замененных ссылкой в Тобольской губернии. По истечении срока ссылки остался в Сибири, отошел от революции (БСЭ / под ред. О.Ю. Шмидта. М.: ОГИЗ РСФСР «Сов. энцикл.», 1933. Стб. 347).

[12] Перовский Василий Львович (1850 – после 1930) – народник, участник кружка чайковцев. По делу сестры С.Л. Перовской был арестован в 1881 г. и выслан как политически неблагонадежный в Тару под надзор полиции. В связи с продолжением политической деятельности, выразившейся в поддержке и помощи народникам, отбывавшим в регионе наказание, не раз вызывался на дознания и получал увеличение срока гласного надзора. В 1885 г. после снятия гласного надзора вернулся в имение матери (Приморское). С 1930 г. член и пенсионер Всесоюзного Общества политкаторжан (Деятели революционного движения в России: биобиблиогр. слов.: От предшественников декабристов до падения царизма: в 5 т. Т. II, вып. 3. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. Стб. 1162 – 1163).

[13] Федосеев Николай Евграфович (1871 – 1898) – руководитель первых марксистских кружков в стране. В 1893 г. был приговорен к ссылке в Сольвычегодск, откуда вел переписку с социал-демократами Вологды, вел борьбу с народниками. В 1897 г. был отправлен в ссылку в Восточную Сибирь, где вскоре покончил с собой (БСЭ. 1972. Т. 27. С. 771).

[14] Сомов Сергей Григорьевич (1842 – ?) – революционер, сторонник идей С.Г. Нечаева. Как политически неблагонадежный в 1881 г. выслан в Олонецкую губернию, позднее водворен в Таре, где находился под гласным надзором полиции. В 1883 г. был привлечен

по делу о пособничестве в побеге ссыльному И. Кожину. В 1885 г. дело было прекращено. После снятия надзора и прекращения дела в 1886 г. С.Г. Сомов покинул Тару и выехал в европейскую часть Российской империи (Деятели революционного движения в России… 1932. Т. II. Вып. 4. Стб. 1578-1580).

15 Мачтет Григорий Александрович (1852 – 1901) – писатель, революционер-народник. В 1872 г. с целью организации земледельческой коммуны уехал в Северную Америку, гденачал писать стихи, печатался в русской эмигрантской газете «Свобода», издаваемой в Сан-Франциско. В 1874 г. вернулся в Санкт-Петербург. Примкнул к движению революционного народничества. В 1876 г. арестован за попытку освобождения народовольцев С.Ф. Ковальчика и П.И. Войнаральского. Находился в заключении в Петропавловской крепости, в 1877 г. сослан в Шенкурск Архангельской губернии. За побег в 1878 г. сослан в Тюкалинск. Спустя какое-то время, после неоднократных просьб был переведен в Ишим, где занимался педагогической деятельностью и сотрудничал в журналах («Отечественные записки», «Наблюдатель» и др.). В ссылке написал цикл «Рассказы из Сибирской жизни». Стихотворение «Замучен тяжелой неволей» было написано на смерть революционера студента Чернышова (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 142; БСЭ. 1974. Т. 15. С. 530).

16 Волховский Феликс Вадимович (1846 – 1914) – революционер, участник целого ряда народнических кружков, литератор. В 1878 г. по процессу «193-х», как «участник хождения в народ», был приговорен к ссылке на поселение в Тобольскую губернию (Тюкалинск). С 1881 г. по 1889 г. проживал в Томске, где получил разрешение публиковаться в местной «Сибирской газете». Позднее переехал в Восточную Сибирь, откуда в 1889 г. бежал в Америку (БСЭ. 1971. Т. 5. С. 332).

17 Хоржевская (в замужестве Волховская) Александра Сергеевна (1853 – 1887) – революционерка, народница. Арестована и приговорена по процессу «50-ти» к пяти годам каторжных работ на заводах. Приговор был изменен на ссылку на поселение в более отдаленные, чем оговаривалось изначально, места Сибири. В 1877 – 1880 гг. А.С. Хоржевская отбывала наказание в Тюкалинске, где вышла замуж за Ф.В. Волховского. В 1881 г. было удовлетворено ее ходатайство о водворении в Томск, где она и проживала с семьей до своей гибели в 1887 г. (Деятели революционного движения в России… 1932. Т. II, вып. 4., Стб. 1883 – 1884).

18 Долгополов Нифонт Иванович (1857 – 1922) – врач, депутат II Государственной Думы от Нижнего Новгорода, участник студенческих волнений в Харькове в 1878 г. По распоряжению харьковского генерал-губернатора был сослан в Западную Сибирь в Курган, где вплоть до 1882 г. занимался врачебной практикой. За политическую неблагонадежность в 1882 г. был перемещен в Тюкалинск, позднее в Ишим, и лишен возможности служить по профессии. С 1884 г. до окончания срока ссылки в 1886 г. находился в Семипалатинске. В 1887 г. получил звание уездного врача в Харькове. Вторично сослан в 1888 – 1891 гг. в Курск, с 1897 – 1905 гг. в Нижнем Новгороде. Депутат II Государственной Думы. Член партии эсеров. Во время пребывания в сибирской ссылке активно сотрудничал в «Сибирской газете», занимался краниологией (изучением параметров черепа) аборигенного населения (Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917 / под ред. Б.Ю. Иванова, А.А. Комзоловой, И.С. Ряховской. М.: РОССПЭН, 2008. С. 169; Чижова Е.А. Нифонт Иванович Долгополов // Нижегородский медицинский журнал. 2003. Вып. 1. С. 15).

19 Швецов Сергей Порфирьевич (1858 – 1930) – народник, экономист, статистик, этнограф, публицист, исследователь Сибири. В 1879 г. за распространение нелегальной литературы революционного содержания был приговорен к ссылке в Сибирь. Наказание отбывал в Череповце, Сургуте, Таре, Тюкалинске, Ялуторовске. После окончания срока ссылки С.П. Швецов получил право на свободное поселение в Барнауле, где поступил на службу в статистический отдел Главного управления Алтайского округа. По инициативе С.П. Швецова в 1891 г. было организовано Общество любителей исследования Алтая. В 1897 г. С.П. Швецов переехал в Омск, а 1902 г. – в Томск. В область его научных интересов в эти годы входили вопросы этнографии и статистики, а также журналистская деятельность.

В первой половине 1900-х гг. участвовал в создании Сибирского союза партии социалистов-революционеров. Активный участник событий 1905 г. в Томске. Покинул город после черносотенного погрома и неоднократных угроз в свой адрес. Выехал в Санкт-Петербург, где выдвинулся в ряд крупнейших публицистов партии эсеров (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 298; Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 619 – 620).

[20] Лаврова (в замужестве Швецова) Мария Васильевна (ок. 1856 – после 1901) – статистик, этнограф, член революционного кружка П.Г. Заичневского в Орле. В 1877 г. арестована и приговорена к тюремному заключению с дальнейшей высылкой под гласным надзором полиции в одной из северо-восточных губерний. В 1881 г. была переведена в Тобольскую губернию (проживала в Ишиме, позднее в Тюкалинске), где вместе с мужем исследовала социально-экономическое положение местного населения. В Барнауле стала одним из организаторов Общества любителей исследования Алтая. В 1897 г. выехала с мужем в Омск, но уже через год, в качестве сотрудника ЗСОИРГО, покинула город, отправившись в этнографическую экспедицию на Алтай (Колесников А.А. Мария Швецова. Контур личности // Алтайский сборник. Барнаул: б.и., 1997. Вып. 18. С. 134 – 147).

[21] Из Сибири // Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. Ч. III. С. 19.

[22] Там же.

[23] См. подробнее: Письмо М.В. Киселевой от 7 мая 1890 г. // Чехов А.П. ПСС: в 30 т. М.: Наука, 1985. Т. 4: Письма. С. 76.

[24] Радищев Александр Николаевич (1749 – 1802) – писатель, философ, поэт, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Произведение затрагивало многие наболевшие вопросы, в частности широкое освещение в книге получила проблема крепостного права. Автор был посажен в крепость по обвинению в государственной измене (1790). Смертная казнь была заменена десятилетней ссылкой в Илимском остроге. А.Н. Радищев был помилован Павлом I и смог вернуться в европейскую часть России, получив полное прощение с воцарением Александра I. Был привлечен к работе в комиссии для составления законов (БСЭ. 1972. Т. 21. С. 397 – 398).

[25] См. подробнее: Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1988. С. 117.

[26] Трубецкая (урожденная Лаваль) Екатерина Ивановна (1800 – 1854) – жена декабриста С.П. Трубецкого. Первая из жен декабристов добилась разрешения выехать в Сибирь, прибыла в Благодатный рудник в ноябре 1826 г. В конце 1839 г. по отбытии срока каторги Трубецкой вышел на поселение в село Оек Иркутской губернии. В 1845 г. семье Трубецких было разрешено поселиться в Иркутске, где Е.И. Трубецкая умерла. Похоронена в Знаменском монастыре (Декабристы: биогр. справ. ... С. 179).

[27] Волконская (урожденная Раевская) Мария Николаевна (1805 – 1863) – жена декабриста С.Г. Волконского. Последовала за мужем в Читу (1827), на Петровский завод (1830). В 1837 г. С.Г. Волконский был отправлен на поселение, семья обосновалась в Иркутске до 1855 г., когда М.Н. Волконская, а позднее сам С. Г. Волконский получили возможность покинуть Сибирь (Декабристы: биогр. справ. ... С. 43).

[28] Муравьева (урожденная Чернышева) Александра Григорьевна (1804 – 1832) – жена декабриста Н.М. Муравьева, последовавшая за мужем в Сибирь (1827). Умерла на Петровском заводе, где и была захоронена. Над могилой А. Муравьевой по желанию мужа была построена часовня (Декабристы: биогр. справ. ... С. 120).

[29] Михайлов Михаил Илларионович (1829 – 1865) – поэт, переводчик, политический деятель. Работал в журналах «Современник» и «Отечественные записки». В конце 1850 – начале 1860-х гг. занялся революционной деятельностью в форме распространения революционных прокламаций. Был арестован и приговорен к каторжным работам. В 1862 г. был отправлен в Восточную Сибирь на Казаковский золотой прииск на шесть лет. В Сибири не оставил литературную деятельность. В 1863 г. был переведен в деревню Кадаю близ Нерчинского завода, где и скончался (Большая энциклопедия: Слов. общедоступ. сведений

по всем отраслям знаний Т. 13 / под ред. С.Н. Южакова. СПб.: Типолит. Книгоиздат-го Тов-ва «Просвещение», 1903. Т. 13. С. 240).

[30] Чернышевский Николай Гаврилович (1828 – 1889) – революционер-демократ, философ-утопист, литературный критик, публицист и писатель. Один из родоначальников народничества, участник создания организации «Земля и воля». Был арестован в 1862 г. и помещен в одиночную камеру в Алексеевском равелине Петропавловской крепости по обвинению в составлении прокламаций «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Наиболее полно утопические идеалы арестантом Чернышевским были выражены в романе «Что делать?» (1863). Приговорен к четырнадцати годам каторги и последующему пожизненному поселению в Сибири. Пробыл в тюрьме и каторге в целом свыше двадцати лет. Было сделано несколько неудачных попыток его освобождения. В 1889 г. Н.Г. Чернышевский покинул Сибирь (БСЭ. 1978. Т. 29. С. 109 – 111).

[31] Ныне это район ул. Думской (недалеко от здания Омского городского Совета).

[32] Каракозов Дмитрий Владимирович (1840 – 1866) – участник русского революционного течения, сторонник террора. Состоял в тайном революционном обществе, организованном Н.А. Ишутиным, в Москве. 4 апреля 1866 г. совершил одно из неудачных покушений на императора Александра II (БСЭ. 1973. Т. 11. С. 386).

[33] Ишутин Николай Андреевич (1840 – 1879) – революционер, один из первых социалистов-утопистов, создатель ряда революционных кружков. Воспитывался в Пензе, в семье двоюродного брата Д.В. Каракозова. После покушения Д.В. Каракозова, ишутинский кружок революционеров был ликвидирован, сам Н.А. Ишутин арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость в одиночную камеру (1866 – 1868), откуда вышел душевнобольным. Смертная казнь была заменена вечной каторгой в Восточной Сибири, на Александровском заводе, позже в Нижнекарийской каторжной тюрьме, где он и умер в 1879 г. (БСЭ. 1973. Т. 11. С. 62).

[34] Нечаев Сергей Геннадьевич (1847 – 1882) – нигилист и революционер XIX в. Лидер «Народной расправы». Осужден за убийство студента Иванова, отказавшегося сотрудничать в революционном кружке. Сам Нечаев успел бежать за границу, но его товарищи были найдены и преданы суду Санкт-Петербургской судебной палаты (1871). Позднее Нечаев был арестован и приговорен к пожизненному заточению в Петропавловской крепости, где содержался как политический заключенный. Организовал ряд попыток своего освобождения силами народовольцев. Впоследствии отказался от идеи побега, чтобы не отвлекать силы революционеров от цареубийства (БСЭ. 1974. Т. 17. С. 552).

[35] Короленко Владимир Галактионович (1853 – 1921) – писатель, журналист, публицист, общественный деятель. За активную деятельность в народническом движении не раз оказывался в ссылке. В 1881 г. был сослан в Якутию в Амгинскую слободу, которую смог покинуть по Высочайшему распоряжению в 1885 г. Приветствовал Февральскую революцию. Не разделял идеи большевиков, выступая против казней (БСЭ. 1973. Т. 13. С. 199).

[36] До настоящего времени сохранился участок Московско-Сибирского тракта, находящийся между деревней Форпост и бывшей деревней Аевский волок (Избушки). Он является объектом культурного наследия регионального значения. На сегодняшний день данный участок труднодоступен. Местами он поглощен болотом. На территории других районов Омской области тракт либо распахан, либо покрыт асфальтом, а в некоторых местах зарос кустарником и не используется. Общее состояние памятника истории удовлетворительное. Данный участок пользуется наибольшей популярностью у туристов, гостей района, СМИ. Здесь действует туристический маршрут «Дорога великих ученых, путешественников и каторжников». Часть тракта в окрестностях с. Становка протяженностью 2 км объявлена заповедной зоной и входит в состав Муниципального бюджетного учреждения «Историко-культурный музей-заповедник «Московско-Сибирский тракт» Большеуковского муниципального района Омской области. В настоящее время этот музей является единственным за Уралом и вторым в стране учреждением культуры, посвященным истории Московско-Сибирского тракта (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 147 – 149; Зензин Е.П. Старый московско-сибирский тракт на территории Омской области // Памятники истории и культуры... 1995. С. 83 – 84).

Дом-музей М.И. Муравьева-Апостола в Ялуторовске

[1] Текст рукописи хранится в фонде Исторического архива Омской области. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 149. Л. 29, 35 – 39. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Тема декабристов нашла отражение во многих работах А.Ф. Палашенкова. Исследователь собирал сведения из различных источников, раскрывающих особенности жизни декабристов в Сибири на каторге и на поселении. В творческой лаборатории автора была обобщена информация, полученная из словарей, газетных и журнальных статей, выявленная на основе экспедиционных поездок 1938 г. Данный текст представляет собой фрагмент рукописи, посвященной вопросу пребывания декабристов на поселении в Ялуторовске («Материалы о пребывании декабристов в Сибири. 1825 – 1856 гг.»).

[2] Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793 – 1886) – декабрист, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, масон. Один из основателей Союза спасения (1817), член Союза благоденствия (1820), Южного общества (1824), участник восстания Черниговского полка. После поражения восстания был арестован, посажен в Петропавловскую крепость. Осужден по приговору суда на каторжные работы сроком на двадцать лет. Позднее срок каторги сократили до пятнадцати лет с пожизненным поселением в Сибири (1826). По личному распоряжению Николая I отправлен на поселение (в 1828 г. – в Якутск, в 1829 г. – в Бухтарминскую крепость Омской области, в 1836 г. переведен в Ялуторовск). В 1856 г. по амнистии был восстановлен в правах, покинул Сибирь, переехав жить в Тверь, а позднее в Москву. Автор воспоминаний. Похоронен на Новодевичьем кладбище (Декабристы: биогр. справ. ... С. 120 – 121).

[3] Ялуторовский музейный комплекс, посвященный участникам движения декабристов, был открыт в 1927 г. на основе краеведческого кружка при городской библиотеке в Ялуторовске. В первые годы музей располагался в доме декабриста М.И. Муравьева-Апостола. В 1935 г. организация получила наименование Краеведческого музея памяти декабристов, в 1996 г. – Ялуторовского музейного комплекса. Ныне комплекс включает мемориальные дома М.И. Муравьева-Апостола, И.Д. Якушкина, Краеведческий музей и Дом природы. Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» (далее постановление Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г.) дом декабриста М.И. Муравьева-Апостола принят на союзную, ныне федеральную охрану (Афанасьева Л.И. Роль личности И.Ю. Озолина в становлении Ялуторовского музея в 1936 – 1944 годах // Словцовские чтения: материалы докл. и сообщ. XVI Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. Ч. 1. С. 70 – 72; Шестакова Н.М. История дома декабриста Матвея Ивановича Муравьева-Апостола // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1993. Новосибирск: Наука РАН, 1997. С. 42 – 47).

Докладная записка о состоянии Тобольского кремля в Президиум Исполнительного комитета Омского областного Совета депутатов трудящихся

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/39. Л. 1 – 80. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Докладная записка А.Ф. Палашенкова 1939 г., посвященная исследованию состояния строений и сооружений Тобольского кремля, представляет собой документальное свидетельство многолетней работы краеведа по выявлению, изучению и сохранению объектов культурного наследия. При написании докладной записки автором были использованы материалы экспедиции лета 1938 г. К тексту приложены авторские планы и фотографии объектов, сделанные А.Ф. Палашенковым по итогам осмотра сооружений. Другой группой источников являются сибирские летописи, освещающие факты из истории основания города. Работа представляет собой черновик докладной записки в Исполком Омского областного

Совета депутатов трудящихся, содержит правки и уточнения по содержанию. Материал представляет интерес при изучении истории реставрации ансамбля Тобольского кремля, у истоков которой стоял А.Ф. Палашенков.

[2] События и персоналии, нашедшие упоминание в трудах А.Ф. Палашенкова, снабжены комментариями при их первом упоминании в тексте настоящего сборника.

[3] Менделеев Дмитрий Иванович (1834 – 1907) – русский химик, открывший периодический закон химических элементов, разносторонний ученый, педагог и общественный деятель, член-корреспондент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук (БСЭ. 1974. Т. 16. С. 67 – 69).

[4] Перов Василий Григорьевич (1833 – 1882) – живописец, один из членов-учредителей Товарищества передвижных художественных выставок. Автор работ «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы» (1862), «Охотники на привале» (1871), «Тройка (Ученики мастеровые везут воду)» (1866) и др. (БСЭ. 1975. Т. 19. С. 433 – 434).

[5] Сумароков Панкратий Платонович (1765 – 1814) – издатель первого частного журнала в Сибири «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», внучатый племянник знаменитого драматурга и поэта XVIII в. Оказавшись замешанным в деле подделки ассигнаций, он был сослан в 1780 г. в Сибирь из Петербурга, где служил в одном из полков. По решению суда был лишен всего имущества и дворянского звания. На почве общности литературных интересов произошло сближение П.П. Сумарокова с местным губернатором, предложившим ему возглавить новый журнал. Журнал просуществовал с сентября 1789 г. по декабрь 1791 г., сочетая в себе черты литературного и нравоучительного изданий; значительное место авторами уделялось сатирическим материалам. Таким образом, издание продолжило традиции журнала Н.И. Новикова. Не случайно «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» привлек внимание задержавшегося в Тобольске зимой 1790 – 1791 гг. по пути в Илимский острог А.Н. Радищева. Злободневность журнала обусловила недолгий срок его существования. После возвращения в 1803 г. из ссылки П.П. Сумароков издавал московский «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения». Годом позже он сменил на посту редактора знаменитого журнала «Вестник Европы» Н. Карамзина (Горшенин А. Литературный календарь // Сибирские огни. 2010. № 12. С. 189 – 194; ЭСБЕ. 1894. Т. XIII. С. 355).

[6] Чулков Даниил Данилович (? – 1590) – основатель города Тобольска и первый его воевода. По одним источникам, Чулков прибыл в Сибирь в отряде Василия Сукина и Ивана Мясного в 1585 г. Через год ими был основан г. Тюмень между реками Турою и Тюменью. Оттуда посланный Василием Сукиным построить новый острог возле старой татарской столицы Кашлыка письменный голова Д. Чулков прошел к устью реки Тобол, впадающей в Иртыш, и поставил острог, названный Тобольском. По другим источникам, Д. Чулков прибыл в 1587 г. с отрядом в 500 стрельцов «для поставления города Тобольска нарочным делом». В 1588 г. стал воеводой основанного города. Ему удалось заманить к себе татарского хана Сейдяка с султаном кайсацкой орды и мурзой карачей, которые им были отправлены в Москву. Этим он утвердил пошатнувшееся после смерти Ермака господство русских, так как татары, напуганные пленом своего князя, откочевали вглубь степей, оставив свой главный город – Искер. В 1588 г. вернулся в Москву (ИЭС. Т. 3. С. 514; Русский биографический словарь / под ред. А.А. Половцова. 1905. Т. 22. С. 453).

[7] Ансамбль Тобольского Кремля и Менового двора (Красная площадь, 2) постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. и Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» принят на федеральную охрану. Ныне находится в ведении Тобольской и Тюменской Епархии. В Тобольский государственный историко-культурный музей-заповедник входят гостиница архиерейская; павильон юго-восточный четырехугольный; павильон юго-западный четырехугольный; павильон в Архиерейском саду; прясло западной стены с воротами; северное прясло стен со Святыми воротами; прясло стен между Павлинской башней и зданием рентереи; прясло стен между Юго-Восточной круглой наугольной башней и Восточной квадратной башней; прясло стен между Восточной квадратной башней и монашеским корпусом; прясло стен между Юго-Западным

четырехугольным павильоном и Южной круглой башней; прясло стен между Южной круглой башней и Юго-Восточным четырехугольным павильоном; прясло стен между монашеским корпусом и Северо-Восточной круглой наугольной башней; прясло стен между Юго-Восточным четырехугольным павильоном и Юго-Восточной круглой наугольной башней; прясло стен между Павлинской башней и Юго-Западным четырехугольным павильоном; башня Павлинская; башня Северо-Восточная наугольная круглая (Орловская); башня Юго-Восточная наугольная круглая; башня Юго-Восточная четырехугольная; башня Юго-Западная четырехугольная; башня Южная круглая; беседка в Архиерейском саду; ворота западные; ворота Святые; гостиный (Меновый) двор; дом архиерейский; соборная колокольня; колокольня Углического колокола; здание консистории; конюшни архиерейские; братский (монашеский) корпус; палатка столовая (фундаменты); просфорня; взвоз Прямский (Базарный, Торговый, Софийский); рентерея (Шведская палата); соборная ризница; собор Покровский; Софийско-Успенский собор; стены кремлевские; типография губернская; здание губернских присутственных мест (Наместнический дворец); управа судебная; башня Восточная квадратная.

[8] Печура – архитектурный термин, древнерусское наименование пушечных оборонительных казематов в толще стен, открытых с тыла и имевших сходство с русской печью. Печуры располагали саженей на пять одна от другой; размеры – шириной 14 футов, высотой 8 футов, глубиной соответственно толщине всей стены (ЭСБЕ. 1898. Т. XXIII А. С. 550).

[9] Обрешетник, или обрешетка – архитектурный термин, основание под кровлю из листовых или штучных изделий (шифера, листовой стали и других); представляет собой деревянные доски или бруски, параллельно уложенные по скату стропил (Голышев А.Б., Колчунов Вл.И., Колчунов В.И. Архитектурно-строительная энциклопедия: справочник-словарь. М.: Изд-во ассоциации строит. вузов, 2006. С. 177).

Архитектурные и исторические памятники в Омске, Тобольске и Тюмени

[1] Текст работы «Архитектурные и исторические памятники в Омске, Тобольске и Тюмени» хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13450/28. Л. 2 – 11, 13, 27 – 28, 30, 35 – 37, 39 – 40 об., 43, 56 – 59, 62, 64 – 65, 83 – 84. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Долгие годы работы с выявлением и описанием объектов культурного наследия Омска и Омской области сопровождались составлением различных исторических справок. В настоящем издании опубликованы отдельные заметки из рукописи «Архитектурные и исторические памятники в Омске, Тобольске и Тюмени». Материалы служат существенным дополнением к информации, изложенной автором в докладных записках 1939 г. и 1942 г., посвященных объектам культурного наследия Тобольска. В настоящее издание не вошло описание памятников Омска и Тобольска, включенное (иногда дословно) в другие работы автора: докладные записки по Тобольскому кремлю и «Памятники и памятные места Омска и Омской области».

[2] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. памятник принят на союзную, ныне федеральную охрану.

[3] Здание по адресу ул. Ершова, 21, в котором бывали М.А. Фонвизин и другие ссыльные декабристы, описанное А.Ф. Палашенковым, было приобретено автором «Конька-Горбунка» в конце жизни. Идея организации в здании дома-музея П.П. Ершова не была реализована в связи с началом Великой Отечественной войны. В послевоенное время помещение снимали Дом пионеров и детский сад. Постановлением Совета Министров РСФСР № 495 от 07.09.1976 г. «О дополнении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» (далее постановление Совета Министров РСФСР № 495 от 07.09. 1976 г.) памятник был принят на союзную, ныне федеральную охрану. В 1990-е гг. здание раскатали на бревна для дальнейшей реставрации, которая не была осуществлена. Другой дом П.П. Ершова по адресу

ул. Ершова, 16 был принят на союзную, ныне федеральную охрану постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. Сохранился до настоящего времени (Беспалова Л. Восстановим ли дом Ершова? // Тюменская область сегодня. 2010. 15 дек.).

[4] Знаменский Михаил Степанович (1833 – 1892) – художник, краевед, писатель. Окончил Петербургскую образцовую духовную семинарию по классу живописи и вернулся в Тобольск. В 1854 – 1863 гг. в должности учителя рисования служил в Тобольской духовной семинарии, а также преподавал церковнославянский язык, арифметику и географию в училище при ней. Служил переводчиком с татарского при Тобольском губернском управлении. В 1864 – 1865 гг. был откомандирован на кокандскую границу, где снимал планы и делал зарисовки занятой русскими войсками местности. Принимал участие в военных действиях. В 1868 г. вышел в отставку. Сотрудничал с газетами «Сибирский листок», «Восточное обозрение», был тесно связан с декабристами, оставил воспоминания о них. В 1872 г. опубликовал альбом рисунков «Моя поездка на кумыс» (о путешествии по городам Западной Сибири). В 1878 – 1880 гг. участвовал в археологических изысканиях на Потчевашском городище близ Тобольска, в начале 1880-х гг. – на городище Искер. Похоронен в Тобольске на Завальном кладбище (ИЭС. Т. 1. С. 601).

[5] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г., прил. 2 могила М.С. Знаменского принята на союзную, ныне федеральную охрану; решением Тюмоблисполкома № 3 от 08.01.1990 г. переведена на региональную охрану.

[6] Постановлениями Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. и № 495 от 07.09. 1976 г. памятник принят на союзную, ныне федеральную охрану. В настоящее время в здании осуществляются ремонтно-реставрационные работы.

[7] Постановлением Совета Министров РСФСР № 495 от 07.09.1976 г. памятник принят на союзную, ныне федеральную охрану. Ныне здание губернаторского дворца передано Тобольскому историко-архитектурному музею-заповеднику.

[8] Решением Тюмоблисполкома № 357 от 05.07.1976 г. памятник принят на региональную охрану. В 2006 – 2012 гг. в здании проходили ремонтно-реставрационные работы. Ныне в здании располагается городская администрация Тобольска (Березов Н. Администрация Тобольска переехала в гарнизонный госпиталь // Комсомольская правда. Тобольск, 2012. 31 декабря).

[9] Дворец наместника входит в состав Ансамбля Тобольского Кремля и Менового двора (Красная площадь, 2) постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. и Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. принят на федеральную охрану.

[10] До 1961 г. храм периодически использовался для хозяйственных нужд. В 1961 г. Крестовоздвиженская церковь вошла в состав Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. В 1965 г. она была передана музеем в аренду ОРСу-2 Главтюменьнефтегазстроя и до 1984 г. здание использовалось как овощехранилище. С 1990-х гг. разрушающаяся церковь была законсервирована. Приказом Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области № 26 от 09.08.2004 г. памятник принят на охрану по категории выявленных памятников. В настоящее время храм передан Тобольской епархии, которая в ближайшее время планирует начать реставрационные работы (Второе крещение Сибири. Летопись возрождения Тобольской епархии, 1990 – 2010 гг. Тобольск, 2011. С. 128).

[11] В 1939 г. здание храма было передано средней школе № 1 для использования под ученические классы. В 1960-е гг. здесь находился вначале пункт проката, а затем кинотеатр «Экран», а в 1970 – 1980– е гг. в нем функционировал швейный цех. Постановлениями Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. и № 624 от 04.12.1974 г. «О дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» (далее постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12. 1974 г.) памятник был принят на союзную, ныне федеральную охрану. Решением Тюмоблисполкома № 357 от 05.07.1976 г. памятник переведен на региональную охрану. В 1980-е гг. в здании стали проводиться ре-

ставрационные работы. В 1991 г. Тобольский горсовет передал здание храма в бессрочное и безвозмездное пользование Тобольско-Тюменской епархии. В настоящее время наряду с реставрационными работами в храме постоянно проходят богослужения. На сегодняшний день это единственная действующая церковь в подгорной части города (Второе крещение Сибири... С. 113).

[12] Богоявленская (Богородицкая) церковь была самым древним из приходских храмов подгорной части Тобольска. Ее заложили в 1691 г., в 1738 – 1744 гг. она была расширена и стала трехпрестольной. Зимой 1854 г. здесь крестили Д.И. Менделеева. В январе 1930 г. храм был закрыт. В 1944 г. Тобольский Горсовет принял решение о сносе здания церкви (его уцелевших строений) как «находящегося в аварийном состоянии и угрожающего обвалом». Согласно ему храм был разобран в 1949 г. Сохранившееся здание богадельни при Богородской церкви Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. принято на федеральную охрану (Второе крещение Сибири... С. 123).

[13] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. памятник принят на союзную, ныне федеральную охрану. Церковь используется в качестве фондохранилища Музейного комплекса имени И.Я. Словцова.

[14] Здание Всехсвятской (Кладбищенской или Круглой) церкви. Церковь была закрыта в 1940 – 1941 гг. Все остальное время до и после этого в ней продолжались богослужения. Снятый в 1941 г. крест был заменен в 1942 г. новым. Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. и Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. памятник принят на федеральную охрану. В постсоветское время в 1997 г. в храме начали действовать детская Воскресная школа и библиотека. В 2004 г. было построено здание колокольни.

[15] Решением Тюменского облисполкома № 3 от 08.01.1990 г. памятник (жилой дом по адресу ул. 25 октября, 27) был принят на региональную охрану. Указом Президента Российской Федерации № 452 от 05.05.1997 г. памятник переведен на федеральную охрану.

[16] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г., прил. 2 и Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. памятник (здание Городской Управы или Городской Думы) принят на федеральную охрану. В здании бывшей Городской Управы располагается Тюменский областной краеведческий музей им. И.Я. Словцова.

Докладная записка о состоянии памятников старины и революции в Тобольске в Президиум Исполнительного комитета Омского областного Совета депутатов трудящихся

[1] Текст докладной записки хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/38. Л. 1 – 44. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Докладная записка, составленная в 1942 г., развивает положения текста, написанного в 1939 г. Этот документ включает как развернутую информацию по комплексу сооружений Тобольского кремля (некоторые строения которого были утрачены ввиду ненадлежащей эксплуатации за период 1939 – 1941 гг.), так и сведения по подгорной части Тобольска. Помимо детального освещения состояния памятников истории и культуры на момент исследования, автором кратко приведена история города и биографии людей, чья жизнь была связана с Тобольском: А.А. Алябьева, А.М. Муравьева-Апостола, К.Ф. Вольфа, П.П. Ершова, Д.И. Менделеева, П.А. Грабовского и др. Сведения, изложенные А.Ф. Палашенковым в докладной записке, основаны на материалах экспедиционных поездок 1938 и 1940 гг. Описание каждого строения содержит точные замеры, позволяющие зафиксировать состояние объекта в момент обследования.

[2] Угличский колокол – набатный колокол, оповестивший в 1581 г. жителей г. Углича о смерти царевича Дмитрия, вызвавший народное волнение, закончившееся самосудом над предполагаемыми убийцами царевича, и символически давший отсчет началу смутного времени в России. Был «казнен» отсечением «уха» и ссылкой Сибирь, где пробыл триста

лет (до 1892 г.). Ныне возвращен назад и является экспонатом Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея. В Тобольске хранится муляж, точная копия сосланного колокола, отлитая варшавским студентом Флорианом Ляхмайером в конце XIX в., незадолго перед возвращением подлинника на родину (Добрынин В. Ссыльный колокол // Колокольный звон. Когда ты принесешь благую весть Руси? М.: б.и., 1999. С. 75 – 79; Лобашков А.М. Первоссыльный неодушевленный с Углича // Атеистические чтения. М.: Политиздат, 1986. Вып. 15. С. 25 – 53).

[3] Фонвизин Михаил Александрович (1787 – 1854) – военный, участник русско-шведской войны (1809), Отечественной войны 1812 г., заграничных походов русской армии (1813 – 1815) декабрист (член Союза Спасения с 1816 г., Союза Благоденствия с 1818 г., готовил программу и устав Северного тайного общества). Арестован в 1826 г., заключен в Петропавловскую крепость, приговорен к каторжным работам на двенадцать лет (позднее срок будет сокращен до восьми лет). Отправлен в Читинский острог (1827), позднее на Петровский завод (1830). В 1832 г. отправлен на поселение в Енисейск, в 1837 г. переехал в Тобольск. В 1853 г. получил разрешение покинуть Тобольск и выехать в Центральную Россию (Декабристы: биогр. справ. ... С. 185 – 186).

[4] Грабовский Павел Арсеньевич (1864 – 1902) – украинский поэт, участник революционного движения. Был участником харьковской группы «Черный передел», около двадцати лет провел в тюрьмах и ссылке. В литературном творчестве последователь традиций украинской революционно-демократической поэзии Т.Г. Шевченко (БСЭ. 1972. Т. 7. С. 196).

[5] 22 мая 1917 г. тела повешенных за бунт 1908 г. арестантов Тобольской тюрьмы были торжественно захоронены в братской могиле (Копотилов М. Историко-революционный подотдел Музея Тобольского Севера // Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера. 1928. № 1(2). С. 13).

[6] Четверик – архитектурный термин, означающий четырехугольное в плане сооружение или составную часть сооружения с теми же параметрами в русском и украинском зодчестве: основная форма русского храма в композиции с восьмиугольной частью (восьмериком) – система «восьмерик в четверике» (Голышев А.Б., Колчунов Вл.И., Колчунов В.И. Указ. соч. С. 304).

[7] Храм строился в 1759 – 1776 гг. После Великой Отечественной войны до 1959 г. в здании храма размещался Тобольский горкомхоз. Затем некоторое время на втором этаже храма находились квартиры. С 1960 г. сюда въехал деревообрабатывающий цех Тобольской мебельной фабрики. В середине 1990-х гг. здание церкви было передано Тобольско-Тюменской епархии. В настоящее время в храме ведутся реставрационные работы. Приказом Комитета по охране и использованию объектов историко-культурного наследия Тюменской области № 26 от 09.08.2004 г. памятник (Церковь Захария и Елизаветы) принят на охрану по категории выявленных памятников (Второе крещение Сибири... С. 127).

[8] Рустика – архитектурный термин, означающий рельефную кладку или облицовку стен зданий камнями с грубо отесанными или выпуклыми поверхностями (т.н. «рустами») (Голышев А.Б., Колчунов Вл.И., Колчунов В.И. Указ. соч. С. 235).

[9] Каннелюра – архитектурный термин, означающий вертикальный желобок на стволе пилястры или колонны, а также горизонтальные желобки на базе колонны ионического ордера (Голышев А.Б., Колчунов Вл.И., Колчунов В.И. Указ. соч. С. 112).

[10] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. памятник был принят на союзную, ныне федеральную охрану. Снесен по ветхости.

[11] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. прил. 2 памятник принят на союзную, ныне федеральную охрану.

[12] Решением Тюмоблисполкома № 357 от 05.07.1976 г. памятник принят на региональную охрану. Ныне в здании располагается средняя общеобразовательная школа № 1.

[13] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. могилы декабристов Муравьева, Вольфа и Башмакова приняты на союзную, ныне федеральную охрану.

[14] Муравьев Александр Михайлович (1802 – 1853) – военный, декабрист (член Союза Благоденствия (1820), Северного общества), активный участник событий 14 декабря 1825 г.

Арестован, заключен в Петропавловскую крепость. Осужден на двенадцать лет каторжных работ с пожизненным поселением в Сибири, с лишением всех чинов и дворянства. Срок наказания был сокращен до восьми лет (1826). Отбывал каторгу в Нерчинских рудниках, в Петровском заводе. В 1835 г. вышел на поселение вместе с братом Н.М. Муравьевым и К.Ф. Вольфом в с. Урик, в 1845 г. переехал в Тобольск. Умер в Тобольске до получения известия о разрешении выехать из Сибири, похоронен на Завальном кладбище (Декабристы: биогр. справ. ... С. 116).

[15] Вольф Фердинанд Богданович (Кристиан Фердинанд) (1796/97 – 1854) – врач, декабрист. В период Отечественной войны 1812 г. работал в касимовском военном госпитале, член Союза Благоденствия (с 1820 г.) и Южного общества, сторонник революционных действий, выступавший за республиканскую форму правления. Арестован, посажен в Петропавловскую крепость, осужден к 20 годам каторжных работ, впоследствии срок был сокращен до десяти лет (1832). Отбывал наказание в Читинском остроге (1827) и на Петровском заводе (1830 – 1835). В 1835 г. вышел на поселение в с. Урик Иркутской губернии. Вскоре из-за недостатка медицинских чиновников в Восточной Сибири К.Ф. Вольфу было разрешено заниматься медицинской практикой. В 1845 г. переведен в Тобольск, где был назначен врачом в больницу Тобольского тюремного замка. Похоронен на Завальном кладбище (Декабристы: биогр. справ. ... С. 43 – 44).

[16] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. могила Ф.М. Башмакова принята на союзную, ныне федеральную охрану. В настоящее время на могиле – надпись: «Декабрист Башмаков Флегонт Миронович 1774 – 1859 гг.».

[17] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. могилы декабристов Барятинского и Кюхельбекера приняты на союзную, ныне федеральную охрану.

[18] Барятинский Александр Петрович (1798 – 1844) – декабрист, штабс-ротмистр Гусарского полка. Член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден на вечную каторгу, замененную на двадцатилетний срок с последующим поселением в Сибири (1826). Отбывал наказание в Читинском остроге (1827), на Петровском заводе (1830 – 1835). Срок наказания был сокращен до тринадцати лет (1835). С 1839 г. после смягчения приговора отправлен на поселение в Западную Сибирь. Похоронен в Тобольске на Завальном кладбище (Декабристы: биогр. справ. ... С. 13 – 14).

[19] Неточная цитата. Ср.: «Друзья и товарищи изгнания проводили его тело до дверей *вечности и поручили его душу* вечной благости искупителя» *(курсив сост.)*.

[20] Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797 – 1846) – декабрист, поэт, писатель и общественный деятель, друг и одноклассник А.С. Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицею. С 1817 г. член тайной преддекабристской организации «Священная артель». Член Северного общества (ноябрь – декабрь 1825). Участвовал в выступлении на Сенатской площади, покушался на великого князя Михаила Павловича. Арестован, посажен в Петропавловскую, затем в Шлиссельбургскую крепости. Осужден на двадцать лет каторжных работ. В 1827 г. по указу Николая I вместо Сибири отправлен в арестантские роты при Динабургской крепости (ныне в Даугавпилсе, Латвия), позже в Свеаборг. В 1835 г. определен на поселение в заштатный г. Баргузин Иркутской губернии (ныне с. Баргузин Баргузинского района Бурятии). По собственной просьбе в 1839 г. был переведен в Акшинскую крепость, в 1844 г. – в г. Курган (Тобольская губерния). В 1846 г. из-за болезни был направлен в г. Тобольск на лечение, где и скончался. Похоронен на Завальном кладбище (Декабристы: биогр. справ. ... С. 95 – 96).

[21] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. могила П.А. Словцова принята на союзную, ныне федеральную охрану.

[22] Словцов Петр Андреевич (1767 – 1843) – историк Сибири. Получил духовное образование, преподавал в Тобольской семинарии. За критику самодержавно-крепостнической системы в 1794 г. заточен в Валаамский монастырь. В 1795 г. из-за болезни был переведен в Петербург, где в 1796 г. поступил на гражданскую службу. В это время появляются его первые исторические работы. В 1808 г. вновь был арестован по обвинению во взяточничестве и сослан в Тобольск, откуда перебрался в Иркутск. В 1815 – 1820 гг. был назначен директором гимназий и училищ Иркутска, в 1821 г. – визитатором (инспектором) сибирских

училищ. В 1828 г. получил разрешение вернуться в европейскую часть России, но не воспользовался им. Вышел в 1829 г. в отставку, после чего полностью посвятил себя исследованиям сибирской истории. Вершиной его научной деятельности стал труд «Историческое обозрение Сибири» (в 2-х т. М., 1838 – 1844). Последние годы провел в Тобольске. Похоронен на Завальном кладбище (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 252 – 253; БСЭ. 1976. Т. 23. С. 583).

[23] Постановлениями Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. и № 495 от 07.09.1976 г. могила П.П. Ершова принята на союзную, ныне федеральную охрану.

[24] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. могила П.А. Грабовского принята на союзную, ныне федеральную охрану.

[25] Костюрин Виктор Федорович (1853 – 1919) – революционный деятель (в начале 1870-х гг. – народник-чайковец, позднее стал идейно близок «бунтарскому» направлению), литератор. По процессу «193-х» осужден на каторжные работы в Каре (1880 – 1885), после чего вышел на поселение в Якутскую губернию, оттуда перебрался в Тобольск. В Тобольске занимался активной общественной деятельностью, печатался в газете либерального направления «Сибирский листок». Похоронен на Завальном кладбище (ССЭ. 1931. Т. 2. Стб. 963).

[26] Решением Тюмоблисполкома № 93 от 26.01.1950 г. памятник принят на региональную охрану.

[27] К 1905 г. на собранные средства был осуществлен ремонт зимнего храма, приобретена ризница. В годы советской власти Софийско-Успенский собор был закрыт. В 1930-х гг. в его стенах установили трехъярусные нары для спецпереселенцев. Позже собор использовался как зерновой склад организацией «Союз-хлеб». К 1941 г. в условиях такой эксплуатации помещения износ здания составлял 70 – 80%. В послевоенный период начались ремонтно-реставрационные работы в Тобольском Кремле, которые продолжались до середины 2000-х гг. За этот период можно выделить три крупные реставрации. Первая осуществлялась в 1956 – 1966 гг. под руководством Ф.Г. Дубровина, который также являлся автором проекта реставрации кремля вместе с другими работниками центральных научно-реставрационных мастерских в Москве. Работы коснулись в основном экстерьера собора, а внутреннюю часть храма практически не трогали за исключением придела в честь Св. Иоанна Златоуста, где был сделан капитальный ремонт. В это время строители разобрали с западной стороны собора паперть. После ремонта там продолжительное время располагался выставочный зал Тобольского музея. В 1968 г. в Тобольске была открыта специальная научно-реставрационная мастерская, директором которой являлся В.Ф. Яковлев. Курировало реставрационную мастерскую объединение «Росреставрация» из Москвы, высылавшее своих специалистов, делавших обмеры, составлявших полную документацию производимых работ. Второй этап реставрации Софийского собора приходится на период с 1985 г. по 1987 г. В это время была сделана стяжка стен по периметру монтажным поясом. Также было восстановлено первоначальное позакомарное покрытие, которое в середине XVIII в. было заменено четырехскатной кровлей. Тогда же была заменена кровля всех пяти куполов крыши. В 1989 г. государство передало Софийско-Успенский собор Русской Православной Церкви. С этого времени начинается новый период в истории собора. Тобольско-Тюменская епархия начала своими усилиями восстанавливать его. В 2003 г. было принято решение о превращении г. Тобольска в туристический центр Западной Сибири. Проект реставрации под контролем Тобольско-Тюменской Епархии осуществляется под руководством директора ГПТФ «Сибспецпроектреставрация» В.А. Силантьева. За 2004 – 2005 гг. было произведено усиление грунтов в основании фундамента Софийско-Успенского собора, отреставрированы фасады. В 2004 г. были заменены кресты собора и отреставрированы купола и барабаны. Во время ремонта пола в 2005 г. были проведены археологические раскопки, в результате которых обнаружили архиерейские захоронения (на их существование указывалось в исторических обзорах, посвященных собору). В 2006 г. с западной стороны Собора была воссоздана каменная паперть, построенная здесь в середине XIX века. В период с 2010 – 2011 гг. под руководством Ильи Шилаева художники-реставраторы из Московского научно-реставрационного художественного управления при участии Тобольской иконописной школы воссоздали росписи Софий-

ского собора, им также удалось восстановить местами начальную роспись храма части южной стены собора конца XVII – начала XVIII вв. и внутренний купол храма. Софийско-Успенский кафедральный собор полностью отреставрирован. До настоящего времени продолжаются ремонтно-реставрационные работы отдельных сооружений в подгорной части города (Андриенко А.С. Реставрация Софийско-Успенского кафедрального собора города Тобольска // Тобольск научный-2005. Тобольск: Полиграфист, 2005. С. 135 – 141; Афанасьева Е.М. Архитектурные памятники Тюменской области. Тюмень: Искусство, 2008. С. 102).

[28] Постановлением Совета Министров РСФСР № 495 от 07.09.1976 г. могила С.М. Семенова принята на союзную, ныне федеральную охрану; решением Тюмоблисполкома № 3 от 08.01.1990 г. переведена на региональную охрану.

[29] Постановлением Совета Министров РСФСР № 495 от 07.09.1976 г. могила С.Г. Краснокутского принята на союзную, ныне федеральную охрану.

Там, где жила пушкинская Татьяна. Дом декабриста М.А. Фонвизина в Тобольске

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/34. Л. 1 – 24. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Очерк «Там, где жила пушкинская Татьяна», публикуемый впервые, был написан А.Ф. Палашенковым в 1940 г. Главной героиней произведения, написанного в стиле документальной новеллы, стала жена декабриста Михаила Александровича Фонвизина Наталья Дмитриевна Фонвизина (урожденная Апухтина). Название очерка не случайно: современники поэта считали, что отдельные черты Татьяны Лариной он позаимствовал именно у Натальи Фонвизиной, у которой и на самом деле «много рок отъял». Упоминать имена государственных преступников и их жен, последовавших за ними в Сибирь, строжайше воспрещалось. Вероятно, именно поэтому А.С. Пушкин нигде напрямую не упоминал о прототипе образа своей главной героини.

Наталье Дмитриевне посвящали статьи Василий Жуковский, Александр Одоевский, Сергей Дуров. Лев Толстой собирался сделать ее главной героиней романа «Декабристы». О ней с признательностью вспоминал Ф.М. Достоевский, которого она посетила в пересыльной тюрьме, а затем многие годы поддерживала в письмах. Наталье Дмитриевне было суждено стать женой двух декабристов: в 1857 г. она во второй раз вышла замуж за И.И. Пущина. Неудивительно, что, побывав в доме Фонвизиных в Тобольске, А.Ф. Палашенков не мог удержаться от изучения биографии его жителей.

Основу источниковой базы произведения составили мемуары родственницы Н.Д. Фонвизиной, дочери тобольского прокурора М.Д. Францевой, написанные спустя четыре десятилетия после описываемых событий и опубликованные в нескольких номерах «Исторического вестника», уже самого по себе ставшего библиографической редкостью, а также работы известного литературоведа, исследователя семейной переписки Фонвизиных В.И. Шенрока.

[2] Ныне почтовый адрес: ул. Октябрьская, 6.

[3] Название «в обло» происходит от старинного слова «облый», то есть округлый, круглобокий. Именно такую форму имеют вырубаемые с краю бревен полукруглые вырубки, так называемые чаши. Каждое последующее бревно укладывается в вырубленную для него чашу. В свою очередь в нем вырубается тоже чаша для следующего бревна. Так, венец за венцом растет деревянный сруб.

[4] Фонвизина (урожденная Апухтина) Наталья Дмитриевна (1803 – 1869) – жена декабриста М.А. Фонвизина, позже вышедшая замуж за декабриста И.И. Пущина (1857). В 1826 г. вслед за мужем отправилась в Сибирь, на Петровский завод, затем в Енисейск, где занималась благотворительностью. В 1838 г. Фонвизины переехали в Тобольск, где состоялась встреча с эпатируемыми через город петрашевцами. В 1853 г. Фонвизины получили разрешение покинуть Сибирь и вернуться в Москву (Декабристы: биогр. справ. ... С. 186).

[5] Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Шенрок В.И. Наталья Дмитриевна Фонвизина // Жены декабристов: Сб. ист.-бытовых ст. / сост. В.И. Покровский. М., 1906.

[6] Шенрок Владимир Иванович (1853 – 1910) – историк литературы, известный знаток творчества Н.В. Гоголя. Среди других его работ можно назвать статью о Н.Д. Фонвизиной (Одна из жен декабристов // Русское Богатство». 1894. Кн. 11 – 12) (ЭСБЕ. 1903. Т. XXXIX, С. 474).

[7] Цитата взята из книги: Максимов С.В. Сибирь и каторга: В 3-х ч. 3-е изд. СПб., 1900.

[8] Пущин Иван Иванович (1898 – 1859) – декабрист, друг и однокурсник А.С. Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицею. Член Союза спасения (1817) и Союза благоденствия (1818). Участник восстания на Сенатской площади. Был арестован и приговорен к смертной казни за умысел цареубийства. Казнь была заменена вечной каторгой в Читинском остроге (1828) и на Петровском заводе (1830 – 1839). Срок каторги сокращен до двадцати (1826), позднее тринадцати лет (1835). В 1839 г. вышел на поселение в Туринск (Тобольская губерния), потом в Ялуторовск (Тобольская губерния). В 1856 г. вернулся из ссылки (Декабристы: биогр. справ. … С. 149).

[9] В текст вкралась неточность. Скорее всего автор подразумевает Александра Михайловича Муравьева (1802 – 1853), с 1845 г. находившегося на поселении в Тобольске, скончавшегося там же в 1853 г. (Декабристы: биогр. справ. … С. 116).

[10] Анненков Иван Александрович (1802 – 1878) – декабрист. Член петербургской ячейки Южного общества (1824), участвовал в деятельности Северного общества. Арестован в 1825 г., содержался на городской гауптвахте, в 1826 г. переведен в Петропавловскую крепость. Приговорен к каторжным работам сроком на двадцать лет, позднее срок был сокращен до пятнадцати, затем до десяти лет (1832). В 1827 г. доставлен в Читинский острог, с 1830 г. – на Петровский завод. Освобожден от каторжных работ указом 1835 г. и обращен на поселение в с. Бельское Иркутской губернии. В 1837 г. получил разрешение на поселение в Тобольской губернии в г. Туринске. С 1839 г. по высочайшему разрешению поступил на службу по гражданской части в Сибири. В 1841 г. переведен в штат канцелярии тобольского общего губернского правления, в 1843 г. – назначен для исправления должности ревизора поселений тобольской экспедиции о ссыльных, в 1849 г. – исполняющий дела заседателя тобольского приказа о ссыльных, с 1851 г. – заседатель тобольского приказа общественного призрения. По амнистии 1856 г. восстановлен в правах, отбыл в европейскую часть страны (Декабристы: биогр. справ. … С. 8 – 9; Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 11).

[11] Свистунов Петр Николаевич (1803 – 1889) – декабрист. Член петербургской ячейки Южного общества (1823), участвовал в деятельности Северного общества. Арестован в конце 1825 г., доставлен в Петропавловскую крепость. В июне 1826 г. пытался покончить жизнь самоубийством. Приговорен к каторжным работам сроком на двадцать лет, позднее срок был сокращен до пятнадцати (1826), затем до десяти (1832) лет. В 1827 г. был доставлен в Читинский острог, в 1830 г. прибыл на Петровский завод. По указу 1835 г. обращен на поселение в с. Идинское Иркутской губернии, по ходатайству родственников переведен в Курган Тобольской губернии (1837). По просьбе брата А.Н. Свистунова разрешено вступить на службу в одно из присутственных мест Тобольска (1841). Определен канцелярским служителем в тобольское общее губернское управление (1841), был письмоводителем тобольского губернского административно-статистического комитета (1844 – 1847), прикомандирован для письмоводства в Комитет для рассмотрения проекта законов для бродячих и кочевых инородцев Тобольской губернии (11.10.1847). По выслуге лет в 1849 г. произведен в губернские секретари. По амнистии 1856 г. ему и его детям, рожденным после приговора, дарованы права потомственного дворянства. В 1857 г. уехал в Москву (Декабристы: биогр. справ. … С. 164).

[12] Бобрищев-Пушкин 2-й Павел Сергеевич (1802 – 1865) – декабрист. Член Южного общества (1822). Арестован в конце 1825 г., содержался в Петропавловской крепости. Приговорен к каторжным работам сроком на двенадцать лет, позднее срок был сокращен до восьми лет (1826). Отбывал наказание в Читинском остроге (с 1827 г.), затем на Петровском заводе (1830 – 1832). В 1832 г. вышел на поселение в Верхоленск, затем в Красноярск.

Указом 1839 г. П.С. Бобрищеву-Пушкину разрешено переехать в Тобольск для надзора за братом Николаем Сергеевичем Бобрищевым-Пушкиным 1-м, также осужденным по делу декабристов. К моменту поселения в Тобольске Николай Сергеевич был глубоко больным человеком, был помещен в дом для умалишенных. В 1856 г. по высочайшему повелению братьям разрешено вернуться на родину. Умер Бобрищев-Пушкин 2-й в Москве в доме Н.Д. Фонвизиной-Пущиной (Декабристы: биогр. справ. ... С. 25).

[13] М.С. Знаменским были оставлены воспоминания, вероятно использованные в тексте А.Ф. Палашенковым. Знаменский М.С. Тобольск в 40-х гг. // Наш край. Тобольск, 1925. № 4. С. 9.

[14] Ждан-Пушкин Иван Викентьевич (1813 – 1872) – инспектор классов в Сибирском кадетском корпусе (1847 – 1862), в чьем ведении была организация учебного процесса и подбор преподавателей. Во время отбывания Ф.М. Достоевским наказания в Омском остроге И.В. Ждан-Пушкин оказывал ему всяческую помощь и защиту. Впоследствии был переведен директором в Первый Московский кадетский корпус (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 407).

[15] Тизенгаузен Василий Карлович (Вильгельм Сигизмунд) (1781 – 1857) – декабрист, командир Полтавского пехотного полка. В 1824 г. был принят в Южное общество, активного участия в его деятельности В.К. Тизенгаузен не принимал. Арестован в 1826 г., приговорен к двум годам каторжных работ. До 1827 г. находился в заключении в Петропавловской крепости, затем в Чите. С 1829 г. вышел на поселение в Ялуторовск. В 1853 г. вернулся на родину (БСЭ, 1976, Т. 25, С. 547).

[16] См.: Пушкин А.С. И.И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!»).

[17] Данзас Константин Карлович (1800/1801 – 1870) – лицейский товарищ А.С. Пушкина, секундант на дуэли А.С. Пушкина с Ж. Дантесом. Служил в инженерном корпусе, затем на Кавказе, с отличием сражался в русско-иранской войне (1828). В 1829 г. участвовал в русско-турецкой войне в военных действиях на Балканском полуострове. В 1838 г. служил в Санкт-Петербургской инженерной команде, но из-за ссоры с начальником был переведен в чине полковника на Кавказ. В 1856 г. поступил на службу в Санкт-Петербургскую комиссариатскую комиссию, в том же году вышел в отставку. Умер в бедности, без семьи. Со слов Данзаса Н.А. Амосов составил известную брошюру «Последние часы жизни Пушкина» (Декабристы: биогр. справ. ... С. 63; ЭСБЕ. 1893. Т. X. С. 74 – 75).

[18] Цитата из главы X поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

[19] «Марш о Родине» из кинофильма «Цирк» (муз. И. Дунаевского, сл. В. Лебедева-Кумача).

Исторические памятники г. Тобольска

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/32. Л. 1 – 15. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Рукопись «Исторические памятники г. Тобольска» завершает цикл, посвященный архитектуре Тобольска. В отличие от докладных записок в Омский облисполком депутатов трудящихся относительно состояния объектов культурного наследия кремля и подгорной части городаэтот текст отличается яркой иллюстративной подачей материала, художественной выразительностью, присущей статьям А.Ф. Палашенкова. Как и ряд других работ автора, посвященных описанию памятников истории и культуры сибирских городов, рукопись «Исторические памятники Тобольска» состоит из двух частей: краткого перечисления наиболее значимых мест города и обращения к читателю с призывом выявления и сохранения культурного наследия прошлого. Отпечаток на характер и суть статьи накладывал исторический период написания работы: в условиях военного времени острее ощущалась связь с национальными корнями, прошлым страны и потребность в сохранении этой связи путем выявления и реставрации объектов культурного наследия. Описание памятников Тобольска предваряет краткий экскурс в историю освоения Сибири русскими в XVI – XVII вв. и основание первых острогов, в числе которых был и Тобольск.

[2] Неточная цитата. Ср.: «И бысть бой и сеча зла, за руки емлющ*есь (здесь и далее – курсив сост.)* сечахуся» (Погодинский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / под ред. А.П. Окладникова, Б.А. Рыбакова. М., 1987; см. также: Приложение 1 к книге Р.Г. Скрынникова Ермак. М.: Молодая Гвардия, 2008).

[3] Неточная цитата. Ср.: «*И взя мало (здесь и далее – курсив сост.) нечто* от сокровищ своих, [и вдашась невозвратному бегству со въсеми людми.] Град же свой Сибирь *остави* пуст» (Приложение 1 к книге Скрынников Р.Г. Ермак…).

[4] Щербатов Меркурий (?)– известный воевода, участвовавший почти во всех походах в течение 1580 – 1594 гг. и затем бывший тобольским воеводой (1596 – 1597); в последний раз упоминается под 1600 г., как воевода большого полка на южной окраине государства (ЭСБЕ. 1904. Т. XL. С. 67).

[5] Волконский Михаил Константинович (Хромой) (? – 1610) – князь и воевода, брат князя Григория-Кривого; начал службу в Сибири, где основал в 1594 г. городок Березов, а в 1598 г. был тобольским воеводой. Позднее был переведен воеводой в Боровск, погиб при взятии поляками города в 1610 г. (ЭСБЕ. 1892. Т. VII. С. 41).

[6] Шереметев Петр Васильевич (Большой) (? – 1690) – русский военный и государственный деятель, боярин (с 1656 г.) и воевода, старший сын боярина воеводы Василия Петровича Шереметева (ум. 1659), состоял на придворной службе в 1644 – 1654 гг., участвовал в войнах с Речью Посполитой (1654 – 1667 гг.) и Швецией (1656 – 1661 гг.). В 1662 г. – воевода в Севске, вел дипломатические переговоры с поляками. Участник боевых действий против Яна Собесского (1664 – 1667). В 1673 – 1675 гг. на воеводстве в Новгороде. С воцарением Федора Алексеевича был отстранен от двора и по инициативе бояр Милославских отправлен на воеводство в Тобольск. Состоял на этой службе с 1776 по 1778 гг. За время его воеводства значительная часть города была уничтожена от пожара, случившегося от удара молнии. Шереметев привлек к участию в восстановлении Тобольска все города Тобольского разряда, сообщив воеводам, сколько с каждого из них следует по разрядке денег. В 1678 г. в Забайкалье были обнаружены оловянная, серебряная и золотая руда, о чем Шереметев послал донесение царю незадолго перед своим отъездом из Тобольска. Позднее был переведен в Киев и руководил обороной города от крымских татар (1779). Старший сын П.В. Шереметева – Борис Петрович Шереметев был известным фельдмаршалом в царствование Петра I и получил графский титул (Русский биографический словарь / под ред. А.А. Половцова. 1911. Т. 23. С. 190 – 203).

О состоянии и охране памятников Омской области

[1] Текст рукописи хранится в фонде Исторического архива Омской области. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 – 18. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Обобщающим материалом, дающим развернутую картину прошлого всей Омской области с древнейших времен до первой половины 1940-х гг., является статья «О состоянии и охране памятников Омской области». Данную работу можно считать одной из первых попыток анализа накопленной за долгие годы информации о состоянии объектов культурного наследия, позднее оформившейся в книгу «Памятники и памятные места Омска и Омской области», опубликованную в 1967 г. Текст рукописи содержит сведения, ранее фрагментарно представленные в материалах делопроизводственной документации А.Ф. Палашенкова, которую он в качестве научного сотрудника Омского областного музея вел с вышестоящими инстанциями (докладные записки по Тобольскому кремлю). В данном тексте сведения изложены в форме научно-популярного очерка, рассчитанную на широкую аудиторию.

В статье перечислены основные виды объектов культурного наследия (упоминаются места, связанные с событиями Великой Отечественной войны). Автором составлены списки основных достопримечательностей региона (в Омске, Тобольске, Тюмени), требующих изучения и сохранения. Зафиксированы трудности сохранности памятников, связанные с непросвещенностью широких слоев населения, не знакомых с историей края.

[2] Отрывок из поэмы А.С. Пушкина «Полтава».

[3] Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. памятник принят на федеральную охрану.

[4] Постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. памятник (Троицкий монастырь) принят на союзную, ныне федеральную охрану.

[5] Бригенн Александр Федорович фон дер, барон (1792 – 1859) – декабрист, член Союза благоденствия (1818) и Северного общества. Участник Бородинского сражения. После поражения восстания 14 декабря 1825 г. арестован и приговорен к двум годам каторги, срок сокращен до одного года. Наказание с 1827 г. отбывал в Читинском остроге, через год переведен на поселение в Пелым Тобольской губернии (1828), затем в Курган (1836). На гражданской службе в Сибири с 1838 г.: канцелярский служитель 4-го разряда, потом 3-го (1846), коллежский регистратор и заседатель (1848) в Курганском окружном суде. За отказ принять к рассмотрению сфабрикованное местными властями дело об убийстве крестьянина М. Власова находился под следствием (1850), переведен заседателем окружного суда в Туринск, произведен в коллежские секретари (1853) и перемещен обратно в Курган (1855). Получил чин титулярного советника (1856). После амнистии вышел в отставку и покинул Сибирь (ИЭС. Т. 1. С. 246).

[6] Памятник был принят на республиканскую, ныне федеральную охрану постановлением Совета Министров РСФСР № 624 от 04.12.1974 г. (в то время уже значился по другому адресу: ул. Куйбышева, 101). Впоследствии был снесен.

[7] В комментарии автора вкралась неточность. В указанный период были снесены Омские и Иртышские ворота. Сохранялись до 1959 г. Тобольские и Тарские.

[8] Вероятно, имеется в виду снос в 1932 г. Благовещенского собора, одного из первых каменных зданий Тюмени, освященного в 1708 г. (Курмачев В.А. Патриарх белокаменного зодчества: (к 300-летию Благовещенской церкви города Тюмени, 1700 – 2000 гг.). Тюмень: Рутра, 2000. С. 14 – 15).

[9] Ентальцев (Янтальцев) Андрей Васильевич (1788 – 1845) – декабрист, подполковник, командир 27 конноартиллерийской роты, участник Отечественной войны 1812 г., масон. Член Союза благоденствия (1820 – 1821) и Южного общества. Арестован, переведен в Петропавловскую крепость, приговорен к каторжным работам сроком на два года, срок сокращен до одного года. В Сибирь был отправлен в 1827 г., доставлен в Читинский острог. По отбытии срока наказания отправлен на поселение в Березов, куда прибыл в июне 1828 г.; через год получил разрешение перевестись в Ялуторовск. В 1830 г. прибыл в Тобольск, подавал ходатайство о переводе рядовым на Кавказ, но безрезультатно. В Ялуторовске подвергался преследованиям сначала по доносам из Березова, затем в связи с делом о находившихся при его жене крепостных людях. Результатом этого стало неизлечимое психическое заболевание. Умер и похоронен в Ялуторовске (Декабристы: биогр. справ. … С. 66).

[10] Якушкин Иван Дмитриевич (1793 – 1857) – декабрист, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии (1813 – 1814). Один из основателей Союза спасения. В 1817 г. вызвался совершить цареубийство; когда предложение было отклонено, И.Д. Якушкин вышел из Союза. Член Союза благоденствия (1819), Северного общества (1821). В декабре 1825 г. предложил поднять восстание войск Московского гарнизона. Арестован в 1826 г., приговорен к двадцати годам каторги, замененных впоследствии десятью годами. До ноября 1827 г. находился в крепости Роченсальм (Финляндия), затем на Нерчинском руднике и Петровском заводе в Забайкалье. С 1835 г. находился на поселении в Ялуторовске, занимался педагогической деятельностью. В 1856 г. покинул Сибирь (БСЭ, 1978. Т. 30, С. 498).

[11] Неточная цитата из поэмы «Двадцатый» И.П. Уткина. Ср.:

«Друзья!
Мы помним мало
Вспоившую нас грудь,
Друзья, Мы славим мало
И тех – Кто лег, как шпалы,
Под наш железный путь!».

[12] Кампанелла Томмазо (1568 – 1639) – итальянский философ, поэт, политический деятель, создатель коммунистической утопии. Неоднократно подвергался церковному суду по обвинению в ереси. В 1598 – 1599 гг. возглавил в Калабрии заговор против испанского владычества, был схвачен и приговорен к пожизненному заключению. Сочинение «Город Солнца» представляет собой программу всеобщего социалистического преобразования на основе общности имущества в рамках всемирной теократической монархии. В идеальной коммунистической общности упразднены собственность и семья, дети воспитываются государством, огромное внимание уделяется развитию науки и просвещению, трудовому воспитанию (БСЭ. 1973, Т. 11. С. 283).

Омский областной краеведческий музей: об учете памятников старины и революции в Омской области

[1] Публикуется по изданию: Омский областной краеведческий музей: об учете памятников старины и революции Омской области / сост.: С.П. Русяйкина, А.Ф. Палашенков; ред. П. Куницына. Кормиловка: Тип. изд-ва газ. «Большевист. слово», 1943. 5 с.

В основу брошюры лег текст статьи «О состоянии и охране памятников Омской области», претерпевший изменения за счет сокращения описательной части работы. В соответствии с поставленной авторами брошюры задачей инструктирования населения о выявлении и охране памятников прошлого повествовательный характер подачи материала, присущий тексту рукописи, сменился сжатой лаконичной формой. Основной акцент в статье смещен на вторую часть текста – инструкцию, отсутствующую в рукописном варианте.

Докладная записка о состоянии омских кладбищ в Исполком Омского городского Совета депутатов трудящихся

[1] Текст рукописи хранится в фонде Исторического архива Омской области. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 – 16. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Докладная записка в Исполком Омского городского совета депутатов трудящихся посвящена созданию в Омске своеобразного пантеона, где будут покоиться представители науки, культуры и истории города. Автором была проведена кропотливая работа по выявлению на разных кладбищах мест захоронения людей, чья жизнь и деятельность были тесно связаны с городом. Докладная записка 1948 г. представляет собой план поиска, многие пункты которого позднее были им реализованы (так, например, были выявлены на Казачьем кладбище могилы П.Л. Драверта и Б.С. Вейсброда). К сожалению, идея А.Ф. Палашенкова не нашла поддержки. Захоронения были потеряны вновь – и теперь уже навсегда – в ходе застройки города в 1940 – 1960-х гг. Если прах уже упомянутых П.Л. Драверта и Б.С. Вейсброда был перенесен на Восточное (ныне Старо-Восточное) кладбище, то от могил Г.Е. Катанаева, А.Н. Седельникова, М.М. Сиязова и др. не осталось ничего. Судьба многих захоронений, волновавшая краеведа, до сих пор остается неизвестной. Археологические раскопки и случайные находки в ходе строительных работ остатков захоронений на различных участках города позволяют на современном этапе восстановить картину расположения омских некрополей за все время существования города и продолжить деятельность А.Ф. Палашенкова по выявлению мест упокоения известных людей.

[2] Гоголь Николай Васильевич (1809 – 1852) – русский прозаик, драматург, поэт, критик, публицист украинского происхождения, широко признанный одним из классиков русской литературы. Похоронен на кладбище Даниловского монастыря. В 1931 г. прах перенесен на Новодевичье кладбище (БСЭ. 1972. Т. 7. С. 5 – 6).

[3] Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805 – 1827) – поэт романтического направления, критик, представитель тайного Общества любомудрия, рано ушедший из жизни. Его

прах был перезахоронен в 1930-е гг. на Новодевичьем кладбище с кладбища Симонова монастыря (БСЭ. 1971. Т. 4. С. 494 – 495).

[4] Хомяков Алексей Степанович (1804 – 1860) – русский религиозный философ, поэт, публицист; основатель славянофильства. Особое внимание уделял вопросам русского православия. Сторонник отмены крепостного права путем реформы (БСЭ. 1978. Т. 28. С. 352).

[5] Знаменский Стефан Яковлевич (святой праведный Стефан Омский) (1804 – 1877) – подвижник просвещения, священник, канонизированный русской православной церковью (1984), законоучитель и смотритель ряда учебных заведений, директор Омского попечительства о тюрьмах и участник целого ряда общественных организаций (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 439 – 440).

[6] Яцкин Егор (Георгий) Афанасьевич (1851 – ?) – омский купец, гласный Омской городской думы (1893 – 1897), член Общества любителей садоводства и древонасаждения (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 682 – 683).

[7] Драверт Петр Людовикович (1879 – 1945) – ученый, профессор, исследователь Сибири, поэт. Председатель ЗСОРГО (1922 – 1923), участник экспедиций научного общества, член бюро по изданию Сибирской Советской энциклопедии, член редколлегии «Омского альманаха», член правления Омской организации работников науки, литературы и искусства (1922), сотрудник газет «Сибирские огни», «Искусство», глава Омской метеоритной комиссии (с 1927 г.), член Комитета по метеоритам Академии наук СССР (с 1939 г.). Похоронен на Казачьем кладбище; в 1961 г. прах перенесен на Старо-Восточное кладбище (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 78 – 79; Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 356)

[8] Либеров Николай Дмитриевич (1876 – 1944) – доктор медицины, профессор, преподавал в Томской акушерско-фельдшерской школе, в 1926 г. переведен на должность профессора в ОГМИ, где до 1944 г. заведовал кафедрой пропедевтики внутренних болезней, одновременно был научным руководителем известного сибирского курорта Карачи (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 36).

[9] Гиммельман Владимир Николаевич (1890 – 1946) – ученый, профессор, медик, много лет проработавший в ОГМИ; провел ряд новаторских операций (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 261).

[10] Розанов Василий Евграфович (1883 – 1932) – регент Пророко-Ильинской церкви Омска, как хормейстер обладал прекрасными вокальными данными и хорошо поставленным голосом. Похоронен на Казачьем кладбище (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 321).

[11] Лаптев Иннокентий Павлович (1872 – 1917) – общественный деятель, депутат Государственной Думы I и II созывов, член Государственного Совета. Автор трудов по казахскому языку, податной инспектор в Омской казенной палате, в одной из станиц Сибирского казачьего войска. После роспуска Думы вернулся в Омск, был гласным Омской городской думы (1910 – 1914), состоял действительным членом Омского отдела Московского общества сельского хозяйства, ЗСОИРГО и др. В 1917 г. поддержал Временное правительство, был комиссаром по Степному краю. Скоропостижно скончался в том же году, похоронен на Казачьем кладбище. На могиле стоял памятник из серого мрамора в виде четырехгранной усеченной пирамиды на невысоком мраморном постаменте. На памятнике надпись: «Иннокентий Павлович Лаптев. Член 1-й и 2-й Государственных Дум от Сибирского казачества. Член Государственного Совета по избранию от Сибири. Родился 16 ноября 1872 г. Скончался 24 сентября 1917 г. БЛАЖЕННИ ЧИСТИИ СЕРДЦЕМ ЯКО ТИИ БОГА УЗРЯТ» (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 11; Казачье кладбище // Омский некрополь... С. 74 – 75).

[12] Мочалов Сергей Павлович (1879 – 1943) – ученый-педагог, доктор медицины, профессор. С 1934 г. по 1943 г. работал в ОГМИ, заведующий кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии (Энциклопедия города Омска. Т. 3, кн. 2. С. 141 – 142).

[13] Соколов Николай Федорович (1844 – 1884) – хирург, доктор медицины, действительный член Омского медицинского общества. В 1870 г. в качестве врача прикомандирован к Западно-Сибирскому окружному военно-медицинскому управлению, служил в Омском военном госпитале (до 1874 г.), младший врач Сибирского кадетского корпуса (1874 – 1884).

В течение долгих лет был практически единственным практикующим хирургом в Омске (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 417).

[14] Шпрингер Иван Иванович (? – 1771) – генерал-поручик, командир войск Сибирского корпуса, участник Семилетней войны, назначен командиром войск Сибирского корпуса в 1763 г. В период пребывания на должности командира войск Сибирского корпуса проделал большую работу по укреплению Сибирской оборонительной линии протяженностью 2125 верст. По его инициативе Омск стал административным центром этой линии. В 1768 г. было начато строительство Второй Омской крепости, каменной, в более удобном месте. По инициативе Шпрингера было налажено производство кирпича в Омске, необходимого для строительства нового острога. Похоронен на Иноверческом кладбище. До начала 1920-х гг. имя Шпрингера носили улицы Омска и Атаманской станицы (Иноверческое кладбище // Омский некрополь... С. 30).

[15] Иноверческое кладбище на современной карте города занимает территорию на пересечении улицы Лермонтова и проспекта Карла Маркса. Кладбище просуществовало с XVIII по начало XIX в., после чего было упразднено. Как сообщает исследователь истории омских некрополей И.Е. Бродский, «весной 1939 г. на ул. Лермонтова, на пересечении с пр. Маркса, в канаве потоком талых вод были вымыты человеческие кости (...). В начале 1950-х гг. во время ремонта этой канавы и осенью 1957 г. при рытье котлована для прокладки теплофикационной линии на стыке улиц Рабфаковской и Лермонтова также были обнаружены остатки погребений (...) На плане Омской крепости 1800 г. здесь отмечено Иноверческое (немецкое) кладбище. Оно занимало территорию части нынешних улицы Лермонтова, пр. Маркса, нынешнюю площадь перед музыкальным театром с цветомузыкальным фонтаном (...) На плане Омской крепости 1803 г. показана небольшая оставшаяся часть этого некрополя, а через несколько лет он совершенно был стерт, оставалась лишь забытая, с полуразрушенным памятником могила Шпрингера, основателя крепости на правом берегу Оми. По свидетельству краеведа П. Золотова «развалины памятника» можно было видеть еще в 1827 году» (Бродский И.Е. Указ. соч. С. 16 – 17).

[16] См. подробнее: Словцов И.Я. Историческая хроника Омска // Старый Омск: ил. хроника событий. Омск, 2000. С. 15.

[17] Каландер Иван (1684 – 1718) – поручик артиллерии, строитель Омской крепости, в числе других военнопленных шведов был выслан в Казань, затем в Тобольск. В 1715 г. был включен в экспедицию И.Д. Бухольца, проектировал Ямышевскую крепость, затем Омскую, строительство которой было завершено в 1716 г. О дальнейшей судьбе Каландера ничего не известно. В донесении М. Гагарина в Сенат в 1719 г. сообщается о гибели поручика по пути в Тобольск (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 485).

[18] Лаксман Эрик (Кирилл) Густавович (1737 – 1796) – российский путешественник шведского происхождения, естествоиспытатель, член-корреспондент (1764), академик Императорской Академии наук (1770), коллежский советник (1794). С 1762 г. жил в России, вел ботанические и минералогические исследования. Совершал поездки по Сибири (Томск, Нерчинск, Кяхта, Змеиногорск). С 1782 г. жил в Иркутске. В 1792 г. участвовал в подготовке экспедиции в Японию, которую возглавил его сын А.Э. Лаксман (ИЭС. Т. 2. С. 260).

[19] Стеллер (Штеллер) Георг Вильгельм (1709 – 1746) – путешественник, ученый-натуралист, адъюнкт натуральной истории Петербургской Академии наук (с 1737 г.), участник Второй Камчатской экспедиции В. Беринга (1733 – 1743) (Морской энциклопедический справочник. Т. 2. Л: Судостроение, 1987. С. 267).

Бережно хранить памятники истории

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Бережно хранить памятники истории // Омская правда. 1956. 13 сентября.

Статья посвящена объектам культурного наследия, выявленным А.Ф. Палашенковым на территории города и области в конце 1930 – начале 1950-х гг. Помимо упоминаемых

в других работах памятников периода гражданской войны на территории города, перечисляются мемориальные места Омской области. Фиксация их состояния на момент публикации данной статьи служит дополнением к работе 1967 г. «Памятники и памятные места Омска и Омской области».

[2] В 1966 г. братские могилы на Степной и на Казачьем кладбище были перенесены в сквер Борцов Революции.

[3] Музей В.В. Куйбышева был открыт в доме по адресу ул. Куйбышева, 101 в 1981 г. на правах филиала Омского государственного исторического и литературного музея. В 1991 г. музейное объединение, включавшее головной краеведческий музей, три его городских филиала (музей В.В. Куйбышева, литературный музей им. Ф.М. Достоевского и музей воинской славы омичей) и шесть сельских филиалов в районных центрах, распалось. Музеи перешли на новые формы хозяйственной деятельности. Наряду с государственным бюджетным финансированием музеи получили право на развитие и внедрение разнообразных форм платных услуг, средства от которых стали дополнительной статьей для производственного и социального развития музеев. Были убраны инструктивные ограничения в экспозиционно-выставочной, просветительской, хозяйственной деятельности. Музей В.В. Куйбышева выделился первым. Его экспозиция стала непопулярной у посетителей в изменившихся исторических условиях. Это совпало с необходимостью реставрации здания музея. В конце 1991 г. филиал стал самостоятельным и начал функционировать как выставка-продажа «Сибирские ремесла». В 1994 г. этот музей переквалифицирован в музей народных промыслов и ремесел. Экспозиция не выставлялась. Ныне здание снесено (Назарцева Т.М. Развитие музейного дела в Омской области // Известия ОГИК музея. 1994. № 3. С. 40 – 43).

[4] Открытие Омской стоянки относится к 1918 г. Первооткрывателем является известный краевед, любитель-археолог С.А. Ковлер. С 1923 г. стоянку посещал П.Л. Драверт. Предметы, найденные им в результате раскопок на Омской стоянке хранятся в Омском государственном историко-краеведческом музее. В 1927 г. стоянка была обследована профессиональным археологом Е.Н. Липеровской, выпускницей МГУ, прибывшей в Омск по приглашению сокурсницы по историческому факультету, археолога Омского краеведческого музея В.П. Левашовой. В 1928 г. В.П. Левашова провела шурфовку памятника. Стоянка была расценена как однослойный памятник раннего железного века. В 1940-х гг. объект обследовал В.Н. Чернецов и А.Ф. Палашенков. В 1988 г. в пределах «Стоянки Омской» на левом берегу Иртыша началось строительство профилактория «Восход». При строительстве профилактория было сделано несколько находок, вызвавших новый всплеск интереса к стоянке со стороны историков. Территория «Стоянки Омской» объявлена объектом культурного археологического наследия России. В августе 2008 г. возобновились раскопки под руководством директора Омского Областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля Б.А. Коникова (Коников Б.А. Омская стоянка – выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Известия ОГИК музея. 1996. № 4. С. 107 – 120; Донская Е. Стоянка «Омская» дождалась своего часа // Ваш Ореол. Омск, 2008. 20 авг. № 34. С. 7).

299 лет в Сибирской ссылке (к истории колокола Спасо-Преображенского собора в Угличе)

[1] Публикуется по изданию: 299 лет в Сибирской ссылке: (к истории колокола Спасо-Преображенского собора в Угличе) // Сибирские огни. 1959. № 6. С. 145 – 147.

Материалом для текста статьи послужили результаты обследования Тобольского кремля в 1938 и 1940 гг. В работе приведены данные замеров объекта (колоколенки) и сведения о его состоянии на момент обследования. Тематически статья относится к блоку текстов делопроизводственной документации, посвященных сооружениям Тобольского кремля.

[2] Нагая Мария Федоровна (? – 1608/1612) – царица, последняя, неофициальная жена царя Ивана IV; брак с царем был заключен в 1581 г. в нарушение церковных

правил. Многие современники не считали этот брак законным. Сам царь готов был развестись с Марией ради заключения брака с английской принцессой М. Гастингс, обосновывая этот шаг «худородностью» жены (боярского, а не царского рода). В 1582 г. Мария родила Ивану IV сына. После смерти царя в 1584 г. была сослана в Углич вместе с сыном и двумя своими братьями. Пробыла там до 1591 г. – гибели сына царевича Дмитрия. Марию Нагую и ее братьев обвинили в небрежении к царевичу, приведшей к гибели наследника. Братьев вдовой царицы заточили в темницу, ее саму постригли в монахини. С воцарением Бориса Годунова Марию на короткое время освободили, но потом вернули обратно. После воцарения Лжедмитрия в Москве вдовая царица была приближена ко двору, признала в нем сына, торжественно въехала в Москву в 1605 г., жила в Вознесенском девичьем монастыре. Всем членам ее семьи были возвращены свобода, чины и конфискованное состояние. После убийства Лжедмитрия в 1606 г. Мария Нагая отреклась от него. Умерла в 1608 г., по другим источникам – в 1612 г. (Славянская энциклопедия: Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 1. / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 698).

[3] Шуйский Василий (?) – участник событий Смутного времени. Царствовал с 19 мая 1606 г. по 19 июля 1610 г. Для пресечения новых попыток самозванства была написана грамота, признававшая гибель царевича в Угличе в 1591 г., ссылаясь на свидетельство матери и дядей погибшего. Вдовая царица Мария Нагая в особой грамоте клялась, что из страха была вынуждена признать самозванца за сына. Тело Дмитрия было вывезено в Москву и со всеми почестями перезахоронено, сам царевич причислен к лику святых (ЭСБЕ. 1892. Т. Va. С. 589 – 593).

[4] Годунов Борис Федорович (ок. 1551 – 1605) – царь и великий князь Всея Руси, венчался на царство 1 сентября 1598 г. В 1571 г. женился на дочери известного опричника Малюты Скуратова-Бельского Марье Григорьевне, чем упрочил свое положение при дворе. В 1580 г. Иван IV выбрал сестру Бориса Годунова Ирину в супруги царевичу Федору. После гибели старшего сына Ивана, Федор стал наследником. Годунов стал опекуном при царе Федоре. После смерти царя был избран на царство. Народная молва обвинила в убийстве царевича Дмитрия Бориса Годунова, т. к. гибель младшего сына Ивана IV очистила Годунову дорогу к престолу. Следствие нашло причиной гибели царевича падучую болезнь (эпилепсию), в результате которой ребенок, играя, упал на нож в припадке болезни и погиб (ЭСБЕ. 1891. Т. IV. С. 413 – 418).

Сибиряки – участники войны 1812 года

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Сибиряки – участники войны 1812 года // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1963. Вып. 5 (12). С. 177 – 182.

Данная статья представляет собой краткий справочный материал об участии сибиряков в Отечественной войне 1812 г. В качестве источников А.Ф. Палашенковым привлечены воспоминания современников и обобщающие труды официальных военных историографов А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича.

[2] Ныне могила А.А. Скалона находится в парке «Лопатинский сад» в Смоленске, у Королевского бастиона. Памятник был установлен в 1912 г. в годовщину Отечественной войны 1812 г.

[3] Понятовский Юзеф (1763 – 1813) – польский генерал, маршал Франции, племянник короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского. Не признал разделов Польши, участвовал в польском восстании 1794 г. под командованием Т. Костюшко. За отказ служить в русской армии, получил предписание оставить Польшу, вскоре перешел на сторону Наполеона. Участвовал в русском походе во главе польского корпуса (БСЭ. 1972. Т. 20. С. 355 – 356).

[4] Брюйер Жан-Пьер Жозеф (1772 – 1813) – дивизионный генерал армии Наполеона, отличился в сражениях при Смоленске и Бородино (Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб.: Империя, 1999. С. 562).

[5] Лихачев Петр Гаврилович (1758 – 1813) – генерал-майор, участник Крымской кампании 1783 г., боевых действий на Кавказе (1793 – 1808), герой Смоленского и Бородинского сражений. В 1811 г. назначен командиром 24-й пехотной дивизии. В начале 1812 г. 6-й пехотный корпус, в составе которого была 24-я пехотная дивизия под начальством Лихачева, входил в 1-ю Западную армию. 5 августа 1812 г. дивизия участвовала в обороне Смоленска. В Бородинском сражении она первоначально находилась в резерве, а затем заняла место расстроенных войск 7-го корпуса на «батарее Раевского» и защищала эту центральную позицию русской армии. Захваченный в плен генерал был отправлен во Францию, но в декабре 1812 г. освобожден русскими войсками в Кенигсберге. Похоронен в своей родовой деревне Тягуши (Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812 – 1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М.: студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996, С. 456 – 457).

[6] Ней Мишель (1769 – 1815) – один из самых известных маршалов армии Наполеона, участник Русского похода 1812 г., отличился при Бородино, командовал центром наполеоновской армии, атаковавшем Семеновские флеши (БСЭ. 1974. Т. 17. С. 412).

[7] Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759 – 1816) – военачальник, генерал от инфантерии (1810), участник военных компаний 1800-х гг., Отечественной войны 1812 г., заграничного похода русской армии (1814) (БСЭ. 1972. Т. 8. С. 470).

[8] Ермолов Алексей Петрович (1777 – 1861) – военачальник и государственный деятель, участник военных компаний 1800-х гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии (1813 – 1815). Главнокомандующий на первом этапе Кавказской войны (до 1827 г.) (БСЭ. 1972. Т. 9. С. 96).

[9] Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1789/1790 – 1848) – генерал-лейтенант, военный писатель, историк. С 1845 г. главный редактор и автор многих биографических очерков «Военной галереи Зимнего дворца» (т. 1 – 6, 1845 – 1849). Написал серию работ по истории войн России конца XVIII – начала XIX вв. с Францией, Турцией и Швецией (БСЭ. 1974. Т. 16. С. 348).

[10] Неточная цитата. Ср.: «Самое пылкое воображение не в состоянии представить *сокрушительного действия (здесь и далее – курсив сост.)* происходившей здесь канонады. Гранаты *лопались в воздухе и на земле,* ядра гудели, сыпались со всех сторон, бороздили землю рикошетами, ломали в щепы и дребезги все, *что встречали* в своем полете» (Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году, по высочайшему повелению сочиненное. Ч. 2. СПб.: Военная типография, 1839. С. 260).

[11] Богданович Модест Иванович (1805 – 1882) – генерал-лейтенант, известный военный писатель, автор многих работ по военной истории России XVIII – XIX вв. (БСЭ. 1970. Т. 3. С. 445).

[12] Коленкур Огюст Жан Габриэль де (1777 – 1812) – генерал наполеоновской армии, брат дипломата Армана Огюстена Луи де Коленкура, оставившего знаменитые мемуары о Русском походе. Убит в Бородинском сражении при атаке Большого редута (батареи Раевского) (Соколов О.В. Армия Наполеона… С. 562 – 563).

[13] Селенгинский 41-й пехотный полк был сформирован по указу императора Павла I в 1796 г. из 3-го и 4-го Сибирских полевых батальонов в городе Селенгинск и получил название Селенгинского мушкетерского полка. До этого в русской армии существовал Селенгинский полк, созданный в 1763 г. и расформированный в 1784 г. для комплектования других полков. С 1811 г. полк был переименован в Селенгинский пехотный полк и переведен в европейскую часть России. Впервые полк принял участие в боевых действиях во время Отечественной войны 1812 г. (в сражениях участвовал в составе 5-го корпуса генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова), позднее выступил с другими частями русской армии в иностранные походы. В дальнейшем фигурировал в числе вооруженных сил в большинстве боевых действий, ведшихся Российской империей в XIX – начале XX вв. (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 164; Карлашов Н.А. Краткий очерк истории 41-го пехотного Селенгинского полка. Луцк: [б.и.], 1893. 183 с.).

[14] Батеньков Гавриил Степанович (1793 – 1863) – участник Отечественной войны 1812 г., с 1819 по 1821 г. ближайший помощник М.М. Сперанского по управлению Сибирью, декабрист (член Северного общества в 1825 г.), писатель. За участие в заговоре был при-

говорен к вечной каторге, замененной заключением в Петропавловской крепости (1826 – 1846) и дальнейшей ссылке в Томск. Покинул Сибирь в 1856 г. (БСЭ. 1970. Т. 3. С. 39).

[15] Пестель Иван Борисович (1765 – 1843) – крупный чиновник конца XVIII – начала XIX вв., генерал-губернатор Сибири (1806 – 1821), отец декабриста П.И. Пестеля. За свою деятельность на посту генерал-губернатора подвергся резкой критике М.М. Сперанского, обвинившего Пестеля во взяточничестве и допущении вседозволенности чиновникам на местах (ЭСБЕ. 1899. Т. XXIII. С. 429).

[16] Пушкин А.С. Наполеон.

[17] Лермонтов М.Ю. Последнее новоселье.

По местам Ф.М. Достоевского в Омске

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. По местам Ф.М. Достоевского в Омске. Омск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, Ом. отд-ние, 1965. 45 с.

Издание было приурочено к 250-летию города и знакомило широкого читателя с историческими местами Омска, сохранившимися на карте города со времен Второй Омской крепости. В отличие от традиционной подачи истории города как административного центра Западной Сибири А.Ф. Палашенков рассматривал Омск как место каторги и ссылки.

В Омском остроге в 1850 – 1854 гг. отбывал наказание великий русский писатель Ф.М. Достоевский. Обращаясь к тому или иному эпизоду из каторжной жизни Ф.М. Достоевского, А.Ф. Палашенков дает краткие биографии людей, окружавших писателя в то время, описывает здания, в которых тот бывал. Сооружения Омской крепости вписаны А.Ф. Палашенковым в современную ему карту города. Таким образом, в повествовании подчеркивается неразрывная связь времен, воплощением которой выступают сохранившиеся здания.

Автор использовал личную переписку Ф.М. Достоевского тех лет и отрывки из его произведений. Основным источником, раскрывающим специфику повседневного быта каторжников в Омском остроге, стали «Записки из Мертвого дома», сочетающие в себе художественный текст с документальным воспроизведением событий.

[2] Неточная цитата. Ср.: «Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй, бродяг и разбойников и вообще всего черного, горемычного люда. На целые тома достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо и так хорошо, как, может быть, немногие знают его...» (Письмо М.М. Достоевскому 30 января – 22 февраля 1854 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15, кн. 1. С. 119).

[3] Вероятно, имеется в виду следующая работа: Мартьянов П.К. «В переломе века» (Отрывки из старой записной книжки) // Исторический вестник. 1895. Кн. 11 – 12 или Мартьянов П.К. Из воспоминаний «В переломе века» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1.

[4] Письмо Ф.М. Достоевскому 22 декабря 1849 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15, кн. 1. С. 111.

[5] Муравьева (урожденная Бракман) Жозефина Адамовна (1814 – 1886) – жена декабриста А.М. Муравьева (с 1839 г.), уроженка Эстляндии (Декабристы: биогр. справ. ... С. 116).

[6] Дневник писателя // Достоевский Ф.М. ПСС: В 18 т. Т. 11. Дневник писателя (1873, 1876). С.13.

[7] Миллер О. Материалы для жизнеописания Ф.М. Достоевского // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883. С. 127.

[8] Францева М.Д. Воспоминания // Исторический вестник. 1888. Т. 32. С. 629.

[9] Там же. С. 629.

[10] Тарские ворота были построены в 1792 г.

[11] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома... Ч. 1. Гл. 1. Мертвый дом. С. 394 – 395.

[12] Кордегардии располагались возле Тобольских и Иртышских ворот (Лебедева Н.И. Историко-архитектурный комплекс... С. 55 – 56).

[13] Все выше приведенные цитаты взяты из следующего издания: Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 1. Гл. 1. Мертвый дом. С. 396, 397, 398.

[14] Память о пребывании Ф.М. Достоевского в Омском остроге увековечена в ряде скульптурных изображений и памятных досок. На южном фасаде Тобольских ворот установлена мемориальная доска с текстом: «В Омской крепости с 1850 г. по 1854 г. отбывал каторжные работы великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, осужденный царским судом по делу петрашевцев. Установлена 9 февраля 1956 года в ознаменование 75-летия со дня смерти»; в 1971 г. на фасаде комендантского дома была установлена доска с барельефом писателя и надписью: «В этом доме бывал великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский» (скульптор Д.Ф. Манжос); в сквере возле Омского академического театра драмы (ул. Ленина, 8а) в 2000 г. установлен монумент «Несущий крест» (скульптор А. Капралов); в ноябре 2001 г. в год 180-летия писателя был установлен памятник на территории бывшего острога (металлическая скульптура, изображающая Ф.М. Достоевского в бытность его каторжанином. Скульптор С. Голованцев) (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 78, 116; Достоевский и Омск: диалог через века. Омск, 2011. С. 261, 263).

[15] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 1, гл. 6: Первый месяц. С. 478.

[16] Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Эпилог.

[17] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 1. Гл. 6. Первый месяц. С. 487.

[18] Токаржевский Ш. Каторжники // Токаржевский Ш. Сибирское лихолетье / пер. с пол. М. Кушниковой, сост. и авт. предисл. М. Кушникова, В. Тогулев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 258.

[19] Токаржевский Ш. Указ. соч. С. 259.

[20] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 2, гл. 5: Летняя пора. С. 628.

[21] Неточная цитата. Ср.: «Но чуть ли *еще не тяжелей (курсив сост.)* было, когда на бесконечной белой пелене снега ярко сияло солнце» (Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 1, гл. 7: Новые знакомства. Петров. С. 492).

[22] Здание кирхи было построено в 1790 – 1792 гг. на добровольные пожертвования военных. В 1906 – 1908 гг. с южной стороны крыши возвели готическую башенку, которую разобрали в советское время. В 1920 г. здание кирхи было муниципализировано. В начале 1930-х гг. кирху закрыли. Башенка на крыше здания была утрачена. В 1972 г. здание лютеранской церкви было реконструировано и соединено пристройкой с домом культуры им. Ф.М. Дзержинского. С 1977 г. в нем находится Музей истории Управления внутренних дел администрации Омской области. Решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. памятник принят на региональную охрану, Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20.02.1995 г. – на федеральную (Горелова Ю.Р. Архитектурное наследие Омской крепости…. С. 119; Лебедева Н.И. Архитектурный комплекс Омской крепости… С. 32 – 33).

[23] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 1, гл. 7: Новые знакомства. Петров. С. 493 – 494.

[24] По мнению краеведа М.С. Рабиновича, годом основания омского госпиталя можно считать 1776 г. Свою гипотезу исследователь основывал на упоминании постройки госпиталя на каменном фундаменте в 1776 г. в районе Второй Омской крепости в «Топографическом описании Тобольского наместничества». Вывод краеведа не бесспорен в силу размещения здания госпиталя на более ранних планах крепости. Больница, созданная по инициативе местной власти без высочайшего повеления, была закрыта в 1799 г. по указу цесаревича и вновь открыта для приема пациентов лишь в 1812 г. (Рабинович М.С. Из истории Омского военного госпиталя // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Вып. 3 (10). 1959. С. 37, 41).

[25] По сведениям реставратора И.Л. Коновалова, на углу ул. Гусарова и Больничного пер. до сих пор стоят арестантские палаты. Сейчас этот памятник старины законсервирован, и отсутствуют четкие планы относительно его дальнейшей судьбы. Сохранился также амуничник, служивший каретным двором при почтовой станции. Во времена нахождения Ф.М. Достоевского в Омском остроге помещение использовалось в качестве летних арестантских палат. Здание нуждается в реставрации (Коновалов И.Л. Омская каторга Достоевского // Омская трибуна. 2012. 7 июня. № 22. С. 9).

[26] Неточная цитата. Ср.: «Я редко слышал стоны даже *в продолжение первой ночи по их прибытии, нередко даже от чрезвычайно тяжело (курсив сост.)* избитых; вообще народ умеет переносить боль» (Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 2. Гл. 3. Продолжение. С. 594).

[27] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 2, гл. 3: Продолжение. С. 594.

[28] Все приведенные цитаты взяты из следующего издания: Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 2, гл. 5: Летняя пора. С. 626.

[29] Инженерные мастерские были выстроены в 1843 г. Одноэтажное здание, вытянутое по оси запад – восток. В советские годы в здании размещалось пожарное депо. Ныне здание является частью историко-культурного комплекса «Омская крепость» (Лебедева Н.И. Архитектурный комплекс Омской крепости // Энциклопедия города Омска. Т. 1. С. 37 – 38).

[30] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 2, гл. 10: Выход из каторги. С. 700 – 701.

[31] Там же. С. 700.

[32] Там же. Ч. 2, гл. 6: Каторжные животные. С. 649 – 650.

[33] Там же. Гл. 10: Выход из каторги. С. 701 – 702.

[34] Бориславский Иван Степанович (1793 – ?) – инженер-генерал, начальник инженеров Сибирского отдельного корпуса (1850-е) (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 140).

[35] Иванов Константин Иванович (1823 – 1887) – подпоручик, адъютант штаба генерал-инспектора по инженерной части в Омске, впоследствии генерал-лейтенант, муж О.И. Анненковой. Закончил Главное инженерное училище. После выхода из острога Ф.М. Достоевский и С.Ф. Дуров почти месяц жили в доме Иванова. Когда Иванова в 1854 г. перевели в Петербург, его связь с писателем не оборвалась. Они писали друг другу. Знакомство их продолжалось до самой смерти писателя. А позже Иванов поддерживал отношения с его вдовой А.Г. Достоевской (Наседкин Н. Достоевский: энциклопедия. М.: Алгоритм, 2003. С. 599. (Серия: Русские писатели).

[36] Неточная цитата. Ср.: «Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К.И.И. был мне как *брат родной (здесь и далее – курсив сост.).* Он сделал для меня все, что мог. *Я должен ему деньги. Если он будет в Петербурге, благодари его. Я должен ему рублей 25 серебром.* Но чем заплатить за это радушие, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, внимание и заботливость как о родном брате. И не один он! Брат, на свете очень много благородных людей» (Письмо М.М. Достоевскому 30 января – 22 февраля 1854 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15. С. 118).

[37] Неточная цитата. Ср.: «А я вам объявляю без церемонии, что я в вас *влюбился (курсив сост.)*» (Письмо Ч. Валиханову 14 декабря 1856 г. // Там же. Кн. 1. С. 127).

[38] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 1, гл. 1: Мертвый дом. С. 408.

[39] Там же. Гл. 5: Летняя пора. С. 628.

[40] Пфейлицер-Франк (?) – барон, поручик, помощник смотрителя Омского военного госпиталя в 1853 г. (Шихатов И.П. Немцы в Сибирском казачьем войске // Культура: инф.-метод. бюл. для рос. немцев Ом. обл. 2003. № 4. С. 18).

[41] Письмо М.М. Достоевскому 6 ноября 1854 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15, кн. 1. С. 127.

[42] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 1, гл. 1. Мертвый дом. С. 396.

[43] Там же. Ч. 2, гл. 1. Госпиталь. С. 575 – 577.

[44] Письмо М.М. Достоевскому 30 января – 22 февраля 1854 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15, кн. 1. С. 119.

[45] Письмо А.Н. Майкову 18 января 1856 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15, кн. 1. С. 149.

[46] Достоевская (урожденная Констант, в первом браке Исаева) Мария Дмитриевна (1825 – 1864) – первая жена Ф.М. Достоевского (1857 – 1864). Венчание состоялось в Кузнецке, после чего Достоевские какое-то время жили в Семипалатинске, где снимали дом. Вскоре писатель получил разрешение поселиться в Твери, а затем и в Петербурге. Чахотка, которой несколько лет страдала М.Д. Достоевская, усилилась в сыром климате северной столицы. Попытки поменять обстановку (переезд во Владимир, затем в Москву) ни к чему не привели. М.Д. Достоевская умерла от чахотки в апреле 1864 г. (Наседкин Н.Н. Достоевский… С. 578 – 580).

[47] Письмо А.И. Гейбовичу 23 октября 1859 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15, кн. 1. С. 277.

[48] Письмо В.Д. Констант 31 августа 1857 г. // Там же. С. 212.

[49] Павловский Александр Михайлович (1800 – 1867) – военный инженер, генерал. Из Императорского Военно-сиротского дома поступил прапорщиком в Инженерный корпус (1817); с 1831 г. являлся инспектором классов в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, с 1850 г. – директором Сибирского кадетского корпуса (1849 – 1863); последние годы состоял по Инженерному корпусу (Ежегодник русской Армии на 1869 г. СПб.: Военная типография, 1869. С. 289).

[50] Письмо В.Д. Констант 31 августа 1857 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15, кн. 1. С. 212.

[51] Письмо А.И. Гейбовичу 23 октября 1859 г. // Достоевский Ф.М. ПСС: в 18 т. Т. 15, кн. 1. С. 277.

[52] Неточная цитата. Ср.: «В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди *лесу (здесь и далее – курсив сост.),* мы набрели, наконец, на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб, с надписями, и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел, наконец, господь увидать обетованную землю. Затем вынулась *Ваша* плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой (...), и мы выпили с инвалидом на прощание с Азией, выпил и Николаев, и ямщик...» (Там же).

[53] Письмо М.М. Достоевскому 30 января – 22 февраля 1854 г. // Там же. С. 116.

Черновик письма А.Ф. Палашенкова в редакцию «Литературной газеты»

[1] Текст статьи хранится в фонде Исторического архива Омской области. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 16. Л. 7 – 10. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Заметка в редакцию «Литературной газеты» была написана в 1966 г. на фоне стремительных изменений в облике Омска во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. В качестве наглядного примера апатии общества к своему прошлому А.Ф. Палашенков привел печальную судьбу памятной доски, увековечившей факт пребывания Ф.М. Достоевского в Омской крепости. Столкновение А.Ф. Палашенкова с руководством Омского областного краеведческого музея, нашедшее выражение в публикации открытого письма в редакцию «Литературной газеты», было вызвано кадровыми переменами в музее, повлекшими за собой изменения в научной жизни. Приход на пост директора партийного работника М.И. Агеева обусловил снижение научной активности сотрудников и максимальную идеологизацию всех сохранявшихся направлений деятельности музея. Лишь смена руководителя позволила возродить научную сторону в деятельности учреждения (см.: Климова Н.Ф. Из истории Омского областного краеведческого музея 1950 – 1960-х гг. // Известия ОГИК музея. 2002. № 9. С. 14 – 21).

[2] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома... Ч. 2, гл. 5. Летняя пора. С. 625.

[3] Хелмицкий Николай Аркадьевич (1918 – 1979) – председатель исполкома Омского горсовета (1958 – 1961), позднее – первый секретарь Омского горкома партии, председатель промышленного облисполкома. В 1965 г. вызван в Москву на должность руководителя «Межколхозстроя» России (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 557).

[4] Колущинский Евгений Петрович (1902 – 1973) – крупный советский и партийный деятель. Первый секретарь Омского обкома КПСС (1955 – 1961) (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 555).

[5] Аносов Павел Петрович (1799 – 1851) – русский металлург, первым в России разработал технологию изготовления огнеупорных тиглей – основного оборудования сталеи золотоплавильного производства того времени (БСЭ. 1970. Т. 2. С. 44 – 45).

[6] Обращение с письмом в редакцию центральной «Литературной газеты» было призвано вывести ситуацию с местного на государственный уровень и спасти объекты, оказавшиеся под угрозой. Так, именно постановка на республиканский уровень охраны памятника культовой архитектуры Никольского Казачьего собора в 1974 г. спасла последний от сноса,

запланированного местной администрацией. Однако реакция редакционного совета газеты оказалась неожиданной. В разделе «Письма» в октябрьском номере газеты за 1966 г. вышла заметка «Кто же пренебрег памятью?» (Литературная газета. 1966. 18 окт. № 123. С. 2). Корреспонденты московского издания, ссылаясь на телефонный разговор с действующим директором Омского областного музея, обвинили в описанной А.Ф. Палашенковым ситуации вокруг установки памятной доски Ф.М. Достоевскому самого А.Ф. Палашенкова. Будучи директором музея, он якобы ненадлежащим образом сдал дела своему преемнику, чем поставил его в неудобное положение. К устному отчету действующего директора Омского областного краеведческого музея было прибавлено письменное заявление отдельных сотрудников музея, подтверждавших позицию начальства. Только заступничество людей, знавших подлинную суть происходившего, позволило защитить доброе имя А.Ф. Палашенкова. Письмо в защиту Андрея Федоровича было составлено в редакцию «Литературной газеты» С.Р. Лаптевым, ученым секретарем Омского отдела Географического общества СССР в 1947 – 1960 гг., сотрудником музея в 1940 – 1950-х гг. Мы процитируем отрывок из текста его письма:

«Мне, проработавшему в Омском краеведческом музее в должности зам. директора по научной части с 1945 по 1953 г. и в последние годы в порядке общественной нагрузки занимавшему должность председателя секции содействия отделу природы музея, знавшему т. Агеева более 30 лет и столько же и т. Палашенкова, приходится только удивляться и протестовать против подобного освещения вопроса о мемориальной доске Ф.М. Достоевскому Вашим корреспондентом (…) Об этой доске были осведомлены не только работники музея, служившие в то время, но и общественность, группировавшаяся тогда вокруг музея. Решение о постановке мемориальной доски Ф.М. Достоевскому было согласовано с соответствующими высшими инстанциями, в связи с решением Всемирного Совета Мира о чествовании памяти Ф.М. Достоевскому. Тов. Дианов и Потресов (здесь и далее перечислены фамилии лиц, поставивших свою подпись под письмом в редакцию «Литературной газеты» в защиту М.И. Агеева. Первые две фамилии принадлежат партийным работникам, две следующих – сотрудникам Омского областного музея. – Прим. сост.) работниками музея не являются и считаются только в активе музея в последние годы, при т. Агееве и естественно могли не знать. Что касается т. Иржичко и, в особенности т. Долинина, как сотрудники музея, подчиненные т. Агееву, вряд ли в данном случае могут быть объективными» (ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 16. Л. 6 – 6 об.). Описанная ситуация может служить наглядным примером того, с какими трудностями и непониманием сталкивался краевед на пути сохранения объектов культурного наследия.

Краткая информация о лицах, упоминаемых С.Р. Лаптевым в своем письме.

Палашенков Андрей Федорович – директор музея (1943 – 1957) с высшим образованием (археологический и археографический факультеты Смоленского филиала Московского археологического института), имел 47 лет общего трудового стажа, из которых 34 года составил стаж музейной работы.

Агеев Махмут Ибрагимович – директор музея (1957 – 1969) с неоконченным высшим образованием, член КПСС, без стажа музейной работы (Климова Н.Ф. Из истории Омского областного краеведческого музея 1950 – 1960-х гг. // Известия ОГИК музея. 2002. № 9. С. 14, 17).

Иржичко Людмила Владимировна (1931 – 1980) – научный сотрудник Омского областного краеведческого музея (1954 – 1976) с высшим историческим образованием. Заместитель директора музея (1959 – 1969), директор музея (1969 – 1976). В 1970-е гг. продолжила и развила основные положения музейного дела, заложенные А.Ф. Палашенковым (Климова Н.Ф. Из истории Омского областного краеведческого музея 1950 – 1960-х гг.// Известия ОГИК музея. 2002. № 9. С. 14).

Дианов Александр Николаевич (1887 – 1975) – революционер-социал-демократ, партийный работник. Участник революционных и военных событий 1905, 1917 – 1919 гг. В 1937 г. по сфабрикованному делу арестован и осужден. Реабилитирован в 1955 г. После возвращения в Омск стал членом горсовета и председателем ревизионной комиссии горкома КПСС. Почетный гражданин Омска (1966) (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 75 – 76).

II раздел

Основание Омска и освоение Сибири

Основание Омска

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Основание Омска. Омск: Тип. «Совет. Иртыш», 1944. 13 с.

Проблема основания Омской крепости занимает особое место в наследии краеведа. Обращение к различным аспектам темы прослеживается в статьях и брошюрах автора, опубликованных с 1941 г. по 1960-е гг. (Основание Омска: к 225-летию построения Омской крепости // Молодой большевик. Омск, 1941. 22 апр.; Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск: Зап.-Сиб.книж. изд-во, 1967). Данная брошюра представляет собой первый опыт развернутого изучения истории создания форпоста на Оми, изложенный в форме очерка.

[2] Дежнев Семен Иванович (1605(?) – 1673) – русский мореплаватель-землепроходец, открывший пролив между Америкой и Азией, впоследствии названный Беринговым. Его именем назван мыс, являющийся северо-восточной оконечностью Азии, а также бухта на западном побережье Берингова моря (БСЭ. 1972. Т. 8. С. 24 – 25).

[3] Оглоблин Н. Указ. соч. С. 102.

[4] Цит. по: Кочедамов В.И. Указ. соч. С. 3.

[5] Словцов И. Историческая хроника г. Омска… С. 11.

[6] Потанин Г. Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 196 – 197.

[7] Паллас П.С. Путешествия по разным местам… Ч. 2, кн. 2. С. 112.

[8] Словцов И.Я. Историческая хроника г. Омска… С. 19.

[9] Ул. Бухгольца была переименована в 1923 г., став ул. Профессиональной по решению Омгубревкома № 222 от 05.11.1923 г. В 1966 г. по случаю 250-летия Омска имя Бухольца было присвоено ул. Будочной, расположенной между ул. Декабристов и Учебной (параллельно ул. 10 лет Октября) постановлением Омского горисполкома № 544 от 10.10.1966 г. (Улицы города Омска… С. 32 – 33, 108 – 109).

[10] Согласно гипотезе краеведа И.Ф. Петрова, именно безответственность М.П. Гагарина привела к неудачному концу экспедиции Бухольца: «Речь не о том, надо ли было снаряжать такую экспедицию. Да, конечно, если она обещала выгоду России. Но не так, как это случилось, – не наспех, не сваливая все дела на тобольского обер-коменданта, не имевшего ни средств, ни возможностей обеспечить важное дело на соответствующем уровне» (Петров И.Ф. Страсти по Матвею // Петров И.Ф. Легенды и мифы старого Омска… С. 17).

Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг.

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Планы Омской крепости 1722 и 1755 гг. // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1960. Вып. 3 (10). С. 25 – 30.

Статья посвящена истории Первой Омской крепости, определению ее месторасположения и внутреннего устройства на основании данных планов 1722 г. и 1755 г. Работа включает одну из первых публикаций картографического материала по старой крепости (копии планов с документов архива ЦГВИА (ныне РГВИА). Текст разделен на два раздела: «Новый проект крепости капитана-инженера де Гранжа 1722 г.» и «План Омской крепости 1755 г. прапорщика Я. Уксусникова».

Первый документ исследователь признает одним из нескольких вариантов чертежа, созданного с целью реорганизации устаревшего укрепления. В качестве отправного пункта на плане отмечена имеющаяся крепость, нуждавшаяся в переустройстве. А.Ф. Палашенков отмечает схематичный характер изображения, позволяющий лишь выделить месторасположение основных укреплений. Второй документ предоставляет значительно больше информации. Как отметил исследователь, «план 1755 г. отличается большой насыщенностью показателей строений и сооружений крепости и вне ее и обогащает наше представление об Омске середины XVIII столетия». Однако, если следовать гипотезе краеведа А.Д. Колесникова, изложенной на страницах тех же «Известий Омского отдела Географического общества» за 1965 г. Вып. 7 (14), планы 1722 г. и 1755 г. изображают две разные вариации крепости (до и после проведения временной реконструкции в 1740-е гг.). В этом случае детальное освещение внутреннего расположения форпоста на проекте более позднего периода не может служить источником при обращении к истории Первой Омской крепости. Картографические материалы, ставшие благодаря публикации А.Ф. Палашенкова общедоступными, широко используются современными историками. Данная работа наряду с книгой В.И. Кочедамова «Омск. Как рос и строился город» легла в основу последующих исследований по данному вопросу.

[2] Ул. Мясницкая, известная с 1898 г., в годы советской власти постановлением Омского горисполкома № 304 от 13.05.1958 г. была переименована в ул. Звездова (Улицы города Омска… С. 46 – 47).

[3] По мнению А.Д. Колесникова, проект Уксусникова представляет собой ремонтные работы по поддержанию состояния крепости, построенной на левом берегу Оми, несколько выше по течению реки, в 1740-е гг. Построенные из сырого березового леса сооружения быстро стали ветхими, что и надлежало, согласно рапорту Уксусникова от 18 октября 1755 г., «исправить починкою». Заново были перестроены башни и палисад, был углублен ров. Размеры крепости сокращались, так как многие ее жители к этому времени выехали в освоенные «деревни к хлебопашеству». В ГИАОО хранится опись Омской крепости, содержащая сведения об устройстве промежуточного форпоста, построенного в 1740-е гг. и просуществовавшего до конца 1760-х гг., пережив несколько незначительных подновлений в ходе ремонтных работ (Колесников А.Д. Основание Омской крепости… С. 140 – 141; Огородникова Л.И. Опись Омской крепости // Известия ОГИК музея. 2005. № 11. С. 172 – 178).

[4] Рабфаковская ул. располагалась в районе современной пл. Ленина. Решением Омского горисполкома № 464 от 27.03.1935 г. была переименована из ул. Костельной. Снесена в 1970-е гг. (Улицы города Омска… С. 133).

Первые русские в Сибири

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/20. Л. 1 – 4. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Рукопись представляет собой краткую справку по истории освоения Сибири в XVI – XVII вв. В отличие от работ, посвященных проблемам политической (военной) истории, в данной рукописи внимание уделено социально-экономической составляющей. Автор рассмотрел вопрос присоединения новых земель к Российскому государству и основные принципы управления на местах. Одна из задач исследования –показать мирный процесс включения новой территории в состав государства. Основным источником стали т.н. сибирские летописи и легенды, собранные и изложенные С.У. Ремезовым в трудах по истории Сибири. Работа содержит краткий перечень исследований по истории сибирского края в момент его заселения («Синодик Ермаковым казакам»; «Написание»). Материал не был опубликован при жизни автора.

[2] Ермак (? – 1585) – казачий атаман, завоеватель Сибири. Из летописных источников известно имя деда Ермака – Афанасий Григорьев Аленин из Суздаля. Его дети поселились

на р. Чусовой, где у одного из них, Тимофея, родилось трое сыновей – Гавриил, Фрол и Василий (Ермак). Историками зафиксировано 7 имен Ермака: Ермак, Ермолай, Герман, Ермил, Василий, Тимофей и Еремей. В середине 1570-х гг., нанявшись работником на струги, Василий Аленин ходил по Волге и Каме, исполнял обязанности артельного кашевара, за что и был прозван Ермаком (что означало «артельный котел», на другом наречии – «ручной жерновой камень»). На Волге собрал отряд, во главе которого совершал набеги на купеческие суда. Опасаясь царской расправы, он ушел в верховья Камы, где поступил на службу к купцам Строгановым. В 1580 – 1581 гг. совершил поход вверх по р. Сылве и Чусовой, основав там поселения. В 1581 – 1585 гг. с небольшим отрядом отправился в земли Сибирского царства. В 1582 г. произошла решающая битва дружины Ермака с отрядом хана Кучума у Чувашьего мыса. Позднее с захваченной территории Ермак совершал походы в южные районы Сибири, дошел до устья р. Шиш и вернулся к устью Вагая. В августе 1585 г. погиб в бою с татарским отрядом, утонув в Вагае (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 81 – 82).

[3] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., Л.: Академия наук СССР. 1937. С. 262 – 263.

[4] Сибирские летописи... СПб., 1907. С. 128.

[5] «Синодик Ермаковым казакам» создан в 1621 – 1622 гг. по инициативе архиепископа Киприана для церковного поминания Ермака и его сподвижников. Синодик входил в состав Чина православия, который совершается на первой неделе Великого поста; этот чин допускал поминание местных угодников до их официального утверждения патриархом. Связь со службой определила специфику текста Синодика: нет предисловия (оно было единым для всего чина), текст начинается с даты похода, а стиль отличается риторичностью и выспренностью. Автором Синодика был, скорее всего, сам Киприан, считавшийся знатоком «соборного и келейного чина». Синодик стал одним из самых ранних памятников сибирской историографии. Основная его особенность – краткие исторические справки об обстоятельствах гибели поминаемых лиц, что позволяет представить «сжатый конспект событий похода Ермака» (Д.С. Лихачев). Он послужил одним из источников Есиповской летописи и долго был известен лишь по ее тексту. Синодик существовал в единственном списке – служба в Неделю православия совершалась лишь в центральном соборе. В начале XVIII в. в связи с церковными реформами Чин православия был значительно сокращен, и текст Синодика более не произносился (ИЭС. Т. 3. С. 113).

[6] Есипов Савва (?) – сибирский летописец, дьяк сибирского митрополита, в 1636 г. составил летопись «О взятии Сибирския земли». Это одна из старейших сибирских летописей; она доведена до 1621 г., составлена автором по «писанию прежнему» (вероятно, по труду Тобольского архиепископа Киприана начала XVII в., не дошедшему до нас в своем первоначальном виде); кроме того, летописец рассказывает и то, что видел «своими глазами». Известиями Есипова пользовался уже первый сибирский историк Г.Ф. Миллер (называющий его Саввой Ефимовым), при этом не особенно доверяя его показаниям. Летописью Есипова пользовался Карамзин (ЭСБЕ. 1894. Т. XIA. С. 683 – 684).

[7] Детальный разбор текста Сибирской летописи Абрамовского типа см.: Дворецкая Н.А., Медведев П.А. Новый список Сибирской летописи Абрамовского типа // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986, С. 55 – 81.

[8] Ремезов Семен Ульянович (1660 – 1715) – первый историк и этнограф Сибири. В 1682 – 1684 гг. собирал хлебные запасы у крестьян Бергамакской слободы (ныне Муромцевский район Омской области) и Верхотурья. Много путешествовал по Сибири, издал в 1696 г. первый сибирский атлас «Хорографическая чертежная книга». Царским указом в 1696 г. Ремезову было поручено составление чертежей всей Сибири. В 1701 г. при помощи сыновей выполнил работу над «Чертежной книгой учинися по указу великого государя и великого князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, всей Сибири и городов и земель налично описанием с прилежащими жительствы, в лето от создания света 7203-го, от Рождества Христова 1701-го году, генваря в 1-й день». Ремезову также принадлежит ряд сочинений: «О гранях и межах всей Сибири», «Описание о сибирских народах и граней их земель», иллюстрированная (Ремезовская) летопись, состоящая из «Истории Сибири»

и «Летописи Сибири краткой Кунгурской» (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 227).

Из прошлого старого Московско-сибирского тракта

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Из прошлого старого Московско-Сибирского тракта // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1968. Вып. 9 (16). С. 156 – 177.

Статья посвящена одному из аспектов проблемы каторги и ссылки, не раз затрагивавшейся в других работах А.Ф. Палашенкова. Автор проследил политические идейные течения XIX в., уделив особое внимание фигуре А.Н. Радищева, крупного мыслителя и писателя конца XVIII в., предтечи политических «инакомыслящих» XIX – начала XX столетий. Исследование построено на материалах научных изданий и обследованиях территории участка бывшего Московско-Сибирского тракта в Большеуковском районе современной Омской области. Благодаря деятельности А.Ф. Палашенкова в 1950-х гг. были установлены памятные знаки, посвященные пребыванию А.Н. Радищева в этих местах, был возрожден интерес местного населения к истории края. Деятельность А.Ф. Палашенкова по сохранению участка тракта позволила в дальнейшем открыть музей Старого Московско-Сибирского тракта.

[2] Здесь и далее цитаты из стихотворения сибирского поэта и писателя М.П. Кубышкина (1908 – 1983) «Дорога».

[3] Титов А. Сибирь в XVII в.: сб. старин. рус. ст. о Сибири и прилегающих к ней землях. М.: Издание Г.В. Юдина, 1890. С. 14 – 16; см. также: Матвеев А.В. Сухопутные маршруты передвижения населения Среднего Прииртышья XVII – первой трети XVIII в. // Известия ОГИК музея. 2004. № 10. С. 163 – 164.

[4] Титов А. Указ. соч. С. 37.

[5] Упоминание тракта – Московского, Сибирского или какой-либо его части – сохранилось в названиях ряда топонимов городов, лежавших на этом пути (Казань, Кунгур, Тюмень, Екатеринбург, Томск). В Омской области сохранилось несколько участков Сибирского тракта (Секменево, Новологиново, Зудилово, Орлово, Радищево, Кушайлы, участок Большие Уки – Становка и др.). В 1955 г. А.Ф. Палашенков обратился с просьбой в Исполком Омского областного Совета депутатов трудящихся признать участок старого Московско-Сибирского тракта историческим памятником на том основании, что по нему в Сибирь проследовали представители всех поколений русских революционеров. Разрешение вопроса затянулось на два года. Решением облисполкома 1957 г. участок тракта восточнее с. Копьево протяженностью 15 км был объявлен историческим заповедником. На этом участке тракт сохранил свой профиль – полотно, канавы и боковые насыпи, в ряде мест остался настил из толстых лиственных бревен. В 1980 г. другой сохранившийся участок тракта длиной 25 км (бывшая деревня Аевский волок – село Форпост) решением Омского облисполкома № 239/10 от 26.06.1980 г. был принят на региональную охрану. После деревни Аевский волок (Избушки) тракт идет по ровному месту, почти не используется из-за сильной заболоченности местности. Редко по сторонам можно встретить земляные валы и канавы, сохранившиеся со времен постройки тракта. Во многих местах к ним вплотную подходит пашня, канавы и валы запаханы. Тракт извивается, что диктуется поворотами р. Большой Аев. От бывшей деревни Верх-Аевка до села Форпост тракт сужается до 8 – 6 м, канавы распаханы. От села Форпост до села Становки полотно расширяется до 10 – 12 м и используется по первоначальному назначению. До села Большие Уки, дальше по тракту, дорога заброшена в связи со строительством новой автотрассы и постепенно зарастает травой. На большинстве участков в последние годы сухопутная дорога заново перестроена, спрямлены изгибы, расширена проезжая часть, построены капитальные мосты. Отдельные фрагменты старой дороги сохранились на территории Знаменского района; между деревнями Секменево и Новологиново Большереченского района, у села Артын Муромцевского, деревни Радищево Нижне-Омского районов. Западнее села Знаменского

на одном из участков установлен памятный знак, еще один знак установлен на севере Большереченского района, но в 1988 г. он был утрачен. Перечисленные участки получили статус памятников истории регионального значения. В с. Большие Уки функционирует «Музей истории Московско-Сибирского тракта Большеуковского муниципального района Омской области», основанный в 1991 г. по решению Большеуковского райисполкома № 23 от 12.02.1991 г. Первоначально музей располагался в помещении одноэтажного здания бывшего районного народного суда, однако со временем потребовалось увеличение территории. В 2004 г. музей Московско-Сибирского тракта получил новое помещение. В 2006 г. ему был придан новый статус и дано название «межпоселенческое учреждение культуры Музей истории Московско-Сибирского тракта Большеуковского муниципального района Омской области» (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 147 – 149; Зензин Е.П. Старый московско-сибирский тракт на территории Омской области // Памятники истории и культуры… 1996. С. 83 – 84).

[6] Каменный столб сохранялся до 1930-х гг., пока не был разобран местными жителями. Какое-то время сохранялся фундамент, но очень быстро тракт и остатки столба заросли наступавшим лесом. Весной 2003 г. Гилев Виктор Сергеевич и Поротников Леонид Тимофеевич на остатки фундамента столба установили памятный знак. В 2006 г. инициативная группа в составе О.Н. Онищенко, Л.Т. Поротникова, В.В. Сидорова организовала работы по восстановлению разрушенного столба, реконструировав его первоначальный вид по материалам архивов (Тепышева Т.Н. Из России в Сибирь // Сибирская православная газета. 2005. Вып. 1).

[7] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома… Ч. 1, гл. 4: Первые впечатления; Гл. 7: Новые знакомства. Петров. С. 495.

[8] Алябьев Александр Васильевич (1746 – 1822) – действительный тайный советник, президент Берг-коллегии, губернатор, сенатор (с 1796 г.). С 1787 по 1796 г. служил губернатором Тобольской губернии. С его именем связано открытие в Тобольске типографии, начавшей издательство сибирских журналов, а также учреждение в 1794 г. первого в Сибири театра. В 1803 – 1818 гг. проводил сенатские ревизии в Олонецкой губернии, Москве, Костроме. Последние годы служил Главным директором Межевой канцелярии (БРЭ. 2005. Т. 1. С. 582).

[9] Ржевская (урожденная Алябьева) Глафира Ивановна (1759 – 1826) – воспитанница Смольного монастыря (института), близкая подруга Е.В. Рубановской, оставила воспоминания (Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской). См.: Ржевская Г.И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив, 1871. Кн. 1, вып. 1. С. 14.

[10] В с. Фирстово на ул. Калинина А.Н. Радищеву был установлен памятник. Старый деревянный памятник в 1980-е гг. был заменен на новый – на фоне глыбы установлена поясная фигура писателя, имеется мемориальная доска с надписью «Писатель-революционер Радищев Александр Николаевич 1749 – 1802 гг.». В память о нем установлена мемориальная доска в с. Становка (Информация предоставлена заведующим историко-культурным музеем-заповедником «Московско-Сибирский тракт» Е.П. Зензиным).

[11] На р. Артынке давался ночлег каторжанам, двигавшимся по Московско-Сибирскому тракту, т. е. она выполняла функции полуэтапа. Дом в с. Артыне (Омская область), в котором останавливался А.Н. Радищев, стоит до сих пор и является местной достопримечательностью (Гоношилов В. Два века за спиной // Омская правда. 2009. 25 ноября. С. 8).

[12] Радищев А.Н. Дневник. Записки путешествия в Сибирь // Радищев А.Н. ПСС: в 3 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. С. 261.

[13] Там же. С. 279.

[14] Там же. С. 280.

[15] Неточная цитата. Ср.: «Летом в ней (слобода Такмыкская – прим. сост.) перевоз стоит на возвышенном берегу Иртыша и на углу взвоза церковь. Половина слободы внизу. Вид *от (здесь и далее – курсив сост.)* оной прекраснейший.» См.: Радищев А.Н. Дневник. Записки путешествия из Сибири… С. 280.

[16] Борн И.М. На смерть Радищева (к О. Л. И. (Обществу любителей изящного – *прим. сост.)* // Свиток муз: альманах. СПб., 1802. Кн. 2. С. 136.

[17] Неточная цитата, возможно разное прочтение рукописи. Ср.: «Пробыв в Таре доле, нежели бы желание наше было, мы выехали 27 числа в половине дня. До села Будакова 30 вер. Дорога идет по возвышенному древнему берегу Иртыша, правый оного берег ведет за собою сосновый лес, левый – низкий березник и вдаль *болота*. *Таковая (здесь и далее – курсив сост.)* же дорога продолжается до Знаменского погоста или Чередова 20 вер., лежащего на озере Изюке, которое *ни что есть*, как залив из Иртыша. В сем озере, а паче в другом, в десять верст *от* Тары, ловят много рыбы даже и зимою, весьма вкусной. Едучи от Чередова, *дорога почтовая* идет влево на Аев реку, а другая ближайшая, по которой бывает проезд обозам, идет вдоль Иртыша большею частию чрез татарские селения. Сделаны для летней дороги просеки, *но* зарастают, и *мосты* сносит водою. Для того по ней не ездят летом.

Аевская слобода, где живет много богатых раскольников, в 18 *верстах* от Чередова, стоит на Аеве. *Тут* ныне почты нет, а переменяют лошадей в Завьяловой, в 26 вер. от Чередова. Тут живут посельщики. По Аеву селений довольно. И Челунина, от Чередова в 25 вер., *также* на Аеве. Тут за обедом крестьянин рассказывал, как ловили они разбойников, у которых атаман, ушедший из острога Иркутского, и подговорил партию в заводе винном близ Тары. [...] Нынешний исправник был на оном смотрителем. NB. Крестьяне за него внесли хлеба *недостающаго* 20 тысяч; отчего *недоставало*, знает *Варлашов*. От *Челуниной* до Фирстовой на Аеве 21 вер., до Рыбинской на Аеве 21 (...) Вся дорога идет березниками, и место плоское. Здесь начинается Зудиловский волок, место весьма болотистое» (Радищев А.Н. Дневник. Записки путешествия из Сибири... С. 281 – 282.)

[18] Неточная цитата. Ср.: «О! колико первое мое в Тобольске пребывание *было приятнее» (курсив сост.)*. См.: Радищев А.Н. Дневник. Записки путешествия из Сибири... С. 281 – 283.

[19] Муравьев Артамон Захарович (1793 – 1846) – декабрист, командир Ахтырского гусарского полка, участник Отечественной войны 1812 г. Член Союза спасения (1817), Союза благоденствия (1819) и Южного общества. Арестован, содержался в Петропавловской крепости и приговорен в 1826 г. к каторжным работам «навечно». На каторге находился в Благодатном руднике (1826), Читинском остроге (1827 – 1830), Петровском заводе (1830 – 1839). По отбытии срока каторги (1839) был обращен на поселение в с. Елань Бадайской волости Иркутской губернии. Скончался в с. Малая Разводная под Иркутском, был похоронен в церковной ограде с. Большая Разводная. В 1952 г. прах перенесен на Лисихинское кладбище в Иркутске (Декабристы: биогр. справ. ... С. 118 – 119).

[20] Якубович Александр Иванович (1792 – 1845) – декабрист, капитан Нижегородского драгунского полка, литератор. Участник заграничных походов 1813 – 1814 гг., боевых действий на Кавказе (1820 – 1824). Членом тайных обществ декабристов, вероятно, не был. Участник восстания на Сенатской площади. За участие в заговоре и умысел цареубийства (согласно плану декабристов в день восстания А.И. Якубович, командуя Измайловским полком, должен был захватить Зимний дворец и арестовать императорскую семью, от чего в последний момент отказался) был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Позднее срок каторжных работ был сокращен до двадцати (1826), затем – до пятнадцати лет (1832). Был отправлен в Благодатный рудник, позднее на Петровский завод (1830). В 1839 г. вышел на поселение в д. Большая Разводная Жилкинской волости Иркутской губернии. Скончался в Енисейске в 1845 г. (Алфавит Боровкова // Декабристы: биогр. справ. ... С. 209, 344).

[21] Давыдов Василий Львович (1793 – 1855) – декабрист, поэт, участник Отечественной войны 1812 г. Член Союза благоденствия (с 1820 г.) и Южного общества. Арестован и приговорен к вечной каторге в рудниках Восточной Сибири: в Читинском остроге (1827 – 1830), в Петровском заводе (1830 – 1839). Срок наказания был сокращен, в 1839 г. был отправлен на поселение в Красноярск. Скончался в Красноярске (Декабристы: биогр. справ. ... С. 61 – 62).

[22] Оболенский 1-й Евгений Петрович (1796 – 1865) – декабрист, активный участник восстания 14 декабря 1825 г., член Союза благоденствия и Северного общества, участник

восстания на Сенатской площади. Арестован и приговорен к вечным каторжным работам в Сибири. Отправлен в Восточную Сибирь на рудники: в Читинский острог (1827 – 1830), на Петровский завод (1830 – 1839). Со временем срок сократили, в 1839 г. отправлен на поселение в с. Итанцу Верхнеудинского округа Иркутской губернии, позднее перебрался в Ялуторовск (1842). В 1856 г. по амнистии был восстановлен в правах и покинул Сибирь (Декабристы: биогр. справ. ... С. 130 – 131).

23 Трубецкой Сергей Петрович (1790 – 1860) – полковник лейб-гвардии Преображенского полка, участник Отечественной войны 1812 г., декабрист. Один из организаторов и участник Союзов спасения, благоденствия и Северного общества, один из авторов «Манифеста к русскому народу». В ходе подготовки восстания 14 декабря 1825 г. был избран диктатором. В восстании участия не принял. Арестован и приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой в Восточной Сибири: Читинском остроге (1827 – 1830), а позднее на Петровском заводе (1830). Срок наказания сократился в результате ряда амнистий. В 1839 г. по отбытии каторги поселился в селе Оек (Иркутская губерния). По манифесту об амнистии 26 августа 1856 г. восстановлен в правах дворянства, выехал в европейскую часть России (Декабристы: биогр. справ. ... С. 178 – 179).

24 Волконский Сергей Григорьевич (1788 – 1865) – герой Отечественной войны 1812 г., декабрист. Член «Союза благоденствия» (1819), Южного общества (с 1823 г.), был активным участником движения декабристов. В 1826 г. арестован по делу о восстании Черниговского пехотного полка, привезен в Санкт-Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторжных работ в Сибири. Каторгу отбывал на Благодатском руднике (1826), в Читинском остроге (1827), на Петровском Заводе (1830 – 1835). В результате амнистии был переведен на поселение в с. Урик Иркутской губернии. С 1845 г. проживал с семьей в Иркутске. После амнистии 1856 г. ему и его детям возвращено дворянство, разрешено покинуть место поселения и выехать в европейскую часть России (Декабристы: биогр. справ. ... С. 42 – 43).

25 Борисов 1-й Андрей Иванович (1798 – 1854) – декабрист, один из основателей Общества соединенных славян. Арестован в 1826 г., посажен в Петропавловскую крепость и приговорен к вечной каторге в рудниках Восточной Сибири: в Благодатском руднике (1826), в Читинском остроге (1827), на Петровском Заводе (1830 – 1839). В ходе ряда амнистий срок отбывания наказания был сокращен до тринадцати лет. В 1839 г. был вместе с братом П.И. Борисовым отправлен в ссылку в с. Подлопатки Верхнеудинского округа Иркутской губернии, оттуда в д. Малая Разводная. Страдал психической болезнью. После смерти брата покончил с собой (Декабристы: биогр. справ. ... С. 28).

26 Борисов 2-й Петр Иванович (1800 – 1854) – декабрист, художник. Вместе с братом А.И. Борисовым и Ю.К. Люблинским основал Общество соединенных славян. Арестован и посажен в Петропавловскую крепость в 1826 г., приговорен к двадцати годам каторжных работ на Петровском заводе и на рудниках. Его дальнейшая судьба полностью совпадает с судьбой брата. В 1854 г. скоропостижно скончался в д. Малая Разводная (Декабристы: биогр. справ. ... С. 28 – 29).

27 Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788 – 1850) – российский государственный деятель, историк. В 1825 – 1828 гг. служил Тобольским губернатором, много сделал для края, заботился об улучшении быта ссыльных и местных инородцев. В результате ревизии из Петербурга был смещен с должности и какое-то время находился под судом. По поводу несправедливого преследования составил заметку «Шемякин суд в XIX столетии» (Ремнев А.В. Дело Д.Н. Бантыш-Каменского // Известия ОГИК музея. 1993. № 2. С. 54 – 60).

28 Розен Андрей Евгеньевич (1799 – 1884) – участник восстания на Сенатской площади. Не состоял в числе членов тайных обществ. Был арестован, посажен в Петропавловскую крепость и приговорен к десяти годам каторжных работ, сокращенным до шести в Петровском заводе. В 1832 г. по окончании срока каторжных работ отбыл на поселение в г. Курган Тобольской губернии. По высочайшему повелению, объявленному военным министром от 21 июня 1837 г., определен рядовым в Кавказский корпус (Декабристы: биогр. справ. ... С. 157 – 158).

[29] См. подробнее: Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1984. 480 с.

[30] Басаргин Николай Васильевич (1800 – 1861) – военнослужащий, декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Был приговорен к двадцати годам каторжных работ в Читинском остроге, затем на Петровском заводе, со временем срок отбывания наказания был сокращен до десяти лет. В 1835 г. по амнистии был освобожден, проживал в Кургане, Омске, Ялуторовске. В Омске служил в штате канцелярии Пограничного управления сибирских киргизов в здании Главного управления Западной Сибири. Оставил автобиографические «Записки» (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 90 – 91).

[31] См. подробнее: Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 541 с.

[32] Ныне здание по адресу: ул. Тверская, 14, известное как дом Е.И. Козицкой или дом Г.Г. Елисеева. Здание XVIII века, построенное по проекту М.Ф. Казакова, для статс-секретаря Екатерины II Г.В. Козицкого и его жены Е.И. Козицкой, ставшей к моменту возведения дворца вдовой. Впоследствии в качестве приданного дочери Козицких Анны дом перешел русскому дипломату А.М. Белосельскому-Белозерскому, имевшему от первого брака двух дочерей Марию и Зинаиду, вышедшую замуж за Н.Г. Волконского, родного брата декабриста С.Г. Волконского и зятя М.Н. Волконской. Княгиня Волконская устраивала у себя в доме литературно-музыкальные вечера, которые посещали многие известные люди того времени (А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, А.А. Алябьев и др.). Позднее в здании располагался знаменитый Елисеевский магазин (Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Изд-во «Правда», 1979. С. 225 – 237).

[33] Муравьев Никита Михайлович (1795 – 1843) – декабрист, участник заграничных походов 1813 – 1814 гг. Один из главных идеологов движения декабристов, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, член Верховной думы Северного общества, автор проекта конституции. Выступал за установление республиканской формы правления путем вооруженного восстания. Не участвовал в выступлении 14 декабря 1825 г., был арестован и приговорен к двадцати годам каторжных работ в Сибири (с 1826). Отбывал наказание в Читинском остроге (1827 – 1830) и на Петровском заводе (1830 – 1835). В 1832 г. срок наказания был сокращен до десяти лет. По окончании срока каторги Н.М. Муравьев отбыл на поселение в с. Урик Иркутского округа, где и скончался в 1843 г. (Алфавит Боровкова // Декабристы: биогр. справ. … С. 120, 289).

[34] Одоевский А.И. Струн вещих пламенные звуки…

[35] Газета «Искра» – первая общероссийская политическая марксистская нелегальная газета, основанная в 1900 г. по ленинской идее, газета призвана была сплотить разрозненное революционное движение в России на основах марксизма. По плану, выработанному Лениным в ссылке (с. Шушенское) в 1899 – 1900 гг., газета должна была помочь преодолеть идейный разброд и организационную раздробленность в деятельности российской социал-демократии. Редакция «Искры» работала в Мюнхене, с 1902 г. – в Лондоне, с 1903 г. переехала в Женеву. Ее членами были В.И. Ленин, Г.В. Плеханов, Л. Мартов, П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, А.Л. Парвус и А.Н. Потресов. В 1903 – 1905 гг. газета стала печатным органом меньшевиков (БСЭ. 1972. Т. 10. С. 462).

[36] Нарышкина (урожденная Коновницына) Елизавета Петровна (1802 – 1867) – жена декабриста М.М. Нарышкина, последовавшая за ним в Сибирь. С мая 1827 по 1830 г. находилась с мужем в Читинском остроге. В 1830 г. переехала вместе с мужем на Петровский завод, в 1833 г. прибыла в г. Курган Курганского уезда Тобольской губернии. В 1837 г. Нарышкины покинули место ссылки и выехали в европейскую часть России (Декабристы: биогр. справ. … С. 125 – 126).

[37] Янтальцева (урожденная Лисовская) Александра Васильевна (1790 – 1858) – жена декабриста А.В. Янтальцева (Ентальцева). В 1827 г. последовала за ним в Читинский острог, где пробыла несколько месяцев до окончания срока каторжных работ мужа. После смерти мужа в Ялуторовске ожидала разрешение выехать на родину, полученное только после амнистии (1856) (Декабристы: биогр. справ. … С. 66).

[38] Анненкова Прасковья Егоровна (урожденная Гебль Полина) (1800 – 1876) – жена декабриста Ивана Александровича Анненкова, по происхождению француженка. В 1827 г. последовала за И.А. Анненковым в Сибирь, они обвенчались в 1828 г. в Чите. Разрешение покинуть ссылку Анненковы получили в 1856 г. От П.Е. Анненковой Ф.М. Достоевский получил адрес ее дочери Ольги Ивановны, жившей в Омске (Декабристы: биогр. справ. … С. 9).

[39] Давыдова (урожденная Потапова) Александра Ивановна (1802 – 1895) – жена декабриста В.Л. Давыдова. Приехала в Сибирь, оставив в европейской части России шестерых детей, препоручив их заботам родных. Оставалась рядом с мужем на Петровском заводе. В.Л. Давыдов умер в октябре 1855 г. в Сибири, не дождавшись амнистии. А.И. Давыдова покинула поселение, будучи матерью еще семерых детей, рожденных после приезда в Сибирь. По манифесту 26 августа 1856 г. дети восстановлены в правах дворянства, а тем из них, которые при определении в учебные заведения названы по имени отца, возвращена фамилия (Декабристы: биогр. справ. … С. 61 – 62).

[40] Розен (урожденная Малиновская) Анна Васильевна (1897 – 1883) – жена декабриста А.Е. Розена, последовавшая за мужем в Сибирь (1829), прибыла в д. Ононский Бор близ Верхнеудинска во время перехода декабристов на Петровский завод в августе 1830 г. В 1832 г. срок каторжных работ А.Е. Розена истек, семья отправилась на поселение в Курган. В 1837 г. вышло распоряжение об отправке группы декабристов в действующую армию на Кавказ. Семья Розенов покинула Курган и выехала в европейскую часть России. В 1856 г. сыновьям, рожденным в Сибири, были возвращены фамилия и титул их отца (Декабристы: биогр. справ. … С. 158).

[41] Юшневская (урожденная Круликовская, в первом браке Анастасьева) Мария Казимировна (1790 – 1863) – жена декабриста А.П. Юшневского. Разрешение следовать за мужем получила лишь в 1829 г. После находилась с мужем на поселении в д. Кузьминская (близ Иркутска), а с 1841 г. – в д. Малая Разводная. После внезапной смерти мужа (1844) М.К. Юшневской не разрешили вернуться в европейскую часть России. Получила возможность вернуться только в 1855 г. (за ней был установлен полицейский надзор) (Декабристы: биогр. справ. … С. 207).

[42] Ивашева (урожденная Ле Дантю) Камилла Петровна (1808 – 1839) – жена декабриста В.П. Ивашева, по происхождению француженка. В 1831 г. невестой последовала за В.И. Ивашевым в Забайкалье на Петровский завод, где они обвенчались. В 1835 г. В.П. Ивашеву разрешили выйти на поселение в г. Туринск. В декабре 1839 г. К.П. Ивашева умерла. В 1841 г. было получено разрешение на выезд из Сибири, когда семья покинула место поселения. В 1856 г. по манифесту об амнистии детям Василия и Камиллы Ивашевых была возвращена фамилия отца и дворянство (Декабристы: биогр. справ. … С. 73).

[43] Вельяминов Иван Александрович (1771 – 1837) – генерал-губернатор Западной Сибири (1827 – 1834), генерал от инфантерии, участник войн против Наполеона (1805 – 1807, 1812, 1813) и русско-шведской войны (1808 – 1809). В 1834 г. назначен членом военного совета, покинул Сибирь. Деятельность на посту генерал-губернатора Западной Сибири заметного следа в истории края не оставила (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 59 – 60; Энциклопедия города Омска. Т. 3. Кн. 1. С. 198).

[44] Неточная цитата. Ср.: «И вот опять Лицея день священный; Но уж и Пушкина меж *вами (здесь и далее курсив сост.)* нет! Не принесет он новых песней вам, И с них не затрепещут перси ваши, Не выпьет с вами он заздравной чаши» (Кюхельбекер В. 19 октября 1837 г. («Блажен, кто пал»).

[45] Вероятно, имеется в виду Кузьмин-Караваев Аглай Николаевич – видный участник революционного движения в Польше, защитник Ш. Конарского, одного из организаторов объединений «Молодая Польша» и «Содружество польского народа». Активная революционная деятельность Ш. Конарского стала известна властям, после чего он был арестован и посажен в крепость. Группа русских офицеров, среди которых был А.Н. Кузьмин-Караваев, сделала попытку освободить узника. Среди участников заговора оказался предатель, по вине которого все были арестованы и приговорены к смертной казни. Ш. Конарский был

расстрелян. Находясь под арестом, А.Н. Кузьмин-Караваев руководил революционной пропагандой в Вильно, пытался освободить остальных участников объединения Ш. Конарского. Смертный приговор для А.Н. Кузьмина-Караваева через два года тюремного заключения был заменен на вечную каторгу в Сибири (Большаков Л.Н. Все он изведал… Тарас Шевченко: поиски и находки. Киев: Днипро, 1988. С. 118 – 121).

[46] Дюгамель Александр Осипович (1801 – 1880) – генерал-губернатор Западной Сибири в 1861 – 1866 гг. Участник подавления польского восстания 1831 г., генеральный консул в Египте (1833 – 1837), русский посол в Тегеране (1838 – 1841), выполнял дипломатические поручения в Молдавии и Валахии. На посту генерал-губернатора Степного края особое внимание уделял вопросам политико-административного устройства приобретенных казахских земель и перспективам дальнейшего продвижения вглубь Центральной Азии. Оставил ценные воспоминания («Записки»), опубликованные в «Русском архиве» за 1885 г. (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 369).

[47] Неточная цитата. Ср.: «Этот Михайлов, считавшийся за передового человека демократическою партией, которая так многочисленна в России, пользовался большою известностью среди молодежи; *же*нщины *(здесь и далее – курсив сост.)* были от него в восторге и с жадностью бросались на его сочинения, находя их бесподобными. Состоявшийся над ним приговор наделал много шуму, и лишь только он прибыл в Тобольск, некоторая часть общества поспешила оказать ему любезности всякого рода. Его стали посещать в тюрьме, *точно* будто он был мучеником за самое святое дело; некоторые из должностных лиц, злоупотребляя своим официальным положением, дозволяли ему выходить из тюрьмы и оставляли его у себя обедать. Одним словам, ему оказывали такое внимание, на которое он не имел никаких прав; *а* когда он был окончательно отправлен к месту своего назначения, его поклонники до того дошли в забвении приличий, что устроили ему на большой дороге овацию, и, прощаясь с ним, пили за его здоровье…» (Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. М., 1885. № 7. С. 420).

[48] Виноградский Александр Васильевич – гражданский губернатор Тобольской губернии в 1859 – 1862 гг., (между пребыванием на этом посту А.В. Арцимовича (1854 – 1858) и А.И. Деспота-Зеновича (1862 – 1867 гг.). В 1865 г. был предан суду за вольное содержание в тюремном замке поэта М.И. Михайлова. Присужден ввиду увольнения его со службы к строгому выговору (Губернии Российской империи. История и руководители. 1708 – 1917 гг. М.: Объедин. редакция МВД России, 2003. Ч. 2. С. 77).

[49] Автобиография А.О. Дюгамеля… С. 421.

[50] Деспот-Зенович Александр Иванович (1829 – 1895) – тобольский губернатор в 1863 – 1867 гг., талантливый администратор, известный своими ходатайствами за ссыльных, в частности участников польского восстания 1863 г., известный благотворитель, открывший в Тобольске за время своего управления богадельни, детский приют, больницу для бедных и т.д. Был удостоен звания почетного гражданина г. Тобольска. В 1867 г. вошел в МВД, где ему было поручено заведование сибирскими делами. А.И. Деспот-Зенович возглавил министерскую комиссию, по итогам работы которой в 1882 г. было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство (Культурное наследие Сибири: биогр. справ. / сост. В.Ю. Софронов. Екатеринбург; Уральский гос. ун-т, 2008. С. 160 – 162; Ремнев А.В. Тобольский губернатор А.И. Деспот-Зенович // Таре – 400 лет. Омск, 1994. С. 22 – 27).

[51] Ходкевич Дмитрий Матвеевич (1818 – 1887) – главный жандарм Сибири. В сноске А.Ф. Палашенков дает цитату из воспоминаний литератора, общественного деятеля, участника организации «Земля и воля» Л.Ф. Пантелеева: Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.: Гослитиздат., 1958. С. 480 – 481.

[52] Стихотворение сибирского поэта М.М. Скуратова «Московский тракт».

На волнах и берегах Иртыша

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13450/5 (269 рук.). Л. 1 – 29. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Рукопись А.Ф. Палашенкова «На волнах и берегах Иртыша» представляет собой продолжение разработки темы обзорной истории края с древнейших времен до начала XX в. Особое внимание в данном труде уделено периоду конца XVII – начала XVIII вв., времени освоения пространства, завоевания территории, основания первых острогов и возведения опорных точек для последующих укрепленных линий. В качестве источников автором привлечены отрывки из Ремезовской летописи, записи исследователей и путешественников, посетивших наш край в XVIII – XIX столетиях (от Г.Ф. Миллера до Д. Кеннана). Рукопись представляет собой машинописный черновик работы краеведа, прошедший редакторскую правку. В конце жизни А.Ф. Палашенков готовил публикацию этого материала, но завершить ее не успел.

[2] Елецкий Федор Андреевич (? – 1638) – князь, стольник (с 1627 г.), воевода, участник военных действий русских войск под Смоленском во времена Смуты (Славянская энциклопедия XVII век: в 2 т. Т. 1. / сост. В.В. Богуславский. М.: Олма-Пресс, 2004. С. 427 – 429).

[3] Паллас П.С. Путешествие по разным местам… Т. 3, кн. 2. С. 13 – 14.

[4] Неточная цитата. Ср.: «И взя *мало (здесь и далее – курсив сост.) нечто* от сокровищ своих, [и вдашась невозвратному бегству со въсеми людми.] Град же свой Сибирь *остави* пуст» (Приложение 1 к книге Скрынников Р.Г. Ермак…).

[5] Миллер Г.Ф. История Сибири… Т. I. 1937. С. 259 – 260.

[6] Эту же цитату и описание событий взятия городка см.: Лихачев Д.С. Повести о покорении Сибири // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2: Литература 1590 – 1690 гг. С. 92.

[7] Местонахождение городка Кызыл-Тура до сих пор вызывает споры в археологическом сообществе. Так, с 1991 г. ведутся раскопки под руководством омского археолога Е.М. Данченко на месте Красноярского городища. Согласно Ремезовской летописи городок располагался в устье Ишима на высоком Красном Яру и был окружен тремя рядами фортификационных укреплений. К этим данным подходят Новоникольское и Красноярское городища, сохранившие среди артефактов немало татарских предметов быта XVI – XVII вв. (Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Челябинск – Шадринск, 2008. С. 45 – 60).

[8] Так называемый «Царицын плач» включен С.У. Ремезовым в отдельное повествование, вошедшее в состав «Истории Сибирской» под заглавием «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». По мнению Р.Г. Скрынникова, уточнение С.У. Ремезовым характера исполнения татарами этого произведения в форме песни дает возможность предположить самостоятельное фиксирование автором «Истории…» фольклора местного населения. Отсюда следует, что «Летопись Сибирская краткая Кунгурская» «фактически является не копией старинной летописи, а последним редакционным слоем «Истории Сибирской» Ремезова. Этот слой напоминает сложный сплав, объединивший яркие и правдоподобные подробности с поздними недостоверными преданиями и вымыслом» (Кунгурские сказы // Скрынников Р.Г. Ермак… С. 102.).

[9] Название «Ташыткан» или «Ташаткан» в переводе с тюркского означает «камень, который бросили». По преданию, городок возник на том месте, где метеорит упал на землю (Скрынников Р.Г. Ермак… С. 118).

[10] Подробнее о специфике поведения казаков при соприкосновении с обычаями и религиозными представлениями коренных сибирских народов см.: Скрынников Р.Г. Ермак… С. 118.

[11] В XVI в. при впадении реки Шиш в Иртыш располагалось татарское поселение Шиш-Тамакские юрты, просуществовавшее до 1860 г. В середине XIX в. из-за наводнения жители Шиш-Тамака покинули обжитые места. Часть населения расположилась на левом берегу Иртыша вниз по течению реки, создав поселок Тайчи. Остальные поселились вверх

по Иртышу на его правом берегу, выстроив поселок Усть-Тамак (Знаменский район Омской области) (Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Из истории поселка Усть-Шиш // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. 30 – 31 марта 2006: в 3 ч. Ч. 1. Омск, 2006. С. 135 – 139).

[12] Неожиданным почестям, оказанным мертвому врагу татарскими мурзами, предшествовало по легенде чудо: при попытке татар снять с мертвеца доспехи – тело начинало кровоточить. Легенда подробно зафиксирована Г.Ф. Миллером в «Истории Сибири». Историк констатировал условность текста, направленного на создание образа святого защитника веры русской, творившего чудеса как при жизни, так и после смерти (Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1. 1937. С. 263 – 264).

[13] Елецкий Андрей Васильевич (?) – князь, сын боярский, голова, затем дворянин московский и воевода, участник Ливонского похода (1576), основатель и первый воевода города Тары (1594 – 1595). С 1599 г. служил воеводой в Ливнах (Славянская энциклопедия XVII век... Т. 1. С. 427).

[14] Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. 1. 1937. С. 355; см. также: Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. II. М.: Просвещение, 1983. С. 255.

[15] Доможиров Борис (?) – письменный голова, участник похода воеводы А.В. Елецкого против хана Кучума на юго-восток от построенного городка Тары. Зимой 1594 – 1595 гг. во главе смешанного русско-татарского отряда поднялся вверх по Иртышу до Черного городка, захватил его и благополучно вернулся обратно в Тару. Весной 1596 г. отправился с отрядом на лыжах в Барабинский поход, в ходе которого были покорены бассейны рек Тары и Оми, дошел до Барабинской степи, но из-за оттепели повернул обратно (Славянская энциклопедия XVII век... Т. 1. С. 398).

[16] Гроза Иван (? – 1635) – казачий атаман, возглавлявший по одной из версий посольство Ермака к Ивану IV, участник основания Тюмени, Тобольска, Тары, Томска и разгрома в 1609 г. войск Лжедмитрия II. После смерти Ивана Грозы в 1635 г. его должность головы тобольских конных казаков была унаследована его сыном Гавриилом Грозиным (Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История в биографиях и родословных. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1993. С. 42 – 44; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. С. 185).

[17] Черкасский Дмитрий Мамстрюкович (до крещения Каншов-мурза) (? – 1651) – ближний боярин, князь, стольник, воевода московский. В 1620-х гг. ему поручили возглавить Казанский, ведавший всеми восточными землями, и Сибирский приказы (Славянская энциклопедия XVII век... Т. 2. С. 628).

[18] Байков Федор Исаевич (Исакович) (1612 – 1663/1664) – дипломат, государственный деятель, путешественник. В 1654 – 1657 гг. возглавлял первое русское посольство в Китае, имевшее целью установление дипломатических и торговых отношений. Во время поездки вел наблюдения, изложенные в отчете посольства «Статейном списке» (БСЭ, 1970. Т. 2. С. 533).

[19] Перфильев Иван Максимович (ок. 1628 – 1700) – участник забайкальского похода отряда П.В. Бекетова. За успешную службу в Забайкалье и заслуги отца М. Перфильева получил чин сына боярского. Приказчик в Братском (1658), Балаганском (1659), Иркутском (1663 – 1666) острогах. Весной 1668 г. отправился с дипломатической миссией в Монголию к Калке-хану для обеспечения беспрепятственного проезда русских купцов в Китай и сбора сведений о Китае. В 1673 г. – во главе дипломатической миссии к монгольскому правителю Очирой Саин-хану. Приказчик в Селенгинском остроге (1682), в Баргузине (1684), в 1688 г. принял Иркутский острог у воеводы А. Синявина (ИЭС. Т. 2. С. 611).

[20] В 1745 г. по указу губернской канцелярии на левом берегу Иртыша напротив Чернолуцкой слободы был построен форпост Воровской. Когда оборонительная функция форпоста отпала, укрепление получило статус деревни, название сохранилось. В 1853 г. жители деревни, признавшие на общем сходе название деревни неблагозвучным, приняли решение изменить название с «Воровская» на «Любина». По легенде название было выбрано в честь жены Омского генерал-губернатора Ивана Христиановича Гасфорда Любы. Позднее Любина деревня

превратилось в большое село Новолюбино, рядом с которым в 1911 г. в ходе строительства железной дороги Тюмень – Омск была построена железнодорожная станция Любинская (Букреев В.П., Горбачев С.Ф., Фатеев В.А. Любинский Век. Омск: Ом. обл. тип., 2010. С. 11 – 13).

[21] Бухольц (Бухгольц) Иван Дмитриевич (1671 – 1741) – основатель Омска, офицер Преображенского полка (с 1689 г.), участник азовских походов и Северной войны, руководитель похода в «Яркеть» в поисках песочного золота. В октябре 1715 г. основал Ямышевскую крепость; перезимовав, отряд оставил крепость и вернулся назад. Весной 1716 г. в устье Оми заложили крепость. Вскоре Бухольц был вызван в Петербург для ответа о причинах неудачного похода, был оправдан Сенатом. Позднее служил комендантом Нарвы, комендантом Селенгинской крепости (1727) и командиром Якутского полка (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 38).

[22] Коряковский форпост, основанный в 1720 г., вошел в число укреплений Иртышской линии, включавшей Ямышевскую (1715, позднее снесенная и отстроенная вновь в 1716 г.), Омскую (1716), Семипалатинскую (1718), Усть-Каменогорскую (1720) и Железинскую (1717) крепости и 7 промежуточных форпостов (Ачаирский, Черлакский, Осморыжский, Черноречный, Коряковский, Семиярский и Убинский). Позднее с потерей стратегического значения Коряковский форпост получил статус станицы Коряковской (1838), в 1861 г. – статус города и новое название – Павлодар – в честь родившегося младшего сына императора Александра II – Павла (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 239 – 240; Павлодар // Города Петра Великого: справ. кн. / Автор-сост. А.Ф. Векслер. СПб.: Звезда Петербурга, 2001. № 1. С. 132).

[23] Лихарев Иван Михайлович (1676 – 1728) – военный, архангельский губернатор, основатель Усть-Каменогорской крепости (Бородаев В.Б. Архивные документы 1719 – 1720 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости // Роль архивных учреждений в истории Казахстана: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня основания Гос. архива Вост.-Казах. обл. Усть-Каменогорск: Шығыс Ақпарат, 2010. С. 40).

[24] Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... С. 496.

[25] В 1969 г. была осуществлена попытка исследователем Е.А. Княжецкой установить подлинный возраст Усть-Каменогорской крепости на основании раскопок на местности с целью опровержения данных, изложенных Г.Ф. Миллером. Информация, освещенная немецким историком в «Известии о песошном золоте в Бухарии...», долгое время оставалась единственным источником по истории основания Усть-Каменогорской крепости, позволявшим датировать ее 1720 г. Е.А. Княжецкая обратилась к материалам РГАДА, ЦГА ВМФ и выявила обширный пласт документации, касавшейся поездок в Джунгарию 1714 – 1721 гг. в поисках золота. Утраченным оставался лишь путевой журнал Лихарева. Е.А. Княжецкая относила основание крепости на Иртыше к 1719 г. По двум реестрам Географического департамента Академии наук она знала о существовании карты течения реки Иртыш, присланной из Сибири майором Лихаревым в 1719 г. На выявленных ею недатированных картах геодезиста Петра Чичагова, относившихся приблизительно к этому времени, уже была обозначена Усть-Каменогорская крепость. Основание крепости не только переносилось на год ранее, но и приписывалось не Лихареву, а Прокофию Ступину (на основании письма Лихарева к Ф.М. Апраксину). Статья Е.А. Княжецкой, вышедшая в 1970 г. к юбилею Усть-Каменогорска, оказалась крайне дискуссионной. В полемику с ней вступил заведующий архивным отделом Восточно-Казахстанского облисполкома С.Е. Черных. Опираясь на материалы, хранившиеся в фондах, с которыми работала ленинградская исследовательница, он убедительно доказал ошибочность выдвинутой версии. Недавно В.Б. Бородаевым была выявлена копия «ведомости» о плавании Лихарева на озеро Зайсан и Черный Иртыш, снятая с оригинала лета – осени 1720 г. Документ является самым ранним архивным источником, в котором сообщается об основании Лихаревым Усть-Каменогорской крепости. Выявленная копия является составной частью итогового отчета, переданного И.М. Лихаревым в Сенат после возвращения из Сибири (Бородаев В.Б. Архивные документы 1719 – 1720 годов... С. 40 – 58).

[26] Имеется в виду Великая Северная экспедиция, которую осуществил академический отряд во главе с Г.Ф. Миллером в 1733 – 1734.

[27] Миллер Герхардт Фридрих (Федор Иванович) (1705 – 1783) – историк, археограф, действительный член Санкт-Петербургской Академии наук (профессор истории с 1730 г.). В 1733 – 1743 гг. участвовал в Камчатской экспедиции. Объездил главные пункты Западной и Восточной Сибири: Березов, Тобольск, Омск, Усть-Каменогорск, Нерчинск, Якутск и др. Тщательно изучал местные архивы, собрал значительную коллекцию копий документов по русской истории (т.н. портфели Миллера). Среди них Сибирская летопись С.У. Ремезова и др. Значителен труд «История Сибири». В 1748 г., после принятия русского подданства, назначен историографом Академии наук (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 144; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 115 – 116).

[28] Гмелин Иоганн Георг (1709 – 1755) – немецкий натуралист, путешественник, участник 2-й Камчатской экспедиции. По результатам поездки в 1747 – 1759 гг. им были написаны четыре тома «Флоры Сибири», в 1751 – 1752 гг. на немецком языке вышло четырехтомное издание «Путешествие по Сибири» (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 267).

[29] Исленьев Иван Иванович (? – 1784) – геодезист, сотрудник Географического департамента Императорской Академии наук. В 1769 – 1772 гг. проводил астрономические исследования Сибири (до Якутска), занимался сбором сведений по географии и естественной истории, осуществлял инструментально-математическое осуществление координат Барнаула, Змеиногорска, Колывани, Усть-Каменогорска, Семипалатинска, основных рудников и бассейнов р. Алея, Ульбы, Иртыша (Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М. – Л., 1946. С. 91 – 98, 249 – 250, 446).

[30] Неточная цитата. Ср: «и *следственно (здесь и далее – курсив сост.)* в издаваемых впредь сея страны картах в совершенной географической точности находится будет.» (Паллас П.С. Путешествие по разным местам… Ч. 2, кн. 2. С. 120).

[31] Тюкалинский тракт, связавший Тюмень и Тюкалинск, был проложен в 1763. До Омска участок дороги провели в 1825 г. (ИЭС. Т. 3. С. 86).

[32] Паллас П.С. Путешествие по разным местам… Ч. 2, кн. 2. С. 114.

[33] Неточная цитата. Ср.: «Из Омской крепости выехал я 22 Мая. Песчаная по сю сторону Иртыша степь гораздо уже обогатилась травами и цветами. Многочисленный таволожник Spirea crenata был также в цветах и повсюду цвели бараней язык Onosma simplex, Кавыль Stipa pennata, икотная трава Aliflum montanum ([Поспевающая ранее Кановка малютка Aliflum minimum приб. No. 116. здесь также обыкновенна, но совершенно уже почти отцвела.]), благовонная ночная фиялка Hesperis sibirica скорпионная трава Myosotis scorpioides et Lappula, кошечник Verbascum phoeniceum; также запья трава Phlomis tuberosa, которую, когда цветет, на Иртыше варят козаки и мужики вместо чаю, и горный щавель Rumex alpinus начали показывать первые цветы. По причине песчаные земли растет также множество Понтийской и бурой морской полыни Сайгаками любимой, кои и здесь также стадами бродят и из Киргизской степи переплывают чрез Иртыш для своего в Барабинской степи размножения» (Паллас П.С. Путешествие по разным местам… Ч. 2, кн. 2. С. 117 – 118).

[34] Георги Готлиб Иоганн (1729 – 1802) – немецкий натуралист, путешественник, профессор минералогии и академик Академии наук и художеств, участник экспедиции П.С. Палласа (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 254).

[35] Эренберг Кристиан Готфрид (1795 – 1876) – немецкий естествоиспытатель, натуралист-зоолог. Участник экспедиции А. Гумбольдта в 1829 г. Иностранный член-корреспондент (1829) и почетный член (1840) Петербургской Академии наук (БСЭ. 1978. Т. 30. С. 233).

[36] Розе Густав (1798 – 1873) – немецкий минералог и геолог, профессор Берлинского университета, директор Минералогического музея (с 1856). В 1829 Г. Розе сопровождал А. Гумбольдта в его путешествии по Сибири (БСЭ. 1975. Т. 22. С. 175).

[37] Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома… Ч. 2, гл. 5: Летняя пора. С. 628.

[38] Гроссман Л. Достоевский. М.: изд-во «Молодая гвардия», 1963. Глава VIII: В линейном батальоне.

[39] Северцов Николай Алексеевич (1827 – 1885) – зоолог и путешественник. В 1857 – 1879 гг. исследовал центральную часть Тянь-Шаня, пустыню Кызылкум, собрал обширный материал по флоре и фауне Памира. Н.А. Северцов создал первые комплексно-географические характеристики природы Средней Азии. Большой материал был собран по распространению, систематике и образу жизни птиц в России и Туркестанском крае (БСЭ. 1976. Т. 23. С. 157).

[40] Сибиряков Александр Михайлович (1849 – 1893) – золотопромышленник, исследователь Сибири, оказывал финансовую помощь в организации целого ряда экспедиций (в том числе полярной экспедиции шведского мореплавателя А.Э. Норденшельда), участвовал в исследовании водных путей Сибири в 1880-е гг. (БСЭ. 1976. Т. 23. С. 342).

[41] Финш Отто (1839 – 1917) – немецкий исследователь, этнолог, орнитолог, путешественник, участник экспедиции 1876 г. в Западную Сибирь, Туркестан и на северо-запад Китая (Большая энциклопедия: слов. общедоступ. сведений по всем отраслям знаний. Т. 19. / под ред. С.Н. Южакова. СПб.: Типолитография Книгоиздательского Товарищества «Просвещение», 1904. С. 250 – 251).

[42] Кеннан Георг (1845 – 1924) – американский журналист, путешественник, писатель, автор книг о Сибири и сибирской ссылке. Совершил ряд поездок по Российской империи. В 1865 г. Дж. Кеннан от телеграфной компании был отправлен в Восточную Сибирь для выяснения возможностей организации телефонного сообщения между Америкой и Россией через Берингов пролив. Другая поездка по Сибири 1885 – 1886 гг. была посвящена исследованию истории каторги и ссылки в империи. Летом 1885 г. прибыл в Омск, где в течение пятидневного пребывания ознакомился с городом. Главной целью посещения Омска являлся осмотр местной тюрьмы. Осуществить это не удалось. В 1886 г. вернулся в Америку, где в течение последующих четырех лет работал над книгой «Сибирь и ссылка». В 1902 – 1906 гг. работал специальным корреспондентом одной из американских газет на Дальнем Востоке, в период русско-японской войны в качестве военного корреспондента находился в японской армии, осаждавшей Порт-Артур, много писал об этой осаде (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 519).

[43] Ныне деревня Могильно-Старожильск Большереченского района.

[44] Киселева (урожденная Бегичева) Мария Владимировна (1850 – 1921) – жена А.С. Киселева (владельца имения Бабкино, близ Воскресенска, земского начальника и непременного члена Звенигородского уездного по крестьянским делам присутствия), детская писательница, сотрудничала с детскими и взрослыми журналами. Знакомство А.П. Чехова с Киселевыми пришлось на 1885, 1886, 1887 гг.. когда семья Чеховых приезжала на лето в Бабкино (Сказочная энциклопедия / под ред. Н. Будур, И. Токмаковой, Т. Чесноковой. М.: Олмо-Пресс, 2005. С. 198; Чехов А.П. ПСС: в 30 т. Т. 19: Письма 1875 – 1886 гг. С. 249).

[45] Берг Лев Семенович (1876 – 1950) – советский биолог и географ, чьи работы внесли существенный вклад в гидрологию, озероведение, геоморфологию, гляциологию, пустыноведение, почвоведение, этнографию, палеоклиматологию (БСЭ. 1970. Т. 3. С. 205 – 206).

[46] Сапожников Василий Васильевич (1861 – 1924) – известный ученый, исследователь Сибири и Семиречья, министр народного просвещения Временного Сибирского и Временного Всероссийского правительств. По своим политическим взглядам был областником. В 1918 г. входил в состав Временного Сибирского и Временного Всероссийского Правительства, принимал участие в работе Уфимского государственного совещания, был заместителем члена Уфимской Директории П.В. Вологодского. После переворота в ноябре 1918 г. отошел от активной политической работы, продолжил научно-педагогическую деятельность в Томском университете. В сферу научных интересов входили геоботаника и география края, член многочисленных научных обществ, в том числе ЗСОИРГО (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 230 – 231; Энциклопедия города Омска. Т. 3, кн. 2. С. 359 – 360).

[47] Обручев В.А. Мои путешествия по Сибири. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. Гл. XVII. Окрестности г. Томска. Наблюдения по р. Иртышу от Омска до Семипалатинска и в Киргизской степи от Семипалатинска до границы Джунгарии.

III
раздел

Омский краеведческий музей и его коллекции

Описание икон Березовского собора, вывезенных в 1939 г. в Омский областной музей

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК – 13450/31. Л. 1 – 43. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Особое место в числе работ А.Ф. Палашенкова, посвященных описанию предметов исчезающего прошлого, занимает рукопись «Иконы Березовского собора, вывезенные в 1939 г. в Омский областной музей». В ходе научной экспедиции, организованной омским музеем на север области и получившей название по месту прохождения Ляпин-Сосьвинской, был исследован целый комплекс памятников прошлого, не дошедших до нашего времени и сохранившихся лишь в отчетах экспедиции 1939 г. В числе прочих объектов – березовский Воскресенский собор, переживавший запустение в послереволюционные годы. Из собора участниками экспедиции были вывезены в Омск старинные иконы XVI – XIX вв., предметы церковного убранства и облачения священников.

Рукопись представляет собой внутренний музейный документ, своеобразную опись материала, поступившего в фонд музея по итогам экспедиционной поездки.

[2] Икона Архангела Михаила Архистратига является древнейшей иконой коллекции. Согласно записной книге о Березове, она была принесена пришедшими для построения города Березова казаками в 1593 г. и была помещена в Воскресенскую церковь вместе с другой иконой – Святителя Николая Чудотворца. Последнюю А.Ф. Палашенкову в 1939 г. обнаружить не удалось. Последние упоминания этого произведения искусства в составе иконостаса Воскресенского собора относятся к 1859 г. Икона Архангела Михаила Архистратига несколько раз реставрировалась. По мнению художника-реставратора Н.Г. Минько, одно из подновлений, вероятно, было сделано иконописцем Иваном Семвизовым в 1730-х гг. Икона реставрирована в 1994 г. В.А. Бекишевой (Омск)(Бежан Е.М. Березовские иконы в коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия ОГИК музея. 2013. № 18. С. 254; Минько Н.Г. Коллекция березовских икон в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия ОГИК музея. 2011. № 16. С. 186).

[3] Как указывает исследователь Е.М. Бежан, «в иконе нашла отражение одна из самых распространенных техник в средневековом ювелирном искусстве, широко использовавшаяся для изготовления окладов и предметов церковной утвари, – басма, или ручное теснение по серебряной и золотой фольге. На четырех серебряных пластинах, оставшихся от оклада, сохранились строчки из лицевых рукописных книг XVI столетия, выполненные позднейшим уставным письмом. Орнаментация басмы узорами «старопечатного стиля» из рукописных и первопечатных книг, сделанными в технике гравюры полихромной рукописью, получила широкое распространение именно в XV – XVII вв.». Вопрос о происхождении иконы остается открытым. По мнению Н.Г. Велижаниной, схожесть иконы с аналогичной из собрания П.Д. Корина, атрибутированной В.И. Антоновой как поволжская, дает основания предполагать поволжское происхождение березовской иконы, привезенной казаками в Сибирь. По одной из версий, именно в Поволжье была сформирована дружина Ермака (Бежан Е.М. Указ. соч. С. 255).

[4] Икона «Образ Пресвятая Богородицы Живоносный источник» реставрирована в 2000 – 2004 гг. Н.Г. Минько (Омск) (Минько Н.Г. Коллекция березовских икон… С. 189).

[5] Икона «Спас оплечный» выполнена в технике новгородской школы. Лик написан в духе традиционных византийских канонов, цвета приглушенные, отсутствует детально прописанный фон. Эта икона значительно отличается от полотна 1800 г. «Вседержитель». По мнению реставратора Н.Г. Минько, икона «Вседержитель» представляет собой уникальный пример иконописи в барочной стиле, проникнувшем в тобольскую иконописную школу в XVIII в. Проводником новой традиции писания икон выступил архиепископ Филофей (Лещинский), возглавивший в 1702 г. Тобольскую кафедру. С этого времени и до 1767 г. сибирскими архиереями становились исключительно выпускники киевской духовной академии. В иконах этого времени, написанных местными авторами, проявляются южнорусские и украинские влияния. Икона «Вседержитель» представляет собой крупное полотно, выполненное яркими красками. Сохранение до настоящего времени полотен таких размеров – большая редкость. Сочные краски типичны для барочной живописи. Написание лика и рук в объемной живописной манере вступает в противоречие с изображением несколько плоской, непропорциональной фигуры, оформленной в традиционной византийской манере. Лику приданы портретные черты, что несвойственно византийской традиции. Икона реставрирована в 1991 – 1992 гг. А.А. Козьминым (Москва) (Минько Н.Г. Развитие барочных традиций в сибирской иконе (на примере недавно открытых икон «Успение» и «Вседержитель» из собрания ОГИК музея) // Омский краевед. 2003. Вып. 1. С. 62 – 64; Она же. Березовские древности // 26 икон из Березова в Омском историко-краеведческом музее: Музейный гид. Путеводители по музеям России. Коллекции. М., 2013. С. 23; Она же. Коллекция березовских икон… С. 186).

[6] Икона «Рождество Богоматери» реставрирована в 1991 – 1992 гг. А.А. Козьминым (Москва) (Минько Н.Г. Коллекция березовских икон… С. 186).

[7] Икона «Святитель Николай Чудотворец» реставрирована в 2006 г. Н.Г. Минько (Омск) (Там же. С. 189).

[8] Икона «Пророк Моисей перед Купиной» реставрирована в 1990 – 1991 гг. А.А. Козьминым (Москва) (Там же. С. 187).

[9] Икона «Искушение Христа дьяволом» реставрирована в 1990 – 1991 гг. А.А. Козьминым (Москва) (Там же. С. 186).

[10] Икона «Видение Иаковым Божественной Лествицы» реставрирована в 1990 – 1991 гг. А.В. Неретиным (Москва) (Там же. С. 186).

[11] Икона Богоматери Владимирской служит наглядным примером трансформации облика русского и местного этносов. Иконописец, обратившись к самому чтимому в русской традиции образу Богоматери – Богоматери Владимирской, придал этому изображению черты, свойственные представителям сибирского этноса. При сохранении общей иконографической традиции, лик написан с ярко выраженными монголоидными особенностями: миндалевидные глаза, выраженные скулы и т.д. Икона реставрирована в 2006 г. Н.Г. Минько (Омск) (Там же. С. 183, 187).

[12] Икона «Иоанн Богослов в молчании» имеет некоторые черты новгородского направления в иконописи, свойственного сибирским изографам в середине XVII – начале XVIII вв. Отличительными признаками новгородской школы являлись резкий рисунок длинными прямыми чертами, угловатость в передаче лица и фигуры, простота передачи замысла, отсутствие ярких, сочных красок, превалирование приглушенных тонов. Икона реставрирована в 2006 г. Н.Г. Минько (Омск) (Бежан Е.М. Указ. соч. С. 256; Минько Н.Г. Коллекция березовских икон… С. 186).

[13] Икона «Богородица Всех Скорбящих Радость» реставрирована в 1990 – 1991 гг. А.В. Неретиным (Москва) (Минько Н.Г. Коллекция березовских икон… С. 186).

[14] В XVIII в. изографы начали подписывать иконы, указывая имя и год написания, чего в более ранний период практически не встречалось. Появление подписи на иконе свидетельствует об определенной «светскости» мировоззрения мастера. Отказ от канонического восприятия себя как безымянного проводника божественной энергии сказался на усилении эстетического начала в подаче сюжета. Не последнюю роль в формировании этой тенденции сыграло то, что в XVIII – XIX вв. работы выполнялись светскими мастерами – цеховыми

и посадскими. Церковная реформа 1764 г., связанная с секуляризацией церковных земель, способствовала переносу иконописания в ремесленную среду (Бежан Е.М. Указ. соч. С. 259).

[15] Икона «Пророк Илья убивает жрецов идольских» реставрирована в 1990 – 1991 гг. А.В. Неретиным (Москва) (Минько Н.Г. Коллекция березовских икон… С. 186).

[16] Икона «Гибель Содома» реставрирована в 2006 г. Н.Г. Минько (Омск) (Там же. С. 186).

[17] Икона, изображающая страдания Феодора Стратилата, интересна воплощением в технике ее письма эволюции иконописных канонов в XVIII в. Фигура святого выполнена в реалистичной манере, объемно. Задний фон иконы расписан и раскрывает перед зрителем вид западноевропейского города. Икона постепенно превращается из канонического византийского изображения в картину на библейский сюжет, характерную для европейской традиции того времени. В древнерусской традиции пейзаж был второстепенен относительно фигуры святого и изображался максимально схематично. Таким образом подчеркивалась ничтожность мира земного по сравнению с небесным. «Разрушая строгий иконописный канон и внося в пространственную композицию иконы элементы реального пейзажа, – отмечает Е.М. Бежан, – изографы преподносили природный мир как отражение мира небесного». Благодаря реалистичности передачи изображения иконописцем достигалась цель создания у зрителя ощущения сопричастности событиям, отображенным на иконе. Икона реставрирована в 1990 – 1991 гг. А.А. Козьминым (Москва) (Бежан Е.М. Указ. соч. С. 257 – 258).

[18] Икона «Жены-мироносицы» исполнена в барочной традиции. Фигурам придана динамика, достигаемая формой иконы (доска вырезана по силуэту фигур) (Минько Н.Г. Коллекция березовских икон… С. 188).

[19] Икона «Иоанн Богослов» выполнена в европейской традиции. Апостол изображен юношей, а не старцем, что свойственно византийской школе. Икона реставрирована в 1990 – 1991 гг. А.А. Козьминым (Москва) (Там же. С. 188).

[20] Икона «Мученик Феодор Стратилат» реставрирована в 1991 – 1992 гг. Е.Н. Неретиной, руководитель А.А. Козьмин (Москва) (Там же. С. 188).

[21] Икона «Пророк Илья» реставрирована в 1991 – 1992 гг. Е.Н. Неретиной, руководитель А.А. Козьмин (Москва) (Там же. С. 188).

[22] Икона «Священномученик Власий» реставрирована в 1992 – 1994 гг. Е.Н. Неретиной, руководитель А.А. Козьмин (Москва) (Там же. С. 189).

[23] Икона написана в барочной традиции. Наличие внизу полотна картуша с надписью, включающую дату, место создания и мецената, увеличивает ценность иконы. Конец XVIII в., как указывает реставратор иконы Н.Г. Минько, вобрал в себя результаты перемен, произошедших с техникой сибирской живописи на протяжении всего столетия. В сибирское искусство начали широко проникать западные традиции. В качестве примеров включения в традиционный канон изображения библейских сцен католических принципов написания можно назвать изображение души Марии не в виде спеленатого младенца, а в образе стоящей, молящейся девочки; передача композиции не только ввысь на плоскости, но и вглубь, помещение персонажей в трехмерное пространство; написание Иоанна-Богослова нежным безбородым юношей (в традиционной русской манере написания его изображали старцем) и т.д. Икона «Успение Богоматери» реставрирована в 2000 – 2004 гг. Н.Г. Минько (Омск) (Минько Н.Г. Развитие барочных традиций в сибирской иконе… С. 64 – 66; Она же. Коллекция березовских икон… С. 189).

[24] Спасенные А.Ф. Палашенковым иконы, вывезенные из березовского Воскресенского собора, долгие годы не реставрировались и не выставлялись, находясь в хранилище Омского краеведческого музея. Далеко не все из них были поставлены на учет. Вплоть до 1990-х гг. в силу идеологических причин эти уникальные произведения искусства оставались недоступными для широкой аудитории. Лишь в 1990-х гг., в ходе проведенной реставрации, удалось выявить подлинный облик икон и их художественное значение. Ныне интерес к березовским древностям, вывезенным А.Ф. Палашенковым в 1939 г., растет, и они по праву считаются одной из лучших коллекций Омского государственного историко-краеведческого музея. В 2010 г. иконы экспонировались в Тюмени, в 2011 г. эта коллекция стала

победителем конкурса «Первая публикация», проводимого Благотворительным фондом В. Потанина, и была опубликована в юбилейном альманахе конкурса. В 2013 г. уникальные экспонаты (иконы, церковное облачение и утварь) были представлены в рамках выставочного проекта «Березовские древности» в Московском государственном объединенном художественном историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике в Коломенском (Вибе П.П. Роль и место А.Ф. Палашенкова в истории Омского краеведения и сохранения культурного наследия Сибири // Краеведение как феномен провинциальной культуры: всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2011. С. 18).

Описание манскийского храма

[1] Текст рукописи хранится в фонде Исторического архива Омской области. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 176. Л. 1 – 6. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Мансийское капище было доставлено в музей по результатам Ляпин-Сосьвинской экспедиции 1939 г., посвященной изучению края в естественноисторическом, историко-археологическом, хозяйственно-экономическом и культурно-бытовом отношениях за последние двадцать лет. В состав экспедиции входили А.Ф. Палашенков, историк-экономист Д.П. Сальников и геоботаник Н.А. Князев. Экспедиция продвигалась по маршруту: Березов – Саранпауль – Самарово – Остяко-Вогульск и по дополнительному маршруту: Остяко-Вогульск – Нахрачи – Кондо-Сосьвинский заповедник. Особо были обследованы окрестности Саранпауля, где и было обнаружено капище.

Ныне идолы мансийского капища хранятся в Омском государственном историко-краеведческом музее и представляют собой уникальный экспонат по истории традиционных религиозных представлений коренного населения севера Западной Сибири.

[2] Предметы мансийского культа являются не единственными экспонатами ОГИК музея, освещающими специфику культа сибирских народов. Богатейшую коллекцию предметов быта и шаманского культа остяков и зырян собрал И.Н. Шухов в 1911 – 1914 гг. в Березовском уезде Тобольской губернии. По возвращении в Омск И.Н. Шухов передал музею зоологическую, ботаническую, археологическую коллекции и 20 фотоснимков, а предметы его этнографических сборов (одежда, оружие, предметы культа) до сих пор украшают этнографическое собрание ОГИК музея. В феврале 1914 г. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого поручил И.Н. Шухову провести исследование по реке Таз с выходом на Енисей. Экспедиция прошла по маршруту: Санкт-Петербург – Омск – Тобольск – Обдорск – Обско-Тазовская губа – Мангазея – Туруханск – Енисейск – Красноярск – Санкт-Петербург. В результате этой экспедиции была собрана ценная коллекция из 171 предмета (атрибуты Медвежьего праздника, шаманские бубны, предметы быта и декоративно-прикладного искусства казымских остяков, ненцев и других северных народов). Помимо этой коллекции, фонды музея ЗСОИРГО в 1913 г. пополнились предметами шаманского культа народов Алтая, собранными А.В. Анохиным и Н.Я. Никифоровым и переданными в музей через Г.Н. Потанина. В их числе можно назвать костюм шамана, шаманский бубен с колотушкой и др. В 1939 г. в ходе экспедиции Омского краеведческого музея на север Омской области А.В. Лютостанским был передан в фонды музея набор ненецких идолов с устья р. Енисея (Ремизов А.В. Знаток родного края: к 100-летию И.Н. Шухова // Известия ОГИК музея. 1994. № 3. С. 8 – 9; Захарова Н.А., Иванова О.Г. К истории формирования коллекций ОГИК музея // Известия ОГИК музея. 2002. № 9. С. 126; Богомолов В.Б., Васильев В.И. Ненцы // Народы севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск: Издательство ТГУ, 1986. С. 166).

[3] Культовое место, как реконструирует его В.Б. Богомолов, было расположено в лесу у ручья, на поляне, заросшей кустарником и отдельными группами деревьев. Основу культового сооружения составили две толстые, слегка наклоненные лиственницы, стоявшие недалеко друг от друга. К ним на уровне 60 см от земли была привязана тканными полосами длинная толстая жердь. К жерди под небольшим наклоном было прислонено семь идолов. Идолы стояли вплотную друг к другу с наклоном в верхней части вправо. В комплекс сооружения

входило 33 ритуальных полукруглых дощечки разнообразных размеров, посаженных на длинные палки. Лишь один из данных предметов непосредственно соединялся с четвертым слева, наиболее крупным идолом. Через его плечо перекидывалась перевязь из полосы светлой ткани. В пространство между туловищем идола и перевязью вставлялась длинная прямая палка с насаженной на нее крупной полукруглой дощечкой. Остальные дощечки концентрировались слева, в просвете между стволом лиственницы и идолами, и справа, в подобном просвете, а также частично на выдвинутом за стволом дерева конце жерди. Данные предметы были поставлены под углом за жердью так, что их дощечки выступали впереди идолов, частично прикрывая головы крайних фигур (Богомолов В.Б. Манси // Народы севера Сибири... С. 135 – 136).

[4] Мансийская коллекция ОГИК музея состоит из 36 предметов, входящих в единый комплекс культового сооружения, которое характеризует религиозные представления манси (Богомолов В.Б. Манси // Народы севера Сибири... С. 135).

Собирайте материалы о Великой Отечественной войне Советского народа

[1] Публикуется по изданию: Собирайте материалы о Великой Отечественной войне советского народа / сост.: А. Палашенков, С. Русяйкина. Омск: Ом. обл. краевед. музей, 1943. 6 с.

Текст брошюры представляет собой инструкцию по выявлению материалов, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Уже в условиях военного времени сотрудниками музея была начата работа посбору материалов о войне, составивших основу новой коллекции краеведческого музея. Брошюра выпущена одновременно с другим аналогичным изданием «Об учете и охране памятников старины и революции Омской области» в 1943 г. Тексту присущ лаконичный стиль научно-методического пособия, что позволяет рассматривать эту работу как делопроизводственный документ музея, составленный при участии А.Ф. Палашенкова.

[2] 24 июня 1941 г. вышло указание для всех музеев, которое утвердил заместитель начальника управления политпросветработы начальник музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР А. Маневский. В этом документе были даны подробные указания о формах и методах работы музеев в годы Великой Отечественной войны. Рекомендовалось, чтобы «агитационная и пропагандистская работа музеев была насыщена таким содержанием, такими формами работы, которые будут способствовать Победе советского народа. Боевая задача музеев всю свою работу направить на воспитание граждан нашей страны в духе советского патриотизма (...) Исторические отделы музеев должны ярко и красочно показать героическое прошлое народов СССР, величие русского оружия (...) Нужно перестроить всю массовую работу музеев. Организовать тематические экскурсии из героического прошлого нашего народа. Большое внимание коллектив должен уделить собирательной работе современного экспозиционного материала». 9 декабря 1941 г. вышел приказ Наркомпроса РСФСР о необходимости «обращения должного внимания собиранию материалов, относящихся к Великой Отечественной войне. Собирать следует: документы, приказы, объявления, афиши, письма, фотографии, плакаты, художественные произведения, картины, рисунки, скульптуру, трофеи, реликвии и пр. Собранные материалы нужно использовать в экспозиционной работе» (Цит. по: Кильдюшева А.А. Омский государственный историко-краеведческий музей в 1941 – 1945 гг.: страницы истории // Известия ОГИК музея. 2011. № 16. С. 32 – 33, 39).

[3] Пополнение музейных фондов документальными и вещественными экспонатами осуществлялось и путем экспедиций сотрудников по районам Омской области, о чем свидетельствуют приказы о командировках 1943 – 1945 гг. (Кильдюшева А.А. Указ. соч. С. 40).

[4] В рамках выполнения указаний Наркомпроса от 24 июля 1941 г. в Омском краеведческом музее в течение всего военного времени функционировала выставка «Великая Отечественная война советского народа» (с 25 июля 1941 по 7 марта 1945 г.). В состав авторской группы входили Белозеров Г.П., Палашенков А.Ф., Столповская Н.М., Костылев К.И.,

Васильева А., Лутченко Г.С. Выставка пополнялась местным материалом, собранным в ходе поездок сотрудников по области или переданным местным населением в фонды музея. Другой значимой выставкой в этот период стала экспозиция отечественного и трофейного оружия, приуроченная к 26-й годовщине Красной Армии. Выставка была организована Омским домом Красной Армии им. М.В. Фрунзе и Городским Советом ВКП(б) в феврале 1944 г. Выставка пользовалась большой популярностью, ее посетило 100 тысяч человек (Кильдюшева А.А. Указ. соч. С. 33, 40).

В залах музея

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. В залах музея // Омская правда. 1945. 10 июня.

Статья представляет собой заметки об основных направлениях деятельности музея, истории формирования его коллекций в разные периоды его существования. Информация носит справочный характер и знакомит читателей как с достижениями сотрудников, сохранивших и пополнивших музейные запасники в годы советской власти (с момента его переведения из-под контроля ЗСОРГО под руководство Наркомпроса), так и привлекает внимание общественности к проблемам учреждения (нехватка помещений, потеря музейных предметов).

[2] Мичурин Иван Владимирович (1855 – 1935) – биолог и селекционер, автор многих сортов плодово-ягодных культур, доктор биологии, заслуженный деятель науки и техники, почетный член Академии наук СССР (1935), академик ВАСХНИЛ (1935) (БСЭ. 1974. Т. 16. С. 355).

[3] Цицин Николай Васильевич (1898 – 1980) – выдающийся ученый-ботаник, селекционер и генетик, академик ВАСХНИЛ (1938), Академии наук СССР (1939), доктор сельскохозяйственных наук (1936), профессор. Директор Главного ботанического сада Академии наук СССР (1945 – 1980), автор научных разработок по выведению многолетней пшеницы, созданию новых видов и форм растений путем отдаленной гибридизации культурных растений с дикорастущими и т.д. Депутат Верховного Совета СССР трех созывов, почетный доктор и член многих иностранных академий (Энциклопедия города Омска. Т. 3, кн. 2. С. 575 – 576).

[4] Кизюрин Александр Дмитриевич (1879 – 1971) – садовод, доктор сельскохозяйственных наук (1937), профессор (1938), председатель Омского отдела Географического общества СССР (1951 – 1960), вложил много сил в развитие сибирского садоводства. По его методу заложены сады в различных областях Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Якутии. Принимал активное участие в общественной жизни города Омска и области: избирался депутатом Верховного Совета СССР, Омского областного и городского Советов депутатов трудящихся (Энциклопедия города Омска. Т. 3, кн. 1. С. 519 – 520).

[5] Ковлер Сергей Александрович (1882 – 1960) – врач, художник-любитель, меценат, собиратель произведений искусства. В 1918 г. на берегу Иртыша в районе нынешнего Ленинградского моста открыл одну из крупнейших в Сибири стоянок древнего человека, где обнаружил орнаментированную керамику, каменные орудия, изделия из железа и бронзы. Председатель Отдела охраны памятников старины при ЗСОИРГО (1918). Пополнил коллекции музея ЗСОИРГО историческими ценностями. В 1937 г. репрессирован. Собранная им коллекция холодного и огнестрельного оружия была конфискована. Находился в заключении в Омске, в 1939 г. освобожден, полностью реабилитирован. В 1946 г. жил и работал в Риге (Энциклопедия города Омска. Т. 3, кн. 1. С. 540).

[6] Знамя, созданное по Указу Великих князей Иоанна и Петра мастерами Оружейной палаты Кремля для одного из московских стрелецких полков, оказалось в Сибири и до 1809 г. являлось войсковым знаменем сибирских казаков. По мнению специалистов, знамя 1690 г. – исторический и художественный памятник, единственный из подобных, сохранившийся до наших дней в России. С 1958 г. по 1999 г. знамя находилось на реставрации во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря. 19 февраля 1999 г. в Омском краеведческом музее открылась выставка,

на которой экспонировался уникальный экспонат. Она была дополнена экспозиционно-предметным рядом (знаменами, оружием, образцами обмундирования Сибирского казачьего войска), позволяющим рассмотреть знамя в контексте эпохи (Пьянова О.А. Обзор выставочной деятельности ОГИК музея последних лет // Известия ОГИК музея. 2002. № 9. С. 73 – 74).

[7] Требник Петра Могилы, митрополита Киевского (1596 – 1647), составленный им и изданный в 1646 г. с целью очистить церковную обрядность от погрешностей и заблуждений, вкравшихся в малороссийские церкви с Запада и тем самым защитить православную церковь от нареканий противников, осуждавших церковную обрядность в Малороссии за неполноту и неисправность (ЭСБЕ. 1898. Т. XXIII А. С. 484 – 485).

[8] Святитель Иоанн (Иван Максимович) (1651 – 1715) – священник, митрополит Тобольский и всея Сибири. В 1711 г. царским указом назначен митрополитом Тобольским. Назначение на Тобольскую кафедру было почетным, но ввиду отдаленности епархии от центра и суровости климата современники восприняли его как ссылку. Существует предание, что перевод Иоанна в Тобольск стал следствием ссоры архиерея с князем А.Д. Меншиковым (при отъезде в Сибирь Иоанн предсказал ссылку туда Меншикова). Коренное население в большинстве своем было языческим, среди народов ханты и манси велась активная проповедь ислама. Иоанн вел духовное просвещение сибирских народов. Сибирский генерал-губернатор князь М.П. Гагарин оказывал необходимую помощь в организации миссионерских поездок. Последним крупным деянием Иоанна стала отправка в Китай 1-й Пекинской духовной миссии в составе руководителя – эконома Тобольского архиерейского дома архимандрита Илариона (Лежайского) и семи причетников (Иосифа Дьяконова, Никанора Клюсова, Петра Якутова, Григория Смагина, Феодора Колесникова, Андрея Попова, Иосифа Афанасьева), иеродиакона Филимона, иеромонаха Лаврентия. Согласно завещанию, Иоанн был погребен у северной стены Успенско-Софийского собора в алтаре деревянного придела во имя преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских (Православная энциклопедия. Т. 23. М.: Правосл. энцикл, 2010. С. 219 – 230).

Дневник директора Омского областного музея Андрея Федоровича Палашенкова (1946–1947)

[1] Источник хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 9940/5. Л. 1 – 23. Подлинник. Рукопись.

Особенностью данного текста является сочетание черт документа музейного делопроизводства, отражающего текущую работу учреждения в заявленные годы, с документом личного происхождения, каковым является дневник. Рукопись содержит отклик А.Ф. Палашенкова на различные события музейной жизни, фиксировавшиеся им в тексте (от открытия новой выставки и выборов в Верховный Совет до кражи экспоната). Помимо описания профессиональной деятельности, выполняемой им на посту директора музея, автор затрагивает интересующие его сведения краеведческого характера по выявлению объектов культурного наследия. В ежедневных записях А.Ф. Палашенков отмечал процесс работы над статьями, которые он готовил к печати, фиксировал промежуточные итоги своей деятельности по созданию домов-музеев А.С. Сорокина, В.В. Куйбышева, П.С. Комиссарова, по спасению памятников и церкви на территории Казачьего кладбища, подготовленного к сносу, что позволяет существенно дополнить имеющуюся на сегодняшний день информацию о научной деятельности А.Ф. Палашенкова-исследователя.

[2] Оленич-Гнененко Александр Павлович (1893 – 1963) – поэт, участник революционных событий в Омске. Служил в переселенческой организации, в службе путей железной дороги, в городской управе. В предреволюционный период был членом литературного кружка, в который ходили А.Е. Новоселов, Ф.А. Березовский и др. после Февральской революции посещал кружок А.С. Сорокина. Активный участник революционных событий в Омске. В 1917 г. вместе с З.И. Лобковым, К.А. Поповым и др. являлся членом революционного комитета.

В 1918 г. вступил в ВКП(б), принимал действенное участие в создании красногвардейских отрядов в Омске. После Марьяновских боев и падения советской власти остался в Омске. В августе 1918 г. арестован чешской контрразведкой и заключен в концентрационный лагерь, из которого бежал в январе 1919 г. Участвовал в боях с белогвардейцами на Алтае. В Омск вернулся в конце 1919 г. политработником 62-й Стрелковой дивизии 3-й Красной армии. Работал в советской организации ответственным секретарем и заместителем председателя губисполкома, продолжал заниматься литературой. С 1921 г. редактор газеты «Рабочий путь». Ответственный редактор журнала «Искусство» (1921 – 1922). В 1922 г. уехал из Омска. В 1920-х работал редактором сибирских газет в Красноярске и Новосибирске. Участник Великой Отечественной войны (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 161 – 162).

[3] Исследователь истории омских некрополей И.Е. Бродский указывает, что «с 1925 г. Казачье кладбище приходит в запущение […] в 1939 г. Омский горисполком принял решение о его закрытии. 17 января 1941 г. – еще одно решение о закрытии Шепелевского и Казачьего кладбищ. Предусматривался перенос погребений и оборудование нового некрополя. С началом Великой Отечественной войны в 1941 – 1942 гг. Казачье вновь было открыто для захоронения рядовых и офицеров, скончавшихся в госпиталях города. Но никаких памятных знаков, монументов установлено не было. Неоднократно городские власти принимали решение о закрытии кладбища, а в начале 1960-х гг. в печати объявлялось о его ликвидации. В 1960 – 1970-е гг. некрополь уничтожили» (Бродский И.Е. Исчезнувшие захоронения… С. 23).

[4] Харакири, сэппуку (яп. – вспарывание живота) в Японии в эпоху средневековья и нового времени – вид самоубийства путем вспарывания живота. Принятая в среде самураев, эта форма самоубийства совершалась либо по приговору как наказание, либо добровольно (в тех случаях, когда была затронута честь самурая, в знак верности самурая своему сюзерену и т.д.). Нож (короткий меч) для совершения ритуального самоубийства – танто (БСЭ. 1978. Т. 28. С. 193).

[5] Скверу на углу ул. Республики и Лермонтова решением горисполкома от 30.11.1939 г. было присвоено имя Вавилова. Недалеко расположена братская могила времен гражданской войны, окончательно оформленная в 1967 г. (на территории Мемориального сквера «Памяти борцов революции») (Улицы города Омска… С. 141 – 142).

[6] Белов Кондратий Петрович (1900 – 1988) – живописец, график, иллюстратор. Народный художник РСФСР (1977), член Союза художников (с 1939 г.). В 1917 г. работал на строительстве Мурманской железной дороги. В 1919 г. мобилизован в армию А.В. Колчака, через четыре месяца перешел к партизанам. Служил в 48-м Сибирском стрелковом полку 5-й Красной Армии (1920 – 1922). Окончил полковую художественную студию в Иркутске. Учился в Худпроме на полиграфическом отделении. С 1928 г. работал на Омской геокартфабрике. Затем работал главным художником при Доме Красной армии (1932 – 1933), режиссером, актером и художником в клубе мелькомбината им. К.Е. Ворошилова (1932 – 1937), в кооперативном товариществе «Омхудожник» (с 1937 г.), в Омском отделении ХФ РСФСР (до 1960 г.). признание получил как мастер пейзажной живописи («Половодье на Иртыше» (1949), «Тобольский центр» (1951), «Иртыш – река Сибири» (1983)). В Омске в 1991 г. открыт дом-музей К.П. Белова по ул. Валиханова, 10. Во дворе музея поставлен памятник художнику (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 104 – 105).

[7] Веремей Сергей Иванович (1903 – 1991) – журналист, краевед, общественный деятель. Прошел трудовой путь от рассыльного до начальника уголовного розыска (1919 – 1930). Чемпион Сибири и Дальнего Востока по боксу и легкой атлетике (1927 – 1929). В 1929 г. приехал в Омск, работал в милиции. В 1934 г. стал преподавателем школы НКВД № 2, сотрудничал с газетами, активно участвовал в литературной жизни города. Участник Великой Отечественной войны (политрук, после окончания курсов начсостава Сибирского военного округа – командир роты, позднее комбат). В 1946 г. вернулся в Омск, преподавал в летно-техническом училище. Основоположник омской спортивной печати (был внештатным корреспондентом «Омской Правды», много писал о спорте, истории и природе Омской области) (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 201).

[8] Статья «По зеленой улице» была опубликована в газете «Омская Правда» 9 июня 1946 г., в 1953 г. 16 августа статья переиздана в газете «Молодой сталинец» под псевдонимом А. Смоленский.

[9] Дом по адресу ул. Лермонтова, 28а был выстроен в 1907 г. павлодарским купцом, торговцем чаем С.А. Сорокиным. К этому времени относится постройка левой части здания, увенчанной двумя башенками. Затем дом-особняк по наследству перешел к одному из сыновей купца – доктору Е.С. Сорокину (профессору Омского медицинского института в 1940 – 1950-е гг.). Правая часть особняка была пристроена в 1913 г. по инициативе брата хозяина – писателя А.С. Сорокина. Он поселился в двух комнатах второго этажа вместе со своей женой, а помещения первого этажа сдал в аренду брату под лабораторию. Таким образом, некогда компактный главный фасад продлился, а дом в целом получил Г-образную форму в плане. Рассчитанный на двух хозяев особняк имел отдельные входы: слева и справа. Третья, средняя, дверь вела в помещения первого этажа. С приходом советской власти в здание неоднократно пытались вселить новых жильцов. В 1928 г. по вине квартирантов произошел пожар. Пострадала квартира А. Сорокина. Пожарные, спасая дом, сняли крышу и потолок. После смерти А.С. Сорокина (1928 г.) до 1937 г. в квартире жила его вдова со своим вторым мужем. Уже в 1936 г. Омский горсовет постановил организовать в доме читальню и библиотеку местной организации советских писателей и журналистов. Но это решение не было воплощено в жизнь. Особняк оставался жилым. В середине 1980-х годов его отдали под творческие мастерские художников (Черноок С. Дом писателя Антона Сорокина // Элитная недвижимость. Омск, 2007. № 3 (43). С. 70 – 72).

[10] Вероятно, имеется в виду В.С. Романовский – заместитель директора Омского областного краеведческого музея по научной части.

[11] Бударин Михаил Ефимович (1920 – 2003) – историк, краевед. Доктор исторических наук, профессор ОГПИ. Работал собственным корреспондентом «Омской Правды» (1943 – 1944) и «Известий» (1944 – 1954). Специалист в области истории Сибири, автор монографий «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири» (1952), «Путь народов Севера» (1968). Известен также как автор художественных произведений, написанных на историческом материале, о В.В. Куйбышеве и т.д. Член Российского Союза журналистов и Омского отделения Географического общества (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 35 – 36).

Дневник директора Омского областного музея Андрея Федоровича Палашенкова (1948–1949)

[1] Источник хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 15466. Л. 1 – 34 об. Подлинник. Рукопись.

Рукопись представляет собой дневник А.Ф. Палашенкова, который он вел в 1948 – 1949 гг. будучи директором музея. Автор фиксировал информацию о текущих событиях в жизни учреждения, а также о собственной работе по выявлению и сохранению памятников на территории города (Тобольские и Тарские ворота, Кладбищенская церковь). Необычна история спасения некоторых памятников на территории Казачьего кладбища, готовившегося к сносу. Широкое освещение на страницах дневника получила история создания ботанического сада и дома-музея им. П.С. Комиссарова. В тексте рукописи упоминаются многие известные омичи – современники А.Ф. Палашенкова. Текст основан на повседневных наблюдениях краеведа, что позволяет представить круг его интересов.

[2] Столповская Нина Митрофановна (1912 – 2000) – музеевед, член РГО (с 1937 г.). Сотрудник Омского краеведческого музея с 1931 г., заведующая научной библиотекой музея (1937 – 1984). Разработала основы каталога библиотечного фонда музея (Энциклопедия Омска… Т. 3, кн. 2. С. 443).

[3] Соколов-Микитов Иван Сергеевич (1892 – 1975) – русский советский писатель. Для прозы Соколова-Микитова характерны жанры реалистического рассказа и путевого очерка,

отмеченных вниманием к природе, к человеку труда, простотой и выразительностью языка (книги «На речке Невестнице», 1928; «Голубые дни», 1928; «Пути кораблей», 1934; «Северные рассказы», 1939, и др.). Значительными вехами в творчестве Соколова-Микитова стали «Чижикова лавра» (1926) – повесть о русских эмигрантах: автобиографическая повесть «Детство» (1931 – 1953). Опубликовал книги рассказов и сказок для детей, воспоминания (БСЭ. 1976. Т. 24, кн. 1. С. 136).

[4] Плотников Николай Алексеевич (1898 – 1994) – известный ботаник-флорист, кандидат биологических наук, доцент. До 1924 г. работал на Алтайской станции защиты растений. С 1924 г. ассистент кафедры ботаники Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства, в 1933 – 1973 гг. – заведующий кафедрой ботаники ОмСХИ. Совершал многочисленные экспедиции на Алтай, в районы Западной и Восточной Сибири. Участвовал в организации ботанического сада при институте. В течение всей жизни вел большую научно-исследовательскую работу и обогащению растительных ресурсов Западной Сибири, отыскивал редкие и исчезающие виды растений. Член совета Омского регионального отделения РГО, член совета ботанических садов Сибири и Дальнего Востока, член областного совета общества охраны природы и др. (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 254).

[5] Семенов Виктор Федорович (1871 – 1947) – ботаник, член ЗСОИРГО, председатель отдела (1923 – 1930), работал учителем в Березове, в Семиречье, преподавателем гимназии в Томске (с 1907 г.). В 1920 г. переехал в Омск, заведующий кафедрой ботаники в Омской сельскохозяйственной академии, вел курсы ботаники в медицинском институте, заведующий кафедрой ботаники в ОГПИ (1934 – 1938), участник ряда экспедиций по Западной и Восточной Сибири, Дальнему Востоку, Алтаю, Казахстану, Центральному Тянь-Шаню. Похоронен в Омске на Казачьем кладбище (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 373).

[6] Щекотов Константин Никитич (1909 – 1975) – живописец, член Союза художников (с 1943 г.). работал помощником художника в Омском драматическом театре и художником Дома Красной армии (1926 – 1928), главным художником рабочего театра Орехово-Зуево (1920 – 1932), художником в Московском рабочем художественном театре (1932 – 1935). Учился в Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова на отделении повышении квалификации художников в мастерской монументальной живописи (1935 – 1940). В 1940 г. приглашен в мастерские Дворца Советов на должность художника в мастерскую И.М. Рабиновича. Член кооперативного товарищества «Омхудожник», руководил в нем студией живописи и рисунка (1941 – 1954). Член правления Омского отделения Союза художников СССР (1947 – 1960). В историю и культуру Омска вошел как портретист, создавший целую галерею образов своих современников (в частности, портрет А.Ф. Палашенкова, 1966 г.) (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 653 – 654).

[7] Спиридонов Михаил Дмитриевич (1878 – 1939) – гидролог, ботаник, геоботаник. В 1907 – 1908 гг. был редактором в Самаре. В 1912 г. окончил Высшие сельскохозяйственные курсы в Петербурге. В 1913 – 1914 гг. работал по исследованию грунтовых вод, почв и растительности в Казахстане. В 1918 – 1919 гг. работал в Петербургском Ботаническом саду. В 1920 г. был командирован в Западную Сибирь для изучения растительности. В 1921 г. заведовал почвенно-бортанической экспедицией, исследовавшей восточную часть Петропавловского и западную часть Омского уездов и Прииртышье. В 1921 г. стал сотрудником Землеустроительного института, слившегося потом с Омским сельскохозяйственным институтом. С 1930 г. – заведующий кафедрой земледелия. С 1923 г. по инициативе директора Западно-Сибирского краевого музея Ф.В. Мелехина – сотрудник музея. В 1923 – 1927 гг. под его руководством ведутся ботанические исследования, призванные пополнить коллекции музея новыми экспонатами. В результате этих работ за два полевых сезона состав гербария музея увеличился с тринадцати тысяч листов, полученных при передаче музея от ЗСОРГО, до шестидесяти тысяч в 1925 г. 24 мая 1924 г. отчитывался перед Президиумом Совета музея о поездке в Москву и Ленинград, результатом которой стало утверждение Главным Ботаническим садом при Западно-Сибирском краевом музее своего отделения с обещанием снабдить семенами и саженцами растений и обмениваться изданиями. Проводились опыты по высадке нехарактерной для Сибири флоры, напри-

мер, флоры пустынной зоны (Авербух С.Д. Краткие сведения о ботаниках и исследователях флоры Омской области (XVIII – XX вв.) // Известия ОГИК музея. 1996. № 4. С. 310; Безродная О.А. Западно-Сибирский краевой музей // Известия ОГИК музея. 2013. № 18. С. 38, 41, 43; ГИАОО. Фонд Спиридонова М.Д. // Путеводитель по архиву. Омск, 1987. С. 181).

[8] Братья Покрасс Даниил Яковлевич (1905 – 1954) и Дмитрий Яковлевич (1899 – 1978) – композиторы, музыканты, работали в области эстрадной музыки как композиторы, дирижеры. За музыку к фильмам «Мы из Кронштадта» (1936) и «Если завтра война» (1938) – Государственная (Сталинская) премия СССР (1941) (БСЭ. 1975. Т. 20. С. 166).

[9] Утков Виктор Григорьевич (1912 – 1988) – писатель, краевед, член Союза писателей СССР (с 1975 г.). Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации в 1945 г. не вернулся в Омск, уехал в Москву, работал в различных редакциях, Госкомиздате. Автор более 20 книг и многих статей по сибирской истории и культуре, сибирских писателях, ученых, общественных деятелях (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 520).

[10] Хрущов Александр Петрович (1806 – 1875) – генерал-губернатор Западной Сибири. Участник русско-турецкой войны (1828 – 1829). С 1931 по 1948 г. – на военно-педагогической службе в различных учебных заведениях России. В период Крымской войны особо отличался при обороне Севастополя. В 1866 г. назначен генерал-губернатором и командующим войсками Западной Сибири и войсковым Наказным атаманом Сибирского казачьего войска. На гражданском поприще не имел больших успехов. В 1875 г. был уволен с должности генерал-губернатора с назначением в члены Государственного совета (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 282)..

[11] Скалозубов Николай Лукич (1961 – 1916) – общественный деятель, ученый. Тобольский губернский агроном (1894 – 1906), депутат Государственной Думы III созыва (1907 – 1913). Активный сотрудник Курганского отделения Московского общества сельского хозяйства, изучал природу, климат, народы и культуру Тобольской губернии. В 1895 г. один из главных организаторов Сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, содействовавшей притоку капиталов в Тобольскую губернию. Был близок к кадетам, активно критиковал политику П.А. Столыпина, особенно переселенческую. Сотрудничал с журналом «Сибирские вопросы» (ИЭС. Т. 3. С. 114).

[12] Молотов (настоящая фамилия – Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890 – 1986) – советский политический деятель. В дни Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде член ВРК, затем на руководящей советской и партийной работе. С 1919 г. председатель Нижегородского губисполкома, секретарь Донецкого губкома РКП(б). В 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921 – 1930 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1930 – 1941 гг. председатель СНК СССР, одновременно с мая 1939 г. нарком иностранных дел СССР. В 1941 – 1957 гг. 1-й заместитель председателя СНК (затем Совета Министров) СССР, одновременно (1941 – 1949, 1953 – 1957) нарком (затем министр) иностранных дел СССР. С 1921 г. кандидат в члены, в 1926 – 1952 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. заместитель председателя Государственного комитета обороны. Участник Тегеранской (1943), Крымской (1945), Потсдамской (1945) конференций глав правительств трех союзных держав – СССР, США, Великобритании. В 1952 – 1957 гг. член Президиума ЦК КПСС. Был членом ВЦИК, ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР. В 1957 – 1960 гг. посол СССР в МНР, в 1960 – 1962 гг. возглавлял Советское представительство в Международном агентстве по атомной энергии в Вене (БСЭ. 1974. Т. 16. С. 484 – 485).

[13] Находки, описанные краеведом, не были единичными. В статье «Материалы к археологической карте Омска» А.Ф. Палашенков фиксирует: «В конце марта 1958 г. следы подобного же рва обнаружены на улице Рабфаковской, при пересечении ее с улицей Почтовой. Ров также имел направление к Оми (…) Против фасада речного училища, на расстоянии 14 м от здания, летом 1948 г. обнаружены полусгнившие части заборов. Заборы вскрыты при рытье канавы на глубине 80 см от поверхности земли. Одна часть забора обнаружена против главного входа в училище, другая – возле улицы Лермонтова. Заборы сделаны из нетолстых хвойных бревен, положенных в горизонтальном направлении. Высота сохранив-

шейся части заборов 1 м. По всей вероятности, это остатки каких-то сооружений первоначальной Омской крепости (...) Строительные остатки. В обнажении левого берега Оми, выше железного моста, против площади им. В.И. Ленина, на глубине 1—2 м выступают столбы, сваи, срубы из хвойных бревен в 20—25 см в диаметре. Видны также следы засыпанных ям, встречаются обломки кирпича, глиняной посуды, железных поделок. Осенью 1958 г. часть берегового обнажения закреплена посадкой тополей. От полотна улицы 10-летия Октября кромка берегового обнажения находится в 16 м (Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1959. Вып. 3(10). С. 19).

14 Козлов Тимофей Павлович (1911 – 2001) – живописец, заслуженный художник РСФСР (1981), член Союза художников (с 1939 г.). преподавал в Омском художественном училище (1932 – 1933, 1937 – 1940), директор училища (1940 – 1941). Председатель правления Омской организации Союза художников (1939 – 1943). Работал в товариществе «Омхудожник» (1941 – 1953), был уполномоченным ХФ по Омской области (1943 – 1948), руководил изостудией рабочей молодежи завода им. К.Е. Ворошилова (с 1953 г.) (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 544).

15 Горшенин Константин Павлович (1888 – 1981) – ученый-почвовед, профессор (1924), доктор сельскохозяйственных наук (1936), член ВАСХНИЛ (1956). Первые научные работы по исследованию почв были начаты в 1912 г. (участник экспедиции по обследованию почв вдоль Омско-Тюменской железной дороги, возглавлявшейся почвоведом К.Д. Глинкой). Позднее занимался изучением почвенного покрова Оренбургской губернии. В 1920 г. приехал в Омск, где начал научную и педагогическую деятельность на кафедре почвоведения ОмСХИ, с 1922 по 1965 г. возглавлял кафедру. По инициативе К.П. Горшенина при ОмСХИ было учреждено Сибирское отделение Государственного почвенного института. Председатель Омского отдела РГО (1947 – 1951), член президиума Ассоциации почвоведов, член редколлегии журнала «Почвоведение», первый редактор журнала «Земля Сибирская, Дальневосточная» (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 1. С. 291).

16 Садырин Михаил Михайлович (1900 – 1963) – ученый, доктор сельскохозяйственных наук (1961), профессор (1961). Член Географического общества СССР (с 1926 г.). до 1928 г. работал в Канске, поочередно занимая должности техника, агронома. В 1930 – 1931 гг. работал зоотехником в Щегловске (Кемерово) и Новосибирске. С 1931 г. работал в Омске. Состоял на преподавательской работе в Омском педагогическом техникуме и Омском техникуме молочного хозяйства и кормодобывания. С 1932 г. – в Омском ветеринарном институте, с 1939 г. – ученый секретарь совета института и секретарь по изданию научных трудов вуза. Волновали вопросы озеленения города и охраны памятников культуры (активно выступал против сноса Тарских ворот). Заведовал кафедрой зоогигиены, позже – агрономии и биологии (Энциклопедия города Омска... Т. 3, кн. 2. С. 352).

17 Чернецов Валерий Николаевич (1905 – 1970) – археолог, этнограф, доктор исторических наук (1970). Преподаватель Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена (с 1830 г.), научный сотрудник Института народов Севера, затем Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, научный сотрудник Института истории материальной культуры (затем Института археологии Академии наук СССР). С 1940 г. занимался преимущественно этнографией хантов и манси. После окончания Великой Отечественной войны занимался археологией Приуралья и Западной Сибири. В конце 1940-х гг. исследовал археологические памятники от эпохи неолита до позднего средневековья. Разработал историко-культурную хроностратиграфию таежной части Западной Сибири (СИЭ. Т. 3. С. 480).

18 Букейханов Алихан Нурмухамедович (1966 – 1937) – представитель казахской национальной интеллигенции, просветитель и общественный деятель. С 1894 г. работал преподавателем в лесной школе, затем служил в переселенческом управлении. Деятельный член ЗСОИРГО, один из организаторов в Омске отдела Московского общества сельского хозяйства. Участник экспедиции Ф.М. Щербины по изучению степных областей края. Политические взгляды менялись с радикальных на более умеренные (в 1905 г. стал кадетом).

В годы первой русской революции выступил одним из лидеров национально-освободительного движения казахского народа. Депутат I Государственной Думы. За участие в составлении «Выборгского воззвания» депутатов по поводу роспуска Думы был арестован, приговорен к трем месяцам тюрьмы и высылке за пределы Степного края, в Самару (1908). В 1916 г. избран гласным городской думы в Оренбурге. В 1917 г. исполняющий обязанности комиссара в Тургайской области. После отказа Временного правительства предоставить автономию казахскому народу, вышел из состава кадетской партии и приступил к формированию национальной политической партии «Алаш». В 1919 г. поддержал решение этой партии о признании власти большевиков. В 1922 г. вывезен под конвоем в Москву, работал литературным сотрудником казахской секции Центрального издательства народов СССР. С 1927 г. находился под домашним арестом в течение десяти лет. В 1937 г. заключен в тюрьму и приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 161 – 162).

[19] Тимирязев Климентий Аркадьевич (1843 – 1920) – естествоиспытатель-дарвинист, один из основоположников русской школы физиологов растений, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1890), переводчик, публицист, профессор Московского университета, основоположник русской и британской научных школ физиологов растений (БСЭ. 1976. Т. 25. С. 552 – 553).

[20] Церковь во имя Всех Святых (Всехсвятская кладбищенская) построена в 1859 г. на средства потомственного почетного гражданина, известного купца и городского головы В.П. Кузнецова, в 1896 г. к ней пристроили колокольню на деньги омского купца Г.В. Шкроева. Церковь вмещала в себя до 400 человек. В феврале 1939 г. церковь закрыли, в 1975 г. снесли. Идея о передаче здания под музей не была воплощена в жизнь (Бродский И.Е. Исчезнувшие захоронения… С. 23).

Интересная находка

[1] Публикуется по изданию: Интересная находка // Омская правда. 1948. 14 нояб.

[2] За последнее время было несколько крупных находок животных мамонтовой фауны на территории Омской области. В 1979 г. в Омске на левом берегу в пятом микрорайоне при проведении работ по установке канализационных труб рабочими было обнаружено скопление костей мамонта. В числе прочего были найдены череп и бивни, ныне хранящиеся в ОГИК музее. В 2000 г. была сделана важная находка в Омском районе в с. Большекулачье. Школьником П. Болдиным были обнаружены кости крупного мамонта. В результате раскопок 2000 – 2001 гг., проводившихся вначале силами жителей села, а потом сотрудниками ФГУ «Территориальный фонд информации по Омской области», были извлечены кости двух особей мамонта и бизона. Кости хранятся в ОТФГИ. Летом 2006 г. в ОГИК музей поступил экспонат, подаренный строителями высотного здания на левом берегу Иртыша. При рытье траншеи под фундамент был найден бивень мамонта, пополнивший палеонтологическую коллекцию музея (Заулицкая В.Г. Омские мамонты // Омский краевед. 2007. Вып. 4. С. 70 – 71).

[3] Каждый год в музей поступают найденные на территории Омской области кости, зубы мамонта. Более половины палеонтологической коллекции ОГИК музея составляют останки мамонтов. Чаще всего их обнаруживают в поймах рек. Одна из находок была сделана Матвеем Сергеевичем Каргаполовым в 1924 г. на берегу р. Оша возле с. Щербакова Знаменского района. В 1925 г. кости были извлечены и вывезены в Омский сельскохозяйственный институт. Костные остатки нескольких особей мамонтов явились основой скелета, ныне экспонируемой в ОГИК музее. Впервые в Омске скелет мамонта был собран в сельскохозяйственном институте в конце 1920-х гг. П.Л. Дравертом. В 1956 г. скелет был отреставрирован уже в краеведческом музее заведующим кафедры анатомии Ветеринарного института Виктором Владимировичем Левицким. Была организована экспедиция в Знаменский и Тевризский районы, где были найдены 7 крупных костей мамонта, необходимых для полной реставрации скелета. С 1975 по 1982 г., во время постройки нового здания музея, скелет находился

в разобранном состоянии. В 1982 г. сбор и реставрацию скелета осуществил профессор, доктор биологических наук, заведующий кафедрой анатомии Ветеринарного института Юрий Федорович Юдичев. В 1986 г. в новом здании музея скелет был смонтирован вновь. Это скелет взрослой особи. Высота в холке – 2,85 м (Заулицкая В.Г. Указ. соч. С. 69 – 70).

Архивы ученых в музее

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Архивы ученых в музее // Омская правда. 1951. 14 авг.

Историческая находка

[1] Публикуется по изданию: Историческая находка // Омская правда. 1953. 17 окт.

[2] Старый «французский» мост был разобран в 1966 г., новый, «Юбилейный», введен в эксплуатацию в ноябре 1967 г. (Улицы города Омска… С. 142).

Старейшая научная библиотека Омска

[1] Источник хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13450/7. Л. 1 – 6. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Рукопись представляет собой черновик научно-популярной статьи, знакомящей читателя с историей формирования книжного фонда Омского областного музея. История функционирования библиотеки была тесным образом связана с судьбой научного учреждения, в рамках которого она комплектовалась. Соответственно начало ее формирования связано с именами членов Западно-Сибирского отдела ИРГО, чьей активной исследовательской деятельности мы обязаны и появлением самого музея, и книжных собраний при нем. Хранители фонда краеведческого общества уберегли коллекции (книжные собрания научного объединения) от разорения в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Статья, написанная в 1950-е гг., подводит своеобразный итог многолетней деятельности по комплектованию библиотеки за полвека. Работа, подготовленная библиотекарем музея Н.М. Столповской и директором Омского областного музея А.Ф. Палашенковым, включает перечень книг, хранившихся в библиотеке на момент написания текста.

[2] Общество исследователей Западной Сибири – первое научное краеведческое общество в Омске, основанное в 1868 г. В числе учредителей были И.Я. Словцов, П.А. Золотов, А.И. Сулоцкий, Ф.Л. Чернавин, почетный председатель – генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов. В Уставе организации говорилось, что целью Общества являлись сбор, обработка и распространение географических, статистических, этнографических, исторических и естественноисторических сведений о Западной Сибири. Деятельность Общества не нашла должной поддержки в Омске, и в 1878 г. объединение было официально закрыто, а его члены вошли в состав Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Небольшая библиотека и накопившиеся к моменту закрытия деньги Общества исследователей также были переданы в ЗСОИРГО (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 160).

[3] Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества – одно из первых научных краеведческих обществ в Омске. Основано в 1877 г. при активном участии и по ходатайству перед РГО генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова. Первым председателем был избран И.Ф. Бабков. Социальный состав, как и численный, постоянно колебался. Первоначально большинство членов отдела составляли иногородние, что объяснялось отсутствием в Сибири крупных научных обществ. Тон задавало омское офицерство (прежде всего военные топографы), что объяснялось

военно-административным положением Омска того времени и преобладанием в местной интеллектуальной среде чиновничества и офицерства. Позднее активную роль в отделе играли служащие переселенческого ведомства, лесничие, агрономы, статистики (в большинстве приезжие из Центральной России). В 1920-е гг. основу отдела составляли научные работники омских вузов. Направления исследовательской деятельности отдела были разнообразны: география, метеорология, минералогия, почвоведение, ботаника, зоология, география, археология, история, хозяйство. В 1902 г. при отделе возникли Алтайский и Семипалатинский подотделы. В 1878 г. был создан музей ЗСОИРГО. В 1931 г. происходит слияние ЗСОРГО с Омским обществом краеведов и Омским обществом исследователей Сибири, в результате чего его деятельность фактически остановилась. В 1947 г. деятельность отдела была восстановлена, он стал называться Омским отделом Географического общества СССР (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 84)

[4] Процесс передачи научной библиотеки из ведения ЗСОРГО в распоряжение музея, созданного под контролем Наркомпроса, не прошел без осложнений, явившихся частью конфликта, расколовшего научную общественность Омска в 1920-е гг. Попытки ЗСОРГО вернуть музейные коллекции привели к личной неприязни между сотрудниками музея и членами краеведческого общества, отказу от какого-либо сотрудничества между собой (Безродная О.А. Западно-Сибирский краевой музей // Известия ОГИК музея. 2013. № 18. С. 34 – 36, 47 – 49).

[5] Ныне личные книжные собрания П.Л. Драверта (1879 – 1945) в количестве 2 173 экземпляров хранятся в Омской государственной областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина.

Акт передачи дел А.Ф. Палашенковым новому директору Омского областного краеведческого музея М.И. Агееву

[1] Источник хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 14418/1. Л. 1 – 10. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Рукопись представляет собой делопроизводственный документ, закрепляющий передачу музейного имущества А.Ф. Палашенковым новому директору музея М.И. Агееву. Текст содержит подробную информацию об имуществе музея по состоянию на 1957 г., включает перечисление коллекций, экспозиций и т.д.

IV раздел

Путевые заметки и очерки

Березов

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 15458/6. Л. 4 – 9. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Данная статья была написана по результатам поездки сотрудников Омского областного краеведческого музея на север области (Ляпин-Сосьвинская экспедиция 1939 г.). Исследования проводились в Березовском районе Остяко-Вогульского национального округа Омской области (современный Ханты-Мансийский автономный округ). Участники экспедиции побывали в Березово, обследовали р. Северную Сосьву и Ляпин. По итогам поездки был написан ряд статей: работу, посвященную раскопкам Ляпинской крепости, описание мансийского капища и г. Березова, в частности, икон Березовского собора, вывезенных в омский музей. Автором были сделаны фотографии местности. В Березове экспедицией была обследована территория старого города, частично смытого рекой. Обнаружены остатки первоначального острога и последующих укреплений расширявшегося поселения. Вся история Березова теснейшим образом связана с его предназначением в XVIII – XIX вв. в качестве места ссылки. Имена А.Д. Меншикова, Долгоруких и А.И. Остермана неразрывно связаны с городком, что обусловило особый интерес автора к этой странице в истории края. Благодаря А.Ф. Палашенкову сегодня известны судьбы ссыльных в Березове, прежде остававшиеся вне поля зрения исследователей. По стилистике эта работа напоминает описание Тобольска, однако более обзорна и носит скорее справочный характер.

[2] Меншиков Александр Данилович (1672 – 1729) – государственный и военный деятель, граф (1702), князь (1705), светлейший князь (1707), сенатор (1717), генерал-фельдмаршал (1709), контр-адмирал (1716), вице-адмирал (1722), генералиссимус (1727). Был отстранен от дел, указом 9 сентября 1727 г. обвинен в государственной измене и хищениях казны, лишен чинов и званий, сослан с семьей сначала в Раненбург (ныне Чаплыгин Липецкой области), затем указом 8 апреля 1728 г. в Березов Тобольской провинции, где и умер (ИЭС. Т. 2. С. 349 – 350).

[3] Суриков Василий Иванович (1848 – 1916) – русский исторический живописец. Действительный член петербургской Академии художеств (1893). С 1877 г. жил в Москве, систематически совершал поездки в Сибирь. Член Товарищества передвижных художественных выставок (с 1881 г.). Автор полотен: «Утро стрелецкой казни» (1881), «Меншиков в Березове» (1883), «Боярыня Морозова» (1887) (БСЭ. 1976 Т. 25. С. 88 – 89).

[4] Остерман Генрих Иоганн Фридрих (Андрей Иванович) (1687 – 1747 – государственный деятель, дипломат, барон (1721), граф (1730), действительный тайный советник (1725). С 1723 г. – вице-президент Коллегии иностранных дел, в 1725 – 1741 гг. – вице-канцлер, в 1726 – 1730 гг. – член Верховного тайного совета. В 1727 г. участвовал в успешном заговоре против А.Д. Меншикова. В 1730 г. содействовал восстановлению самодержавия императрицы Анны Иоанновны. В 1730-х гг. играл ведущую роль в выработке внешней и внутренней политики России. После ссоры с регентшей Анной Леопольдовной 12 ноября 1741 г. вышел в отставку. После воцарения Елизаветы Петровны (25 ноября 1741) арестован и сослан в Березов Тобольской провинции Сибирской губернии, где умер (ИЭС. Т. 2. С. 563 – 564).

Заметки о Березове

[1] Текст рукописи хранится в фонде Исторического архива Омской области. ГИАОО. Ф. 2200. Оп. 1. Д. 21. 46 л. Л. 1 – 2. Подлинник. Рукопись (машинопись).

[2] Мейерберг Августин (1622 – 1688) – австрийский барон, путешественник и дипломат. В 1666 г. совершил дипломатическое путешествие в Россию, по итогам которого написал два сочинения на латинском языке. Одна из работ содержит описание всего увиденного путешественником, передачу впечатлений, какое произвели на просвещенного европейца картины русской жизни того времени. К нему приложен сборник картин и рисунков, сделанных с натуры бывшим в свите Мейерберга художником (ЭСБЕ. 1896. Т. XVIII А. С. 946 – 947).

Березов (Из прошлого нашей области)

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Березов (Из прошлого нашей области) // Омская правда. 1941. 18 мая.

Статья «Березов (Из прошлого нашей области)» продолжает серию работ, написанных по итогам Ляпин-Сосьвинской экпедиции 1939 г. В отличие от предыдущих работ данная статья основана как на археологических сведениях, так и на архивных материалах. Опираясь на данные текущей церковной документации (в частности ведомость Воскресенской церкви), автор дает картину социального состава населения Березова в начале XIX в.

Материалы, полученные в результате археологических раскопок на месте крепости, рассмотрены в рамках развернутого повествования о прошлом города с момента его основания в конце XVI в. до начала XX в. Выявлена специфика трансформации Березовского острога: от форпоста на пути продвижения Российского государства на восток до места каторги и ссылки, каким оставался Березов вплоть до начало XX в.

[2] Сибирский приказ (1637 – 1763) – центральный государственный орган, ведавший управлением Сибири. В 1590-е гг. после основания первых русских поселений территория Сибири подчинялась Посольскому приказу. В 1599 г. центральное управление Сибирью перешло в ведомство Приказа Казанского дворца. В 1620-е гг. назрела необходимость создать специальный центральный орган по делам этой территории, так в 1627—1629 гг. возник временный Приказ сибирских дел. Указом от 19 февраля 1637 г. был образован новый центральный государственный орган – Сибирский приказ. В январе 1706 г. «начальным лицом» Сибирского приказа назначен князь М.П. Гагарин. После учреждения губерний М.П. Гагарин стал губернатором Сибирской губернии и продолжал руководить Сибирским приказом. Сибирский приказ ведал административными, фискальными, таможенными, военными делами; участвовал в организации дипломатических сношений России с Китаем, с монгольским, казахским и калмыцким правителями; назначал воевод и таможенных голов, выдавал им особые наказы; решал вопросы по присоединению новых территорий, обороне края и снабжению служилого населения (от вооружения и боеприпасов до продовольствия). По указу от 18 декабря 1708 г. он был преобразован в Московскую канцелярию Сибирской губернии, основной функцией которой была торговля сибирской пушниной и организация караванов в Китай. В 1720-е гг. оценка китайских и сибирских товаров перешла в ведение Штатс-конторы. Однако из-за сокращения доходов от казенной торговли сибирскими товарами указом от 20 декабря 1730 г. Сибирский приказ был возрожден. Первым его судьей стал генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский. В Сибири действовало финансово-контрольное отделение приказа Канцелярия ревизии счетов Сибирской губернии. Деятельность приказа сузили по сравнению с XVII в. Прямое управление Сибирью осуществляли Сенат, Кабинет Его Императорского Величества, коллегии и сибирский губернатор. Из компетенции Сибирского приказа изъяли дипломатические сношения, руководство горным делом, управление металлургическими заводами и другими мануфактурами, а его административные, фискальные и судебные полномочия были сокращены. Военные дела в приказе решались совместно с Военной коллегией и губернатором, вопросы внешней торговли и погранично-

таможенной службы – с Коммерц-коллегией, Коллегией иностранных дел и губернатором. По указу от 15 декабря 1763 г. Сибирский приказ был ликвидирован (ИЭС. Т. 3. С. 85 – 86).

[3] На сегодняшний день основание русского городка Березова относят к 1593 г., когда был основан Березовский острог, ставший с 1601 г. таможенным пунктом; с 1708 г. – административный центр Сибирской губернии, с 1719 г.– Тобольской провинции, с 1764 г. – Тобольской губернии. Первый «государев» острог в этих местах поставлен в 1587 – 1588 гг. Встречая сопротивление со стороны Кучума на более южных направлениях, правительство решило сначала закрепиться на северных территориях. Летом 1593 г. отряд князя Н.В. Траханиотова и письменного головы А. Благого в 300 казаков срубил город и острог на левом берегу р. Сосьвы. К 1600 г. укрепления разрушились, в 1601 г. был построен новый острог. С 1617 г. развернулось новое крупное строительство Березова (ИЭС. Т. 1. С. 195 – 196).

[4] 1616 г. февраля 6 – 1624 г. июня – Отписки Тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь. – Царския грамоты означенным воеводам, о принятии мер, чтобы Немецкие люди не узнали дороги в Сибирь, для чего объявить торговым и промышленным людям, чтобы они с Немецкими людьми не торговали // Русская Историческая библиотека, издаваемая Археографическою коммиссиею. СПб., 1875. Т. 2. С. 1069.

[5] Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 246.

[6] Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1857 г. Кн. XII. С. 387.

[7] В 1738 г. по доносу тобольского подьячего О. Тишина начато следствие о «непорядочных» поступках Долгоруковых, которые якобы «говорили важные злодейственные непристойные слова» об императрице и ее фаворите Э.И. Бироне. В ходе следствия раскрылся факт составления Долгоруким, его сыном Иваном, братьями Сергеем и Иваном Григорьевичами и двоюродным братом Василием Лукичом Долгоруковыми в январе 1730 г. подложного завещания от имени Петра II о передаче престола его невесте Екатерине. Долгорукий Иван Алексеевич (1708 – 1739) был вывезен в Тобольск, затем в Шлиссельбург, казнен в Новгороде. Другие дети Алексея Григорьевича переведены в разные места: Екатерина – в Томский Христорождественский монастырь (1738), Елена (1715 – 1799) – в Томский Успенский монастырь (1740), Анна (ум. в 1758) – в Верхотурский Покровский монастырь (1740), Алексей (1716 —1792) сослан в матросы в Камчатскую экспедицию (1740), Николай (1713 —1790) и Александр (1718 – 1782) – сначала в Тобольск (1738), затем в Вологду (1739), а в 1740 г. – в каторжные работы: первый в Охотск, второй на Камчатку. Указом императрицы Елизаветы Петровны 3 декабря 1741 г. Долгоруковы были помилованы (ИЭС. Т. 1. С. 497).

[8] Фохт Иван Федорович (1794 – 1842) – декабрист, участник заграничного похода русской армии (1815). Член Южного общества (1824). Арестован, посажен в Петропавловскую крепость, приговорен к ссылке в Сибирь на поселение вечно, срок сокращен до 20 лет. Был отправлен на поселение в Березов в 1828 г., не получая ничего от родственников, жил токарной работой и помогал местному врачу. В 1829 г. переведен в Курган. В 1837 г. было разрешено определить рядовым на Кавказ. Но высочайшим повелением оставлен на поселение в Кургане, где и скончался (Декабристы: биогр. справ. … С. 186 – 187).

[9] Черкасов Алексей Иванович (1799 – 1855) – декабрист, поручик член Южного общества (1824). Арестован, переведен в Петропавловскую крепость, приговорен к каторжным работам на два года, в 1826 г. срок сокращен до года. В 1827 г. доставлен в Читинский острог, в апреле 1828 г. переведен на поселение в Березов, откуда в 1832 г. получил разрешение переехать в Ялуторовск. В 1837 г. получил разрешение определиться рядовым на Кавказ, в 1843 г. покинул службу (Декабристы: биогр. справ. … С. 193 – 194).

[10] Габайдулла, он же Обейдулла (? – 1852) – султан киргиз-кайсацкий, старший сын хана Вали, царствовал в Средней Орде десять лет, утвержден был в ханском достоинстве китайским императором Дауган-ханом, грамотою на китайском, маньчжурском и турецком языках. Он был последним киргиз-кайсацким ханом Средней Орды (ЭСБЕ. 1892. Т. VII А. С. 745).

[11] Кенесары Касымов (1802—1847) – султан, с 1841 г. хан Среднего жуза в Казахстане, внук хана Аблая. В 1837 – 1847 гг. возглавлял движение, направленное на отрыв Казахстана от России. В национальной казахстанской историографии традиционно рассматривался как борец за права казахстанского народа. В советской историографии в 1970-е гг. восстание К. Касымова оценивалось как реакционное, направленное на реставрацию ханской власти. К. Касымов, преследуемый царскими войсками, ушел в 1846 г. на юг, в пределы Старшего жуза. В 1847 г. совершил поход против киргизов, во время которого был убит (БСЭ. 1973. Т. 12. С. 39; Галиев В.З. Движущие силы народно-освободительной борьбы под руководством Кенесары Касымова // Национально-освободительная борьба казахского народа под руководством Кенесары Касымова. Алматы: Гылым, 1996. С. 7 – 26).

Ляпинская крепость

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. Ляпинская крепость // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1963. Вып. 5 (12). С. 153 – 160.

Данная статья представляет собой уникальный источник по исчезнувшему объекту культурного наследия – Ляпинской крепости. Будучи участником археологических раскопок 1939 г., проводившихся на месте русского острога, краевед через много лет вернулся к этому материалу и изложил результаты работы экспедиции на страницах Известий Омского отдела Географического общества Союза ССР. Исследователь не только описал обнаруженное на месте раскопок, но и указал отправные точки для будущих археологов, позволяющие уточнять местоположение крепости на местности.

С момента обнаружения крепости К.Д. Носиловым (1884) до экспедиции А.Ф. Палашенкова прошло чуть более полувека, и, несмотря на разрушение памятника пожаром (в 1924 г. – по данным А.Ф. Палашенкова или в 1927 г. – по мнению Г.П. Визгалова), культурный слой оставался целым, и местность, на которой располагался объект исследования, претерпела незначительные изменения. По прошествии такого же периода со времени работы экспедиции 1939 г. до наших дней культурный пласт, относившийся к моменту существования острога, был полностью снесен, окружающая территория заселена и освоена. Таким образом, сведения, полученные в ходе экспедиции, на современном этапе представляют собой уникальный источник для археологов, занимающихся восстановлением утраченной картины жизни Ляпинского острога.

[2] Носилов Константин Дмитриевич (1858 – 1923) – путешественник, писатель и этнограф, исследователь Ямала, член Русского Географического общества. Один из первых исследователей Арктики, начавших практиковать долговременные зимовки в ходе работы экспедиции (ЭСБЕ. 1897. Т. XXI. С. 381).

[3] Курбский Семен Федорович (? – 1527) – князь и воевода на службе у московских князей Ивана III и Василия III. В 1499 г. возглавил поход для покорения Югорской земли (низовья рек Тобола и Оби) вместе с князем Петром Федоровичем Ушатым и Василием Ивановичем Бражником (Заболоцким или Всеволожским). Отряд был сформирован из жителей Устюга, Вологды и других северных русских городов. Поход осуществлялся по рекам до Печоры, где была поставлена крепость Пустозерск, долгое время остававшаяся опорным пунктом московского влияния в регионе. После пересечения Урала отряд остановился в крепости, отстроенной рядом с вогульским городком Ляпин. Поход успешно завершился – отряд вернулся с богатой данью, полученной от местных покоренных югорских и обдорских князей (Русский биографический словарь. Т. IX / под ред. А.А. Половцова. СПб.: Тип. Глав. Управления Уделов, 1903. С. 602).

[4] Ушатый Петр (?) – князь, воевода на службе у Ивана III. В 1499 – 1500 гг. он принял участие в масштабной военной экспедиции на Северо-Восток и за Урал. Вместе с ним экспедицию возглавляли князь Семен Федорович Курбский (дальний родственник Ушатого из ветви князей Ярославских) и Василий Иванович Бражник (Заболоцкий или Всеволожский) (Русский биографический словарь… 1903. Т. IX. С. 602).

[5] А.Ф. Палашенков разделял точку зрения К.Д. Носилова, что вогульский городок не был поглощен русской крепостью, выдвинув предположение, что эти два укрепления должны располагаться на разных берегах реки. Возможность нахождения вогульского городка в районе «второй деревни» краеведом обосновывалась удобным геоположением этого участка и выявлением в ходе раскопок остатков земляного вала (Жук А.В. Исследование Ляпинской крепости А.Ф. Палашенковым // Археология Сибири: историография: межведомственный сб. науч. трудов / под ред. В.И. Матющенко. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 74 – 75).

[6] Дата основания русской крепости на месте вогульского укрепления является спорным вопросом. Существует несколько точек зрения, представленных в статье Г.П. Визгалова и Ю.В. Балуевой «Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007 – 2008 гг.)». Наиболее раннее время основания острога, как указывают авторы статьи, было предложено В.И. Кочедамовым (1363 г. – поход Степана Ляпы и Александра Абакумовича; либо поход воеводы Василия Шенкурского в 1445 г.; либо поход в Сибирь С. Курбского, П. Ушатова и В. Бражника в 1499 – 1501 гг.). Сибиревед первой половины XIX в. Н.А. Абрамов датой основания первых русских острогов в этой местности считал 1592 г., когда царем Федором Иоанновичем был отправлен отряд казаков для завоевания «Северной Сибири». К.Д. Носилов, исследовавший остатки острога, датировал их концом XVI столетия (1580-е гг.). К этой точке зрения склонялся и А.Ф. Палашенков. Авторы статьи, опираясь на материалы исторических источников, относят основание острога к указам Анны Иоанновны от 18 августа 1730 г. и 11 января 1731 г., призывавшим основать остроги в Сосьвинской, Ляпинской и Казымской волостях и послать туда казаков для защиты местного новокрещенного хантыйского населения от набегов соседей-ненцев. Другим косвенным свидетельством в пользу предложенной Г.П. Визгаловым и Ю.В. Балуевой версии можно считать записи Г.Ф. Миллера 1730 – 1740-х гг. о первом Югорском походе. В повествовании историка Ляпин описан как место торга русских купцов с аборигенным населением и нет речи о русском остроге. Путаницу датировки исследователи объясняют частым отождествлением вогульского городка Лопынг-уш у с. Ломбовож с русским Ляпинским острогом у с. Саранпауля. (Визгалов Г.П. и Балуева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007 – 2008 гг.) // Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Поиски Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007-2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 276 – 277).

[7] Несмотря на то, что на момент раскопок 1939 г. строений крепости не сохранилось, в ходе тщательно проведенных археологических изысканий А.Ф. Палашенкову удалось установить размеры и форму крепости, конфигурацию палисадов, выявить и атрибутировать остатки башен, стен и жилищ, установить особенности строительной техники конца XVI в. и т.д. Общая протяженность защитного палисада, высчитанная исследователем, составила 131,5 м (цифра близкая к вычислениям К.М. Голодникова, сделанным на основе изучения строений крепости в XIX в.) (Жук А.В. Указ. соч. С. 76, 83).

[8] Экспедиция 1939 г. в район Ляпинского городка была не последней. В 1981 г. и 1991 г. раскопки на территории Саранпауля велись свердловским археологом Е.А. Курлаевым, в 2003 г. – Е.А. Жирных. Однако ими не были обнаружены ни древние артефакты, ни отправные точки на местности, отмеченные А.Ф. Палашенковым (постройки с силосными ямами). В 2007 – 2008 гг. разведочной группой ООО «НПО Северная археология-1» под руководством Г.П. Визгалова были проведены раскопки на местности, выявленной в точном соответствии с указаниями А.Ф. Палашенкова. Эта территория ныне занимает пространство левого берега реки напротив современного причала Саранпауля (на юго-востоке населенного пункта). После проведения шурфов было установлено, что культурный слой XVII – XVIII вв. практически полностью снесен и перемешан с культурным слоем последующего времени с превалированием предметов, относящихся к середине – второй половине XX столетия (горлышки бутылок, остатки проволоки, кристаллы горного хрусталя и дымчатого кварца). В 1940 – 1950-х гг. на этом месте находилась база складирования взрывчатых веществ одного из отрядов Полярно-Уральской экспедиции, занятой разведкой и добычей горного хрусталя. Местность была срыта бульдозерами и изъезжена

гусеничной техникой. Силосные ямы позднее использовались для хранения аммонита. Единичные предметы, обнаруженные на этой территории, позволили признать существование на этом месте поселения в конце XVII – XIX вв. Обследования в другом районе, к юго-востоку от описанного участка, дают возможность обнаружить непотревоженный культурный слой XVIII – XIX в. Среди найденных артефактов преобладают изделия из железа и цветных металлов (нательные кресты, перстни, датируемые XVII – XVIII вв.), примечательно отсутствие русской керамики этого времени. Кроме того, найдены предметы свинцово-оловянного сплава, широко использовавшиеся в качестве накладных украшений аборигенным населением в XVIII – XIX вв.). Характер находок дал археологам основания предположить, что найденный культурный слой относится к XVIII – XIX вв. и представляет собой не остатки русского острога, а «место временного расположения аборигенного населения, приезжавшего на период сдачи ясака и меновой торговли (с. Саранпауль – 4)» (Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Указ. соч. С. 280, 284).

[9] По мнению А.В. Жука, собака согласно индоевропейской мифологической традиции может заменять воина и отождествляться с ним. В качестве примера для доказательства этой гипотезы А.В. Жук приводит другое название членов Тевтонского ордена – «псы-рыцари ордена Святой Марии Иерусалимской» (Жук А.В. Указ. соч. С. 82).

[10] В 1751 г. острог был упразднен вместе с остальными заставами в Березовском уезде. Городок же продолжал существовать, еще в XIX в. на месте острога проводили зимние ярмарки и осуществляли сбор ясака (Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Указ. соч. С. 277).

[11] По мнению Г.П. Визгалова, наличие тонкого культурного слоя Ляпинского острога, представленного незначительным числом предметов XVIII – XIX вв., свидетельствует о недолговременном существовании крепости или же о наличии непостоянного и малочисленного гарнизона, жизнедеятельность которого оставила мало артефактов (Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Указ. соч. С. 284).

Поездки по Омской области в 1957–1962 годах

(в соавторстве с С.Р. Лаптевым)

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф., Лаптев С.Р. Поездки по Омской области в 1957 – 1962 гг. // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1963. Вып. 5 (12). С. 187 – 199.

Работа, описывающая поездки по Омской области, представляет собой подборку сведений по геологии, палеонтологии, археологии края. Краеведы ставили своей задачей знакомство читателей с последними находками местных исследователей, в том числе с их собственными наработками и открытиями.

А.Ф. Палашенков приводит информацию по выявленным захоронениям первой четверти XX в., отмечает необходимость установления памятных знаков на месте массовых расстрелов мирного населения и участников партизанских боев с белогвардейцами. Исследователь указывает на обзорный характер информации, представленной в статье, и отправляет читателей к своим обобщающим трудам по истории памятных мест Омска и области и ряду публикаций по археологии края.

А.Ф. Палашенков и С.Р. Лаптев в качестве источников в своей публикации опирались на собственные материалы экспедиций и предварительных раскопок, а также опросы местного населения для выявления информации по новейшему времени.

Публикация представляет собой один из этапов в работе А.Ф. Палашенкова по истории края с древнейших времен до наших дней и находит продолжение в монографии «Памятники и памятные места Омска и Омской области» 1967 г. и «Материалах к археологической карте Омской области». По специфике подачи материала эта статья стоит в одном ряду с работой «От Омска до центра Тянь-Шанской горной системы (примечательные места)» 1964 г. (Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Вып. 6 (13), представляя собой текст, обобщающий информацию по различным находкам в области археологии и палеон-

тологии, современных автору. Объекты, попадающие в область внимания А.Ф. Палашенкова и С.Р. Лаптева не избираются хаотично, а находятся в жесткой привязке к маршруту экспедиций, заявленных в начале работы и отмеченных на приложенной к статье карте поездок членов Географического общества.

[2] В 1961 г. был упразднен Саргатский район, в 1962 г. – Колосовский, Кормиловский, Крутинский, Марьяновский, Нижнеомский, Оконешниковский, Полтавский, Седельниковский и Шербакульский районы, в 1963 г. – Азовский, Большеуковский, Васисский, Иртышский, Одесский, Усть-Ишимский районы; в 1964 г. – Дробышевский район. В 1964 г. были восстановлены Крутинский, Нововаршавский, Седельниковский и Шербакульский районы, в 1965 г. – Большеуковский, Колосовский, Кормиловский, Марьяновский, Нижнеомский, Одесский, Оконешниковский, Полтавский, Саргатский, Усть-Ишимский районы (Энциклопедия Омской области… Т. 1. С. 59, 158 – 159, 187, 328, 419, 480 – 481, Т. 2. С. 8, 82, 108, 112 – 113, 184, 306, 318, 463, 535).

[3] В 1962 г. Ульяновский район переименован в Омский (Энциклопедия Омской области… Т. 2. С. 148).

[4] О дальнейших археологических исследованиях в районе Новоникольского городища-I (Голая сопка) см.: Могильников В.А. О местонахождении Кизыл-Туры // Тобольский хронограф. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2004. С. 130 – 135.

[5] В 1958 г. А.Ф. Палашенковым была проведена предварительная работа с документами и картографическими материалами Центрального Военно-исторического архива, предварившая исследования на местности. Летом 1958 г. в ходе разведочных работ им были обнаружены по планам на указанных местах крепости Покровская и Николаевская, редуты Мельничный, Лосев, Степной, Курганский, Волчий. Он произвел их обмеры, описал состояния, сделал визуальные планы и фотоснимки. Труды А.Ф. Палашенкова положили начало целому ряду экспедиций, посвященных исследованию сооружений Горькой линии. Новый этап изучения форпостов был связан с именем А.Д. Колесникова, собиравшего материал по истории заселения русскими Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв., для написания монографии по заявленной проблеме. В 1970 г. А.Д. Колесников вначале самостоятельно, потом совместно с А.Ф. Палашенковым осмотрел редуты Степной, Волчий, крепость Покровскую и поселок Мельничный, располагавшиеся в Марьяновском, Москаленском и Омском районах. В 1971 – 1972 гг. другой известный исследователь Д.Н. Фиалков возглавил экспедицию, которая работала в Омском, Марьяновском, Москаленском, Исилькульском районах Омской области. Участниками раскопок были проведены глазомерная съемка, шурфовка Покровской, Николаевской крепостей, редутов Степного, Курганского, Волчьего, Лосевского. Было осмотрено предположительное местонахождение остатков Мельничного редута в Омском районе близ с. Мельничное, но редут обнаружен не был. С самолета геодезической экспедиции проводилось фотографирование археологических памятников. Благодаря аэроснимкам удалось выявить следы Мельничного редута (рва и вала в 15 м к югу от развалин церкви) (Матвеев А.В., Свиридовский О.А. Ново-Ишимская (Горькая) линия военных укреплений XVIII в. (источники, история изучения, результаты последних исследований) // Известия ОГИК музея. 2000. № 8. С. 76 – 77, 81).

[6] Остатков Иртышского редута до сих пор не выявлено.

[7] В 1978 г. в районе больших Крутинских озер велись раскопки. Обнаружены 34 памятника: 21 поселение, два городища и 11 местонахождений. В районе оз. Ик обнаружено несколько поселений, пять из которых (Китерьма III, Красный Мыс I, Усть-Китерьма, Красный Пахарь II, Яман IV) представляют наибольший интерес для археологов. Судя по характеру орнамента найденных фрагментов керамики, обнаруженные культуры относятся к эпохе ранней бронзы (Глушков И.Г. Работы на Крутинских озерах // Археологические открытия 1978 года. М.: б.и., 1979. С. 216-217).

[8] Сперанский Михаил Михайлович (1772 – 1839) – государственный деятель, сибирский генерал-губернатор (1819 – 1822), подготовил проект преобразований «Введение к уложению государственных законов» (1809), реформу организации Государственного совета (1810), министерств (1811). В 1819 г. М.М. Сперанскому поручена ревизия управления Сибири в качестве нового генерал-губернатора Сибири. В ходе ревизии Сперанский лично объехал ряд городов,

в их числе Омск (1819, 1820). В 1821 г. М.М. Сперанский вернулся в Петербург, получив назначение члена Государственного Совета. По итогам ревизии при Государственном Совете был создан I Сибирский комитет, призванный усовершенствовать систему управления краем. Согласно реформе 1822 г. управление Сибири было разделено между Восточносибирским и Западносибирским генерал-губернаторствами (Энциклопедия города Омска. Т. 3, кн. 2. С. 429 – 430).

[9] Колосовский район в 1962 г. был ликвидирован, его территория вошла в Большереченский, Тарский, Тюкалинский районы. В 1965 г. район был восстановлен (Энциклопедия Омской области… Т. 1. С. 480 – 481).

[10] Радищев А.Н. Дневник. Записки путешествия в Сибирь… С. 261.

[11] Автор имеет в виду метеорит, упавший в 1914 г. в Тарском районе недалеко от села Васисс. До недавнего времени в окрестностях с. Васисс существовало болото, прозванное местными жителями Метеоритным. По легенде оно образовалось на месте падения метеорита. Метеорит был исследован Л.А. Куликом (Поиски васисского метеорита (совместно с Вагановым) // Ленинский путь. Тара, 1936. 11 авг.).

[12] Барышевцев Василий Васильевич (1855 – 1936) – ученый-лесовод, педагог, общественный деятель, преподаватель Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. В 1891 – 1893 гг. возглавлял Тобольское лесничество, с 1896 г. начальник Акмолинско-Семипалатинского управления земледелия и государственных имуществ с резиденцией в Омске, где работал до Октябрьской революции. В годы гражданской войны – товарищ министра земледелия Временного Сибирского правительства. При советской власти преподавал историю искусств в Омском музыкальном техникуме (1921 – 1922) и дендрологию в Сибирском сельскохозяйственном институте (1923). Вел активную общественную работы, был гласным городской думы, член ЗСОИРГО с 1897 г. Под его руководством организованы скверы около Казачьего и Успенского соборов в Омске. По его предложению создан Боровский заповедник сосновых лесов в Казахском мелкосопочнике. Похоронен на Шепелевском кладбище (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 89 – 90).

[13] Зарницын Петр Иванович (1879– ?) – ученый, доктор медицины, организатор и первый заведующий кафедрой факультетской терапии ОГМИ (1922 – 1931). В 1918 г. Казанский университет, в котором преподавал П.И. Зарницын, был эвакуирован А.В. Колчаком в Иркутск. Прикомандирован к медицинскому факультету Томского университета, где проработал до конца 1920 г. В 1921 г. перешел на работу в Омский медицинский институт, где стал профессором факультетской терапевтической клиники. Активно участвовал в антирелигиозной пропаганде среди населения, читал лекции в рабочих клубах Омска, постоянный сотрудник газет «Рабочий Путь», «Советский Иртыш», где публиковал научно-популярные статьи на медицинские темы. Под его руководством проводилась работа по оказанию лечебно-профилактической помощи рабочим кожевенного завода, судоремонтной фабрики и т.д. В 1931 г. в ходе слияния нескольких медицинских клиник был сокращен и выведен из штата института (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 431).

От Омска до центра Тянь-Шанской горной системы
(примечательные места)

[1] Публикуется по изданию: Палашенков А.Ф. От Омска до центра Тянь-Шанской горной системы: (примечательные места) // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. 1964. Вып. 6 (13). С. 89 – 111.

Работа построена в форме отчета о результатах поездки в Центральную Азию, осуществленной в 1962 г. Изложение материала построено на последовательном описании объектов культурного наследия, зафиксированных автором по пути следования экспедиции из Омска в Пржевальск (ныне Каракол). В примечании к статье автор признает, что основной задачей текста является не знакомство читателя с научными результатами поездки, посвященной сбору растений по маршруту следования экспедиции, а описание истории края. Сведения о памятниках сопровождаются краткой справкой об исторических событиях, связанных

с этими объектами. Заключительным пунктом экспедиции становится заповедник и мемориальный комплекс в Караколе, посвященный Н.М. Пржевальскому. Так автор почтил память известного путешественника, годовщину смерти которого отмечали в 1963 г.

[2] Фрауендорф Карл Филипп (Карл Львович) фон (? – 1767) – генерал-майор, командующий войсками Сибирского казачьего корпуса, бригадир, с 1761 г. – инженер-майор. До поступления на русскую службу некоторое время проживал в Эстляндской губернии. С 1757 г. по 1764 г. служил на пограничных линиях Западной Сибири. В 1757 – 1760 гг. командовал войсками Сибирского корпуса, в 1761 – 1763 гг. был заместителем командующего Сибирским корпусом и пограничными линиями, в 1764 – 1767 гг. – иркутским губернатором. Умер в 1767 г. в Иркутске, где и похоронен (Андреев И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков / Сост., транскрипция скорописи XVIII в. и коммент. И.В. Ерофеевой. Алматы, 1998. С. 247).

[3] В библиографическую ссылку вкралась неточность: Потанин Г.Н. Материалы *для (курсив сост.)* истории Сибири. М.: Издание Императ. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1867.

[4] Поселение было основано в 1740 г. в качестве форпоста Иртышской укрепленной линии, ставшего позднее станицей. Ныне село Усть-Заостровка Омской области (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 239 – 242).

[5] Село Иртыш основано в 1740 г. как Кызылбашский форпост Иртышской линии (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 239 – 242).

[6] Ныне деревни Рытовка и Рытовка-2 вошли в состав поселка Нововаршавка (на сегодняшний день поселение имеет статус поселка городского типа, административного центра Нововаршавского района Омской области) (Энциклопедия Омской области… Т. 2. С. 89).

[7] Крепость в районе Черлака была выстроена в 1740-х гг. (по другим данным первое укрепление было возведено отрядом И. Лихарева в 1720 г.) в числе других промежуточных форпостов Иртышской укрепленной линии (Ачаирский, Черлакский, Осморыжский, Черноречкий, Коряковский, Семиярский и Убинский). Черлак вошел в число важнейших опорных пунктов, связывавших Омск с Семипалатинской крепостью. «Форпост Черлаковский сначала поставили на высоком берегу в трех километрах от современного Черлака. Но там были солончаки, и через три года форпост перенесли на более удобное место, где сейчас находится райцентр. В первые годы службу в Черлаковском несли тарские казаки. Позже на левом берегу образовалась деревня Никольское, которая уже позже слилась с Черлаковским форпостом в станицу Черлаковскую». В XIX в. крестьяне, жившие по линии, были зачислены в казачьи сословия, и Черлаковский форпост был переименован в Черлакскую станицу. В конце XIX в. Черлак представлял собой крупный населенный пункт. После революции состав жителей поменялся. Часть потомственных казаков ушла с белыми в Китай (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 239 – 241; Остапенко А. Есть городок на Сибирской земле // Омская трибуна. 2012. 2 февр. № 4. С. 24).

[8] Унковский Иван (?) – состоял при Петре I на военной службе. В 1721 г., будучи в чине капитана от артиллерии, был назначен посланником к дзюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану для приведения в русское подданство дзюнгарских калмыков (ойратов), так как, по слухам, Цэван Рабтан готов был на такой шаг за военную помощь против китайцев. Унковский оставил интересный журнал своей поездки, охватывающий временной промежуток с конца февраля 1722 по апрель 1724 г. (ЭСБЕ. 1902. Т. XXXIV А. С. 838).

[9] В 1955 г. началось строительство индустриального Павлодара. Были заложены первые пятиэтажные дома и началось строительство первого объекта индустрии города – комбината ЖБИ-1. В 1956 г. было построено новое здание железнодорожного вокзала, в 1962 г. – возведен автодорожный мост через Иртыш, в 1965 г. запущена первая очередь трамвайного движения. Уже в 1968 г. началось возведение жилых многоэтажек. А.Ф. Палашенков описывает Павлодар в момент фундаментальных перемен в его внешнем облике (Павлодар: ист.-инф. путеводитель. Алма-Ата: Казахстан, 1982. С. 10 – 11).

[10] «Гусиный перелет» – уникальный музей под открытым небом, содержащий огромное количество костей и скелетов животных, живших в период от 12 до 25 миллионов лет

назад. В 1960 г. казахстанские исследователи на «Гусином перелете» обнаружили останки самых разных животных, «их коллекция пополнилась мелкими позвоночными. В том числе зайцами, змеями, земноводными, мышовками, пищухами, тушканчиками и птицами. А еще удалось найти массивную нижнюю челюсть одного из самых крупных на континенте саблезубов-махайродов». В 1971 г. «Гусиный перелет» вошел в число памятников природы республиканского значения. В 2001 г. музей включили в реестр памятников природы суверенной Республики Казахстан. «Работники различных ведомств вот уже много лет ведут между собой переписку и никак не могут определить, кто же должен отвечать за уникальный памятник природы. Первоначально намеревались закрепить Гусинку за областным краеведческим музеем, позже – за Баянаульским национальным парком, хотя Баянаул расположен в 200 километрах от Павлодара. Логичнее, наверное, придать самостоятельность памятнику природы мирового уровня». Памятник оказывается без охраны и повсеместно разоряется «черными палеонтологами». (Кто спасет «Гусиный перелет»? // Караван. 2013. 1 марта. № 9. С. 3).

11 Орлов Юрий Александрович (1893 – 1966) – зоолог, палеонтолог, гистолог, академик Академии наук СССР (1960), с 1932 г. заведующий отделом, с 1945 г. директор Палеонтологического института Академии наук СССР, редактор «Палеонтологического журнала» (1959 – 1966), главный редактор 15-титомного труда «Основы палеонтологии» (БСЭ. 1974. Т. 18. С. 520).

12 Гиппарион – род ископаемых трехпалых лошадей. Существовали с верхнего миоцена до конца плиоцена. Размером с небольшую лошадь (высота в холке до 1,5 м). Гиппарионы жили многочисленными стадами (до нескольких тысяч особей) на травянистых равнинах (типа саванн) с редкими перелесками и водоемами. Были распространены в верхнем миоцене в Северной Америке, где впервые появились; затем заселили все материки, кроме Южной Америки и Австралии. Известно более 50 видов гиппарионов, все они вымерли, не оставив потомков. Гиппариона заменила однопалая лошадь, возникшая от близкого рода плиогиппус, которая была лучше приспособлена к условиям жизни в степях и расселилась из Северной Америки по всем континентам (БСЭ. 1971. Т. 6. С. 547).

13 Васильев Павел Николаевич (1909 – 1937) – советский поэт. С 1927 г. печатался в журнале «Сибирские огни», омских газетах «Рабочий путь», «Советская Сибирь». С 1929 г. переехал в Москву, публиковался в столичных изданиях. Его перу принадлежат «Песня о гибели казачьего войска», «Соляной бунт», «Август». В феврале 1937 г. арестован и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 192).

14 Ямышевская крепость – сторожевое укрепление Иртышской линии, остатки которого сохранились в районе села Ямышево на севере Казахстана (Павлодарская обл.). Ямышевская крепость основана отрядом подполковника И.Д. Бухольца в октябре 1715 г. на правом берегу реки Иртыша, возле Ямышевского озера, срыта после осады отряда джунгар в феврале 1716 г. В 1716 г. была вновь восстановлена подполковником Матигоровым и укреплена в 1717 г. подполковником Ступиным. В 1836 г. крепость была упразднена и преобразована в Ямышевскую казачью станицу. А.Ф. Палашенков дважды (в 1962 г. и 1964 г.) побывал в Ямышеве с целью обнаружения остатков лагеря, проводил изыскательные работы. В 1980-х гг. ученый Омского сельхозинститута Д.Н. Фиалков на основе произведенной аэрофотосъемки местности выявил остатки лагеря И.Д. Бухольца. Свои данные он опубликовал в одном из трудов института (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 239 – 241, 246 – 249; Соколкин Э. Д. Знаменитые омичи в Павлодарском Прииртышье // Известия ОГИК музея. 2008. № 8. С. 201; Миллер Г.Ф. «Известие о песошном золоте в Бухарии… С. 491).

15 Елагин А.С. Казачество и казачьи войска в Казахстане. Алматы: [б.и.], 1992. С. 161.

16 Исследователь Д.Н. Фиалков обосновал гипотезу о нахождении двух самостоятельных крепостей у озера Ямышево, опираясь на материалы «Хорографической книги» Семена Ремезова 1697 г. и карту Г. Миллера 1734 г. Согласно данным карты конца XVII столетия, первый Ямышевский пост возник в 1613 г. на низком затопляемом берегу выше речки Пресной. Пост имел форму четырехугольника с укреплениями по трем сторонам и естественной преградой со стороны Иртыша. На территории поста велась меновая торговля с местным населением. Следов этого укрепления не сохранилось. Отряд И.Д. Бухольца, направляясь осенью 1715 г.

в этот район, вероятно, остановился в старом укреплении. Д.Н. Фиалков убедительно обосновал трудности строительства новой крепости в суровых условиях сибирской глухой осени и зимы. Строительство Ямышевской крепости было отложено из-за невозможности продолжать оборону укрепления в условиях голода и цинги. Весной 1716 г. отряд Бухольца отступил к устью Оми. Новая крепость, возведенная на высоком правом берегу Иртыша ниже ручья Пресного, была построена позднее. Ныне на месте крепости расположен Ямышевский поселок. Таким образом, И.Д. Бухольца нельзя считать основателем Ямышевского острога. Сторонники другой версии развития событий опираются на письменные источники. По мнению краеведа А.Д. Колесникова, отряд Бухольца обосновался во временной крепости, наскоро сооруженной в условиях зимнего времени. Отсутствие надежных укреплений и обеспеченности отряда провиантом привело к отказу от дальнейшего пребывания на занятой территории, срытии крепости и отступлению к Оми. В качестве источника исследователем использовались воспоминания участника похода А.А. Зыбина. Исследователь С.Е. Черных в работе «Начало положила крепость: сборник очерков, статей», развивая эту версию, ссылается на приказ Петра I об учреждении новой крепости на Ямыш-озере и архивные материалы, хранящие информацию о ходе строительства укрепления под руководством Каландера. В 1717 г. крепость была построена вновь «по прежнему начертанию» на высоком берегу Иртыша в форме полушестиугольника (Колесников А.Д. Основание Омской крепости // Колесников А.Д. Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. Омск, 1999. С. 33; Фиалков Д.Н. По следам Ивана Дмитриевича Бухольца… С. 62 – 63; Черных С.Е. Начало положила крепость: сб. ст., очерков / сост. Л.П. Рифель. Усть-Каменогорск, 2004. С. 13 – 15).

17 Чулков Михаил Дмитриевич (1743 – 1792) – издатель, писатель, историк, чиновник Сената. Автор сборника волшебно-рыцарских и плутовских новелл и повестей («Пересмешник или Славенские сказки» и т.д.). В последние годы жизни работал над «Историческим описанием Российской коммерции» (Т. 1 – 7, 1780—1788) – подробным сводом законодательных актов и других документов о торговле (БСЭ. 1978. Т. 29. С. 257).

18 Пересказ этого фрагмента Ремизовской летописи см. подробнее: Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. 1. М.: Восточная литература, 1999. С. 259.

19 Лебяжья крепость – сторожевое укрепление Тоболо-Ишимской линии на границе Российской империи и казахстанских степей, основанное в 1752 г., в настоящее время – село Лебяжье Курганской области (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 239 – 241).

20 Иванов Всеволод Вячеславович (1895 – 1963) – советский писатель, участник Октябрьской революции. При А.В. Колчаке мобилизован в армию, служил в типографии газеты «Вперед». После утверждения советской власти работал инструктором внешкольного отдела Татарского уездного отдела народного образования, затем в губернском информационном отделе. В 1921 г. отправился в Петроград. Автор романов, повестей, сборников рассказов («Партизаны», «Бронепоезд 14-69») (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 453 – 454).

21 Эласмотерий – (Elasmotherium), род ископаемых носорогов. Жили в плейстоцене. Длина тела до 4,5 м, высота в холке около 2 м. Череп с сильно заостренными впереди носовыми костями. Глазницы широко расставлены, лобная часть черепа в виде большого купола, покрытого толстой кожей; возможно, на ней имелся крупный рог. Резцы и клыки отсутствуют. Предкоренные и коренные зубы (по 5 – 6 в каждой половине челюсти) очень высокие, гипселодонтные, со сложными складками эмали. Конечности трехпалые. Жили, вероятно, в степи, в речных долинах и по берегам озер; питались сравнительно жесткой растительностью. Были широко распространены на юге Сибири и Европейской части СССР, где многочисленны их останки (БСЭ. 1978. Т. 30. С. 28).

22 Семипалатинск основан как крепость в 1776 г., до 1782 г. носил название Семипалатка – по числу находившихся возле крепости семи сооружений. К середине XVIII столетия, с потерей оборонного значения, Семипалатка стала центром транзитной торговли. С 1782 г. получил статус уездного города Сибирской губернии, с 1796 г.– Томской губернии, с 1854 г.

– областной центр. Ныне важный торгово-промышленный центр Казахстана (Семипалатинск // Города Петра Великого… С. 156 – 157).

[23] Историко-краеведческий музей был основан в Семипалатинске в 1883 г. по инициативе политических ссыльных-народовольцев (П. Михаэлис, а также члены Семипалатинского Статистического комитета В.Н. Филиппов и М.И. Суворцев, политические ссыльные Н.И. Долгополов, А.А. Леонтьев, П.Д. Лобановский, А.А. Блэк, Н.Я. Коншин) при поддержке губернатора А.П. Проценко. За историю своего существования музей несколько раз менял помещение, и на сегодняшний день открыт в здании бывшего Дома генерал-губернатора (Семипалатинск. Алма-Ата: Наука, 1984. С. 52. (Серия: История городов Казахстана).

[24] В 1971 г. в сохранившемся деревянном доме почтальона Ляпухина, в котором Ф.М. Достоевский снимал квартиру в 1857 – 1859 гг., был открыт Музей Достоевского. К старинному домику, где жил писатель, было пристроено оригинальное здание с экспозиционным залом, библиотекой, читальным и кинолекционным залами. У входа в литературно-мемориальный музей установлен памятник Ф.М. Достоевскому и Ч. Валиханову, олицетворяющий дружбу русского и казахского народа (Семипалатинск… С. 220).

[25] В 1980 г. в виду расширения музея и увеличения числа экспонатов, музей переехал в новое здание. Сотрудники музея собирают как вещи, связанные с именем великого казахского поэта, так и памятники национальной культуры казахского народа (Семипалатинск… С. 221).

[26] Ныне поселок городского типа на востоке Казахстана.

[27] Ныне Ушарал (Учарал) – город в Казахстане, центр и крупнейший город Алакольского района Алматинской области. Статус города получил в 1984 г.

[28] Ныне Сарканд имеет статус города (с 1968 г.) и является центром Саркандского района Алматинской области.

[29] Поселок был переименован в 1965 г. в поселок Жансугуров Алматинской области Казахстана.

[30] «Денгек» – местное название сооружения из каменных плит на глине, означающее в переводе «столб». Памятник был обнаружен исследователем Н.Н. Пантусовым в 1890 г., после чего он в 1898 г. совершил повторную поездку к находке. Исследователь отмечал плохую сохранность памятника за прошедшие восемь лет и необходимость охраны его от небрежного, порой хищнического отношения местных жителей, разбиравших памятник по частям (Пантусов Н. Древности Лепсинского уезда Семиреченской области // ПТКЛА, Год IV. Ташкент, 1899. С. 16 – 17).

[31] В 2001 г. город получил статус центра Алматинской области.

[32] Мушкетов Иван Васильевич (1850 – 1902) – выдающийся ученый (геолог и географ), знаменитый путешественник. По итогам экспедиции в Среднюю Азию 1877 – 1880 гг. И.В. Мушкетовым был написан капитальный труд «Туркестан» (Т. 1-2, 1886 – 1906), в котором дал геологическое и орографическое описание Средней Азии, предложил схему ее геологического строения. В 1881 г. вместе с Г.Д. Романовским составил первую геологическую карту Туркестана (БСЭ. 1974. Т. 17. С. 147 – 148).

[33] В 1970 г. Илиск был переименован в Капчагай, город областного подчинения в Алматинской области.

[34] Алма-Ата (казах. Алматы, до 1921 г. – Верный) – крупнейший город Казахстана, бывший в 1936 – 1991 гг. столицей Казахской ССР, в 1991 – 1997 гг. – первой столицей Республики Казахстан.

[35] В память об Узун-Агачском деле в 1905 г. на православном кладбище села Узун-Агач (бывш. Казанско-Богородское) был установлен памятник (по эскизам петербургского архитектора А. Гогена, строительные работы вели С. Тропаревский и А. Зенков). В 1921 г. памятник был разрушен: были сбиты чугунные доски и медальоны с именами участников битвы. Ушли на металлолом трофейные кокандские пушки, скрепленные цепью, и фигура орла, державшего в когтях карту владений Кокандского ханства. Развалины памятника сохранялись до недавнего времени (2007), когда памятник был восстановлен местным казачеством без соблюдения точного исторического облика мемориала (Маскаев К.

Победа казаков и казахов // Новое поколение. 2008. 2 нояб. С. 5; Шихотов В.С. Плечом к плечу: к 150-летию Узун-Агачской битвы // Казачий курьер. 2010. 9 июня. № 5. С. 3).

[36] Колпаковский Герасим Алексеевич (1819 – 1896) – генерал-губернатор Степного края, один из крупнейших деятелей завоевания Средней Азии. В 1860 г. подполковник Г.А. Колпаковский участвовал в сражении при укреплении Кастек (под Узун-Агачем), командуя отрядом из казаков и легкой казахской конницы. Им была одержана победа над вторгшимся в Заилийский край шестнадцатитысячным кокандским войском. Последовавшее преследование противника было остановлено кавалерийскими формированиями из казахских пансат-баши, воевавших на стороне кокандцев. В 1865 г. назначен военным губернатором Семипалатинской области, в 1867 г. – военным губернатором Семиреченской области. Содействовал крестьянской колонизации вверенных ему территорий. В 1882 г. с образованием Степного генерал-губернаторства был назначен первым степным генерал-губернатором и командующим войсками Омского военного округа (1882 – 1889). Будучи на посту генерал-губернатора, особое внимание уделял образованию в крае. Содействовал исследовательской работе членов ЗСОИРГО в Степном крае, подарил музею отдела ряд экспонатов, способствовал перевозу в 1883 г. из Березова в Омск легендарного знамени Ермака (Маскаев К. Победа казаков и казахов… С. 5; Шихотов В.С. Плечом к плечу… С. 3; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 1. С. 553 – 554).

[37] В 1991 г. город был переименован в Бишкек.

[38] Фрунзе Михаил Васильевич (1885 – 1925) – крупный военачальник Красной Армии времен гражданской войны, военный теоретик, революционер. В августе 1919 – сентябре 1920 гг. командовал Туркестанским фронтом (БСЭ. 1978. Т. 28. С. 109).

[39] Кокандская крепость Токмак была основана в первой четверти XIX в. (1825—1830). К 1862 г. крепость была разрушена русскими войсками в связи с невозможностью взятия форпоста иным способом. Местные жители оказывали упорное сопротивление, в ходе сражения поселение сравняли с землей. На месте кокандских крепостей были заложены русские укрепления. В 1864 г. у развалин крепости Токмак, расположился прибывший из Верного отряд полковника Черняева, который заложил на этом месте русское укрепление Токмак. В 1867 г. Токмак получил статус города (Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.: «АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. С. 353 – 381).

[40] Быстровка ныне носит название Кемин, поселок городского типа, административный центр Кеминского района Чуйской области Киргизии.

[41] Поселок Рыбачье ныне имеет статус города и с 1993 г. носит название Балыкчи (дословный перевод на киргизский русского топонима).

[42] Ныне Долинка переименована в Карай-Ол.

[43] Бильдерлинг Александр Александрович (1846 – 1912) – военный (генерал от кавалерии), участник русско-турецкой (1877 – 1878) и русско-японской (1904 – 1905) войн, общественный деятель, живописец. Широко известен благодаря своим художественным работам и историческими исследованиями. Систематического художественного образования не получил; художник-любитель. Автор эскизов памятников Э.И. Тотлебену в Севастополе, Н.М. Пржевальскому в Александровском саду в Санкт-Петербурге и на могиле в Караколе и т.д. (Булгаков Ф.И. Наши художники. СПб., 1889. С. 39; Художники народов СССР: библиогр. сл. М., 1970, Т. 1. С. 398 – 399).

[44] Шредер Иван Николаевич (1835 – 1908) – скульптор, автор памятников Екатерине II в Царском селе, адмиралу Крузенштерну и принцу П.Г. Ольденбургскому в Санкт-Петербурге, адмиралу Беллинсгаузену в Кронштадте, Петру I в Петрозаводске, императору Александру II (там же) и т.д. (ЭСБЕ. 1903. Т. XXXIX А. С. 855).

V
раздел

Рецензии и отзывы на работы омских историков и краеведов

Рецензия на рукопись М.Е. Бударина «Пушкин и декабристы»

[1] Текст рецензии хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/235. Л. 1 – 2. Подлинник. Рукопись (машинопись).

[2] Бударин Михаил Ефимович (1920 – 2003) – историк, краевед. Доктор исторических наук, профессор ОГПИ. Специалист в области истории Сибири, автор монографий «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири» (1952), «Путь народов Севера» (1968). Известен также как автор художественных произведений, написанных на историческом материале. Член Российского Союза журналистов и Омского отделения Географического общества (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь... С. 35 – 36).

Замечания к рукописи М.Е. Бударина «Декабристы в Западной Сибири»

[1] Текст рецензии хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/233. Л. 1 – 5. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Критика работы «Декабристы в Западной Сибири» снабжена яркими зарисовками быта декабристов в сибирской ссылке, призванными скорректировать или опровергнуть выводы, сделанные М.Е. Бударимым. Благодаря этим дополнениям текст А.Ф. Палашенкова выходит за рамки сухой оценки чужого материала и приобретает значение самостоятельного источника информации в рамках поднятой проблемы. Источники, к которым обращается А.Ф. Палашенков для подтверждения своих тезисов, можно разделить на две группы. В первую входят справочная литература и научные издания (в частности опубликованные записи М.А. Дмитриева-Мамонова, И.Д. Якушкина), во вторую – материалы собственных наблюдений относительно внешнего облика западносибирских городов. Материал служит дополнениям к работам самого А.Ф. Палашенкова, посвященным повседневной жизни участников восстания на Сенатской площади и их семей в сибирской ссылке.

[2] Муханов Петр Александрович (1799 – 1854) – декабрист, член Союза благоденствия (1818), сблизился с членами Южного общества. После поражения восстания 14 декабря призывал московских декабристов к решительным действиям, вызвался на цареубийство. Арестован, приговорен к двенадцати годам каторги, сокращенным впоследствии до восьми лет. Отбывал наказание в крепостях Свеаборга и Выборга, затем в острогах Сибири. Умер в Иркутске (БСЭ, 1974. Т. 17. С. 144).

[3] Вадковский Федор Федорович (1800 – 1844) – декабрист, член Северного общества (с 1823 г.), в 1824 г. вошел в Петербургскую управу Южного общества. После поражения восстания приговорен к вечной каторге, замененной тринадцатилетним сроком. Вместе с И.И. Пущиным выступил инициатором создания тюремной «артели» декабристов (БСЭ, 1971. Т. 4. С. 231).

Рецензия на книгу М.К. Юрасовой «Очерки истории Омска»

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/230. Л. 1 – 5. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Рецензия написана на главный труд известного омского краеведа М.К. Юрасовой. «Очерки истории города» вобрали в себя большую часть тем, разрабатываемых М.К. Юрасовой в течение долгого времени. Это издание вплоть до конца 1980-х гг., т.е. на протяжении тридцати лет, пережило несколько переизданий и оставалось одним из наиболее полных (как по хронологическим рамкам, так и по объекту изучения) трудов, посвященных истории нашего города с момента его основания до современности.

[2] Юрасова Мария Климентьевна (1913 – 2003) – прозаик, публицист. Член Союза писателей России (с 1961 г.). Родилась и долгое время жила в Одессе. Во время Великой Отечественной войны, в 1943 г. эвакуировалась в Омск. Работала в газетах и на радио, пятнадцать лет – редактором Омского книжного издательства. Ею выпущено несколько десятков книг и статей. Начиная с военных лет, изучала историю Омска и Сибири («Из истории советского Омска», «Город над Иртышом», «Города Омской области»). В 1965 г. в Новосибирске вышла книга «Омск: очерки истории города», которая выдержала пять изданий (Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 667).

Отзыв о рукописи Долбешкина-Кириллова «Омские большевики колчаковского подполья 1918 – 1919 гг.»

[1] Источник хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК 13408/227. Л. 1 – 6. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Рецензия посвящена работе старого большевика, участника событий гражданской войны в Омске – Долбешкина-Кириллова. Обращение краеведа к этой работе обусловлено неизменным интересом А.Ф. Палашенкова к событиям 1917 – 1921 гг. в нашем крае, воплотившимся в многолетних наработках по этой проблеме. Интерес А.Ф. Палашенкова к работе Долбешкина-Кириллова вызван, как он сам указывает, желанием получения свежей, не растиражированной информации о деятельности омского революционного подполья. Отсутствие этого главного показателя обусловило критические замечания краеведа.

[2] Лукьяновская тюрьма в Киеве (Лукьяновский тюремный замок) – тюрьма, состоящая из нескольких корпусов (первые здания относятся к 1863 г. постройки). Значится как памятник истории в Своде памятников истории и культуры Украины. В тюрьме в разное время отбывали наказание Кибальчич Н.И., Дзержинский Ф.Э., Луначарский А.В., Урицкий М.С. и др. Ныне следственный изолятор № 13 г. Киева.

[3] Парняков Пантелеймон Федорович (1895 – 1919) – участник революционного движения, член Центросибири, член подпольного обкома партии. Участник событий Февральской революции в Петрограде. В том же году вернулся на родину, в Иркутск, где был избран членом Военно-революционного штаба. После установления советской власти редактировал газеты «Власть труда», «Центросибирь». На II Всесибирском Съезде Советов был избран членом Центросибири и занял пост комиссара просвещения. После падения советской власти скрывался, прибыл в Омск. Активно участвовал в подпольной работе, подготовил к выпуску газету «Правда коммуниста», позднее был кооптирован в состав Сибирского комитета партии. В апреле при попытке выйти на связь с солдатом-подпольщиком был арестован. После двухмесячных допросов и пыток умер от заражения крови (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь… С. 197 – 198; Энциклопедия города Омска… Т. 3, кн. 2. С. 226).

VI
раздел

Автобиографические материалы

Письмо А.Ф. Палашенкова смоленскому краеведу С.М. Яковлеву

[1] Текст рукописи хранится в фонде Государственного архива Смоленской области (ОГУ ГАСО). Ф. 1063. Оп. 1. Д. 5 . Л. 73 – 87. Подлинник. Рукопись.

Рукопись выявлена в личном фонде смоленского краеведа С.М. Яковлева. Текст дает возможность расширить знания о т.н. «смоленском периоде» жизни А.Ф. Палашенкова. Впервые в научный оборот этот документ был введен А.М. Лосуновым в работе «Исповедь краеведа», опубликованной в Известиях ОГИК музея (2011. № 14. С. 311 – 320).

[2] Яковлев Сергей Малахиевич (1900 – 1981) – писатель, краевед, журналист. Из семьи земского служащего. Образование получил в Смоленской частной мужской гимназии П.Н. Евневича и Московском межевом институте. До 1941 г. работал по специальности в Госплане РСФСР. В период Великой Отечественной войны был военным журналистом на Ленинградском фронте. После войны возглавлял редакционно-издательский отдел во Всесоюзном НИИ торфяной промышленности. Выйдя на пенсию (1960), активно занялся краеведением. Оказал большую помощь Смоленскому областному краеведческому музею (в настоящее время музей-заповедник) в собирании материалов о знатных земляках. Его перу принадлежат книги: «Пионер русской авиации Глеб Васильевич Алехнович» (Смоленск, 1960), «Наши крылатые земляки» (Смоленск, 1962), «Смоляне в искусстве» (Москва, 1968), а также сотни статей, опубликованных в 1960 – 1970-х гг. как в смоленской, так и центральной прессе. Его жена Надежда Константиновна, урожденная Вульф (1905 – 2000), была крестницей писателя А.Н. Толстого, а дочь Галина Сергеевна была замужем за лауреатом Государственной премии СССР и другом А.И. Солженицына Борисом Можаевым. Похоронен на Богословском кладбище Санкт-Петербурга в одной могиле со своей няней – Сусанной Эдуардовной Гляндер (1875 – 1949). В послевоенные годы активно переписывался с А.Ф. Палашенковым (ОГУ ГАСО. Предисловие к фонду 1063 (личный фонд С.М. Яковлева); Блинов И. Семейные тайны: путь к читателю длиною 30 лет // Аргументы и факты в Смоленске. 2008. 3 дек. Вып. 49).

[3] Речь идет об А.Г. Пригожине, который был объявлен врагом народа и расстрелян. А.Г. Пригожин окончил Смоленскую общественную гимназию, затем – Институт красной профессуры в Москве. Написал книгу «Гракх Бабеф». Находясь в командировке в Англии, женился на дочери лейбориста лорда Ленсбери мисс Вайлет. Преподавал в Свердловске, затем – в Москве.

Примечание составлено С.М. Яковлевым. Данное обстоятельство указывает на то, что письмо-исповедь С.М. Яковлев давал для прочтения своим друзьям-землякам. Не исключено и то, что он планировал его публикацию.

[4] Смоленская частная гимназия Н.И. Евневича стала в 1914 г. (после того как владелец ее обанкротился) называться Смоленской общественной гимназией, т.е. «принадлежащей обществу родителей ее учеников» (Левитин М. Земский служащий Яковлев. Машинописная копия статьи. Личный архив А.М. Лосунова).

[5] Добровольский Владимир Николаевич (1856 – 1920) – крупнейший этнограф, исследователь обычаев и языка смоленских, орловских и калужских крестьян. Образование получил в Смоленской гимназии, Санкт-Петербургском и Московском университетах. В 1902 г.

его назначили попечителем Московского учебного округа. В 1906 г. был переведен на такую же должность инспектора в Смоленскую губернию, до революции работал в Ельнинском уезде. Член-сотрудник Географического общества. Автор Смоленского Этнографического сборника, Смоленского областного словаря, множества статей. По поручению Академии наук В.Н. Добровольский собирал лексический материал в Смоленской, Калужской и Орловской губерниях. В 1914 г. был напечатан «Смоленский областной словарь», включавший не только толкование диалектных слов, но и некоторые сведения о социальных условиях жизни народа (Добровольский Владимир Николаевич // Смоленская область: энцикл. / гл. ред. Д.И. Будаев. Т. 1: Персоналии. Смоленск: СГПУ, 2001. С. 75; Сидельников В.М. Смоленский этнограф и краевед В.Н. Добровольский // Смоленский альманах. Смоленск: Обл. гос. изд-во, 1951. Кн. 9. С. 154 – 166; Трофимов И.Т. Владимир Николаевич Добровольский // Писатели Смоленщины: биобиблиогр. справ. Смоленск, 1959. С. 48 – 52).

[6] Алферовская учительская семинария – первое в Смоленской губернии учебное заведение, готовившее учителей для начальных школ для Смоленской и Калужской губерний и для Масальского уезда. Открыта на средства Вяземского уездного земства при пособии от казны и губернского земства в 1872 г. в сельце Алферово в 5 верстах от Вязьмы. В среднем выпускала 20 учителей в год. Семинария размещалась в бывшей усадьбе помещика Д.А. Путяты. В 1877 г. разбит плодовый сад для обучения садоводству и огородничеству, в 1886 г. эти занятия были прекращены, а сельских учителей земство стало посылать на образцовые курсы в Горки и Студенец. При семинарии для практических занятий воспитанников находилась начальная школа. Общее число учащихся в учительской семинарии – около 75 человек (в 1 классе – 33, во 2 – 18, в 3 – 24, в начальной школе 71 ученик). Преподавало 6 учителей. В 1918 г. семинария преобразована в Вяземский педагогический техникум. В 1920 г. из села Алферово педагогический техникум был переведен в Вязьму (ОГУ ГАСО. Предисловие к фонду 153 (Алферовская учительская семинария).

[7] Нерадовский Петр Иванович (1875– 1962) – музейный деятель, график, живописец. Сын художника И.Д. Нерадовского. Учился в МУЖВЗ (1888 – 1896) у С.А. Коровина и Л.О. Пастернака; в Высшем художественном училище живописи, скульптуры и архитектуры в Петербурге (1896 – 1903) в мастерской И.Е. Репина; в 1903 г. получил звание художника за картину «Песня». В 1909 – 1932 гг. жил в Петербурге (Петрограде, Ленинграде). Участник Первой мировой войны (1914 – 1916). Как автор сотрудничал в журналах «Аполлон», «Старые годы». В 1909 – 1929 гг. работал хранителем, а затем заведующим художественным отделом Русского музея, в 1929 – 1932 гг. – член Совета музея. Руководил устройством новой экспозиции, каталогизацией и комплектованием музейных коллекций; в частности, занимался передачей в Русский музей из Петергофа серии портретов воспитанниц Смольного института Д.Г. Левицкого. В 1920 – начале 1930-х гг. работал в Государственном Эрмитаже, Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде. В 1925 – 1928 гг. – член правления Государственной Третьяковской галереи, член научно-художественной секции Государственного ученого совета Наркомпроса (с 1925 г.). 9 октября 1933 г. был арестован по обвинению в шпионаже; 2 апреля 1934 г. вместе с группой старших сотрудников Русского музея осужден по статьям 58.10, 58.11 (шпионаж, активные действия против рабочего класса, проявленные при царском строе) к 3 годам исправительно-трудовых лагерей; освобожден досрочно. В 1935 – 1938 гг. жил в Тарусе под Москвой. В 1938 г. снова арестован и осужден по статье 58.10 к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. 15 июня 1943 г. освобожден досрочно (в 1956 г. – реабилитирован). Проживал в Загорске (1943 – 1958). С 1943 г. руководил работой Загорского филиала Центральных государственных реставрационных мастерских. Работал в Загорском музее-заповеднике. В 1958 г. поселился в Москве (Нерадовский П.И. Из жизни художника. Л.: Художник РСФСР, 1965. С. 7 – 10; Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. С. 265; Выставки советского изобразительного искусства: справ. Т. 1. М., 1965. С. 501, Т. 5. М., 1981. С. 822).

[8] Видимо, имеется в виду профессор Карташов Александр Васильевич. Родился в 1883 г. в г. Казани. Был с 1931 г заведующим кафедрой неорганической химии Иркутского университета (Кузнецов С.И., Щербаков Н.Н. Иркутский государственный университет: ректоры, профессора, деканы (1918 – 1998). Иркутск, 1998).

[9] Картавцов Илья Михайлович (1895 – 1971) – библиограф-краевед, генеалог. Родился в Курске, всю жизнь жил и работал в Москве во Всесоюзной книжной палате, был одним из основателей «Летописи журнальных статей» (с 1926 г.). Активный участник Русского библиографического общества, постоянный сотрудник журналов «Библиография», «Научный работник», «Среди коллекционеров». Собрал ценную в научном отношении библиотеку по генеалогии, интерес представляет и его архив. Еще в пятнадцатилетнем возрасте начал усиленно собирать надгробные эпитафии и записи, продолжая эту работу на протяжении 40 лет, что в итоге вылилось в труд «Русский некрополь». Работа включала в себя сведения некрополей Тульской, Курской, Орловской Калужской, Полтавской губерний (в том числе некрополей Оптиной пустыни, Белевского Крестовоздвиженского монастыря). Работа является ценным источником генеалогической информации для реконструкции несохранившихся некрополей. Не опубликована. Рукописи хранятся в Институте русской литературы Российской академии наук. Среди основных работ Картавцова: «Библиографические заметки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных в Псковской губернии» (Псков, 1916); «Декабристы-туляки» (Тула, 1926, совместно с В.С. Арсеньевым); «Усадьбы Московской губернии. (Опыт библиографического указателя)» (М., 1927). Совместно с В.С. Арсеньевым написал книгу «Декабристы-туляки» (Тула, 1926 г.). В этой книге много сведений о жизни декабристов в Сибири. В годы советской власти подвергался репрессиям. Скончался в Москве 31 декабря 1971 г. (Кунин В.В. Ленинградское общество библиофилов и его альманах. М., 1983. С. 28 – 29; Петряев Е. Записки книголюба. Киров, 1978, С. 158 – 160).

[10] Скорее всего, это тот самый Н.С. Яхонтов (1883 г. рождения), который в 1920-х гг. работал преподавателем сельскохозяйственной метеорологии в Рязанском сельскохозяйственном техникуме (Рязанский аграрный техникум. История образовательного учреждения. Машинописная копия статьи. Личный архив А.М. Лосунова).

[11] Епископ Герман (в миру Александр Адамович Вейнберг) (1885 – 1942) – епископ Русской православной церкви, епископ Алма-Атинский. Отец – потомственный почетный гражданин, мать – из московской купеческой семьи. В 1912 г. окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В том же году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 24 ноября 1913 г. пострижен в монашество, затем рукоположен во иеродиакона, с 30 декабря 1914 г. – иеромонах. В 1916 г. окончил Петроградскую духовную академию. В 1916 – 1917 гг. – преподаватель Житомирского училища пастырств имени Иоанна Кронштадтского. 19 октября 1926 г. хиротонисан во епископа Масальского, викария Калужской епархии. С 23 января 1929 г. – епископ Бугульминский, викарий Казанской епархии. С 3 апреля 1930 г. – епископ Алма-Атинский. Резко критиковал деятельность обновленческого движения, морально и материально поддерживал ссыльных, в том числе священников, которым разрешал на Литургии причащаться в алтаре в полном облачении. Сотрудничал с образованными людьми, жившими в Алма-Ате, в том числе в деле сбора исторической информации о находившихся близ города мощах апостола и евангелиста Матфея. 10 декабря 1932 г. был арестован в Алма-Ате прямо в церкви после вечерней службы вместе с архимандритом Феогеном (Козыревым) и всем клиром Николо-Кучугурской церкви – единственного храма патриаршей церкви в городе. Все они были обвинены в участии в контрреволюционной организации церковников. 25 июня 1933 г. тройкой при полномочном представительстве ОГПУ в Казахстане осужден на 8 лет лишения свободы и отправлен в Карлаг. В 1937 г. был признан инвалидом, не способным к физическому труду, но уже в следующем году, находясь в лагере, был вновь осужден – на этот раз на 10 лет – по обвинению в высказываниях, «дискредитирующих советское строительство и оскорбляющих вождей партии». Скончался 24 мая 1942 г. в стационаре на командировке (отделении) «Акмолинское» Карлага от сердечного приступа. Похоронен на кладбище командировки. На его могиле был поставлен столб с надписью «Б-16». Местонахождение кладбища неизвестно (Королёва В.В. Герман (Вейнберг) // Православная энциклопедия. Том XI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 245).

[12] Епископ Платон (Руднев), Богородский (единоверческий) – викарий Московской епархии (1885 – 1936) – в миру Руднев Николай Николаевич. Родился в семье диакона

Спасской надвратной церкви Зачатиевского женского монастыря в Москве. Получил хорошее образование: в 1901 г. окончил Донское духовное училище в г. Москве и после училища поступил в Московскую духовную семинарию, которую окончил в 1907 г. В 1912 г. окончил LXVII курс (1908 – 1912) Московской духовной академии со степенью кандидата богословия. После окончания академии стал трудиться в должности сотрудника Государственного Исторического музея в г. Москве. 1 октября 1923 г. Платон (Руднев) был хиротонисан во епископа Богородского, единоверческого викария Московской епархии. В конце 1924 г. был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму г. Москвы, из которой отправлен в Соловецкий лагерь. С 1925 по 1927 гг. отбывал заключение в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). После освобождения из Соловецкого лагеря в 1927 г. через короткое время владыка был отправлен в ссылку в г. Усть-Сысольск (Сыктывкар) Коми-Зырянского края, где пробыл до окончания ссылки в 1931 г. В 1931 г. оказался в пересыльном лагере г. Алма-Аты, где жил и работал птичником на птицеферме лагеря. В 1932 г. был освобожден и поселился в г. Владимире, но 23 апреля 1932 г. был снова арестован и осужден на 3 года исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). После освобождения в 1935 г. поселился в г. Калинине. 8 мая 1935 г. был в очередной раз арестован. А в январе 1936 г. погиб в заключении при невыясненных обстоятельствах (возможно, расстрелян). Место погребения неизвестно (Мануил (Лемешевский В.В.), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно). Erlangen, 1979 – 1989. Т. 5. С. 474).

[13] Видимо, имеется в виду Богословский Павел Степанович (1890 – 1966). Окончил историко-филологический и археологический факультеты С.-Петербургского университета. Ученик академиков В.В. Латышева, А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, Н.П. Лихачева и др. В 1916 г. вошел в первый состав научных работников Пермского университета в должности приват-доцента. С 1922 г. – профессор, заведующий кафедрой русской литературы. Более полувека изучал Урал как археолог, этнограф, искусствовед и фольклорист. Опубликовал свыше 150 научных работ, получивших высокую оценку известных фольклористов страны. Значительный интерес представляют его историко-литературные исследования (П.С. Богословский // Профессора Пермского университета. Пермь, 1991. С. 13 – 14; Государственный архив Пермского края. Историческая справка к Фонду Р-973 (Братья Богословские: Павел Степанович (1890 – 1966) – профессор, филолог, краевед; Иван Степанович (1893 – не ранее 1974) – профессор, доктор медицинских наук, краевед).

[14] Гоца Василий Филиппович (1885 – 1937) – украинский литературовед, философ. Профессор украинской литературы, директор Института народного образования. Расстрелян в 1937 г. в Сандармох, Карелия (Житомирский государственный университет имени Ивана Франко. Историческая справка. Машинописная копия. Личный архив А.М. Лосунова).

[15] Предполагаем, что речь идет о т. Евстигнееве.

[16] Имеется ввиду заметка секретаря Омского обкома ВКП(б) по пропаганде П. Шуркина «Сорок лет на фронте культуры» (Омская правда. 1947. 12 нояб.).

[17] Была издана в Омском отделении Западно-Сибирского книжного издательства в 1967 г. тиражом в 25000 экземпляров.

[18] Объем вышедшей из типографии книги составляет 13,72 печатных листа.

[19] На момент написания письма А.Ф. Палашенкову было 76 лет.

[20] Материалы этой поездки А.Ф. Палашенковым были опубликованы в статье «От Омска до центра Тянь-Шанской горной системы» (примечательные места) (Известия Омского Отдела Географического общества союза ССР. Вып. 6 (13). 1964. С. 89 – 111).

[21] Эта книга на 42 страницах вышла в Смоленском книжном издательстве в 1960 г. Ее полное название: «Пионер Русской авиации Глеб Васильевич Алехнович. Очерк жизни и деятельности». Тираж издания – 5000 экземпляров.

[22] Любовь Никитична Палашенкова.

[23] Имеется ввиду Н.В. Добжинская – сестра Г.В. Алехновича.

[24] Алехнович Глеб Васильевич (1886 – 1918) – деятель русской авиации, уроженец Смоленска, пилот-новатор, командир самолета «Илья Муромец» № 5. Трагически погиб в ходе перелета.

[25] Район г. Смоленска.

[26] В Смоленском музее-заповеднике хранятся письма, написанные Николаем Алексеевичем Хомяковым в период с 1890 по 1911 г. Адресатом и получателем их является О.А. Вонлярлярская (Лярская). Н.А. Хомяковым было написано более 240 писем. В переписке был перерыв с 1896 по 1899 г., также отсутствуют письма за 1907 и 1909 гг. Видимо, они и хранились в библиотеке А.Ф. Палашенкова. Сохранившаяся переписка в Смоленский музей поступила в 1927 г. Тогда же была предпринята попытка их первой систематизации. В 2008 г. данная переписка была издана (См.: Письма Н.А. Хомякова О.А. Вонлярлярской. 1890 – 1911 гг. (Собрание Смоленского музея-заповедника) / Авт.-сост. А.И. Полулях. Брянск: Брянск. обл. полигр. объединение, 2008. 176 с.).

[27] Хомяков Николай Алексеевич (1850 – 1925) – российский государственный деятель, депутат Государственной Думы II, III и IV созывов. Первый председатель Государственной думы III созыва (1907 – 1910). Действительный статский советник (1895). Из потомственных дворян Смоленской губернии. Сын поэта и славянофила А.С. Хомякова, крестник Н.В. Гоголя. Землевладелец. Окончил юридический факультет Московского университета в 1875 г. В русско-турецкую войну 1877 – 1878 гг. – уполномоченный Красного Креста при Закавказской армии. В 1918 – 1920 гг. являлся участником Белого движения. Входил в состав русской делегации в Яссах в ноябре 1918 г., затем возглавлял деятельность Общества Красного Креста в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. После окончания Гражданской войны эмигрировал в КСХС, где и жил до самой смерти. Был женат, имел четверых детей (3-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы. СПб.: изд-е Н.Н. Ольшанскаго, 1910. С. 12; Кара-Мурза А.А. Судьба русского либерала. Николай Алексеевич Хомяков // Наше либеральное наследие. Вып. 1. М., 2004; Он же. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX – XX вв. М.,2006. С. 18 – 26).

[28] Вонлярлярская Ольга Александровна (Лярская) (?), яркая представительница этого талантливого, трудолюбивого дворянского рода, в 1909 г. являлась владелицей имения Дубровинка Катынской волости Смоленского уезда. На протяжении многих лет (с 1894 г.) была членом Смоленской местной Управы Российского общества Красного Креста, попечительницей Общины сестер милосердия. При Обществе работала лечебница для раненых воинов. Ее помощницей на посту попечительницы Общины была Мария Александровна Ромейко-Гурко. Наиболее заметной их деятельность стала во время русско-японской войны 1904 г. За свою подвижническую деятельность О.А. Вонлярлярская была награждена серебряной нагрудной медалью (1900) и Золотой медалью (1910). Она входила в состав делегации, встречающей императора Николая II и его семью в юбилейные дни 100-летия войны 1812 г. (1912) (О.А. Вонлярлярская. Биографическая справка. Машинописная копия. Личный архив А.М. Лосунова).

[29] Мисхор (от древнегреч. – «средняя местность») – приморская климатическая курортная местность на Украине, на Южном берегу Крыма. Считается, что поселение на месте Мисхора существовало с античных времен, но впервые в исторических документах название села встречается в хранящихся в Генуе казначейских списках Кафы (cartolfri della Masseria), относимых примерно к 1360 г., где среди прочих принадлежащих капитанству Готия поселений встречается Muzacori. После захвата в 1475 г. генуэзских колоний османами их земли включили в состав Мангупского кадылыка Кефинского санджака (впоследствии эялета) империи, тогда же на южном побережье Крыма начинает распространяться ислам. В начале турецкого владычества селение было приписано к Инкерману. Крымскому ханству Мисхор принадлежал всего 9 лет – от обретения ханством независимости в 1774 г. до присоединения к России в 1783 г. После присоединения Крыма к России 8 февраля 1784 г. деревня была приписана к Симферопольскому уезду Таврической области (Мисхор // Курорты: энцикл. сл. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 239 – 240).

[30] Фисгармония, или гармониум (др.-греч. – (кузнечный) мех, и гармония) – язычковый клавишно-пневматический музыкальный инструмент, разновидность гармоники. Звуки извлекаются колебаниями металлических язычков, приводимых в движение струей воздуха, который накачивается ножными педалями. Изобретена в 10-е годы XIX в. Со второй по-

ловины XIX в. фисгармония получила широкое распространение во всей Европе и России (Фисгармония // Музыкальные инструменты: энцикл. М.: Дека-ВС, 2008, С. 621 – 622).

[31] После смерти А.Ф. Палашенкова по его воле собранные им книги поступили в Омскую государственную областную библиотеку им. А.С. Пушкина.

[32] Имеется в виду Г.Е. Распутин.

[33] Судьбу этой папки, равно как и личной записки, написанной рукой «старца», выяснить не удалось. По крайней мере в описи личного фонда под № Р-2200 в ГИАОО она не значится.

[34] Барановский Петр Дмитриевич (1892 – 1984) – российский, советский архитектор, реставратор памятников древнерусского зодчества. Основатель музея в Коломенском и Музея им. Андрея Рублева в Андрониковом монастыре. Считается спасителем храма Василия Блаженного от уничтожения. По роду своей деятельности Барановский обмерял и описывал церкви, намеченные к сносу, в том числе был последним человеком, посетившим Чудов монастырь в Кремле перед его сносом в 1929 г. Он успел вынести оттуда только мощи митрополита Алексия. Самым надежным способом спасти церковь от разрушения в те годы была организация в ней музея. В 1923 г. Барановскому удалось добиться присвоения для Свято-Троицкого Герасим-Болдинского монастыря статуса филиала Дорогобужского музея. Он и его помощники собирали в монастыре то, что оставалось от разгромленных окрестных храмов. Музей был разгромлен в 1929 г. 4 октября 1933 г. он был арестован и отработал три года в Мариинских лагерях. Отсидев, П.Д. Барановский был вынужден поселиться в Александрове, где поступил на должность архитектора-реставратора в местный музей. Похоронен вместе с супругой Марией Юрьевной Барановской на Донском кладбище в Москве (Иванов М.В. Коллекционеры и музейные деятели Смоленского края (XIX – первая треть XX в.): биобиблиогр. слов. Смоленск, 2011. С. 4–6).

[35] Конь Федор Савельевич – (?) «государев мастер», строитель Белого города в Москве (1589 – 1590) и Смоленской крепостной стены (1596 – 1602), возможно начинал строительное поприще в Болдинском Дорогобужском монастыре. Почти неизвестна биография зодчего; краткие и отрывочные записи в источниках конца XVI – начала XVII вв. дают лишь некоторые представления о нем. К таким источникам относятся приходные и расходные книги Болдина-Троицкого монастыря под Дорогобужем за 1568 – 1607 гг., наказы и грамоты царя Федора Иоановича 1591 г. и 1595 г., различные хронографы и летописцы XVII в. В существующих источниках он назван и Конем Федоровым, и Кононом Федоровым, и Кондратом Федоровым, и Феодором. Для Федора Савельевича прозвище «Конь» могло быть связано либо с его личными качествами, либо с его происхождением. Исследователи предположительно считают Федора Коня выходцем из Троицкого монастыря в Болдине. В 1594 г. Федор Конь сделал вклад в Болдин Монастырь (35 руб.), с Болдиным были связаны и родные Коня: в 1600 г. «с Москвы из суконного ряду Федор Петров сын, а Федора Коня пасынок, дал вкладу 20 руб.; среди работников Болдина монастыря сын Коня Мартин Иванов» (Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. М.: Наука, 1964. С. 34 – 44).

[36] Троицкий Болдин монастырь (Троице-Болдин, Свято-Троицкий Герасимо-Болдинский) – мужской православный монастырь в Смоленской области в 15 км от города Дорогобужа, в деревне Болдино в подчинении у Смоленской епархии (Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Смоленская область. М.: Наука, 2001, С. 430 – 433).

[37] Имеется ввиду известный писатель, смолянин по происхождению И.В. Соколов-Микитов.

Автобиография

[1] Текст рукописи хранится в фонде Омского государственного историко-краеведческого музея. ОМК-15474. Л. 1 – 2. Подлинник. Рукопись (машинопись).

Именной указатель

Абай 518
Абляй-хан 476
Абрамов Н.А. 16, 402, 410, 476
Абрамов П.И. 429
Абрамов С. 188 – 190
Абрамович Д.И. 35, 37
Абрикосов А.А. 143
Агеев М.И. 65, 352, 441, 444, 446, 447, 463, 468, 675
Адлер Б.Ф. 527
Адольф В.А. 39
Ажимов С.И. 442
Азадовский М. 291
Азаров С.И. 63
Айвазовский И.К. 428
Акудинов М.И. 448
Алгазин А.П. 640
Александр I 254
Александр II 221, 326, 383
Александр III 219, 326
Александр Невский 431
Александров 157, 193
Алексеев 375
Алексеев М.П. 482
Алексеев П. 209
Алексеева Е.Н. 563
Алексей Михайлович, царь 391
Алексей Петрович, царевич 359
Алехнович Г.В. 530, 724
Алим 165
Алмазов А. 337
Алхимов В.Б. 636
Альтман 37
Алябьев А.А. 107, 226, 260, 301, 302, 307, 315, 339, 612
Алябьев А.В. 251, 252, 371, 680
Амурсан 83
Аникин В.И. 181
Анисимова 454
Анисимович Н.Я. 184
Анна Иоанновна, императрица 476
Анненков 344
Анненков Б.В. 116, 154, 178, 182, 633
Анненков И.А. 289, 290, 332, 378, 661
Анненкова (Гебль) П.Г. 684
Анненский Н.Ф. 124, 218, 624
Аносов П.П. 78, 83, 104, 202, 324, 351, 352, 674
Аносова Л.П. 202
Аношин В.С. 67, 84, 185, 449, 492, 563
Антипин А.С. 411
Антонов 165
Апухтин Д.А. 285
Апушкин М. 397
Аракчеев А.А. 103
Аркуш Ф.А. 429, 435, 438, 441, 448
Арндт Э.М. 296
Арсеньев В.С. 39
Артемьев 165
Архангельский В.М. 32, 33, 35 – 37, 39, 43
Архипов В. 167
Атик 298
Аузина А.Я. 182
Афанасий, архиепископ 289
Афанасьев 39, 524
Афонин 165
Бабкин Ф.М. 181
Бабков (Бобков) И.Ф. 17, 108, 328, 403, 494, 613
Багалей Д.И. 530
Бадаева П.К. 58, 59, 432
Базилевский И.Ф. 540
Бай де 120
Байбахта 389
Байгорок 397
Байков М. 156, 687
Байков Ф.И. 391, 392, 495
Бакаев А.Б. 155
Балуева Ю.В. 710
Бантыш-Каменский Д.Н. 375, 682
Бараболин 155
Барановская М.Ю. 531
Барановский П.Д. 41, 531, 563, 726
Баринов С. 146, 157
Барклай де Толли М.Б. 328
Бартковский Г.С. 618
Бартнев (Бартенев) П.И. 518
Барщевский И.Ф. 31
Барышевцев В.В. 79, 491, 713
Барышников 47
Барятинский А.П. 262, 280, 283, 289, 303, 308, 542, 543, 658
Басаргин Н.В. 113, 114, 221, 293, 308, 357, 376, 518, 616, 683
Батеньков (Батенков) Г.С. 291, 329, 514, 670
Батов 141
Батый 366
Бахрушин Ю.А. 39
Башмаков Ф.М. 218, 262, 273, 280, 290, 303, 308, 514, 648, 658
Баязет 389
Бегиш 389
Бежан Е.М. 28
Белелюбский Н.А. 141, 142
Белинский В.Г. 124, 294, 335, 512
Белов К.П. 434, 698
Белозеров Г.П. 19
Белоконский И.П. 369

Белоусов Е.П. 223
Бельский (Скуратов) М.М. 384, 669
Белявцев С.Н. 184
Беляев И.Н. 30
Беляева Е.Н. 14
Белякова А.Г. 429, 438, 442
Бенеш Н.А. 126, 625
Бенкендорф 113
Бенюх М.И. 451
Берг Л.С. 208, 405, 440, 457, 491, 509, 690
Бердников Г.В. 125
Бердникова Е.В. 160
Березовская З.Ф. 646
Березовский Е.П. 109, 614
Березовский Ф.А. 154, 213, 215, 518, 539, 646
Беренс 402
Берин Н. 187
Беринг В.И. 399, 667
Бестужев-Рюмин К.Н. 530
Бильдерлинг А.А. 508, 718
Биневич П.В. 527
Бирон Э.И. 476
Бирюков В.П. 83
Битнер 329
Битяговский 325
Блажевич Ф.И. 193
Бланк 156, 157
Блинковы И. и Н. 181
Блинов 372
Блок А.А. 349
Блусевич А.Ф. 148, 157
Бляховский И.В. 163
Бобрищев-Пушкин П.С. 289, 290 – 292, 661
Бобров 134
Богданович М.И. 329, 670
Богдановы А. и И. 164
Богомолов В.Б. 694
Богословский П.С. 526, 724
Богоявленская-Радо З.И. 154, 161, 162, 521
Боженов П.О. 184
Болховский С. 228, 298, 299
Боначич А.П. 143, 630
Бонч-Бруевич В.Д. 213
Бориславский И.С. 343, 611
Борисов 1-й А.И. 375, 682
Борисов 2-й П.И. 375, 682
Борисов М. 362
Борисов П.В. 447
Борисоглебский А.Д. 563
Борн И.М. 374
Бородин 125
Борокурган 397, 398
Боссерт И. 493
Боссюэт Ж.Б. 289
Бочкарев В.А. 33, 36, 37
Боярский Н.Л. 125, 625
Брем А.Э. 83, 120, 125, 313, 403, 494, 619
Бривцин П. 397
Бригген А.Ф. 308, 357, 664
Бриедес Э. 154
Бродский И.Е. 52, 698
Броневский С.Ю. 623
Брусье 329
Брылкин 343
Брюйер Ж.-П.Ж. 328, 669
Брюллов К.П. 45, 302, 307
Бугаенко Ф.Д. 636, 638
Будаев Д.И. 30
Бударин М.Е. 10, 25, 27, 79, 89, 435, 441, 443, 512 – 514, 699, 719
Букейханов А.Н. 451, 702
Булачев С.Е. 160
Булачева А.В. 160 – 161
Бунчук 165
Бураков (Бударинов) М. 435
Бурдыгин И.И. 442
Бурдыгина К.А. 429, 437, 442, 539
Буренок 176
Бурненский 133
Бурчанинов Н.Г. 64
Бутаков Г.С. 157
Бутинова А.Ф. 432
Бутовский 124
Бухаров М. 181
Бухольц (Бухгольц) И.Д. 74, 87, 93 – 95, 97, 98, 101, 355, 356, 359, 360, 393, 394, 457, 458, 518, 604, 605, 607, 688, 716
Бухтияров А.И. 66
Бушин Т.С. 193
Бушуев А.А. 160
Бушуев В.Ф. 181
Бушуев И.Ф. 181
Буякова Л.И. 14
Быдин Ф.И. 46
Бюлер 122
Вавилов 155, 161, 162, 521, 522
Ваганов А.В. 67, 125
Ваганова 442
Вагин В.И. 124, 624
Вагнер Ф.Ф. 643
Вадковский Ф.Ф. 515, 719
Важенин В.М. 126, 625
Валек А. 219
Валиев Ч. 114
Валий-хан 476
Валиханов Ч. 104 – 106, 114, 115, 120, 124, 344, 347, 403, 451, 494, 496, 504, 518, 612
Вальер фон 135
Вальтбург – Цейль-Траухбург фон 403
Вараксин 448
Варгин 288

Варлаам 240
Варламов 374
Варламов К. 143
Варфоломеева А.Т. 559
Василий Дмитриевич, князь 414
Васильев П.Н. 497, 715
Ваулин 187
Вахтов И.А. 607
Вахнов Н.Н. 451
Ведерников В.А. 621
Веймарн 100
Вейнберг Б.П. 18
Вейсброд Б.С. 123, 172, 173, 214, 320, 324, 623
Вельяминов И.А. 113, 253, 379, 684
Вельяминов-Зернов И.Л. 356
Вельянов Г. 395
Веневитинов В.Д. 319, 665
Венцкович З. 152
Вергунов И. 475
Веремей С.И. 434, 698
Верхотуров 163
Вершинин П.П. 191, 192
Верещагин 376
Верещагин В.В. 428
Веселовский Э.Л. 191
Вибе П.П. 8, 10, 12, 16, 27, 28
Визгалов Г.П. 710, 711
Визман П. 158
Вимба 187
Винклер В. 147, 629, 631, 637
Виноградов Н.Н. 169, 170, 636
Виноградов Ф.Г. 521
Виноградский А.В. 685
Винокуров 191
Винокуров П.М. 429
Вискунов Ф. 397
Витоль А. 157, 158
Виттер И. 339
Вихлянцев В.А. 443
Вишневский 113
Владимировы (братья) 257
Волегов Ф. 185
Волицкий К. 107, 108
Волков 495
Волков А.С. 181
Волков В.Р. 75
Волков И.И. 641
Волков И.Н. 184
Волков Л.Т. 181
Волкова 524
Волконская (Раевская) М.Н. 221, 377, 379, 650
Волконская З. 377
Волконский М.К. 299
Волконский С.Г. 375, 682
Вологодский П.В. 170, 621
Волохов 325
Волховский Ф.В. 219, 649
Волченко П.К. 126, 625
Вольф Ф.Б. 262, 273 ,280, 290, 303, 308, 658
Вольчин 165
Вонлярлярская (Вонлярская) О.А. 530, 725
Вонлярлярский А.А. 44, 45
Врангель П.Н. 199
Враницкий В.И. 312, 514
Врубель А.Г. 203
Врубель А.М. 203
Врубель М.А. 202, 203, 307, 315, 428
Вылузгин Е. 325
Высоцкий 165
Вьюнов А.Н. 35
Вяткин Г.А. 198, 216, 646
Габайдулла (Обейдулла) 476, 708
Гавришев 165
Гагарин М.П. 10, 93, 95, 98, 228, 237, 300, 355, 356, 359, 394 – 396, 605
Гаев А.К. 440
Гайбович (Гейбович) А.И. 115, 347
Гайда (Гейдль) Р. 109, 121, 522, 614
Гайдамакин И.А. 444
Галкин 441
Галкин А.Н. 74, 442
Галкин Д.Н. 450 – 452
Ганнибал 366
Гантимуров И.И. 563
Ганшины 139
Гапеенков А.И. 44
Гарей 165
Гартунг (Пушкина) М.А. 286
Гарутт В.Е. 563
Гассенди П. 289
Гасфорд (Госфорд) Г.Х. 104, 105, 139, 611, 612
Гаусман 193
Геласий 325
Геллесен фон 343
Генник 97
Георги И.Г. 16, 399, 689
Герасимов А.И. 429, 448
Герасимов И.М. 375
Гербер 120
Герман, епископ 526, 723
Гернет М.Н. 330
Героцкий А.К. 35, 37
Герцен А.И. 124, 381, 512, 513
Гете И.В. фон 332
Гильденштейн 399
Гиляровский Вл. 370
Гиммельман В.Н. 320, 366
Гинзбург И.С. 450
Гинс Г.К. 621
Гитлер А. 468
Глазенап Г.И. 623

Глинка В.Н. 530
Глинка М.И. 20, 31, 48, 217, 530, 539
Глинка О.А. 563, 564
Глыбина Р.С. 565
Глухов И. 298
Гмелин И.Г. 16, 399, 689
Гмелин (младший) 399
Гоголев П.Н. 35, 42, 43
Гоголь Н.В. 294, 319, 349, 665
Гоген 717
Годисова 521
Годунов Б. 307, 325, 326, 669
Гойбарт 196
Голдин Г.К. 67
Голованов В.М. 565
Голованцев С.А. 607, 623
Голодников К.М. 234, 238, 242
Голошубин И. 18
Голубев, студент 109
Голубев П.А. 120, 620
Голубецкий И. 90
Гольденблюм А.М. 59
Гонсевский Г.В. 124, 624
Гончаров 445, 446
Горбань Н.В. 25
Горбенко А.Ю. 448
Горбунов 37
Гордиенко И.Д. 142
Горнмаген Ю.Ю. 40
Горский В. 153
Горчаков А.М. 118, 253
Горчаков А.П. 474
Горчаков П.Д. 103, 287, 291
Горшенин К.П. 19, 447, 702
Горшков Г. 187
Горький Максим (Пешков А.М.) 143, 169, 208, 316, 332
Готовцев А. 397
Готтлиб 461
Гоца В.Ф. 526, 724
Грабовский П.А. 261, 262, 272, 276, 280, 283, 303, 542, 543, 657, 659
Граве А.Ф. де 103, 343, 347, 348, 518, 611
Граве Г.Л. 35
Гранж (Гранже) де 95, 361, 362, 365, 605, 606
Грачев В.И. 31, 328
Григорьев 178
Григорьев А.В. 40, 41
Григорьев С. 397
Гриневич П.И. 526
Гришанов П. 164
Гришин А.И. 64
Гроза И. 390 ,687
Грозный Е.А. 134
Грудин В. 493
Груздев Д.Н. 635
Грязнов 496
Гумбольдт А. 83, 103, 113, 290, 308, 313, 384, 400, 494, 611
Гуменюк А.Н. 628
Гуров 165
Гуртьев Л.Н. 57, 126, 434, 450
Гуртьева Н.П. 450
Гусаров Ф.В. 167
Давыдов В.Л. 375, 681
Давыдова (Потапова) А.И. 684
Даль В.И. 87
Данзас К.К. 294, 662
Данте Алигьери 332
Данченко Е.М. 686
Даржи 398, 399
Девечка К. 152
Девлет-бай 299
Деделов 438, 440
Дежнев С.И. 676
Деколонг И.А. 111, 615
Демиденко М.Е. 59
Демьянов А.Ф. 146
Демьянцев А.К. 187
Денике Б.П. 39, 41
Дерман А.И. 157, 158
Деспот-Зенович А.И. 685
Дессин О.В (Деми) 139, 628
Десяткова А.В. 157
Дзенаревский Н.А. 429, 454
Дзержинский Ф.Э. 148
Дианов А.Н. 121, 675
Дивнова Т.В. 476
Дмитриев-Мамонов А.И. 112 – 114, 514
Дмитрий Александрович, князь 123
Дмитрий, царевич 325, 656
Добжинская Н.В. 724
Добровольский В.Н. 46, 524, 533, 721
Довгун 165
Додух А.Н. 173
Долбешкин (Кириллов) Д.П. 160, 519 – 522, 720
Долгополов Н.И. 219, 649
Долгоруков И.А. 476
Долгорукова Н.Б. 476
Долматов 372
Домбровская Е.В. 565
Доможиров Б. 687
Доронин Ф.П. 145
Доронина С.П. 143, 145
Достоевская (Констант) М.Д. 673
Достоевский А.Ф. 64, 65
Достоевский М.М. 346, 349
Достоевский Ф.М. 64 – 66, 101 – 103, 114, 199 – 201, 291, 301, 308, 310, 313, 315, 330 – 349, 350 – 352, 357, 370, 401, 402, 465, 487, 494, 500, 560, 609, 611
Дохтуров Д.С. 670
Драверт П.Л. 19, 58, 59, 67, 89, 213,

214, 320, 388, 429, 430, 432, 435, 460, 461, 466, 467, 491, 666
Драчков Б. 71
Дроздова М.Г. 429
Дружинин В. 164
Дружинин Г.Ф. 143
Друцкий-Горский И.В. 80, 218, 357, 648
Дубко (братья) 188, 189
Дубровин Ф.Г. 659
Дульский П.М. 40, 41
Дуров С.Ф. 101, 103, 114, 115, 200, 201, 291, 301, 308, 315, 332, 334, 340, 342 – 344, 346, 351, 357, 609
Дутов А.И. 109, 152, 522, 613
Дьяков М. 191
Дюгамель А.О. 381, 468, 685
Евдокимов И.Д. 172
Евневич Н.П. 524
Евсеев Е.М. 85
Евстигнеев 52
Еготин С.И. 181
Егошин 192
Ежов И.В. 527
Екатерина II 240, 241, 254, 269, 321, 327, 371
Елецкий А.В. 389, 687
Елецкий Ф. 390, 686
Елизаветин 66
Елизаров Г. 389
Елисеев 118
Елисеев Д.В. 177
Елпатьевский В.С. 405
Елтаена К. 498
Елыгай 387
Ельницкий К.В. 212
Еремин 165
Ермак 55, 228, 249, 250, 262, 272, 273, 276, 277, 279, 283, 288, 298, 302, 303, 306, 307, 311, 354, 366, 367, 386 – 389, 449, 485, 677
Ермолаев 526
Ермолаева 272
Ермолов А.П. 375, 670
Ершов 165
Ершов А.И. 210
Ершов П.П. 57, 107, 226, 250 – 252, 260 – 262, 271, 275, 279, 280, 282, 283, 290, 301 – 303, 307, 308, 311, 315, 515, 612
Ершова С.А. 275
Есипов С. 367, 678
Ефременко, партизан 190
Ефременков В. 565
Жарая (Жарый) Н. 435
Жардецкий В.А. 109, 122, 614
Жаренов 326
Жарич Г.Н. 450
Ждан-Пушкин И.В. 291, 333, 343, 348, 662
Жернов Г.А. 272
Жилин П.Д. 291
Жилкин 187
Жирных Е.А. 710
Жудров Д.Н. 184
Жук А.В. 54 – 56, 62, 711
Жукова Р.И. 53
Жуковский В.А. 113, 326
Журавлев 447
Заваров 187
Завидов А. 181
Задедюрин Н. 185
Зайцева К. 154
Залепин И.Г. 64, 76
Занончек 328
Запольский П.А. 193
Зарницын П.И. 491, 713
Зарубаев С. 648
Зарубины 177
Захаренко Г.Ф. 188, 189
Захаров, революционер 165
Захаров, отв. секретарь 512
Захарова И.В. 25
Звездов А.А. 138, 148, 149, 178, 179
Зворыкин А. 566
Земзеров В.А. 150
Земляницина Т.Ф. 291
Зенков А. 717
Зенова В.Г. 565, 569
Зенс Я.Я. 163
Зензин Е.П. 14, 24, 373
Зенюк В. 188
Зерчанинов А.А. 203
Зингере 163
Зиновьев А.П. 530
Златопольский Г.С. 172
Злобина П.П. 429
Знаменский М.С. 258, 262, 270 ,275, 280 – 283, 287, 290, 303, 308, 311, 515
Знаменский Н.С. 284, 288, 655
Знаменский С.Я. 79, 291, 319, 320, 515, 666
Зобнин Ф.К. 208
Золотов Н.А. 124
Золотов П.А. 16, 17, 100, 321, 608
Зраев 165
Зряхов 402
Зубакин Б.М. 35
Зубарева К.А. 65
Зубков А.Ф. 70
Зубовы Петр, Павел и Алексей 164
Зуев 399
Зыбин А.К. 184
Зыбин С.К. 184
Зыков П. 397
Иван III 326, 709
Иван IV 298, 325, 327, 386

Иван Кольцо (Кольцов) 298
Иванов 176
Иванов А.И. 201, 340, 345
Иванов В.А. 345
Иванов В.В. 213, 215, 216, 432, 518, 716
Иванов В.И. 201
Иванов К.И. 343, 344, 673
Иванов М.В. 12, 30
Иванова (Анненкова) О.И. 293, 344, 378, 673
Иванов-Ринов П.П. 122, 621
Ивашев В.П. 379
Ивашева К.П. 379, 684
Игнатович С.М. 633
Игнатьев П.Г. 405
Избышев А.И. 187, 188, 190, 308, 315, 490
Избышева И.П. 190
Измайлов С.И. 565
Иловайский Д.И. 482
Ильин 138
Ильин М.А. 40, 41
Ильичев П.И. 173
Ильмер 122
Инфантьев 125
Иоанн (Максимович) 697
Ионин Г.П. 125
Иоффе К.И. 87, 448
Иржичко Л.В. 675
Исаев П. 103, 348
Исаева Н.Д. 500
Исаковский М.В. 47, 566
Исленьев И. 399, 689
Истомин 326
Ишутин Н.А. 221, 383, 651
Кабанцев В.О. 186
Кабанцев И.И. 186, 187
Каган 37
Кадыгробов 156
Кадышева О.М. 432
Казак Э. 154, 155, 159, 161, 521
Казак-Ларозе К. 154, 155, 157, 161
Казаков М.Ф. 683
Казанкин А.Ф. 125
Казанцев М.М. 639
Каземиров 97
Казнаков Н.Г. 17, 206, 618, 645
Кайгородов А.П. 195, 642
Кайсаров 354, 358
Каландер 98, 356, 360, 396, 667
Калашников И.Т. 291
Каледа Д.М. 184
Каленс 163
Калинин 165
Калинин М.И. 143, 171
Калинин Х. 163
Калошин Н.И. 186
Калмыков И. 141, 395, 396
Калнин Я.М. 175, 176
Калугин 343
Калугина Е.В. 86
Каляев К. 187
Каменский П.С. 49, 526
Камневы 178
Кампанелла Т. 313, 665
Канн Е. 566
Каплан Ф.Е. 324
Капустин А. 566
Капустин Я.С. 115
Капустина Е.И. 115
Капцевич П.М. 113, 616
Каразин Н.Н. 387, 393
Каракозов Д.В. 221, 383 ,651
Карамзин Н.М. 530
Карбышев Д.М. 125, 198, 199
Каргаполов М.С. 60, 79, 442, 447
Карелин Г.С. 103
Карлов А.А. 121, 141, 148, 149, 566
Карлов С. 394
Лигети К. 138, 146, 151 – 154
Карпов А. 137
Картавцев И. 566
Картавцев (Картавцов) И.М. 526, 723
Карташов А.В. 526, 722
Карякин П.П. 190, 641
Касымов (Касимов) К. 476 ,709
Касьян А.К. 25
Катаев 178
Катанаев Г.Е. 10, 17, 18, 20, 120, 125, 319, 320, 613, 620
Катеров 165
Каткова Е.И. 14
Качалов 325
Качановский Н. 542
Кашинов 326
Каширов И.П. 56
Квятковский В.И. 79
Келер 383
Кеннан Дж. 83, 117, 403, 404, 487, 494, 690
Кербан Я.И. 187
Кизюрин А.Д. 19, 59, 427, 465, 696
Кириленко В.Г. 177
Кириллов И.П. 103
Кирсанов 165
Киселев И.В. 177
Киселева (Бегичева) М.В. 404, 485, 690
Кистер М.В. 14
Костромин Н.И. 528
Клешнин А. 325
Клименко А. 187, 640
Климентьев 137
Климов К.В. 184
Ключевский В.О. 530
Ключников А.И. 443, 444
Кляво-Клявин 528

Князев Н.А. 55
Ковлер С.А. 428, 696
Коган Г.Ф. 566
Кожевин В.Л. 614
Кожевников С. 134
Козлов В.Ф. 8, 26, 27
Козлов И. 411
Козлов П.К. 47, 120, 405, 540, 561, 619
Козлов Т.П. 199, 447, 702
Козьмин 375
Коклина Н. 566
Кокоулин 125
Кокс Я. 188
Колдины 191
Колесников А.Д. 25, 27, 61, 466, 606, 677, 712, 716
Колесников Ф.С. 166
Коленкур О.Ж.Г. де 670
Колмогоров Н. 153
Колокольников 164, 165
Колосков И.В. 167, 168, 309, 547
Колосов Г.А. 442
Колосов Е.О. 181
Колосов Е.Я. 617
Колосов Ф.Ф. 184
Колосов Я.Ф. 189
Колотовский 165
Колпаковский Г.А. 505, 718
Колпиков Г.К. 449
Колущинский Е.П. 450, 674
Колчак А.В. 18, 122, 156, 162, 165, 167, 168, 170, 174, 175, 178, 188, 193, 195, 199, 211, 308, 315, 519 – 522, 613, 620 – 622
Кольцов И. 386
Комиссаржевская В.Ф. 143
Комиссаров П.С. 20, 60, 61, 217, 430, 438 – 442, 444, 465, 495
Комиссаров Ф.П. 440
Комиссарова М.П. 60, 495
Кондилиак 289
Коников Б.А. 609
Коновалов И.Л. 23, 672
Коновницын 1-й П.П. 114, 375, 378, 616
Констант В.Д. 348
Константин Павлович, великий князь 254
Конфедоротюк П.Ф. 190
Коншин Н.М. 178
Конь Ф.С. 531, 726
Кораблев И. 164
Кораблев П. 164
Коробкина И.В. 14
Корелин Е. 181
Корнилов В.И. 447
Корнилов Л.Г. 136, 618
Корнильев В. 251, 252
Коровкин И.С. 46, 47, 50, 64, 68, 71, 80, 85 – 87, 90
Королев С.П. 604
Короленко В.Г. 83, 221, 226, 260, 315, 383, 651
Корсаков Н.М. 125
Корти Э.И. 448, 450
Коршунова 451
Косарев В.М. 121, 138, 148, 149, 170, 621
Костомаров Н.И. 530
Костылецкий Н.Ф. 124, 496
Костюрин В.Ф. 262, 276, 280, 282, 303, 659
Котова О.А. 564, 565
Кочедамов В.И. 10, 27, 90, 95, 99, 139, 606, 617
Коченов Ф.М. 185
Кочергин А.А. 143, 630
Кошевская А.Н. 446
Кошкин 525
Кошуков П.М. 193
Краев Г.Ф. 184
Красильников И.Н. 136, 151, 154, 156, 165, 178, 633
Красников М.Ф. 184
Красногорский 134
Краснокутский 262, 281, 283, 303, 311
Краснопольский Н.В. 122, 622
Краузе В.Н. 491, 493
Кривцов В. 343, 344, 611
Кривцова 257, 261, 271, 282
Крик, генерал 223
Крикушин В.Е. 184
Крингель Л. 182
Крицкий Д. 177
Крот М.И. 67
Крофт И. 362
Круглов 164
Крузенштерн И.Ф. 462
Крупская Н.К. 133, 135
Крутиков 125
Крыжановский А.П. 509
Крыжановский Б.Г. 35
Крючков 530
Крянка И. 390
Крячков А. 102, 247, 643
Кубышкин М. 367, 371, 375, 383
Кудлаев 447
Кудринский В.Ф. 14
Кудрявцев 182
Кузик Л.И. 490
Кузнецов М. 325
Кузьмин-Караваев А.Н. 380
Куйбышев В.В. 125 – 132, 137, 198, 308, 309, 315, 323, 432

Куйбышев Н.В. 125
Куйбышева Е.В. 127, 130
Куйбышева Н.В. 127
Куклин 206
Кулик Л.А. 214
Куликов 166
Кунанбаев А. 500
Куприянов 165
Куракин А.Б. 254
Курбский С.Ф. 477, 478, 709
Курзанова 157
Курлаев Е.А. 710
Куст 375
Куттин С.С. 187
Кутузов М.И. 31, 41, 48, 527
Кухдин 253
Кучинский М.К. 61
Кучкин А.П. 193
Кучум 20, 228, 298, 299, 306, 366, 386, 485
Кызласова И.Л. 32, 40
Кюхельбекер В.К. 262, 280, 290, 292, 303, 308, 311, 379, 542, 543, 658
Лаваль И.С. 377
Лавренчук 197
Лаврик И.Г. 434, 441
Лавров В. 181
Лагздин И. 188
Ладыгин В.Ф. 405
Лазарев И.Р. 126
Лаксман Э.К.Г. 321, 667
Ламартиньер де 482
Ландрашов 189
Лапидус 435
Лапковский, начальник милиции 188
Лаптев И.П. 320, 666
Лаптев М. 192
Лаптев С.Р. 19, 25, 46, 59, 60, 62 – 71, 74, 77, 83, 85, 87, 434, 436 – 438, 440 – 444, 447, 450, 452, 453, 492
Лапухин В.П. 7
Лапчинский В.П. 35
Лахтин В. 182
Лахтин Сав. 181
Лахтин С. 182
Лебедев 438
Лебедев В.А. 638
Лебедев М.А. 434, 440
Лебедева Н.И. 643
Левитан И.И. 428
Левицкий В.В. 67
Левченко Д.Т. 126
Левшин 343
Лейбниц Г.В. 289
Лейфер А.Э. 14, 27, 46
Леонович О.П. 14
Лемох К.В. 428
Ленин (Ульянов) В.И. 109, 125, 133, 137, 140, 142, 147, 148, 173, 195, 196, 206, 210, 227, 310, 312 – 314, 323, 324, 450, 512, 513, 517
Ленченко 136, 156
Леонов В.К. 191, 641
Лепехин 399
Лепп 146
Лерберг 481
Лермонтов М.Ю. 74
Лесниченко О.В. 23
Лещев А. 617
Либеров Н.Д. 320, 455, 666
Линин 48
Липин М. 192
Литвинов 401, 494
Литке Ф.П. 106
Лихарев 343
Лихарев И.М. 396, 688
Лихачев П.Г. 328, 329, 670
Личетта 621
Лобанов 165
Лобанов В.М. 40
Лобков З.И. 109, 121, 122, 138, 143 – 145, 148, 149, 308, 315
Лободовский В.П. 124, 624
Ловцов В.Ф. 374
Логачев Д.И. 62, 90, 179, 451, 465
Логачев Е.Д. 442, 454, 566
Локк Д. 289
Ломоносов М.В. 377
Лонг Д. 120
Лопатин Н.Н. 542
Лопатчиков 186
Лопухов 346
Лосунов А.М. 14, 48
Луначарский А.В. 197, 198, 313, 331
Лустец 165
Львова 40
Ляпухин 500
Магнитский Н.К. 526
Майер А.Г. 638
Майский И.М. 211
Макарий 291
Макаров 433
Маковкина 291
Маковский В.Е. 428
Максимов 109
Максимов С.В. 108, 112, 287, 327, 380, 612
Малиган М.Ф. 526
Маликов 138, 147
Малиновский В.Ф. 378
Малиновский Р.Я. 76
Малм 99
Малышева Е.В. 566
Маметкул 298
Мамонтов Д. 415
Манжос Д.Ф. 611, 672

Мансуров И. 228, 298, 299
Мансурова Ц.Л. 143
Манторова О.П. 59, 61, 83
Мантурова 452
Марацевич Л. 183
Мария Федоровна, великая княгиня 254
Марк К.И. 429
Маркс К. 127
Марков С. 432
Мартен 202, 345
Мартыненко Н.А. 181
Мартыненко П.Я. 172
Мартынов Л.Н. 213, 216, 432, 647
Мартьянов П.К. 114, 343
Марфин В.И. 181
Марченко Е. 163
Маслаков Г.В. 146, 156
Масленников А.А. 155, 156, 159, 161, 162, 520 – 522
Массарик Т.Г. 121, 620
Матвеев А.И. 566
Матигоров 356, 394
Матриев Б. 391
Матющенко В.И. 73
Мачтет Г.А. 219, 649
Медведева О.И. 114
Медовщиков 287
Мезенцев В.С. 66
Мейерберг А. 707
Меландер В.А. 35
Меллер-Закомельский А.Н. 142, 629
Мельников А.Е. 174, 175, 484, 496
Мельников М.А. 184
Менде 122
Менделеев Д.И. 114, 115, 226, 260, 261, 282, 301, 302, 307, 315, 515, 653
Меншиков А.А. 476
Меншиков А.Д. 359, 449, 471, 472, 476, 706
Меншикова А.А. 476
Меншикова М.А. 51, 476
Мерзляков Ф.М. 185
Метелев И.Н. 190
Мещеряков Д.И. 329
Мещерякова А.М. 224
Мигурская А. 380, 381
Миддендорф 218
Мизгирев 157
Мизюрин Е.Я. 181
Микешин М.О. 45
Микинина И.С. 157
Микрушин 155
Миллер Г.Ф. 16, 360, 399, 461, 606, 689
Миллер К. 156, 158
Милонов 133
Мингалеев 165
Минин Е.А. 210
Михаил Федорович, царь 354, 358, 499
Михайлов 308, 315, 346
Михайлов М.И. 221, 226, 260, 301, 381, 382, 650
Михайлов Ф.Е. 217, 647
Михайловский Н.К. 124
Михайловский-Данилевский А.И. 328, 670
Михаленко С.К. 166
Михельсон М.П. 65, 493
Мичурин И.В. 427, 465, 696
Мишонов А.П. 530
Могила П. 428
Могильников В.А. 567
Моисеев В.В. 193
Мокри 183
Мокрых А.Г. 163
Молодов А.П. 129
Молотов 436
Молотов (Скрябин) В.М. 304, 701
Молотов В.С. 444
Молотов К.М. 121
Молотовников С.П. 137, 148
Молчанов, 286
Момбеле (Момбелли) Н.А.
Монташев Д.С. 181
Монташев С.Ф. 177
Мороз В.И. 70
Морозов, агент Омской железной дороги 133
Морозов, председатель Тарского горисполкома 187
Морозов В. 111
Морозов Е. 193
Морозов С. 139
Мочалов С.П. 320, 666
Мошинская В.И. 71, 452
Мультановский М.П. 491
Муравьев А.З. 375, 681
Муравьев А.М. 262, 303, 308, 332, 515, 657
Муравьев Н.М. 377, 515, 683
Муравьева (Бракман) Ж.А. 332, 671
Муравьева (Чернышева) А.Г. 221, 377, 379, 650
Муравьев-Апостол М.И. 13, 50, 222 – 225, 273, 276, 280, 293, 308, 652
Мурашкинский К.Е. 79
Мусоргский М.П. 217
Муханов П.А. 515, 719
Мушкетов И.В. 504, 529, 717
Мясковский Н.Я. 216
Мясников 187
Мясной И. 299
Мятлев 115
Нагая М. 325, 668
Навроцкий А.А. 481
Назаров 187

Наполеон I 328, 330, 431
Нарышкина (Коновницына) Е.П. 378, 683
Наумов, писатель 206
Наумов М.В. 133
Наумов Н.И. 203, 204, 518
Неверович 525
Невольникова М.С. 429
Ней М. 44, 670
Нейбут А.Я. 149, 150 ,156, 157, 160, 162
Некрасов 433
Некрасов А.Н. 376, 377, 379
Некрасов П.С. 143, 630
Немчинов 109
Немчинов Я.А. 80
Непряхина Е.Ф. 291
Нерадовский П.И. 49, 526, 722
Нерон 377
Нестеренко Д. 177
Нестеров А.П. 124, 624
Нестерович 147
Нефес 355, 393
Нечаев С.Г. 651
Никитин 187
Никитин Н.И. 173
Никитина А. 429
Никифоров 439
Никифоров М.С. 161
Николаев 349, 445
Николаев А. 475
Николаев В.Е. 191, 641
Николай I 326, 375, 423, 494, 515, 518, 617
Николай II 253
Николенко Н.Ф. 447
Новиков В.М. 185
Новиков И.Н. 25
Новиков Ф.М. 185
Новицкий Г.А. 40, 41
Новоселов 617
Новоселов А.Е. 17
Носилов К.Д. 477 – 479, 481, 482, 709, 710
Нювервиль де 120
Оболенский Е.П. 375, 681
Обручев В.А. 83, 118, 406, 450, 457, 619
Овсянников 139, 165
Огарев 381
Огородникова Л.И. 14
Огурцов С.А. 25, 59
Одоевский А.И. 285
Одынь Э. 154, 161
Озерский Д.М. 158
Озолин Иван Юрьевич 449, 567
Озолини Я.П. и П.П. 157
Озолинь П.П. 157, 163
Озолинь Э.П. 157
Окулов А.И. 149, 150
Окулова 154
Окунев А.Ф. 70
Оландер 35
Оленич-Гнененко А.П. 211, 213, 216, 432, 433, 614, 697
Олизар 380
Омулевский (Федоров) И.В. 206, 644
Он-Сон 387
Орленев П. 143
Орлов 165, 341
Орлов В.И. 490
Орлов Ю.А. 497, 499, 715
Осадчий А.Н. 526
Осипов Г.А. 348
Осокин 433
Остерман Г.И.Ф. 472, 706
Ошурков В.А. 124
Павел Петрович, великий князь 223, 254
Павлинов 206
Павлов 281, 282, 302
Павловский А.М. 348, 674
Павшенко И.Д. 339
Палашенков Н.Ф. 50
Палашенков О. 534
Палашенков Ф.М. 44, 541
Палашенкова А.Г. 44
Палашенкова А.М. 46
Палашенкова И.Ф. 541
Палашенкова Н. 562, 563
Палашенкова Е.Ф. 44, 50
Палашенкова У.Ф. 44, 50
Паллас П.С. 60, 83, 99, 313, 321, 358, 359, 386, 399, 400, 461, 487, 494, 496, 498, 608
Пальм А.Н. 115
Пальцев 178
Панкратьев А.С. 185
Панкратьев Д.В. 185
Панов 63
Пантелеев 156
Пантелеев Л.Ф. 383
Панфилов М.И. 192
Панфилов Н.И. 192
Парицкий Г. 186
Парняков (Порняков) П.Ф. 161, 720
Парфенов Г.С. 439
Паршакова И.В. 14
Пасек П.П. 530
Пастырник Л. 510
Патрушев С.П. 451
Пауль Р.И. 49
Пацкий С. 181
Пашков Д.П. 159
Певцов 404
Певцов М.В. 17, 83, 124, 204, 205, 403, 427, 494, 539, 619, 624
Пенкус П. 164
Пепеляев А.Н. 621

Перов В.Г. 226, 260, 301, 307, 653
Перовская С.Л. 218, 648
Перовский В.Л. 218, 648
Перфильев И.М. 392, 687
Пестель И.Б. 518, 527, 671
Пестель П.И. 527
Петр I 93, 228, 237, 00, 306, 355, 356, 359, 393, 396, 428, 458, 471, 472, 476, 498
Петр II 476
Петрашевский М.В. 349, 609
Петров, партизан 190
Петров, революционер 136, 156
Петров А.И. 70, 73
Петров И.Ф. 10, 27, 604, 676
Петров П.Е. 450, 467
Петрова Л.П. 450
Петровская А.П. 52, 56, 227
Петрович 161
Петрухо 148
Петрушенко И.В. 178
Пешкин И. 202
Пещеров П.Е. 455
Пидопличко И.Г. 67
Пиетомин Ваули 53
Пинчук А.И. 492
Пиотровский Р. 80
Пирогов 187
Пирожков 206
Писарев С.П. 31
Пителимов А.П. 190
Платон (Руднев), епископ 723
Платонов С.Ф. 530
Плеханов Г.В. 204
Плещеев А.Н. 332
Плотников Н.А. 66 – 68, 70, 74, 79, 81, 440, 447, 491 – 493, 700
Плотников Ф. 397
Плотов 452
Плотский П.М. 186
Победоносцев К.П. 209
Поварницын А. 85
Поворотников А. 162, 163
Погодин В.А. 635
Погодин М.И. 47, 530, 567
Погодин М.П. 530
Подкорытов 187
Поздняков В.И. 446
Поклевский-Козел 207
Покрасс 440, 701
Полозов И.П. 181
Полищук И.П. 177
Половников 109
Полозов Г.П. 181
Полухин 431
Полущинский Е.П. 608
Поль П.Г. 378
Поляков Д.Н. 638
Поляков И.С. 120, 619
Померанцев К.М. 108
Помус М. 567, 569
Понятовский Ю. 669
Попков П.Ф. 189
Попов, врач 380
Попов, революционер 165
Попов И.Ф. 448, 450
Попов К.А. 128, 129, 131, 211
Попова Л.И. 339
Порняков 521
Портных И.Р. 177
Потанин Г.Н. 83, 105, 115, 117, 118, 120, 124, 206, 403, 427, 450, 457, 494, 496, 498, 501, 617
Потапова 431
Праман П.И. 617
Преносил Вл. 147
Пржевальский Н.М. 20, 48, 83, 120, 124, 205, 494, 508 – 510, 529, 619
Привалов 165
Пригожин А.Г. 721
Пришвин М.М. 47
Прокопьева М.П. 438 – 440
Прокофьев 332
Пронский П.И. 499
Просвиряков Д.М. 187
Прусаков В.А. 170
Пугачев Е. 111
Пугачева О.Д. 14
Пузиков 181
Путаракина М.Н. 429
Путилов Г. 397
Пушкин А.С. 74, 78, 221, 284, 286, 287, 290, 293, 294, 301, 306, 308, 314, 349, 377 – 380, 512, 513
Пушкина (Гончарова) Н.Н. 430
Пущин И.И. 286, 287, 293 – 296, 379, 514, 515, 661
Пьянзов 136
Рабинович М.М. 159, 161, 520 – 522
Рабинович М.С. 25
Рагузинский 98
Радищев А.Н. 84, 112, 220, 226, 260, 01, 307, 308, 315, 322, 371, 372, 374, 189, 650
Радо Э. 162, 163
Радонежский С. 360, 362
Раевский В.Ф. 221, 328, 329, 380
Разбежкин Т.М. 141
Разгуляева Е.П. 63, 187, 188, 490, 640
Раскольников 336, 339, 402
Распутин Г.Е. 726
Рассказов 524
Рассохин 136, 156
Рассохин Р.С. 175
Растрелли 307
Редков Н.Н. 33, 35 – 37, 39
Редриков С. 397

Резанов 251
Ремезов С.У. 94 355, 367, 392, 678
Ремизов А.В. 12, 14, 24, 27, 44
Ренард К.Г. 60
Ренат И. 394
Репин И.Е. 428
Репкин Ф.Н. 184
Ржевская Г.И. 371, 680
Римский-Корсаков 122
Роборовский В.И. 120, 619
Рогозин Г. 190
Рогозин Л. 190
Родионов 227
Рождественский 76
Розанов В.Е. 320, 666
Розе Г. 400, 494, 689
Розен (Малиновкая) А.В. 378, 684
Розен, барон 515
Розен А.Е. 376, 682
Розен В. 375
Розен Д.Е. 376
Романов А. 182
Романенко М.П. 480
Романовский В.С. 429
Романченко В.К. 181
Романчук М.И. 190
Ромодановская А.Т. 69
Рослов 193
Росомахин П.А. 56
Ростовцев Я.И. 114
Рошевский П.И. 567
Рубановская Е.В. 371, 374
Рублевский Н. 189
Рудзинская 431, 454
Руднев Н. 526
Румянцев, артист 37
Румянцев, начальник штаба 193
Румянцев С.С. 430
Рунсберк 286
Рунцевич К. 188
Русаков М.С. 163
Русакова 431
Русанов М. 156
Руссияк 151
Русяйкина С.П. 21, 57
Рыбаков 187
Рыбаков Б.А. 73, 492
Рыбин Н.С. 184
Рыбицев 165
Рыбкин П.К. 178
Рыженко В.Г. 14, 26
Рылеев К.Ф. 334, 389
Рытов А. 496
Рычков 399
Рязанов 189
Саблер 526
Саблин 442
Савин Н.И. 33, 35 – 37, 530
Савичева 453
Садовникова П. 63
Садырин М.М. 59, 60, 79, 702
Саенко П.Р. 126, 625
Сазонова О.Ф. 567
Салимов 165
Сальманов 165
Сальников Д.П. 55
Саля Ф. де 296
Самодурова Е.А. 25, 437, 438
Самосудов В.М. 25
Санг 397
Сапожников В.В. 118, 405, 690
Сапожников М.И. 567, 568
Сараханов К.К. 210
Саргачик 387
Сафронова Н.И. 71
Свердлов Я.М. 149
Светецкий Г.Г. 126, 625
Свиерский (Свирский) П. 394, 496
Свиридовский О.А. 14
Свистунов П.Н.289, 290, 292, 293, 661
Сгибнев 209
Северцов (Северцев) Н.А. 403, 494, 690
Севостьянов 138
Седельников А.Н. 17, 19, 79, 319, 320, 450, 457, 646
Сейфулина Л. 432
Сейфуллин С. 209, 210
Селедков 442
Селюк 165
Семенов А.С. 420
Семенов В.Ф. 67, 450, 457, 467, 700
Семенов Г.М. 109, 152, 613
Семенов С.М. 113, 262, 281, 290, 303, 311, 357, 401, 494, 514, 616
Семенова Е.С. 450
Семененко Т. 164
Семенов-Тянь-Шанский П.П. 83, 104, 105, 401, 494, 506, 529, 612
Сент-Лоран де Н.В. 113, 379
Сервантес М. де 332
Сергеев 442, 449, 454
Сергеева Н.А. 25
Серебрякова К.В. 433
Серов Ф.П. 56
Сеядко В.К. 568
Сибиряков А.М. 403, 690
Сигало М.Е. 432
Сигутов П.Т. 25
Сидельников 165, 206 – 208, 214
Сидоренко П.И. 177
Сидоров А. 137
Сильва 187
Симонов Р.Н. 143
Симоныч 191
Сироцинский 112
Сиязов М.М. 17, 67, 79, 211, 212,

320, 646
Скалозубов Н.Л. 452, 456, 457, 461, 467, 701
Скалозубова А.В. 452, 456
Скалон А.А. 327, 328
Скальский К.Ф. 17, 18
Скрынников Р.Г. 686
Скубневский В.А. 628
Скрябин К.М. 197
Славинский Я.А. 85, 180
Сливко А.С. 18
Сливко М.Е. 190
Словаков 65, 352
Словцов И.Я. 10, 16, 17, 20, 26, 120, 124, 427, 620
Словцов П.А. 52, 262, 280, 282, 291, 303, 308, 326, 384, 462, 615, 658
Слюнков Г.В. 454
Сметанин И.С. 447
Смирнов А.П. 367
Смирнов И.Н. 170, 637
Смирнов , профессор 84
Смирнов М.И.
Смирнов М.М. 176
Смирнова Е.И. 40
Смольников Г.Е. 640
Смыслов 450
Содырин М.М. 447
Сокк 193, 194
Соколов 399
Соколов Н.Ф. 320, 666
Соколов Ю.А. 568
Соколова Н. 429
Соколов-Микитов И.С. 35, 37, 47, 90, 439, 568, 699
Соллогуб В.А. 618
Солнцев 287
Соловьев С.М. 530
Соломахин Н.В. 184
Соломонов 375
Солунский Дмитрий 116
Сомов 396
Сомов С.Г. 218, 648
Сомье 120
Сорокин А.П. 14
Сорокин А.С. 212, 213, 216, 248, 431, 444
Сорокин Е.С. 248
Сорокин Н.П. 150
Сосков 146
Спасский И.Г. 49
Сперанский М.М. 83, 488, 616, 712
Спешнев Н.А. 383
Спиридонов М.Д. 67, 79, 450, 457, 461, 467, 700
Спиридонова Т.М. 440, 457
Сталин И.В. 21, 60, 310, 444
Станиславов Б. 390
Станчинский В.В. 35
Старков В.В. 133
Старков И.П. 141
Старков М. 133
Старкова А.М. 133
Стасов В.П. 22, 77, 116, 351, 617
Стеллер (Штеллер) Г.В. 667
Степанов 375, 376
Степанов С.П. 437, 438, 442
Стерлигов 526
Стешнев Н.А. 609
Столповская Н.М. 53, 56, 60, 73, 82, 429, 437, 441, 444, 462, 699
Страхов А.П. 64, 146, 178
Струве К.В. 501
Струков 196
Ступин П. 394
Стыше 155
Суворов 381
Суворов А.В. 382
Суворова Е.И. 540
Судакова А.З. 64
Суздальцев 177
Сукин В. 299
Сулима Н.С. 2528,
Сулоцкий А.И. 16, 18, 120, 124, 320, 351, 620
Сумароков П.П. 226, 260, 301, 428, 653
Суриков В.И. 447, 472, 476, 706
Суров 164
Суровцев 138, 165
Суслов Д.С. 53, 54
Суслов Я.М. 185
Суханов 165
Сухинина Е.Д. 569
Сухомлинов Н.А. 120, 617, 620
Сыров Е.М. 49, 526
Тайшин И.М. 54
Танцова Е.В. 40, 41
Тараканов 224
Тараканова Ю.В. 224
Таранников В.Т. 184
Тарасова 454
Тарасова Л.В. 530
Тарлышев А.А. 185
Тарлышев Л.А. 185
Татаринов 113
Татаринов С.Е. 616
Таубе А.А. 108, 109
Тварковский Ю.В. 126
Тверитин В.Д. 121, 122
Телятьев 118
Тенишева М.К. 31, 45, 47
Теремязев И.П. 444
Терещенко Л.М. 14
Тизенгаузен В.К. 293, 294, 514, 662
Тимирязев К.А. 452, 456, 703
Тимонин Ф.С. 184

Тимофеев 165
Типухин 443
Тисецкая 190
Тихова А.Н. 157
Тихонов 176
Тихонова А.В. 30
Токаржевский Ш. 337, 338
Толочко А.П. 26
Толстой А.Г. 254
Толстой А.Н. 472
Толстой Л.Н. 213, 286, 531
Торопов 134
Третьяк П.И. 441
Троицкий 201, 343, 345
Тропаревский С. 717
Трофимов А.Я. 30
Трубецкая (Лаваль) Е.И. 221, 376, 377, 379, 650
Трубецкой С.П. 682
Туполев А.Н. 604
Турицына Е.Н. 14
Туркин 255
Тухачевский А.М. 46
Тухачевский М.Н. 122, 123, 193, 622
Тыляка 391
Тюрин Д.А. 434
Тюрк Г.А. 40, 41
Тюфин 402
Удалов 148
Ужгин С.С. 208
Уксусников Я. 362, 364
Умнов К.А. 35
Унгерн Штернберг Р.Ф. фон 195, 642
Унковский И. 397 – 399, 496, 714
Урасов 396
Урманов К. 213
Усиевич 122, 308, 315
Усов 165, 206
Усов И.Н. 124
Усов М.А. 18, 211
Усов Ф.Н. 1, 120, 619
Усольцев 134
Усольцев П. 183
Успенский П.С. 150 – 178
Устинов А.А. 39 – 42
Устинов Д.Г. 192
Устьянцева И.Г. 166
Утков В.Г. 442, 451, 568, 701
Уфимцев 213
Ушатов (Ушатый) П. 477, 709
Ушинский К.Д. 212
Фадеева (Богомолова) А.П. 158
Фальк И.П. 16
Фальк М. 100, 399
Федин К.А. 216
Федор Алексеевич, царь 300, 326
Федор Иванович, царь 228, 298
Федоров 151
Федоров Г.А. 568
Федоров П., 358
Федорова А. 475
Федосеев М.А. 439, 440
Федосеев Н.Е. 218, 648
Федот Огурец 325
Федотов 165
Федотов В.Н. 125
Федотов С.П. 166
Федюшин А.В. 492
Феодосий, митрополит 29
Фиалков Д.Н. 25, 66, 85, 605, 715, 716
Филинков 165
Филиппов 524
Финкельберг 37, 40
Финш О. 83, 403, 619, 690
Фихте И.Г. 289
Фишер И.Е. 461
Фламмарион 215
Флеминг Р.Г. 49
Фок А.А. 114, 375, 616
Фоменко 527
Фомичев М. 182
Фонвизин Д.И. 285
Фонвизин И.А. 295
Фонвизин М.А. 13, 261, 71, 22, 279, 284 – 287, 289 – 291, 294, 295, 303, 308, 332, 434, 514, 542, 657, 660
Фонвизина (Апухтина) Н.Д. 285 – 296, 308, 333, 343, 378, 660
Фост Г.А. 403
Фохт И.Ф. 476, 514, 708
Франк 345
Франк (Пфейлицер) 345, 673
Франко 190
Францев 515
Францева М.Д. 286, 290, 291, 295, 333, 343, 347
Фрауендорф К.Ф. 357, 494, 714
Фрей 163
Фриде М.А. 526
Фрумкин М. 170, 637
Фрунзе М.В. 124 – 126, 198, 199, 317, 505, 718
Фурман А.Ф. 514
Фурцева З.Г. 66, 89
Фучик Г. 510
Фэн Цзя-Шен 510
Хабаров 134
Халидин 165
Халтурин 134
Хапуев О. 482
Харин, священник 224
Хахаев М.М. 23, 94, 612
Хаханьян 193, 94
Хачатурян А.И. 216
Хвалищенко 181
Хворинов И.Г. 614, 627, 628, 630
Хестрем А.П. 626

Хельмицкий (Хелмицкий) Н.А. 350, 674
Хитрово В.Н. 79, 461, 467
Хломенок Н.Д. 62, 179, 465
Хлопов В. 390
Хмельницкий З.Б. 46
Хованский 343
Ходкевич Д.М. 221, 383, 685
Хозеров И.М. 37
Хоментовский М.М. 105, 612
Хомяков А.С. 319, 666
Хомяков Н.А. 47, 530, 725
Хоржевская А.С. 219, 649
Хотеенков П. 138, 143, 145
Хренников Т.Н. 216
Хрипунов П. 111, 615
Хрусталев 165
Хрущев А.П. 444, 701
Худяков 206
Худяков И.А. 221, 383, 644
Хуснутдинов Г.Г. 185
Цебриков Н.Р. 114, 375, 617
Цирулис 176
Цицин Н.В. 427, 696
Цэван Рабтан 397
Чайкины С. и Н. 177
Чаймулин 165
Чебуханов Г.В. 638
Чепалов С. 397
Чеплевский А.А. 35, 42, 43
Черемных С.Г., 156, 160
Черепанов 149
Черепанов И. 95, 102, 341, 350, 609
Черпанов К. 609
Черепов 176
Черкасов А.И. 476, 708
Черкасский Д.М. 390, 687
Черкашин 287
Чернавин Ф.Л. 627
Чернецов В.Н. 71, 449, 452, 479, 702
Чернов 433
Чернов А.С. 184
Чернов Г.И. 125
Чернов П.К. 184
Черноков Н.Ф. 71
Черноскутов 438
Черных С.Е. 716
Чернышев Г.И. 377
Чернышев Л.А. 634
Чернышевский Н.Г. 124, 221, 226, 260, 301, 308, 315, 382, 383, 512, 651
Черский И.Д. 218, 484
Чертова Н. 248
Чехов А.П. 83, 219, 220, 322, 404, 485, 487
Чибисов Т. 177
Чижов Н.А. 106, 107
Чичерин Д.И. 111, 615
Чулков Д.Г. 228, 299, 653
Чулков М.Д. 462, 499, 716
Чукреева В.В. 14
Чунчин В.Я. 156, 157
Чурсин А.П. 184
Чурсин И.И. 184
Чурсин Н.И. 184
Чурсин Н.Ф. 184
Чурсин П.И. 184
Чурсин С.Ф. 184
Шабунин В.Д. 181
Шаланухин М.А. 178
Шалыга П.Л. 181
Шаманский М.Ф. 641
Шамов К.И. 167, 168, 309, 547
Шамоди 163
Шамшин Г. 161
Шанина М.А. 627
Шанцер В.Л. 128, 129, 131
Шаньгин М.У. 193
Шарангович П.М. 193
Шатровский 432
Шафиров П.П. 359
Шахирев А.И. 514
Шахов Н. 479
Шаховской 354, 358
Шванг 397
Шварц 374
Швецов С.П. 219, 649
Швецова (Лаврова) М.В. 219, 650
Шебалин В.Я. 213, 216, 217
Шевелев Л.Ф. 35
Шевченко 136, 156
Шекспир В. 332
Шеллинг Ф.В.И. фон 289
Шеломенцев А.И. 186, 640
Шеломенцев Т. 186
Шелудков 252
Шелюко С. 640
Шенрок А. 286 – 288, 661
Шереметев (Шереметьев) П.В. 663
Шереметев (Шереметьев) Б. 476, 663
Шереметева Е.Б. 514
Шереметьев С.Д. 39, 40, 41, 47
Шереметьев П.С. 40, 300
Шестакова Л.И. 530
Шестинский 99
Шишкин И.И. 82, 428
Шишов А.Н. 444
Шкудо В. 568
Шлагинтвейн А. 104
Шлихтер 122
Шмакова А. 429
Шмальц Г.Г. 452
Шмаров Ю.Б. 39
Шмидт 120 196
Шмидт С.О. 9, 27
Шнайдер 520
Шнейдер А.Д. 156, 160

Шокальский 112
Шпрингер И.И. 74, 78, 79, 99 – 101, 321, 358, 667
Шредер И.Н. 508, 718
Штанин Н.Ф. 320, 461, 467
Штауберт А.Е. 643
Штейнгель В.И. 205, 218, 290, 648
Штернберг П.К. 123, 622
Шуйский В. 669
Шумаков 440
Шуминов К.К. 172
Шуркевич М.И. 190
Шуркин 516, 518, 519
Шуркин П.А. 446, 516, 518, 519, 724
Шутов А.П. 63
Шухман М.И. 645
Шухов В.И. 248
Шухов В.М. 329
Шухов И.Н. 67, 79, 125, 213 – 215, 248, 329, 441 – 443, 447, 461, 467, 625
Шухов Ю. 441
Шютце 120
Щекотов К.Н. 440, 449, 455, 700
Щемелинин С.П. 182
Щемелинин Ф.П. 182
Щепановская Н.И. 3, 35 – 37
Щепановский А.Д. 526
Щербатов М. 299, 663
Эзет Э.И. 207, 210, 630, 645
Эзит Э. 154
Эйдеман Р.П. 149, 633
Эйнорович А.С. 645
Эйсмонд В.И. 446
Элкснис 164
Энгельгардт А.И. 531
Энгельгардт П.И. 542
Энгельгардт С.Я. 531
Энгельс Ф. 127, 306, 517
Эпштейн В.В. 492
Эпштейн М.Я. 187
Эренбург (Эренберг) Х.Г. 400, 494, 689
Эскин Л. 397
Этыгаров М. 397
Юдичев Ю.Ф. 704
Юрасова М.К. 516 – 519, 720
Юрков Е. 164
Юрчук 165
Юшневская (Круликовская) М.К. 379, 684
Ядринцев Н.М. 17, 117, 120, 203, 205, 206, 345, 427, 517, 615, 617, 618, 645
Якимова 433
Якобсон 182, 183, 491, 639
Яковлев В.Ф. 659
Яковлев Н.Н. 109, 110, 138
Яковлев С.М. 14, 524, 526, 568, 569, 721
Якубенко 14
Якубович А.И. 375, 515, 681
Якутов И.С. 135
Якушкин И.Д. 293, 312, 514, 664
Янковский А. (Зеленски Л.) 381
Яновский Н. 569
Яночкин С.М. 527
Янтальцев (Ентальцев) А.В. 312, 378, 476, 664
Янтальцева (Ентальцева, в девич. Лисовская) А.В. 683
Яныш 389
Ярославский Е.М. 195 – 197, 642
Ясин 434
Ястружембский И.Ф. 332, 333
Яунзем Э.Ф. 182
Яхонтов Н.С. 526, 723
Яцкин Г.А. 320, 666
Яцкин И.А. 61
Яшеров П.Б. 383
Яшерова Л.А. 383
Ящина Л. 131, 132

Список архивов и энциклопедий

БРЭ	Большая Российская Энциклопедия
БСЭ	Большая Советская Энциклопедия
ИЭС	Историческая Энциклопедия Сибири
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ГИАОО	Исторический архив Омской области
МИА	Материалы и исследования по археологии
ОГУ ГАСО	Государственный архив Смоленской области
ПТКЛА	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
ССЭ	Сибирская Советская Энциклопедия
ЦГА ВМФ	Центральный государственный архив Военно-морского флота
ЦГВИА	Центральный государственный военно-исторический архив
ЭСБЕ	Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.

Аббревиатуры

АН СССР	Академия наук Союза Советских Социалистических республик
ВАСХНИЛ	Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина
ВГО	Всесоюзное Географическое общество, Географическое общество Союза ССР (1938 – 1992)
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (1925 – 1952 гг.)
ВЛКСМ	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (1918 – 1991)
ВООПИК	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВХНРЦ им. Грабаря	Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря
ВЦИК	Всероссийский Центральный Исполнительный комитет (1917 – 1918 гг. – высший орган власти Российской Советской Республики, 1918 – 1937 – высший орган власти РСФСР)
ГИМ	Государственный исторический музей
Горисполком	Исполнительный комитет городского Совета народных депутатов (1938 – 1990)
Горкомхоз	Городской отдел коммунального хозяйства
Горкультотдел	Городской отдел культуры
ГорОНО	Городской отдел народного образования
Губбюро	Губернское бюро
Губисполком	Губернский исполнительный комитет
Губком партии	Губернский комитет партии
Губполитпросвет	Губернский отдел политического просвещения
Губпродкомиссар	Губернский комиссар по продовольствию (1918 – 1920)
ЗСОИРГО	Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, с 1920-х – ЗСОРГО (Западно-Сибирский отдел Русского географического общества)
Губоно	Отдел народного образования исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
Заготзерно	Хлебозаготовительная организация, орган приемки, хранения и распределения хлеба (1921 – 1940)
ИИМК	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИТЛ	Исправительно-трудовой лагерь

КазССР	Казахская Советская Социалистическая Республика (1936 – 991)
Карлаг	Карагандинский исправительно-трудовой лагерь
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза (1952 – 1991)
КСХС	Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Королевство Югославия (1929 – 1941)
ЛГУ	Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
Мелиоводстрой	Контора по производству водохозяйственных мелиоративно-строительных работ
Наркомпрос (НКП, НКПрос)	Народный комиссариат просвещения (1920-е – 1930-е гг.)
НИИ	Научно-исследовательский институт
НОУ	Научное общество учащихся
ОБК	Областное бюро краеведения
Облисполком	Исполнительный комитет (орган) областного Совета народных депутатов (1938 – 1990)
Облит	Областной отдел Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит) (1922 – 1991)
Обллегпром	Областной отдел легкой промышленности
ОблОНО	Областной отдел народного образования
Облплан	Областной плановый комитет (подразделение Госплана – Государственного планового комитета СССР)
Облпролеткульт	Областные пролетарские культурно-просветительные организации (1917 – 1932)
Облсовпроф	Областной совет профессиональных союзов (профсоюзов)
Облторготдел	Отдел торговли Исполнительного комитета областного Совета народных депутатов
Облфинотдел	Финансовый отдел Исполнительного комитета Областного совета народных депутатов
ОГИК музей	Омский государственный историко-краеведческий музей
ОГМИ	Омский государственный медицинский институт
ОГПИ	Омский государственный педагогический институт им. А.М. Горького
ОГПУ	Объединенное Государственное Политическое Управление при Совете Народных комиссаров (1923 – 1934)
ОИРУ	Общество изучения русской усадьбы
ОмГУ	Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омгубисполком	Омский губернский исполнительный комитет (1920-е гг.)
Омгубревком	Омский губернский революционный комитет (1919 – 1920)
Омский Отдел ГО СССР	Омский Отдел Гражданской обороны Союза Советских Социалистических республик
Райзо	районный земельный отдел
Реввоенсовет (РВС)	Революционный военный совет республики (1918 – 1934)
РККА	Рабоче-Крестьянская Красная армия (1918 – 1922 – название Сухопутных сил РСФСР, 1922 – 1946 – Сухопутных сил Союза Советских Социалистических Республик)
РКП(б)	Российская Коммунистическая партия большевиков (1918 – 1925)
Росснабсбыт	Управление снабжения и сбыта
РСДРП (С.-Д. партия)	Российская социал-демократическая рабочая партия (1898 – 1923)
СибВО	Сибирский военный округ
Сибвоенкомат	Сибирский военный комиссариат

Сиббюро ЦК ВКП(б)	Сибирское бюро Центрального комитета Всероссийской коммунистической партии большевиков
Сибгосопера	Сибирская государственная опера
Сибзакупсбыт	Союз сибирских кооперативных союзов (1916 – «Товарищество комиссии Сибирских Кооперативов по закупам и сбыту «Закуп-сбыт»; 1917 – 1920 – «Союз Сибирских Кооперативных Союзов «Закуп-сбыт»)
СибкрайОНО	Сибирский краевой отдел народного образования
СИБНИИСХОЗ	Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
Сибнаробраз	Сибирский отдел народного образования
Сибревком	Сибирский революционный комитет (1919 – 1925)
СКВ	Сибирское казачье войско (XVIII в., с 1808 г. – положение о Сибирском линейном войске – 1919)
СКР	Союз краеведов России
СНК	Совет народных комиссаров (1917 – 1923 – СНК Российской Советской республики, 1923 – 1946 – СНК СССР)
УНКВД	Народный комиссариат внутренних дел республики, края, области (1934 – 1946)
ЦК (до весны 1917: ЦК РСДРП; 1917—1918 ЦК РСДРП(б); 1918—1925 ЦК РКП(б); 1925 – 1952 ЦК ВКП(б)	Центральный комитет коммунистической партии СССР
ЧК	Чрезвычайный комитет, ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (1917 – 1922)
ЧОН	Части особого назначения (1917 – 1925)

Список сокращений

Б., бывш.	бывший
Г.	год, город
Га	гектар
Д.	дело
Д.	деревня
Дм	дециметр
Др.	другие
Им.	имени
Км	километр
М	метр
Мм	миллиметр
Н. э.	новая (наша) эра
Наб.	набережная
Обл.	область
Ок.	около
Оп.	опись
Пер.	переулок
Пл.	площадь
Пр.	проспект
Проф.	профессор
Р. п.	рабочий поселок
С.	село, страница
См	сантиметр
Ст. ст.	старый стиль
Стр.	страница
Т.	том
Т. н.	так называемый
Т. д.	так далее
Тыс.	тысяча
Ул.	улица.
Ф.	фонд
Экз.	экземпляр

АНТОЛОГИЯ ОМСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

I
том

Избранные труды А.Ф. Палашенкова

Составители:
П.П. Вибе, доктор исторических наук
Е.М. Бежан, кандидат исторических наук
О.В. Блинова, кандидат исторических наук

Подбор иллюстраций,
составление списков архивов и энциклопедий, сокращений и аббревиатур:
О.В. Блинова, кандидат исторических наук

Корректоры:
Т.К. Вибе, И.Б. Згуровец

Фотографии:
фонды ОГИК музея, ГИАОО,
Народного музея революционной,
боевой и трудовой славы омских железнодорожников
ЗСЦНТИБ ЗСЖД – филиала ОАО «РЖД»;
краеведческих музеев Омской области
(Большереченского, Большеуковского, Калачинского,
Колосовского, Марьяновского, Седельниковского,
Тевризского, Тюкалинского);
П.П. Вибе, О.В. Блинова, А.В. Борисов,
В.Ф. Кудринский, И.И. Липовский, А.М. Лосунов, Н.А. Плотников, М.М. Фрумгарц.

Оригинал-макет подготовлен в информационно-издательском отделе ОГИК музея.

Омский государственный историко-краеведческий музей
644024, Россия, г. Омск, ул. Ленина, 23а
www.sibmuseum.ru

Издательско-полиграфический комплекс «Омскбланкиздат»
644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34.

Подписано в печать 02.12.2013 г.
Формат 70x100/16. Бумага офсет., мел. Усл. печ. л. 60,64.
Заказ 221358. Тираж 500 экз.